Е. Р. Романовъ.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СКАЗКИ
КОСМОГОНИЧЕСКІЯ И КУЛЬТУРНЫЯ.

ВИТЕБСКЪ.
1891.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СКАЗКИ
КОСМОГОНИЧЕСКІЯ И КУЛЬТУРНЫЯ

СОБРАЛЪ

Е. Р. Романовъ.

ВИТЕБСКЪ.

Типо-Литографія Г. А. Малкина.

1891.

Дозволено цензурою 22 Марта 1891 г. Вильна.

Послѣ четырехлѣтняго почти перерыва продолжаемъ свой Сборникъ.

Этотъ, четвертый, выпускъ первоначально предполагалось составить изъ сказокъ животнаго эпоса, космогоническихъ и культурныхъ и миѳическихъ; но затѣмъ обиліе матеріаловъ, поступившихъ во время печатанія, дало возможность ограничиться только космогоническими и культурными, число коихъ въ выпускѣ доходитъ до 170 №№.

Такимъ образомъ, настоящему выпуску приданъ характеръ нѣкоторой цѣльности, хотя разновременность поступленія матеріаловъ была причиною раздѣленія его на двѣ части.

Характеръ изданія нашего настолько опредѣлился, что мы находимъ возможнымъ обойтись на этотъ разъ безъ особаго предисловія. Заявимъ только, что большая часть предлагаемыхъ матеріаловъ собрана нами въ поѣздки, совершенныя на средства Географическаго Общества. Записи произведеній дѣлались, какъ и всегда, подъ диктовку казанниковъ, нами и отчасти нашими спутниками въ поѣздкахъ, гг. Буднецкимъ и Аникіевичемъ, въ нашемъ присутствіи. Нѣсколько №№ доставлено намъ лицами, намъ извѣстными и пользовавшимися нашими указаніями. Исключеніе составляетъ только гуторка *Бай* (стр. 174). Но ее мы и не причисляемъ къ произведеніямъ народной словесности.

Содѣйствіе къ возобновленію изданія намъ оказали слѣдующія лица и учрежденія:

Николай Александровичъ Сергіевскій, просвѣщенному участію котораго обязаны появленіемъ въ свѣтъ и два первые выпуска Сборника.

Князь Θедоръ Ивановичъ Паскевичъ, на бумагѣ котораго изданы четвертый и пятый выпуски.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, при матеріальной поддержкѣ котораго, вызванной участіемъ къ нашему труду академиковъ Я. К. Грота, А. Θ. Бычкова и А. Н. Веселовскаго, изданъ также и третій выпускъ.

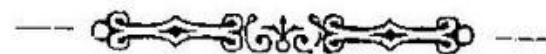
Русское Географическое Общество, оказывающее намъ постоянную помощь, и секретарь его А. В. Григорьевъ, съ самаго начала изданія относящійся къ намъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, которое мы весьма цѣнимъ и въ которомъ крайне нуждаемся...

Неизвѣстный намъ, къ глубокому сожалѣнію, рецензентъ нашего труда въ „Рус. Мысли" (ноябрь, 1887 г.), симпатичный отзывъ котораго помогъ намъ преодолѣть препятствія матеріальнаго свойства, задерживавшія изданіе дальнѣйшихъ выпусковъ. Заявляемъ объ этомъ, въ надеждѣ, что онъ сообщитъ намъ свое имя.

Пятый выпускъ, заключающій заклинанія, заговоры, апокрифы и духовные стихи, выходитъ вмѣстѣ съ симъ. Шестой и седьмой (сказки) готовятся къ печати.

Вообще, мы стараемся дѣлать, что можемъ.

Существующіе въ нашемъ трудѣ недостатки, которые мы отлично сознаемъ, объясняются, помимо причинъ вышеуказанныхъ, также крайнимъ недостаткомъ времени у издателя, ведущаго почти кочевую жизнь...



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Дополненіе.

СКАЗКИ
КОСМОГОНИЧЕСКІЯ И КУЛЬТУРНЫЯ.

КОСМОГОНИЧЕСКІЯ И КУЛЬТУРНЫЯ.

1. Богъ и Дяволъ.

Колись Господь ходивъ такъ по воздуху. Бача—пузыръ висить, и ў пузырѣ штось пищить. Господь спрашуя: „што ты тамъ такое пищишъ у пузырѣ?" А ёнъ говора: богъ!—„А хто-жъ я?"—А ты, кажа, надъ богамы Богъ! у пузырѣ отвѣтъ дае. „Ну, коли жъ я надъ богамы Богъ"... узявъ и разодравъ пузыръ. Вышовъ оттуль чаловѣкъ, съ пузыра, и иде пóплячъ изъ имъ. Иде. И тяперака говора Господь: „Якъ ба намъ съ тобою зямли отыскать? Потому хоть намъ безъ зямли тожа можно жить, а по настоящаму няльзя. Ё, говора, у вокіяни бязэднымъ зямля—иди ты достань оттуль: ты ето можашъ здѣлати!"—Господь говора тому уже товаришу свойму. Ну, той полѣзъ, узявъ зямли у руки и попрычь у ротъ; и тую, зъ рукъ, Богу отдавъ, а тую затаивъ отъ Бога. Потомъ Господь говора: „ну, мы жъ ету зямельку посѣямъ!" Господь зямельку посѣявъ; зямелька стала рость. И ў яго ў роти стала рость. Яму стало трудно тогды ўже. Пóтомъ ёнъ со трудовъ тыхъ кинувся отъ Бога и давай харкать, изъ рота зямлю выкидать. Идѣ харканѐ изъ рота поболяй, тамъ горы, курганы дѣлаютца,—идѣ зямли большъ выкинетца изъ рота; идѣ трохи харкане, тамъ ровнѣй; идѣ плюня—тамъ мохи, болоты. А тамъ усётыки трудно яму жить, што яна не отбавляетца у роти,—ростѐ. Пóтомъ Господь кажа на яго: „што-жъ ты, каа, окаянный, такъ дѣлаешъ отъ мяне? Потому, што первый ты у мяне, а потому дѣлаешъ такія неподобныя пóступки! Лукавый, каа, ты!" Ёнъ съ того страху говора самъ сабѣ: „дѣлать буду тое, што й ты, Господи!" Узыйшовъ вышай Бога и строя сабѣ житялству. Построивъ ёнъ житялству, Господь призывая Михайлу: „иди яго, окаяннаго, изгони! потому, ёнъ дѣлая лукаво!" Михайла устрашився,—опустився: ничого ня здѣлавъ яму. Михайлу Господь отвѣтъ дае: „Михаила, будь архангаломъ, а яго трэба оттуля збурйть, штобъ ёнъ такъ ня дѣлавъ!" Михайла устрашився, изновъ назадъ къ Господу: „Господи, говора: вялйко имя твоё, ўласть вялика—не могу!" говора. Тогды Михайлу говора Богъ: „вастрастилъ (архистратигъ) будь, а яго трэба спихнуть!" Ёнъ яго, бачъ, подвышуя, чины накладая, штобъ якъ ни якъ

а яго спихнуть. Ну, пóтомъ Михайла осиливъ; своимъ огнёмъ пякнувъ яго и осиливъ: ёнъ обурився и полятѣвъ оттуль. Пóтомъ говора окаянный,—пришовъ икъ Господу: „Господи, говора, не востави (остави) мяне, я покорюся табѣ!" Ёнъ говора: „што жъ ты ето, дяволъ, уздумавъ дѣлать?"—такъ на ёмъ означилось роги и хвостъ. А на ёмъ прежда ня було; а то якъ сказавъ Господь: дяволъ!—такъ роги и хвостъ. Тогды говора Господь: „проклятый ты! прогнявивъ ты Господа свойго! Видишъ, што Богъ твой будя дѣлать: погляди-ка ты, окаянный ты!" И ўзявъ, исъ красныя зямли здѣлавъ чаловѣка. Пóтомъ Господь отвярнувсь, а дяволъ разгарнувъ яго да плюнувъ у яго, етый, который лукавѣй. Тогды Господь говора: „лукавый, ты лукавишъ! Погляди, што Богъ будя дѣлать!" И ўсадивъ у етаго чаловѣка душу разумную и бязсмертную. Аще жъ Господь сказавъ: „погляди-тка, лукавый, ящѐ што здѣлаю; погляди, чимъ будя питатца чаловѣкъ!" Тяперака, занявъ Богъ зямли и здѣлавъ родъ товариччій—коровку. „Што жъ ты, лукавый, ня ўздумаешъ ничóго здѣлать, тольки зъ мойго дивись ся?"—Господи, говора: устрашився я тябе, ня могу ничóго придумать. Коли позволишъ, Господи, дакъ я хоть кóзочку издѣлаю сабѣ, коли позволишъ ты, Господи!.. Господи говора: „Дѣлай, окаянный, козочку сабѣ,—позволю!" Позволивъ Господь дѣлать козочку яму, ёнъ и ставъ дѣлать. Ляжить жа Богова коровка и яго козочка. Господь на свою дунувъ коровку, яна ўстала и пошла. „Окаянный, дми на свою козку, штобъ пошла!" Окаянный дмѐ, яна ня йдѐ, ляжить. Тогды ёнъ кажа: „Господи Божа мой, дуни на мою козочку, штобъ яна пошла—нема рады!" Господь дунувъ, козочка пошла. Пóтомъ Господь на перваго чаловѣка, здѣлавъ на яго имя Адамъ. Дунувъ, ёнъ уставъ, и живъ зъ Богомъ у раю. Стало пóтомъ яму скушно. Господь разузнавъ, што одному чаловѣку у раю скушно, ну, Адамъ увоснувъ, Господь явивсь яму уво снѣ и вынявъ рабро съ праваго боку и здѣлавъ яму жану,—Ева, названьня. Пóтомъ удвоихъ яны жили ня знали нiякiя... грѣху нiякаго ня мѣли. Тогды ставъ клопотать етый самый лукавый, штобъ якъ убратца туды къ имъ и прознустить ихъ. Которое було древо запрачанó Богомъ, дяволъ коснувся, и здѣлався гадомъ. Коснувся имъ и говора: „возьми ты не ў показнаго древа яблока поспробуй!" Господь етыя дѣла увознавъ, повялѣвъ етому древу гольлё поднять повышай, штобъ ня могли достать. Тогды гадъ зновъ явився: „Ева, говора: спробуй етаго яблока зъ естаго древа!" Ева пытая ў яго, у гада етаго: „што зъ естаго будя, якъ я поспробую?"—Сама собой будешъ богомъ, говора. Што Богъ зная, то й ты! Тогды Ева говора: „якъ жа мнѣ, говора, гадъ окаянный, знять, коли поднялось гольлё ўгору?" Гадъ етый ёй обязстивъ, што я ўласть мѣю достать табѣ!—Ну, коли можашъ, достань! Доставъ. Яна одного

разу ўкусила того яблока, изъ запрачбного древа, ну на ёй 'кашилось тое, якъ и на насъ тяперака на грѣшныхъ. Спрежда кожа на ихъ была утэтакая, якъ нохти, а посьли того здѣлалась утэтакая, якъ и тяперъ.

Тяперака, яна обвязала тѣло свое травой,—увознала стыдъ свой. Тогды подыйшла къ Адаму й гукая: устанька, покушай, поспробуй того, што й я покушала! Адамъ послухавъ яѐ и ўкусивъ, и получивъ той грѣхъ на сябе. Узявъ и ёнъ обвязавсь травой. Получивъ, бачъ, усё, якъ трэба, и тютьку и усё, якъ у чаловѣка грѣшнаго; а и ў яѐ, значитца, и цыцки стали, и усё, знатца, якъ у бабы, и типка. Ну, пбтомъ Господь пришовъ икъ имъ, гукая: „Адамъ и Ева пойдитя судъı!“ Адамъ отвѣтъ даѐ: Господи, мы ўже сограшили, говора.—„Хоть сограшили, а ходитя судъı!“ Пришли къ Богу травой по 'бвязуваны. „Адамъ, говора: што ето сукашилося на табѣ?“—Господи, говора: Ева дала мнѣ половинку яблока поспробувать; усяго тымъ я й грѣшанъ ставъ! Господь спрашуя: „Ева, а на табѣ што ето сукашилось такое?“—Господи, говора: явився гадъ и и здѣлавъ ето приключенія. Тогды Господь говора: „гадъ, говора: ходика судъı!“ Идѐ икъ Господу гадъ етый. Говора яму̀ Господь: „Гадъ! будуть люди топтать тябе ногамы за ето дѣло! А табѣ, Адамъ, вотъ табѣ копаницу, и ступай на зямлю изъ раю; ступай, говора, и копай землю! А ты, говора: а ты, Ева, будешъ призносить плодѝ отъ мужа, воли яго, и чижалѐ табѣ будя!“ Тяперъ ёнъ заплакавъ, зъ раю идучи, и отвѣтъ дававъ Богу: „благодару табѣ, Господи! Тяперъ мнѣ ня бачить прасвѣтлаго твойго раю и ня слышить Господняго гласу николи ўже!“...

Што Адамъ здѣлавъ на зямлѣ, сыйшовши? Здѣлавъ домъ огромный. У томъ доми було призлишно жить. А пбтомъ укоранилось дымъ и смбродъ у томъ доми, што Адамъ устроивъ,—дымъ и смбродъ. Тяперъ ёнъ гукая нема знать кого, Адамъ: „што було ў моёмъ доми хорошо, хто дѣлая у ёмъ няпріятность?“ Кричить у ёмъ. Явився къ яму̀ на етый крикъ господинъ одинъ. Пбтомъ говора: ето я, говора, дѣлаю смбродъ и дымъ! —„Ну, скажи способъ, говора,—на што ето ты дѣлаешъ: горко жить мнѣ у моемъ доми?“—Пбтомъ я такъ дѣлаю, штобъ ты со мной расписавсь! „Якую жъ намъ съ тобой расписку дѣлать, господинъ мой?“—А якую жъ? Што жъ ты живымы будешъ уладѣть и мяртвымы? Якимы жъ нябу̀дь и мнѣ трэба уладѣть!... Пбтомъ того Адамъ сказуя: „подожджика, я пойду свойму Богу помолюсь!“ Потуля молився, покудова пошла изъ вочей кровъ. Тогды явився янгалъ господѝнъ икъ яму и говора: „Адамъ, распишись изъ дяволомъ, штобъ твоѐ живыя, а яго мяртвыя. Пбтомъ, изъ сёмаго колѣна—Адамъ не робѣй—народитца Исуся. Ёнъ клятьбу ету разруша!“... Ну, уремя нѣскульки етому вялося. У дявола ўже много нa̍роду погибая мяртваго. Няприлишно Богу зъ нѐбеса гля-

дѣть, што яго народъ погибая. Господь собравъ своихъ янгаловъ къ сабѣ и спрашуя ў ихъ: „Сыны моѐ возлюбляпныя! ти ня можно помижда васъ кого-нѣбудь знайти, штобъ на зямлю сыйти и принять плоть чаловѣчацкую?“ Отвѣту Богу ни ядыный не сказавъ ничо́го. Такъ Господь отдяливсь: съ одного лица здѣлавъ три. По́томъ на 'дно лицо говора: „Сынъ мой возлюблянный! издѣлай тое благоволенія, которое зачинаетца! На зямлю трэба, сынъ мой, сыйтить и принять плоть чаловѣчацкую, перайти чаразъ мать-Маре́ю. Усё моё будя благоволенія у тябе, сынъ мой возлюблянный!“

Етому уремю нѣсколькн вялося. Такъ мати-Марея получила отъ Бога благодать. Явився янгалъ и говора: „радуйся, мати-Марея! На тябе найдя духъ святый, говора,—зачапешъ сабѣ сына возлюблѐннаго Исуса Христа!“ Мати-Марея ни ў доразумѣніи, отвѣтъ давала янгалу: потому, якъ ето й можа быть, я сабѣ й мужа ня мѣю? Янгалъ отвѣтовавъ: „Мати-Марея! потому, на тябе найдя духъ святый, и радуйся,—то жа не простый чаловѣкъ будя, наракуть яму̀ ймя Исусъ Христосъ, сынъ Бога живаго, возлюблянпаго!“ Мати-Марея кинулася икъ своимъ зродникамъ, похвалилася етымы поступкамы. Такъ зродники отвѣтъ давали: радуйся, благодатная, Господь съ тобою! Тыя постарѣй, уже узпали, што надъ ёй совершаетца Божжая дѣло.

Родився Исусъ Христосъ. По́томъ показувавъ людямъ добрыя дѣлы. Якъ показувавъ людямъ добрыя *дѣлы*?—говоривъ: „ня молитеся етымъ богамъ—такъ вобчаствы дѣлали сабѣ боги—етыя боги поганыя, проклятыя. Вѣруйтя вы тому Богу, што на небесахъ!“ Кейсарь етыхъ разговоръ ня ўзлюбивъ, приставивъ яго на судъ. По́томъ люди скричали Хвилату: штобъ ты намъ осудивъ етаго чаловѣка на смерть! Ёнъ говора: „по моёмъ писанію, бязъ вины чаловѣкъ; ня могу я яго на смерть прыдать бязъ вины. Вотъ, у мяне, говора, ё два разбойники—а по ихному за́кону, трэба кого згубить на паску, на смерть—вотъ исъ тыхъ разбойниковъ, говора, возьмитя котораго!“ Тяперъ яны скричали, народы: „коли ты намъ разбойника даёшъ, дакъ мы не согласны, а дай намъ Исуся сына Божаго возлюблѐннаго! Ёнъ людей дѣлавъ живымы, нярушъ самъ сябе здѣлая; а мы яго икъ храсту пригвоздимъ, прикуёмъ залѣзьзямы, цапамы!“ Тяперака жапа Хвилатова горко заплакала, сказуя: „другъ мой возлюбленный! Што ето такое, што ёнъ ня умре, а тяперъ на смерть отдаѐтца?“—Постой, кажа: мы тутъ побачамъ, што тутъ такое будя? И отдавъ яго на завушенія, завязавши вочи. А Пятро̀, вучаникъ яго, сядѣвъ ли тяпла̀ и тро́йча отракнувся отъ Исуса Христа. А якъ запѣвъ пѣвянь, отъ тогды Пятро̀ пошовъ у ровъ и плача. Пошовъ Исусъ Христосъ у сіяпьскій садъ молитца, а къ яму̀ янгалъ чашу нясе: „покуль, ка-

жа, не нальлёшъ стую чашу кровъю своёй, дотуля клятьбы Адамовой ня разрушишъ!"

Отъ потомъ распяли яго на храстѣ... А Хвилатъ усё няспокоенъ: у яго по книгахъ, знатца, сказано, што Исусъ ня ўмрè. Призывая ёнъ сотника—якъ отъ понашаму, по дяревни, сотскій—усё сяло подъ имъ. „Сотскій, кажа иди поляди, што тамъ Исусъ?"—А тѣло, каа, погибло! А отъ, учора приходила къ яму мати-Марея; ёнъ ёй обястивъ: иди, мати-Марея возлюблянная къ Ивану: по смерть тябе будя Иванъ питать, а моя ўже тутъ смерть будя! Тогды разбойникъ одинъ кажа: „Божа мой, Божа! мы жъ по кольки чаловѣкъ загубили, дакъ намъ усё 'дно загибать, а ты, Сусъ Христосъ, бясъ причины бязъ усякія страдаешъ на храстѣ умѣсти зъ нами!" Отвѣтъ давъ Исусъ, што будешъ умѣсти у раю со мной! А другій говора: о, коли бъ енъ Богъ бывъ, дакъ яго ня ўдяржило бъ зялѣзьзя ето: самъ ба пошовъ, и насъ ба повёвъ за собой!... Ето ўсё сотникъ кажа. Дакъ первый, значитца, разбойникъ ня ўмиравъ, а той другій помёръ. Тогды Хвилатъ приказавъ Восипу знять тѣло и поховать у гробъ. И сичасъ депешъ послать къ Кейсару, што Христа поховали. Кейсаръ поворотивъ, штобъ приставили трохъ воиновъ и привалили нятлѣнный камянь икъ дверамъ гробу. Ну, потомъ того, якъ крикнуть пятуху тому ўремя приключаетца, такъ зворотивъ зъ небеся янгалъ господинъ, 'творотивъ камянь 'тъ дврей гробу. Тая стража уробѣла, што яна не знала, дѣ яна была. Пóтомъ, ура́ньни, проповѣдувать стали етыя воины священникамъ, што Христосъ воскресъ. А яны говóрать: не кажитя такъ, дѣтки, а кажитя, што яго ўкрадяно.

А Христосъ по ўскрасэнію своёму у третій день кликнувъ, гукнувъ къ сабѣ Симона и назвавъ яго Пéтромъ. „Иди, Пѐтра проповѣдуй у Русалимъ, што Христосъ воскресъ!" Пóтомъ Христосъ явився по воскрасэнію своимъ на етыя души, што погибши были, што Адамомъ закляты были етому гаду, съ храстомъ изъ знаменомъ явився у яго царство, идѣ енъ царствувавъ изъ душамы изъ етымы. Спаситаль приказавъ: „Пéтра, отомкни-тка етыя вороты! Пѐтра, накури-тка ладуномъ по яго царству по етомъ!" Ну, Пятрó вороты отомкнувъ, ладуномъ накуривъ. Скричавъ дяволъ: „помилуй Господи, трудно отъ ладуну отъ твойго! Што дѣлать, Господи? Пусти на покаянія, трудно—ня выдяржу!"—А, вотъ, проклятый, говора: трудно й мнѣ було отъ ладуну отъ твойго! (Отъ пипки, значитца.) Потомъ Суся узявъ заклятыя души и повёвъ за собой. Гадъ засмутнѣвъ и матюка загнувъ! Отъ, Христосъ Богъ вярнувсь, и на дверахъ написавъ: „хто разъ матюка загнè, той тутъ будя!" И повёвъ ихъ къ отцу къ свойму....

С. Вылевъ, гом. у. Отъ кр. Степана Григорьева, 45 л. неграм.

Въ дополненіе къ настоящему повѣствованію, считаемъ умѣстнымъ сообщить слѣдующія народныя вѣрованія:

Число верховныхъ божествъ бѣлоруссу средняго развитія не извѣстно. Онъ говоритъ: „Богъ яго вѣдая, кольки боговъ ѐ. Главный, повинно, одинъ; а Сусъ Христосъ сынъ яго. А духъ святый ето ўже не богъ, ето духъ божій.“ Или: Духъ святый—ето тройца святая.

„Апостолы, другія святцы—ето то жъ боги, тольки меньшія. Яны завѣдáтали надъ чимъ-нибудь однымъ: Илья—завѣдáталь надъ Пярўномъ; енъ у огнянной (также: золотой) колясницы ѣздя по небу; Юрій, на сивымъ конику,—завѣдаталь надъ звярами, надъ скотомъ (см. разск. о лѣсовикахъ). Но надъ конями Хролъ—кони яму и святкуюць. Святый Зосимъ—Бога просимъ, той за пчалами глядить, насылая ихъ съ скалы, гдѣ яны нарождаются, ня ў нашай зямлѣ. Микола за нивой глядить, а Кузьма-Демянъ наглядая за огнемъ, ёнъ ковальскій богъ. Иванъ Воинъ усихъ злóдѣявъ-воровъ знaя; якъ обкрадуть, яму молитца треба. Ляксѣй—чаловѣкъ божій завѣдаталь надъ рыбой; ёнъ, бачъ, у рѣшати мóра параплывъ.

„Ангали—ето не боги. Откуль яны узялись—ня звѣстно, ну тольки ихъ съ кажнымъ годомъ усё бóльшая. Старшій надъ ими Михайло, а другія уси ровныя.

„Черти—ето тожъ не боги. Откуль узялись—такжа ня звѣстно. Кажуть—зъ мора, съ пѣны морськія. Ето, кажўть, бывъ у бога Поплешникъ (поплечникъ, сидящій рядомъ, плечомъ къ плечу). Дакъ ёнъ устраивавъ небу шкляную—хотѣвъ Бога спихнуть зъ неба. Тогды Богъ пéрунъ пустивъ, ажъ земля заколотилась. Ну яны ня ўпужались. Тогды Богъ ихъ жажломъ! Дакъ яны три дни зъ небы сыпались, якъ дожжъ—якъ день якъ ночь лятѣли три дни. Дакъ который куды ўпавъ, тамъ и сядить. Хто ў воду—у водѣ; у болото—ў болоти; у зямлю—ў зямлѣ; на воболокахъ застрали—тамъ и ждуть вострашнаго суду.

„Одного тольки Водяного гоняють. Ето втóрый дэмонъ нявидзёмый. Першій, бачъ, Поплешникъ, а Водяный—втóрый,—Оповденникъ зовéтца (бѣсъ полуденный). Дакъ яго Богъ гоняя. До Хращенья ёнъ сядить у водѣ; а якъ пойдя стрѣлъ на Ирдани, воду посвѣтять, ёнъ лѣзя на лозы—Лозовикомъ зовуть. Сядить на лозахъ такъ до мáслянки, а тогды параходя на вербы. А якъ тольки посвѣтять вербы у Вербницу, ёнъ иде на яворъ. На Вяликъ-день Богъ гоня яго зъ явора на жито (ср. волоч. пѣсню съ припѣвомъ: а зялёнъ яворъ кудравый!) У жити ёнъ тожъ ня довго ўсѣдя: на Юрья ўже жито посвяцають. Тогды ёнъ иде у тровы, на краски, на цвяты, и сядить тамъ ажъ до Макавѣя. На Макавѣя, якъ посвѣтять краски, ёнъ иде на яблону и сядить тамъ до Спаса. А ўже съ Спаса якъ посвѣтять яблоки, ёнъ зновъ лѣзя у воду и сядить тамъ до Хращенья.

„И ёнъ царъ надъ водой и надъ рыбой. У кажной рѣчцы свой. Рыболовцы, звѣстно, молютца ямў, цару водяному. Коли вȍ хто топитца, ето ёнъ тягня, Оповденникъ. А коли довго никого ня топилось, дакъ енъ выскакуа зъ воды по поясъ и кричить: ротъ есть, да некого ѣсть! Посли того небезпрамѣнно хто нѣбудь утопитца. Много бачили яго. Кашлатый, кажуть, зъ большой бородой, волосься зялёное.

„А ўси другія, хто гдѣ упавъ, тамъ и ждуть вострашнаго суду. И коли выбираешъ хату строить, дакъ вотъ и строишъ на яго сялитьбы ногды. Ёнъ тогды не залюбя и ўрэду дѣлая, иншій разъ такъ, што ўся сямъя вымра".

Получается, такимъ образомъ, сближеніе съ Домовымъ. Вообще же, разницы между чортомъ, бѣсомъ, дьяволомъ, cатаною, кадўкомъ бѣлоруссъ не знаетъ.

Къ одному разряду съ чертями причисляются, кромѣ Поплешника-Cатаніила и Водяного, также:

Домовикъ, Домовый —живетъ въ хатѣ, подъ печкой, или подъ запечкомъ, въ золѣ. Зовется также *хозяиномъ.*

Хлявникъ—живетъ въ хлѣвахъ, въ конюшняхъ; въ рўкахъ постоянно носитъ кнутъ—пугу и часто ею ляскаетъ—хлопаетъ. Онъ то и мучитъ по ночамъ лошадей, которыя ему не подъ масть.

Гуменникъ—живетъ въ гумнѣ, въ ёвнѣ, подъ осѣтью.

Лѣсовикъ, Лясунъ—живетъ въ лѣсу. Этотъ духъ служитъ пастухомъ у Юрья. Вообще, добръ. Разновидность Лѣсовика-Доброхочій.

Русалки живутъ также въ лѣсу, хотя есть вѣрованіе, что происходятъ отъ утопленницъ.

Мара живетъ на кладбищѣ; является въ видѣ черной тѣни, и душитъ людей.

Стрыжакъ—полевой духъ; живетъ въ житѣ. Тамъ же:

Бабуля съ желѣзною пугой.

Зялѣзная баба живетъ въ огородѣ. Ловитъ людей крюкомъ и толчетъ въ желѣзной ступѣ желѣзнымъ толкачемъ.

Банникъ живетъ въ банѣ, подъ полкомъ.

Наконецъ, болѣзни: Холера, Родимецъ, Паралюшъ, Хиня или Хинтя и Зюзя—лихорадки, Сухотникъ и др.

Къ демоническимъ же существамъ относятся: Доля, Горе, Злыдни, и Чуръ, приносящіе пользу человѣку, или вредящіе ему.

Солнце, Мѣсяцъ и Перунъ—существа живыя: „у ихъ и своȇ хатки ȇ, и своя сторона". Для человѣка существа грозныя, при чемъ Перунъ преслѣдуетъ и убиваетъ больше мужчинъ, нежели женщинъ [1]).

---

[1]) Считаемъ необходимымъ оговориться, что свѣдѣнія эти собраны путемъ

На вопросъ—бываютъ ли у чертей жоны и дѣти—бѣлоруссъ отвѣчаетъ утвердительно: „А ты думаешъ, у ихъ няма? Естяка! И жонка такая жъ, якъ ба й ёнъ—чартовка, и чартеняты!“ По другой варіаціи, черти женятся на самоубійцахъ женскаго пола, а чертовки идутъ замужъ за самоубійцъ мужескаго пола. „Ихъ жа, бачъ, кольки ё! А ихъ жа й Пярунъ бъѐ!“

„Ёнъ жа казавъ тогды Богу: „што ты мнѣ здѣлаешъ: я заховаюсь, дакъ ты ня можашъ мяне ўбить!“—Нѣ, убъю!—„Я ў скотину схваюсь, Господи!“—Ты ў скотину сховаесься: я скотину убъю и тябе убъю!—„Я ў древо схоьаюсь!“—Я древо на щепки расщаплю, а тябе убъю!—„Я, Господи, у чаловѣка схоьаюсь!“—Съ чаловѣка грахй зниму, а тябе ўбъю!... Отъ, и бъѐ! Ето жъ колись была у Говеновичахъ (дер.) жанщйна. Дакъ яна жала ў поли зъ бабами. А гроза йдѐ, хмара такаа, што Божа!.. Отъ, яна дурнаа и кажа: „отъ, коли бъ мяне, каа, убило!“ А сатана и почувъ, да къ ёй. Отъ, яѐ якъ ударило, дакъ такъ пополамъ и разорвало.

„А то тожъ чаловѣкъ лыки дравъ. Найшла хмара, ёнъ подъ дровячину, и ставъ. Тольки ставъ, а тамъ у пячуры, у борти, два линъг (рыба). Ёнъ оттуль. Тольки отышовъ, а Пѐрунъ такъ и разодравъ дровячину!

„Ого! ихъ ба ня стольки було, колибъ ня бивъ Перунъ. А то яны, за зиму наплодютца, а лѣтомъ Перунъ поубиваа.

„Ето жъ вонъ якъ вихоръ подыметца: ето яны по подземелью вясельля гуляють, а нехрищаныя дѣти вихоръ вядуть по земли. Колись у насъ на три вярсты пущу повалило. Отъ-тамъ гулявъ вясельля! Уу-ху-ху!“

По другой варіаціи, черти размножаются еще и отъ того, что люди часто плюютъ и не затираютъ слюны ногою.

„А скидаютца яны усимъ-усякимъ. Тольки у повночь ти ў повдня иди па роставьки, дакъ сяйчасъ и явитца: ти котомъ, ти собакомъ, ти козломъ, ти овечкой, ти чаловѣкомъ. Наболи любя попомъ скидатца у брыльку (ср. снотолк: попа видѣть во снѣ—сатана приходилъ). А у грозу, дакъ бѣгаябѣгая, некуды дѣтца, дакъ ёнъ у воду, рыбой скинетца, ти ракомъ. Дакъ у ихъ вочи будуть красныя—красныя. Такихъ не бяри у кошель.

„А спрежда, съ почтку вѣка, перстнемъ скидались, поясомъ, чаботами.

„Самъ ёнъ косматый, чорный, на рукахъ и па погахъ кипти; на головѣ роги козиныя; ззаду хвостъ съ кручкомъ. У чорта дакъ и борода ѐ, козлиная, а ў чартихи няма.

личныхъ опросовъ. Читатели благоволятъ дополнить ихъ массою данныхъ по ѳеогоніи, заключающихся въ бѣлор. сказкахъ, заговорахъ, духовныхъ стихахъ и т. п.

„Ето жъ вò, дѣ дявоцкія гулища è. Дакъ якъ скачать, погляди тольки у дирочку, дакъ и ўбачишъ, якъ ёнъ мижъ дѣвокъ увихаетца. Тольки, кажуть, страшно: а то ёнъ воко проколя.

„Разъ бывъ чаловѣкъ у гумнѣ, а ёнъ и заходя и проситца подъ осѣть поспать. „Тольки, каа, якъ будя крѣпкая гроза, дакъ буди мяне!" Отъ, ставъ громъ. Чаловѣкъ и догадався. Да ўзявъ лопату прiску, да яму̀ въ вочи! Ёнъ якъ усхо́питца, якъ дёрня—та́къ стяну̀ у ёвни и вывярнувъ! И побѣгъ. Идѣ яна яго ўже пристигла, Богъ вѣдая. Дакъ тогды ўже посли приходя къ тому чаловѣку дядокъ и кажа: „добро, што ты такъ здѣлавъ, а то бъ гумно твоё покнуло!"

„А то у Бацупи (дер.) къ баби пришовъ. Скинувся мужикомъ яè и иде,—хоча икъ ёй прикоснутца, значитца—параспать. И гроши ёй даè. А йна ня бывши дурнямъ да кажа: чуръ мяне! Во имя 'тца й сына! Дакъ ёнъ кулакомъ по кубли якъ давъ—и провалився.

„А найпача яны любють съ пъяными вожжатца. Ето уже, бачъ, ихный. Хочуть яго якъ-небудь штобъ опрогся. Коло тыхъ уже Лозовикъ захаджуетца. Завяде пъянаго ти ў лозу куды, ти ў болото, да на купини й посадя, пибытцомъ за столъ садя. Ти къ полыньнѣ подвяде, алебо къ пролубцы. А то разъ дакъ на рукахъ тягли прамо у рѣку: ходи, кажа, поспи ляжъ, вó постель мяккая! Енъ троху очухався да й кажа: а Божа жъ мой, куды вы мяне нясетя? черти вы! Дакъ яны яго якъ бразнули у воду̀, да по потылицы! Да щè мелко було. „Стоявъ я, каа, стоявъ, насилу вочи продравъ!"

„А то щè и ў пузо залазють. Во ў насъ у Ольховцы (дер.), у Бялицы (село)—дакъ залѣзъ у пузо да й гомоня. А ў Якимовцы (дер.) дакъ сядить тамъ да й копошитца. А якъ ёнъ туды зала́зя, дакъ ето вó якъ: ёнъ у воду̀ ўскоча, у нахрищаную, а яна выпъя. Во! А то зявая, да рота не парахристя, а ёнъ туды! У насъ вò на Ивольску (село) свёкоръ поставивъ на вокнѣ чарку шкляную зъ зѐльлямъ,—нявѣстцы поддѣлать хотѣвъ. А яна ня бывши дурнямъ, да затопила печку, да чарку за дровы! Дакъ яè якъ покнуло—та́къ и выкинуло, и на дребязки разбило! Ого! Такія имцы ё, што й на горѣлцы дають. А й сусимъ пустое, чимъ ето отдѣлать. Якъ бярешъ отъ яго чарку, дакъ возьми парахристи мезянымъ па́лцомъ. Дакъ руку̀ сяйчасъ казавъ-ба хто товхонè: и чарка выпадя, и тое мѣсто выгора на мосту.

„Самъ Сатаніилъ сядить у пекли; ето усё дробяза лётая. А тольки вò-ти не зъ годъ тому—проѣхавъ у насъ по Гомяльщини и ёнъ. Дакъ, кажуть, наномъ такимъ, прибравшись, ѣздивъ зъ звонкомъ. И вочи падѣвъ чорныя шкляныя, щобъ ня ўвознали, бачъ. Дакъ ёнъ заяжжавъ у волости, вѣдьмаковъ збиравъ, и усё—усё чистянько записавъ отъ ихъ.

Хоча, бачъ, собрать усё ето бясовськое, да пустить на міръ, а то душъ мало къ яму йде ў пекло. Дакъ во страхоты тамъ було! Старики кажать, що ето вострашный судъ скора будя“ [1]).

2. Стратимъ—птица.

Богъ вѣдаець, коли гето было,—строивъ сабѣ Яной кольчегъ,—якъ затопу Богъ насылавъ. И приказавъ Яной собрацъ у кольчегъ усихъ звярёвъ, усихъ пцицъ, усякую скоцину. Ну, уси собра́лися, а лебедзь одзинъ—Страцимъ звався по имѣньню—я, каець, не пойду ў кольчегъ,—я справлюся зъ водой, усю воду̀ обплыву! Богатырь сплный бывъ. Ну и поплывъ. И плаваець. Стала затопа. Некуды протчимъ пцицамъ дзѣватца. А Страцимъ плаваець сабѣ. Вотъ тыя протчія пцицы летали—летали, да къ яму, ды на яго и понасѣдали. Дыкъ покуль садзплися на спину, дыкъ ничого, ну а то и на дзюбку стали садзитца—у яго дзюбка вяликая была. Ну, якъ понасѣдали на дзюбку, ёнъ носомъ у воду̀—и затопився. Съ поръ и перевёвся.

С. Городецкъ, чаус. у.

3. Богъ, баба и мужикъ.

Давно ето було; коли ще Богъ ходивъ по зямлѣ. Ишовъ ёнъ разъ коло лѣсу и бача, баба жито жне. „Поможи Божа табѣ!“—Спасибо! кажа.—„Ти не знаешъ ты, бабка, дорогу дотуль-то, дотуль?“—Чаму? Пойдешъ во такъ прамо, завернешъ направо, а тогды иди уже такъ, прамо! —„Нѣ, бабка такъ я ня траплю! Ти няльзя бъ табѣ показать мнѣ дорогу?“—А нѣ, мой голубокъ,—мнѣ неколи. Бачъ, треба жито жать!— „Ну штобъ жа ты николи не ўправлялась у работи!“ кажа Богъ. Иде ёнъ да́ли. Бача—мужикъ паша. „Богъ помочь, чаловѣча!“—Спасибо, нябожа! Садись-тка, отдышъ! Можа заморивсь у дорози! Ну, Богъ сѣвъ. Сѣвъ и мужикъ. Вынявъ зъ запазухи табакерку и частуя Бога. Богъ понюхавъ; нюхнувъ и мужикъ. Стали гомонить, объ тое, объ сёе. Троху отдыхавши, Богъ и кажа: „а ти не знаешъ ты, чаловѣча, дорогу дотуля й дотуля?“—А йди во такъ прамо, тамъ звѐрнешъ налѣво, а тамъ ящѐ направо, да тогды ўже и иди прамо. Да я табѣ лучь самъ покажу. Отпрогъ коня, спутавъ. „Ходимъ,“ каа. И пошли. Мужикъ довёвъ яго до самой дороги, куды яму треба було йти. „Ну, кажа, иди зъ Богомъ! Щасьливо!“—Спасибо! Будяшъ жа ты, чаловѣча, заўсягды управлятца ў работи!..

---

[1]) Это фактъ. За Сатанаила былъ принятъ одинъ собиратель заговоровъ.

Съ тыхъ само поръ мужики заўсягды здѣлають за ўремямъ свою работу, а бабы николи ня справютца: здѣлають одну, а семъ ящѐ просит-ца. Няма ёй и свята.

М. Вѣтка, гом. у. Запис. г-жа Головинская.

4. Горѣлка окаянная, а не проклятая.

У лѣси, пядужа далёко отъ дороги, було большое болото. У етымъ болоти идолы горѣлку гнали. Ну, по етымъ самымъ лясў ишовъ разъ Богъ съ Пятромъ-Павломъ. Бача Богъ, дымъ дужа валя. И стольки яго найшло, што ажъ няможно дыхать. Богъ тогды посылая Павла: „иди ты, каа, подивись, што тамъ такое?" Ёнъ пошовъ. Приходя туды. „Здоровъ, кажа, вамъ! што вы тутъ дѣлаетя?"—Ничо́го худо́го: горѣлку гонимъ!—„Што жъ ето за горѣлка?"—А нȁ поспытай! И подпясли чарочку. Ёнъ выпивъ. Якъ выпивъ, дакъ и сѣвъ. Давай зъ ими гомонѣть. А на Бога и забывся. Ждавъ, ждавъ Богъ—ня йде Павялъ. „Иди, кажа, ты Пятрȍ: чаго ёнъ тамъ забарився?" Приходя туды Пятро, отдавъ добрыдянь. „Што вы тутъ поробляетя?"—Ничо́го худого: горѣлку гонимъ!—„Што йто за горѣлка?"—А вȍ поспытай! подносють яму чарочку. Ёвъ выпивъ. У головѣ задурманѣло—и ёнъ сѣвъ. Сидять удвохъ съ Павломъ и балакають зъ пячистиками. Ждавъ, ждавъ Богъ, не дождався: ни Павла нема, ни Пятра нема. Иде ёнъ самъ. „Здоровъ вамъ, кажа: што вы дѣлаетя?"—Ничого худого: горѣлку гонимъ!—„Што йто за горѣлка?" Отъ яны и яму подносють чарочку на подносичку. Богъ узявъ, перахристивъ: „ну, коли ты моихъ вярховныхъ апостоловъ прозвела, дакъ ня буду проклинать тябе: будь ты окаянная, а не проклятая!" Узявъ Пятра и Павла за руки и пошовъ, куды треба имъ було.

Вѣтковская вол. гом у. Запис. та же.

5. Богъ и вдова.

Ну, вотъ такъ ишовъ сабѣ Господзь тамъ зъ Юрью и зъ Миколою, и обнила ихъ цёмная ночь. Зайшли яны на ночь къ удовѣ. Зайшли яны на ночь къ удовѣ, и захоцѣлося имъ ѣсь,—тымъ, значитца, прочимъ. А ў яѐ нѣту ничого, только крайчикъ хлѣба на столѣ. Тоды йны тэй хлѣбъ украли и зьѣли, Микола зъ Юрью. Тоды йна оглѣдзилася—ругала, сварилася на ихъ: „у мяне дзяцёнку нечаго ѣсьци! На ночь пусьцила, а вы ў мяне хлѣбъ украли!"...

Ну, пошли яны тожа дорогою—бяжиць вовкъ. „Божа, Божа, пищи мнѣ дай, я ѣсь хочў!" Господзь каець: а йдзи у тыѐ ўдовы, дзѣ мы но-

чавали, ляжиць подсвинокъ подъ поломъ,—дыкъ ты яго возьми! Яны дай упрашавацъ Бога: „мы жъ хлѣбъ у яе, говорюць, украли, а ты, Господзи, ще подсвинка отдаешъ яму!"—Ничого, каець, хай, дармо! Потомъ вовкъ побѣгъ ды ухапивъ подсвинка и побѣгъ.—Идуць яны дорогою—коцитца бочка грошій. „Божа, Божа, говора: куды мнѣ кацитца,—мнѣ мѣста нема?"—А кацись, говора, къ богатому мужику и рассыпся у воротахъ; дыкъ ёнъ выйдзець, цябе хорошо прибярець! А тые *апостолы* говорюць: „Божа, Божа, пошлемъ гетую бочачку удовѣ: вы поросенка отдали, а мы хлѣбъ украли,—дыкъ ёй бѣдно!"—А Господзь каець: нѣ, у ёй схавацъ нейдзи гетой бочки грошій!

Пошли яны опяць. Ишли, ишли, поутомилися, и стали отдыхаць. И дужа у сквэрномъ мѣсьци: воды нѣту, змѣи, гады нялюбое мѣсто. Побыли яны тамъ усяго три часы, имъ показалося три годы,—тымъ то. Ну, тоды пошли яны дали. Стали ночеваць. И у такомъ-то мѣсьци удашномъ! Удобное мѣсто, усяго доволи. Побыли яны тамъ три годы у удашнымъ мѣсьци. Ну, Господзь каець, пойдземъ!—Нѣ, побудземъ яще! тутъ удашное мѣсто, и мы мало были!—Ну, якъ жа мало, говориць: мы тутъ живемъ три годы, а вамъ показалося три часы,—потомъ што удашное мѣсто. Ну, цяперь ёнъ говориць: „Ци знаеця, говориць, хто по гетыхъ мѣстахъ будзець жиць? У гетомъ мѣсьци, няудобномъ, будзець той богачъ жиць, што мы послали бочку золота. А въ удобномъ мѣсьци, у гетомъ, будзець удова тая жиць!"...

Любиницкая вол. гор. у.

6. Богъ и бобылка.

Ходзивъ дзядуля-Богъ пы дзяревни, просився пусциць перенучувацъ; ну усякій, якъ у давнину, ня мѣючи чаго ѣсьци, отсылали стырика ночуваць и къ бобылцы, на конецъ. Пришовъ гетый старикъ къ бобылцы, и проситца у яѐ перенучуваць. Ина хоцѣла такъ жа само откызатца, каець: нейдзи у мяне! Дзядуля гетый тоды каець: ахъ, мыя голубка,—я переночую и пыдъ лавкый! Ну, тоды баба яну кажець: штожъ уже, ложися сабѣ и на лавцы,—дамъ табѣ, што маю, пыдослаць. Дзѣдъ увыйшовъ у хату, лёгъ ны лавцы, и говориць: вотъ жа, баба: къ табѣ сяньни придуць три унуки, просиць у бабки, перебабиць дзяцей! Баба яму кажець: съ чимъ жа я пойду у бабки, кыли у мяне немашъ ни соли дробка, ни хлѣба куска?—Нѣ, каець, идзи, ня 'тказывай имъ; возьми тольки пялёнычку подъ поясъ и идзи; ну упередъ покуль бабиць, ты пыглядзи, што тамъ будзець дзѣитца! Ну такъ гета баба и здзѣлыла. Пришовъ одзинъ унукъ, пышла. Тольки унукъ улѣзъ у сѣни, яна зиръ пыдъ вокно! Ажны видзиць—пы столѣ много вина, хлѣба-соли,—пьюць и закусыюць. Вотъ

ина посли йдзе́ць къ другому унуку. И пе́рви, покуль ици ў хату, узповъ зиръ пыдъ вокно,—ажны тамъ носютца съ шаблями, зъ ружжами, и усё колютца. А къ третьцему унуку йдучи, увидзила ина, што тамъ пъюць, закусуюць, гуляюць и плачуць. Тоды ныза́ўтриго, якъ уставъ тэй дзѣдъ, ставъ пытатца, што дзѣ ина видзила, идзѣ была. Ина яму́ обо ўсё и рысказала. Вотъ ёнъ ей и кажець: „Што первый унукъ—пъюць ды закусыюць—бесчисле́нно будзець быгатъ; другёй унукъ—дзѣ колютца—у сылдаты по́йдзець; а третьцій унукъ——дзѣ гуляюць и плачуць—повѣнчавшиси, ѣдучи зъ вѣнца, утопитца. За гетымъ, бывай, баба, здорова, живи ня тужи! Я твоѐ обыйшовъ клѣци и за́сики!"—Што, каець, миленькій дзядуличка,—у мяне тамъ ничого нема!

Пошовъ дзядуля зъ двыра, а баба тая у клѣць. Якъ отчинила двери, хлѣбъ такъ и посыпувся черезъ порогъ... Дыгыдалася тоды баба, што ў яе Богъ ночувавъ, и дужа жъ ина рада стала, што ничого на яго бридливаго не сказала. Ну, а тое ўсё, якъ енъ кызавъ, такъ усё и злучилося. Одзинъ унукъ, богато ставъ жиць, другій у сылдаты пошовъ, а третьцій, почувши тое, узявъ купивъ передъ вясельлемъ волову шкуру и обшивъ колодзесь. Вотъ, ѣдучи съ пыдъ вѣнца, захоцѣлось яму дужа пиць. Енъ пошовъ пиць къ свиньняччей рыцьвини, нагнувся пиць—и захлипнувся.

Д. Опарченки, мошк. вол. сѣнн. у. Отъ кр. Никифора Кондратьева запис. въ моемъ присутствіи г. Доморацкій.

Богъ являвся старичкомъ колись, дядкомъ. А Су́съ Христосъ ходя й тяперъ по зямлѣ зъ Вяликодня и до Ўшестя. Рай шесть нядѣль отчинятъ, а пекло зачинято. Дакъ ёнъ и ходя. Просто ходя,—у наськой свити, у лаптяхъ. Увойдя, побудя, посядить, погомоня. Пришовъ разъ у водну хату, а дятёнокъ сядить, ладный уже—сьдянь. Ёнъ кажа: „устанька, нябожъ!"—Нѣ, кажа, панидѣдьку—я ня ўстану!—„Устанька, ўстань!" Ёнъ уставъ. Ёнъ яго два разы провёвъ, отъ лавки къ дվярамъ и назадъ. „Ну, тяперъ, каа, ходи!" И много такъ дѣлаа.

7. Пъяный чаловѣкъ хуже дурного собаки.

Чортъ выдумавъ горѣлку гнаць. Выстроивъ проваръ и ставъ гнаць. Нагнавъ ёнъ скольки тамъ и увидзѣвъ, што идзець Богъ по зе́мли. Енъ наливъ горѣлки у бутэлю, и надзѣвъ чарку на бутэлю, на рыло повѣсивъ, и проця Бога поставивъ. Богъ ещѐ не подышовъ, ёнъ уже насупроця яго поставивъ. Яны утрёхъ ишли: Микола, и Юрій, и самъ Богъ. Ну, ёнъ поставивъ перядъ ими бутэлю, и поспробувавъ Богъ тыя водки. Ёнъ яѐ ня спробувавъ, а тольки примѣръ тэй здзѣлавъ. И давъ имъ поспробувацъ, Миколи и Юрью, по рюмки, и благословивъ яе́ и перехрисцивъ.

Выпили по рюмки и пошли. Ну чортъ тэй убравъ посудъ и бяжиць услѣдъ. „Господзи, говориць,—што жъ мнѣ за гето будзець, што я выдумавъ такое?“ Богъ говориць: а хто, каець помрéць зь яé, тэй твой бўдзець!

Трохи яны пройшли, сычасъ яны говорюць: „Господзи, говорюць: гето хорошее дзѣло пиць гето. Скольки мы тамъ яé выпили, а ўдвойнѣ вума прибавилось. Гето можно пиць пашаму народу!“ Ну, цяперь яны ишли—вотъ такъ якъ бы у насъ, у Полыковичахъ, Ладомірськаго проваръ—приходзюць яны, ажъ бяжиць собака дурная (бѣшевая). Дыкъ Микола и Юрій говорюць: гето собака дурная бяжиць! И звярнули. „Ну, а Богъ прямо пошовъ, наўпроци дурного собаки. Ёнъ якъ бѣгъ мимо, дыкъ такъ и побѣгъ, тольки головў звярнувъ трохи на бокъ. Ну, пошли яны дальше. Ишли, ишли усё по той жа дорози, и идзѐць наўпроци ихъ чаловѣкъ пъяный. Рубашка у яго расхристана, грудзи жовтыя, жовтыя—запяклися, цячéць потъ зъ яго. Богъ говòриць: треба обыйци гетаго чаловѣка пъянаго,—начанѐць дратца! А Микола зъ Юрьемъ говорюць: Господзи, чаго жъ, говорюць, чаловѣка обходзиць?—Ну, идзиця, каець, сабѣ!.. Дыкъ Господзь обыйшовъ мимо, а яны прямо пошли на пъянаго чаловѣка. Ну, якъ ёнъ пъяный бывъ, дыкъ енъ сичасъ давай у ихъ пра́шпорта спрашиваць: откуль, што за людзи, невядòмыя? Пристаéць, пристаець, да дратца идзець. Насилу яны уцякли отъ яго. Ну, пòтомъ того яны сышлися знову. Отъ, Господзь говòриць: „А што? Я казавъ—пъянаго обыйци треба: пъяный чаловѣкъ хуже дурнóго собаки!“...

С. Полыковичи, могил. у. Отъ кр. Ларіона Терентьева, 33 л. негр.

8. Спасёный.

Ѣхавъ сабѣ такъ панъ одинъ, и згубивъ чамойданъ. Бѣгъ услѣдъ охвотьникъ, ухапивъ чамойданъ и побѣгъ у лѣсъ. А йде ззаду такъ чаловѣчакъ. Оглѣдився панъ—няма чамойдана; ёнъ послявъ кучара шукать, Той прибягаа къ чаловѣчку: дѣ чамойданъ?—Я ня бачивъ!—Брэшашъ большъ никого няма! И стали яны яго бить. Били-били, надыходя на ихъ спасёный, што ў пущи спасаетца. „За што вы, каа, бъете яго: вашъ чамойданъ тамъ и тамъ вопъ!“ Яны й яго бить кинулись,—ажно й руки ня подымаютца. Ну, яны й поѣхали. Приходя спасёный къ свойму древу, дѣ живъ: „древо, отчинись!“ Ня тчиняетца. „Древо, отчинись!“ Ня 'тчиняетца. „Древо, отчинись!“ Ня 'тчиняетца. „Господи, гувора: чимъ я сограшивъ?“—А зачимъ ты, каа, заступався за того чаловѣчка? Ёнъ батьку-матку ўбивъ, я яго на покуту послявъ, а ты заступаесься! Я кольки страждавъ, а слова не сказавъ!...

Чеботовичи, гом. у.

9. Микола и Касьянъ.

Рано, чуть-свѣтъ на зорочку, сыйшли зъ неба на зямлю святый Касьянъ и Микола чудотворацъ. Идуть яны сабѣ по дорози и гомонять, што якъ ето Богъ хорошо ўсё на свѣти подѣлавъ. Ишли, ишли святыя угодники и бачать, што мужикъ завъязъ у гразь изъ возомъ дровъ. Убачивъ мужикъ святыхъ угодниковъ, бухъ имъ кȳлямъ у ноги; святый Касьянъ, угодничакъ Божжій, вызволи! свѣчку табѣ поставлю! А Касьянъ кажа: атъ, буду я ради тябе свою райськую одéжу марати! А на имъ одежа уся золотая да зъ блискучихъ каменьнявъ. Пошкробъ мужикъ потылицу, бача, што съ Касьяномъ рады нема, повярнувся къ Миколу чудотворцу, —ёнъ тыки мужицкій заступникъ, на имъ и одéжа мужицкая: свиточка бѣлянькая, да оборочка замѣстъ пояса. „Миколай, угодничакъ Божжій, заступникъ ты нашъ навышній, ослобони!" Послухавъ Микола мужика. засучивъ свитку и полѣзъ у гразь; пóравсь, пóравсь и вытягъ возъ мужицкій. Поѣхавъ мужикъ. Походили угодники ще тамъ кольки по зямлѣ, приходять на небо. Убачивъ ихъ Богъ и пытая: „ну што, Миколай угодникъ и святый Касьянъ! дѣ были, што бачили, што чували?" Касьянъ кажа: были мы, Господи на зямлѝ; бачили, якъ мужикъ вёзъ на базаръ дровы, да ў гразь угрузъ!—„Ну штожъ, ти пособили жъ вы мужику?" —Нѣ, кажа Касьянъ: я пожалѣвъ марать свою райськую одежу!—„А ты, Микола?"—Я троху, каа, помогъ; бачъ, во у гразь упэцкався!—„Дяковать табѣ, святый Микола! За ето табѣ люди будуть празновать два рáзы ў годъ; а табѣ, святый Касьянъ, у три годы разъ!"...

Гом. у. Записала г-жа Головинская.

б) Ишовъ расъ Микола и Касьянъ дорогый. Натходзюць яны ки мшарини, ашъ тамъ кобылёнка—увязла у грясь и риякъ ня вылѣзець, вотъ-вотъ здохнець. Якъ яны святыи людзи, дыкъ яны знаюць, не пытаясь, што ета кобыленка бѣдныго человѣчка. Микола узжалився и говóриць Касьяну: „пóйдземъ, выцягнемъ кобылу, а то бѣднякъ и съ копыльля доловъ: у яго ўсё быгацьця, што ета кобыленка!" Ну, Касьянъ мылодэй, пругожій, и надзѣвшиси у бѣлую пригожую одзежу. И не захоцѣвъ ёнъ мазытца у грясь, цягнуть тую кобылу. Пошовъ Микола одзинъ цягнуць,—вядомо человѣкъ святый и жалостный надъ бѣднымъ. Цягнувъ, цягнувъ ёнъ, вымазався увесь чисценько у грясь, али выцягнувъ одзинъ кобылёнку тую. Прихóдзиць тоды къ Касьяну и говориць: „што жъ ты, каець, такей-сякей, не хоцѣвъ пумогчи мнѣ цягнуць кобылы? На то шъ Бохъ насъ и пыславъ удвохъ, капъ мы одзинъ одному пумогали!"—Нȳ вó, каець: дужа мнѣ была охвота лѣзць у грясь зы кобылёнкой: ина сама того не стóиць!

Пошли яны дальше. Касьянъ смѣётца кылы Миколы: „якъ ты ето, каець, идзешъ, увесь у грязи: будуць говориць, што ты дзѣ-нибудзь валявся пъяный!“—А нехай сабѣ кажуць; я не валявся, а добро дзѣлывъ человѣку!—„Не кажный, братъ, ето знаець, што ты кобылу цягнувъ, а кажный увидзиць, што ты ў грязи!“ Обыйшли яны, скольки имъ тамъ надо было, и приходзюць яны къ Богу. Бохъ якъ увидзивъ Миколу усяго-чисто ў грязи, и каець: „дзѣ жъ ты ето такъ вылявся ў грязи? Вѣрно пъяный бывъ?“ Тоды Микола говориць: Господзи! я добро дзѣлывъ человѣку бѣдныму. Ишли мы съ Касьянымъ дорогый и видзимъ, зыбиваетца у грязи кобыла, и чуць-чуць жива ужо. Стало мнѣ жалко и кобылы и ходяина яе—што яна одна у яго. Тоды я гыворю Касьяну: пойдземъ, выцягнемъ, кобылу! А ёнъ не послухывъ мяне. Ну, я пошовъ и выцягнувъ одзинъ, и запэцкывся ў грясь. А пъяный я николи не бывъ, Господзи! Тоды Бохъ говориць: „ну, за то, што ты добро дзѣлывъ человѣку, по свѣту ходзивши, я табѣ нызначаю два празьники уво 'днымъ году: одзинъ вясной, а другій зимой!“ Тоды спрашиваець у Касьяна: „а ты што, Касьянъ, здзѣлывъ хорошыго людзёмъ, ходзивши по свѣту?“ Тутъ Касьяну тому и казаць нечего!—„Ну, коли шъ ты ничого не здзѣлывъ добрыго, и Миколи старому не хоцѣвъ пумогчи, дыкъ вотъ Миколи я нызначивъ два празьники уво 'днымъ году, а табѣ за то, што ты и самъ ничого ня дзѣлывъ и Миколи старому не помогъ, за ето я нызначаю табѣ празьникъ одзинъ расъ чересъ три годы на чацьвёртый, у высокосный готъ!“ Тоды Касьянъ подзякывавъ Богу и за ето, и пошовъ на своё мѣсто.

Орш. у. Доставилъ А. П. Сапуновъ.

10. Иванъ Золотовусъ и Касьянъ.

Были то нѣколи, кажуць, во святыхъ Иванъ Хрясцицель и Касьянъ. Довялося имъ одзинъ разъ, нѣшто, правиць обѣдню умѣсьци, уво днэй цэрькви. Служили, служили, тоды Касьянъ нѣшто спомулився. Иванъ каець; не такъ ты молитвы правишъ, якъ треба,—во якъ правъ! А Касьянъ кажець: а табѣ якое, каець, дзѣло: ци такъ я правлю, ци нѣ? Ну й заспоровали одзинъ съ однымъ. Спиралиси, спиралиси, а тоды Касьянъ ня ўдерьпивъ: торькъ огнёмъ у Ивана! Якъ тримавъ свѣчку у руцѣ, дыкъ такъ и торьконувъ у бороду̀. Ды не попавъ у бороду̀, ды въ вусы! Вусы и загорѣлиси. Ну, Иванъ тоды кажець: коли жъ такъ, говориць, будземъ судзитца! Ну й засудзилиси; и пошли къ Богу. Ставъ Иванъ жалитца: „Божа Господзи, рассудзи ты насъ! Правили мы умѣсьци обѣдню; дыкъ Касьянъ не такъ ставъ молитвы правиць. Я яму ку: ня такъ! А енъ на мяне почавъ сваритца, ды тоды свѣчкой торьконувъ и вусы мнѣ обпа-

ливъ!" Разобравъ Богъ гето дзѣло, бачиць, што кругомъ Касьянъ виненъ. Хоцѣвъ ёнъ яго съ святъ скинуць, али ўжо каець: хай у три годы разъ табѣ святкуюць. А табѣ, каець, Иванъ, я здзѣлаю вусы другія, ще полѣпши, чимси былй! И здзѣлавъ яму̀ золотыя вусы.

Ну, дыкъ вотъ съ тыхъ поръ Ивана стали звацъ Золотовусъ; а ў Касьяновъ годъ што-што да прокинетца: ци на людзёхъ, ци на скоцини, ци на лясо̀хъ—дзѣ-дзѣ да прокинетца.

С. Любиничи, гор. у. Отъ кр. Евсея Павлова.

11. Илья.

Ильля етая колись столькито лѣтъ сядѣвъ у сѣдняхъ, а по̀томъ, значитца, Богъ давъ яму̀ сцалѣньня, и уставъ ёнъ и пошовъ на своихъ ногахъ. А яго родитали пошлй ў лядо, копать. Дакъ ёнъ узявъ, обѣду наваривъ и понёсъ имъ туды у лядо, уже своимъ родиталямъ. Приносяёнъ обѣдать, а тая уже, яго матка, и кажа: отъ жа, каа, нашъ Ильлюша нясе намъ обѣдъ! А батька кажа: э-э! подъяси ты отъ Ильлюши! погуляашъ! И ня ймали вѣры, штобъ ёнъ икъ имъ пришовъ,—думали, моотакъ хто иде. А по̀томъ ёнъ пришовъ икъ имъ самымъ. Тогды ёнъ приходя икъ имъ и говора: отъ-жа, говора: можа, вы хочатя обѣдать, дакъ садитеся обѣдайтя, а я ўже самъ буду копать лядо! Отъ, яны сѣли обѣдать, а ёнъ якъ ставъ корни вырывать, якъ ставъ—дакъ вырвя и киня, вырвя и киня, вырвя и киня. Дакъ, кажуть, у Полтавской губерни дакъ ровъ ё такій, што ёнъ узрывавъ. Дакъ ёнъ, значитца, ставъ узнавать, коли хто помрѐ, коли што будя. (Пророкъ). Дакъ Богъ яго и ўзявъ на небо съ тѣлясами.

Гом. у.

12. Кузьма-Демянъ.

Кузьма-Демянъ были колись ковалй. И была змяя колись. Дакъ яна убирала людей. И добираетца до ихъ уже, знатца. „Што, братъ: издѣлаемъ мы зялѣзную соху!" Здѣлали яны тяперака соху, и кажуть змяѣ: „пролизнѐшъ троя утъ-этыхъ дзярэй, дакъ мы табѣ сядомъ на языкъ, ты насъ и зъяси!" Тяперака, яна разъ лизнула, другій лизнула, и трэтьтій—и пролизала троя двярэй. Яны тогды цапель! да за языкъ яѐ клящами. Да одинъ гво̀здя по̀ голови, а другій запрагаа у соху. Якъ запрагли яѐ, дакъ орали яны на ёй лѣсъ, орали яны лугъ, орали яны по̀ля, орали ўсё—и не давали пить, покуль пріоралисъ къ Няпру. Якъ пріоралисъ къ Няпру, яна якъ вырыла ровъ, якъ стала пить, якъ стала пить—и опраглась. А яны тогды и пристановилися.

Гом. у.

13. Слѣды Богородицы.

У нашамъ боку много ё камнявъ съ слѣдами Бугуродицы. На ихъ каплички строють. Одинъ такій камянь жидова ўзяли—были у свою лазьню у кагалпую. Агу! имъ ноги и поподгнпало.

И ёнъ увесь на литарахъ (съ написью). И тольки трохъ словъ не разобрать. А колибъ разобрали, дакъ ба знали *якъ* на томъ свѣти, *якъ* и на етомъ. Такій камянь ѐ у Васильлевичахъ (село) мозырскаго уѣзда.

А ў Славени (село) дакъ ѐ такій камянь—кравецъ. Ёнъ усимъ одежу шивъ. Якъ принясѐ хто сукно да скажа: Стяпанъ, сшій мнѣ кафтанъ! дакъ ёнъ и сошъѐ. Зъ вечара сукно положъ, а наранья й готово. Дакъ одна баба принесла разъ сукно да й кажа: Стяпанъ, сшій мнѣ ни тое ни сёе. Назаўтраго приходя—агу! одинъ рукавъ тамъ, гдѣ трэба, а другій на полѣ ўнизу. Ну, й годи съ тыхъ поръ шить. А ножни и тяперъ па имъ знашны.

Гом. у. Подобныхъ камней-кравцовъ намъ извѣстно нѣсколько. Одинъ изъ нихъ имѣетъ напись и несомнѣнно принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ Борисовыхъ камней. (С. Выс. Городецъ, сѣнн. у. См. Могилевскія Губ. Вѣдом. 1885 г. № 42 и „Древности", т. XIII).

14. Богатый Пилипъ.

Бывъ сабѣ чаловѣкъ богатый Пилипъ, и никого ёнъ не даривъ и нà ночь ня пускавъ. А Господзь ходзивъ по зямлѣ йщѐ. Отъ и зайшовъ къ яму̀ ночавацъ. А яго дома нема, Пилипа—у каршмѣ. А баба одна дома. Ёнъ ставъ проситца нà ночь у бабы. Баба яго ня пускала, бялася Пилипа, што будзецъ Пилипъ сваритца. Дыкъ Господзь говóрицъ: „ды я лягу за печчу, енъ и ня ўвидзицъ!" Ну пошовъ и лёгъ за печку. Пришовъ Пилипъ съ каршмы. Енъ тамъ ставъ шаволитца за печкой, а Пилипъ почувъ. „Хто тамъ, говорицъ, шаволитца? вылѣзай сюды!" Ёнъ къ яму̀ вылязъ. Ёнъ яго ўзявъ за ковнéръ ды й повёвъ за вороты на вулицу. А баба услѣдъ идзецъ за ими, отборяниваць того нищаго, што пусьцила. Ну, Господзь царьпѣвъ, царьпѣвъ ды й ударивъ яго ницъ рукою. Якъ ударивъ—дыкъ ёнъ и ставъ конемъ. Тоды бабу̀ ударивъ ницъ рукою, баба стала кáмянямъ. Ну, коня узявъ Господзь за поводъ и повёвъ. Вядзецъ того коня по полю,—работаецъ старикъ исъ старухой на поли, и бязъ лошадзя, копаюць копаницами лядо. Ёнъ говóрицъ: „старикъ и старушка, што вы такъ работаеця бязъ лошадзя? Нація вамъ лошадзя, работайця имъ шесь годовъ, и ѣсь яму не давайця ничого, тольки ў годъ три жменьки трышнику̀ (тростнику) сухого дацъ; и работай, николи не давай яму отдышки, усѐ работай! Тоды наживѐшъ добро гетымъ конёмъ,

подзѣлимъ тоды пополамъ!“ Цяперь Господзь говорить на старушку: „идзи домовъ, затаплюй печку, приставляй цугуны, вари вячеряць!“ Яна отвѣщаець яму: „дзядуля-татуля,—нема ничого!“ Ёнъ говорить: я приду, дыкъ я тамъ куляшу заколочу вамъ! Яна пошла, затопила и поставила. Тоды Господзь пошовъ къ имъ и у цугуны муки потрусивъ. И ставъ кулешъ густый, хорошій,—давъ Богъ спорыя. Ну, тоды пошли вячерять. Повячерявши, Господзь пошовъ сабѣ, а старику отдавъ коня того работаць на шесь годовъ. Вотъ ёнъ шесь годовъ работавъ и наживъ добра много дужа, наживъ добра и дзенегъ.

Пройшло шесь годовъ. Приходзиць Господзь. Ёнъ ходзиць нищимъ. Приходзиць. „Што, говорить, чаловѣча,—ци много наживъ добра?“ Ёнъ яму показавъ хлѣбъ, добро гето знатца, и гроши. „Ну, цяперь, говорить, будземъ дзялиць!“ 'Зяли гроши дзялиць спочатку; рассунули на кучи. Цяперь старикъ говорить на старуху: „старуха! тамъ у мяне яще чатыре конѣйки ёсь, ляжиць у калицѣ, няси й тыя сюды, подзѣлимъ!“ Вотъ тому Господу усердзія гето жалко стало. „Чаловѣча, говорить: не надо мнѣ твоё ничого; забирай, говорить, и гроши своё и добро. Я тольки коня свойго возьму!“ Цяперь енъ коня узявъ и повёвъ къ тому камню. Ударивъ, привёвши, коня того рукою—ставъ чаловѣкомъ. Ударивъ по каменю рукою ниць—тожа *стала* женщиною. И славъ ихъ Господзь у царство нябесное,—заслужили яны сабѣ, святыми стали.

С. Староселье, любин. вол. гор. у. Отъ кр. Агаѳона Яковлева, 55 л. негр.

15. Юрай, Микола и мужикъ.

Орэ мужикъ, а ѣдуць якіясь два паны вярхами. Погнавсь мужикъ у другій конецъ, а яны подъѣхали къ яго колёсамъ и привязали своихъ коняй къ травѣ къ яго. На колёсахъ трава була. Вярнувсь мужикъ пазадъ ужо, съ конца того, другого, пріяжжаа къ колёсамъ. Яны говоруци мужуку тому: ты, моа, травицы жалѣяшъ тэя? Дыкъ ёнъ: „нѣ, каа, паночки: на здоровъика кóнямъ вашимъ, паночки! Поѣли-поѣли, яще найдземъ, коли Богъ дасць!“ Тогды Юрай говора ужо: „запражи-тку мойго коня, свойго выпражъ. Ци богато полосъ у цябе ё!“—Двѣ полосы яще ё! Ну, дыкъ енъ перапрогъ коня, свойго выпрагъ, а Юроваго запрогъ. Якъ поѣхавъ,—одну полосу отразу узоравъ! Тогды тэй ужо, Микола, кажа: ну, цяперака запражи мойго коня! Ёнъ запрогъ; поѣхавъ, узоравъ яще полосу отразу усю. Вѣдомо, Божжа слово. Тогды Микола кажа мужуку: „а што, который лучче конь?“—Во ето, паночки, лучче конь,—на Юрова коня говора. Ну, яны и поѣхали. Тогды Микола ужо кажа Юраю: „я, кажа, мужуку отобъю грозою усё чисто, морозомъ выморожу!“ Ну, Юрай, почувши ето, къ му-

жуку: „такъ и такъ, кажа, дзѣлай! буры ня дожидай, тоя й тоя урэмя дзѣлай!“ Ну, мужикъ такъ и здзѣлавъ. Цяперака, жито урӯнило хорошо. Юрай цяперъ говора мужуку: продай, кажа, жито жиду якому, ци кому! Ну, мужикъ пошовъ набився жиду. Жидъ тэй бача, што рунь хорошаа, давъ яму грошы,—наградзивъ такъ, што Божа мой. Ну, цяперъ жидъ тэй дождався, знатца, вяспы ӯжо,—нема руни тэя нійдзѣ. Ёнъ тогды на мужӯка: давай, каа, грошы моѐ тэя! Што я за пустую зямлю плацидь буду, каа. А Юрай подъѣдзя къ мужуку ды й наӯчаа: отдай, кажа! А жито твое, кажа, узновъ якъ було, такъ и будзя! Ну, пѐтомъ, жидъ узявъ своѐ грошы,—отдавъ мужикъ грошы. Жито тое такое узялось,—нема-вѣдома откуль. Ну, цяперака Микола кажа: я, кажа, градомъ, бӯрой поломаю усѐ! Юрай тогды къ мужуку: лядзи жъ, кажа: у тоя и тоя урэмя возьми, кажа, найми и сожни—и въ ёвню; сычасъ у гумно перавязи! Ну, мужикъ такъ и здзѣлавъ. Ничого яму Микола не згрозивъ. Ну, тогды пріяжжаюць яны узновъ удвоихъ. „О, хйцяръ, кажа, мужучокъ! Ну, ды я на яго Злыдню, кажа, пашлю“. А того Микола ничого ня вѣдаа, што Юрай наӯчаа мужука. Ну, Юрай сычасъ мужӯку кажа: у порожній, каа, инбаръ—просячы вокошки два малыхъ, а двери позабивай на завалъ! Ну, приславъ Микола Злыдню. Яна пришла у инбаръ, сядзѣла, сядзѣла—нечаго ѣсць, зъ голоду пропадаа. Ну, яна и вышла. Знатца, ничого ня здзѣлала по приказу Миколову. Мужучокъ жита намолоцивъ и живе,—споживаа яго.

С. Меркуловичи, рогач. у. Отъ кр. Григорьева Василія, 73 л. негр. Варіанты запис. мною и въ др. уу.

б, Ходзивъ Микола зъ Юрьимъ пы зямлѣ. Расъ идуць яны дорогый, апъ пашиць мужикъ пшаницу кылы самый дороги. Яны говорюць яму: „здрастуй, мужучокъ! Бохъ помычъ!“—Здоровъ! Дзякуй! Ну, пройшли яны дальши и заспоровали: кому зъ насъ мужикъ здрастуй давъ? Микола каниць: мнѣ давъ, бы я человѣкъ старый! А Юрья говѐриць: мало-што ты старый, ды ёнъ мнѣ давъ здрастуй, а не табѣ!—Ну, кыли такъ —вѐрнемся пызатъ и спытаемся! Врнулись пызатъ къ мужуку: „а што, братъ: кому ты зъ насъ здрастуй давъ?“ Мужикъ подумывъ—подумывъ, ды й кажиць: конешня стыму старыму человѣку! Микола тоды кажиць: а што, Юрья: я табѣ кызавъ, што мнѣ мужикъ давъ здрастуй, а не табѣ, блазну! Юрья рассердзився и говѐриць: ну, коли шъ ёнъ табѣ давъ здрастуй, дыкъ я яму сту пшаницу усю градымъ побъю!

Вырысла тая пшаница у мужука дужа ладная. Жалко стало Миколи мужука. Приходзиць ёнъ къ мужуку и говѐриць: „здзѣлый-тку ты такъ, якъ я табѣ скажу: сходзи ты къ быгатыму куму къ свойму и прыдай

ямў ету пшаницу, хуць за осмину жита; а то йна соусимъ пропадзе́ць!“ Мужикъ такъ и здзѣлывъ. Приходзиць къ куму и гово́рицъ: „вотъ што, кумъ, я къ табѣ ходжу: дай ты мнѣ осмину жита, а сабѣ возьми мою пшаницу. Признатца, хлѣба умаленьня, купляць незышто, новыго выжидаць няскоро, ще далёка пѣсня, а дзицей кормиць надо; грошій у мяне нема, дыкъ ты хуць пшаницу возьми. Бязъ грошій жа ты не даси?“ — Конешня бязъ грошій не дамъ. А на пшаницу можно. Идзи скорѣй за мѣшками ды не гывори никому! Ратъ ставъ, што еткую пшаницў за осмину жита купивъ, и ўсё считаець, скольки ёнъ нажне́ць. намолоциць. Ашъ ныйшла силная буря и побила градымъ пшаницу, усю чисценько умясила ў зямлю.

Тоды говориць Микола Юрьи: „ты разуменъ, а мужикъ ящо разумнѣй: ёнъ жа шъ продавъ пшаницу за осмину жита быгатыму куму. Ето ты кумыву пшаницу побивъ!“—Ну шъ коли такъ, я нырожу зъ етый соломки дужа хорошыю пшаницу! А тэй быгатый кумъ ставъ кума ругаць: „хто цябе знаиць, можа ты якей чиравникъ: дывай нызатъ мою осмину жита, нехай табѣ твыя пшаница!“ Што тутъ дзѣлыць мужуку: ни грошій нема, ни пшаницы, и жито поѣвъ. Жалко Миколи стало мужука, приходзиць къ яму и даѐць гроши: „купи, каиць, осмину жита и отдай куму, а пшаницу возьми нызатъ сабѣ. Тольки якъ поспѣиць—во ’дзинъ дзень звязи съ поля!“ Ну, тэй такъ и здзѣлывъ. Тоды Микола говориць Юрьи: „ты разуменъ, а мужикъ разумнѣй: ёнъ отдавъ куму осмину жита, а пшаницу узявъ нызатъ сабѣ, и ты ныродзивъ ня куму, а ямў!“—Ну, коли шъ такъ, дыкъ я не дамъ умолоту етый пшаницы (дат.): хуць ёнъ посодзиць на ёвню три копы—вымылыциць три мѣрки, хуць усю разымъ посодзиць—усё три мѣрки!

Приходзиць опяць Микола къ мужуку: „ну, пшаница твоя уродзилась добрая; али ты садзи яѐ на ёвню усё по три снопы!“—Добря, стыричокъ: буду такъ дзѣлыць, якъ ты кажишъ! Пычавъ мужикъ мылоциць пшаницу; и содзиць по три снопы, а берецъ по три мѣрки чистыя пшаницы. Насыпавъ повенъ ынбаръ. И ставъ прыдаваць, и на новъ у повтора рыздаваць,—ставъ быгацѣць. Тоды Микола говориць Юрьи: „разуменъ ты, а мужикъ ящо разумнѣй: ёнъ садзивъ на ёвню по три снопы, а бравъ пшаницы по три мѣрки!“—Ну, коли шъ ёнъ хицеръ, дыкъ я поставлю ли дзярей, ли ’нбара Прорву: ина поѣсь яго пшаницу! Пошовъ Микола опяць къ мужуку и каиць яму: „прысячи ты у своимъ ынбари двери у другей сцянѣ, ны горо́тъ; ци самъ будзешъ брапь пшаницу, ци прыдываць, дыкъ усё у тыи двери. А еты зыкылоци!“ Ну, мужикъ такъ и здзѣлывъ. Рыздавъ, рыспродавъ пшаницу и ставъ быгатымъ хыдзяинымъ. А Прорва стоиць ли забитыхъ дзярей, зъ голодў до́хнецъ.

Тоды Микола говорицъ Юрьи: „што, братъ: разуменъ ты, ды мужикъ усётки разумнѣй: ёнъ жа шъ забивъ еты двери, дзѣ ты Прорву поставивъ, а празъ другіи пшаницу рыспродавъ, разбывъ, и ставъ быгатъ!" Рассердзився тутъ Юрья: ну, коли шъ такъ, дыкъ я яго спалю со ўсимъ яго дворомъ и добромъ!.. Стало жалко Миколи мужука. Идзецъ ёнъ къ яму: „што, братъ: ци празнуюць у васъ у восень Юрью?"—Празнуюць, и ня то што Юрью, дыкъ и Миколи празнуюць!—„Дыкъ вотъ што я табѣ скажу: ссучи ты къ Юрьи три свѣчки: одну большўю, другую поменьшыю, а третьцію соўсимъ маленькыю. И большую поставъ у цэркви Юрьи, другую Миколи, а самыю малыю усимъ святымъ!"—Добря, здзѣлыю!

Ну, пришло Юрья. Идзецъ мужикъ у цэркву къ обѣдни, и нясѐць три свячи. Стрѣлись зь имъ Микола и Юрья: „здрастуй!"—Здрастуйця, мои дырогіи!—„Куды ты йдзѐшъ?"—А къ обѣдни!—„А свѣчки кому нясѐшъ?" пытаетца Юрья.—А кому жъ я нясу: большую—ету Юрьи: яго сягоньни празьникъ, пумолитца яму, святому угоднику, треба. А меньшыю—Миколи; а самыю малыю—ету ўсимъ святымъ!—„Ну, мылодзецъ, што ты дыгацався, мнѣ самыю большыю свѣчку нясешъ ставиць; а то я ўжу хоцѣвъ цябе спалиць! Цяперь живи сабѣ зъ Богымъ!" Пупрощались, и пошли сабѣ дальши. Мужикъ шапку знявъ и ў зэмлю пыклонився: прыщайця! Тутъ ужу ёнъ узнавъ, што ето были людзи не простыи, а обои угодники, Юрья и Микола.

Орш. у. Сообщ. А. П. Сапуновъ.

16. Откуда попъ.

Богъ хутѣвъ съ чаловѣка издѣлать ильва. Утъ ёнъ здѣлавъ кашлатую гуловў, зъ довгіми вулосами, зъ большими зубами. Ды й спухватився, што ўсяго тольки двѣ ноги. Идѣ жъ ищэ узять двѣ? Утъ ёнъ думавъ—думавъ, ды й кажа: „ну, ня будяшъ жа ты чаловѣкомъ, а будяшъ попомъ!"

М. Жлобинъ, рогач. у.

17. Откуда медвѣдь.

Разъ ишовъ Богъ по вулицы. Вотъ одинъ человѣкъ захотѣвъ его спугать. Ставъ за вугломъ и дожидая Бога. Тольки Богъ подыходя къ ямў, а ёнъ на его зъ за вугла—агууу! Дакъ Богъ и кажа: штобъ жа ты такъ довѣку гувъ. Той человѣкъ сичасъ и здѣлався медвѣдемъ. Оттого и ступня у его человѣччая.

Зашт. г. Бѣлица. Сообщ. В. Р. Романовъ.

18. Откуда буцянъ.

Ишовъ разъ Богъ пы зямлѣ и нёсъ мѣхъ гадывъ разныхъ, кабъ не расповзалиси. Нёсъ, пёсъ и ўтомився. Видзиць, дыгоняець яго человѣкъ. „Добрыдзень,“ каець.—Здоровъ!—„Ци не поднёсъ ба ты мнѣ гэтый мѣхъ троху,—я заморився?“—А чаму? давай! Отдавъ Богъ яму̀ мѣхъ. „Тольки, глядзи, каець, не раскрывай мѣха, не глядзи, што тамъ ёсь!“ Ну, тэй человѣкъ понёсъ, а Богъ отстався троху отдыхаць. Видзиць человѣкъ, што Богъ отстався, и зацикавився ёнъ пыглядзѣць, што тамъ у гэтымъ мяху ёсь. Ну, енъ узявъ, мѣхъ развязавъ. Тольки ставъ глядзѣць, а гады ўси оттуля, оттуля—якъ пычалй скакаць,—уси й повыскакывали. А тутъ и Богъ идзѐць. „Коли жъ ты мяне, каець, не послухывъ, дыкъ идзи цяперъ, собирай гэтыхъ гадывъ!“ И здзѣлывъ яго буцяно́мъ (аистомъ).

Г. Сѣнно. Отъ м. Ивашкевича.

19. Откуда табака.

Жила сабѣ такъ одна дѣвка. И бывъ у яѐ одинъ собака. И яна етаго собаку пріўчила съ собой у постелю спать. Ну, той собака спавъ, спавъ зъ ёй, да й улюбився у яе. Здѣлали яны грѣхъ, дѣвка тая забярэменила, и родила щанка. Якъ родила яна ето щанка̀, батька яѐ и ўбивъ, и закопавъ. Кольки тамъ урэмъя прошло посли того, выросла на томъ мѣсти, на могили, табака. Стали люди глядѣть, што за трава за такая, и захотѣли увознать, откуль яѐ корань иде. Ну, тогды, раскопали зямлю, коли поглядять, ажъ корань иде, чаразъ тютьку, съ самаго пуза дѣвки тыя... Отъ, яго и стали *тютюнъ* звать.

Краснобудск. вол. гом. у. По друг. вар., табакъ выросъ тамъ, гдѣ „задавився Юда. Дакъ Богъ сказавъ табаку курить и плювать на Юду“.

20. Богъ и мужикъ.

Бывъ сабѣ одзинъ бѣдный мужучокъ. Пошовъ ёнъ разъ на кирмашъ и купивъ сабѣ кобылку жаробную, за карбованца, моа, за якого. Вядзе ёнъ яе домовъ и обняла яго цёмная ночь уво днэй у дзяревни. Просився ёнъ на ночь, просився, и нихто яго ня пускаа. Тогды одзинъ мужикъ кажа: „бывъ тутъ у мяне попередъ за цябе одзинъ старичокъ, просився. Дыкъ вунъ ёнъ за дзяревней ночуя; и ты туды вядзи!“ Ну, енъ и пошовъ. Приходзя туды. „Здрастуй табѣ, дзядуля!“—Здоровъ!—„Ци няльга бъ и мнѣ ли цябе переночавацъ!“—А ночуй сабѣ! Увоткнувъ коликъ у зямлю. Во, кажа, привяжи кобылёшку! Ну й обночавали. Назаўтраго устаюць яны уранься,—кобыла жарабилася. Отъ яны и занялй споръ за

жарабя. Мужикъ говора: кобылка моя жарабилася! А старикъ говора, што количакъ мой жарабився! Потому яны спорили, спорили и давай судзитца. Повёвъ яго мужикъ уво 'дзинъ судъ, у другій, у третьцій—усюдыхъ дзѣдъ выйграѐ. Ёнъ усюдыхъ гроши дававъ у судзѣ. Обходзили яны ўси суды, ну, тогды дзѣдъ говора мужуку: „Ну, цяперъ, кажа, обходзили мы ўси твое суды, пойдземъ цяперъ на мой судъ,—што мой судьдзя признаа!“ Приходзюць яны къ святому Гаврилу. „Ну, што, кажа дзѣдъ: рассудзи ты насъ, святый Гаврила! Такъ и такъ, такое и такое дзѣло: што жарабилося—ци яго кобылка, ци мой количакъ?“ Святый Гаврила тольки узглянувъ на яго и говоря: ишовъ я, Господзи, черазъ синя мо́ря и сѣявъ овёсъ; не знаю, ци поросъ, ци нѣ, Господзи? Господзь Богъ тогды говора: „идзѣ жъ яно поросцѐ на мори?“—А идзѣ жъ, Господзи, количакъ жаребитца?... Отъ, тогды Господзь Богъ, посля свойго суду, отправивъ мужука и отдавъ яму кобылку зъ жарабёнкомъ. И пошла тая кобылка мужуку ў пуць.

М. Гайшинъ, быхов. у. Отъ кр. Өедора Өедотова 38 л. негр. Гов. смѣш.

21. Съ того свѣта новины.

Живъ сабѣ такъ старикъ со старухой, и было у ихъ троя сыновъ: два разумныхъ, а третьцій Иванушка дурачокъ. И дужа бѣдно жили яны, по старому ўремю. Тоды бацька говбрицъ на большаго сына: идзи ты куды—небудзь служиць! Сынъ тэй пошовъ и нанявся на службу къ сусѣду. И ўговорилиси яны такъ, што коли по правдзи служиць будзець, дыкъ шесьдзесятъ цалковыхъ дамъ, а коли не поправдзи, дыкъ тритцаць. Ну, тоды ходзяинъ яму говорицъ: ,,однакъ у насъ цяперь работа не вялика,—вядзитку ты коній пасьциць!“ Повёвъ гэтый работникъ коній пасьциць, пусьцивъ ихъ на лугъ, а самъ пошовъ на гору̀, сѣвъ подъ дубомъ, сядзѣвъ-сядзѣвъ ды й заснувъ. Ци довго ци нѣ спавъ, прошипаетца—нема коній. Што тутъ дзѣлаць? Шукавъ ёнъ ихъ, шукавъ,—нема нійдзѣ. Ёнъ ужо хоцѣвъ домовъ ици, коли полядзиць, ашъ кони яго идуць изъ лѣсу. Ставъ ёнъ дужа радъ, што яны нашлиси, и погнавъ ихъ домовъ. И яму здалося, што ёнъ дзень пасьцивъ, а гэто не именно дзень, а годъ пройшовъ. Ходзяинъ тоды пытаетца: а што, каець, ци ня видзѣвъ ты идзѣ якія новины?—Нѣ, каець, нійдзѣ ничого ня видзѣвъ. Тоды ходзяинъ давъ яму тритцать рублей и отправивъ яго домовъ: ,,вотъ, сынокъ, каець: не по правдзи ты у мяне служивъ!“

На другій годъ отправляець старикъ свойго сярэдняго сына на службу къ сусѣду. Ёнъ и тому такъ жа само говорицъ: вядзи, каець, сынокъ, коній пасьциць, однакъ цяперь дзѣлаць нечаго! Ёнъ повёвъ коній,

пусьцивъ на лугу, а самъ пошовъ на горў, сѣвъ подъ дубомъ и ў скоросьци заснувъ. А кони й пошли. Прошнувся ёнъ, нема коній. Шукавъ, шукавъ до самаго вечара. А ўвечари кони сами пришли зъ лѣсу. Ёнъ ихъ и погнавъ домовъ. И тожъ не именно дзень пройшовъ, а цѣлый годъ. Пригнавсь енъ домовъ, ходзяинъ у яго пытаець: ци ня видзѣвъ, сынокъ, идзѣ нибудзь якія новины?—Нѣ, каець, нійдзѣ ничого ня видзѣвъ! Тоды ходзяинъ говориць: вотъ сынокъ, и ты ў мяне ня вѣрно служивъ! И давъ яму тритцать цалковыхъ, и отправивъ яго домовъ.

На третьцій годъ проситца Иванушка дурачокъ у бацьки: пойду я, татъ, служиць!—Идзѣ табѣ, дураку, служиць? Большія, разумнѣйшія ня ўслужили, а то ты услужишъ!—Нѣ, татъ, пойду! И ўпросився у бацьки, и пошовъ служиць. Ходзяинъ и яму говориць: вядзи коній пасьциць! Ёнъ повёвъ, пусьцивъ ихъ на лугу, а самъ пошовъ на гору, сѣвъ подъ дубомъ и ставъ табаку куриць и лапци плесць. Полядзиць ёнъ на коній, а кони уво 'днымъ мѣсьци ня ходзюць, ды ўсё дальше йдуць. „Э, каець дуракъ, тутъ ужо лапцявъ не сплянешъ!“ Кинувъ лыки подъ дубомъ, а самъ пошовъ за конями. Кони идуць дальше, и ёнъ идзець. Куды кони, туды и ёнъ. Ишли, ишли гэтыкъ и пришли къ рацѣ. Кони поплыли чаразъ рѣку, и Иванька ухвацився за коньскій хвостъ, и ёнъ пераплывъ. Ишли-ишли, и пришли ў садъ. А ў томъ саду косьцёлъ. Тоды кони обярнулись чаловѣками и пошли у косьцёлъ Богу молитца. И Иванька за ими. Помолившись Богу, вышли съ косьцёлу, и скинулись узновъ конями. Вышли съ косьцёла, Иванька сорвавъ у саду два яблоки: одно золотое, а другое сяребраное, и пошли назадъ. Тольки отыйшлиси отъ косьцёла, гонюць два малцы овечакъ. Одзинъ гониць бѣлую стаду, а другій чорную. Тоды Иванька пытаець: куды вы ихъ гониця? А яны яму сказали: идзи, дурень, куды йдзёшъ! Тоды Иванька погнавъ коній дальше. Идуць яны, и приходзюць къ большой хаци. Зайшовъ Иванушка туды, ашъ тамъ бѣгаець чаловѣкъ ды кричиць: ай, цѣсно, ай, цѣсно! Тоды Иванушка говориць: чаго ты кричишъ? гэто шъ тутъ роскошно! А ёнъ говориць: идзи, дуракъ, куды йдзешъ! Пошовъ Иванька дали за своими лошадзьми, видзиць—уклавъ чаловѣкъ головў у горщокъ и ѣсь, и ўсё кричиць: ай, ѣсци хочу! ай, ѣсци хочў! Тоды Иванушка говориць: чаго ты кричишъ, ты жъ яси? А ёнъ каець: идзи, дуракъ, куды йдзёшъ! Ну, ёнъ и пошовъ дали. Пришли къ рацѣ, видзиць ёнъ, што уклавъ чаловѣкъ головў у рѣку и кричиць: ай, пиць хочу! ай, пиць хочу! Иванушка ямў говориць: што табѣ, ци мало? Ты шъ уклавъ голову у водў! А ёнъ кажець: идзи, дуракъ, куды йдзёшъ! Тоды кони поплыли чаразъ ракў и Иванька зъ ими. На берази найшовъ двѣ травинки: одну золотую, другую сяребраную. Ёнъ ихъ сорвавъ и поклавъ къ яблокамъ. Тоды при-

гнавъ ёнъ коній домовъ, ходзяинъ и пытаетца: а што, ци ня видзѣвъ ты якéй новины? Иванушка дурачокъ яму̀ говбрицъ: „а вотъ якую я табѣ новину скажу! Ишли мы, ишли,—пришли къ рацѣ. Моé коники пераплыли; и я зъ ими, узявшись за конській хвостъ. Пришли мы къ саду, а у томъ саду косьцёлъ. Тоды коники пообярнулись чаловѣками, и пошли мы ў косьцёлъ Богу молитца. Вышли мы, помолившись, съ косьцёла, тоды, яны по'бярнулись кониками, а я оторвавъ тамъ два яблочки: одно золотое, другое сярэбраное!“ И отдавъ яму гэты яблочки.—Ну, каецъ, ци ня видзѣвъ ты и другей якèй новины?—„А вотъ, якъ вышли мы съ косцёла, дыкъ видзѣли—гнали два мáлцы овецъ, одзинъ бѣлыхъ, другій чорныхъ. То я пытаюсь: малцы, куды вы гониця гэтыхъ овецъ? А йны говоруцъ: идзи, йдзи, дуракъ, куды йдзéшъ! То мы и пошли дальше...“ Тоды ходзяинъ говорицъ: гэто вы были на томъ свѣци. Бѣлыя овечки, гэто людзи йшли съ пекла у рай, а чорныя—гэто йшли изъ раю ў пекло! Ну, а щѐ ци ня видзѣвъ якéя новины?—„А вотъ, каецъ: ишли мы ишли, видзимъ—бѣгаецъ чаловѣкъ по усей хаци ды кричицъ: ай, цѣсно! Я кажу: гэто шъ хата большая, чаго ты кричишъ? А ёнъ каецъ: идзи, дуракъ, куды идзѐшъ!“—Вотъ сынокъ: гэтый чаловѣкъ на гэтомъ свѣци, якъ хто попроситца нучу̀вацъ, не пускаецъ, кажецъ: у насъ цѣсно! Вотъ яму и тамъ цяперъ цѣсно. А ще ци ня видзѣвъ якѐя новины?—„А якъ мы ишли, то одзинъ чаловѣкъ уклавъ голову у горщокъ и ѣсь, и усё кричицъ: ай, ѣсь хочу̀! Я говору: ты жъ яси, ци табѣ мало?—А ёнъ каецъ: идзи, дуракъ, куды йдзѐшъ!“—А гэто, сынокъ: коли на гэтомъ свѣци попросицъ нищій ѣсци, а йму не дадуцъ, скажуцъ: намъ самимъ нечаго ѣсцъ! Вотъ имъ и на томъ свѣци мало!—„А ящо табѣ скажу новину. Ишли мы, ишли, пришли къ рацѣ. А тамъ одзинъ чаловѣкъ уклавъ голову̀ у рѣку и кричицъ; ай, пицъ хочу! Я яму кажу: ты пи! што, табѣ мало? А ёнъ каецъ: идзи, дуракъ, куды йдзéшъ! То я й пошовъ дали.“—А гэто, сынокъ, яму на гэтомъ свѣци ўсё було мало, вотъ яму й на томъ мало. А ще што ты видзѣвъ?—„А больше я ничóго ня видзѣвъ, только якъ пераплыли чаразъ рѣку, сорвавъ я двѣ травинки: одну золотую, а другую сярэбраную!“ И давъ яму гэты травинки. Тоды старикъ тэй каецъ: вотъ. сынокъ, ты ў мяне вѣрно служивъ! Давъ яму шесьдзесятъ цалковыхъ и отправивъ домовъ. И съ тыхъ шесьдзесятъ цалковыхъ яны разжилиси и стали жицъ хорошо и богато.

Ульянов. вол. сѣнн. у. Отъ кр. Афанасія Сгельмахова.

22. Купеческій сынъ.

Живъ такъ богатый купецъ. И бывъ у яго сынъ Иванъ. Ёнъ день

и ночь пóйдя у особянную комнату и молитца, и читая божествянное. И такъ кольки разовъ. Тольки разъ являятца къ яму̂ ангалъ и говора: проси батьку свойго, якъ ня можно, штобъ ёнъ тябе не жанивъ, то будяшъ святымъ. Ёнъ пришовъ назаўтраго и кажа: татъ, не жани мяне! А ёнъ кажа: якъ жа намъ тябе не жанить? ти мы якія ўбогія? Ёнъ заплакавъ и пошовъ опять читать. Прилятая къ яму опять ангалъ и говора: проси скорѣй, якъ ня можно, батьку, штобъ не жанивъ тябе! Наставъ день, ёнъ опять пошовъ къ батьку и говора: не жани мяне! Батька яму опять жа такъ отказавъ. Ёнъ заплакавъ и пошовъ читать. Прилятая изновъ ангалъ: ти ўпросивъ?—Нѣ!—Ну, иди жъ проси, якъ ня можно, штобъ бравъ за тябе сиротину! Енъ пошовъ и говора: ну, татъ: жани, тольки бяри за мяне сиротину!—Эй! Якъ намъ сиротину за тябе брать? Мы жъ вóзьмямъ такую, якъ мы сами!... Ну, и ўзяли такую, якъ сами, богатырку. А яна была колдунка. Пошли яны спать. Яна приспала свèкра и свякруху и говора яму: иди порѣжъ ихъ! Нà табѣ мечъ! Ёнъ отмогавсь—отмогавсь, кажа: я боюсь, яны устанути!—Нѣ, кажа,—ня бойся, иди, а то мой мечъ, табѣ голова съ плечъ! Нечаго яму дѣлать, пошовъ къ имъ у хату,—стукая, кричить, штобъ яны, бачь, устали. А яны ня чуять, спять. Ёнъ пошовъ къ ёй и говора: якъ жа мнѣ, кажа, рѣзати свойго батьку й матку! Яна мечъ у яго ухапила, побѣгла, гóловы имъ потсякала. Тогды узяли ободва и подъ мостъ ихъ поклали. Назаўтраго приходя къ имъ сусѣдка. Бача, няма старыхъ. „Игдѣ ваши, кажа, старыя?“—А поѣхали ў гости! На другій день приходя сусѣдъ бытцамъ у позыки. Игдѣ, кажа, ваши старыя?—Да поѣхали ў гости!... Ну, тутъ уси дознались, што яны штось издѣлали съ старыми. Пошли, объявили старосту. Пришли ўси и стали пытать у яго. А енъ кажа: яна ихъ порѣзала! Отъ яны узяли яе, привязали къ конському хвосту и пустили у чистое поля, а яго закували ў зялѣзы и пустили, а ключъ укинули у рѣку. Ёнъ и пошовъ у свѣтъ. Ходивъ, ходивъ, приходя у лѣсъ. А у томъ лясу старикъ живъ, пустэлникъ. Енъ яго пытая, старикъ: чаа ты, кажа, ко мнѣ забрывъ?—А такъ и такъ: наложи покуту!... Ну, ёнъ заставивъ яго пасти чорныхъ овецъ, покуль стануть бѣлыя. Ёнъ пасъ, пасъ, двадцать пять годовъ, а яны усё чорныя. Тогды тэй пустэлникъ давъ яму грóшай, кольки-тамъ, и кажа: „иди, кажа, на базаръ и купи рыбину, зъѣжъ!“ Пошовъ Иванъ на базаръ, купивъ рыбину. Разрѣзавъ, ажъ тамъ ключъ. Отъ ёнъ пошовъ туды и хвалитца: во, я, кажа, ключъ у рыбини знайшовъ! Ёнъ говора: ти не отъ твоихъ ето зялѣзовъ? Енъ примѣравъ, сычасъ замокъ и разомкнувъ. Якъ разомкнувъ, такъ и стали овечки уси бѣлыя, якъ снѣгъ. Ну, тогды старикъ яму кажа: отъ на такой и такой горѣ ходять твоѐ батькй! Пошовъ ёнъ къ той горѣ, и ставъ просить

батьку: татка мой, прости мнѣ! Ёнъ кажа: Богъ прощая и я прощу. Пошовъ ёнъ къ матцы: прости, каа, мяне, мамъ! Яна кажа: Богъ прощая, и я прощу. Якъ сказали такъ, ёнъ и параставився, и померъ.

С. Перерость, гом. у.

23. Пилипъ Милосэрный.

Живъ такъ сабѣ у дзяревни Пилипъ Милосэрный. Ёнъ—хто придзець, усякаго дорицъ, усякаго жалѣецъ,—вядомо, чаловѣкъ милосэрный. Алѐ самъ сабѣ надумався: пойду ў свѣтъ, пойщу, ци ёсь такій чаловѣкъ, якъ я? Ну, пошовъ. Зайшовъ ёнъ у домъ—такій домъ стоицъ—зайшовъ ёнъ на ночь, у лясу. А ў томъ доми старикъ,—то разбойницкій домъ. Ну, тоды попросився ёнъ тамъ на ночь. А ёнъ одзинъ старикъ тамъ, а ў яго сыновъ тамъ семъ ци восемъ, и ихъ не было тоды. Ёнъ, тэй старикъ каець: лѣзь за печку да й ночуй! Позно вечаромъ прiѣжжаюць сыны зъ разбойниства. И старикъ, ихъ отецъ, спрашiецъ: а што, ци попалося сяньни што, выробиць кого?—Нѣ, каець, сяньни нидзѣ не попало ничого!—Ну, дыкъ вячеряйця, говориць, ды ѣдзьця обворуйця Пилипа Милосэрнаго, однача ничого не попало! А ёнъ, Пилипъ Милосэрный, за печкой гето чуець, ды й говориць: братцы! наця вамъ ключи, ня порциця замковъ, ды и возьмиця, што угодно у мяне! Тоды яны кауць: хто жъ ты такій?—А я жъ, каець, тэй самый Пилипъ, куды вы ѣдзеця воровацъ,—тэй самый ёнъ!... Хорошо.—Якъ жа ты, што? Куды ты йдзешъ? спрашуюць у яго.—Я, говориць, иду смотрѣць, ци ё такій чаловѣкъ, якъ я, у свѣци! Ну, тоды тэй говориць: однача, говориць, пойду и я съ тобой: ци ё гетакій чаловѣкъ, якъ я ўжо?... Ну, идуць яны ужо ўдвухъ. Гето было разбойницкій дворъ, а то зайшли яны у воровый дворъ, у злодзѣйскій. Ну, тамъ яны ничого: злодзій тэй пусьцивъ ихъ ночавацъ: хто вы, што, куды йдзеце?—А я, каець, Пилипъ Милосэрный, дарю ўсихъ, усякаго жалѣю! И разбойникъ каець: а я, каець, разбойникъ,—живу зъ разбойниства, кабъ што попалося, выробиць кого. Идзёмъ у свѣтъ смотрѣць, ци ёсь такія людзи, якъ мы ў свѣци! Ну, тоды и злодзій тэй говориць: ну, пойду и я зъ вамы шукаць, ци ё у свѣци такій чаловѣкъ, якъ я, говориць. Идуць яны ужо утрёхъ. Увыйшли у лѣсъ цёмный, сустрѣкаець ихъ старикъ, ну довжно быць Господзь. Давай у ихъ распрашавацъ,—што за людзи, куды йдзеце? Ну, тэй говориць: я Пилипъ Милосэрный! А тэй: я разбойникъ! А тэй: я злодзій! Призналися уси своёй причиною. Обнила ихъ цёмная ночь. Ну, старичокъ показавъ имъ на три дороги: ну, ты, Пилипъ, идзи гетой дорогой почавацъ, а ты гетой, а ты гетой идзи! Показавъ имъ на три дороги. Ну, и пошли. Пришовъ Пилипъ, стоиць домъ,—свѣчи горяць, вя-

черя на столѣ стоиць: хлѣбъ, соль, проскурки, то, сё,—посьцеля послáна. Ну, вотъ, говориць: вячеря стоиць, кушаньни, да нема никóго у доми! Повячерявъ, Богу помолився и лёгъ спаць. Назаўтрего ўставъ, водзица стоиць и рушники висяць. „Хоця бъ, каець, сказавъ ба спасибо кому,—хала табѣ Божа, усяго досъ быдò—дыкъ и некому! говориць тэй Пилипъ. Вышовъ на тое мѣсто, идзѣ разлучалися, и ставъ ожидаць ихъ, покуль собярутца.

А разбойникъ цёмной ночой якъ пошовъ, увыйшовъ у садъ. Якъ стала буря, якъ стало сучча по ёмъ хлёпаць! Ёнъ уцекаць. Куды прибяжиць—замётъ! Куды прибяжиць—замётъ. Бѣгавъ, бѣгавъ, а сучча по ёмъ, по ёмъ, хлёпъ да хлёпъ! Бѣгавъ, бѣгавъ цѣлую ночь. Давъ Богъ зарю—нема нiйдзѣ ничого.

А злодзiй пришовъ къ рѣчцы. Ляжиць кладка на рѣчцы. Пошовъ ёнъ по кладцы и увалився у водỳ, и тонець. Дакъ ёнъ общапився рукамы за кладку и ногамы заклавъ за верхъ, и ўсю ночь плаваець. Давъ Богъ зарю—и нема ни рѣчки ни кладки.

Ну, тоды собралися уси опяць, уси троя, на тоя мѣсто. Ну, тоды спрашуюць одзинъ у 'днаго: яковъ вамъ ношлегъ бывъ. Пилипъ каець: мнѣ, хала табѣ Божа, усяго было досыць, тольки некому было спасибо сказаць!.. А разбойникъ каець: а я бѣгавъ по саду усю ночь, и сучча мяне било. Куды прибягу—некуды уцець; назадъ побягу—опяць бъець!.. А злодiй каець: якъ пошовъ я по кладцы, увалився, дыкъ и общапився за кладку рукамы и ногамы, ды ўсю ночь и плававъ такъ: и пусьциць нельзя и выплысць нéякъ, уночѝ!.. Ну, тоды почали яны ямỳ казатца, Пилипу: „ты, значитца, чаловѣкъ хорошiй! дай мнѣ покуту: я буду отвѣчаць!“ Тоды Пилипъ узявъ яблонковый колъ и ўбивъ: „носи, говориць, водỳ ротомъ и поливай гетый коликъ. Коли гетый коликъ прiметца и зацвиципь и стануць яблоки на имъ, дыкъ тоды табѣ Господзь грѣхъ просьциць!“ разбойнику гето. А злодзiй такъ сцёрся, пошовъ нема вѣдома куды, и грѣхъ не прощёнъ яму.

Пошовъ Пилипъ *дома*, и ставъ ужо царковнымъ старостомъ,—што при церкви, староста. Черезъ скольки тамъ годовъ, много ўжо пройшло, имъ треба ужо тоды ѣхаць исъ попомъ у Мугулéвъ, у губэрню. Ѣдуць гето яны у Мугулèвъ,—запáхнули яблоки ли дороги, у лясу. Ёнъ каець на попа: „бацюшка, говориць: пахнуць яблоки: дзѣсь недалёко яблонка стоиць. Треба оставиць коня, треба пошукаць яблоковъ!“ Ну, ўзявъ и пошовъ. Приходзиць туды,—опознавъ тое змященiе, мѣсто тое, а то не познато сусимъ. И разбойникъ яго опознавъ: а, говориць, ты Пилипочка! —Я!.. Другъ дружку познали. Ну, рóспытъ пошовъ: съ кимъ ты ѣдзешъ, што, куды? Ёнъ говориць: съ попомъ ѣду ў Мугулéвъ! Бытца тэй раз-

бойникъ почавъ яго просиць: а милый ты мой Пилипочка! вядзи мяне къ попу,—хай мяне посповѣдуець! Ну, пòтомъ попъ яго посповѣдавъ, разряшивъ ямў ўси гряхи. Якъ разряшивъ, тутъ и скончився, и ў святъ ставъ.

Любиницкая вол. горец. у. Отъ кр. Андрона Яковлева.

24. Богъ, мужикъ и панъ.

Живъ сабѣ бѣдный чаловѣкъ. И на яго мѣвъ злосць панъ, што каждый дзень наказувавъ. Черезъ ето той чаловѣкъ: „пойду дожду рябиновыя ночи̇, якъ будзець дожджъ, молодня и громъ, и спалю пана!“ Тоды набравъ сабѣ подтопы и пошовъ палиць пана,—дождавши рябиновыя ночи. Дойшовъ до пущи и ўвидзѣвъ огонь; и тоды спрятаетца обыйци огонь етый,—спугався—обыйци огонь. Ходзивъ, ходзивъ, усё кружкȧ огня ходзиць,—забывся пуць. Ну, ставъ. Сядзи̇ць коло огня старикъ и гукаець яго: ходзи сюды, коло мяне пуць! Ёнъ пришовъ къ огню и старикъ говориць яму: „чаловѣча, обдумайся, ня йдзи, вярнись, попомнишъ ты мо̊й совѣтъ!“ Послухавъ ёнъ старика и вярнувсь. Панъ, бытца-то знавъ, ставъ бо̀льшую злосць мѣць. Тоды ёнъ дожидаетца рябиновыя ночи̇: ня ўступлю, спалю пана! Дождавсь и пошовъ. Опяць-жа ў томъ мѣсьци огонь и старикъ. „Ну, думаець,—цяперь жа ўжо дальше займу да обыйду!“ Занявъ дальше, обыйци мѣсто тое. Ёнъ и говòриць, старикъ: ходзи, я цябе поўчу, якъ палиць пана! Тоды ёнъ ставъ ето слухаць, што ёнъ говориць, и забывъ пуць. „Ну, идзи жъ, говориць, икъ спальни, съ той стороны заджигай, а тоды ко мнѣ забяжи, уцекая!“ Вотъ, ёнъ пошовъ и запаливъ. И прибѣжавъ къ старику къ етому. И спугався ёнъ и ня можець ёнъ отдыхаць, такъ заморився бѣгши. Старикъ говориць: „ня бось, ня бось! панъ ужо згорѣвъ! А не послухавъ ты мойго перваго совѣту! Стань ззадзи мяне и поглядзи на праву сторонỳ!“ Ёнъ поглядзѣвъ. „Што ты тутъ видавъ?“—Ахъ старичокъ, я тутъ хорошо видзѣвъ: горница привукрасная, посьцеля—и не видавъ я зроду, столъ господськiй, привукрашанный, и на столѣ напитки разныя. И пцички пяюць—заслўхатца; и господзинъ сядзиць за столомъ и чай пьéць!..—„Ну, што ето: смотри на лѣву сторонỳ назадъ! Што тамъ увидзишъ?“ Ёнъ посмотрѣвъ и увидзѣвъ огонь большiй, и ў томъ огни чаловѣкъ сядзиць и горыць, и кричиць рятунку: рятуйця мяне! И ёнъ распосцёръ руки, и нихто яго не рятуець!.. Тоды спрашiець ёнъ у старика: чаму мнѣ тоды не показали етыя чудо̀вины?—А я жъ табѣ говоривъ упервыхъ: поцярьпи, горя прими! Отъ, господзинъ, панъ, сѣвъ, за твоимъ столомъ, а ты попавъ у паньское пекло!..

Городецк. вол. горецк. у. Отъ кр. Өедоса Степанова, 80 л.

25. Богъ и малецъ.

Жила сабѣ удова и ў яѐ нѣту никого—одзинъ сынъ. И такъ ёнъ не загулюетца ни зь дзѣвкамы, ни на кирмаши ня ходзиць, ня скачець, ня пляшець,—яго дзѣвки ня любюць. То-жъ и маць яго за гето ня любиць. И тамъ, у коляды, выправила яго: идзи, гуляй!—на йгрища выправила. Ёнъ не хоцѣвъ, али нечаго дзѣлаць, мацери треба послухаць,—узявъ, пошовъ. Пошовъ сабѣ дзяревняй до каршмы. Уво 'днэй хаци гуляюць сяреднія женщины и сяреднія мущины. Тамъ яму показалося такъ дренно, няўдобно,—не спозрилася тамъ гульня. Узявъ, оттуль и пошовъ. Идзѐць ёнъ дзяревняй,—гуляюць у другей хаци старухи и старики. Ну, зайшовъ енъ туды,—не показалося яму й тамъ: дужа дренно, ще дряннѣй, якъ и ў сяреднихъ. Ну, пошовъ ёнъ дальше. Гуляюць дзѣвки и хлопцы, усё холостыя. Зайшовъ енъ туды, и тамъ яму ня ўподобало,—дренно. Музыка граець,—передъ празьникомъ тожа не годзитца. Пошовъ енъ тоды дзяревняй,—сидзяць старики со три на завалины, подъ вокошкомъ,—говорюць хорошія рѣчи. Ну, говорюць яны хорошія говорки, такія понятныя, чистыя, што яму спозрилося коло ихъ посядзѣць. Вотъ тутъ старики тыя разговарюють: „коли бъ хто, говориць, у томъ и томъ номастыри побывавъ—али у Барколабови, али въ Ворши, али ў Мугулѐви,—дыкъ ба Суса Христа повидавъ!“ Отъ, яму тая говорка ўподобала; обѣщався ёнъ туды сходзиць, поглядзѣць гетаго.

Ну, потомъ того, пришовъ *дома*, маць яго спрашіець: ци гулявъ? дзѣ гулявъ? Дыкъ ёнъ каець: ня бывъ нійдзѣ, ня гулявъ. Дыкъ ина яго обругала, набила: „Якое ты ў мяне нялюдное! Одзинъ, а ни съ кимъ не гуляешъ; ни зъ дзѣвкамы ня водзисься, цябе дзѣвки ня любюць. На кимъ жанитца будзешъ?“ Вѣдомо, баба: дурный розумъ. „Кабъ я цябе ня видзѣла гетакаго дзиця! Одно ты дзиця ў мяне, кабъ цябе й того ня было!..“ Ну, енъ тое на вумъ узявъ, што йна сказала, и пошовъ—уздумавъ на тэй номастырь. Ни хлѣба не ўзявъ зъ дому, ничого—такъ, якъ стоявъ, такъ и побѣгъ. Тамъ ци была напрядка якая, ци не была.

Потомъ того, енъ бѣгъ, бѣгъ—захоцѣвъ ѣсьци. Захоцѣвъ ѣсьци, побѣгъ по кусочкахъ кланятца, хлѣба собирацъ. Собравъ ёнъ тамъ торбочку хлѣба сабѣ, кусочковъ,—бяжиць дорогою. Сустрѣкаець яго старикъ. Ёнъ дорогою бяжиць и хлѣбъ ѣсць. Тэй старикъ спрашіець: куды йдзешъ, дзицятка, ци дзѣ бывъ? Енъ яму, раcказавъ: такъ и такъ. Расказавъ усё якъ было, сказавъ усю правду.—„Ну, ничого: хорошая дзѣло, коли сходзишъ!“ И пошли ўмѣсьци. Пришли къ рѣчцы. „Сядземъ, каець, троху отдыхаемъ!“ „Сѣли яны, и давай тэй хлѣбъ укучи уже ѣсьци яго. Тоды тэй дзѣдъ каець: „утъ гетыя будземъ ѣсьци, гетыя будземъ ѣсьци, гетыя будземъ ѣсьци, а ге-

тыя ня будземъ!“ Отобравъ бытцамъ то и чисьцѣйшія, ды не вялиць ѣсьци; а плошѣйшій который, пушнѣйшій,—тэй, каець, будземъ ѣсьци. Ну, тамъ троху укусили. „Гетый хлѣбъ, пушнѣйшій, возьми, каець, у торбочку, а тэй тутъ оставъ!“ Ну, ёнъ тэй забравъ, а тэй покинувъ. И пошли опяць дорогой укучи. Тамъ яны узновъ скольки прошли, тэй старикъ—отдыхнёмъ, говориць, опяць! Ну, тэй старикъ заснувъ нибытто, а тому хлопцу уздумалось открасьцись, ды тэй хлѣбъ узяць—чисьцѣйшій. Прибѣгаець енъ туды, ажъ тамъ шупуюць нячистыя силы тэй хлѣбъ! Ну, ёнъ тоды, тэй старикъ, пытаетца: ци ходзивъ по тэй хлѣбъ?—Ходзивъ, каець—признався.—Што жъ тамъ?—А, дзядулька: нячисьцики имъ заўладали! Ну, енъ тоды яму̀ каець: „вотъ жа, каець: которыя табѣ давали куски и бо̀льшія и чистыя, ды скупуючи. А которыя хоць и плошѣйшій и кусочекъ меньшій, ды не шкодуючи, няўговорно,—дыкъ тэй и ѣсь позво̀ляно!“

Ну, тоды жъ тыки яны дойшли у номастырь. Помолилися и узвярнулись назадъ. Идуць *дома* (вм. домой), тоды тэй хлопчикъ: ходзимо къ моёй матцы троху побѣдаць! Ну, ёнъ пошовъ. Тольки ставъ няпругожій, короватый,—нищій ставъ. Ну, яна—матка тая—яго ня ўзлюбила крѣпко, хлопца того: „ты ко мнѣ зъ добрымы людзьмы не заходзишъ! Привёвъ нѣйкаго короватаго, нищаго!“ Хлопчикъ тэй ставъ просиць, ставъ просиць: дай, мамка, намъ обѣдаць! И ўпросивъ яѐ, кабъ йна имъ ковбасу зжарила. Ну, йна зжарила имъ ковбасу и поднесла имъ на столъ. Тая ковбаса обярнулася змяёй и скруцилася—и живая. Гето ли того, што йна дужа скупуючи дала, зъ няпріятносьцю. Ну, яны тоды понялися, съ кимъ гето яны бясѣду вядуць.

„Ну, цяперь, каець на мальца, ходзи ты ко мнѣ!“ И ввёвъ яго такъ у домъ. „Ходзи сабѣ тутъ,—на хлопца на того—вотъ тутъ и садъ, разгулюйся, што хочешъ ѣжъ, тольки не ходзи сюды, у гету ка́морту!“—Тамъ ка́морта не запёрта, ничо́го, тольки лычкомъ завязана. Ну, ёнъ ходзивъ, разгуливався, ну й треба у тўю ка́морту сходзиць! Отчинивъ енъ тую каморту—ажъ тамъ яго матка у смолѣ кипиць. „Ци видавъ, каець, матчинъ страдъ?“—Видавъ, каець, Господзи, Спасъ милосэрный!.. Ну, такъ яны и разыйшлися.

Любиницк. вол. гор. у. Отъ кр. Андрона Яковлева.

26. Христовъ братъ.

Живъ сабѣ одзинъ мужикъ. Потомъ ёнъ помёръ и приказавъ сыну, кабъ не забываць на нищихъ брацiявъ. Ну, ёнъ дождався вяликодня, накупивъ яецъ и повёзъ икъ церкви пораздаваць нищимъ. Дзяливъ, дзяливъ усихъ, тольки одному старенячкому старичку не стало яйца. Хло-

няцъ етый кажа тогды тому старичку: „ходземъ, дзѣдзенька, ко мнѣ въ вотцовъ домъ и ў насъ, разговѣемсь!“ И поѣхали.. Пріѣхали ў дворъ, сѣли за столъ, якъ треба быць, ну матка яго не захоцѣла зь имы обѣдаць. „Я лучь, каа, зъ борзымъ сяду, чимся зъ естымъ старикомъ!“ Такій ёнъ [1]) бывъ коравый, няпругожій. Ну, нечаго дзѣлаць, сынъ тэй побѣдавъ съ старичкомъ удвохъ. Побѣдавши, пошли яны отдыхаць. И ўбачивъ тэй хлопецъ у старика на грудзяхъ хрестъ. Што одзежина на имъ древная, дзиравая, а хрестъ ажъ гориць, якъ жаръ. Ну, тогды тэй старичокъ кажа на яго: „давай помѣняемся на храсты!“—Нѣ, кажа, дзѣдзенька: у мяне ёсць за што купиць етакій хрестъ, а ў цябе ёнъ усё!— „Нѣ, кажа, давай!“ Ну й замѣнялись. Тогды, отдыхнувши тамъ ци много, ци мало, идзѐ старичокъ прочь, и кажа етому хлопцу, кабъ на тоя вяликодня пришовъ къ яму у госьци. „Кудой жа жъ мнѣ йци къ табѣ, я ня вѣдаю дороги?“—А ты выйдзи зъ двора, ды скажи: богослови, Господзи, пуць дорожку! и табѣ будзя дорога видна!

Ну, дождавшись другого вяликодня, хлопецъ етый такъ и здзѣлавъ. Вышовъ зъ двора, перахрисцився: богослови, Господзи, пуць-дорожку *менѣ!* И увидзѣвъ ёнъ дорожку, высыпанную жовцянькимъ пясочкомъ, и пошовъ етой дорожкой. Ишовъ, ишовъ—стоиць дзѣвка ля дороги, пераливая съ одного колодзежа да ў другій водў. Якъ увидзѣла хлопца етаго: „ахъ, каа, Христовъ братъ! помяни тамъ объ мяне Христу: ци довго мнѣ мучитца?“ Ёнъ ничого ёй не сказавъ, пошовъ дальшъ. Пройшовъ скольки тамъ, бача—стояць старики, подпёрши тынъ—прамо, ажъ мохомъ поросли. Убачили яго, кажуць: Христовъ братъ, помяни тамъ объ насъ Христу: ци довго намъ тутъ мучитца? Ня 'твѣчаючи имъ ничого, пошовъ ёнъ дальше. Трохи пройшовъ, и ўбачивъ того старика, што ў яго разговлявсь. Ну, ёнъ упавъ перадъ имъ на ўколянцы и поклонився яму. Вѣдомо, увознавъ уже, што ето Господзь. Ну, спрашуя у яго Господзь: „кого ты видзѣвъ?“ —А такъ и такъ, Господзи: видзѣвъ дзѣвку, водў съ одного колодзежа ў другій пераливая, ды стариковъ—тынъ подпираюць. Просили помянуць объ ихъ, Господзи, ци довго имъ такъ мучитца?—„Отъ жа, кажа: дзѣвка, што пераливая воду, на тымъ свѣци молоко продавала и ў молоко водў мѣшала. Ну, якъ выльля ина съ того колодзежа водў у другій, тогды просцитца ёй грѣхъ. А старики, што дзержáць тынъ, на тымъ свѣци говорили: абыбъ на етымъ свѣци пожиць, а на тымъ свѣци ты мной хоць тынъ подопри! За тоя яны дзержáць тынъ!“

И повёвъ Богъ хлопца у райськую святлицу, и позволивъ яму усюдахъ ходзиць, только не позволивъ глядзѣць уво дну хатку. Ну ёнъ ня

[1]) Считаемъ нужнымъ разъ навсегда заявить, что мѣстоим. 3 л. вездѣ слѣдуетъ произносить *ёнъ*; употребляемъ *е* вмѣсто *ё* единственно по недостатку шрифта.

ўцерпивъ и поглядзѣвъ у тую хатку, и убачивъ тамъ свою мацъ, што кипицъ яна у смолѣ кипучай. Заплакавъ ёнъ и пошовъ къ Богу. „Господзи, кажа, Божа, Спасъ милосьцивый! Ослобони, Господзи, мацъ мою!“ Ну, Богъ повялѣвъ яму: „зви вяровку съ койстрички и выцягни яѐ!“— Якъ жа мнѣ, Господзи, вицъ яѐ?—„Ты возьми у жменьку койстры, да скажи: богослови Господзи! Яна и бўдзя витца.“ Ёнъ пошовъ, и стала вяровка витца сама. Вивъ ёнъ ету вяровку три дни, благословившись у Господа, и пошовъ къ пеклу. Закинувъ вяровку и хвацивъ матку за шiю. Яна полядзѣла на яго: „ахъ ты, кажа, бóрзый! Хоцѣвъ мяне ўдавицъ!“ Якъ сказала такъ, вяровка оборвалась, и ўпала яна у смолу, на самое дно. Сынъ заплакавъ и пошовъ къ Богу. Богъ ямў сказавъ: „цяперака ты не яѐ сынъ, а йна не твоя мацъ! Ня плачъ! Не хоцѣла йна помянуцъ и тутъ Христа!..“ А вяровку ёнъ вивъ ня три дни, а три годы.

Довская вол., рог. у. Вар. запис. и въ гом. у.

27. Богъ кумъ.

Жило сабѣ такъ три братьı. И ўводнаго пусьцилося, троя рабяцишковъ народзилося. И яны такъ жили хорошо миждa собой, покуля дзѣци подросьли; ну, якъ тольки дзѣци у яго подросьли, яны и подзялилися— што дзѣци объѣдали. Якъ тольки яны яго отдзялили, дакъ ёнъ и збяднѣвъ крэпко: то бывъ бѣдзенъ, а то ще побяднѣвъ. Нéкому работацъ було, а дзѣци дробныя. Прожили яны скольки-тамъ, отдзялившись, и забярэменѣла яго баба. Родзила сына. И ёнъ просивъ бабку, кабъ перабабила—никто не пошовъ,—затымъ, што енъ бѣдзенъ крэпко. Ну, ина ўзяла, сама перабабила. Тогды ёнъ пошовъ кумовъ просицъ, къ храсту выправляцъ. Опяцъ жа никто не пошовъ, затымъ што бѣдзенъ. Потомъ ёнъ самъ, узяла породзиха рабёшачка, у сповилки сповила, свойму дзѣду на руки отдала,—свой грѣхъ у христову вѣру увéсьци,—сами мы хресцьяне. Тогды ёнъ понёсъ къ попу ксцицъ. На дорози сустрѣкаецъ яго человѣчекъ стáранькiй и говорицъ: „Человѣчекъ, человѣчекъ, говóрицъ: кого ты, говорицъ, нясешъ?“—Свой грѣхъ! говóрицъ. Родзився у мяне хлопчишка; я, говóрицъ, самъ хресцьянинъ, дакъ я хочу у христову вѣру увесьци; а я бѣдзенъ, дакъ ко мнѣ никто не пошовъ: ни бабка, ни кумы—никто!— „Человѣчекъ, говорицъ: отдай мнѣ свой грѣхъ, што ты нясешъ, я яго понясу икъ попу, у хресцьяньскую вѣру увяду!“ Ёнъ говорицъ: нѣ, моя баба—потому што яна не завѣрицъ, и протчiя людзи,—скажуцъ, што мы грѣхъ сотворили, а мы бѣдны, ксцицъ нечимъ, дакъ мы яго у рѣчку ўкинули, утопили,—якъ не принясешъ ногды, сохронь Божа, домовъ. Дакъ скажуцъ, што нечимъ приживитца у нихъ, дакъ мы свой грѣхъ и ўтопили!...

Гэтый дзѣдъ тогды оброцивъ къ яму слово: „Кумянёкъ, говорицъ: я буду ў цябе за кума и возьму твойго рабяцишку и перакщу яго, говорицъ, и домовъ къ вамъ принясу. А потомъ того, за гэто ты молотчина, што— не пошовъ къ табѣ—дакъ ты самъ понёсъ у христову вѣру увесьци, кабъ ня бывъ хресцьянинъ жидомъ!“ Тогды, потомъ того, отдавъ енъ того дзяцёночка и плачецъ. И тэй старикъ яму̀ говòрицъ: „не плачь, говорицъ, кумянёкъ! Я твойго дзяцёнка перакщу и принясу. А йдзи ты домовъ къ своёй баби и скажи ты ёй, кабъ ина у чистую одзѐжу перадзѣлась.“ Дакъ ёнъ кажецъ: Господзи, Господзи! не ўво што жъ моёй баби перадзѣтца, тольки одна рубашка на плечахъ! Тогды енъ яму̀ сказуецъ: „идзи къ своёй баби и скажи гэтакъ; нябось, ёсь уво што перадзѣтца, нехай ина полядзицъ у скрыни. Кабъ ина ня была такъ, породзихой. И кабъ усё було прибрано у хаци, и почисьцицъ, подмéсьци,—ня тольки хату, и дворъ. И потомъ идзи ты по ўсёй дзяревни и позови на хрезьбины, ня тольки жъ зъ родни, а й братовъ и не братовъ, усихъ зови; и ня тольки съ своѐ дзяревни, али съ протчихъ и протчихъ дзеравенцовъ,—што пòбочъ дзяревни—усихъ проси, не глядзи, што нечимъ у цябе честовацъ,—Господзь дась. И глядзи, кабъ у цябе усё прибрано було, бо зьѣдзетца къ табѣ людзей и много съ усихъ зъ дзеравень, съ протчихъ!...“ Старичокъ жа пошовъ къ попу рабёшачка ксцицъ, а ёнъ пошовъ домовъ. Приходзицъ домовъ и кажецъ баби своёй: бабка, бабка! отъ, говорицъ, я свой грѣхъ отдавъ, говорицъ, человѣчку,—енъ ставъ просицъ. Дай, каецъ, я занясу къ попу перакщу. Яна заплакала: „што жъ дзѣлацъ, говорицъ, коли нашовся кумокъ; енъ нашъ грѣхъ прінясéцъ, не захочецъ!“—И сказувавъ ще, кабъ ты у чисту̀ю одзéжу перадзѣлася; нехай, каецъ, у скрыни вòзьмецъ! Пошла ина ў скрыню и узрадовалася ина силно: „што, слава табѣ Господзи,—ня було одзежи у мяне някія, а цяперъ Богъ давъ нязвѣстно откуль,—што ёсь у мяне уво што перадзѣтца!“—И ёнъ, каецъ, сказувавъ, кабъ усихъ звацъ на хрезьбины и своихъ и чужихъ, и съ протчихъ дзеравень! Баба кажецъ: дуранъ ты, каецъ: чимъ жа мы ихъ будземъ честовацъ?—Ну, што жъ дзѣлацъ,— сказавъ! Дакъ енъ якъ побѣгъ звацъ, дакъ и съ своѐ дзяревни позвавъ и съ протчихъ, у повчаса. Потому, ёнъ оттуль думавъ идучи, кабъ людзёмъ собрацъ столовъ, перадковъ, кабъ людзёмъ посядзѣцъ. Прибѣгъ ёнъ домовъ, áжно, слава Богу, усяго ў доми и стоицъ.

Тогды тыя людзи, кого звавъ, услѣдъ за имъ идуцъ и ѣдуцъ. Хто спытаетца: куды йдзецё?—На хрезьбины ўсё, кы Ивану! И наѣхало повянъ дворъ и хата. А браты стояцъ на вулицы у ворòцяхъ и дзивютца, —куды, кажуцъ, дуракъ гэтый зовéцъ стольки народу, што у яго нечаго говорицъ, самому ѣсь, а стольки народу зазвавъ. Чимъ ёнъ ихъ будзецъ

честовацъ? Дакъ браты объ тымъ и дзивютца, и ўзываюць яго дўракомъ. И не пошли на хрезьбины. Тогды ёнъ, тольки жъ пришовъ домовъ, обороцився къ яму старичокъ той и принёсъ рабяцишку. „Отъ, говорицъ, кумокъ: боявся свой грѣхъ мнѣ дацъ, повѣрицъ, думавъ, каецъ, што я у христову вѣру не ўвяду, да затоплю. Ажно вотъ я, говорицъ, и принёсъ. Кумка, кумка, каецъ: цяперъ узываетца Иванъ твой сынъ. Дзержавъ яго подъ храстомъ, судзи Божа стояцъ яму подъ вянцомъ. Цяперъ, говорицъ, сядзь, кумокъ, ли мяне: выпимъ по стагану горѣлки! А ёнъ говорицъ: кумокъ, кумокъ! дзѣ жъ я, говорицъ, горѣлку буду брацъ, коли я, говорицъ, бѣдзенъ дужа, нема за што хлѣба купицъ, ня тольки, говорицъ, кумокъ, горѣлки! Дзякуй табѣ, кумокъ, што у хресцьяньскую вѣру хоць увёвъ!... И склонився и ў рукў яму поцалувавъ. А енъ говорицъ: „кумокъ, идзи, говорицъ, у свою истопочку, тамъ у истопочцы ёсь у цябе горѣлка!"

Тогды ёнъ пошовъ у яѐ, у свою истопку—идзёцъ и думаецъ: якъ жа я иду по горѣлку, коли я не ставивъ тамъ яѐ? Увыйшовъ у выстопку, ажно тамъ разныхъ напитковъ,—и пляшки, опричь горѣлки. Тогды ёнъ узявъ одну пляшку и думаецъ: Господзи, што у мяне ничого ня було, а тутъ стольки разнаго, разнаго!.. И спужався, што стольки напитковъ у яго стало. И боитца брацъ боли. Увыйшовъ у хату и говорицъ: кўмокъ, говорицъ: боюсь я, говорицъ, несьци! Такія, говорицъ, напитки, што я не бачивъ николи, и ня було ў мяне. Я принёсъ одну пляшку, не горѣлки, али такъ—ня вѣдаю! Ёнъ, кумъ, говорицъ: „гэто намъ Господзь давъ, што ты бѣдзенъ,—хай дзивютца твоѐ браты, што яны цябе не поддзержили; што ты бѣдзенъ ставъ, а яны богаты. Дакъ гэто цяперъ табѣ Господзь давъ. Я табѣ сказувавъ, што табѣ Господзь дась усяго! Кумокъ, говорицъ: няси стаганъ; выпъю я, и куму дамъ, и кумѣ, потому—гэто напитки неўрадзицялпыя,—гэто, говорицъ, Господзь давъ! Тогды говорицъ: идзи жъ цяперъ, возьми пляшки. Скольки столовъ ёсь, дакъ ты возьми, на столъ по стагану поставъ и по плясцы напитковъ тыхъ поставъ. Потому людзи уробѣюць, што яны не видали такихъ напитковъ и у свѣци. Тогды, говорицъ,—давай людзёмъ, яны уробѣюць,—нехай ня пужаютца: гэто напитки не ўрадзицялныя!" Ёнъ тогды пошовъ, пляшки уси унёсъ и поставивъ на кажином столѣ и стаганъ и пляшку. Якъ тольки поставивъ, Господзь давъ закуску, нема-знацъ откуль и съ чаго, и досъ усимъ. Тогды людзи кажуць: „сусѣдзя, сусѣдзя! мы боимся гэтыя напитки пицъ, потому мы ня бачили зъ вѣтроду такихъ напитковъ! Выпитка ты самъ упѐрадъ!" Тогды кумъ яго отчинивъ на дворъ вокно и говорицъ: кумокъ, пи, вябось, и людзёмъ не ўрадзицъ ничого гэто! Тогды ёнъ узявъ, выпивъ самъ—и пиця, говорицъ, добрыя людзи: мнѣ Господзь давъ. Тогды

яны по стагану якъ выпили и поупивалиси, и стали пѣсьни піяць. Тогды кумъ яго говорицъ: „сходзи яще, попроси своихъ братовъ: можецъ ли яны ще придуць посядзѣць изъ людзьми. Потому, яны ня йдуць, што ты бѣдзенъ!“ Ёнъ пошовъ позвавъ: браты, браты! ходзиця, говорицъ, не лядзиця на мою бѣдноту: у мяне людзи и пъюць, и ядуць, и пѣсьни пяюць; ходзиця, полядзиця мойго дзива! А яны говоруць: чаму мы пойдземъ, коли у цябе нема ничого, и спрежда ня було и цяперъ немашъ! Тогды ёнъ пошовъ, ждавъ-ждавъ ихъ—нема. А большій братъ говорицъ на свою дочку: „сходзи, дочушка, полядзи, што ў мойго брата, а ў твойго дзядзьки, за пиръ,—потому, енъ дужа бѣдзенъ, и народу зьѣхалося, и гэтакъ дужа ёнъ понапаивавъ, што ажно пѣсьни пяюць. Вѣрно, яны, говорицъ, такъ пяюць: зьѣхалиси, дакъ и пяюць!“ Ня ўвѣраецъ. Тогды тая дочка побѣгла, братняя, и полядзѣла подъ вокно. Ажно людзи пъюць, ядуць, разныя напитки. Тогды яна прибѣгла домовъ и говорицъ: „таточка, таточка, дармо што мы богаты, а ў насъ и вотроду ня було того, што у нашаго дзядзьки бѣднаго. Хвалимся, што мы богаты: у нашаго жъ, каецъ, дзядзьки народъ сядзицъ за столами и перадъ кажинымъ, усякимъ, человѣкомъ свѣчачка горицъ, а перадъ яго кумомъ, говорицъ, горицъ дзьвѣ!“ Тогды, потомъ того, углѣдзилася дочь, што на дворѣ видно—пошное ўремя, и видно. Ина ўзяла, празъ щелку и полядзѣла. Ажны и на дворѣ само такъ: горицъ перадъ кажиной душой свѣчачка. Тогды браты, потомъ того, жалко имъ стало, и сами сходзили полядзѣли. Тольки жъ того, што посоромилиси ици къ людзёмъ,—полядзѣли, да й домовъ пошли.

Тогды кумъ говорицъ на кума: „кумянёкъ, говорицъ: уже свѣтъ; будземъ мы людзей отправляць домовъ уже. Сходзи ты, кумокъ, на дворъ и склонися людзёмъ—хай ѣдуць домовъ, бо пиру уже нижоднаго нема: хрезьбины уже згуляли. На гэто я васъ просивъ.“ Ну, тэй кумъ сходзивъ на дворъ и склонився людзёмъ, што дзякуй, братцы, што вы на мою бядноту не полядзѣли! Ажно Господзь мнѣ давъ, я й васъ участовавъ. Тогды тыя людзи выяжжаюць отъ яго и дзякуюць: благодаримъ, говоруць, за честованьня! Дзѣ были па хрезьбинахъ, то не пили гэтакихъ напитковъ, якъ у цябе, сусѣдзя!.. Тыя поѣхали у разъѣздъ уси домовъ, остався кумъ тольки исъ кумомъ и съ кумой, и говорицъ: „человѣча, человѣча! живъ ты бѣдно, а цяперъ народзився табѣ наслѣдникъ и дась яму щасьця Господзь, и будзецъ табѣ жиць хорошо,—ты на ўсё своё гора и забудзесься! Цяперъ ты, говорицъ, сходзи—якъ яны коло цябе спрежда сміялиси, браты, дакъ сходзи къ братомъ, попроси лубочки!“ Дакъ ёнъ: на што мнѣ, кумянёкъ, лубочка,—у мяне нечаго мѣраць! А ёнъ говорицъ: „у цябе ёсь, говорицъ, у твоёй у выстопочцы, грудокъ грошій, го-

ворицъ, насыпано. Дакъ ты къ имъ сходзи лубочки, перамѣрацъ!“ ’Къ ёнъ пошовъ бывъ, да й вярнувся. Кумокъ, кумокъ, говорицъ: я два разы ходзивъ просицъ ихъ на хрезьбины, яны не послухали; дакъ мнѣ уже совѣсно ходзицъ: яны мнѣ не дадуцъ. А ёсь у мяне три рабяцишки, дакъ я пошлю рабяцишковъ, имъ можа дадуцъ. Тогды кумъ говорицъ: ну, пошли сабѣ своихъ рабяцишковъ! Ёнъ пославъ. Пошли тыя рабяцишки: дзядзьки, говоруцъ: дайця намъ лубочку! А йны пытаютца: на што жъ вамъ, пляменнички, лубочка? А йны говоруцъ: дзядзячки, грошы будземъ мѣрацъ! Пытаютца браты ўже у пляменниковъ: а дзѣ жъ вы ихъ брали? —Мы ня вѣдаемъ, дзядзячки, намъ Богъ давъ! Дакъ енъ имъ лубочку давъ. Яны побѣгли домовъ, понясьли тую лубочку, да стали грошы мѣрацъ. И кумъ говорицъ: позаторкувай у лубочку, скольки улѣзецъ, якъ можно, коло обруча, усюдахъ,—табѣ больше застанетца! Тогды перамѣрали; дзѣци узнова понясьли лубочку икъ дзядзькамъ своимъ. Дакъ у ихъ, што зъ лубочкой принясьли, дакъ на вяку столькi ня було грошій, а богатыми считалиси.

А тэй кумъ якъ пошовъ, дакъ и пошовъ, большъ не оказувався. А гэтый бѣдный ставъ жицъ съ тымъ добромъ, жицъ довѣку хорошо: што дальше, дакъ ёнъ богацѣецъ. И цяперъ живецъ хорошо дужа.

Д. Шарнево, обчужск. вол. сѣнн. у. От кр. Степана Петрова. 40 л. негр.

28. Божжая цяпло.

Якъ було два браты. Жили яны ўмѣсьци. У меньшаго брата дзѣци были, а ў большаго ня було дзяцей. Тоды яны ўзяли и пыдзялилиси. Большый братъ кажыцъ: „у цябе дзѣци; я на твоихъ дзяцей усё работаю, а пользы отъ цябе ниякой не маю!“ И давъ яму добра тольки по чатьверичку. Остався гэтый меньшый братъ одзинъ. И дужо яму було плохо жыцъ безъ старшаго брата! Такъ што, якъ пришовъ вяликій постъ, дыкъ яму и ня було чымъ заговѣцъ: зварили поливки однэй и тымъ заговѣли. Тоды ставъ ёнъ просицъ Бога: Господзи, якъ намъ паражыцъ вяликій постъ, што нема у насъ ані ничого? И такъ зробилося—якъ ёнъ пыпросивъ Бога, Богъ яму такъ давъ, што яны усё спали,—увесь постъ ды святого Вялічка. Тоды прошнувся самъ ходзяинъ, вышовъ на вулицу, полядзицъ и дзивитца: што гэто, каецъ? На первый дзень поста усё идуцъ изъ лубычками, изъ нощычками? И дзивитца: што гэто такое? Приходзицъ у хату и будзицъ жонку. И кажыцъ: што гэто такоя сягони за свято, што ўси идуцъ зъ лубычками, зъ нощычками?—Ня вѣдаю, каецъ жонка. Али жъ, кажыцъ, якъ мы сусимъ пыколѣли. Идзи ты куды-нибудзь пыпроси цяпла! Ёнъ пошовъ къ большому брату и кажыцъ:

„Здрастуйця вамъ!“—Здоровъ!—„Ци не дали бъ вы мнѣ цяпла троху!“ —Вб чаловѣкъ: проци Вяличку цяпла не маець; ты за сномъ и свѣту ня видзишъ! А ёнъ усё пыглядаець зъ боку на бокъ и дзивитца, што у яго на столѣ дужо богато. Ну, не давъ яму братъ цяпла и вонъ выгнывъ. Ёнъ тоды пошовъ къ сусѣду просйць цяпла. Гэтый сусѣдъ кажыць: што жъ ты такъ не назыпасився цяпломъ: сягони Христовъ дзень —цяпла не даюць! И не давъ яму. Вышовъ ёнъ на вулицу и глядзиць, —самъ не вѣдыець, што яму дзѣлаць. Полядзиць, ажъ пыдъ ляскомъ цяпелцо горыць. Ёнъ и пошовъ туды. Приходзиць къ цяплу, ажъ тамъ сядзиць старый стыричокъ. „Здрастуй, стыричокъ.“—Здоровъ! Чаго пришовъ ко мнѣ?—„Ды пришовъ я къ табѣ пыпросиць цяплá!“—Нѣшто жъ ты такъ: и здрастуй кажышъ, и цяпла не маешъ? Сяньни жъ нихто ня кажыць: здрастуй! Сяньни Христовъ дзень, и кажуць: Христосъ воскросъ! —„Ды вотъ, стыричокъ: мнѣ Господзь такъ давъ, што я проспавъ увесь вяликій постъ. А цяперъ у мяне нема ни синь—порыха, ня то што— хату нема чымъ обогрѣць. Ци ня можно бъ, дзядуля, у цябе цяпелца ўзяць?“—Зачымъ, каець, можно! Набяри угольковъ холодныхъ и накидай дома у лубычки, у дзежычки, у засѣчки, пы 'дному угольку. Тоды возьми жаркій вуголь и зытапливый печку и вари, што табѣ ўздумыетца: будзець у цябе усяго. Ёнъ яму подзякувавъ и пошовъ. Приходзиць домовъ, поукидывавъ пы ўгольку усюдыхъ. Тоды кажыць жонцы: нá табѣ жаркій вугáль, зытопи печку ды пóйдземъ у клѣць! Ина зытопила печку и пошла ў клѣць. Приходзюць туды, полядзяць,—ажъ тамъ столъ готовый, получче ще, якъ у брата. Пошли яны дали; полядзяць —ажъ у яго зъ засѣковъ мука сыпитца. А золыта и серабра—не знясёно! Ёнъ тоды изъ радосьцю побѣгъ къ брату: „брацецъ мой роднянькій! Ты мнѣ не давъ цяпелца,—полядзитку цяперъ, што мнѣ Богъ приславъ!“ Тэй тоды каець: „ды ня што жъ ты зы вяликій постъ дзѣлывъ, мусиць ныкравъ!“—Нѣ, каець: мнѣ Богъ такъ давъ. Тоды братъ каець: ну, коли ты такъ разбыгацѣвъ, ходзи пыкажи мнѣ своё быгацьця! И пошли къ яму. Тэй якъ полядзиць, ажъ у яго и золота и серабра такъ много, што й пераличйць няможно. Дужо яго зависьзыбрала. Ставъ ёнъ пытатца: дзѣ ты, каець, усяго гэтаго набравъ?—А такъ и такъ, каець: якъ я къ табѣ приходзивъ просиць цяплá, ты мнѣ ня давъ. Вышовъ я на вулицу и ўбачывъ коло лѣсу цяпелцо, и пошовъ туды. Приходжу, ажъ тамъ сядзиць стыричокъ. Я кажу: здрастуй! А ёнъ каець: цяперъ не кажуць: здрастуй! Сягони Христовъ дзень. Ты проспавъ увесь вяликій постъ и ня вѣдаешъ. И давъ мнѣ угольковъ. Нá, каець, пыложи, дзѣ тольки ёсь у цябе лубычки, ящычки, засѣки. Я такъ и зробивъ. Приходжу послѣ, ажъ тамъ повно усякаго добрá.

Зависъ бярéць того брата. Вышовъ ёнъ на вулицу, бачыць—цяпелцо ще горицъ ли лѣсу; ну, енъ и пошовъ туды. Приходзиць туды, стырчокъ сядзиць. „Здрастуй, каець, стырчокъ!"—Якій здрастуй? Не здрастуй, а Христосъ воскросъ!—„Я, каець, стырчокъ, не знавъ!"—А ча ты ко мнѣ пришовъ?—„Ды хоцѣвъ цяпла попросиць!"—А полядзитку назадъ,—вунъ у цябе дзѣ цяпло! Пылядзѣвъ ёнъ назадъ,—ажъ яго дворъ горицъ. Ёнъ тоды побѣгъ, тушивъ—тушивъ,—ничого ня здзѣлывъ. Згорѣвъ дворъ чысценько ўвесь. Приходзиць ёнъ тоды къ меньшаму брату и проситца жиць, у сусѣдзи. Тэй кажыць: „пыгодзи, я сходжу пыпытаюся у стырчка, ци можно цябе ўзяць! Пошовъ, зыпытався. Стырчокъ тоды яму кажыць: ты, каець, яго возьми, ды тольки капъ ты имъ кымандывавъ, а ня ёнъ тобой; а коли ёнъ тобой уродывать зачанёць, ты яго выгони! Ёнъ такъ и здзѣлывъ; пусьцивъ яго ў хату. Тоды ёнъ, братъ тэй, поживши тамъ скольки, ставъ изъ имъ сварится и битца,—хоцѣвъ имъ уродывать. Тэй братъ яго и выгнывъ. Якъ выгнывъ, такъ яго нихто не пусьцивъ у хату. И пошовъ ёнъ ходзиць по міру, куски собираць.

Г. Сънно. От мѣщ. Агафьи Бѣляневой, 57 л. неграм.

29. Пётра хлѣбопёкъ.

Живъ сабѣ Пётра, и ёнъ занимався хлѣбопёкомъ. И такую ёнъ злось мѣвъ,—нищихъ не даривъ никдли. И маць у яго была такая жъ, што у свой вѣкъ кусьцика цубули не подала, не подарила. Тоды лукавый упѣшаетца: „вотъ, говóриць,—маць пряжила пяцьдзесятъ лѣтъ,—не подала милосьцину никому; тольки ходзивъ Господзь по зямли пяцьдзесятъ лѣтъ, то за пяцьдзесятъ лѣтъ кусьцикъ цубульки подала. Такей и сынъ: никóму милосьцины не подавъ!" Господзь услыхавъ, што лукавый хвалитца, што не дориць, и говориць: „пошлю я своихъ двохъ ангаловъ, и милосьцину Пётра подась!" И стали яны, пришли ангалы, у рубищахъ, предъ вокошкомъ и просюць милосьцины: „господзинъ Пётра, подай милосьцину!"—Што жъ вы жалаеця милосьцину,—няўжли вы ня можеця зарябіць сабѣ хлѣбушка?—„Пожалуста, говорюць, Пётра, намъ милосьцину!" Вынимавъ Пётра хлѣбъ съ печки и ўморився. Тоды на посьцелю обрацився и лёгъ на руцѣ у вотдыху. А яны скучаюць подъ вокошкомъ: „милосьцины подай! милосьцины!" Тоды Пётра начавъ дремаць; узвёвъ вочами, а яны докучаюць. „Ахъ вы, якія бродзяги! не даецё отдыху!" Ну яны усё своё: „пожалуста, Пётра, милосьцину!" Тоды Пётра усхвацивсь съ посьцели и ўхвацивъ булку хлѣба и кинувъ имъ у вокошко: отступця вы, бродзяги! Яны за тэй хлѣбъ ды къ Богу. Вотъ тоды Го-

сподзъ сказавъ: „вотъ, неспрявядливось твоя, лукавый. Во, якъ я сказавъ, такъ милосьцину подавъ!“

Тоды етый Пётра, посли етыя милосьцины, скольки ў яго было добра, усё пораздавъ по нищихъ. И тоды йдзець зимою по городу, прибравшись у шуби. И идзець такій то человѣкъ, пъяница такій, голый и босый. И спрашуець ёнъ, Пётра: „объ чомъ етакъ ня мѣешъ сабѣ одзёжи? Што ты трусисься нáгій?“—Господзинъ Пётра: ня мѣю ничого силы, не могу чаго зарябиць. Подариця мнѣ ету шубу! Ёнъ говориць: „ахъ, моли жъ Бога за мяне!“ Узявъ и винотовую шубу отдавъ етому нагому.

Черезъ скольки ўремя идзець коло лавки и видзиць на купцу шубу,—свою. Обышовъ ёнъ и видзиць надпись на шуби свою. „Ахъ, говориць, брацецъ: откуда ета шуба досталася табѣ?“—А вотъ, говориць, такій то пъяница отдавъ за три рубли! Тоды ёнъ отышовъ шаговъ на дзесяць ци на пятнатцаць и обрацився узяць у купца свою шубу. Смотриць—ажъ Спасицель нагій стоиць... Тоды ёнъ обрябѣвъ и подаривъ.

Д. Рекотка, город. вол., чаусск. у. Отъ кр. Ѳедоса Степанова, 80 л.

30. Чортъ и пастухъ.

Пасьвивъ пастухъ овечакъ на лугу, и игравъ ёнъ у дуду. А дыяволъ выслухавъ, што ёнъ хорошо йграець, подышовъ ёнъ къ яму. Наўчи ты мяне играць у дуду, а я цябе наўчу письма, и такого письма, што й попомъ будзешъ! Ну, начавъ ёнъ яго учиць у дуду перво йграць. Вотъ ёнъ не понимаетца. И ёнъ яго бивъ много за гето; покуль выўчивъ, дакъ ёнъ яго болно збивъ. А выўчивъ играць хорошо. Цяперь ёнъ яго начавъ учиць письма. Ёнъ яго наўчивъ за ’дзинъ дзень,—не довялося яго яму набиць ни ’днаго разу.

Дождали ўремя зимняго; скотъ зачинили до самыхъ колядъ. Тоды попъ тыѐ парахвіи поѣхавъ къ помѣщику наймаць работниковъ. Ёнъ за имъ, гетый жа самый чортъ, за попомъ; и звёвъ ихъ сваритца и битца съ тымъ. Цяперь панъ подавъ у консыстораю жалобу: „у мяне, говориць, будзя пастухъ попомъ!“ Ну вотъ, спросили попа у консысторою, тамъ яго разжаловали, съ поповства долой, расстригли. А пастуха спросили тожа ў консысторою, гету самую. И на то стало, што здзѣлали попомъ гетаго пастуха.

Цяперь яго посадзили на попы, и бывъ ёнъ до Христоваго дня попомъ. На Христовый дзень ставъ ёнъ на ’бѣдню. Тольки закладаець проскомидзяю, а ёнъ идзець зъ дудою, гетый самый чортъ. „Наладзь, говориць, мнѣ дуду! у мяне вясельля,—треба играць!“ Ёнъ яму ўзявъ да

дуду наладзивъ. „Цяперь, говорицъ, зайграй!“—на попа, на ’бѣдьни. Ёнъ не хоцѣвъ играцъ, дужа не хоцѣвъ. Енъ каецъ: „заиграй, а то и попомъ ня будзешъ, коли не зайграешъ!“ Ёнъ, нечаго дзѣлацъ, узявъ и зайгравъ на ’бѣдьни. Вотъ людзи ўсторопилися, ето, што ёнъ заигравъ. Цяперь подали у консыстораю тожа жалобу, што енъ на ’бѣдьни играецъ. Вотъ, яго тамоцьки спросили, отчаго енъ зайгравъ ў дуду? Коли хорошо, говорюцъ, играешъ, дыкъ зайграй тутъ, зайграй, говорюцъ. А чортъ яму даецъ дуду. Дыкъ енъ заигравъ, а дыяволъ подлѣзъ яму, архирею, подъ ноги, дыкъ енъ пошовъ скакацъ... И скакали цѣло повдня зъ имъ, покуль и заморивсь. Тоды архирей говорицъ: польно йграцъ! Ды й дуракъ, говорицъ, хто ето подававъ жалобу на дуду на гету! Гето хорошо. Дацъ яму дзесятое начальство!—гето благочинство, значитца. Дыкъ яго здзѣлали благочиннымъ, попа того. Цяперь попомъ остався и служицъ.

Любиницкая вол. гор. у. Отъ кр. Гапея Яковлева, 55 л., негр.

31. Чужого снопа не бяри...

Живъ сабѣ богатый ходзяинъ, и ў яго було три сыны. И не стало у яго сѣна на коляду. Дыкъ ёнъ купивъ сѣна, ды далёко дворъ. Отъ ёнъ и пославъ сыновъ за сѣномъ. Узяли яны тое сѣно и ѣдуцъ нызадъ. И дужа крѣпко яны поѣхыли. Дыкъ одзинъ братъ и звалився. Дыкъ енъ кричавъ, кричавъ, а яны й поѣхыли. Бѣхъ ёнъ, бѣхъ,—и не догнавъ. Лёхъ пытъ копешкой отдыхацъ, ажны нѣхто кажецъ: сотниця, возьмиця! Дыкъ енъ ускочивъ и побѣхъ дали. Бяжицъ, бяжицъ, ажны стоицъ пуня. Зайшовъ енъ у тую пуню, и полѣзъ на жито, троху полежацъ. Тольки ёнъ лёхъ на снопы, а нѣхто кажецъ: выньця мяне, цѣсно! Ёнъ соскочивъ и побѣхъ дали. Бяжицъ, бяжицъ, ажны стоицъ ёвня. Забѣхъ ёнъ у тую ёвню, ажны пахнецъ горѣлкой. Ставъ ёнъ шукацъ и нашовъ горѣлку и латки. Дыкъ енъ горѣлку выпивъ, латки поѣвъ, ды й сѣвъ за кулёмъ. Ажны идзецъ породзиха и бабка. Пришли у тую ёвню, запалила баба лучинку и каецъ на породзиху: выпъемъ ды закусимъ! И идзецъ къ яму горѣлку брацъ. Тоды енъ выскычивъ и побѣхъ дали. Бѣхъ, бѣхъ—забѣхъ на нѣйкій дворъ и сѣвъ ли дровосѣка. Ажны чуецъ—нѣхто кажецъ: выньця мяне! Ёнъ спужався и побѣхъ дали, и ўскочивъ у сѣни. Ускочивъ гэто ёнъ у сѣни и лёхъ зы водзянкой. Тольки лёхъ, а нѣхто кажецъ: утопився! утопився! утопився! Спужавсь ёнъ и побѣхъ дали. Приходзицъ уво ’дну хату, нема никого. Чуецъ ёнъ, пахнецъ гусяциный. Отъ ёнъ полѣзъ у печь, доставъ гусяцину ды зъѣвъ, а ны яѐ мѣсто узявъ ды поклавъ лапыцъ. Тоды узлѣзъ на палаци и лёхъ. Ажны приходзицъ дзѣдъ зъ бабый зъ госьцей,—па бясѣдзи нейдзи были. Тоды дзѣдъ кажецъ: „вынимай-тку,

баба, што тамъ Богъ давъ. У людзей добро, а дома ще лѣпи!“ Дыкъ баба полѣзла у печь, ажны тамъ лапыць. Тоды дзѣдъ тэй говорицъ: ну, капъ я знавъ хто гэто здзѣлывъ, я пъ яго забивъ! Тоды тэй малецъ скокнўвъ съ палаць и уцёкъ. А гэто усё дзѣялося ношнымъ уремямъ. Бяжицъ ёнъ, бяжицъ,—стоицъ хатка. Попросився ёнъ туды на нычь, яго пусьцили. Ходзяинъ тэй тоды пытаетца ў яго: идзѣ шъ ты, малецъ, бывъ, и куды ты йдзёшъ?—„Ды вотъ, каецъ, дзядуля: мы ўтроихъ ѣздзили за сѣнымъ, ды я звалився зъ воза. Кричавъ, кричавъ, а йны не почули и поѣхыли. Тоды я пытъ копешкой лёхъ, ажны нѣхто кажецъ: сотниця, возьмиця!“ Дыкъ дзѣтъ кажецъ: Якъ будзеця жаць, дыкъ не покидайця кдлоса на ниви, бо яму̇ за то цяшко!—„Тоды я спужався и побѣхъ. Забѣхъ у пуню и полѣзъ на жито. А нѣхто кричицъ: цѣсно, цѣсно!“—А гэто, каецъ, николи не бяри чужого снопа на поли, бо яму̇ цѣсно мижду чужими!—„Тоды я оттуль побѣхъ на дровосѣкъ. Ажны тамъ нѣхто кричицъ: выньця мяне, выньця мяне!“—А гэто, каецъ, коли сячёшъ дровы, николи не покидай топора у колодзи!—„Тоды я зайшовъ у сѣни, ды й сѣвъ подъ дзешкый. А нѣхто кричицъ: утопився, утопився!“—А гэто, кажецъ дзѣдъ,—коли пъёшъ, пиколи не покидай кварты у дзешцы!...

М. Черея, сѣнн. у. Отъ кр. Якова Радушкевича.

32. Проклятая.

Жили два браты купцы. И ўво днаго была дочка̀. Купецъ тэй помёръ, а дочка осталася свойму дзядзьку на выхуваньня. Якъ вырысла ина большая, дыкъ ина дужо не любила мальцовъ. Хто тольки ни прїдзецъ къ ёй, дыкъ ина ўсякому давала згану. А найпа́ча ина не любила тыхъ, што ходзили зъ быродой ци зъ вусами. Расъ нѣякъ, разговорившиси, дзядзька скызавъ ей: а што бъ ты пляменница, робила, кабъ у цябе бырода была? Ина якъ рассерчаецъ на яго: ахъ ты, каецъ, старый дзѣтъ! Я сычасъ прикажу табѣ бырод̇у зголицъ! Тольки ина гэдыкъ скызала, такія словы, ёнъ дужа зыпечалився, зысмуцився, и зыхворѣвъ. И такъ зыхворѣвъ, што и помёръ. Тоды перадъ смерцю ёнъ узявъ и пры̇клявъ яе: „будзь ты, каецъ, проклята отъ мяне, и будзь ты зъ быродой, и кого ты тольки ни попросишъ, нихто табѣ яе ня зголицъ, а зголицъ табѣ быроду тольки тэй, кого ты просицъ ня будзешъ. И тоды ты будзешъ спасёна!“ Помёръ дзядзька, ина сабѣ й ничого: не гылосила, не скучала. Тольки расъ ина прышинаетца, ашъ у яе бырода, ды икрасъ такая, якъ была у дзядзьки. Ина яе зголила, а ина знова отрысла. И скольки разовъ ни голила, ничого не подзѣлыецъ—усё отрыстаецъ. Тоды яна зъ большого гора, зъ дысады стала никуды не ходзицъ, усё сядзѣла дома, покуль и помёрла. Ну,

штожъ? Якъ была ина прыклятая, дыкъ яѐ земля не принила, и яна усё ходзила ноччу по своимъ доми. И пройшло такъ скольки годовъ.

Расъ одзинъ малецъ, учився цырулниства, пошовъ у свѣтъ отъ хыдзяина, щасьця шукаць. Ишовъ ёнъ, ишовъ, и зайшовъ енъ у тэй яе домъ на нычь. У тымъ доми живъ яе другій дзядзька. Проситца ёнъ у того дзядзьки на нычь, а енъ каець: „у мяне жонка хвора,—нейдзи нучуваць. Коли хочешъ, ходзи туды, куды завяду цябе!" Повёвъ яго у яѐ комлаты, и думаець самъ сабѣ: „што зъ имъ будзець? Ци прѝдзець ина къ яму̀, ци нѣ?" Завёвъ яго туды, покинывъ тамъ, а самъ пошовъ нызатъ. Малецъ тэй лёгъ на яѐ посьцели и глядзиць на яѐ полтретъ и думыець: кабъ гэта паненка пришла, ды мнѣ ѣсць принесла! И заснувъ. Тоды, видзиць енъ уво снѣ, што идуць къ яму два лакеи, нясуць по ’днэй свячѣ у рукахъ, и пыставили ны столѣ, а сами пошли. Пóтомъ приходзиць ина сама, шаликомъ обкруцившись, кабъ ня видно було быроды; а за ёй лакеи нясуць усякія напитки и наѣдки. Тоды ина подыходзиць къ яму и зовець яго ѣсць. Ёнъ прошнувсь и каець: спасибо! Сѣли яны за столъ, стали пиць и ѣсць и бясѣдоваць. Увидзѣвъ ёнъ яѐ быроду и говóриць: дóбро бъ булó, кабъ я вамъ быроду̀ знявъ! Ина змовчила. Тоды ёнъ узявъ свою бритву и пыдголивъ ёй быроду. Якъ тольки знявъ ёй быроду, ина здѣлылася спасёна, и отжила. Тоды ина усё чисто яму расказала и пыдарила яму̀ безъ числа много грóшій, и сама пышла зъ дому. Ёнъ лёгъ спаць, а назаўтраго ўставъ, узявъ гроши, што ина яму̀ дала, и пошовъ ны базаръ. Тамъ купивъ сабѣ хорошую одзежу и приходзиць къ гэтуму дзядзьку. „Продай мнѣ, господзинъ купецъ, гэтый домъ!" —Купи, каець. Заплацивъ енъ гроши, пошли яны у тыя комлаты, ашъ ина тамъ сядзиць. Ну, яны тоды пожанилиси и стали тамъ жиць. И цяперъ живуць, мёдъ-вино пъюць, по свѣту пускаюць и насъ насычаюць.

Г. Сънно. Отъ кр. Марьи Кучинской.

33. Царь Давыдъ.

Живъ царь Давыдъ у Кіяви. Ишовъ ёнъ у храмъ у воскресный дзень и стрѣцивъ майстра пъяницу,—пъяница идзець и пяець пѣсьни. А царь Давыдъ спрашіець: „што ты, говóриць,—празьникъ большій, а ты пяéшъ?"—Ваша царьства, хто празьнику радъ, той дó свѣту пъянъ!—„А што ты за якій чаловѣкъ находзиська?"—А я, говориць, майсцяръ!—„А якій ты майсцяръ?"—Што ёсь у свѣци, то я могу издзѣлаць!—„А можашъ ты мнѣ издзѣлаць домъ на тòму свѣци на дзевяносто ўпокоявъ?" —Могу, ваша вяликое царьство, тольки ци хвациць ймущаства?—„А ўсё, коли я могу обиждатца, то я могу зямлю заставиць прочимъ королямъ.

Але, што жъ ты зъ мяне такъ дорого бярѳшъ?“—Ваша вялпкое царьство,—височень бязмѣрная ўстроиць.—„Ну, глядзи жъ, каба мнѣ къ воскресному дню, каба я ў свой домъ увыйшовъ!“—Могу. Тольки слухайце мяне, кабъ ни ў чомъ остановки не было!.. Тоды могъ ёнъ продаць три гурты скота рогатаго и лошадзей, и скольки было ў яго хлѣбушка, и скольки чаго,—усё майстру—пъяницы повѣривъ и раздавъ. Тоды, приходзиць ето ужо вялнкій постъ, и треба ўзнаць, ци готовъ домъ. И приходзиць до тыя сцепени, што и спрашіець у майстра: „скольки мнѣ ў дому̀ зряботано на томъ свѣци?“—Ваша вяликое царьство, состроянъ увесь, тольки покрыць!—„Цяперь што зъ мяне хочешъ?“ говориць царь Давыдъ.—Заставляйця свою зямлю, а домъ покрывайця!—„Добро жъ, я цябе послухаю; каба мнѣ у доми уся дрянажа была: и стульля, и столы, усё царьское ухождзенія, самувары и протчая, и протчая!“ Заставивъ зямлю. Ну, цяперь, дождали воскреснаго дня, и говориць царь Давыдъ, —идзѣць изъ майстромъ у храмъ Господній и говориць: „што жъ, мой домъ готовъ?“—Готовъ! Вотъ, якъ вы сядзиця ў храми Господнимъ на престоли, такъ и ўсмотриця домъ свой! Такъ убачивъ царь Давыдъ свой домъ и ўзрадовався. И ввыйшовъ у свой домъ и ўкрашаетца, што несказанная чуда́. Вотъ тоды царь Давыдъ узнявъ скаканья и пѣніе, и радосць и вяселіе. Тоды собравъ протчихъ своихъ королей и ставъ пирувáць. Самъ сѣвъ у кресли посерёдъ стóла и переставився, тольки сказавъ: „хала табѣ Божа, што увыйшовъ у свой домъ!...“

Городецк. вол. чаусск. у. Отъ кр. Ѳедоса Степанова.

34. Доля.

Живъ сабѣ такъ бѣдный чаловѣкъ. И пошовъ ёнъ у гумно спаць. И гукаець яго Доля: „коли, чаловѣча, коли будзешъ го̀ря горювацъ: ци зъ молодосьци будзешъ глыдаць косьци, ци подъ старосць?“ Вышовъ ёнъ съ подосѣтьця и говóриць: „хто мяне ето гукаець, увѣщаець?“ А Доля разъ и другій, и третьцій разъ. Тоды ёнъ говóриць: „лучче зъ молодосьци глыдаць косьци, чимся подъ старосць!“ Добро. Пошовъ домовъ, гукаець жану, посмотри̂ць—гумно горпць. Побѣгли гумно ретувацъ, посмотряць —дворъ згорѣвъ. Остали̂сь тольки удвоихъ зъ жаной. Тоды што? непри̂чемъ жиць,—пошли у страдъ. Идуць дорогою—ѣдзець панъ. И посмотрѣвъ ёнъ, што жана пругожа. „Што ты, каець: у рубищахъ и обгорѣвши, отча́ ты пругожую такую за собою вядзе́шъ?“ И кажець на кучаря: „злѣзь, прикатай яго бизуномъ!“ А жонку уссадзивъ съ собой и повёзъ. Ящо́, злѣзши, сапогомъ яму давъ; прикатавъ мужика, бросивъ на дорози. И три лѣты ёнъ страждавъ, той мужикъ. И ободрявсь ёнъ, ня мѣець ёнъ сабѣ

напрядки. И приходзиць ёнъ у сяленія. И тамъ заўдовѣла паня и собираець обѣдъ дли нищихъ. Первый разъ обѣдъ и другій разъ,—ня можець увознаць промижда нищихъ мужа свойго. Тоды у третьцій разъ пригласила обѣдъ дли нищихъ, ици ў храмъ Божій, и даваць свѣчку кажпому нищаму, и запалёмши ици ў цэрькву. И такое урочища здзѣлаць: котораго свѣчка па порози погаснець, то мой мужъ! Во тоды, погасла у яго свѣчка, у того, нищаго ў того. Узяли яго забрали. И обробѣвши. Посли обѣдни божъяй и говориць нищій: „господзиновна, што я вамъ виновенъ? Што, мяне наказуваць будзеця, али што?"—А помнишъ ты, якъ мы, погорѣвши, ишли дорогой? И цябе господзинъ наказавъ и отобравъ жану твою отъ цябе? Во, то жъ воспомни, што я твоя жана!... Ну, и стали тамъ жиць. Живуць и панують.

Городецк. вол. чаусск. у. Отъ кр. Өедоса Степанова.

35. Доля пахаря и купца.

Вотъ сабѣ были два браты. Подзялилися яны. Одзинъ дужа богатый бывъ, а другій бѣдный. Богатый мени робиць, да богато живе́ць. Доля служиць, а бѣдный робиць—робиць, и ничого не маець. Ну, разъ была у богача́ толока: жали жито, складали снопы. А бѣдняково стоиць не жато. Назаўтряго бѣднякъ вышовъ па по́ля, сцяречь свойго жита, рано, дужа рано,—зарёю. Смотри́ць,—ходзиць по богачовой ниви чаловѣкъ то якій, собираець колосься и кладзець у снопы. Енъ подыйшовъ, бѣдный той, да й ухапивъ яго за ковнѐрь: хто ты такій? Ёнъ говориць: я братнія Доля!—А моя дзѣ? Яна говориць: „ляжи́ць твоя Доля подъ яблонькой у поповымъ садзи, у краснымъ жупани. Коли, говориць, яблочко попадзе́ць у ротъ, дакъ яна зъѣсць, а не попадзець, дакъ и такъ живе́ць!"—А што мнѣ дзѣлаць зъ ёй, гово́риць.—„А возьми бизунъ, идзи ў поповъ садъ, споймай яе, да й задай ёй бизуномъ хорошенько. Дакъ яна табѣ скажець, съ чаго жиць!" Ёнъ узявъ бизунъ, пошовъ. Ляжиць яна подъ яблонькой догоры. Ёнъ подышовъ къ ёй поцихоньку, поймавъ яе, якъ задавъ ёй бизуномъ хорошенько, разы три ци пяць давъ; гово́риць: „братнія Доля на ниви ходзиць, колосься собираець, а ты што́?"—Я такъ не хочу̀!—„А якъ жа ты хочешъ?" А йна отвѣчаець: я не хочу̀ па́хатой, а хочу̀ запиматца купцомъ! Идзи па торгъ, купи лыкъ хоць на три копѣйки, и пляци лапци,—будземъ купчуваць!.. Цяперь поплёвъ енъ тыя лапци. Продавъ лапци,—што отдавъ три копѣйки, то ўзявъ злотъ. Ето Доля помогаець яму̀. Цяперь опяць купивъ за злотъ лыкъ; тыя поплёвъ, продавъ за полциньника. Цяперь яна гово́риць яму: зряндуй лавку и торгуй-ка вотъ

лутьцями. Вотъ ёнъ, што купиць за пятакъ, продасць за гривяникъ,—и ставъ богатый, разбогатый купецъ, и цяперь купчуецъ...

С. Любиничи горецк. у. Отъ кр. Агафона Яковлева.

36. Доля и Злыдни.

Жили сабѣ такъ два браты, бо́льшій богатый, а мѐньшій бѣдный. Разъ, бѣдный пошовъ уранньи, ще до свѣта, у по́ля поглядѣть, ти няма шкоды. Приходя до братскія полосы, чуя—хтось плача. Подыйшовъ ёнъ ближай, приглѣдився, ажъ ето молодая дѣвка, пригожая, зноси снопы, што кони поразбивали, и складая ихъ у копы. Мужикъ думая сабѣ: „што ето такое? сяньни нядѣля, а яно работая!" Поткрався къ ёй да за плечи: стой! ты хто такій?—А я твойго брата Доля!—А моя гдѣ Доля?—А твоя Доля у лѣси подъ дубомъ играя ў балабайку. Иди, дакъ и побачишъ яе́! Пошовъ той мужикъ у лѣсъ, приходя къ дубу, ажъ тамъ сядить голая дѣвка, пригожая—пригожая; сядить да й грая у балабайку. Ёнъ тогды выразавъ ладный дубецъ, да поткрався ззади на цыпочкахъ, да й ну яе́ жарить по спинѣ хлудиной! Отъ, яна заплакала да й кажа: за што ты мяне бъёшъ бязвинно?—А якъ тябе ня бить: братняя Доля снопы нося, работая, а ты гуляяшъ, у балабайку граяшъ, а ня помогаяшъ. Я сусимъ збяднѣвъ. Яна тогды кажа: я ў етымъ дѣли ня винна: твое́ дѣлы мнѣ няcподрушны. Отъ, коли бъ ты пошовъ къ пану да ўзявъ коршму на 'рэнду, дакъ ты бъ тогды убачивъ; тогды бъ я ня йграла, а табѣ помогала. И ты бъ бувъ богатѣй за брата!

Тогды мужикъ пришовъ домовъ, продавъ хату и ўсё, и пошовъ, зарандовавъ коршму ў пана. Ставъ складать худобу свою на возъ, параѣжжать, бачь,—ажъ чуя, хтось плача подъ печкой у яго ў хати у старой. Ёнъ пытая: хто ето тутъ плача?—А ето мы, твоѐ Злыдни!—Чаго жъ вы плачетя?—А якъ жа жъ намъ ня плакать: кольки годъ ты кормивъ, кукобивъ насъ, а тяперъ покинаяшъ!—Ти богато жъ васъ тутъ?—Богато!—Дакъ што жъ мнѣ зъ вами дѣлати?—А возьми насъ съ собой!—Ну, до́бро! Полѣзайтя ў бочонокъ! Отомкнувъ имъ барылку, яны и полѣзли туды. „Ну, ти ўси улѣзли?"—Уси! Ёнъ тогды узявъ и забивъ шпунтъ. Узявъ тую барылку съ собою да ѣдучи и кинувъ у воду, у рѣчку: „вотъ вамъ, проклятыя! живитя тутъ!"

Параѣхавъ у коршму, и ня боли якъ съ—повгода пройшло, здѣлався ёнъ силно богатъ, куды богатѣй за брата. Дочувся ето бо́льшій братъ, што ёнъ ставъ богатѣй за яго: „дай, говора, жонка, поѣдомъ у гости къ брату, поглядимъ, што йто за диво!" Запрагли коня и поѣхали. Пріяжжаять туды, братъ той радъ крэпко-сильно, што хоть-разъ яго братъ къ

яму ў гости пріѣхавъ: посадивъ яго зъ жонкой за столъ, ставъ частовать; подавъ чаю, горылки, мѐду, вина, пива, усяго-ўсякаго, и молока, и масла, и сыру, и ковбасъ и пироговъ. Братъ той дививсядивився, и говора: скажи мнѣ, пожалуста, якъ ето ты скоро такъ разбогатѣвъ? Той братъ зъ радости, што убачився, расказавъ яму усё чистянько, усю правду. Ну, тогды, попили—поѣли, братъ той распрощався и поѣхавъ.

Ѣдучи по дорози, думая сабѣ: „дай я зновъ напущу яго тыхъ Злыднявъ!“ Поѣхавъ къ рѣчцы, доставъ барылку и пытая: хто тутъ? А яны чуть-ня-чуть проговбрать: ето мы, Злыдни твойго брата! Отъ ёнъ отбивъ шпунтъ: ну, вылазьтя! кажа. Яны вылазять, косматыя, ня то коты, ня то собаки. „Идитя жъ, кажа, зновъ къ мойму брату!“—Ой, нѣ, чаловѣча, кажать: якъ мы пбйдомъ къ яму? Бачь, ёнъ якъ насъ поморивъ. Спасибо табѣ, што ты насъ отратовавъ,—мы лучь къ табѣ пбйдомъ, ты чаловѣкъ добрый! И пошли. Дакъ што жъ ты думаяшъ: за повгода зъѣхавъ богачъ такъ, што й кошки у дворѣ не осталось.

Краснобудск. вол. гом. у.

37. Богачъ и Доля.

Колись то давно, якъ у насъ ще лясы були, занимались наши дяды ти прадяды вбтчиной. Дакъ разъ одинъ зѐмяцъ, Мартынъ-богатый, пошовъ у лѣсъ, пчолъ своихъ провѣдать. Ну, приходя къ соснѣ, закинувъ плеть, щобъ уже лѣзти, да такъ яму случилось, що ёнъ отъ тыя дровячины отвярнувся на минуту. Тогды, значитца, приходя ёнъ зновъ къ соснѣ, ажъ на яго плети сядить дѣвка голая и колышатца: „якъ бувъ, каа, Мартынъ богатый, такъ и будя! якъ бувъ Мартынъ богатый, такъ и будя!“ Лихо яго вѣдая, що яму уроилось у головў, тому мужику,—узявъ, отыйшовъ оттуль, выразавъ ладный дубецъ, да поткравея, да якъ вытягня яѐ дубцомъ по голому тѣлу! Дакъ яна заплакала и пошла у лѣсъ. Иде да голося: „якъ бувъ Мартынъ богатый, а тяперака ня будя! няхай своѐ Доли ня бъѐ занапрасно!“ Ну, дакъ чаразъ годъ усё Мартыново богатство и знистожилось.

Гом. у.

38. Солдатъ, черти и смерть.

Служивъ солдатъ цару дватцаць пяць годовъ. Наживъ сабѣ грошій за дватцаць пяць годовъ три копѣйки. Узявъ чистую оставку и идзе домовъ. Стракая ёнъ па дорози старичка—ходзяку. „Подари, говора, мяне, служивянькій, радзи Христа, цара нябеснаго!“—Ёсь, говора, ў мяне, убо-

гій. три копѣйки, разви табѣ одну дацъ? И ўзявъ вынявъ одну копѣйку и давъ яму̀. Ну й пошли, тэй сабѣ, тэй сабѣ. Наконецъ, пройшовъ ёнъ кольки, стракая опяць ходзяку. „Здрастуй, говора, служивянькій!"— Здрастуй, говора, старичокъ!—„Подари, говора, служивянькій!"—Да, говора: одну отдавъ убогому, осталось двѣ,—разви табѣ одну подацъ?— „А подай, коли ласка твоя!" Ёнъ узявъ вынявъ копѣйку и подавъ яму̀. Ну й узнова, тэй туды, тэй туды. Пройшовъ солдатъ скольки, стракаетца зь имъ опяць у третьцій разъ. „Здрастуй!" говора.—Здрастуй!—„Подари, говора, радзи Христа нябеснаго!"—Што жъ, говора, двѣ копѣйки отдавъ,—разви третьцію отдацъ? На̀ табѣ, говора, и третьцію, А причомъ жа я, говора, останусь жицъ? А ёнъ говора: „на̀ табѣ, говора, ка́йсцерочку мою!" Ну, солдатъ узявъ и пошли яны ўмѣсьци. Ну, и обняла ихъ ночь. Ёнъ говора на солдата: ну, говора, идзи сабѣ, служивянькій, у коршму̀ ночавацъ, а я пройду дальше трохи. Ну, тогды гэтый шинкаръ наливая солдату чарку горѣлки и поднашуя. А служивый говора: я табѣ напяродъ говору, што грошій у мяне нѣту. Што жъ ты шинель заграбишъ, ци што, мою?—Нѣ, не заграблю. Выпи, говора, румку горѣлки и закуси, я цябе такъ хочу ўгосьцицъ. Назаўтраго солдатъ яще сьпицъ, а яму ужо вужинъ стоицъ и румка водки. Опяць ёнъ говора: у мяне нема грошій, я ня буду ни пицъ, ни ѣсь! А шинкаръ говора: мнѣ твоѐ гроши ня треба, я та́къ хочу цябе угосьцицъ! Ну ёнъ выпивъ, закусивъ, подзякувавъ и пошовъ. Выхо̀дзя зъ дзяревни, сустракая зновъ того старичка дзядульку. И пошли ўмѣсьци. Пройшовъ умѣсьци троху, и стали прощатца. „Ну, каа, служивянькій,—идзи ты сабѣ одзинъ, и добрый пуцъ табѣ, и на̀ табѣ твоѐ три копѣйки!..."

Тогды ёнъ идзецъ ля рѣчки, а плаваюцъ три гусі. Ёнъ говора: ахъ, коли бъ гэтыя гусі да ў мою торбочку! Дыкъ гэтыя гуси потплыли, да ў яго торбу. Тогды енъ пришовъ къ коршмару. „Вотъ, говора: на̀ табѣ одну гусь, урэжъ мнѣ, а другую табѣ подарую, а третьцію на горѣлку!" Дакъ енъ горѣлку пъе́ и гуся ѣсь, закусуя, и въ вокно смо̀тра. А тамъ бывъ царськiй дворъ выстроянъ хорошій. Ёнъ говора: а почаму, говора, гэткій домъ *вяликолѣпный* да пустуецъ, вокошакъ нема? Гэтый шинкаръ говора: тутъ черци жицъ не даюцъ! Ёнъ говора: пойду ка я къ цару̀, попрошу, кабъ ёнъ позволивъ мнѣ пожицъ троху у гэтымъ дворцы! И пошовъ. Ну царъ яму̀ отвящаа: идзи ты, говора, служивый и съ косьцямы и съ шкурой домовъ, коли ты отслуживъ Богу и государу! А ёнъ говора: „якій я служиталь, коли я служивъ вѣрой и правдой, да кабъ я тутъ не пераночававъ! Позвольця, ваша вяликое 'нпяраторство!" Ну, той говора: пераночуй, даю табѣ повную волю! Ёнъ тогды пришовъ у гэтый домъ, кайстрочку на̀ сцяну повѣсивъ, табаку на столѣ

поставивъ, трубку закуривъ, и ходзя по комлаци й покуруя. Якъ стало збиратца туды чарцей, дыкъ и ня здумаць, скольки ихъ туды собралося. „Ты, говоруць, тутъ зачимъ, служивый?“—А вы, говора, тутъ зачимъ? —„Мы, говоруць, тутъ збираемся у карты йграць. Ты можашъ зъ намы играць?“—Могу,—тольки ня у ваши карты, а ў моé! Ну, й сѣли. Якъ почали яны играць, дакъ ёнъ ихъ обыйгравъ чисто ўсихъ и кольки було грошій и ў склепи и ўсюдахъ—повыцягнули яму. Наклавъ ёнъ золота кулёвъ повянъ вугòлъ. Ну тогды ёнъ обыйгравъ ихъ,—стало имъ жалко грошій. Захоцѣли яны здзѣлаць *шкандалъ*,—дратца зь имъ хоцѣли, забиць яго. Тогды ёнъ говора: полѣзяйця ко мнѣ ў торбу! Дыкъ яны туды! Ёнъ узявъ ихъ завязавъ, и повѣсивъ торбу на сцянѣ, на кручокъ. Давъ Богъ дзень, царъ тэй присылая у дворецъ узнаць, ци живъ тэй старикъ, а коли ня живъ, дыкъ косьци прихоъаць. Тыя слуги приходзюць, смотрáць—а ёнъ живъ и здоровъ, и ходзя по комлаци, и грошій наклавъ повянъ вугòлъ, благодарицъ цара за домъ ужо. Тогды ёнъ собравъ ковалёвъ, понёсъ ихъ у кузьню перековаць. Дыкъ яны спужалися, давай клястца: „ня пóйдземъ никòли сюды, будземъ обходзиць за сто вёрстъ!“ Ну, ёнъ которыхъ поковавъ ды й выпусьцивъ, а кривого чорта завязавъ у торбу и повѣсивъ на кручокъ.

Цяперака ёнъ ожанився и ставъ жиць у томъ доми. И народзився у яго сынъ. Дыкъ ёнъ поживъ скольки-тамъ, да якъ ставъ нездоровъ, ставъ нездоровъ, дыкъ ёнъ уси чисто гроши пролячивъ на дохторовъ. Тогды уздумавъ на кривого чорта. Знявъ, развязавъ: ци знаешъ ты, говора, вотъ уси гроши пролячивъ на сына,—чимъ яго пользоваць?—Твой сынъ, каа, будзя здоровъ, а самъ ты будзешъ дохторомъ. Тольки, говора, пусьци мяне съ цѣпа! И давъ яму̀ стаканъ. „На̀, табѣ, говора, стаканъ: якъ хворому треба выздоровѣць, дыкъ чéразъ *вой∂a* пойдзя, а якъ треба ўмерци, дыкъ нѣ!“ Ну, ёнъ тэй стаканъ узявъ, а чорта пусьцивъ. „Я, кажа, цябе большъ ня буду чапа̀ць!“ Ну, тэй и ставъ лячиць.

Лячивъ и князёвъ и грановъ, и много вылячувавъ. Ну, и ставъ хворъ царъ. Дохторы лячили, лячили, ня вылячили. Позвали яго. Ну, ёнъ поглядзѣвъ, наливъ воды,—ня йдзѐць чéразъ. „Умрѐць“, кажа. Царъ говора: коли я умру, дыкъ сь цябе головỳ зниму! Дыкъ ёнъ тогды: ахъ, говора: смертушка-матушка, хай царській вѣкъ мнѣ, а мой хай царъ живе! Ну, царъ выздоровѣвъ, а ёнъ захворѣвъ. „Позволь, говора, смертухна-матухна, мнѣ сходзиць нсъ сыномъ попрощатца, изъ жаной, на *три чецьвёрци* минуты. Приходзя домовъ. Легъ на лавцы. Приходжуя смерць. Ёнъ торбу гэту узявъ. „А што гэто?“—Торба!—„Полязяй у торбу!“ Дыкъ яна й полѣзла ў торбу. Тогды ёнъ яé узявъ, да высóко-высóко на осину узнёсъ да й повѣсивъ.

А самъ тогды живъ тэй солдатъ бязъ смерци, покуль стрѣла тая старуха, якой ня треба ужо по зямли ходзиць. „Служивый, говора: дзѣ ты смерць подзѣвъ? Пусьци, говора, а то мы напрасно труждаемся!“ Дыкъ ёнъ полѣзъ доставаць ды й пусьцивъ яѐ. Тогды самъ скоро помёръ.

Княжицк. вол., могил. у. Отъ кр. Антона Вадкова.

39. Солдатъ у чорта на служби.

Служивъ солдатъ двадцаць пяць годовъ, бязъ роду, безъ породу—одзинъ душою. И служивъ ёнъ ли царя ли самаго, у гвардзіи. Цяперь яго выпусьцили домовъ. Ёнъ вышовъ за городъ и говорпць: „служивъ Богу и царю, а цяперь, говбриць, идзи хоць ікъ чорту!“ А ёнъ тутоцьки и стоиць ли яго, ужо и ёсь. „Коли гетакъ, говориць, дыкъ ходзи ко мнѣ, послужи семъ годовъ. У мяне, говориць, будзешъ семъ годовъ и ничого ня будзешъ работаць, только будзешъ распоряджаць гроши: мѣдзь и серябро и золото,—будзешъ показуваць, идзѣ ихъ ссыпаць. И ня будзешъ у мяне, говориць, бритца, ни стрицца, ни мытца, ни молитца, и коптурёвъ отрѣзаць—ни на рукахъ, ни на ногахъ, ни на чомъ. И будзешъ ты ў мяне позыватца Грапъ Нячосаный. А тоды, говориць, я цябе за семъ годовъ ожаню, и здзѣлаю царёмъ; и получу три подарки за цябе, што ожаню!“ Отъ, ёнъ и пошовъ къ яму служиць на семъ годовъ. Ёнъ яму показавъ, идзѣ ссыпаць гроши,—у три пары возюць. Прослуживъ такъ семъ годовъ ёнъ. Цяперяка ёнъ говориць, чортъ: „што жъ, Грапъ Нячосаный,—цяперь надо жаниць цябе,—пора!“ А енъ кажець: якъ хочешъ сабѣ! Ну, енъ пошовъ къ царю ў сваты, самъ, тэй адыяволъ. Сватаць то сватаць, за кого?—За Грапа Нячосанаго, бблыпую дочку. А Грапа Нячосанаго нема у царьстви. Цяперь енъ пославъ, царь тэй, живописа зняць зъ яго потретъ, якій ёнъ. Живописъ поѣхавъ туды изъ имъ. Показавъ яму Грапа Нячосанаго. Ажъ такого грапа и ў свѣци нема: обрёсъ якъ пёсъ—вблосы до пояса и боряда и вблосы, и коптури довгія. Ну, живописъ зъ яго потретъ знявъ, такій якъ ёсь ёнъ, якъ ляжиць. Привёзъ къ царю, показавъ потретъ той дзѣвцы. Дзѣвка ня йдиць замужъ. Тая не пошла, большая, которую засватавъ, а пошла сяредьняя. Цяперь треба ѣхаць на свадзьбу Грапу Нячосаному. Вотъ адыяволъ давъ яму одну бутылку выпиць. Ёнъ узявъ выпивъ бутылку. Цяперь гета ўся руда на ёмъ объѣхала,—ставъ чистый. Даець другую—ставъ молодзецъ—и ў свѣци нема такого: здоровый, чистый, пригожій. Цяперь запрягли лошадзей, уссадзивъ грапа и поѣхали. Пріѣжжаюць на крылецъ на дворъ,—ажъ ня тэй человѣкъ, што живописъ знявъ. Полядзѣли, што ня тэй человѣкъ, енъ узявъ живописа, царь, да й завѣсивъ,—што нявѣрно знявъ по-

третъ. А бо́льшая дочка тая, якъ убачила,—зъ досады пропала. А самъ тоды царь тэй—нема живописа, нема дочки—помёръ и самъ. А ёнъ ихъ ожанивъ и вясельля згулявъ, и ў томъ царстви енъ царёмъ ставъ—Грапъ Нячосаный. А дыяволъ усё-тыки три подарки узявъ: живописа завѣсивъ, дочка зъ досады пропала и царь помёръ.

Любиничская в. гор. у. Отъ кр. Агафона Яковлева.

40. Чортовы загадки.

Ну, такъ жа позычивъ человѣкъ у чорта̀ грошій, и ниякъ ёнъ ня можа зъ яго зыскаць: бѣдный дужо человѣкъ бывъ. Ёнъ къ яму ходзивъ, ходзивъ нѣскульки годовъ,—нема грошій. Цяперь, старшій кажець: идзи загадай яму за́гадку!—самый старшій чортъ. Коли ёнъ отгадаець, дакъ яго гроши, а ня 'тгадаець—дакъ бяри яго сюды, тожа, пропадзе́ць ёнъ! Цяперь чортъ подышовъ подъ вокно: „человѣча, кажець: а што ўдвухъ?" А человѣкъ отвѣчаець: дорога короцѣй!—„А ўтрёхъ?"—Молоциць ляхчѣй!—„А ўчетырёхъ?" спрашуець енъ у яго. А ёнъ кажець: ня черци бъ у цябе грошій просили, кабъ мы ўчетырёхъ молоцили!.. Тоды чортъ и побѣгъ; потому, мужикъ отгадавъ уси за́гадки. Такъ гроши мужикъ и ня 'тдавъ.

Д. Староселье, любин. вол. гор. у.

41. Чортъ у мужика на служби.

Живъ старикъ съ старухой. И чортъ ихъ зва́дзивъ, зва́дзивъ сваритца, да ня звёвъ. Цяперь жа пошовъ дзѣдъ у лѣсъ съ топорёмъ. И ў яго ничого ня було, тольки торбочка послѣдьняя, и ўзявъ у тую торбочку хлѣбца кусочекъ. Пришовъ дзѣдъ у лѣсъ, ставъ дровы сѣчь, а торбочку положивъ на пенячку̀. А чортъ пришовъ и подравъ тую торбочку, усё, кабъ сварилися. Дзѣдъ тэй рубивъ, рубивъ дровы, захоцѣвъ ѣсць. Пошовъ хлѣбца ўкусиць,—а торбочка подряна уся на кусочки, на такія на маленькія. Цяперь ёнъ клопочиць, старикъ тэй,—вотъ, кажець, баба посваритца! Пошовъ старикъ домовъ. Приходзиць къ старуси. „Вотъ, говориць, баба: одна была торбочка, и тую подравъ! Лядзи, кабъ не сварилася!" Баба гово́риць: хварѣй ина, торбочка! Ня буду сваритца: пропадзи ина, кудукомъ возьми! А чортъ стоиць подъ вокномъ, слухаець, ци будзець баба сваритца на дзѣда. Баба не сваритца,—ня звёвъ. Ёнъ пошовъ до старшо́го чорта. Старшій спрашуець; ци звёвъ, говориць. Ёнъ говориць: нѣ; ниякъ нямождно звесць! Узявъ старшій зялѣзный прутъ, сѣкъ, сѣкъ чорта! И ссѣкъ прутъ зялѣзный: чаму ня звёвъ сваритца. То-

ды говорицъ на гетаго на чорта старшій: „ступай, яму три годы отработай, што ты ўбытки прознёсъ! И коли порябйшъ усю рябо̂ту, дакъ забярёмъ ихъ, а не порябйшъ, дакъ пропало три годы: будзешъ дурно ряботацъ!“ Вотъ енъ пошовъ къ яму̂, къ дзѣду, къ старику къ гетому, и ставъ рjaботацъ. И рябивъ усё чисто, якъ ёсцъ. Старикъ ставъ богатый. Ну, работу чортъ кончаецъ, и три годы приходзицъ. „Давай, дзѣдъ, работу̂,“ говорицъ. А тутъ работы нема. „Ну, говорицъ, я забяру васъ, коли ў васъ работа ўся: мнѣ треба було ўсё подзѣлацъ!“—Топи лазьню, каецъ дзѣдъ: треба помытца у лазьни; тоды забяре̂шъ насъ! Пошовъ енъ лазьню топицъ. Вытопивъ. Пошли съ старикомъ мытца яны, чортъ тэй. Помылися; пришли домовъ. „Цяперь, каецъ, вядзи мою бабу мый! На̀ табѣ кусокъ мыла и змый зъ яе́ лапикъ. А ня вымыешъ, дакъ усё твоё пропало!“ Вотъ енъ повёвъ яе́ у лазьню. Мывъ, мывъ у корыци, мывъ, мывъ, а баба каецъ: отмый лапикъ, а то ня пущу! Вотъ ёнъ мыло тое измывъ, увесь брусъ, и ничого ня здзѣлавъ. Тоды кинувъ да й побѣгъ; пропавъ, уцёкъ. А дзѣдъ остався жицъ.

Любин. вол., гор. у. Отъ кр. Гапея Яковлева.

б, Ну вотъ, горѣлку гету выдумавъ тожа нячистая сила.—Повёвъ разъ мужикъ на болото коня пасьвицъ, ды й лёгъ спацъ, ды й перяксцився. Ну, а ихъ жа тожа у болоци много,—не одзинъ ёнъ тамъ. Дакъ малый кажецъ: „я гетаго человѣка укину ў болото!“ А старшій каецъ: нѣ, ня ўкинешъ! Тоды енъ пошовъ ды яго подымацъ. Бравъ-бравъ, бравъ-бравъ,—не ўзявъ. „Ну, цяперь, старшій каецъ, ты яму будзешъ три годы служицъ, што поднявся ў болото ўкинуцъ, ды ня ўкинувъ!“

Ну, тэй уставъ, коня забрытавъ, хочецъ ѣхацъ, а ёнъ изъ болота выскакуецъ. „Дзядзька, каецъ: найми мяне!“ Енъ каецъ: мнѣ не надо ты; у мяне и кобылёнка одна, мнѣ и дзѣлацъ нечаго: ли чаго ты мнѣ? Дакъ ёнъ къ яму набився насильня. Тоды ёнъ запрёгъ тамъ соху, дыкъ енъ каецъ: идзи сабѣ, дзядзька, у *воръ*, я буду̂ одзинъ работацъ! Ну, тоды почавъ ёнъ работацъ—дыкъ тому мужуку треба бъ нивѣсь—скольки, работацъ. А ёнъ узявъ, поднявъ, поднявъ,—што тому мужуку нядзѣлю пришлось бы работацъ. Вядо̂мо, ёнъ работаецъ своёй силой. Ну, назаўтряго скородзіцъ. Ёнъ самъ хоцѣвъ ѣхацъ, а ёнъ: нѣ, говорицъ, я поѣду, дзядзька! Ну, енъ и скородзивъ такъ жа шибко. Штобъ треба тому человѣку скольки работацъ,—нядзѣлю ци двѣ, на 'дной кобылёнки, дакъ енъ за дзенъ выскородзивъ. Ну, да ё ще у ихъ лядо сѣчь. Говорицъ: пойдземъ, дзядзька, лядо сѣчь! Ёнъ каецъ: „на што намъ лядо? у насъ сѣицъ нечимъ, и мы не ўздзярёмъ!“—Уздзярёмъ, каецъ: найдзёмъ чимъ сѣицъ! Ну, потомъ пошли у лядо: ты сабѣ, каецъ, дзядзька, ня йдзи,—я

одзинъ буду сѣчь! Якъ завинувся, дакъ яно такъ—удругъ. Ну, такъ жа, и драць само, высякши, поѣхали. Дакъ ёнъ якъ завинувся тожа й драць такъ,—магнэтомъ, скоро. Ну, тоды, лядо готово, а сѣиць печимъ. А коло ихъ сусѣдъ богатый. Дакъ енъ каець: идзи, дзядзька, къ гетому сусѣду да й попроси овса одзинъ чецьвярикъ. А тоды я приду забирaць. Ну, енъ пошовъ; чецьвярикъ овса давъ тэй сусѣдъ, выпросивъ у яго. Тоды енъ пошовъ по тэй овесъ, забравъ дзярюги, мяшки,—забравъ увесь овесъ у того богатаго. Ёсь што сѣиць ужо. Поѣхали, засѣили. Зародзивъ тэй овёсъ хорошо. Ну, тэй овёсъ яны помолоцили, спожили,—то ихъ ужо овёсъ. Ну цяперя, паннмаець панъ жней, на гроши; а енъ говорицъ: „дзядзька, пойду я наймуся. Тольки кабъ плацивъ мнѣ снопами, скольки понесьци. Я на гроши ня буду!" Ну тоды, змовився у пана дзень жаць и ў вечари ношку сноповъ узяць, не на коні, а на сабѣ. Тоды енъ ношку сноповъ набравъ, дакъ усю дзесяцину й забравъ. Ну тоды жъ, пожинавъ ёнъ дзень овса, пожинавъ дзень и жита гетыкъ. И жита дзесяцину забравъ. Куды Нема и приступу до нашаго мужука! Ужо богацѣй за того. Ну, и пашаницы такъ жа и гречки—усякаго добра по дзесяцини узявъ. Ну, тоды молоциць треба горохъ. Отъ, наказуець панъ на дзяревню: приходзиця горохъ молоциць! Ёнъ каець па ходзяина: „пойду я горохъ помолачую у пана? Зароблю што нибудзь."—Идзи! Ну, енъ змовився горохъ молоциць у пана на четыре гарцы за дзень. Тоды панъ яму усыпавъ четыре гарцы, а ёнъ горохъ увесь забравъ, што намолоцили, и понёсъ.

Ну, назапасили яны хлѣба много,—нейдзи имъ и сыпаць ужо. Ну тоды ёнъ: „дзядзька, куды мы будземъ хлѣбъ дзѣваць? Будземъ прѳваръ строиць, будземъ горѣлку гнаць!" Выстроивъ енъ прѳваръ, и погнали горѣлку. Якъ перегнали хлѣбъ на горѣлку, кончилося три годы яму̂. Ёнъ узявъ и горѣлку запаливъ. Усё й погорѣло. И остався мужикъ такимъ бѣднымъ, якъ бывъ.

Д. Староселье, любан. в. гор. у. Отъ кр. Андрона Яковлева.

в, Живъ бѣдный человѣкъ, находящійся такъ при бѣдной дзяревни; такъ што достатковъ у яго ня було инякихъ, а тольки была одна овца, одна свиньня, кобыла одна и баба. А хлѣбъ не постоянно у яго бывъ: коли ё, коли нема. Ёнъ дождавъ сабѣ нащотъ природы, шубку пошивъ сабѣ новую, лѣтъ за дватцаць пяць можа. Дождали празьника вясеньскаго, нащотъ Благовѣщиньня. Идуць людзи къ церкви, и яму̂ захоцѣлось. Ёнъ надзѣвъ ету бѣлую шубу и пошовъ къ церкви. Коло яго людзи уси дзивютца: што дождавъ шубы бѣлыя, што низразу не ходзивъ къ церкви, а то й къ церкви йдзець. Яму и самому было стыдно. Стало черцянку заўростно луччай посьміятца надъ имъ. Вотъ ёнъ ишовъ. Была рѣчка по

дорози, куды у храмъ идуць, и мосту ня було, а кладка. Ёнъ тольки на кладку ставъ ступаць,—черцянóкъ и пихнувъ яго у воду у бѣлой шубцы. Ёнъ вылизъ зъ ряки зъ естыя и ставъ обтрисаць шубу. Ставъ народъ на яго сьміятца; што не ходзивъ пляшивый къ церкви дватцаць пяць годовъ, а пошовъ, дакъ и плѣшъ поцерáвъ! Ёнъ узявъ со стыда и вярнувся домовъ: некуды ўже къ церкви ици. Народъ зновъ захохотавъ отъ дзива отъ етаго: што ишовъ, не дойшовъ, и опяць завярнувъ домовъ. Етый черцянокъ уже пошовъ къ свойму чорту на пораду, што скусивъ такого человѣка бѣднаго, што вѣкъ шубы новыя не носивъ, а якъ надзѣвъ, дакъ я и ету укинувъ яго у рѣку. Што народъ нахохотався, и я самъ насьміявся! Етый старый чортъ ня узлюбивъ етаго и приказавъ: „зачимъ ты етакаго искушаешъ? Етый, говорицъ, нашихъ рукъ ня прóйдзецъ, у насъ будзецъ. А табѣ треба скусиць такого, который отъ насъ отвращаетца и отъ мѣста ўдаляетца,—то ба табѣ и награда была. А цяперь дȯвжанъ етому бѣдному годъ служиць. Ступай, отправляйсь!“

Ёнъ пошовъ,—нечаго! слухаць приказанія дȯвжанъ. Приходзицъ къ етому бѣдному человѣку, прóситца на ночь. Ёнъ яго пусьцивъ: ночуй, тольки ѣсць нечаго! А ёнъ у яго допрáшіецъ: „я ў цябе буду служиць!“ А ёнъ говорицъ: „на чорта ты мнѣ служиць,—мнѣ самому нѐчаго ѣсць, ня тольки цябе кормиць и гроши плациць!“—А я такъ у цябе буду служиць и дзенягъ твоихъ не жалаю!—„Ды што жъ мы будземъ дзѣлаць?“ —Нáйдзетца работа! Ўсё ’дно гуляць ня будземъ!.. И оставсь. Давъ Богъ раньня. Ёнъ узявъ яго кобылу, повёвъ пасьвиць, и хлѣба ў яго ня просиць. У вечари, ёнъ такъ цѣлый дзень патавса ў малцахъ, идзѣ яго рязы, кабъ пахаць. Яны яму показали,—уси бярезникомъ заросли. Привёвъ ёнъ къ вечару кобылу домовъ, а ѣсць тыки опяць ня просиць. Такъ лёгъ спаць, ня ѣвши. Назаўтряго тэй дзядзька подумавъ, подумавъ, ды й послѣдній кусокъ хлѣба даéць. Ёнъ у яго пытаець: што дзядзька, дай мнѣ твой топоръ, я пойду лядо церябиць и кобылу пасьциць! Отъ ёнъ давъ яму̀ топоръ. Дакъ ёнъ лядо копавъ цѣлый дзень, и выкопавъ ёнъ рѣзъ съ конца ў конецъ, зъ вярсту ў довжки, сажаней дзесяць ширинёй. Пріѣхавъ домовъ и хвалитца дзядзьку: а што, дзядзька,—я табѣ одзинъ рѣзъ раскопавъ, а заўтра поѣдземъ драць! Ёнъ, дзядзька, возразився на яго и ставъ кричаць: „кабъ черци шкуру твою подрали! на кимъ тутъ драць?“—О, дзядзька,—нябось! Уздзярёмъ на етой кобыли усё!—„Ну, коли жъ драць, дыкъ драць!“ Тэй человѣкъ давъ яму соху и самъ пошовъ за имъ. Пришли на тэй пáлядокъ,—дзивитца, што чистое лядо стало, и съ конца ў конецъ. „Запрягай жа соху, дзядзька!“—черцянóкъ зациваець дзядзькомъ. Запрягли соху. Черцянокъ говорицъ: бярицеся ўси! драць, дакъ драць! Якъ пошла тая кобыла,—дакъ ня ўпра-

вютца ногъ относиць отъ дзярёнъ! Съ конца ў конецъ проѣхали, оттуль завярнулися,—такъ усю й узорали. „А што, дзядзька! ты казавъ: кабъ цябе черци подрали! Глядзи-тка: во, и ўзодрали. Што, дзядзька, будземъ дзѣлаць? Треба цяперь подъ па́рину приготовиць рѣзъ, а на етомъ овёсъ будземъ сѣиць, а на томъ жито. Дакъ надо ўзодраць и выцерябиць другій рѣзъ!“—А ня вѣдаю: коли занимаесься, дакъ занимайсь: у мяне ня сила ни драць, ни пахаць!—„О, ще, дзядзька! Тольки покажи мнѣ мѣсносць, —я буду драць и пахаць!“

Ну, такъ ето скоро каетца, ня скоро дзѣетца: пришла пора овёсъ сѣиць. Ёнъ говориць: „дзядзька, будземъ овёсъ сѣиць!“—Што жъ, пляменьникъ: коли ўспахавъ, дакъ и сѣй: у мяне нема ничого сѣиць, и на повѣръ нихто не дасць!—„Во, йще, дзядзька! Ты идзи хоць одно овсяное зярно коло зярёнъ у сусѣда возьми: мы засѣимъ,—усё ладно будзець!“ Енъ пошовъ гуляць къ сусѣду и выкулупивъ три зѐрня овсяныхъ. Приносиць домовъ. „О, бяри, дзядзька, бяри три мяхи, ды й по зѐрню кидай у кажанъ мѣхъ, ды й кладзи на возъ, и запрягай кобылу и поѣдземъ сѣиць!“ Поѣхали сѣиць. Узявъ етый пляменьникъ мяшки̇, и ў концы гонéй, зъ началу рѣза, мѣхъ узявъ и трихапувъ, и кажецъ: сѣйця ўси! И посярёдъ рѣза мѣхъ опяць триханувъ и кажецъ: сѣйця ўси! И посѣяли ўсё. Дзядзька отправився домовъ, а ёнъ ставъ мѣшаць и пахаць,—сохой мѣшаець, а бороной пашець. Такъ ёнъ за дзень усё успахавъ и ўзмяшавъ. Пріѣжжаець домовъ и говориць: во, дзядзька! ты казавъ, што не ўспашу, не ўздзяру! Ажъ во, успахали, ўзмяшали и ладно будзець, —засѣили! Пошовъ тэй дзядзька полядзѣвъ,—хорошо ўспахано. Ну й ладно. Усходзиць овёсъ,—съ трёхъ зярёнъ цѣлый рѣзъ, и отлишно ўсходзиць. Енъ ставъ узновъ яму̇ казаць: „што, дзядзька! покажи рѣзъ тэй, идзѣ лядо выкопаць, выцерябиць и ўспахаць,—жито сѣиць къ восяни!“ Енъ яму показавъ. Енъ пошовъ назаўтраго копаць. За ’дзинъ дзень такъ само и ўскопавъ рѣзъ етый, такій самый, якъ тэй. Дождали восяни; зняли овёсъ! Уси дзивютца: откуль у яго такій овёсъ хорошій? Стали завидуваць: „што ето, прахъ яго вѣдаець? Што одна кобыла худая, и ўспахавъ етакое лядо? И идзѣ набравъ енъ сѣмя и засѣявъ, и выросло хорошо?“ Давай етаго малца отмовляць отъ яго,—завидуюць, што ў яго етакая ярь. „Ты у яго не служи,—ёнъ бѣдный, у яго ѣсць нѐчаго!“—А мнѣ, каець, хорошо. Я замѣчаю, што ёнъ человѣкъ хорошій! Ну, собрали ярь тую и ў гу̇мно звязьли. Цяперь, поѣхали опяць жито сѣиць. И жито тожа, тремя зернями засѣяли рѣзъ; у трёхъ мяхо̇хъ тожа вязьли. Жито тое стало усходзѝць, якъ на гной,—дужо пріятно усхо́дзиць. Стали яны задумчиваць—увобрались, овёсъ звязьли, ну й начали молоциць цяперь. Помолоцили, и што продали, што обмѣняли на

хлѣбъ, на жито овёсъ, што й сабѣ оставили на сѣмяны и тамъ мало на што тамъ—ходзяйствянный расходъ. Пляменьникъ кажецъ: што жъ, дзядзька! треба хату вырубицъ: хата крѣпко стара! Енъ кажецъ: идзѣ-жъ мы вырубимъ? Намъ панъ не даецъ сѣчь!—О, дзядзька, идзи-ка попроси! Дасцъ панъ, якъ жа ёнъ не дасцъ! Ёнъ пошовъ къ пану, дзядзька, просицъ хату. Такъ яму панъ и давъ. Пошли яны вырубляцъ лѣсъ, дзядзька съ пляменьникомъ. И сказавъ пляменьникъ на дзядзьку: ты жъ не кажи: Господзи Божа, богослови! а дай я начану перша сѣчь!—Ну й сячи, кажецъ. Ну, ёнъ цяперь узявъ и сяканувъ топоромъ, и говорицъ: сячиця ўси! Такъ и начавъ лѣсъ и сѣчца и отсѣкатца и ў грудъ качатца. Ну, отсѣкши хату тую, пошли домовъ. Дзядзька етый думаецъ: якъ хату ету перявезьцъ,—кобылёнка одна!—О, дзядзька! боисься ты! на тэй кобыли хаты не перявезьцъ? Перевязёмъ! Поѣдземъ! Узяли, запрягли кобылу и поѣхали по хату. Пріѣхали ў лѣсъ. Дзядзька говорицъ: „ну, якъ жа мы? Одно бярно, и того не повязѐцъ!"—О, дзядзька! Яна ўсю привязецъ заразъ!—„Якъ жа ўсю? Якъ жа класцъ на сани ўсю?"—А вотъ, увидзишъ, говорицъ: ускладзёмъ! Ну, поперякъ саней два бярны поклали, и пляменьникъ кажецъ: „ну што жъ? кладзиця ўси!" Ци одзинъ жа ёнъ будзецъ ирватца? Такъ и начало бярвеньня само кацитца и складатца на сани, щитно усё, такъ якъ и надо. Запрягли кобылу. И пляменьникъ кажецъ: ну, што, дзядзька: повязёмъ, усклали! Ну, што жъ, везьцъ—вязиця ўси, а ты, дзядзька бяри кобылу за поводъ, вядзи! Дзядзька ўзявъ кобылу за поводъ и повёвъ. Такъ, ажъ гремицъ хата ета! ня ўправитца кобыла ногъ относицъ,—тащитца. Ѣдуцъ яны! Выѣхали зъ лѣсу на поля. Тамъ бывъ шляхъ уѣзный—зъ города ў городъ. Ѣхавъ нѣйкій господзинъ на тройцы лошадзей и спрашіецъ: здрастуйця, мужуки! Остановивъ коній своихъ, хочецъ допросицъ у ихъ, што ето такое: одна кобыла усю хату вязѐцъ? „Што, мужуки, я хоцѣвъ васъ распросицъ: якъ ето вы? Одна кобыла увесь грудъ лѣсу вязѐцъ?"—Што жъ, у насъ другія нема; а ето намъ зъ-естульки лѣсу надо було на 'дну хату!—„Дакъ якъ жа: на хату, да на 'дну кобылу? У мяне во тройка, ды яны не повязуцъ етаго лѣсу!"—А ваши такія кони ня крѣпкія. Намъ ета и двѣ, то бъ вязла, али й три хаты коли, то бъ и три вязла! Етый панъ и говорицъ: ну, што: ци не продали бъ вы мнѣ етыя кобылы, што дужо крѣпкая? Ёнъ, пляменьникъ, на дзядзьку говорицъ; продавай, ёнъ купицъ! —Што жъ ба вы, панъ, намъ дали?—„Да я ня вѣдаю, што вы хоциця?" —Вотъ мы хоцимъ; твоихъ тройку лошадзей давай и триста рублей приданыхъ; тоды мы помѣняемъ! Узявъ етый панъ согласився. Триста рублей имъ отдавъ и тройку коній, Яны ўзяли, запрягли тройку коній подъ бярвеньня, а етый кучаръ кобылу ў возокъ. Ета кобыла нѣшто хвостомъ

круциць,—возка везьци ня мусиць. „Што ето йна?“—А ето йна не привыкла, у возку не привыкла, дыкъ ина хвостомъ круциць. Повязець, ажъ поляциць,—отвѣчаець пляменьникъ. Можа, вашъ хвалеторъ не такъ запрёгъ и ня ўмѣець правиць? Пришовъ и сказавъ: вязиця ўси! Такъ кобыла якъ скипѣла, и поляцѣла. А яны съ тройкой, зъ естыми лошадзями, домой; хату привязьли и триста рублей у ихъ.

Ну, скоро сказка кажетца, ды ня скоро дзѣло дзѣетца. Недалёко й годъ ужо яго. Ёнъ усё спрашіець у дзядзьки, што вотъ, отправъ мяне: я ўжо годъ кончивъ! А енъ говориць: я не знаю: я цябе не наймавъ и отправляць не буду. Хочешъ живи, хочешъ идзи! Ну, узнова: „Ты мяне, дзядзька, отправъ!“ Ёнъ узновъ отвѣчаець: я цябе не наймавъ. Хочешъ живи, хочешъ идзи! Ёнъ узновъ за третьцимъ разомъ спрашіець: дзядзька, отправъ мяне! Тэй дзядзька рассердзився и сказавъ: идзи ты отъ мяне къ чорту! Такъ ёнъ тоды ўзявъ и пошовъ захохочà,—годъ ужо отбывъ, отслуживъ. А тэй человѣкъ ставъ одзинъ жиць да поживаць, да добра наживаць: слава Богу, што цяперь могу процянуць нóгу.

С. Сватошица, гор. у. Отъ кр. Ларіона Васильева, 42 л. неграм.

г, Живъ сабѣ уво 'дномъ сялѣ чаловѣкъ бѣдный, и у яго усяé худóбы було—тольки воликъ худзенькій. Во. Здзѣлавъ ёнъ соху, усклавъ на колёсы и поѣхавъ у пóля. Ѣхавъ, ѣхавъ пріяжжаа къ гразливцы. Во. Сядзиць тамъ два чарты, и яны, бачуць, што мужикъ ѣдзя, одзинъ зъ другимъ закладаютца. Одзинъ кажа: што етый воликъ не перавязé етыя грази! А другій кажа: нѣ, перавязе!—Ну, коли перавязе, дакъ я буду служиць годъ яму, а коли не перавязе, дакъ ты!—Ну, добро! Якъ тольки чаловѣкъ тэй уѣхавъ у гразь, такъ енъ узявъ ззаду за кóлясы и дзержаць ставъ. Тэй чаловѣкъ вола ставъ погоняць, погонявъ, погонявъ, и вывязъ—тыки изъ грази своѐ колёсы. Другій чортъ говора: ну, идзи цяперъ годъ служи яму! Во.

Тэй чаловѣкъ выяхавъ у поля, отпрогъ вола того, самъ лёгъ подъ колёсы и вола пусьцивъ на пашу. Такъ тэй чортъ, што треба було йци служиць, скинувся хлопцомъ и приходзя къ колёсамъ. Здраствій, чаловѣча! Найми мяне ў паробки! А енъ говора: а, мнѣ самому дзѣлаць нечаго! А чортъ говора: я, кажа, хоць и дармà годъ буду служиць! А чаловѣкъ тэй говора: коли дармà, дакъ будзь сабѣ! Во. Ну, тогды чортъ кажа: идзи сабѣ, дзядзька, домовъ, а я буду пахаць! Тэй и пошовъ. А ёнъ ляжавъ-ляжавъ подъ колёсамы до ночи, а тогды нóччи ўзявъ соху и успахавъ полоску туу на сабѣ. Тогды жъ назаўтраго днёмъ и лёгъ сабѣ подъ колёсы. Ходзяинъ яго приноси яму обѣдаць. Чортъ, по'бѣдавши, кажа яму: отъ жа жъ, каа, дзядзька, покажи мнѣ полоски своѐ, сколькн ў

цябе полосокъ няпаханыхъ?—Ну, ходзимъ! Отъ, ёнъ узявъ яго повёвъ и показавъ уси полоски. Самъ жа ходзяинъ пошовъ домовъ, а чортъ тэй, ночи дождавши, узявъ соху и попахавъ за ночь уси тыя полоски. Назаўтраго знов приноси ходзяинъ тэй обѣдаць, а чортъ и хвалитца: попахавъ, каа, я ўси тыя полоски, што ты мнѣ показувавъ. Цяперъ ходзяинъ кажа: попахавъ ты, дакъ цяперъ хоць погуляй,—дзѣлаць боляй нечаго! А енъ говора ходзяину: нѣ, ходзяинъ, я ня хочу гуляць, а заўвядзитка ты лядо копаць! Ну, ходзяинъ повёвъ яго показаваць лядо. Чортъ тэй, дождавшись ночи, гукнувъ своихъ товаришовъ. Дакъ яны якъ стали лядо тое пратаць, дакъ за ночь дзесяцины двѣ выпратали! Назаўтраго ходзяинъ изнова приноси обѣдаць яму, и ня здзивитца, што ёнъ здзѣлавъ тамъ за ночь. „Добро то, добро, да што мы будземъ сѣяць, у мяне ничого нема?"—А што намъ сѣяць, дзядзь,—посѣямъ проса! Ну, ходзяинъ тамъ—сямъ доставъ тамъ скольки-нѣбудзь проса, и засѣяли. И уродзилося тое проса добрачаа. Ну, жжали яго, перавязьли и перамолоцили. И етымъ уремямъ кончився годъ чортовой службы. Пáтомъ чортъ говориць: ну, панидзядзька, я табѣ служивъ годъ вѣрно и дармà, послужи ты мнѣ одну ночь! Ну, ходзяинъ кажа: чаму!—Ходзи жъ, каа, со мной! Яны пошли. Повёвъ ёнъ къ церкви, отчинивъ двери и кажа: идзи ты ў церкву, возьми ты рызу и кадзило! Тэй чаловѣкъ пошовъ у церкву, узявъ рызу и кадзило, и приноси яму. Ну, каа, ходзимъ цяперъ со мной знова! Вышли яны ў поля, дзѣ крыжовая дорога, чортъ тэй кажа на чаловѣка на того: отступимось тройча назадъ! Ободва ето отступились назадъ и опынулись на томъ свѣци, у пекли. Тутъ сяродъ пекла стоиць стовпъ и на стовпу сядзиць тамъ главный чортъ и зацѣваець другимъ чарцямъ: которому дровы возиць, которому смолу̀, которому што. Цяперака етый самый чортъ, што служивъ, кажа чаловѣку тому: надзявай, каа, рызу, и возьми кадзильницу̀, и ўкинь ты ладуну поболи, да кружка стовпа ходзи и кадзи! Во. Цяперъ енъ надзѣвъ рызу, узявъ кадзило и ставъ кружка стовпа ладуномъ кадзиць. Чорту на стовпѣ стало дренно отъ дыму, отъ ладуну, и ёнъ рынувся съ стовпа. Тогды етый чортъ ускочивъ на стовпъ и ставъ зацѣваць надъ усимъ пекломъ. И крычиць енъ на пякелныхъ слугъ: эй вы! насыпця три возы грошай и посодзьця етаго мужука на возъ и отвязиця усё яму у дворъ. Во. Нў, яны насыпали три возы, посадзили яго и отвязьли домовъ. Съ тыхъ поръ мужикъ тэй разбогацѣвъ и живе богато съ тымы грошмы.

Д. Колбовка, столбун. вол. рогач. у. Отъ кр. Петра Онисимова, 60 л., негр. запис. въ моемъ присутствіи, г. Цыбулькинъ.

д, Бывъ сабѣ Сидоръ, да такій змирный,—никому̀ ёнъ зла не творивъ.

И одблила яго бѣдносць, дзѣци,—пя могъ ёнъ сабѣ хлѣбушка спороницъ. И работавъ ёнъ па поли, и осталося у яго хлѣбушка съ хунцикъ. Бóляй не было ў яго хлѣба, якъ съ хунцикъ. Дождавъ ёнъ до пятаго часу пя ѣвши, до пóлядьни: тоды ужо, думаець, покушаю ды й спаць буду! А лукавый прихитрився ды хлѣбушка ўворовавъ. Тоды ёнъ оплакався и говóрицъ: няўжли я одзинъ такíй на свѣци, што хлѣбушка не маю? Вѣрно ещè на свѣци такíй жа голодный ёсць, якъ я! Идзèць зъ работы, съ поля,—плачець, нечаго поѣсць. Пришовъ къ дзяцёмъ, и дзѣци просюць поѣсць. „Дзѣтушки моè, што жъ я вамъ дамъ, коли я горькамы слязмы плачу,—нечаго поѣсць?" И ставъ дзяцёмъ говорицъ: „дзѣтушки моè, молиця Бога,—можа Господзь дасць намъ поѣсць!" Господзь и кажець лукавому: „отчаго ты огорьчивъ Сидоря?"—А оттого я огорьчивъ, кабъ ёнъ мяне ругавъ! ёнъ мяне не ругавъ ниякими словамы! Тоды Господзь говорицъ лукавому: „лядзи, каба ты яго ублаготворивъ,—што ёнъ цябе не ставъ ругаць, а ставъ Бога просицъ! Служи яму годъ, етому Сидорю, за етый хлѣбъ, што ты ўкравъ у яго. Возьми ямỳ ляды распахай и хлѣбушка насѣй!" Вотъ тоды лукавый могъ ето здзѣлаць. Распрятавъ ляды и хлѣбушка насѣивъ, што ёнъ не могъ яго пíйдзѣ помясьцицъ,—такъ хлѣбушка богато былó. Тоды отслуживъ ёнъ годъ и нанявся служицъ и другое лѣто. Тоды говóрицъ Сидорь: што жъ мы зъ естымъ хлѣбомъ будземъ дзѣлаць?—Ека ты чудный, Сидорь! Што съ хлѣбомъ дзѣлаць? А будземъ каець, горѣлку гнаць ды пируваць, ды кумовъ наживаць, ды одзинъ одному броды драць, напившися. Вò што будземъ дзѣлаць!..

Городецкая вол. чаусск. у. Отъ кр. Өедоса Степанова, 80 л.

42. Микола и попъ.

Ишовъ разъ сабѣ такъ Микола чудотворацъ дорогой, и нёсъ съ собой прóсьвиръ и чецьверць прóсьвиры. И стрѣлися яны съ попомъ. Поздоровкалися.„Здрасцьви!"—Здрасцьви!—„Ну, говорицъ, пойдземъ умѣсьци!" —Ну, пóйдземъ! Ишли скольки яны умѣсьци, наконецъ того захоцѣли ѣсьцъ. Сѣли на дорози и стали ѣсьцъ. Ѣли, ѣли удвоихъ ету чецьверць, —ящо побольше осталось, якъ зьѣли. Гэтый попъ тогды, узявъ у яго да гэту прóсьвиру цѣлную и ўкравъ, якъ Микола спавъ. Уставъ Микола и говора: бацюшка, ци ня ты гэто у мяне прóсьвиру узявъ? А тэй кажа: нѣ! Тогды пошли дорогой, опяць жа умѣсьци,—найшли гроши. Дыкъ яны сѣли и пачали ихъ дзялицъ. Дыкъ Микола раскладая ихъ на три груды. Ёнъ пытая, попъ тэй: „кому ты раскладуешъ на три груды? Гэто мнѣ, гэто табѣ, а гэто кому?" А ёнъ кажа: а гэто тому, хто прóсьвиръ укравъ! А енъ говора: я!—Ну, коли жъ ты,—давай мою просьвиру,

бяри ты ўси гроши! И отдавъ яму ўси гроши. И тогды яны раздзялилися. Гэтый попъ тогды ишовъ, ишовъ одзинъ, нѣскульки уремя ишовъ,—мацъ ёнъ у кишень,—а́жно гро́шій ни одной копѣйки нема! „Ахъ, говорицъ, жалко што просьвиру отдавъ! Приходзитца по ковалкахъ страмствувацъ.

С. Бракова могил. у. Отъ кр. Антона Вадкова.

б, Живъ сабѣ у кіявськой губэрни одзинъ попъ. Тоды приживъ до послѣдку, што ўжо не начимъ и обѣдни было служицъ. Тоды: „матушка, говорицъ: испячи мнѣ хлѣбъ у черяпочку, испячи три булочки по кулачочку,—пойду ў свѣтъ!" Сустрѣкаецъ яго Микола. „Куды, каецъ, бацюшка, идзёшъ?"—Пойду ў свѣтъ! Ну, пошли умѣсьци. Стали отдыхацъ. Дакъ Микола заснувъ, а ёнъ одзинъ хлѣбъ изъѣвъ. Пришли яны тоды къ ряцѣ, стали переходзицъ. Микола перяйшовъ, а бацюшка съ кладки звалився, да ўтопитца хоцѣвъ. „Што жъ, кажецъ, бацюшка,—ци три хлѣбцы?" А ёнъ кажецъ: два! Тоды Микола яго выцинувъ и пошли опяцъ. Зайшли къ хресцьянину. Дакъ Микола за печку лёгъ, а бацюшка на куцѣ, кабъ яго узбудзили, якъ яны будуцъ полудновацъ. А яны зъ лѣсу пріѣхали ды й говорюцъ: што яго беспокоицъ, отставимъ столъ да пополуднуемъ; а енъ нехай сабѣ спицъ. Тоды Микола яго узбудзивъ, и пошли опяцъ. Приходзюцъ къ городу. Тоды спрашуюцъ у ихъ: што за людзи? А Микола говорицъ: „мы такіе людзи, што здзѣлаемъ съ худого доброе!" А тамъ у воднаго купца барышня была бо́льная. Вотъ яны и завяли ихъ, кабъ вылячили. Зайшли. Тоды Микола спросивъ ножъ, столъ,—порѣзавъ яе и перямывъ. Тоды дунувъ—ина и зжилась; другій разъ дунувъ, дакъ ина и отжилась соўсимъ. Гроши имъ дали много. Тоды яны гроши подзялили, и по 'собо пошли,—бацюшка ўжо научився самъ лячицъ. Пошовъ ёнъ ужо самъ собою, и ўслышавъ, што бо́льная ёсь. Вотъ ёнъ запявся ёй лячицъ: яму здали. Ёнъ яе порѣзавъ, перямывъ: поклавъ на столъ; дунувъ—ня зживаетца. Ёнъ больше дуцъ—ня зживаетца. Дакъ енъ улѣзъ у печь, да й сядзицъ тамъ. Тоды ураньни узяли яго подъ судъ. Осудзили на вѝсѣльницу яго. Микола приходзицъ ужо, якъ яму на шію пятлю наклали, и спрашуецъ: бацюшка, ци три хлѣбцы? А ёнъ гово́рицъ: нѣ, два! Тоды Микола сказавъ ослобонпцъ яго. Тоды гету барышню опяцъ отжививъ Микола. Дали имъ грошій—скольки понесцъ! Тоды яны вышли за городъ и стали дзялицъ. Рассыпали на три кучки: Вотъ бацюшка спрашуецъ у Миколы: кому гетыя гроши? А ёнъ отвѣщаецъ: „гето табѣ кучка, а гето мнѣ."—А гета, третьцяя, кому?—„А гето тому, хто третьцій хлѣбецъ зъѣвъ!"—Я, кажецъ, зъѣвъ!—„Ну, табѣ ўси гроши, коли ты зъѣвъ!" Уси яму̀ три кучки отдавъ. А самъ пошовъ. Попъ ссыпавъ у мяшокъ ихъ, прицянувъ у канаву, хоцѣвъ узяцъ,—ня

можно ихъ узняць. Отъ ёнъ самъ улѣзъ у канаву, хоцѣвъ мѣхъ гетый на плечи; а мѣхъ черезъ головў, ускацився на головў и задавивъ яго.

Городицен. вол. гор. у. Отъ кр. Захара Романова, 42 л. негр.

в, Уво дномъ сялѣ бывъ на приходзи попъ. Вотъ бывъ престолъ Миколаевській. Пришовъ дзень ангела Миколаевській. Попъ ставъ обѣдню правиць, и не однаго человѣка не было. Правивши обѣдню, да й ударивъ попъ хрястомъ Миколая: якій жа вы святый Миколай, што не было ня 'днаго человѣка на вашъ дзень у церкви? Тоды, обѣдню отправивши, вороцився домой. Вотъ ёнъ пришовъ домой, пообѣдавъ и отправився ў свѣтъ. Сустрѣкаетца ямў нищій на дороги. „Куды, говориць, бацюшка, идзецё вы?“ —Иду ў бѣлый свѣтъ! Ну, пошли ўмѣсьци. Пошли умѣсьци, и захоцѣли яны ѣсць. И стоиць сперядзи, побочь дороги, криница. Попъ да на нищаго говориць: идзиця, да водзички зачарепниця! А нищій говориць: бацюшка, а якъ ба вы потрудзились? А попъ ставъ убядзительно просиць нищаго. Нищій пошовъ и принёсъ. Якъ пошовъ нищій по водў, то положивъ три просьвирочки своихъ ззадзи ў попа. У етое ўремя, покуль ёнъ ходзивъ по воду, попъ одну просьвирку зъѣвъ. Нищій приходзиць зъ водой и бачиць—тольки двѣ просьвирки. Ставъ пытаць у яго: идзѣ жъ третьцяя? А попъ отвѣчаець: я не знаю! Нищій узявъ одну просьвирку и разрѣзавъ на три часьци и стали кушаць; дакъ двѣ часьци осталося, а третьцей стало досыць. Потомъ, покушавши, яны пошли по дороги. Потомоцьки зайшли у господській домъ на ночь. У етаго господзина жана больна, и лакей ихъ не пускаець на ношлегъ: у насъ, говориць, вотъ помѣщицкая жана крѣпко больна; нашъ баринъ ня любиць нищихъ! А нищій отвѣчаець: я яё узлячў! Етый лакей, сказавъ барину, што у насъ нищія ночуюць,—бярутца нашу барыню узлячиць! Баринъ потребовавъ къ сабѣ нищаго и попа. „Можеця вы, господа, жанў мою узлячиць?“ Яны кажуць: можомъ, тольки надо баню вытопиць. Вотъ яны баню вытопили, и у баню узнясьли лакеи на просьцинахъ барыню ету, а потомъ узнясьли большое корыто у баню. И нищій обращаетца зъ барыней у бани, а попъ смотриць у вокошко, каба нищій не замѣцивъ. Уложивши барыню у корыто, нищій и разрѣзавъ ножомъ бру́хо: разрѣзавши бру́хо, повыкидавъ изъ сярёдки больное гадосць; тоды вымывъ чисто у сярёдки; тоды брухо ёй и сшивъ. Дунувъ духомъ своимъ, и яна устала и жива стала. Тоды яны пошли у горницу къ барину, нищій изъ барыней. Не могъ баринъ самъ чимъ наградзиць за ето дзѣло. Потомъ говориць нищаму: што вы жалаеця за ето, што вы жану мою отживили? А нищій говориць: што милосць ваша, то и награждзенія дадзицё! Баринъ увёвъ нищаго у комлату, идзѣ гроши лежаць золотыя. И набравъ нищій пуды чатыре золота прямо у мяшокъ. И гукаець попа къ сабѣ

и кажець: бяри гроши и няси! Попъ узявъ ношку пуды чатыре и отправились по дороги. И ящо зайшли у господській домъ на ночь: тамъ помѣщикъ нездоровъ сильно. Попъ и говорицъ на лакеявъ: што вы смутны? Да—нашъ баринъ три года болянъ! А попъ говорицъ: „я узлячу!“ Наўчився, глѣдзючи у вокошко. Сказавъ барыни баню протопицъ. Слуги вытопили. Барина унясьли на просьцинахъ у баню. Енъ брухо разрѣзавъ, попъ. Разрѣзавши брухо, перамывъ у сярёдки и спивъ. Дувъ, дувъ,—ничого ня выдувъ: няживъ баринъ. Увознали слуги, што баринъ няживъ, зарѣзанъ,—попа и ўзяли и связали яго. Связавши яго и повялй у комлату, а баринъ остався ў бани. Барыня подала у судъ на попа. Пріѣхали судьдзи и осудзили яго сичасъ завѣсицъ.—Подходзицъ къ судьдзямъ нищій и спрашуецъ у начальства, говорицъ: дайця мнѣ попа на чецьверць часа, испросицъ у яго одно дзѣло! Нищій попа и пытаецъ: „ци бивъ ты хрястомъ Миколу?“ Ёнъ отвѣчаецъ: нѣ, ня бивъ я!—„А ци ты просьвирочку зъѣвъ, якъ мы садзилися кушаць, да я воды ходзивъ?“—Нѣ, я не кушавъ! И побожився.—„Вотъ, говорицъ: цябе на шибельницу икъ смерци душў прадаюць,—признайся!“ И побожився попъ, што—„ейбогу, я не кушавъ!“ Пòтомъ обоя—нищій и попъ—обрацились икъ начальству. „Господа начальство, говорицъ нищій: обремяниця (обвремените) маленько, чецьверць часа,—сичасъ баринъ будзець живъ!“ Ну, ямў позволили ици ў баню. Нищій дунувъ своимъ духомъ,—етый баринъ и ўставъ. И ўмѣсьци явились къ начальству. „И што ето навѐдзяна комисія у моёмъ доми?“ спрашуецъ такъ баринъ. Начальство говòрицъ: „бывши вы ўрѣзаны, дакъ мы пріѣхали судзицъ попа. И вы молицеся Богу, што намъ Господзь сославъ нищаго, и васъ отживили!“ Баринъ кажець: я якъ бывъ здоровъ, такъ и поздоровѣвъ! И позвавъ комисію къ сабѣ ў горницу и ўчасьцивъ ихъ, якъ самъ хоцѣвъ. Яны й поѣхали домой. Пòтомъ баринъ призываецъ нищаго: „што вы жалаеця за ето, што вы мяне отживили?“—Што милосць ваша! отвѣчаецъ нищій, И баринъ повёвъ яго у комлату и давъ яму грошій золотыхъ, якъ тольки понесць ношку. Енъ самъ не бравъ, а потребовавъ попа. Попъ поднявъ на плечи ношку и говорицъ: баринъ, прибавъ,—лёхка несць! Баринъ подбавивъ яму. И отправились по дороги. Вотъ попъ уже зъ двюхъ часьцей гроши ўзявъ. Ёнъ нясѐць и яму цижало. И нищій спрашуецъ: „што братъ, цяжко табѣ?“—Цяжко! Ну, енъ яму маленячко силы подбававъ, ёнъ пошовъ улёхко. И пераходзюць черазъ рѣчку. Перавозу нема ниякòго, прямо у водзѣ. Нищій пошовъ пòверхъ воды, якъ по ляду, а попъ потуль ишовъ, покуль ставъ тонуць изъ грошами ўмѣсьци. „Бацюшка, вы тонеця: ци вы святого Миколу били хрястомъ? А ци вы прòсьвирку зъѣли? Вотъ къ смерци прадаецё свою душў!“ Енъ побожився, што не я. Нищій узявъ

попа за руку̑ и пошли якъ по ляду. Перайшли ету самую рѣчку и скольки яны дней ишли по дороги, и недалеча стала имъ ета церква—Миколяевській приходъ. И увидзивъ ето попъ и говорицъ: „ну братъ, моя церква недалеча. Вотъ коли поживёмъ!“ И остановилися у вярсту. Потомъ нищій ставъ дзялицъ гроши, и расклавъ на чатыре кучи. Тоды бяцюшка пытаетца: кому ето? —А ето намъ съ тобой по одной!—„А третьцяя кому?“—Хто бивъ Миколая хрястомъ, дакъ тому!—„А чацьвёртая кому?“—Хто просьвирочку зъѣвъ!—„Дакъ я жъ ето у̑сё здзѣлавъ: и Миколу бивъ хрястомъ, и просьвирку зъѣвъ!“—Ну, и гроши табѣ! И отдавъ яму и свою часцъ! Забравъ попъ усѣ гроши съ собою, а нищій отправився. И сказавъ попу: „якъ обѣдню служивъ, такъ и служи по закону Божаму! Я Микола святый!“ И разышлись. Микола святый нема—вѣдома дзѣ дзѣвсь...

М. Дубровна, гор. у. От кр. Корнея Грибкова, 46 л. запис. въ моемъ присутствіи г. Буднецкій. Говоръ смѣшанный.

43. Убогій и коваль.

Ишовъ убогій и куваль и занучували у у̑довы. Вячерацъ нѣчаго. Тоды убогій кажецъ: сходзи тамъ перамяцѝ засѣки! Ина сходзила, перамела засѣки и усыпала зѣрняты у печь сушицъ,—ажъ слава Богу, собрала повну печь. Стала молоцъ—слава Богу, намолола много муки; стала у̑чинядъ,—слава Богу, повна дзежа̀, ажъ зъ дзяжи прѐцъ; а якъ стала садзицъ у печь, дакъ слава Богу, повна печь; а якъ стала вынимацъ, дыкъ нѐйдзя дзѣвацъ. Ну, назау̑траго пошли дали. Куваль жа наклавъ цѣлу пошку хлѣба сабѣ, а у̑богій у̑зявъ тольки одзинъ шпыричекъ. Тоды куваль кажецъ убогому: чаму ты не бярешъ больше сабѣ хлѣба? А ёнъ кажецъ: досыцъ зъ мяне будзецъ, ящо й ты у̑ мяне попросишъ! Обнила ихъ узнова цёмная ночь. Тоды убогій кажецъ: ты раскладáй цяпло, а я пойду на вячеру старатца? Ну, приводзицъ убогій бычка на вячеру. „На̀, кажецъ, рѣжъ ды готуй вячеру!“ Ёнъ зарѣзувъ гэтаго бычка, ды якъ ставъ лупицъ, дыкъ отрѣзувъ нырку, ды припёкъ на цяпло ды й зъѣвъ, бо дужо ѣсьци хоцѣвъ. Хвацився убогій нырки. „Ци ня ты нырку изъѣвъ?“—Нѣ, я не бачивъ! Ну, назау̑траго куваль набравъ цѣлую ношку мяса и говорицъ на у̑богаго: чаму ты не бярéшъ? А то тое будзешъ ѣсьци, што нясешъ!—„Добро, кажецъ: ящо й ты у мяне попросишъ!“ Ну, пошли яны дальше. Ишли, ишли, поѣвъ куваль увесь свой хлѣбъ и у̑сё мясо. Нечаго яму ѣсьць. Ёнъ и кажецъ на убогаго: правду ты казавъ,—дай мнѣ троху хлѣба!—А ци ты нырку зъѣвъ?—Нѣ, я не бачивъ! Ну, убогій давъ яму хлѣба. Пошли дальше, приходзюцъ къ королю; ажны

тамъ сынъ яго хворѣецъ—ня 'тживаецъ, ни ўмираецъ. Убогій говбрицъ: я яму дамъ рады, тольки капъ выстроили мнѣ покойчикъ особянный, пясочкомъ жовценькимъ высыпаный, ельничкомъ вытрушаный, престолъ капъ засланый бывъ и ванна капъ была готова. Ну, яму гэто усё здзѣлали. Тоды убогій положивъ гэтаго мальца на престолъ, узявъ ножикъ ды й разрѣзувъ яго на чатыре часьци, и перамывъ у гэтый ваньни. Тоды склавъ яго ровненько и ставъ дуцъ. Дунувъ разъ—соснувався чаловѣчакъ; дунувъ другей разъ—ставъ дыхацъ чаловѣчакъ; третьцій разъ якъ дунувъ —дыкъ малецъ и ўставъ. „Ахъ каецъ: якъ я смашно заснувъ!" А куваль выкруцивъ у сцѣни дзюрку, ды на усё гэто дзиво и глядзицъ. Ну, тоды король даéцъ яму золота ци серабра тамъ, а ўбогій не бярецъ. Тоды куваль кажецъ убогому: бяри! А ёнъ кажецъ: „а ци ты ўзявъ нырку?"—Нѣ, каецъ, я знацъ не знаю, вѣдыцъ ня вѣдаю!—„Ну, коли такъ, —бяри грòши!" Куваль набравъ цѣлую ношку, и пошли. Ишли, ишли—приходзюцъ къ другому королю. А ў того короля дочкà ни живѐцъ, ни ўмираецъ. Тоды куваль кажецъ, што я яе узлячў, тольки капъ бывъ мнѣ особянный покойчикъ, пясочкомъ высыпаный, ельничкомъ вытрушаный, и престолъ капъ засланъ бывъ и ванна готова была. Ну, яму гэто ўсё здзѣлали. Куваль тэй пошовъ у тэй покойчикъ, положивъ дзѣвку на престолъ и рѣзанувъ нáкрыжъ, и ставъ мыцъ; дыкъ кровъ, а въ убогаго крыви ня було. Тоды король видзицъ, што куваль зарѣзывъ дочкў, дыкъ ёнъ сказавъ завѣсицъ яго. Тоды убогій патаетца у куваля: а што, ци ты нырку ўкравъ, дыкъ я дамъ рады? А куваль говорицъ: я знацъ не знаю, вѣдыцъ ня вѣдаю! Нў, убогій тоды кажецъ: пусьцицявъ яго, я дочцѣ дамъ рады! Пошовъ и отжививъ яе. Король зновъ даéцъ золота ци серабра, убогій приказавъ кувалю узяцъ. Набравъ тэй ще боли, и пошли. Ишли, ишли, тоды убогій кажецъ: „якъ жа мы будземъ дзялицъ гэтыя гроши? Мусицъ, на трй часьци?"—Якъ на трй?—„А одну мнѣ, а другую табѣ, а третьцяю тому, хто нырку ўкравъ!" Куваль тэй глядзѣвъ, глядзѣвъ, ды й признався: я, каецъ, укравъ нырку!—„Нà шъ табѣ уси гроши, коли ты укравъ. Али чаму не признавався ранѣй?" Сказавъ гэтыкъ, и нема—знацъ дзѣ дзѣвся.

Каковчин. вол. сѣнн. у. Отъ кр. Ивана Кондратова, 80 л. неграм, записалъ, по моимъ указаніямъ, г. Дорорацкій.

Варіантовъ много. Мѣсто попа и коваля въ нѣкоторыхъ занимаетъ жидъ, продавшій имущество и пожертвовавшій деньги „па церкву." Объектомъ кражи бываетъ сыръ, взятый Богомъ за излѣченіе дочери помѣщика. Въ одномъ варіантѣ куски тѣла перемываются въ „лѣтней" т. е. тепловатой водѣ, и Богъ съ жидомъ переходятъ черезъ море.

44. Дохторъ.

Бывъ мальчишка малолѣтный; ёнъ сирота; служивъ по людзёхъ. И нійдзѣ не бравъ ращоту, грошій ни копѣйки: то шкоду здзѣлаець, то поцеряець оброць, топоръ,—яму̀ и не дадуць платы. Тоды нанявся у ходзяина на гбню жита: гоню жита засѣиць и запахаць за службу. Ну, яму ходзяинъ засѣивъ. Дождали вясны. Усимъ Господзь зародзивъ, а яму нѣ,—ничого не зародзивъ. Ёнъ и тамъ, значитца, служивъ дурно (даромъ) годъ. Цяперя нанявся на жаребчика у ходзяина,—кабъ давъ жарябца за службу. Тэй ходзяинъ давъ яму жарябца. Вясною выгнали на Юрья на росу увесь скотъ: и овечакъ и коровъ и кбній. Увесь скотъ цѣлъ, а яго жарябца зъѣли вовки. Ёнъ и тамъ годъ да̀рмо служивъ. Цяперь нанявся ў ходзяина на одзинъ обѣдъ: годъ отслужиць и обѣдъ получйць. Енъ отслуживъ годъ, получивъ обѣдъ. У горшки ўлили, енъ увязавъ и пошовъ у свѣтъ исъ хлѣбцомъ. Идзець дорогою, стрѣчаець Миколу. Микола говориць: „добрый дзень!"—Доброе здоровъя!—„Куды йдзешъ, чаловѣча?"—А йду ў свѣтъ. Кабъ зъ добрымъ чаловѣкомъ, дакъ ба сѣли побѣдали, и тоды помѐрци! Микола говориць: я добрый чаловѣкъ—будземъ обѣдаць! Ёнъ спрашіець у яго: а хто ты? А ёнъ говориць: Микола! Вотъ ёнъ яго наругавъ, Миколу, налаивъ: „добрый чаловѣкъ!... усимъ зародзивъ жито вясною, а мнѣ нѣ!..." И пошли кажный по сабѣ. Пошовъ енъ дальше,—стрѣвъ Юрью. Юрья говориць: „добрый дзень, чаловѣча!"—Доброе здоровъя!—„Куды йдзешъ, чаловѣча?" Ёнъ говориць: иду у свѣтъ! Кабъ зъ добрымъ чаловѣкомъ, сѣвъ ба побѣдавъ, а тоды ўмѐрци!... Худо, видзишъ, яму жиць, заробиць нельзя. „А я, говориць, ня худый чаловѣкъ, а добрый,—будземъ обѣдаць!"—А хто ты?—„Я Ягорья!" Отъ енъ гетаго Ягорья наругавъ, налаивъ: да, говориць, добрый ты чаловѣкъ! у усихъ цѣлъ скотъ, а мойго одного жаребчика и того отдавъ вовкбмъ! Ня буду съ тобой обѣдаць!... И пошли по сабѣ ка̀жанъ. Ну, тоды гетый стрѣчаець смерць, съ обѣдомъ, зъ гетымъ. Смерць говориць: „добрый дзень, чаловѣча!" Енъ кажець: добраго здоровъя!—„Куды йдзѐшъ, чаловѣча?" говориць.—Иду ў свѣтъ! Кабъ зъ добрымъ чаловѣкомъ, сѣвъ ба да й побѣдавъ, а тоды й померць. А хто ты такій? говориць.—„А я смерць!"—Ну, коли смерць, будземъ обѣдаць, только зъ вуговоромъ: кабъ только помѐрць!—„Ну, говориць, тоды побачимъ!" Вотъ яны сѣли зъ ёй обѣдаць. Обѣдъ у ихъ хорошій бывъ, ходзяйській, дужо хорошій бывъ. Побѣдали. „Цяперь, каець, помираць буду!" Ина яму отвѣчаець: „не пора табѣ ўмираць! А я табѣ лучче скажу, съ чаго табѣ жиць. Будзешъ ты, говориць, самымъ главнымъ дохторымъ. Цяперь, идзѣ будуць больныя, мы съ тобой будземъ бачитца уво ўсякаго больнбго. Коли, говориць, буду ў головахъ, дакъ

скажи, што помрéць—ня будзя ничого; а коли буду у ногахъ, дакъ давай помочи: дай воды, дай травы, дай чаго ўгодно: ёнъ будзець живъ. Ступай, говорицъ, у гету дзерявушку, тамъ я буду,—тамъ больные ё!" Енъ зайшовъ къ больному, а тамъ смерць у ногахъ. Отъ енъ яго тамъ пощупавъ, давъ трявицы, водзицы. „Полѣпшаець, говорицъ,—живъ будзець!" Зайшовъ къ другому,—тамъ ужо ў головахъ. На того сказавъ: „нѣ, каець, ёнъ помрéць скоро, яму ня треба ничого!" Ну вотъ, потомъ яго узнали. Ставъ большимъ дохтурымъ. Придзялився ў городъ у губэрню, и ставъ богатъ ужо силно. И живъ енъ гетыкъ сколькиі годовъ дохтурымъ, до старосьци. И пора яму ужо помирацъ приходзитца. Ставъ енъ больнымъ. Приходзицъ яна къ яму, стала ў головахъ,—смерць тая жъ самая. А яму ўмирацъ ня хочетца. Ёнъ сабѣ здзѣлавъ коровацъ зялѣзную на коловорóци. На гетой коровацн ёнъ ляжицъ. Яна къ яму прйдзець, станець у головахъ, а ёнъ—круцъ коровацъ, яна й ў ногахъ. И гето ўремя вялось повгода: ни якъ ня можець яго зловицъ. Цяперича ина ловила, ловила, зловила за шію и говорицъ: „ахъ, кумокъ, кумокъ! круци не круци, а приходзитца ўмярцй!"

Д. Староселье, любин. в. гор. у. Отъ кр. Гапея Яковлева, записалъ въ моемъ присутствіи г. Буднецкій.

б) Нѣўкоторымъ царсцьви служивъ старый солдатъ дватцациняцилѣтнію службу. Наконецъ выслуживсн ёнъ, и было ў яго чатыре дзеняжки. За 'дну дзеняжку дли товариша узявъ горѣлки на распрощенія,—якъ яму домовъ треба ици. Осталося ў яго три дзеняжки, и пошовъ ёнъ зъ ими домовъ. И была у яго балалайка, и ёнъ умѣвъ играцъ на яѐ. Ну, й выправився на такія сцепà непроходзимыя, што нема никого: ни дзяревни, ни воды. Опяць ёнъ, можа съ часъ подумавши, нашовъ лужинку воды. Ёнъ сѣвъ и перяксцився. Сухарей было хунты два ци три. Ёнъ намàкаваець да снѣдаець. Сичасъ явилися къ яму два старики, сивыя такія, и просюцъ у яго милосьцины. Ёнъ сюрьёзно на ихъ посматриваець, што ня ѣвши стощавъ за троя сутокъ. „Ну, якая жъ у мяне милосьцина, у солдата такого? Коли хочеця, дакъ прóшу покушацъ! А бóляй нѣту ничóго милосьцины!" Вотъ яны сѣли зъ имъ и поѣли етыя сухари. Устали и давай милосьцины просицъ. „Што ў цябе за милосцъ, што мы ѣли ўмѣсьци? А ты намъ давай милосьцину!" Енъ сказуецъ: Якая ў мяне милосьцина? Ёсь у мяне три деняжки усяго. Вотъ за 'дну, якъ приду домовъ, дакъ поставлю хату, за другую жанюся, а за третьцію коня расстаряюся,—такъ и жицъ буду! Ну, цяперя обдумався етый самый солдатъ: „нехай будзя такъ: избу сострою, а за другую ожанюся, а третьція нехай будзя вамъ! Нехай, якъ Богъ хоцйць, такъ и будзець:

бесъ кобылы буду жиць! Вотъ ёнъ и отдавъ имъ дзеняжку и говориць: „вы, сивыя, убирайцесь! Цяперь вы идзиця, куды йдзецё, а мнѣ вотъ сюды продовжаць. Скажиця, ци не видаць якого города, ци чаго?“ Яны въ отвѣтъ сказали: сами идзёмъ третьція сутки, и тожа ня видали ни дзяревни, ни города ниякого! Ну, яны сабѣ пошли, а ёнъ сабѣ пошовъ. Опяць ёнъ троя сутокъ ишовъ. На третьція сутки ящё являетца пара сивыхъ. „Здрастуй, господзинъ!“—Здрастуй!—„Просимъ милосьцины радзи Христа!“—опяць просюць сивыя етыя. Енъ и объясняець опяць имъ: откудова вы берецёся ўсё сивыя етакія по пари? Ци много васъ подрядзилося по той дорози усё по пари ходзиць? Яны отвѣщаюць: много ня много, мы ня вѣдаемъ, а мы тольки удвоихъ, кажець. Дай, да дай милосьцины радзи Христа! опяць своё плятуць. Ну, солдатъ етый рассерчавъ: „якая жъ милосьцина у солдата, да й ще ў подорожнаго? Вотъ, говориць, я милосьцину давъ парамъ сивымъ етакимъ; цяперича на томъ мѣсьци балалайку забывъ, идзѣ ўмѣсьци ѣли! Вотъ вы й сивыя гетакія! Цяперича, говориць, што жа ў мяне: осталося ў мяне ўсяго дзьвѣ дзеняжки. Было три, дакъ я одну отдавъ. Ну цяперича надо несьци домовъ. Надо за 'дну жанитца, а за другую треба йзбу потстроиць. А прочамъ, говориць, наця вамъ и гету!“ А одну сабѣ оставивъ,—рассерчавъ, кинувъ имъ.—штожъ? просюць—и пошовъ съ однэй. Ну, цяперя изнова на троя сутокъ енъ идзець. Нема ничого: ни села, ни двора, ни дзяревни,—нема ничого,—опяць на троя сутокъ. Якъ кончилося троя сутокъ, такъ раньня чацьвёртыя сутки являютца опяць пара сивыхъ, и опяць своё: „Здрастуй!“—Здрастуй! И откуда васъ сивыхъ набралось! Ну, што жъ, господа: я, говориць, знаю, што ў васъ на ўмѣ! Вы жъ большай ничого, якъ будзеця милосьцины просиць!—„Такъ, господзинъ землякъ! Такъ и надо, кабъ намъ милосьцины дали!“—Ну, я, говориць, такъ и думаю! Якъ, говориць, приду домовъ, нехай ничого не будзець! Я, говориць, тымъ доволенъ, што гетыхъ сивыхъ три пары падзяливъ,—нехай останусь такъ, ни причомъ. Коли здоровъя, дакъ буду жиць!.. Такъ усердзився и пошовъ, и ничого имъ не сказавъ,—отдавъ послѣднiю дзеняжку и ничого имъ не сказавъ, пошовъ сабѣ. Яны сабѣ, и енъ сабѣ. Уже до глыбокаго яго добрали; уже не распрашававъ ни городовъ, ничого!. Идзець и думаець, самъ сабѣ толкуець: „што я приду цяперь бесъ послѣдства домовъ? Три дзеняжки былй—пищимъ отдавъ, а самъ приду домовъ, якъ чужой!“ Тольки ёнъ прекрацивъ гету рѣчь, являетца позадзи,—ѣдуць нѣйкія два господзины, у тарантаси; на пары коній. „Здрастуй, землякъ!“—Здоровъ, господа!—Што, говорюць, землякъ: якъ ба ты пошовъ у городъ—городъ недалёко ўже видаць—и вотъ якъ ба дли насъ обобравъ ба ты идзѣ нибудзь заѣздный дворъ хорошій, постоялый дворъ, и кабъ комлаты были хорошія

и кабъ овса кöнямъ, и дли насъ кабъ барана цѣлаго купивъ и обжаривъ, и кабъ цѣлый бывъ, нятревожаный, изъ ногами, изъ рогами; и полуштопъ горѣлки намъ повенъ бывъ!" Ёнъ имъ отвѣщаецъ: вы, говорицъ, господа сами отправцесь, а я вашихъ лошадзей останусь попасовацъ! Яны говорюць: ,,идзѣ намъ? Идзи ў городъ и нанимай дли сябе слугу; а якъ ты пöйдзешъ, дыкъ ты самъ тамъ барана купишъ и горѣлки полуштопъ повенъ купишъ. И мы будземъ скоро ѣхаць туды!" Енъ цяперя пошовъ. Яны яму дали пяць рублей на справки на гетыя: барана купиць, хвацеру наняць, и полуштопъ горѣлки кабъ повенъ бывъ, и овса лошадзёмъ приспособивъ. Енъ узявъ гроши и пошовъ. Сичасъ нашовъ трахтыръ гетый и постоялый домъ, и спрашіецъ у ходзяина: што, дли господъ помященія будзецъ у васъ? Вотъ такія то заѣдуць два господзины на пары кöняхъ?—Отчаго жъ, говорицъ,—у насъ ёсь комлаты дли господъ, якія заўгодно дли васъ,—мы зъ естаго живёмъ! Ёнъ, солдатъ гетый, пошовъ рассмотрѣвъ, кабъ комлаты хороши дли господъ были. Ну, цяперь ёнъ и спрашіецъ: ци ёсь у васъ баранъ дли господъ? Ёнъ выгнавъ яму̀ цѣлый табунъ барано́въ и говорицъ: выбирай котораго ўгодно. Ёнъ, солдатъ, якъ хвацивъ самаго лучшаго барана́, такъ сичасъ разрѣзавъ и спрашіецъ дровъ, и ставъ готовиць яго. Ну, й сичасъ обгутувавъ. Нячкоро дзѣло дзѣетца, а скоро казка кажетца. Ёнъ обжаривъ барана гетаго и ожидаецъ господъ. А ѣсць дужо хочецъ крѣпко, да посматриваецъ на гетаго барана и на полуштопъ, и хлѣба булки на столѣ,—тожа приготовивъ ёнъ дли ихъ. Вышовъ за̀ городъ и слухаецъ, вухо приклавши. Уже цёмно становитца; прислухаецъ—ня чуць ѣдучи ихъ, не слыхаць. Ёнъ увышовъ у комлату и осмѣлився такъ, што ѣсць дужо хочецъ. Ёнъ прихитривсь. Узявъ, печацъ, гетый полуштопъ, оторвавъ и стаканъ чайный узявъ, наливъ горѣлки, тоды заплющивъ вочи—дакъ ня стыдно ў поцьмахъ—ды й выпивъ. Тоды узявъ, воды наливъ у стаканъ и повенъ доливъ штопъ. Цяперя полядзѣвъ заднее спягно, и пячонки нашкрёбъ оттуль, мякоци, да ўзявъ и поѣвъ. Цяперь узявъ, замазавъ саломъ, нóжомъ загладзивъ, кабъ незнашно было́, откуль вынявъ ёнъ пячонку гету. Такъ и штопъ доглѣдзивъ, кабъ незнашно было. Пригрѣвъ гету самую печацъ и здзѣлавъ якъ было̀. И вышовъ зновъ на городъ и ставъ слухаць. Удругъ явилися гетыя господзины и съ парами лошадзями, и спрашуюць: што жъ, землякъ,—тутъ хвацера? Ёнъ отвѣщаецъ: здзѣсь! Кöній узявъ, на дворъ вядзѐцъ на постоялый. Вы жъ, господа, убирайцесь туды ў комлату, а я кöній убяру самъ, овса имъ засыплю и приду къ вамъ! Ну, яны пошли у комлату. Посмотряць, што комлата дли ихъ хороша, выбравъ ёнъ. Такъ яны сѣли за столомъ, одзинъ на правой руцѣ, а другѣй на лѣвой. Уходзиць солдатъ у комлату,—коній уже во-

бравъ. „Ну, господа, говорицъ солдатъ: цяперь пора вячеряць!“—Якъ то вячеряць? Што, баранъ ня цѣлъ, да й полуштопъ горѣлки ня повенъ, кажуць господа. Ёнъ, солдатъ глядзиць, да й начавъ спориць: „якъ жа ня цѣлъ? ёнъ цѣлъ; да й полуштопъ повенъ!“—Нѣ, говорюць, ёнъ водой долитъ—нѣхто выпивъ стаканъ.—„Я, говорицъ, не знаю, присягаць не стану,—трахтырщикъ продаець, можа водой доливаець. Печать цѣла!“ —Вотъ, ты говоришъ! И баранъ ня цѣлъ!—„Якъ жа ня цѣлъ? Вотъ, цѣлъ!“—Да нѣхто пячонку вышкрябъ зъ гетыя зъ лопатки!—„Ну да, говорицъ, господа: вамъ усё здаетца такъ! Разьви ёнъ родзився такій, што ў яго пячонки нема, а я цѣльнаго вамъ зжаривъ. Я не знаю!“... Ну, посьли гетаго спору и стали вячеряць. Ну, ёнъ, гетый солдатъ, узявъ полуштопъ откубривъ и стаканъ сабѣ наливъ етыя горѣлки зъ водой и выпивъ. Яму дозволили другей выпиць. Ёнъ пъёць и похваливаець: вотъ, говорицъ, господа,—вы говорили—вода! Гето жъ горѣлка! Ну, стали яны й сами примѣръ дзѣлаць, нибытцамъ выпиваць—здалося яму такъ,—ну й кушаць. Ну, цяперь яны узновъ устали. Ёнъ ставъ имъ коній прибираць. Прибравъ ихъ. Яны стали яго пытаць: ну што, землякъ: у котору сторону табѣ пуць весьци? Ёнъ каець: вотъ у гету! Яны кажуць: ну, землякъ, и намъ жа у гету! Будзь у насъ за хурмана!—Ну, говорицъ, и Богъ ба зъ вами: я бъ жалавъ подъѣхаць,—я здорожився! Ну, сѣли и поѣхали. Ѣхали яны цѣльныя сутки, опяць на ночь заѣхали у городъ. Заѣхали яны къ удовѣ къ бѣдной на ночь, тамъ на концы города. Убралися ў хату нучуваць ужо, а солдатъ коній убираець на дворѣ. Потомъ и солдатъ улѣзъ у хату. Ну, ў ихъ разговоры идуць; нѣшто баба расказуець, тая ўдова. „Вотъ, говорицъ, господа: вы ѣздзиця по разныхъ сторонахъ. Ци не слыхали такихъ дохторей, кабъ вылячили у насъ царевну?“ Яны говорюць: мы не слыхали дохторей, а мы вотъ сами дохторя! Тая баба сичасъ якъ только почула, што яны сами дохторы, такъ поднявши и побѣгла до царя, кабъ не зачапитца. Такъ часовыхъ тамъ туды-сюды упросила: што вотъ, допусьциця до царя, у мяне дохторы два ночуець, и говорюць: царевну злячиць можемъ! Ина сичасъ къ царю подышла и просьбу яму зъяснила. Царь отъ радосьци вялѣвъ сичасъ тройку лошадзей закласць и три жандары, и кабъ гетыхъ дохторей къ яму сичасъ доставили. Ну, цяперя, поѣхали сичасъ по дохторей у карсци,— баба гета вядзець ихъ у свой домъ. Яны сичасъ пришли и гетымъ дохторёмъ сказали: убирайцеся до царя! Яны узяли убралися, и поѣхали къ царю. И солдата съ собой гетаго узяли. Ёнъ цяперя, царь, на ўстрѣчу вышовъ и спрашіець отъ радосьци такія: што жа вы, дохторя хорошія? Можецё мою дщерь злячиць?—А якъ жа, можомъ! Ну дакъ вотъ, ваша царьское вяличество, ё у васъ комлата такая особливая, кабъ намъ ля-

чиць, кабъ никого не было? Ёнъ сказуець: ё дли васъ у мяне хоця й дзьвѣ!—„Ну, намъ дзьвѣ ня нужно, а одна нужна, и кабъ у тэй комлаци было—сичасъ вялиця—дзьвѣ ванны были: одна холодная, а другая цёплая. И кабъ хворую туды ўнясьли; и кабъ солдаты были у два шары, изъ голамы штыхамы и ружжа зъ нарядамы; и кабъ туды нихто не ўходзивъ и не смотрѣвъ!" Ну, енъ усё гето вялѣвъ здзѣлаць. Яны увобралися у гету комлату и стали разговоръ мижъ собой мѣць. Гетый солдатъ говориць: Што жа вы занялися? съ царемъ не зъ жидомъ, съ царемъ не зъ иншимъ! Вы видзиця, што тута стоиць зъ нарядамы повными! Да й сами навялй. Лячиць, дакъ лячиць!—Ну, землякъ,—коли хочешъ, дакъ дли цябе повялймъ, кабъ нанясьли пиць и ѣсць разныя разносьци! Такъ приказали сичасъ дзяжурному, кабъ подали ѣсць разныхъ расносьцевъ, што ў свѣци ё; три трубки зъ длинными цыбукамы и табака хорошая кабъ была на столѣ, ну й напитки кабъ и пранцузькія и шпанськія, по три бутылки! Ну, сичасъ царь гето испольнивъ, што яны просили. Пбтомъ солдатъ ставъ зъ имы спориць: што жа? пиць и ѣсць нанясьли, дакъ будземъ пиць и ѣсць!—Отчаго жъ, землякъ,—кушай! Ёнъ, солдатъ гетый выпъець, закусиць, у трубку закуриць, и ходзиць. Пбтомъ узнова и спрашіець: ну, што жа, господа, занялися? Такъ сами сябе слабо ведзецё. Коли лячиць, дакъ лячиця! Яны сказали: не твоё дзѣло, землякъ. Подъѣвъ, дакъ и отдыхай! Гетый солдатъ и лёгъ; шинялёмъ накрывся, а вочи покинувъ, и глядзиць, а бытцомъ ёнъ накрывъ и морду и ўсё. А ёнъ смотриць, и храпиць, притворяетца. Яны якъ сядзѣли за столомъ, дакъ одзинъ зъ лѣвыя руки злѣзъ и пошовъ къ бблной и ставъ яе посматрювацъ тама. Пбтомъ узявъ ставъ ножъ точиць. И солдатъ гетый ўсё гето смотриць. Да якъ увидзѣвъ, дакъ и думаець: ну, клямка! Што вѣрно зарѣжуць хворую тую. Вотъ ёнъ пришовъ, узявъ головў отрѣзавъ ёй. Пбтомъ усю по часьцяхъ порѣзавъ, и рукў и ногў, и въ ванну цёплую складаець. Тоды ўзявъ зъ ванны цёплыя перемываць, да й у холодную опяць и кидаець. Тоды сѣвъ и отдыхаець. А солдатъ смотрйць усё гето; тольки ўжо въ яго духъ замёрши. А тэй посядзѣвъ троху и ставъ зъ воды съ холодныя вымаць и перецираць тряпкой. Такъ узявъ головў перямывъ холодной водой и тряпкой перяцёръ, такъ и поклавъ на столѣ коло гетаго, што по правомъ боку сядзѣвъ. Такъ и ўсю ёнъ яе перямывъ и перяцёръ, и склавъ на столѣ проци гетаго. Цяперь гетый, сѣдзя, узявъ дунувъ скрозь усю яѐ,—и основалася такъ яна. Посьли у дрўгій разъ дунувъ,—такъ яна якъ живая стала, ляжиць. Енъ у третьцій разъ дуець—яна й успрыгнула. Гетый узявъ одзежу на яе накинувъ. Бблная царевна тоды поклонилася, пуцулувала имъ у руки и ў ноги—чесць—и стала зъ имы разговарювацъ, што я народзилася на свѣтъ цяперь, съ оковъ зя-

лѣзныхъ сорвалася! Гетый солдатъ сичасъ успрыгнувъ, тутъ отъ радосьци хо́дзиць по хаци, выпиваець и закусуець, и похваляець, што хорошо вы лячили: „Вотъ цяперь я знаю, што вы дохтори! Што будзець награда, што мы захочемъ!“ Ну, сичасъ скрикнули дзяжурнаго: доложиця государю, што дочь яго здорова! Тэй дзяжурный отчинивъ двери, и ўсмотрѣвъ, што яна была пригожа, а то па семъ кратъ попригожѣла. Сычасъ царю доложивъ: ваша царьское вяличество, дочь ваша здорова! Была пригожа, а цяперь пригожѣй стала! Царь услыхавъ гето, што царевна здорова, пошовъ отъ радосьци смотрѣць, и царицу съ собой повёвъ. Пришовши, увидзѣвъ, што яго дочь здорова, такъ пали на колѣнкахъ царь и царица перядъ гетыми урача́ми: „што вы зъ насъ жалаеця, то и бярицѧ: ци тутъ живиця, ци половину царства возьмиця, а по смерци и ўсё вамъ!“ Яны сказали: нѣ, ваша царьское вяличество, намъ ня треба ничого! Ёнъ, царь исъ царицай,—ай, якъ жа ничого? Мы отъ радосьци не знаемъ, што дажа вамъ и совѣтуваць. Ну, не хоціця ничого, дакъ идзиця хоць нашія казны поглядзіця. Узяли, подвалъ имъ отпёрли—склепъ, значитца—безъ усякаго назору: идзиця, ци золото грябиця, ци серябро, ци бумажки! Яны у вотвѣтъ сказали проци гетаго солдата: сходзимъ, подзивимся! Вотъ, пойшли яны у склепъ у тэй, узяли по червонцу́ у мѐзяныя палцы и ходзюць по грошахъ. А солдатъ тэй грёбъ-грёбъ, и раняцъ, и халявы, и сюды во́ за рукавы насувавъ, такъ што ня могъ устаць, нагрёбъ, што не ўстанець. Яны говорюць, гетыя дохторы: ну, землякъ, пойдземъ ужо́!—Зачимъ жа вы гро́шій не берецё съ собою? Яны говорюць: намъ гроши ня треба! Узяли, и тыя кинули тамъ. Ёнъ цяперь узявъ, гетый солдатъ, отсыпавъ сколькі тамъ, кабъ ужо можно было ўстаць. Узяли и пошли цяперя съ царёмъ распрощатца. Распрощались и пошли на тую хвацеру, куды заѣхали. Запрягли лошадзей. Ну, цяперя солдатъ тэй имъ усё покомандувавъ, запрёгъ лошадзей и усё якъ-разъ. Тоды спрашіець: ну, куды вамъ, господа, будзець цяперь дорога? Ну, яны такъ, якъ знаюць, што й яму́ треба сюды ици, дакъ яны сказали: вотъ сюды!—А мнѣ вотъ сюды!—у другій бокъ. Гро́шій набравъ, дакъ кабъ ня 'тобрали. Ну й поѣхали: яны сабѣ, а ёнъ сабѣ. Сичасъ жа, якъ заѣхали за городъ, дакъ ёнъ зайшовъ у трахциръ, сичасъ начавъ пиць и гуляць. Пота̀ гулявъ, покуля съ ума́ збився. Такъ и лёгъ сабѣ. Тоды узяли яго обворували, дажа й копѣйки яму ня 'ставили похмялитца. Ёнъ уставъ, подумавъ—подумавъ, ну якъ спрашуваць: ня вѣдаець ничого пійдзѣ. Узявъ и пошовъ. Ишовъ, ишовъ, нядзѣлю ци дзьвѣ, и заблудзивъ ёнъ, не попавъ на свою дорогу, куды йшовъ. И зайшовъ у другое царство, у чужую сторону̀. Такъ и выпросився почуваць. И такъ голову̀ пошкрябуваець, подумываець, што было, да нѣту. Тамъ была на хвацери па той, идзѣ ёнъ заночувавъ, старуха нѣйкая. И яна изъ имъ раз-

говарювала и стала ў яго спрашувацъ: зачимъ, землякъ подорожный, шкушный? Ёнъ говорицъ: зачимъ жа не скучацъ? што было, да й нѣту? —А што ў цябе было? баба спрашіецъ.—Вотъ у мяне была казна нясчислёная, а цяперича и нѣту!—А якъ жа табѣ гета казна, откуда прійшла?—Вотъ, говорицъ, бабулька,—не табѣ слухацъ, не мнѣ говорицъ. Я, говбрицъ, у такомъ то царсцьви, у йншомъ государсцьви, злячивъ царевну. И со мной было два вучаники; дакъ тыя ў сторону поѣхали къ сабѣ,—обучились коло мяне. Цяперича я казны сабѣ набравъ, серябра ды золота, скольки понёсьци. Зайшовъ у трахтыръ и выпивъ косушку небольшую. Нѣшто захоцѣлось мнѣ отдышиць. Я лёгъ, заснувъ.—А того не кажецъ, што черязъ-чуръ напився и ня помниць.—Прошнувся и нѣту ничого, и не ў кого спрашувацъ. Забывся, куды й пуць дзержацъ, и вотъ у чужую сторону зайшовъ! Гета баба и говорицъ: вы сами дохторы? Мы слыхали объ тую царевну, да нѣшто, говорицъ, утроихъ тамъ злячили яё! Ёнъ въ отвѣтъ говбрицъ: гето были со мною два вўчани, а я самъ лѣкарь! А ў томъ царсцьви у царя была жонка нездорова. Семъ лѣтъ яё лячили и не вылячили. И розыскъ посылали, и дохторей гетыхъ нійдзѣ не найшли. Вотъ тая баба и побѣгла къ царю. Стала царю расказувацъ: вы скольки, каецъ, пословъ посылали, и не найшли нійдзѣ такихъ дохторей, а ко мнѣ пришовъ нучувацъ самый тэй, который злячивъ царевну у такомъ то царсцьви! Вотъ царь вялйцъ пару лошадзей заложицъ и дохторя̀ гетаго тойчасъ доставицъ. Кбній заклали и сичасъ изъ бабой съ тэй поѣхали по гетаго дохторя̀. Привязьли гетаго дохторя̀, царь ставъ спрашувацъ: можашъ ты вылячицъ мою жану? Ёнъ говорицъ: могу! Ну, штожъ, говорицъ, ваша царьское вяличество, надо комлата особлйвая и надо дзьвѣ ванны кабъ было—одна цёплая, другая холодная, и посьли дяжурный кабъ стоявъ дли дзьвярей и не пускавъ никбго смотрѣцъ. Царь приказавъ сичасъ гето справицъ, ванны наливъ гетыя, цёплыя и холодныя, солдатовъ калавуръ поставивъ, вокругъ комлаты, два шары, ружжи зъ нарядамы, и дзяжурнаго поставивъ. И солдатъ говорицъ: и кабъ столъ бывъ убрбаный, зъ разнымы напиткамы и съ кўшаваньнемъ, и кабъ три трубки были изъ длинными цыбукамы, и табака кабъ лежала на столѣ! Ёнъ цяперь увобравсь сичасъ у тую комлату, сичасъ выпивъ, закусивъ хорошо и по комлаци похаджуваецъ, и курицъ, и думаецъ самъ сабѣ: нѣшто довго было тамъ, якъ лячили, а тутъ я одзинъ примуся поскорѣй лячицъ. Ну й узявъ ножъ точицъ, такимъ жа примѣромъ. Узявъ сичасъ прійшовъ къ ёй и пощупавъ; узявъ рукў ставъ рѣзацъ. А йна явкнула: ай! Дакъ ёнъ говорицъ: ишъ, старая псина! Тая и младшая, да цярпѣла, а ты ня выцерпишъ! Погодзи, я съ тобой разбяруся. Узявъ да й головў прочь отрѣзавъ, и ўкинувъ у цёплую водў. „Вотъ, цяперь, псина, покричи тутъ! заболбочесься у ванни! „Ну, цяперь узявъ, якъ по часьцямъ, якъ

ни попавши, порѣзавши, и поклавъ усю у цёплую ванну. Цяперя узявъ, покуривъ, подъѣвъ, и начавъ: „Што мнѣ отдыхаць? И начану я своимъ порядкомъ, а тоды зъ ёй буду совѣщуватца, якъ ина отживитца!“ Узявъ перямывъ троху и ставъ складаць на столъ, такимъ жа манеромъ, якъ и тэй—на правой руцѣ, и дунувъ злёхка. Яна дажа й ляжиць, якъ лежала. Ёнъ самъ сабѣ и думаець: вотъ, сцерва, псиное мясо! Отразу ще й не думаець ничого основуватца! Ёнъ яще дужѣй дунувъ. Якъ лежала, такъ и ляжиць мясомъ. Ёнъ тоды и начавъ дуць, покуль и вочи вылупивъ,—задувся увесь. Посядзиць, посядзиць, да й опяць знова дмѐць. Пройшла ночь, отчинивъ дзяжурный дзьвери, полядзиць, што мясо посѣчаное, полядзиць, што уся *царевна* посѣчаная,—сичасъ царю доложивъ: „Вотъ, ваша царьское вяличество, лѣкарь хорошій: порубивъ царицу на шматьця, и ляжиць ина на столѣ такъ!“ Царь сичасъ—видзиць, што дзѣло дрянь—вялѣвъ шибельницу здзѣлаць и дохторя̀ гетаго повѣсиць. Сичасъ царьское повялѣніе состроили ўдругъ, шибельницу соснували. Царь приказавъ барабанъ пробиць, кабъ народъ собирався на тревогу, на дохторя̀ глядзѣць. Ну, и начапили гету ўжо шибельницу и спусьцили книзу зверьху. Ну, й вядуць яго вѣшаць. Привяли яго къ шибельницы, ёнъ озирнувся назадъ и ўвидзѣвъ, што у воротахъ гетыя вўчаники яго стояць. Ёнъ ставъ царя просиць: дай мнѣ, ваша царьское вяличество, попрощатца съ своимы вўчаникамы!—А дзѣ твоѐ вучаники? Ты жъ говоривъ, што самъ лѣкарь. Ну, позволяю: распрощайся зъ имы! Усё одно, говориць. Допусьцили ихъ къ яму дли распрощеньня. Яны стали просиць царя: ваша царьское вяличество, позвольця намъ яѐ лячиць? Ну, царь говориць: усё 'дно дли мяне! сягони одна шибельница, къ заўтраму дзьвѣ состроимъ! Позволивъ лячиць. Опяць увяли ихъ, усихъ трёхъ, у гету избу, и повялѣвъ лячиць. Яны сказали, кабъ ванна была перямѣнита другая, и кабъ кушаньня и табака и ўсё разное перямѣнито другое, и кабъ часовыя стояли у два ряды—ружжи зъ нарядамы и съ штыхамы, и кабъ дзяжурный ставъ у дзьверяхъ, кабъ нихто не смотрѣвъ туды. Царь усё гето здзѣлавъ. Солдатъ гетый ни пьець, ни ѣсць, и лёгъ спаць сичасъ, —не зацѣваець лячиць. Лёгъ и дзивитца. Яны, узновъ потъ—пдвночь злучилося—якъ настала повночь, одзинъ гетый ставъ перебираць гетыя куски; идзѣ надо перярѣзаць, перярѣзавъ ящо и ўкладаець у цёплую ванну. Поўклавъ у цёплую ванну, сѣвъ отдыхаць. Нямного отдыхнувъ и начавъ укладаць у холодную, перекладаць и перемываць, а тряпкой уцираць и опяць на столъ укладаць. Перша голову̀ поклавъ, а тоды и ўсё. Сложивъ ёнъ яѐ цяперя. А другій, сѣдзя на правомъ боку, дунувъ. Якъ тольки дунувъ, такъ оснувалася; другій разъ дунувъ—яна стала якъ живая, —тольки не говориць; третьцій разъ дунувъ, дакъ ина и ўсквчила. Вотъ

тоды солдатъ тэй якъ ускочивъ, дакъ ставъ и пицъ и ѣсць, и подхвалювацъ. А то соўсимъ залягло було! И спрашіецъ у царицы: ци здорова ты? Вотъ дзяжурный усмотрѣвъ у щель и увидзѣвъ, што йна здорова, доложивъ царю. Царь отъ радосьци сичасъ убѣгъ глядзѣць. Видзиць, што яго жана здорова, и ставъ спрашувацъ у ихъ, у лѣкарей у гетыхъ: што награды хоцица за гето, што излячили? Яны говорюць, што мы ничого не жалаемъ! Солдатъ говориць: якъ жа ничого не жалаеця? Скольки треба да треба ўзяць! Пойдземъ грошій полядзимъ! Ну и пошли грошій поглядзѣць. Пошли глядзѣць, вотъ ёнъ опяць почавъ грѣсьци у ранецъ и ў штаны—идзѣ тольки було мѣсто якое, дакъ ёнъ нагрёбъ. До тыхъ поръ грёбъ, покуль не ўстанецъ,—зъ радосьци ўжо. Яны говорюць: ну што жъ, землякъ,—пора йицць!—А што, господа: я не могу ўстацъ,—гроши цижалы! Дакъ яны говорюць: отсыпъ, такъ, кабъ устацъ; ци ты жъ будзешъ сядзѣць ли грошій? Ёнъ тоды узявъ, зъ голянищавъ высупавъ, зъ рукавовъ отсыпавъ. Тоды чуць поднявся, на ноги ставъ, якъ гроши высупавъ. Яны говорюць: пойдземъ, землякъ, пуць весьци свой, дорогу,—домовъ! Ну, потомъ яны зъ гусударёмъ распрощались,—хоць гусударь и не хоцѣвъ ихъ пусьциць. Вышли за городъ, уже пѣшшю, коній ня було. Вышли за городъ, и стали спрашувацъ у солдата: куды дорога, табѣ, землякъ? Ёнъ говориць: мнѣ сюды!—Ну й намъ сюды! Пойдземъ умѣсьци! Нямного яны увыйшли,—вярсту увыйшли ци повторы—тама й тама рѣчка такая, што яна глыбокая и троху широкая; кладки нема. Яны, гетыя два, якъ ишли, дакъ такъ и пошли повярху. Яны й не замякли, перяйшли рѣчку. А солдатъ ступивъ—сичасъ жа по колѣно у воду: другій разъ ступивъ—по поясъ стала вода; третьцій разъ ступивъ,—дакъ ёнъ оболбочецъ—льетца черязъ хурашку яго,—вода ўжо покрываецъ. Яны говорюць: солдатъ, утописься! А скажи, хто пячонку зъѣвъ зъ барана и водки отливъ, дакъ ня ўтописься: признайся, дакъ ня утописься!—Готовъ потопитца, а я не бравъ! Ну, яны говорюць одзинъ съ однымъ: утопитца! Ну, спросили ящо: признайсь! Ёнъ опяць не признаѐтца. Дали яму слободу, лехчай, лехчай, што ёнъ ставъ выходзиць,—такъ и вышовъ. Ну, и пошли дальше. Можа пройшли не дали дзесяць са́жневъ отъ рѣчки, найшли бугорочекъ обшушитца солдату, што ўжо змякъ увесь, и гроши замякли. Солдатъ распрянувся и ставъ круциць свою одзѣжу. Высохла гета одзежа, ёнъ давай гроши гетыя высыпацъ на шинелю. Ну й перемѣшаецъ ихъ рукой, шўшиць на шинели. Вотъ яны говорюць: а што, землякъ,—пора йицць!—Да, я замѣчаю, што пора!—Ну, говориць, землякъ: треба гроши гетыя подзялиць уси на три кучки, кабъ усимъ трёмъ поровнѣ було! Ёнъ, солдатъ, и думаецъ, и говориць: я казавъ вамъ, што бярица гроши, а зачимъ не брали? А што я набравъ, цяперь хоцица дзя-

лицъ. Цяперь я знаю, што одному зъ двоимы не дратца. Воля ваша: дзялиця сабѣ! Тэй узявъ рассыпавъ на чатыре кучки. Солдатъ говорицъ: зачимъ жа на чацьвёртую, мы жъ, говорицъ, утроихъ. Ёнъ, господзинъ тэй, говорицъ, што чацьвёртая тому, хто пячонку зъѣвъ зъ барана, и изъ штопа няповнаго выпивъ стаканъ горѣлки!—Гето, господа, просьциця,—гето я; хоцѣвъ дужо ѣсьци крѣнко, дакъ я й зъѣвъ и выпивъ! Яны говорюць: ну, бяри, землякъ, гробши и ўси гетыя!... И такъ, яны знаюць, што ў яго дворъ близко, недалечко, вярсты ў дзьвѣ отъ тыя мѣсносьци,—стали яны обоя, господзины гетыя, нявидзимы отъ солдата. Вотъ ёнъ узнавъ, што бясѣдувавъ исъ самимъ Богомъ. И говорицъ: вотъ, кабъ я знавъ, што гето бывъ Богъ, я ба къ сабѣ на бясѣду позвавъ! Ну, якъ страпилося такъ, пойду домовъ. Слава табѣ, Господзи, што домовъ донёсъ!

Приходзицъ домовъ, ажъ яго оцецъ живъ, и три браты живы, и жоны ихъ, и ў жонъ дзяцей ёсь, и ходзяйство вядзетца. Порядки хорошія у ихъ. Такъ яны яго приняли: бацька, якъ сына, браты, якъ брата, нявѣстки, якъ дзеверя̀, и ўси любюць яго и ўгождаюць. Ёнъ говорицъ: гроши возьмиця! А яны говорюць: гето твоѐ, возьми, куды хочешъ, намъ ня треба: мы рады, што цябе Богъ принёсъ домовъ. Ёнъ, солдатъ, и ставъ распоряджатца: во́зьмецъ троху гро́шій да й у кабакъ. Пропъе́цъ да й ящѐ возьмецъ; тыя пропъёцъ, да й ящé. Провёвъ ёнъ гетакъ три годы жизьню свою. Нихто не ўкоривъ яго, ни ёнъ никого. За яго службу пославъ Богъ смерць яму лёхкую,—што смерць заспѣла яго яще дома вутромъ рано и выняла душу̀ зъ яго, и не чуствувавъ ёнъ. И пошла тая смерць зъ душой зъ яго гуляць у ихный садъ. Съ саду вярнулись и идуць домовъ. Тама плачуць у доми. Душа говорицъ смерци: што гето у нашимъ доми плачуць? Смерць у вотвѣтъ говорицъ: твое цѣло ме́ртвое; идзи попрощайся зъ имъ да й по́йдземъ къ Богу! Ёнъ попрощався и пошовъ къ Богу. Пришли съ смерцью къ Богу. Вотъ солдатъ якъ увидавъ Бога: а, здрастуй, господзинъ, говорицъ: давно видались! Ёнъ говорицъ: цишай, цишай! уже на *томъ* свѣци твоя душа. Идзиця дорогой гетой прямо ў рай! Показавъ яму дорогу. Ну, солдатъ сядзѣвъ у раи дзень: ни пицъ, ни ѣсць яму нихто не даецъ. Ёнъ и ставъ говорицъ: што за рай Богъ пославъ: што ни пиць, ни ѣсць? Вотъ то̀ рай бывъ, якъ царевну лячили со мной, царицу, дакъ разныя напитки и наѣдки, и табака была. А тут—рай, и нема ничого. Што то за рай? Ангалы ўслыхали: цишай, цишай! говорюць.—Да якъ жа цишай, коли нема ничого! Ну, тоды Богъ приказавъ ангаламъ привесьць яго у тую комлату, на калавуръ поставиць, куды смерць уходзиць и выходзиць. Тамъ яму нявидзимо давъ и пиць, и ѣсць, и курицъ трошки. Посьля̀ того, нямного спусьця, нѣхто такій идзецъ и стучицъ у дзьвери. Ёнъ и запёръ, солдатъ. Хто такій стучицъ тамъ?—Яна

отвѣчаець: смерць! Ёнъ отпёръ ёй дзьвери и спрашіець: зачимъ жа ты, смерць, идзешъ сюды? Моё дзѣло къ Богу йци, а твоё тутъ; утъ, (вотъ) я пристановленъ на часы дли того, кабъ я къ Богу ўходзивъ. Зачимъ жа ты пришла?—Я пришла,—якихъ Богъ скажець людзей умярйць! Ёнъ пошовъ самъ къ Богу: Господзи, говорицъ: пришла смерць и спрашіець, якихъ людзей морицъ прикажешъ?—Хай, пусь старыхъ подбираець три годы! Богъ сказавъ старыхъ морицъ, а ёнъ думавъ, думавъ, што бацька ў яго старый, дакъ зъѣсць,—дакъ ёнъ и сказавъ смерци: вялѣвъ табѣ Господзи лѣсъ старый подбирацъ три годы! Ну, пройшло три годы. Являетца смерць опяць къ яму. Узнова опяць стучиць у дзьвери. Ёнъ опяць не пускаець и спрашіець: хто тамъ такій?—Смерць!—Да, вы тольки й ходзиця сюды! Надоѣла! Усё смерць да й смерць!.. И дзьвярей ня 'тчиняець, да й спрашіець: зачимъ жа йдзешъ сюды?—Я йду къ Богу, што прикажець дзѣлацъ три годы: якихъ людзей морицъ?—Ну, постой,—я сходжу къ Богу. На то я часовый! Ну й пошовъ. „Господзи, пришла смерць опяць другій разъ: якихъ людзей прикажеця морицъ?“—Пусь цянеря середовыхъ морицъ три годы! Ёнъ подумавъ, што ў яго три браты у самой сили,—ина ихъ поѣсць. И пожалѣвъ ихъ. „Вотъ, табѣ Господзи сказавъ, кабъ ты лѣсъ ѣла три годы середовый, самый луччій!.. Ина и отправилася, смерць, и пошла. Такъ гето скоро кажетца, да няскоро дзѣетца. Пройшло три годы опяць, и являетца смерць. Знова стучиць у дзьвери къ солдату къ гетому, кабъ отчинивъ. Солдатъ спрашіець: хто такій сюды идзёць?—Смерць! Да ты, смерць, усё ходзишъ сюды! Постой тутъ! А йна ня хочець да зъ имъ бòрятца, а ёнъ яè не пускацъ! Пòтомъ солдатъ уговоривъ яѐ, и пошовъ къ Богу самъ, одзинъ. „Господзи, пришла смерць у третьцій разъ; спрашіець, якій народъ морицъ?“—Пусь три годы собираець маленькихъ! Ёнъ подумавъ, подумавъ, што ёсь дзѣци маленькія у братовъ,—поѣсць! И говорицъ смерци: вялѣвъ табѣ Господзи, каба самыя отросточки поѣла за три годы! Ну й отправилась смерць три годы паросьничекъ, гетыя отросточки, доѣдацъ за три годы. Заѣлася смерць на щèнтъ уся. Пошла зновъ къ Богу и стучиць у дзьвери, дзѣ гетый солдатъ часовый. Ёнъ говорицъ: хто тамъ такій?—Смерць!—Ну да, ты ўсё ходзишъ, спокою отъ цябе нема! Отчинивъ ёй дзьвери, и стала ина зъ имъ спорицъ, и сама йдзèць къ Богу. Ёнъ не пускаець. Зайшовъ у ихъ крупный разговоръ ужò. Почувъ Богъ и спращіець у солдата: „съ кимъ ты шумишъ?“—Господзи, говорицъ,—съ смерцью. Яна идзець къ табѣ; а я жа зачимъ тутъ? Я довжонъ доложицъ табѣ дли объясненія; што прикажеця, то я объясню!—„Ну, хай идзець сюды, и смерць сюды и ты, разомъ обòя!“ Яны увышли туды обоя. Господзи спрашіець у смерци: што ты три годы дзѣлала, и яще три, и яще три? Дзевяць годовъ, а нема ниякаго порядку: души нема ня

'дные нійдзѣ?—А мнѣ солдатъ казавъ: перша три годы лѣсъ ѣсьци старый,—я й ѣла; другій разъ сказавъ: крупный лѣсъ ѣсьци, середовый, самый луччій, три годы,—я й ѣла; ящé сказавъ за ўтретьцимъ разомъ: кажець табѣ Господзи: идзи, отросточки собирай малыя три лѣта!.. Богъ обрацивъ униманія къ солдату: што жа, говорицъ, солдатъ, по моимъ приказу ня спольнивъ?—Господзи, согряшивъ передъ вами, просьциця! У мяне бацька старый, браты середовыя, и дзѣци ў ихъ—малыя. Я думавъ, што ина поѣсць усихъ. Ну, я й приказавъ, хай лѣсъ ѣсць дзевяць годовъ. Такъ яна й ѣла!—Вотъ цяперь табѣ, говорицъ Богъ солдату, няси яé на своей спинѣ три годы, куды йна задумаець! И мори, говорицъ на смерць, хворыхъ людзей три годы!—Ну, Господзи, корюсь вамъ! Полѣзай на спину! приказыець. До свиданія, Господзи! И пошли. Вышли яны сичасъ жа у пàросьникъ, и стали разговарюваць исъ смерцью. „Што жа ты, смерць? Табѣ Богъ якъ сказавъ? Ты думаешъ больныхъ морицъ, а цяперича мы идзёмъ удвоихъ съ тобой и намъ ничóго. На случай выйдземъ нà поля, мужики жъ зямлю работаюць, тамъ и лошадзи, тамъ и сами, уси здоровыя. Якъ цябе увидзюць такую страшную,—лошадзи поўпудзютца и разнясуць усё: и сохи, и борóны, и самихъ побьюць,—то й здоровыя хворобу получуць. А табѣ жъ Богъ хворыхъ казавъ морицъ!"—А што мнѣ, солдатъ: нарай, што дзѣлаць? Гето правда твоя!—„А вотъ я табѣ нараю якъ: ёсь у мяне рожокъ у кишени: вотъ ты ўлѣзь у яго, дакъ я яго и понясу. Приду у дзяревню, попрошуся на ночь. Тамъ я разговоръ помѣю, дзѣ хворые ё. Тамъ я тоды пойду къ болному, да й пущу цябе. Дакъ ты яго зъяси, да й опяць у рожокъ! А то цябе такую страшную, няси!" Яна согласилась: улѣзла ў рожокъ. Ёнъ узявъ, захляпавъ рожокъ и наругаетца смерци: вотъ тутъ три годы поѣжъ усихъ, тамъ попробуйка! А самъ пошовъ домовъ. Опяць поздоровався съ своими, набравъ грошій, да ў кабакъ, и начавъ куцiць. Пройшло три годы, а ёнъ усё кўциць у кабакѣ. Пославъ тоды Господзи трёхъ ангаловъ: разыскаць солдата съ смерцью, идзѣ ёнъ смерць подзѣвъ? Ангалы зляцѣли и найшли яго ли кабака: ляжиць и спиць. Разбудзили яго, стали спрашуваць: солдатъ, идзѣ смерць подзѣвъ?—А вамъ якое дзѣло до мяне? Вы хто такія? —Мы ангалы: насъ Господзь пославъ, идзѣ ты смерць дзѣвъ?—Ну, дакъ вотъ, коли васъ Господзь пославъ, дакъ вотъ яна у рожкй, наця яѐ вамъ. И табака тамъ, повянъ рожокъ бывъ. Узяли, откубрили, нашли. Чуць живая смерць шаволитца, ужо ня дзѣйствуець ничимъ. Узяли яе ангалы, отколыхали на вѣтри, и ўзяли съ собой солдата и смерць, и повялй къ Богу. Вотъ яны привяли къ Богу, Богъ ставъ спрашуваць уси проступки яго. Ёнъ сознався Богу: прегряшивъ, Господзи, просьциця! Ёнъ узявъ и отправивъ яго: вядзиця у пекло яго! Яны яго повяли. Тамъ ужо ȃгелы

отчинили яму дзьвери, ужо рады, што солдата вядуць. Солдатъ ставъ спрашувацъ: дзѣ жъ у васъ повѣсиць ранецъ, протупею, пистолетъ, ружжо, шаблю? Начали черценяты колички колоциць у сцѣнки молоткамы. Ёнъ начавъ, солдатъ, закурювацъ у трюбку,—вынивъ сабѣ трубку. Сичасъ подбѣгаецъ черцянокъ и спрашіецъ: дзядзька, ци не давъ ба мнѣ покурицъ?—Погодзи пляменьникъ,—наложу й табѣ! Узявъ пистолетъ съ сцѣнки, зарядзивъ цѣлнымъ зарядомъ и говорицъ: бяри за дуло: я табѣ отрублю огня, тоды ты й закуришъ! Ёнъ узявъ за дуло ротомъ и ссѐць, а ёнъ огня будзецъ отрубливацъ. Дакъ ёнъ узявъ, курокъ отцянувъ, да якъ хляснувъ яму—та́къ яго голова на скольки часьцей раскацилася... Тутъ яны, ўси черци, повыскочили уси съ пекла. А ёнъ говорицъ: вамъ усимъ гето *будзя!* Яны стали яго просицъ: ходзи самъ вонъ оттуль! А енъ ня йдзецъ: мяне самъ Богъ пославъ! вамъ усимъ гето *будзецъ.* Яны думаюць: што гето? бѣда имъ будзецъ: нейдзя жить имъ будзецъ! Узяли подхитрились. Старый чортъ ставъ у барабанъ биць тревогу. Солдатъ увобравъ своё на сябе да й идзецъ на тревогу. Яны ўзяли да дзьвери заперли, сами ўскочили у пекло, а яго и ня пусьцили. Солдатъ ходзицъ, не на тымъ свѣци, не на гетомъ. Нихто у яго не пытаецъ, ни ёнъ ни ў кого не спрашуваецъ. Такъ ёнъ и цяперь живѐцъ: дзѣ дзень, дзѣ ночь, абы сутки прочь...

Д. Глѣбово, сватошицк. вол. гор. у. Отъ кр. Ларіона Васильева, 42 л., негр. Разсказчикъ внѣ предѣловъ Могилевской губерніи не былъ.

Варіантовъ много изъ различныхъ уѣздовъ. По одному,—солдатъ запираетъ смерть, посланную для его умерщвленія Богомъ, сначала въ табакерку, потомъ въ орѣхъ, и забрасываетъ ее въ траву. Ангелы потомъ долго разыскиваютъ её, и наконецъ начинаютъ „гукать: горечко, гу! А смерть: гу!—Горечко, гу! А смерть: гу!“ и такимъ образомъ находятъ и вынимаютъ изъ-заперти. Въ концѣ-концовъ смерть отказывается идти умерщвлять солдата, и онъ проваливается „скрозь замлю.“

45. Коваль и чортъ.

Живъ на свѣци коваль. И наплодзивъ ёнъ столькі дзяцей, што нечаго було имъ ѣсьци. Отъ ёнъ кинувъ дзяцей и пошовъ прочъ. Ишовъ, ишовъ, приходзя къ болоту. Якъ уздумаа на дзяцей, дакъ и заплача. Плакавъ, плакавъ по дзѣцяхъ, а тогды говора: „я бъ, каатца, чорту душу запродавъ ба, кабъ тольки ёнъ пакормивъ моихъ дзяцей!“ Сычасъ выскакуя чортъ изъ болота: самъ ясный, вочи красны, а брыль якъ на чарту. „Што ты тутъ казавъ, коваль?“—Ничого, паничокъ, не казавъ!—

„Нѣ, казавъ!“—Я казавъ, кабъ хто накормивъ дзяцей, я бъ тому и душў запродавъ ба!—,,Ну, дóбро! Распишися, што ты продаéшъ мнѣ душу, дакъ я табѣ тритцаць годовъ буду служиць, усё чисто буду дзѣлаць, што завялишъ!“ Коваль думавъ, думавъ, да й росписався. Приходзя домовъ, ажъ у яго ўсяго ё: и хлѣбъ и гроши. Вотъ коваль и ставъ жиць хорошо. Завялѣвъ ёнъ черцямъ, кабъ яны построили ямў хату. А яны построили ямў покóи, да такія, што надъ усимъ свѣтомъ, и обгородзили дворъ височѐннымъ тыномъ. И што тольки коваль завялиць, черци и дзѣлаюць. И прямо ёнъ ихъ позамучававъ. Ну, якъ разбогацѣвъ коваль, дакъ поставивъ цэркву, нанявъ попа на свой коштъ, и кóжанъ дзень обѣдню служивъ. Почувъ разъ коваль, што панъ дужо бъѐ мужиковъ на пригони. Отъ ёнъ позвавъ того пана къ сабѣ у госьци. Пріѣхавъ панъ у госьци къ ковалю, тэй коваль яму и кажа: ,,што, якъ ба ты мнѣ продавъ свой маёнтокъ?“—А купи, кажа.—,,Скольки жъ табѣ дацъ?“—А насыпъ повну карету золота, дакъ я выбяруся, якъ стою! Ну, коваль вялѣвъ закациць карету у пуню, и черци за ночъ насыпали повну карету золота. Сѣвъ панъ на золото и поѣхавъ, и не заѣхавъ ужо и ў свой дворъ, съ тымы грошмы̀. Призвавъ коваль мужиковъ гэтыхъ. ,,Нў, кажа, цяперака вы ня будзеця боли пругону служиць. Тольки дайця мнѣ по злоту (15 к.) отъ хаты!“ И рады стали ўси мужуки, и кожанъ дзень яны Богу молились за коваля! А коваль идзѣ кого ўбача, сычасъ накормя, напоя и на дорогу дась. И такéй милосьливый ставъ, што дайжа плакавъ, коли который дзень ня було ў яго чужого чаловѣка. А чарцей ёнъ сусимъ позамучававъ, ужо й не рады яны, што зачапили коваля. Вотъ, кончаетца ужо тритцаць годовъ. Пошовъ разъ коваль на пóля, и ўбачивъ, идуць три чаловѣки, нищія, стары̀я. Ёнъ къ имъ, и прося ихъ, кабъ зайшли къ яму отдыхнули. Ну, яны зайшли къ яму. Ёнъ ихъ напоивъ, накормивъ, учасьцивъ хорошенько. Отды̀хали яны, подзяковали и собираютца ици отъ яго. Тоды одзинъ кажа: ци вѣдаешъ, кажа, хто мы такея? А ёнъ каа: а Богъ жа васъ, каа, вѣдаа, хто вы такея, добрыя людзи! Тогды одзинъ кажа: я Богъ, кажа. А другій говора: а я Спасъ! А третьцій кажа: а я Юрый! Тогды Богъ говора: проси жъ ты у насъ, чаго ты хочашъ, за гэто, што ты насъ накормивъ! А ёнъ кажа: ничого жъ мнѣ, Господзи, ня треба; хиба тольки якъ пришлѐ чортъ посланца за мной, дакъ ци ня можно, кабъ ёнъ ня минувъ игрушины, што у мяне ў саду, да завѣсився на ѐй?– Гэто, кажа Богъ, можно! Тогды Спасъ пытаа: а што жъ мнѣ табѣ дацъ?—А якъ пришлé чортъ другого посланца по мяне, дакъ ци ня можно, кабъ и тэй тамъ бывъ?—Добро! хай такъ! Тогды пытаа Юрья: ну, а зъ мяне ты чаго хочашъ?—Змилуйся, святый Юрья! Якъ придзя самъ чортъ по мяне да сядзя у тутъ на куцѣ, дакъ

ци ня можно, кабъ ёнъ и ня ўставъ?—Дббро, кажа Юрья; тольки глядзи, ци крѣпка лавка, а то жъ ў яго чортовая сила! Ну, коваль тэй подзякувавъ имъ, яны й пошли. А ёнъ сычасъ призвавъ своихъ ковалёвъ и приковавъ дббро лавку. Поживъ ёнъ скольки-тамъ послѧ того, ажъ чортъ и присылаа черцянка: „ты ўсё бясѣды вядзешъ да бяньксты, а на насъ и призабывъ! Приславъ мяне тэй чортъ, што ты росписку дававъ. Казавъ, кабъ ты ўжо йшовъ!"—Ну што жъ, кажа: ицицъ, дакъ ицицъ, —я ўжо своё отживъ. Збѣгай-тку у садъ, приняси солодкихъ игрушъ, смагу прогнацъ намъ на дорози! Черцянбкъ побѣгъ. Полѣзъ щипацъ игруши, попавъ у вилки головой и задавився! Ждавъ, ждавъ чортъ—нема ни коваля ни посланца. Посылаа другого черцянка. Прибягаа тэй: „што вы дзѣлаеця, нѣшто васъ не дождатца? Дзесяцъ пословъ посылай!"—Чаа ты, каа: я ниякихъ твоихъ пословъ у вочи ня бачивъ!—„Да приславъ чортъ, кабъ ты сычасъ ишовъ къ яму!"—Ну, дббро, пойдземъ сабѣ! Збѣгай-тку хутчѣй у садъ, покуль я прибяруся,—выщикни зъ дзесятокъ яблуковъ на дорогу! Черцянокъ побѣгъ у садъ, полѣзъ на яблону, да й ущамивъ головў у вилки,—и задавився. Ждавъ-ждавъ старый бѣсъ, не дождався,—бяжицъ самъ къ ковалю. Прибѣгъ и кричицъ: и посланцы тутъ сидзяцъ, и ты сядзишъ! Годзя мнѣ ўжо работацъ на цябе! Ты й такъ ужо жильля повыцягавъ зъ мяне! Якъ жа не жаль,—повну карету золота насыпали! Я сусимъ попорвався, упадаючи коля цябе. Пора и на табѣ повбровацъ да смолу повозицъ!.. Раскричавсь, што хоць съ хаты ўцекай! Ледьви яго коваль уговоривъ повячерацъ изъ нимъ на дорогу. Тольки чортъ сѣвъ на кутъ, на лавку,—такъ и прилипъ! Отъ, тогды коваль говора: „ахъ, головка моя бѣдная! Якъ жа жъ гэто: я пойду, а хата моя ще не посвяцана? Треба ўпяродъ хату посвяцицъ!" Позвавъ сычасъ попа и стали молебны правицъ. Ну, уси молютца, а ёнъ сядзицъ на куцѣ, вочи полупивши. Тогды попъ кажа: хриспись! Да яго крыжомъ по лобў! Якъ ирванётца ёнъ—хоцѣвъ уцекци, ажъ хата задрыжала. А лавка ня пускаа. Позвавъ тогды коваль дванатцацъ ковалёвъ; придзѣлали чорту къ боку мѣхъ ковальскій, и стали дуцъ. Нагрѣюцъ яго, да ў дванатцацъ молотовъ давай ковацъ! Били-били, били-били: а што, ци просцишъ ковалю?—Нѣ, каа, не прощу! Отъ яны й зновъ давай грѣцъ да ковацъ. Били-били, били-били: а што, ци просцишъ?—Усё прощу, и яще служицъ буду, тольки пусциця! Ну, яны лавку отковали, ёнъ и счезъ. А коваль ставъ жицъ да поживацъ, да добра паживацъ.

Д. Колбовка, чигир. в. быховск. у. Запис., по нашимъ указаніямъ, г. Тихановичемъ.

46. Пьяница и чортъ.

Живъ сабѣ одинъ пьяница горкій, и дужа ёнъ горѣлку пивъ, бувало, у Городни [1]), и пропивъ чисто ўсё. Вотъ якъ у насъ Ивочка е́. Ну, вотъ ишовъ ёнъ разъ по дорози, пропившись, и тяперака кажа: „вотъ, кажа: сказуять, що черти е́; а ихъ сусимъ няма. Коли бъ яны были, дакъ ба дали мнѣ грошай; я бъ узявъ, а душу̀ отдавъ!“ Ну, а *ёнъ* сычасъ выходя зъ рова. „Ну што жъ, кажа, во̀зьмяшъ гроши?“—Возьму, говора. —„А въ якомъ расположе́няю во̀зьмяшъ?“—А скажу табѣ: у мяне е́ дежачка на четвярть хлѣба, примѣрно,—тамъ на четвярть жита ти гречки на четвярть—дакъ вотъ постоянно щобъ яна була (грошай) повна, дежачка етая, кольки я ни 'тбяру, щобъ яна повна була!—„Ну до̀бро, кажа: роспишись свое́й кровъю!“ Ну, ёнъ и росписавсь, що отдае́ яму душу̀: чаразъ во̀сямдясятъ годовъ можатя комлату разбить и ўзять мяне! Да! Ну, тогды ёнъ ставъ сабѣ разживатца. Купивъ перво-на̀-перво хозяйство: копя купивъ, корову, ну и ўсё тамъ, що треба у хозяйстви. Ну, тогды ставъ позычать сусѣдямъ и протчимъ по бѣдности ихъ; кому надо кольки, отъ ёнъ и вызволя. И було ў яго чатыре сыны. Яны уже трохи и подросли, ёнъ ихъ и грамоти пона̀ўчававъ. Одного отдавъ у казначейство, ти куды тамъ, за писара, а другого отдавъ на служенія нашаму цару, а зъ двамами самъ остався, тутъ, у дворѣ. Ну, проживая старикъ сорокъ годовъ, дожився унуковъ, а тогды и ўнуковъ пожанивъ, давъ имъ хорошую благодать, якъ Богъ дозволивъ. Собралися ўси сыновъё, собрався сынъ солдатъ, и писаръ пріѣхавъ; и здѣлали уси браты братскій обѣдъ на святого Миколу, су радости, што отецъ бывъ пьяница, а то тяперака хорошій ставъ. Обѣдъ жа етый заключая, хорошій обѣдъ, такъ на восямсотъ карбо̀ванцовъ—якъ милосьливый Хвиларетъ усё имѣньня своё на бѣдныхъ отдавъ. Ну, и здѣлали абликацыю, на сорокъ вёрстъ отъ своей дяревни, што отъ-такій то чаловѣкъ обѣдъ давъ, приходьтя на обѣдъ. Собралися на 'бѣдъ, и дужа ёнъ участивъ увесь міръ христіянскій, дажа подаровавъ усихъ чисто сляпыхъ, нявидящихъ и калѣкихъ грошами дово̀ли. Потомъ, чаразъ кольки ўремя, объяснивъ міру христіянскому: у кого пропажа коняй, скота якого-либо, ти нужда якая е́, приходьтя ко мнѣ: могу платить гроши нуждающимъ, у случай дѣло якое окосне́тца, тольки молитя Бога за мяне! Проживая ёнъ семдясятъ годовъ; осталныя, кажа, годы буду Бога просити: сохрани мяне, Господи, отъ етаго! И ставъ Бога просить, ставъ молитца. На дванацать царквей ла̀дунъ справлявъ, и на службу--обѣдню подававъ. Тяперака, выходя дѣло, сыновъ сыны, а яго ўнуки, чатыре було,—ёнъ имъ объяснивъ: за кого я, каа, страждаюся?

[1] Слобода Городня, въ 4 верстахъ отъ с. Кормы, гдѣ записана сказка.

поможитя вы мнѣ Богу молитца! Яны отвящаять: искажи ты намъ, дѣдька, за якое страждапія Богу молитца? Увястивъ тогды ёнъ сынамъ своимъ старѣйшимъ: сыны моѐ, съ чаго вы разжилися: батька вашъ продавъ душў свою нячистому и росписався кровъю, и много загнавъ худобы чаразъ самую душу нячистую свою! Сыны отвѣтили раздать усё, скарбъ, на міръ христіянскій, уси гроши, щобъ уси христіяне могли Богу молитца. Пóтомъ ёнъ раздумався: да, совѣтъ хорошій: мнѣ нихто ня поможа, окромя Господа Бога. Няхай душа отвячая! Тяперъ, прадлагаять яго ўнуки, що хто придя по тябе, разобъёмъ яго. Тогды ёнъ сказавъ: моѐ ўнуки, моѐ сыны! ня гоняйтеся, ня ваша росписка, а моя; хай забираять мою душў, —мой отвѣтъ! Тогды, прадлагавъ ёнъ уторишно справить обѣдъ у двѣ тыщи карбованцовъ, и прадлагавъ ёнъ на шасьдясятъ вёрстъ кружка просить людей на 'бѣдъ. И спокоивъ усихъ на обѣди, и грошми надаривъ усихъ. Ну, скоро ето дѣло вышло, што вотъ яго ету ночь возьмути. Яго посповядáли, причастили, постель послàли. И сказуя ёнъ: выйдитя ўси съ хаты, покудова я... куды мяне Богъ паравéрня! Тяперака ёнъ ляжить на лавцы, прибранъ усимъ, якъ умерти,—подыходя подъ вокошко старикъ якійся. „Добрьі вечаръ,“ кажа.—Здоровъ!—„Пусти, пожалуста, обночавать!“ Ёнъ кажа: а нѣ, тутъ бяспокойство ў насъ!—„Во, кажа: хиба мы бяспокойства не могóмъ принять!“—Ну, коли такъ, кажа, —ходи ў хату ко мнѣ! Уходя ёнъ у хату къ ямў, помолився на боговъ и ўклонився. Тяперака, ляжавъ старикъ и ўскочивъ: сычасъ, щобъ були унуки и сыны, сычасъ дайтя етому хорошаму чаловѣку вячерать и спокой хорошій! Такъ сычасъ ямў дали повячерати ладно, усякихъ напитковъ, наѣдковъ хорошихъ. И сказавъ унучцы послать яму постелю, щобъ було чатыре подушки,—етому старику. Тяперака, зложилися яны удвохъ помолитца Богу, просили матаръ Божаю: не оставъ наша дѣло! Тяперака хозяинъ говора: ты ложися на зáпячку, а я на своёмъ мѣсти, на лавцы! А той говора: нѣ, ты ложися на зáпячку, а я на твоёмъ мѣсти: ты старѣй за мяне, а я боюсь горачаго! Отъ, сычасъ той гость пошовъ лёгъ на лавцы, а хозяинъ на запячку, знаяшъ—на ляжáнцы. Тяперака, хозяинъ лёгъ на ляжáнку, чуять—ѣдя свадьба большая дѣсь ли яго двора: „Дямидъ Андреявичъ, Дямидъ Андреявичъ, получивъ грóшай богато? Наша душа, наша душа!“ Тяперака вороты—гукъ! Уходя: „добрый вечаръ!“ Гость кажа: добрьівечаръ!—„Ето той хозяинъ, што намъ душў продавъ?“—Ето!—„Ходи жъ зъ нами!“—Дакъ по етому выходя хорошо: можно бязъ усякія дани душу отдать? Нѣ!.. Спрашуять яны: якую жъ дань табѣ дать?—А што ў насъ у зáкони: зáгадку загадать. И три зáгадки ня ўгадаю, можашъ комлаты разбить и узять мяне. А ўгадаю я три загадки, можашъ отрактúсь отъ мяне!—„Ну, дóбро! Слухай жа: што ты

одинъ у хати?"—А стану сяродъ хаты и растопыру руки, и я ня тыя стяны ня достану, ня тыя!—„Ну, добро! А што ўдвохъ?"—А ўдвохъ мы идо́мъ дорогой десять вёрстъ, здастца за одну. Удвохъ дорога корочѣй!—„А ўтрохъ?"—А ўтрохъ молотить ляхчѣй!—„Ну, старикъ, вѣрно отгадавъ за́гадки! По етымъ, оставайся сабѣ здоровъ!" И пошли. Хозяинъ той уставъ и бача, што слава Богу день, и душа яго цѣла. Подяковавъ того старичка и завялѣвъ воспитавать яго до смерти. А самъ скоро посли того и померъ.

С. Корма, гом. у. Отъ кр. Устина Буренкова, запис. въ нашемъ присутствіи г. Чайковскій. Сравн. № 40.

47. Прудникъ и черци.

Якъ живъ сабѣ одзинъ мужикъ изъ жонкой, и жили яны бѣдно. И дзяцей у ихъ не было. А якъ тольки стала жонка пузатыя, дыкъ ёнъ и померъ, а жонка осталыся няволныя, одна бѣдныя; скольки можно було робила и жила. Расъ пышла ина зы водой. Колодзесь бывъ далёко пыдъ горой. Набрала ина воды, несла, несла пыдъ гору, зыморилася, што чуць идзе́ць, вядомо—пузатыя. Отъ, ина со злосьци и кажець: ахъ, богдай тэй прывалився, хто уво мнѣ ёсь! Якъ тольки ина гедыкъ скызала, дыкъ у ее сычасъ пярсьцёныкъ и звалився зъ руки. А чортъ пытхвацивъ и понёсъ. А ина пришла домовъ. Черязъ скольки—тамъ уремя родзився у ее сынъ Иванька. Якъ ставъ тэй Иванька рось, якъ ставъ рось,—ни по дняхъ росьце́ць, ды ны чысахъ, а ны минутахъ разумнѣець. И вырысъ большій уюнушъ Иванька. Почувъ ёнъ, што ёсь нейдзѣ прудникъ, и ёнъ прыдався чарцямъ, и распыряджаетца двананцацими пылками чарцей. Пошовъ ёнъ къ тому прудчику. Приходзиць туды: „Здоровъ!"—Здоровъ!—„А што ты, братъ, дзѣлыешъ?"—А ничого! А ты што пришовъ?—„Ды што я прышовъ; я пришовъ, ци не оретывавъ бы ты мяне отъ чарцей?"—А якъ жы шъ я цябе оретую?—„Да табѣ мене лёхко оретывацъ можно!"—А якъ? спрашіець прудникъ.—„А вотъ якъ: идзи ты у самыю повнычъ ны могильникъ; тамъ будзецъ старый чортъ обѣдыць, дыкъ ёнъ будзецъ звацъ цябе, капъ ты сѣвъ зь имъ обѣдыць. Дыкъ ты скажи: отдай мнѣ тое, што мнѣ надо, дыкъ пойду! И дотуль ня йдзи, покуль скажецъ: „отдамъ жа, отдамъ, отдамъ! Ходзи!" Тоды идзи!" Ну, ёнъ гедыкъ и здзѣлывъ. Якъ ныстала ночь, ёнъ и пошовъ ны могильникъ. Ажны правда—обѣдыецъ чортъ. И ставъ просиць яго обѣдыць. А ёнъ каецъ; „отдай мнѣ тое, што мнѣ надо, тоды буду обѣдыць съ тобой!"—Што шъ табѣ надо? А ёнъ узнова: отдай мнѣ тое, што мнѣ надо!—Ды што шъ табѣ надо? А ёнъ усё своё: отдай мнѣ тое, што мнѣ надо! Чортъ

тоды кажець: „ну, отдамъ, жа, отдамъ, отдамъ! ходзи обѣдыць!" Ёнъ тоды пошовъ. Побѣдыли, тоды ёнъ кажець: ну, отдайця шъ мнѣ тое, што мнѣ надо!—А што шъ табѣ надо?—А вотъ што мнѣ надо: Ишла такая и такая женщина, и звалилося у еé кольцо зъ руки, дыкъ зъ васъ нѣхто пытхвацивъ еé кольцо. Дыкъ отдайця мнѣ яго.—Охъ, братъ, глыбоко ты залѣсъ! Ну, али дзѣлыць нечего. Ставъ старшій чортъ дыпрашывацъ персьня. Собравъ усихъ двананцацъ полковъ. Дыпрашывавъ, дыпрашывавъ. Што тутъ дзѣлаць? Нема персьня! „Ну, кажець старшій чортъ —у кого персцень и не пыдаéць, тому будзець тая доля, икая была пъ гетыму ўюпушу!" Якъ тольки ёнъ гето скызавъ, якъ вышовъ жа чортъ —кокци по локци, волосы пу пяты, пришовъ, ды якъ кырханéць—выкырхнывъ пярсьцёныкъ исъ кровъю. Прудникъ узявъ персьцень ды й пошовъ домовъ. Приходзиць домовъ: „ну, кажець ёнъ юнушу Иваньку: я цябе оретывавъ, оретуй и ты мене!" Юнушъ Иванька кажець: дóбря, и я цябе оретую! Якъ пришла ночь, Иванька узявъ прудника и завёвъ у цэрькву; отвёвъ кругъ и пысадзивъ ны кругу прудника: глядзи, не вылѣзай съ круга, хоць якъ яны цябе будуць страшыць; молися Богу якъ можно щырѣй, капъ не спужатца! Пошовъ Иванька домовъ, а ў самыю повнычъ прилетаюць нкъ пруднику черци. Божа шъ мой! Якъ стали обырачиватца усякими звѣрями, лягушками, зміями! Якъ стали яго страшыць, капъ ёнъ выскычывъ съ круга! И ёнъ ужо думывъ выскычыць, а пятухъ—кукареку! И ўсё прыпало. Давъ Богъ дзень: приходзиць ёнъ домовъ и рысказавъ Иваньку, якъ што було. „Усю ночь я трясусю! А черци передо мпой носютца. Ждавъ я, ждавъ,—чуць-ня-чуць запiявъ пятухъ!"—Ну, кажець Иванька, гего ящо не страхъ, будзець страхъ! На другую ночь пошовъ прудникъ узнова у цэрькву. Отвёвъ Иванька кругъ и пысадзивъ яго у кругу. „Глядзи жъ, кажець, хронь Божа, не вылѣзай съ круга!" Сѣвъ ёнъ ны кругу и прысидзѣвъ до повнычи. У самыю повнычъ приляцѣли черци. А ёнъ ужо разосмѣлився: сядзiць, не боитца. Яны пыкричали, нысвистали, пыкурнявкыли до повнычи, а якъ пѣвень запiявъ, и прывалилиси. На третьцiю ночь пошовъ узнова прудникъ у цэрькву. „Глядзи шъ, кажець Иванька: кыли выцѣлѣешъ гету ночь, то будзешъ жывъ! Тольки глядзи, никуды не выглядай!" Сядзiць прудникъ ны кругу, молитца Богу. Приляцѣли узнова черци—цьма цьмущыя! Такъ прилялиси, што тэй бѣдный чуць не сомлѣвъ. Яны яго и палили, и топили, —усякъ страшыли! А ёнъ сядзiць, Богу молитца. Передъ самымъ днёмъ схвацивъ тэй чортъ росписку, ды якъ дась пы погахъ! Такъ ноги у того прудника и отвалилиси пы колѣно! „На, каець, прыклятый! Хай бы сябе оретывавъ! А хай бы мнѣ малецъ бывъ!.."

С. Мощены, сѣнн. у. От кр. Хиженкова.

48. Кладъ у чертей.

Было два браты, жили ўмѣсьцяхъ. И ў ихъ, якъ жили, были гроши расходывыя, хыдзяйськія, и ящо лишнія. И ў старшаго брата, якъ ёнъ помёръ, остався мылолѣтьній сынъ. Вотъ, якъ помёръ старшій братъ, уси гроши расходывыя зыбравъ мылодзѣйшій братъ, а гетаго малца ужо дзядзька. А тыя лишнія гроши старшій братъ схувавъ передъ тымъ, якъ умёрци. И нихто ихъ не найдзець. Ну, тоды стали гетому малцу уси радзиць, што ныпрасно одзинъ дзядзька пользуетца грошми. Тоды пляменникъ пошовъ къ вырожбиту-дзѣду пывырожиць объ тыя гроши, и надзѣвъ на руку пярсьцёныкъ. А ў гетаго дзѣда была дычка. Ина увидзила пярсьцёныкъ ны палцы и кажець яму: што, пришовъ, мусиць, къ мойму бацьку объ гроши? Ёнъ табѣ ничого не скажець. А кыли хочешъ, кабъ я табѣ усё скызала, дыкъ дай ты мнѣ свой пярсьцёныкъ! Ёнъ перша не хоцѣвъ, али тоды узявъ ды й отдавъ. Вотъ ина яму говорицъ: якъ рыскажешъ ты бацьку свою обиду, ёнъ пойдзець у лазьню къ чарцямъ вырожиць. А ты глядзи, бяжи якъ можно напередъ, и ўлѣзь у лазьню и ляжъ пыдъ цапкй у ями, и слухый, што чарты будуць кызаць бацьку. Ды глядзи не кашляй, а то прыпадзешъ! Вотъ ёнъ такъ и здзѣлывъ. Пошовъ дзѣдъ у лазьню, призвавъ двохъ чартовъ и ставъ пытатца объ гроши. Гетыя два чарты сказали, што мы молыды, ня вѣдыемъ гетыго, а кыли хто й знаець, дыкъ старѣйшій чортъ, кысматый и рыгатый. Вотъ, дзѣдъ зовець и старѣйшыго. Старѣйшій чортъ и кажець: я вѣдыю объ гетыя гроши, ды не дамъ ихъ, бо самъ нашовъ ихъ у вульлй; и якъ яны были някщоныя, дыкъ я ихъ узявъ и схувавъ пыдъ вульлёмъ у садку. Дзѣдъ тэй пытаетца: ци добро жъ ты ихъ пилнуешъ?—А няго нѣ, каець; тольки на вяликодня у церкву сходжу, разъ у годъ, пылядзѣць за тыми, хто ў церкви..... почешиць, ци засмяетца, ци будзець шаптаць,—то гето нашъ! Ну, дзѣдъ тэй зъ ничимъ и идзець домовъ. А тэй пляменникъ цихынько вылѣзъ ды ны зыгородьдзю и прибѣхъ, и сѣвъ ны лавцы. Вотъ приходзиць дзѣдъ-вырожбитъ и кажець: ничого ня можно вывырожиць! Ну, тоды дычка гетыго шуптуна распыталыся у малца, што казали черци и говорицъ: заўтра итъ вяликдзень. Якъ пойдуць у церкву черци, ты гроши геты и возьми! Вотъ, дыждавшиси вяликыдня, якъ уси поѣхыли у церкву зъ двыра, ёнъ узявъ чапель, откыпавъ геты гроши, перехувавъ ихъ у вулей и нерякщивъ. Вярнулиси черци съ церквы, хвацилиси, што немашъ грошій, —скуголиць, плакаць... Кругомъ уси ходзюць, чуюць плачъ, а ня вѣдыюць, идзѣ и хто. А малецъ тэй дыгадався, сядзиць ды радыстно дышиць...

С. Мошканы, сѣнн. у. Отъ кр. Никиф. Кондратьева, запис. въ моемъ присутствіи г. Доморацкій.

49. Падчерица и чортъ.

Были ў мацыхи дыцка и падцырича. Вотъ мацыха не любила свою падцыричу и хоцѣла якъ-ни-якъ збасывацъ её. Ина её у лѣсъ за цымъ-нибудзь пошлéць, а ина усётыки прйдзецъ жива и здорова. Тоды ина надумылась: вытыпила байню; уси пошли пупарилиси, тоды ина пысылаець её: идзи, ноцуй у байни. Ина й пышла у байню ў ныцавенки. Пришла, перексцилысь, и легла спаць. Тольки ина легла, ашъ приходзиць такій мылодзецъ, такій мылодзецъ. Приходзиць и гыворйць: „здраствій, дзѣвка!"—Здраствій!—„Дзѣвка, дзѣвка, ложись со мной спаць, будземъ съ тобой жанитча!" Ето была няцыстая сила. А ина яму: што шъ я буду спаць, у мяне нема ни пярины, ни подушки! Ну, ёнъ ей гыворицъ: пыгодзи, принясу! Пошовъ и приносиць ей—Госпыдзи!—и пяринъ, и подушикъ повну байню. „Ну, дзѣвка, будземъ цяперь жанитча!"—Нѣ, не буду я жанитча,—у мяне нема шубы! Вотъ ёнъ пыбѣхъ и приносиць ей шубу, силенно добрыю. „Ну, дзѣвка, будземъ жанитча!"—Якъ жы шъ я буду жанитча, коли у мяне нема ни рубашки, ни юпки, ни былахона, ни плытка: ты шъ видзишъ, што я соўсимъ гола! Вотъ ёнъ сыйцасъ принёсъ ей усё. „Ну, цяперь жанитча будземъ!"—Якъ жы шъ я пойду зы цябе: уси людзи будуць пряжу прясь, а у мяне нема ницòго! Вотъ ёнъ сыйцасъ принёсъ лёну, уюшекъ, клубковъ, усяго. „Ну, цяперь ужо идзи зы мяне!"—Якъ жы шъ я пойду,—у мяне нема ни копѣйки дзенехъ; пыношу ету одзёжку, а тоды мнѣ и на людзи нельзя будзець выйци. Ёнъ сыйцасъ несéць ей чѣлый мяшокъ дзенехъ, якъ можно несь. Тоды ина гыворицъ: ну, обожджи, пóкуль я надзѣнусь! А то ты такій пымѣщикъ, а я ў тряпкыхъ,—у мяне нема ницого! Вотъ ина вышла и стала Бога молиць, капъ пѣтухъ запіявъ. Якъ запіявъ пѣтухъ, такъ ёнъ и прывалився скрось зямлю̀. Тоды ина пераксцилася и пышла къ бацьки и гывòрицъ: „татулька рóдненькій, зыпригай ты кыня! я шъ своё добро не принясу зъ байни, а надо везьць!" Вотъ тоды мацыха: ишъ ты, нягодныя! Я ее пысылала на смерць, а ина ещо добро своё пывязецъ зъ байни. Кыли ина ужо прыпадзець отъ мыѐ гыловы? Куды ни пошлю, усё жива! Вотъ бацька запрёхъ кыня и думыець: Госпыдзи, откуль ина брала стольки дыбра? Стрясь: и дзенехъ и одзёжи, усяго-усяго напòшано! Вотъ привязьли добрó домовъ, мацыха ашъ спугалась. И гыворицъ своёй доцки: ну, допушка ты мыя, сыбирайся, отвяду я цябе у байню. Ина дура, ды стольки дыбра принесла, а ты шъ усё вумнѣй зы её, ящо больше принясешъ! Вотъ ина свою доцку надзѣла, ыбрядзила и пувела у байню, и зыложила двери. Вотъ ёнъ, няцыстая сила, и приходзиць. „Дзѣвка, дзѣвка, идзи зы мяне замушъ!" А йна ему: нѣ, я не пойду зы цябе,

—ты не пругожъ! Вотъ ёнъ тоды узявъ, усю шкуръ зъ ногъ ды голо- вѣ знявъ, ны цасци ее рызобравъ и раскинывъ дзѣ што, а шкуру на пецы рызостлавъ. А матка ее дыжидала, дыжидала, и говорицъ мужуку: што сто её нема? Вѣрно у ёй дыбра дужо много, што не принясецъ! Пы- шла сыма у байню, ашъ ее дыцка уся рызобрана ны цасци, и шкура на пецы. Дывай ина плакыць тамъ, што сыма доцку на смерць оставила. Плакыла, плакыла, и ницымъ не пумогла: доцку свою схыронила.

С. Узкое, велиж. у. вит. губ. Отъ кр-ки Ирины Андреевой записа- ла по моимъ указаніямъ г-жа Страмковская.

50. Черци на игрищѣ.

Уво 'днэй дзяревни была такая зывядзёнка, кабъ собиратца на сў- прадки дзѣвкамъ уво 'дну хату. Рась дванаццыць дзѣвокъ собралиси на свою хвацеру, набрали яецъ, сала, килбасъ—дзѣло було объ колядыи — и стали жарицъ, кабъ мальцовъ частовацъ. Ну, тоды уноччи, приходзюць нибытцамъ мальцы, приносюць горѣлку. Дзѣвки тыя, звѣстно. просюць ихъ съ собой вячерацъ. И ў одные дзѣвки дзяцёнык бывъ на рукахъ. Ёнъ дзержавъ ложку и ўпусьцивъ. Тая дзѣвка полѣзла подъ столъ до- ставацъ ложку и увидзѣла, што у ихъ хвосты висяцъ. Яна тоды ўстала и хочецъ ици съ хаты, а черци яе не пускаюць. Яна кажецъ: я сичасъ приду! Вышла и побѣгла ў ёвню. Ёвня, ёвня, кажецъ, не отдай мяне! печка, печка, не отдай мяне! токъ, токъ, не отдай мяне! Перaговорила, што тольки на вумъ узыйшло. Тыя черци подъѣли, узяли сабѣ по дзѣв- цы и стали душиць; дыкъ одзинанцацёмъ черцямъ ёсь по дзѣвцы, а дванаццатому нема. Вотъ ёнъ побѣгъ за той дзѣвкой у ёвню. Прибѣгъ у ёв- ню и ставъ двери отчиняць,—ня 'тчиняютца. Ёнъ и ставъ говорицъ: двери, двери, отдайця дзѣвку! Яны отчинилиси. Ёвня, ёвня, отдай дзѣвку! Ня 'тдаецъ. Печка, печка, отдай дзѣвку! Ня 'тдаецъ. Покуль ёнъ усё пера- говоривъ, пятухъ и запѣвъ. Ёнъ и уцёкъ. А тыхъ одзинанцацъ дзѣвокъ усихъ чисто подушано.

Сѣнно. Отъ кр. Петра Кучинскаго. Также *Гомель*, и др.

По одному варіанту, дѣвка убѣжала въ гумно и спряталась въ ленъ, ко- тораго черти очень боятся. Чертей узнало дитя, бывшее на игрищѣ, по крас- нымъ глазамъ и по хвосту. Какъ доказательство боязни чертей льна, при- водится разсказъ, какъ чортъ, не могшій перетащить кладъ чрезъ полосу, засѣянную льномъ, попросилъ о томъ мужика, пахавшаго вблизи поле. Мужикъ взялъ кладъ, вошелъ въ средину льняного поля и остался тамъ ждать, пока запоютъ пѣтухи. Чортъ тогда пропалъ, а мужикъ взялъ кладъ себѣ.

51. Гуме́нникъ.

(Преданіе).

Мы спрежда были богаты, було у насъ тритцать коняй. Наконецъ того, заступили помѣщики зъ Москвы [1]), осталось съ тритцати три тольки. Тяперака мы приніжали; було намъ отъ помѣщиковъ дужо худо; стали насъ, значитца, во ўси мѣсты потраблять, якъ дѣда, такъ и батьку и матку, и насъ, усихъ на ўси работы. А насъ було шесть братовъ, сёмая сястра. Тяперака отецъ нашъ заскучавъ, потому, ня хватаа намъ на прокормленія. Вотъ разъ, у пилиповку, тамъ бываа празникъ Миколаа угодника, пошовъ батька нашъ посли обѣда затопивъ овинъ, а ўвечари, повячеравши, отправився туды ночавать. Приходя туды уво 'винъ, помолився Богу и лёгъ спать. Скинувъ шубу, поклавъ у голова̀, самъ обпёрся на руку̀ и задумався объ своимъ ходяйстви, што негди чаго ўзять. Удругъ оявляетца къ яму старикъ: куртка чорная, поясъ чорный, а на головѣ ковпакъ. Узявъ батьку за правую руку̀ да й кажа: чаго ты, Автухъ Корнѣявъ, засмутився такъ объ етымъ? У васъ ё богатый чаловѣкъ Аксенъ —богатыръ тогды бывъ—у яго кажа, усякаго добра много ё, ну ў тябе, говора, большъ добра прибудя, ня журись! Батька мой думаа: мусить ето Богъ самъ, учувъ моѐ молитвы! А старикъ тэй вынимаа съ кармана̀ новый ножикъ и кажа „на, разрѣжъ ножикомъ правый мезѐняцъ и капни куды-не́будь каплю своѐ крыви!"—Э, думаа сабѣ батька: дѣло плохо! ето, значитца, нячистая сила. Нѣ, кажа, я етаго ня могу здѣлать! И хотѣвъ ёнъ перахриститца, а *ёнъ* руки держа. „Ну, кажа: коли ня хочашъ дать крыви, дакъ отдай мнѣ тое, чаго ў доми ня вѣдаешъ!" Батька кажа яму: якъ я маю што отдавать: усё своё добро я вѣдаю, и нечаго, кажа, мнѣ отдавать табѣ.—„Нѣ, кажа, отдай, чаго ў доми ня вѣдаешъ!"—Нѣ, ня дамъ!.. Подыходя ето дѣло уже повночь. Якъ налятѣвъ вихоръ, затрещало гумно, собаки забрахали на дяревни и пятухъ запѣвъ—було у насъ трое курей на сѣдали и пятухъ. Дѣдъ той пустивъ тогды батьку и пошовъ за овинную печъ. А за имъ якъ пошли, якъ пошли, дакъ и косматыя, и рогатыя и ўсякія... Выбягъ батька съ овина, ставъ Богу молитца, а шуба на зямлѣ ляжить уво 'вини. Змѣрзъ ёнъ, стоючи, узявъ грабли и давай шубу доставать. Тольки ёнъ яѐ зачапивъ, а дѣдъ вышовъ зъ—за печка да не давать. Той къ сабѣ тягня, а той къ сабѣ. Тутъ запѣли другія пѣвни, дѣдъ сховався за печъ, а батька загробъ шубу и надѣвся. А тутъ и мы пришли зъ работникамы молотить. Развялй тяпло́. Батька й почавъ намъ расказавать. Мы яму

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о первомъ раздѣлѣ 1772 г.

кажамъ, што сёночи родилася у яго дочка, а у насъ сястра. Ну, ёнъ ставъ молитца Богу, што Богъ яго застярогъ, што ня 'тдавъ ёнъ своѐ дочки Гуме́ннику. Тогды назаўтраго позвали попа, отслужили молебянъ и стали спокойно жить. Да такъ, якъ бачишъ, и не разбогатѣли.

Д. Кунторовка, покат. в. рогач. у. Отъ кр. Сергѣя Автухова, 70 л.

52. Гуменникова дочка.

Якъ бывъ у хозяина одзинъ сынъ. И ёнъ усё у ёвню спаць ходзивъ. Тоды тамоцьки улюбилася у яго Гуменникова дочка, чарциха такая, и ёнъ усё хо́дзиць икъ ёй и ходзиць, до самый восени. Бацька зъ маткой тоды дзивютца: што гэто ёсь, што ужо холо́дно, а ёнъ ходзиць туды спаць. А ёнъ кажець: хай сабѣ, мнѣ тамъ лѣпи, якъ тутъ. Ну, яны яго пусьцили; а тоды бацька пошовъ пыдглядываць, што ёнъ тамъ, значитца, дзѣлыець. Приходзиць туды; кыли пыглядзиць у щё́лочку, ажны яны сидзяць удвоихъ исъ паненкый, и паненка уся увубраная у зо̀лыци, и столъ перадъ ими зысланый. Сидзяць сабѣ, пъюць вино, закусыюць. Бацька тоды побѣхъ домовъ и кажець жонцы: ци вѣдыешъ, што сынъ дзѣлыець нашъ? Кылы яго паненка сядзиць уся ў зо̂лыци и дужо пригожая! И матка побѣгла туды и пыглядзѣла. Нызаўтрыго прихо́дзиць ёнъ домовъ, и стали яны у яго спрашуваць: сынокъ нашъ любый, скажи ты намъ правду щирую: съ кимъ ты сядзѣвъ? съ кимъ ты гулявъ? Признайся намъ! Ёнъ тоды каець: татка мой родный, мамка моя родная! сядзѣвъ я зъ Гуменниковой дочкой. Ина дужо у мяне улюбилася и просиць, кабъ яе замужъ зы сябе узявъ,—ина, каець, перакспи́тца! Пошли яны тоды къ попу. Попъ сказавъ, можно перакрсциць. Собрали кумовъ, пошовъ ёнъ яе́ пызвавъ, и перакрсцили; а перакрсцивши, и вясельля згуляли. И стали жиць. И ина яму дужо много грό́шій носила и ўсякыго добра. Ина й работыла якъ на́ськая и на ниву ходзила жаць. Расъ яны жали на поли, ашъ лецяць два круки ды й кричаць: крукъ! крукъ! А йна кажець: до́бро, придзёмъ. Людзи ўси низдзивилиси, и пычали у яе́ пытатца. Ина кажець, што гэто ляцѣли моѐ браты, яны мяне звали на хрезьбины! Ну, пришовши домовъ, ина позвала мужука свойго и пошли на хрезьбины. Гуляли яны тамъ, гуляли, тоды мужикъ яе, видзиць, што рабёшачекъ большій, а родзиха такая топенькая, якъ ёсь найтонѣйшій волысъ; ёнъ и подзивився. Якъ тольки ёнъ подзивився, ина зарысъ и переломилыся. Жонка яго видзиць, што гэто худо, што ёнъ подумывъ гэтыкъ, и кажець яму: лѣсь, подъ дзешку схувайся! Браты яе йскали, йскали, хто гэто подумывъ, и не найшли. Тоды жонка потходзиць къ яму и кажець: вылѣсь скоренько, ды подумый, капъ ина узновъ такая стала, якъ была! Ёнъ

вылѣсъ и подумывъ,—ина ўзновъ и зробилыся такая, якъ была упяродъ. Браты дужо стали рады, што ина отжила, стали ихъ частовацъ, принимацъ.

Сънно.

53. Гуменниха.

... Тутъ, подъ Осиновку (деревня), ё рѣчачка, Прудо̀къ зове́тца. Дакъ тамъ лясы̀ были силныя. Дакъ мужуки завялись тамъ поля раздѣлавать. И ў водны́е бабы дятёночакъ бывъ. Дакъ ето вѣрно ихъ житялство було тамъ: якъ придя ночь, дакъ яны заплачуть, заплачуть,—голосють, якъ во̀ и христяни. Голосъ такій по лясу̀, што Божа, Божа! А коли дожжъ пройдя, дакъ посли дожжа пугамы якъ станутъ хлопать!

Жали яны разъ ячмень по лядо̀хъ. Дакъ, вѣдомо, и ночавали тамъ по гумнахъ. Бабы етыя боятца; дакъ яны на 'винъ поўзлазили: „нумъ, каа, узлѣзямъ на 'винъ, дакъ мы ни звѣра, ничого, ня будомъ боятца!" А тогды звѣра було усякаго: мядвѣди, лоси, козы, свиньни, рыси—пуща была нясходимаа! Отъ яны узлѣзли на 'сѣть, сидять. Ще й ня позаснули, ажъ ось, уходя на токъ женщина, холно прибравшись, прихуходившись, и нясе у рукахъ орѣховый кустъ и свѣчачку съ огнёмъ. Да тымъ кустомъ по току хлопъ! хлопъ!—пуга́а ўже ихъ. „Отъ мы, каа— баба моя казала: тихонячко устали, посѣли кружка̀, а дятёночка того помижъ сябе, и мовчимъ. Отъ яна похлопала, похлопала, и съ кустомъ и съ свѣчкой за вороты.

Д. Болсуны, польс. в. рог. у.

54. Лясунъ.

Живъ бывъ одзинъ чаловѣкъ, и ў яго было два сыны̀. Ёнъ живъ богато и якъ пымправъ, призвавъ старшаго сына и прикызавъ яму̀, капъ пыдзялили усё быгачество поровну, якъ ёнъ помре́цъ. Ну, вотъ, помёръ бацька, старшій братъ и забравъ усё сабѣ, не давъ меньшаму ани ничого. И было у меньшаго брата чецьверо дзяцей, и нечимъ было яму ихъ кормицъ. Расъ панъ пупросивъ гэтаго брата зане́съ отъ яго письмо некуды. Занёсъ ёнъ письмо, идзецъ назадъ, и обнила яго цёмныя ночь сяродъ пущи. Ёнъ узявъ, узлѣсъ на ёлку и занучувавъ. Тольки бывъ задремавъ, чуецъ —нѣхто свищецъ. Пылядзицъ ёнъ, ашъ лясунъ вовковъ гоницъ. Пыдогнавъ вовковъ къ тэй елцы: „а што, каецъ, рабяты, будземъ нучувацъ тутъ!"—Будземъ! Тоды лясунъ вынивъ зъ запазыхи сярнічку, сморгну̀въ яё объ грудзи и ставъ раскладацъ цяпло́, а вовкѝ стали носицъ дровы.

Ну, зыгорѣлыся цяпло, лясунъ вынимаець зъ-запазыхи булку хлѣба. Пыдзяливъ усимъ пы куску, и ящо кусокъ остався. Пóтымъ узявъ сала кусокъ и пыкроивъ усимъ пы кусочку, я ящо кусочекъ сала оставсь. Лясунъ узявъ гэтый кусочекъ сала и говорицъ на гэтыго чаловѣка: „нá, кажецъ, табѣ, чаловѣчакъ, я вѣдыю, ты хочешъ ѣсь!“ Ёнъ каецъ: я боюсь вовкóвъ!—„Нѣ, каецъ, нябось.“ И пыклавъ яму хлѣбъ тэй съ салымъ па сучокъ, на éлцы. Тэй и ѣсь хочецъ и боитца вовковъ лѣсцъ. Такъ и просидзѣвъ цѣлыю ночь на éлцы. А лясунъ перенучувавъ и нызаутрыго пыгнавъ узнова свою стаду—зысвиставъ, зыгогокывъ, пýгый заляскывъ. Пылядзицъ мужикъ тэй, што вовки отышлиси далёко, злѣсъ зъ ёлки, узявъ хлѣбецъ тэй и сало и пошовъ домовъ: „пынясу, каецъ, дзяцемъ: тыя ня ѣвши сидзяцъ.“ Пришовъ домовъ, пыклавъ усё гэто на столъ и пызвавъ дзяцей и жонку. Дыкъ хлѣбъ тэй якъ сонца зьяецъ. И скольки яны яго ѣли, дыкъ ёнъ усё не убываецъ, усё уво 'днэй мѣры.

Увидзила гэто дычка старшыго брата. Побѣгла домовъ и говóрицъ: татычка, якій я видзила хлѣбъ у дзядзьки,—усё рóвно, якъ сонца! Позавидывавъ гэтый братъ бѣдному и пытаетца: „идзѣ ты, братъ, узявъ гэтыкаго хлѣба хорошаго? Я быгатый, и то не маю гэткаго хлѣба!“ Тэй рысказавъ яму усё чисто по правдзи. Зыбрала старшыго брата зависъ. Приходзицъ домовъ и зывялѣвъ жонцы зварицъ яму чаго—нéбудзь на дорогу. Ина ныварила яму, напекла мяса, пироговъ, килбасъ. Зыбравъ ёнъ усё и пошовъ къ брату просицъ, капъ тэй завёвъ яго туды. Ну, тэй узявъ, завёвъ. Тоды быгатый братъ узлѣсъ на ёлку, а бѣдный пошовъ сабѣ домовъ. Давъ Богъ ночь, гоницъ опяцъ лясунъ свою стаду къ елцы къ тэй. „Ну што, рабяты, хочеця нучувацъ, ци нѣ?“—Хочемъ! Ну, лясунъ узявъ сярничку узодравъ и ставъ цяпло рыскладацъ, а вовки стали носицъ ны цяпло дровы. Вотъ, якъ рысклали яны цяпло, лясунъ вынивъ зъ запазыхи булку хлѣба и ставъ кроицъ: усимъ пыдзяливъ по скибцы, а одному нема, не хвацило. Тоды узявъ кусокъ сала и пыкроивъ: усимъ дысталось пы куску, а тому узнова не хвацило. Уси ядуцъ, а тэй нѣ. Тоды ёнъ пытаетца: а мнѣ што ѣсь?—А табѣ вунъ того чаловѣка! пыказыецъ ны богача. Тоды вовкъ подышовъ къ елцы и становитца дубомъ ны яе. А быгачъ тэй ни живый ни мертвый сядзицъ, ня вѣдыецъ, идзѣ ёнъ: ци на тымъ свѣци, ци на гэтымъ. Вовкъ стыявъ, стыявъ, ды выцъ ставъ. Давъ Богъ дзепь, пыгнавъ лясунъ усихъ вовковъ, а тэй стоицъ ли éлки ды выецъ. И такъ гэто провялося уремя нядзѣля. Быгачъ жа хоцъ трасéтца, а килбасы ѣсь, а вовку пришлося худь ты здыхай. Тоды ёнъ повывъ, повывъ, ды дзѣлыцъ нечаго,—побѣгъ дыгоняцъ тыхъ. Тоды богачъ злѣсъ скоренько зъ елки и побѣгъ домовъ. И дужа ёнъ радъ ставъ, што живый остався. По гэтый радосьци пызвавъ къ сабѣ госьцей и су-

сѣдзей. Отъ яны сабѣ бясѣдуюць зъ раньня ды до вечара. Полидзяць, ашъ нѣйкій шѣренькій котокъ убѣгъ у хату. Лѣтнее уремя гэто було, двери были расчиняты. Госьци тыя стали уцѣшатца съ котка, гладзиць яго: во, якій славный котокъ, пригожій. А ёнъ пугулявъ, пугулявъ, ды подъ печь. Пывячеравши, стали яны класьциси спаць. Госьци лягли у пуни на сѣни, а сусѣдзи разышлись пы домахъ, а хыдзяинъ лёгъ ны полацихъ. Якъ заснули уси, коцикъ тэй вылисъ съ подпечча, скинувся вовкомъ, сцёгъ хыдзяина съ пылаць и перагрызъ яму горло, и такъ, пы правдзи скызаць, чуць усяго ня зъѣвъ,—тольки костычки зысталиси. А самъ и ўцёкъ. Давъ Богъ дзень: приходзюць госьци у хату пыхмялитца ды понащитца, ашъ тутъ вунъ што здзѣялыся...

Д. Тютьки, рясн. вол. сънн. у. Отъ кр. **Кирилла Аникіевича.**

...А то матка моя видѣла лясуна, *доброхочаго.* Пастили яны разъ якся овецъ, коло возяра етаго, коло Ковниты (деревня). Яна съ Полѣсься (село) була, матка моя. То жа было, значитца, якъ люди были, урэдныя тыя, говорили. И такъ, на чаловѣка походжи. „Отъ, мы, каа; овецъ пасомъ—уже почало лёдъ ломать на возяры, крыги. Бачимъ мы—такъ иде,—капялюшокъ, брылёкъ бѣлянькій, и етакаа свиточка бѣлянькаа, поясокъ на ёмъ красный, потперязавшись, и етакія—оборы мы зовомъ—раме́нныя, чорнянькія, на ногахъ. Самъ молодый дячучо́къ, росту такъ сярэдьняго. Такъ ёнъ съ крыги на крыгу, съ крыги на крыгу,—лёдъ уже разбиваа. А дѣвка, каа, другаа зирнула. Да була яна такаа языковатаа, слабъ-языкаа. Дакъ яна убачила и ня стѐрпила: „дѣвки, каа, полядитя: бодри̂ла, каа, нѣйкій! бодри̂ла!“ То̀, бутцамъ, хвастунъ—знявага ўже по нашаму. Да сыйчасъ зявнула: хаа!—дакъ такъ ротъ на бокъ и звярнуло! А ёнъ и пропавъ.“

Етый много урэду дѣлавъ. Ну, коли уже распознаетца съ чаловѣкомъ, дакъ будя сходитца зъ имъ на лясу, у поли, и раскажа: „отъ табѣ: тое такъ дѣлай, а тое такъ!“ А ў хату ня по́йдя.

Д. Болсуны рог. у.

Чаловѣкъ у насъ такій—Сухій, прозвища—бувъ. Дакъ охвотникъ бувъ до дярэвья: лазивъ да дѣлавъ у дярэвъяхъ борти ли пчолъ. Дакъ яна оббяре которое, облюбуя, да й садятца (пчолы.). Дакъ ёнъ ишовъ съ плетьтю, зъ етой, што лазять по дярэвъю. Тяперъ яна (лясуниха) зъ имъ стрѣлася. Сустракаетца зъ имъ, кажа: „Сухій, а Сухій! подари мнѣ тое, што ў доми ня вѣдаешъ: о̀тъ, пчолъ табѣ насядя, дакъ насядя!“ Ёнъ думавъ, думавъ—перадумавъ усё: ну, нехай сабѣ,—дарую, каа, што у доми ня вѣдаю! А на тое призабывъ, што яго жонка, съ позволеньня ска-

зать, берэмянна была у тэй часъ. Ну, яны и разыйшлися: ёнъ пошовъ домовъ, а яна сама сабѣ пошла. Тяперака, ёнъ приходя домовъ, а жонка обродилась, да й мальчишкомъ. „Э, кажа: во я штд отдавъ! Тяперака уже ня мой будя!“ *Ц*яперъ, ёнъ живъ лѣтъ десяти, мальчишка тэй. Да такій расте гожій, чистянькій, хлопчикъ тэй. Цяперъ, вѣдомо, дѣти гуляють на вулицы, а ёнъ гулявъ зъ дятьмы. Гуляли яны у цапдчки,—што пдмяжъ ногъ одинъ одному сядятца (въ родѣ игры въ рѣпку). Ёнъ отыйшовся: ну, гуляйтя жъ, кажа, братцы, а я поѣду на мѣсто по бараньки! Якъ поѣхавъ по мосту теразъ возярд, дакъ и тяперъ ѣздя. Тяперъ, къ вечару собралися уже ўси—нема хлопчика. Успдались, шукать, бутцомъ, стали. Шукали, шукали—дакъ яна ўже вяде ихъ: у воднымъ мѣсти знайшли лапотки и рдзочки три; пошли даляй—у другимъ мѣсти знайшли поясочакъ и розочки три; ще даляй пошли—знайшли сорочку и розочки три. Ну, бачуть уже, што ето яна—нихто боляй—примѣты кладе, годи шукать.

Цяперъ, терезъ нядѣлю, ти моо терезъ двѣ, дуба ёнъ оглядавъ. Ажъ яна зновъ выходя къ яму: „Сухій, каа, а Сухій! вотъ табѣ тамъ пчолы понасѣли, вотъ тамъ понасѣли и вотъ тамъ!“ А ёнъ каа: няхрищоная, отдай мойго хрищонаго! Отъ ёнъ яго и ўбачивъ: вяде яна яго за ручку и розочкой сяче усё. А ёнъ кричить: татъ, возьми мяне! татъ, возьми мяне! А яна ўсё сяче. Отъ ёнъ съ того дуба да за ёй, побѣгъ яе́ догонять. Дакъ тутъ загулд, задулд, и деравы́ перадъ нимъ посогинались—дорогу перакратили. Некуды ўже догонять! Тольки жъ ёнъ тоды яго й бачивъ...

Ёнъ тоды богатъ бывъ (ставъ), разбогатѣвъ и—и! А тяперъ и сялиба таа пустаа, и ўнуки и праўнуки горюють,—поразволоклись куды который... Яно ня годитца зь имы знатца.

Д. Болсуны рог. у.

По народному міровоззрѣнію, лясуны, лѣсовики подчинены Юрью, Егорію (Георгію)—завѣдателю звѣрей и птицъ. Они исполняютъ у него обязанности пастуховъ. „У Юрья пастухи у кажномъ лѣси е̇—лѣсовикъ—и надъ звѣрами и надъ птаствомъ. Дакъ ёнъ вышай лѣсу, зъ бородой, съ пугою. И кокохая такъ, якъ пастухи. А прежнія люди бачили, якъ ёнъ ихъ укучи гоняя.

А то разъ заночававъ чаловѣкъ ля огня и ставъ грѣть грѣнку (ломоть хлѣба) Хлѣбъ той яму и отказуя: утякай кажа, зъ етаго мѣста, а то йде, кажа, лясовикъ исъ своими звярми! А ёнъ ужо и кокохая, якъ пастухъ: го-го-го-го! „Я, каа, узявъ да сыйшовъ трохи ў бокъ, кинувъ и огонь той. И чую—трацiть и лопоцiть, гоня. Дакъ и вовки, дакъ и мядвѣди, дакъ и лоси, дакъ и зайцы, дакъ и—Божа, Божа! Страху

я набрався. А ёнъ подогнавъ проти мяне да й кажа: эй ты, чаа ты схovався, ходи сюды! Отъ я подышовъ, дакъ уво мнѣ и души нема. А ёнъ тольки табаки у мяне попросивъ. И пошовъ.“

А то также стрѣвся у лѣси чаловѣку одному. Дакъ бурахтатца стали, выпробовали силу. Дакъ нагородивъ лясунъ грошми.

А ў Яленцы (дер.) нашла двохъ дятёнковъ у лѣси жанщи̇на. Дакъ яна ихъ узгодовала. Лясунъ пришовъ и пытаа: „чимъ тябе, каа, нагородить: ето ты моихъ дятей узгодовала!“ А годы̀ тогды были худыя. Дакъ яна каа: дай ты мнѣ полотна! Отъ ёнъ и давъ ёй сувой полотна. „На̀жъ, кажа: рѣжъ, кольки табѣ трэба, тольки ня развора́чуй до конца!“ Дакъ яна усимъ рѣжа, шія—и дятёмъ и хозяину и сабѣ—а ёнъ усё цѣлъ. Тогды яна жила, жила, а тогды дайся ёй—ти сама ето ўже, ти ёй подделано—узяла да й раскатила. Якъ раскатила, дакъ и кончи̇лося: зрѣзала усё.

Тяперъ лѣсовики сыйшли, а попѐрадъ були. Разъ баба иде по лясу, ажъ голянькій дятёночакъ ляжить. Отъ яна ўзяла, зняла свитку, да яго й прикрыла. Дакъ што ты думаешъ: давъ богъ ёй и грошай и ўсяго.

А то дѣсь подъ Гомъямъ ўкравъ ёнъ люльку зъ дятёночкомъ и заховавъ на бярезину. Тая баба ки̇далась-ки̇далась: а Божа мой! а Божа мой! А ёнъ люльку спу̀скуя зъ бярозы. И вяровокъ няма, и люльку спу̀скуя.

Лѣсовику охвотники, якъ идуць на хвоту, дакъ яму молютца. (См. загов.)

55. Вовколака.

Живъ сусѣдъ съ сусѣдомъ, и ў одного бывъ хорошій садъ. И ўпало зъ яблонки яблочко на дорогу, на зямлю другого сусѣда. Иде ёнъ у гумно, убачивъ яблоко и ўзявъ. Иде назадъ зъ гумна, бача, съ сусѣдскаго гумна звалився на яго гумно соломы снопъ. Ёнъ и снопъ узявъ, на плечи поклавъ, и нясе у своё гумно. Тольки поклавъ у своё гумно, вотъ и здѣлався вовкомъ. Отъ ёнъ сѣвъ за жито и сядить. Пришли сыны яго молотить, и журатца: гдѣ й то нашъ батька? А ёнъ ўсё и чуя. На другій день пошовъ ёнъ къ сабѣ ў пограбъ красти хлѣбъ. Пришовъ у пограбъ, узявъ бо̀хонъ хлѣба и горщокъ сыру, и пошовъ опять у гумно. Сядить да ѣсть хлѣбъ той да сыръ, што ўкравъ у сыновъ. Пошовъ на другій день ў

пограбъ, ажъ нема уже ни хлѣба, ни сыру. Журитца ёнъ: што яму ѣсти тяперака? Пошовъ у пòля и лёгъ у мяжу. Пришли къ яму̀ вовки, повяли яго у̌ пòля съ собой. Бачать яны, што пасутца гуси. Поткрався одинъ вовкъ къ гусямъ и у̌кравъ одну гусь, и нясè яè къ вовкамъ. Тыя жъ вовки стали ѣсти гусь, а вовколака ня хоча сырого ѣсти. Отъ, тыя вовки и говòрать: иди къ ночлежникамъ, да якъ тольки повядуть коняй домовъ, ты на вуга́льляхъ, на 'гнищи, покачай да й ѣжъ! Пошовъ вовколака и стераже, покуда повядути домовъ коняй. Ёнъ тогды пошовъ на 'гнища, спёкъ мясо на вугальляхъ и ставъ ѣсти. Ходили яны, ходили, и повяли яго вучити кòняй ловить. Привялѝ яго къ кòнямъ. Ёнъ якъ бѣгъ, такъ къ кòнямъ и кинувся. Отъ яны отъ яго и у̌тякли. Ти довго, ти нѣ ёнъ бѣгавъ такъ, тольки разъ привяли яго къ кожуху. Ёнъ узявъ кожухъ и напрану̀въ яго на сябе. И ставъ зновъ чаловѣкомъ, и пошовъ у дворъ. Приходя у̌ хату, баба угадуя свойго дѣда и говора: ти ня мой ето дѣдъ? А яны уже поминали яго. Ёнъ говòра: твой! И стали жить, поживать, много добра наживать.

Кормянская вол. гом. у.

56. Вовколаки.

Одзинъ мужикъ искавъ сабѣ такого работника, кабъ служивъ яму дармо. Нашовся малецъ такій: „я, говорицъ, буду служицъ табѣ дармо, покуль у хаци вовки завыюцъ, тольки кабъ ты мяне пускавъ, куды я захочу̀!"—Добро, каецъ, буду пускацъ! Ну, дожили яны до вясны и поѣхали орацъ. Орали, орали,—задумалося мальцу ици домовъ. Тоды ёнъ кажецъ: дзядзька, дзядзька, пойду я домовъ?—А пдзи сабѣ! А гэтый малецъ бывъ такій прамудрый, и ёнъ вѣдавъ, што къ ходзяиновой жонцы дзякъ ходзицъ. Ёнъ прибѣгъ домовъ, а ходзяйка ужо схувала дзяка на хаци, у коробъ, што ссыпали пшаницу. Малецъ прибѣгъ у хату ды й кажецъ ходзяйцы: цётка, цётка! Мнѣ дзядзька казавъ, кабъ я скинувъ съ хаты коробъ, што ссыпали пшаницу.—На што ёнъ табѣ?—Ды треба просушицъ да ссыпацъ пшаницу!—Во, дурень ты: коли тая ящò пшаница,—ящò тольки орецё? Ну, малецъ полѣзъ на хату, ды якъ кинецъ тэй коробъ зъ дзякомъ! Дзякъ звалився, ды выскочивъ съ короба, ды домовъ. А малецъ побѣгъ сабѣ орацъ. На другій дзень узнова поѣхали орацъ. Орали яны, орали, опяцъ малецъ проситца у ходзяина домовъ. Приходзицъ домовъ, и ходзяйка увидзѣла яго уво 'кно ды скоренько дзяка подъ печь. Уходзицъ тэй малецъ у хату и говорицъ: цётка, цётка! мнѣ дзядзька казавъ подпечча забицъ!—Дурень ты, на што яго забивацъ? Мы яго ни разу не забивали!—Ну, мало-што, каецъ: мнѣ дзядзька сказавъ, дыкъ

треба забиць! Нацигавъ дровъ, наклавъ повно подпечча и забивъ дошкой. Побѣгъ ёнъ на ниву, а ходзяйка чуць-ня-чуць вынила дзяка съ подпечча. „А што, каець: якими ты заўтра волами орaць будзешъ?"—А одзинъ волъ, каець, бурый будзець, а другей рáбый! Назаўтраго ина напекла ладыкъ, помокала у сметану и нясець на пóля. А малецъ здзѣвъ армякъ и накрывъ имъ вола; а на другого самъ вярхомъ сѣвъ. Ходзяйка увидзила бураго и рабаго вола и приходзиць къ имъ. Мужикъ тэй низдзивитца, што николи гэтаго ня було, кабъ ина ладки на пóля носила. Сѣли яны ѣсць ладки, ина говориць: треба було кума позваць! Тоды ходзяинъ каець па мальца: „збѣгай, гукни яго!" Малецъ схапивъ ладыкъ ды й побѣгъ гукаць дзяка. Ды бѣгучй усё раскидыець по 'днэй ладцы. Покуль прибѣгъ къ дзяку, пораскидавъ уси ладки. „Уцекай, каець: дзядзька табѣ дась!" А самъ и побѣгъ ныздадъ. „Дзядзька, дзядзька, ёнъ казавъ, кабъ ты самъ пы яго пришовъ!" Пошовъ ходзяинъ, увидзивъ ладки и пычавъ собираць. А дзяку здалось, што ёнъ собираець каменьня биць яго. Спужався, отпрогъ вола, ды нутку уцекаць у лѣсъ. Мужикъ бяжиць услѣдъ за имъ ды кричиць: пыдожджи, кумъ! А тэй думаець: уцекай, бы дамъ! И ўцёкъ. Вярнувсь мужикъ, сѣли, побѣдали. Ходзяйка увязала горшки и пошла домовъ. А малецъ забѣгъ нацяньки наперодъ, улѣзъ у выгорѣвшій пень и жджець. Тольки ина подыйшла, ёнъ кажець: „ты, каець, навари смашную вячеру, кабъ яны объѣлиси. Тоды яны помруць!" Ина ўзрадовалась, пришла домовъ, стала вячерыць вариць. Наварила ўсяго смашнаго, да ўсяго помногу. Пріѣхавъ ходзяинъ изъ мальцомъ и сѣли вячераць. Малецъ и кажець: „дзядзька, дзядзька! ты дзѣлай тое, што я буду дзѣлаць!" Ѣли, ѣли яны, тоды малецъ заровъ и повалився на лавцы. За имъ и ходзяинъ заровъ, и повалився. Ходзяйка рада, што яны поўмирали, побѣгла за дзякомъ. И стали яны пиць, ѣсь, гуляць. Гуляли яны, гуляли почаловѣччу, зыхоцѣлося имъ пыгуляць пыкозинуму. Обярнулиси козами и пычали ящо гуляць. Гуляли, гуляли, зыхоцѣли гуляць пысобаччу. Обярнулиси собаками и пычали гуляць. Ныгулялиси пысобаччу,—зыхоцѣли гуляць пововчу. Обярнулиси вовками и пычали гуляць. Дзякъ тэй узявъ и завывъ пововчу. Якъ тольки ёнъ завывъ, малецъ сычасъ и ўскочивъ: „дзядзька, дзядзька, досыць мнѣ ужо у цябе служиць: вовки ў хаци ужо завыли!" Тоды ходзяинъ ухапивъ палку ды якъ пычавъ ихъ биць... Яны и побѣгли съ хаты у лѣсъ. И стали вовколаками.

Д. Овсище, сѣнн. у. Отъ кр. Ѳедоса Климовича, негр.

57. Браты вовколаки и сестра.

Живъ дзѣтъ зъ бабый, и було у ихъ три сыны и одна дычка̀. И

помёръ ихъ бацька. Тоды матка и дычка стали плакыць пы своимъ *бацьку*, а сыны стали скыкаць. Матка лежала, лежала на печы, а тоды стала сваритца на ихъ; луччу було пъ мнѣ на сто вовковъ пылядзѣць, нячимъ на васъ! Тоды сыны стали вувками и побѣгли ў лѣсъ. Тоды матка зъ дочкой схували бацьку. Пожыли яны троху, стало имъ скушно. Тоды дычка кажыць матцы: пойду шукаць своихъ братовъ! и пышла. Идзи, идзи, и пришла у пущу. Видзиць, стоиць тамъ хатка ны куринный нощцы. Пришла у хатку, никого нема ў хаци. И зыхоцѣлысь ёй ѣсь. Ина стала шукаць ѣсьци, пылядзѣла у печъ и нышла тамъ три горщочки. Ина выстывила исъ печы одзинъ горщочыкъ, троху зьѣла—не подъѣла. Выстывила другей—троху зьѣла—не подъѣла. Выстывила третьцій—троху зьѣла—подъѣла. Тоды пыставила горшки у печъ, а сама подлѣзла потъ печъ и сѣла. Тоды чуецъ—идзéць нѣхто. Ина дали подлѣзла и глядзиць у щелучку. Видзиць, пришло ў хату три вовки, и раздзѣлиси, шубы пыскидали, и стали паничами. Два паничы меньшихъ сѣло, а третьцій бóльшій ставъ выстувляць съ печы горшки. Вынювъ одзинъ горщокъ—няповный. Ёнъ тоды каецъ своимъ братомъ: нѣшто нашъ горщокъ няповный! Тоды вынювъ другей горщокъ,—и другей няповный. Тоды ёнъ каецъ: у насъ сяньни нѣхто ёсь! Яны кажуць: можа яны такъ чаго няповны! Ёнъ имъ на гето ничого не скызавъ, выстывивъ и третьцій горщокъ. И третьцій няповенъ. Тоды ёнъ кажыць: ,,нѣ, нѣхто ёсь, пушукаемъ!" Яны тоды говоруць: хто ё ў насъ, вылѣзай! А то послѣ обѣда зьядзимъ! Тоды ина вылѣзла съ потпечча и пышла. Ну, яны увознали яе и пысадзили съ собой обѣдыць. Ѣла, ѣла ина, тоды звалилыся у яе лошка. Ина стала подымаць лошку и ўвидзѣла у ихъ хвосты вовковы. Ина спужалыся и не стала ѣсьци. Тоды яны говорюць: чаму не яси?—Дзякуй, подъѣла, ня хочу! Тоды яны говорюць ёй: бяжи, не далёко стоиць липина; узлѣсь на липину и сядзь тамъ. И семъ годовъ не гувори и не плачъ. Тоды мы къ табѣ вернемся!.. Ина побѣгла, узлѣзла на липину и сѣла. Видзиць, бягуць тыи вовки. Прибѣгли къ липини и пычали липину грызць. Грызли, грызли, зубы пыломали, и побѣгли у лѣсъ. Кылы тыѐ липины ѣхывъ пѣйкій панъ. Увидзивъ подъ липиный огонь, и зыхоцѣвъ пукурыць, и пыславъ свойго кучыря зукурыць пупироску. Тоды кучырь зукуривъ пупироску и говориць: сядзиць на липини паненка пѣйкая, дужо пригожая. Панъ кажыць ны яго: дыстань мнѣ яе! Кучырь полѣсъ и дыставъ. Тоды панъ узявъ яе къ сабѣ у буду и поѣхывъ. Прибѣгли тыи вовки, пылядзяць—нема сястры. И побѣгли зы панымъ. Дыгнали пана и стали буду ирваць. Панъ ставъ стрыляць, и уцякли у дзяревню, а вовки вярнулися у лѣсъ. Панъ гетый бывъ нежынатый. Ёнъ пріѣхывъ и зыхоцѣвъ изь ёй жанитца. И патаетца: ци пойдзешъ ты зы

мяне? Ина мовчиць. Тоды ёнъ кажыць своей матцы: буду зь ёй жанитца! А йна кажыць: якъ ты будзешъ жанитца, кыли йна нѣмая.—Ну, хай сабѣ! ожанюся! И поѣхывъ пувѣньчався. Пріѣхывъ домовъ—ничого не кажыць жонка. Тоды матка кажыць: а што, я табѣ кызала не жанитца. А ты ожанився,—цяперь и жыви, якъ хочышъ. Прожывъ ёнъ готъ, прожывъ и другей, на третьцій готъ родзіла ина сына. А його ня було у дворѣ, пошовъ ны охвоту. Матка тая узила, зарѣзыла рябёшычка и пумазыла нявѣстцы витъ (лицо) кровъю, а дзяцёнка пытъ подмосьця кинула. Пришовъ панъ съ охвоты, матка кажыць: вотъ, глядзи, сынокъ! Я табѣ кызала не жанитца, а ты не послухывъ, вотъ такъ и жыви!—А што? —А идзи пылядзи, што ина здзѣлыла! Пришовъ ёнъ къ жонцы, ажны ина родзила и зарѣзыла дзяцёнка. И мовчыць, и не плачыць. Тоды, чырезъ готъ, пошовъ ёнъ узнова ны охвоту, а жонка родзила. Матка узнова зарѣзыла дзяцёнка, а яѐ пумазыла кровью. Пришовъ сынъ съ охвоты, матка яму и кажыць: а што, я кызала: не жанись. Пылядзи, што ина здзѣлыла! Ёнъ опяць пришовъ къ ёй. „Што гето ты здзѣлыла?“ А ина мовчыць, и не плачыць. Ну, ёнъ ничого ёй ня здзѣлывъ. Пошовъ ёнъ чырезъ готъ ящо ны охвоту, а ина узновъ родзила сына. Матка узила, зарѣзыла и гетыго. Пришовъ яѐ сынъ исъ охвоты, ина яму й скызала. Ёнъ на гетый разъ усердзився и ставъ свою жонку биць. А ина мовчыць. Ёнъ тоды зывялёвъ здзѣлыць цыгунную печъ, и ўкипывъ жонку у печъ и запёръ тамъ. Ашъ икъ-расъ вышло семъ годовъ. Приходзюць яго швагры и яе браты и патаютца: ци тутъ наша сестра?—Тутъ, али йна помёрла ўже!—Ну, пыкажы, идзѣ ина? Повёвъ ёнъ ихъ туды. Яны рызломали печъ, ина й вылёзла съ печы, и жыва. Тоды браты стали рады и стали спрашувацъ у сястры: якъ ина пупала у печку. Ина рыскызала имъ, што матка рѣзыла дзяцей моихъ и кидала пытъ подмосьця, а мнѣ ня можно було гыворить. Тоды отчынили подмосьця, ажъ тамъ дзѣци живэя, и бо́льшынькій дзяржіць меньшихъ. Ну, тоды матку привизали къ коньськимъ хвостамъ и пусьцили ко́ній у по́ля.

Д. Мелихово, сьнн. у. лапттгов. в. Отъ кр. Максима Шаренды.

Много варіантовъ. Сыновей бываетъ двѣнадцать, ровны ростомъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. Мать приказываетъ имъ ѣхать къ обѣднѣ. Они встали, умылись, причесались и побѣжали въ стайню. За одного коня всѣ ухватились, поссорились, побились-подрались и разошлись. И въ церковь не поѣхали. Мать въ досадѣ сказала: ахъ, кабъ жа вы вѣкъ такъ дрались! Они сейчасъ превратились въ волковъ, стали грызться и убѣжали.... Сестра бываетъ нѣмою три года. Послѣ липины она взлѣзаетъ на ель для ночлега. Панъ снимаетъ ее съ ели. Дѣтей убиваетъ га-

дыня. Павъ два раза подкупаетъ судей и избавляетъ жену отъ наказанія, но за третьимъ разомъ ей надѣли уже камень на шею и повели топить. Тогда она крикнула: ахъ, братцы, вы мяне ратуйця! Прибѣжало двѣнадцать волковъ, въ воду—бухъ! бухъ! и тащатъ ее изъ воды двѣнадцать молодцовъ, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ. Тогда гадынѣ камень на шею да въ воду.

58. Браты-птушки и сестра.

Живъ сабѣ дзѣдъ зъ бабый. И було у ихъ три сыны. Вотъ, нѣшто було большое свято. Пошли яны у цэркву и тамъ пысварилиси за нѣшто и стали битца. Тоды матка увидзѣла, што яны бьютца ў свято, каець: ахъ, капъ вы, моё сыночки, такъ цѣлый вѣкъ свой билиси, якъ вы цяперъ бъецёсь! Такъ яны сычасъ подзѣлылиси птушками и пыляцѣли. Лецяць и бьютца крыльлими, лецяць и бьютца. Пылядзѣла, пылядзѣла тая матка, али што шъ ёй дзѣлаць? Свойго ёй слова не вярнуць! Заплакала, ды й пошла домовъ. Тоды, гэто ўжо съ тыхъ поръ якъ яны пыляцѣли, пройшло ужо годовъ зъ дзевяць. Вядомо, скоро сказка кажетца, ды няскоро дзѣло дзѣетца. Родзилыся у ихъ ще дычка. Выросла тая дычка большая, стали ёй людзи кызаць, што у яе було три браты, али матка прыклила ихъ, дыкъ яны здзѣлылись птушками и пыляцѣли. Дычка тая тоды стала пытатца у матки: ци правда гэто, што у мяне було три браты?—Правда, каець, дочушка!—Ныпячи шъ мнѣ, мамка, пироговъ, и дай мнѣ хлѣба й масла,—я пойду ихъ шукаць! Ну й пошла. Ици дыкъ ици, ици дыкъ ици, можа годъ, а можа два годы, видзиць передъ собою большую хату. Увыйшла ина у тую хату, ажны нема никого, и ны столѣ три талерки стоиць, и ли кажныя талерки лыжечка ляжиць и скибычка хлѣба. Тоды ина залѣзла за печку и сядзиць тамъ. Сидзѣла, сидзѣла, ажны прилетаюць три птушки. Якъ уляцѣли, сычасъ скиныли съ сябе перъя, и стали такими мылойцами! Сѣли яны, пывячерали и лягли спаць. Ина тоды вылѣзла зъ за печи, увознала, што гэто яѐ браты. Обнила ина старшаго брата и стала надъ имъ плакыць. Плакыла, плакыла, ды ўзновъ пошла за печку и стала Богу молитца. Назаўтраго устаюць браты, и гэтый, большій, братъ говбрыць: „што я, братцы, сяньни спивъ! Здаётца, што у насъ дома ёсь сестра, и ина надо мной плакыла сеночи!“ Ну, тоды яны поспѣдали, надзѣли ны сябе перъя и пыляцѣли. А ина выскычила зъ за печи ды й глядзиць у вокно, куды яны пылецяць. А яны ўсё лецяць и бьютца крыльлими. Тоды захоцѣлося ёй ѣсь. Ина ўзяла отломила кусочакъ хлѣба у большаго брата и зъѣла. А сама узновъ сѣла за печку и сядзиць. Увечари прилетаюць яны узновъ

утроихъ. Скиныли съ сябе перъя и сѣли вячерацъ. Пылядзяцъ, ашъ у старшаго брата отломлено кусочакъ хлѣба. Што гэто, думаюцъ: никого у хаци нема, а отломлено кусочакъ хлѣба? Ну, пывячерали, лягли спацъ. Ина тоды вышла зъ за печки и стала плакыць надъ сяреднимъ братомъ. Поплакыла, поплакыла и пошла узнова за печку и стала Богу молитца, Нызаўтраго прошнулиси яны, вотъ сяредній братъ и говрицъ: ци вѣдыеця, братцы, што я сяньни снивъ? Здаетца, бытто наша сестра надо мной плакыла! Ажны вотъ трошку кошуля моя мокрая! А того ня вѣдыюцъ, што ина у хаци у ихъ ёсь. Ну, тоды поснѣдали, перъя на сябе надзѣли и пылящѣли. Ды ўсё бъютца! ды ўсё бъютца! Зыхоцѣлось ёй ѣсь. Ина ўзяла, отломала ковалычакъ хлѣба у сярedняго брата и зъѣла. Полѣзла узновъ за печь и сядзицъ, Богу молитца. Увечари прилетаюцъ яны зновъ. Скиныли перъя, сѣли вячерацъ. Пылядзяцъ, а ў сяредняго брата ковалычакъ хлѣба отломлено. „Нѣ, каецъ, братцы, нѣхто ёсь у хаци!“ И стали шукацъ. Алитку не нашли и лягли спацъ. Тоды ина вылѣзла зъ за печки, подышла къ мéньшому брату и стала плакыць. Пыголосила, пыголосила, и зновъ пошла за печь, и стала Богу молитца. Нызаўтраго устали яны, и гэтый ужо, меньшій, братъ говорицъ: што я, братцы, сеночи снивъ? Што здаетца, наша сестра надо мной голосила, ашъ вó дзѣ кошуля троху мокра! Пыговорили, пыговорили ды й поляцѣли, бъючись. Ина отломила кусочакъ хлѣбца у меньшаго брата, зъѣла, ды й пошла за печку. Сядзицъ, ды ўсё Богу молитца. Увечари прилетаюцъ яны; скиныли перъя и сѣли обѣдацъ. Кыли пылядзяцъ, ашъ у меньшаго брата отломлено ковалыкъ хлѣба. Тоды стали яны говрицъ пóмежъ собой. Большій говрицъ: я, капъ яѐ цяперъ увидзѣцъ, дыкъ бы тыпоромъ засѣкъ! А сяредній говорицъ: я яѐ бъ нджомъ зарѣзывъ! А меньшій говорицъ: а капъ я яѐ цяперъ увидзѣвъ, дыкъ бы дужо бывъ бы радъ! Ина тоды зъ за печи выскычила, опщапила яго и стала надъ имъ плакыць. Ну, яны и ўси стали рады, стали плакыць. Тоды ина стала просицъ ихъ: ходзиця вы домовъ! Васъ дужо просила мамка и татка! А яны кажуцъ: тоды мы будземъ твоѐ браты, и пóйдземъ домовъ, якъ ты отбудзешъ три годы нѐмой! Усклали яе на своѐ крыльля и занясли яе у вяликую пущу. Киныли яé тутъ, у гэтый пущи, а сами пыляцѣли, куды имъ треба було. Нѣшто, одного дня, ходзивъ по гэтый пущи король по полюваньню изъ лакеемъ съ своимъ. Сыбаки гэтыго кыроля нашли гэтую нямую и стали ны яé брахáцъ. Пославъ король лакея пылядзѣцъ, хто тамъ ёсь. Лакей сходзивъ пылядзѣвъ, и кажецъ: нѣйкая кабета сядзицъ ны яблыни; дужо пругожая, али ничого не говорицъ. Пошовъ тоды пылядзѣвъ король самъ, и яна дужо яму ’подобалася. Ёнъ вялѣвъ зняцъ яѐ оттуль и поцулувавъ, а тоды узявъ къ сабѣ домовъ и ожанився зъ ёй. А ина якъ была нѣмая, дакъ и ёсь.

Тоды матчиха гэтыго кыроля ня ўзлюбила яе, што ёнъ зъ нямой ожанився. Стала ина яго подбивацъ, стала прознущацъ, капъ якъ-ни-якъ яе перавесць. Прошовъ одзинъ годъ, и другій годъ, а на третьцій ина яму говорицъ: што хочешъ, тое зъ ёй здзѣлай: ци на 'гни спали, ци звязи, капъ тольки моé вочи ня видзѣли яе! Ну, дыкъ вѐдомо: и жонку жалко и не послухаць матчиху ня можно. Узявъ зывялѣвъ слугамъ раскласць цяпло и ўкиныць яé уво 'гонь. Ну, укиныли яе расъ уво гонь,—ина перакацилыся чаразъ цяпло, и ничого. Тоды другій разъ укиныли, ина зновъ перакацилыся. Перапужались уси: Господзи, тутъ нѣшто ёсь! Алитку раскопали жаръ и ўкиныли яе третьцій разъ. Ина ўзновъ выкацилыся съ огня. И ўсё мовчицъ. Тутъ сычасъ приляцѣли яе браты, узяли яе на крыльля и понясьли домовъ. Принясьли домовъ и здзѣлылиси людзьми. Бацькі ихъ стали дужо рады. Изъ гэтый радысьци упилиси. И я тамъ бывъ, мёдъ —вино пивъ, по бородзѣ цякло, ды ў губу не попало.

Черейск. вол. сѣнн. у. Отъ мѣщ. Буткевича.

59. Вовколака.

(Преданіе).

Да вотъ я, що говорѝть далéко, сустрѣвся съ однымъ чаловѣкомъ который вовколакомъ бувъ. Ето було годовъ, моо, пъять тому. Иду я лѣсомъ дли Неўкли, городницкага уѣзду, чарниговськія губэрни. А проти мяне иде чаловѣкъ, страшный, прастрашный, и вочи яму покосило и видъ повраждонъ. Я питаю: що сто ты чаловича, такій повраждоный? А ёнъ отказуя: да, братъ, будяшъ повраждоный, якъ вовкомъ кольки-годъ побигаешъ!—Дакъ няўже ты вовколакомъ бувъ?—Да бувъ жа!—А, братъ, раскажи, якъ ето дило було! Ну, зайшли мы ў шинкъ, випили по восьмушцы, отъ ёнъ менѣ и расказавъ. Попянявся, кажа, я, посварився съ сусидкой. Крывъ я гумно свое и скинувъ якся солому, кольки тамъ сноповъ, на яѐ конопли. Яна кажа: ты мнѣ поломавъ конопли! А я ку: хиба жъ я хотѣвъ? ето Богъ такъ давъ! Хоть, кажу, и на судъ подаси, дакъ и судъ ничого мнѣ ня здилая! А яна кажа: „добро, будяшъ ты знать судъ: я тябе сама разсуджу!“ Ну, попянялися мы такъ, посварилися, да й усё, и байдужа. Чаразъ нядѣлю поѣхавъ я съ кумомъ на млинъ. Побулй на млини, ѣдомъ назадъ. И стали мы коняй попасувать. И мнѣ стало такъ на серцы тошно, такъ нудно; и захотилось мнѣ вотъ небэзпрамѣнно чаразъ хомутъ пролѣзти. Якъ я пролѣзъ, такъ и ставъ вовкомъ, и побигъ. И бигавъ, братяцъ ты мой, я три годы безъ вовковъ, одинъ, а на чатвёртый яны уже приняли мяне ў гуртъ къ сабѣ. И би-

гавъ я зъ ими ўмисти, и такъ. Разъ апостолъ Юрай приказавъ намъ рабаго коня зъисть. Дакъ ёнъ намъ пахъ за сто въёрстъ, якъ непача чаловику жа́равое. И бигли ми за етымъ конёмъ сто въёрстъ, и другихъ ня трогали, якъ ня приказано. Зъили того коня, и подъивши, цылую нядилю не хотѣли исть. У другій разъ захотѣли мы исти, дакъ вовки и послали мяне ў стаду, идѣ чарадникъ пасъ чараду̀. Я прибигъ, поросёнка узявъ. А чарадникъ кажа: „эй ты! що жъ ты ўзявъ бязъ спросу?" Дакъ я й ставъ, и ни зъ миста. Окружнуся, дыкъ вы̀кругъ яма. Вовки кричать: ки́дай да ўтякай! А мнѣ нѐкуды утякать. И стою я, покуль чарадникъ пришовъ да сказавъ: кинь! Тоды я кинувъ, а чарадникъ узявъ, пугу парагнувъ у кольки кратей, и ўдаривъ мяне дванатцать разовъ. И такъ, што на мнѣ шкура объихала вовчая. Я й здилався чаловикомъ, тольки повражонъ видомъ и ўсимъ. А чаловиччія пищи, дакъ никія не хотивъ, окромъя мъяса. Дакъ во́ якъ баба поддилала!

С. Марковичи, гом. у. **Отъ кр. Филиппа Иванова.**

Неударяемое *о* чаще слышится; *ѣ* иногда произносится какъ *и*; *ы* послѣ губныхъ произносится какъ *и*.

б) Живъ у лѣси лясничій зъ жаной, и бывъ у ихъ маляныкій хлопчикъ. Разъ пошовъ ёнъ лѣсу глядѣть, а молодица пошла по грибы. Пошла яна по грибы, а хлопчикъ на печи сабѣ сядить, гуляя. Ажъ приходя ў хату вовколака, да прамо подъ печь. А хлопчикъ спугався, сядить. Приходя молодица зъ грибовъ; ёнъ радъ такъ: мамочка, говора, къ намъ хтось пришовъ у хату и полѣзъ подъ печь. Матка кажа: „да нѣ, мой сынокъ, хто къ намъ придя?"—Нѣ, пришовъ!—„Да брѐшашъ!" Ну, тогды яна затопила печку, штобъ зварити грибы, а вовколака лѣзя съ подпечча. „Грѣй-ка варъ!" Яна приставила чугунъ, вода й закипѣла. „Шукай но̀чавъ!" Яна принясла. Ёнъ уливъ варъ, стягнувъ хлопчика съ печи да яму вару на вочи. Ёнъ и опаривсь. Тогды вовколака подыйшовъ зъ имъ къ столу, скатарку шибнувъ подъ ноги, хлѣбъ у порогъ. Поклавъ хлопчика, порѣзавъ и ставъ ѣсти. „Иди, кажа, ѣжъ!" на матку. А яна, звѣстно, ня йдѐ. Ёнъ за яѐ, руки назадъ, да храстомъ и прибивъ. А самъ и пошовъ у лѣсъ. Молодица тая й помёрла. Пришовъ лясничій домовъ, бача, што безъ яго надѣлалось, и ўтёкъ, и парайшовъ у сяло жить.

С. Перероетъ, гом. у.

Вовколаки семъ годъ ходють. Ето терманъ имъ.

60. Вовколаки—сваты.

Живъ сабѣ дѣдъ да баба, и була у ихъ дочка Мо́тра. Яны поѣхали у мэдъ на Миколу, а яна осталась дома сама. Пришли къ ёй три хлопцы. Ня хлопцы, а вовколакы прамо такія. Яна посадила ихъ на лавцы, и стала хату месть. Мяла̀ хату и ўбачила, що ў ихъ е́ хвосты. Яна сяйчасъ побигла съ хаты ўжо у комору, и ўзяла сабѣ коску туды, и ножъ, и пѣвника, и котика. И яны стали уже туды, подъ комору, подлазить,— тамъ була малѐнькаа дирочка. Ёнъ—цыть-ка, я, братъ, усаджу рукў! Яна яму ўзяла одрызала руку! Пѣвникъ—кукарѐку! А кошечка—кавъ!— Цыть-ка, кажа, усаджу головў, дакъ достану яѐ! Усадивъ голову, яна узяла и голову одрызала! Яны и пошли: и етаго понясли, що бэзголовій.

Пріихали тогды яѐ батькѝ. Яны пріихали къ имъ у сваты, вовколакы тыя, дочкў сватать. Яна плача: ня 'тдавайтя, кажа: ето ня люди, ето вовколакы! Яны ёй вѣры не понялѝ, узяли яе отдали. Пріихали вянчатца; повянчались, повязли яе́. Ѣхали темнами лясами, ницами лозами,—тамъ стояла збушка. Яны ў тую збушку, тамъ сядить баба—яга, костянаа нога. „А! ты таа сукина дочка, що моимъ синочкамъ ногы та голови подрыза́ла!" И ў яе́ три нявѣсткы було. „Забивайтя, моѐ синочки, у бочку гвоздя, а ви, мое́ нявѣсткы, грэйтя варъ!" Яны ўзяли, гвоздя позабивали, а нявѣсткы варъ поналивали, а яе́ по водў послали. Одна ёй сказала: „иди, и ўсэ свое́ тамъ поскидай и прибяры пня во ўсэ у свое́, у оде́жу усю, сама утякай, якъ мать народила!" Яна пошла, оде́жу съ сябе скинула, пня прибрала и побигла у лѣсъ. Яны воды ждали—ждали: ня воды, ни яѐ,—ни Мотры тыя. Прибигли туды—няма, и опъять побигли домовъ. Баба яга сядить и каа: запрагайтя ко́няй и ѣдьтя догонять яе́! Яны ихали, ихали лясами,—ня найшли яѐ: яна схovалася отъ ихъ. Параночавала яна ўже на со́сни: ни яны яе́, ни яна ихъ ня бачила. Назаўтраго устала,—вязе́ староенькій дядокъ бучкѝ, що съ пчалами були, —бучкѝ. „Дѣдка, мой татка, сховай мяне у бучокъ!" Ёнъ яе́ узявъ и сховавъ. „Да вязи къ мойму батьку: у яго тамъ новія вороты! Дакъ ты и попросися на ночь!" Ёнъ яѐ узявъ, сховавъ, повъёзъ къ батьку къ яе́. Пріихавъ туды,—„пустития, каа, мяне на ночь!"—Нѣ, дѣдочка,—у насъ тутъ негди: у насъ вясельля, каа, дакъ негди!.. Бачь, за туу за самуу дочкў щѐ гулять. А яна ўже утякла отъ ихъ. Ёнъ кажа: „да ничо́го, я й подъ лавкой параночую! Ахъ, ня пускаетя жъ ви мяне, я жъ вашу доньку привъёзъ!" Яны тогды яго узяли, сяйчасъ коняй у дворъ увялѝ, яѐ виняли ужѐ зъ бучка съ того. Сяйчасъ яе у комору; прибрали яѐ у хорошу оде́жу. А тыя ўжѐ самія вовколакы пріихали. Ихъ прогнали, сами жить стали, жить, поживать, да добро наживать.

С. Ст. Юрковичи, гом. у. Отъ кр-ки Вусти Хведоровой, негр. 20 л.

61 Казошникъ и пѣсяльникъ.

У насъ вó, вѐдомо, такъ поводитца, що якъ бываа якаа бясѣда, дакъ богатаго садять на кутѣ, а убожчаго ля печки садять. Дакъ вó разъ було—одна бясѣда. Богатыхъ посадили на кутѣ, а убожчихъ ля печки. Богатый, сѣдячи на кутѣ, пѣсню запѣвъ, а убожчій, сѣдячи ля печки, казку зачавъ. И кинули уси пѣсню слухать, а къ казцы уси подышлѝ. Богатый говора: що ты за дуракъ такій, латышникъ ты, ты попавъ брахню и брешашъ, и уси къ таби кинулися, твоѐ слухати брахни! А убогій каа: нѣ, твоя брахня, а моя правда!—Давай у залогъ!—Давай! Ежали моя брахня, дакъ я йду на смерть! убогій каа. А ежали твоя,—я тябе выгоню съ твойго имушаства! И ўзялись за руки и росписались за ето. И пошли до трохъ судовъ. Уво 'динъ судъ пришли и показали, объ чомъ позывъ у ихъ é: той объ казцы, той объ пѣсни,—чія правда é: ти моя казка правда, ти моя пѣсня правда? Тамъ ихъ ня разсудили: ня могóмъ мы васъ судить ня знавши. Идѣтя до бóльшаго суду! Пошли; и тамъ признали, показали казку и пѣсню. И тамъ сказали: мы васъ ня могомъ судити, а йдѐтя ў лѣсъ, тамъ è востровъ и óстяка тамъ хыжѝна, и ў той хыжѝни é чаловѣкъ. Той васъ разсудя!.. И пришли яны къ ямỳ, и подали ямỳ вописи, той свою, а той свою. Да. И ёнъ прочитавъ, и повялѣвъ имъ: ложись ты, богачъ, пузомъ на зямлѣ, а ты, убогій, верхи на яго садись! Слухай ты, богачъ, пузомъ лéжачи, а ты, ўбогій, верхи сѣдячи. Се ня казка, а правда.

Живъ я ў свойго батька одинъ сынъ. Дакъ жанивъ мянэ батька малолѣтнаго, а жонку за мянэ ўзявъ у сувяршэнныхъ лятáхъ. Дакъ яна мянэ и ня ўзлюбила, да здѣлала мянэ собакомъ. Да спасибо ёй и за тоя, що здѣлала собакомъ да ня прóстымъ,—чапурнымъ и хорошимъ собакомъ. Дакъ я побигъ у городъ икъ знáямому купцу и ставъ яму вѐрно служить. И ёнъ подававъ менѣ пищь хорошуу. А ў томъ городи унадились вовколаки. Вы̀яли увесь скотъ дажа, чаразъ ночь, чаразъ двѣ выяли увесь скотъ, тольки остаéтца у того купца уже, дѣ той собака. И ўзяли закутали яго у хлѣвъ исъ скотомъ умѣсти, собаку. Дожидаамъ ночѝ, дакъ и поткапуятца уже вовколаки. А я й чую, говора. И ўзявъ, тольки ёнъ показавъ головỳ, дакъ я якъ ухапивъ за шію, да почавъ давить, дакъ такъ и задавивъ, и ўтёгъ у хливъ яго няживóго. Дрỳгій показався, дакъ я й дрỳгаго такъ. Трэйтій показався, дакъ я тольки вухо отъѣвъ, да й пустивъ того. Назаўтра пришли поглядѣли, ажъ ляжать два вовки у хлѣви. Тó и—дужо узрадовалися яны—тó мянэ жалѣли, а тó ще й луччай. Ня тольки той ходяинъ, а ўси гражани жалѣять мянэ объ тымъ злучàи.

И дозналася жонка, що менѣ добро жити, и здѣлала мянэ веробъёмъ.

Да спасибо ёй и за тоя, що здѣлала ня прдстымъ,—чапурнымъ и хорошимъ. Я ўлѣтку живъ, дакъ менѣ дббро було: куды схдчу—полячу, дэ схочу—тамъ поядаю и воды попъю. А пришла зима и вяликій снѣгъ—нѣгдя мнѣ поживитца уже. Е у чаловика скирта гречки, да уплатана сильлёмъ дужо, отъ самаго низу до верху. Нялыга мнѣ сѣсть, одного зерня *зѣсть*. И бачу—голддянъ я. Сѣвъ. Два зярны *зѣвъ*, а трэйтяя ставъ брать, дакъ и ўвязъ у сило. Пришли два ма́льцы да й выняли мянэ. И само хаты поттаплюять, у печи, дрови, потпалюять. И говбрать маткамъ своимъ: поймали ми веробъя вяликаго; давай сяйчасъ убъёмъ яго и осмалимъ! Матки поглядѣли и говбрать: нѣ, ня битя його, се веробей хорошій, мы ў клѣтку закутаямъ! Дайтя яму ѣсти. И будя дѣдъ вашъ ѣхати у *торъ*, дакъ продадимъ купцомъ! Я, говора, сабѣ и думаю: колибъ давъ Богъ и трапилось такъ! Я бъ хоть ня ўмѣячи й пѣсни бъ пѣвъ! И ўсадили мянэ у клѣтку и усыпали менѣ зернятъ—по нашаму, коноплинаго сѣмъя, и поставили воды. Дакъ имъ, имъ (ѣмъ)—да й напъюся. А яны глядять да смяютца зъ мянэ. Бачъ, говора, якъ ёнъ пилнуя йсти! яны одна съ одной говора. Се якаясь була уже у рукахъ, у клѣткахъ, се хатній веробей! Пріяжжаа увечари старикъ, и яны хва́лятца: отъ, каа, поймали наши хлопцы веробъя, да якійся ладный, хорошій, клѣтошный веробей!—А, говора, я знаю того веробъя, якій се веробей. Я яго и дожидаю.—Якъ жа ты, говора, знаяшъ? Дакъ що такое такъ за веробей? нявѣстки спрашуять.—А ето, говора, той веробей, що вашихъ мужъёвъ подавивъ, а менѣ вухо откусивъ.—Дакъ, нутя, говора, тяперака дровы то́пятца, дакъ за дро́вы да спалямъ яго! А старикъ говора: нѣ, нялыга! Дайтя, я припораюсь, дакъ я зъ имъ порадокъ найду! Дакъ яны дожидаючись старого, дакъ одна вяратянбмъ штырхаа яго, а другаа по́ голови бъе́. Старый пришовъ и вынимаа съ клѣтки яго, и бярэ ў свое́ руки. И я сабѣ думаю: Божа мой, що мнѣ будя тяперъ? И вынясъ мянэ на дворъ за полявы́я вородты и махнувъ три разы круга́ сябе,—и я здѣлавсь чаловѣкомъ, якъ и бувъ. Тогды упавъ я яму на ноги и дай обнимать и цаловать, и горко плакати. И старикъ говора: ня виноватъ ты, а мы виноваты. Я прощаю тэбэ. Отъ, говора, я приготовавъ табѣ. На̀ табѣ три пуки по девъять девъятовъ однолѣтовыя осины, и иди ты домовъ. Одинъ пукъ зби, ня 'тдыхаючи. И давъ яму у мяшочку пуху. И збивши, скажи: подыми етый пухъ! Коли подымя етый пухъ, дакъ бяри дру́гій пукъ. Коли жъ собъе́шъ етый пукъ, дакъ тогды скажи: подыми изновъ пухъ. Коли жъ подымя, дакъ би и трэйтій пукъ ня 'тдыхаючи! Тогды изъ ёй жить будяшъ!.. Дакъ я йшовъ домовъ, а мянэ стрѣвъ старикъ на дорози и кажа: кйдай етыя ўси пуки доловъ! Я тябе завяду у спокойное мѣсто. Хай яна пропаде сама по божжамъ попущенію!.. И мянэ

старикъ привъёвъ сюды. Отъ, я тутъ живу и Богу молюся, и радуюся объ своимъ житялству. А жана моя пропала скоро. И се ня казка, а се правда!...

И написавъ записку убогому: иди ты у яго домъ, живи, у яго имушаство, по вашамъ росписанію, якъ вы росписались. Що богатаго пѣсня—брахня, а ўбогаго чаловѣка ня казка, а правда. Се моѐ самое збытія.

С. Марковичи, гом. у. Отъ кр. Филиппа Лапекина, 55 л. негр.

6. Нѣўкотòромъ царствьи, 'отъ такъ якъ и ў нашамъ, было уво 'дномъ сялѣ два мужики. И одинъ бывъ зарывный по пѣсни, а другій на сказки. И пришли яны разъ щось у шинкъ, и трошачки подгуляли. И пѣсяльникъ етый пѣсни запѣвъ, а етый другій говора на яго: що етыя пѣсни? Коли бъ ты що нéбудь хорошаа расказавъ! Казошникъ сказавъ такъ на пѣсяльника. „А що жъ ты понявъ и ў сказкахъ? А думаю такъ, що пѣсня луччай и краштай!" А той кажа: нѣ, сказка главнѣй твоѐ пѣсни!.. Ну, съ тымъ и заспорились мижда собой и зачали дратца. Той говора: я, казошникъ, главнѣй! А пѣсяльникъ говора: я главнѣй! И до того дѣло пройзошло, що стали судитца мижда собой. Споръ, значитца, у ихъ зайшовъ большій: казошникъ сказавъ, що я главнѣй, пѣсня буваа брахня̀! А пѣсяльникъ сказавъ: сказка буваа постоянно брахня! И съ тымъ и почалѝ; той слово и той слово; слово за слово, зачалѝ дратца. И одумались: што намъ зра дратца? Хай насъ волость разбярути! Отъ, яны занясли судъ. Вызвали ихъ на судъ, по повѣстцы. Ну, тутъ суду ихъ етаго не поняли. Отправили ихъ подальшъ судитца, на мировую судьдю. И просили ихъ, щобъ яны обратились назадъ, якъ ихъ рассудять,—щобъ у волости було звѣстно, хто ў ихъ старшій. Пóтомъ и мировый не понявъ ихъ дѣла, затымъ що и ў мирового въ устави етакихъ штукъ ня булò. Ну, тамъ подали даляй,—на мировый зъѣздъ. И тамъ жа ихъ дѣла ня разобрали. И послали ихъ даляй, знаяшъ, своимъ ѥудомъ, у санотъ, и просили ихъ, якъ ихъ у саноти рассудять, щобъ яны обратно пришли назадъ и расказали якъ у ихъ дѣло. Ну, яны пошли до саноту. И стрѣвъ ихъ нѣкотóрый старикъ на пути. Яны сказуять: здрастуйтя вамъ, старичокъ божій! А ёнъ говора: здрастуйтя, рабятушки! Куды васъ Богъ прова́дя? Яны говòрать: ня мы ходимъ, гóра наша ходя. Начали дѣло судомъ, иниякъ ня кончимъ. И вотъ за етакія штуки: одинъ изъ насъ, дѣдка, пѣсяльникъ, а другій казошникъ. И пришлось намъ поспорить другъ зъ дружкой, мижда собой. Казошникъ говора, што твоѐ пѣсни никўды ня годятца, зъ ихъ буваа *чапухá*; а той говора: нѣ, пѣсня буваа правда, а казка во ўсякое уремъя буваа чапуха. И съ тымъ мы начали спорить за етакія штуки, и нача̀ли судитца. Ну, кольки судились, нихто

ня могъ насъ разобрать: отправили насъ до саноту! Ёнъ имъ сказавъ, що васъ и ў саноти ня разбяруть. А йдитя, говора, путёмъ; у правую сторону будя вамъ вузкая дорожка; тамъ будя по лѣвую сторону хата. У той хатцы будя старикъ сивый. Той васъ разбярэ. Яны подяковали и пошли. Приходять икъ той хати; увыйшли у хату, правда—бувъ старикъ сивый, ходяинъ тому дому. Яны говбрать: здрастуй, дѣдка! Ёнъ отвястивъ имъ: здрастуйтя, посторонныя люди! Зачимъ, говора, такъ пришли здалéку ко мнѣ?—Що жъ, дѣдка: просимъ Бога и вашія милости! Нараяли намъ, ти ня разбярéтя вы нашаго прошенія?... Яны, якъ були съ прошеніямъ, якъ имъ бумага давана, подали старику. Ёнъ бувъ ще грамотный, письмянный, значитца; разобравъ етую ихъ прошенію и спрашуя: хто зъ васъ казошникъ, и который пѣсяльникъ? Яны показали: етый пѣсяльникъ, а я казошникъ. Пòтомъ ёнъ сказавъ: „ну, пѣсяльникъ становись ракомъ, а ты, казошникъ, садись на пѣсяльника верхи: сяйчасъ зачинать будомъ правду исказувать,—чіе правило выйдя.“

Говбра: у насъ бувъ одинъ мужикъ богатый—и пѣсяльникъ потсподомъ слухаа, а казошникъ верхи сядѝть на пѣсяльнику—и ў того мужика, кольки ёнъ ни живъ, уси яго, кольки ни було, кольки ни народжалось, рабятишки яго пѐршія мéрли; тольки одинъ съ усихъ яго рабятишакъ остався живъ. Ну, ёнъ яму бувъ радъ, такъ, що не знавъ, якъ яго луччай жалѣть. Доростивъ яго до сувяршэнныхъ лѣтовъ и задумавъ яго жанить, и ставъ сватать. Высватавъ за яго дужо хорошую дѣвчину. И прозвялѝ ихъ повянчатца. Повянчавши, якъ у мужуковъ повядёнка, привязли яé у свой домъ, щобъ яна була за ходяйку. Потомъ бувъ такій злучàй, що яны увыйшли, етыя молодыя, удвоихъ у хату, у комлáту,—ще тамъ пиръ бувъ, ня 'кончився. Яна щось няхорошая надумалась. Яна была, значитца, вядьмачка. Гдѣсь попала нѣйкійся дубчикъ и стябанула яго няўдогадъ, и кажа: бувъ ты чаловѣкомъ, а тяперъ побудь собакомъ! Тутъ ёнъ обратився: съ чаловѣка ставъ у собаччамъ види. Яна *сама* (одна) осталась! Тутъ глянуть: няма яé ходяина. Нѣкотóрыя испрашавали: идѣ твой ходяинъ? Яна кажа: кудысь на ўремя вышовъ. Тыя колькись тамъ урмя ждали—ждали,—няма яго. А ёнъ тутъ жа яиляя при народи у собаччамъ види. Ёнъ тольки собакомъ бувъ, а ёнъ усé понимаа. Тутъ, выпивши, мужики сказуять: якой пользы етый собака тутъ? якая удовольствія? Вы̀жаномъ яго на дворъ! Съ тымъ яго и выгнали. Ёнъ уже думаа сабѣ, що дѣло плохо; думаа такъ, якъ ба хутчѣй дѣ смерть получить: що я буду страждать такъ? Побѣгъ куды—зра; и думка такаато була, щобъ идѣ ўтопитца. Прибягаа икъ рѣццы, и страхъ яго ошибъ: усячацки, ёнъ бувъ чаловѣкъ! Надумавсь такъ, що пробягу даляй, дакъ побачу боляй! Побѣгъ у чужую сторонў, у стяпы̀, идѣ поселянь мало бу-

ло. И ёнъ настольки хотѣвъ ѣсть, щд прамо кожу на сабѣ бъ объѣвъ. Потомъ бягить, и на путѐ такъ пасъ чабанъ овецъ стадо, панській наймитъ, и расположився потполудновать, самый етый пастухъ. Бягить собака и думаа: завярнусь къ сямў пастуху, ти ня дасть крошку хлѣба. Прибѣгъ къ яму и лёгъ проти пастуха, и лёгъ на лапы и пилно глядить ямў у вочи. Пастухъ поглядѣвъ на яго и думаа: се перахлябившій собака; довжно быть, ёнъ якій заблудный; довжно быть, ёнъ отбившій отъ ходяина; довжно быть, ёнъ ѣсти хоча. Дать ямў ломокъ хлѣба, можа ёнъ будя якій и годящій мнѣ! Пдтомъ, давъ етому собаку хлѣба трохи. И якся пошли уво 'динъ бокъ овечки уси, отыйшли пдаляку. А ёнъ сабѣ расположивсь полудновать. И начавъ говорить самъ сабѣ: напрасно й расчавъ полудновать! Щобъ то мнѣ завярнуть овецъ, а тогды начинать полудновать!.. Почувши, етый собака—ёнъ понимавъ чаловѣччій толкъ— тую минуту побѣгъ и завярнувъ вовцы назадъ, пристановивъ ихъ пасть, дэ ходяину хотѣлось. Пдтомъ, дождавъ ходяинъ вечара, загнавъ своихъ овецъ у кошару—дѣло сяѐ було на стяпѣ—замкнувъ ихъ у кошары, присиливъ ключъ къ повясу, што потпаразавъ бувъ, и сѣвъ вячерать.—А ўсячацки казошникъ сядить на пѣсяльнику, а пѣсяльникъ руками и ногами потупавая, млѣять—бачъ, што довго старикъ расказуя.—Ну, узявъ етый пастухъ вячерать, и собаку етому дававъ *у*доволствія хорошая,— што самъ ѣвъ, то й яму дававъ, за яго отлишную службу. Пдтомъ лягли спать. Собака ня ждавъ сонца, покуль ходяинъ устаня, а отвязавъ у яго ключи, отомкнувъ овецъ и погнавъ пасти съ кошары на пашу. Глянувъ пастухъ, уставши, и спужався, що ни овецъ, ни собаки, и двери ў кошары отчиняты. Ёнъ рассмотрився, глянувъ пдбочь и убачивъ, що собака овецъ пасе. „Ахъ, слава Богу, що я вумнаго такого собаку нажив! Сяйчасъ я знаходжусь у такомъ положэнію, що я панъ и князь: хдчу посплю, хдчу поляжу!“ Тоды говора: „дай-ка я увѣру свойго собаку, ти ня можа ёнъ пасть овецъ самъ, а я щобъ тольки у нядѣлю разъ повѣравъ, ти ўси вовцы!“ Узявъ скрывся кудысь до вечара. Пришовъ вечаръ, пригоняа собака овецъ у кошару. Ёнъ довго ня думаючи, замкнувъ ихъ якъ и треба быть, якъ и ходяинъ замыкаа. Тогды етый пастухъ тое ўремя и дли сябе приготовавъ ѣсти и оставивъ собацы порцаю тую, що яму самому треба ѣсть. Тогды собака ставъ у гору глядѣть и ўнизъ падать, знатца, Богу моливсь,—чаловѣкъ жа бувъ. А пастухъ думавъ то, що собака такій вумный, що бытто й Бога просяя. Потомъ собака начавъ вячерать. И такъ вячеравъ *вяликолѣпно*, по положэнію, кусокъ мъяса и хлѣба, якъ и по чаловѣчацку надо, пищь принимавъ. Ходяинъ яго звѣривъ усѐ на собаку свойго, и пошовъ ки двору и пробывъ дома цѣлную нядѣлю. Пошовъ глядѣть свойго стада,—панській наймитъ жа ёнъ

бывъ. Приходя къ яму. Бача: що тутъ? Глянувъ у лѣвый бокъ,—купа вовковъ ляжить. Ёнъ посчитавъ и насчитавъ дванатцать штукъ. Глянувъ у правый бокъ, за свой балганъ, дэ ёнъ судержався, живъ тамъ, жилища яго було,—наравнѣ и овецъ стольки порѣзаныхъ вовками. Ёнъ пошовъ ихъ стаду повярать своѐ стадо. Убачивъ собака ходяина, бягить и ўклонятца и ласкаа такъ, своёй собачацкой ухваткой, що тольки ня заговора. Ёнъ повѣривъ своѐ стадо,—дванатцать штукъ вовцавъ няма. А собака показуя яму, головы выкомарывая, якъ ба луччай показать свойму ходяину, щобъ ёнъ угадавъ яго. Собака думавъ, що ёнъ ня бачивъ етакихъ штукъ; просто яго бярэ зубами за полу и тягня къ вовкамъ и къ вовцамъ. Ну, ходяинъ етый погладивъ собаку и покормивъ яго хорошѐ, и подумавъ, що ня будя мнѣ отъ пана обиды; щѐ похваля панъ, що на мѣсти естольки було вовковъ забито. Ёнъ пойшовъ домовъ, зайшовъ, на радости, у шинкъ. Идучи думавъ: що мнѣ сяйчасъ треба? Я гуляю, и мое дѣло справно! И на радости выпивъ кручокъ горѣлки у шинку. И тое урема кудысь ѣхавъ яго управляющій и забѣгъ у шинкъ помимоходомъ: чагось у яго ня хапало,—ти табаки, ти сѣрничакъ, такъ скажамъ. И убачивъ свойго пастуха пъяненькаго. И панъ спугався; сказуя яму: а що ты гуляешъ, а стадо твоё бязъ послѣдства? А пастухъ кажа: я гуляю, дакъ я добраго слугу маю!—Якая ў тябе слуга?—«Собака такаа у мяне ѐ, що лишъ ба я паравѣдався у мѣсяцъ разъ, положэнія харчей выдавъ собацы, то й дѣло моё будя. Здѣлалось утїры ў табунѣ дванатцать штукъ овецъ—вовки порѣзали; а на мѣсти моя справядливаа собака ихъ смерти прадала. Колибъ при мнѣ ето дѣло злучилось и щобъ у мяне собаки ня було, то бъ вовки овецъ порѣзали и сами бъ утякли. А потомъ, говора, чимся задѣватца, сядомъ луччай, поѣдомъ, табуна обглѣдимъ!“ Сѣли ўдвоихъ и поѣхали. Пріяжжаять на тое мѣсто,—завъёвъ, пану купу овецъ показавъ, и завъёвъ, пану купу вовковъ показавъ. И сказуя пастухъ: повѣртя, баринъ: ти выйдя одно за другое, будя стоить? Панъ поглядѣвъ и сказавъ: ето будя табѣ слава и честь! Пойдомъ глядѣть твойго пастуха! На собаку сказавъ такъ. „На кого ты звѣривъ мою худобу?“ Приходя къ табуну, вовцы змирно пасутца, и собака коло табуна ляжавъ. Приближились къ собацы, ёнъ прибѣгъ къ имъ и ставъ падать перадъ ими и ласкатца. Такъ той повѣривъ стадо овецъ, кольки ихъ усихъ було, и сказуя пастуху: „ну, братъ: хоть ты нажив, да я буду имъ пользуватца! Будяшъ такое жалованьия получать, по десять карбованцавъ у мѣсяцъ!“ А то ёнъ зразу пригоны служивъ. Панъ бача, што ёнъ шкрабе головў и ня хоча ямў отдать собаки, сказуя, що хоть ня хочашъ отдать по воли, ну я забяру по няволи. Пастухъ бача, що дѣло будя плохо, ёнъ согласився на яго положэнія. Забравъ панъ собаку и поѣхавъ

домовъ.—А казошникъ сядитъ на пѣсяльнику вéрхи, а пѣсяльникъ потъ казашникомъ стоитъ ракомъ и парамяняетца зъ руки на рукў, а зъ ноги на ногу, затымъ што ёнъ дужо сомлѣвъ; а легть нялыга, потому служба такая: оддержъ ето, дакъ и рассуджу да й годи.

Ну, пріѣхавъ панъ у домъ, и разознався собака со ўсими яго прислугами. И панъ ня могъ быть николи бязъ собаки, усягды щобъ парадъ лицомъ була, и що бъ панъ ни сказавъ собацы, ти якого слугу позвать, приставить, то ёнъ сяйчасъ жа справитца и доставя. И нѣскульки ўремя собака етому пану служивъ. Ну коли були мянины етаго пана, то бывъ изъѣздъ пановъ на мянины со ўсихъ князецкихъ [1]) акономій, и яны тамъ мижда собой пировали. И ў нѣўкоторыхъ то жъ були собачонки учоныя. И начали хворсить мижда собой-то. Той говора: вотъ у мяне собака якая вумная! А другій свого хваля. А ёнъ сказуя: нѣ, вамъ и ў снѣ ня приснитца, якая у мяне є́ собака, щобъ собака такія дялы̀ творивъ! Ваши собаки ня могутъ чаловѣка на имя̀ увознать, а мой собака,—кого бъ я ни сказавъ на имя̀, того и привяде! Тутъ яму̀ ня ўвѣрали, сказали на яго: приставъ ты намъ, скажи на имя̀ такого чаловѣка, и хай приставя! Ёнъ призвавъ собаку и говора: приставъ слугъ: Ивана, Романа и третьтяго Стяпана! Собака сяйчасъ, довго ня думаючи, ёнъ знаа ўсихъ, вѣдомо, побывъ уже, да ёнъ чаловѣкъ, дакъ ёнъ знаа усихъ,—привъёвъ ихъ къ имъ у комлаты. Сяйчасъ жа посторонныя лицы и спросили: що ў васъ господа, є́ Иванъ? Одинъ сказуя: да, я Иванъ! А другій сказуя посторонный: є́ Романъ? А другій кажа: да, я Романъ! А третьтій сказавъ посторонный, говóра: и третьтій Стяпанъ є́? Третьтій сказўя, що ето удвухъ Иванъ и Романъ, а я Стяпанъ третьтій! Ну тутъ, хорошо,—уси дйвятца, що вотъ вумный собака якій буваа! Пóтомъ поѣхали паны по своихъ мястахъ, погулявши, а главный управляющій, оставсь тутъ и ставъ уже просити етаго собаку. Ёнъ говора: нѣ, мнѣ самому нядéшаво пришовсь етый собака! Я бязъ яго ня могу жить. Ёнъ, говора, у мяне и слуга и сторожъ усяму мойму опстоятелству, дому! Ну, зъ естымъ словомъ рассярчавъ на яго такъ, що говора: ну и табѣ ня пользуватца! Етый оттуль, ня заяжжаючи у домъ свой, поѣхавъ икъ князю. Ето жъ яны управляющія ўси, а етый главноуправляющій у яго бувъ, тáкъ вотъ, якъи ў нашаго князя. Ёнъ просивъ, ну да ёнъ ня давъ. Пріѣхавъ икъ князю: эхъ, говора—тамъ якъ ёнъ назвавъ яго, того князя, вѣдомо, я ня знаю, помужицку, якъ зовутъ князя —говора: вотъ, разыскавъ, говора, самая бъ разъ вамъ годилась: нашовъ я собаку,—дужа вумный, вумнѣй чаловѣка вумнаго! Самая бъ разъ вамъ годилась! Ёнъ сказуя: у кого жъ? Ёнъ сказуя: у такого-такого управляющаго! И що тольки скажи, дакъ ёнъ знаа. Вотъ, раскажи яму—ёнъ по-

[1]) Зап. въ гом. у.—имѣніи *князя* Паскевича.

будя мѣсяцъ—раскажи яму, кого треба потребувать, то ёнъ сяйчасъ придоставя. И ёнъ у доми вѣрный слуга, и ў дворѣ дянный и ношный сторожъ: зра ни що помимо яго ня пройдя!.. А ў етаго князя, кольки ни живé, якъ народитца рабятишакъ, то якъ дожде до дванатцатаго часа ночи, лягути спать—нявидимо, няма знать гдѣ дѣнятца. А ета княжиня була бярэмянная, такъ що яны урéмянно ждали дятёнка. Ёнъ, князь, бувъ етому дѣлу радъ. Сяйчасъ жа написавъ ляпóртъ и отправивъ, нарадивъ слугу икъ тому ўправляющаму, у котораго находився етый собака. Сяйчасъ слуга приходя икъ етому ўправляющаму, гдѣ бувъ собака, подавъ ляпóртъ. Ёнъ прочитавъ яго и ня могъ отъ князя отказатца, затымъ што усердить князя, то будя ёнъ бязъ послѣдствія. Ёнъ отдавъ собаку слузѣ, и слуга приставивъ яго къ князю. И порода етая була собаки хорошая, отлишная. Сяйчасъ жа собацы етой издѣлали хату и здѣлали пристройство—канаты кругомъ двора, усяродки, ў дворѣ. Ёнъ у день привязанъ бувъ, а на ночь спускали яго. Князь *собствянно* на тое яго достававъ, що ў яго було няблагополушно нащотъ рабятишакъ, нащотъ наслѣдства. У яго кольки ни народжалось наслѣдства у яго, то ёнъ ня 'днымъ ня пользувався. Пóтомъ того, чаразъ кольки ўремя родила княгѝня двохъ сыновъ. Князь узрадовався, и надѣянъ бувъ на собаку, що ёнъ убяражѐ. Потомъ дождали яны вечара, тамъ яны стали пировать,—звѣстное дѣло, родины—и весялитца. Пировали яны до дванатцати часовъ. Тогды лягли спать зъ дванатцатаго часу. И тое ўремя слуга, который бывъ приставлянъ собаку доглядать, що треба було собаку на̀ ночь спустить волно по ўсёмъ двору, а ёнъ позабывъ. Тутъ яны ўснули ўси, и идé вѣдьма-*волшебница* за етами рабятишками. Собака рвався, рвався съ цѣпу, ниякъ ня могъ оторватца, и ўпустивъ яé ў домъ. Думая собака, що ето дѣло, бача, плохо. Ёнъ ставъ канатъ парағдать, на якомъ цѣпъ ходивъ; и параѣвъ етый канатъ, сорвався и стрѣвъ яé на воротя̀хъ,—тягнула етыхъ рабятишакъ, хто яé зная куды. Ёнъ зъ ёю на̀чавъ дратца, и потўда дрався, покуда пропѣли троя пѣвнявъ: усё яму ня попускала. Посли пѣнія третьтяго разу пѣвнявъ, кинула и ўдалилась. Собака узявъ, зáбравъ рабятишакъ у свою комлáтку и ўзявъ обгарнувъ ихъ лапами, щобъ имъ тёпло було и ня подушить. Проспався князь ураньни, и етакая штука яму рупила, ёнъ кинувся у тоя мѣсто, гдѣ етыя рабятишки були. Тоé мѣсто сухо, тоé мѣсто убрáно, надо казать. Ёнъ рассярчавъ дажа й на собаку, узявъ ружжо двуstволку и кажа: пойду убъю етаго собаку, затымъ що я на яго надѣявся. Колибъ на яго не надѣявся, то бъ лучча̀й своихъ ношныхъ сторожовъ поставивъ. Вышовъ изъ комлатъ, сходя на крылцо, хотѣвъ прикластись и собаку ўбить,—що ето уремя зимняй дóбой булò. Тутъ собака, бача, що дѣло плохо, що ёнъ нару-

шився яго ўбить,—а собака ляжавши бувъ коло рабятишакъ, обгорнўвши бувъ,—раскрывъ етыхъ дятей, потхапився и тіскавъ одного и другого. Дѣти скричали. Князь упугнувся и ўзрадувався, и ўпустивъ зъ рукъ ружжо. Бярѐ собаку подъ лапу умѣсто чаловѣка, на радости, що ёнъ спасъ яго дятей, и сказуя: идитя, рабятишакъ забяритя! И дужа рады уси були, и жалѣли на стольки собаку, що бъ ёнъ ни хотѣвъ, якую пищь, то яны давали, и ўвобрали яго у разныа шавкѝ за яго заслугу, що ёнъ хорошую довжность справлявъ. Прибору було тамъ на ёмъ на двѣстя цалковыхъ.—А етый казошникъ сядить на пѣсяльнику вѐрхи, а пѣсяльникъ потсподомъ пархо̀мъ; потому ёнъ пархо̀мъ, що на ёмъ сядить казошникъ вярхомъ.

Потомъ, нѣскульки ўремя собака бувъ у князя. Потомъ надумався: що хотя якъ и мнѣ жисть хорошая, ну ўсячацки я собака. Побягу я у домъ, ти не одумаетца яна, ти ня здѣлая изновъ чаловѣкомъ! Надумався и побѣгъ. А етый князь, отъ котораго собака бывъ убранъ на двѣстя цалковыхъ у разныа шавки, послав розыскъ за вотъ—такимъ и такимъ собакомъ. Ну нигдѣ ня ўдалось яму разыскать. Потомъ игдѣ то очутилась такая ворожка, що могла ўзнать. Ёнъ, князь, поѣхавъ икъ етой ворожцы. Ворожка князю такъ сказала, що ёнъ бувъ собакомъ, а тяперака ставъ пташкой, и вы яго йна́ча ня попаде́тя, якъ треба вамъ устроить такую птишню, и скўплюйтя птицъ, якія бъ ня булѝ. Дакъ коли вамъ ня попадѐ купить яѐ, дакъ николѝ ня ўбачитя,—затымъ що отличитца отъ усихъ птицъ тымъ, що пригожѣй яѐ ня будя птицы, якъ яна! Князь кольки ўремя ни скуплювавъ птицъ,—ня разыскавъ.

А собака бѣгъ-бѣгъ кольки ўремя, кольки дней и ночей, прибѣгъ у свою дяревню поўтрў рано, ще люди ня ўставали,—которыя можа и ўставали, да ще нихто ня ходивъ по вулицы. Прибягая къ воротя̀мъ, хотѣвъ у дворъ войтить, а яна яго ўстрѣла и ўпустила. „Ахъ, говора, якій, ты *красавецъ* ставъ! Усякому угодить можашъ господину, що такое на табѣ увобранія!“ Узяла етыя шавки зъ яго, узяла дубчикъ и сяканула яго дубчикомъ и ска́зала: бувъ ты собакомъ, побудь ты ще́ пташкой! Ёнъ поднявсь угорў и ударився объ зѐмлю. Ну, звѣстное дѣло, якъ ёнъ маловѣсный, то ёнъ живъ оставсь, и почустовавъ, що тожа плохо дѣло, якъ я й убъюсь. Полячў, куды вочи глядять! И полятѣвъ вотъ сюды куды на стяпы. Прилятѣвъ, гдѣ панськія скирты съ хлѣбомъ, и тамъ понасыпано кукольвану нащотъ птицъ, щобъ хлѣба ня 'бъядали. И ёнъ туды прилятѣвъ голодный и нарвався на самый на етый кукольванъ и ставъ довбть, по̀томъ и опънѣвъ. И панській сынъ, мальчишка, ходивъ тамъ гдѣсь и налучивъ на яго и начавъ говорить: „ахъ, говора, якая пташка отлишная! Да якъ табѣ попалось наѣстца кукольвану?“ Съ

тымъ понёсъ яе́ домовъ. Принёсъ домовъ, и була у яго сястра старшая, дѣвушка у сувяршэнныхъ лѣтахъ, и яна тожа понимала, волшебствомъ занималась. Ёнъ сказавъ на яѐ: погляди-тка, якаа у мяне е́ пташка! ты такія пташки николи ня видала! Яна глянула и познала, що ета пташка—чаловѣкъ. Яна кажа: покажъ! Ёнъ давъ ёй подивитца. Яна ў яго ўзяла и стала дурить: „я ўпущу ету пташку, що яе напрасно мучить!“ И бытцомъ то понясла выпустить, а потомъ занясла яго у комлаты и ўзяла́ дубчикъ и кажа: „бувъ ты чаловѣкомъ, а потомъ собакомъ, а сяйчасъ находисься у пта́шаччамъ положенію, а сяйчасъ обрачу тябе чаловѣкомъ!“ Сяканула дубцомъ,—ёнъ якій бувъ чаловѣкъ, такій и е́! Тутъ яна сказала: отъ, я тябе здѣлала чаловѣкомъ—а ёнъ пригожій бувъ—що жъ ты поступишъ со мной у супружаство? А на свою прежняю позабудь! Ёнъ сказуя: *зъ большимъ удовольствіямъ*, согласянъ! Яна доложила отцу свойму, що, вотъ, я за такого пострадавшаго могу замужъ выйти, могу жанитца! По жаланію яѐ отецъ ёй дозволивъ.

Потомъ яна бача, що ёнъ постоянно буваа смутный, вѣрно сказать-невясёлый, яна стала испрашувать у яго: що ты такій, замячаю, що журисься? Ёнъ сказавъ: що одно дѣло мяне жура: що я уво 'тца говора, бувъ одинъ изъ нѣскольки нашаго сямейства, ти мойго брасства, да й то яму̀ не довялось самому пожить!.. Ну яна сказала: якъ табѣ жалатялно, запрагайтя ко́няй и поѣдомъ къ твойму отцу! Ёнъ зъ радости тутъ запрогъ коняй, и сѣли яны зъ ёй на повозку. Приближаютца близко къ той дяревни, гдѣ яго отецъ живѐ. Яна зачала яму̀ говорить: гляди жъ, говора, що надо мной ни злучитца, сяйчасъ жа, говора, подъ сяломъ, то ня злазь исъ повозки; що ня будешъ бачить, то ня займай! Да щобъ ты вѣранъ бувъ, то ня займай! поўторила яму. Подъяжжаять яны подъ сяленія, и ўперади страчая ихъ ру̀дая сучка. И тольки поровнялась исъ повозкой, и ета такой жа самой сучкой скинулась, ско́чила съ повозки, и начали изъ ёй рѣзатца. Рѣзались, рѣзались, ёнъ кольки уремя сядѣвъ, можа часы два, на повозцы. По̀томъ яны обратилися гадами. Ёнъ усячацки примячавъ ету, съ которой ѣхавъ. То ёнъ подумавъ: що я буду дожидатца—не поборою? Сяйчасъ злѣзъ съ повозки, на ету, що була прежняя яго жана, ставъ ногой, притисъ, а ету, съ которой ѣхавъ, узявъ у руки отрывать отъ тыэ. Тую притисъ ногами да самъ ставъ, а ету у руку̀ поднявъ, угбру. Дакъ тая подъ имъ стала камянямъ и ёнъ ставъ камяцямъ, а ета, которая у яго ў рукахъ була, тая бярозкой стала,—на камяни бярозка выросла. Ну съ тымъ яны и закля̀мчались!..—А казошникъ усё на пѣсяльнику сядить. А пѣсяльникъ пархо̀мъ, що казошникъ сядѝть на ёмъ вярхомъ. Ну, нашъ пѣсяльникъ ослободився, ня могъ устать, и догоры̀ паракатився.

Потомъ старикъ кажа: що помнитя жъ, рабяты: ето я правду вамъ сказавъ, говора. Сказка буваа постоянно правда, а пѣсня буваа и балъ, найбо̀ляй балъ. По̀томъ яны стали просить того старика: вы̀пишъ намъ, дѣдка, самое ето—якъ ето су̀домъ назвать яго, а матари яго... вѣдомо, помужицку, такъ сказавъ наскбрую. Написавъ имъ достовяренія, що дяствитялно по закону разсуджаны; написавъ имъ проходнўу, що игдѣ яны судились упародъ, игдѣ дѣла ихъ ня поняли, дакъ щобъ зайшли и каждому растолковали; и якъ куды прийдуть, дакъ до̀вжанъ быть увесь етый примѣръ: будетя расказувать про свой судъ, довжанъ быть увесь етый примѣръ: будетя расказувать про свой судъ, довжо̀нъ пѣсяльникъ становитца потсподъ пархо̀мъ, и казошникъ будя расказувать, на ёмъ сѣдя вярхомъ...

С. Васильевка, гом. у. Отъ кр. Ивана Герасимова, 28 л. негр., бывавшаго въ отхожихъ промыслахъ, вслѣдствіе чего языкъ подвергся постороннимъ вліяніямъ.

в. Ходили по свѣту пѣсяльникъ и казошникъ. Сыйшлись яны ўмѣсто и стали ўкучи ходить. И здѣлали такій уговоръ! ты пѣй пѣсни, а я буду сказки казать, и што хто заробя, умѣсти споживать. Пришли у дяревню, зайшли у корчму. Мужуки горѣлку пъють. Пѣсяльникъ сычасъ и запѣвъ пѣсню. Тутъ пъяныя стали слухать и похваляють: „мы ще зъ роду ня бачили еткихъ пѣсяльниковъ нійдѣ й нико̀ли!“ И што хто зъ ихъ ѣвъ, усё дають пѣсяльнику. А пѣсяльникъ, по условъю, дѣлитца съ казошникомъ. И проходили яны такъ много шинковъ, по етымъ условъю; дакъ пѣсяльника боли слухають, чимся казошника. Тоды пѣсяльникъ говора: ты за мною хлѣбъ яси̇, вѣдомо—пѣсни правда, а сказки склады! А казошникъ говора: нѣ, сказки правда, а пѣсни склады. Споровались, споровались, и пошли къ судьдѣ на судъ. Приходють къ судьдѣ. „Ти дома судьдя?“—Нѣ, ў гўмни молотя! Пошли яны у гумно̀. „Здрастуй!“ —Здрастуй, отказуя молодый такъ чаловѣчакъ. „Богъ у помочь!“—Спасибо! Молодвитовъ было̀ троя: два старыхъ, а одинъ молодый. Молодъ—чаловѣкъ и спрашуя: „зачимъ пришли, добрыя люди?“—Пришли на судъ къ вамъ!—„Ну, по̀йдемъ домовъ, разсуджу!“ Пришли у хату; молодъ-чаловѣкъ умывсь, утёрся рожкомъ хусточки, и ставъ старый-старый. „Ну, за во̀што жъ вы пришли на судъ?“—Такъ и такъ, говора пѣсяльникъ: договорились мы умѣсти хлѣбъ зароблять: я пѣть пѣсни, а ёнъ говорить сказки. Дакъ за моѐ пѣсни боляй дають. Дакъ я кажу, што пѣсни правда, а сказки склады, а ёнъ говора, што сказки правда, а пѣсни склады. Дакъ разсуди ты насъ, судьдя правядная!.. Судьдя тэй говора: „пѣсяльникъ, становись ракомъ!“ Пѣсяльникъ ставъ. „А ты, казошникъ, садись на яго!“ Тэй сѣвъ. „Ну, слухайтя жъ!“

Коли я бывъ молодъ, дакъ случилась и мнѣ причина. Пришовъ я разъ на игрища да й говору: добрый вечаръ тымъ, которыя *няъздитья*! Одна дѣвка и сказала: „постой жа, мы на табѣ поѣздимъ!“ Я тамъ троху погулявъ, тое-сёе, и пошовъ домовъ. И забывсь про усё про тое. Пришла вясна, стали ко́няй водить на нощлегъ. Вотъ, я разъ вяду ли лазьни коняй, а мяне нѣхто и зове: Иванъ, ходи, каа, сюды! Я злѣзъ съ коня: приходжу у примыльникъ, ажъ тамъ тая самая дѣвка. Отъ яна хвать мяне за шію обротьтю! „Якъ бывъ, каа, добрымъ молойцомъ, такъ будь тяперъ жарабцомъ!“ Я и ставъ жарабцомъ. Сѣла яна на мяне и поѣхала на лысую гору̑. Привязала мяне къ сухому дубу, и такъ голову̑ поттягнула, што пяредними ногами мнѣ й зямли не достать. Наѣхало туды такихъ дѣвокъ—штукъ двѣстя! И стала считать ихъ старая змяя: удара палкой да й приказуя, якъ што дѣлать. Перабрала такъ усихъ. Тоды яны по'твязáли коняй и поѣхали по домахъ. Заморила мяне ета дѣвка такъ, што чуть я у лазьню яѐ приволокъ. Зняла зъ мяне оброть, и ставъ я знов такимъ чаловѣкомъ, якій и бывъ.

На другую ночь узновъ згоняла яна мяне на лысую гору̑. И такъ, што ставъ я ажъ нездоровъ. Стала у мяне мачиха распытувать: чаго я нездоровъ, говора: ти ня ѣздя на табѣ якая дѣвка? Я й признавсь. „Постой жа, каа, мы яе поу̑чимъ.“ На третьтяю ночь дала мнѣ мачиха оброть и говора: „якъ станя яна звать тябе у лазьню, ты ня йди прямо, а бяжи кругомъ. Якъ яна выскоча и побяжить услѣдъ за тобою, ты такъ цаляй, кабъ попарадъ у лазьню ускочить. И накинь на яе́ оброть!“ Я такъ, значитца, и здзѣлавъ. Яна якъ побѣгла за мной: а, каа, бoисься! Я оббѣгъ три разы да у лазьню. Схапивъ оброть да ёй на шію, да й говору: якъ была красная дявица, такъ будь добрая кобылица! Яна и стала кобылой. Уссѣвъ я на яе и поѣхавъ на лысую гору. И привязавъ и я яе́ къ тому дубу, къ якому яна мяне привязувала, и подвязавъ голову̑ такъ, што пяреднія ноги на цѣлый аршинъ отъ зямли. А самъ узлѣзъ на самую макушку дуба и сяджу. Попріяжжали уси тыя дѣвки, и стала старая змяя ихъ считать. Считала, считала—одные́ няма. Посчитала коняй—кони усй. Стали яны глядѣть ко́нямъ потъ хвосты, бачуть—одна кобыла. И почали яны тогды мяне шукать: перапороли увесь пясокъ. Шукали—шукали, и поѣхали домовъ. Злѣзъ и я, и поѣхавъ. Якъ сѣвъ, яна й застогнала и поверглась на зѐмлю. Насилочку я доѣхавъ. На другую ночь дала мнѣ мачиха сковороду и сказала сѣсти у лазьни на печи и ёй укрытца. Тольки я укрывсь, яны й приходють. И спрашують у тые́, ти тутъ я. Яна кажа: ёнъ тутъ, али я ня вѣдаю, дѣ ёнъ сховавсь. Старая змяя послала за рабёшачкомъ, што три дни, якъ родився. Принясли такого рабёшачка. Змяя тая и спрашуя: дѣ нашъ виноватый? Ра-

бёнокъ засміявсь. Змяя говора: ня зная! Идитя возьмитя, который учора родився! Приносють такого, и етый засміявся. Тоды принясли, который сяньни родився. Змяя пытаетца: дѣ нашъ виноватый? Ёнъ говора: подъ зялѣзнымъ небомъ, на камянной горѣ! Старая полядѣла на печь, говдра: вунъ ёнъ! И послала усихъ дѣвокъ збирать угарки, што съ обоихъ концовъ па́ляны, и недопрадки, што зъ двухъ концовъ прадяны, и кинуты. Дѣвки назбирали и приносють. И стали яны рыштованьня строить. А моя мачиха посадила пѣвня на столѣ и стала Богу молитца, кабъ пѣвень запѣвъ. Отъ яны строили—строили, тольки бъ узять мяне, а пѣвянь лопъ —лопъ крыльлямъ да кырръ!.. Такъ рыштованьня и побурилось! А старая змяя говора: стройтя, стройтя,—ето ня порбвый! Стали яны узнова строить. Строили, строили, а пѣвянь у другій разъ запѣвъ: кукаре!.. Рыштованьня и побурилось. Старая опять говора: ето ня поровый—стройтя! Стали складáть опять, и склали до самаго верху. Тольки бъ мяне ўзять, а пѣвянь у третьтій разъ: кукареку! Рыштованьня трошку обсунулось. Троху спогодя запѣли и ўси пѣвни. Тоды яны пропали, а ета, што я ѣздивъ, ляжить и стогня. И говора мнѣ: коли мяне поховаешъ, табѣ моя хустка достанéтца! И помёрла. Мачиха звялѣла мнѣ на другую ночь здѣлать труну и ўмотать яѐ трбма варовками, и такъ щитно, кабъ ня можно булб иголки подсадить, и везть якъ ни можно поспяшнѣй хувать. Уклавъ я яé ў труну, умотавъ крѣпко варовками и повёзъ хувать чатверикомъ. Я вязу, а варовки покаютца. Покуль довёзъ, полопались уси, тольки осталось три ницины. Я борджѣй спихнувъ яе ў яму. Дакъ яна и отвястила: ну, хустка табѣ застаéтца! Дыкъ я й тяперъ етой самой хусткой—однымъ рожкомъ утрусь, стану молодъ, другимъ утрусь, стану старымъ старикомъ. Дыкъ и выходя: сказки правда, а пѣсни склады! Ти доволны моимъ судомъ? Пѣсяльникъ говора: кабъ табѣ ня судивъ Богъ судить никдго!—Ну, идитя дальшъ!

Пошли яны дали, пытаючись у людей. И нараяно имъ, што идитя туды и туды за ракỳ, тамъ живе одна судьдя. Пришли яны къ ракѣ, сѣли у лотку и пераѣхали на тэй бокъ. Бачуть, сядить на камяни чаловѣкъ, держа у руцѣ бярозу. „Здрастуй!“—Здоровъ!—„Ето судьдя?“—Ето. За што васъ судить? Ну, пѣсяльникъ и ставъ говорить дѣло по порадку, усё, якъ булб. Выслухавъ судьдя и говора: ты, пѣсяльникъ, становись ракомъ, а ты, казошникъ, садись на яго. Слухайтя! Бывъ я колись такій, якъ и вы. Живъ я съ пѣршой жонкой. Разъ были мы зъ ёй у бясѣди. Жонка моя стала скакать и пѣть соромоцкія пѣсни. Я на яѐ ставъ сваритца, а яна кажа: „чаго ты брешашъ, рабый пёсъ? пошовъ вонъ!“—Я й побѣгъ собачкомъ. Бѣгавъ, бѣгавъ,—якъ тутъ пропитать душỳ? Вывъ я, вывъ... Ходивъ ловчій по охвоти, и выгнали со-

баки зайца. Покуль охвотникъ спустивъ хортовъ, я побѣгъ за зайцо́мъ и поймавъ яго, и приношу ло́вшаму. Ловшій погладивъ мяне и отдавъ мнѣ хлѣбъ и говядину, што съ собой бравъ, и забравъ къ сабѣ у дворъ. И я довго живъ у яго. Разъ я гоню зайца по полю, ажъ якъ-разъ ѣдя моя жонка. Убачила мяне—сычасъ я пырхъ вяробе́йкомъ! А тутъ зимовое урема,—куды мнѣ дѣтца. Поставили дѣтки сильля. Я думаю: постой, моо, я хуть одно зернятко ухоплю! Ставъ клювать, и ўплутався. Узяли мяне, принясли у хату. „А мамочка, вяробеячку ўловили, увечари зваримъ!“ Посадили мяне на полицу подъ горщокъ, посыпали конопель. А дѣти й зъ языка ня спускають: вяробейку зваримъ! вяробейку зваримъ! Ну спасибо, баба тая замѣстъ мяне укинула у страву мяса шматокъ. Дѣти стали ѣсть, ядять и присмакують: а мамочка, солодокъ вяробейка! Увечари дочка етой бабы говора: богослови, мати, зъ вяробейкомъ легчи спати! Матка богословила и здѣлала мяне узнова добрымъ молойцомъ. И пожанились мы зъ ёю; и прожили довгое ўремя. Ѣхали разъ мы зъ ёй на кирмашъ. Яна мнѣ и говора: „гляди, кажа,—стрѣнемсь мы съ твоёй пѐршой жонкой, станемъ битца, ты ня чапайсь!“ Ѣдемъ мы пo̍лямъ, а зъ другой дороги на сустрѣчу намъ ѣдя моя першая жонка. Якъ убачила, сычасъ скокъ съ повозки рабой сучкой. И ета моя жонка опять жа соскочила сучкой съ повозки, и стали рѣзатца. И тая мою перамогая. Я злѣзъ съ повозки и ставъ рабой на хвостъ; сабѣ думаю: няхай моя яѐ порѣжа! Тольки я ставъ, ажъ яна и стала подо мной ка́мянямъ. Я сѣвъ на яе. А ета жонка сѣла бярозой у руку̍. Такъ и сяджу во й досюль. Дыкъ во, братъ: сказки правда, а пѣсни склады!... Ну пѣсяльникъ на ето не здався, и пошли яны съ казошникомъ кожный по сабѣ.

Довск. вол., рогач. у.

Въ м. *Гайшинѣ, бых. у.* записанъ варіантъ такого содержанія: Прослужилъ солдатъ двадцать пять лѣтъ на дальней границѣ и, выйдя въ отставку, отправился на родину съ тремя копѣйками въ карманѣ. По дорогѣ, въ одномъ городѣ, онъ сталъ торговать кисть винограду (вліяніе 1877—78 гг.). За нее запросили ровно три копѣйки. Видя, что Богъ послалъ ему торгъ по его деньгамъ, солдатъ-Алёша ўсмѣхнулся. Купецъ заинтересовался солдатомъ и оставилъ его у сѐбя прикащикомъ. Здѣсь Алёша познакомился съ одной красивой дѣвушкой, пользовавшейся дурною репутаціей, и чтобы не влюбиться въ нее, *острамилъ* ее. Но послѣ этого его неудержимо влекло къ опозоренной дѣвушкѣ, и когда онъ явился къ ней, она сказала: „а, идзѐшъ, собака! Ступай жа, походзи собакомъ преждзе!“ Онъ и сдѣлался бѣлою собакой, а *заслуга* его—нашивки—сдѣлались для него ошейникомъ. Узналъ купецъ, што это Алёша, и послалъ его

просить прощенія у дѣвушки. Та говоритъ: „а, идзешъ, собака! ня хочешъ быць собакомъ, ступай жа побудзь веробъёмъ!" И сдѣлался онъ воробьемъ. Тутъ налетѣло стадо воробьевъ и умчали его съ собою въ неизвѣстныя горы, въ каменную хату безъ оконъ и безъ дверей, только съ небольшими отверстіями для воробьевъ. Въ этой хатѣ жилъ старый демонъ. Онъ схватилъ Алёшу и посадилъ въ желѣзную клѣтку. Сталъ потомъ читать большую книгу,—всѣ воробьи, кромѣ Алёши, превратились въ людей—дѣвокъ и хлопцевъ. Онъ распросилъ у нихъ, что они сдѣлали, снова почиталъ свою книгу, и превратилъ всѣхъ опять въ воробьёвъ. Улетѣли всѣ—и демонъ и воробьи—Алёша притащилъ лапкой къ себѣ книгу и сталъ читать. Немного почиталъ—клѣтка его разсыпалась. Еще немного—и сдѣлался человѣкомъ. Нашелъ въ склепѣ двухъ дѣвицъ, забралъ ихъ съ собою и уѣхалъ на демоновыхъ жеребцахъ къ купцу. Оттуда дѣвушекъ отправилъ къ родителямъ, а самъ женился на дочери купца и остался тамъ жить.

62. Чортъ и мужикъ.

Зайшовъ разъ солдатъ у дзяревню ночувацъ. Вотъ баба и ўзлюбила солдата, и назаўтрая пошла услѣдъ за имъ. Солдатъ пришовъ къ рѣчцы, здзѣлавъ мостокъ и пераѣхавъ церазъ рѣчку, а баба и осталась одна. Плакала яна, плакала, што осталася отъ солдата, а тоды говора: кабъ мяне чортъ якъ перанёсъ церазъ рѣчку, а тамъ ба я солдата догнала! Сяйчасъ выскочивъ чортъ зъ рогамы и говора: ложись, баба, мнѣ помижъ рогъ, я перавязу цябе! Баба узрадовалась, лягла на роги,—крѣпко ущамилася. Покуль ёнъ яѐ параносивъ, яна й вуснула. Перанёсъ чортъ яе церазъ рѣчку и говора: злязай, баба! А яна спицъ. Ёнъ скидавъ, яѐ, скидавъ, кидався, кидався, туды и сюды, ниякъ бабы ня скиня! Отъ ёнъ лятавъ—лятавъ зъ ёй—ничого ня порадзя. Утомився до смерци, а баба ўсё спицъ. Приставъ чортъ сусимъ, яѐ носючи, лёгъ на ростанькахъ и говора самъ сабѣ: вѣрно приходзитца пропасци отъ бабы! Отъ, ляжицъ ёнъ, ротъ разинувъ, языкъ выставивъ, ажъ ѣдзя мужикъ на млынъ. Убачивъ чорта, што ляжицъ зъ бабой, и кажа: „чаа ты ляжишъ, кошлатый бѣсъ?"—Ай, чаловѣча! Отратуй отъ бабы,—што хочашъ, тое табѣ дамъ!—„А што ты мнѣ даси, кошлатый бѣсъ?"—Тольки скинь бабу, побачашъ, што я табѣ дамъ!.. Мужикъ подышовъ, карпанувъ бабу ногой, яна и звалилася, и стала шаволйтца. Чортъ борджѣй на ўцёки, а мужикъ и поѣхавъ. Отбѣгся чортъ, нявидно бабы,—побѣгъ, догнавъ мужука и ставъ дзякувацъ: „отъ, каа, я пойду короля душицъ, а ты бярись мяне прогнацъ!" Побѣгъ чортъ и ставъ душицъ короля. Король собравъ усихъ дохторей, нихто ня може

прогнаць чорта. Тоды приходзя тэй мужикъ: я, каа, выгоню чорта! тольки повыгоньця дохторей, яны тольки дармо гроши бяруць! Ну, повыгоняли дохторей до 'дного. Мужикъ обыйшовъ короля, а чортъ сядзиць на ёмъ. Мужикъ узявъ, три разы дмухнувъ,—чортъ соскочивъ съ короля и побѣгъ. Очўнявъ король. Дали мужуку награду, насыпали грошай мяшокъ. Поѣхавъ мужикъ домовъ, а чортъ забѣгъ напяродъ: и говора: ну, глядзи жъ: я побягу душиць 'другого короля! Сыскавъ и тэй король мужука. Ёнъ узновъ три разы дмухнувъ, чортъ выскочивъ и побѣгъ. Дали тутъ мужуку два мяшки грошай. Поѣхавъ ёнъ домовъ. Приходзя къ яму чортъ: отъ, кажа: ты казавъ, што ты мнѣ даси, кошлатый бѣсъ? А цяперъ, бачъ, скольки грошай у цябе! Цяперака жъ я побягу ще душиць третьцяго короля, а ты ўже ня йдзи лячиць яго! Побѣгъ и ставъ душиць того короля. Душивъ, душивъ, и нихто ня можа прогнаць чорта отъ яго. Отъ, сыскали того самаго мужука. Ёнъ пришовъ. Ходзивъ, ходзивъ кругомъ чорта,— ниякъ не злязаа: дувъ, дувъ—нѣ, ня кидаа чортъ короля. Што тутъ дзѣлаць? Узявъ да якъ крикня: „эй, баба! ходзи сюды—чортъ тутока!" Чортъ прўмятьцу съ короля, сорвавъ крышу зъ дома, и побѣгъ. И боляй уже ня душивъ королёвъ. А мужуку насыпали три мяшки грошай. И ставъ ёнъ жиць, поживаць, да добро наживаць.

С. Чигиринка, бых. у. Отъ кр. Якима Кечикова, запис. по моимъ указ. г. Тихановичъ.

63. Чортъ и баба.

Була уво 'дного мужука упартая баба, што ўсё хоча по свўяму здзѣлаць. Бивсь ёнъ, бивсь зъ ёй,—ниякъ ня перастався поганую бабу. Разъ ѣхали яны по лугу и бачуць, што одна рѣзка дужо ладно выкошана. Мужикъ говора: во, выголили рѣзку! А баба кажа: нѣ, выстригли!— „Нѣ, выголили!"—Нѣ, выстригли! Пріѣхали къ колодзяжу. „Кажи, баба —выголили, а то ўтоплю!"—Топи сабѣ, а ўсё жъ выстригли! Мужикъ яѐ и ўкинувъ у колодзяжъ. А ў тымъ колодзяжи да живъ чортъ. Дыкъ яна такъ надокучила чорту за ночь, што яму̀ здалась ночь за пяць годовъ. Пошовъураньни мужикъ къ колодзяжу, поглядзѣць, ци жива баба, ажны яна тамъ загнала чорта ў камышъ. Якъ убачивъ чортъ мужука, давай просиць: выцягни пожалуста мяне, добрый чаловѣкъ,—што захочашъ, дамъ табѣ! Мужикъ выцягнувъ исъ колодзяжа чорта и бабу. „Ну, спасибо жъ табѣ, кажа чортъ. Я пойду цяперъ икъ пану и повыгоню ўсихъ вонъ съ хаты, а ты бярись мяне выгнаць вонъ съ хаты. Якъ ты прийдзяшъ, я й пойду. А панъ табѣ заплаця!" Побѣгъ чортъ уцякаць отъ

бабы и прамо у панськiй дворъ. И повыгонявъ ўсихъ пановъ зъ двора. Мужикъ пошовъ у коршмў и говора: я чувъ, што у панськимъ дворѣ дъябли ё. Коли хоча панъ, дыкъ я ихъ выгоню. Сяйчасъ доклали пану. Панъ зовё мужука и дае яму пятсотъ цалковыхъ золота, кабъ ёнъ выгнавъ зъ двора дъябловъ. Мужикъ пошовъ туды, къ чорту. Чортъ яму й говора: ну, мужикъ, я пойду другихъ пановъ повыгоню, а ты уже туды ня йдзи, а то я цябе задушу тамъ! Ну, повыгонявъ чортъ тыхъ пановъ зъ двора и ставъ тамъ жиць. Панъ тэй нашовъ мужука и кажа: ето ты, такiй-проетакiй, увогнавъ чарцей мнѣ ў дворъ! Коли выгонишъ, тыщу цалковыхъ получишъ, а нѣ, дыкъ съ свѣту неравяду! Што тутъ дзѣлаць мужуку? И чортъ казавъ, кабъ не показувався на вочи, и панъ съ свѣта перавядзѣць! Отъ ёнъ найшовъ больщую мышину, и пошовъ къ чорту. Якъ пришовъ, такъ мышину й пусьцивъ у двойныя вокны. Идзе къ чорту. А тэй на яго: чаа ты пришовъ, ци я не казавъ табѣ? —Да я пришовъ сказаць, што баба тая сюды бяжиць: коли попаду, каа, чорта, то будзя яму ня то, што ў колодзяжи!—„Ахъ, дзякуй табѣ, мужикъ, што ты мнѣ сказавъ!“ А мышъ шкрабъ—шкрабъ по вокну! „Хто йто шкрабаа?“—Да ето баба уже прибѣгла! Чортъ промятьцю вонъ зъ двора. А мужикъ пытаетца: куды жъ ты побяжишъ?—Побягу къ ксяндзу у дворъ. А якъ яна узнова будзець шукаць мяне, ты прибяжи да скажи! Побѣгъ къ ксяндзу, выгнавъ яго вонъ, а самъ ставъ жиць у ксяндзовымъ дворѣ. Наговорили паны ксяндзу: ето мужикъ тамъ нагнавъ къ табѣ чарцей. Застрашъ яго, дакъ ёнъ выгоня! Ксёндзъ сыскавъ мужука и говора: ты на што нагнавъ ко мнѣ чарцей? Ня жиць жа табѣ на свѣци, коли ня выгонишъ! А выгонишъ, тыщу цалковыхъ заплачу! Мужикъ узновъ поймавъ мышъ, пусьцивъ помижъ воконъ, а самъ пошовъ къ чорту. Чортъ якъ убачивъ и спужався: чаго ты, каа, прибѣгъ?—Чаго? борджѣй уцякай: баба бяжиць къ табѣ. Казала: коли будзя хуватца по дворахъ, то перавяду стараго чорта!—Дзякуй табѣ, мужикъ, што ты прибѣгъ ко мнѣ. Я цяперъ побягу ў болото: тамъ яна мяне ня найдзя!.. А мышъ шкрабъ—шкрабъ, да й запищала. Мужикъ кажа: скорѣй уцякай, а то баба бяжиць и кричиць! Чортъ якъ пусьцитца ў болото! Тольки мужикъ яго и бачивъ. Такъ мужикъ перахитривъ и чорта и заробивъ сколькi тысячъ грошай...

Д. Колбовка, чигир. вол. быx. у. Запис. г. Тихановичъ.

64. Чортъ хромый и баба.

Бывъ сабѣ, знаць, Андрей Хвёдоровъ, мужикъ простэй, знаць. И имѣвъ ёнъ сабѣ грошiй и хлѣба. Ну й людзёмъ ёнъ, кому треба што,—знаць,

продовольствывавъ. Ну, мѣвъ позычацъ хлѣба кольки ўгодно и грошiй. И не дававъ такъ, на исципку, а дававъ съ пяциной: на чецьврикъ два гарцы (въ Бѣлор. четверикъ 10 гарнц.); рубъ даецъ на годъ, а бярецъ рубъ дватцацъ. Дакъ ёнъ за чатыреста рублей своихъ и за хлѣбъ собравъ пяцины триста рублей. Ну, тоды пошовъ ёнъ къ бацюшку: такъ и такъ, говорицъ,—собравъ я пяцины триста рублей, што мнѣ зробицъ зъ гетыми грошми пяцинпыми?—А што, говбрицъ, дзицятко, зробицъ: ты зробъ цэрькву. А три годы усё-тки не ходзи ў цэрькву! Ну, ёнъ ставъ строицъ цэрькву. Строивъ, строивъ—у три годы состроивъ. Ну, тоды собралиси попы, стали свяцицъ цэрькву тую. Пошли кругомъ цэрьквы съ обуходомъ, а яму вялѣли: „крыжомъ припадзи къ зямли, раскрыжуйся, покуль мы оббйдземъ съ обуходомъ!“ Ну, ёнъ припавъ крыжомъ, а йны пошли съ обуходомъ. Покуль яны обыйшли три разы, полядзяцъ—нема яго на томъ мѣсьци,—тольки яма, а ёнъ скрозь землю пройшовъ.

И бывъ у яго сынъ Иванъ Андреявъ,—музыка. Такъ ёнъ, знацъ, гетый сынъ остався одзинъ и дужо заскучавъ: якъ гето, куды бацька подзѣвався? Ну, ўзявъ усю свою пяньку, собравъ и ў людзей усю, звивъ вярёвку и полѣзъ у яму, свойго отца разыскувацъ. Лѣзъ, лѣзъ—сажанёвъ двѣсьця, ци чатыреста—спусьцився на рынокъ. Пдзёцъ по рынки, стоицъ лошадзь ли плоту привязана санками; дзяволы дровы цягаюцъ на ёй. Лошадзь тэй говорицъ: „здрастви, говбрицъ, сынокъ!“ Ёнъ дзивитца: лошадзь стоицъ и отвѣщаецъ словясомъ. Дакъ и ёнъ поздрастувався: здрастви, говорицъ, оцецъ!—„Вотъ куды я, сынокъ, попавъ!“—А за што ты, говорицъ, попавъ?—„За своё за грабицялство! Што были людзи—можа гроша ня мѣли, а я бравъ пяцинку; можа ѣсь нечаго было, а я сабѣ у пяцину и послѣднее бравъ! Дыкъ вотъ за гето и попався!“—Ну што жъ, бацюшка, я табѣ не помогу! А ёнъ каецъ: „поможешъ, не поможешъ, а йдзи пойграй имъ, якъ ты музыка! Можа яны пошлюцъ цябе на нашъ свѣтъ струны купляцъ на мнѣ, якъ ты на своей скрыпцы потрѣзаешъ!“

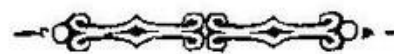
Ёнъ пошовъ по базару, а йны и зовуцъ яго у хату: Иванъ Андреявъ! ходзи къ намъ пойграй! Ну, ёнъ увыйшовъ у комлату и ставъ играцъ. А дзяволы скачуцъ, гуляюцъ. Игравъ ёнъ, игравъ,—ажны начепъ порѣзався. Ну, тоды яны просюцъ яго играцъ, а ёнъ говорицъ: нечимъ! Нясуцъ яны яму своё струны. А ёнъ каецъ: не могу на вашихъ играцъ. Дайця мнѣ коня на свой рынокъ зьѣздзицъ, тоды струны куплю, буду играцъ, а вы будзеця гулянъ! Яны коня яму не даюцъ, а дали дъявола: хромбго, сляпбго, кривбго. Дали яму много грошiй, ёнъ сѣвъ и поѣхавъ. Сѣвъ, знацъ, на дъявола на 'кáрокъ зъ лѣвой стороны—съ правыя жъ сѣвши, на имъ не поѣдзешъ—сѣвъ и бъёцъ яго ногами: „бѣсъ цябе, го-

ворицъ, вѣдыецъ, якій ты такій уродзився!“—А што, голубчикъ, якій я уродзився: была сабѣ вумнёная жанщѝна—другого урождэнія дзяцёнка; расчинила квашню, и тольки стала растворяць—дзяцёнокъ закричавъ. Такъ ина не перехрясьцила и отвярнулась къ дзяцёнку къ маленькому. Ну тоды, тольки ина отвярнулась, а я ў дзяжў. Баба тая обярнулася отъ дзяцёнка да дзяжу хрѝсьцицъ: во ймя ’тца... Ну, мнѣ церязъ хрёстъ и нельзя вылязьци. Назаўтраго опяць надобя гету дзяжу подчиняць. Опяць пришла, стала колоцицъ дзяжу гету, расчѝну. Поколоцивши, засыпала мукѝ, а засыпавши муки, стала яѐ мясицъ. Ну, мнѣ жъ нельзя вылязьцъ, а йна мѣсицъ. И подавила мнѣ и бокѝ, и грудзи, и спинў, и ўсё: и ставъ я хромы̀й, и горбатый, и скуловатый, и кривый, и сляпый. Оставс́я я на вярхў, а йна опяць перяксьцила:—нельзя мнѣ вылязьци церязъ хрёстъ. Назаўтраго узяла квашню открыла, перяксьцила ды мяне у первую булку увопхнула, ды на лопатку, ды прямо ў печь! Тоды, знатца, я жарився-жарився... Али-тку вынила ина хлѣбъ съ печи, поклала выхолодзиць у комлаци у другей. Ну, тутъ я простывъ и оставсь у живыхъ. Тоды, пришлося работьнику тую булку рѣзаць. Ёнъ узявъ ды не перяксьцивъ яѐ и разрѣзавъ. Отъ я й выскочивъ оттуль, у живыхъ оставшись... Дыкъ вотъ зачимъ я такій!

Ну, ѣдзецъ гетый Иванъ Андреявъ по рынки начепъ купляць, а ходзицъ подгородьская хрисьянка коло крамовъ и бросаетца на мѣщанокъ за своё дзѣло: „вы, говорицъ, обманьщики! тольки шкуру лўпиця зъ насъ,—никому пользы не даецё, тольки сабѣ!“ Тоды тэй музы̀ка говорицъ: „ай, говорицъ: гето жъ тая баба, што цябе у дзежцы мясила!“ Дыкъ ёнъ тольки бывши, и нема—вѣдома дзѣ дзѣвся. И покинувъ яго зъ грошми на гетымъ рынки.

А бацька тамъ и остався. Дъяволы̀ и цяперь смолу возюцъ.

Д. Мосаръ, мошкан. вол. сѣнн. у. Отъ кр. Кондратія Григорьева, 57 лѣтъ, неграмотнаго.



МЕРТВЕЦЫ.

65. Мертвая вѣдьма и шавецъ.

Уво 'днэй дзяревни жила вѣдзьма, баба. Якъ помéрла йна, дакъ яé схували на царковъи. Яна, померши, ня давала збыту, кажную ночь дзѣлала порчу у цэркви: вобрàзы побъè, свѣчи погрызè... Скольки ни ставляли сторожовъ, усихъ поѣсць и косточки ня покиня. Бяда зъ бабой—вѣдзьмой. Яны стали докладàць начальству. Начальство поставило калавурицъ солдатовъ, а вѣдзьма и тыхъ поѣла. Стали тоды шукаць смяльчакá, кабъ тэй пераночувавъ у цэркви. Ну, й знашли у шинку шавца —пъяницу; ёнъ усимъ мужукамъ дужо надоѣвъ пъяный, отъ яны и стали уговаруваць яго ици у цэркву калавурицъ ноччи. „А зачимъ, кажа: можно! тольки дайця мнѣ на ночь гáрняцъ горѣлки и гарняцъ маку, и плецъ зямцà, и хрестъ, и пѣвня!" Ну, яму, звѣсно, усё ето дали. Ёнъ убивъ баньку у булавѣ (кольцо въ куполѣ), привязавъ плецъ, узявъ съ собою свое начиньня и пошовъ. Усцягнули яго у булаву. Ёнъ поставивъ перадъ собой горѣлку: выпъя да й пяè. Сяродъ ночи приходя вѣдзьма и давай своимъ порадкомъ: „ага, хто тутъ ё?"—Шавецъ пъяница!—„Ну, сяйчасъ и косточки ня 'ставлю!" А шавецъ и ня спужався: пяè да чàсцянько горѣлку пъè. Вѣдзьма й закричала: „старыя и малыя, ко мнѣ на помогу!" Тутъ уси мертвяцы идуць и домовинки съ собой нясуць, церамкѝ. Вѣдзьма заволала имъ ставляць домовинки и церамки одзинъ на одзинъ, и полѣзла по ихъ на верхъ. Тольки хоцѣла узяць шавца, а ёнъ сыпéль маку! Такъ усё и побурилося, и вѣдзьма звалилась. „Погодзи жъ," каець. „Становиця узновъ!" И полѣзла. Тольки узяць шавца, а ёнъ яé по лбу хрéстомъ,—яна й звалилася. „Погодзи жъ, пъяница дурный! Рабяты, узновъ начинайця складуваць!" Тутъ уси мертвяцы узновъ узялись складуваць. Полѣзла вѣдзьма за имъ, а ёнъ пѣвня краць! А пѣвянь кукареку! Вѣдзьма упала и забилася, и мертвяцы помёрли. Одзинъ шавецъ остався живъ; сядзиць на булавѣ, пяé да горѣлку пъé. Пришли людзи, цэркву отцёрли, ажъ тамъ повна цэрква мертвяцовъ, и вѣдзьма ляжиць ня жива. Тоды людзи зняли шавца, поховали усихъ мертвяцовъ, вѣдзьму пробили осиновымъ коликомъ и спалили на осиновыхъ дровахъ. Послѣ того у цэркви усё змирилось. А шавецъ за ето ня ўзявъ ничого.

Дер. Вязъмы, чигир. вол. быхъ. у. Отъ кр. Карпа Войтенкова.

66. Мужи—мертвяцы.

Якъ жило двѣ жонки. Яны перша были жанатыя, а пòтомъ зыўдо-

вѣли,—мужы ихъ поўмирали. И имъ кажный дзень треба було пругонъ служыць ици, а сабѣ работыць и не́кыли. Дыкъ яны днёмъ на пругони работаюць, а пришовши съ пругону, ноччу къ сабѣ на ниву йдуць, жаць при мѣсячку. Вотъ яны жнуць, жнуць, а споповъ нема кому носиць. А якъ были мужы жывы, дыкъ яны бывало носили. Вотъ яны и кажуць: „Божа, Божа, кабъ то мужы были, яны бъ намъ снопъя поносили!" Коли пылядзяць, ашъ идуць къ имъ ихъ мужы, удвохъ. Пришли и стали имъ снопъя носиць, и гывори́ць зь ими. Жонки дужо были рады, што яны имъ пымогаюць и зь ими говоруць. Такъ яны жали, а яны снопъя носили, чуць не до дня. Тоды, пошли повячерали и лягли спаць. Назаўтраго яны пошли на своё мѣсто, а жонки пошли на пругонъ. Пришли съ пругону и опяць жаць икъ мѣсяцу. И мужы приходзюць. Тыя жнуць, а яны снопъя носюць. И ходзили яны такъ кажную ночь, покуль жыто пожали. На послѣднію ночь яны стали гуляць дожинки. Сѣли вячераць, тоды уво 'дныé звалилыся лошка потъ столъ. Полѣзла яна дыставаць лошку, коли пылядзиць, ашъ у ихъ ноги коровъи. Ну, яна скорѣй зъ-за стола ды на вулицу, стала сусѣдзявъ зваць. Пришли сусѣдзи у хату, ашъ хата отчинята, и нема никого. А тэй жонки тольки шкура висиць на печцы.

Г. Сѣнно.

67. Мертвецъ и деньги.

Жила одна помѣщица дужо быгатая. И ў яе було́ три сыны. Вотъ гэта помѣщица захворѣла, и видзиць, што яна ўжо помрець,—не зыхоцѣла, капъ яé грошы зысталися сыномъ. И была ў яе покоёвая дзѣвка, што служыла у яѐ змалку. Дыкъ ина просиць у своёй вѣрный служанки, капъ яна дала ёй пылотна: я, каець, сыбираюсь умираць, дыкъ дай мнѣ пылотна,—я буду сабѣ шиць на смерць подушачки! Дзѣвка гэта дала ёй пылотна, дыкъ яна ўзяла, сшила двѣ подушачки, и въ водну подушачку пыложыла бумашки, а ў другую пыложыла золота. Тоды призвала дзѣвку покоёвку и кажыць: „глядзи жъ, каець, якъ я помру, дыкъ ты пыложи мнѣ гэтыя подушачки ў домовину по́бочъ. Ты, каець, и одзѣвай мяне, я табѣ сто цалковыхъ отказую!" Помёрла паня, дзѣвка тая одзѣла яе, прибрала якъ треба быць, и пыложила тыя двѣ подушачки зъ ёй у труну. Ну, пыховали яé. Тоды оглѣдзилиси, што нема гро́шый. А вѣдыли, што у яé було много. И напали на гэтую дзявчонку, стали ыракáць, што гэто яна пыбрала. Яна й божилася и клялася,—ну яны не повѣрили и зысадзили яѐ у вострогъ. Тоды яна сядзѣла тамъ и ўздумыла про тэи подушачки. Призвала своихъ паничовъ и кажыць: ци ня были

гэто у тыхъ подушачкахъ грошы, што йна шыла перать смерцю? Ну, яны пошли и откыпали яѐ. Коли пылядзяць, ашъ у яѐ ны грудзёхъ крукъ сядзиць, и съ однэй подушачки цягаець бумашку, ды ёй у глотку, а йна глытаець, а зъ другей—золото ёй ў глотку, и йна глытаець. Яны хоцѣли гэтыя гроши ўзяць, дыкъ крукъ не даець. Яны яѐ ўзяли и зыкопали изъ грошами съ тыми.

Ульяновск. вол., сѣнн. у.

68. Ночлегъ мертвецовъ.

Жили сабѣ такъ два браты. И яны ʼбодвы пожанилися, и ще дзяцей у ихъ не было, яны и помѐрли ʼбое. Хозяйки были молодыя, дыкъ имъ у етакую пору [1]), у жниво, треба коло кладзища ходзиць. Ну, дзень яны жали, тоды ето надъ-вечаръ, якъ скотъ домовъ идзѐць, дыкъ ета, большая, домовъ пошла, а меньшая засталась снопъя носиць, ды й припозьнилася позно. Идзѐць ли кладзища ли етаго,—выскакуюць мужи етыя ʼбое и говоряць: „жджиця насъ, мы сіеношную ночь прйдземъ къ вамъ у госьци!“ Яна спужалась дужо, пришла и говѐриць: моя ты, говориць, сястрица,—придуць къ намъ наши мужуки сяньни! А яна каець: дура ты, каець: ня бойся! Придуць, каець, побудуць да й пойдуць! Ну, сѣли яны, повячеряли удвёхъ. Тоды бóльшая нявѣстка говóриць: „нўмотка мы хату затопимъ!“—во время сна глубокаго, коли уси поўспались ужо. „Ты сѣй муку, а я унясу говядзину!“ Значитца, знаходзиць работу, госьцей етыхъ дожидаючи. Ну, печка, дóбря не разгорѣлися дровы,—яны сычасъ скокъ у хату ʼбое. Большій начавъ сваритца на свою: на што позно печку топишъ? Яна яму отвѣщаець: табѣ лацвѣй, у цябе ўсё подзѣлано, а ў насъ работы много! На тую говориць: ты, каець, мяси хлѣбъ! А мужикъ меньшія не даець, ирвѐць изъ рукъ дзежку, да зовець яѐ ў клѣць спаць. Тая жъ большая узяла да стала жаръ загрябаць, а на меньшую сказала: ты мяци хату! Ёнъ у яѐ узявъ вѣникъ зъ рукъ вырвавъ. И повёвъ тыки у клѣць. А йна стала на свойго сваритца, да ўсё то тó, то другое прибираець. А ёнъ усё грямиць на яе: ты туши ʼгонь, ужо ўремя намъ спаць ложитца! Пришло бъ ёй ето ужо спаць ложитца —пѣвни запѣли. Дакъ ёнъ барано́мъ покацився съ хаты, а той съ клѣци. Яна одна осталась у хаци. Потомъ яна ужо не клалася, боялася класцися спаць, и сядзѣла покуль на ранки стали гнаць. Дыкъ яна гукнула сусѣдку къ сабѣ на дворъ: послухай ты мяне, миленькая, родненькая, полядзѣць молодзицы моѐ у клѣци,—ци жива, ци нѣ? Увыйшли яны у клѣць,—дыкъ яна замучана ляжиць,—правая грудзь вырвана.....

С. Братьковичи, климов. у. Отъ кр-ки Авдотьи Харитоновой, 45 л.

[1]) Запис. 15 іюля.

69. Вѣдьмакъ — мертвецъ.

Жили сабѣ два браты. И было у ихъ зямли пообмаль. И стали яны сваритца за зямлю. Тоды одзинъ братъ напросивъ вѣдзьмака, кабъ ёнъ яму нарядзивъ, кабъ ёнъ умёръ. Вѣдзьмакъ той и нарядзивъ—братъ и помёръ. Черазъ скольки ўремя помёръ и вѣдзьмакъ. Тоды злучилось тому брату ици ли могильнику. Ёнъ позно ишовъ, присѣвъ и заснувъ на дорози ли могильнику. И видзиць уво снѣ вѣдзьмака: „вотъ, каець, кабъ ты ко мнѣ зайшовъ, тутъ мясо славное ёсь, давъ ба й табѣ, коли бъ ты зайшовъ сюды!“ Пришовъ ёнъ домовъ, повячеравъ и пошовъ изновъ на поля ли могильнику, уже по заходзи сонца. Якъ ёнъ подыйшовъ—вѣдзьмакъ жджёцъ: ходзитка, каець, сюды мясо ѣсць. Перевярнись, каець, задомъ ко мнѣ, да сигни разы три назадъ!“ Ёнъ перавярнувсь, и ставъ зразу у могилцы,—якъ разъ якъ комнаци нябольшенькой. Ляжиць тамъ яго братъ, и ножикъ ли яго бытто. Етый вѣдзьмакъ рѣжецъ съ одной половины и ѣсць. И што ёнъ отрѣжець, дакъ яно сичасъ опяць заростаець. Тоды отрѣзавъ отъ *яго* половины скибочку: „на́, говориць, ѣжъ говядзину! Я поддзѣлавъ, а ты просивъ, дакъ намъ, говориць, съ тобой умѣсьци и ѣсць!“ Тэй узявъ скибочку у ротъ, укусивъ, дакъ ня могъ проглыциць.—„Ну, коли цяперь ня хочешъ ѣсць, дакъ придзець урemя: твоя (половинка) табѣ будзець! Перевярнись задомъ и сигни узновъ три разы!“ Ёнъ сигнувъ и опяць ставъ на дорози. Пошовъ домовъ, захворѣвъ и помёръ скоро.

С. Тимоново, клим. у. Отъ кр. Евфима запис. мною.

70. Мертвецъ и малецъ.

Якъ пасьцили мужуки коній у лѣси. Усимъ мужукамъ носили ѣсьци, а одному малцу нѣ. Ёнъ успомнивъ, што тутоцьки ли лѣсу хорошій мужикъ живѐць, Якывъ, вотъ ёнъ и пошовъ къ яму выпросиць ѣсьци. Увыйшовъ у хату, ашъ Якывъ помёръ, ляжиць у трунѣ прибраный. Жонка побѣгла за попомъ, а ны столѣ покинула горѣлку и латки ў сметани. Ёнъ узявъ, помолився Богу, выпивъ одну чарку горѣлки, закусивши другую, тоды третьцію. А тоды што уздумывъ? Узявъ, вынивъ Якыва съ труны, обмазывъ видъ у сметану, уклавъ у зубы латку и вытуркнувъ празъ вокно гыловў, капъ, значитца, подумыли, што ёнъ латки поѣвъ и горѣлку выпивъ. А самъ пошовъ коній ўзновъ пасьциць. Приходзиць туды попъ увидзѣвъ, што гэткое дзѣетца зъ Якыва и кажыць: ёнъ чаровникъ, яго нялзя хувадь на могильнику, яго треба пухувадь у жавиньнику (ежевика)!

Самъ пошовъ домовъ, а Якыва пухували безъ яго ў жавиньнику. Ну, што жъ ты думыешъ: съ тыхъ само поръ ставъ гэтуму мальцу́ спитца тэй Якывъ, ды кажный ночи: „а, каець, гэто я церазъ цябе пухуванъ у жавиньнику!“ Малецъ тэй ставъ сохнуць, ставъ сохнуць, пымирацъ сыбирався. Алитку признався матцы. Матка пузвала пупа́, и перахували Якыва ны могильникъ. Ну, якъ перахували, и малецъ ставъ очуняць, пыздоравлюваць.

Въ г. Сѣннѣ.

71. Чернокнижникъ.

Якъ живъ сабѣ на свѣци панъ. И бывъ дужо большій чарнокнижникъ. И ёнъ перадъ смерцю скызавъ, што дась тому двѣсьця цалковыхъ хто яго пувязе́ць хыронпць уно́чы. Ну, якъ ёнъ помёръ, дыкъ паня раздумылася и пыслала работниковъ заве́зць яго. Вязьли яны, вязьли, ашъ ныстала по́внычъ. Сычасъ думовина отпёрлася, панъ вылѣзъ и пыдавивъ ихъ. А самъ и лёхъ узнова ў думовину. Кони возили, возили яго и привязьли домовъ. Зраньня паня́ увидзѣла, што панъ вярнувся, дыкъ яна подумыла, што работники яго обобрали и сами уцякли. Дыкъ яна скорѣй поѣхыла тэй дорогой дыгоняць ихъ. Пріѣжжаець на тое мѣсто, ашъ яны ляжаць пыдавленыя. Вярнулась ина домовъ и стала дывацъ трпста цалковыхъ тому, хто яго зывязе́ць. Тутъ нашовся одзинъ малецъ: „я, каець, зывязу, тольки треба обкувацъ думовину, запре́гчы выроныхъ коній, купиць чорную сермягу и ўзяць съ собой чорныго собаку, чорныго пѣвня и чорныго кыта!“ Ну, яму̀ усё гэто дыставили. Тоды ёнъ, якъ тольки сонца зайшло, и повёзъ. Ѣхувъ, ѣхувъ—до повнычи. Якъ ныстала повнычъ, сычасъ обручы полопылиси и панъ вылѣзъ. Тэй малецъ на ёлку. Панъ ставъ дратца за имъ. Дрався, дрався,—чуць не доставъ. А ёнъ яму ботъ зъ ноги скинывъ. Панъ злѣзъ, ботъ пырвавъ и узнова лѣзець. Малецъ кинывъ яму другій ботъ. Панъ узнова злѣзъ, пырвавъ, и опяць за мальцомъ лѣзець. Тэй малецъ кинывъ яму сермягу, а тоды собаку, а тоды кыта. Панъ пырвавъ и узнова лѣзець. Тоды, тольки бъ яго узяць, а малецъ пѣвня цись, а пѣвянь—кукареку! Панъ и звалився зъ елки, и забився. Тоды малецъ яго за ноги ды ў думовину, ды завёзъ, пухувавъ.

Д. Заровье, лисич. вол. сѣнн. у. От кр. Ефима Холмы.

72. Дѣвки и кости.

Ходили дѣвки на ночь на посидѣнки, и здѣлали вечаринку. Отъ, пошли яны по горѣлку. Ляжати кости на дорози. Отъ, яны ка̀жать: кости, кости!

ходитя къ намъ у гости! у насъ вечаринка сягодни! Отъ, яны пришли домовъ, принясли горѣлку, ажъ яны й тращать черазъ порогъ. Пришли, сѣли за столъ—якъ чаловѣкъ—и говбрать на дѣвокъ: „ну, давайтя горѣлку!“ Яны поставили горѣлку. „Давайтя яешню!“ Подали яешню. Стали ѣсти,—одна дѣвка и упустила мясо. Стала поднимать, ажъ тырчать съ подъ лавки кости. Отъ яны побѣгли утякать, а кости за ими. Поймали одну дѣвку да на колѣно, да й параломили. А тые дѣвки поўтякли, да ў лазьню, а одна дѣвка у плоскани сховалася. Подбягаять кости къ лазьни: „хто тутока?“—Божая свяча!—„А тутока?“—ў плосканяхъ.—Чортова рогозà, яна отказуя. Ну, кости тую дѣвку вытягли и задавили.

С. Перерость, гом. у.

73. Мертвецъ и малецъ.

Гуляли ў дзяревни вясельля, и було дужо много людзей. И за вячерой стали гомоницъ объ покойнику, што лежавъ объ гэто ўремя у церкви. Тоды одзинъ малецъ кажецъ: я не боюсь мертвяцовъ; коли хочецця, принясу вамъ сюды и гэтаго! Яны жи стали смѣятца коло яго. Тоды ёнъ узявъ, пошовъ у церкву. Приходзицъ туды, ашъ церква отомкнута. Ёнъ увышовъ у церкву, узявъ мертвяца и понёсъ у тую хату. Принёсъ и поставивъ у кочарежнику. Ну, уси, звѣсно, попужалиси, якъ ба не было— и поўцякали, хто празъ вокно, хто празъ двери. Алитку разосмѣлившись, собрались усёй дзяревней и пошли у тую хату, капъ яго узяцъ и отнесьци у церкву. Брали, брали яго съ кочарежнику—ниякъ. Ну, позвали попа. Попъ прочитавъ молитву: стали узнова брацъ—ниякъ! Ну, тоды попъ каецъ: нихто яго пѣвне отсюль ня вôзьмецъ, якъ тольки тэй, хто яго сюды принёсъ! Ну, малецъ тэй каецъ: я принёсъ! Бацюшка спознавъ, што гэто нѣшто нядобро, высповѣдавъ мальца на смерцъ, сказавъ надзѣцъ бѣлую сорочку и попрощатца. Тоды тэй малецъ подышовъ къ мертвяцу, поднявъ яго и понёсъ у церкву. Принёсъ туды, поклавъ яго ў труну и хоцѣвъ ици, а ёнъ яго и общапивъ руками. Дрався ёнъ, дрався—ниякъ. Подышли людзи, стали молитца, попъ ставъ обѣдню читацъ, а ёнъ дзяржйцъ. На третьцій дзень того ужо треба хувацъ. Тутъ людзи ўси стали отнимацъ мальца, стали руки тому отразацъ, а малецъ кричицъ: больно, ня рѣжця! Билиси-билиси, и мусили покласцъ обоихъ у труну. И похували. Во й сказки конецъ.

Сѣнн. уѣздъ. Запис. г. Клесовъ.

74. Мертвецъ и панъ.

Ѣхавъ зимой панъ на тройки коній съ кучаромъ. Ѣхали, ѣхали и пріяжжаюць къ кладзищу. И дзѣло гэто було увечари, позно, у дзяревни ўси полягли. Тоды панъ каець кучару: стой, братъ,—давай тутъ ночаваць, а то тамъ у дзяревни полягли и ня пусцюць насъ на ночь! А кучаръ каець: нѣ, паночакъ, я боюсь!—Ну, каець, дурень ты, ня бось! ты ложись на повозцы, а я лягу на гэтой могилцы, што сяньни нарыта! Ну, и заночавали. Кучаръ жа якъ лёгъ, такъ и заснувъ, а панъ пошовъ збокъ могилки лёгъ. Лёгъ и ня спиць. Чаразъ нѣскульки ўремя вылѣзаець изъ могилки мяртвецъ. Якъ вылѣзъ, такъ и пошовъ прамо у дзяревню. А панъ усё ня спиць. Часы чаразъ два идзѐць тэй мяртвецъ назадъ. Панъ на гэто дзѣло бывъ не страшанъ и ўлѣзъ у яму. Тольки ёнъ хоцѣвъ лѣзць у ямку ў свою, а ёнъ каець: „стой, не пущу, куды лѣзешъ! Идзѣ бывъ?“ Ёнъ мовчиць. „Што мовчишъ, отвѣчай!“ Ёнъ каець: ходзивъ къ бацьку!—„Чаго?“—Заморивъ брата зъ братóвой!—„Э, каець: худо ты здзѣлавъ, бацьку забидзѣвъ. Скажи, якъ ихъ отживиць?“ Ёнъ мовчиць. „Што мовчишъ, отвѣчай!“—Тамъ, каець, дзѣ яны спали, подъ поломъ ляжиць два пузурки зъ живой водой и зъ мертвой. Дыкъ ихъ треба мертвой водой збрызнуць уперáдъ, а тоды живой. Яны й отживуць! Ды пусьци, каець, а то пѣвни скоро запяюць! Панъ вылѣзъ зъ ямки, а ёнъ туды. Тольки полѣзъ, а пѣвни у дзяревни кукареку! Ёнъ и ня ўспѣвъ улѣзць, ноги и остались вонкахъ. Тоды панъ узбудзивъ кучара и поѣхали у дзяревню. Пріѣхали къ крайней хаци: идзѣ тутъ тэй чаловѣкъ, што ўчора сынъ помёръ? Ну, ихъ довяли до мужука до того. Увыйшовъ панъ у хату: „Здрастви!“—Здоровъ!—„Я чувъ, што тутъ мужикъ зъ жонкой помёръ сеночи. Я могу отживиць ихъ! Вядзиця мяне туды, идзѣ ихъ полъ!“ Привяли яго къ полу, ёнъ поднявъ полъ и выцягнувъ два пузурки зъ водой. Ёнъ перша одной ўзбрызнувъ на ихъ, послѣ другой—яны и поднялѝсь. Тоды бацька зъ маткой собрали сусѣдзей, пошли на кладзища, а яго ноги тырчаць. Ну, яму колъ осиновый у спину ўбили, ёнъ и пераставъ ходзиць.

Сѣнн. у.

75. Пятрокъ-шавецъ и мертвая паненка.

Разъ пришла одна паненка къ шавцу, захоцѣла сабѣ черявики пошиць. А ў того шавца бывъ вўчань, и звали яго Пятрокъ. Якъ ставъ шавецъ знимаць мѣрку, паненка тая подняла ногỳ и троху заголилася. А Пятрокъ сядзѣвши зъ другого боку сапожницкаго стóла, подглѣдзивъ

ето дзѣло, и улюбився у ету паненку. Удругъ шавецъ змѣривъ ёй мѣрку, ина й пошла. А ёнъ потомъ сказавъ свойму дзядзьку: што я въ яе́ дужа ўлюбився! Ну, тоды, работаюць яны дзень; вечаръ пришовъ, дзядзька на яго кажець: давай вячеряць, Пятрокъ! Сѣли яны удвоихъ, повячеряли, ды й лягли спаць. Дзядзька жъ етый лёгъ да й спиць. Якъ тольки жъ приходзиць серядзи ночи, приходзиць ета паненка сюды назадъ, и бяре́ць Пятрока етаго въ 'хапку, а кладзе́ць на свой карокъ, и пошла зъ имъ у бѣлый свѣтъ. Скольки ина тамъ носила яго, къ свѣту принесла яго назадъ и поклала на *свою* посцель. Устае́ць ўраньни яго дзядзька, й бяретца за свою работў опяць. Поработавъ ёнъ можа часъ, али й два. А етаго Пятрока яго нема,—спиць. Ёнъ сабѣ дзивитца: „што ето такое, што ёнъ третьцій годъ у мяне работыець, и ниразу зъ яго етаго не было́? А давайка я пойду разбуджу яго. Што бывало ёнъ два али три часы устанець ранѣй за мяне, а сяньни ёнъ нѣшто заспався!“ Ёнъ поклавъ свою работу за столъ и пошовъ яго будзиць. Прихо́дзя икъ яго посьцели, ёнъ ляжиць, и вочи глядзяць яго. Ёнъ тоды гово́рить: што жъ ты ня спишъ, говора, а работаць ня ўстае́шъ? А ёнъ яму̀ ничого не сказавъ. Тогды етый дзядзька рассердзився: кыли ты работаць ня хочашъ, дыкъ я цябе ращитаю! Ды самъ и пошовъ отъ яго. Ударивъ нѣскульки разовъ молоткомъ, и яму рупитца, ня церпитца. Самъ сабѣ думаець: што ето яму здзѣлалось? Жонка яму̀ й говорицъ: а йдзитка, Михалка, распытай яго,—можа ёнъ чимъ нездоровъ? Ёнъ пришовъ знова къ яму и давай распытываць. Ёнъ яму сказавъ нѣмымъ языкомъ: „што якъ мы ўчора работали, ды приходзила къ намъ паненка, дыкъ ты ёй дзядзька знявъ мѣрку, а я подглѣдзивъ, якъ ина заголилася, и улюбився въ яе́. То якъ тольки мы ўляглись спаць съ тобой, дыкъ ты думавъ, што я сплю кыля цябе, а йна пришла и ўзяла мяне.“ Дзядзька етый сійчасъ дыгадався, што ето дзѣло неакуратно. Ёнъ не ставъ яго чепаць и давъ яму очу̀хатца. Етый жа Пятрокъ спавъ до самаго вечара. Вечаромъ ёнъ очўхався. Тогды дзядзька яму гово́рицъ: „вотъ, сядзька жъ ты, ды повячеряй, мой голубе̇цъ, а я табѣ госцинецъ приготую коля яе́!“ И ёнъ яму уно́сиць три палки. „На̀, говоря, етыя палки! Якъ будзешъ ложитца спаць, дыкъ ты ихъ кряпчѣй затор'ни за поисъ, и дожидай яе́, ня спи. Якъ тольки йна придзя къ табѣ и возьмя цябе знова въ 'хапку и поляциць съ тобой, дыкъ ты, якъ можно, лѣвой рукой за косы яе крѣпко дзяржися. И якъ тольки кончаетца крайній дворъ у дзяревни, дыкъ ты сійчасъ бяри съ праваго боку палку и би яе́, скольки силы ёсь, по головѣ. Якъ тольки ету палку поломаешъ, бяри зъ лѣваго боку и би, якъ ня посильнѣй. То йна будзець цябе легше носиць. Якъ тольки йна пераве̇рнетца назадъ съ тобою, ты тогды бяри ззадзи палку и яще́ посильнѣй би яе́!“...

Ну, ина принесла яго тольки къ двору. Ёнъ тыя уси палки збивъ на ёй. У хату йна не могла ўжо унесць,—кинула яго на дворѣ, а сама низвѣсно гдзѣ дзѣлась. Ёнъ тогды пришовъ у свою хату и лёгъ на посцель. Чуць тольки стало развиднѣвацъ, ёнъ уставъ и бяретца за свою работу. Устаѐць яго дзядзька и пытаетца у яго: што, Пятрокъ, якъ дзѣло твоѐ? А ёнъ яму говдря: слава Богу, дзядзька, спасибо табѣ за твою раду! Тогды ёнъ яму говдрицъ: „глядзи жъ ты Пятрокъ: къ намъ прйдзя панъ скоро и цябе будзя нанимацъ надъ мертвяцомъ ночавацъ; а ты яму скажи, што панъ, я боюся, я чаловѣкъ молодый, а нехай лучче идзецъ дзядзька мой!“ Ну, такъ и ёсь. Приходзицъ панъ и наймаецъ Пятрока. Пятрокъ кажецъ, што я боюсь, нехай мой дзядзька йдзе́цъ!—Нѣ, говоря: я цябе хочу! А дзядзька тогды яму говорицъ, Пятроку: „дурень ты, Пятрокъ! зачимъ ты боисься? Ты страху ня бойся, а ты говори съ паномъ, скольки ёнъ табѣ за ночь заплоця! Ну, сышлися яны съ паномъ на пяцъ цалковыхъ. Панъ тэй пойшовъ. Дзядзька тогды говдрицъ на Петрока: „ложись-ка ты, Пятрокъ, отдыхни, а то табѣ надо йцицъ мертвеца сцярeчь!“ Дождався Пятрокъ вечара, яму дзядзька даецъ книжку и приказыецъ яму: на́, идзи жъ, мой сокдлъ, да тольки жъ што будзецъ дзѣлатца тамъ, дыкъ ты на ето не глядзи, а читай книжку! Узявъ Пятрокъ книжку да й пошовъ. Приходзицъ къ пану. „Ну, што, пришовъ, Пятрокъ?“—Пришовъ, панъ!—„Ступай, Пятрокъ, у хатку: у тэй хатцы ляжицъ мяртвецъ!“ Ёнъ увыйшовъ у хатку, глянувъ на мертвеца на того, ажно то ляжицъ тая паненка, што приходзила къ яму,—ёнъ яе́ забивъ, значитца. Ёнъ тогды: надо жъ дзѣлацъ, што дзядзька казавъ! За столъ сѣвъ и читаецъ книжачку тую. Удругъ поднявся по хаци вѣцеръ. А Пятрокъ книжку читаѐцъ. Расчинилися двери ў хаци, наляцѣло ворондвъ сила большая. Тогды идуцъ музуканты, зайграли тамъ. Етыя вороны подзѣлались дзѣвками уси, зачали скакацъ по хаци. Али устае́цъ и паненка ета, мяртвецъ, и кажецъ имъ: „ну, што вы, мое́ сястрицы? шукайця мнѣ мойго непріяцеля, якій мяне съ свѣту зживъ!“ Яны шукали яго по вуглахъ по разныхъ тамъ, ня найшли яго. Тогды ина и говдрицъ имъ: што вы шукаеця, говдрицъ,—вонъ жа шъ ёнъ, за столомъ сядзицъ! Тольки йна сказала такъ, запѣли пѣвни, и незвѣсне, адзѣ яны ўси подзѣвались: насилу яна тольки лягла на свое мѣсто. А Пятрокъ усё читаецъ. Тогды давъ Богъ дзень; ставъ Пятрокъ дремацъ за столомъ, узявъ да й лёгъ на злокоткахъ,—да й заснувъ. Устаѐцъ панъ тэй и гукаецъ къ сабѣ слугу: „Максимъ, каецъ: идзика ты выкинь тамъ съ хатки косьци!“—ёнъ думавъ, што яны разорвали яго. Максимъ приходзя у хатку, а Пятрокъ спицъ сабѣ бѐзъ-горя. Ёнъ тогды, видзя жъ, што у хатцы нема ниякихъ косьцей, ёнъ приходзицъ къ пану: „што жъ ты, панъ, казавъ, што у

хатцы косьци ёсь?“ А панъ каець: а хто жъ тамъ, Максимъ, у хатцы ёсь?—„А Богъ яго вѣдыецъ, панъ: чаловѣкъ нѣйкій на лавцы ляжиць!“ —Ну, дыкъ идзи жъ ты, Максимъ, узбудзи яго,—нехай идзѐць у дво́ру! Етый Пятрокъ уставъ, книжку ўзявъ и пошовъ у дво́ру. Приходзя у двору, дзядзька у яго спрашыецъ: „ну што, Пятрокъ,—якъ дзѣло твоё?“ —А, слава Богу, дзядзька! ночь отсцярёгъ и пяць цалковыхъ заробивъ! —„Ну, дыкъ ложиська, Пятрокъ, отдыхни: тэй изновъ панъ придзя!“ Приходзя панъ изновъ: „ну вотъ, ты ли мяне службу хорошую ўслуживъ, услужи й другую: я табѣ заплачу̀ большъ грошій. Придзи ты ко мнѣ ў вечари, выкыпаешъ ямку на кла́дывъи, зывязе́шъ ны коній, схуваешъ яе́!“—Ну, добря панъ, приду! Тольки што ёнъ пойшовъ съ хаты, а дзядзька Пятроку говбря: „глядзи жъ ты, што я табѣ приказыю! Якъ ты пры̀дзешъ къ яму̀, дыкъ ёнъ табѣ будзя говорицъ, што возьми коній на стайни у правомъ боку,—жирныя кони, говбрицъ, хорошія; дыкъ ты ихъ не бяри, а то ты во́зьмешъ ихъ ды й зыпряжешъ, дыкъ яны цябе забъюць. А тамъ ёсь у яго дреньненькій конёкъ, ли воротъ стоиць, дыкъ ты етаго возьми; запряжи яго, завязи и схувай яе́! Ну ето, говбря, ня служба табѣ, а будзя служба: заўтря панъ изновъ придзя!“ Ну, ёнъ такъ усё и здзѣлавъ. Вотъ назаўтря панъ приходзя изновъ къ яму̀: „вотъ, Пятрокъ, говорицъ, двѣ службы услуживъ хорошо; ну надо табѣ й третьцію послужицъ: сходзи ты на 'дну ночь на могилку, посцеряжи яѐ,—я ще больше табѣ заплачу̀!“ Ну, панъ и пойшовъ зъ етымъ. Дзядзька Пятроку й говбрицъ: ну, ты ляжъ, Пятрокъ, отдыхни, а я табѣ кой-што приготую! Тогды приходзиць вечаръ, дзядзька Пятрока выправляець: давъ яму книжку и чатыре хрясты. „На̀ жъ ты, говбрицъ, идзи, говорицъ, ды й сядзь у яе́ ў головахъ и читай книжку ету. Якъ тольки расчинитца могила и выйдзець ина къ табѣ, дыкъ ты возьми, поставъ со ўсихъ чатырёхъ боковъ етыя хрясты!“ Ну, ёнъ по̀шовъ, Пятрокъ, и такъ и здзѣлавъ. Ина тутъ што колы ямы ня дзѣлала, ну къ яму не приступилася. Якъ тольки запѣли пѣвни, ина ўскочила въ яму и легла ўнизъ вочьми. А ямка яѐ не закрылася. Ну, й Пятрокъ дожидавъ дня и пойшовъ у дво́ру. Якъ тольки прі́йшовъ у дво́ру, и жись яго кончи̇лася...

М. Молостовка, черик. у. Отъ кр. Ивана Николаева, 32 л. негр. записала въ моемъ присутствіи Анаст. Ив. Кучинская.

76. Иванъ и Хрисцина.

Вотъ жили сабѣ такъ у дзяревни два богатыхъ мужука. Уво 'днаго была дочка, а ў другого сынъ. Дакъ яны хоцѣли такъ подзѣлатца сва-

тамы. И бацька дзѣвки тыя обѣщавъ пятсотъ цалковыхъ жалованьня даць, придàнаго, посаги, значитца. Хлопецъ жа гэтый бывъ дужа чѐсный и рахмáный. Ну, замѣчаюць зъ етыя дзѣвки, што яна занимаетца волшéбствомъ силнымъ. И ёнъ, хлопяцъ тэй, никòму ня 'бъясняець, што ёнъ видзиць за ѐй нехорошія дзѣла. Тольки оцецъ заставляя яго на éй жанитца. Ёнъ говора: „головỳ отруби, а я на éй жанитца ня буду николѝ. Ожанюсь на кимъ-либо, да не на éй!“ Ну, оцецъ мусивъ яго ожаниць на другой. А тая да была у яго крѣпко удавшись,—улюбилась крѣпко. И здзѣлалась яна хвора, и прося свойго бацьку: „ты мнѣ обѣщавъ посаги пятсотъ цалковыхъ. Кабъ ты мяне три ночи не ховавъ и кабъ Ыванъ три ночи ночававъ при мнѣ, при мéртвой, и отдаць яму гроши гэты за три ночи!“ Пройшло мòжа нядзѣля, можа й двѣ, Хрисцина тая и помéрла. Приходзя тэй яé бацька къ Ывану и прося яго къ ѐй на ночь, и даéць яму сто цалковыхъ за ночь. Ну, ёнъ пошовъ. Уходзя половина дзяревни, сустракаетца зъ имъ старикъ. „Здраств, Иванъ!“—Здоровъ, старичокъ!—„Куды ты йдзéшъ?“—А такъ и такъ, къ мертвому цѣлу ночаваць!—„Ну, будзець табѣ сяньни худо, да Богъ цябе спасе,“ говора. И даé яму кружочакъ: „сядзь, говора, на гэтымъ кружочку на столѣ, дакъ ина цябе ня ўвидая!“ Ну, собралось тамъ коло яѐ ў хаци можа пятнанцаць, ци скольки, и ёнъ зъ имы. Ноччу, объ повночь, ихъ усихъ сонъ зморивъ. Увесь народъ уснувъ, яна й подымаетца зъ лавки. „Ну, говориць, Иванъ,—чаразъ цябе я смерць получила, я цябе ўдушỳ!“ Начиная шукаць яго,—ня можа, ня видзя. Шукала, шукала, пòкуль сама ўпала. Ёнъ яѐ прибравъ, на мѣсто поклавъ, и начиная народъ будзиць: „уставайця, рабяты,—што вы ўси ўснули? Про гэто имъ ничого ня говòриць. Давъ Богъ дзень—отправляетца домовъ.

На другую ночь приходзя яѐ оцецъ къ Ывану и даé двѣсьця цалковыхъ. „Якъ обѣщавъ я ёй ли посаги, дыкъ просила йна мянé, кабъ я табѣ передавъ!“ Иванъ говориць: ступай, старикъ, я сычасъ иду! Идзéць ёнъ, половина дзяревни уходзиць, сустракая яго старичокъ, пытаетца ў яго: куды ты идзешъ?—Иду, говора, къ мертвому цѣлу на ночь! Спрашуя старикъ: што, ци бывъ табѣ силный страхъ? Ёнъ отвѣщая, што бывъ. Старикъ говориць, што будзя табѣ силнѣйшій сягоньни! И даé ямỳ кружокъ другій: одзинъ, каа, дзяржи коло сэрца, а на другимъ сядзь,—то будзя табѣ меньшій страхъ! Ночавало тамъ больше пятнанцаци душъ, прибавилося уже на другую ночь. Подъ пòвночь подымаетца ина знова. Тэй народъ успувши, Иванъ одзинъ нѣ. Яна йща Ивана, говора: церазъ цябе помѐрла,—зживу цябе со свѣту!.. А видзѣць яго ня можа. И потуль искала, покуль упала. Ёнъ яѐ прибравъ, на мѣсто поклавъ, и будзя народъ: што вы мяне одного оставляеця, а ўсё спицё? И ничо-

го не говора про гэтый свой страхъ. Давъ Богъ дзень, отправився ёнъ домовъ.

На третьцію ночь приходзя оцецъ яé опяць; приносця остальныя двѣсьця цалковыхъ. „Ну, говора, Иванъ: послѣднію ночь пераночуй яще по прозьби моѐ дочки!"—Ступай, говора, старикъ,—я няўзабави иду! Идзѣ дзяревняй, уходзя половина дзяревни, сустракая яго старикъ тэй, спрашуя, „куды ты йдзешъ?"—Иду, говора, къ мертвому цѣлу на ночь!—„Нà жъ табѣ, кажа, кръжóкъ и накрыць на головѣ. Одзинъ къ грудзёмъ прикладзи, къ сэрцу, на одномъ сѣсьци на столѣ, а третьцій на головў узложи! Якій ба табѣ ни бывъ страхъ—кабъ не злѣзавъ со стола: ня тронувся ничимъ!" Приходзя ёнъ туды, а народу ўжо восямнанцаць душъ. Подъ повночь уси знова й заснули, а ёнъ сѣвъ на столѣ, однымъ кружкомъ накрывся, на другимъ сѣвъ, а третьцій къ грудзёмъ приклавъ. Яна жъ послѣднію ночь поднялася ранѣй, кабъ яго поболи шукаць. Шукала, шукала, не могла видзѣць яго. Начиная свистать богатырськимъ голосомъ, собрала змѣй постарше сябе. Одна изъ ихъ говора: ёнъ тутъ, да нельзя яго сыскаць! Глянула у кóминъ, у трубу, и видзиць, што сядзиць ёнъ на столѣ. Яна говриць: „на столѣ сядзиць,—треба ножки палиць! Треба, кажа, збираць которыя два концы паленыя лучинки!" Силно вълюшилися яны искаць яго. Начинаюць палиць одну ножку стола, такъ што столъ стоиць на трохъ. Начинаюць другую,—ёнъ ня трогаетца со стола; палюць и третьцію—столъ стоиць своимъ порадкомъ. Прилетаюць два голубы̀ и просюць пѣвнявъ: пѣвни, пѣвни, пѣйця вы! Отвѣщаюць пѣвни: пѣйця вы, коли вамъ пора,—намъ не пора! Запалююць яны уже чацьвёртую,—три спалили. А яна пошла у хлѣвъ, ищучи яго; лошадзямъ, коровамъ, скольки было, дакъ усимъ потрывала голòвы; уси крыши позворачувала, увесь домъ разорила,—шукала яго вихромъ. Ну, прилетаюць опяць два голубы̀ и просюць пѣвнявъ: „пѣйця, пѣйця, пѣвни: занявинно душа загибая!" Пѣвни отказуюць: „пѣйця, коли вамъ пора,—намъ не пора!" Ну, голубъ забруковавъ, пѣвянь на яго глѣдзючи запѣвъ. Тогды яна ўпала. Ёнъ начиная народъ будзиць: „што вы спицё, ничóго ня чуеця, якая тутъ война йдзе? Узбудзиця яé бацьку, хай побача, што ў яго ў доми здзѣялося!" А йна ляжѝць сяродъ сяней. Ёнъ уже яѐ не прибиравъ. Оцецъ тэй уставъ и спрашуя: „што гэто тутъ було?" Ёнъ яму ўсё расказавъ. „Няўжли йна такая, говора, прóклятая?" Посылая за попомъ хороницъ яе. Раюць яму̀: головў отрубиць, осиновымъ кóломъ пробиць, бо йна будзя больше ходзиць. Головў отрубили, и кóломъ пробили. Поховали; попъ закляцію здзѣлавъ, и цяперъ ня ходзя! Усё.

С. Нѣжково, могил. у. Отъ кр. Демьяна Николаева, 45 л. негр.

77. Жонка мертвая и мужикъ.

То жъ у Хоминцы (село) було. Жанщина была вѣдьма. Дакъ яна отто померла, а хозяинъ жанився зъ другою. Тяперъ яна, таа першаа жонка, ходя да й ходя къ яму̀ по ночахъ,—*спить* зъ имъ. Тяперака яна ходя, а таа другаа ня знаа етаго, што ходя, ня бачила, а ёнъ узнававъ. Ходить дакъ ходить, и отвящаа яму: я, гувора, тябе задавлю! А ёнъ да ня выдававъ яе́. А якъ сказала—задавлю, дакъ ёнъ дайся на вобчастьви и сказавъ. И попу давай говорить. Отъ ёнъ повялѣвъ откопать. Откопать повялѣвъ, и давай на яго сваритца: чаго ты, гувора, мовчавъ, чаго ты попера̀дъ мнѣ ня казавъ? А ёнъ гувора: я, гувора, батюшка, самъ упужався, я думавъ, што яна такъ обойдѐтца! Отъ, ёнъ повялѣвъ откопать. Откопали, значитца, яе́, ажъ яна ляжить ницъ, и половины покрывала у яе́ няма,—тольки половина, а половину уже, знатца, отъила. Ето наме́тку, што на грудяхъ, значитца, покрываютъ. Коли поглядять, ажъ яна ня лазя, знатца, у свою пячору (могилу), а лазя яна чаразъ двѣ пячоры. Ну̀, тяперъ попъ повялѣвъ, вузъ дровъ штобъ привѐзли. Отъ яны дровъ пристаралися, и выняли яе, и узяли, яе осиновымъ коликомъ пробили. И повялѣвъ ёнъ: накладитя, знатца, ловжъ! И склали ловжъ и поклали яе́ туды, штобъ яна, знатца, згорыла, штобъ яе на попялища. Отъ ёнъ повялѣвъ и кажа имъ: постаньтя жъ, кажа, вы зь мютлами кружка огня! Потпалили ловжъ той, отъ яна, знатца, и давай выскакавать: перша выскакавала мышшу, адылѝ дайся выскакавать ву̀жомъ. А яны, знатца, яе́ ня пускаять: мютлами яе́ туды, уво 'гонь. Отъ яна выскакавала, выскакавала, адыли тыки згорыла,—знатца, яе́ вартовали. Яна тогды на попялища згорыла, завялѣвъ тогды ёнъ попялъ той у труну у туу. Сограбли, закляцыю здилавъ и похувавъ. Съ тыхъ поръ уже й годи, и нячуть яе́.

Телешов. вол. гом. у.

А то колись вѡ за Приборомъ (дер.) новый млынокъ бувъ. Дакъ тамъ бувъ такій чаловѣкъ. И не ўнясе, бувало, отъ яго нихто ничого: якъ хто што украдя, дакъ и стоить. Разъ ёнъ сѣкъ дровы у лѣси, и забувъ рукавицы. Пришовъ домовъ—няма рукавицъ. Ёнъ назадъ у лѣсъ. А тыя рукавицы найшовъ, значитца, чаловѣкъ. Приходя ёнъ къ пню, мельникъ-то, а той чаловѣкъ и ни зъ мѣста, и стоить. Вѡ имецъ бувъ! Дакъ и ёнъ якъ помѐръ, дакъ и ходивъ.

И ў Борхови (дер.) вѣдьмакъ помѐръ. Дакъ ходивъ и народъ убивавъ. Дакъ повялѣвъ попъ откопать, а ёнъ ницъ ляжить. Дакъ яго осиновымъ коломъ и пробили.

Ето у вѣдьмакову шкуру *ёнъ* (чортъ) улазя, няхай яны зъ двора вѣтромъ, съ хаты дымомъ. Тяперака уже штось ня чуть. Ето ходили, якъ зямля незаклятая була. А тяперъ яна, бачъ, уже парахрищана, и ланцугами, и дорогами, и чугунками—паракрыжована. Тяперака мертвяцы устають тольки у чѐтвяргъ на вяликодьня.

78. Мертвецъ и жена.

Живъ сабѣ такъ одзинъ купецъ изъ жаною. Ёнъ товары развожувавъ по дзяревняхъ, ѣздзивъ. Разъ поѣхавъ ёнъ съ товаромъ, и ня слышно, ня слышно яго. Жонка дужо по имъ скучала, тошновала. А яго да было загубляно. Жонка тая тошнуець, жджѐць. Вотъ, водзинъ дзень, позно вечара, наѣхала къ ёй карета, господская, лошадзи хорошія. И выходзиць съ кареты купецъ, мужикъ яѐ. Ну, яна приняла усё ето, насыпала кóнямъ овса. Уходзиць ёнъ у комлату. Повячеряли, и лягли *спаць*. Потомъ ёнъ, лежучи, да придумавъ: ты мнѣ, жонка, вытопъ лазьню! Ну, ина вытопила, приготовила усё тамъ у лазьни. Приходзиць у хату: ну, пòйдземъ, говорпць, у лазьню! Пошли у лазьню. Ну, ёнъ узявъ, яѐ загубивъ тамъ, кожу зь яé знявъ, печку накрывъ. Ну, ня слышно етой бабы, ня слышно... Назаўтраго собрався народъ шукаць, што нязвѣсно, дзѣ жъ ина. Посмотрàць—на етымъ вóркў стоиць ель громная, и выворотъ; овёсъ етый ляжиць цѣлый у корыци, и два лўтки голыя замѣсто лошадзей. И пошли яѐ шукаць, дакъ у лазьни нашли загўбленую.

С. Братьковичи, климов. у. Отъ кр-ки Авдотьи Харитоновой.

79. Кара у сто лѣтъ.

Дакъ ето були, значитца, товаришъ съ товаришомъ два хлопцы. Ну, тяперъ, яны любили значитца дѣвку. Тяперака, яны любили значитца— и той хоча ўзять, и той хоча ўзять. Тяперака, знатца, той узявъ, да одинъ одного и ўбивъ, товаришъ товариша. О! Хоча ёнъ тяперака, знатца, ўзять яѐ за сябе. А яна яму отвящаа: „иди жъ ты, гувора, на туу могилу на ночь: и што табѣ тамока, знатца, издастца; тогды я за тябе и пойду!" Тяперъ ёнъ пошовъ на туу могилу и занучувавъ. Занучувавъ ёнъ на той могили, и отъ, тяперъ отвѣщаа угорэ. Отвящаа яно угорэ такъ: „о Гòсподи! покорай туу душў виннуу! Што я яму здилавъ?" Яно отвящаа: „покараю, кажа, да ў сто лѣтъ!" И разъ такъ, и другій, и трэтьтій. Цяперъ, ёнъ приходя, яна у яго и пытаа: што табѣ тамъ було? —А што жъ, каа, мнѣ тамъ було? Мнѣ було такъ: отвящало ўгорэ: о Господи, покорай туу душу виннуу! Яно отвящаа: покараю, да ў сто

лѣтъ! Тяперъ таа дѣвка, значитца, и кажа: „о! ето ў сто лѣтъ, дакъ можно йти замужъ. Потому, у сто лѣтъ, дакъ я ще доживу вѣку: етаго я ще ня дожду!“ Ну, яны хорошенько, значитца, побрались и пожанились.

Ну, якъ жили яны, знатца, жили, жили—жили, и сыновъ пожанили, и тыя сыны своихъ сыновъ пожанили. Якъ жить, дакъ жить—добралися яны, знатца, до пращуровъ. И дайся яны такъ, зямли сабѣ, знатца, купили. Було ихъ уже дворовъ пять ти шесть—такъ вотъ, якъ у насъ недалéко ѐ Старинка. И дайся яны, изъ дярэвни выяхали на свою зямлю, бачъ,—усѣй сямъёй. И тыя, што побрались ще живо. Ну, выяхали и живуть.

Ну, тяперъ, заихавъ къ имъ чанецъ. У насъ чанцовъ спражда богато було, у кéлянкахъ жили по Дунай—рацѣ (*Дунаемъ* у мѣстнаго населенія зовется *Днѣпръ*). Спасалисъ по тритцать годовъ и ничóго ня потрабляли опричъ травы. И якъ пристановитца который, дакъ злеталось птаство и звяръё збягалось, и хували яго. И ёнъ тамъ ляжавъ у зямлѣ, кольки годъ, а тогды выходивъ на верхъ, у святъ становився. [1]) Ну, дакъ заѣхавъ къ имъ чанецъ на ночъ, нучувать. Тяперака ёнъ, заихавши, занучувавъ и ставъ ёнъ читать на ўсю ночъ у книжку. И давай читать, давай читать—читавъ, читавъ, и наконецъ того, яны ўжо положилися спать, а ёнъ усѐ читаа. Тяперъ ёнъ на звущика на свуго, значитца, пáрубка, гувора: „ну што, запрагай, каа, лошадей, и выяжжаамъ мы изъ двурà на ўсю ночъ!“ Тяперъ ёнъ отвящаа: батюшка, коли-бъ вы говорили пóвидну, дакъ ба узнавъ, гдѣ збровъя (збруя) ляжить—нарэтьники, хомуты; а якъ тяперъ, пóночи, дакъ я яго ня найду у тямвóти! А ёнъ отвяща а: якъ нибудь да закладай, штобъ мы зь естаго двура выяхали. Цяперака, той парубокъ якъ ставъ шукать и понаходивъ, да кой-якъ знатца заклавъ туу лошадь. Уяжжають яны зъ двора.

Тяперъ, яны проѣхали трохи, можа гóню, ти можа ступнёвъ на десятокъ, ёнъ уздумавъ и гувора на парубка: ажа, кажа, бяжи,—я тамъ забывся, кажа, книжки на столѣ; якъ читавъ, кажа, дакъ хапавшися, забывся книжки на столѣ. Цяперъ той парубокъ побѣгъ. Прибягаа ёнъ икъ тому мѣсту, ажно яно потонуло—няма. Затонула таа, знатца, дярэвня, а столикъ той плаваа, знатца, съ книжкою по водѣ. Той парубокъ якся—тыки допявся, да туу книжку, знатца, и ўзявъ исъ столика. Тяперъ, ёнъ узявъ туу книжку исъ столика, дакъ той и столикъ, значитца, потонувъ, туды.

---

[1]) Въ Гомельскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ Вѣтки, дѣйствительно существовали старообрядческіе монастыри и сильно было развито пустынножительство.

Отъ ёнъ туу книжку принося и отвящаа чанцу: „отъ, батюшка— няма того уже селя, а тольки по водѣ столикъ плававъ и книжка; дакъ я доплывъ и книжку узявъ. Якъ узявъ, дакъ и ёнъ уже туды потонувъ, и потонувъ, знатца, туды уже наскрозь!" Тоды ёнъ гувора: отъ, знатца, прагрэшная була душа: и виннаа и нявинная отвѣтили.

С. Телеши, гом. у. Отъ Прокопа Павлова, 40 л. слѣпого.

Неударяемое *о* слышится отчетливо.

Если намъ не измѣняетъ память, покойный Костомаровъ въ 1881 г. напечаталъ въ приложенiи къ „Газетѣ Гатцука" легенду „Сорокъ лѣтъ", имѣющую нѣкоторое сходство съ нашею.

80. Русалки.

Русалки церазъ мяжу ня могуць перайци, оттого и вывялись; бачъ, цяперъ земля уся перамѣрана. А спрежда, якъ земля була ня мѣрана, ихъ було много. Бувало, выйци нельзя,—зашлокочаць. А ў лѣси, дакъ ноччи тольки и чутно: гу! гу! гу! гу! Ажъ сумно. Давно колись, старики казали, двюхъ приводзили икъ намъ у дзяревню. Дакъ у ихъ жаноцкое ўсё, тольки цыцки большiя-большiя, ажъ страшно, да волосы довгiя. И ничого не говора, тольки плача й плача, ракой ильлѐтца, покуль пусьцяць. А якъ пусьцяць,—тогды запяе́, загра́я, да ў лѣсъ. Много було. Ну, и нядзѣля *Граная*, што яны на етой нядзѣли катались, *грали* у лѣси: гутата̀-гуляля̀! гутата̀-гуляля̀! Тольки бувало и чутно.

М. Бѣльничи. Отъ кр-ки Агафьи Антоновой, 65 л. негр.

Русалки на Граной нядзѣли катаютца. За гэтымъ самымъ у гэту нядзѣлю нихто ня ходзя ў лѣсъ,—бачъ, опа́суютца. Разъ одна молодзица ишла на гэтой нядзѣли съ Царковища ў Приборъ зъ госьцей отъ матки. Ну, матка яе́ й проводзила. Увыйшли у лѣсъ, а яна зъ лѣсу на дорогу и выбягла, и скачець-скачець. А тоды на бярэзину ускочила и давай гутата̀хатца: гутата̀-гуляля̀! гутата́-гуляля̀! Яны якъ спужаютца, да назадъ. Да пераночавали, а назаўтраго уже ўтрохъ пошли,—и бацька зъ маткой и молодзица. Дыкъ ничагусянько ня бачили, ни-ни. А волосы, кажуць, до долу до самаго. И ў яѐ усё жаноччa. Страхота̀, не привядзи Богъ! Гэто годовъ сорокъ тому було.

Д. Приборъ, церковищ. вол. Отъ кр-ки Марьи Ивановой, 66 л. знахарки.

А то во̀ у Вугольщини, откуль матка моя нябощица була ўзя́дзена. Дыкъ яны разъ ѣхали съ конюшни, ураньни, много ѣхало, вярха́ми. А яна къ имъ! Яны якъ кипулись уцякаць уси, дыкъ одна дзѣвка и ўпа-

ла съ коня,—вѣдомо, якъ тэй каа, страхъ такій: спужалась и ўпала. Дыкъ яна на яе́ наскочила, накрыжъ разгарнула и зашлокотала. Назаўтраго и знашли ме́ртвую.

Тамъ же.

Ето дѣдъ нашъ расказававъ. Зьистари, в. б., былй лясы̀ усё. Було тольки три дворы ў Бовсунохъ у насъ. Ёнъ живъ сто дватцать годовъ, а можа й больше, а померъ годовъ пятьдесятъ назадъ. „Отъ, вы кажетя, худо вамъ жить! А вотъ намъ зьистари хуже було! Народу було мало, усё лясы̀; були ўсюды разбойники, разбивали народъ, нистожили, одинъ одного забиждали. Бувало, ни самому ў по̀ля выйти, ни скотину выгнать: выйдуть изъ лѣсу и забяруть луччую скотинку изъ стада. А не давать стань, дакъ и самого укокошуть.“

„А то были ще русалки. Богъ вѣдая, што ето за русалки такія? Кажуть—женщины. Сама голая, страшна́я, волосы довгія у яе—тянутца по гони, и ў яе́, кажуть, усё такъ, якъ у чаловѣка, тольки не знашно, ти женщина, ти музчина—уси равны. Отъ тутъ, кажа, на Ковпитой (рѣчка), на курганку, роща була, дакъ ихъ тутъ самое гу̀льбища було. Гуляли яны большъ на Граной нядѣли. Дакъ возьмя на бярозу узлѣзя да за голючку волосьсямы привяжатца, да ўнизъ опуститца, да й колышитца, и кричать, да: уу—гу! уу—гу!“

А то, бувало, по̀йдемъ зъ нябощикомъ пчолъ вынять. Дакъ ёнъ и показуя: „во̀, кажа, соко̀лъ,—во тутъ, вокругъ сосны трава ня росте́: ето тутъ русалки скакали! Танчуть, каа, кружка за руки побравши. И такъ корогодъ здѣлають большій кружка̀ сосны̀. Слава Богу, тяперъ народу размножѝлося, а тогды малность бу̀ло. А тогды, дакъ по̀йдя чаловѣкъ у лѣсъ одзинъ, дакъ яна попадзе, да возьмя за хохольчикъ топорища, што за обушкомъ, да якъ почанѐ бить, якъ почане бить,—дакъ у пухъ собъе́ чаловѣка... Страху задае.

Д. Болсуны, полѣс. вол. рог. у. Отъ кр. Өедора Константинова.

... Русалокъ спрежда много було по лясо̀хъ. Мы, бувало, и коняй не водили на Разгары—у понядѣлокъ посли заговѣнъ на пятровку, на Граной нядѣли, значитца: русалки дужо пугали. А коли злучитца, дакъ чаловѣка и защакотять. Потуль, каа, будуть щакотить, покуль чаловѣкъ за̀йдетца уже со́ смѣху...

Тамъ же.

81. Языкъ природы.

Живъ дзѣдъ зъ бабой, и бывъ у ихъ одзинъ сынъ. Ёнъ выросъ и ни-

чаго не хоцѣвъ работаць, тольки ўсё ходзивъ по лясу да бивъ гадзюкъ. Побивъ усихъ чисто гадзюкъ. Нéкого ўже биць. Разъ пошовъ ёнъ у лѣсъ и нашовъ большого вужа и хоцѣвъ яго биць. А вужъ говóриць: ня би мяне, ты мяне не забъéшъ! А луччай послухай ты мяне: идзи подъ кустъ, подъ гэтый, тамъ ёсць яще три гадзюки, дакъ ты идзи послухай, што яны говоруць. Тоды мнѣ скажешъ! Ёнъ пошовъ и чуя, говóруць яны: „треба намъ укусиць яго, и то ёнъ и насъ побъé!“ А одна говора: „тольки яго треба укусиць вышай серца, а то яго вылячуць!“ Ёнъ пошовъ и кажа вужу: радзютца укусиць мяне!“—Ну, идзи, и яще послухай! Ёнъ пошовъ, и чуя,—говоруць: „яго можно укусиць на полянцы, якъ прiѣдзя брацъ жито!“ А одна говора: „я залѣзу у копў, и якъ прiѣдзя ёнъ и стання брацъ копу, дакъ я яго и ўкушу за рукў, вышай серца!“ Ёнъ пошовъ и расказавъ вужу усё, што чувъ. Вужъ сказавъ: я табѣ нараю, што здзѣлаць! Ты не пожалѣй копы жита, а яще привязи возы два соломы и запали солому кругóмъ копы, а самъ стой съ кiемъ, и што будзя ляцѣць съ цяпла, дакъ ты кiемъ би и кидай у цяпло назадъ. Яна будзя скидатца усимъ усякимъ, а якъ скинетца дзѣвкой, тогды бяри яé за рукў и вядзи домовъ. Вотъ ёнъ пошовъ, набравъ три возы соломы, обцягнувъ кругомъ копу и запаливъ ету солому. А самъ узявъ кiй, и што съ огня ляциць, дакъ ёнъ кiемъ, ды й назадъ у вогонь кидаа. Вотъ яна кидалася, кидалася и здзѣлалася дзѣвкой и говóра: я твоя, а ты мой! Ёнъ узявъ яе за рукў и повёвъ домовъ. Привёвши домовъ и говора бацьку: наймѝмо яé! А бацька, ничого ня знавши, и говора: ну, наймѝмо! нехай служа! Ды й нанявъ. Съ тыхъ само поръ стали яны щасьливы, и стало у ихъ усяго много, разбогацѣли. Тогды бацька говора: „ну, мой сынъ, жанися ты на етой дзѣвцы!“ Ёнъ кажа: можно! Запыталися ў дзѣвки и поѣхали къ вянцу. Яна на вянцы, при попу, и говора свойму мужуку: „коли ты, каа, усердзисься на мяне,—усё говори, и би сколько хочашъ, тольки не говори на мяне: гадыня. А то я помру!“... Ну, пожанившися, стали яны жиць ще луччай. Прожили зъ годъ, ци моо зъ два, и пошовъ ёнъ на ўсё лѣто у зáработки. Яна безъ яго собрала добрò съ поля, насыпала уси клѣци, и такъ, што нейдзи було дзѣвацъ добрà. А одну рѣзку яна не ўвоспѣла зжаць, дакъ яна узяла повыбирала зерняты и засыпала повну хату. А солому загадала потоптаць скотомъ. Погнали скотъ и потоптали солому. Ажъ якъ разъ мужикъ идзе. Бáча—ня жата яго рѣзка, и скотъ топча, усердзився на жонку и говора: „вотъ гадыня! Не могла зжаць, а пусьцила скотъ! Погодзи-жъ, я табѣ дамъ, якъ приду домовъ!“ Приходзя домовъ, ажъ яна стала гадыняй, и ляжиць на куцѣ. Ёнъ ставъ плакаць, бачучи, якъ ба нè было, што бязвинно зругавъ, а яна говора: „ну, плачъ, не плачъ, а я ўже помру.

Возьми мяне на лопату и няси ў болото!“ Занёсъ ёнъ яѐ туды, яна яму̀ й говора: „ну, каа, ты будзяшъ щасьливъ; тольки якъ женисься, дакъ ня говори правды своёй жонцы; а коли скажашъ, то помрешъ. А цяперъ возьми чарацйну (очеретину), я табѣ дмухну!“ Ёнъ узявъ чарацйну, одзинъ конецъ сабѣ ў ротъ, а другій ёй. Яна якъ дунула, дакъ ёнъ ставъ усё знаць, што й лѣсъ говора, што огонь говора, што й вода говора, што скоцина, што добрó говора,—усё! Вотъ ёнъ пришовъ домовъ, пожанився зъ другой жонкой, и поѣхавъ къ тьсцю у госьци. Ѣдуць, а кони говоруць: дóбро нашаму ходзяину жиць, а ящé повеселѣя! Ёнъ засміявся. А жонка говора: чаа ты смяéсься? А ёнъ говора: мало чаго я смяюся! Даляй ѣдуць яны церазъ лѣсъ, а лѣсъ и говора: весялó жиць гэтому чаловѣку, а яще повеселѣя! Ёнъ узновъ засміявсь. А жонка пытаетца: чаа ты смяéсься? А ёнъ ёй ничого ня сказавъ. Якъ пріѣхали на дворъ къ тьсцю, дакъ добрó у клѣци запѣло: весялó нашаму зяцю, и ящé повеселѣя! Ёнъ ня ўцéрпивъ и зароготавъ. Жонка усердзилась и пожалилась бацьку й матцы, што мужикъ мой усё смяéтца, а мнѣ ня говора, чаго ёнъ смяéтца. Ёнъ, отпрогши кóняй, приходзя ў хату, а яны утрохъ плачуць. „Чаго вы, кажа, плачеця?“ —Да, чаго? Што гэто за жизь, што ты правды ёй ня кажашъ?—„Дакъ мнѣ жъ нядьга: я, коли скажу, то помру!“—Ну, хоць умирай, а правду кажи! Думавъ ёнъ, думавъ, и говора: „ну, коли такъ, —сцялиця мнѣ посцель; я лягу, скажу вамъ правду, и помру!“ Яны послали посцель; ёнъ лёгъ, а яны узяли свѣчку и дзержáць. Тольки ёнъ хоцѣвъ говориць, а пѣвянь подъ печчу и запѣвъ: „дуракъ якій гэтый чаловѣкъ! Я семъ жонокъ маю, и то сунимаю; а ёнъ одну мая, и тую ня сунимя! Пошовъ ба ў клѣць, да ўзявъ ба плець, да знявъ ба шкуру съ плечъ!“ Ёнъ усхвацився съ посцели и говора: и вѣрно, дуракъ я! Пошовъ у клѣць, узявъ плець, да якъ отлупивъ жонку плецьцю!„ Годзя съ тыхъ поръ доходзиць правды. И цяперъ живуць хорошо.

С. Чигиринка, быx. у. Запис. отъ кр. Якима Кечикова по моимъ указаніямъ г. Тихановичъ.

Въ с. *Перерость, гом. у.* старикъ-мужъ понималъ собачій языкъ. Одна собака нажаловалась другой, что хозяйка въ отсутствіи хозяина ее прибила, не смотря на то, что она прогнала воровъ. Хозяинъ, вслѣдствіе этого, сталъ бранить жену, а та пристала съ распросами, откуда онъ узналъ объ этомъ. Когда старикъ лёгъ въ гробъ, чтобы, сказавши правду, умереть, пѣтухъ закричалъ: „кукареку! я дванавцать жонъ маю и ни водной правды ня кажу!“ Старикъ схватилъ „супоню“ и наказалъ жену.

87. Мертвое тѣло.

Живъ сабѣ такъ одинъ купецъ. И бывъ ёнъ жанатъ на другой жонки. Отъ первыя у яго застався одинъ сынъ, а зъ другой ёнъ наживъ двухъ. Отъ, ёнъ призывая етыхъ сыновъ, отъ другія жонки, и кажа: бяритя два возы товару и ѣдьтя на ярмалокъ! Яны набрали да й поѣхали. Тогды приходя большій сынъ и говора: што жъ, татъ: тымъ сынамъ по возу товару давъ и на ярмалокъ пославъ, а я што жъ! Можа бъ я ще боляй за ихъ здѣлавъ, дармà што ты мяне за дурня считаешъ!—Ну, коли ты разумный, кажа батька, дакъ набяри три возы товару и ѣдь на ярмалокъ, да тольки штобъ товаръ продавъ и гроши узявъ, и штобъ замижъ трохъ, шесть возовъ товару домовъ привёзъ! Ну, ёнъ узявъ, три возы товару наклавъ и пошовъ къ батьку прощатца. Ну, батьку яго жалко стало; ёнъ яму говора: будешъ жа ты ѣхать, и на дорози будя табѣ большій лѣсъ, дакъ якъ трапитца табѣ увечари подъѣхать къ яму, дакъ ночуй у поли, а ў лѣсъ ня ѣдь проти нóчи! Ну, ёнъ и поѣхавъ. Ѣдя, ѣдя, и бача—ляжить на дорози мертвое тѣло. Ёнъ сабѣ и думая: Божа, Божа! хто яго возьмя и поховая, якъ свойго рóдного? Возьмутка я яго да поховаю! Да ўзявъ, на колёсы усклавъ и поѣхавъ. Ѣхавъ, ѣхавъ, догоняя братовъ. „Вотъ, братцы, ти бачили вы мертвое тѣло на дорози?" —Нѣ, не бачили!—„А я жъ, кажа, вó узявъ поховать!" Отъ яны и кажуть: ну, якъ изъ имъ, зъ дуракомъ, ѣхать! Ще у судъ забяруть. И звярнули отъ яго. Поѣхавъ ёнъ зновъ одинъ; заѣхавъ у сяло, нанявъ попа поховать того чаловѣка, отслуживъ по ёмъ обѣдню, и позвавъ на ховтуры усё сяло. Ну, тогды пріяжжая ёнъ у городъ на ярмалокъ. Ставъ шукать ёнъ сабѣ хлопчика ли помоги. Нанявъ одного; пошли снѣдать: ставъ хлопецъ хлѣбъ рѣзать и уперодъ сабѣ отрѣзавъ, посли хозяину. „Нехорошій жа, думая сабѣ, ето хлопецъ, коли сабѣ хлѣба рѣжа уперодъ за хозяина!" Узявъ и прогнавъ яго. Нанявъ другого хлопца, и той такъ жа само,—и того прогнавъ. Сустракая тогды третьтяго,—малéнькій хлопчикъ идé: „дядячка, кажа, найми мяне!"—Нѣ, кажа, ты ще малъ, мнѣ треба большаго!—„Дакъ ничóго, кажа: я хочь малъ, да боляй за большого здѣлаю!" Ну й нанявъ ёнъ яго. Сѣли снѣдать. Отъ хлопецъ уперодъ хозяину отрѣзавъ хлѣба, а тогды уже сабѣ. Поснѣдавши, стали яны товаръ у балгáни раскладавать. Дакъ той товаръ такъ скоро раскладаетца, казавъ-ба живый. Отъ, стали яны торговать. Чужія жъ балганы пустыя, а ў яго, дакъ отбою нема отъ людей. Распродавъ ёнъ живо свой товаръ. Накупивъ шесть возовъ товару у дворъ и збираетца ѣхать. Етый хлопчикъ и кажа: дядячка, возьми, кажа, мяне съ собой!—А дóбро, поѣдомъ! Поклали товаръ на возы, сѣли й поѣхали. И подъяжжають уве-

чари къ тому самому лѣсу. Хозяинъ говора, штобъ остатца на пдли ночавать, а хлопецъ кажа: а нѣ, дядька, поѣдомъ у лѣсъ! Ну, поѣхали у лѣсъ. Той, бачь, здався. Отпрагли кбняй, пустили попасовать. Тогды хлопецъ выломавъ дубокъ сабѣ и пошовъ у лѣсъ. Ходя по лясу да посвиставая. Ишовъ, ишовъ, и приходя къ зямлянки. У той зямлянки сидять двѣнатцать разбойниковъ, тринатцатый атáманъ. Вотъ атаманъ кажа: выйду-ка я погляджу по звѣздахъ, ти нема кого у нашамъ лѣси! Приходя зъ двора: „ё, кажа, у нашамъ лѣси, на дорози, два чаловѣчки, и зъ ими шесть возовъ товару. Идитя ўтрохъ ихъ убитя, а товаръ суды!" Тольки тыя вышли зъ зямлянки, а ёнъ якъ шарахня ихъ дубкомъ, такъ усихъ и поклавъ. Ждавъ, ждавъ атáманъ, посылая ще троихъ: што яны тамъ заборилися. Вышли тыя, ёнъ и ихъ убивъ. И такъ побивъ чисто усихъ. Тогды хлопчикъ пошовъ у зямлянку, познаходивъ тамъ скрыни грошай, и пошовъ звать хозяина. Иде да посвистуя. А хозяинъ той залѣзъ подъ возъ да й колотитца, думая, што ёнъ на яго разбойниковъ привёвъ. Приходя къ яму̀: ходи, говора, хозяинъ, золото брать! А той боитца съ подъ воза вылѣзать. Вытягъ ёнъ яго оттуль и повёвъ у зямлянку. А ёнъ яго прося: мой голубецъ, што я табѣ здѣлавъ. Возьми ты сабѣ усё добро, пусьти тольки мяне живого! А ёнъ кажа: эхъ ты, кажа: и добро твое цѣло будя и самъ живъ будешъ! Пришли къ зямлянки, ёнъ яму и показуя: бачишъ, кажа, кольки я тутъ етыхъ собакъ побивъ?—Ето жъ, кажа, не собаки, а люди!—Нѣ, собаки: хай тутъ пособаччаму и пропадають! Повёвъ яго у зямлянку, показавъ золото, серабро, гроши, шавки, сукны, панскія повозки, кони. „Отъ, кажа, бяри, хозяинъ, скольки хочашъ!" Ну, запрагли тыхъ кбняй у тыя повозки, навалили усё тое добро и поѣхали къ своимъ возамъ. Пераночавали и поѣхали даляй.

Ѣхали, ѣхали, тогды хлопчикъ говора: „отъ, хозяинъ: пріѣдомъ мы у городъ, и тамъ продаéтца золотая корвать, и такая дорогая, што нихто яé ня купя. У насъ тяперъ грошай много, купи̂мо мы!" Ну, поѣхали й купили тую корвать. Ѣдути дальше, и заночавали на̀ поли. Хлопчикъ той кажа хозяину: „сягодни ты ляжъ на возу спать, а золотую корвать раскрый. И ўлятить у яѐ голубка, яна зачинитца, и скинетца голубка царевной. Ты й жанись на ёй!" Ну, такъ и былд. Назауйтраго поѣхали яны дали, и пріѣхали у тое сяло, гдѣ ёнъ поховавъ мертвое тѣло, и тамъ обвѣнчавсь исъ царевной.—И собравъ на вясельля усё сяло. Хлопчикъ жа той хозяинову жонку ставъ тёткой звать. Поѣхали яны даляй, заночавали зновъ у поли. Отвёвъ хлопчикъ коняй на пáшу, лёгъ подъ вбзомъ да й ляжить. Тольки у пбвночь прилятѣли три вороны̂, сѣли надъ корватьтю и запѣли: „Божа нашъ, Божа! собралась любимая пара, достали серабра и злата, и добраго молотца Булата, тольки ня довго на

свѣти будя жить. Яго мать-мачиха лихая, хоча яго съ свѣту страбить. Якъ дасть яму першую чарку, дакъ ёнъ у попелъ згорить. А хто чуя, да кому скажа, той по колѣно ка́мнямъ станя!" Пропѣли и полятѣли. Заночавали на другую ночь. Знов прилятѣли три вороны̀ и запѣли: „Божа нашъ, Божа! собралась любимая пара, достали серабра и злата, и добраго молотца Булата, тольки ня довго будя на свѣти жить. Яго мать —мачиха лихая, хоча яго съ свѣту страбить. Якъ дасть першую чарку, дакъ ёнъ у попялъ згорить. А ня стребя етымъ, дакъ кормя дли яго коня, не коня, а змѣя. Якъ поѣдя на имъ кататца, дакъ ёнъ яго кости разнясе́. А хто чуя, да кому скажа, той по поясъ камнямъ станя!" На третьтяю ночь знов прилятѣли и пяють: „Божа нашъ, Божа! собралась любимая пара, достали серабра и злата, и добраго молотца Булата, тольки ня довго на свѣти будя жить. Яго мать-мачиха лихая, хоча яго съ свѣту страбить. Якъ дасть першую чарку, дакъ ёнъ на попелъ згорить. А ня стребя етымъ, дакъ кормя дли яго коня, не коня, а змѣя; якъ поѣдя на имъ кататца, дакъ ёнъ яго кости разнясе. А ня стребя етымъ, дакъ на третьтяю ночь у постели ножомъ зарѣжа. А хто чуя, да кому скажа, той увесь ка́мнямъ станя!" Назаўтраго ёнъ кажа хозяину: „што, дядька, ти послухаешъ ты мяне, што я тябе просить буду?"—Послухаю, тольки што?—„А во̀ што: якъ мы прiѣдомъ домовъ, дакъ мачиха будя давать табѣ горѣлки выпить, а ты ня пи, да отдай менѣ. На другiй день будя йна табѣ давать коня кататца, а ты ня ѣдь, да пусти мяне уперодъ поѣздить на ёмъ. А на третьтяю ночь вяди самъ коняй на ношлегъ!"

Ну, прiяжджають яны ў дворъ. Мачиха тая якъ не разорве́тца! Яе́ сыны прiѣхали зъ ярмалку безъ грошай и безъ товару, а етый повны возы золота привёзъ. Сѣли вячерать, яна и даѐ яму̀ горѣлки: „вотъ, каа, мой сынокъ: якъ знала, што ты прiѣдешъ, горѣлки табѣ хорошiя пригото́вала. На́-тка, сынокъ, выпи зъ дороги!"—Э, мамка, кажа ёнъ: я до горѣлки ня вотъ-то ласъ, а коли твоя ласка, дакъ нехай мой хлопецъ выпъя! И отдавъ чарку тому. А ёнъ, бравши, бытцомъ-то не нарошно, и ўпустивъ яе́. Дакъ тамъ такъ мостъ и выгорѣвъ... На другiй день мачиха кажа: „мой сынокъ, якъ знала, што ты прiѣдешъ,—откормила табѣ коника. Сядька, покатайся на имъ!"—До̀бро, мамка, тольки нехай мой хлопецъ поспробуя! Узявъ хлопецъ товкачикъ зялѣзный и поѣхавъ. Тольки конь ставъ подыматца зъ зямли, а ёнъ яго товкачомъ по́ голови. И такъ умордовавъ коня, што той насилу ноги притёгъ. „Ну, кажа, дядька,—тяперъ садись, пояжджай: не коня выкормила, а кабана!" Сѣвъ ёнъ, проѣхавъ трохи, а конь той и ногъ не потягня. Ёнъ узявъ и вярнувся. Выскочила мачиха и пытая: а што, сынокъ, ти добрый конь?—Э, выкормила ты, мамка, не коня, а кабана̀. Мачиха тая ажъ трескаетца

отъ злости. На третьтяю ночь хлопецъ кажа хозяину вѣсти коняй. „Да ти ў насъ, кажа, вѣсти некому, паробковъ нема, ти што?“—Ну, мало што, вяди ты! Повёвъ ёнъ коня на ночлежки, а хлопчикъ узявъ, отчинивъ золотую корвать да й легъ збоку, дли тетки. У повночь приходя мачиха зъ ножомъ, а ёнъ уставъ да й ходя. Дакъ яна кинула ножъ да й побѣгла. А хлопчикъ изновъ лёгъ. Назаўтраго ураньни приводя хозяинъ коняй, уходя къ жонки, ажъ изъ ёй хлопецъ спить. „А, кажа, дакъ ты такій! Мяне посдавъ коняй вѣсть, а самъ къ тетки подъ бокъ! Я тябе за ето повѣшу!“—Ну, повѣсишъ, дакъ вѣшай! Тольки ходи, я табѣ покажу, гдѣ вѣшать! Привёвъ яго у садъ, ставъ подъ вишняй и говора: во тутъ сабѣ вѣшай! Тольки чаразъ семъ годовъ родитца ў тябе дятёнокъ; якъ будуть яго христить, дакъ ты возьми, уколи яму иголкой мезяный палецъ, да той кровъю помажъ мяне, дакъ я зновъ живъ буду. А тяперъ слухай суды, што я буду говорить! Ти помнишъ ты, якъ я табѣ казавъ ня пить горѣлки отъ матки, ня ѣздить на конѣ уперодъ за мяне, и вести коняй на ношлегъ на третьтяю ночь. Тяперъ я тябе за етыя три дни отратовавъ три разы отъ смерти: горѣлка, што табѣ матка давала, была съ отрутой. Колибъ ты яѐ выпивъ, дакъ згорѣвъ ба у пóпялъ. Конь, што давала матка, бывъ ня конь, а змѣй. Коли бъ ты сѣвъ на яго уперодъ за мяне, дакъ ба ёнъ твоѐ кости разнёсъ. Сёночи мачиха хотѣла тябе у постели зарѣзать. Коли бъ ты лёгъ, а не я, дакъ ба стольки ты й живъ. Ето сказали мнѣ вороны̀, якъ мы ѣхали; тольки казали, што хто чуя, да кому скажа, дакъ кáмнямъ станя!.. Сказавъ, такъ и ставъ кáмнямъ. Хозяинъ той плакавъ, плакавъ надъ нимъ! Ну, тогды, родивсь у яго чаразъ семъ годовъ дятёнокъ. Якъ стали яго христить, дакъ ёнъ проколовъ у яго мѐзянецъ, и побѣгъ, помазавъ той кáмянь кровъю. Якъ помазавъ, такъ камянь и ставъ зновъ хлопчикомъ. „Ну, што, кажа, хозяинъ: ти знаешъ ты, хто я такій?“—А Богъ жа тябе зная! Я не знаю!—„Я жъ, кажа, душа того чаловѣка, што ты поднявъ на дорози да поховавъ! Мяне Богъ пославъ къ табѣ, штобъ я табѣ добро якое здѣлавъ, што ты мѐртвое тѣло христіянское прикопавъ!...“

Г. Бѣлица. Запис. В. Р. Романовъ.

Сходная съ этою сказка помѣщена въ отдѣлѣ Миѳическихъ „Булатъ добрый молодецъ“.

83. Три Коляды.

Ѣхывъ разъ одзинъ панъ и заѣхывъ къ одному мужуку нучуваць. А гэтый мужикъ говдрицъ: „я пана не пущу̀ у хату, кыли мнѣ, панъ, ня будзеця басьни баяць, казки казаць! Усё-тки вы письмѐнныя,—нейдзя мно-

го ихъ вѣдыеця!“—А, вѣдыю, вѣдыю и съ книжыкъ и ны памяць! Ну, мужикъ пусьцивъ пана у хату. Пань раздзѣвся, сѣвъ на лавцы. Тоды мужикъ говорицъ: „ужо шъ вечыръ, панокъ, дыкъ збай, панокъ, троху баекъ, скажы троху казыкъ, а тамъ и спаць!“ Ну, панъ и пычавъ: Ляцѣла сыва зъ острыва̀ ды ў востровъ... Ляцѣла сыва зъ острыва́ ды ў востровъ... Ляцѣла сыва зъ острыва̀ ды ў востровъ... Мужуки слухыли, слухыли, и пызаснули. Тоды и самъ панъ лёгъ и заснувъ. Усп сняць, ня спиць тольки кучыръ яго, чуець усё, идзѣ што пышавелитца. Тольки ёнъ слухыець, ашъ пыдъ вокно потходзиць першыя Коляда̀. „Во, каець: я чула отъ людзей, што тутъ паны байки баюць, казки кажуць; ашъ тутъ и баекъ не баюць и казыкъ не кажуць! Пойду, кыли дороги криничкый обярнуся. Якъ будзець панъ ѣхыць, ды захочыць напитца, дыкъ якъ напъе́тца, дыкъ и опраже́тца. А хто гэто почуець, ды пану довѣдзиць, тэй по колѣно ў землю ўѣдзець!“ А сыма й пошла. Тольки тая пышла, приходзиць другая Коляда́. Подышла пыдъ вокно и гово́рицъ: „во, я чула отъ людзей, што тутъ паны байки баюць, казки кажуць; ашъ тутъ паны и баекъ не баюць и казыкъ не кажуць. Пойду, при дорози обярнуся яблынкый—зылотый листокъ, сяребрыный листокъ, зылотое яблычко, сяребрыное яблычко. Якъ панъ захочыць ихъ зъѣсьци, ды наѣстца, дыкъ и опраже́тца. А хто гэто чуець, ды пану довѐдзиць, тэй по поясъ ў землю ўѣдзиць!“ Тоды приходзиць пыдъ вокно третьція Коляда̀. „Во, каець: я чула отъ людзей, што тутъ паны басьни баюць, казки кажуць; ашъ тутъ и басьней не баюць и казыкъ не кажуць. Пойду, при дорози обярнуся ложкымъ. Якъ будзець панъ ѣхыць, ды захочыць спаць, дыкъ якъ положытца, дыкъ и не ўстанець. А хто гэто почуець, ды пану довѐдзиць, тэй по шыю ў землю ўѣдзець!“ И пышла. А кучыръ усё чисьценько гэто и чувъ.

Нызаўтрыго раненько поѣхывъ панъ дальше. Ѣхыли, ѣхыли, прiѣжжаюць икъ свѣтлый криницы, а на тэй крыницы зылотэй кубычыкъ. Панъ гово́рицъ кучыру: придзержы коняй, я пойду напъюся: пиць хочытца, хуць ты помри. Тольки хоцѣвъ злѣсци, а кучаръ по коняхъ якъ ударицъ, кони тэя якъ пубягуць! Панъ кричыць на кучыра: пыдожджи, пыдожджи! А кучыръ ящо лѣпи ко́няй пыгоняець. Ихъ, панъ тоды усердзився! Ставъ бицъ кучыра у плечы. Панъ бъе́цъ кучыра, а кучыръ ко́няй. Али-тку пераѣхыли крыничку. Ѣдуць дали, ашъ прiѣжжаюць къ яблынцы,—зылотый листокъ, сяребрыный листокъ, зылотое яблычко, сяребрыное яблычко. Панъ узнова кричыць кучыру: придзержи ко́няй, пойду яблычко сыщикну,—ѣсь хочытца, хуць помри! Ды тольки хоцѣвъ злѣсци, а кучыръ по коняхъ якъ ударицъ, кони тэя якъ пубягу́ць! Ихъ, панъ ще боли усердзився. Ставъ кучыра бицъ: я цябе, каець, у вострогъ пы-

саджу! А той усё коняй пыгоняець. Панъ бъёць кучыра, а кучыръ коняй. Али-тку ушкробъ кучыръ отъ яблынки. Ѣдзь, ѣдзь дали, приѣхыли къ ложку. Панъ узнова говорыць: пристой тутъ, я пойду посплю: спаць хочытца, хуць ты помри! Ды тольки злазиць—а кучыръ по коняхъ якъ ударыць, кони тэя якъ пубягуць! Ихъ, панъ ящо больше усердзився; ставъ кучыра биць, ругаць: постой, каець, сукинъ сынъ! Приѣдземъ у дворъ, я цябе у Сибиру сошлю! Ну, а кучыръ усё коняй пыгоняець. Панъ бъёць кучыра, а кучыръ коняй! И ушкробъ отъ ложка.

Приѣхыли у дворъ. Кучыръ разгмуздавъ коняй и пошовъ зарызъ къ пану. „Вотъ што, мой паночыкъ! Я сягоньни цябе не послухавъ, и ты сабѣ ссылай мяне у Сибиру. Али упяродъ сыбяри усихъ людзей зъ дзеравень съ твоихъ па дворъ,—я словъ пяць людзёмъ скажу. А тоды ўжо ссылай у Сибиру!" Панъ собравъ усихъ чысто людзей къ сабѣ на дворъ. Кучыръ пыпросивъ у пана кыня. Сѣвъ ны кыня и пычавъ гыворыць гэтыму народу, што ны дворѣ бывъ. „Вотъ, говорыць, братцы! Якъ мы съ панымъ нучували у мужука, дыкъ уси заснули, тольки я одзинъ не спавъ. Чую, ашъ приходзиць пыдъ вокно Коляда и говорыць: „во, я чула отъ людзей, што тутъ байки паны баюць, казки кажуць, ашъ тутъ и баекъ не баюць и казыкъ не кажуць. Пойду, обярнуся при дорози крыныцый. Будзець панъ ѣхыць, ды зъ мяне напъётца, дыкъ и опражётца. А хто гэто почуець, ды пану довѣдзиць, тэй пы колѣно ў землю ўѣдзець!" И пышла.. А конь—щовкъ! пы колѣно у землю ўѣхывъ. Вотъ видзишъ, панъ, зачимъ я не хоцѣвъ сыстановиць коняй ли крыницы!.. Ну, тольки я слухыю, ашъ приходзиць другая Коляда и каець: „во, я чула отъ людзей, што тутъ паны басьни баюць, казки кажуць; ашъ тутъ и басень не баюць и казыкъ не кажуць. Пойду, при дорози обярнуся яблынкый—зылотый листокъ, сяребрыный листокъ, зылотое яблычко, сяребрыное яблычко. Якъ будзець панъ ѣхыць, ды яблыкъ наѣстца, дыкъ и опражётца. А хто гэто почуець, ды пану довѣдзиць, тэй по поясъ ў землю ўѣдзець!" И пышла... А конь тэй—щовкъ! у землю по поясъ уѣхавъ. Дыкъ вотъ, панъ, зачимъ я не сыстановивъ коняй ли яблынки!... Ну вотъ: тольки отыйшла другая Коляда, ашъ приходзиць пыдъ вокно третьція и говорыць: я чула, што тутъ паны басьни баюць, казки кажуць, ашъ тутъ нихто и баекъ не баюць и казыкъ не кажуць. Пойду, при дорози обярнуся мяккимъ ложкымъ. Панъ захочець на мнѣ спаць, дыкъ якъ ляжець, дыкъ и не ўстанець. А хто гэто почуець, ды пану довѣдзиць, тэй по шыю ў землю ўѣдзець!" И пышла... А конь тэй, што енъ сядзѣвъ—щовкъ! у землю по шыю! Дыкъ вотъ зачимъ я не сыстановивъ коняй ли ложка!.. Соскочивъ съ кыня, хоцѣвъ яго зъ зямли выняць, али няможно ничого здзѣлыць. Прибѣгли тутъ людзи, стали откапываць яго. Кыпали, кыпа-

ли, тольки бъ откыпаць, а ёнъ скрозь-доньня и пошовъ. Ну, тоды панъ отписавъ кучыру пыловину свойго хдльвырку и здзѣлывъ баль дли ўсихъ людзей тыхъ.

И я тамъ, на тымъ балю, бывъ, мёдъ-вино пивъ; дали мнѣ чыпялу, я побѣхъ пы двору; дали мнѣ скывоpбду, я побѣхъ пы городу; дали мнѣ смыкъ, я пы двору шмыкъ; дали мнѣ смыляную кобылку, пыстырнàкувъ джгутъ и капусьцàныя сядло, я й поѣхывъ. Пріѣхывъ къ жиду, ажъ высыпали жидзеняты, якъ шырынчà,—спягнули мяне съ кобылы. Идзѣ бывшы свиньни, капусьцяныя сядло зьѣли; идзѣ бывшы козы, пыстырнакувъ джгутъ зьѣли. Давъ Богъ, што сонца стало,—и мыя смылянàя кобылка растала...

Пустын. вол. сѣнн. у.

84. Тоже.

Живъ то помѣщикъ, и бывъ ёнъ дужо нездоровъ; бывъ богатъ, ды нездоровъ. И ёнъ поѣхувъ на ўзлячэньня у чужую зямлю; зранли яму, што тамъ дохторы лѣпшія. Ну, поѣхувъ туды, побывъ тамъ; цяперъ яму̀ тамъ малѐнько полѣпшало, ѣдзець ёнъ назадъ у свою сторону, и обхарчився да послѣдняго кувнерà,—и самъ зголодавъ и лошадзи, агу̀—ѣсь нечаго. И такъ, што ёнъ бывъ нявѣрный; а якъ зголодавъ, тоды увѣривъ, што ё Богъ на свѣци. Давай ёнъ просиць и молиць Бога, кабъ создавъ хатку цёплую, перинаты мяккія, хлѣбъ чистый и квасъ кислый, то ўсю ночь ба басьни баивъ ба и сказки сказывавъ, наѣвшись ды напившись. Ну, давъ Богъ яму хатку цёплую, и квасъ кислый и хлѣбъ чистый,—и столъ застилàный, и квасъ постановленный. Пріѣжжаець ёнъ къ тэй хаци, обнимаець яго цёмная ночь. Ёнъ на ху̀рмана каець: сходзи полядзи: ци гэто шинокъ, ци гэто тàкъ домокъ—а нучувать треба проситца! Тэй хурманъ зьлѣзъ съ кдзлувъ, увыйшовъ у хатку, посмотрѝць—нема никого; тольки стоиць столъ застиланый, и поставленъ квасъ кислый, и ляжѝць хлѣбъ чистый, и лежаць перинаты мяккія. Тоды ёнъ говдриць пану: што никого у хаци нема, а тольки стоиць столъ застланый, и поставленъ квасъ кислый, и ляжиць хлѣбъ чистый, и лежаць пярины мяккія. Ну, панъ говориць: тутъ будземъ нучувать! Подъѣхыли яны подъ вокошко; хурманъ выпрагаець коній, а панъ пошовъ скорѣй у хату у̀жо. Отпрогъ хурманъ лошадзей тыхъ, привязавъ ихъ къ будзи, а тоды и самъ увыйшовъ у хату. «Ну, говориць: крой хлѣбъ, наливай квасъ,—будземъ ѣсь!» Ёнъ наливъ квасу, накроивъ хлѣба,—повячерали. Посьцель хорошая стоиць, застланая—панъ лёгъ отдыхаць на посьцели, а хурманъ лёгъ подъ вокошкымъ: треба коній пилнувать, кабъ хто не ўкравъ. Панъ жа лёгъ и заснувъ у перинатахъ на посьцели,—и на басьни забывся.

И выжлычка малёнькій у яго бывъ, и того накормили, и того съ собой положивъ у посьцели. А хурманъ ня спиць. Тоды, у самый улягъ, приходзюць у хату три паненки, и одна съ однэй говоруць: «во, панъ просивъ у Бога, кабъ хата цёплая, перинаты мяккія, хлѣбъ чистый да квасъ кислый, дыкъ ба ўсю ночь басьни баивъ ба и сказки сказывавъ; а цяперъ во якъ ёнъ на правдзи стоиць: забывся, якъ наѣвся ды напився,—лёгъ и заснувъ. Што мы яму здзѣлыемъ? Вотъ я ямỳ якую машину подвяду: якъ будзець ёнъ заўтра ѣхыць, обярнуся я криницую, свѣтлую водзицую, такею, што вода будзець усё рóвно якъ крышталъ. Якъ будзець ёнъ ѣхыць, яму захочтца пиць непремѣнно. Станець ёнъ пиць, я яго зьѣмъ; яму не прощỳ гэтыго!» А выжлычка гэтый вурчиць, ли пана лежучи. А йна каець: «а хто гэто чуець, ды пану скажець, тэй по колѣни каменемъ станець!» А другая паненка говóриць: «нѣ, я ямỳ лѣпшую штуку удзярỳ: обярнуся посьцелею—подушки пуховыя, перинаты шавковыя. Якъ будзець ёнъ ѣхыць, захочетца ямỳ отдыхнуць у хорошай посьцели; ёнъ якъ лязжиць—я яго зьѣмъ!» А выжлычка узнова завурчала. Тоды яна говóриць: «а хто гэто чуець, и пану скажець, тэй по поясъ каменемъ станець!» Хурманъ тэй ляжйць и ўсё гэто чуець. Тоды третьція говóриць: «нѣ, я яму лѣпшую штуку укрою: я яблонкую обярнуся—золотое яблоко, сяребраное. Якъ будзець ёнъ ѣхыць, захочетца яму яблока непремѣнно; ёнъ яблоко отщикнéць изьѣсь,—я яго зьѣмъ!» А выжлычка узнова завурчала. Яна тоды говориць: «а хто гэто чуець, ды пану скажець, тэй соўсимъ окамянѣець!» Хурманъ гэтый ляжиць, тольки душа ў имъ сядзйць: што тутъ будзець? А панъ ня чуець, храпйць.

Тоды давъ Богъ дзень, панъ уставъ, говориць на хурмана: подавай мнѣ воду мытца, пора намъ выѣжжаць ужо! Тоды ёнъ воды подавъ; ёнъ помывся, одзѣвся. Ну, говориць: наливай квасъ, крой хлѣбъ, будземъ ѣсьци опяць: ящо ци страпитца на дорози, ци нѣ! Ёнъ квасу наливъ, хлѣба накроивъ, и сѣли и поѣдали. Хоцѣвъ панъ хлѣба съ собою узяць, хлѣбъ тэй не дався,—тольки што поѣдавъ два разы. Ну, хурманъ коній запрогъ, усьсѣли и поѣхыли.

Ѣдзь яны, ѣдзь—стоиць криница, свѣтлая водзица, такая, што прамо якъ крышталъ. И захоцѣлося пану пиць непремѣнно. «Стой, говóриць: я пиць хочу!» Тольки ёнъ зьлѣзаць, а хурманъ по кóняхъ, а ёнъ яму по 'карку! Алитку поѣхыли. Ѣдзь, ѣдзь—стойць посьцеля такая, што ёнъ такѐя ни разу ня видзѣвъ. И зморивъ яго сонъ, такъ-што непремѣнно ямỳ хочетца на ёй отдыхнуць. «Стой, говóриць: отдыхну тутоцьки на посьцели!» А хурманъ по коняхъ. А панъ ямỳ по 'карку: ёнъ по кóняхъ, а ёнъ по карку: ёнъ по коняхъ, а ёнъ по карку! И проѣхывъ посьцель, не давъ ямỳ отдыхнуць на ёй. Тоды яны ѣдзь, ѣдзь, ажны стоиць яблонка

при дорози—золотое яблочко и сяребраное. Ёнъ говорицъ: стой, говорицъ, стой: надо яблочка госьциничка дзяцёмъ нащипацъ, бы сколькп ня были у чужей зямли, а такихъ не видали! А хурманъ по коняхъ, а панъ яму̀ по 'карку. Ёнъ по коняхъ, а ёнъ по карку; ёнъ по коняхъ, а ёнъ по карку—оттрепавъ яго такъ, што ёнъ тольки—што живъ. А не давъ яму̀ яблочка отщикнуцъ.

Тоды прiѣжжаюцъ яны домовъ. Радъ ёнъ гэтуму, што яго Богъ вярнувъ су ўзляченьня, съ того, што ёнъ выздоровѣвъ. Цяперъ, ёнъ собравъ бясѣду, справивъ баль. [1]) Ну, пили яны, гуляли, паны, корольки, и разсовѣтувався ёнъ изь ими, што злучалося яму у дорози,—и хата, и перинаты, и квасъ, и хлѣбъ, и вода тая, и посьцель, и яблонка, и што хурманъ яму̀ ничого не давъ здзѣлацъ. Тоды яны разсовѣтувалиси вывесьци яго и простралйцъ. Сычасъ позываюцъ у комлату хурмана и кажуцъ: якъ ты пана ня слухувъ, што страплялося яму̀ у дорози и тое и сёе—и воды напитца, и отдыхнуцъ, и яблока отщикнуцъ, а ты ничо́го не давъ—дыкъ цябе присуджано простралйцъ! Ёнъ цяперъ говорицъ: «пано́вя—королёвя, будьця ласковы, якъ Богъ на неби: я збаю басьню, скажу сказку, тоды ужо што хочецяа, дзѣлайця со мной!»—Ну, до́бро, говорицъ: послухаемъ басьни твоѐ!—«Дайця мнѣ, говорицъ,—выведзьця самаго лѣпшаго коня съ стайни: я на коня сяду и буду басьню баицъ!» Такъ сычасъ коня съ стайни яму вывели. Ёнъ сѣвъ на коня, а яны кругомъ цѣпъ обняли, вороты позачинили, кабъ ня ўцёкъ, и стали кружка̀ яго басьню слухыцъ. Ну, ёнъ и почавъ: «слухайця, гово́рицъ, пановякоролёвя! Якъ мы ѣхыли зъ дороги домовъ, обхарчилиси,—ни самимъ, ни ко́нямъ, зъ голоду помирали. Тоды просивъ панъ Бога, кабъ создавъ Богъ хатку цёплую, перинаты мяккiя, квасъ кислый и хлѣбъ чистый—напився бъ, наѣвся и ўсю ночь тоды басьни бъ баивъ и сказки сказывавъ. Ну, создавъ Богъ намъ хатку цёплую, перинаты мяккiя, квасъ кислый, хлѣбъ чистый, мы напилиси, наѣлиси,—такъ панъ и лёгъ, и заснувъ, поѣдавши. А я ня сплю, ко́нiй пилну̀ю. У саму по́вныч приходзицъ три паненки у хату и кажуцъ: во́ якъ панъ на правдзи стоицъ: напився, наѣвся и на басьни забывся! Тоды одна гово́рицъ: я яму штуку укрою! Якъ будзецъ ёнъ назаўтраго ѣхыцъ, захочетца яму пицъ. Дыкъ я обярнуся криницую; ёнъ напъѐтца, я яго и зьѣмъ. А хто чуецъ, ды пану скажецъ, тэй по колѣно окамянѣецъ!..» Такъ конь тэй по колѣно и окамянѣвъ... «А другая гово́рицъ: я лѣпшую машину подвяду! Якъ будзецъ ёнъ назаўтраго ѣхыцъ, я обярнуся посьцельлю. И яму̀ захочетца

1) По др. вар., бесѣда собрана по требованiю хурмана, послѣ того какъ панъ, по совѣту жены, рѣшилъ его застрѣлить. Собралось королевство, паны всѣ, судить хурмана.

отдыхнуць; дыкъ ёнъ якъ ля̀жиць, дыкъ и ня ўстанець! А хто гэто чуець, ды пану скажець, тэй по поясъ окамянѣець!..» Такъ конь по бруxо и окамянѣвъ... «А третьція говориць: э, я яму̀ лѣпшую штуку удзяру̀: якъ будзець ёнъ ѣхыць, я обярпуся яблонкую—золотое яблочко и сяребраное яблочко. Ёнъ якъ отщикнець, я яго зьѣмъ. А хто гэто чуець, ды пану скажець, тэй увесь ка̀менемъ станець!» Такъ конь тэй и окамянѣвъ. А ёнъ съ коня соскочивъ.

Ну, тоды здзѣлали сѣда̀ньня опяць. Судзи-судзи, присудзили яны пану смерць. А ёнъ остався на пановымъ мѣсьци, у яго маётку.

Рясн. в., сѣнн. у. Кр. Иванъ Даниловъ.

Въ той же вол. сказка варьируется такъ: Поѣхалъ панъ на теплыя воды. Ѣхалъ, ѣхалъ,—усталъ и ѣсть захотѣлъ. И говоритъ кучеру: „вотъ, кабъ мнѣ, кажетца, хатка цёпленькая, ды хлѣбъ чистый, ды квасъ кислый,—дыкъ бы ўсю ночь, кажетца, басьни баивъ!" Немного отъѣхали, стоитъ хатка тепленькая, и въ ней хлѣбъ чистый и квасъ кислый. Панъ поужиналъ и лёгъ спать, а кучеръ не спитъ, такъ лежитъ, коней „пилнуець". Въ полночь сразу пришли три сестры, три Коляды, и смѣются: „ха-ха-ха! ха-ха-ха! Вотъ якѐя цяперъ людзи ня вѣрныя стали! Казавъ усю ночь басьни бъ баивъ, а цяперъ вò спиць!" Первая Коляда дѣлалась криничкой и за предупрежденіе пана грозила окаменѣлостью по колѣни; вторая обращалась въ яблоньку и угрожала окаменѣлостью по поясъ; третья—въ кровать—столбчикъ золотой, столбчикъ серебряный, шелковыя простирадлы—и угрожала полнымъ окаменѣніемъ. Возвратившись съ теплыхъ водъ, панъ хотѣлъ кучера повѣсить и собралъ по этому случаю къ себѣ царей и королей, которымъ кучеръ и сообщилъ, сидя на конѣ, причину своего непослушанія. Конь окаменѣлъ, а кучеру отдана половина имѣнія. Также: все имѣніе и жену.

Напомню кстати, что подобно тому, какъ извѣстныя пѣсни пріурочиваются къ тому или другому періоду или событію, такъ и сказки, по мнѣнію бѣлорусса, должны разсказываться только „въ Коляды"—рождественскія святки (25 декабря—6 января, святые вечера). Во время моихъ этнографическихъ экскурсій, преимущественно лѣтнихъ, мнѣ часто приходилось встрѣчать отказы въ сообщеніи сказокъ со стороны казанниковъ на томъ только основаніи, что „сказки говорятся въ Коляды, а не лѣтомъ". Вышеприведенныя сказки, очевидно, имѣютъ тѣсную связь съ этимъ воззрѣніемъ, и въ этомъ отношеніи небезъинтересны.

ДОПОЛНЕНІЕ.

(Матеріалы, собранные во время печатанія.)

1. Богъ и Адіяволъ.

Вотъ, начинався свѣтъ. Ня было тоды зямли, одно мо́ря. И плавывъ у пузурі́ Адзіяволъ по̀ морю. Ишовъ Богъ и спрашіецъ: «што за̀ людзи?» Адзіяволъ говорицъ: своѐ людзи!—«Вылѣзай съ пузуря ко мнѣ, Господзь говорицъ: ци будзешъ ты мнѣ слуга?»—А скажиця, Господзи! —«Достань ты мнѣ у мори зямлѝ!»—Якъ жа мнѣ достацъ, Господзи? —«А вотъ якъ доставацъ: лѣзь опяцъ у мо́ря и скажи: Господзи Божа благослови! ды й бросайся на дно у мо̀ря, и силяй ро̀томъ!» Адзіяволъ не послухавъ Бога. Ёнъ нырнувъ у мо̀ря и сказавъ: Божа ба́сла! И не узявъ ничого. Опяцъ узнырнувъ ёнъ наверхъ. Господзь у яго спрашіецъ: «ци ўзявъ зямли?»—Нѣ, не ўзявъ!—«Якъ жа ты говоривъ?»—А я говоривъ: Божа ба́сла!—«Ты скажи: Господзи Божа благослови, дыкъ во̀зьмешъ!» Адзіяволъ сказавъ: Господзи Божа благослови! и нырнувъ у моря и ўзявъ цѣлый ротъ зямли. Ну, и вынырѧецъ ёнъ зъ моря. «Ци узявъ?» Господзи спрашіецъ.—Узявъ!—«Ну, отдавай яѐ мнѣ и ня то̀й!» Ёнъ выдавъ зъ рота зямлю; а ў лѣвой сторонѣ затаивъ зямлю и овёсъ и грячиху. Пошовъ Господзь сѣицъ зямлю̀ и разныя хлѣбы, не хватаецъ грячихи и овса. Ёнъ хвацився къ Дэмону. А ў Дэмона стала росць у роци земля и ўсё, што ёнъ затаивъ отъ Господа. И ставъ ёнъ выкидацъ усё зъ рота, и посѣивъ мохѝ, боло́ты, осо̀тъ, крапиву. Спрашіецъ Богъ у Дэмона: «ты утаивъ отъ мяне?»—Господзи, утаивъ!—«Што жъ ты утаивъ?»—Осотъ ды крапиву!—«Нѣ, ето ня 'сотъ, ни крапива, а овёсъ ды грячиха; ето моимъ кресціянамъ на пожитокъ!» И стали овесъ ды грячиха. А болоты такъ и остались. Здзѣлылыся земля. Стали людзи. Дэмонъ што задумавъ: справивъ сабѣ вѝньницу и гоницъ вино. Ишовъ Богъ и Микола и Ягорій, и ўвидзяли яны—дымъ идзѐцъ зъ дому. Тоды Богъ посылаецъ Миколу: «идзи, поглядзи, хто тамъ такѐй!» Микола пошовъ. Уходзицъ у про̀варъ: здраствиця, говорицъ, вамъ! А Дэмонъ говорицъ: а здраствиця, здраствиця!—Што вы тутъ робиця, Дэмонъ?—А вотъ, Миколай: гонимъ квасокъ! Вычарпнувъ яму̀ чайный стаканъ и по̀дносицъ: извольця вамъ, Миколай, выпицъ нашаго кваску!—Нѣ, мы етаго ня ўживаемъ! Ну Дэмонъ яго призмусьцивъ, присильничавъ. Выпивъ стаканъ вина Микола, и вясёлъ остановився, и начавъ разговаривацъ зь имъ. Ну, ожидавъ Миколу Богъ довгое ўремя зь Ягорьемъ,—не дождався. Посылаецъ Ягорью. Пришовъ Ягорій: здраствиця вамъ! Што тутъ, Миколай, забавився?—А вотъ, говорицъ: поднясьли кваску попицъ—такей хорошій и

пріятный! Подносиць етый Дэмонъ и Ягорью. Ягорій не хоцѣвъ, потомъ того выпивъ. Ставъ и Ягорій вясёлъ, начавъ разговариваць. Господзь дожидавъ, дожидавъ,—пришовъ и самъ у виньницу. «Што жъ вы тутъ забавились, Микола и Ягорій?»—А вотъ, Господзи: Дэмонъ поднёсъ намъ кваску, такого пріятнаго,—такъ вясёло намъ и пріятно! Подносиць Дэмонъ и Богу квасу: извольця, Господзи, вамъ выпиць! Господзь сказавъ: отступи, нячистый духъ! Отобравъ отъ яго квасъ етый и здавъ яго кресціянамъ.

Завёвъ Дэмонъ садъ сабѣ и завёвъ сабѣ пчолъ. И ўвознавъ Господзь и пришовъ къ Дэмону: «дай ты мнѣ три пчалы тольки!» Дэмонъ говòрицъ: бярицё больше, Господзи!—«Нѣ, мнѣ тольки надо три пчалы!» И узявъ Богъ три пчалы и понёсъ. Ызаўтраго хвацився Дэмонъ,—нема пчолъ у яго, ни одной. Прибѣжавъ къ Богу: Господзи, моѐ пчолы у васъ усѣ!—«Вотъ, Дэмонъ: ето ни ли цябе пчолы, а ето пчолы тольки ли кресьцянь. А я табѣ укажу пчолы!»—Пыкажиця, Господзи! Повёвъ Господзь Дэмона къ осини; тамъ шерсьни гудуць большѐя. «Вотъ табѣ пчолы, Дэмонъ!» Дэмонъ узрадывався и заплисавъ. (Далѣе слѣдуетъ разсказъ: Солдатъ и Смерть, и о діаволѣ нѣтъ упоминанія).

С. Забѣлышинъ, кл. у. Отъ кр. Антона Васильева, 35 л. негр.

2. Тоже.

У тое ўремя, якъ ящо не было ничого на зямлѣ, а стоявъ одзинъ плецень, Господу Богу захоцѣлось развесьци по етой зямлѣ усяго. Ёнъ исказавъ одно слово—и усё явилося. Тольки не явився чаловѣкъ. Тоды Господзь Богъ идзець дорогой, и задумавъ: якъ бы зъ моря достаць зямли? Оявляетца къ яму̀ чортъ и говòря: Господзи, я достану̀! И полѣзъ у моря, доставъ рукой зямли. Выплывъ, поглядзѣвъ у руку̀—ажно нема ничого. Полѣзъ опяць, опяць ухапивъ рукой, и выплывъ изновъ ни съ чимъ. И ў третьцій разъ такъ: ничого не доставъ. Тоды Господзь Богъ сказавъ: дуракъ ты, чортъ: и етаго не ўхтрився здзѣлаць!.. Послав Богъ свойго ангела. Тэй якъ пришовъ къ зямлѣ на днѣ моря, узявъ зямли ў ротъ; и вынесъ у роци къ Богу. Богъ узявъ ету зямлю и ўдунувъ у яе душу̀, и здзѣлався чаловѣкъ. А съ того чаловѣка здзѣлавъ яму и жану. И звали ихъ Адамъ и Ева.

И жили яны много на зямлѣ, и было у ихъ много дзяцей. Пришовъ разъ Адамъ вечарòмъ зъ работы, и сильно уморився. И лёгъ спаць на лавцы. Назаўтраго уси устали, а ёнъ спиць. Тоды меньшій сынъ Явель пошовъ и ставъ яго будзиць: «бацька, видно ужо! пора ўставаць!» А ёнъ и пя думаець. «Ну, нехай ящо поспиць трохи!» каець бòльшій сынъ

Ка̀винъ. И ёнъ такъ спавъ пяць дней и пяць ночей и не знали яны, што зь имъ дзѣлаць.

Тоды явився имъ Богъ и давъ зѐрнятко, и сказавъ: укиньця ето зѐрнятко яму̀ у ротъ! Яны ўкинули тое зернятко ў ротъ, и сычасъ съ того зернятка выросъ дубъ. Ну корни того дуба были не ў зямлѣ, а на вярху. Дыкъ яны хоцѣли ихъ обкопаць, кабъ кряпчѣй стоявъ. Тольки стали копаць, ажъ земля уся здзѣлалась ка̀менемъ: нейдзи зямли ўзяць. Якъ перестануць копаць—опяць земля, а якъ почанўць копаць—камень. И нельзя имъ ниякъ обкопаць кореньня. Тоды выскакуя икъ имъ чортъ и говоря: «што мнѣ будзя, коли я здзѣлаю, кабъ земля вамъ далась узятца?»—А што будзя: мы ня вѣдыемъ, што ты хочашъ?—«А вотъ што: коли дасьцё мнѣ уси тыя души, што умираць будуць, дыкъ здзѣлаю!»—Ну, дыкъ што: бяри сабѣ!—«Ну, дыкъ расписывайся на етомъ!» —Чимъ жа я буду писаць?—«А давай ножъ, разрѣжамъ палецъ мезѐнецъ, и кровъю распишися!» Ну, такъ и здзѣлали,—расписались. И обкопали корни дуба, якъ слѣдуя.

И съ тыхъ поръ уси души стали поступаць къ чарця̀мъ у пекло, покуль не пришовъ Богъ на зямлю̀, и не разоривъ пекла.

Ну, дыкъ вотъ тоды людзи познали, што умэршихъ треба закапываць у зямлю̀ и садзѝць на могили дзерявъё. Затымъ и цяперь во̀ на кладзищахъ дзерявъё.

М. Молостовка, чер. у. Сообщ. кр. Мих. Мельниковъ, 23 л. грам.

3. Чаго пярунъ.

Гэто спорувавъ Богъ (вар. Илья) зь нячисьцикомъ: «я цябе, каець, забъю!»—А якъ ты мяне забъѐшъ: я схуваюся!—«Куды?»—Подъ чаловѣка!—«Я чаловѣка забъю, грѣху яму̀ отпущу,—а цябе забъю!»—А я потъ коня!—«Я й коня забъю; чаловѣка на гэтымъ мѣсьци награджу, а цябе забъю!»—А я потъ корову схуваюся!—«Я й корову забъю; хозяину на гэто мѣсто награджу, а цябе забъю!»—А я подъ будынокъ!—«Я й будынокъ спалю; чаловѣка на гэтымъ мѣсьци награ̀джу, а цябе забъю!»—А я подъ дзераво схуваюся: тамъ ты мяне не забъешъ!—«Я дзераво разобъю, и цябе забъю!»—Ну, я потъ камень схуваюся!—«Я й камень разобъю, и цябе забъю!»—Ну, дыкъ я, каець, схуваюся у воду потъ корчъ, потъ колоду!—«Ну, тамъ твоё мѣсто, тамъ сабѣ будзь!»

Дыкъ гэто коли ударицъ идзѐ пярунъ, дыкъ гэто Богъ нячисьцика бъѐць. Ёнъ, якъ находзиць хмара, здаѐтца ци собакомъ, ци свиньнёй,

и кошкую—абы чимъ; ды й хуваетца потъ кого—нибудзь. Тоды тамъ пярунъ бъёць. *Сѣнн. у.*

Вообще же человѣкъ, «забитый пяруномъ», считается счастливымъ, точно такъ же, какъ и женщина, умершая отъ родовъ. При сужденіяхъ о громѣ, часто можно слышать желанія: «Ахъ, дай Божа, кабъ мяне пярунъ забивъ, а жонка кабъ зъ рóду помёрла! Щасьливый ба бывъ я чаловѣкъ!»

По общему мнѣнію, прочно установившемуся повсемѣстно и во всѣхъ слояхъ бѣлорусскаго населенія, перунъ бьетъ особою *стрѣлою*. Въ Бѣлоруссіи, да кажется и въ другихъ мѣстахъ, такими стрѣлами считаются орудія каменнаго вѣка, такъ и называющіяся «перуновыми стрѣлами».

Когда бываютъ удары грома, то стрѣла, убивъ нечистика, уходитъ, по мнѣнію народа, въ землю. Но, какъ предметъ небеснаго происхожденія, она не можетъ долго оставаться въ грѣшной землѣ, и постепенно поднимается изъ земной глубины къ верху, такъ-что чрезъ двѣнадцать-семьтри года, смотря по глубинѣ, выходитъ на поверхность. Только тогда и можно найти стрѣлу.

Понятно, что нахожденіе стрѣлы считается также счастьемъ, и ее держатъ въ домѣ, какъ средство противъ козней нечистика жа—домового. Впослѣдствіи, вѣроятно на этомъ уже убѣжденіи, установилось мнѣніе, что въ домъ, въ которомъ имѣется стрѣла, никогда не ударитъ громъ. А съ теченіемъ времени ихъ стали употреблять и противъ слугъ нечистика: вѣшать надъ дверью коровника, чтобы преградить доступъ въ него вѣдьмамъ, отбирающимъ у коровъ молоко; [1]) хранить въ пчельникахъ, для сбереженія пчолъ отъ суроцъ; [2]) привлекать судей на свою сторону, [3]) и т. п. Деревенскіе мудрецы—знахари, само собою разумѣется, воспользовались такимъ отношеніемъ массы къ стрѣламъ и ввели ихъ въ число своихъ «сильно дѣйствующихъ», и потому дорого цѣнимыхъ, средствъ.

Какъ медикаментъ, стрѣлы употребляются въ трехъ видахъ: для механическаго растиранія живота при родахъ, а также грудей и вымени—при опухоляхъ; въ видѣ порошка, получаемаго соскабливаніемъ или толченіемъ стрѣлы—при родахъ и вообще желудочныхъ болѣзняхъ; наконецъ, цѣлебную силу получаетъ вода, пролитая знахаремъ чрезъ отверстіе, находящееся въ молоткѣ или сѣкиркѣ, при леченіи *уроковъ* и испуга.

---

[1]) Въ этомъ случаѣ особенно дѣйствительны стрѣлы, освященныя въ день Пасхи вмѣстѣ съ куличами. 2) По большей части хранится стрѣла, пролежавшая извѣстное время, по секрету, въ алтарѣ, подъ престоломъ. 3) Для этого стоитъ только, идя на судъ, заложить запазуху себѣ стрѣлу, подобно тому, какъ въ грамотной средѣ это дѣлается съ «Сномъ Богородицы».

Необходимо, впрочемъ, оговориться, что молодое поколѣніе бѣлоруссовъ, на основаніи однакоже собственныхъ опытовъ, позволяетъ себѣ сомнѣваться въ цѣлебной силѣ стрѣлъ. Это обстоятельство заставило знахарей, про всякій случай, придумать теорію, что съ теченіемъ времени лечебная сила исходитъ изъ стрѣлъ, и послѣ двѣнадцати—семи—или трехлѣтняго употребленія, онѣ перестаютъ исцѣлять больныхъ, и должны быть обязательно брошены въ огонь—святое святому.

Разумѣется, что эта печальная теорія, вмѣстѣ съ толченіемъ порошковъ и высѣканіемъ огня изъ кременевыхъ ножей и копій, во множествѣ губитъ орудія каменнаго вѣка.

4. Откуда нечистая сила.

Нячистая сила вó откуль. У Адама и Евы було дванатцаць паръ дзяцей. Дыкъ приходзиць къ имъ Богъ: «дзѣ ваши дзѣци? покажиця мнѣ своихъ дзяцей!» Ну, дыкъ яны шесь паръ показали Богу, а шесь паръ подъ дубъ сховали. Дыкъ Богъ тыхъ узявъ, помятусíвъ, помятусíвъ: бóльшую сяструу за меньшаго брата, мéньшую за бóльшаго. Богословивъ ихъ,—росьциця, каець. Тоды, пошовъ Богъ, Адамъ и Ева пошли къ дубу. «Давай, каець, и мы помятусимъ такъ етыхъ!» Пришли къ дубу, а ихъ и нема. И посичасъ нема.

Дыкъ во: якъ мы отъ етыхъ шасьцй паръ, такъ *яны* отъ тыхъ шасьцй паръ. И ихъ стольки, скольки й насъ. Тольки, што ихъ ня видно, затымъ, што ихъ отъ Бога ховали.

Ну, и вотъ жа, на вутрени, у вяликодня, идзи зь яйцомъ у лѣсъ, къ бурелому, ды скажи три разы: «Христосъ воскресъ, хозяинъ полявый, лѣсовый, домовый, водзяный! съ хозяюшкой, зь дзѣтками!» Дыкъ и выйдзець христосуватца. Вó.

М. Хотьславичи.

5. Пярунъ и сатана.

Стоявъ у насъ на поли дубъ, сажнявъ пяць уво 'бхваци. Дыкъ *ѐнъ* туды и заховавсь. Дыкъ якъ найшла хмара, якъ ударила,—дыкъ плаху, такъ пудовъ у сто, и отхвацило! Довго по вѣтру качалась, покуль и ўпала. И дойшло до корнявища, а *яго* не добило. Сíлянъ дубъ крѣпко. Тó дыкъ *яго* и ў треисподнюю зямлю бъеѣць, а тó не добило. Оставсь у корнявищи (*енъ*), ды тольки хрипиць: вотъ, якъ бабы платьця жлукцюць, —хр-хр-хр-хр! Дыкъ няможно було на пóля выйци, хоцѣли пóля кйдаць: гремиць и гремиць,—страшно! Дыкъ могли призваць попа, кабъ закля-

цію положивъ. Якъ положивъ, такъ и замовкъ. А поля такъ и зовѐтца «Грямучее».

Д. Воробьевка, хотъсл. в.

6. Тоже.

У Воронини (дер. сѣнн. у.) надъ рѣчкой ёсь гора (древній городокъ). Дыкъ тутъ на гэтой горѣ пярунъ чорта забивъ. Дыкъ ёнъ тамъ троя сутокъ лежавъ. А тоды найшли яго и стали хувацъ. Дыкъ возили, возили зямлю на яго, возили, возили—ня можно зарыць яго. Што за дзень навозюць, закопаюць, назаўтраго полидзяць, а ёнъ на вярху ляжиць. Бились —бились,—ани! Покуляцьки ўжо—ци соснилось кому, ци што—узяли ды ўво 'топокъ пѣвня запрагли. Дыкъ тольки три разы зямли привязли на имъ, дыкъ и засыпали *яго.*

Рясн. в. сънн. у.

7. Тоже.

А то такъ съ поввярсты отъ Почаевичъ (село сѣнн. у.) дыкъ ёсь бярозки; обсоджанъ такъ кругомъ ковалочекъ зямельки небольшенькій. Дыкъ тутъ пярунъ забивъ змѣя. Ну, дыкъ якъ тольки забивъ, дыкъ якъ пошовъ дожджъ, пошовъ дожджъ—двоя сутокъ узапоръ ишовъ; усё чисто позатаплювало. Тоды людзи стали яго хувацъ. Выкопали ямку, уклали яго туды и засыпали. Тольки засыпали, а ёнъ узновъ на вярху. Яны опять яго засыпали, а ёнъ опяць на вярху. Што тутъ робиць? А дожджъ идзець и идзець. Думали яны, думали, и придумали возиць зямлю на пѣвню. Ну, стали возиць, стали возиць—и засыпали. Якъ засыпали и дожджъ перащукъ. А тая мясьцина и цяперака «Змяёвкой» зовѐтца.

Д. Слидцы, сънн. у. Вблизи Почаевичъ.

8. Рокъ.

У водного чаловѣка довго ня було дзяцей. А тоды, подъ старосць, родзився у яго сынъ. Ёнъ имъ уцѣшаетца, радуетца,—вѣдомо, одзинъ ёнъ у яго. Отъ ёнъ росцець-росцець, агу—приходзиць къ яму чаловѣчакъ такъ пѣйкій,—Богъ яго вѣдаець хто, можа сто Господзь бывъ,—ёнъ жа жъ ходзиць по зѐмли. Пришовъ и говориць: «ахъ, говориць, якій у цябе славный хлопчикъ! Али ня довго ты имъ будзешъ радоватца: на такимъ то й такимъ году яго перунъ забъець!»

Бацька тэй туды, сюды: што дзѣлаць? И надумався: здзѣлаю-тка я

склепъ мурованый, глубоченный. Яно яго тамъ не достанецъ! И почавъ дзѣлаць склепъ. Сынъ пытаетца: «на што ты, татъ, дзѣлаешъ ето?» — А, мой сынокъ: тоды увидзишъ! Ну, кончивъ тэй склепъ; такій склепъ, што й ня було такого: глубокій, товстэй,—сцѣны у три сажни.

Вотъ приходзиць тэй дзень, якъ яму̀ ужу умирація треба. Бачиць бацька—находзиць маленькая хмарка. Ёнъ каець: «мой сынокъ! обѣщано мнѣ, што цябе сяньни громъ забъець. Лѣзь ты, сынку, у етый склепъ схувайся!» А ёнъ каець: «ахъ, татъ! што ты говóришъ? Ну, отъ Бога рази можно схуватца? Отъ Бога не схуваесься! и ў склепи забъéць. Ды ящо й засыплець мяне такъ, што ты й косточакъ моихъ не найдзешъ; и не прихоаешъ мяне. Я жъ лучче останусь тáкъ; выйду на чистое поля. Якъ убъець—ты мяне поховаешъ, косточки моé прикопаешъ!»

И пошовъ у чистое пóля на горушку; ставъ одзинъ на чистомъ поли, и ставъ Богу молйтца, ставъ молйтца. Мòлитца и кланяетца, мòлитца и кланяетца. А хмара ўсё ближе, ближе... Якъ найшла, якъ ударила—да ў тэй склепъ! Дыкъ што жъ ты думаешъ: развоевала увесь чисценько, и камень на камень посклала у кучачки,—зъ зямлёй сравняла. И пошла. А ёнъ якъ стоявъ, такъ и стоиць у чистомъ поли. И цѣлъ остався. Умоливъ.

Хотьсл. в. мстисл. у.

9. Мосей.

Пришовъ разъ Мосей къ Богу и говóриць: чудзенъ ты, Господзи! А Богъ яму кажець: «Мосей, ты чуднѣй за мяне! Пощупай-тку ты голову̀!» Ёнъ тоды щупъ за голову̀—ажны ў яго рóги на головѣ.

Вотъ затымъ яго й цяперъ богомазы пишуць зъ рогами.

Рясн. в. сѣнн. у. Отъ кр. Семена Яковлева, 62 л. малограм.

10. Зачимъ жиды не ядуць свинины.

Якъ мучили Суса Христа, дыкъ жиды узяли, вочи яму завязали, ды жидовку и посадзили подъ корыто пузатую (беременную). Тоды развязали вочи Сусу Христу и пытаютца: «ну, коли ты Богъ, увознай, хто тутъ сядзиць?» А ёнъ каець: «хто жъ тутъ сядзиць: свиньня съ поросятыми!» Яны корыто подняли, смяютца: «ай Богъ, ну Богъ, угадавъ!» Коли поглядзяць, ажны тамъ и правды свиньня съ поросятыми. Дыкъ вотъ, значитца, свиньня имъ приходзитца цётка; за тымъ имъ и няволно свиньни ѣсьци.

Сѣнн. у.

11. Откуда знахари.

Сусъ Христосъ ходзивъ по зямлѣ съ апостолами. А жиды подложили потъ корыто дыявола. «Ну, коли ты Богъ, узнай: хто потъ корытомъ?» —А гадыня, скрупившись! Открыли корыто, а тамъ гадъ, скрупившись, ляжиць. Апостолы кричаць: Михаилъ—архангалъ, руби яго! Той рубанувъ, на дванатцаць кусковъ рассѣкъ. Ну, уси тыя куски и поповзли. «Ай, Божа жъ нашъ: цаперь усихъ людзей поядуць!» —Нѣ, не поядуць! И давъ Сусъ Христосъ апостоламъ дванатцаць заговбровъ; а апостолы передали міру. Съ того й пошли знахари.

М. Хотьславичи, мст. у. Отъ знахаря.

Среди знахарей существуетъ впрочемъ и болѣе трезвый взглядъ на свое ремесло; намъ не разъ приходилось слышать такія откровенности: «ахъ, панокъ, панокъ! гомбнишъ, што на ротъ лѣзя, граха̀ на душу̀ хапа̀яшъ; а усё зъ го́ра. По̀ міру намъ пойти, дакъ ня дадуть, скажуть —работать ня хвора. А гдѣ яе, тыя работы, возьмяшъ у насъ, у бобылстви? А якъ погомонишъ, дыкъ и дають!» и т. п.

12. Богъ, баба и мужикъ

Жала баба на поли зъ дзяцёнкомъ. А тоды дзяцёнокъ закричавъ; дыкъ ина легла ды й кормиць яго цыцкой, и сама ѣсць. А идзе́ць Богъ по дорози и спрашіець: «баба, покажи мнѣ дорогу туды й туды!» Дыкъ ина у̀зяла ды ногой и показыець· «вунъ, каець, ина!»—Ды нѣ! ты жъ, голубка, устань ды покажи до́бро!—«А, мнѣ не́коли!»—Ну, будзець жа табѣ не́коли до вѣку, покуль ты жива будзешъ,—што ты мнѣ ногой дорогу показала!

Пошовъ Богъ дали. Прихо́дзиць къ мужуку. Ёнъ косиць. «Покажи мнѣ, чаловѣкъ добрый, дорогу туды й туды!»—Кинувъ чаловѣкъ косйць и повёвъ Бога. Привёвъ яго къ дорози, вынивъ табаки, самъ нюхаець, Бога частуець, зюкаюць. Богъ тоды говориць яму: «ну, придзешъ жа ты, чаловѣча, домовъ, дыкъ табѣ будзець часъ, слобода́! А баби ниразу!»

Дыкъ вотъ мужикъ и цяперъ: прйдзець домовъ, побѣдаець, и отдыхнець часъ якёй. А бабамъ усё не́коли.

Сѣнн. у.

13 Богъ, богачъ и бѣднякъ.

Ишовъ Господзь по зямли зъ двоми апостолами—зъ Миколаемъ и зъ

Ягоргіемъ. И приходзили къ богачу, адзѣ богачъ пахавъ свою полянку у семъ сохъ. И садзилися богачовы снѣдацъ. Господзь говѳря на апостоловъ: просйця и вы, снѣдацъ будземъ у яго! Яны потходзюць къ яму̂, говорюць: здрастуй вамъ! хлѣбъ и съ сольляю! Богачъ отвѣчая: милосьци прошу снѣдацъ! Микола говѳря: мы етаго и хочымъ! и просйць у цябе хочымъ!— «Нѣ, братцы, говѳря: 'мяне ёсць кому работацъ, ёсць кому й поядацъ! А йдзиця дальшы: хто нибудзь дасць и вамъ поснѣдацъ. Пошли дальшы. Приходзюць къ бѣдному. Бѣдный паша. Яны сѣли у концы полоски яго и ожидаюць, покуль ёнъ прiѣдзя къ имъ. И говорюць яму̂: Божа поможы табѣ работацъ! А ёнъ имъ отвѣщая: спасибо!—Ци ня можно у̂ цябе поснѣдацъ намъ?—А подожджиця, говориць, дзядзюшки: я тамъ говоривъ хозяйцы, штобъ ина у кого-нибудзь позычыла муки, и можа кулешу̂ наваря, али спячэ коржъ, и здзѣлая якого нибудзь ботвиньня, и принясе мнѣ снѣдацъ; то мы поснѣдаемъ! Ну, яны сидзяць, ожидаюць. Такъ яна й нясе́ снѣдацъ яму̂. Зготовила ботвиньня и спекла кѳржакъ. Садзятца яны снѣдацъ, то ёй нявузносно: што поднесла одному, а ёнъ сѳдзя съ собой трёхъ. Тутъ и одному мало поѣсць, а не четвярымъ. Яны сѣли снѣдацъ, и снѣдали; то ще осталѳсь у ихъ снѣданьня: большы прибавилось, якъ ина принесла. И у̂си наѣлися досыта. Ина етому удзивляется: што ѣли-то хорошо, да у̂сё й осталося.

Ну, яны благодарили и пошли дальшы пуцёмъ. На стрѣчу къ имъ вовкъ. И прося: Господзи, погибаю смерцю голодной; да позвольця идзѣ што—нибудзь зьѣсць! Господзь говоря вовку: бяжи по дорози етой; тамъ отъ чаловѣкъ пахавъ на лысой кобыли. Ёнъ кобылу отпрёгъ, и самъ побѣдавъ, спаць лёгъ. Дакъ ты кобылу тую зарѣжъ, да й самъ подъѣжъ.

Господзь лёгъ съ апостолами отдыхаць. Юрью стало жалко: ахъ, говориць: етый чаловѣкъ самъ добувавъ, да й насъ кормивъ, а мы цяперь, говориць, зло яму̂ творймъ! Да я пойду да замажу лысину грязьзію,— ну вовкъ не позная, што йна лысая була! *Юря* побѣгъ и замазавъ лысину грязью.

Прибѣгая вовкъ къ кобыли. Вокругъ яѐ ходзивъ, только лысины не нашовъ. Обрацився зновъ къ Богу: Господзи, говоря: ходзя кобыла, да ня лысая, а у̂ся вороная!—А ето, говоря, лысина грязью замазана! Бяжи зарѣжъ, да й самъ подъѣжъ! Вовкъ прибѣгъ, кобылу зарѣзавъ, ды й самъ подъѣвъ. Чаловѣкъ етый уставъ, то не на комъ ужо яму̂ работацъ. То начавъ плакаць и Бога у̂моляць: за што, Богъ, наказуешъ ты мяне? Апостолы тогды Богу говорюць: богачъ намъ не давъ снѣдацъ, ну того вы не наказуеця; бѣдный намъ давъ поснѣдацъ, то вы наказуеця яго!—Богачъ отдаливсл отъ мяне и забывся на мяне; а бѣдный постоянно мысля и думая про мяне, а не 'тдаляетца 'тъ мяне,—то будзя й

дўша ў мяне. А богатаго будзя душа у пекли! Тутъ ёнъ уцѣшаетца, а тамъ душа будзя уцѣшатца у пекли!..

Д. Киселевка, самотейв. в. черик. у. Кр-нъ Ѳома Григорьевъ.

14. Грѣшная душа.

Уво днэй хаци была клямка ў дверахъ. И хто тольки не пройдзець ли гэтыя клямки, дыкъ заўсёгды одзежу разорвець. Якъ бы далёко ни йшовъ, а ўсё-тки одзежу разорвець. Тоды разъ пришовъ у гэтый домъ ксёндзъ. И ў яго была примовка: ангелъ съ тобой. Тоды ёнъ идзець у двери, а клямка одзёжу и разорвала. «Ахъ, каець: што ты гэто, ангелъ съ тобой?» Якъ тольки ёнъ сказавъ гэтыкъ, такъ сычасъ: ахъ, ахъ, ахъ! дзякуй, дзякуй, дзякуй!—съ клямки. А ноччи приснився ксяндзу ангелъ и сказавъ: «ты спасъ грѣшную душу! Яна сидзѣла на клямцы и усякаго чапала, кабъ хто сказавъ на яé што святое!»

Сѣнно. Отъ мѣщ. Мар. Павловской, католичкя.

15. Андрей Крицкій.

Андрей Крицкій бувъ колись, зъ молодыхъ годовъ, вяликимъ разбойникомъ, и много побивъ чаловѣчацкихъ душъ. А тогды ёнъ надумався, покинувъ разбои и пошовъ къ батьку, къ матцы просить прощенья. Пришовъ домовъ, упавъ батьку—матцы на ноги, и просивъ ихъ простить яму за ўсé, що ёнъ здѣлавъ. Ну батька й матка яму ня простили. Ёнъ тогды убивъ свойго батька, убивъ свою матку, и пошовъ къ попу, щобъ накинувъ на яго покуту. «Вотъ, говора, батюшка: посповѣдуй мяне! На мнѣ грахи невяликія: я бувъ разбойникомъ, поўбивавъ богато людей, и ўбивъ свойго батька й матку!» Попъ яму отказуя: що тябе, Андрей, няльга сповядать! Ёнъ рассердився—убивъ и попа. Приходя къ другому попу—и той такъ жа само кажа. Ёнъ и того ўбивъ. И такъ поўбивавъ шесть поповъ. Приходя напослѣдокъ икъ сёмому. Той бача, що и яму будя тутъ конецъ, и кажа: що я, Андрей, сповядать тябе недостоинъ: а йди ты у Русалимъ къ архирею, той тябе выспповѣдуя!

Ну, Андрей пошовъ у Русалимъ. Пришовъ къ архирею, упавъ яму на ноги, и прося яго посповѣдувать. Архирей кажа: якія жъ на табѣ грахи? А ёнъ кажа: що на мнѣ грахи невяликія: я бувъ разбойникъ, богато людей погубивъ, и убивъ свойго батька и матку, и шесть поповъ! Тогды архирей яму кажа: ну, сядь жа со мной по'бѣдай, тогды пойдомъ у цэркву, и я тябе посповѣдую, и накладу на тябе покуту! Андрей кажа: що нѣ,—я съ тобой обѣдать ня буду! Що я грѣшникъ, а ты чаловѣкъ святый!—Ну, коли ты ня будешъ со мной обѣдать, то я ня буду

тябе споведать! Ну, Андрей сѣвъ, побѣдавъ. Тогды, побѣдавши, пошли яны ў цэркву. Приходять къ цэркви, и тамъ колодязь: копали яго семъ годовъ, и не достали воды, и заперли. И ёнъ несчисленно глыбокъ. Архирей посповѣдавъ Андрея и упустивъ яго ў колодязь: молись, каа, Богу, Андрей тутъ, покуль заросте колодязь: тогды тябе Богъ простить! Андрей говора: я ня умѣю молитца!—Ну, ты кажи: помилуй мя, Божа, помилуй мя!.,

Упустивъ яго у той колодязь, и замкнувъ замкомъ, и ключъ укинувъ у возяро.

Просядѣвъ Андрей у колодязи тритцать годовъ и ўсё казавъ: помилуй мя, Божа, помилуй мя! И стала рэсть зямля у колодязи, и на тритцатомъ году соўсимъ заросъ колодязь, и такъ, що ставъ ёнъ подъ самой крышкой. И захворѣвъ тогды етый архирей, и захотѣвъ свѣжія рыбы. Пошли на возяро ловить рыбу и поймали щуку. Стали яе чистить, и знайшли у сяродки ключъ. Приносять той ключъ къ архирею и говорать: такъ и такъ,—у щуки у сяродки ключъ знайшли! Успомнивъ тогды архирей, що ето той самый ключъ, що ёнъ замкнувъ Андрея Крицкаго. Пошовъ ёнъ отчинивъ колодязь—а святый Андрей уже стоить навярху, и чуть звенить голосомъ, якъ пчела: помилуй мя, Божа, помилуй мя! Тогды архирей узявъ яго за руку, и ввёвъ у цэркву. И стали просить одинъ у одного высповѣдатца, и обоя померли, и стали святыми.

Затымъ и кановъ Андрею пяетца ноччи и съ поклонами, и ўсё пяють: помилуй мя, Божа, помилуй мя! *Попов. в. гом. у.*

Ср. III вып. Юда-разбойникъ. Сообщ. кр. Ткаченко.

16. Микола, Ягорій и мужикъ.

Живъ сабѣ мужучокъ одзинокій, стыряцелный человѣкъ. Пошовъ ёнъ у лядо и начавъ биць. Ишовъ Микола и Ягорій ны дорози, мижда собою разговарююць. Ягорій говориць Миколи: «во што, Микола!»—Ну, сказывайця, Ягорій!—«Сходзимъ-ка мы къ етуму мужуку: хто ў насъ, мижда двоихъ, красивѣй?» Микола говориць яму: «Ягорій, не надо намъ распрашиваць у яго, хто ў насъ красивѣй!»—Нѣ, братъ, сходзимъ!—«Атъ, што ты, братъ, говоришъ: ны цябе што скажи, то, Ягорій, ты тоды, угнѣваесься!» Ягорій отвѣщаець: «нѣ-ѣ! пойдземъ, Микола!»—Ходзи сабѣ! Пошли. Приходзюць къ мужуку. «Богъ-помочь, человѣча!»—Спасибо! —«Ну што, добрый человѣкъ: ходзи зъ нами пысядзи, пыгомоній!»— Братцы! радъ бы я зъ вами пыгомониць, ды мнѣ некыли: одзинокій я человѣкъ, пымогаць мнѣ некыму. Семеро ў мяне, говриць, зъ ложкую,

а я одзинъ исъ сошкую!—«А ходзи, добрый человѣкъ, пысядзи, пыгомони!» Приходзиць етый человѣкъ. «Ну што, добрый человѣкъ: будземъ у цябе распрашавацъ: хто ў насъ, мижда двоихъ, красивѣй?»—Братцы, вы обáи ровныя, и красивыя и пригожія!—«Нѣ, неправду ты намъ говоришъ! а скажи, хто мижда нáсъ красивѣй?»—Нѣ, братцы; обáи хороши, усё рôвно якъ браты одного отца—мацери!—«Нѣ, скажи, добрый человѣкъ, хто ў насъ красивѣй?»—Ну, хочетца вамъ, братцы, сказаць: вы обáи на лицо хороши, тольки у етаго вотъ носъ курносъ!—на Ягорія. Ну, Ягорій угнѣвався, и пошли яны пы дорози. И Микола Ягорью говôрицъ: «ци я табѣ не казавъ, Ягорій, што ты угнѣваесься!»—Ну, говорицъ, ничôго: нехай работыецъ, я ў жито ядра не ўкладу. Больше ня будзецъ вымолачувацъ—съ овину три мѣрки!

Узьбивъ етый мужучокъ лядо, посѣивъ жито. Якъ зыродзило тое жито, што лучче не надо быцъ. Али соломыю хорошо, а зéрнятъ нема. Приходзицъ Миколай къ яму у домъ: «ну што, мужучокъ: не скучай, не клопоци! Нà-ка табѣ рубъ грôшей, и пи горѣлку и пѣй пѣсьни!» Начавъ етый мужикъ горѣлку пицъ и пѣсьни пѣцъ. Говорюцъ сусѣдзи ближающія: «пѣй, пѣй, пѣсьни! ды ще съ чимъ ты будзешъ зимувацъ: што ў жици ў твоёмъ нема ничого? Одна солома тольки!» Ну, приходзицъ уремя жито жацъ. Пожавъ. Приходзицъ Микола къ яму̂ и говôрицъ: «вотъ што, мужучокъ, што я табѣ скажу: ты Ягорья угнявивъ, дыкъ Ягорій сказавъ, што съ овина будзешъ вымолачувацъ тольки три мѣрки. А ты, мужучокъ, садзи на 'винъ по дзевяцъ сноповъ, будзешъ' брацъ по три мѣрки!» Начавъ етый мужучокъ молоцицъ: по дзевяцъ сноповъ на 'винъ саджацъ, и по три мѣрки брацъ. Нымолоцивъ мужикъ жита, што й дзѣвацъ нейдзи.

Приходзицъ Миколай къ Ягорью: «Ягорій, ци знаеця вы што?»—Скажиця!—«А вотъ што я вамъ скажу: той жа мужикъ по дзевяцъ сноповъ саджавъ на 'винъ, а по три мѣрки бравъ!»—Ну, хорошо! Я нашлю на яго хлѣбъ чарвей!... Якъ начали етыя черви разнашавацъ хлѣбъ съ кляцей! Етый мужучокъ ставъ сильно плакыцъ. Прихозицъ къ яму̂ у домъ Миколай: «што, мужучокъ,—не плачь: идзи у цэркву, купи свѣчакъ; мнѣза копѣйку, и поставъ и скриви; а Ягорью зу рубля свѣчу купи, и пыстанови передъ Ягорьемъ, и стыновись на колѣнкыхъ, и ўклыняйся слезно, и проси Бога!» Пошовъ мужикъ у цэркву и купивъ свѣчку Миколаю зы копѣйку, и пыставивъ и скрививъ. Тоды купивъ свѣ̂чу зу рубля и пыстановивъ передъ Ягорьемъ, а самъ стыновився на колѣнкыхъ серядзи церквы, и ставъ сильно плакыцъ, и сыцапивъ руки, и начáвъ кланятца и просицъ Бога и Ягорья и Микилая: Госпыдзи, не воставъ мяне, рабы̂ твоѐ! сыгряшивъ Госпыдзи передъ тобою, и зьмилуйся надо мною! Микилай говôрицъ: «Ягорій, перестаньця вы гнѣватца! Вотъ, вамъ свѣ̂чу ку-

пивъ зу рубля, а мнѣ зы копѣйку, и тыѐ скрививъ; а я и то ня гнѣвуюся!»—Ну, говорицъ: заўтра морозчикъ будзецъ, и пыморожу я чарвей!... Ну, давъ Господзъ морозчикъ, и пыморозивъ чарвей. Тэй хозяинъ якъ живъ, такъ и живѐцъ.

Забѣлыш. в. клим. у.

17. Богъ, Микола, богачъ и бѣднякъ.

Ишовъ Господзъ съ апостоломъ зъ Миколаемъ. И приходзили—богачъ сѣя пашаницу. Яны остановилися и говорюцъ: Божа поможи табѣ сѣяцъ пашаницу! А ёнъ говоря: благодаримъ покорно! Богъ говоря: коли Богъ дасцъ, говоря,—тутъ зародзя пашаница! Богачъ говоря: я й бязъ Бога знаю: што наклавъ я гною, то возьму и пашаницы! Богъ тожъ отвѣщая яму̀: ето, говоря, ня звѣстно: што Богъ дасцъ! И положомшы ня во̀зьмешъ! Богачъ тожъ отвѣщая: ну, вы ще боли разговарюйця! Ступайця туды, куды вамъ треба! Яны и пошли.

Паша бѣдный. Яны спрашуюцъ: на во̀ што ты орэшъ?» Ёнъ отвѣщая имъ: «на грячиху!»—Нѣ, говоря! тутъ ба зародзила й пашаница!—«Да нѣ, говоря: тутъ и вѣкъ гною ня було, тутъ и пашаницы ня будзя! Да ящѐ яѐ ў мяне й нема, да нейдзи мнѣ яѐ ўзяцъ!»—А йдзи, говорицъ, позычъ у богача; богачъ табѣ кумъ, ёнъ вызволя табѣ хоцъ одну мѣрочку. И засѣй усю ету полоску!—«На егу жъ полоску мѣръ дзесяцъ треба!» Господзъ говоря: «будзя и одной съ цябе! Покидай а йдзѣ зярно, а йдзѣ и соўсимъ ня було!» Ёнъ послухавъ, етый старикъ, и пошовъ къ куму къ богачу, и выпросивъ-тыки мѣрочку пашаницы. И посѣявъ ету пашаницу по ральлю, и заскородзивъ яѐ трохи: дзѣ була борона, а йдзѣ й ня була.

Начала ета пашаница усходзицъ-усходомъ хороша. Богачъ часто проходзивъ, своѐ пашаницы смотрѣвъ—ну яго нема: и земля чорна. А у кума у яго у бѣднаго росьцѐ пашаница, якъ настоящій лѣсъ. Ёнъ ето удзивляетца: «за што ина родзя на такомъ поли такая пашаница? Да надо яѐ откупицъ у яго!» А кумъ не продаѐ. А Господзъ говоря зъ Миколаемъ: «утъ-эта пашаница хороша зародзила!» Ну Миколай Богу говоря: «благодацъ, говоря Господня!»—Ну, я, говоря, давъ, я и 'тбяру: накину сонца и попалю пякотой, и посохня, и на зямлю ляжа! Миколай кинувся до бѣднаго и говоря: продай пашаницу куму! Ёнъ у цябе прося, добиваетца—ну, й продай яму̀! Ёнъ узявъ и продавъ. Богачъ купивъ и любопыствуя етой пашаницай: ну, хоцъ дорого заплацивъ, да пашаницу сабѣ купивъ! Чэразъ три дни погорѣла пашаница и на зѐмлю лягла. Бо-

гачу ето невозносно стало: ну, говоря: купивъ, а Богъ попаливъ, отдай, кумъ, хоць половину, што я табѣ заплацивъ!

А Миколай говоря Богу: Господзи, ето жъ богачова пашаница,—ёнъ откупивъ!—Ну, чэразъ три дни ета пашаница ящэ луччы станя, чымся тогды була! Микола кинувся опяць до бѣднаго: отдавай, говоря, половину грошай, а пашаницу бяри къ сабѣ! Ёнъ узявъ и отдавъ. То пашаница ета чэразъ три дни ящэ луччы узросла.

Увознавъ Богъ и говоря Миколаю: ну, нехай: ёнъ пашаницу ету пожне́, и у гумно ўвязе́, и будзя садзиць на 'винъ хоць дзесяць копъ, дыкъ одна мѣрка будзя! Миколай оявляетца зновъ къ бѣдному: пашаницу пожнёшъ и ў гумно увязёшъ, и будзяшъ молоцицъ,—только не садзи на 'винъ много, а по 'дному снопу: хоць уссодзишъ одзинъ снопъ, дыкъ одна мѣрка, хоць дзесяць копъ, дыкъ ўсё будзя одна мѣрка! Ну, ёнъ такъ и молоцивъ. И ўсю пашаницу перемолоцивъ по 'дному сному. И насыпавъ сабѣ уси ѝ пуни и 'нбары одной пашаницай. А у того такъ пустое по́ля и оста́лось.

Самотейв. в. черик. у. Кр. Ѳома Григорьевъ.

18. Каня (ястребъ) и сорока.

Разъ Богъ сказавъ усимъ птушкамъ чисцицъ мо́ра. Нў, яны ўси стали чисцицъ и вычисцили. Только сорока ня чисцила. Тоды, якъ вычисцили мо́ра, каня узяла ды й обмылася. А сорока убачила гэто, ды обдзѣлалася у гразь, ды й поляцѣла къ Богу. «Божа, Божа! я чисцила мо́ра, во я уся ў грази, обдзѣлалася; а каня ня чисцила мора,—во ина якая чисценькая уся!» Тоды Богъ кажець на каню: «ну, коли жъ ты ня чисцила мора, дыкъ ты и ня пи воды зъ мора, а пи только воду съ каменя ды зъ листу!»

Дыкъ вотъ ина цяперъ, якъ довго нема дождждя, лётаець и кричиць: пиць! пиць! Просиць у Бога пиць.

А посли Богъ гэто дзѣло разобравъ, што сорока яму солгала. Дыкъ ина якъ была бѣлая, дыкъ стала рабая: тыя плямы на ёй осталисъ, и цяперь ёсь, што ина у гразь обдзѣлалась. Ина дужа хитрая птушка.

Сѣнн. у.

19. Зязюля, соловей и лягушка.

Бывъ бацька зъ жонкой, и бывъ у ихъ сынъ и дочка. Ну, дыкъ вѣдзьма закляла яго: ёнъ скинувся зьмѣемъ и пошовъ у лѣсъ. Яго звали

Якубъ. А жонка стала у яго проситца къ братóмъ сходзиць зь дзяцьми. Ёнъ каець: идзи сабѣ, а тольки дзѣ жъ мнѣ тоды сочиць цябе?—А я, каець, увыйду ў лѣсъ и закукўю,—ты й приходзи туды!—Добро, каець. Тольки жъ ты глядзи: не кажи тамъ никому, дзѣ ты живешъ, за кимъ, хто я ёсь!

Ну, пошла ина къ братомъ; тыя стали ёй дужо рады, стали чуступваць яе. И стали пытатца: «идзѣ жъ ты, сястрица, замужамъ? за кимъ ты? хто ёнъ такéй?» Ина возьми, дура—баба, ды й скажи. А дочка ще прибавила. Тольки сынъ мувчавъ, ничого не казавъ. Тоды браты тэя ўчустували ихъ ладно. «Ну, каець, пойдземъ мы васъ проводжаць!» Пришли зь ёю ў лѣсъ. Ина закукувала; ёнъ и приповзъ. Тоды браты тэя ўзяли ды й забили яго. Ёнъ перадъ смерцю и кажець на яé: «будзешъ жа ты увесь вѣкъ свой кукуваць!» А на дочку: «а ты будзешъ ёй подмогаць!» А на сына: «а ты якъ мувчавъ, такъ и будзешъ мувчаць!» Ну, дыкъ ина скинулась зязюлюю, а дочка лягушкую, а сынъ соловъёмъ. Дыкъ яны й цяперъ: ина усё гукаець мужука: Якубъ! Якубъ! (куку) А дочка ёй подмогаець: нема! нема! (ква). А соловей усё мовчиць, тольки ноччи пяець.

Могилевск. у. Вѣроятно остатокъ миѳа.

20. Зязюля, соколъ и люгашка.

Живъ сабѣ одзинъ чаловѣкъ богатый, Якубомъ звали. И была у яго жонка, и дочкà, и сынокъ. И домъ у яго бывъ на помосьци. Вотъ, пришли къ яму разбойники, ноччи, обкрадàць яго, бы ёнъ бывъ дужо богатый. Пришли разбойники,—ёнъ тоды подъ помостъ схувався. А ина выскочила ды на дзяревню ўцекла. Засталися тольки дзѣци, дочкà й сынъ. Разбойники тоды подыйшли къ сынку и давай у яго пытатца: «дзѣ твой бацька?» Ёнъ мовчиць. «Дзѣ бацька?» Мовчиць. Ну, яны набили яго и пошли къ дочцѣ. «Дзѣ бацька?»—А подъ помостомъ ляжи́ць!.. Яны помостъ разобрали, а ёнъ тамъ сядзи́ць. Ну, яны яго вынили и забили, а гроши пубрали.

Тоды пришла матка зь дзяревни ды й кажець на сына: «сынокъ, мой голубокъ! поляцимъ мы съ тобою у борокъ; а ина нехай увесь свой вѣкъ скворетца, якъ ета кровъ засквѣрлася (запеклася) на помосьци!» И здзѣлалася ина шѣрой зязюлей, а сынъ яснымъ соколомъ, и поляцѣли ў лѣсъ; а йна сьскинулась люгашкой, и поскакала ў болото. Дыкъ матка стала кукуваць: ку-ку! ку-ку! значитца, зовець Якуба, жалобу по имъ носиць (трауръ); а соколъ усё мовчиць; а люгашка скворéтца. (Ля-

гушки сѣнн. у. не квакають, только хрипятъ—скверещутся). Дыкъ во и цяперь: покуль зязюля не закукуець, люгашка ня будзець скверчаць.

Сѣнн. у.

21. Чаго у рака вочи отзаду.

Гэто Богъ пораздававъ вочи ўсимъ. Дыкъ вотъ ёнъ дававъ, дававъ, уси пораздавъ,—осталися тольки одны вочи, маленькія, чорныя. Тоды Богъ кажець на рака: нà табѣ ихъ, ракъ! А ракъ усердзився: «да! куды мнѣ ихъ такія? у задъ уторнуць!» Дыкъ Богъ яму и здзѣлавъ вочи отзаду. Ёнъ и цяперь ихъ тамъ носиць.

Рясн. в. сѣнн. у. Отъ кр. Аникіевича.

22. Откуда коза.

Богъ ўсё составивъ: овецъ и коровъ, и коній и людзей. Усё, усё чисто, што здзѣлаець, дыкъ божжія усё живое. А чортъ здзѣлавъ козу, ды не живую, бязъ духу, духу не ўпусьцивъ. Дыкъ ёнъ яé поставиць, ина стоиць, ня йдзèць; попхнéць—ина повалитца. Богъ глядзѣвъ—глядзѣвъ, ды подыйшовъ ды дунувъ—и стала коза живая, и пошла коза. А на чорта и цяперъ походжа: и роги чарциныя, и борода, и вочи шклянэя.

Сѣнн. у. Ср. стр. 2.

23. Откуда медвѣдь.

Мядзьвѣдзь бывъ чаловѣкъ, якъ яще Богъ ходзивъ по зямли. Ходзивъ тамъ Богъ гэдыкъ стареньким старичкомъ, старцóмъ. Вотъ другей старецъ увидзивъ яго ды думаець: «дай-ка я яго спужаю, кабъ ёнъ не ходзивъ тутъ по моёй окрузи!» Ды ўзявъ ды подъ мостъ и подлѣзъ. На тэй дорози мостъ бывъ. Тольки Богъ на мостъ, а старецъ: э—гэ! и заровъ,—пужаць ставъ. А Богъ кажець: «будзешъ жа ты ровцй увесь свой вѣкъ!» Такъ тэй старецъ и ставъ мядзьвѣдземъ, тольки ступни чаловѣччія.

Сѣнн. у. Ср. № 17.

24. Откуда собака.

Собака бывъ чаловѣкъ; у рай бывъ сторожóмъ,—сперва, щé отъ Адама. Али нѣшто укравъ, проштрапився, да й збрахавъ. Тоды Богъ кажець: ну, будзь жа ты собакомъ! Дыкъ ёнъ и ставъ собакомъ. И цяперъ двора сцеражèць и брешець. Во й собака.

Сѣнн. у.

25. Откуда вовки.

Гэто було такъ. Засталиси дробныя сироты отъ бацьки, отъ матки. Не́куму було кормиць ихъ, а ни доглидаць; нейдзи було имъ подзѣтца. Тоды Богъ жжалився надъ ими, и здзѣлавъ вовковъ. А ў̆пе́радзи скотъ бывъ безъ пастуховъ, самопасомъ ходзивъ. Ну, вовки якъ стали скотъ ѣсьци, шкоду дзѣлаць, людзи и давай таймаць пастуховъ. И гэтыхъ сиротъ наняли. Стали яны и сыты и одзѣты. А вовки такъ и пошли отгэтуль.

Тамъ же.

26. Пчела, голубь.

Пчала сярдзитая. Ина дозволялася у Бога, што кабъ кого ина укусиць, кабъ той умиравъ. Ну, а Богъ кажець: «нѣ, гэдыкъ ты мнѣ много народу попорцишъ! А лѣпи ты, якъ укусишъ, дыкъ и помри!» Дыкъ вотъ ина, якъ укусиць кого, дыкъ кишки вонъ, и помре́ць.

На яе ня можно казаць, якъ на скоцину,—здохла, а треба казаць: уме́рла. Бы ў̆ яѐ и ў̆ голуба, и ў̆ чаловѣка одзинъ духъ. А на чаловѣка жъ не кажуць—здохъ, а померъ, дыкъ и на ихъ такъ треба казаць. А ў̆ голуба ды ящо хрисціяньская кровъ.

Тамъ же.

27. Паукъ, хлѣбныя крошки.

Мущина работувъ на поли, ды выронивъ крошку хлѣба. А павуку вы̀значено отъ Бога глядзѣць за хлѣбомъ. Дыкъ ёнъ узявъ гэту крошку хлѣба, ды на дзераво зь ёю. Тоды, якъ ставъ вѣцеръ, ёнъ и пусьцивъ свою павучину. Вѣцеръ якъ понёсъ яе, и яго зь ёй, якъ понёсъ,—до во́болокъ а̀жны. Крошка гэта подросла ужо и заплѣсневѣла. Тоды ёнъ сѣвъ на воболоко, ды на небо. Пришовъ къ Богў, пока́зыецъ ямў гэту крошку: «Божа, Божа! на што ты даешъ имъ стольки хлѣба, што яны ня можуць поѣсьци? Глўмютца зъ дара Господняго, валяюць подъ ногами, усюдыхъ!»—Ну, каець Богъ: я буду имъ ме́ни даваць! Дыкъ вотъ, якъ яси, не надо крошакъ кидаць, бы павукъ собираець и къ Богу на̀ небо носиць. А Богъ мѐни хлѣба дае́ць.

Тамъ же.

28. Жито.

Жито упярддъ родзилося дужа хорошо; колосъ бывъ до самаго кореня̀.

Ну, дыкъ одна баба жала яго, ды лянилася жаць—не хоцѣла гбатца до зямли. Дыкъ ина давай клясьци яго: «што гэто Богъ здзѣлавъ, што ёнъ родзивъ гэтакое? Цорванйна—жаць яго! Кабъ яно не родзилося боли гэтакое!» А Богъ ишовъ, ды й почувъ гэто. Дыкъ ёнъ узявъ за соломку знизу ды сосморгнувъ разъ колоса̀. «А што, каець: ци досиць?»—Нѣ, да̀ли, да́ли, ящо сосморгни! Ёнъ другѣй разъ сосморгнувъ. «Ци досиць?» —Нѣ, дали ящо, дали! Ёнъ третьцій разъ сосморгнувъ. А ина усё каець: «дали, дали, гони ящо! якъ яго гэтакое жаць!» Ну, Богъ тоды усердзився, и хоцѣвъ сморганупь увесь колосъ. Али собаки забрахали, коты закурнявкыли: «Господзи, покинь жа намъ чимъ душу̀ пропитаць!» Дыкъ ёнъ и покинувъ колоса̀ только на ихъ долю.

Дыкъ вотъ и мы цяперъ живёмъ съ собацкой ды съ коше́ччай доли. спразъ тую бабу.

А што Богъ смо́ргавъ, тамъ и цяперъ ящо ёсь суколѣнки на соломини.

Рясн. в. сѣнн. у. Отъ кр-ки Катерины Осиповой.

29. Отчего перестали расти камни.

Цяперака камни не растуць ужо, а до Суса Христа яны ящо росли, отъ самаго отъ Адама. А перастали яны рэсць во̀ зачимъ: Ишовъ разъ Господзъ по дорози, а камни лежаць. Дыкъ Господзь нѣякъ ударивъ палецъ на нозѣ объ камень, ды дужа больно. Ну, дыкъ ёнъ и заклявъ ихъ: «кабъ жа вы больше не росли до вѣку!»

Сѣнно. Отъ мѣщ. Ляховича. Ср. библ. сказ. о смоковницѣ.

30. Змяёвъ камень.

Помижъ Ковткова, помижъ Гоголевки, и отъ Вирковъ (деревни) недалёко, ёсь при стародорожжи, на Игры̀, «Змяёвъ камень», зъ вокномъ и зъ дверами.

Старики казали, што колись-то давно у гэнымъ камяни змѣй живъ, съ одной головой, у вобличчи чаловѣччу, и говоривъ такъ, якъ чаловѣкъ. И ёнъ большій кравецъ бывъ, большій дужа, хорошій. И занясуць яму сукно шиць, и подадуць яму празъ вокно, и попросюць: «майстрокъ, пошій абы надзѣць, хоць ба дренно!» Дыкъ ёнъ вышіець, што й на свѣци такъ до̀бро нихто не пошіець, якъ ёнъ. Прйдзецъ за сѣрмягой за той и принясецъ яму гроши. Ёнъ гэну сѣрмяжку яму отдась, а гроши гэны во̀зьмецъ къ сабѣ,—абы-кольки тамъ, хоць и троху. Ну якъ хто скажець: «майстрокъ, пошій мнѣ хорошенько, кабъ було у цэркву ў чимъ сходзиць!» дыкъ ёнъ одзинъ рукавъ надъ задомъ пришъець, а другій у пле-

чахъ. Гэнакъ и вышъецъ. Не проси яго, кабъ у цэркву сходзицъ. Якъ прòсицъ—коло сохи ходзицъ, дыкъ вышіецъ, такъ отчакàницъ, што хоць куды. А якъ прòсицъ—на святый дзень, дыкъ здзѣлаецъ такъ, што ни сабѣ, ни людзёмъ. Прйдзецъ ёнъ брацъ—гроши подай! Вòзьмецъ гроши, тогды празъ вокно выкинецъ—получай твоё!

Дыкъ вотъ ёнъ у Бузеръи (дер. Обозерье), подъ Лукомлемъ, любивъ дзѣвку. Дыкъ яна отъ яго ховалася, хоронилася, али ёнъ яе усюдыхъ находзивъ. Ну й къ тому привёвъ, што мусила яна жицъ изъ имъ. И довго такъ жили,—якъ мужикъ зъ жонкой. А дзяцей ня було; отъ *ихъ* ня бываецъ. Дыкъ ёнъ бывало обéрнетца такъ, дугой, надъ возяромъ надъ Лукомскимъ, ды такъ и цягнецъ. А якъ тольки на зямлю опуѕситца, дыкъ и здзѣлаетца у чаловѣчча обличча,—паничъ такій, што хоць куды.

Ну, дыкъ вотъ разъ, у нядзѣлю, была яна, дзѣвка, пасьцила свиньни на пòли. И ёнъ приляцѣвъ икъ ёй нà поля. И ўзявъ, ёй свиньней собравъ укучу, и сказавъ: «пойщи *менѣ* вòшай. А тольки полядай, кабъ откуль хмара не нацягнула!» Ёнъ лёгъ и заснувъ. Яна ў яго ищецъ. А хмара нахòдзицъ зъ западьняго боку—дзѣ сонца захòдзицъ. И яна яго не побудзила наўмысли: «што? покуль ты мнѣ будзешъ докучацъ?» И дотуль не будзила, покуль громъ загремѣвъ надъ головой. Якъ загудзѣвъ громъ, тáкъ ёнъ и очхнувся. Очхнувсь и говòрицъ: «вотъ жа коли ты мяне зжила съ свѣту!» Ускочивъ ёнъ, такъ и ляснувъ ёй по щацѣ по лѣвой, съ праваго боку—такъ и высмоливъ на щацѣ пяць пàлцовъ, и почарнѣли. И на ўсю жисцъ такъ остались палцы знашно, и померла съ тыми палцами. А самъ выцягнувся дугой и поляцѣвъ теразъ возяро, помижъ Огурца и помижъ Симоновичъ—дзеравушки,—пръмо ударився, нацяньки, съ тыё дзяревни да къ своёй хаци. Тàкъ яго пярунъ и дзёрнувъ на возяри! Дзёрнувъ, а ёнъ ляцицъ. Ёнъ дрўгій разъ,—дыкъ ёнъ упавъ на возяри. Али усхвацився узнова и поляцѣвъ. Старикъ бывъ у Бузеръи, дыкъ ёнъ злучився на гэно дзиво и ўсё гэно видзивъ. Ну, дыкъ *ёнъ* переляцѣвъ теразъ возярó, а пярунъ у третьцій ударивъ, у лясу уже, соўсимъ зъ берагу, съ поля, зляцѣвши. И ўбивъ яго!

И троя сутокъ дожжъ ишовъ после того, покуль яго найшли. Старикъ тэй показавъ: «щукайця, каецъ, тамъ и тамъ: на ваша пòля поляцѣвъ!» Ёнъ такъ, якъ дуга ци вужака, ляцицъ; знашно, што змѣй. Ну, найшли и закопали яго. Тàкъ дожжъ и поцихъ. Але теразъ сутки опяць ёнъ на вéрси. Такъ узнова дожжъ и пошовъ. И грамòты большія: пярунъ уцѣшаетца, пярéцъ у яго у няживого,—кабъ ня 'тживъ. Ховали яго гэныкъ разовъ съ три, ци съ чатыре. Дыкъ усё на вéрси. И якъ выйдзецъ, такъ сажневъ на кольки и цягнецъ ўсё у тэй бокъ, дзѣ яго хата, усё поцягуецъ дáляй. Старики кажуцъ, што кабъ погода постояла,

дыкъ ёнъ отживъ ба. Ну, а Богъ милосьливый такъ даваВъ, што сычасъ нацягнець хмара, и грамоты, и дожжы дужа пойдуць, и пяруны палюць у яго. И дужа была вода вяликая: чуць зямлю не оттопило. Ну, дыкъ приснилось тогды тому старому Бузерському, што собраць малыхъ дзяцей—незна́токъ, и жарабятокъ гэныхъ сяголѣтьнихъ, и возиць зе́млю уво 'топкахъ, и ў приполахъ, а жарабочкамъ торбочку насыпаць, да на шію. Стали такъ носиць, стали носиць, дыкъ и засыпали, и пропавъ, и на вѣки вякомъ аминъ.

И курганъ цяперъ тамъ, помижъ Симоновичъ дзяревни, и помижъ засцѣнку, у лясу. Дзѣвку тую ще дзѣдъ мой—помёръ, якъ я маленькій бывъ—казавъ, што видзивъ.

С. Лисичино, сѣнн. у.

На преданіе это мы смотримъ, можетъ быть и ошибочно, какъ на зародышъ миѳической сказки. Интересно знать мнѣніе объ этомъ произведеніи, записанномъ лично нами, нашихъ фольклористовъ, отрицающихъ возможность самозарожденія сказокъ у русскаго народа.

31. Камень-кравецъ.

У Воронини (дер. сѣнн. у.), коло Сякирина (дер.), ёсь камень коло ракй, надъ виромъ. Тамъ, говоруць, бувало, шивъ нѣхто. Вѣрно, чортъ, хто жъ тамъ боли? Вотъ, приняси сукно, ци што сабѣ другое, ды положъ на камени, гроши положъ—пятакъ отъ штуки—ня треба ни мѣраць, ничого,—чаразъ ночь будзець готово. Ну, и шивъ ёнъ гэдыкъ довго. Али разъ одна баба принесла сукно, положила на камень, ды кажець: пошій мнѣ ни тое, ни гэто! Ёнъ узявъ и пошивъ ён ни тое, ни гэто: одзинъ рукавъ у плячо ўшивъ, а другій отзаду. И бросивъ шиць съ того; и цяперъ ня шіецъ. Дыкъ и цяперъ ящо ёсь логови́ща, што ёнъ сядзѣвъ, и кажуць, знашны были ножни, и ўсё кравецкое, струмэнтъ; али цяперъ мохомъ ёнъ поросъ, дыкъ тольки одно логовища знашно.

Ряс. в. сѣнн. у. Ср. № 13.

Близъ д. Камня, каменецкой вол., и с. Загорья, шумихинской в. себежскаго у. витебской губ. имѣются камни,—Пѣстунъ и Бабка, боготворимые окрестными жителями. На сколько мнѣ извѣстно изъ сообщеній каменецкаго вол. правленія и священника Никифоровскаго, камнямъ этимъ и въ настоящее время приносятся жертвы, въ видѣ кусковъ хлѣба, мелкихъ монетъ, кусковъ холста, ягодъ, лентъ и т. п. Въ видахъ приданія этому камнепоклоненію чертъ христіанскаго культа, при одномъ изъ камней поставленъ недавно образъ. Обстоятельныхъ записей преданій о нихъ мы, пока, не имѣемъ; сообщимъ только, что оба камня, по преданію, суть окаменѣлые люди,—въ первомъ пунктѣ дѣвица, во второмъ женщина съ двоими дѣтьми (подлѣ большого камня лежатъ и два меньшіе).

Обѣ онѣ окаменѣли согласно собственнымъ молитвамъ, преслѣдуемыя разбойниками, или Литвою, и не надѣясь на спасеніе. Каменныхъ бабъ, какъ извѣстно, въ нашихъ широтахъ пока не находится. По словамъ лицъ видѣвшихъ эти камни, они вообще мало имѣютъ сходства съ человѣческою фигурой.

32. Синій колодяжъ.

Давно колись ето було, ще спрадвѣку. Жили ли Пропоську два богатыри—Сцепанъ и Марка, и богатырка Кацярина. И богатыри етыя удвохъ залицалися передъ ёй. Дыкъ Сцепанъ бывъ слабѣйшій, ды ёй любый, а Марка силнѣйшій, ды нялюбый. Ну, й дойшло дзѣло до того, што за котораго, за котораго ды треба замужъ ици,—сватаютца дужа. Што ёй робиць; пойду, думаець, за Сцепана—Марка яго убъець; пойци за Марку—Сцепана жалко. Думала, думала, и придумала. «Ну, говрицъ: дамъ я вамъ по камню; хто дальше свой камянь шибнець, за того замужъ пойду!» Дыкъ любому яна дала меньшій камянь, съ столъ, а нялюбому большій—зъ мужицкую печку. Ну, и стали кидаць черезъ Сожъ, зъ городца во съ Пропоськаго. Дыкъ яны якъ размахнулись, дыкъ кинули ажны за дзевяць вёрстъ. Ну, пошли глядзѣць, чій дальше, бачиць яна—ажъ любаго камянь ляжиць. Стала тогды богатырка на етый камянь—ажъ сляды выциснула, ще й цяперь знашны—стала глядзѣць, ажъ нялюбаго камень дальше сажнявъ на пяцьдзесятъ. И на тымъ камни видны палцы руки богатырськія. Отъ яна тогды и говоря: «чимся мнѣ доставатца нялюбому, дыкъ пойду лучче водой служиць!» Якъ брязнулась съ камня, разлилась водой и почала ныряць: ямы, ямы усюды тамъ. А выскочила съ подъ зямли уже вёрстъ за пяць отъ Пропоську, сюды, ближе къ Сожу. Дыкъ вода бъёць у ростъ чаловѣка, и вода синя. Такъ и зоветца «Синій колодзяжъ.» И кольки тамъ народу бывая—Божа, Божа!

А якъ яго увознали, етый Синій колодзяжъ, дыкъ ето во якъ. Бывъ такъ лясникъ Шепитъ. Ёнъ кажанъ разъ обходзивъ своѐ дзесяцины. Вотъ разъ идзе ёнъ, чуя—шумота, за двѣ вярсты чутно. «Што за штука? думая. Каждый разъ ходжу—ничого ня було, а тутъ шумъ. Дай поляджу!» Пошовъ ёнъ туды,—ажны бъець вода синяя, синяя, съ подъ зямли, и ў ростъ чаловѣка. И стоиць ли колодзежа жанщина, косы распусцивши, и че́шатца. Шепитъ спужався. Али думаець: «а, што будзець—ня будзець, пойдутка я яе зачураю!» Подыходзя къ ёй, ды нѣякъ не посцярёгся—прушікъ хруснувъ подъ лапцямъ. Дыкъ яна зиръ! «А, Шепитъ: хоцѣвъ зачураць мяне! Будзець жа у твой родъ потопа!» Ды сама ў колодзяжъ. Дыкъ на третьцій дзень у яго дочка, девятнатцаць годовъ, утонула ў Сожи. Во!

М. Пропойскъ. Отъ Сем. Алексѣева, 72 л.

И на это преданіе мы смотримъ, какъ на преданіе о Змѣевомъ камнѣ. Если ему не удалось сформироваться въ миѳическую сказку, то вѣроятно только вслѣдствіе необыкновенно быстраго культурнаго переживанія бѣлорусскаго народа.

Имя Катерины носитъ и находящаяся въ Пропойскѣ каменная баба, завезенная съ юга. Въ этомъ, можетъ быть, надо видѣть отраженіе посѣщенія Пропойска Екатериною II, въ 1787 г.

33. Бай.

(Гуторка) [1].

Давно нѣколи живъ князь Бай, у Краснопольли, недалёко отъ того мѣста, дзѣ стоиць цяперъ Дрисса. Дриссы гэной тоды ще ня было. Съ того ўремя остались тольки концы—Ставры и Гавры, и дзѣвки и цяперъ туды бѣгаюць пѣсни піяць! (Отн. къ 1829 г.).

Ставра и Гавра—гэно были собаки Бая. Яны брали и вовка шѣраго, и мядзьвѣдзя косолапаго, и лося рогатаго и вепрà зубатаго. И князь изь ими гулявъ по густыхъ лѣсахъ, по цёмныхъ борахъ,—ѣздзивъ отъ княгини къ княгини. А княгинь у яго было пяць—шесь; и кажная сядзѣла у своёй пасѣцы. Ёнъ, якъ потхвациць идзѣ сабѣ княгиню, дыкъ построиць ёй пасѣку, дась паробковъ, служанокъ,—яна и живець тамъ, якъ у раю. Ну, ёнъ такъ къ имъ и ѣздзивъ, отъ одныé къ другéй.

И хорошая жись тоды ўсимъ была. Не было тоды ни справниковъ, ни становыхъ, ни пейсатыхъ жидовъ—рандарéй, ни пановъ у красныхъ чеботахъ, ни конóмовъ, ни войтовъ. Вѣдали людзи тольки князя да дружину [2]).

Ну, дыкъ самою першою княгиней у Бая была *Вольга*,—дочка дружинника князецкаго. Узявъ ёнъ яе отъ бацьки умѣсьци съ Ставрою и Гаврою. Отъ яé родзився у яго сынъ Бойко, старшіи за ўсихъ, да дзѣвки три ци чатыре.

Другая княгиня была *Роґнъда* съ Полоцку. У гэной, што стукъ, дыкъ дзяцюкъ. И родзила яна яму шесь сыновъ и сёмую дзѣвку. Сыны яе во якéя: Варганъ, Заранка, Нырка, Обловухъ, Самища и Юрла.

1) Гуторка эта доставлена намъ редакторомъ Вит. Губ. Вѣд. В. С. Сафоновымъ, получившимъ ее изъ г. Енисейска, отъ г. Маркса, проживавшаго въ 20—40-хъ годахъ въ Витебскѣ, и записавшаго, будто бы, её отъ бѣлорусскаго гуторника Филиппа Смураго, въ 1829 году. Считая произведеніе это псевдонароднымъ, даемъ ему, въ извлеченіи, мѣсто въ Сборникѣ, какъ оригинальному опыту генеалогіи бѣлорусскихъ фамилій. Рукопись на русскомъ языкѣ; переложеніе на на бѣлорусскій, дриссенскаго уѣзда, сдѣлано нами.

2) Напоминаемъ свадебный ритуалъ.

Третьцяя княгиня была *Красуля*, изъ Смоленьска. Яна родзила Цюру и Мотуза.

Чацьвёртая была *Ода*, сь Кіева. Отъ яè родзились: Бажень, Дзявуля, Лапа и Таранчукъ.

Пятая княгиня была *Доня*, што упяродъ была служанкой у Красули. Отъ яè родзились: Гадзюкъ, Жабка, Кавурка и Ревунъ.

А тоды якъ Вольга помёрла, Бай узявъ сабѣ шостую жонку—*Альду*, зь Литвы. Яна родзила яму: Хорощу и Чижа, и пойрла зъ родовъ. Съ сястрой яе—*Лилей*, Бай приживъ ще одного сына Пацюка, ужо двятцатаго.

И вотъ отъ гэныхъ самыхъ дзяцей Баевыхъ и разросся нашъ народъ, по ўсёй нашай зямлѣ.

У *Бойки*, Вольгинаго сына, бывъ Гацукъ, у Гацука Караська, у Караськи Трасила, у Трасилы Гусакъ и Пластунъ. Отъ Гусака пошли: Гущи, Плишки и Киселп. У Пластуна жъ бывъ Вовкъ, у Вовка—Колышка, у Колышки Сяврукъ, у Сяврука Люрка и Глинка. У Люрки бывъ Ворошило, у Ворошилы Повзикъ, у Повзика Сивоха, у Сивохи Кошка, у Кошки Симашка, у Симашки Омелька. А ў Глинки бывъ Гласка, у Гласки Хрыпка, у Хрыпки Петрища, у Петрищи Віюкъ. Усяго отъ Бойки пошло двятцаць чатыре роды, старшихъ.

У *Варгана*, Рогнѣдзинаго сына, бывъ сынъ Пѣстунъ, а у Пѣстуна Буракъ, у Бурака Рѣпка, у Рѣпки Лѣсовикъ, у Лѣсовика Въюнъ, у Въюна Скирла и Снитка. Скирла пошовъ къ волохамъ, а ў Снитки родзився Барсукъ, у Барсука Сопоцька, у Сопоцьки Липка, у Липки Грачиха, у Грачихи Бульба и Володзька. Бульба отыйшовъ за Кіевъ по Дняпру, а ў Володзьки родзився Быкъ, у Быка Бѣлоха, у Бѣлохи Пѣтухъ, у Пѣтуха Осинка, у Осинки Ступка.

Отъ *Заранки* пошли Таратутки. У одного Таратутки родзився Огрызка, у Огрызки Клопъ, у Клопа Гурка, у Гурки Лускина, у Лускины Полетуха, у Полетухи Выдра, у Выдры Кротъ, у Крота Сопелька, у Сопельки Зязюля, у Зязюли Блошка, у Блошки Блѣдуха и Бурачокъ. У Блѣдухи Свистунъ, у Свистуна Рабинка, у Рабинки Силивурка, у Силивурки Скрыпочка и Сучокъ. У Скрыпочки бывъ Шведъ, Цяцера, Толочка и Шмурла; а у Сучка Чуйка, у Чуйки Висловухъ, у Висловуха Дудка, у Дудки Туптала и Крамзель. Туптала пошовъ къ Кіеву, а Крамзель мѣвъ сына Смоляка. У Бурачка, Блѣдухинаго брата, бывъ сынъ Шишка, а у Шишки Журка, у Журки Мякишъ, у Мякиша Обухъ, у Обуха Краска и Куликъ. У Краски бывъ Лещъ, у Леща Рыбка, у Рыбки Топорикъ, у Топорика Рында. Отъ Кулика жъ пошли Пущи и Курочки.

Отъ третьцяго сына Рогнѣдзинаго *Нырки* пошли Дроздзики, Сверкупы, Селезни, Прусы. Сосны и Гладыши.

Отъ чацьвёртаго *Обловуха* пошли Жулеи, Князьки, Корки, Крупени и Дульки.

У пятаго сына *Самищи* родзився Миска и Лось. Миска отыйшовъ за Мяжу (рѣка), у Москву, а ў Лося родзився Сѣрмяжка, у Сѣрмяжки Кулакъ.

У шастого сына *Юрлы* родзився Пестъ, у Песта Пискунъ, у Пискуна Праженъ, у Пражня Сумка и Сапунъ. Сумка отдзялився ў Москву, а отъ Сапуна пошли Смурые.

Отъ Красулинаго сына *Цюры* пошли Шкурки, Короваи и Сипки.

А отъ Одзинаго сына, отъ *Лапы* пошли Дубовики и Бычки.

Отъ перваго сына Дони *Гадзюка́* родзився Ласица; отъ другого *Жабки*—Мышка, а отъ Мышки Оношка, отъ Оношки Лисичка, отъ Лисички Комаръ, отъ Комара Куна. Отъ третьцяго сына Дони *Кавурки* родзились Викула и Вирла. Отъ чацьвёртаго *Ревуна* родзився Дзядуля, отъ Дзядули Родзянка, отъ Родзянки Калинка и Оборка. Калинка отыйшовъ къ Ляхамъ, а отъ Оборки пошли Торчилы.

Отъ Альдзинаго сына *Хорощи* пошли Рылы, Звяги, Сипайлы и Стрѣхи. Отъ другого *Чижа*—Жмурки. У водного Жмурки родзились: Вовчокъ, Рыкъ и Лучина. Рыкъ пошовъ по Двинѣ къ латышамъ, а Лучина зайшовъ яще дали—къ словенцамъ (?).

Лилинъ сынъ *Пацюкъ* мѣвъ сабѣ сына Сторожку, а Сторожка Хохлюка, Хохлюкъ Жука, Жукъ Войцѣха, Войцѣхъ Крыську, Крыська Косьцюка и Орлюка. Отъ Косьцюка пошли Пятки и Кулаги, а отъ Орлюка —Жабы и Рабки. Отъ Жабовъ вышли Кишки.

Усяго родовъ нашихъ сто шезьдзесятъ. Восемъ пошли шукаць щасьця у бѣломъ свѣци, по Двинѣ, за Дняпромъ ды за Мяжою, а тыя ўси и цяперъ живуць тутъ, пашуць и скородзюць зямельку.

Считаемъ не лишнимъ добавить, что упоминаемыя здѣсь фамиліи встрѣчаются и въ настоящее время во всѣхъ слояхъ бѣлорусскаго народа.

34. Объ Сожу и Няпрѣ.

Жилѝ яны сабѣ утроихъ: два сыны и бацька. Бацьку забывся чимъ зовуць (Двина?), бо́льшій жа братъ бывъ Сожъ, а меньшій Нѣпъ. И бацька сказавъ на Сожа: «приходзи заўтра, сынокъ,—я цябе богословлю ици ў пуць!» А гэтый Нѣпъ ды почувъ гэто. Дыкъ ёнъ узявъ, ды назаўтраго уставъ, ды косматую надзѣвъ рукавичину, ды й пошовъ къ бацьку. А ў Сожа ды была рука косматая. Ну, бацька бывъ невидзящій, дыкъ ёнъ узявъ, рукавичину надзѣвъ, ды руку подавъ бацьку: «ну, ка-

ецъ,—богослови мяне, татъ: пойду ў пуць!» Дыкъ бацька яго богословивъ,—каецъ: «идзи, сынокъ, по хорошихъ мѣстахъ,—лугами, городами!»

А Сожа у дворѣ ня було́. Назаўтраго приходзиць Сожъ ды кажець: «богослови мяне, тата!» А ёнъ каецъ: «я жъ цябе учора богословивъ!» А ёнъ каецъ: «нѣ! гэто не мяне; гэто, мусиць, ты Нѣпра богословивъ!»

Ну, дыкъ ёнъ яго богословивъ: «идзи жъ ты, каецъ, имхами, болотами; дыкъ можа пяре́имешъ яго, кабъ ёнъ у мо́ра ня ўцёкъ. Якъ пяре́имешъ, табѣ яго богослове́нство!» Ёнъ тоды пошовъ имхами, болотами, кабъ догнаць Нѣпра и пераняць. Ажны ёнъ ужо́ у мо́ра ўцёкъ.

Тоды, уцёкъ гэто ёнъ у мора, Нѣпъ, и не хоцѣвъ гэтому мору служиць; хоцѣвъ ниже пройци у другое мо́ра, куды-тамъ. А крукъ ляцѣвъ чаразъ мо́ра. Ёнъ гово́рицъ круку: «крукъ, крукъ! буду выкидаць усё зъ мора, што ўтопитца у Няпрѣ, ци дзѣ дали, я ўсё буду выкидаць табѣ, тольки ты пилнуй, кабъ мнѣ у мора ня вы̀скочиць, кабъ подыйсподомъ перайци у другое. А якъ тольки я перайду̀ мора, ты крикни: тоды я пойду своёй дорогой!» Крукъ каецъ: до́бро! И поляцѣвъ за Нѣпромъ по мо́ру. А коршу̀нъ откуль узьляцѣвъ, ды якъ начавъ драць крука, дыкъ крукъ гэтый и закричавъ. А Нѣпъ думувъ, што ёнъ перайшовъ ужо мо́ра. Дыкъ ёнъ и выскочивъ. Ажны посяродъ мо́ра.

Дыкъ вотъ Нѣпъ и пошовъ лугами ды городами, а Сожъ имхами ды болотами.

Ряcн. вол. сѣнн. у. Отъ кр-нина, жившаго долго въ Могилевѣ.

Легенда вызвана, очевидно, отсутствіемъ значительныхъ городовъ на Сожѣ и тѣмъ фактомъ, что при впаденіи Сожа въ Днѣпръ, первый, по мнѣнію присожскихъ бѣлоруссовъ, шире и многоводнѣе второго. Ср. великор. легенду.

35. Отчего Днѣпръ извилистъ.

Во тутъ, близко коло Ворши (городъ), подъ гэтый бокъ, подъ Шклова, вёрстъ дзесяць водою ѣдучи, ёсь лука проци дзяревни Горбачевичи. Дыкъ тутъ купався, давно нѣколи, у Няпру малецъ, сынъ вѣдзьмы чародзѣйницы,—купався ды й утопився. Ну, дыкъ ина хоцѣла, кабъ яго унипштожиць, Нѣпра, кабъ ёнъ ня йшовъ никуды. Ну, дыкъ ина ўзяла, такъ здзѣлала, што заняла яму̀ дорогу; чародзѣйствомъ такъ здзѣлала, што ёнъ ставъ. Ну, дыкъ ёнъ узявъ ды звярнувъ ёй. Ды й пошовъ своёй дорогой по городахъ.

А за Мугуле́вомъ, проци Слюдзиковъ, дзяревня ёсь, тожа вѣдзьминъ сынъ утопився. Дыкъ ина яго пераняла̀. А ёнъ звярнувся, ды пошовъ у другей бокъ.

Во зачимъ ёнъ такей кривэй. *Отъ того же.*

36. Зачимъ люди перестали знать объ свою смерть.

Упяродъ людзи бувало вѣдали, коли ўмирацъ будуцъ. Разъ гэдыкъ познавъ чаловѣкъ, што скоро помрецъ. Вышовъ ёнъ на вулицу; коли полядзиць—ажъ яго згорода валитца. Отъ ёнъ узявъ, ды соломую и привязыецъ колики. А тоды ды ще Богъ ходзивъ по зямли съ учаниками. Отъ ёнъ ставъ гэто колики привязувацъ, а Богъ и идзе́цъ. «Што гэто ты, каецъ, чаловѣчакъ, соломую звязыешъ колики? ты жъ ба ўзявъ, увитками звязавъ!»—Атъ! скольки мнѣ жицъ! Я заразъ умирацъ буду! На мой вѣкъ соломы хвацицъ; а хто будзецъ жицъ посли мяне, тэй тоды и звяжецъ!

Ну, Богъ тоды усердзився и такъ давъ, што не стали людзи боли знацъ, коли умирацъ будуцъ.

А тэй чаловѣкъ якъ ставъ жицъ, якъ ставъ жицъ, дыкъ и згорода яго развалилася, и новую постновивъ—и тая развалилася.

Тамъ же.

37. Зачимъ дѣти, якъ родютца, не ходють.

Зъ-истари бувало, нихто не ходзивъ, якъ ро́дзитца: ци собака, ци котъ, ци корова—нихто. Носицъ хозяйка цѣлый годъ ды годуецъ, якъ дзяцёнка. И потуль гэдыкъ було, покуль ужо ставъ Богъ ходзицъ съ учаниками по зямли.

Тоды, пришовъ разъ Богъ къ хозяйцы. А ина на рукахъ качаецъ цялёнка,—вѣдомо, ёнъ ня хо̀дзицъ. Жалко стало Богу; ёнъ и каецъ: «дай ты мнѣ, што ў цябе родзитца; я перакину чаразъ зяро́дъ (высокая рѣшетчатая изгородь для просушки и склада хлѣба до молотьбы), и яно будзецъ ходзицъ, якъ тольки родзитца: хто бъ сабѣ ня бывъ,—ци щанёнокъ, ци поросёнокъ!» Баба тая подала тоды Богу поросёнка. Ёнъ узявъ и перакинувъ яго чаразъ зяродъ. Поросёнокъ тэй и побѣгъ. Тоды ина дала яму̀ жарабёнка. Ёнъ перакинувъ яго чаразъ зяродъ—и жарабёнокъ побѣгъ. Дала яму цялёнка—и цялёнокъ побѣгъ. И кого тольки ни давала—и щанёнка, и коцянёнка, и ўсихъ,—ёнъ якъ тольки перакинецъ чаразъ зяродъ,—такъ яно й побяжицъ. Перадавала ина гэдыкъ усихъ, хто тольки ёсь у хозяйстви. И бывъ у яѐ дзяцёнокъ малый у хаци. Богъ кажецъ: «давай дзяцёнка! Я перакину чаразъ зяродъ, ёнъ тоды, якъ родзитца, будзецъ ходзицъ!» А їна каецъ: «а нѣ, боюся! ёнъ забъётца!» И не дала.

Дыкъ вотъ затымъ дзѣци цяперъ и ня ходзюцъ. *Тамъ же.*

38. Якъ упродъ ховали людей.

Бувало, гэто ще посли Адама, якъ свѣтъ починався, нихто гэтаго ня помнйць, тоды, якъ людзи по много жилй, дыкъ людзей такъ не хували, якъ цяперъ. А бувало вóзьмуць—якъ ужо здзѣлаетца старъ ёнъ, ня можець работаць ужо, ни ѣсьци—дыкъ возьмуць санычки, ды на санычки яго посóдзюць, ды завязуць у большэй ровъ, ды й пусьцюць съ санычками туды. Ёнъ покуль доляцйць, дыкъ и забъéтца. А тамъ яго птушки разнясуць, ци вода знясéць.

Усё гэдыкъ сыны возили бацёкъ. Якъ состаріетца бацька, сынъ на санычки бацьку ды ў ровъ.

Али гэтыкъ разъ повёзъ сынъ бацьку, а за имъ побѣгъ яго сынокъ. Привёзъ ёнъ яго къ рову, ды тольки хоцѣвъ пусьциць бацьку у ровъ, исъ санычками, а сынъ тэй, яго ўжо, кажець: «а нѣ, тата: не пускай санычакъ!»—Зачимъ такъ?—«А якъ жа: якъ ты здзѣлаесься гэткимъ, дыкъ и я повязу цябе ў ровъ; дыкъ мнѣ жъ нé на чимъ будзець вéзьци цябе!» Ну, тэй тоды за бацьку, ды домовъ, и ставъ яго доглядàць, ажъ покуль помёръ.

Съ тыхъ поръ и не стали возиць стариковъ у ровъ на санычкахъ. Дóсиць! *Тамъ же.*

39. Тоже.

Гэто, кажуць, бувало, людзи дужа по много жилй. Дыкъ вотъ состаріетца бацька, ничого ня рóбиць, а пищь плохая зь-истари была—Божа, Божа: отъ колосà до колосà ня чуць чаловѣччаго голосà—ну, дыкъ што зь имъ дзѣлаць, исъ старымъ? Дыкъ сынъ вóзьмець, ды на санычки яго, ды ў ровъ завязѐць, ды й укинець туды. А ровы были дужо глубокія. Дыкъ ёнъ оттуль ня вылѐзець, помрéць тамъ.

Ну, дыкъ одзинъ сынъ дужа любивъ свойго бацьку. Дыкъ якъ пришли тыя годы̀, ёнъ узявъ, бацьку посадзивъ у склепъ, а санычки завёзъ порожнія ды ў ровъ и ўкинувъ, кабъ сусѣдзи гэтаго не знали. Ну, бацька тэй сядзйць у склепи, ёнъ яму ѣсьци носиць туды; и сусѣдзи гэтаго не знаюць. Пройшло такъ годы два, ци скольки тамъ, и не зародзився нѣшто хлѣбъ, и такъ што ставъ голодъ у ихъ, гнилую колоду товкли ды ѣли. [1]) И съ сѣмянóвъ звялѝсь. Тогды сынъ тэй пошовъ къ бацьку и кажець: «што будзець, тата: што гэто сѣиць?»—А што жъ, сынокъ! Возьми, старую страху̀ раскрый, ды солому гэту порѣжъ, порѣжъ дрóбненько, ды й посѣй! [1])—«Ну, дыкъ што съ того будзець?»—А, што

1) Фактъ, имѣвшій мѣсто въ предѣлахъ могилевской губерніи, на сколько помнятъ старики, въ первой четверти нынѣшняго столѣтія.

Богъ дась, то и будзець!.. Ну, сынъ тэй солому съ страхи знявъ, покрышивъ—покрышивъ, ды й засѣивъ. Якъ зародзилося тое жито—дыкъ зъ нивы валитца!

Тоды тэя сусѣдзи дзивютца: што гэто ёсь? Ни ў кого жита нема, а ў яго зъ нивы валитца. Ну, й давай у яго пытатца: «отчаго, ды отчаго у цябе такое жито уродзилося?» Ёнъ тоды узявъ и расказавъ имъ' —некуды ўжо хуватца: «такъ и такъ, говориць: я бацьку пожалѣвъ у ровъ везьци, ды посадзивъ у склепъ. Боявся васъ. Ну, дыкъ ёнъ мнѣ й порадзивъ: возьми, каець, съ старыя страхи соломы, ды покрыши яе, ды посѣй! Я такъ и зробивъ!»

Ну, дыкъ яны тоды догадалися, што гэто яму Богъ за тое уродзивъ, што ёнъ бацьки у ровъ не завёзъ. Тоды яны, съ того, бросили старыхъ закидывацъ у ровъ.

Тамъ же. Отъ кр-ки Катер. Ѳедосовой, 70 л. Заключеніе, очевидно, позднѣйшее. Ср. слѣдующій №.

40. Лоповщина.

Вотъ значитца, такъ то було здавну, спочатку, ў старину: што якъ выйдя чаловѣку восемдесятъ годовъ, или семдесятъ, и ёнъ уже значитца станя драголъ, работать ня здолѣя—дакъ што зъ яго?—дакъ яго треба ўже у лоповщину. Звали, бувало, якого грамотнаго, отправляли панахвиду,—отчитаять, значитца, молитвы надъ головой,—усе 'дно, да й у лобъ. А съ чаго яно перакратилось, дакъ вотъ съ чаго:

Такъ живъ сабѣ одинъ старый, и два сына ў яго. И сыны милосьливыя у яго. И яны ето дѣло оставили, лоповщину ету, значитца. И здѣлали яму склепъ, «штобъ нашъ батька—будомъ питать яго, покудова помре своей смертю. Ёнъ жа жъ тыки нашъ батька!» Ну, издѣлали склепъ яму и посадили туды, штобъ обчаство—громада не знали, и питаять. И такъ значитца годовъ зъ десять дяржали яго.

И случилося имъ тяперака, братяцъ ты мой, выходя такое то дѣло—рахуба, о—нещастя вяликое, няўроджай хлѣба. И такое, братяцъ ты мой, худолѣтьтя було, што ня ўродило жита а ни кустика. Ну, што жъ: люди кору ѣли зъ ильма, папороть, липовый листъ рвали да товкли, да изъ етаго хлѣбъ пякли. И до того, братяцъ ты мой, дойшло, што хлѣба нечимъ сѣять, нема сѣмянъ, ничимъ чаго, ни Божа мой. Тяперака, яны пошли икъ батьку у склепъ: «што намъ тяперака, татулька, дѣлать, такъ и такъ, такое и такое дѣло,—нечимъ намъ сѣять поля, сышлось съ плода жито?» Ну, ёнъ имъ сычасъ отвястивъ: «оритя, мое сыны, то-

локу ўсю! Што Господи сошле, то я выдумаю!» И вялёвъ ёнъ орать поля ўсё чисто. Ну, по'рали яны пόля усё чисто, приходять къ яму. «Ну, што, татъ: якъ скажашъ?»—А вотъ што, моѐ сынки: дярите крыши и съ хатъ, солому, и съ хлявовъ, усю чисто, и возитя на пόля. Тяперака, услучай, моѐ сыны, зовитя своихъ дятей и жонъ, гонитя на пόля, и кладитя солому у борозну и привόруйтя зямлёй. Што Господи дасть, тое й будя!..

Ну, тяперака, яны узяли ето, позвали, и давай ето орать; а яны давай ето у межи класть. Тяперака, такъ имъ Господь давъ —къ восяни такое жито! Здѣлалося съ тыѐ соломы жито такое, што Божа мой! Тяперъ, уздивилися люди, котрыѐ сусѣди, и сельскія мужики, што ни ў кого нема ни колоса, а ў ихъ жито такое. И здѣлали притясненію на ихъ: «хто вамъ показавъ ето? скажитя, да скажитя!» И боялись яны отвѣтить ето слово,—што протчихъ стариковъ усихъ прибрали, а нашъ десятокъ годъ лишнихъ живе: ти будя имъ за ето штрапъ, ти нѣ? Отъ яны ўзяли, да ў томъ слови и повинилися,—вызналися обчаству̀: «ну, што жъ, говόрать, господа громада! Мы вамъ винуемся: нашъ старый, батька, значитца, живъ щѐ; мы яго, значитца оставили на прокормленіе,—и ёнъ ето намъ выдумавъ. И тяперака мы благодаримъ своиму старику до вѣку вякомъ!»—А гдѣ жъ ёнъ?—«А ў склепи у насъ!» Прихόдять къ яму̀: ти ты ето выдумавъ?—Я! Мнѣ Господи такъ давъ!.. Ну, съ тыхъ поръ, развялось опять жито на зямлѣ.

Дойшло дѣло ето, дальше да дальше, до санота. Разобравъ санотъ, што именно у стариковъ—якъ яны много живуть—именно выходять хорошія слова и выдумки. Составили совѣтъ своимъ санотомъ, што оставлять стариковъ до своѐ истинныя смерти, покуля̀ Богъ прибяре яго душу̀, а ў лόповщину не отправлять.

С. Корма, гом. у. Отъ 72-лѣтн. стар. **Устина.**

41. Тоже.

Ты вотъ говόришъ про лόповщину. Слухай-ка суды, я табѣ што скажу. Мнѣ вогъ тяперака, гляди-тка, годовъ семдесятъ, да йщѐ й съ хвостикомъ семдесятъ: ну, а якъ мнѣ було такъ годовъ дванатцать, дакъ дѣдъ мой покойный расказававъ намъ, дятя̀мъ, што зъ яго дѣдомъ—пращуромъ уже значитца нашимъ, бывъ такій злучай. «Ѣхавъ я, кажа, разъ зъ Вѣтки у Зыбкую, вёзъ товаръ па пари кόній. Ну, вёзъ, вёзъ,—дѣло уже къ повдню потходя, кони позаморились.» А тогды жъ ня то, што тяперъ, усюдахъ свѣтъ волный ставъ; тогды жъ такія пущи у насъ были

што Божа, Божа! [1]) Вотъ ёнъ, дѣдъ, думая сабѣ: проѣду ще трохи, тутъ знакомый москаль живс, коло яго и попасу. Звѣстно бо̀язно; ну да й думая—зайду, квасу попрошу̀, размочу скорынку хлѣба, самъ трохи понащусь. Тяперака, слухай-ка суды, проѣхавъ ёнъ тамъ кольки, пріяжджая къ той сялитьби. Отпрогъ коній, спутавъ, усё якъ треба, и пошовъ у хату,—такъ побочь дороги стояла. Приходя ёнъ значитца у̀ хату, а тамъ гробъ стоить, корыто зъ дубовой колоды, якъ во и тяперака у ихъ дѣлають. Перадъ бога̀ми свѣчка восковая горить; а Максимъ, хозяинъ, значитца, стоить на у̀кдлѣнцахъ и Богу молитца. А ззади два сыны̀ яго стоять: одному годовъ, знать, съ пятьдесятъ, а другому, такъ, годовъ сорокъ. И одинъ довбню держа. Вотъ дѣдъ пришовъ и ставъ у порози. А Максимъ усё Богу молитца, усё Богу молитца. Тыя сыны ждали-ждали, ды говбрать: «ну, батюшъ, кончай!» Той помолився, уставъ; ставъ зъ дѣдомъ здраствоватца: «ахъ. слава Богу, говора, што тябе Богъ нанёсъ!» —Ну, зачимъ? што тутъ у васъ?—А ты хиба ня бачишъ? сыны ка̀жать: яму̀ у лоповщину пора,—уже восемдесятъ годовъ проживъ!— «Ахъ, сынки моѐ, кажа старикъ той: я жъ крѣпокъ ще, я жъ работаю!»—Ну, да! што съ твоѐ работы? Мы во̀ якъ бъёмся, а ни на насъ, ни у̀ насъ! Пора, пора, батюшъ! Ты на свѣти нажився, дай людямъ жить!.. Да й за довбню. «Ахъ, сынки моѐ, говора, дорогія: мнѣ жъ еще двухъ годовъ нема до восемдесятъ! Братъ Пятрокъ, на дѣда кажа: поговори ты имъ, можа тябе послухають!» Правды, тутъ и дѣдъ умѣшався: «што вы ето, кажа: старикъ ще жить хоча, а вы у̀ лоповщину. Гляньтя на̀ Бога: ёнъ жа жъ тыки кормивъ васъ, поивъ! Ну. хоть два годы̀ дайтя строку, нехай до восемдесятъ доживе!» Такъ—сякъ, такъ—сякъ, стали уговаравать— и у̀говорили тыки. «Ну, кажа, батюшъ: моли Бога за Петрока.—даемъ табѣ строку два годы. Ну тольки коли пе помрѐшъ самъ. тогды уже не просись!» Сычасъ домовину тую вонъ, довбню вонъ, утихомирились и ничо̀го. И жить стали. Правды, што дѣдъ у тыхъ сторонахъ уже ня бывъ боли, не привялось. Дакъ во̀ яна якая лоповщина!

Вылевск. в. гом. у.

42. Тоже.

Живъ кравецъ. И пошовъ ёнъ, отъ пановъ уцёкъ, дужа далёко, у чужую сторону̀. А тамъ была такая *мода*, што покуль жанитца, дыкъ спіюць молодзецу боты, а молодуси чаравики; и якъ вѣнчаютца, насыплюць повны боты и чаравики пяску, и повѣсюць. И што упрадзи поцлячѐць—ци ботъ, ци чаравикъ, того тоды у труну̀ живого кладуць и вя-

1) Еще на нашей памяти край этотъ славился разбойничествомъ.

зуць на саночкахъ у такій ровъ, што вылѣзьци ниякъ ня можно, и ставюць яго тамъ. И прилетаець туды такая птушка, што якъ лизнѐць, дыкъ отразу и душу и грудзи вылижець.

Ну, дыкъ ёнъ пришовъ у ету сторону, и спудубàвъ сабѣ дзѣвку, и захоцѣвъ изь ёю жанитца. Яму̂ кажуць, што жанитца можно, тольки у насъ мода такая, што хто хочець жанитца, дыкъ яму̂ шіюць ботъ, а ёй чаравикъ; и насыпавши пяску, повѣсиць. Коли ботъ уперадзи поцячѐць, дыкъ мужука надо хуваць; а коли чаравикъ, дыкъ жонку. Ну, ёнъ каець: дармо̀ сабѣ! И жанився. Яму̂ пошили ботъ, а ёй чаравикъ, повѣсили умѣсьци, насыпавши пяскомъ.

Прожили яны тамъ изъ жонкой ци много, ци мало—ня вѣдую я гэтого—тольки ботъ поцёкъ. Треба, значитца, яго везьци хуваць. Вотъ яму̂ здзѣлали труну и вязуць у ровъ. Ёнъ каець: вязиця сабѣ, тольки укладзиця мнѣ у труну моё ремяйство̀: можа я тамъ кому-нибудзь што пошію! Ну, яны яму̂ ножни у труну поклали и повязьли у ровъ, и поставили яго тамъ. А вылѣзьци оттуль ня можно. Стоіць ёнъ у трунѣ.

Прилетаець тая птушка. Якъ лизнула разъ—дошку до грудзей такъ и пролизала. Ёнъ тоды ножни узявъ, и якъ тольки яна у дру̂гій разъ лизь! —ёнъ ножнями якъ хвацивъ,—языкъ ёй и отрѣзавъ. Такъ тая птушка и поляцѣла безъ языка.

Ёнъ тоды вылѣзъ съ труны̀, и давай ножнями копатца. Давай копатца, давай копатца, понямножку вылѣзъ-тки зъ рову. Прихо́дзиць ёнъ тоды къ жонцы,—яго нихто ня видзиць; ёнъ хуць и кричиць--нихто яго ня чу̂ець; ёнъ сабѣ што поѣсь—нихто гэтаго ня видзиць. Ну, ёнъ поживъ тамъ гэдыкъ скольки,—остаѐтца яму̂ нямолжно жиць. Пошовъ ёнъ у свой бокъ.

А тоды якъ-разъ жито жали и ножни косили. Дыкъ ёнъ идзѐць—идзець, захочець ѣсь,—за̀йдзець ци къ бабамъ, ци къ коспамъ, ды й поѣсь ихную потраву; а самъ и по̀йдзець дали: яны яго и ня у̂видзюць.

Вотъ тоды пришовъ ёнъ у свою сторону̂ такъ. Ну, якъ пришовъ, такъ и стали яго видзѣць. И ставъ жиць.

Рясн. в. сьнн. у. Кр. Кириллъ Аникіевичъ, грам.

43. Богъ и засуха.

Бывши одна дзяревня, примѣрно, бѣдная,—не большая дзяревня, такъ дворовъ дванатцаць, ци мени. И ето несядьни було, можа годовъ сто тому. И бывши мизь етой дзяревни силный богачъ одзинъ. Ну, и давъ Богъ спаленія погоды засѣву ярового хлѣба, што ня можно было спаситца, нѣякъ, што нема дожжу. Тоды етый богачъ собравъ толоку.

Бабы пришли зъ ведрами, мущины на лошадзяхъ зъ боченками, возиць воду̂ на пол̂я, поливаць ярь. Силная толока, богатая, поливаць ярь, што ярь соу̂симъ погибла. Ну, найшло, наѣхало—сила. И съ протчихъ дзерявень были. Да!

Откуль бывши, ишовъ старичокъ, по ходзьби, ци якъ яму̂ Богъ давъ, —сивенькій старичокъ. Потомъ и спрашаець у ихъ: «што ето у васъ такая за 'казія, што воду̂ возюць, и поливаюць?» Яны отвѣщаюць етому старичку: «што Богъ насъ наказавъ, отобравъ у насъ ярь погодою, жаро́тою. Якъ нашъ богачъ,—собравъ толоку и поливаець ету ярь, якъ ба яѐ спасьцiць!» Ну, старичокъ етый пошовъ на дзяревню. И 'быйшовъ ету дзяревню пости-што у̂сю. Ну, мизь етой дзяревни силно богатый домъ. Серёдъ дня ста хозяйка топиць печь,—обѣдъ готуець етой толоцѣ. Етый старикъ заходзиць у той домъ и спрашаець у хозяйки: што ето у васъ на поли дзѣетца? Яна яму̂ отвѣчаець: «старичокъ! ето мой хозяинъ собравъ толоку. Богъ у насъ ярь попаливъ, то мы собрали толоку̂ ярь поливаць!» Да. «Ну, хозяйка, ци нема у васъ грячихи?»—Ёсь, говориць, дзѣдушка!—«Ну, уняси жъ ты мнѣ горстку грячихи!» Яна яму̂ у̂нясла. «Ну, ходзяечка: откаци жъ ты еты дровы, у печцы, къ одному боку, и горшки переставъ, а другую сторонку отмяци, каець, чисценько къ однэй сторонѣ!» Яна отмела, якъ 'гонь горѣвъ. Ёнъ узявъ, грячихи горсточку укинувъ у печь. «Ну, идзи жъ ты, бабка, су̂ды воды приняси!» Покудова су̂ды воды принесла—грячиха у печи зацвѣла,—а тамъ дро̂вы горяць. «Голубка, ня йдзи жъ ты проци Бога!»

Богъ давъ, што гонь гориць, и грячиха цвѣцѐць.

М. Монастырщина, мст. у. Отъ кр. Никиты Трофимова.

44. Жертва Богу.

Вотъ живъ сабѣ одзинъ старичокъ, и одзинъ-однымъ душою. Ну, ёнъ живъ и собравъ дзенегъ силу порядошную. Доживаець ёнъ вѣкъ и чуствуець самъ, што уже много ня жиць мнѣ. Чуствуець самъ—ня жиць много—и дзѣ жъ мнѣ еты дзеньги дзѣць? Ну вотъ, цяперь, дыкъ у цэрькву, хто свѣчку купиць, хто у скорбо́нку, хто якъ, ну, а у̂пярёдъ етаго нѐ было; упяредъ было такъ: собравъ хто дзенегъ, ци хлѣба, хочець Богу пожертуваць—по́йдзець на по́ля, развядзець цяпло̀, во́зьмець и положиць на огонь. Дымъ етый и идзѐць по возду̂ху и доходзиць къ Богу.

Ну вотъ, тэй и старикъ вышовъ на по́ля, запаливъ цяплд у кусьцику, и спаливъ тэя гроши. Дымъ тэй пошовъ по воздуху, Господзь тую жертву и принявъ яго. И ссалаець двухъ ангаловъ: попросиця, говрiць,

у яго: што яму отъ Бога надо? Еты ангалы прилетаюць: «старикъ, говориць,—што табѣ отъ Бога надо?»—А мнѣ, слава Богу, ничо̀го не надо! Тоды еты ангалы прилетаюць къ Богу и гово̀рюць: «сказавъ тэй старикъ, што мнѣ, каець, ничого не надо!»—Якъ то старо̀му чаловѣку ничого не надо? Идзиця, ящо спросиця: моо, ёнъ чаго нѐбудзь хочець отъ Бога! Яны поляцѣли: старикъ, говориць,—чаго ты хочешъ отъ Бога?—А мнѣ, слава Богу, ничого не надо: сытъ, прикрытъ. А коли сытъ, цѣло прикрыто, дыкъ больше ничого мнѣ й не надо! Ну, ладно. Прилетаюць яны къ Богу: сказавъ тэй старикъ, што ничо̀го ёнъ не хочець: коли, каець, сытъ и цѣло прикрыто, дыкъ больше ничо̀го й не надо!—Ну, идзиця жъ спросиця у третьцій разъ, што яму̀ надо отъ Бога, моо, ёнъ чимъ небудзь хочець быць? Ну, сичасъ яны зляцѣли къ тому старику. «Старикъ, што табѣ надо отъ Бога?»—А мнѣ, слава Богу, ничого не надо!—«Моо, чимъ хочешъ быць?»—Нѣ, такъ, говориць, ничимъ не хочу быць—ни становы̀мъ, ни справникомъ, ни мировымъ, ни членомъ, а такъ, виджу на свѣци някуратнось, хоцѣвъ ба богомъ побыць! А почаму някуратнось—вотъ, у насъ буваець, братъ брата ругаець, сынъ бацьку, бацька сына,—а я бъ, говориць, зьмиривъ, бывши богомъ!...

Приляцѣли ангалы къ Богу: «такъ и такъ, Господзи: ничимъ не хочець быць, тольки хочець быць богомъ!»—Ну, идзиця, говориць, возьмиця яго! Ну, яны зляцѣли и ўзяли яго къ Богу на небо.

Такъ Господзь милосливый узявъ, сичасъ усю ўлась свою и отдавъ: якъ хочешъ, такъ и зьмиряй, на польную твою волю отдаю! Ну, отдавъ Господзь усю ўлась,—ёнъ усё й знаць ставъ: хто што здзѣлавъ, хто сказавъ. Во̀ й самъ я, грѣшный: думаю и тое и тое здзѣлаць, а Господзь дась, моо, я й помру до заўтраго: усё моё и заста̀нетца.

Ну, такъ сичасъ ставъ ёнъ богомъ, и стали два браты дзялитца: одзинъ сляпэй, другій виду̀щій. Стали етыя два браты дзялитца, и етый видущій—сабѣ мѣрку хлѣба насыпиць ды: щупай, каець,—ци повно? Сляпэй пощупаець: повно! Ёнъ сабѣ яѐ. Тоды во̀зьмець, мѣрку перявѐрнець,—на дно насыпиць. «Ну, щупай опяць: ци повно?»—Повно! Дыкъ ёнъ яму̀ у за̀сикъ. Ну, етый старикъ видзиць ету някуратнось—што Богу жерству приносивъ—напусьцивъ тутъ молодьни, трескотьни, громъ такей; узявъ домы палиць! Такъ сичасъ—вотъ, звѣсно, якъ бы и ў насъ у дзяревни, вышли и ста̀рый и малый, давай Богу молитца. «Ахъ, Господзи! новый богъ, а якей неўковырный! Старый богъ дыкъ тэй давъ улась,—што хочець, тое й дзѣлаець, до вострашнаго суду. А ето жъ: нехай Господзи закрыець отъ еткыхъ ударовъ, ще зроду такыхъ не було! И нехай Господзи закрыець отъ еткыхъ боговъ!» Сычасъ Господзь говориць: «ёнъ ня бывъ ящо Богомъ и ня будзець!» Узявъ принявъ усю ўлась отъ яго,

и пусьцивъ на зямлю. И вѣку яму̑ ще продовживъ; и принявъ ёнъ голоду и холоду.

Д. Хорошково, пир. в. мстисл. у. Отъ кр. Тим. Терентьева, 26 л. негр. не бывавшаго нигдѣ дальше своего уѣзднаго города.

45. Праведная судья.

Оравъ одзипъ мужикъ у поли, на кобыли, на подсосу,—которая мѣла сабѣ жерябёнка. Потомъ идзе́ць Микола и́съ тро́сткую. И узявъ и забравъ жерябёнка съ собой. Мужикъ кричиць: куды ты, старикъ, жерябёнка забравъ съ собой?—Якъ куды? ето, говориць, жерябёнка жерябила моя тростка!.. Ну, узяли волочи́тца. И дотуль волочились, покуль пристали. И давай уже соглашатца на судъ. Микола гово́риць на мужука: «а дзѣ жъ ты знаешъ, говориць, судьдзю такую, што ёнъ можець насъ рассудзиць по правилахъ?»—Ёсь у насъ вярсты у̑ три отъ дзяревни судьдзя; по́йдземъ къ тому, тэй насъ разбяре́ць!

Приходзюць къ судьдзю. Мужикъ расказавъ свою обиду: «вотъ, говориць: отбираець у мяне старикъ жерябёнка. Говориць, што ето яго тростучка жерябила. А яго не тростучка жерябила, а моя кобыла жерябила!» А Микола гово́риць: нѣ, яго моя тростка жерябила! Ну, по́томъ судьдзя гово́риць: посидзиця, говориць, тутъ нямного: цяперь мнѣ не́коли васъ судзиць!» А Микола спрашаець: а куды ты поѣдзешъ? Судьдзя отвѣчаець: я, говориць поѣду на моря овёсъ сѣиць! Микола гово́риць: а на мори жъ, говориць, овса ня сѣюць! А судьдзя отвѣчаець: ну, й тростка жерябёнка не жаре́биць! На томъ и судъ ихъ кончився. Отдавъ Микола жерябёнка мужуку. Найшовъ ёнъ правядную судьдзю. И ставъ судьдзя тэй угодзенъ Богу.

Д. Дубровка, мстисл. у. Отъ кр. Сергѣя Карпова, 28 л. негр. Въ варіантахъ климов. у. мѣсто Миколы занимаетъ Богъ.

46. Судья правильный.

Горѣвъ лѣсъ; и чуець ляськичый, што кричыць громкимъ голосомъ: ратуйця, хто Богу вѣруець! Потхо́дзиць ёнъ у етый пожаръ и видзиць—на соснѣ сядзи́ць зьмія, на самымъ вярху̑. И гово́рпць яму̑: сыми мяне! а коли ты мяне ня со́ймешъ, то я цябе зьѣмъ; а со́ймешъ, то я табѣ нічо́го дзѣлаць ня буду! Ёнъ согласився зьняць яѐ. Ина узяла, зьлѣзла яму̑ на шію, и обвярцѣлася. И довго ёнъ просивъ яѐ, кабъ ина зьлѣзла исъ шіи,—ина ня лѣзець. И што дали, то шія боли распухаець, и рас-

пухла у хатное бервяно, и зравнувалася изъ головой ровно. Якихъ ёнъ средствіевъ не находзивъ, лячився—нихто не давъ яму пользы.

Тольки стрѣцивъ ёнъ чаловѣка; чаловѣкъ и нараивъ яму, што ёсь судьдзя надъ мальчыками, коло коній—конюхи.[1]) Судьдзёй ёнъ надъ мальчыками дватцаць пяць годовъ, и судзиць правилно, такъ што ни бацькй ни матки не умѣшаваютца къ дзяцёмъ, коли ёнъ ихъ наказавъ, бивъ.

И пришовъ етый лясьничый икъ яму изь зьмяёй, и ставъ кланятца яму у ноги: дай мнѣ пользы! Ну, ёнъ поcлавъ мальцовъ у лѣсъ: идзиця, хлопцы, прутьця нарѣжця! я ёй дамъ пользы! А ёй каець: лѣзь, окаянная! ли чаго ты чаловѣка убидзѣла? Ёнъ цябе поратувавъ, а ты яго зьѣсь хочашъ на вѣчнось! Ина сійчасъ зьлѣзла, давай прощенія просиць, кланятца.—Нѣ, окаянная: не прощу! Ты чаловѣка зьѣла ужо, соссала кровъ! И узявъ яѐ за голову и прутьцемъ яѐ сѣкъ-сѣкъ, и засѣкъ!

И много людзей ходзило къ яму. И ёнъ правилно судзивъ. И дойшлося ето царю, што ёнъ правилно судзивъ. И спросили яго къ царю. И царь сказавъ: будзь ты у мяне правилною судьдзёю! Ёнъ отвяцивъ: буду, тольки мнѣ здзѣлайця, што я скажу!—Ну, што табѣ здзѣлаць? царь спрашаець.—Выкольця мнѣ обая глазы вонъ, то я буду судзиць; ня буду видзѣць ни богатаго, ни бѣднаго. А якъ я буду видзѣць, то я погалюсь на што-нибудзь!.. Ну, яму глазы выкололи.

Судзивъ ёнъ дванатцаць годовъ правилно; такъ што зьѣжжалися къ яму много людзей, царей, усихъ. И злучилося яму рака зь люгашкой судзиць. Ракъ вырыець сабѣ пячуру у рѣки, а люгашка придзець, выгониць яго, отъѣсь ноги яму. Ина яго съ трёхъ печаръ выгоняла етыкъ. Ну, й пришли яны на жалобу къ етому судьдзю. Расказали яны яму, якъ што було. Ёнъ осудзивъ, што люгашка виновата: ня мѣець праву выгоняць зь яго дому. И узявъ яе за голову и спросивъ: розокъ подайця мнѣ! Яму розокъ подали; ёнъ ставъ сѣчь яе. Сѣканувъ яе—пала кровъ на глазъ на яго. И ёнъ ставъ видзѣць на 'дзинъ глазъ. Ёнъ ящо сѣканувъ—брызнула кровъ на другей глазъ; и гэй ставъ видзѣць.

Дыкъ во якъ! Дванатцаць годовъ незрящій бывъ, судзивъ правилно; и давъ Богъ яму, што ставъ видзѣць зь люгашки.

М. Студенецъ, черик. у. Кр. Тим. Алексѣевъ 45 л. негр.

---

1) Ночлежники дѣйствительно имѣютъ свое самоуправленіе—старосту, судей и т п. Мы помнимъ фактъ, что виновный мальчишка былъ даже приговоренъ своими сверстниками къ смертной казни.

47. Христовъ братъ.

Якъ живъ сабѣ у дзяревни сынъ изъ мацерью. И ёнъ бывъ благочасьливъ силно. И жана яго тожа. Маць жа яго не навидзила ни нищихъ ни бѣдныхъ. Ну, а ёнъ бывъ милосьцивый, такей, што никогда ни побѣдаець одзинъ, ни повячеріиць.

Дождався Христовой свѣтлой паски, освяцивъ паску, пришовъ домой. Такъ сичасъ маць: «ну-ка, говориць, сынокъ,—обѣдаць скорѣй!» —Погодзи, говориць сынокъ: пойду отдыхну на дворѣ! Вышовъ на вулицу, —посмотриць, бягиць солдатъ съ приказаніемъ (бумагами, приказами). Ёнъ на яго говориць: «служивый, говориць: зайдзи ко мнѣ разговѣтца, говориць, пожалуста!» Ёнъ говориць: неколи мнѣ, надо дзѣло скорѣй у полкъ несць! «Да мы жъ не забавимся; мы сичасъ побѣдаемъ, тольки разговѣемся!»—Ну, спасибо,—зайду! Увидзила яго матка, што ёнъ яго вядзець, сичасъ и засипѣла на яго, якъ змѣя ў кусьци: «мы, говориць, николи не побѣдаемъ одны!» То солдатъ сичасъ сѣвъ, побѣдавъ,—разговѣлися паскою. Тоды сичасъ благодариць яго: «ну, благодаримъ цябе, хозяинъ, за твою хлѣбъ-соль! На другей празьникъ свѣтлаго Христоваго воскрясэнія прибудзь ко мнѣ ў госьци!» Ёнъ жа жъ отвѣщавъ яму: «я жъ не знаю, куды, говориць, къ табѣ, служивянькій!»—А вотъ, говориць: якъ дожджесься паски, выйдзи на дворъ, я пришлю лошадзя за тобой: будзець стояць лошадзь сивая у сядлѣ. Тоды ты на ету лошадзь садзися и поѣжджай!..

Ну, ёнъ дождався свѣтлаго Христоваго воскрясэнія, вышовъ на дворъ. Посмотриць—стоиць сивая лошадзь у сядлѣ. Ёнъ сѣвъ и отправився. Якъ сѣвъ, такъ тая лошадзь и поднялася на воболки. Привозиць лошадзь тая къ двору: етакій огромный дворецъ! Выходзиць тэй жа самый солдатъ, у тэй самый одзежи. Похристосовався зь имъ и повёвъ яго у домъ. Ну, сѣли, разговѣлися. Тоды ёнъ и говориць, солдатъ етый самый: «вотъ табѣ, говориць, мѣста ўси, ходзи и смотри уси каморочки, уси закомурочки; вотъ твоё мѣсто, вотъ твоё жаны!» Ёнъ своё мѣсто увидавъ--силно привукрасное; и жонкино тожа отлишное мѣсто. Тоды привёвъ къ каморцы, лыкомъ завязана: «вотъ суды, говориць, хуць смотри, хуць не смотри: ето твоё матки мѣсто.» И самъ скрывся. Ну, а яму, звѣсно, любопытно стало,—посмотрѣць надо. Отвязавъ лыко, уходзиць туды,—ажъ ина кипиць у смолѣ! Тольки за свой вѣкъ дала милосьцины кусьцикъ цыбули, перякинула рукой церезъ барканъ, зъ горду,— дыкъ тольки тая рука и слободна була. Тоды ёнъ схвацивъ—мацери своё пожалѣвъ—схвацивъ за волосы яе, повярху плавали. Ну, и яна тащитца. И нѣскольки душъ ёй за ноги ўчапилися, кабъ и ихъ выцягнувъ.

И ёй стало уредно, што за ёю тащутца; тоды стала трепетаць ногами, отъ сябе откидываць ихъ. Трепеталась, трепеталась, покуль вырвалась у сына зъ рукъ,—тольки хохолъ остався у рукахъ. Издѣлався плѣшъ на головѣ, а яна й потонула опяць. А яѐ хоцѣвъ Господзь вызволиць за сына, и ящо нѣскольки душъ.

Тоды ёнъ сичасъ волосы тыя у карманъ уклавъ и каморку тую зачинивъ, и лыкомъ завязавъ. Самъ уходзиць у комлаты, и являетца Господзь яму—солдатъ тэй бытто. И говориць: «а што видавъ своё мѣсто?» —Видавъ, говориць, Господзи!—«А жанѣ своёй? хорошія мѣста?»—Хорошія, Господзи! говориць. «А мацери твоёй видавъ?»—Видавъ, Господзи: мѣсто дренное. Ну йна того и стоиць: я хоцѣвъ, говориць, вызвулиць яѐ и нѣскольки душъ, и тое ёй уредно стало, говориць. Ну, распросцивсь и поѣхавъ.

Пріѣжджаець домой, ина на яго и напусьцилась: «идзѣ ты бывъ, такій ты, етакій?» Ёнъ говориць: мамъ, говориць,—не кричиця: я, говориць, видавъ своё мѣсто и ваша. Наша мѣсто, говориць, слава Богу; а ты, говориць, кипишъ у смолѣ!—Ахъ ты, такій ты, етакій! разви ты ў Бога бывъ? И видзивъ? А ёнъ говориць: не кричи, мамъ! Вò, говориць, твой хохолъ у мяне у кармани, якъ съ смолы цягнувъ! Такъ ина сичасъ чапецъ свой схвацила долой, и пощупала. Ажно плѣшъ на головѣ,—голова голая!.. Такъ тутъ и счезла, и конецъ. Спужалась, и померла.

Соинск. в. мст. у. Отъ кр. Максима Поликарпова, 60 л.

Въ варіантѣ изъ *м. Хотимска*, климов. у. не гостепріимны были отецъ и мать Христова брата, и за свой вѣкъ «подарили» нищимъ только одинъ кустъ цыбули. Сынъ же ихъ и жена его были очень «другалюбны;» такъ что, когда мужъ отыскалъ на большакѣ нищаго старика, то жена велѣла ему поднести его: можа ёнъ якій нездоровый. Послѣ обѣда Христосъ говоритъ: я пойду, у мяне много дзяловъ! Но сынъ съ невѣсткою его не пускаютъ и угощаютъ три дня: «цяперь тридневный празьникъ, ниякихъ дзяловъ дзѣлаць ня можно.»

Когда на другой годъ онъ пріѣхалъ къ Христу, на присланной последнимъ лошади, то послѣ обѣда Христосъ сказалъ ему: «ну, мой другъ, —табѣ скушно тутъ; пройдзи по мойму саду, у мяне ў саду весело. Тольки ёсь тамъ чугунная комнатка, не поглядзи ў яѐ!» Тотъ, гуляя, посмотрѣлъ въ комнатку и увидѣлъ родителей въ кипящей смолѣ. Тѣ просятъ его: «сынъ нашъ возлюбленный, попроси ты Господа Бога, ци не збавивъ бы ёнъ намъ етыя муки!» Сынъ заплакалъ и пошолъ къ Христу. Тотъ спрашиваетъ: «што, мой другъ, у цябе вочи красны; вѣрно вѣцеръ надувъ?» Сынъ признается, что видѣлъ родителей и тѣ про-

сили объ облегченіи мукъ. Господь говоритъ: «можешъ ихъ изъ пекла выцягнуць, тымъ, што было ими дарувáно нищимъ на бѣломъ свѣци!» Сынъ побѣжалъ туда и началъ тащить ихъ за кустикъ цыбули, бывшій въ ихъ рукахъ. Но нечистая сила не пускала ихъ, и сынъ крикнулъ: пусьцициа ихъ! Какъ крикнулъ, такъ цыбуля перервалась, и они остались въ пеклѣ. Господь потомъ объяснилъ: «коли я дозволивъ, то ты могъ выцягнуць ихъ и шовковой ниткой, и не надо было кричаць!» И гостилъ онъ у Бога тридцать три года, а ему показалось всего три дня. Такъ что, когда воротился домой, старики давно были похоронены, жена дѣтей повыростила, поженила и замужъ поотдавала.

48. Батька и сынъ.

Бывъ чаловѣкъ богатый; було ў яго анбары чатыре хлѣба, на дворѣ стояло. И ў яго бывъ одзинъ сынъ, жанатый. И етый чаловѣкъ залежавъ. И приходзюць объ ето ўремя къ яму людзи просиць хлѣба. Сынъ спрашіець: оцецъ, ци отдаваць мнѣ бѣднымъ хлѣбъ? А ёнъ каець: коли хочешъ на свѣци жиць, дыкъ давай!—А якъ жа мнѣ, говориць, даваць? —А чецьверць, говориць, дай, и ў повторы возьми!.. Ну, пришли ето къ яму народы хлѣба браць, ёнъ и пораздавъ увесь: два 'нбары съ половиную отдавъ. Значитца, вясною раздавъ, а восеньню собиравъ. Дыкъ ёнъ, значитца, росту ничого не бравъ, а зъ бѣдныхъ и вдўся не бравъ: привязёць который—назадъ отошлéць.

Ну, потомъ того поднявся яго оцецъ. «Ходзи, говориць, сынъ, пыглядзимъ, кольки ты хлѣба соб‌равъ?» Приходзюць кы 'нбару, и зирнувъ ёнъ на етый хлѣбъ: ну, говбриць, сынъ: а йдзѣжъ ты етый хлѣбъ подзѣвъ?—А на бѣдныхъ людзей, говориць, раздавъ!—Ну, пойдземъ-ка домой! Пришли яны—оцецъ съ сыномъ, домой: ну, становись, говориць, передо мною на колѣни! Ёнъ ставъ. А бацька яму краюшку хлѣба давъ: нà, говориць, и ўбирайся зъ мойго дому соўсимъ! получай жану и ўбирайся! Ну, яны ўзяли и пошли. Тоды, ишли-ишли по дорози, жана спрашіець: «куды мы, говбриць, идзёмъ?»—А куды Господзь покажець!.. Пришли ў лѣсъ, напяли булгáпчикъ, и стали жиць. Хлѣбушка етый у ихъ вядзéтца; яны ѣдзяць, а ёнъ цѣлъ. Дождалися Христоваго дня—суботы. Яны зъ жаной рáдзютца: якъ намъ, говориць, празьничекъ пробыць? Хлѣбушка-то ёсь, а разговѣтца-то нечимъ? Ну, говбриць,—ты тутъ мый, якея тамъ были лавки, ци што—а я пойду ў лѣсъ пройдусь! Ина стала мыць, а ёнъ пошовъ у лѣсъ. Приходзиць къ кўсту—у кўсьци сядзиць цяцеря. Ёнъ за яѐ—живую ў руки ўзявъ. Подъ тэю цяцерею повно гнѣздо яёцъ. Ну, ёнъ яйцы тыя забравъ у постáньня, а цяцерю потъ-пахў.

Приходзиць домой къ жанѣ. «Ну, говорицъ, жана: слава табѣ, Господзи! ёсь разговляньня ў насъ; ёсь и мясо и яйцы!» Ну, узяли яны, цяцерку тую зжарили, а яйцы зварили. Жана спрашiецъ: а идзѣ жъ намъ цяперь паску посвяцицъ? А ёнъ каецъ: Богъ посвѣцицъ! на пенушку поставимъ, Богъ и посвѣцицъ! Ну, узяли паску на пенушку поставили. Тоды, ёнъ пошовъ чаловѣка къ сабѣ искаць, што яму Богъ давъ. Ходзивъ-ходзивъ, не нашовъ никого. Пришовъ одзинъ душою. Сѣли обѣдыць,—на Христовъ дзень, на вяликодня. Якъ по'бѣдыли, и переставилиси оби разомъ. Будка ета ихъ стала храмомъ; и жито ето, што ёнъ дававъ, два замки ля ихъ тутъ, и гробы имъ выстроилиси...

Д. Ганновка, березк. в. клим. у. Отъ кр. Өедора Данилова, 48 негр.

49. Богъ въ гостяхъ.

Жили сабѣ такъ два браты у воднэй дзяревни. Тоды яны подзялилися. И одзинъ ставъ богато жыць, а другей збяднѣвъ. Тоды богатый говбрицъ бѣдному: «знаешъ што? табѣ ўсё ровно найматца у кого нибудзь: наймись, говорицъ, у мяне на годъ! Я табѣ, говорицъ, заплачу̀, ня 'биджу!» Ёнъ нанявсь. Годъ отслуживъ. «Братъ, говорицъ: расчитай мяне!»—Эхъ, братъ: усё ровно, ты на́ймесься у кого-нѐбудзь,—послужи ще годъ у мяне: я табѣ заплачу̀!... Ну, ёнъ оставсь на другiй годъ. Прослуживъ годъ; прбсицъ расчоту. А братъ опяць каецъ: послужи ще годъ у мяне; у кого служицъ, дыкъ служиць—усё ровно я табѣ заплачу̀! Прослуживъ ёнъ три годы, просицъ расчоту. Братъ опяць каецъ: служи у мяне, куды ты пбйдзешъ? Нѣ, каецъ: пойду домовъ, расчитай мяне! Тоды богачъ пошовъ къ жонцы и пытаецъ: «знаешъ што, жонка? што мы яму дадзимъ? дадзимъ яму курочку за три годы̀?»—Якей ты глупэ̀й: можа яго рука цяжолая,—ящо курсй звядзе́цъ у насъ: дадзимъ яму лѣпей пѣвника! Ну, ёнъ узявъ, пѣвника ўловивъ: «на́, братъ, говорицъ, Восипъ: за три годы заслуживъ ты ў мяне пѣвника!» Ёнъ заплакавъ: ну, братъ, говорицъ; спасибо й за ето! Узявъ и пошовъ домовъ.

Приходзицъ домовъ: «во́, жо́нка,—заробивъ я ў брата за три годы пѣвника! Што мы яму̀ будземъ дзѣлаць?» Ина говбрицъ: а што, говорицъ, Восипъ: кинули бъ мы яго на сѣмя—хто нѐбудзь забъе́цъ, пропадзе́цъ твоя праца. А дай мы яго зарѣжамъ!.. Узяли, етаго пѣвника зарѣзали, ды й згутували. Сичасъ, згутували етаго пѣвника и 'бдумались: «якъ намъ яго ѣсь? Ето жъ мой крывавый, трудовэй за три годы! А позовёмъ мы Господа Бога пѣвника ѣсь! Можа ёнъ и ня пбйдзецъ, али ўсё жъ посовѣтыецъ, якъ яго ѣсь, трудово́го!»—Такъ, говорицъ: такъ, такъ, Восипъ, и здзѣлай! Можа ёнъ ня прйдзецъ, а можа посовѣтыецъ намъ яго

и воўся ня ѣсь!.. Тоды Восипъ: «пойду, каець, на горў и гукнў: коли я Богу угодзенъ, Богъ мнѣ отгукнѣтца!»

Узышовъ на гору и кричиць: «Господзи, прошу я васъ: заробивъ я ў брата за три годы пѣвника и зарѣзувъ. Ну, й не могу почаць яго ѣсь, якъ ёнъ мой трудовэй и крывавый. И прошу васъ, Господзи, къ сабѣ на чесь, пѣвника кушаць!» Отвѣчаець яму Богъ: «милосьливый Восипъ, приду!»

А тутъ ёнъ, туды идучи, говориць жонцы: глядзи, говориць: ты пумяцй вулучку и дворъ,—можа Богъ насъ послухаець, прйдзець!

Идзѐць ёнъ назадъ оттуль, усё помéцено; и ляжйць на етой вулучцы калѣсство—ни рукъ, ни ногъ, тольки тўлово чаловѣцкое, и видно, што живъ. Увышовъ ёнъ у йзбу и говориць жонцы: «ахъ, говориць,—што я трудзився, у брата три годы служивъ, ды ў мяне ёсь руки й ноги! А то трудзитца, говбриць, калѣсство,—безъ рукъ, безъ ногъ,—якъ ёнъ живéць? И што мы, жонка, здзѣлаемъ: унясёмъ мы яго у свою хатку, и Богъ казавъ—приду, и будземъ Бога просиць,—ци не дась ямў Богъ хоць рукъ!»—А пойдземъ, говориць, унясёмъ!

Пошли, яго унясьли зъ жаной, послали посцель коло стола и поклали. И нямного ето уремя прошло—можа съ часъ, али зъ два—сичасъ ина говбриць: «ахъ, говбриць, Восипъ: у Бога, говориць, усягд много, ёнъ жа жъ сытъ; коли къ намъ прйдзець, дыкъ усёткп не голодный. А ето калѣсство можа нѣскульки днёвъ ня ѣвши. Ды ўжу Богъ на насъ за ето сварйтца ня будзець: дадзимъ ямў етаго пѣвника покушаць!» Ну й можа яны три разы уклали ямў ў ротъ етаго пѣвника. Тоды Восипъ говориць: «вотъ жа, можа ёнъ пиць хочець,—у яго жъ тожа рукъ нема. Дадзимъ яму попиць!» Дали яму пиць. Тоды Восипъ штд уздумавъ: «иць Богъ, говориць, не свой братъ! Мы яго унясьли, а ёнъ можець на насъ усéрдзитца за ето. Дай, каець, мы яго вынесемъ у садокъ, посцелимъ посцелю и положимъ тамъ. А прйдзець жа къ намъ Богъ, дыкъ будземъ жа мы якъ-небудзь зь имъ разгуваривваць. Дыкъ мы покажемъ яго яму, и будземъ просиць, кабъ давъ яму ци руки, ци ноги—што нѐбудзь!» И вынесли яго и поклали ў садокъ.

Посли того уремя дожидали яны часъ ци повтора. И тоды ина говориць: «Восипъ, говориць, сходзи, говориць, къ Богу: ци ёнъ къ намъ прйдзець, ци откажець намъ. Нехай бы мы ужу знали!» Сичасъ Восипъ усходзиць опяць на горў, говориць: «Господзи, ци вы придзеця ко мнѣ пѣвника мойго трудовбго и слезавбго кушаць, ци нѣ?» А Господзь каець—гласъ: милосьливый Восипъ, я ў цябе бывъ! благодарю цябе за твою чесь! А вд што я табѣ совѣтую: за твою чесь даю табѣ благодареньня: продай свою хатку, и скорымъ пдспѣхомъ, и бяри свою жану,

милую свою, и идзи туды, куды цябе будуць вочи несць, и ночуй тамъ, дзѣ цябе ночь обоймецъ!..

Етый Восипъ пришовъ, а калѣсства того и нема. Жонка отвярнулась, яго й не стало. Ёнъ жанѣ своей говориць: «Богъ мяне, говориць, назвавъ—милосьливый Восипъ. И говориць, кабъ мы свою хатку продали и шли туды, куды вочи будуць несць. Ци будзешъ ты согласна?»—А што жъ, говориць, Восипъ: Богъ вяліць—надо йци: я, говориць, согласна! Узяли, хатчонку свою продали, шалдобиційко своё забрали и пошли, куды глазы глядзяць.

Идуць яны; усё оказуетца имъ дзень. Уходзюць у большую пущу. Вотъ Восипъ говориць: «Богъ говоривъ нучувать, дзѣ ночь обоймецъ; а пуща большая: Богъ вѣдаецъ, ци выбъемся хоць на край?» Удругъ, троху пройшли,—видна поляночка, и на полянки стоиць домъ громаднѣйшій. Потходзюць къ тому дому, и ночь обоймаецъ ихъ,—огни, видзюць, горяць. Ёнъ и говориць, Восипъ: «што, говориць, жана: Господзь намъ вялѣвъ, гдзѣ насъ ночь обоймецъ, нучувать!»—Што жъ, Восипъ,—коли Богъ вялѣвъ, дыкъ и будземъ нучувать. Коли Богъ назначивъ смерць, дыкъ намъ смерць тутъ будзецъ, а коли нучувать, дыкъ надо нучувать! Ну, заходзюць у етый домъ. Стоиць пиценьнё—ядзеньнё, што имъ угодно; а никого у доми нема. Етый Восипъ походзивъ—походзивъ по ўсимъ дому и говориць: жонка, давай, говориць, заночуемъ,—што Богъ ни дасць! Вячеряць жа намъ наставлено; ето жъ никому—намъ; давай повячеряемъ! Повячеряли, Богу помолились, ды спаць. Сичасъ свитца милосьливому Восипу и жанѣ яго: вотъ жа, говориць, милосьливый Восипъ: за вашу чесць вамъ усё ето ходзяйство, распоряджатца до вѣку, по своихъ смыслахъ до вѣку!

Назаўтраго Восипъ устаецъ и идзецъ оглядаць ходзяйство. Пришовъ уво 'дзинъ инбаръ—насыпанъ инбаръ грошей; другій инбаръ—жита: третьцій инбаръ ячменю, чацьвёртый гречки, пятый—съ овсомъ. Ето Восипъ видзючи, *количество* етакое, нанявъ сабѣ дворника. И ставъ жиць.

Удругъ, пошли худэя годы. Ну, и стали яго знаць людзи; Восипъ людзей вызволяецъ. Вотъ сичасъ, дальше—больше, годы пошли худжѣйшія; ставъ ёнъ людзямъ хлѣбъ даваць на новъ: вясной дасць, а ў восень отбираецъ. Чецьверць даёць, а бярецъ—на дно чецьверць насыпавши и подъ счоркъ—и исцинное и проценты, и ўсё тутъ. А ўсё-тки зъ засѣковъ сыплетца. И узнали ето людзи и собирались къ яму, и стольки, што дзесяцинъ на чатыре, на пяць стояли обозы, разбираць хлѣбъ.

И почувъ яго братъ, што ёсь нѣйкій купецъ имянитый, который сходно хлѣбъ позычаецъ, и на дзеньги отдаецъ сходно. «Нука, говориць, сынки,—зьѣдзиця. Можа годы ще поплошѣюць, купіця пудовъ шезьдзесятъ,

на шасьцёрцы; нехай у насъ тутъ поляжйць, мы на имъ и тутъ заробимъ!»

Ну, яго сичасъ ѣдуць еты пляменники и бѣдныхъ мужуковъ труць, думаюць колёсами и конями богацкими. Ёнъ говориць: «што вы, баловщики, дзѣлаеця?»—Мы, говориць, господзинъ купецъ, на готовыя гроши! Ёнъ говориць: чортъ цябе бяри изъ грошами: у мяне, говориць, чарёдъ ёсць, хуць за гроши, хуць даромъ,—усё 'дно идзёць черядо́мъ! Ну, удругъ ёнъ ихъ покаравъ, и сичась къ сабѣ призвавъ: «ци узнаецё вы мяне?»—Нѣ!—«Я жъ дзядзька вашъ, Восипъ!» Ставъ имъ тамъ расказываць. Яны говорюць: узнаёмъ! Ну, ставъ ихъ часьциць. За столомъ спрашiецъ: «ну, ци здоровъ жа вашъ оцецъ, а мой братъ, и мацъ ваша ци здорова? И прошу на промилуй Богъ, кабъ прибыли яны ко мнѣ ў госьци. И скажиця, што будуць и сыты и довольны, и 'тъ Бога благодарны. Тольки кабъ прiѣхыли!» Сичасъ, ня довго думавши, насыпавъ имъ шесь возовъ хлѣба, своимъ плéмешамъ: «и кланййцесь свойму отцу, и скажиця, што вамъ братъ вашъ насыпавъ шесь возовъ хлѣба; и вотъ вамъ узёлъ грошiй, и прошу, кабъ у госьци ёнъ прибывъ изъ жаною!» Прiѣхыли яны и хвалютца; «эхъ, говориць, татъ! ето жъ дзядзька нашъ Восипъ! Што ў яго ёсь? што у яго дзѣетца? сколькi хлѣба ў яго, сколькп чаго! Насыпавъ и намъ шесь возовъ—безъ копѣйки, и ще вузёлъ грошей табѣ прислявъ на госьцинецъ!» Ёнъ говориць: отъ, жонка, глядзи, скольки у нашаго Восипа грóшей! мнѣ скольки прислявъ на госьцинецъ!—Эхъ, говориць: дай зьѣздзимъ, поглядзимъ, откуль у яго богасство: либо укравъ што, либо зъ нашаго пѣвника,—по доли пошло!

Ну, запрягали коня и ѣхыли туды. Дороги не пытаць, сыны ужу расказали. Прiѣхыли къ Восипу, Восипъ ихъ принявъ до чесьци, якъ надо быць: усё рóвно, якъ рóдного отца.

Сичасъ, ночь яны гуляли изъ братумъ, изъ нявѣсткую, назаўтраго говориць: братъ, говориць: пóйдземъ, полядзи моиго ходзяйства! А жана осталась тутъ зъ нявѣсткуй. Тая говóриць: «ты, говориць, скажи, сястрица,—дзѣ вы сабѣ такого добра нажили?»—А, говориць, сястрица: добро ето намъ Господзь такъ пославъ, говориць; ето за вашаго пѣвника, што *мой* заробивъ у васъ пѣвника за три годы. Заробивъ пѣвника у васъ, вотъ мы яго зарѣзали, и позвали Бога ѣсь того пѣвника. Богъ пришовъ, побывъ на часьцй у насъ, и сказавъ: до вѣку вамъ ето ходзяйство!.. Больше ничóго не сказала ина ёй.

Оборачиваетца яé мужикъ у комлату, ина сичасъ и говориць: «ѣдземъ домой! Жива ня буду, ѣдземъ сичасъ!» И скольки не просивъ яè дзеверь и нявѣстка, и мужикъ,—нихто не ўпросивъ: «ѣдземъ!» Ну, поѣхыли. Выѣхыли зъ дому, удругъ ина говóрыць: богачъ ставъ за нашаго пѣвника! Ты, говориць, ня вѣдыешъ: што ты давъ имъ пѣвника, яны

згутували, ды Бога позвали покушаць. Вотъ имъ за ето Богъ давъ богасство! Ну мы забъёмъ кабана, зарѣжемъ вола, гусей пары три, говорицъ, зарѣжемъ, и завѣсимъ котлы и ўсю божiю, говорицъ, *свиту* угосьцимъ. То намъ Богъ, говорицъ, ящо утроя дась, якъ Воспну!

Сичасъ, прiѣхыли домой, вола зарѣзыли, кабана забили, гусей пары три зарѣзыли, и завѣсили котлы, приставили поваровъ, и варюць обѣдъ хорошiй-хорошiй. Такъ сичасъ ина кричиць: «ну, обѣдъ готовъ; ступай Бога зови! Ды живо! Хуць сабѣ со ўсёй свитый нехай идзець,—будзець съ усихъ!» Ёнъ приходзиць на горў на тую на самую, идзѣ Восипъ гукавъ. «Господзи, говориць: приходзили вы, говориць, къ мойму брату Восипу одного пѣвника кушаць,—ну я прошу на ўвесь обѣдъ, ну, коли хочеця, говориць,—съ усёю свитую!» И Богъ отказыець: ну, приду, говориць: дожидай, приду!

Сичасъ ёнъ идзéць, сичасъ ляжиць коло воротъ на вулицы калѣсство—ни рукъ, ни ногъ, одно тулово чаловѣцкое. И видно, што живъ. Ёнъ сичасъ па сямью: «ахъ вы, говориць, туби-вашу-растуби,—вы ня видзиця, што тутъ скверпось вяляетца!» И давай яго выспяткомъ: ты, говориць, куды йдзешъ? ты не знаешъ, хто я? Я, говориць, Бога дожидаю на ʻбѣдъ, а ты тутъ валяесься! Ды давай яго выспятками! По вулицы кацивъ—кацивъ, и за волосы у крапиву скинывъ. А къ жанѣ говориць, пришовши: а твой, говориць, недоглядъ, што тутъ етакое вяляетца!—А почомъ я, говориць, знала: можно було кому нибудзь поглядзѣць!

Ну, сидзяць яны посьли того часъ и два, и третьцiй, и здзѣлалось уремя посьли того позьнее. Ина яму говориць: идзи ты къ яму: ци нехай ёнъ идзець обѣдаць, ци ня йдзець, дыкъ откажець; мы безъ яго поʻбѣдаемъ. А мы богасствомъ вѣкъ и своимъ проживёмъ!

Сичасъ ёнъ выходзиць на тую гору - ёнъ жаны слухаець—и говориць: Господзи, говориць: ци прийдзеця вы, говориць, ци нѣ? Коли ня придзеця, дыкъ откажиця,—мы безъ васъ поʻбѣдаемъ! Богасства хваціць у насъ свойго, безъ вашаго! А Богъ говòриць: вотъ, говориць, богачъ: узглянь ты на свой дворъ и самъ на сябе! Тутъ ёнъ тольки узглянувъ на свой дворъ—свой дворъ наскрозь земли пошовъ; а ёнъ на тотъ мѣсьци, якъ стоявъ. Вò!

Д. Нов. Дѣдинъ, хотов. в. клим. у. Отъ кр. Петра Якимова, 37 л. неграм.

Аналогичны съ этимъ прiуроченныя къ извѣстной мѣстности преданiя о такъ называемыхъ «святыхъ озерахъ», образовавшихся будто бы вслѣдствiе проваловъ селенiй. Въ Бѣлоруссiи такихъ озеръ множество. Почти всѣ они имѣютъ форму болѣе или менѣе правильнаго круга и большею

частью расположены вблизи древнихъ городковъ. Такъ какъ въ преданіяхъ говорится, что вмѣстѣ съ селеніями проваливались и бывшія въ нихъ церкви—благовѣстъ которыхъ и теперь бываетъ слышенъ въ пасхальную ночь, «якъ запяюць: Христосъ воскресъ.»—то возможно предположеніе, что нѣкоторые изъ городковъ служили мѣстами для совершенія богослуженій у нашихъ предковъ, и что съ перемѣною религіи изображенія древнихъ божествъ и жертвенники—если таковые были—вергались въ эти озера, откуда послѣднія получали названія «святыхъ», а на мѣстѣ старыхъ святынь ставились массивные каменные кресты, которые также нерѣдко находятся при святыхъ озерахъ и въ настоящее время. (См. напр. Древности, т. XI, 2, 85) Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ озерахъ послѣ бурь находятъ предметы утвари: ложки, чашки, скамьи, а также доски, бревна. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что здѣсь могли быть и такъ называемыя свайныя постройки. Мысли, какъ извѣстно, не новыя; но онѣ напрашиваются сами собою.

Почти всѣ подобныя озера отличаются большою глубиною, при отвѣсныхъ берегахъ. Это обстоятельство, по нашимъ наблюденіямъ, объясняется тѣмъ, что они постепенно заростаютъ сверху и представляютъ, въ сущности, только остатки нѣкогда обширныхъ озеръ, отъ которыхъ уцѣлѣли только наиболѣе глубокія, срединныя пространства. Одно изъ преданій приводимъ.

50. Богъ и вдова.

Ишовъ Господзь и Микола и Ягорій. Было ўремя на зáговины. Просилися нучувáць по дзяревни, и нихто ихъ не пусьцивъ; сышли ўсю дзяревню—нихто не пусьцивъ. На концы дзяревни жила сабѣ удовушка, побѣдная головушка. И пришовъ къ ёй Господзь и Микола и Ягорій, и прóсютца у яѐ нучувáць: «пусьци насъ пунучувáць, бабушка! усю дзяревню сышли—нихто насъ не пусьцивъ!»—Рада бъ я, дзядзеньки, васъ пусьциць пунучувáць, дыкъ такей сягонишній дзень, што людзи заговляюць, а ў мяне нéчимъ! И яны отвѣщаюць ей: «Богъ пошлѐць усѐ, тольки пусьциця пунучувáць!»—Ды за ношлегъ, дзядзеньки, мы не споримъ: ночуйця сабѣ!

Занучували. Клопоциць бабушка ета, што нема у яѐ хлѣба. Господзь говóрiць ей: няси, баба, дзежку сюды! Ина ўнесла. Улила воды. Господзь узявъ, усыпавъ горсць муки: «закрый, говориць, бабушка яé!» Ина закрыла и поставила на лежанку. И думаець ина сабѣ: што тутъ ёсць, што ёнъ усыпавъ? У насъ не такъ дзѣлаюць,—побольшъ сыпюць! И пошла по дзяревни просиць муки добавиць больше,—и нихто не давъ.

И баби етой ня спитца и не лягжитца; думыець—якъ мнѣ етыхъ лю-

дзей заўтри привѐциць? Ну, пунучували; устали, помылись, Богу помолились. Посмотрйць баба у дзяжў—цѣлая дзежа хлѣба! То ўсхвалила ина Господа Бога! И то ина удумала, што ето не якéя-нибудзь людзи, а якея-нибудзь пророки. Напекла ляпёшакъ, и подносиць имъ снѣдаць. Ну, яны тамъ ци снѣдали, ци не снѣдали, поблагодарили ёй и пошли. Пошли яны, выходзиць баба съ своé, хаты, посмотрйць—дзяревни нема! А становилось озярȯ. То ина силно злякнулась и спугалась, начала̀ Богу молитца.

М. Забѣлышинъ, клим. у. Так;е же и въ с. Озеранахъ, рогач. у.

51. Богъ, вдова и богачъ.

Ишовъ Господзь по дорози, и Микола и Ягорій. Бѣжа̀ць къ имъ вовки, и давай просиць у Бога, штобъ Господзь имъ пославъ якую нибудзь скоцину. Господзь говориць: идзиця, вовки, къ пустуху у стаду, тамъ ходзиць корова удовиная, лысая, и будзець перядъ ей свѣчка горѣць—таé вы зѣжця! Миколи стало жалко: за што жъ бѣдную ўдову разобиждаць? И говориць Богу: Господзи, лучче богачову корову зарѣзали бъ, чимси удовину̀! Господзь говориць: нѣ, нехай удовину! Микола отвороцився отъ Бога и пошовъ къ пустуху у стаду, и узявъ, дёхцемъ вымызавъ корови лысину. Етыя вовки прибѣгли къ пустуху у стаду, бѣгали-бѣгали яны, не нашли нійдзѣ лысой коровы.

Прибѣгали опяць къ Господу Богу: Господзи, говориць: нема коровы лысой нидзѣ! Господзь говориць Микулаю: «Микулай! ето ты постарявся ўжу̀?»—Я, Господзи! Жалѣю етый удовы, што ина бѣдная, и зь дзѣтками зъ дробными, будзець гурюва̀ць! Господзь говориць: «любя яé! И збавитца ёй грѣха, и принита будзець у царство нябесное!» Такъ пославъ Господзь вовковъ у стадо. И зарѣзыли ету корову. Начала̀ ета бабушка выць и тужиць, и плакыць. Пȯтомъ того, давай Бога просиць: слава Богу за ўсё! Богъ давъ, Богъ и ўзявъ!

Ну, пошли яны опяць по дорози. Кȯцитца бочка золыта. Микулай говóриць Богу: «Господзи, куды ета бочка золыта кȯцитца?»—А ето къ богачу!—«Господзи, лучче удовѣ нехай ета золота бочка!» Господзь говориць: удовѣ ня треба золото али серябро, а ёй царство нябесное!.. То пошли яны по дорози и зайшли къ богачу нучуваць. Ёнъ ихъ пусьцивъ и сказавъ имъ,—што ў мяне у хаци нучуваць не будзеця, а коли угодно, дыкъ у свиннáрокъ идзиця!—Ну, дыкъ што жъ, Господзь говориць: мы й етымъ довольны! Богачъ говориць: работникъ! завядзи ихъ у свинна̀рокъ! Ёнъ ихъ завёвъ къ кабанамъ.

Воткрывъ святый Микола книгу, запаливъ свѣчку и ставъ чатаць. То кабаны̀ спокойно лежали. На́чивъ усякія пропов҄ѣдзи, жиціи чатаць,

божія законы, за што грѣхъ, за што спасеньня, и якъ треба человѣку спасцитца. И богачъ спавъ у винбари, и не заспалося яму̀. И расслухавъ ёнъ, што хорошо чатаюць, и понаравилася яму молитва ета. Устаёць ёнъ съ винбару и приходзяць къ имъ у свиннарокъ: ходзиця, брація, у мою хату! Мнѣ понаравилась ваша молитва, и не заспалося. Принимиця мяне къ сабѣ!—Прімемъ, ходзи!

Пошли назаўтраго по дорози. Ишли-ишли по дорози, Господзь говорицъ етуму человѣку: посмотри назадъ! Посмотрицъ ёнъ назадъ—горицъ яго домъ! Такъ ёнъ згоряча побѣгъ зы златомъ, зы грошами. И ўборснувсь ёнъ уво 'гонь; тамъ ёнъ и згорѣвъ. То Господзь сказавъ: будзешъ ты ў смолѣ кипѣць неўтолимой, итнинѣ и до вѣку.

Тамъ же.

52. Богъ, богачъ и бѣднякъ.

Живъ сабѣ такъ дужа прабѣдный человѣкъ. И нечимъ яму кормитца було и дзяцей прокормиць. Занимався ёнъ ткаць ряшоты. Наткавъ ряшотъ цѣлый возъ, запрёгъ свою лошадзь и повёзъ продаваць. А жану покинувъ зъ дзяцьми дома. Выѣхавъ на поля, стрѣчаетца уперядзи крестовая дорога. И стрѣкаетца два человѣки зь имъ. «Здрастуй табѣ, говорицъ, хозяинъ!»—Здрастуй, здрастуй!—«Куды ты, говорицъ, вязешъ ряшоты?»—Продаваць!—«Пожалуста, говорицъ: скинь ты ряшоты, подвязи ты насъ ôтъ до етой дзерявушки: мы заморилися дужа!» Ёнъ бывъ якъ слабаго *характеру*, такъ сощапивъ руки перядъ ими и слезно заплакавъ: ахъ, братцы! большàя моя бѣдносць! Радъ бы я ряшоты скинуць,—ихъ хто-нибудзь пубярéць! А старички еты отвѣчаюць: ня бось, *борсай* ихъ сюды, у канаву! цѣло твоё ўсё будзець! Ёнъ послухавъ етыхъ старичковъ, сбросивъ ряшоты ў канаву, и посадзивъ ихъ на лошадзь, старичковъ, и поѣхали умѣсьцямъ.

Доѣжжаюць до дзяревни, сычасъ: «идзи, говорицъ, попросись на ночь у етымъ доми! Етый домъ, ицъ, хорошій,—пусьцюць насъ перенучуваць!» Етый бѣднякъ пошовъ просúтца на ночь. Подышовъ подъ вокно: «добрый вечеръ! пусьциця перенучуваць пожалуста!»—Што зà людзи? отвѣчаецъ старикъ.—«Мы на 'дной лошадзёнки ўтроихъ!»—Да, побирашки! хозяинъ сказыецъ: у мяне такимъ пошлегу нема, у мяне купцы ўсегда ночуюць!.. Потомъ етый приходзицъ къ своимъ товаришамъ къ етымъ и говорицъ: нѣ, братцы,—не пускаецъ! Етый старичокъ старѣйшій говорицъ: ѣдзь прямо на дворъ! Яны узъѣхали на дворъ и отпрягли свою лошадзь, и пошли у хату. Увышли ў хату, яны вячеряюць. «Добрый вечеръ, Богу й хозяину!» Яны ня 'твѣчаюць ничого. Потомъ яны пройшли къ полу

и сѣли ўмѣсьцямъ. Еты вячеряли-вячеряли, скольки було харчей, ўсё поѣли, и блиновъ рѣшето—и не подъѣли. Етый хозяинъ говорицъ: «ступайця, унясиця, ковриги двѣ хлѣба и вядро капусты!» И ўсё ето *зѣли*, ящо не подъѣли, и лѣзуць голодныя изъ-застолья вонъ. Потомъ етый хозяинъ помолився Богу и плюнувъ на зямлю: «эхъ, што такое? николи такъ не случалось, якъ сягони: скольки чаго поѣли, и голодныя зъ застолья вылѣзли!» Сичасъ ложитца на канапу хозяинъ. Етый старшій старичокъ, который у ихъ на ношлези ночуець, пришовъ къ столу поближе, перехрясьцилися Богу, развязавъ платочекъ, и вынивъ проскурочку; разрѣзавъ на три часьци, потомъ гукаець вячеряць своихъ товаришовъ. Подыйшли яго товарищи къ столу и сѣли вячеряць. Потомъ етый бѣднякъ укусивъ три разы и сытъ ставъ. Вылѣзъ зъ застолья, положивъ на столъ ету проскурочку. Товаришъ яго частуець: што ты скоро вылѣзъ такъ?—Нѣ, благодаримъ, братцы: сытъ я отъ васъ и 'тъ Бога! Етый хозяинъ, што лежавъ, ускочивъ съ канапы и плюнувъ уторэй разъ: што за такое? одну еврейскую булучку узяли, и на три часьци разрѣзали, и тэй довольно изъ васъ съ усихъ, и ще 'тсталось? Мы жа стольки харчей зѣли, надобавокъ ящо двѣ ковриги хлѣба зѣли, и вѣдзь вядро капусты, и голодныя зъ застолья вылѣзьли! А етый человѣкъ бѣдный подупроцивъ яму: нечего на Бога убражаць! слава Богу, сыты мы!

Ложатца спаць наконецъ. Тольки позаснули ўси,—а еты лягли на печцы прохожіе—якъ заснули тольки хозяины, етыя старики посылаюць етаго бѣднаго: «идзи, съ-подъ головъ у ихъ повыволоки подушки, и посьцелемъ мы и ляжемъ спаць помякчѣй!» Ёнъ дужа спужався: ахъ, братцы! што вы дзѣлаеця? застанетца моя тутъ и лошадзь, и насъ прибъюць! Еты 'твѣцили старики: «ня бось никого, дзѣлай, што мы табѣ приказыемъ. Ступай, узодми видное!» Ёнъ сычасъ ускричавъ: адзѣ я буду шукаць? «Ступай у ихній инбаръ, тамъ дзьвери 'тчиняты, и горяць три свѣчки. И стояць два бочонки золота и бочонокъ сéребра. И ускачивай на свое сани!» Ёнъ сичасъ пошовъ па дворъ, и растворилися, видзицъ, у инбари дзьвери, и горяць три свячй. Увышовъ ёнъ у инбаръ, и вѣрно ихъ слово: такъ и ёсь, якъ говорили: и золото и сѐребро! Боюся тольки узложиць! думаець бѣднячокъ. Потомъ подворопивъ сани, и ўзваливъ ето на сани. И сычасъ запрегаець свою лошадзь. Запрёгши свою лошадзь, увышовъ у хату и кричиць цихимъ голосомъ на туваришовъ своихъ: братцы, поѣдземъ отсюдова! я ўжу справився! Яны спрашуюць: «хто жъ табѣ пусублявъ накладаць?»—Вѣдзь, мнѣ знаць Господзь пособивъ!—«Ну, отпряги свою кобылу, и ложися спаць; ящо няскоро дзень будзець!»

Етому бѣдняку ня спитца—думаетца; и плачецъ. Еты туваришн лежаць безъ заботъ. Скольки разовъ ёнъ зачинавъ плакаць, и самъ не

знаець, якъ зь естаго двора увыйциць. Потомъ, давъ Господзь свѣтъ. Ёнъ заснувъ передъ свѣтомъ. И товаришъ бўдзиць яго старшій: уставай, хозяинъ! Пусмотри, уже на дворѣ раньня! Етый у йспугу усхвацився, не знаець, што дзѣлаць. Наконецъ, яны умылися и помолилися Богу! раньня ўжу пырядошное. А ета уся семья етаго дому спиць крѣпкимъ сномъ. Потомъ яны поѣхыли изъ двора долой. Доѣхыли до етыхъ до ряшотъ: «и вотъ твоѐ, вѣдзь, ряшоты лежаць. Збирай цяперь на возъ ихъ и вязи домой. Тольки, братъ, сослужи мнѣ службу; зьбѣгай у етый домъ, адзѣ мы нучували: забывъ я своѐ перщаточки; и лежаць яны на стовпѐ, якъ лежали!» Мужучокъ етый силно заплакавъ, и не знаець, што здзѣлаць; и растрявся ёнъ съ умомъ. Потымъ подумавъ на Бога: эхъ, когда я буду Богу ўгодзенъ, то нихто мойго не захочець! Перехрясьцився и побѣжавъ назадъ. Прибѣгаець къ етуму дому—нема ни двора, ни кола, тольки одзинъ попелъ. И стоиць печь и стовпъ обгорѣлый, и лежаць перщаточки на стовпѣ цѣлыя! Пóтымъ ёнъ становився на колѣнки, и ўздыхнувъ и силно заплакавъ: о Господзи, вялйка ваша сила! И ўзявъ еты перщаточки съ стовпа и вярнувся назадъ. Прибѣгаець къ туварищамъ, еты туварищи дожидаюць. Ёнъ прищовъ къ туварищамъ, къ святымъ, уклонився до самой зямли, заплакавъ. Товарищи яго спрашіюць: што тамъ видзивъ?—Господзи—вуззвавъ: вялика ваша сила! нема тамъ ни двора, ни кола, одзинъ стовпъ стоиць, адзѣ вáши перщаточки лежали!..

Пóтымъ еты—Господзь и Миколушка—распрощались зь естымъ зъ бѣднякомъ и сказали: «вязи ето двору, што на возу; и ўсё ето добро, што було у того купца, перяйшло къ табѣ у домъ! И молися Богу и не забувай на Бога никогда, и Господзь на цябе никогда не забудзець!» Попрощалися и пошли тою дорогою, откудова пшли. А ёнъ вярнувся двóру. Такъ и ёсь: усё добро того хозяина перяйшло къ яму! и клѣци и пибары, и ўсё.

Ну, поетымъ ёнъ забогацѣвъ, и ставъ жиць хорошо, и на Бога не забываець.

Д. Прудокъ, забѣл. в. клим. у, Отъ кр. Ивана Моисеева, 35 л. негр.

53. Наземное богатство и нябесное.

Было два браты, у дзяревни жили; и яны были недзялёмшись. Яны ʻбóя были жанатыя: ну у водного дзѣци ёсць, а у другого нема. И етый братъ, што безь дзяцей, бывъ кумомъ тому, што ёсць дзѣци—хрисьцивъ дзяцей у яго. Ну, тоды, надокучило имъ жиць укучи—што у етаго ёсць дзѣци, а ў етаго немашъ—дакъ ёнъ сказуя: што жъ я буду рабогаць на твоихъ дзяцей: я сабѣ другое мѣсто найду! Ну, й раздзялили своѐ

добро́, тамъ што было̀ у̌ ихъ. Етый жа зъ дзяцьми оставсь тутъ жыць, а тэй поѣхавъ у другую дзяревню. Ну й купивъ сабѣ домъ и ставъ жыць, и разбогацѣвъ. А етый тутъ зь дзяцьми збяднѣвъ.

Тоды, пришло ето у̌ремя, во у̌ремя Молодзёнъ—назау̌траго Рожства—захоцѣвъ, ёнъ, бѣдный етый, свойму куму отнесць пирогъ съ поштэніемъ. Ну, ёнъ собравъ мучыцы, спёкъ пирожокъ, и понёсъ брату свойму. И було до яго далины̀ дватцаць пяць вёрстъ. Одзе́жа у яго была̀ плохая, у етаго у бѣднаго, а морозы таке́я большэя. Понёсъ ёнъ пирожокъ. Покуль ёнъ дойшовъ до дому до яго, то й зьме́рзъ на-пра́хи. Тольки къ яму̀ ухо̀дзиць у хату, у яго госьци за столомъ. Ёнъ отказу*ець*: што ты, братъ, пришовъ? А ёнъ отказу*я*: якъ вы мнѣ называецесь кумъ, дыкъ я вамъ пирожокъ принёсъ! Ёнъ отказавъ: вотъ-то не бачыли твойго пирожка! Да. Тамъ можа дома нечымъ дзяцей покормиць у цябе; а у̌ мяне и безъ твойго много пироговъ ёсць! Идзи, братъ, сабѣ съ Богомъ назадъ!

Братъ етый заплакавъ: што дужа зьме́рзъ, а ёнъ яго не принявъ до чесьци къ столу и отсылаець назадъ ня 'богрѣвшыся. Заплакавшы и пошовъ назадъ. Пройшовшы у повдороги назадъ, и уже выбився исъ чуствя; прихо́дзя яму̀ то̀, што у̌же поме́рци. Огляну̀вся у правый бокъ--гориць гонёкъ. Ёнъ поднявсь и пошовъ къ гоньку къ етому. Подыходзиць туды--стоиць каменный домъ, муруваный. И ли яго стоиць у гору̀ (на чердакъ) лѣсьвичка. Полѣзъ ёнъ по етой лѣсьвички у гору̀, и увышовъ у домъ. Сядзиць тамъ старэй стыричокъ и пишыць. Потымъ етый отказуя: дзѣдушка, пусьці́ця мяне обогрѣтца! А ёнъ отказавъ: а вотъ, стань ли грубки, обогрѣйся! Да. Ето ёнъ не знавъ стыричка етаго: ето бывъ самъ Богъ.

Ну, ставъ ли грубки 'богрѣватца и задремавъ. Тоды ноги подъ имъ колыхнулися, и ёнъ перехрисьцився и сказавъ: Господзи, помилуй мяне грѣшнаго! Дзѣдушка, каець: позвольця мнѣ переночаваць? Ёнъ каець: а ночуй сабѣ, отъ ли грубки! Ну, ёнъ и лёгъ. Тоды, назау̌траго, прошнувся, ставъ благодариць: спасибо табѣ, дзѣдушка, мой бацюшка, за ношлегъ, што ты изьбярёгъ душу̀ мою отъ смерци! А ёнъ ставъ распытываць: а дзѣ жъ ты бывъ такъ? Ёнъ отказуець: братъ мой у мяне хрисьцивъ дзяцей моихъ, якъ мы жыли укучы. А цяперь ёнъ отъ мяне отдзялився и выѣхавъ у другую дзяревню; ну, такъ я собравъ мучыцы на пирожокъ, и сьпякли, и понёсъ я къ свойму брату за то, што ёнъ у мяне хрисьцивъ дзяцей. И идучы я по дорози—одзежа моя плохая—я зьме́рзъ дужа: не могу больше побыць (пожить). Тольки приходжу къ яму̀ на двери, и у̌ яго госьцей за столомъ засоджано. Ну, и ёнъ недово̀лянъ ставъ моимъ пирожкомъ, и не давъ мнѣ обогрѣтца; и ня 'пусь-

цёмши мяне отъ порогу дальше, отославъ назадъ. Вотъ я, идучы назадъ, чуць ня зьмерзъ. Тоды и повидзивъ етый огонёкъ и пришовъ къ вамъ. И за ето васъ благодарю, што вы мяне зьберягли!.. А ёнъ отказуець: а якого ты хочашъ богатства: али наземнаго, али нябеснаго? Мужыкъ тэй отказываець: я хочу, кабъ мяне Господзь отъ нябеснаго богатства не 'тварнувъ; а наземнаго намъ уже ня ймѣць,—за то што дзѣци моѐ дробныя. Хуць ба давъ Богъ такъ на зямлѣ, кабъ було што изъ дзицями подъѣсць и ўво што одзѣтца. А запасу нияко̀го не жалаю! Ну, тоды сказуець старичокъ: ну, идзи сабѣ зъ Богомъ, чаловѣча!

Приходзиць ёнъ домовъ и зацѣваець свою жану хату топиць, да кабъ було чымъ дзяцей покормиць. А жана отказаваець: къ чаму жъ я буду топиць, коли ў мяне нема нічо̀го! А ёнъ отказуець: вотъ, я пирожокъ назадъ принёсъ: а ты йдзи назадъ у клѣць у свою, и помяци найзновъ за̀сѣки,—можа на кулѐшъ муки и зьмяцѐшъ! Тоды ина не хоцѣла ици, ну яго ўцѣшила, пошла. Отчыняець клѣць—дакъ тамъ усяго ёсць: засѣки кажыныя изъ му̀кою, и видчыны̀ усякія много, говядзины, и одзежы усякія! Ина рада тому стала, и побѣгла зъ радосьци къ мужу къ свойму. И каець: ходзи-тка поглядзи, што у насъ дзѣетца у клѣци! Ёнъ пошовъ, поглядзѣвъ, тоды говорыць: ето намъ Богъ давъ! Ну, й ставъ расказываць: ето вѣрно у божжамъ доми я бывъ! Што такъ 'мяне ня було, а стало много ўсяго!. И стали жыць.

Нѣскульки пожывши, разжылися ўже много, богаты стали. Построили хорошый дворъ сабѣ и по'дзѣли дзяцей хорошо. На столѣ у ихъ заўсягды чаго захочышъ, дыкъ ёсць.

И ў етомъ у самомъ сяленіи бывъ отъ такей-то ѧрмалокъ, што зьѣджалися людзи съ усихъ сторонъ. И братъ яго пріѣхавъ. Да не заѣхавъ жа къ яму у дворъ, а заѣхавъ къ другому сусѣду. Та̀къ етому брату жалко стало, што ёнъ варека̀етца 'тъ яго! И пошовъ слѐзно просиць яго къ сабѣ. Ёнъ ня хочыць ициць къ яму, говорыя: што, я не видавъ тамъ твойго мосту разла̀манаго, ци дзяцей твоихъ тамъ зама̀заныхъ! А ёнъ отказуя яму: нѣ, брацецъ,—у мяне усё чысто: прошу покорно! Ну, тоды братъ пошовъ къ яму. Уходзиць у яго ў хату. Помолились Богу и сѣли за столъ. Тоды стали 'бѣдаць. У ихъ кушанья було на столѣ, якое яны хоцѣли: разное кушанья, разныя напитки. Ну, поѣвши ето, побѣдавши, ставъ благодариць брата и распрашаваць: откуль ты, братъ, такъ разжывся? вѣрно ты завявся вуруваць, што ты и дзяцей своихъ хорошо 'дзѣвъ, и дворъ хорошій построивъ? Ты жъ у мяне бывъ недавно, дыкъ па табѣ нічо̀го не було! Ну ёнъ отказавъ: ето мнѣ Богъ давъ!—Дыкъ извѣсно жъ: тому Богъ дає̀ць, хто крадзець,—коли уня-

се́цъ! Да. А ёнъ отказавъ: нѣ, вѐрно мнѣ Богъ давъ: я не кравъ нидзѣ —А дзѣ ты могъ Бога видзѣць? А ёнъ отказавъ: коли ты хочашъ дыкъ я табѣ укажу! 'Отъ у тое уремя, якъ я пирожокъ къ табѣ нёсъ дыкъ я дужа зьмёрзъ, чуць не помёръ: а ты мнѣ не давъ 'богрѣтца' назадъ мяне отправа̀дзивъ. Пошовъ я назадъ отъ цябе, дойшовъ у повдороги, и ўжо больше ицицъ не могу. И завидзѣвъ у правый бокъ цяпло̀, и приходжу къ етому къ цяплу̀. Стойць домъ и лѣсьвичка. Я по лѣсьвички полѣзъ, и ў домъ увыйшовъ. Тамъ сядзйць стыричокъ и пишыць. Ну, тоды я попросився у яго обогрѣтца. Ёнъ позволивъ, и я у яго переночававъ. И ёнъ у мяне спросивъ: адзѣ ты бывъ? И я сказавъ, што у брата. Поблагодаривъ яму за ношлегъ, и ёнъ у мяне спросивъ якого хочашъ богатства, ци наземнаго, ци нябеснаго? Ну, я яму̀ и 'тказавъ, што не 'тварнувъ ба Богъ отъ нябеснаго, а назе́мнаго намъ не видаць! То ёнъ сказавъ: ну, идзи сабѣ изъ Богомъ! Ну, изь естаго мнѣ Богъ и давъ. Я дознаю̀сь, што я бывъ у Бога!.. Ну, ёнъ тоды сказавъ: ну, постой-жа, и я довѣ̀даюся!

Ну, поѣхавъ домовъ, и здзѣлався мёрзлымъ—што вотъ ишовъ тамъ, ци ѣхавъ, и зьме́рзъ на дорози до того, што цярпѣ̀ць ня можыць,—хочыць погрѣтца. Звирнувъ у тэй бокъ, адзѣ тое горѣло цяпло̀, што бывъ яго братъ,—и ёнъ повидзивъ. Прихо̀дзя къ цяплу къ етому. Такъ и правда: стоиць домъ и лѣсьвичка. Тоды ёнъ по лѣсьвички полѣзъ и ставъ у доми. Такъ жа само стыричокъ сядзиць за столомъ и пишыць. Ну, ёнъ попросивъ у яго обогрѣтца. Ёнъ сказавъ яму̀: стань ли грубки, обогрѣйся сабѣ! Ёнъ такжа пригрѣвсь ли грубки, задремавъ и сколыхнувсь. И тоды перехрисьцився и сказавъ: Господзи, помилуй мяне! Дзѣдушка, позвольця мнѣ поночаваць у васъ! Ёнъ отказавъ: ночуй сабѣ! Тоды ёнъ, поночававши, уставъ и ставъ благодариць за ношлегъ: спасибо табѣ, дзѣдушка, мой бацюшка, што ты мяне забярёгъ отъ смерци! Коли бъ не пусьцивъ у хату, то бъ я й зьмѐрзъ! А ёнъ отказавъ: а дзѣ жъ ты такъ бывъ!—Ишовъ по дорози, и заморився,—зьме́рзъ бывъ! —Ну, а ты яко̀го хочашъ богатства сабѣ: циназе́мнаго, ци нябеснаго? А ёнъ отказавъ: на што мнѣ нябесное богатство? хто мяне будзець знаць, што я богатъ? Коли я буду на зямлѝ богатъ, то мяне ўси людзи будуць знаць!—Ну, идзи жъ сабѣ ў двору! Ёнъ и пошовъ.

Тамъ зачымъ то злучылось ици у вынбаръ жанѣ яго. Поглядзиць—дыкъ яго добро ка̀жыная мышъ по со̀бѣ волочѐць во ўси бокѝ!.. И разволокли годы ў три, што ўсё пусто стало. И ёнъ ўсё оряшѝвъ, и прiѣхавъ назадъ къ брату, дожываць до смерци своѐ.

М. Студенецъ, чер. у. Кр. Ив. Будзько, 37 л. слѣпецъ.

54. Счастье.

Жили два браты: одзинъ богатый, другій бѣдный. Етый богатый и плошѣй работавъ, и хорошо живе́; ну бѣдный кажетца и хорошо работая, а живе бѣдно—не шаньдзіць ни ў чомъ. Та́къ ёнъ бѣдный устае́ рано, смотрі̀ць—у брата тая работа ужо здзѣлана. Усё братъ попе́редзи.

Ну, дождали яны уремя, поѣхали сѣяць жито. Потомъ етый бѣдный братъ, ру̀питца, якъ ба ранѣй устаць и захвациць перёдъ, посѣяць ранѣй брата—ци ня лучче будзя. Пріѣжжая ёнъ къ своёй полосѣ ще́ цёмно; чуя, сѣетца братово жито, чвика̀ютца зерня̀ты объ сявно́, и ня видно хто, цёмно. И такъ, што ня можа ёнъ поперядзіць брата ни ў чомъ. Дождали ўремя; уродзило жито; богатаго—того лучче, а бѣднаго хуже. По̀томъ ёнъ посьли жнива̀ склавъ своё жито у ко́пы. Тое худое и топчетца и травитца; дыкъ ёнъ пошовъ сцяречь на ночь. А полдо̀сы зъ братомъ были ўмѣсьци. Смотрі̀ць—хо̀дзя по братней полосѣ бурая корова, собирая колосься; и по чужихъ полосахъ хо̀дзя, ды ў богатаго брата копу но̀ся. Тоды пришла й на яго полосу, и давай щипаць колосься зь яго копы. Тоды ёнъ, бѣдный братъ, зъ-за копы! Поймавъ за ро́ги ету корову и ставъ яе́ наказываць, поймавши, цапко̀мъ. «Што ты, говд̀ря, вовкъ цябе рѣжъ! што ты такая за корова: идзѣ много, туды й носишъ, у нашихъ полосахъ бярѐшъ?» Ина говд̀ря яму̀: «я, говоря, не корова, а твойго брата Щд̀сьця!»—Ну што жъ, говоря: я ящо буду цябе биць: укажи, говоря, моё Щасьця!—«Да я, говд̀ря, укажу и твоё Щасьця,—ня бі̀й тольки мяне! Идзи, говд̀ря,—у такимъ то гомд̀нищи (урочище) стоиць липа дуплинатая. И ў тэй липи твоё Щасьця у карты гуляя, съ протчими. Ты йдзи и бяри яго за хохолъ!»

Ёнъ пусьцивъ тую корову и пошовъ къ липи. Пришовъ къ липи, смотрі̀ць—два лі̀цы гуляюць у карты. Ёнъ тоды тое за лобъ, што корова указала: ты што, говоря, у карты іграешъ, а на мяне забываешъ! *Ина* тоды говд̀ря: стой, ня бися! ты ня тымъ занимаесься! Я бъ табѣ помогала, дыкъ табѣ не треба ни пахаць, ни косиць, а табѣ треба заниматца торговлей! А ёнъ говд̀ря: чимъ мнѣ заниматца торговлей—гро̀шей у мяне нема?—Ну вотъ, говоря: на̀ табѣ на 'сигнацыю два гро̀ши (полушку), идзи на базаръ, и купи сабѣ, што трапитца!

Ёнъ прихо̀дзя на базаръ. Но̀ся человѣкъ большую щуку продаваць: перекинувъ черезъ плечо и нося продаваць. Ну, ёнъ, етый бѣдный человѣкъ, думая: што купиць? купиць ба сабѣ ету рыбу—гро̀шей тольки два гро̀ши у мяне! Приходзя къ етому человѣку и думая: куплю, не куплю, а хуць поторгую, што ёнъ за яе́ про̀ся. И спрашуя: што табѣ за рыбу? Ёнъ сказавъ тамъ копѣекъ дватцаць, ци тритцаць; а ў яго

тольки два грошй. Ёнъ кажа: я бъ табѣ давъ больше, ды нема больше у мяне. Бяри, коли хочешъ, два гроши! Етый человѣкъ носився-носився зь естою рыбою, не даѐ больше нихто, якъ ёнъ посуливъ. Ёнъ сустрѣкая етаго человѣка и говоря: больше нихто не даѐ,—давай два грбши, бяри рыбу, покорми дзяцей! Ёнъ узявъ, отдавъ ямŷ два гроши, узявъ рыбу.

Такъ ёнъ принёсъ ету рыбу домой, и приказавъ хозяйцы обчисьцицъ и потрошйцъ. Такъ хозяйка вы̀потрошила яѐ нутры и бросила у корыто. Потомъ покормила семяйство̀ и остальное вынесла вонъ. Дожидаючи ночй, просютца къ ямŷ на ночь два купцы. Ёнъ отказуя имъ: я радъ пусьцицъ васъ, господа. дыкъ моя хата грязна ли такихъ людзѐй! Потомъ яны отказали: ну, што жъ, говоря: у дорози злучаетца усякъ: идзѣ худо, идзѣ хорошо,—однача намъ нравитца у цябе переночевацъ! Ёнъ пусьцивъ ихъ на ночь, зготовавъ рыбы, давъ повячеряць,—принявъ ихъ, чимъ могъ. Пбтомъ яны погасили огонь и лягли спаць. Такъ изь естыя рыбы стало осіяць. Яны будзюць хозяина етаго: што, хозяинъ, у цябе ето ŷ корыци? Ёнъ говбря: а што жъ, говдря: я вялѣвъ хозяйцы выбросицъ нутры зъ рыбы вонъ, а ина—баба—убросила у корыто. Што, можа вамъ сьмярдзицъ? Яны говорюць: нѣ, ето хорошо, што ина ня выбросила: ты намъ продай етыя нутры̀! Ёнъ говоря: я не знаю, што яны стоюць! Яны говорюць: мы знаемъ, што яны стоюць, мы ня хочемъ цябе обиждаць! Посмотрѣли яны—у етыхъ кйшкахъ драгоцѣнныя камни. Яны ямŷ дали грбшей, скольки яны мѣли.

Пбтомъ, дзеньги етыя получбмши, ёнъ узрадовався; опяць начавъ справляць хозяиство, якъ у брата; купивъ хлѣба, справивъ лошадзей, и начавъ заниматца, якъ и братъ. Ну, потомъ, ци много ци мало поживъ —зжився опяць,—не шаньдзйць ямŷ. Ну, зжився; опяць къ липи Щасьця шукаць пошовъ.

Якъ ёнъ пришовъ, явилася ина ямŷ и говбря: я табѣ не казала етымъ заниматца! Даѐ ина яму волосянŷю торбу и говоря: якъ захочешъ ѣсць, дыкъ говори: столъ съ торбы! Ну, пошовъ ёнъ домой. Пройшовъ нямного зь естой торбой, конешня, ѣсци хочетца, и надо жъ полюбопиствовацъ, што покажетца съ торбы. Такъ ёнъ сказавъ: столъ съ торбы! Оявляетца ямŷ ŷсё: хлѣбъ-соль, и пиць, и ѣсць—што ямŷ угодно.

Ну, пбтомъ, поживъ ёнъ зъ естою торбою, усимъ доволенъ; ну ня видзицъ нихто богатства. Давай тоды зъ братомъ мѣняць: братъ яму давъ кбнйй, коровъ, усё, а ёнъ брату торбу. Ну, братъ разумный, думаецъ: на што мнѣ работаць, коли можно не работаючи жиць, и пиць и ѣсци. Ну, а тэй зъ братомъ промѣнявъ, и 'пяць проживъ усё хозяйство, и 'пяць ставъ бѣдзенъ. Опяць треба ици къ липи просицъ Щасьця (вин. п.)

Приходзя къ липи, оявляетца яму яго Щасьця: ну, на што жъ ты изводзйвъ свою торбу, што я табѣ дала? Ты бывъ сытъ сь сямействомъ! Хто жъ табѣ виноватъ, што ты муракъ! Учиць цябе треба. Ну, дала̀ жъ я табѣ волосяную торбу, а цяперича на̀ табѣ золотую торбу. Зь естой торбой якъ захочешъ пиць да ѣсць, скажи: два съ торбы! А якъ будзешъ сытъ, дыкъ говори: два ў торбу!.. Ну, пошовъ ёнъ домой. Вотъ ёнъ пройшовъ, любопитно яму̀. Пройшовши и говоря: два съ торбы! Такъ являетца яму два молотца зъ дубинами, и давай яго кормиць дубинами, у два дручка̀, што ня ўмѣвъ жиць. Покуль зь естыя чесци ня ўздумавъ сказаць: два ў торбу! дыкъ яны усё яго ду̀ли.

Ну, тоды, попотчивали яны яго, приходзя домой ёнъ къ брату съ тою торбою. И хвалитца брату: ну вотъ, братъ: тая торба была хороша, што я табѣ отдавъ, ну а сабѣ доставъ луччую,—золотую! Тэй давай просиць яго: давай, братъ, замѣняемъ! Ну, конешня, тэй согласенъ. Замѣняли. Ну вотъ жа, братъ: на ету ужо не кажи: столъ съ торбы! а кажи: два съ торбы! А якъ станешъ сытъ, кажи: два ў торбу! Вотъ тэй, бѣдный, узявъ свою волосяную торбу и ставъ жиць хорошо. Тэя наўчили *два съ торбы*, якъ жиць; досъ мѣняць. И хозяйство богатаго зьвёвъ и торбой золотой яго надзяливъ. А богатый ставъ радъ. Потребувалося яму тамъ пиць ци ѣсць, вотъ ёнъ кажа: два съ торбы! Ну, и оявлютца два съ торбы зъ дручками потчивадь; и потчивали яго, покуль ёнъ ня ўздумавъ сказаць--два ў торбу! Ну, и ставъ зживатца.

С. Палужъ, чер. у. Кр. Евф. Азаровъ, 50 л. неграм.

55. Доля.

Было̀ два брата, одзинъ богатый, а другéй бѣдный. У богатаго жъ рожъ зародзивъ густэй, а ў бѣднаго плохей. Тоды бѣдный осмотрѣвъ— яго копы расцягаваютца, жито, снопы, а богатаго ящо повнѣець: то густо было на полосѣ, а то ящо повнѣець. Тоды бѣдный пошовъ сцяречь. Ну, и смотри̂ць—котъ зь яго копы снопъ цягнець, и нясець у копу богатаго. Уловивъ бѣдный кота и давай биць яго, на што снопы цягаець, —говóриць: ёнъ и безъ моихъ сноповъ богатъ, а ты ящо моé послѣднія цягаешъ! А ёнъ отказаець: я обвязанъ яму̀ цягаць: я яго Доля! А ёнъ бъёць етаго кота, ды говóриць: што жъ такое? ты яго Доля, а йдзѣ жъ моя Доля? А ёнъ отвѣщаець: твоя Доля подъ лѣсомъ, на камени спиць, мохомъ заросла! Тоды бѣдный етый человѣкъ узявъ добрую дубину и пошовъ будзи̂ць свою Долю. Подышовъ къ ёй, ды дубиной по̀ верху: «уставай! Чужѣя доли хорошо стараютца, а ты мнѣ ниякъ не стараесься!» Ина яму отказала: мнѣ тутъ нельзя табѣ старатца! Продавай усё своё

имушаство и выѣжжай у другѣй городъ! Тоды я табѣ у другимъ городзи буду служиць хорошо!»

Ёнъ пришовъ и сказавъ своѣй жанѣ: продадзимъ вотъ своё имушаство и выѣдземъ у другѣй городъ? Жана сказала: ну, й продадзимъ, и выѣдземъ у другей городъ—нехай тутъ усё остаетца,—усё ровно нема ни ў чомъ щасьця! Ина етому рада. Тоды яны продали усё, собралиси, и пошли. И не ўзяли съ собой ниякого судна. Ну, тоды, ишли коло пруду, по греблн, и захоцѣли пиць. Было у ихъ три малыхъ мальчишки, дыкъ тэя пиць захоцѣли. И осталося у ихъ дома два судны. Тоды жонка посылаець яго у дворъ за судзенцомъ: сходзи, говбрнць, возьми биклагу! Вороцився ёнъ, пошовъ дома, за судзенцомъ своимъ, биклагою. Приходзиць ёнъ дома, пищаць у яго доми—плачуць. Ёнъ говорпць: хто тутъ плачець?—Мы, Злыдьни твоѐ!—Чаго жъ вы плачеця?—На што жъ ты насъ одныхъ покинувъ? што мы тутъ одны будземъ дзѣлаць? Бяри и насъ съ собою! Злыдьни ужо говорюць на етаго мужука. А ёнъ отказавъ имъ: васъ жа много ёсь, усихъ я васъ одзинъ не забяру! А коли хочеця, лѣзьця ў биклагу, я й понясу! Яны тоды поськидались мурашками и полѣзьли у ету у биклагу. Тоды ёнъ заткнувъ ихъ тамъ и пошовъ. Сабѣ думаець: досъ жа вамъ уродоваць! Принёсъ на греблю, и закопавъ ихъ тамъ подъ вярбою! Приходзиць къ жанѣ и кажець: забывся ўзяць судна! А жана и не знаець, што ёнъ злыдьневъ закопавъ. Ну, пойдземъ такъ! ина ужо говбрнць.

Тоды, чуць яны греблю перайшли, такъ сичасъ оявився имъ собачка маленькій. Тоды меньшій мальчикъ ихъ узявъ етаго собачку на бярѐмо, и радъ яму: татъ, говорнць,—дай яму хлѣба! Потомъ яны хлѣба яму дали, и ёнъ зьѣвъ, и побѣгъ напередъ ихъ. А яны услѣдъ за имъ. Захоцѣли, идучи, отдыхаць сѣсць. Удругъ собачка отвярнувся на бокъ отъ ихъ, и нясець имъ портомонецъ грошій у зубахъ. Яны гроши узяли и рады стали. И опяць напередъ за ихъ побѣгъ, собачка, а яны услѣдъ за имъ, до самаго города.

Приходзиць собачка икъ крайнему двору, и остановляетца. И яны услѣдъ за имъ. Увидзѣвъ яврей у вокошко, што яны стояць, и выходзиць къ имъ, говбрнць: куды вы идзеце, людзи? наймицеся у мяне погребъ рыць! Яны сійчасъ нанялиси рыць у яго погребъ. Рывши етый погребъ, найшли коцельчикъ золота: начала Доля старатца своимъ порядкомъ! Тоды яны, прикончивши ету работу, расчиталися зь явреемъ,—яврей имъ заплацивъ за труды. Ну, яны, пройшовши дальше на городъ, обобрали сабѣ каменный домъ и лавку, и откупили за ето золото. Тоды стали жиць.

И разжився етый бѣдный богачѣй того ўжо богатаго. Што купюць

—съ пользою: што продадуць—съ пользою. И прiѣжжаець у етый городъ дзядзька того бѣднаго, што купцомъ ставъ. Тоды ёнъ и давай распрашавацъ: якъ тамъ мой братъ проживаець? Скажиця яму пожалуста, нехай ёнъ у госьци ко мнѣ прiѣдзець! Ну, а етый ужо отказуець: ну, а якъ вы тутъ проживаеця? А ёнъ говрицъ: а пойдземъ ко мнѣ у домъ! Ну, ёнъ пришовъ къ яму у домъ и говорицъ: ну, хорошо, братъ ражжився! Якъ табѣ Богъ помогъ такъ скоро ражжитца? Ну, покушавъ тамъ хлѣба-соли, поблагодаривъ яму и отправляетца дома. Прiѣжжаець къ тому брату и говорицъ: а твой братъ хорошо ражжився! богачѣй цябе! И просивъ васъ у госьци къ сабѣ! Ну, ёнъ тоды сказавъ: я къ яму не поѣду! ёнъ лянивый человѣкъ! Быць ня можець, кабъ ёнъ тамъ ражжився! Ёнъ лянивый, ёнъ работацъ ня можець!» А того не знаець, што ёнъ богачѣй за яго. Ну, али раздумався: возьму поѣду! развѣдую, ци правда ето, ци нѣ, што ёнъ богачѣй мяне!

Ну, прiѣжжаець у етый городъ, и допытався яго дому. Потомъ, прiѣжжаець къ двору,—собачка ляжиць у воротахъ етый самый. Ёнъ зирнувъ на етый домъ, и спугався: што етый домъ три разы дорожѣй яго дому. И познавъ етаго собачку, што ето ёнъ имъ живѣць, што ето яго Доля. Говрицъ на брата: братъ! заби ты етаго собачку! на чорта ёнъ табѣ? А ёнъ отвѣчаець: ахъ, братъ,—у мяне ѣсць хлѣба хвациць,—нехай ѣсць! А етый опяць отказуець: дармо што у цябе хлѣба много ёсць, али заби яго,—на што ёнъ табѣ? Ёнъ захоцѣвъ свойго брата уцѣшиць, и приказавъ батракомъ забиць етаго собачку. Ну, тоды яны ударили етаго собаку, и ёнъ побѣгъ на етый сарай, а йдзѣ коровы стояць. Трепянувъ вухомъ, и кровъ зь яго капнула на потцёлку. Ета цялица стала ужо Долею отъ крыви, а етый собака пропавъ. Узнавши етый богачъ, што цялица яго Доля, ставъ ёнъ слёзно просиць брата, кабъ ёнъ яе зарѣзавъ и яму серца отдавъ. Братъ тэй етаго самъ не знаець, што ета цялица—яго Доля; ёнъ приказавъ яе зарѣзыць, и выниць изь яе серца, и зварицъ яго и даць яму покушаць; и кабъ нихто кромѣ яго ня спытывавъ. Батраки цялицу зарѣзали, а хозяйка серца згутувала. Стала серца яму подавацъ, а сыны яе подбѣгли и стали просиць: мама, дай мнѣ! мама, дай мнѣ! мама, дай мнѣ!—уси три. Ина имъ по крошачцы дала. Яны уси стали щасьливы, долею стали имъ наўсягды. Ну, тоды ина яму поднесла серца, а ёнъ узнавъ, што ня ўсё. Тоды говорицъ: нѣ, братъ,—серца ето потронуто! Коли бъ я ўпярёдъ усихъ скушавъ, я бъ твою долю споживъ, а ты бъ узнова бѣдный ставъ! Ну, и ставъ спрашавацъ: отчаго ты, братъ, такъ скоро ражжився? А ёнъ яму отказыець у непрiятности: я ражжився хорошо! Нашовъ грошы, да й множаство, и отъ етаго скоро ражжився! Ящо, каець, у запасы

знаю цѣлую биклагу грошей,—на гребли, подъ вербою! А самъ думаець: постой жа! я табѣ укажу, сь чаго ражжився! ражживесься и ты, погуляешъ!

Пóтомъ ёнъ спѣшно поѣхавъ дóма, богатый етый. А на яго сказавъ: ну, щасьця жъ твоё, у цябе ўси три сыны щасьливы будуць; цяперь у цябе щасьця нихто ня 'тымець николи! Пріѣжжаець дома, и сказавъ своёй жанѣ, што—я знаю гроши! Ина сказала: пойдзёмъ скорѣй, отрыемъ; а то ящо хто-нибудзь отрыець,—ци ёнъ, ци ящо хто! Пошли, отрыли; принясьли дома. Яны думали—гроши, ажны тамъ Злыдьни. Яны ототкнули ету биклажку, а яны—справно уси оттуль; рады, што ихъ ототкнули оттуль, и стали богатаго благодарицъ. Ёнъ повидзивъ, што ня гроши, а Злыдьни, прóсиць ихъ: лѣзьця назадъ! А яны отказуюць: ахъ, довольно одзинъ дуракъ обманивъ! а мы жъ видзимъ, што ты добрый человѣкъ! Мы лучче полѣземъ къ табѣ потъ печку, и будземъ жиць помаленьку!

Ну, тоды, за годъ, за два жжили яго, што ня мѣець и куска хлѣба. Тоды ёнъ поѣхавъ къ тому брату свойму хлѣба просйць—ужо жжився соўсимъ. Ну, братъ яму̀ не ўгнявився, што ёнъ бывъ яму̀ лиходзѣй. А глѣдзя на яго бѣднось, насыпáвъ яму̀ хлѣба и отсылавъ яму̀ у дворъ. Ну, и такъ поддзержавъ яго до смерци яго. Ну, й на етымъ усё.

Студенецк. в. чер. у. Отъ кр. Ив. Афанасьва, 38 л. негр.

56. Савочка.

Живъ сабѣ Савочка—бѣдный мужучокъ. Идзéць ёнъ по дорози и думыець: «крась я боюся, работаць лянюся, пыпросиць стыджуся. Лягу я кыло дороги, ициць не могу!» Зъ голоду звёвся. Ну, лёгъ и ляжиць. Ишовъ по дорози Богъ и Микола и Ягорій. «Здрастуй табѣ, говорюць, мужучокъ!»—Што зá людзи?—«Своѐ людзи! Подзи сюды, мужучокъ, зъ нами пысядзи, пыговори!»—Братцы, не могу я!—«Пычаму ты не можашъ?»—А што жъ, братцы: работаць лянюся, крась боюся, просиць стыджуся,—зъ голоду умираю!—«Ды пойдзи зъ нами, мужучокъ, пысядзи, пыговори!» Ну, ёнъ уставъ, пришовъ. «Ну, чимъ жа цябе звацъ?»—А мяне звацъ Савочка!—«Ну, якъ ба мы съ тóбой, Савочка, пошли крась!» —Нѣ, брахненьки,—боюсь!—«Ня бось, говориць: мы недалеко пóйдземъ!» —А куды жъ мы пóйдземъ?—«А пóйдземъ къ быгачу барана̀ крась!»— Ну, пóйдземця сабѣ, брахненьки!

Пошли яны барана̀ крась къ быгачу. Господзь ставъ на воротахъ, а Ягорій коло дзьвярей коло 'вчарка, а Микола пошовъ съ Савочкой барана̀ брацъ. Узяли етаго барана. Микола говóриць на Савочку: няси яго!—Нѣ, брахненька: я самъ не могу несь яго,—хуць ба самому̀ дойци до мѣста. А ўжо, брахненька, коли ты яго уловивъ, ты и няси! Узявъ

Микола барана на плечи, и понясли ў лѣсъ. Пришли ў лѣсъ, ну и расклали небольшѐнькій огонь. «Ну, Савка,—ты ужо лупи яго, а мы пóйдземъ у дровы!» Савочка етый и нáчавъ лупиць. Нямножко пролупивъ, прорѣзавъ яму животъ и выхвацивъ поскорѣй яму пячонки; на 'гню ихъ поскорѣй пыкачавъ, попёкъ нямного. и то яны ящо настояща сыроваты, и ёнъ ихъ поскорѣй и зьѣвъ. И нáчавъ опяць поскорѣй лупиць баранá. Пришовъ Богъ и Ягорій и Микола изъ дровъ. «Ну што, Савка,—облупивъ баранá?»—Облупивъ, брахненьки!—«Ну, давай, будземъ варыць яго!» И зварили. Начали дзялиць. И гыворя̀ць яны: «Савка! а йдзѣ жъ ето пячонки зъ барана?»—Брахненьки, не видавъ я ихъ у вочи!—«Няўжли баранъ бывъ безъ пячонокъ?»—А я ня вѣдаю, брахненьки. Яйбогу, не видавъ я ихъ!—«Ну, нема ничóго! зъ насъ хвациць!»

Зьѣли етыго баранá. «Ну што, Савка: пойдземъ гроши крась къ быгачу̀?»—А пóйдземъ, брахненьки! Я цяперь здоровъ и вясёлъ ставъ! Пошли къ быгачу гроши крась. Пришли къ быгачу, увыйшли у инбаръ, и ўзяли скрыню грошей, и вынесли у тую самую пущу. Начали дзялиць етыя гроши, ны пяць часьцей раздзялили. Савочка спрашіецъ: кому жъ пятая часъ?—А пятая часъ тому, хто пячонки зьѣвъ!—Ахъ, брахненьки: ето жъ я зьѣвъ! Ну, тоды Господзь узявъ, свою часъ отдавъ Савочку, и Ягорій отдавъ и Микола: няси, Савочка, етыя гроши къ сабѣ, у свой домъ! Савочка еты гроши на плечи ўзявъ и принёсъ у свой домъ.

Тоды посылаець свойго сына къ быгачу за мѣркую; идзи, мой сынъ, попроси у яго мѣрки, грóши мѣрыць! Пыбѣжавъ етый мальчикъ къ быгачу: «здраствиця, говóрыць, вамъ!»—А, здрастви, говорыць. Што ты пришовъ, мальчикъ?—«А ето оцецъ прыславъ мяне къ вамъ, штобъ вы, дзядзенька, дали мѣрку намъ!—На што йна вамъ?—«А гроши мѣрыць, дзядзенька!»—Гээ, ппни! у васъ крошки й хлѣба нема, а ня то, штобъ ящо гроши мѣрыць! Да нà ўжо, нá мѣрку табѣ! Ёнъ узявъ и побѣгъ у свой домъ къ отцу. Ставъ етый Савочка гроши мѣрыць. Помѣривъ гроши, тоды ўзявъ, наторкувъ кыло 'бручей грошей у мѣрцы у етый. «Нà, мой сынокъ, отняси яму мѣрку!» Ну, ёнъ понéсъ, отдавъ. «Глянь, ппни! и жъ правда, што гроши мѣривъ! А йдзѣ жъ ёнъ грошей стольки набравъ, што мѣркую мѣривъ? Ну, а Савка етый справивъ сабѣ домъ, накуплявъ сабѣ коровъ, лошадзей накуплявъ и живъ сабѣ настояща богато.

Якъ уѣлиси Злыдни къ яму! Начавъ ёнъ опяць зживатца бѣдно. Пошовъ ёнъ тоды своé Доли шукаць. Шукавъ, шукавъ—не нашовъ. Пришовъ на гумно и лёгъ отдыхаць. Чуець—за 'виномъ скрипка играець. Ёнъ сабѣ и мыслиць на мысляхъ: няўжли тутъ моя Доля играець? Пошовъ ёнъ за 'винъ, якъ уловивъ свою Долю тамъ, и почавъ яé драць,

наказывацъ: «што ты сабѣ думаешъ, Доля? Я сабѣ богатство наживъ, и опяць зжився, а ты за 'винъ забрàлыся ды ў скрипычку играешъ!»—Нѣ, говòрицъ, Савочка: ня бй мяне,—я табѣ скажу!—«Ну, расказывай!»—Живъ ба ты, Савочка, дужа хорошо, дыкъ уѣлиси къ табѣ Злыдни!—«А дыкъ што мнѣ имъ дзѣлыць?»—А вотъ што: купи дудку и играй: Злыдни, скажи,—пойдзйця сюды плясаць! Такъ яны, якъ выйдуць съ потпечча и почануць плясаць. Тоды ты, Савочка, ихъ прямо лови за хохолъ, и би ихъ сколькя силъ твоихъ!..

Ну, ёнъ пошовъ. Пришовъ у свой домъ и ставъ у дудку играць: эй, Злыдни, каець: идзйця плясаць! Выскычили етыя Злыдни. Якъ ставъ ёнъ имъ играць, якъ началй яны плясаць, якъ начавъ ёнъ ихъ ловиць за хохолъ, якъ начавъ ёнъ ихъ таласкаць! Бивъ—бивъ, бивъ—бивъ! Тоды Доля говòрицъ: сажай ихъ у мѣхъ, ды няси у сажалку, ды затопи! Ну, ёнъ понёсъ и затопивъ. Доля яму̀ говорицъ: ну, Савка,—живи зъ Богомъ и думай про Бога, и сходзи ў номастырь Богу молитца!

Начавъ етый Савочка опяць жиць хорошо. На хторы̀й годъ уздумавъ Богу молитца, и пошовъ во время такое: птаство пяюць, цвѣты цвѣтуць. Ишовъ, ишовъ, сустрѣкаетца зь имъ человѣкъ: обрацився дыяволъ человѣкомъ, и сустрѣчаетца зь имъ. «Здрастви, мужучокъ!»—Здраствй, добрый человѣкъ!—«Куды идзешъ?»—А, дзядзенька,—иду Богу молитца! —«А хто жъ у цябе дома ёсь, што ты идзешъ?»—Атъ, дзядзенька: я одзинокій человѣкъ!—«А ци много жъ у цябе дзяцей?»—Одзинъ сынъ, дзесяци годовъ, ды дочь ёсь восьми годовъ, и дзѣвочка ящо пяци годовъ! —«Ны кого жъ ты своё хозяйство препоручивъ, што ты въ ето ўремя собрався Богу молитца, коли людзи цяперь работуюць?»—А, дзядзенька, я своё хозяйство тожа препоручивъ сусѣду!—«Ахъ, послухый-ка ты, добрый человѣча, мяне: ня йдзи-тка ты Богу молитца, а йдзи-тка ты домой. Узрасьци-тка ты свойго сына, ды жанй, хозяйство ты яму̀ здай нà руки,—тоды пòйдзешъ Богу молитца. Дыкъ табѣ ня будзець думытца!» Етый Савка подумывъ: ето правда! И воропився домой.

Ну, ставъ жиць. Узрасьцивъ свойго сына и ожанивъ. Тоды здавъ имущество свойму сыну, и збираетца ициць Богу молитца во время восени. Ну, й пошовъ. Сколькя тамъ дней пройшовъ, разболѣлись у яго косьци, заболѣли яго й ноги. А тутъ ужо дзень на проходзи—нельзя яму̀ поспяшиць къ дзяревни,—силъ не хватаець. Обнила яго ночь у цёмномъ лясу̀. Ишовъ ёнъ, ишовъ, смотрѝць—у правую сторону гориць огонь. Пошовъ ёнъ къ тому огню на ночь проситца. Пришовъ къ тому огню,—сядзйць старикъ коло 'гня. «Добрый вечеръ, поштэнный старичокъ! Ци не дозволивъ ба мнѣ тутъ нучувацъ?»—Ды я табѣ дозволю тутъ нучуваць, коли сходзишъ у дровы!—«Дыкъ што жъ: можно, сходзимъ!»

—Ну, ночуй сабѣ. Сходзи за дровми!—«Погодзи, дзѣдушка: отдыхну нямного!»—Ну, отдышъ! Куды жъ цябе Богъ нясéць?—«А, дзѣдзушка: иду Богу молитца!»—Да, ето хорошо! Ну, сходзи-ка жъ у дровы! Етуму Савку ня хочетца: косьци болядь, ноги болядь. Огнажды (искаженное —однакоже) поцягнувъ у дрòвы. Што вòзьметца за полѣно, то яно рассыплетца; што возьметца, то рассыплетца. Бравъ ёнъ, бравъ, и ничого не принёсъ. Увознавъ ёнъ, што ето сядзіць ли цепла якій-нибудзь святый. Приходзиць къ цяплу̀, отвѣщаець яму старичокъ етый: «што жъ ты дровъ не принёсъ, мужучокъ?»—Я не знаю, якъ вамъ отвясьциць: или назваць васъ святэя, ци сказаць на васъ—Господзи: што возьмусь за полѣно, дыкъ яно разва̀ліетца!—«Да; сядзь, человѣча, пысядзи; я табѣ скажу: чаму ты тымъ уремямъ ня йшовъ молитца, якъ зьбирався прежды, ў молодыхъ лѣця̀хъ? Тоды жъ ты йшовъ, птаство пѣли, цвѣты цвѣли; тоды твоѐ ноги ишли вясёло, хорошо! Спусьця лѣто, у малину ня ходзюць. При старысьци лѣтъ нечего ици Богу̀ молитца. Ворòцись домой, —ты умрешъ скорымъ уремямъ!»

Ну, ёнъ вороцився домой. Нямного побывъ дома—дзень, ли два, и помёръ.

Забѣлышин. в. клим. у. Произведеніе, очевидно, подверглось позднѣйшимъ передѣлкамъ.

57. Чортова росписка.

Живъ сабѣ такъ одзинъ мужикъ. И дзяцей у яго було много, а живъ ёнъ при большой бѣдносьци, и ня мѣвъ днявного пропитанія. Тоды ёнъ што надумався? Пошовъ по дорози прямо у пущу: «эхъ, говориць: ежали бъ нашовся хто прокормиць моихъ дзяцей, то бъ я отдавъ свою душу тому!» Удругъ сичасъ подъявляетца къ яму, у вобрази человѣчецкомъ: «штò ты сказывавъ, человѣча?»—А вотъ я сказывавъ: коли бъ хто нашовся прокормиць моихъ дзяцей, то бъ я отдавъ свою душу̀ тому!—«Отдаси?»—Такъ тошно, я готовъ!—«Ну, давай съ тобой распишемся!»—Якъ жа мы распишемся?—«Разрѣжъ на правой рукѣ мезиный палецъ, и своей кровъю распишесься! И потомъ даю табѣ отстрочки на дватцаць пяць лѣтъ, распоряджатца своимъ домомъ, и ўсяками достатками,—што ни задумаешъ, усё табѣ будзець!» Мужикъ согласився и расписався на дватцать пяць годовъ. «И ты, кажець,—ежали у цябе выйдзець дватцаць пяць годовъ, и будзець у цябе *свѣча* (обрядъ) у тэй вечеръ, а потомъ я прiѣду къ табѣ ў госьци, и загадаю я табѣ за̀гадку. Ежали отгадаешъ ету за̀гадку, то пòйдзешъ жиць опяць до своей судзьбы!»

Пошовъ етый человѣкъ домовъ. То якъ была большáя бѣдносць, то стало у яго большое богатство. Куды ни пóйдзецъ, то ёсь у яго дзеньги и ўсякая ўсячина. Ну, наковецъ того, ёнъ ставъ молебны служиць, и нищихъ надаряць, и ʻобѣдни служиць. Пройшло етыхъ двадцаць пяць лѣтъ, ўсё-ʻдно якъ двадцаць пяць мѣсяцевъ: ёнъ самъ не ўзнавъ. Наконецъ, приходзиць етый вечеръ. Ёнъ собравъ свою ўсю дзяревню и дожадаець госьця̀, и ненасукуюць свячу,—дожадаюць госьця̀. Удругъ сичасъ оявляетца къ яму проходзящій старичокъ,—попросився на̀ ночь. Яны приняли яго до чесьци изъ большою радосьцю. Етый старичокъ сказуець: зачимъ дожадаеця, когда міряне собрались, и Господзь благуслувляець? Удругъ хозяинъ сказавъ: нѣ, я дожадаю свойго госьця̀!—Нѣ, не дожадай госьця̀, говóриць старикъ, а насукувай зъ Богомъ! Тэй на радосьци яго послухавъ. И насукали свячу. Повячерили. И отправилися уси сусѣдзи по домамъ своимъ.

Пóтомъ, хочець хозяинъ ложитца спаць на лавцы на кутней. Старикъ етый говориць яму̀: нѣ, ня мѣсто табѣ тутъ! А лѣзь-ка на полаци, за бабу, спаць лягъ! Ну, тэй пошовъ лёгъ. И ня спитца етуму хозяину усю ночь, думаетца яму̀. Наконецъ, приходзиць повночь. И ўставъ большѐй вѣцеръ, и выбросивъ ворóты вонъ изъ шулъ. Появляетца шесьцерикомъ, на сѣрыхъ лошадзяхъ и ў крытомъ икипажи со звонкомъ. [1]) Сичасъ выскакуець изъ икипажу прежній яго госць. Подбѣгаець подъ вокно потъ кутнее—и скричавъ: што разъ? Отвѣчаець етый старикъ, который на лавцы: дорога длинна!—Што два?—Дорога корочѣй!—Што три?—Коли бъ я у три сохи ʻравъ, дыкъ бы ня чортъ твоé гроши бравъ!.. Сычасъ зареготавъ и счезъ. Отгадавъ!

Перенучувавъ етый старикъ, и назаўтраго, давъ Богъ дзень, приказыець етуму хозяину: за твоё вѣрное житьцё, и якъ ты просивъ Господа Бога, и Господзь цябе не ʻтставивъ на ўсякомъ мѣсьци, и отвёвъ твою душу̀ отъ вѣшнаго ваду. Цяперь живи и распоряджайся усими грошами, и не забувай на Господа Бога. И коли вынешъ рубъ—перехрясьци, и положишъ—тожа перехрясьци! То *яны* табѣ прибавляли тогды, а цяперь будуць открадаць: коли ты вóзьмешъ рубъ, а яны ў̮цябе возьмуць дзесяць!

Етый хозяинъ изъ большэя радосьци ня можець етаго старика якъ оцаниць. И ёнъ яму̀ поклонився у ноги, и давай благодариць. И хоцѣвъ яго надзялиць большими дзеньгами, а ёнъ сказавъ: усё твоё! споживай и живи, и не забувай на Господа Бога никогда! И за етымъ прощай!

Забѣлышин. в. клим. у.

---

1) Ср. стр. 9, о разъѣздахъ Сатаніила по Гомельщинѣ.

58. Богъ и попъ.

Одзинъ попъ бывъ такій скупый, не даривъ никого. Якъ прідзець нищій который, ёнъ яго за руку̀ и вонъ пхаець. По̀томъ, одзинъ разъ, у празьнишный дзень, етый попъ перядзѣвся, и идзе́ць съ хаты, кабъ ужо ‘бѣдьню служиць. Оявляетца яму̀ старикъ и просиць у яго милосьцины: подари, бацюшка, Христа-радзи! Ёнъ гово̀риць: вонъ! ты видзишъ, што я собрався на ‘бѣдьню! Васъ не мало тутъ таскаетца! Вонъ!.. Старичокъ вороцився вонъ, и попъ за имъ идзе́ць, и собаками яго затравивъ. Ёнъ махнувъ рукою, етый старикъ,—не ‘казалося ничого! Тольки одзинъ попъ, да ёнъ—ни двора, ничого. И мѣсто ето оказалося попу незнакомое. Ну, старикъ етый пошовъ своимъ пуцёмъ; а попъ етый за имъ услѣдъ: боитца ужо одзинъ остатца. Ну, и ишли яны цѣлый дзень. И дужа попъ етый захоцѣвъ ѣсць. Тоды етый старикъ потходзиць—пасець пастухъ скоцину. Ёнъ узявъ откупивъ одного барана, горщо́ночекъ тамъ бывъ, што пастуху приносили ѣсци, ёнъ и горщоночекъ етый откупивъ, и пошли. И баранъ за ими услѣдъ пошовъ. Отыйшли яны троху, вялѣвъ ёнъ попу разложиць огонь. Огонь попъ разложивъ, ну й разрѣзали барана етого. Вынивъ попъ почки двѣ и серца. Старикъ гово̀риць: звари ето, а я засну. По̀томъ мяне узбудзишъ, якъ зваришъ! Попъ етый гутувавъ-гутувавъ, и дужа ѣсць захоцѣвъ. Узявъ одну почку зьѣвъ. И лёгъ самъ спаць, и захропъ. Устаець старикъ и на попа гово̀риць: уставай, будземъ кушаць, што ты згутувавъ! Ёнъ уставъ, подавъ яму̀ кушаньня. Богъ помѣшавъ—помѣшавъ и гово̀риць: идзѣ жъ ето одна почка дзѣлася? Попъ гово̀риць: я не знаю: я заривъ и лёгъ спаць самъ!—Ды што ты гово̀ришъ: хто тутъ мижда нами бывъ? Попъ давай клясьцися, божитца, што ето ня ёнъ зьѣвъ. Старикъ етый гово̀риць: польно табѣ клясьцися,—можа хто зьѣвъ, якъ мы заснули! Возьми, остальное ѣжъ! Попъ етый доѣвъ почку, серца и юшку похлебавъ.—Ну, по̀йдземъ дальше!

Пройшли нѣскульки—ляжиць куча золота на дорози. Потомъ старикъ гово̀риць: да, вотъ и находка намъ найшлася хорошая! Якъ будземъ дзялиць? говориць. А попъ отвѣчаець: ды якъ вы сами знаеця, дзядуля! Ёнъ узявъ, разгарнувъ на три кучки: вотъ ета табѣ, а ета мнѣ, а ета третьцяя часць тому, хто почку зьѣвъ! Попу стало жалко грошей; ёнъ гово̀риць: «я, дзядуля, зьѣвъ почку!»—Ну да̀, гово̀риць: якъ гроши увидзѣвъ—дыкъ ты зьѣвъ; ты жъ мнѣ раньше казавъ, што ты ня ѣвъ?—«Нѣ, говориць: кабъ я провалився, якъ стою!» И такъ и етакъ,—што я зьѣвъ почку!—Ну, гово̀риць: коли жъ ты зьѣвъ,—бяри жъ ету кучу, и мою, и свою—нехай табѣ ўсё, коли ты давъ двѣ клятвы: одну—што ня ѣвъ, а другую—што зьѣвъ, якъ увидзѣвъ золото! Тоды ты пога̀лився

на почку—зьѣвъ, а цяперь на золото! И *благословивъ яго*: «будзешъ ты брацъ зъ живого и зь мёртваго, и зъ бѣднаго, и зъ богатаго, и ўсё табѣ мало будзецъ!» Махнувъ рукой—и ставъ и домъ тэй, и церква. А самагó не стало.

Д. Золочево, малят. в. чер. у. Отъ кр. Бориса Германова, 37 л. негр.

59. Доброхотъ (лѣсовикъ).

Бывъ у насъ такъ вó ляснйкъ. Дыкъ ёнъ разъ у лѣтку, во якъ бы цяперь, кидавъ стогъ подъ лѣсомъ. И кидавъ ёнъ стогъ, значитца, и не завяршивъ. Двóру яму̂, значитца, далёко пцицъ; ёнъ сабѣ думаецъ: заночую я тутъ, на стогу! Богу помолився и лёгъ. Тольки лёгъ, чуецъ—у дзяревни—близко была дзяревня—щандкъ брешецъ. И такъ брешецъ цѣлую ночь, якъ звонокъ,—спацъ не даецъ. Чуецъ ёнъ, по лѣсу: тресь! тресь! Гоницъ Доброхотъ вовковъ,—можа ихъ штукъ сорокъ. Выгнавъ на лугъ и говóрицъ: «чуеця щенка?»—Чуемъ!—«Ну вотъ жа, говорицъ: коли яго дó году не задавиця, дыкъ ёнъ васъ усихъ подавицъ!» И погнавъ.

Тэй лясникъ перенучувавъ тамъ, а назаўтраго, давъ Богъ дзень—пошовъ у тую дзяревню. Приходзицъ туды и ставъ допытывацъ: чій—тыки ето собака цѣлую ночь гавчивъ, щанокъ? Ставъ допытыватца, и допытався. Приходзицъ къ хозяину: продай ты мнѣ пожалуста свойго щенка!—Вó, якъ жа я продамъ; ёнъ у мяне такей, якъ звонокъ! Тэй ставъ просицъ, и купивъ—тыки яго,—отдавъ три рубли. Привозицъ домой и прямо яго у погребъ,—покуль, значитца, выйдзецъ яго тэрминъ. Продзержавъ годъ; тоды пошовъ на охвоту.

Ну, увыйшовъ у боръ. Тэй собака, вовка якъ завидзицъ, дыкъ и задушицъ; медзьвѣдзя завидзицъ—и медзьвѣдзя задушицъ; лося—и того задушицъ. Кабана—и того задушицъ: задушицъ и кинецъ. Надушивъ дзичины—на возы не забрацъ. Тольки сѣли яны отдыхацъ, ажъ по лѣсу—тресь! тресь! Идзецъ Доброхотъ. «А што, каецъ: ци ня бывъ ты тоды на стогу, якъ я приказывавъ яго задушицъ?» Тэй видзицъ, што ўжу некуды, говóрицъ: бывъ!—«Ну, говорицъ, я бъ не жалѣвъ, коли бъ ты душивъ ихъ ды бравъ; а то ты душишъ, ды такъ кидаешъ! Вó што: у сялѣ на выгони, потъ такимъ то камнемъ возьми скрыню грошій; а яго заби! Ёнъ мнѣ увесь скотъ знистожицъ!»

Ну, тому нечаго дзѣлацъ. Зложився—бэхъ! бэхъ! зъ двохъ стволовъ,—и забивъ. Тоды думыецъ: дай я поляджу, сь чаго у яго сила такая! Разрѣзавъ, полядзѣвъ—а ў яго дванатцацъ пóчакъ!.. Дыкъ вотъ и богатырь. Ну, ёнъ гроши тыя вынивъ и богато жицъ ставъ.

Роднян. в. клим. у. Отъ кр. Степана Павлова, 80 л. негр.

60. Банникъ.

У Чудзянахъ (деревня) пошла дзѣвка замужъ за старика. Иниякъ ина не звала яго якъ *старый чортъ*,—вэдлŷгъ шутокъ. И хлопчикъ у ихъ родзився. Ну, пошла ина у лазьню, и хлопчика ŷзяла. И говоря старику: я жъ, говоря, посьли лазьни ослабѣю, дыкъ ты, старый чортъ, придзи и возьми хлопчика! Подъ лазьняю посидзи, я гукнŷ цябе, ты й понясéшъ яго домовъ!

Ну, пошли ŷ лазьню; ина туды-сюды яго скорѣй обмыла, двери расчинила: «ци тутъ ты, старый чортъ?»—Тутъ!—«Ну, нà жъ, возьми яго!»—А давай, дав́ай! Ина отдала, ёнъ и понёсъ. Стала тогды ина мытца, а мужикъ приходзя: «Прося, давай хлопца! Нѣшто ты довго яго мыешъ?»—Якóго хлопца,—я жъ табѣ отдала!—«Коли?» Стало ёй ето жалко, и ина обробѣла... Прихóдзя домовъ—нема хлопца. Туды-сюды—такъ и понóнича нема. Отдала старому чорту—вѣдомо, баннику.

С. Палужъ, черик. у. Отъ кр. Ник. Павлова.

61. Русалка.

А то такъ вò, мой бацька работавъ на поли ли лѣсу, на Гряной. И поставивъ борону у бярезнику. Дыкъ ина злѣзла зъ бярезины, ды зъ бороной стала гуляць. Гуляла-гуляла, ды й ущамилася. Иниякъ. Цигаець борону, а пойцйць нельзя. Приходзиць бацька, а йна ŷжу и сядзйць. Ну, ёнъ яé двору привёзъ. И ина чистая, пригожая, и напрядка хорошая. Дыкъ ина ямŷ цѣлый годъ служила. И што йна ѣла? Якъ горшки выставюць во съ печи, дыкъ ина пары нахапаетца-нахапаетца ротомъ,—объ тымъ и сыта. И ŷсё чисто дзѣлала. Разъ тольки покажи ёй, больше ŷже не надо. И пряла и ткала, и скоцину доглядала, хату топила—усё. Тоды, якъ годъ отслужила, зновъ пришла Гряная, тоды ина говорпць: ну, мнѣ пора ицпць, каець: госьци моé ŷжу прiѣхали! Зайграла, заскакала, и ŷ лѣсъ! И цѣлый годъ ничого не говорила. Тольки ето й сказала.

М. Родня, клим. у.

У насъ вò, у сусѣда, у Цйтовцы (деревня), русалку поймали у лѣси: на лядзи у борону увязла. Дыкъ ёнъ ослобонивъ и привёвъ домовъ. Откуль ты?—Отъ Ильли пророка!—А куды пóйдзешъ?—Къ Ильлю пророку! Дыкъ годъ отжила. И ничого ня ѣсць; тольки якъ горшки вымаець, дыкъ пáры хапъ-хапъ зъ горшка. А тоды завыла: дрŷжачки-подрŷжачки, возьмиця мяне! И ŷ лѣсъ. Дыкъ у яé ŷсё жаноцкое, и цыцки и ŷсё. Волосы довгiя. Одзѣта пригожо. *Хотьслав. в. мстисл. у.*

62. Присыпушъ.

Яны (русалки), кажуць—съ позволеньня сказаць—сь скидушывъ. Якъ баба не доносиць, ци такъ мертваго родзиць—ето ўжу йна! Иншія дзейкаюць, бытцамъ яны съ присыпушывъ; ды нѣ. Присыпушъ—ето подмѣнъ. Ето вó, якъ хто рубиць дровы, ды порубивши, кинець колодку тамъ. Ну, ето ўжу *ихъ* (чертей). Сичасъ здзѣлыюць руки, ноги—дзяцёнка, звѣстно—нежнвого, и подложуць матцы; а яé живѐнькаго сабѣ вóзьмуць. Тая прошнéтца—замѣстъ дзяцёнка колода; во й присыпушъ! Небеспремѣнно треба колодки рубиць,а то ўжу здзѣлыюць присыпуша. *М. Родня.*

63. Языкъ природы.

Бывъ у народзи такій чаловѣкъ, што понимавъ усякій вумъ. Идзець по лясу и понимаець, што лѣсъ шумиць: идзець по полю—понимаець, што трава, што хлѣбъ шумиць; понимавъ, што скоцина говориць,—што собака, што кошка,—усё чисьценько понимавъ. И ёнъ уродзимый такій бывъ. Тольки яму нельга було никому сказáць етаго. Якъ скажашъ, тоды помирапь уже треба. И ў яго была тольки одна жана, и ёнъ зь ёи живъ хорошо. Хозяйства у яго було тольки осёлъ и волъ. Осёлъ стоявъ у яго на стайни, а на быкў ёнъ дровы возивъ. Осла кормивъ овсомъ и сѣномъ, а быка соломой.

Разъ поѣхавъ у дровы, привёзъ дровъ, отпрёгъ быка, пусьцивъ у хлѣвъ. Быкъ увидзивъ осла и говориць: худая моя жисць проци твоé: я работаю, дровы воджу, и тольки ѣмъ солому одну; а ты стоишъ на стайни и тольки й яси, што сѣно и овёсъ! Осёлъ отказавъ яму на ето: ты, быкъ, возьми захворѣй: дыкъ цябе хозяинъ будзець лучче кормиць! Хозяинъ ето, у воротахъ стоючи, слыхавъ—ихнію говóрку. Уходзиць у свою избу и усьмихаваетца жанѣ, што почувъ такое дзѣло. Хозяйка спрашаваець: што ты усьмихаваесься? што ты тайное знаешъ, што ты усьмихаваесься? Ёнъ говориць: мнѣ табѣ расказаць нельга: што я получу тоды смерць сабѣ!—Якъ ето ты ня можашъ мнѣ сказаць? Можа ты про мяне што знаешъ, ды смяесься? Силно ина добивалась, штобъ ёнъ сказавъ, ну ёнъ тыки не сказавъ.

Переспали ету ночь. Назаўтря, давъ Богъ дзень, пошовъ ёнъ осматривапь свойго хозяйства и захóдзиць у хлѣвъ. И посмотрйць—яго ўжо быкъ нездоровъ. Ёнъ тоды набираець яму сѣна и овса, даéць ѣсць. Ну, быкъ ето ѣсць, а ўставаць-то ня хочець, не ўстаéць. Ёнъ уходзиць у свою хату и говóриць хозяйцы: нашъ быкъ, говориць, нездоровъ! И обратно усё-тки усьмйхуетца. Ина ямў отвѣщаець: получче яго корми! Ды рас-

кажи мнѣ, чаго ты усьмѝхуесься? Добиваетца у яго ўсё. Ёнъ ёй опяць отказавъ: я табѣ коли раскажу, то увомру отъ тогожда раза. А повѣрь мнѣ, што нельзя мнѣ расказаць! Ина говòриць: лучче увомри, а мнѣ усё-тки раскажи ето! Ёнъ говòриць: я тоды только раскажу табѣ, якъ моя коньчина прѝдзець!

Пройшло такъ два дни. Ёнъ повёвъ яѐ у хлѣвъ, полядзѣць хвораго бы̀ка. Уходзиць у хлѣвъ, быкъ ихъ не поднимаетца,—усё боленъ. Ёнъ говориць хозяйцы: треба намъ быка зарѣзаць! А то ёнъ здохнець, будуць намъ убытки; а якъ мы яго зарѣжамъ, дыкъ намъ убытковъ ня будзець! Такъ нарочито говориць у хлѣви. Ина яму отвѣщаець: што обождзи до заўтряго: коли не поправитца, тоды ўжо й зарѣжамъ! Хозяинъ съ хозяйкой вышли съ хлѣва; и хозяинъ—тыки остався слухаць ли воротъ. То сычасъ быкъ ослу и начанаець говорѝць: скольки я ни думай, якое-нибудзь глупство,—ну мнѣ ўсё-тыки худо прихòдзитца! Осёлъ яму̀ на ето отвѣщаець: поправляйся, быкъ! Лучче табѣ солому ѣсць и дровы возиць, чимся нахальною смерцю отъ ножа помѐрць! Волъ здався на ето: я, говориць, къ заўтряму поправлюся, буду здоровъ!.. А ёнъ ето усё чувъ. Увыйшовъ у хату и ўсьмихаваетца. Хозяйка пытаець: чаго ты сьмяѐсься, докажи мнѣ! Ёнъ говориць: я дли того сьмяюсь, што къ заўтряму нашъ быкъ поздоровѣець!—А почомъ ты знаешъ, што ёнъ поздоровѣець?—А я не могу табѣ, говòриць, сказаць!

Назаўтряго пошовъ хозяинъ у хлѣвъ вутромъ, посмòтриць—ужо быкъ яго здоровый. Ёнъ яго тожъ поткормивъ ящо получче, выгнавъ яго на воду̀. То быкъ нарочито побрыкаваець, штобъ хозяинъ, значитца, знавъ што ёнъ здоровъ. Тоды хозяинъ отъ етаго сильно уцѣшаетца, сьмяѐтца. И уходзиць у хату, и тожа сьмяѐтца. Хозяйка стала яго сильно досадзиць: што чаго ты сьмяесься? стала ругаць. Ты знаешъ якую нибудзь штуку про мяне, што ты ничого не выговаріешъ и сьмяесься коло мяне? Ёнъ зъ большой досады отвѣщаець ёй: разви табѣ лучче будзець жиць безь мяне, якъ я раскажу, ды й помру? А йна говориць: лучче помри, да раскажи! Ина ня вѣриць яму̀. Ёнъ зъ большой досады говòриць ёй: ну, говориць: досюль жа я живъ ужо! раскажу табѣ усю праўду! Узявъ, отъ етаго часу, помывся, надзѣвъ на сябе смярётную рубашку и говориць: коли я раскажу, то помру!

У етое ўремя лежавъ у хаци собака потъ столомъ; а пѣвень по хаци ходзивъ, и *маивъ* сабѣ курицъ. Собака, слышавши ихъ разговоръ, сильно плачець,—што жалѣець хозяина, што хозяинъ увомрѐць. А пѣвень ходзиць ли своихъ курей, весялитца, пяець, посвоему. Собака говòриць на пѣвня: дурень ты, што ты пяешъ? разви ты ня видзишъ, што хозяинъ умираець? ну ты весялисься! Пѣвень яму̀ отвѣщаець: муракъ нашъ

хозяинъ, што ёнъ отъ жаны умираець! Я сабѣ семъ жонокъ маю, и то отъ ихъ ня ўмираю. А ёнъ и отъ одной умираець!

Хозяинъ ето услыхавъ, етый разговоръ,—узявъ тэй кнутъ, што быка погонявъ, ѣздивши у дровы, и ставъ яе́ биць, жану. И наказавъ яе́ и ставъ жиць: «я, говóриць, якъ ёсць чаловѣкъ! Ну, остався жиць черезъ пѣвня!»

Д. Селецкое, бѣлынк. в. клим. у. Отъ кр. Спирид. Петрова, 29 л. негр.

64. Соломонъ и веробей.

Прямудрый Соломонъ знавъ, якъ говорюць пцицы и звѣри. Разъ уставъ Соломонъ отъ сна и умуваетца коло раскутаннаго вокна, у своихъ палатахъ. И чуя ёнъ—на крыши веробъи спóроваюць. Веробей на веробъиху говоря: ахъ ты, говоря, дура баба,—што ты со мною спороваешъ? Ты ня вѣдаешъ, што я, коли захочу, дыкъ у водзинъ часъ царськія палаты раскидаю!

Соломонъ самъ сабѣ думаець: еткая маленькая пцичка такъ скоро раскйдаець палаты, што я семъ годъ строивъ! Призывая веробъя къ сабѣ и говоря: якъ ты можешъ раскйдаць у водзинъ часъ мое́ палаты, которыя я семъ годъ строивъ? Веробей яму говоря: ваша царськое вяличаство! ето я баби солгавъ; бабу чимъ обманувъ, дыкъ обманувъ! А баба-дура, думая—правда.

Д. Киселевка, самот. в. чер. у. Кр. Игнатъ Кружаевъ.

Важнѣйшіе варіанты.

№№

1. Чуб. 2, 359; Чуб. 1, 142; Ш. Б. п. № 760; Крачк. Бытъ з. р. с. 205, 211. Этн. Об. VI; Вес. Разыск. V; Сумц. Апокр. Драг. 15, 89, 429.

2. Драг. 95.

4. Драг. 17.

5. Драг. 116.

7. Драг. 124.

15. Сад. 270, 272; Чуб. 2. 340; Чуб. 1, 152; Иван. Вол. губ. 218; Этн. Об. V, 153; VII, 74, 77.

17. Этн. Об. VI; Пинч. 189; Драг. 5.

18. Этн. Об. VI; Пинч. 188; Драг. 8.

19. Драг. 13.

20. Сад. 287.

21. Крачк. 206.

26. Сад. 283.

30. Аф. 7, 321.

34. Аф. 3, 33; Чуб. 2, 426, 427. Этн. Об. IV, 92.

35. Аф. 5, 227; Драг. 182, 410.

36. Аф. 5, 159, Чуб. 2, 393—398. Драг. 413.

40. Драг. 56.

42. Чуб. 2, 333; Чуб. 1, 156; Этн. Об. VII, 90.

43. Сад. 266.

44. Иван. Вол. губ. 215; Этн. Об. VII, 88.

№№

55. Сад. 110;

61. Сад. 100, 112;

74. Сад. 241; Аф. 5, 142, 144, 147, 214; Крачк. 200. Вер. Вот. сар. у. 174.

75. Сад. 238.

77. Чуб. 2, 405; Драг. 63.

81. Драг. 75.

Дополненіе.

3. Драг. 42.

10. Ш. б. п. № 765—766. Драг. 4.

15. Сад. 292; Драг. 50, 130, 131, 406. Бѣл. Сб. III, 307.

18. Ш. Б. п. № 761. Драг. 386.

19. Этн. Об. VI; Драг. 8.

21. Драг. 13.

22. Сад. 251.

24. Драг. 9.

28. Чуб. 1, 156; Этн. Об. VII, 78. Драг. 14.

33. Крачк. Бытъ з. р. с. 123.

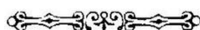
34. Сад. 383; Аф. 4, 121;

40. Чуб. 2, 526. Вер. Вот. сар. у. 178; Этн. Об. I—III, ст. Каллаша.

52. Сад. 253.

56. Сад. 136; Худ. 2, 49, 52; Аф. 2, 219, 222; 6, 366; Чуб. 2. 354.

62. Чуб. 1, 194.



БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ,

издаваемый Е. Р. Романовымъ.

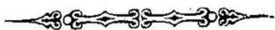
Вып. 1 и 2. *Пѣсни* (1210 №№), *пословицы* (757) и *загадки* (451), цѣна 2 р.

« 3. *Сказки*: жив. эпоса (27), миѳич. (95), бытовыя (29). Росказни и т. п. мелочи (41), ц. 2 р.

« 4. *Сказки* космогоническія и культурныя (170), ц. 1 р.

« 5. *Заговоры* (824 №№), *апокрифы* (23), *духовные стихи* и *молитвы*, цѣна 2 руб.

Продаются у издателя, **въ Витебскѣ**; у Стасюлевича, Глазунова, Суворина, Панафидина—**въ Петербургѣ**; у Тихомировой, Глазунова, Суворина, Думнова и Вольфа—**въ Москвѣ**; у Оглоблина и Розова—**въ Кіевѣ**.



Дозволено цензурою 22 Марта 1891 г. Вильна.

Е. Р. Романовъ.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

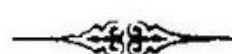
ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

ЗАГОВОРЫ,
АПОКРИФЫ И ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

ВИТЕБСКЪ.
1891.

БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.



ЗАГОВОРЫ, АПОКРИФЫ И ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

СОБРАЛЪ

Е. Р. Романовъ.

ВИТЕБСКЪ.

Типо-Литографія Г. А. Малкина.

1891.

Дозволено цензурою іюня 20, 1891, Москва.

ЗАГОВОРЫ,

АПОКРИФЫ, ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

Настоящее обращеніе мое къ читателямъ, весьма вѣроятно, будетъ лебединою пѣснью... Позволю себѣ поэтому оглянуться нѣсколько назадъ.

Въ 76 г., двадцатилѣтнимъ юношею, не безъ усердія сидѣлъ пишущій эти строки надъ Несторомъ и надъ курсами сравнительной и исторической грамматики, печатными и литографированными, въ томъ числѣ и надъ извѣстнымъ трудомъ академ. Ѳ. И. Буслаева.

Какъ извѣстно, почтенный академикъ, для подтвержденія историческихъ явленій въ языкѣ или фонетическихъ законовъ, приводитъ въ своей грамматикѣ множество провинціализмовъ, иногда изъ самыхъ отдаленныхъ областей Россіи. Но я почти не нашелъ у него примѣровъ, которые были бы взяты изъ богатѣйшей сокровищницы бѣлорусскаго языка, напоминающаго языкъ Нестора, и представляющаго, или по крайней мѣрѣ еще недавно представлявшаго, неисчерпаемый запасъ чертъ древнорусскаго языка.

Больно стало бѣлорусскому моему сердцу такое незнакомство ученыхъ съ моимъ роднымъ языкомъ, и, зная бѣдность литературы бѣлорусской, принялся я за собирательство...

Вотъ причина появленія моего сборника.

Такъ какъ цѣли моего собирательства были филологическія, то первоначально все вниманіе я обратилъ на лексическія и грамматическія особенности бѣлорусскаго языка, и уже въ 78 г. представилъ часть рукописи въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности (С.-Пет. Вѣд. 79 г. № 138). Отдѣленіе, сообщивъ мнѣ рецензію А. Ѳ. Бычкова, потребовало подтвержденія значенія словъ примѣрами, взятыми изъ произведеній народной словесности.

Тогда началось усиленное собиранie этихъ произведенiй, съ каждымъ годомъ разроставшееся, и въ концѣ концовъ отодвинувшее на заднiй планъ словарь и грамматику. [1]).

Первые два выпуска Сборника появились въ 86 г., и не смотря на многie и многie недостатки, обратили на себя вниманie ученыхъ и печати.

Благодаря именно этому вниманiю, я и началъ съ того времени вести жизнь скитальца-собирателя, котораго, какъ перелетную птицу, съ каждой весной тянетъ въ бѣлорусскую деревню—къ казанникамъ, знахарямъ, любкамъ и т. д. Къ сожалѣнiю, мнѣ измѣнило, раньше времени, здоровье, потрясенное тѣми, невѣдомыми мiру, лишенiями и всякаго рода жертвами, съ которыми у насъ сопряжены подобныя экскурсiи... Я успѣлъ болѣе или менѣе точно обслѣдовать только одну Могилевскую губернiю въ которой, кстати сказать, бѣлорусская рѣчь уже исчезаетъ. Изученie другихъ губернiй, и въ томъ числѣ Пинскаго края, давно привлекавшаго мое вниманie, пришлось отложить.

Третiй выпускъ, вышедшiй въ 87 г., также былъ встрѣченъ съ большимъ сочувствiемъ, которое меня чрезвычайно радовало, такъ какъ, въ виду отсутствiя въ печати бѣлорусскихъ сказокъ, выпускъ этотъ я лелѣялъ какъ дитя.

Вообще, сочувствie ученаго мiра много поддерживало меня,

---

1) Около этого же времени, отдавая дань чувству, охватившему тогда русское общество, составилъ я въ 78 г. очеркъ тогдашней войны,—книжку непритязательную, компилятивную, появившуюся въ свѣтъ въ 85 г. въ урѣзанномъ на двѣ трети видѣ, безъ плановъ, картъ, словаря и т. п.—въ видѣ брошюры для народнаго и солдатскаго чтенiя; затѣмъ, въ 80 г., какъ плодъ усерднаго сидѣнiя надъ грамматиками, появился учебникъ русской грамматики, которымъ авторъ, со всѣмъ пыломъ молодости, надѣялся покончить съ тѣми камнями преткновенiя, которыми усыпанъ для нашихъ учениковъ путь изученiя русской грамматики. Разумѣется, онъ мало успѣлъ въ своемъ благомъ намѣренiи, хотя книжка и была одобрена нашими учебными вѣдомствами.

Къ этому же времени надо отнести и кратковременное участie мое въ покойныхъ—Берегѣ, Руси и Зарѣ.

Говорю объ этихъ работахъ единственно потому, что впослѣдствiи онѣ много облегчили мнѣ, въ провинцiальной глуши, изысканie средствъ для изданiя Бѣлорусскаго Сборника.

закоренѣлаго провинціала, занимающаго невысокое служебное положеніе, въ моихъ работахъ. Но оно не могло, конечно, содѣйствовать распространенію изданія, и я для напечатанія каждаго выпуска всякій разъ долженъ былъ обращаться чуть не къ частной благотворительности, тѣмъ болѣе, что и наша книжная торговля, за весьма немногими исключеніями, находится, какъ извѣстно, далеко не въ идеальныхъ рукахъ.

Положимъ, что при этихъ обращеніяхъ всегда имѣлась въ виду исключительно польза науки. Но самая необходимость *выпрашиванія* субсидіи въ нѣсколько сотъ рублей, часто у лицъ, которымъ и безъ того обязанъ, чрезвычайно иногда тяжела.

Въ мѣстномъ статистическомъ комитетѣ я сочувствія не встрѣтилъ, да, признаться, и не ожидалъ его встрѣтить, зная складъ провинціальной жизни. Мои попытки печатать Сборникъ въ губернскихъ типографіяхъ, въ видѣ приложенія къ губернскимъ Вѣдомостямъ, также не увѣнчались успѣхомъ, доставивъ только поучительный матеріалъ для будущей „Русской Старины".

Эти причины—и къ сожалѣнію не однѣ онѣ—и могутъ повліять на прекращеніе изданія, такъ какъ я не могу позволить себѣ болѣе обращаться къ частной благотворительности, хотя бы и въ интересахъ науки...

До настоящаго времени мною даны *образцы* бѣлорусскихъ пѣсенъ (1210 №№), пословицъ (757), загадокъ (451), сказокъ (321), заклинаній и заговоровъ (824), апокрифовъ (24), духовныхъ стиховъ и молитвъ (126); собраны остатки вертепнаго дѣйства; сдѣланъ опытъ бѣлорусскаго снотолкователя и приведены образцы бѣлорусскихъ условныхъ языковъ.

Сдѣлать больше ограниченными силами одного человѣка я не могъ, тѣмъ болѣе, что многія изъ названныхъ областей затрогивались мною впервые.

Не затронутъ мною, кажется, только юридическій бытъ бѣлорусса, какъ потому, что изслѣдованіе его не входило въ мою программу, такъ и еще болѣе потому, что изслѣдованіе его, по моему мнѣнію, можно произвести во всякое время, и въ кабинетѣ,

затребовавъ отъ волостныхъ правленій книги рѣшеній волостныхъ судовъ за шестидесятые годы. Напомню прекрасный сборникъ г. Шейна, составляемый, кажется, такимъ путемъ.

Количество имѣющихся въ моемъ распоряженіи матеріаловъ въ настоящее время все еще значительно. Главнѣйшую часть ихъ составляютъ сказки, которыхъ достало бы по крайней мѣрѣ для 60 печатныхъ листовъ, моей, убористой, печати. Затѣмъ идутъ обряды, повѣрья, игры, пѣсни, причитанія, загадки, пословицы и т. п., матеріалы для словаря и грамматики, списки населенныхъ мѣстъ и урочищъ и т. д. Сдѣланы попытки и къ собиранію матеріаловъ для словаря цыганскаго языка.

Хотѣлось бы вѣрить, что матеріалы эти рано или поздно увидятъ свѣтъ, и что мои труды и труды почтенныхъ моихъ сотрудниковъ не погибнутъ для науки.

Еще болѣе хотѣлось бы вѣрить, что съ моимъ инвалидствомъ *своевременно* явятся продолжатели начатыхъ мною трудовъ, если не болѣе меня любящіе родину, то болѣе счастливые.

Я же сдѣлалъ, что могъ.

Обращаюсь къ настоящему выпуску.

Собранія заговоровъ, равнаго по количеству моему (824 №№), въ русской наукѣ, кажется, еще не было. Кто знаетъ взглядъ народа на знахарей, какъ на колдуновъ, чародѣевъ, и во всякомъ случаѣ, людей, находящихся въ сношеніяхъ съ нечистою силою,—взглядъ, заставившій знахарей быть до крайности скрытными, тотъ пойметъ, что собираніе этого важнаго матеріала требуетъ громаднаго труда, терпѣнія и выдержки, при непремѣнномъ условіи знанія крестьянской души, пребывающей въ той же темнотѣ, въ какой она была и тысячу лѣтъ назадъ...

Вообще, сношенія мои съ знахарями чрезвычайно интересны, и я сожалѣю, что по крайнему недостатку времени, не могу сообщить о нихъ сколько-нибудь обстоятельно. Ограничусь за-

явленіемъ, что большая часть ихъ, благодаря моему знакомству съ знахарскими пріемами лѣченія и съ заговорами, видѣла во мнѣ своего коллегу, наисильнѣйшаго чародѣя, и даже... Сатаніила, вышедшаго изъ пекла, для уловленія грѣшныхъ душъ человѣческихъ.

Воспринимался этотъ взглядъ и мѣстными жителями, питавшими инстинктивный ужасъ къ своимъ мѣстнымъ „*природнымъ* вѣдьмакамъ“ — самымъ страшнымъ, которыми нечистая сила овладѣла еще въ утробѣ матери (см. напр. стр. 394, 402 и др. наст. вып.), которые вредятъ даже своимъ дуновеніемъ, иногда пассивно,—и съ которыми я, тѣмъ не менѣе, свободно вступалъ въ сношенія, усаживавъ подлѣ себя, уличалъ въ умышленномъ искаженіи заговоровъ при передачѣ мнѣ, и даже—что особенно смущало православныхъ—безъ вреда для себя позволялъ кашлять, дуть, шептать и всячески себя „сурочить“.

Сами знахари въ большинствѣ, безусловно увѣрены въ силѣ своихъ заговоровъ—„словъ“, „молитовъ“, именно заговоровъ, а не медикаментовъ, употребляемыхъ ими, и мнѣ не мало передано разсказовъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершенныхъ знахарями посредствомъ заговоровъ. Впрочемъ, отъ бѣдныхъ бобылокъ слышалъ я и такое сознаніе: „ахъ панокъ, панокъ! Гомонишъ, што на ротъ лѣзя, грѣха на душу хапаешъ, а все зъ горя. По міру намъ пойти, дакъ не дадуть, — скажуть: работать не хвора! А гдѣ ее возьмешъ у насъ, работы тыя, у бобылстви? Ну, а якъ погомонишъ, дакъ и дають, и дякують, и плотють!“

Число знахарей въ Бѣлоруссіи чрезвычайно велико. Нисколько не боясь ошибиться, можно сказать, что тамъ нѣтъ ни одной деревни, которая не имѣла бы своего знахаря или знахарки. Громадное большинство ихъ, конечно, „вѣдьмаки навучоные“, безвредные, знающіе по одному, по два заговора отъ одной—двухъ болѣзней. Страшныхъ же „природныхъ вѣдьмаковъ“, о которыхъ говорилось выше, сравнительно немного, и имя ихъ пользуется обширною извѣстностью, нерѣдко за предѣлами уѣзда.

Почетъ и повиновеніе, которые оказываются бѣлоруссомъ

этимъ вѣдьмакамъ, весьма велики. Я сравнилъ бы его съ тѣмъ почетомъ и повиновеніемъ, которыя оказывала темная языческая масса своимъ жрецамъ, если бы существованіе послѣднихъ у насъ было доказано.

Говорить въ немногихъ словахъ о содержаніи заговоровъ невозможно. Они ждутъ своего спеціальнаго изслѣдователя. Всякій, прочтя нѣсколько номеровъ ихъ, легко увидитъ, какой драгоцѣнный матеріалъ они представляютъ, —между прочимъ, и для исторіи культурнаго развитія русскаго человѣка.

Что касается средствъ, употребляемыхъ въ народной медицинѣ, то, указавъ многія изъ нихъ въ своемъ мѣстѣ, при заговорахъ, я не берусь перечислить всѣ ихъ. Многія изъ нихъ дики и нелѣпы (напр. средства при трудныхъ родахъ), но многія безъ сомнѣнія провѣрены тысячелѣтнимъ опытомъ. Наконецъ, не особенною раціональностью отличаются, какъ извѣстно, и средства, рекомендуемыя нашими старинными рукописными лечебниками.

Собираніе отъ знахарей свѣдѣній о народной медицинѣ *для этнографа* затруднительно, какъ потому, что въ видахъ собиранія *заговоровъ*, онъ обязанъ вмѣстѣ съ знахарями раздѣлять вѣру въ силу заговоровъ и слѣдовательно придавать второстепенное значеніе „лѣкарствамъ"; такъ и потому, что сельскіе фельдшера усмотрѣли—весьма резонно, конечно,—въ знахаряхъ своихъ конкурентовъ и привлекли нѣкоторыхъ изъ нихъ къ „законной отвѣтственности" за леченіе безъ диплома и безъ разрѣшенія медицинскаго департамента... Повторилось, однимъ словомъ, то же, что было и со сказками (вып. III, стр. XI). Мои попытки, осторожныя, впрочемъ, собрать коллекцію средствъ, употребляемыхъ знахарями, такъ и не увѣнчались успѣхомъ. [1])

---

1) Считаю нужнымъ оговориться, что заговоры, собранные въ 90 г., во время печатанія выпуска, могли быть внесены только въ видѣ особаго *дополненія*; затѣмъ, первыя 120 стр. книги печатались безъ моего наблюденія, чѣмъ и объясняются встрѣчающіяся тамъ опечатки, не крупныя, впрочемъ.

Вторую часть выпуска составляютъ такъ называемые *апокрифы* (24 №№), среди которыхъ наибольшую важность имѣютъ „Загадки царя Давыда", еще не бывшія въ печати, и остатки *вертепнаго дѣйства:* пьеса „Царь Максиміанъ" и „Звѣзда".

Третья часть состоитъ изъ бѣлорусскихъ духовныхъ стиховъ и молитвъ (126 №№), опять таки появляющихся впервые въ печати въ такомъ количествѣ.

Читатели вѣроятно будутъ удивлены, встрѣтивъ въ числѣ *бѣлорусскихъ* стиховъ такія классическія произведенія, какъ— Голубиная книга, Егорій, Ѳеодоръ Тиронъ, Дмитрій Солунскій, Никита, Василій, Борисъ и Глѣбъ и т. п., и при томъ нерѣдко въ полнѣйшей редакціи, чѣмъ великорусскіе варіанты.

Объяснять это явленіе я не берусь.

Если съ одной стороны для бѣлорусскаго нищаго можетъ быть допущена возможность заимствованія стиховъ изъ Великой и Малой Руси, и даже изъ Польши (изъ первой, можетъ быть, Голубиная книга и т. п.; изъ второй—Борисъ и Глѣбъ, распространенный только въ *южныхъ* уѣздахъ губерніи; изъ третьей, вмѣстѣ съ уніей, Дорота и уніатскіе вирши), то съ другой стороны не должна исключаться и возможность самобытнаго творчества. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о такихъ лирическихъ произведеніяхъ (хотя и проникнутыхъ древнерусскимъ мистическимъ духомъ), какъ стихи жалобные (заупокойные) и молитвы. Не далѣе какъ въ 90 г. я съ особеннымъ удовольствіемъ прослушалъ *импровизацію* 70-лѣтняго старика-слѣпца, въ которой онъ съ поразительною глубиною поэтическаго чувства оплакивалъ свое несчастное слѣпотствующее прозябаніе, привлекая къ участію въ своемъ горѣ не только людей, но и неодушевленную, невѣдомую для него, природу... А такихъ импровизацій, какъ я знаю, не мало поется на бѣлорусскихъ *прощахъ*. О развитіи же памяти у нищихъ я уже говорилъ раньше (Бѣл. Сб. III, 441; Этн. Об. VII, 124). При этихъ условіяхъ, импровизація, пропѣтая напр. надъ гробомъ, въ моментъ по-

этическаго вдохновенія, вызваннаго необычайностью обстановки, могла быть удержана памятью слушателя-товарища, и съ теченіемъ времени принять форму духовнаго стиха.

О виршахъ уніатскихъ см. въ концѣ выпуска.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о бѣлорусскихъ нищихъ желающіе могутъ найти въ указанной книжкѣ Этн. Обозрѣнія, гдѣ помѣщенъ и словарикъ ихъ условнаго языка.

Къ настоящему выпуску я намѣревался приложить карту говоровъ Могилевской губерніи и извѣстные мнѣ напѣвы духовныхъ стиховъ, многократно прослушанныхъ и пропѣтыхъ мною вмѣстѣ съ нищими. Но исполненіе этого намѣренія я также долженъ пока отложить...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Заговоры.

Заклинанія.

Заговоры.

От болѣзней человѣка.

От болѣзней животныхъ.

Дополненіе.

Апокрифы.

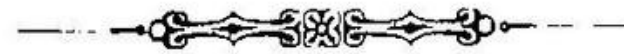
Вертепъ.

Духовные стихи.

Молитвы.

Новѣйшіе стихи.

Старообрядческіе.



ЗАГОВОРЫ.

ЗАКЛИНАНІЯ.

Отъ домового.

Коли домовэй скоцину завядзе́ць, треба узяць крайчикъ хлѣба, посыпаць сольлю и йицць туды, адзѣ скоцину гоняюць, и тамъ покласьци. Наговоръ казаць, заклавши нога за ногу̀.

1, Домовэй ходяинъ, хлѣбъ-соль прими, а скоцинку бялоху, рябоху (и т. д. смотря по масти) отпусьци! Домовая ходяюшка, хлѣбъ-соль прими, а скоцинушку бялоху отпусьци! Домовэя дзѣтушки, хлѣбъ-соль примицят, а скоцинку бялоху отпусьцицця! *Витеб. у.*

2, Господу Богу помолимся и матары божай прыклонимся! Хрэстъ Хрыстовъ у рабу божамъ (Павлу), хрэстъ Хрыстовъ и на Павлу; храстомъ Хрыстовымъ бѣсявъ отгонять. Отступитяся, бѣси проклятыя, да ня дѣлайтя ни ядыныя урэды! Тутъ живуть ангалы и архангалы, харувымы и сарахвымы и чатыры вангалистыя: Матвѣй и Марка, и Лука и Иванъ Басловъ, и рабъ божый Павялъ!

Параказать дванатцять разовъ у хлѣви ти ў коровошнику, гдѣ домовый портя скотину. Посли того уже нялька ходить туды „за нуждой".

Этотъ же заговоръ говорится 12 разъ и тогда, когда случится ночевать внѣ дома. „Дѣ бъ ты ни лёгъ, ня прикосне́тца ничо́го къ табѣ, хоть и на кла́довъи, хоть и изъ зямли поганое що выходя, хоть и въ рову̀, хоть и въ очароти". *С. Кр. Буда, гом. у.* Ср. № 3.

„Домового тольки вангаля треба поднять да хуруимськимъ ладуномъ покурить, тольки тогды откосне́тца. А то страшно и поточитца до пѣвнявъ,—што ёнъ выдѣлуя!"

Когда ночуешь внѣ дома, надо, ложась спать, сказать три раза: „Кладуся спаць подъ божжу печаць, подъ христовъ замокъ!"

Отъ хлѣвника.

3, Христосъ воскресе и разбилися ўси ўраги яго, ненавидзящихъ яго сажаець ихъ у дымъ, счахнуць отъ лица, якъ воскъ отъ огня. (Искаж. мол. „Да воскреснетъ Богъ.") Господзи мой, Хрисце милосьливый мой! дай мнѣ чудный золотъ хрѣстъ на ўсю силу дыавольскую. Узрадуютца ўси людзіи, рякущіи и нерякущіи. Пресвятая маць Бугуродзица, янгалъ мой, храницель мой, храни мою душу̀ и сэрца! А ты сатана прэчь отыйдзи!, На моёмъ ра́би три листы, три хрясты, три янгилы: однымъ листомъ посцялюсь, другэй у го̀ловы положу, а третьцимъ листомъ накрыюся. Во ймя̀ 'тца и сына и святого духа аминъ. *Горец. у.*

Говорится вечеромъ надъ водою „три разы по дзевяць, за однымъ духомъ" каждый разъ. Затѣмъ хлѣвъ или скотный дворъ обходится кругомъ и окропляется „наговорною" водою; а на утро остатокъ ея смѣшивается съ обыкновенною и дается скоту при водопоѣ.

Отъ хлѣвника же кладутъ на крышу хлѣва борону зубьями внизъ, чѣмъ и сгоняютъ его со скота. А то ще трэба сороку убить на Рожаство до бѣдни да на суволоку повѣсить. Дакъ скотина станя веселлѣй и поповнѣя. А то *ёнъ* дужа мордуя коняй: здѣлая за ночь якъ юхта, ажъ тяче.

4, Богослови Господи и поможи отъ хлѣвника! Устану я рано-ранѐнько, умыюсь бѣло-бяленько, пойду у чистое—по̀ля, зирну на синее мо̀ра. На синямъ мори выспа, на высли зеляна̀я ель, на той ели шавковая плеть, на той плети золотое чарасло, на томъ чараслѣ пресвятая матаръ Божая стояла, Суса Христа на рукахъ держала. Прилятѣли къ ёй тридевять погребатыхъ, а тридевять пошкребатыхъ. тую ель хотѣли сѣчь—рубать, а Христа ў вочи повидать. Отказуя имъ Господь Сусъ Христосъ: откоснитеся вы, тридевять идолы! Якъ вамъ етаго древа и ни сѣчь, ни рубать, Христа ў вочи не видать, такъ и (вороного) коня ѣсть ненять. А мнѣ, рабу божаму, отмовлять, и Господа Бога на помочь призывать и пресвятую матаръ Бугуродицу и ўсихъ святыхъ.

С. Вылевъ, гом. у.

Отъ лѣсовика.

5, Ижа харуимы, земля животворящая, по̀ля чистое, хрѣстъ частной и царь лясной! Стой, ня дрыжи: ня 'дзинъ я иду,—съ янгилами, сохраницелями, зь Михаиломъ арханиломъ, зъ Исусомъ Христомъ и съ частнымъ хрястомъ. *Витеб. губ.*

6, Господу Богу помолюся и матарамъ божжымъ поклонюся. Святая матаръ кіявская, почаявская, русалимская, и трырушная, и святый ангалъ хранitаль, и Авиню божжый! *) Открыйтя мнѣ дорогу и покажитя путь! И трырушная матаръ божжая, открый мнѣ свѣтъ и покажи мнѣ путь!

Якъ паройдя дорогу лясунъ, дакъ беспрамѣнно заблудисься. Тогды будуть приставлятца лясы̀, болоты̀, усё страшное. Дакъ на тымъ мѣсти, гдѣ отуманисься, трэба прочитать уси молитвы, якія бъ ни знавъ. А тогды пошаптать ето слово да на тымъ мѣсти на ўси чатыры стороны покласть по тры поклоны: попяродъ на ўсходъ, тоды на повдень, на за́ходъ и на повночь; ну, а посли ўсихъ поклоновъ трэба прилегти хоть на минутку. Якъ устанешъ, дакъ и будешъ усё помнить. Истинно.

Гом. у.

Ня параступай у лѣси чаразъ страмовину, выворотъ, што вихоръ повалявъ; а то самъ будешъ кружитца и ўсё къ тому дераву потходить.

Коли заблудисься, надо лапти пяткой на пальцы, а пальцами на пятку надѣть; майтки перавярнуть, сорочку, свитку, шапку; надо перахриститца и „Ача наша" сказать.

7, Лясной царъ Онопрій, царскія троны и коруны оставивъ яси, а пустую пустэльню возлюбивъ яси. Такъ извяди мяне изъ цёмныхъ лясовъ изъ зяленыхъ луговъ, съ пустыхъ пустынь. *Горецк. у.*

Якъ увыйдзе́шъ у лѣсъ, дыкъ сказаць треба: „Дзень—добрый тому, хто ў етымъ дому!" Тоды не заблудзисься.

Отъ нечистыя силы, отъ нарадки, падучей, бѣснованія, притчи, сумасшествія, статьтя̀, подвѣя, повѣтрія, зьѣду, сухоты.

Коли колдунъ хоча кого спортить, а людей такихъ нямашъ, дакъ ёнъ, поганецъ, на вѣтяръ посылаа. Дакъ той вѣтяръ кого попаде—скрутя, зломаа, не́ўма—што станя,—и забяретца нячистый духъ у сяредину. Я могу яго выгнать:

8, Першимъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолюся, святой матцы прачистистой поклонюся и ўсимъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ, и царамъ и князямъ, и сонцу и мѣсячку, и ўсимъ православнымъ настояталямъ. Якъ у Бога на дворѣ, на сіяньской на горѣ, тамъ стоить яблонка, на той яблонцы висить яблочко, у тымъ яблочку няма ничого.

*) По объясненію знахаря, „Авинь—ангалъ; безъ яго и жито не пожне́шъ и ни ў чомъ удачи няма. Яго трэба на помочь звать уво ўсякомъ дѣлѣ."

Якъ у яблочку няма ничого, няхай у раба божжаго ня будя ничого: съ костей, зъ можжей, и зъ жилочакъ, исъ пожилочакъ, изъ жовтыя кости, изъ горачія крыви, изъ буйныя головы, зъ румянаго лица. Чуръ табѣ, Господи!

Казать тройчи на водѣ и на воду дунуть. Тую воду пить и ўси суставы помочить,—*ёнъ* и пойдя. *С. Корма, гом. у.*

9, Господу Богу помолюся, Исусу Христу поклонюся, и табѣ, вѣтру тиху. Возьми ты, вѣтяръ тихій, отъ раба божаго вѣтровое лихо, идѣ ты гулявъ, идѣ ты буявъ, идѣ раба божаго сустракавъ,—што ты яму давъ, штобъ назадъ отобравъ. Правяликій господинъ Домовый, правяликій господинъ Полявый, правяликій господинъ Лясовый, правяликій господинъ Боровый, правяликій господинъ Луговый! Правяликій господинъ полявый Антоній, луговый Хвядосій, боровый Стахваній, безъименьщикъ Лѣсовый, мати Малáньня правяликая господыня! Проси своихъ сыновъ, который намъ шкоду здѣлавъ! Ты жъ ихъ роджала, ты жъ ихъ упрошала. И по сіяньской горѣ ишовъ святый Пятро-Павялъ съ своими святыми апостолами, стрѣвъ вѣтра тиха и приказавъ вѣтру тиху: отбяри отъ раба божаго ето вѣтровóе лихо! Я жъ тябе стану ўпрошати, и ўходжати, и ўяднати, зъ буйной головы шумъ и огонь выгоняти и горучую кровъ разбивати, а тябе, вѣтровое лихо, съ сяредины, зъ живота выгоняти, и по чистыхъ поляхъ посылати, по густыхъ бурьянахъ гуляти.

Тройчи казать, якъ ногды отъ вѣтру отбяре и мову у чаловѣка. Злыя чаровники напускаять. *М. Носовичи, гом. у.*

10, Бывъ я у матушки сорокъ пядзѣль; ня видавъ я ни божжаго свѣту, ни прасоваго порѣзу, ни топорнаго замаху, ни краснаго сонца, ни яснаго мѣсяца. Злато золотое, сэрца моё, сцѣнъ мѣдзяный, душись. Аминъ. *Сѣнно.*

Употребляется и для того, ,,капъ не приворожили.“

11, Отче нашъ.... Якъ Христосъ народився, на Ярдани рацѣ хрыстився, хрыстивъ небо и зéмлю и сéю воду—на ўвесь свѣтъ брызки лятѣли. Якъ етыхъ брызокъ никому ня собрать, и корэньня ўсяго у зямлѣ ня порвать, и звѣздъ зъ неба ня познимать, и камяня ня ўгрызнуть, и неба языкомъ ня лизнуть, и зямли усяè ня пожрать,—такъ раба божаго вѣдьмаку ня зъѣдать! *С. Недойка, рогач. у.*

Казать тройчи надъ водой, воду выпить, умывшися.

12, Господу Богу помолюся, Сусу Христу поклонюся. У городи Гра-

ди тамъ мамка прачистая службу служила, за раба божаго Бога просила, Рабъ божій по земляхъ уходжавъ, и лихій яго рабъ сустракавъ и лихое лихо яму у серадіну, у животъ, у сэрца ўгонявъ: сэрца сушить, кости ломить, ноги й руку крушить. Я, раба божая Прося *) по зямлѣ ўходжала, лихого раба сустракала и ўпрошала: слухъ ты рабъ, дотуля жъ ты стоявъ, якъ я тябе ня уходжала и ня ўпрошала; а тяперъ стала ўходжать и ўпрошать, мамку прачистую на помочь призывать. Ишла мамка прачистая и пристала; присѣвши, заснула. Пришовъ къ ёй самъ Сусъ Христосъ: чаго жъ ты, мамка прачистая, воснула?—Буйный вѣтяръ голову мнѣ раздувъ и ў буйную голову шуму нагнавъ! А я жъ зъ буйныя головы шумъ выгоняю, съ сярэдины, зъ живота нарадку высылаю на мхи, на болоты, идѣ люди ня ходятъ и пѣвни не пяютъ, Тамъ табѣ почивать, на раба божаго забывать.

Тройчи. *М. Антоновка, гом. у.*

13, Святой апостолъ храницель, сохрани раба божаго отъ напасьника, отъ навушника, отъ чарадзѣйника, отъ поганыхъ рячей, отъ завистныхъ вочей, которыя на мяне нацекаюць и людзей зъѣдаюць и вочми, и говорками и мыслями. И водзицу ету словомъ тымъ апостольскимъ и рячми къ славному здоровъю укряпи и хворобу прогони.

Тройчи надъ водой при ўсходзи сонца. *Гладк. вол. чаус. у.*

14. Упрошаю, умоляю Господа Бога и духа святого, воскреснаго дзенька святого вяличка, дай рады—помоцы, дай ретунокъ отъ усякаго зла. Архайла Михайла, Антоній и Хвядосій кіявськія и пячерськія, станьця жъ вы на помочь, ангалы на радось. Ёсь на мори бѣлый камянь, на камяни стоиць церьковка, а у той церьковцы самъ Господзь Богъ сядзиць, цвяты расцвѣтаюць, ангали пѣсьни успѣваюць. Принайсвенша матка по морю ходзила, три и дзевяць ключиковъ носила, замыкала и ўпрошала и двананцаць вятро́въ, двананцать братовъ, упрошала и ўмоляла, до раба божаго ня допущала. Стань Богъ у помочь, ангали на радось, дай рады—помоцы, дай ретунокъ отъ усякаго зла! *Бѣлиничк. в. мог. у.*

У вуши першъ шаптать, а тоды на водзѣ, и змывацъ голову и вуши, и пиць. Тройча на вуши и тройча на водзѣ,

15, Помолимся мы и поклонимся Господу Богу и духу святому, тройцы святой ядыной, и прачистой мацери божай, и святому воскрасэнійку христовому, честному, милосэрному, и усимъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ, кіявьскимъ, пячерськимъ и рымськимъ, и русалимськимъ, и Исакову и Якову, и Антоняму и Хвядосяму, и святому Юру и Ягору, и

*) Евфросинья, имя знахарки.

святому вотчу Миколу. И святый вотча Миколочка, вы скорые помошники, вы божія угодники, вы вяликія молитвеньники, вы жъ скоранько помогаетя,—гэтому рабѣ божаму чаловѣку, зьѣдъ замовляйтя, и злого чаловѣка на мхи на болоты ссылайтя. И найсвеншая Марея ина стоиць у храми Господнямъ, дзяржиць ина своѐ ключики золотэя при столи, чаровнику и злой хвороби замыкая губы и зубы, засылая ина яго и злую хворобу на мхи на болоты, на ницую лозу, на колючую грушу, дзѣ жъ быдлы не бѣгаюць, дзѣ птицы не летаюць, дзѣ вужи—гады не живуць, тамъ нехай злый чаловѣкъ и злая хвороба проживая и пробывая.

Церковищ. вол мог. у.

Казаць на водзѣ, и пляшачку воды даси яму̀. Зьѣдъ гэтый ци по вѣтру насылаюць, ци надъ слѣдомъ поддзѣлуюць.

16, На синямъ мори ляжиць бѣлый камянь, на тымъ камяни стоиць дубъ на двананцаць кокотовъ, на тыхъ кокотахъ сидзяць двананцать ангаловъ, дзержать яны по двананцаць прутовъ сталяныхъ, отсѣкаюць, отбиваюць отъ рабы божія усихъ наглыхъураговъ и злыя вѣтры подвѣи, бури злыя. *Венд. вол. мог. у.*

17, Господзи мой милосьливый, я цябе зову на помочь, вышняго у крова Бога небеснаго. Рачець Господзь, заступникъ мой и прибѣжище мое, Богъ мой и уповаю на него и т. д. псал. 90 въ искаженномъ видѣ, въ родѣ: явлю ему спасэніе отъ скорбей и отъ болѣзней, отъ нутраныхъ и отъ наружныхъ, отъ цяжкихъ, отъ злыхъ нечесьцивыхъ болѣзней, и явлю ему спасэніе мое и святой ризой покрыю раба свойго.

Вендорожск. в., могил. у.

Якъ ногды ў дорози подвѣй хвациць, наслано зь вѣтру, дыкъ двананцаць сигнёвъ назадъ отступиць, налѣво плюнуць ды й казаць.

18, Чарнбрецъ со дна мора уплываець. Уклоняюся вамъ и прошу васъ, помилуйця насъ! Отступся, нячистый духъ, отъ етаго грѣшнаго чаловѣка; хто цябе напусьцивъ, приступися къ тому.

С. Полыковичи, мог. у.

Говорицъ на водзѣ; выпиць даць и помытца.

19, Божа милосьливый, святымъ твоимъ хрястомъ ограждаюся! (Кщитца треба кожнпъ разъ и поклоны биць). Отъ лукаваго отвярни Господзи! Иванъ хрясцицель, охрисцивъ ты Суса Христа, раба божаго етаго отвярни, Господзи милосьливый! Пятро-Павелъ, поможи и отвярни отъ лукаваго Божжа матарь у Хвощовцы (село) и янгели храницели, попоможиця и сохраниця. Святый Прокопій поможи, святая Илья храни-

цель, поможи и сохрани отъ падучія болѣзи. Хлѣба-Бориса, поможи и отвярни отъ лукаваго; святыя Ганны, святый Маковѣй [1]) господній поможи и отвярни отъ лукаваго святымъ твоимъ хрястомъ. Святый Спасъ, спасицель нашъ, спаси раба гетаго отъ гадовъ и отъ ядовъ, и отъ чуродзѣйника, отъ напасьника, отъ побидника и отъ усякаго злосьника. И нельзя яму̂ гетыя боли судержаць,—яго боль на сухе́я лясы̂, на жовтыя пяски и на мхи—на болоты̂. А поможи яму Господзи своёй господней милосьцю. Святый Цихомъ приподобный, прячистая божжа матарь, змилуйся господзи надъ нами. Святый Иванъ, святый Симіёнъ, святый Восипъ, святый Михаилъ правочудный, поможиця и отвярниця отъ лукаваго. Прачиста божжа мацерь, Успэнія христово, святое Здвижаньня, отдвинь господзи гету̂ болѣзь отъ лукаваго. Святый Иванъ господній, честный Покровъ Господній, твоимъ святымъ хрястомъ покрывай и ограждай отъ лукаваго. Святая божжа матарь Казаньска, святыя Змитры господни, Прасковея мучаница господня, поможи господзи и отвярни. Святый Кузьма-Дземянъ сребраничакъ, святый Иванъ хрясцицелю Золотовусъ, святый Михаилъ хистрацигій, поможи и сохрани. Святое Уядэнія, божжа мацерь у храмъ уходзила и съ спасыталямъ, поможи спаси отъ болѣзи. Святый Змитрохваній, святый Ягорій, труждалникъ христовъ, скорый помошникъ, поможи гетому рабу, господзи. Святая Варвара мучаница, заступница, помошница, святый Миколай угодничакъ божжій, помошничакъ христовъ, поможи и отвярни. Святое Рожство, рождэнія Христово, святый Василья, христово святое хрященьня, Іянъ хрясцицель, спаси и избави отъ болѣзи. Три свяцицели господніи, святое Стрѣчаньня господніе, святый Авдокей господній, святая Сброка, сорокъ мучаниковъ, святый Ляксѣй господній, божій чаловѣчакъ, святый Андрей приподобный, на воздухахъ, покрый и отвярни. Матарь божжа, святое Благовѣщаньня, поможи господзи. Святая Вербница, святый Спасыталь, святая пяцинка-матухна плащаница, поможи и отвярни. Святый воскресный дзянечакъ, воскреснувъ ты Спасицеля, поможи и гетому рабу божжаму. Святое Паска воскрасэнійко, Паска господняя, святою милосьцю поможи и сохрани. Святая Радовница, узрадуй, узвесяли; святыя родзицели, поможи господзи. Святый Ягорій труждалникъ Христовъ, святый Микола чудотворецъ, поможи господзи. Святое Воскрясэнія перядъ Ушесьцямъ и янгали господніи [2]); святое Ушесьця-узнясэнія господніе, святый Духъ Христовъ и Тройца, и янгали храницели, поможиця и сохраниця гетаго раба божжаго. Святый Дзевятникъ господній и святая Матарь божжа Казаньска, измилуйся по-

[1]) По народн. словопр.—вѣять макъ.

[2]) У гету Нядзѣльку янгалы цѣлу ночь будуць купатца; и коли чаловѣкъ выкупаетца до зари—ня будзець хвораць.

можи и сохрани. Святая пяцинка-матухна Прасковея мучаница, и поможи намъ и отвярни отъ болѣзи. Святая водзица царица, на ўвесь свѣтъ помошница, поможи намъ господзи и отвярни отъ лукаваго. Аминь.

С. Любиничи, гор. у.

Три разы на водзѣ; и подуць и попырскаць у глазьзё, у вуши, у грудзи, на голову̀.

20. Дванандцать ангаловъ, дванандцаць апостоловъ, мацерь божія почаевськая, раба божаго на помочь становися. Святый царь Давыдъ на помочь становися. Казаньская божая мацерь рабу божаму помоги дай, сохрани Божа помилуй мацъ прячистая, самъ Сусъ Христосъ раба божаго сохрани и помилуй отъ вѣтровъ, отъ чародзѣйниковъ, отъ душагубниковъ, отъ уразьскія силы. Сохрани Божа, мацъ прячистая, самъ Сусъ Христосъ сохрани и помилуй раба божа отъ чорнаго вока, чорнаго волосу, громкаго голосу, отъ сухоты грудзей, живота, сэрца, отъ ломоты, отъ тошноты, отъ бядноты, отъ уразьскія силы, *Рясням. в. чаус. у.*

Къ хворому трэба йсци, ноччу̀, безъ людзей; сустрѣнешъ кого—ни привѣту ни отвѣту. Казаць надъ водой, што на повдня идзе́ць. Перша ўси молитвы переказаць.

21. Изгоняю я зъ раба божаго (такого то) бясовъ, дзьяволовъ, нячистыхъ духовъ и самозлѣйшихъ духо́въ, изгоняю съ такого то раба, съ такого то волоса, изъ ярыхъ вочъ, исъ серца, зъ зубовъ, съ цѣлясовъ, зъ рота, зъ носа, зъ висковъ, изъ мозковъ, исъ шіи яго, съ плечъ, съ хребётныя косьци, зъ ряберъ и съ сяре́дзины, изъ рукъ, изъ ногъ, исъ суставъ, зъ нутры яго, съ утробы, изъ жилъ, и зъ пожилъ, исъ крыви, съ цѣлеса, изъ дыханія, исъ узгляда. И ссылаю васъ, бясы—дзьяволы̀, нячистая сила, на мхи, на боло̀ты, на гнилыя колоды, на поганыя воды, идзѣ Содомъ и Гомора стрябле́на. Заклинаю я васъ, бясы—дзьяволы, нячистая сила, вѣтряныхъ и вихорныхъ, и водзяныхъ и животныхъ и насякомыхъ (*sic*). Заклинаю ўсемогущимъ Богомъ су вышнихъ вóболокъ, чатырьмя евангалистами: Иваномъ и Маркомъ, Лукою и Матвѣямъ. Отступайця, злыя духи, отъ раба божаго (такого то), тутъ ангелы божія прябываюць и архангелы: Михаилъ и Гавріилъ, Рахваилъ, Михаилъ, Сасахваилъ, Гадуилъ, Вархвалаилъ, херуимы и серяхвимы и ангелъ храницель во вѣки, аминъ. *Холбнян. в. гор. у.*

Говорить надъ водой, затѣмъ взять псалтирь, положить его больному на голову, а правую руку больного на псалтирь, и прочесть, послѣ начальныхъ молитвъ, псалмы: 22, 23, 67, 69, 90, 110. Потомъ больного смочить водою всего и дать ее пить. Знахарь обязательно долженъ соблюдать всѣ

посты, не сквернословить; а больной не долженъ пить водки, ходить въ баню или купаться, а также посѣщать свадьбы,—предписанія, которыхъ нельзя отказать въ извѣстной разумности. Ср. въ Требникѣ послѣдованіе о избавленіи отъ обуреванія духовъ нечистыхъ.

22, Прошу Господа Бога и духа святого, стань Богъ у помочь, ангалы на радось, и пособиця мнѣ вымѣрацъ, выговаравацъ зъ раба божаго и статьцё и притчо—статьцё водзяное, статьцё земляное, статьцё вѣтраное, статьцё огняное; земляное у зямлю, а водзяное у воду, а огняное на 'гонь, а вѣтраное на вѣцеръ. Тутъ табѣ ня быць, и раба божаго ня сушиць. Чурайся, отракайся раба божаго Иваньку.

Бѣлыничи.

Тройча на водзѣ. Першій разъ ниткой вымѣрацъ зъ головы до ногъ, другій разъ коло грудзей и голову̑, а третьцій разъ руки. И дае́ Богъ помочь.

Родимецъ, дѣтинецъ, переходъ, падучая.

23, Господу Богу Сусу Христу и сыну божаму и у̑симъ святымъ апостоламъ помолюся,—приступитя и поможитя. Божа мой очиститалю, Божа мой исцалиталю, святый Спасъ спаси насъ. Спаси Господи младенца отъ падучай болѣзности, святый Покровъ прикрый насъ. Христосъ народився, Христосъ христився, ангалъ просвятився; ангалъ, ангалъ, отратуй младенца отъ падучай болѣзности. Дотуля жъ ты стояла, кость ломала, сэрца сушила, животъ пушила, жилы сушила, докуля я тябе ня у̑ходжала и ня у̑прошала. А тяперъ стала я тябе у̑ходжати и у̑прошати и тябе, падучая болѣсть, изъ сэрца, зъ живота выгоняти, и по чистыхъ поляхъ посылати, дѣ мужчины заворуять, а бабы зажинаять, тамъ тябе, падучая лихо, дожидаять; дѣ павукі лята́ли, павутину сновали, тамъ жа тябе наджидали; тамъ жа табѣ оставатца, а на младенца забыватца. *Д. Зябровка, гом. у.*

24, Господу Богу помолюся, прачистой матари поклонюся, и у̑симъ святымъ божжимъ праподобнымъ, кіявськимъ, пячерськимъ, Антонію и Хвядосію,—станьтя у̑си на помочь рабу божжаму уродимща уходить и у̑говорить. На Сіяньской горѣ стоявъ лѣсъ, а у̑ томъ лѣси ходивъ дѣдъ, и низянькій и малянькій, сивобородянькій, лѣсъ ломивъ и у̑родимяцъ заговоривъ, и притѣшный и присмѣшный, и примовный и приговорный, и лицавый, и лобовый, и кутравый, и жиловый, и костявый, и потылошный. Потуль ты стоявъ, потуль ты буявъ, покуля я ня знала и Господа Бога

призывала, вышептавала яго и выговаровала исъ косьтей, изъ мощей, изъ ясныхъ вочей; и ссылаю я на моха́, на синяя мо̀ра, по крутомъ ложку̀ да по щиромъ пяску̀. *С. Поповка, гом. у.*

25, Святаа Прачиста помилуйтя раба божаго. Святаа Прачистаа ходила по полю чистому и збирала во̀вну ба́волну, прикладала къ тилу въялому. Святаа Прачиста, приложтя къ рабу божаму, икъ щирому сэрцу, къ жовтой косьтѣ, къ горучай крывѣ, къ румяному лицу.

Трэйчи. Трэба йти ў тѐмный лѣсъ, знайти грыбину бэрэговатую, зрубить, порубаць на щепки и ўкласти ихъ у новій го́рщикъ; зрызать зъ бухона скорынку и накрыть горщикъ и замазать тистомъ на вянцы. И витопить хату, вичистить печку и ўставить горщикъ на ўсю ночь. Назаўтра ўрани винять да горщикъ просвердить, воду злить у чистое суденцо, а трески куды-не́будь, хочь спалить. И тую воду пить по чарцы на́щa, и ложуся спать, дакъ трэба випивать. Горылки ня пить, у лазьню ня ходить, бо й горылка и лазьня жару додае́.

С. Глубоцкое, гом. у.

26, Першимъ разомъ, божжимъ часомъ, Господу Богу помолюся и святой Прачистой поклонюся, матары божжай,—стань Господи на помочь. На синямъ моры стоитъ клѣтка, а ў той клѣтцы трыдевъять двярэй, трыдевъять пороговъ, трыдевъять замковъ, трыдевъять камянёвъ, на тыхъ камянёхъ трыдевъять дятинцавъ. Цуръ табѣ молоденяцъ (3 р.) отъ трыдевъять дятинцавъ, отъ мужицкихъ и отъ жаноцкихъ и отъ дявоцкихъ и отъ паробоцкихъ, отъ подуманыхъ, отъ пога́даныхъ, отъ пристрѣшныхъ, отъ примовныхъ, отъ приговорныхъ, отъ утѣшныхъ, отъ посмѣшныхъ, отъ колючихъ, отъ болючихъ, отъ свярбучихъ, отъ нудливыхъ, отъ пужаныхъ, отъ водяныхъ, отъ вятраны̀хъ, отъ усихъ трыдевъять дятинцавъ. Стихаютца зорачки раныя и вячерныя, утихнися, унимися у раба божжаго дятинядъ. Я съ словомъ, а Богъ съ помоччу. *Д. Диколовка, гом. у.*

27, Першимъ разочкомъ, господнимъ часочкомъ. Господу Богу помолюся, святой Прачистой матары божжай попрошу. Матаръ божжая, царыца нябесная, прыступися, у раба божжаго параходу говорыти, прыдуманаго и прыговорнаго, утѣшнаго и посмѣшнаго, батьковаго и маткинаго, и жаноцкаго, паробоцкаго, жалостнаго и корыстнаго, колючаго и болючаго. Ёнъ стоявъ и коловъ, якъ я ня говорыла, а тяперъ я говору и выговарую. Изъ города Русалима по калиновымъ мосту ѣхавъ святый Яковъ исъ сыномъ сы Сакомъ, и стрѣли святого пракраснаго Восипа. Куды йдешъ, пракрасный Восипъ?—Иду я къ рабу божжаму, икъ моло-

дзенцу, параходу говорыть, свѣтового, заравого, колючаго, болючаго. И ёнъ тогды стоявъ и коловъ, и горѣвъ, и болѣвъ, якъ я яго ня говорыла; а тяперъ я яго говору и выговарую исъ жилъ, изъ пажилъ, исъ суставъ, изъ горачай крыви, изъ буйныя головы, исъ щираго сэрца; и посылаю на синяя мора, на мха, на болота, на ницыя лозы, на жовтыя пяски,— тамъ табѣ гулять, бушавать, и рабу божжаму спокой дать. Святый Онопрый и святый Иванъ богословъ храститаль Христовъ, дай Господи на помочь.

С. Грабовка, гом. у.

28, Господу Богу помолюсь, прачистой матцы поклонюсь и ўсимъ святымъ годовымъ празьничкамъ, кіявськимъ, пячерськимъ, русалимськимъ, вяликимъ, малѐнькимъ,—прошу я васъ къ сабѣ на помочь. Параходища, параходища, ня ходи по животищу, и ня ходи, ня суши, горучія крыви ня разливай. А коли будяшъ ходить, сошлёмъ тябе до жидовъ, до нягодныхъ душъ; тамъ тябе яны будутъ бить и карать дубцами и кіями, и пугами.

Рудня Кошелевская, рогач. у.

Отъ залома.

Заломомъ бѣлорусъ называетъ пучовъ колосьевъ на нивѣ, связанный чародѣемъ особымъ образомъ, или переломленный и пригнутый къ землѣ. Заломы дѣлаются преимущественно во ржи и только „большими чаровниками.“ Если сжать эту горсть колосьевъ, то и жница и хозяинъ ржи подвергнутся жестокой болѣзни: съ ними произойдутъ корчи, судороги, ихъ будетъ „ломать.“ Вообще, заломъ наводитъ на бѣлоруса паническій ужасъ. Поэтому, при уборкѣ нивы, залома не трогаютъ, обжиная рожь вокругъ его. Но при этомъ бѣлоруссъ все-таки неспокоенъ. Бываютъ такіе „сильные“ заломы, которые приносятъ человѣку вредъ уже тѣмъ, что находятся на его нивѣ. Поэтому, во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій, заломъ всегда стараются обезвредить. Два средства практикуются съ этою цѣлью у бѣлорусса: онъ или приглашаетъ знахаря, чтобы тотъ „отговорилъ“ заломъ, или проситъ священника вырвать его, что̀ дѣлается обыкновенно послѣ молитвы и рукою, завернутою въ епитрахиль. Впрочемъ, страхъ предъ заломомъ настолько великъ, что даже и послѣ этого крестьянинъ не рѣшается ѣсть хлѣбъ съ своей нивы и продаетъ его.

Заговоръ (№ 3) надъ заломомъ произносится „три раза по девять за однымъ духомъ“, причемъ знахарь раздѣвается донага и зажигаетъ свѣчу—громницу, освященную въ церкви 2 февраля, По произнесеніи заговора заломъ вырывается и сжигается „на ростанькахъ“ или на ближайшей дорогѣ.

Витеб. губ.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ *рогач. у.* полагаютъ, что заломъ вредитъ только тому, на кого онъ „навороженъ;" для прочихъ же членовъ семьи онъ безвреденъ. *Въ сѣнн. у.* заломъ вырывается „дѣдомъ" непремѣнно въ полдень, также нагишомъ, или въ рубахѣ, вывороченной наизнанку, и сжигается на „крыжовой" дорогѣ. *Въ могил. у.* его вырываютъ зубами и подъ нимъ ухитряются находить что либо острое: гвоздь, шило, швайку и т. п.

29. Прачистую мацъ упрошаю, Суса христа принябеснаго. Идзецъ святая Ярдань, никого не ўлякаетца, ни чаровницъ, ни чаровниковъ, ни королёвъ, ни князёвъ; такъ не ўлякайся нивка ни скоцинка, ни чаровницъ, ни чаровниковъ. Сусъ Христосъ здерживъ небу и зямлю, и насъ судержай грѣшныхъ.

Побрызкацъ ярданськoю водою и громнишную свячу у правой рукѣ дзержучи, вырывацъ, пераксцивши, ды на осиновыхъ дровахъ спалицъ. Трэба правый рукавъ здзѣць. И кабъ нихто ня видзѣвъ прvучи.

Вендорожск. в. мог. у.

30. Живый въ помощи... О пресладкій Іисусе... О всепѣтая мати... Господзи благослови и злого духа отсюль изгони! Господзи, оружіе на дзіавола крестъ твой далъ еси намъ, трапещецъ бо и трасе́тца: не могу ўзираци на силу твою, яко мертвыя воскрасаюць скрозь силу твою, сего радзи кланяемся и поклоняемся храсту твойму и воскрасэнію. Да воскреснецъ Богъ..... (пс, 67). *Городищ. в. гор. у.* Ср. Требникъ.

Отъ вѣдьмы, когда молоко у коровы отнято.

31. На мори на кіяни, на вострови на буяни ляжыцъ бѣлый камень, а на томъ бѣломъ камни пресвятая Бугуродзица сядзіцъ и въ воду глядзицъ. Яна цару Владыміру пуцп казала, жицъ повелѣвала. Якъ ты царица водзица, силна и няўрэдна, кабъ такъ и моя скоцинка была сильна неўрадзима отъ усякаго зла и отъ злоключенія людзей.

Три разы. Кабъ я бывъ первянецъ, абы послѣднякъ, то бъ у мяне двери не счинялися отъ людзей; а то я середнякъ, дыкъ мнѣ три разы кажную молитву треба говорицъ. *Горец. у.*

32. Отче нашъ... Божжая помочь (пс. 69); Помяни Господзи царя Давида и усю кротось яго. Стань Господзи на помочь, ангалы на радось, пресвятая Бугуродзица на поретунокъ. Изгоняю рабъ божжій зъ етыя **скоцины,** красныя шарсьцины, вѣдзьмино, чародзѣйное, бясовськое навядзе-

ніе, ўсемогущимъ Богомъ, Микулаемъ чудотворцомъ и архистрацигомъ Михаиломъ; изгоняю и выговарюю во вѣки, аминъ. *С. Холбни, гор. у.*

33. И помолимся и поклонимся Господу Богу и Духу святому, Тройцы святой ядыной и прачистой матари божжай, и святому воскрасэнійку христовому, и ўсимъ святочкамъ—годовымъ празьничкамъ, кіевськимъ пячерьскимъ, и рымськимъ и русалимськимъ, Исакову и Якову, и Антотоняку и Хвядосяку, а святому Юру и Ягору, и святому вотчу Миколу. Вы божжія угодьнички, вы скорыя помошники, вы вяликія молитвеньники, вы жъ скореньво помогаеця, гэтой вѣдзьми—молошницы губы и зубы замыкаеця. Ёсь у поли косьцёлъ, и ў тымъ косьцели стоиць прастолъ, и за тымъ прастоломъ сядзиць прысвятая Бугуродзица мацеръ божжая. Яна сѣдзючи книги читала и моимъ коровкамъ молоки збирала, сыры бѣлыя, твороги чистыя, и масло жовтое. А ты вѣдзьма ляци у лѣсъ, грызи корэньня! А ты вѣдзьма ляци ў поля, грызи каменьня! А ты вѣдзьма, грызи своё рабро, а не бяры мое коровки молоко. Якъ жа табѣ, вѣдзьми, свое рабро ня грызьци, такъ жа табѣ и молока моé коровки ня ѣсь! (обсыпавъ корову макомъ—самосѣемъ:) Якъ жа табѣ, вѣдзьми, гэтаго маку не подобрацъ, такъ жа табѣ, вѣдзьми, и молока отъ моѐ коровы ня ’тбирацъ.

Тройча надъ коровой у хлѣви на Купалу, и макомъ кругомъ обсѣяць и громнишную свѣчку повѣсиць. Дурныя мужиччо щé крапиву вѣшаюць ци косу. Яна гэтаго ня боитца. И сороку, забитую объ Коляды, нельзя ў хлѣви вѣшаць: коровы будуць сохнуць. А ў конюшни дóбро вѣшать—кони будуць водзитца. *Церковищ. в мог. у.*

Отъ уроку, суроцы, примовки, глаза.

34. Помолимся Господу Богу, прачистой мацери, усимъ святымъ апостоломъ, святымъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ: устаньця у помочь и молиця Господа Бога за насъ грѣшныхъ. Ишла мацъ прачистая по калиновомъ мосту, сярэбраной тросьциной попиралася. Сустракая яé самъ Господзь Богъ исъ Пятромъ съ Павломъ; куды йдзёшъ, мацъ прачистая? —Иду къ рабу божаму (такому-то) уроки замовляць и заговаравацъ! Тридзевяць уроковъ: якій ты урокъ? Ци ты паньскій, ци цыганьскій, ци жидовській, ци мущиньскій, ци бабській, ци хлопоцкій, ци дзявоцкій, удовцовъ и ўдовинъ, и раньній, повдзеный, и вячерній; ци заглядный, ци подзивный, ци приговорный, ци спрозьщельный, ци спрозьплотный,—эй ты урокъ, якій ты урокъ? Ишла ракà крутыми берагами, жовтыми пясками... Якъ быстрой рацѣ не стояци, такъ етому рабу божаму уроку

не дзержаци. Узняси ихъ Господзи на мхи, на болоты, на ницыя лозы; тамъ имъ побывацъ, тамъ имъ погулянць, а етому рабу божаму повѣкъ вѣшный уроку не дзержацъ. *Городецъ, рог. у.*

Тройчи ураньни, ци ўвечари на холодной водзѣ. Воду пиць и мочиць коло сэрца.

35. Ба́словъ Божа, баслови Господзи! Божа баслови, прачистая мацъ поможи. Сотворивъ Богъ зямлю и воду̀, и намъ басловивъ. Водзица царица ирданьская, а съ ключа салтаньскаго, обмывала шѣрое корэньня, твердое каменьня. Якъ бѣлому камяню возъ мора ня всплывацъ, такъ рабу Гришку яму̀ вѣкъ вякомъ жадныхъ уроцъ ня знацъ.—А цяперъ васіянъ-трава усимъ травамъ мацъ, а цяперъ купорэсъ-дзераво усимъ дзеравамъ мацъ, а Салтанъ ра̀ка̀ усимъ рака́мъ мацъ. (Гол. кн.)—Во̀ святая молитва воскрэсная, воскрасаетца изъ Господомъ Богомъ Сусомъ Христомъ, сыномъ Божимъ. Якъ мы Бога любимъ, такъ Бога видзимъ; якъ воскъ отъ огня отметаетца, такъ усихъ людзей до раю пригоняетца; прасвятая мацъ Бугуродзица на помочь призываетца. Прачистая мацяръ божая, заступи насъ и захорони своёй ризой бѣлой и помогай воскрэсной рукой, краснымъ сонцамъ, яснымъ мѣсяцамъ, дробнымы полынамы и чистымы звяздамы и святымы нябесными громнишнымы свячамы. Хрэстъ нашъ живуторащій, заступи насъ и захрони отъ злыхъ, отъ лихихъ, отъ шатана, отъ усякія покусы, отъ злого чаловѣка и нявѣрнаго проклятаго языка, и во̀ вяки вяко́мъ, аминъ. *Лисичино, сѣн. у.*

Перaказацъ двананцать разовъ, двананцать поклоновъ отбиць, свѣчку громнишную запалицъ,—дакъ и отъ сухоты помогаецъ. Вядо̀мо, коли хто своё ня 'тживъ, дакъ помочь, а отживъ—дакъ ня поможе́цъ.

36. Стань Господзи на помочь, пресвятая Бугуродзица, янгалы на радось. Водзица—царица, красная дзявица, прощаница,—просци раба Гришку! Заговарюю я урёцы и порёцы, стрѣшныи и попярѣшныи, зависныи и радосныи, жаноцкіи и дзявоцкіи и дзяцюцкіи, шѣрое воко, красное воко, чорное воко, бѣлозорое воко и ўсякое воко, и ўсякаго часу и ўсякой годзины. Идзиця вы, урёцы, на мхи на болоты, на гнилыи колоды: тамъ вамъ гуляньня, красованьня, цесовыи вороты, пуховыя пярины,—а рабу Гришку на доброе здоровъе. Ты водзица царица, обмывала крутыи бярэжки и жовтыи пяски, шѣрое каменьня и бѣлое кореньня,—обмый раба Гришку. Табѣ на синимъ мори слава, во и́мя 'тца и сына и святого духа аминъ. *Городокск. у.*

Говорится три раза надъ водою, каждый разъ не переводя духа; за-

тѣмъ водою больной умывается. Если заговариваешь самого себя, воду можно замѣнить слюною.

37. Выхо́дзиць рабъ божiй Хведоръ у чистое по́ля, на крутыя горы, подъ ясныя зори, огора́жуетца чистымъ яснымъ сонцамъ, свѣтлымъ мѣсяцымъ, частыми зарями, божами словами,—отъ перваго, первоглазаго отъ шѣраго, шѣроглазаго, отъ чорнаго, черноглазаго, отъ бѣлаго, бѣлоглазаго отъ ковтуна, ковтуноватаго, отъ вѣдзьмака, отъ чурувника, отъ стрѣшнаго, отъ смѣшнаго, отъ подумнаго, отъ погляднаго. Исцали мяне Господзи отъ усихъ злыхъ приговоръ. *Сватощ. вол.*

38, Святый Михайла арханелъ, нябесныхъ силъ воявода, стань до помочи! Не самъ я собой, господней помоччу, нябесной коляснипы. Воинъ Змитрiй, вода Кацярина, водзица царица, очищеньница,—обмый, очисьцѝ крутѝ берягѝ, жовтыи пяски, бѣло каменьня, сыро кореньня, очисьци раба божаго отъ язы́ка урошнаго, отъ поперёшнаго, отъ голо́снаго и отъ золо́стнаго. Ты гадъ чародзѣй, ты нявѣрный лиходзѣй, ты не ўрекай и не ўцекай, ты пи яго мочь и ѣжъ яго калъ, аминъ.

Селютск. вол. вит. у.

39, Водзица царица, очищеньница! Скрозь зямлю процекаешъ, бѣлъ каменъ сцираешъ, пясочекъ змываешъ. Змый раба божаго отъ косовокихъ, отъ верловокихъ, не сама собой—Господомъ Богомъ. *Витеб. у.*

40, Царица водица, красная дзявица, самоцвѣтница и угодница, и ходзила и гуляла, рыдысь-брыдысь обмывала, круты бе́реги обрывала, жовты пяски приносила, бѣло каменьня, сыро кореньня. Обмывала царей, королей и увесь народъ хрисцiяньскiй,—обмый раба божаго (имя). Уговарюю я яго ўроцы стрѣшныя и попярешныя, подзивныи и посмѣшныи, женьскiй и мужськѣй и дзявоцкiи лихеи. И ссылаю, издымаю усю печь яго,—не самъ собою, Господомъ Богомъ. *М. Рудня, орш. у.*

41, Ба́словъ Божа, ба̀словъ Божа, ба́словъ Божа! Ёсь три царочки: первый царъ земляный, другiй царъ ракувъ, третьцiй царъ вовкувъ. Якъ етымъ царочкамъ за столикомъ не сядзѣць, хлѣба-соли не зьядаць, такъ етому человѣку уроцы не брапь. Не сама собою помогаюсь—святымъ Михайломъ рахайломъ, божимъ угодничкомъ, помошничкомъ. Поможи, пособи!

Говорить три раза надъ водою, которую потомъ обдуть и перекрестить „три разы три" и дать выпить.

Заговоръ этотъ и заочно помогаетъ-де. *М. Микулино, орш. у.*

42, О Господзи Божа богослови, Господзи божа поможи. Господу Богу помолюся и прячистой матцы преклонюся. Прячистая мадь приступая и отъ притчи помочи давая.

Ты жъ царица водзица, прекрасная дзявица, божжая помошница, водзица востошница, усяму свѣту помошница. Выцекала ты съ синяго мора, узнималась со мховъ зъ болотовъ, съ подъ крутыхъ беряговъ, размывала ты жовтыя пяски, обмывала сырое кореньня, бѣлое каменьня, чорное кременьня. Обмый раба божаго притча и шпадча музьское и женьское, хлопеччая и дѣвоччая и паньское и цыганьское и жидовськое; и вѣтряное и нутреное, и намовное и наговорное, и подумное и погадное, и отъ усякыхъ отъ выплятковъ чародзѣйниковъ. И я выговарюю, вымовляю у раба божаго изъ буйныя головы, изъ ясныхъ вочей, изъ чарныхъ бровей, изъ рецивого сэрца, изъ силнаго живота, изъ кощей изъ мощей, изъ жилъ изъ пажилъ, и зъ волосу и зъ голосу. И выговарюю—вымовляю, на рѣки на сутоки ссылаю. На рѣкахъ, на сутокахъ ляжиць бѣлый камянь; на тымъ бѣлымъ камяни стояць столы чесовыя, што на тыхъ столахъ скацерсци бялыя, поналиваны кубки винныя, тамъ стояць корваци чесовыя, на тыхъ корвацяхъ подушки пуховыя. Тамъ табѣ, притча, гулянь, жовтыя пяски вымувать, за столомъ сядзѣць, винныя чары сопивать и на чесовыхъ корвацяхъ у пуховыхъ подушкахъ отдыхаць, а у раба божаго ня бывать.

Казаць тройчи на водзѣ, здунуць, ды налѣво плюнуць. Выпъе ёнъ водзицы етыя, усюды помоча суставы ўси,—и поможѐтца.

С. Михиничи, черик. у.

43, Водзица-царица, красная дявица, бѣгла сывостоку, змывала зъ раба божаго уроки.

Тройчи на водѣ. *С. Выгевъ, гом. у.*

44, Первымъ разомъ, божжимъ часомъ. Господу Богу помолюсь ,прачистой матцы поклонюсь и ўсимъ святымъ нябесным апостоламъ, кіявскимъ и пячерскимъ, сонцу красному, мѣсячку ясному. Было у мѣсячки три братцы: одинъ здры спотухая, другіи свѣтъ отсвѣтая, третьтій уроки сунимая, зъ раба божжаго, зъ буйныя головы, зъ ративаго серца, зъ русыхъ косъ, зъ жовтыхъ косьтей, зъ ясныхъ вочей, зъ бѣлаго лица. Духъ на тябе, усё лихо съ тябе!

Тройчи, и дмухнуть. *Тамъ-же.*

45, Першымъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолюся и матцы прачистой поклонюся и Господа Бога попрошу съ усими силами нябесными, кіявскими, пячерскими. Вы правяднички, преподобныя, станьтя

усѣ Господухночки на помочь рабу божжаму (имя). Одна рука Дямида, а другаа Соломида, а третьтяя Маланка—блискуха увесь свѣтъ освѣчала, съ усяго мора корэньня вымывала, и зъ раба божжаго уроки сымала и вымала: и подуманыя, и погадȁныя, и приговорныя и набродныя, и жаноцкія и парабоцкія, и дявоцкія, и батьковы и маткины, и дѣдовы и бабины, и радостныя и жалостныя. И самъ жа Самуянъ и сама ты Палагея и святый жа Яковъ высылая и выдымая притчу, приговоръ, и поподуманый и погаданый, приговорный, и набродный, и жаноцкій и парабоцкій, и дявоцкій и батьковъ и маткинъ, и рабяччій и собаччій, и радостный и жалостный, изъ жилъ изъ пажилъ, изъ жовтыя косьти, изъ горачай крыви, зъ буйной головы. И святая серада, (день, въ который заговоръ произносится) стань Господухночка на помочь рабу (имя). Отъ Бога помочь, а мой духъ.

Тройчи, и дмухнуть. *С. Корма, гом. у.*

46, Першимъ разомъ, божжимъ часомъ, Господу Богу помолюся, матари божжай поклонюся и усимъ силамъ нябеснымъ, кіявскимъ, пячерскимъ и усимъ преподобнымъ Антонію и Хвядосію: стань Господи на помочь. Одна ракȁ Дямида, другая Соломида, а третьтяя Маланка—блискуха. Ина свѣтъ освѣчая, изъ мора корэньня вымая, изъ раба божжаго урокъ сымая, подуманый, погаданый, посмѣшный, потѣшный, примовный, приговорный, колючій, болючій. Отъ Господа Бога помочь, а отъ мяне духъ лёхкій.

Тройчи, и дмухнуть. *С. Перерость. гом. у.*

47. Умовляю я примовку и уроки, примовляю и уговарую. Первымъ разочкомъ, божимъ часочкомъ. Господу Боду помолюся, святой прачистой поклонюся. Ты Господи съ помоччу, а я съ словомъ. Раньня збра заранѝца, божжа помошница, утихаетца зоранька раньня, утихнися примовка и уроки и посмѣшныя и потѣшныя, и ириговорныя и подумныя и жаноцкія, парабоцкія, батьковы и матковы, Тутъ табѣ примовка не стояти, не колоть, не пороть, не горѣть, не болѣть, косьти не ломить, тѣла не пушить. Потуля ты стояла, и колола и порола, тѣло сушила—пушила, покуля я тябе не знала. А тяперъ я тябе знаю, я тябе вымовляю, я тябе ссылаю, а табѣ, рабъ божій спокой даю.

Тройчи по зарахъ. *С. Маровичи, гом. у.*

48. Добрыдянь табѣ, водица царица, красная дявица, усяму свѣту помошница! Вялѣвъ табѣ Богъ и приказавъ своимъ словомъ Спаситаль, святый честный мужъ? И хто у насъ честный мужъ?—Самъ Сусъ Христосъ и Спаситаль святый. Вялѣвъ табѣ, водица, и приказавъ: якъ ты

сама сабе очищаешъ и крутыя беражки и жовтыя пяски отбиваешъ, и бѣлое кореньня и чорное каменьня, такъ жа и змый и отби зъ раба божаго уроки, приговоры и уси тни и парапалохи, и старськія и бабськія и жаноцкія и парабоцкія и подуманыя и погаданыя, и посмѣшныя и потѣшныя, и водяныя и вѣтровыя и суховѣйныя, и дятиныя и уродимыя, и насыланыя и страканыя, и подымныя и слѣдовыя. И мѣсяцъ царъ, и царица сонца, и ты царица водица и змувала ты крутыя беражки и жовтыя пяски и бѣлое корэньня, и чорное каменьня, такъ и змый и отби уси подивы и ўсе лихо уредное и старыхъ стариковъ и молодыхъ молодиковъ и женьскія плоти. И цуръ табе хрищонаго и народжонаго! Спаситаль у помочь, а моé руки да духъ.

Тройчи. *С. Кр. Буда, гом. у.*

49. Первымъ разочкомъ, господнимъ часочкомъ, Господу Богу помолюся и святой прачыстой матари божай поклонюся. Матаръ божая, царица нябесная, приступися раба божаго уроковъ говорити,—придуманыхъ, приговорныхъ, утѣшныхъ и посмѣшныхъ, батьковыхъ и маткиныхъ, жаноцкихъ, паробоцкихъ, и колючихъ и болючихъ, и свѣтовыхъ и заровыхъ, утѣшныхъ и посмѣшныхъ. Изъ города Русалима ѣхавъ святый Яковъ исъ сыномъ сы Сакомъ и стрѣвъ святого пракраснаго Восипа. „Куды жъ ты идешъ, святый Восипъ?“—Иду я къ рабу божаму хрищоному народжоному уроковъ говорити придуманыхъ и приговорныхъ, утѣшныхъ, и посмѣшныхъ, колючыхъ, болючыхъ, свѣтовыхъ, заровыхъ, батьковыхъ, маткиныхъ, жаноцкихъ и паробоцкихъ. Яны стояли, кололи, якъ я ня говорила, а тяперъ я говору и выговарую изъ жылъ изъ пажылъ изъ суставъ, зъ горачыя крыви, изъ бѣлаго тѣла, зъ румянаго лица, съ карыхъ вочэй, посылаю на мхá на болотá, на ницыя лозы, на жовтыя пяски, на буйныя вятры, на тихія воды. Тамъ табѣ гулять бушавать, рабу божаму спокой давать. И мой духъ тихонькій, лéгинькій,—котомъ откачу, валомъ отвалю. Кóтомъ откатись, а валомъ отвались отъ рукъ да до ногъ, отъ ногъ да доловъ. А я домовъ, а твоё лихо доловъ.

С. Морковичи, гом. у.

50. Господу Богу помолюся и святой прачистой поклонюся, и стань Господи на помочь. И отъ Господа бога помочь и вячерней зарой и доброй порой. И на синямъ моры тамъ бѣлый камянь, на томъ камяни тамъ сядить три ангалы, и ангалы наши хранителы. И ня ўмѣють ни шить ни бялить, тольки ўмѣють уроки отогнать: и мужскія и жаноцкія, и дявоцкія и парабоцкія и подумныя, и погадныя, и простудныя и вѣтраныя. И святый Микола раба божаго избавляй. Тутъ жа вамъ уроки не

ходить и косьтей не ломить, щираго серца не знобить. Выгоняю жъ я зъ буйныя головы, съ щираго серца. И святый Егорай отомкни своими златыми ключами вороты, открый свою золотую ризу, прибавляй господнію росицу. И водица царица, змываешъ жа ты лясы, болоты, жовтыя пяски, змый раба божаго отъ усякаго зла. Стань Господь на помочь и святая мать прачистая, и святый Егорай запрый золотой своей ризой, замкни своими золотыми ключами отъ суха зла. Зъ моимъ словомъ, а зъ божай помоччу. Пошли Богъ на помочь!

Три разы. *Г. Бѣлица, могил. губ.*

51. На мори—лукоморъ и стоить сосна, подъ той сосной сидять три возлишныхъ пани: одна шавковую хусту вышивая, другая золотомъ подымая, а третьтяя ни ткаха ни праха, тольки тая уроки отбирая, подивныя, приговорныя, жаноцкія паробоцкія, зъ жилъ, съ пажилъ и съ суставовъ. Я съ словомъ, а пресвятая бугуродица на помочь.

Три раза на водѣ, и заочно. *Гомель.*

52. Господу Богу помолюся и прачистой матцы уклонюся и ўсимъ святочкамъ, усимъ святымъ годовымъ празьничкамъ, Антонію, Хвядосію, Митрохванію,—станьця Богу ў помочь. Выговарую я и ўроки и пристрѣки и подумныя и погадныя, приговорныя и жаноцкія и мужчиньскія и паробоцкія и дзявоцкія, и мѣщаньскія и цыганьскія, и поповськія и жидовськія. Выходзиця съ косьцей, зъ мяжджей, съ суставъ, съ полусуставъ, изъ ясныхъ вочей, съ чорныхъ бровъ, зъ румяннаго лица. *С. Недойка, рогач. у.*

53, „Ишла мать божая прачистая по калиновымъ мосту, вялà Исуса Христа за правую рукỳ, мосьничка проломилась, отъ рабъ божій отъ Маруты (имя) усё лихо отвалилось. Хто урокъ, тому скула ў бокъ. Перадъ ра́бомъ божимъ, перадъ Марутой, самъ Исусъ Христосъ, сама мать Бугуродица прачистая.“

Якъ перакажемъ, не може́ть нихто сурочить. *С. Кошелево, рог. у.*

54. Первымъ разомъ, господнимъ часомъ. Господу Богу напе́радъ помолюся, усимъ святымъ поклонюся апостоламъ,—и станьтя вы мнѣ уси у помочи. И проти ютрани, проти службы ишла мать прачистая по золотомъ мосту и золотой тростинòй попиралася, и сустрѣвъ яе Сусъ Христосъ: и куды ты мать прачистая 'дешъ?—А йду отъ тѣлца, отъ молоденца уроки уговаривать къ рабѣ божай. И уговарую и ўмовляю жаноцкія, дявоцкія, хлопоцкія, паробоцкія, и женьскія и мущиньскія, и удо-

вины и ўдовцовы, и дѣдовы и бабины, и батьковы и маткины; и уговарую и вымовляю изъ жилъ изъ пажилъ, съ косьтей, зъ можжей, изъ усихъ печаней, изъ буйной головы, изъ ясныхъ вочей, съ чорныхъ зъ бровъ, зъ лица румянаго.

Тройчи гомонишъ и дунéшъ. Ето такая хвароба, што вяликому кости тре́, ломая, а малому—кричить дужо, и съ копыльля вонъ. А погомонишъ, параспить, и здоровенько. Коли жъ нóгды ня зáсня--никъ другому няси: духу, бачь, мойго ня ўзлюбила. *С. Кошелево, рогач. у.*

55, Господу Богу напéрадъ помолюся и ўсимъ святымъ поклонюся, святымъ святочкамъ, усимъ годовымъ празьничкамъ большимъ, меньшимъ, кіявськимъ, пячерськимъ, усимъ русалимськимъ,—станьтя мнѣ на помочь. Отцова молитва, мамкино порождэніе, господнее сотвореніе, батькино, маткино багословенья. Якъ ясному мѣсяцу изъ неба не сходить, такъ рáбѣ божаму тому лиха ня мѣть, и уроковъ и нрироковъ изъ жилъ, съ пажилъ, изъ косьтей, изъ можжей, изъ усихъ печаней, изъ буйныя головы, изъ ясныхъ вочей, съ чорныхъ зъ бровъ, зъ лица румянаго.

Коли тольки злиха сприключитца, три разы сказать. *Тамъ же.*

56, Первымъ разомъ, господнимъ часомъ. Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся, усимъ святцамъ—богославцамъ, Антоню, Хвядосю, Миколушку батюшку, святой честной сяродочцы. Подъ раньняю зару ишла мати прачистая протя ютрани, протя службы, протя кахвисту. Сустрѣвъ яе самъ Сусъ Христосъ: куды идешъ мать божжая прачистая?—Иду къ рабъ божій (имя) уроки сымать, уроки и приговоры, и колючія и горучія и болючія, и женьскія и мужчиньскія, и хлопоцкія жаноцкія, и паробоцкія и дявоцкія, и ўдовиныя и удовцовы: мужчиньскія подъ вянцомъ, бабськія подъ чапцомъ, дявоцкія подъ завиткой, хлопоцкія подъ шаночкой. Выдымаю и высылаю изъ жилъ изъ пáжилъ, изъ косьтей изъ можжей, изъ суставовъ изъ полўставъ. Не я знаю, Господь Богъ зная, мать прачистая святымъ своимъ духомъ подыхая, на стану составляя. Выдымаю, высылаю, идѣ вѣтеръ ня вѣя, идѣ сонца ня грѣя.

Треба казать трэйчи на водѣ ти на хлѣби и за кажнымъ разомъ дуть и плювать на лѣвый бокъ трэйчи жъ. Коли уроки большія, дакъ треба узять жменьку соли у руку и водить рукой ницъ по виду и казать етую молитву. *Рогачевскій у.*

57, Першимъ разомъ, господнимъ часомъ. Ишовъ Богъ Исусъ Хри-Христосъ чаразъ калиновый мостъ, золотой тростиной попирався. Пришли къ синяму мору; ля синяго мора стоить дубъ на двананцать кокотовъ.

потъ тымъ дубомъ двананцать бусловъ грало, зъ Иваньки уроки, приговоры сымало: и дѣдовы, и бабины и батьковы и маткины, и дядьковы и теткины, и хлопоцкія и дявоцкія, парабоцкія, и дивныя, подивныя, поговорныя, посмѣшныя, потѣшныя, изъ жилъ изъ пажилъ, изъ буйныя косьти, изъ горучія крыви, изъ буйной головы—раба божаго Иваньки.

Три раза. *Д. Буда, рогач. у.*

58, Першимъ разомъ, господнимъ часомъ. Ишовъ Богъ Сусъ Христосъ теразъ золотый мостъ. Мосьница проломилася, у ра́ба божаго Сямёньки уроки отвалилися.

Три раза. *Рогач. у.*

59, Господу Богу помолюся и прачистой святой матари Христовой поклонюся и ўсимъ святымъ. Уси святыя станьтя мнѣ на момочь. Выговаруетца рабу божаму (алебо рабини) уроки-урочищи, жаноцкія и паробоцкія, мужчиньскія и бабськія. Хто якими уроками урачé, хай яму кровъю вочи заволочѐ. И ссылаю я ўроки на нятворанаю гору, на няхращоною зямлю, дѣ и пѣвни не пяють, дѣ й гуси ня кричать.

Тамъ вамъ быть, тамъ вамъ и жить, а у раба божаго ня бывать, кощи ня ломать, крыви ня сушить. Тамъ имъ быть, тамъ и жить, тамъ и раскоўшаватца.

Тройчи. *С. Дятловичи, гом. у.*

60, Шовъ Господь чаразъ калиновый мостъ, стростиной золотой попирався; калиновый мостъ обломився,—Богъ вярнувся, уроки-пристрѣки минулися. *С. Телеши, гом. у.*

61, Господу Богу помолимся, прячистой маци поклонимся. И мацъ прячистая, стань жа ты на помочь, и выговорицъ етыя сурёцы, и музьскія и женьскія. За горами, и за полями ляжицъ бѣлый камень; на томъ камени сядзицъ бѣлый лебедзь, бязъ крыльля и бязъ перья. Якъ етому лебедзю дзяцей не водзицъ, такъ етымъ сурёцымъ тутъ ня быцъ. Заговорюю и замовляю пяцъ вокъ: одно карое, другое ярое, третьця шѣрое, чацьвертое бѣлое, пятое дзявоччее—сына Максима.

Три раза. *Д. Готовецъ, чериковск. у.*

62, Царица водзица, Кацярина, Марина, обмываешъ ты крутыи беряги, жовтыи пяски, сырое кореньня, шѣрое каменьня—обмывай и очищай рабы божія, на чомъ яму ўроцы превосходились: у пицяньи ци ў ѣдзяньи, ци на гуляньи, ци на красованьи, ци на мяхкомъ спочивань-

ни, ци отъ ясныхъ глазъ, ци отъ чорныхъ бровъ, ци отъ того беззаконнаго удовиччаго нарождэнца. Будзьця вы уроцы ма́ляньки и лёгоньки, якъ маковое зёрнушко, якъ павлиное пёрушко; ляцицця вы ўроцы у чистыи поля̀, у цемныи лѣса и ў шѣры боры. А ў цёмныхъ лѣсахъ и ў шѣрыхъ борахъ, тамъ ёсь раскрасивый лугъ; серёдъ раскрасиваго луга стоицъ ракитывый кустъ, подъ ракитывымъ кустомъ сядзиць паненка, пироги пяче́ць и васъ у госьци заве́ць. Тамъ вамъ уроцы красованьня, тамъ вамъ уроцамъ спочиваньня,—по косьцямъ уроцамъ не ходзиць и косьци уроцы не ломиць.

Этотъ же заговоръ отъ урока, причиненнаго скотинѣ и даже ружью.

С. Королево, вит. у.

63, Першимъ разомъ, добрымъ часо́мъ. Господу Богу помолюся и мамцы прачистой поклонюся, и Господа Бога попрошу съ усими силами нябесными, кіявскими, пячерскими,—а ўси вы праведнички праподобныя, станьтя жъ Господухночка на помочь божжай коровцы чорненькой (ти якой). У поли стояла богова стаянька, а ў той стаянцы богова коровка, а у тыѐ коровки золотыя рожки, мѣдя̀ныя ножки, сярэбраный языкъ. Приди жъ коровка къ моёй божай коровцы, полижи коровка мою коровку, ножки и рожки и вымячко. Якъ жа у мори водица прибавляетца, штобъ у мое́ божай коровки божжа молочко прибавлялося; якъ жа у мори берагъ зъ беражкомъ ня сходитца, штобъ и къ моёй божай коровцы уроки ня приходили, ни жаноцкія, ни хлопоцкія, ни дявоцкія, ни схода, ни молодика и не подъ—повное, и вѣтромъ не наносная. И дай жа ты Господи моёй божай коровочцы бѣлаго молочка, жовтаго маслячка, товстаго сырцу; ня будь жа ты ўрошна, да будь жа ты молошна, якъ было, такъ штобъ и было, штобъ давъ Богъ яще боли прибыло. А хто завидутя да приглядаетца, дакъ соль имъ у вочи и головня у зубы, и горщокъ штобъ мижъ щокъ, и полѣно мижъ колѣна.

От коровиччаго уроку. Казать тройчи. *Гом. у.*

64, Першимъ разомъ, добрымъ часомъ. Водица жъ ты царица Божая помошни̇ца, красная дявица, востошница и помошница; помогаешъ ты усимъ мохамъ и болотамъ; поможи и мойму божаму коничку сивянькому; ишла жъ ты мохами и болотами и крутыми горами и жовтыми пясками, и змывала ты крутыя горы, и жовтыя пяски, и глыбокое корэньня и широкое листя и зялѣзо морськое и важкое,—измый жа ты зъ мойго божаго коничка усякое лихо приговорное и набродное, и жаноцкое и паробоцкое, и мужицкое и дявоцкое. А святая серада

(день), стань жа ты Господухночка на помочь мойму божаму коничку. И отъ Бога помочь, а мой духъ.

Говорить три раза и дуть на лошадь. Отъ лошадинаго уроку.

Тамъ-же.

65. Господу Богу помолюсь, матары Божай поклонюсь,—стань Господи на помочь, прачистая матка на радость! Царица водица, красная дявица! идéшъ ты мохами, болотами, ницыми лозами, крутыми горами, обмываешъ зелья корэньня,—обмый рабу божаму уроку, дянную, полудянную, ношную, полуношную, жаноцкую а паробоцкую. *Гом. у.*

66. Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу милосэрдному помолюсь, и станьтя ўси святыя етой скотини на помочь. А водица царица, Ульляница, румяница, змываешъ ты жовтыя пяски и зелья корэньня и отсюль траву, измый ты етой скотины уроки и подуманныя и погаданныя, и пристрѣшныя и просмѣшныя, и дянныя, полудянныя, ношныя, полуношныя, и музчиньскія и жаноцкія и дявоцкія и паробоцкія и дятинныя.

Отъ коровиччаго уроку. *С. Дятловичи.*

67. Вода водица, царица Ульляница—румяница! прибавляесься ты изъ горъ изъ водъ изъ вяликихъ ключовъ, прибавъ ты, Господи и матаръ божая, святая цариица Бугуродица, етой скотини молочка. И зоры—зарицы ёсть тридевьять сястрицы, мижъ вами ёсть большая сястрица Ева. Святая Ева, святый Восипъ пошлитя вы своихъ слугъ шукати етыя скотины молочка. А дѣ жъ яго шукати: ти у глякахъ, ти у пограбахъ, ти ў дубовыхъ шулахъ? Святая Бугуродица, стань на помочь!

Тоже. Треба казать три разы три. *Тамъ же*

68. Господу Богу помолюся, прачистой матцы уклонюся. Водзица царица Сантореевна, мыла ты корэньня и бѣло каменьня, прабывала ў Дѣдьнямъ руччи, зъ Дѣдьняго ручча упадала у рѣку, зъ рэки у Сожъ, у круты береги у жовты пяски. Налетали у мой хлѣвъ чорныя вороны, приносили бѣлыя постоялки (сметаны,) жовтаго масла, и уси моéй корови бурой уроки унимали.

Говоритца отъ коровиччаго уроку трими нáворотами надъ водой, и яѐ христить. *С, Недойка, рог. у.*

69, Выговаруетца рабу божаму отъ придуму, отъ пригоду, отъ приказу, отъ приговору, которыя вѣтромъ нагоняють, которыя словами наговаруютъ. И ссылаю придумъ, щобъ у раба божаго ня буватъ и кости ня ломать, и крыви ня палить и жилъ ня сушить. *С. Дятл, гом. у.*

70, Соль табѣ въ вочи, головня ў зубы, голень помижъ колѣнь! Три разы треба сказаць завидливому, кабъ ня сурочивъ. *Сѣнно.*

71, Господу Богу помолимся, пресвятой Бугуродицы поклонимся, стань ты, Господи, па момочь. Выговариваю (3 р.) урокъ, отъ рабы божай отговараваю. *Вѣтка, гом. у.*

Три раза надъ водой, въ которую бросается горячій уголь.

72, Ходзили-гуляли уроки-пророки по чистому полю, по синяму мору. На синямъ моры бѣлый камянь, съ подъ бѣлаго камня вышли три дзявицы, три сястрицы, яны разносили уроки-пророки, шѣрый глазъ, зялёный глазъ, чорный глазъ. Я раба божая тыя уроки-пророки отговарую и ссылаю на мхи—на болоты. Коли святая Богородзица поможець и я помогу. *С. Ляудеры, люцинск. у.*

73, Святая водзица, зямная и нябесная, усяму свѣту помошница. Прошу цябе, очищай раба божаго Иваньку. Отче нашъ...

Три раза надъ водою. *С. Гладково, чауск. у.*

74, Господу Боду помолюся, мать прачистой поклонюся. Святая мать прачистая, лицо чистое, стань на помочь и отъ уроку и отъ приговору. На раба божаго на такого то дунувъ, на нявѣрнаго, на проклятаго плюнувъ. (Дунуть на больного и плюнуть на лѣвую сторону). Самъ жа Господи стання на́ помочь и дасть часъ добрый, годину добрую.

С. Покать, рогач. у.

75, На початокъ дзевяць ложакъ увольлю, а тоды семъ, а тоды пяць, а тоды три, а тоды разъ, кабъ была помочь якразъ. Господзи милосьливый, стань на помочь и отъ мущинъ, и отъ жонокъ, и отъ усякихъ говорокъ рабу божаму.

Тройчи за́крутку обольлю ложкой, тоды „Вотча" тройчи, да помыть яго и видъ, и грудзи, и ўсяго. Три зари такъ. Усё на зарѣ треба помочь даваць. Тоды помочь лѣпшая; а днемъ помочи ня бываець. Хиба ўже митрэ́нга якая, ци звихъ ци баби што... *М. Круглое, могил. у.*

76, Уговарую, умовляю Григоровы уроцы мущиньскія, жаноцкія, рабяцкія, дзявоцкія, исъ кокцявъ, изъ но́хцявъ, исъ печанёвъ изъ леганёвъ, изъ жилъ, изъ па́жилъ, исъ суставовъ, изъ буйной головы, зъ горачія крывы.

Гэдакъ тольки сольлю потрэ́шъ и на водзѣ тройчи. Абы-коли.

Кругл. вол. могил. у.

77, Ходзивъ Господзь по зямлѣ и по водзѣ и по ўсякой моцы и не боявся суроцы, уроку, ўлёку и приговору, ни пужаньня, ни ўляканьня. И ты рабъ божій ня бойся ни ўроку ни ўлёку.

С. Нѣжново, могил. у.

На водзѣ тройчи; выпиць и помытца три зари.

78, Вотча... Помолимся Господу Богу, духу святому, пресвятой Бугуродзицы, мацери божжай, и ўсимъ святымъ апостоламъ. Святый Зосимъ стань на́ помочь, святыя ангали на радось. Идзиця вы ўроцы на мхи, на болоты, на ницыя лозы. Да помяни Божа ца́ра Давыда, города Русалима, усихъ дзѣлъ яго, усихъ службовъ яго, усихъ приказань яго, усихъ ангаловъ яго, усихъ процію яго, усихъ захоронителяй яго. И захорони насъ Божа отъ усякаго урага супостата. *С. Церковище, мог. у.*

Тройча на водзѣ; можно и за́чи (за очи, заглазно).

79, Ѣздзивъ Господзь Богъ по чистому полю, крапивъ Господзь Богъ и зямлю и воду̀, крапи гэту душачку отъ уроку, отъ улёку, отъ подзову, отъ приговору. *Церков. вол. мог. у.*

80, И помолимся и поклонимся Господу Богу и духу святому, тройцы святой ядыной и прачистой мацери божжай и святому воскрасэнійку Христовому, честному, милосэрному, и усимъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ, кіявськимъ, пячерськимъ, и рымськимъ, и русалимськимъ, Исакову и Якову, и Антоняму и Хвядосяму и святому Юру и Ягору, и святому вотчу Миколу. И святый вотча Миколочка, ты божжій угодничакъ, ты скорый помошничакъ, ты вяликій молитве́ньничакъ, ты скоранько помогаешъ, гэтому чаловѣку уроки и подзивы замовляешъ, на мхи и на болоты ссылаешъ. Уроки, идзиця вы на сороки, а приговоры, идзиця вы на вороны. *Тамъ же.*

81, На синямъ мори камянь, на тымъ камяни дубъ, на тымъ дуби тридзевять кокотовъ, на тыхъ кокота́хъ тридзевяць гнязд́овъ, на тыхъ гнядахъ тридзевяць сорокъ, тридзевяць урокъ отъ жаночча, отъ дзявочча, отъ хлопечча, отъ мужчыньска, русый волосъ, чорный волосъ, рыжій волосъ, бѣлый волосъ. Святыя святочки, годовыя празьнички, ходзиця ко мнѣ на помочь; я съ словамы, Богъ съ духамы, якъ стало, такъ перастало. *Вендор. вол. могил. у.*

82, Мацъ Марея сына мѣла, купала, раба божжаго уроки выбирала, исъ косьцей, исъ суставъ, зъ бѣлаго цѣла, зъ румянаго лица, изъ русаго

волоса, зъ голоса, што злый злая уракая, самъ Богъ помогая. Самъ Богъ на помочь, янгали на радось. Мацъ родзила зарой потперазала, усихъ яго ураговъ потоптала, кабъ косьци ня ломило и сэрца ня сушило.

Д. Жировецъ той же вол.

83, Помолимся, поклонимся святой зорочцы раньняй, святой зорочцы повдзённой, св. зорочцы вячерняй. Говору, говору уроки, суроки дзѣдковы, бабковы, бацьковы, матчины, братцовы, сёстровы, мужчыньскія, жаноцкія, дзявоцкія, хлопецкія рабу божжаму Иваньку. Пресвятая Богородзица, стань на̀ помочь. *Д. Михалёво, той же вол.*

84, Выходзиця уроцы, подумы злыя и нечасьцивыя приговоры зъ раба божаго, зь яго съ щираго сэрца, зъ рациваго живота, съ чорныя печани, изъ бѣлаго лёхкаго, исъ потроха, изъ голосной гортани, зъ ясныхъ вочей, исъ слуховыхъ вушей, изъ боявыхъ ноздрей, изъ буйныя головы, изъ бѣлыхъ рукъ, изъ бѣговыхъ ногъ, исъ суставъ, исъ косьцей, изъ нохцей, изъ волосовъ, изъ жилъ, исъ пажилъ, изъ горачія крыви. Кабъ и сэрца ня сушили, и живота ня крушили, и цѣла ня знобили, и косьцей ня ломили. Идзиця ўроцы-подумы злыя, нечасьцивыя приговоры, на мхи, на болоты, на ницыя лозы, на сухія лясы̀, дзѣ вѣтры ня вѣюць, дзѣ й сонца ня грѣя, дзѣ й пцицы не летаюць и звяръё ня бѣгая, —скорби и болѣзни—аминъ. *Д. Ямница вендор. в. могил. у.*

85, Жарко сонцо, ясный мѣсяцъ, три зарицы—родны сястрицы: вутреня заря, повдзенная заря и вячерняя; вода Ярда́ница, твоя матка волнявица, ишла ты цемными лясами, зялеными лугами, крутыми берегами, каменьнямъ, кореньнямъ, поможи рабу божаму отъ урочищъ.

С. Полыковичи мог. у.

86, Господу пераксцитца, ангалу помолитца и красному сонійку. Выговарую уроки и раньнія, и повдзенныя, и вячернія, и мущиньскія, и жаноцкія, и хлопецкія. Заступи Господзи урокъ съ урошныхъ вокъ.

Д. Бушляки, полыков. в.

87, Три разы „Вотча...“ Водзица царица, божжа помошница, отмый, отрый рабу божжаму уроцы женьскія, мужськія, усяку блазь. Хухъ, люби мой духъ! *Д. Церковище, той же вол.*

Тройчи, и хукпуць на яго.

88, Найсвенша матка Бялыницка, Почаевська, Разаньска, пемастырська, святая прачистая; поможи, на цябе надзѣемся. Зара вячерная, зара

ранная, водзица царица, сонца правядное, мѣсячакъ правядный, дай Господзи на момочь. Богъ съ помоччу, а дзѣдъ зъ руками. Дай Господзи усё доброе. *С. Черноручье, мог. у.*

89, Помолюся Господу Богу и духу святому: дай жа Господзь помочь. Выговарую суроцы и подзивы и мужчиньскія и жаноцкія, и рабяччія и дзявоцкія, и паньскія, и цыганьскія и жидовськія, и поповськія. Дай яму Господзи на помочь. Ву имя итца́ и святому духу. *Тамъ же*

90, Святыя Ганны, Бори́са, Макавъя—христовы дзянечки, поможиця и съ посьцели узнимиця: святый Спасъ, годовый празьникъ, божій помошникъ, хай помогаець; Прачистая святая, помошница, заступница, яна нехай помогаець псъ посьцели узнимаець; Иванъ Калиновикъ, дванаццаць апостоловъ, христовы дзянечки, Ляксандра объявлённый (нашъ царъ, яго жъ треба усягды поминаць,) Божа мацеръ, Здвижанья, христовый дзянечекъ, годовый празьничекъ, нехай помогаець и съ посьцели узнимаець; Янъ покровицель (перадъ Покровомъ), Покровъ святый, Змитрій и Кузьма —Дземянъ, сребраникъ, и Михаилъ австрація, Змитрохваньня, и Ягоръя, храбрый мучаникъ, христовъ помошникъ, Ганны и Варвары, и Микола, святый Ядонія (апостоламъ святкуюць) и Рожство, Васильли, Хращеньня, свѣтлое воскрасэньня, Янъ храсцицель и Громницы, и Стрѣчаньня (зима зъ лѣтомъ стракаетца), Аудакей, Ляксѣй, Благовѣщаньня, Вербница, Пяцинка-плащаница, Паска христова воскресная, прошу цябе зъ Господа Бога, нехай помогаець и съ посьцели узнимаець. Свѣтлое Воскрасэньня, святая Панассія, Ягоръя, и Микола, святое Успеніе (Ушесьця такъ зовѣтца), Духъ—Тройца сушная, Пяцинка Прасковея и святый Восипъ правостошникъ, святый Янъ Купала и Пятра-Павла, святая Илья—три апостолы, божи помошники, прошу жъ я васъ и Господа Бога, приступиця и рабу божаму поможиця. Водзица царица, ты цихо пробѣгаешъ, усимъ помочь даваешъ, поможи рабу божаму отъ уроковъ. *Тамъ-же*

Три раза на водѣ. Этотъ же и для животныхъ. Но свинью нельзя заговаривать.

91, Ходзивъ Господзъ по межахъ, збиравъ косьци мужчиньскія, жаноцкія, хлопяцкія, дзявоцкія, коньскія, коровиччія, овеччія й собаччія, кошаччія й птушаччія. Ѣхавъ Сусъ Христосъ на восливу, пріяжджавъ къ синямў мору, становивсь на бѣлымъ камяни. Якъ бѣлъ камянь ничого не боитца, такъ раба божая ня бойся ни хрðмосьци пи ломосьци, ни злыхъ людзей, ни проклятыхъ вочей, ни чародзѣйника, ни чародзѣйницы, ни ўсякаго зла. Спаси, помилуй, святый вотча Микола, вяликій чудотворацъ. *Тамъ-же.*

92, Помолимся Господу Богу, поклонимся Господу Богу, святому дню воскресному, и ўсимъ святымъ апостоламъ, ангаламъ, и усимъ святымъ молодзичкамъ, и ўсимъ святымъ ветошкамъ, зорочкамъ нябеснымъ. Помолимся и поклонимся святому Ягору Побѣдоносьску, помолимся святому Ушéсьційку, Миколи чудотворчику, святому Духу и святой Тройцы; помо лимся святому Йвану и святому Пятру-Павлу, усимъ святымъ празьничкамъ, и святому Ильли пророцы; помолимся святымъ Борисамъ, Ганнамъ, Макавъю, святому Спасыталъку, святому Йвану, што перадъ прачистой ходзиць. Помолимся и поклонимся прачисцей божай мацери, святымъ Хроламъ, Чудамъ, и прачисцей божай мацери другой; святому Здвижаньнійку, святому Покрову покровицелю; помолимся святому Михаилу Настрáцелю, святому Кузьму—Дземяну; святыя Ганны, што ходзюць перадъ Пилиповкой, святому Вядзэнію, Митрохвану; Микола святая чудотворча; Варвары, Саввы; святому Рожаству, годовому празьнічку, и святого Васильлику. Помолимся и поклонимся святому Ярдани, Кщенійку; три свяцицели пресвятыя; помолимся святому Стрѣчанійку, годовому празьнічку; тамъ уже Аўдокéй, святому Ляксѣю и святому Благовѣщанійку, годовому празьнічку, и святой вяликой Пяцинцы—плащаницы и святому Воскресному дзянечку. Водзица царица, скорая помошница, поможи рабу божаму отъ уроковъ, улёковъ, отъ нячистыя силы. Давай Господзи на помочь.

М. Шкловъ.

Этотъ же заговоръ записанъ и въ *с. Любиничахъ,* горецкаго у. съ того лишь разницею, что имена праздниковъ поставлены въ зват. падежѣ; святый Ванъ храсцицель, святая Альля пророча, святое Пятро... и ўпрашуемъ и ўмоляемъ, дай Господзи помочь гэтому чаловѣчку.

93, Господу Богу помолюся, низкія уклоны уклонюся (30 поклоновъ) Господзь Богъ, Сусъ христосъ, мацъ прячистая отъ суроцы на помочь становися. Господзи Божа богослови, буду отъ суроцы заговариваць. Мацъ прячистая плачець, рыдаець, горючу кровъ разливаець, къ цесовымъ воротамъ прилегаець, и рабу божаму Иваньку помочи додаéць, Скула-скулйца, красна дзявица, по косьци не ходзи, косьци не ломи, сэрца не нудзи; выходзи зъ жилъ, съ пожилочекъ, съ косьцей изъ мождзей. Заговарюю отъ часины, отъ мигнуты, отъ дзянныя, отъ ношныя, отъ повдзёныя, отъ полуношныя, отъ думъ, отъ придумовъ, отъ чорнаго вока, отъ чорнаго волосу, громкаго голосу, отъ дзявоцкаго, отъ жаноцкаго, отъ хлопецкаго, отъ старыхъ стариковъ, отъ старыхъ старушакъ, Дай Богъ нá помочь,

Рясн. в. чаус. у.

94, Одзинъ чаловѣкъ урокъ, а три особы отходзило: одзинъ Богъ, другій Духъ, третьцій—тройца святая. Нехай на того урокъ, хто етаго чаловѣка урочивъ. *Д. Толпечицы мог. у.*

Тройчи; дмухнуць и на лѣвый бокъ плюнуць.

95, Слышная панна наша, Настася Прикрася, ина наша заступница и помошница, заступи и заборони своимъ духомъ. Слышная панна, скорая вышиваньица, Настася Прикрася. Ина не хоцѣла жиць ни ў городахъ ни у царквахъ, а захоцѣла жиць на синимъ мори. На синимъ мори ёсь выспа, на той выспи стоиць дубъ, на тымъ дубу дванапцаць суковъ, на тыхъ дванапцаць суковъ по дванапцаць гняздзёнъ, тамъ разныя пташки райськія пѣсьни пяюць, слышную панну Настасю Прикрасю узвеличаюць. Слышная панна, Настася Прикрася, ина ходзила по свѣту, ина давала людзёмъ и скотóмъ помочи. Пошли жъ ты господзи, прячистая матухна, своимъ духомъ на помочь. Уговарюю отъ суроцавъ и умовляю отъ музькихъ и отъ женьскыхъ, отъ ребяччыхъ, дзявоччыхъ, отъ паньскыхъ, поповськыхъ, дзяковсьkыхъ, цыганьскыхъ. Пошли Господзи своимъ духомъ и содми ету болѣзь отъ суроцы; дуни жъ ты ету болѣзь своими зарями,—вячерними зарями, полуношными зарями, свѣтовыми зарями. *С Радомль, чаусск. у.*

96, Уговарюю, упрашую суроцы, притчи, скўлу, статьцё, лихотьцё, жаноцкія, хлопецкія, молодзицкія, дзявоцкія, стрѣшныя, попярешныя, поцѣшныя, радосныя, жалосныя, придумныя, примовныя, приговорныя; выкацься, вываться зъ буйныя головы, зъ жовтыя косьци, съ чорныя крыви, зъ жилъ, съ пажилъ, зъ рячивого серца, зъ живота, съ косьцей, зъ можчей, съ пальчиковъ, съ суставчиковъ, зъ нохциковъ, зъ лохциковъ, Не сама я собой, прячистою святой; стань мнѣ Господзи на помочь, ангалы на радось, святая мацъ прячистая на порятунокъ. *Радом. вол. чаус. у.*

97, На синимъ мори стоиць пристолъ, на пристоли панна сядзиць, шавкй вышиваець, усимъ людзёмъ помочи даваець отъ притчи, отъ приговору, отъ стрѣшныхъ, отъ подзивныхъ, женьскихъ, дзявоцкихъ, отъ удовъ и удовиныхъ дзяцей. Святый Михаилъ приступаець, огнянным мечамъ отсѣкаець, ангальскимъ крыльлимъ отметаець. *Тамъ-же.*

98, Мацъ пресвятая Богородзица востошница, помоги и на помочь приступи. Водзица царица, по ўсякому свѣтў помошница. Якъ жа ты смываешъ сырое кореньня, сѣрое и бѣлое каменьня, такъ жа и смой

боль у раба божаго сярдэшную, грудную, головную (сэрца упéрадъ за ўсяго зачинаетца отъ плоци), косьцявую, жильную и пожильную, и утробную, и ў рукахъ, и ў ногахъ. Такъ жа вы уроки прорекающія, устрѣшныя, попярешныя, жалосныя, радосныя, заднія и поглядніяидзиця вы на мхи, на болоты, на ницыя лозы, дзѣ пявуны не пяюць, и дзѣ людзи ня ходзюць. Тамъ вамъ курганы, погуляны, а надъ рáбомъ божимъ нема споруганьня во вѣки вякомъ аминъ.

99, Поклонюся Господу Богу Сусу Христу цару нябесному. Помяни Господзи отцовъ нябесныхъ, смоленьскую явленную божую мацеръ и спаси насъ. Святыя отцы кіявськія, пячерськія Антоній, Хвядосій, отцы праподобныя, усяхвалныя, Ягорій вяликій праподобный нябесныхъ силъ, усихъ грэшныхъ очисьци насъ и спаси насъ отъ усякаго зла, няпріятныя души, и заступи и сохрани отъ суроцы и отъ усякаго зла, и помилуй насъ грэшныхъ на усякимъ мѣсьци владычасьци твоимъ. *М. Дубровна*,

100, Дванатцаць царей и дванатцаць королей, и царя Давыда упрошаю и ўмоляю. И тамъ на мори на лукоморьи злишныя панны гуляли и ўроцы вышивали, вѣтрявыя, водзяныя, подумныя, поглядныя, поцѣшныя, посмѣшныя, стрѣшныя, попярешныя; шѣрое воко и чорное воко, бѣлый волосъ и чорный волосъ. И водзица царица, красная дзявица, мыла горы, долины, жовтыя пяски, умый, обмый и ў раба божаго уроцы; и тутъ имъ ня быци, раба божаго ня сушици; на синимъ мори тамъ имъ бувацъ и гуляць. И ўси празьнички, божія угодьнички, поможиця мнѣ ў корысьци, ў радосьци, у добромъ здоровъю. Вячерняя заря, полунóшная заря и свѣтовая заря увесь свѣтъ сокрашали и Господомъ Богомъ помогали.

Дубровн. в. гор. у.

101, Вотча нашъ... Божая помочь воими... Помяни Господзи царя Давыда и ўсю кротось яго. Стань Господзи на помочь, ангали на радось, пресвятая Бугуродзица на помочь. Выбираю уроцъ зъ раба божаго, изъ головы яго, изъ вочъ, исъ серца, зъ зубовъ, изъ вушовъ, со рта, изъ носа, и съ шіи, съ плечъ, съ хребетной косьцй, изъ рэберъ, изъ рукъ, изъ ногъ, изъ нутри зь яго, изъ жилъ, исъ крови, исъ цѣляса зь яго. Ссылаю васъ суроцы на синя моря; на синимъ мори бѣлый камень; тамъ вамъ цясовая корвацъ и пуховыя пярины; тамъ вамъ прибывацъ, а такимъ то рабомъ не ўладаць. *С. Холбни, гор. у.*

102, Поминаю первáго цáря Давыда сына Косцянцина, горовóго, вѣтряного, водзяного, огняннаго, полоннаго. Уговарюю уроцы женьскія,

музькія, молодзецкія, дзявоцкія, жаноцкія хлопоцкія, мущиньскія съ подъ шапки, женьскія съ подъ хустки, дзявоцкія съ подъ косы; подзивныя, непроцивныя, раньнія вячернія, подзенныя, полудзенныя; и уговарюю съ косьцей, зъ мозчей, изъ русаго волоса, зъ буйныхъ косьцей, зъ ряциваго сэрца. И упрашую Господа Бога Исуса Христа, Кузьму Дземяна, стань на́ помочь; пресвятая Пяцинка Прасковея, отъ бѣдъ заступница, скорая помошница, стань на помочь. Алёна, Магдалёна на мори гуляли, бѣлый камень разбивали, горючую кровъ разгоняли, ра́бу божаму помочи давали.

Двапатцать разовъ перегоню етакъ. *М. Романово, горецк. у.*

103, У кіями на лукоморьи ляжиць камень отъ царя Давыда, отъ Евы, отъ Адама, отъ Кузьмы Дземяна, сребраника; на томъ камни двѣ змѣиныхъ панны: панна Марья, панна Магдалена—у краски играюць, лицы—ўроцы отгоняюць. *Романовск. вол. гор. у*

104, Вотча... Водзица царица, ишла жъ ты лугами и крутыми берегами, жовтыми пясками, шавко́вую траву подымала и руду обмывала. Тамъ прячистая божжая мацерь руки мыла; я воду бравъ, и рабу божжаму помочь дававъ. *С. Городецкъ. чаусск. у.*

105, Маци Божжая по сіянь-полю ходзила, Суса Христа носила. 'Прошаю, ўмоляю Господа Бога, Яна хрясциделя, святого воскрясэнійка, уговарюю уроцы рабу божжаму мужчиньскія, жанецкія, хлопяччія, дзявоччія, и ўцѣшныя, посмѣшныя, подумныя, погаданныя, стрѣшныя, попярешныя, водзяныя, огняныя. Помолюся Господу Богу, царицы нябесной, Варвары мучаницы, господней, божжай приподобницы. Молиця Господа Бога за яго грѣшнаго. Хухъ, люби мой духъ! *Городецк. в. чаус. у.*

106, Прячистая божа мацерь спорядзила Суса Христа сына свойго, узяла яго на праву рукў, понясла яго по сіяньскому полю, исъ сіяньскаго поля на сіяньскую гору, исъ сіяньской горы на синя моря. На синимъ мори ляжиць бѣлъ лакирь-камень: положила прячистая Суса Христа на лакирь-камень, и уроцы сцирала—думныя, подумныя, дзивныя, подзивныя, дзявецкія и хлопецкія, и женьскія музькія, стрѣшныя и попярешныя, кабъ яны миновались, пикогда ня 'трыгались. Аминь.

Тамъ же.

Отъ ношницъ, криксъ.

Треба узяць окрайчикъ житнаго хлѣба, завярнуць исъ сольлю у бѣлую трапочку, перавязать красной ниткой; тоды узяць дзицёнку вязёльчикомъ

етымъ головку погладзиць да подъ печку поткинуць, А тоды три разы подъ печку поклонитца, не ксцясь, и казаць:

107, Криксы, криксы, дарую я васъ хлѣбомъ—сольлю, бѣлой рубашечкой, краснымъ поясочкомъ,—даруйця мойго дзицяци добрымъ здоровъемъ и сномъ! *М. Микулино, Орш. у.*

108, Унимайцеся, криксы, и зависныи и радосныи, и ўрошныи и прирошныи, свѣтовыи, заравыи, и полуношныи, и повдзенишнiи!

Тамъ-же

109, Сонца за лѣсъ, крикса на лѣсъ, а дзицяцю спаць....

Вит. у.

110, Господу Богу помолюся и прачистой матари поклонюся. Добрыдянь, ношничка! У тябе сынъ Максимъ, а ў мяне дочка Катярина: будемъ съ тобой свататца, брататца, отбяромъ у раба божаго криксы и плаксы, и дянныя, полўдянныя, и ношныя, полуношныя, и ўтѣшныя, потѣшныя, и ўрошныя и приговорныя, и заглядныя, и подумныя.

С. Столбунъ, рог. у.

111, Господу Богу помолюся, прачистой матары поклонюся. Добрыдянь, курки Матрунки! ти спитя вы?—Спимъ!—Нехай жа и рабъ божiй Змитрокъ спить. *Тамъ-же.*

112, Господу Боду помолюся, святой прачистой поклонюся. Добрывечаръ, курки—курвички! Возьмитя у раба божаго ношнички, ношныя и дянныя. Вы курки кричитя, а нашъ раба божiй нехай мовчить. Господу Богу помолюся, святой прачистой поклонюся. *Г. Бѣлица.*

Оба говорятся подъ насѣстью.

113, Першимъ разомъ, божжимъ часомъ. Помолимся Господу Богу, станьтя вы господа, ўси на помочь. Зара заранпца, красная дявица! Ё ў мяне дявица, ў тябе молоденяцъ: нехай твой молоденяцъ возьмя у моё дявицы крыксы и плаксы и ношницы; няхай нясе на мха, на болота, на ницыя лозы; няхай посадя на гнилой колоди; няхай тамъ пищать, а мойго чуръ хращонаго, нарожонаго. *С. Корма гом. у.*

114, Стань Господь Богъ на помочь! Добрывечаръ, зара заранпца! У мяне хлопчикъ, у тябе дявица. Возьмитя отъ мойго хлопчика ношницы своёй пракрасной дявицы. Курки сокотерики, вамъ усю ночь сокотать,

а рабу божаму усю ночь спать. Вы собачки брахуны, возьмите отъ раба божаго крикуны, Дай Богъ на́ помочь. *Гомель.*

Говорится подъ насѣстью.

115, Господу Богу помолимся, прачистой мамцы поклонимся, усимъ святымъ апостоламъ, усимъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ,—уси мнѣ станьтя на помочи. Добры̆дянь, дўбъ Лебяди̂нъ! у тябе дочка, ў мяне сынъ. И бяры ты отъ яго плаксы и крыксы, и варыксы, и дянны̆я, полўдянныя, и ношныя, полуношныя, и ранныя и вячерныя. И бяры зъ жилъ, съ пажилъ, зъ горучія крыви, зъ буйной головы, зъ ративаго сэрца. Идтя вы на темныя лясы, на товстыя дубы, на широкія листы, —тамъ вамъ пить и буять, а мойму молоденцу спать и гулять.

С. Недойка, рог. у.

Трэйчи. Увечары трэба казать; добры̆дянь, а ўрани; добры̆вечаръ! Погомоню прытно—и ратуя. А то и ўноччи и ўдень бязъ путя крычить.

116, Первымъ разомъ, божимъ часомъ. Господу Богу помолюся, матцы прачистой поклонюся. Матка божая святая, стань мнѣ на помочь —рабу божаму младенцу крыксы говорити. Зоры-зараницы, красныя дявицы, возьмитя вы крыксы—ношницы, и батьковы и маткины, и дявоцкія и паробоцкія, и жалосныя и корысныя, утѣшныя и посмѣшныя, свѣтовы̆я, заравыя. И вамъ, зорачки, на стояньня, а рабу божаму младенцу на здоровъя; вамъ, зорачки, посвѣтити, а рабу божаму младенцу поспати. *С. Черетянка, гом. у.*

117, Першимъ разомъ, другимъ часомъ. Добры̆вечаръ, курочки—сястрычки! Возьмитя отъ Адарки ношнички, дянныя, полўдянныя, ношныя, полуношныя. Куры жовтыя, куры чорныя, куры бѣлыя, куры рабыя, а ня кадунъ васъ народивъ на раба божаго Адарку (Дарью). Цуръ тябе, хращонаго, народжонаго. *Д. Задоровка, гом. у.*

Коли дитя крычить бязъ путя, трэба увечары подъ куры поднесть и казать. Параказавши, плюнуть на ’бои боки коло сябе, штобъ Сухотникъ не вязався, и нести ў хату, ня ’зираючись. Тогды ўзять мазницу размунде́рыть и стѣнь дятенка показать на дёхти и сказать: „оставайтесь ношницы ў мазницы!“ и закрыть. И войме́тца.

118, Курочки-сокотушки, возьмитя отъ молоденца ночнушки; вамъ курочки спѣвати, а молоденцу спати. *С. Сѣровка, гом. у.*

Отъ Сухотника, зъ двохъ колодяжовъ, съ трэтьтія рѣчки воды злить, по зарахъ бяручи, и три дни на печи дяржать. И ўзлить на дворѣ, на

сутокахъ, на голову раздѣтому, и тамъ и чарапокъ кинуть и сорочку, и ити на'зираючись.

119, Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолимся, пресвятой Бугуродицы поклонимся, стань ты, Господи, па помочь. Выговараваю крыксы-плаксы, дянныя, полудянныя, ношныя, полуношныя, урошныя, приговорныя, вѣтраныя, водяныя, придумныя, пригадныя, жаноцкія, дявоцкія, рабяцкія, хлопяцкія. Куры крычать, куры крычать, а табѣ рабъ божій велять спать, мувчать. *М. Вѣтка.*

Отъ ляку, упуду, сцѣни.

120, Упудъ-упудзища, выговариваю я цябе зъ буйной головы, зъ русаго волоса, зъ рупиваго сэрца, зъ жилъ, зъ пожилокъ, съ косьцей съ покосьцей, съ суставъ, съ суставокъ, зъ раба божаго Иваньки. Святый Свѣтлый—дзякёчекъ, стань на помочь!... Святый Микола стань на помочь! святая пяцинка, стань на помочь! святое Ўзнясеньня, стань на помочь! святый Пятрокъ Павелъ, стань на помочь! святой Илья, стань на помочь! святый Спасъ, стань на помочь! святая Прячиста, стань на помочь! святый Покровъ, стань на помочь! святый Кузьма—Дземянъ, стань на помочь! Упудъ-упудзища, высылая я цябе на мха на болоты, на гнилыя колоды, на бѣлыя каменья, на ракитывыя кореньня.

Треба помѣряць ниткой суставы и позавязуваць вузéльчики отъ каждаго сустава. Скольки будзець вузéльчиковъ, стольки разовъ надоби казаць молитву. *Городок. у. вит. губ.*

121, Першимъ разомъ, добрымъ часомъ. Перéполохи вымовляю, Господа Бога упрошаю,—бацьковы, мацярыны, и дзявоцкія и хлопоцкія, и чаловѣччія и кошеччія, и собаччія и коровиччія. Помощи Господа умовляхъ, уговорахъ, Господьнихъ помыслихъ; стань Господзи у помочь аминъ.

С. Чигиринка, быхов. у.

Говорятъ, купая испуганныхъ дѣтей „въ колядномъ попелѣ."

122, Упрошаю Господа Бога и матку святую, и Юръя—Яворъя, скораго допомошника. Сцѣнь умовляю, Господа Бога упрошаю. Сцѣнь—сцяпица, идзи на сухое сожница, есуши сухое сожница, покинь раба божая —малое дзяцища! *Тамъ же*

123, Змываю я сцѣнь собаччій, кураччій, коциный, и дзяциный. Отсылаю я на бярозовое лисьця, зъ бярозоваго на кляповое, съ кляноваго на мѣсячку. Мѣсячка овсѣщается, рабенкова кровъ очищаетца.

Треба говорыць у трохъ куткахъ; собраць тамъ павуцинки и етой павуцинкой подкуруваць. *М. Городецъ, рогач. у.*

Въ м. Руднѣ орш. у. „пудъ“ лѣчатъ такъ: надоби ўзяць обыдзеннаго що̂локу и на хресьпяхъ у куци вымыць дзяценка. Дакъ тамъ, у тэй золѣ, будуць волосы, того, кого дзяценокъ спужався. Треба й покурыць травкой „попудникомъ.“

Въ м. Микулинѣ орш. у: Узять, змѣряць ниткой голову̀, тулово, руки, ноги, уси суставы рябешачка; завярнуть у ильляную трапочку житный крайчикъ съ солькой, обвязаць етой ниткой, и погладзиць по головцы, по тулову, по усимъ цѣлу; посьли йци на ростаньки, поклонитца, не ксцясь, три разы, покласць тамъ, на хресьняхъ, на ростанькахъ, хлѣбъ и сказаць.

124. „Вѣцеръ, вѣцеръ, вѣтраникъ, возьми свой сухотникъ! не сама я собой помогаю,—божай мацяру святэй, святымъ Михайломъ—рахайломъ. Божая мацяра поможи пособи!“

125, Заря Рина, заря Кацярина, посватаемся, посходатаемся: у мяне сынъ, у цябе дочка. Возьми у мойго сына пярѐполохи ношныя и полуношныя, дзянныя й полудзѐнныя, и цѣнныя и ляканныя, и за̀вистныя и радостныя, и собаччія и кошаччія. Выговариваю пяреполохи зъ буйныя головы, съ хрябётной косьци, зъ румянаго лица, зъ ясныхъ вочъ, съ чорныхъ бровей. Потуль походзили, потуль погуляли, покуль я коло ихъ не походзивъ. *С. Мхиничи, черик. у.*

126, Господу Богу помолимся, прячистой маци поклонимся: стань къ намъ Господзи на помочь и прячистая матка на поратунокъ. Мацъ прячистая приступала и помочь давала. Заря Рина, заря Марина и мацъ моя Кацярина, посватаемся, посходатайствуемся: у мяне сынъ у цябе дочка, возьми ў мойго сына пярѐполохи,—дзянныя, полудзяны, ношныя, полуношныя, раньнія и вячернія, музскія и женьскія, дзявоччія и ребяччія, собаччія, куряччія, свиняччія, кошѐччія, коньскія, коровськія, паньскія, и цыганьскія.

Три раза. *Д. Марьина Буда, черик. у.*

127, Господу Богу помолюсь и матцы прачистой уклонюсь и усимъ силамъ нябеснымъ,—стань Господи на момочь рабу божаму Хвѐдору. Выкачую лякъ кошаччій и мышаччій, и вярабяччій и котиный и лосиный, и коньскій и коровяччій, батьковъ и маткинъ, и хлопоцкій и паробоцкій и дявоцкій, и подуманый и погаданый.

Три разы казать качаючи по животу галочками изъ попялу на горѣлцы. *С. Жгунъ, гом. у.*

128, Господу Богу помолюся, прачистой матари поклонюся и усимъ святымъ праподобнымъ кіявськимъ, пячерськимъ Антонію и Хвядосію,— станьтя ўси на помочь лякъ шаптать. И вышептую яго и счбсаваю и женьскій и музскій, и дявоцкій и паробоцкій, вѣтровый, зямляный, водяный, коньскій, коровяччій и свинный и овеччій, гусиный, куриный, собаччій и кошаччій. И ссылаю тябе лякъ: забяритя лякъ бабы ў чапцы, мужчыны у шапки, дзѣвки ў косы, хлопцы ў магерки; вятровый на вѣтяръ ляти, зямляный на землю ўпади, водяный на водѣ пливи,—коню у ноги, корови ў роги, свиньнѣ ў животы, овечцы ў копиты, кошцы ў пячонки, собацы ў головки, гуси ў дюбки, курицы ў лапки. И няситя на моха, на болота, на крутыя горы, дѣ вѣтяръ ня вѣя, и люди ня ходять, пѣвни не пяють, вовки ня виють. Тамъ чорный волъ по горѣ ходя, росу оббивая,—тамъ увесь лякъ пропадая. Самъ Господь и матаръ божая помогая.

Треба тогды узять жменю кужалю и часать яго, открывши коминъ, а почасавши, разостлать на столѣ и поставить посяродъ зляканнаго дятёнка и запалить. Коли кужаль будя горѣть, треба казать:

Куды дымъ, туды и лякъ (3 разы); дымъ на дворъ и лякъ домовъ (3 разы).

А тогды якъ можно громчѣй гукнуть дятенка на ймя коло самаго вуха. *С. Поповка, гом. у.*

129, Господу Богу помолюся и матари божай приклонюся и ўсимъ святымъ угодьникамъ и ўгодьницамъ. Святыя ўси угодьники и угодьницы, приступитя и поможитя рабу божаму Альлю выговорить лякъ уси тни и ўси параполохи, и молодикавыя и вехтавыя, собаччій, теляччій, и котиный и мышиный, и жучиный, и чарвяковъ и павуковъ, и поповській и цыганьскій и московській, и коровій и воловій и коньскій и вовчій и батьковъ и маткинъ, и дядьковъ и теткинъ и дѣдовъ и бабинъ, и знающій и нязнающій и тѣнявый и падалный, що упадé, и сонный, що ў во снѣ придастца, и вѣтраный и водяный и суховѣйный, и дятиный и ўродимый, и насиланый (насыланый) и строканый, и подуманый и погаданый. Выговарую зъ буйныя голови, зъ жовтыя косьти, зъ горачія крыви: у ёмъ вамъ ня стояти, косьтей ня ломити, и живота ня тошнити, сэрца ня крушити, вопуха ня подымати. Цуръ тябе хращонаго, народжонаго. Помочь твоя Господи, сотворшаго небу и землю.

Тройчи. *С. Красная Буда, гом. у.*

130, Ишовъ Сусъ Христосъ и мать, прачистая Бўгуродица, устракають бабку, спрашують: куды ты, бабка, идёшъ?—А иду я къ рабу божаму лякъ ўговаравать, чаловѣччій, коньскій, коровській, собаччій, котиный. Дай Богъ на помочь. *С. Романовичи, гом. у.*

131, Господу Богу помолюся, прачистой матари божай поклонюся. Уговарую и вымовляю раба божаго лякъ, параполохъ, сороччій, вороньній, коньскій, воловій, батькинъ и матчинъ. Стань Господи на помочь, матаръ божая на радость. Я съ словомъ, Богъ є съ момоччу.

С. Телеши, гом. у.

132, Помолюсь я Господў Богу. И говору, выговарую зъ-лякў зъ буйныя головы, зъ горачія крыви, съ усихъ жилъ съ пажилъ, съ суставцавъ, съ палцавъ. Ти ты съ подиву, ти съ поганыхъ вочъ, тутъ табѣ ня стояти, и кости ня ломати, и сэрца ня тошнити. Ссылаю я тябе па крутыя горы, на бѣлыя бярозы,—тамъ табѣ питяньня̆, ядяньня̆ и гуляньня. И на мори на кіяни, на войстрови на буяни сядить дѣдъ, и съ усимъ морамъ размовляя и етый злякъ замовляя.

Трэйчи. *Стрѣшин. вол. рог. у.*

Коли дятенокъ улякне́тца, дакъ животъ уздуя, ня йме́ ѣсти: и ко́ля и по́ра. Трэба покупать у щолоцы съ по́пяломъ, и загомонить, и коли у попяли будуть чіе́ волосься, дакъ имянно отъ улёку. А гомонка такая, про́стая:

133, Выходи зъ раба божая Ганы улёка дявоцкая, хлопоцкая, паробоцкая, жаноцкая, мужчиньская, дѣдова, бабина, кошеччая, собаччая, тяляччая, кураччая, свиначчая, гусяччая, коньская, коровськая, овеччая.

С. Кошелево. рог. у.

134, Господу Богу помолимся, прачистой матцы поклонимся,—Богъ съ помоччу, а я съ словами. Зляча, зля̆ча, добрый чаловѣча, по косьтяхъ ня ходи, косьти ня ломи. И выговарую коньскій, воловській, тяляччій, поросяччій, овеччій, куриный, гусиный, собаччій; воговарую съ усякія шерсьти, зъ жовтыя косьти, зъ рыжаго мяса, зъ румянаго лица, съ карыхъ вочъ, съ чорныхъ бровъ,—по косьтяхъ не ходить, косьти не ломить, живота ня сушить, сэрца ня тошнить.

Трэйчи сказать, плюнуть и дмухнуть. *С. Недойка, рог. у.*

135, Господу Богў помолюся, усимъ святцамъ поклонюся. Говору, выговарую рабъ божій купки-пяре́купки, пяре́полохи, и женьскія, муж-

чиньскія, кошаччія, свиняччія, тяляччія, кураччія, гусяччія, поросяччія, котиныя, мышиныя, вутиныя, и коньскія, коровськія, овеччія, чаловѣччія, —изъ буйныя головы, зъ бѣлаго тѣла, зъ лица румянаго, и съ суставъ, съ полусуставъ, и выдымаю, и высылаю на синее мора. На синямъ моры прыстолъ стоить, на тымъ прыстоли сядить тры дѣвицы, и читають и выписують и по синямъ моры рассылають. Мора сколыхнѣтца, пужаньня минетца; няхай мора буяя, няхай рабъ божій гуляя.

Трейчи периказать на водѣ и за кажнымъ разомъ дмухнуть и плюнуть, и той водой намочить уси суставы, а малыхъ купать.

С. Кошелево, рог. у.

136, Господу Богу помолюся, матцы прачистой поклонюся: Выговаруетца рабу божаму злякъ жаноцкій, музчиньскій, дявоцкій и паробоцкій, и хлопоцкій и подтѣнный. И ссылаямъ злякъ етый на пятворную гору, на нехращовую зямлю, дѣ й пѣвни не пяють, и люди ня ходять. Тамъ табѣ, злякъ, роскошаватца, а ў раба божаго, або ў рабини, ня буватъ, косьти ня ломать, жилъ ня сушить, сэрца ня крушить. Святая водица царица рабу божаму помошница. *С. Дятловичи.*

Тройчи сказавъ, воду тую дмухнуть, скрозь ногу (подъ колѣно) пронявъ,—выпить, помыть—и минѣтца. А то ще отъ ляку сорочку разорвать, у маку самосѣю купать, у верби.

137, Выка́чаютца, выгладжуютца улёки, спужаньни, узираньни, мужчиньскія, жаноцкія, и хлопецкія, и дявоцкія, и коньскія, и коровъя, и овечча, и свинячча, и кошеччія, и собаччія, и птушачча, и усякихъ дробныхъ птушачакъ. Рабу божаму дай Богъ помочь.

М. Круглое, могил. у.

Треба выкупаць и здзѣлаць три галочки сь цѣста. Першъ одной покачаць по животу, тоды поцалуваць тое мѣсто, дунуць на галочку; а тоды такъ жа другой. и третьцей. А тоды собацы и выкинуць. Два разы ураньни, а разъ увечари.

138, Першимъ разомъ, божжимъ часомъ. Зара заряница, божжая помошница, зара ранняя, зара вячерняя! Выговаруетца зъ раба божжаго и урокъ и ўлёкъ, и ударный и подзивный. На мори дубъ, на тымъ дубу три и дзевяць суковъ, на тыхъ сукахъ три и дзевяць сорокъ, пащебетали улёкъ, и панській и татарській, и жидовській и московській, и отъ бацьки, отъ дзяцей и отъ злыхъ вочей. *Церковищ. в. мог. у.*

Поставиць дзяценка сяродъ хаты и обсыпаць ячменемъ, и позваць курэй и казаць:

139, Выбырайця куры сцѣнь, клюйця куры сцѣнь, и ўрошный, и ўлёшный, и дзяный и ношный, и сповношный и наповдзеный, и на сходъ сонца и на заходъ.

Приняць дзиця, дыкъ куры и зьядуць сцѣнь. А то сохня дзяценокъ нема—вѣдомо чаго. *Тамъ же.*

140, Заговарую я, замовляю я улеки и спужанья, и мужчиньскія и жаночча, и хлопечча, и дзявочча, и паньска, и коровъя, и овечча, и свинячча, и собачча, и кошечча, и рабячча, и чаловѣчча.

Надъ водой, у пляшцы, и дмухнуць; и пляшку уверхъ дномъ поставиць и змыць дзиця, А то купаюць иншія. *Тамъ же.*

141. Пресвятая, прачистая мацеръ Господня сына мѣла, купала, рабу божаму пужанья, улёки выбирала исъ косьцей исъ суставъ, зъ румянаго лица, зъ бѣлаго цѣла, зъ русаго волоса, мужчиньскія, жаноцкія, дзявоцкія, хлопецкія, паньскія, цаганьскія, собачча, коровъя, коньскія, овечча, кошечча, птушачча, изъ вѣтру, изъ воды, съ уляканьня. Добрымъ часомъ, лёхкимъ духомъ. *Вендор. в. мог. у,*

Даси воды, и полѣпшая. А то уляканьня яно смяротное. Ды ўвесь дзень самъ Бога проси ды моли, а ци нищимъ отдай, хай молюць.

142, Выходзиця спуги и здрыги, злыя нечасьцивыя пераполохи. Спуги, здрыги выходзиця чаловѣччія, выходзиця и кошеччія, выходзиця и свиняччія, выходзиця и собаччія, зъ раба божаго, изъ щираго серца, зъ рациваго живота, съ чорныя печани, зъ бѣлаго лёхкаго, съ петроха, зъ голосной гортами, зъ ясныхъ вочей, изъ слуховыхъ ушей, зъ боявыхъ ноздрей, изъ буйныя головы, изъ бѣлыхъ рукъ, изъ рѣзвыхъ ногъ, кабъ и сэрца ня сушили, и живота ня крушили, и цѣла не знобили, и косьцей не ломили. Идзиця вы, спуги и здрыги, на мхи, на болоты, на ницыя лозы, на сухія лясы, дзѣ вѣтры ня вѣюць, дзѣ й сонца ня грѣя, дзѣ и пцицы не летаюць и зваръё ня бѣгаець. Скорби, болѣзни, спугамъ, здрыгамъ, злымъ пераполохамъ аминъ.

Тройчи на водзѣ. *Тамъ же.*

143, Выкачую у Цишки пужанья и чаловѣчча й кошачча, и коньское и коровськое, свинное и собаччая, и рабячча и хлопячча, и куриное и гусиное, земляное, водзяное, повальное, зъ голосу, зъ волосу зъ румянаго лица, съ тонкаго волосá. *М. Княжичи, мог. у.*

144, Бѣгъ собака чаразъ мостъ—чатыры ноги, пятый хвостъ. Высяваю, вывяваю рабу божаму и крыксы и плаксы, и пужаньня и ўздрыганьня, и ўляканьня, огняную, водзяную, пужаную, уляканую, сцянёвую куриную, гусиную, птушаччую, кошаччую, чаловѣччую, цяляччую, голубяччую. Што здѣлаю—табѣ на помочь, а мнѣ на пирогъ.

Толпечицк. в. могил. у.

145. Святый авторокъ, ранная зара, вутча—притча, усякое ляканьня да на гэто посяваньня,—цепляное, вѣтраное, водзяное, лѣсовое, жаноцкое, мужчиньское, хлопяцкое, дзявоцкое. Выкачую, выгладжую, на сыру землю кидаю, Господа Бога упрошаю: Господзи не гнявися, Сусъ Христосъ на помочь становися. *Чернор. в. мог. у.*

Говорится надъ просѣяною золою.

146. Откачаець духъ святый, отхажіець пресвятая Бугуродзица; уси святыя апостолы, преподобники, мучаники, упрошаю васъ, дайця помочи съ косьцей, зъ можчей, изъ жилъ, исъ крыви. ;

Пугляев. вол. горецк. у.

147. Выбираю сцѣнь съ такого то, зъ головы зь яго, зъ вочъ, исъ серца, зъ зубовъ, зъ вушовъ, со рта, изъ носа, съ шіи, съ плечъ, зъ рукъ, зъ ногъ, изъ жилъ, исъ крыви. И ссылаю цябе сцѣнь на синя моря, бѣлый камень; тамъ табѣ цясовая корвацъ и пуховыя пярины; тамъ табѣ оставатца, а младенцамъ такимъ—то ня ўладаць.

Говорить, поставивъ дитя лицомъ къ солнцу; при названіи частей тѣла, проводить по нимъ линіи ножомъ; также и на тѣни. Затѣмъ постлать на тѣни солому или сѣно и сжечь. Сцѣнь, по опредѣленію знахаря, это боязнь собственной тѣни. *Холбн. вол. гор. у.*

Также: на кожусѣ покладзешъ крыжомъ, да выражешъ повсьци съ кожуха, да покуришъ умѣсьци съ свянцоной тровицой, зъ здрыжникомъ,—по лясу якъ папороць (*briza media*).

При выходѣ изъ бани.

148, Лазенька, паренька! Табѣ на стояньня, а мнѣ на здоровъя! Водзица царица, очисцелница наша, бяжишъ ты пы мхамъ пы болотамъ, общищаешъ кореньня—каменьня,—обчисьци ты мое цѣло грѣшное отъ усякой скверносьци!

Три раза. *Витебск. г.*

Въ с. Кошелевѣ рогач. у. якъ выйдешъ изъ лазьни, треба перахриститца, три разы плюнуть, и идешъ зъ Богомъ.

Приворотные.

149, Устану богословлюся, пойду перакщуся. Зъ дварей иду ў двери, у чистое поля. У чистомъ поли стоиць кустъ ракитовый, подъ тымъ кустомъ стоиць доска, подъ тэй доской ляжиць тоска. Вотъ возьму я тую тоску, пойду на синее мо́ра. На сустрѣчу мнѣ три родныхъ сястрицы: першая Марья, другая Дарья, третьця Варвара. Мое̇ вы сястрицы, куды вы йдзецё?—По́йдземъ синее мо́ра разжигаць!—Ахъ вы курвы, ахъ вы блядзи, ня йдзица синее мо̀ра разжигаць, да йдзиця вы до моёй рабы божай, разожгиця, распалиця, капъ ина ни запила, ни заѣла, ни заспала, никуды ни заходзила, про мяне зъ вума зъ розуму сходзила, аминъ.

Сѣнно.

150, Пойду я рабъ божій подъ окіянъ мора, стану ў край мора. Виджу я—стоиць дубъ, отъ вѣку посаджоный, отъ вѣку породжоный. Обгороджу яго зялѣзнымъ тыномъ, зялѣзнымъ во̀ротамъ. Подъ тымъ тыномъ зялѣзнымъ воротамъ ляжиць змяя самовѣрница, разсылаець красныхъ дзѣвокъ на шавковыя луги, кабъ ныли обо мнѣ ихъ жилки поджилки, горачая сэрца, аминъ. *Оршанск. у.*

151, Пойду я на синее мора, на синямъ мори ляжиць жесць, подъ тэй жесьцю ляжиць лютая змяя. Возьму тую змяю повярну къ сабѣ навѣки нярушимо. *Сѣнно.*

152, Якъ бывъ цвѣтъ на мори, а не расцвѣтаець, пцица зъ гнѣзда безъ уремя—часу не вылетаець. Сидзи раба божая перадъ рабомъ божимъ на стули, якъ пцица на гняздзѣ и люби раба божая раба божаго, якъ любиць пцица свое яйцо, и люби раба божая раба божаго, якъ любиць пцица своихъ дзяцей; и дорожи раба божая рабомъ божимъ, якъ пцица своимъ яйцомъ, и беряжи раба божая раба божаго, якъ пцица своё дзицё; стой раба божая перадъ рабомъ божимъ, якъ яловая притолка ли дварей и люби раба божая раба божаго, якъ персьци свое́ бѣлыи на рукахъ, во вѣки аминъ, и вяковъ аминъ. *Витеб. у.*

153, Помолюся Господу Богу, прачистой матари поклонюся. На моры на лукоморы стоить дубъ, потъ тымъ дубомъ стоить двананцать кокотовъ, потъ тыми кокотами ляжить дикій камянъ, на томъ камяни стоить двананцать братцовъ; яны мыли куповали, двананцать кладокъ клали. Якъ тыя теразъ кладки вода льле́тца, такъ ра́бы божія Маруты по Агнату серца бъе́тца

Тройчи. *Кошелевская вол. рогач. у.*

Отворотный.

154, Господу Богу помолюся, ядиному Сусу Христу поклонюся, иду я къ Господу Богу на двѣ душачки, я къ Исусу Христу просить. Якъ ядиная мати Суса Христа родила, такъ иду я на душачку на грѣшную. Якъ Іcуса Христа мати спородила и ў пялёночки сповйла, такъ и я иду грѣшная на грѣшную душу̀, такъ и Господа Бога прошу, ядинаго Суса Христа, штобъ Господь разлучивъ двѣ душачки—грѣшную и нягрѣшную. Царскія враты расчинитесь, золотыя ключи разомкнитесь, двѣ душачки разлучитесь. Якъ отъ Христа тайность сосылаетца, такъ двѣ душачки, одна грѣшная и нягрѣшная разлучаютца. Господу Богу помолюся, яму ядиному поклонюся, штобъ Господь разлучивъ. *Г. Бѣлица, могил. у.*

Отправляясь въ путь.

155, Святая мать кіявская, почаявская, и троярушная, и святый Авиню, и ангаль храниталь, покажи мнѣ путь, открый мнѣ дорогу.

Поможи мнѣ Господи и богослови у пути ў дорожачки, у добрымъ здоровійку. *Гом. у.*

156, Господзи Исусе Хрисце Божа нашъ, прими жертву сію вооставленіе грѣховъ мене раба божа, и благослови пупешествіе моё и пошли Господзи, якоже рабу твоему Товію иногда, ангала мирна спутника и наставника... и т. д. по Требнику. Затѣмъ перекреститься самому и перекрестить ту сторону, въ которую отправляешься. *Городищ. в. гор. у.*

При первомъ выгонѣ скота весною.

157, Господу Богу помолюся и святому Ягоръю поклонюся. Запасаю скотину разной шерсти и ўсякоя масти; и ссылаю псовъ у моха, ў болота, у ницыя лозы, во ўси чатыры стороны; и замыкаю зубы и губы золотыми замками, сярэбраными ключами; ношное урэмя обгороджуюсь у темнымъ лѣси звяздами, у чистомъ поли мѣсяцомъ. Помолюся Господу Богу, матары божай и святому Юръю и святому Михайлу. *Гом. у.*

Казать на выгони, написавши храсты съ усихъ чатырохъ боковъ, и поклавши на храстахъ хлѣбъ, соль и куриное яйцо. Поклонитца на чатыры стороны и параказать тройчи. Запасовать трэба небеспремѣнно у постный день и пастуху трэба до вечара по́стовать, *Тамъ же.*

Запалишъ свѣчку громницу, помолисься усёй сямъёй Богу, поклоны

отобъѐшъ, вобрàзъ абы-якій вòзьмешъ и хлѣбъ и соль, и запаленную свѣчку, и три разы на дворѣ обойдзешъ кружка скоцины по-сонцу, по старому зàкону:

158, Святый Юра—Ягорій, святый оцецъ Микола, скорый помошникъ, божій молитвéньникъ, моли Бога за насъ грѣшныхъ. Носи Божа скоцину по полю вясѐлою и здоровою.

И выправляешъ у божій часъ. Бабы коровъ, овецъ,—дробязу, а мущины, коняй на Юръя увечары, забрытавши уже кàбъ весць, молютца.

М. Круглое, мог. у.

159, Святый преподобныи Григорій, моли Бога объ насъ. Выгоняемъ скоцину на господнее пòля на божую росу, и на микольскую траву, и на юръявы росы, и на микольскія травы и подъ ясныя зори, подъ ясный мѣсяцъ, подъ цѐмныя хмары, кабъ Господзь своимъ духомъ сохранявъ. Святый преподобный Григорія собранный, христоцерпляный, вяликій мучанича Панцецелимоне,—якъ ты прецярпѣвъ у колясьницы, такъ просьци Творецъ нябесный нашимъ вустамъ. Молимъ цябе Творецъ нябесный, просьци намъ усякія преграшенія и сохрани нашу скоцинку отъ усякаго звѣра бягучаго, гада повзучаго, отъ нямсьциваго языка, отъ злого чаловѣка. Стань спаситаль заступникъ нашъ и заступи и сохрани нашу скоцинку у раннюю зару и вячернюю.

Три разы обойдзѐшъ съ хлѣбомъ—сольлю, на Юръя, на росу, зъ вярбой и двумя яечками крашанами, и по житцу ихъ покачаешъ. Тоды обойдзешъ скоцину ды житцомъ и обсѣешъ.

Круглян. вол, могил. у,

Покласць у вороцяхъ двѣ осиновыя палочки и замокъ замкнутый, и тройчи обыйци скоцину и пашнѐй усякой, суборомъ, обсыпаць.

160, Выправляю цябе съ усимъ добромъ, кабъ давъ Богъ зъ добромъ и собраць. Святый Юръя—Ягорій, вотча Миколай, угодничкі господнія, помилуйця нашу скоцину на усякимъ мѣсьци.

Бѣлыницк. вол. могил. у.

161, Господу Богу помолюся и ўсимъ святымъ поклонюся, кіявськимъ, пячерськимъ, божимъ праподобнымъ. Выгоняямъ мы свою скотину на пòля на долину, выяжжая къ намъ Господь Богъ на бѣломъ конѣ и ў бѣломъ платьтю загораджавать нашу скотину зялѣзными тынама, замыкая золотыми ключами, понясе золотыя ключи на синяя мòра, подло-

жа подъ ла̀тара камяня. Якъ нихто не може́ть синяго мора выпить, а латара камяня поднять, золотыхъ ключовъ узять, такъ нихто не може́ть рабы божія скотины бурыя, рабыя, красныя, узяти ни лютый змѣй, ни лютая змяя, ни гадъ повзучій ни звѣръ бягучій.

Кружка скота обойти и тройчи параговорить. *С. Поповка.*

Отъ вовковъ, звяровъ.

162, Господу Богу помолюся, прячистой мацери поклонюся, усимъ святымъ апостоламъ. И етая скоцина, сивая шарсцина, стань ты на дорози соколомъ, на чистомъ поли кямянемъ, у лѣси вы̀скадью; мѣсячкомъ обсадися, здѣздами обгородися, чорной хмарой покрыйся, мѣ̀дзянымъ замкомъ замкнися. П заговарюю вовку и вовчицы и зубу и губу, и жарось и ярось, и кохци и нохци, и слюну и блюму, и до поры уремя, покуль совнюшко ў̆зойдзѐць, роса на землю падзе́ць.

Говоритца, якъ скоцина заблудзя, тройчи. И дунуць треба, и ножъ у сцѣнку уткнуць. Говорыць треба подъ крышай, безпремѣнно; а подъ небомъ нельзя. *Д. Журавы, чсрик. у.*

163, Першимъ разомъ, божжимъ часомъ. Господу Богу помолюся, святой матари божжай приклонюся. Есть у свѣти много цариковъ, а мнѣ три треба: першій царикъ—ясенъ мѣсяцъ на неби; другій царикъ—вовкъ у колоди; третьтій царикъ—мядьвѣдь подъ выска̀дьдей. Якъ мнѣ зь ими ня сходитца, а имъ за 'динъ столъ ня садитца, и ня пить и ня ѣсть, ня гулять, ня бясѣдовать, такъ рабу зьвѣру зъ моёй скотинкой, съ бурой шарстинкой, ня сходитца, ня видатца, ня стракатца. Я свою скотину заговариваю, дьвёми зарами—раньняй и вячерняй—застановляю, темною ноччу посьтель устилаю, дробными звѣзда̀ми обсяваю, яснымъ мѣсяцомъ покрываю. Вовку воловство, вовчицы юцы, чорной ризой вочи застилаю, застановляю и замыкаю зубы, губы, нохти, кохти, золотыми замками, сярэбранами ключами; я жъ тыя ключи вынимаю, и на синя мора кидаю. Моёй скотини, бурой шарстини, чуръ отъ поры до поры, до слушнаго часу.

Казать три разы на зарѣ, коли скотина ня придя съ поля; треба ў̆зять ножикъ, обчистить иржу и воткнуть у косякъ. Коли назаўтраго на ножѣ будя иржа—ня шукай скотины, зьѣдена; а коли ня будя—ще ня трогана. *С. Свѣтиловичи, рогач. у.*

164, Первымъ разомъ божжимъ часомъ. Господу Богу помолюся, прачистой матцы приклонюся,—станьтя мнѣ на помочь. Мѣсяцомъ освячуся, совпяйкомъ обогрююся, зорочками осѣюся, золотымъ тыномъ обго-

роджуся, стану я на мядяномъ мосту, замкнуся я тридевять замками, тридевять ключами, укину я ключи у Сыботу у раку; попадутца тыя ключи прачистой матцы у руку. Якъ у прачистой мати ключовъ ня ўзяти, такъ зьвѣру моé скотины чорной шарстины ня ўзяти. Вовкъ Мяльлянъ, вовчица Ульляна, сунимай своихъ слугъ и старыхъ и малыхъ; а ня будешъ сунимать, будя мать прачистая, замыкать зубы, губы, иклы, паклы, языкъ слабкій, бодрыя ноги, ярыя вочи, шѣрую шерсть, бѣлое тѣло.

Казать три разы, коли згубитца скотина. *Д. Уховъ, рогач. у.*

165, Господу Богу помолюся, святой Тройцы поклонюся. И засякаю, и замовляю свою скотину краснаю шарстину отъ сѣраго вовка и чорнаго мядьвѣдя; камянной горой закачу и къ небу приточу. Народився рабъ божій Сяменъ (шептунъ) подъ жаркимъ сонцамъ, подъ яснымъ мѣсяцамъ, подъ дробными звѣздами.

Чатыры разы на уси чатыры боки. *С. Корма, гом. у.*

166, Якъ топору у печи не лежати, такъ шѣрому звѣру скотину ня видати: здайся пнемъ и огнемъ. *С. Ст. Юрковичи, гом. у.*

167, Господу Богу помолюся и усимъ святымъ поклонюся кіявськимъ пячерськимъ; уси святыя апостолы приступитя и поможитя мнѣ, Господи, заговаравать скотину. Заговарую и замовляю бурую скотину у поли пустомъ, а ў лѣси пнемъ, отъ вовка, отъ вовчицы, отъ набѣгающаго, отъ насилающаго. И сошлю я васъ на мха, на болота, на ницыя лозы, горой закачу, зялѣзнымъ тыномъ загороджу, зорами обсѣю, мѣсяцамъ накрыю, штобъ моя бурая скотина зъ Богомъ ходила, штобъ тыя скотины ништо ня видало, штобъ моя скотина домовъ приходжала.

Казать треба на ʼткрытомъ; парахриститца, покласть по девять поклоновъ у зéмлю на ўси чатыры боки отъ усходу и параказать тройчи на кажный бокъ. Якъ будешъ казать: „зарами обсѣю“—дивись па небо; у тымъ боку, дѣ заблудила скотина, скотитца зорочка.

С. Поповка, гом. у.

168. Господу Богу помолюся и матары божай приклонюся, и святому Юрью-Ягорью. Святый Юрай-Ягорай, прошу тябе, милосэрдный, разсылай своихъ яврэявъ (вовковъ) по темныхъ лясахъ, по дикихъ болотáхъ и по чистыхъ поляхъ; у темныя лясы колоды грызть, а ў дикія болотà купъя лизать, а ў чистое пôля пяску разграбать, а моихъ кôняй сцалять. Закачуй Господи, загораджуй Господи горою камянною, дроб-

ными звѣздами и яснымъ мѣсячкомъ и праваднымъ сонцамъ, отъ звѣра бягучаго, отъ гада повзучаго, отъ злого чаловѣка.

С. Кр. Буда, гом. у.

169, Поможи Господзи! Правило вѳбраза, кротосьци вучитали явися Господзи *стаду* свояму, яго жа вотча насцяжавъ смиренная високая. Священная и вотча началница Миколая, святый божій угодникъ, вяликій чудотворца, спасися объ душахъ нашихъ. Господзи помилуй (3 раза). Святый хвабрый Ягорай, бяри свою золотую трубу, брытай свойго сѣраго коня, клади своё золотоа сядло, выяжжай на высіяньскуу гору и змани своихъ трохъ хортовъ, охатьковъ, и вовковъ и вовчицъ и вовчанятъ, и проѣжжихъ госьцей, и сивыхъ и сѣрыхъ и рудыхъ и усихъ своихъ худыхъ и бѣлыхъ молоканыхъ. Позавязуй своимъ шовковымъ шнуромъ ихъ войстрыя пики, позавѣшуй своимъ золотымъ платкомъ ихъ ясныя глазы. Святый праподобный Хролій, и ты жъ ихъ спастырь, спаси ету скотину. Святая усердная, къ вамъ прибѣгаю, Господи вышній Исуся Христе, сыня божій, мать прачистая, пресвятая бугуродица. Святая мать прачистая, спаси жъ ету скотину, застяли своей ризой, нятлѣнной плащаницай ихъ нямѣрныя глазы. И просимъ святого Миколу, божаго угодничка чудотворца: святый Микола чудотворацъ, спаси ету скотину, Господи нашъ мимилосэрдный, самъ ты вяликій цару, самъ ты бязъ началу, пошли святого свойго архангала Михайлу, господьнюю судьдю, вяликаго князя, перваго воявода, шасти крылатаго, да 'гради Господи своёй правой рукой, камянной стяной—якъ небо отъ зямли у чатыры рѣди. Няхай ета скотина пасетца, покойно до дому волочетца. Святыя кіявськія, пячерськія, спаси Господи.

С. Недойка, рогач. у.

170, Помолюся Господу Богу, прачистой мамцы. Юрый—Ягорый, стяражи мою скотинку, ночь подъ мѣсяцомъ, день подъ жаркимъ сонцамъ, отъ гада повзучаго, отъ звѣра бягучаго, отъ лихія вѣдьмы.

С. Кошлево. рог. у.

171, Господу Богу помолюся, матцы прачистой поклонюся, усимъ святочкамъ, годовымі празьничкамъ,—поможитя и богословитя. Святый Михайла архангала, возьми ты свою сямигласную трубу, и ўзыйди ты на сіяньскую гору, и змани и струби усихъ своихъ анаховъ. Замыкаю я имъ зубы и губы, и щоки и пащаки; огороджаю огольчакъ рыжихъ горою камянною, отъ земли да до неба. И святый Юрай и Ягорай, станьтя ўси на помочь. И ты святый Аной, стань на помочь намъ.

С. Дятловичи, гом. у.

Три разы поговорить, тогды сакирой парахрыстить; а тоды хропъ—засѣкъ. Няхай сакира стырчить, ти ножъ—усе́ ро̀вно.

Когда зимою встрѣтишь стаю волковъ, надо сказать три раза:

А дзѣ вы тоды былй, якъ Христосъ родзився?

Волки разбѣгутся. *Д. Латыгово, сѣнн. у.*

172, Сивчикъ бурчикъ своимъ золотымъ зубомъ укусивъ, возьми й боль къ сабѣ. Святая Бугуродзица своей золотой щоточкой чесала, кровъ, боль и пухлину унимала. Коли святая Бугуродзица поможецъ, и я помогу.

Отъ укушенія. *Люцин. у.*

173, Святый Юрый—Ягорый, ня распускай своихъ псовъ—хортовъ. Я свою скоцину заговарую, засцерагаю, колодзьдземъ, оплотьцемъ закидаю, зялѣзнымъ тыномъ загораджую, зялѣзными замками зубы, мяпы имъ замыкаю, на синя мо̀ра золотыя ключи закидаю. Якъ съ синяго мора ключовъ ня достацъ, такъ мое скоцинки псамъ—хортамъ ня ўзяць.

Ножъ тэй, што паску кроишъ, подъ крышку стола ущамиць, обчарциць три разы и заговорицъ. *Вендор. в. мог. у.*

174, Храстомъ я кщуся (крестясь), храстомъ печатаюся. Хрэстъ надо мной и хрэстъ подо мной, и хрэстъ унутрѣ ў мяне. (Крестя стадо:) Господзь Богъ мое стадо храсцйць храстомъ яго печатовая. (Обходя кругомъ стада:) Святый Юрій—Ягорій и святый вотчай Миколо! Святый Ягорій ѣздзивъ на своемъ сивенькомъ и бѣленькомъ кони, ѣздзивъ по ляхохъ, по полёхъ и по чистыхъ борохъ, и по зямныхъ лугохъ, и собиравъ своихъ лютыхъ псовъ, дикихъ, лясныхъ вовковъ, собиравъ сивыхъ и шѣрыхъ, и рудыхъ, и три сорты. И загонявъ ихъ за сцяну камянную, и замыкавъ имъ и зявы и роты, кабъ ня могли на мою скоцину ни на якую—ни на сивую, ни на шѣрую, ни на чорную, ни на бѣлую, зявовъ не разявиць, зубовъ не разняць, и ў мою скоцину вострыхъ своихъ печасьцивыхъ клыковъ ня ўпущацъ, Не я жъ ихъ засцяну камянную загоняю, и не я жъ имъ и зявы̀ и роты замыкаю,—загоняецъ ихъ, замыкаецъ имъ самъ святый. Ягорій. И замкни святый Ягорій на ўсе лѣто отъ мое́ скоцины, аминъ.

Д. Ямница, вендор. вол.

Пастухъ, якъ запасця, бярэ отъ усеношной свѣчку и съ трохъ полей протчихъ по камешку и замокъ отомкнутый дзѐржа у рукахъ, и станя на ўсходъ сонца проци стады и кажа. А тоды плюня у замокъ и щовкъ—замкнувъ! И гони. И шукай у лѣси буралешнаго древа, выкопатъ подъ имъ ямочку, положи гэты три камешки и замочекъ съ ключикъ и свѣчачку. И хай до восяни лежацъ. Якъ на станъ поставишъ, тоды можно узяць

А когда скотина заблудится, выйци на дворъ и пераксцитца на ўси чатыры стороны и пераксциць уси чатыры стороны и казаць:

175, Святый вотча Аной, милосьци твоей прошу я рабъ божій, пригони ты мою скоцину у цёмной ночѣ ко мнѣ домой. Прошу цябе святый Аной. *Тамъ же.*

176, Господу Богу помолюся и маци прячистой приклонюся. Мацъ прячистая востошпица, скорая помошница, станьця ко мнѣ на помочь. Прошу я и Юрью-Ягорью и Миколу надзѣляющаго, и святый Пилипій и Халимоній, станьця ко мнѣ на помочь, мацъ прячистая на радось. На синимъ мори, на лукоморьи, ляжйць камень лютый, у томъ камни ляжиць сука Кида, червонымъ сукномъ накрыта; породзило Кида щенятъ четырехъ: Хомера, Хомериха, Порфира и Ковыла. А царикъ Лѣсовикъ Бурикъ, а царица Лѣсовица Мавра, унимайця своихъ шѣрыхъ псовъ. Псы ваши торки, вочи ярки, ноги жостки, вуши бодры, хвосты довги. Вышла божая маци со свѣчами и зъ жалѣзными дубцами, святый Михаилъ съ вострыми мечами и зъ жалѣзными замками. Святый Михаилъ, ты по свѣту разъѣзджаешъ, ў золотую трубу играешъ, и своихъ псовъ судзяржаешъ, и роты замыкаешъ. Бяжи, моя скоцина, наѣдайся и ў дворъ хапайся. *М. Дрибинъ, чауск. у.*

177, Господзи, оградзи оградою своею и силою своею, хрястомъ нашимъ честнымъ, чимъ увесь свѣтъ сохраняетца отъ усякаго зла и ўсякаго процивника. *Городищ. вол. горецк. у.*

178, Святый Ягорій узышовъ на сіяньскую горю, и узявъ золотыя ключи и сяребряныя замыкацъ звѣрямъ ирты, кабъ не ўцяли кобылъ зъ жеребятами, и коровъ съ целятами, овецъ съ ягнятами, свиней съ поросятами. И замыкаю я имъ ирты во вѣки аминъ. *Холбн. в. горец. у.*

Послѣ шестой пѣсни изъ псалтири.

При нападеніи собакъ.

Надо сказать три раза:

179, Якъ родзився бывъ слѣпъ, капъ и цяперъ ставъ нѣмъ! *С. Ульяновичи, сѣнн. у.*

Охотничьи.

180, Иду на хвоту у чистое поля, черезъ пороги, крыжовыя дороги, тамъ звѣрь у воротахъ. *С. Сялюты, вит. у.*

181, Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся. На моры на кіяни, на вострови на бўяни, стоить изба бязъ воконъ, безъ дврей. Хто ў той хати? А ў той хати три вороны, три орлы ружжо замовляють, и замочують порохъ и свинецъ, и стралять ужо ружжу конецъ.

С. Дятловичи, гом. у.

Тры разы паракажашъ такъ—трасцу ружжо будя бить.

182, На моры на лукоморъи стоить дубъ (или: яворъ) мамрыській; подъ тымъ дубомъ ляжить бѣлый камянь; на бѣломъ камяни стоить прастолъ; на прастоли Сусъ Христосъ сядить, золотою тросьтиною опираетца и сребранымъ мѣчомъ намѣраетца на дядовъ-чаровниковъ и на бабъ-чаровницъ, штобъ мого ружжа ня няли и ня подняли. Етое ружжо мое проходя скрозь сонца и мѣсяцъ и звѣзды. Хто яго ймѐ, ня можа яго узять и поднять.

Тамъ же.

Тройчи сказать да парамыть, дакъ и паладишъ ружжо, коли хто сопсуе.

183, Мацъ пресвятая Богородзица востошница, поможи и на помочь приступи. Водзица царица, по ўсяму свѣту помошница: якъ жа ты смываешъ сырое кореньня, шѣрое и бѣлое каменьня, такъ смый мою ружину-ружницу и булатъ зялѣзо: ни кресу кресящаго, ни шрубовъ, ни пошрубковъ, ни отвертокъ, ни повертокъ. Якъ стрѣляець Михаилъ архангалъ съ небяси громомъ и молнію и вострой стрѣлой; якъ нихто ня моэць упяць ни грома ни молніи ни вострой стралы, такъ нихто ня моэць упяць мяне раба божаго стралца и мое́ ружины-ружницы и булата зялѣза, во вѣки вяковъ, аминъ. Идзиця вы на мхи, на болоты, на ницыя лозы, дзѣ пявуны не пяюць, и дзѣ людзи ня ходзюць.

С. Городище, гор. у.

Тройчи, молодзикомъ, у сераду, до сонца, надъ водой, и водой вымыць, кажучи: би, морй! тройчи. И водў подъ кутъ выливъ; выцеръ, высушивъ, тоды й стрѣляй.

Ружжо, кабъ ня живило, треба „золотой“ мазьзю вымазаць.

Предъ ловлей рыбы.

Надо сказать три разы:

184, Царъ Пянтунъ, богослови мнѣ рыбки достаць, половиць во славу имяни твойго. Богородзица дзѣва...

И закидай. *Городищ. в. горецк. у.*

О пчелахъ.

185, Марупа царица, божая помошніца и ўсимъ роямъ потребница, садзись цихо на работу, пану Богу на хвалу, а государу на ўцѣху. Ивановна царица, Кабитка царица, Пчаляпка царица, Чарнявка царица и Могуча царица, садзись цихо па работу: мое древо кѐдрово, лоскомъ палощо̀но, воскомъ навощо̀но,—и царй и медзй (повел. накл.). Посылай свою силу у цемныя лясы̀, по густыя мяды, па вяликія рои; чужого не бяри и свойго ня кидай. *С. Городище, горец. у.*

Ихъ заграбешъ у головў, а нижнюю затворку отчинипь. Коли чужія пчолы нападаюць, дыкъ гэто чародзѣйники накуруюць ихъ зъ вужаччихъ головъ. И заговоръ тоды кажетца отъ вужаки.

186, Освящаю цябе, (крестя улей) охрещаю цябе морськой водой, святою Лукою, святымъ Маркомъ Цимохвеевичамъ и святымъ Яномъ Хрясцицелямъ, и святымъ христовымъ воскрясэніемъ, отъ злыхъ вочъ, отъ поганыхъ уроцъ. Аминъ. *С. Городецъ чаус. у.*

Отъ головни въ пшеницѣ.

187, Святый Спасъ, сошли Господзи мнѣ щасьливый часъ. У божаи цэркви у Русалими, у субори, сядзиць тамъ святая прачистая па пристоли, и ў яе золотыя ключики у приполи. Ина говора и приговаруя и замыкая у моѐ пшаницы траву и чорную головпю, кабъ ина ня ʼтрыгалася, и ня вѣкъ-вѣшный у моѐй пшаницы ня ʼтзывалася.

Д. Ямница, вендор. в.

А то треба перамыць зерняты у сипямъ камни (купоросъ) зъ галуномъ (квасцами). А коли зъ жаной грѣхъ мѣвъ перадъ тымъ якъ сѣяць, дыкъ, беспремѣнно треба окациць грудзи и „стыдъ" водой. Тоды сѣяць.

При пожарѣ.

Трэба перахесцитца и обыйци три разы кружка пожара, сказаць. Бугородзица дзѣва... Пресвятая Тройца... Вѣтръ буй и огнь садаторъ, уймись!

И сичасъ бляснуць пачнѐць. И крикъ трѐба унимаць; а то отъ крику огонь горачитца. *Горецк. у.*

А то яйцо вяликодное у пожаръ кидуць. И дзѣвка тожъ кабъ сама жирная кружка огня оббѣгла раздзѣвшись. *Сѣнн. и быx. уу.*

188. Царъ зямный, царъ нябесный,-царъ водзяный, царъ огнянный, царъ лѣсовый, царъ домовый, прошу я васъ, молю я васъ, уципитя, упимитя.
М. Дубровна.

И три разы поклонитца огню.

189. Упрошаю цариковъ: жаркаго огнияннаго, водзяного, вѣтряного, полонянаго, вишагря, сикру, туря, лясного бацьку и лясную матку. О Господзи явися, на помочь рабу божаму становися. Упрошаю васъ и ўмоляю васъ цариковъ и богатырёвъ. Аминъ. *С. Городецъ, чаус. у.*

190, Помолимся Господу Богу пресвятой Богородзицы. Царь Давыдъ, царь Ізавитъ, царь англиській, господарь вогнянный, господарь полумённый, господарь лѣсовый, господарь водзяный, господарь пчеловый, господарь вѣтряный,—пошли Господзи ангеловъ у помочь, закрый Господзи ризою найпресвятлѣйшаго.

Обходя три раза вокругъ огня, надо сучить въ рукахъ восковую свѣчу безъ фитиля, которую затѣмъ бросить въ огонь. *М. Дрибинъ.*

Солдатскіе.

191, На мори на кіяни, на вострови на буяни стоитъ столбъ, на тѣмъ столбѣ двѣ дѣвицы-красавицы: шьютъ они по атласу и по бархату нашей матери пресвятой Богородицы ризу. Царь небесный снесъ съ небесъ крестъ булатный надглядовать живыхъ и мертвыхъ. Какъ мертвыи лежать, не ворохнутся, рта не разинуть, очей не воскипуть, сердца не разъярать, руками не ворохпуть, ногами не тряхнуть,—такъ бы рабъ божій командеръ рукою бы не ворохнулъ, ногой бы не тряхнулъ, И буди мое слово крѣпкимъ-крѣпко, крѣпче бѣлаго камня.

192, И шолъ младенецъ изъ утробы; не было у него ни ума, ни разума, ни очей, ни рѣчей, ни злаго сердца. Таковждебы не было у моего командера на раба божія ни ума ни разума, ни очей, ни рѣчей, ни злаго сердца.

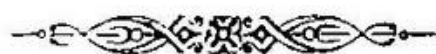
193, Сію я молитву говорить стану. Стану я рабъ божій благословясь, и лягу я рабъ божій перекрестясь. Оболокусь я свѣтомъ, окажусь краснымъ солнцемъ всѣмъ рабамъ божимъ командерамъ, пестрымъ и чорнымъ господамъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. И какъ они зрятъ и смотрятъ на красное солнце, и также они бъ зрили и смотрѣли на меня раба божія, и никакимъ бы лихимъ словомъ и напастями не нападали, а моихъ бы супостатовъ сокрушали. Пресвятая мати божая Бо-

городица, закрой и защити своею ризою нетлѣнною и молитвами ангела хранителя. И вы, четыре евангелиста: Матвѣй, Марка, Лука и Іанъ богословъ, снимите со всѣхъ четырехъ странъ четыре ключа, замкните на мнѣ, на рабу Христовомъ, четыре замка на вѣки аминь.

194, Стану я рабъ божій благословясь и пойду перекрестясь изъ избы дверями, изъ двора воротами, на востокъ, на восточную сторону, подъ красно солнце, подъ младъ ясенъ мѣсяцъ, подъ чистыя звѣзды, подъ черныя облаки, подъ всю небесную силу. И умоюсь я рабъ божій утреннею росою, и пойду я благословясь, на всѣ четыре стороны помолясь. И кто на меня раба божія лихо подумаетъ, или лихое слово возмолвитъ, затреслась бы у него рука и нога, и подпятныя жилы, и семьдесятъ семь составовъ, и выкатился бъ у него вольный свѣтъ изъ глазъ.

195, Пойду я рабъ божій къ рабу божію командеру. Такъ бы очи его взыгрались на меня раба божія, яко у яснаго сокола на красное солнце, и встрѣчалъ бы меня, аки соколъ красное солнце.

Всѣ пять взяты изъ рукоп. сборн. 30-хъ годовъ, найденнаго въ *г. Суражѣ, витеб. губ.*



ОТЪ БОЛѢЗНЕЙ ЧЕЛОВѢКА.

Роды, выкидышъ, золотникъ, матица.

1, Першимъ разомъ, божжимъ часомъ. Господу Богу помолюся, и матцы прачистой поклонюся съ усими силами нябесными. Кіявскія, пячерскія, уси правяднички праподобныя, станьтя жъ вы, господухночки, на помочь рабѣ божай. Хилица ты царица, родила жъ ты двананцать сыновъ, съ двананцати одинанцать, съ одинанцати десять, зъ десятёхъ девять, съ девятехъ восямъ, зъ восьмехъ семъ, съ сямехъ шесть, съ шастёхъ пять, съ пятёхъ чатыры, съ чатырохъ тры, съ трохъ два, зъ двохъ одинъ. Той жа одинъ старшій, и большій, поможи и подыми и на мѣстячку золотничокъ постанови. Да ня я жъ тябе пару, да ня я жъ тябе отбавляю, а тябе святая Сохвѣя пара и отбавляя, золотыми ключами замыкая и нямецкими замками запирая. И золотыя тыны затынитяся и золотыя ключи замкнитяся, и царскія вороты зачинитяся и ко ўрэмю отчинитяся. И ти рыбочка ти вокунецъ, выдяржи, покуля табе выйдя твой рачане́цъ, безъ мойго числа, безъ мойго вѣдома. И прасвятая мать Бугуродица, сама ты роджала и насъ создала и намъ помочи дала, и царскія вороты отчиняла и зачиняла. Святая Сера́да, стань, господухночка, на помочь рабѣ божай. Отъ Бога помочь, а мой духъ.

Тройчи. *С. Перерость, гом. у.*

2, Першимъ разомъ, божжимъ часомъ. Господу Богу помолюся и матцы прачистой поклонюся, стань жа ты, Господухночка, на помочь рабѣ божай. Ишовъ самъ Господь Сусъ Христосъ и вёвъ за собой трохъ святыхъ и трохъ апостоловъ, и ўзыходять жа яны на Сіяньскую гору, и просять жа яны у Господа Бога помочи рабѣ божай. И закатися жъ ты, закатися Осіяньская гора, яще жъ табѣ раба божая, роджать ня пора; да ти рыбочка, ти вокунецъ, выдяржи жъ ты, покуля выйдя твой рачанецъ, безъ мойго вѣдома, безъ мойго числа. А ты Сыботочка мамочка, ты свѣтъ сновала и животочки сунимала, и кишачки и головочкиустановляла. И прошу тябе Господи на помочь рабѣ божай. Отъ Бога помочь, а мой духъ.

Тройчи и подуть. *С. Корма, гом. у.*

3, Першимъ разомъ божжимъ часомъ. Господу Богу помолюся, усимъ силамъ нябеснымъ приклонюся,—кіявскія, пячерськія, Антоній, Хвядосій, стань Господи на помочь. И на Сіяньской горѣ, на шавковой травѣ, тамъ стояла

божжая цэрква у той цэркви божжая матяръ службу служила, царськія вороты зачиняла. Царськія вороты зачинились, Сіяньская гора закатилась, молоденяць поры дяржися.

Тройчи *С. Добрушъ, гом. у.*

4, Господу Богу помолюся, святой прачистой поклонюся, и усимъ отцамъ праподобнымъ, большимъ угодьникамъ. Пришла пора, поросла трава, замки по'дмыкалися, хвортки по'дчинялися: ти дѣвчиночка ти молодецъ—війдя вонъ. Богъ съ помоччу, а я зъ духомъ.

Тройчи. *С. Нов. Юрковичи, гом. у.*

5, Господу Богу помолюся, прачистой матары божай поклонюся. Золетникъ золотысячникъ, стань ты на своемъ мѣсти, на золотомъ крэсли; табѣ по животу ня ходити, сэрца ня знобити. Прасвятая матаръ божая приходила, помочь приносила, своимъ духомъ господнимъ уздымала, рабѣ божай жанщини на помочь давала.

Тройчи, отъ золотника. *Ст. Юрковичи, гом. у.*

Перадъ тымъ якъ роджать, треба ўси вузлы поразвязувать, монисто зиять и перстьни, заслонку отслонить, отчинить двери и поравести чаразъ порогъ, чаразъ поргабъ, чаразъ градки, чаразъ вулицу. А то ще коли у поргаби обручъ лопня па дежцы, дакъ съ того обруча пастругать стружакъ, да тыя стружачки спалить ти на зáпячку, ти па камянцў, да попялокъ собрать да растерть, да зъ водой дать выпить. А то ще коли жаринка отскоча съ печи, дакъ яе растерть да дать выпить.

6, Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся. Я, Господи, съ словомъ, ты, Господи, съ помоччу. Ясный мѣсяцъ порою уходишъ, порою заходишъ. Раба Божая Параска порою занялася, парою родишъ; придя табѣ послѣдьняя ўрэмя,—отчиняпы табѣ вороты.

Тройчи, и услѣдъ отъ золотника. Коли обрадитца уже, породиху треба поставить на заслонку. Яна отобъè три зямпыхъ поклоны, шобъ зь яе стякло ўже ўсе, и ляжи. Лякать треба три дьни, а то тыжджань; а коли уже шесть нядѣль—тогды парить треба. Улить у вядро воды кипятку, укинуть горачій камянь, улить дѐхтю чистаго, и поставить яе надъ вядромъ. Тогды золотникъ сказать. *С. Черетянка, гом. у.*

7, Господу Богу помолюся и матари божай приклонюся,—приступитя и поможитя рабѣ божай. Сыботачка мамочка, якъ ты свѣтъ осно-

вала, жаркое соньняйко и ясное мѣсячко и зоры зараницы и божія помошницы, приступитя и поможитя рабѣ божай. Золотникъ золотый, подымала тябе святая Сохвея своими руками и золотыми замками. Золотникъ золотый, стань на своемъ мѣсти, на золотомъ кресли, на батьковымъ сосновапіи, на маткинымъ порождэніи; не ў показаномъ табѣ мѣсти ня стояти и косьтей ня ломати и живота ня топити и подъ сэрца ня подходити, жилную кровъ судяржати, а родную высылати.

С. Васильевка, гом. у.

8, Господу Богу помолюся и матари божай приклонюся и съ сыномъ ее. Ишовъ Господь Богъ Сусъ Христосъ по золотой горѣ, нясли золотыя ключи. Золотыя ключи замкнитясь, рабѣ божай косьти сыйдитясь, а животы остановитясь на свое на мѣсто, на золотое кресло. Якъ китъ рыба на мори не боитца ни тучи ни хмары, такъ и ты раба божая ня бойся ни ўбиваньня, ни валяньня, ни чижолаго подыманьня. Такъ и вы животы становитясь на свое на мѣсто, на золотое кресло. Якъ дубъ на кóрани нядвижимъ, нярушимъ, такъ у рабы божай нядвижимо, нярушимо, и съ свойго мѣсто ня трогается.

С. Кр. Буда, гом. у.

9, Первымъ разомъ добрымъ часомъ. Господу Богу помолюся, и святой прачистой поклонюся, святой Миколи, Тройцы и Покрови,—ты Господи съ помоччу, а я съ словомъ. Сонца и мѣсячакъ подымаютца, подымися раби божай золотникъ, на своемъ мѣстячки становись, на золотомъ кресьлячки, на матковымъ порождэніи, на батьковымъ почитаніи, шавковымъ пояскомъ потпаражись, а краснымъ ковпачкомъ обопнись, на своемъ мѣстячку становись. *С. Марковичи, гом. у.*

10, Матаръ божая, царица нябесная, приступися раба божаго золотника подымати. Золотникъ золотнища, и ты животъ-животища, стань ты на своемъ мѣсти, на золотомъ кресли, якъ тябе мати родила, на золотомъ кресли садила у красняпькомъ ковпачку у шавковянькой шапочцы; краснымъ повясомъ потпяразався, у боки узявся, по животу ходивъ и сэрца знобивъ, подъ боки подлягàвъ и дыхать ня пускавъ, якъ я тябе не говорила; а тяперъ я говору выговарую,—табѣ золотникъ на стояньня, а рабѣ божай на здоровъя.

Можно и мущини, якъ надорвѐтца. *С. Марковичи.*

11, Первымъ разомъ божимъ часомъ. Стань Господь Богъ на помочь. Ишовъ Адамъ черазъ божій домъ черазъ дванатцать замковъ. Замкну

сты замки и заговору, покуля Богъ народить до уремъя, зялѣзныя тыны, камянная гора, ты дитятка стой покуль твоя пора. Дай Богъ на помочь.

Етый жа и кобыли и корови. *С. Головинцы, гом. у.*

12, Первымъ разомъ, божимъ часомъ. Господу Богу помолюся, и прачистой святой поклонюся,—станьтя ўси святыя на помочь. Добрыдянь, (вечари, а утромъ: добрывечаръ) золотникъ золотый, стань на мѣсти на золотомъ кресли. Золотникъ золотый, не я жъ тябе упрошаю, прося тябе баба Ясипиха. Золотникъ золотый, стань ты на мѣсти, золотымъ цапкомъ обопрись, николи ня 'трыгнись; тутъ на мѣсти табѣ бывать, вѣкъ вѣковать; тутъ табѣ питѐньня, ядѐньня, лёхкое ўздыханьня. Цуръ табѣ раба божая!

Кажное слово по тройчи пераказать и животъ поднимать.

С. Дятловичи.

13, Господу Богу помолюся, святой прачистой поклонюся,—стань прачистая на помочь, а ангалы на радость, и до поможи и уговори у рабы божай золотникъ урошный; золотый золотаръ, съ чаго ты поднявся,—пучивъ, мучивъ: ти съ подиву, ти съ уроку, ти съ улёку? Ты, Гаврилка, бочковъ не закладай, воротичакъ не запирай,—бабка забабила, кума захристила, на сей свѣтъ пустила, не вялѣла ни болѣть ни горѣть.

С. Телеши, гом. у.

14, Господу Богу помолюся, святой прачистой поклонюся. Бѣлъ камянь горы стискавъ, царськія вороты сами запирались, у рабы божай сами косьти сходились и до поры и до година и до повгодины. Придя часъ и пора, выходи якъ изъ лука хтролá. А у томъ я не знаю, што занималось,—ти князь, ти княгиня. Якъ я не знала, што занималось, штобъ я не знала, якъ яно оброджалось: придя часъ, родишъ безъ мяне.

Отъ захода несвоевременныхъ родовъ. *Тамъ же.*

15, Господу Богу помолюся, прачистой поклонюся. Золотникъ золотый, молодень молодый, стань ты на мѣсти, на золотомъ кресли; вотъ табѣ мѣсто, золотое кресло, ангаламъ на радость, прачистой на утѣху. Христосъ на поратунокъ рабѣ божай, на помочь. *Тамъ же.*

16. Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся, матцы Христовой, усимъ святымъ апостоламъ. Золотникъ золотый, чаго ты усходився: ти ты съ подымку, ти съ подивку, ти съ пристрѣку, ти съ приговору,—катися ты нярцѐмъ (умен. перо), гороховымъ зерняткомъ; тябе мати родила, на

своимъ мѣсти посадила: сядь ты на своимъ мѣстячку, на золотымъ крэслячку; на золотымъ крэсли садись, шо́вковой ниточкой потперажись, подъ вороты ня ходи, кости ня ломи; жовтыя кости ня ломать, горучія крыви ня розливать, вопуху ня пускать. Якъ мой душокъ тихёнякъ, лягёнякъ, такъ штобъ табѣ було тихенько, лягенько.

Трычи по зарохъ; поднять живот и дунутъ.

Д. Ивольскъ, гом. у.

17, Господу Богу поклонюся, прачистой матари помолюся. Ишла прачистая синимъ мо́рамъ, широкимъ по́лямъ, золотымъ мотузомъ потпаразавшись, золотой простиной потпиравшись, у рукахъ нясла ключи золотыя. Ишла яна до рабы божай, золотыя замки замыкати, шо́вковый повясъ къ сэрцу привязати, нарождэньнику (цы) до свое поры до свойго ўрэмя стояти а 'къ придя урeмя—пора, тогды якъ зъ луку страла.

Трычи, штобъ ня выкинула молодица. *С. Чеботовичи, гом. у.*

18, Золотникъ золотый, по костяхъ ня ходи, крыви ня суши, сэрца ня тошни, потъ боки ня потпирай, отъ яды ня 'тбивай.

Тройчи по тройчи кажное слово проговоришъ и животъ къ верху. А ў лазьни попаришъ. *Д. Еленецъ, рогач. у.*

Отъ золотника, коли животъ надорвешъ, траву *дубровку* у маи выкопаць и высуши, ти у хлѣби запекаць и пиць на спирци.

19, Господу Богу помолюся, усимъ божимъ угодникамъ уклонюся. Раньняя (вячерняя) зара заранициа, прошу быть Аўхиму Михайлову (знахарь) помошница. Раба божая и пресвятая Бугуродица и ты молодецъ (дявица) —няма поры, няма й травы, царськія вороты позапираны и квортки позамыканы. Придя пора, порасте́ трава, царськія вороты по 'тпираютца, и квортки по 'тмыкаютца, молотцу ти дявицы на свѣтъ можно выйти (быку ти тялицы, жарабцу ти кобылицы)

Етый жа и корови и кобыли, Трычи *С. Недойка, рог. у.*

20, Золотникъ золотый красивый паничъ,—якъ я тябе отходила прачистая мати сына родила,—стань на мѣстячку. Я съ словами, а богъ съ помоччу. *С. Кошелево.*

21, Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся. Ишовъ Господь Богъ Сусъ Христосъ зъ нябесъ, за имъ прачистая матка ишла, у правой руцѣ золотыя ключи нясла. Сустракая Господь Богъ Сусъ Христосъ зъ нябесъ: куды ты мать прачистая идешъ?—Иду я породницу

отвѣдати и младенца зъ живота выпускати. Ти ты жъ младеняцъ, ти младенка,—пора табѣ зъ живота выходити, породницы кровъ разлити. Прошу я тябе, прачистая мать, къ сабѣ на помочь, съ своей правой рукою.

Тройчи. *Д. Буда-Кошел. рог. у.*

22, Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Ишла мать божія прачистая по калиновымъ мосту, по малиновымъ мосту, нясла яна золотыя ключи и сярэбраныя, замыкала и запирала рабѣ божай золотникъ и выходникъ и плодникъ, вѣтраный нутраный, падучій, горучій. Чаго жъ ты узнявся, чаго ты поднявся, ти ты зъ яды, ти ты съ ходы, ти съ подо́йма, ти съ подорваньня, ти зъ вяликаго приговору? Прошу тябе, золотникъ браточка, ня шумархай, кости ня ломи, живота ня зноби, сэрца ня тошни, сярэдинки ня крыши, по животу ня качайся, яя валяйся, у своё мѣсто сподявайся. При табѣ мамка прачистая стояла, золотыми замками замыкала, на мѣсти золотникъ суставляла. Баба зъ рача́ми, а Господь Богъ съ помоччу; не я знаю—Господь зная, мать прачистая святымъ своимъ духомъ подыхая, настану суставляя.

Тройчи по зарахъ, на водѣ, на хлѣби и ў лазьни. Парагомонивши дунуть на воду ти на хлѣбъ, и плюнуть на лѣвый бокъ тройчи.

С. Кошелево. рог. у.

23, Прошу я цябе молю я цябе матошника, маццу и нябесную царицу, и усю силу Господнюю, и ўсю колясницу нябесную! Золотэй донникъ, сяребреный донникъ, прошу шъ я цябе, молю шъ я цябе: выступи ты зъ бодрыхъ ногъ, зъ горучай крыви, съ хребетьней косьци, зъ буйной головы, зъ бѣлаго лица, зъ румяваго цѣла. Золотэй донникъ, сяребреный донникъ, прошу шъ я цябе,—на чомъ ты скацився, на чомъ ты схвацився, ци сходъ ветоха, ци приходъ ветоха, ци сходъ молодзика, ци приходъ молодзика, ци усмѣшное, ци ўцѣшное, ци на походзи, ци на рабоци, ци ў пицяньні, ци ў ѣдзяньни,—на тымъ ты остануйся. Золотэй донникъ, сяребреный донникъ, потуль ты ходзивъ, потуль ты нудзивъ, покуль я цябе не захвацила: я съ словесами, Господзь Богъ съ помоччу. Золотэй донникъ, сяребреный донникъ, стань ты у пупѣ, у маковымъ зярнѣ: тутъ твоё мясце́чко, якъ соловъю гняздзечко; тутъ твои домы, твои хоромы, тутъ твоё красуваньня, тутъ твоё пребуваньня. Якъ стому древу (вѣнику) на корни не стояць, вѣтками не махаць, такъ стому доннику ў дыпіі ня ўступаць, потъ боки не потпирацъ и серца не нудзиць, и рабу божію не сушиць.

Говӧрітца парючи ў лазьни. И мущини. *Городок. у. вит. г.*

24, Первымъ разомъ, божжимъ часомъ. Господа Бога упрошаю, золотникъ умовляю; золотникъ золотничку, упрошаю цябе: по животу ня ходзи, живота—сэрца ня тошни. *С. Чигиринка, быx. у.*

25, Цари бъютца—сунимаютца, дорога усцилаетца, золотникъ остановляѣтца на золотымъ крэсьли, на своимъ мѣсьци. *Тамъ же.*

26. Золотникъ—золотничку, упрошаю цябе: по животу ня ходзи, живота—сэрца ня тошни; идзи на мора; тамъ табѣ погуляць, побуяць и у моёй косьцй не стояць. *Тамъ же.*

27, Вячерная заранична, Господьняя помошничка! Золотникъ золотничку, садовымъ аблочкомъ покацися, на живоцѣ остановися, на золотымъ крэсьли, на своимъ мѣсьци. *Тамъ же.*

28, Ишовъ Сусъ Христосъ теразъ калиновый мостъ, сустрыла яго маци, стала пытаци: ой сыну мой, сыну, куды ты идзѐши?—Ой мацъ моя, маци, иду животъ отмовляци и золотникъ заговорици. Золотнича, золотпича тутъ табѣ не стояци, а стояць табѣ на своёмъ мѣсьци, на золотымъ крэсьли, живота ня сушици, кровъ ня морици, бѣлыхъ косточакъ ня крышици. *М. Тихиничи, рог. у.*

29, Раньня зара-заранница, божжа помошница, поможи мнѣ, Господзи, золотникъ уговаруваць—и подумный, и посмѣшный и приговорный, и водзяный, и огняный. И якъ мацъ святая Бугуродзица царськія вороты отчиняла, свойго сына убо̀джувала, золотымъ поясомъ потпяразувала,—отправляю цябе, золотникъ, на синя мо̀ра, на цеплыя воды, на золотый камянь. Тамъ табѣ ходзици, сэрца ня тошници, крыви ня томици.
М. Городецъ, рог. у.

30, Золотница-донница, стань на пупищу, на своимъ мѣсьци. Якъ бывъ у дзявицы, такъ стань у молодзицы. (Обвести вѣникомъ вокругъ живота, нажимая). Крѣпко бярёзка на корни стоиць, такъ стань золотникъ на своимъ мѣсьци того кряпчѣй.

Три разы; ко̀жанъ разъ треба поцягнуць за пупъ, у примѣръ.
Д. Гайдуково, вит. у.

31, Золотница, золотница, стань ты на пуповища, и ня 'тзывайся а ни вѣтромъ, ни молодзикомъ.

Говориць, парючись у лазьни. *Тамъ же.*

32, Носила по полю, по горючему морю, носила и носи, ня скидывай. Надъ хлѣбомъ съ солью три раза; затѣмъ три раза „хукнуть“ на хлѣбъ и три раза плюнуть на землю; хлѣбъ съѣсть. *Тамъ-же.*

33, Господу Богу помолюся, прачистой матяри поклонюся. Золотый золотникъ, иди на свое мѣсто, сядь на кресло, будуть медомъ поить и пирогами кормить. Иди на свое мѣсто, сядь на кресло, тутъ табѣ ня быть, у рабы божія косьти ня ломить, крыви ня сушить и сэрца ня знобить. *С. Столбунъ, рог. у.*

34, Золотникъ золотнича, стой на своемъ мѣсти, на золотымъ крэсли Якъ мяртвому ня ўставать, по зямлѣ ня ходить, росы ня топтать, такъ. табѣ съ свойго мѣста ня сходить, кости ня ломить, жилъ ня сушить, живота ня тошнить. *С. Перерость.*

35, Водзица царица божжа помошница. Якъ гэтой водзѣ на мѣсьци не стояць, не гуляць, такъ гэтому золотнику по животу не ходзиць, у косьци не стояць, стояць яму ў кресьци, у золотымъ мѣсьци. Святый Михайла-архайла на помочь рабѣ божжай Матруни.

С. Ньжково, мог. у.

Гэто якъ на водзѣ кажешъ, ци на горѣлцы. Али на горѣлцы крапчѣй, якъ на водзѣ. А коли ў лазьни, дакъ кажи такъ:

36, Якъ гэтому вѣнику на пни не стояць, не шумѣць, не зялянѣць, такъ гэтому золотнику по животу не ходзиць и т. д.

37, Першимъ разомъ, добрымъ часомъ. Прошу я Господа Бога и духа святого, стань Богъ у помочь, ангалы на радось. Золотникъ-золотничаньку, мой милый паничаньку, я цябе прошу низками уклонами, покорнымъ словомъ, стань на стану собярися у хмялёву шишачку, разыйдзися по маковымъ зернятку. *Бѣлыницк. вол. мог. у.*

Тройча перакажешъ и обчирчуешъ коло пупа, и ванную здзѣлаешъ.

38, Выговарую и умовляю зъ божай рабы золотникъ урошный, приговорный, придумный и присмѣшный. Ты золотничокъ, чистый паничокъ, я жъ цябе прошу, я жъ цябе молю, стань ты у родзимомъ мѣсьци, обярнися камянёмъ, обзывнися хмялевымъ крыломъ; обярнися маковымъ зѣрнямъ, обзывнися трусовымъ пѣрьямъ. *Церковище, гом. у.*

39, И помолюся и усклонюся Господу Богу и духу святому, Тройцы святой ядыной и прачистой мацери божжай, и святому воскрасэнійку христовому, честному, милосэрному, и ўсимъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ, кіявськимъ, пячерськимъ, и рымськимъ, и русалимськимъ, и Исакову и Якову, и Антоняму и Хвядосяму, и святому Юру и Ягору, и святому вотчу Миколу. И святый вотча Миколочка, вы божжія угодники, вы скорые помошники, вы жъ скоранько помогаеця, гэтой рабѣ божжай золотникъ унимаеця и на своемъ мѣсьци ставляеця. Золотникъ животникъ (3 раза), наволаный, ня ўпадай и подъ боки ня ўпирай,—стань на стану, якъ сивый конь на ляду. *Церковищ. вол. мог. у.*

40, Було ў Кулины (имя знахарки) три косы: одна грудная, другая боковая, а третьцяя по животу ходзя, золотника водзя. Коса косица, ня гуляй, ня буяй, золотника отбувляй, станови на мѣсьци, якъ царица ў креськи: есь ли цябе мѣсьцичка зъ макова зерячко.

Тройчи на водзѣ ци на хлѣби, и животъ паручи у лазьни тэй—жъ—дзень (недѣлю, тыждень) спусця... *Вендор. в. мог. у.*

41, Заговарую я рабу божаму золотникъ и золотничку. Золотникъ золотничка, садзися на своемъ мѣсьци у золотомъ креськи; будзь крѣпокъ, якъ камянь, будзь легокъ, якъ пяро.

Тамъ же. Собств. отъ подыму.

42, Быстры рѣки сыйдзицесь, круты берлги сойдзиницесь, царскія вороты расчинитесь жовтыя пяски збяжицесь, бѣлыя каменьня съ крутыхъ горъ скацицесь, золотый рогъ съ ; косьцями зросцицесь. И васъ, золотничокъ, упра́шую ума́люю: якъ мамка роджала, бабка бабила, стань на своемъ мѣсьци, у золотымъ креськи, якъ у цѣсьци.

Тройчи породзиси, на трэйціі дзень. *Полыков. в. мог. у.*

43, Золотничокъ паничокъ, табѣ ни выходзиць, ни выступаць, ни зъ жаркія крыви, ни зъ бѣлыя косьци, ни зъ жилъ ни съ пажилъ. Стань самъ сабѣ на своемъ мѣсьци, на золотомъ креськи,—твое мѣсьцичко—золотое креськичко. *М. Княжичи, мог. у.*

44, На небн вясёлъ мѣсяцъ, на мори бѣлый камень, а ў лѣси чорный мядзьвѣдзь. Якъ тымъ тромъ царико́мъ не сходзитца, не воеватца, такъ у рабу божаму золотнику ня 'трыгатца.

Черноруч. в. мог. у. Отъ подыму.

45, Золотникъ замовляю, божжую мацеръ на помочь призываю, святый аўторакъ, раньняя зара—добрая пора. Божжая мацеръ Суса Христа спородзила, сорокъ нядзель носила, у божжай посьцели лежала; къ рабѣ божжай приходзила и гэту боль отвадзила, за повѣсьци ў добромъ мѣсьци становила. Ну, такъ жа ты не гнявися: якъ соступивъ, такъ на своемъ мѣсьци становися. *Тамъ же.*

46. Первымъ разомъ добрымъ часомъ заговарую золотникъ, рабу божую. Усѣй силѣ помошникъ, преподобный мучаникъ Лукъянъ и золотникъ—вяликій панъ. Золотникъ—золотничаньку, красный паничаньку; стань ты па мѣсцичку, на золотымъ кресьличку; тамъ табѣ гуляць и буяць и сэрцу туги не задувацъ. *Пугляев. в. гор. у.*

47, Маленькій золотничокъ, у цябе жъ золотый ковпачокъ,—кацися, валися, у свое мѣсто постановися. Цябе матушка роджала, шовкдовой ниточкой звязала, а зь естыхъ жа поръ, отъ моихъ жа рѣчей кабъ лёгенько стало. При томъ жа божая мацеръ бывала, на креслици сиджала, помочи довала. Пресвятая божа мацеръ, пошли цяперъ помочь на наша прошеніе рабу божаму (такому-то). *м. Дубровна.*

У бани три разы попаришъ, животъ отвядешъ, подвязашъ—пошовъ, станецъ людзи,

48, Господзи Божа богослови, мацъ прачистая поможи. Заговарую рабѣ божай Агапи золотникъ золотый, молодзикъ молодый: стань ты ў кресьляхъ, на своихъ мѣсьцяхъ. Якъ яна ў дзѣвкахъ бувала, цябе не знала, такъ цяперицька на стану становися. Якъ цябе подъ хрёстъ подносили, у Бога доли—щасьця просили, а я ў Господа Бога добраго здоровъйка. *Городецк. вол. чаусск. у.*

49, Господзи милосьливый, збавицель высокій, стань на помочь, ангаль бозьскій а на радось, на ўцяшенія, на поратунокъ,—поратуй Господзи у злымъ рази. Найсвеньшая прачистая матка приступися, золотымъ замкомъ замкнися, золотымъ пругомъ подпружися, шавковой запоной запнися. Сотримай Господзи до слушнаго (ш=ч) часу. *М. Круглое.*

Тройчи гэтакъ перақазую, и якъ на хлѣби, дакъ дму, а надъ животомъ, дакъ подымаю ў гору. Отъ скиду.

50, Ишла Прачистая по полю чистому, нясла сребраныя замки, золотыя ключи. Замкни Господзи, запри Господзи, до слушнаго часу, до щасьливыя годзины рабѣ божай Адарцы. *С. Нѣжково.*

Тройчи перақазать па хлѣби отъ скиду.

51, Ишовъ Богъ церезъ гору церезъ Павлову, несъ ключи золотыя. Замкницеся ключи золотыя зачиницеся дзвери царськія,—ня пусьціця гэтыя дзицяци у рабы божай,—ци сынъ ци дочка, до котораго часу Богъ наконова́въ. Стань Господзи ў помочь. *Бѣлыницк. вол.*

Тройча на хлѣбу, и хлѣбъ тэй зьѣсь. Гэты ўси словы ня дышучи треба казаць. И скоцини помочь даю (ци цялушка, ци быкъ; ци жерабо́къ, ци жаро́бка). Иншая шавлюга ня возьня хлѣба.

52, Ишовъ самъ Господзь Богъ зъ золотой колодой, зялѣзнымъ штыхомъ молодзицы-перапелицы рады даваць. Я ци хлопца ци дзѣвку заходжу, зялѣзнымъ штыхомъ отопру, колодою закачу, на своемъ мѣсьци становлю, у своемъ мѣсьци, у золотымъ кресьли. Есь ли цябе мѣсьцичко, зъ маковое зерничко.

Тройчи, абы на чомъ. *Вендор. вол.*

53, Ишла святая прачистая съ усими святыми апостолами, нясла золотыя замки, сяребраныя ключи, замыкала рабы божія животы до поры.

На хлѣбѣ, 3 раза. *Тамъ-же.*

54, На мори на кіяни росъ древо купоросъ, съ комля и до верха гольлёмъ опусьцився. А на синимъ мори ляжиць синей мѣдзи камянь. Якъ гэтому синю-мѣдзю камяню наверхъ ня ўсплываци, кабъ и такъ рабѣ божай младзенца не свергаць. Я говору, выговарую, воротъ цялесныхъ не заговарую, аминъ. *Тамъ-же.*

55, Ци соколъ, ци соколыня̀, стань сабѣ на своемъ мѣсьци, у золотомъ кресьли,—твоё мѣсцичко, золотое кресьличко.

Ударицъ по крыжу. *М. Княжицы.*

56, Ёсь у мори цари̇къ камень микадоньскій; якъ яму̇ зъ моря ня рытца, такъ кобыли гэтой бязъ урема не жарябитца.

На хлѣби три разы. Иншій три разы иголкой продзѣнець хлѣбъ, а иншій даець зъ мѣха̀ на̀ поли жита зьѣсь перядъ тымъ якъ сѣяць—три разы ўхопиць. *С. Любиничи, гор. у.*

57, Мосцивъ Господзь мосты, гора до горы, замакавъ замки пора до поры. Хукъ! а кровъ никукъ! *М. Дубровна.*

58, Вотча... Помяни Господзи ца̀ря Давыда... Ишовъ ўсемогущій

Господзь, святый Микулай чюдотворецъ, Геворгій вяликомученикъ побѣдоносяцъ, архистратигъ Михаилъ, клали кладзи, мосьцили мосты, гора до горы,—и раба божая молодзица носи молодзенца пора до поры, аминь.

Запис. отъ грамотнаго крест. *Холбнянск. вол. гор. у.*

59, Пресвятая Бугуродзица, преблагая царица, закрый, засцеряжи лаской своей, ризой святой, часнымъ своимъ нябэснымъ крыломъ. Ангалы-хранциталы, храниця душу нявинную; Янъ Храсьциталь охрисьци душу нявинную своимъ животворящимъ нябэснымъ хрястомъ.

При трудныхъ родохъ. *С. Пугляи.*

Также: Господзи, пресвятая Бугуродзица,—якъ цябе Господзь распросьцивъ, кабъ распросьцивъ и гэтымъ двѣ души!

И царськія дзьвери треба отчинить, пòртомъ кýрицъ ци перъямъ; коли няживое, дакъ и отживе. *М. Княжичи.*

60, Господзи Божа богослови и мацъ прячистая поможи! Упрашáю Господа Бога и Яна Хрясцицеля, закрывайця, заберягайця своимъ часнымъ хрястомъ. Якъ на морьи, на лукоморьи, тамъ ляжицъ бѣлъ камень, а на томъ камни сядзицъ мацерь божія Бугуродзица Тріярушица, господнія, божія преподобница. Упрáшую жъ я Господа Бога кажную часиночку, кажную годзиночку,—опростай Господзи рабу божію Матрюну; пусьци Господзи ету душухну, нарождзеную, сотворёную, на етый свѣтъ на будущій вѣкъ. Живъ Богъ—жива й душа.

Гордецк. вол. чаус, у.

61. Кобыла вороная, шерсць чарнàя, буйная голова, хрябетная косьцѝ; якъ дзержишъ зубы у роцѣ, такъ дзяржи до поры содержаца ў живоцѣ. *Витебск. у.*

Три разы хукнуць кобыли у ротъ.

62, Ишовъ Христосъ теразъ калиновый мостъ,—камянь катися, жарабя поры дяржися, аминъ. *С. Озераны, рог. у.*

63, Упрошáю, умоляю Господа Бога Исуса Христа и сына божаго, и мацъ божію Тріярушницу, и ўсихъ святыхъ преподобничковъ, кіявськихъ, пячерськихъ, Антонія и Хвядосія и Цихона, господняго приподобничка, скораго помошничка,—поможиця коровцы—рябипоцы (по масти). Опростай яе Господзи, пусьци яé на етый свѣтъ, на будущій вѣкъ, на юрьяву рясу̀ (я=о), на сырую зямлю̀, на зялёну тряву.

Д. Прибужье, гор. вол. чаус. у.

Сифилисъ.

64, Ёсь у бѣломъ свѣцп Микидзіянъ—рѣка, на той рацѣ стоиць дубъ, на томъ дуби сидзяць три вороны, чорныя, вороныя, говоряць про тую боль чильчака, штобъ рабу божаму цѣла не точила, косьци не ломила, аминъ. *Тамъ же.*

12 разъ; болячки очерчивать желѣзомъ.

Отъ *колтуна* расходникъ трава, у май мѣсяцы, ссушивши настоиць у бутылцы, оттопиць у гарнушку и пиць даваць. Это же средство и отъ „ломотиза" (Расходникъ—*nepeta glechoma* или *sedum acre*). Употребляется и другая трава, въ родѣ павилики,—сю моются отъ колтуна и отъ рака. Названія не могъ узнать.

Отъ крыви.

65, Господу Богу помолюся и прасвятой матары поклонюся,—стань Господи на помочь рабу божжаму кровъ замовляць. Ишла мать прачистая по полю чистому, золотою тростиною попиралася, траву рвала, рану затыкала. Золотая тростинка параломися, рабу божжаму кровъ унимися. *Д. Селецъ, рог. у.*

66, Господу Богу помолюся, святой прачистой матари поклонюся. Ишла прасвятая мать Бугуродица по калиновымъ мосту, у красныхъ чаровичкахъ съ красной тростиной, съ святыми апостолами. Тростина зломилась, кровъ супунилась. *С. Корма, гом. у.*

67, Господу Богу помолюсь и матари божай поклонюсь и усимъ силамъ нябеснымъ, сонцу и мѣсячку,—стань на помочь. Лятѣвъ жоровъ зъ золотой шпылькой, съ шавковой ниткой, раны сшивать и ядрость шаптать и кровъ замувлять. *Д. Нов. Крупецъ, гом. у.*

68, Первымъ разомъ, божжимъ часомъ, Господу Богу помолюся. Плыла рака морамъ, а у той рацѣ три жилы: одна молошная, а другая водяная, а третьтяя крывавая. Водяная протячи, молошная протячи, а кровъ горучая запячися и сунимися. *С. Сѣровка, гом. у.*

69, Першимъ разомъ, божжимъ часомъ. Господу Богу помолюсь, прачистую матку попрошу. Ишовъ самъ Сусъ Христосъ нябесный, шовъ ёнъ чаразъ золотый мостъ, пёсъ ёнъ три баньки воды святой. Баньки зь

яго ручакъ разбились и вода зь ихъ разлилась,—и шобъ ты кровъ сычасъ сунялась, на бѣломъ тѣли печаной запяклась. И шобъ сычасъ запяклась.

Трэйчи, и разскублянной онучай порѣзъ закласть, и трэйчи дмухнёшъ. Ето отъ жиловой крыви; а отъ верховой во якій:

70, Ишла святая прачистая матка Христова горою, нясла воду дугою. Дуга разогнися, вода разольлися! Дуга разогнулась, вода разлилася, а у раба божаго кровъ сунялася, печаной запяклася.

Ето жъ и скотини. *С. Марковичи.*

71, Господу Богу помолюся, матари божай приклонюся и ўсимъ святымъ,—и приступитя и поможитя рабу божаму. Ишла дѣвка сямилѣтка калиновымъ мостомъ, нясла хрестъ; калину ломала и кровъ замовляла, и жилную и верховую. Калина раствилася и кровъ сунялася. Лятѣвъ жоровъ чаразъ синяя мóра, несъ шавковую нитку, рану зашивати и кровъ судержати. *С. Кр. Буда, гом. у.*

72, Ишовъ Богъ чаразъ новый логъ, сколовъ ножаньку на тяремшаньку; тяремшанька стала, кровъ перастала. Ишла мать прачистая чаразъ три полà и кровъ суняла. Ѣхавъ Данила на сивой кобыли; кобыла пристала и кровъ парастала. Дай Богъ на помочь.

Д. Улуковье, гом. у.

73, Ишли калѣки чаразъ три рѣки, копали лужу, сѣяли рожу; тая рожа ня ўзышла, штобъ у раба божаго кровъ ня пошла.

Три разы, подмухать и погладить рану. *Д. Титенки, гом. у.*

74, Лятѣвъ воронъ чаразъ мòра, нёсъ иголочку, шовкову ниточку, рану зашивать и кровъ замувлять.

Тройчи. *С. Чеботовичи, гом. у.*

75, Иду я зъ Господомъ Богомъ, съ святой сярадою. У Гришки стоить у поли игрушка, нотъ тэй игрушкой сядить три сяструшки: одна шія, другая вышивая, третьтяя кровъ замовляя. Самъ Сусъ Христосъ изъ барана руно знимая и жаролд затыкая и кровъ сунимая.

Трэйчи и прижать порѣзъ. *С. Недойка, рог. у.*

76, У чистомъ поли стоить груша, на той груши сядить красная дѣвица; ня ўмѣла нна ни ткать и ни прасть, тольки ўмѣла шовкомъ вышивать, кровъ заговаравать. Ѣхавъ самъ Господь Богъ Сусъ Христосъ

на Рдань па сивомъ конику; Богъ ставъ, коника сунявъ, и рабѣ божай кровъ сунявъ. Не я знаю, Господь знаа, мать прачистая святымъ своимъ духомъ дыхаа, на стану суставляя.

Треба дмухнуть и плюнуть па лѣвый бокъ три разы и покуль гомоня, треба стиснуть рану. Етый жа самый и отъ выкидыша; треба гомонить надъ хлѣбомъ и крайчикъ дать зьѣсти. *Рогачев. у.*

77, Господу Богу Сусу Христу сыну божаму помолюся и матари божай поклонюся. Ѣхавъ Христосъ по Сіяньской горѣ и калину ломавъ и рабу божаму дававъ и кровъ замувлявъ. На половой кобыли ѣхавъ Данило, кобыла пристала, у раба божаго кровъ парастала. Изъ синяго мора лятѣвъ воронъ, несъ золотую иголку и шовковую нитку,—рану зашивая, кровъ замовляя, ярость и вопухъ выгоняя, горучую кровъ замовляя и матаръ божію на помочь призывая. *М. Носовичи, гом. у.*

78, Ляциць змія зъ дванандыцп гылывами, зъ войстрыми носами,—цюкнула у камень. Якъ съ каменя кровъ не канець, кабъ изъ руки ня канула. *Д. Торбинка, сѣнн. у.*

79, Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Шовъ Сусъ Христосъ зъ нябесъ, пёсъ сотворащій хростъ и сухую трость. Якъ трости ня раскидатца, такъ крыви ня разливатца, костей ня ломати, жилъ ня сушити.

Тройчи, и дунуть па тое мѣсто. Сычасъ и уныкня.

Д. Кураковщина, рог. у.

80, Большэй рѣзъ, малый рѣзъ, кукареку пересѣку крыви ня пущу. Святая мацъ Бугуродзица приходзила, тыя раны зышивала, крыви ня пускала, аминъ.

Девять разъ сказать и дунуть. *С. Хвошно, Городок. у. в. г.*

81, Ишовъ Исусъ пы травы, обрѣзывъ ноги ды крыви. Пришовъ Исусъ къ синю морю, па синимъ мори латырь-камень, на латырю камню раба-баба. Раба-баба пы камню ляпъ, и кровъ не капъ. Аминъ, аминъ, тьфу! *Тамъ-же.*

82, У поли подъ дубомъ стояла баба съ тлубомъ,—жилки зживатца, суставы суставлятца. На мори бывъ царь, яго конь каръ, а ты, руда, перестань. Аминъ рудзи, аминъ рудзи, ялилуя, ялилуя слава табѣ, Божа нашъ. *Городок. у. вит. г.*

83, Ишли три Мареи и три Мареи, уси три родняныкихъ сястрицы, ишли яны съ святымъ Миколомъ. Святэй Микола свою войструю мечъ вынимаецъ и кровъ унимаецъ. Ишли три Мареи итд. ишли яны сы святымъ Ягоръямъ. Святэй Ягоръя свою войструю мечъ вынимаецъ и кровъ унимаецъ. Ишли три Мареи итд. ишли яны сы святымъ Михайломъ. Святэй Михайло свою войструю мечъ вынимаецъ и кровъ унимаецъ.

Тройчи, и прижацъ и обвязацъ трапкой крѣпко и не глядзѣцъ, и обыйдзетца,—ничого не надо. *М. Микулино, орш. у.*

84, Ишло три панны, нясли глёкъ воды; глёкъ разбився, вода разлилася, у раба божжаго кровъ унялася. *С. Крюковцъ, гом у.*

85, Святая Бугуродзица своей золотой щоточкой чесала, кровъ, боль и пухлину унимала. Коли святая Бугуродзица поможецъ, и я помогу. *С. Ляудеры, люц. у. вит. губ.*

86, Ѣхавъ Данило на сивой кобыли, мостъ обломавъ и кровъ замовлявъ. *С. Нѣжково, мог. у.*

87, Ляцѣвъ воронъ чаразъ мора, нёсъ ёнъ вовны кровъ замовляцъ и рану затыкацъ. Ты кромъ становися, рукой—вовной заткнися. *Церков. вол. мог. у.*

88, Ишло рѣчки три крывавыхъ, три водзяныхъ; водзяныя йдуцъ, а крывавыя стали; водзяныя йдуцъ и т. д. 3 раза.

И прицiснуцъ; заразъ и ўщукня. *Тамъ же.*

Якъ порѣжашъ ци рукў ци ногу, дакъ зямлей присыпъ съ слѣду. А якъ зъ носа йдзѣць—у холодную водў ноги, и пятакъ мѣдный на потылицу. *Вендор. вол.*

89, На мори на кiяни, на вострови на буяни, стоицъ дубъ, на томъ дубу дванатцацъ кокотовъ, на тыхъ кокотохъ нитка. А ты, нитка, уворвись, у раба божаго кровъ увоймись.

90, Ишло три ракй: одна водзяная, другая мядовая, третцяя крывавая. Водзяную выливацъ буду, мядовую выпивацъ буду, крывавую замовляцъ буду.

91, На мори на кiяни, на вострови на буяни стоицъ древо, на томъ

древи царъ воронъ сядзиць. Царъ воронъ, ня каркни, и кровъ у раба божаго ня капи. Аминъ. *Тамъ же.*

92. Ходивъ Богъ по горахъ, по межахъ, по калиновыхъ мостахъ, унимавъ кровъ рабу божаму: уйди кровъ у кровъ, костка ў костку, жилка ў жилку, суставка въ суставку. *Д. Толпечицы, мог. у.*

93, Ишла чорная корова чаразъ ровъ, ишла да стала, и кровъ идти перастала. *Тамъ же.*

94, Стань крэвъ у рани, якъ вода въ Ирдани, кеды кещивъ свенты Янъ, кеды ходзивъ Христосъ Панъ, аминъ.

Знахарь, бывшій лакей, заучилъ заговоръ отъ помѣщицы—католички *Д. Поляковичи, мог. у.*

55, Господзи Сусе Хрисце Божа нашъ, прими жертву сію во 'ставленіе грѣховъ раба божія. Благослови мнѣ кровъ замовляць. Ишовъ Сусъ Христосъ чересъ калиновый мостъ, нёсъ сякирку съ собою; при дорожцы стояла калинка, онъ тую калинку цюкъ—цюкъ—цюкъ! Якъ съ тыя калинки кровъ ня капула, такъ кабъ и зъ раба божаго (ци съ скоцинки—рыжой шарсцинки) кровъ ня капула. Стань, кровъ, унимись, жильная, нажильная, подушная, мысляная, вѣтраная.

Городищ. вол. горец. у.

96, Чаразъ золотыя кладки, чаразъ сяребраный мостъ ишли три сёстры, уси три родны. Одна нясла злото, другая сребро, а третьця иголку и нитку шовку,—загуваривали вопухи, ядрось и зашивали рану и замувляли кровъ. *Пугляев. вол. горец. у.*

97, Ишовъ Богъ, ишла кровъ, Богъ ставъ—кровъ стала. Такъ божая маци сказала, кабъ кровъ на мѣсьци стала. *Тамъ же.*

98, Ишло съ вышняго неба дванатцаць молотцовъ и нясли дванатцаць топорусовъ,—сѣкли, рубали и рабу божаму кровъ замовляли. Хукъ! кровъ ни пукъ! *Дубровн. вол. горец. у.*

99, На синимъ мори, па бѣлымъ камни сядзиць баринъ: и ссяччёмъ и зрублёмъ, и копъёмъ прябъёмъ, и сколемъ и споремъ. Ишла къ яму мацъ пречистая, перадъ баринямъ стала и кровъ замовляла рабу божаму такому то. Хукъ! и кровъ ни пукъ! *Холбн. вол. горец. у.*

Отъ звиху, выбою, удару.

100, Помолимся Господу Богу, матари божжай, святой, прачистой; святымъ апостоламъ, усимъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ,—станьця у Господа и молиця Бога за насъ грѣшныхъ. Ишла мацп прачистая по калиновымъ мосту, сярэбраною тросьциною попиралася. Сустракая яе Господзь съ Пятромъ и съ Павломъ: куды йдзёшъ, мацъ прачистая?— Иду къ рабу божжаму звихъ и ударъ выговароваць. Жовтая косць и съ косцю соткнися, большая жилка и малая у кучу сойдзися, и красная кровъ горучая разыйдзися, ето лихо установися.

Тройчи, ды погладзиць ножомъ звихъ, ды тройчи ножомъ у сучокъ у сцѣпи торкнуць. *Д. Сьминовка, город. в. рог. у.*

101, Зьвихъ, зьвихъ, ня будзь лихъ, жилы не цягни, косьци не ломи. Ѣхавъ царъ Давыдъ на вороныхъ конняхъ,—конь спытыкнувся, зьвихъ зьвихнувся; конь уставъ, зьвихъ на мѣсьци ставъ, на мѣсьци на станў, у своимъ домў.

Отъ зьвиху у коня; три разы. *С. Ульяновичи, сѣнн. у.*

102, Господу Богу помолюся, прячистой мацп поклонюся. Зьвихъ, зьвихъ, по косьци ня ходзи, жилъ ня трудзи: я цябе уговорила не сама собой, прячистой святой,—прячистая мацп нара́дзила.

Тройчи. *Д. Соболи, чериков. у.*

103, Господу Богу помолюся, прачистой матари поклонюся, и кіявськимъ, пячерськимъ, усимъ прaподобнымъ христомоленцамъ,—пристаньтя ко мнѣ на помочь. Ѣхавъ Сусъ Христосъ чаразъ калиновый мостъ на ослёнку, на жарабёнку. Калиновый мостъ обломився, Исусъ Христосъ остановився. Такъ станьтя суставы на своёмъ мѣсьти, на золотомъ крэсьли,—по косьти ня ходить, сэрца ня крышить, горучія крыви ня томить. И уговарую я, Варка (знахарка,) лихо горучая, колючая и ломучая, потѣшное, посмѣшное, подумное, погадное, и отъ отцовъ и отъ молодыхъ молоденцовъ, и жапоцкое и паробоцкое, и рабяцкое и хлопяцкое, и собацкое.

Тройчи. *С. Столбунъ, рог. у.*

104 У чистый чётвергъ на страшной нядѣли, ѣхавъ самъ Сусъ Христосъ на булапомъ кони, по шовковой травѣ, по сіяньской горѣ, конь тэй спотыкнувся, у суставъ зьвихнувся. Прасвятая мать Бугуродица приходила, тыя суставы установила. И штобъ у етаго коня суставы на мѣсьти стали, косьтей ня ломили, сэрца ня знобили, живота ня ўрадили.

и ѣхали три коты, кожи поскидали, суставы ўставляли. И штобъ етыя суставы на мѣсьти стояли. *С. Вылевъ, гом. у.*

105, Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолюся, и матцы прачистой поклонюся, съ усими силами нябесными. Кіявскія, Пячерскія, уси правяднички праподобныя,—станьтя жъ вы, господухночки, па помочь рабу божаму. Ѣхавъ жа самъ Господь Сусъ Христосъ чаразъ золотый мостъ на сивомъ кони; конь спотыкнувся—и звихъ и выбой минувся. Стой жа ты конь, ня спотыкайся, а ты, звихъ и выбой, у свое мѣсто зновъ зворочайся. По крутой горѣ ходили три панны Купанны, усякія зельли ирвали и звихъ шаптали, и суставъ къ суставу прикладали и тѣло шкурой поволокали, и ядрость и вопухъ шаптали, и жилы кровъю поливали и рабу божаму помочи давали. И святая серада, стань ты, господухночка, па помочь. Отъ Бога помочь, а мой духъ.

Тройчи, и подуть. *С. Перерость, гом. у.*

106, На мори, на лукоморъи, тамъ ходили три дявицы и рвали три травицы; первая—зельля жовтое, другая—зельля красное, третьтяя—зельля суставляла и звихъ замувляла. *С. Корма, гом. у.*

107, Господу Богу помолимся, матари божай приклонимся, и усихъ святыхъ на помочь попросимъ. Ѣхавъ Сусъ Христосъ съ Сіяньскія горы па сивомъ кони, чаразъ огняпную ракў, чаразъ дротяный мостъ. Мостъ проломився, конь спотыкнувся, суставъ соткнувся, штобъ етому рабу божаму звихъ минувся. *Д. Каменка, гом. у.*

108, Господу Богу помолюся, и прачистой поклонюся, усимъ силамъ нябеснымъ, Антоніямъ и Хвядосіямъ. Ишли три паны, скумпалися, кости съ костями складалися, нясли отъ звиху зельля, и къ костямъ примѣрали и къ суставамъ прикладали, и жилы кровъю наливали, и тѣломъ затягали, и хращоному, народжоному, молитовному, помочи давали. Отъ Господа Бога помочь, отъ мяпе духъ лягёнькій, тихёнькій.

Слоб. Городня, гом. у.

109, Первымъ разомъ, Господнимъ часомъ. Господу Богу помолюся и святой прачистой приклопюся. Звихъ пристрѣшный и присмѣшный, и навитый, працовитый; звихова мати по полю ходила, звиха—сына будила: устань, звиху,—поможи етому лиху. Табѣ тутъ ня стояти, кости ня ломати, сэрца ня зпобити, живота ня тошнити.

С. Ст. Юрковичи. гом. у.

110, Господу Богу помолюся, святой прачистой поклонюся, усимъ отцамъ праподобникамъ божимъ. Ѣхавъ Сусъ Христосъ чаразъ золотый мостъ на Сіяньскую гору̀, на бѣлымъ коню; конь спотыкнувся, суставъ съ суставомъ соткнувся. Сусова мати по по̀лю ходила, сына звиха будила и вышептовала зъ буйной головы, зъ вяликаго живота, зъ ративаго сэрца, зъ горачай крыви, съ солодкаго мозку, зъ румянаго тила. Потуль ты болѣло, потуль ты горѣло, покудова я тябе ня знала, Господа Бога призывала. Богъ съ помоччу, я зъ духомъ.

С. Нов. Юрковичи, гом. у.

111, Ѣхавъ Сусъ Христосъ чаразъ зялёный мостъ, на сивымъ конѣ зъ зялѣзнымъ списомъ. Мостъ проломився, конь спотыкнувся, раба божаго звихъ проминувся. *Д. Барановка, гом. у.*

112, Господу Богу помолюся, прачистой матари поклонюся и ўсимъ святымъ и ўсимъ праподобнымъ. Зо̀ри зараница, Христовы помошницы, раньнія и вячернія, дянныя и полудянныя, уси приступитя, уся поможитя рабу божаму извихъ шаптати. Христосъ ѣхавъ зъ нябёсъ, на буланомъ кони, на Сіяньскую гору. Конь споткнувся, суставъ съ суставомъ соткнувся, и звихъ минувся. Мати прачистая по Сіяньской горѣ ходила, траву зрывала, жилы кровъю наливала, рабу божаму помочи давала. Божая слово, а мой духъ.

Тройчи. *С. Поповка, гом. у.*

113, Первымъ разомъ, добрымъ часомъ; Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся,—матаръ божая святая, правядная, стань ты ко мнѣ на помочь. Изьвихова мати, прошу я твое вялікія милосьти,—по полю ты ходила, сына зьвиха будила: устань мой сынку, зьвиху, устань, спомогайсь, и етому лиху помогайсь. И тутъ, у косьти, яму ня бувать, косьтей яго не ломать, тѣла ня пушить и раба божаго ня сушить. Ѣхавъ Юрый, вяликій Ягорый, на буланомъ конѣ, по шавковой травѣ, по зямчузькой росѣ. И якъ етому коню шавковой травы ня зьядать, зямчузькія росы ня спивать, такъ етому лиху у косьти ня бывать, косьти ня ломать. И прошу я тябе, святый зьвихъ милосьливый, правядный,—суставъ на сустави стань, а рабу божаму на помочь дай.

Тройчи наказать и дмухнуть, я туды-суды поворохнуть.

С. Марковичи, гом. у.

114, Ѣхавъ святый Юрый и Ягорый на ворономъ конѣ и у золотомъ сядлѣ; конь споткнувся, суставъ на суставъ узышовъ. Изьвихова

мати по полю ходила и своихъ сыновъ зьвиховъ будила: сыны моѐ зьвихи—и Иванъ и Романъ и Данило, помогайтя етому лиху! Первый косьти складавъ, а другій суставы сустанавливавъ, а третьтій кровъ судяржавъ и вопухъ издымавъ. *С. Кр. Буда, гом. у.*

115. Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолюся и святой прачистой поклонюся, святому Миколи, Тройцы й Покрови, и ясному мѣсяцу, правядному сонійку и частымъ звяздо́мъ, усѐй святой сили нябесной. (Треба узять тресочку и приклясть къ больному мѣсту) Якъ етому древу на пни ня стояти, и росой ня пропадати, и отъ вѣтру ня шатати, и отъ сонца ня зяти, такъ рабу божаму ни зьвиху ни побою ня знати, у горачай крывѣ и ў жовтой косьтѣ, и ў жилахъ и ў суставахъ. Потуля ты было, якъ я тябе ня знала, а тяперъ я тябе знаю, вышептую и выговарую зъ горачія крыви, зъ жовтыя косьти, изъ синихъ жилъ. Якъ потухаять и улягаять зоры раньнія и вячернія, такъ потухай, улягай зьвихъ и побой, вопухъ и ядрость, у горачай крывѣ, у жовтой косьтѣ, у жилахъ и ў суставахъ. Господь исъ помоччу, а я съ словами. *С. Марковичи.*

116, Ѣхала святая прачистая на сивомъ кони чаразъ золотый мостъ; конь спотыкнувсь, суставъ зьвихнувсь; конь уставъ, суставъ на мѣсти ставъ. *Тамъ же.*

117, Первымъ разомъ, божимъ часомъ. Господу Богу помолюсь и матаръ божаю попрошу. Матаръ божая, царица нябесная, приступися раба божаго зьвиху говорити, придуманаго, приговорнаго, утѣшнаго, посмѣшнаго; чаразъ синя мо́ра ѣхавъ святый Ягорый на сивомъ коню, у золотомъ сядлѣ; и мостъ проломився и конь спотыкнувся, а рабу божаму суставъ съ суставомъ соткнувся, золотыми замками замкнувся.
С. Гордуны, гом. у.

118, Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Стань Господь Богъ на помочь. Раба божая усѐ зная, побои и удары выговаруя, и зьвихи, обмахи й обступы. Выговарую съ косьтей, зъ можжей, и зъ жилъ и съ пажилъ, и зъ буйныя головы и зъ горачія крыви; вамъ тутъ ня стоять, косьти ня ломать, крыви ня псовать, сэрцу ня болѣть. Дай Богъ на помочь.
Д. Улуковье, гом. у.

119, Святый понядѣлочакъ, стань на помочь! Ѣхавъ Христосъ на сивомъ кони, по золотому мосту, мостъ схитнувся, а конь вороный спотык-

нувся, а рабу божаму жила къ жили, косточка къ косточцы, ня болѣть, ня колѣть, и жилъ и суставовъ ня ўрадить; а Господь Богъ на помочь.

Д. Ларище, гом. у.

120, Ишовъ Господь Богъ по калиновомъ мосту. Якъ тому мосту ня разыхо́дитца, такъ у раба божаго зьвиху и удару ня бывати. Ишовъ Богъ по калиновомъ мосту, мостъ поломався, Богъ вярнувся,—зьвихъ и ударъ минувся. *Д. Гольевка, гом. у.*

121, У поли на моры стоить игруша, подъ той игрушай три сястрицы. Одна ня ткаха, ня праха, а другаа погуляха, а третьтяа звихъ говора, да суставъ на суставъ становя. *С. Чеботовичи, гом. у.*

122, Ѣхавъ архайла Михайла на своемъ добромъ кони,—мосьничка къ мосьничцы сыйдитясь, жилы съ косьтей, съ пярсьтей, зъ рыжаго мяса зросьтитясь. На моры, моры, на лукоморъи, стоявъ дубъ, на томъ дуби двананцать кокотовъ, двананцать гняздовъ, двананцать орловъ; дюбками разда́вбають, ногами разгра́бають, крыльлямъ размахують. У поли, поли вишанька стоить, подъ той вишанькой три панны сидить,— ни ткать, ни прасть, тольки зьвихъ вытягать, золотый хрестъ наставлять.

Трэйчи, и ножъ приложишъ къ вывиху. *С. Недойка, рог. у.*

123, Господзи милосьливый, святая Пяцинка Прасковея, стань на̀ помочь рабу божаму (по ӣмѐньню). Косточки, жилочки, станьця ўсѣ ў суставочки, якъ у маткиномъ живоцѣ. *М. Круглое.*

Тройчи. И дунуць и пошаваливаць. И спасибо людзи даюць.

124, Зьвихъ, зьвихъ, ня будзь лихъ, не ходзи по косьци, не ломи косьци. Ѣхавъ Ягоръя на сивомъ кони, конь ставъ, зьвихъ пераставъ.

Тройчи. Коли злучилося, тогды й говори, окромя повдзёнъ. Перазъ дзень, дась Богъ, и полѣпшаець. *Тамъ-же.*

125, Ходзивъ Христосъ по горахъ, по межахъ, суставки-суколѣнки ломавъ и гэтому рабу прикладавъ. И я упрошаю и ўмоляю, кабъ рабу гэтому зьвихъ перараставъ. *Тетеринск. вол. мог. у.*

126, Ходзивъ Христосъ по горахъ-горахъ, по межахъ-межахъ, шатався, валявся и зьвиху не боявся. И ты, рабъ божій Иванька, зьвиху ня бойся. *Нѣжков. вол.*

Тройчи по зарахъ, чи чаловѣку, чи коню, якъ навихнѣць.

127, Шовъ Господзь по широкой дорози, по вялпкихъ лясахъ, по зялёныхъ лугахъ, косточки-суставки собиравъ, рабу отъ зьвиху помочи дававъ. *Тамъ-же.*

Тройчи, абы-коли, да й поцягнуць.

128, Ишовъ Господзь церазъ гору, церазъ мяжу. Богъ спотыкнувся, пожка сповихнулася, косточка съ косточки, суставочка съ суставочки: стань па стану, якъ стояла, а роби такъ, якъ робила, а ходзи такъ, якъ ходзила. Я съ словомъ, а Богъ съ помоччу. *Бѣлыниц. вол.*

129, Помолимся Господу Богу духу святому, пресвятой Бугуродзицы мацери божжай, и ўсимъ святымъ апостоламъ. Святый Зосимъ стань на помочь, святыя ангали на радось. Суставъ, оставъ (три разы дзевяць, лячучи суставы па палцахъ. Плюнуць на судъ у сцѣни:) Якъ гэтому суку ня 'тживаць, такъ и ў гэтаго раба зьвиху ня бываць.

Церковищ. вол. могил. у.

130, Ушибъ и зьвихъ, подзивный, приговорный, уговарую изъ жилъ, исъ суставъ, изъ вушей, исъ косьцей, по косьцяхъ не ходзиць, косьцей не ломиць, сэрца не сушиць; стань на мѣсьци, якъ мацъ породзила, на золотомъ кресьли посадзила. И Господзь Богъ съ помоччу, а я съ словомъ.

Тамъ-же.

131, И помолимся и усклонимся Господу Богу и духу святому (и т. д. см. № 39) Вы жъ божжія угодники, вы скорыя помошники, вы вяликія молитвѣньники, вы жъ скоранько помогаеця, гэтому чаловѣку зьвихъ и ушибъ замовляеця, и на мхи, па болоты ссылаеця. Ѣздивъ святый Юра по чистому полю, на сивымъ (вар. воронымъ) кони. Коникъ яго спотыкнувся, суставка зьвихнулася. Суставка съ суставкой сыйдзися и цѣло съ цѣломъ зросцися, кровъ исъ кровъю збяжися. *Тамъ же.*

132, Ишовъ Сусъ Христосъ по межахъ, по ўсякихъ борознахъ, вынимавъ вихъ колючій, болючій. Святыя святочки, годовыя празьнички, ходзиця ко мнѣ на помочь: я съ словамы, Богъ зъ духамы,—якъ стало, такъ перастало. *Вендор. в.*

133, У нядзѣльку пораненьку ишовъ самъ Господъ Богъ, сустракая бабку: куды йдзёшъ, бабка? (узелъ завязать)—Иду давацъ конику соколику рады (уз.) кабъ яго косьци ня ломило (уз.), цѣла ня пушило (уз.),—кось выправляць (уз.), шкура наростаць и суставъ у суставъ

уставляць (тожъ вузэльчикъ на питцы на ильляной завязаць и ногу ля зьвиху обвязаць). *Тамъ-же.*

134, Ходзивъ Богъ по небесахъ, по крутыхъ горахъ, по ницыхъ лозахъ, по долинахъ, по зялёныхъ лугахъ, якъ павъ, такъ и ставъ,—не здрагапувся, не сколонувся,—кабъ у раба божаго зьвихъ минувся. *Тамъ-же.*

135, Ишовъ Господзь горамы изъ Юрамъ, зь Миколомъ, святымъ Пятромъ-Павломъ: яны горы личили, горы считали, кабъ горы зъ горамы сходзилися, и рѣки зъ ракамы, и жилы зъ жиламы, кровъ исъ кровъю, кось съ косью, зьвихъ зъ зьвихомъ. Святый Пётра и Павла гэтый зьвихъ и ушибъ составляя, гэтый зьвихъ и ўшибъ николи большъ ня бывая. *Тамъ-же.*

Здоровую ногў подвяжашъ, хай на бōлной скаканѐць разовъ пятокъ —отъ и ўсё.

136, У пядзѣльку рано пораненьку ѣхавъ Господзь Богъ по своимъ царству на вороным конику. На яго царстви бѣлъ—камень ляжиць. Вороный коникъ на бѣлъ—камень уступивъ, ножку скопыцивъ. Поѣхавъ до цара Давида: царъ дохтора, лячи вороного коня. *Тамъ же.*

137, Ходзила прачистая и съ святымы апостоламы по горахъ, по поляхъ, по межахъ, косточки збирала и ў кучку складала, и больша до большія, и меньша до меньшія—и складзицеся, и зросьцицеся у раба божаго. Святыя апостолы, святый аўторочакъ, пособи и поможи. *Тамъ же.*

138, Пресвятая Бугуродзица и пресвятая Палея гнали статокъ у поле. То пресвятая Бугуродзица садзилася за престоломъ на кресьли, пресвятая Палея косточки—суставочки собирала, пресвятой Бугуродзицы на престолъ выкладала. Пресвятая Бугуродзица суставы брала, суставъ у суставъ уставляла, и своимъ святымъ храстомъ захрищала, скорбъ и болѣзь поживляла. *Тамъ же.*

139, Ишовъ Господзь Богъ Сусъ Христосъ мяжою и ступивъ пятою. И косць у косць, суставъ у суставъ, и Богъ зная, отчаго гэта скорбъ—болѣзь стала, кабъ Богъ давъ такъ яна скоро перастала.

Отъ отставн. солдата. *Тамъ же.*

140, Перша треба прочитаць „Вотча", а тоды за „Вотчамъ" прямо ў рядъ: Ишовъ Богъ дорогою, а зьвихъ мяжою: то яны сыйшлися и постояли. Такъ зьвихъ сыйдзися до свойго мястá—косточка до косточки, жилочка до жилочки. *Д. Полыковичи.*

141, Ранная зара зъ високаго неба, съ подъ ясныя зары, зара спотухаець, худое отпадаець, а зъ добрымъ сустрыкаець. Вѣцеръ повѣваець, сонца угрываець, худый часъ бываець. А я ўсихъ апостоловъ, и святый аўторокъ, и святого Антонія, и святую Прасковею мучаницу призываю и Господа Бога умоляю, и Суса Христа на помочь призываю, съ косьци боль вынимаю. Господзи не гнявися, Сусъ Христосъ на помочь приступися. *Черноруч. вол. мог. у.*

142, Идзець Богъ мяжою, а Спасъ (вар. Хведоръ) другою; Богъ спотыкнувся, Спасъ усмяхнувся. И косьцина уломнаа, сухоломнаа, усяка жилина становися на мѣсьци, а ты косьцина свое мѣсто находзи.

Гбаць кось, куды гбаетца. *Любин. вол.*

143, Ишовъ зьвихъ теразъ калиновый мостъ; мостъ зыбнувсь, а зьвихъ зьвихнувся, а суставъ на мѣсьци ставъ. *Толпечицы.*

144, Ѣхавъ Сусъ Христосъ на своемъ хвабромъ кони на Сіяньскую горў, на Сіяньской горѣ стоиць калиновый мостъ; на тымъ калиновымъ мосту свою хваброую конь ногу упусьцивъ, калинову мосьницу праломивъ. Калинова мосьница узнимись, а ты зьвихъ унимись.

С. Радомлъ, чаус. у.

145, Зьвихи, зьвихи, идзиця зъ раба божаго на сине море,—тутъ вамъ не ходзиць, косьци не ломиць, серца не нудзиць, живота не сушиць, а йдзиця на синее море. На синимъ мори тамъ вамъ будзець дôбря: на синимъ мори чары золотыя, напитки дорогія, подушки пуховыя, засьцилки цвилёвыя,—тамъ вамъ дôбря будзець. *Тамъ же.*

146, Ёсь сине море, на тымъ мори калиновый мостъ, по тымъ калиновымъ мосту ѣдзець святый Юрій и святый Микола, и святый Павла й Пётра. И калинъ—мостъ обломився, зьвихъ расходзився: по косьцяхъ, по мощахъ, по суставахъ, по жилахъ, по пажилкахъ. Давайця помочи рабу божаму отъ зьвиху. *Тамъ же.*

147, Ѣхавъ Господзь Богъ на *ослѣ* по горамъ, по доламъ, по бо-

лотахъ, по гнилыхъ колодахъ. *Конъ* спотыкнувся, ногу́ зьвихнувъ. Зьвихъ (3 р.), ня будзь лихъ, бѣлыя косьци не ломи, и русый волосъ ня суши.

Городищ. вол. горец. у.

148, Ѣхавъ Пятро—Павялъ чаразъ мостъ, мостъ похилився, конь скопыцився. Статьцё—лихо, зьвихи, усё попоминися, отъ моихъ рѣчей лёгенько становися. При етомъ божа мацеръ бывала, и помочи давала.

Дубровн. вол.

И хо́рша намазаць мыломъ спину́. (Отъ выв. позвон. столба). Завязаць копыть коло дуги и поцягнуць ногу на дугу.

149, Напе́радъ Господу Богу помолимся, матари божай поклонимся, —стань Господи на помочь. И на Рдани на рацѣ, на Сіяньской горѣ, стоить грушка-сивушка; подъ той грушкуй-сивушкуй сядить три дявицы, уси яны сястрицы; одна научилась прасть, а другая вышивать, а третьтяя рабѣ божай ударъ говорить. Уговарую и вымовляю жилы́, па́жилы составлять, и колючія и болючія,—сходитеся косьти съ косьтями, суставы съ полусуставами, и няхай зялѣзо горить и болить, а мнѣ, Ульляни, на здоровъя.

Погомонишъ тройчи и потягнешъ. *С. Кошелево, рог. у.*

150, На синимъ мори, на лукоморъи, сядить дѣвица красавица, ина шила, вышивала, усякія зори (м. б. и 'зоры—узоры) перабирала. А я уродилася ни ткаха ни праха, погуляха, только уродилася звихъ говорить, жилы вытягавать, суставы наставлять и ударъ уговаравать.

Тройчи, тягнуть и дмухнуть. *Тамъ-же.*

151, Гулявъ, буявъ Сусъ Христосъ по синямъ мору и по чистомъ полю, и вихнувъ ножку на́ тросгь. Выговаруетца рабу божаму извихъ и ятрость, штобъ жа у раба божаго ня бувать и косьти ня ломать и крыви ня сушить. Якъ мой духъ тихъ и лёгокъ, шобъ було у раба божаго тихе́нько и лягéнько у кощѣ, у мощѣ и у добромъ здоровъи.

Тройчи, и дмухнуть. *Д. Жеребное, гом. у.*

152, По Сіяньской горѣ мамка пречистая ходила, свойго сына звиха будила: охъ ты сынъ мой, звиху, устань ты къ стому лихому лиху! Ѣдя самъ Сусъ Христосъ по Сіяньской горѣ, водя раба божаго по крутой горѣ, по шавковой травѣ, по силной росѣ. Якъ тыѐ крутыя горы́ ня топтати, шавковыя травы ня зьѣдати, силныя росы ня 'ббивати, такъ звиху лиху у раба божаго ня бывати. Потуль ты стояло, покуль я тябе

ня знала, а тяперъ я стала тябе ўхожати, кость на кость наставляти и жилу на жилу, и кожай прикрывати; ядрость и вопухъ выгонять, горучую кровъ разгонять.

Тройчи. *М. Носовичи, гом. у.*

153, Иванъ Благославъ ѣхавъ на ворономъ кони по золотымъ мосту; мостица угибнулась, у раба божаго у коня нога звихнулася. Доставъ (повел.) мнѣ, Пётра-Павелъ живущія и гоющія воды! Живущай отживаю, гоющай отгояю, на сине море отсылаю. На синимъ мори стоиць престолъ, тамъ божія мацерь стояла, пна ранья и вечара умывалась, Исуса Христа дожидалась. Исусъ Христосъ якъ прйдзець, усё гэто згойць: и жилы до жилъ, и пажилы до пажилъ, и суставы до суставъ. *Радом. вол.*

Отъ костолому.

154, Господу Богу помолюся и матари божай приклонюся, стань намъ Господи на помочь и ангели на радость. Святыя ангели хранитали, святый Анохъ и Садонъ и Ягорій, призываемъ васъ на помочь; и святыя матари божія ўси, поможитя мнѣ выговорить уси скулы и ўси болячки, и ўси ломоты, и ўси костоломы, и ўсю урэдность: тридевъять скулъ, тридевъять болячакъ, тридевъять болючихъ, тридевъять колючихъ, тридевъять залозухъ, тридевъять золотухъ, тридевъять рѣпяшныхъ, тридевъять залозовыхъ, тридевъять обжорныхъ, тридевъять обносныхъ, тридевъять простудныхъ, тридевъять зелѣзнячакъ, тридевъять трепятливыхъ, тридевъять грызныхъ, тридевъять шумныхъ, тридевъять працовныхъ, тридевъять журбовыхъ, тридевъять подивныхъ, т. д. верадовыхъ, т. д. обложныхъ, т. д. колючихъ, т. д. болючихъ, т. д. водяныхъ, т. д. вѣтраныхъ, т. д. подумныхъ, т. д. старськихъ, т. д. бабськихъ, т. д. жаноцкихъ, т. д. паробоцкихъ, т. д. посмѣшныхъ, т. д. жидовськихъ, т. д. поповськихъ, т. д. московськихъ, т. д. цыганьскихъ, т. д. знающихъ и тридевъять нязнающихъ,—выговаруй рабу божаму зъ буйныя головы, изъ жовтыя косьти, изъ горучія крыви, исъ палцовъ, исъ суставовъ, изъ жилокъ, исъ полужилокъ, исъ косьтей, изъ можджей, изъ ясныхъ вочей, изъ горачай крыви. Спаситаль у помочь, а моѐ руки и духъ.

С. Барцовка, гом. у.

Также: младшій въ семьѣ ребенокъ долженъ погрызть больное мѣсто, затѣмъ суковатое полѣно, съ приговоромъ: „Грызу грызь, загрызаю, штобъ по костяхъ не ходила, костей не ломила." Так. обр. грызью пазывается и ревматизмъ и грыжа.

При ломотѣ въ спинѣ, больному надо собрать въ найденный,, на сметнищѣ" старый лапоть самыхъ мелкихъ ,,тресокъ" изъ-подъ топора, затѣмъ лечь на порогѣ хаты. Старшая въ семьѣ кладетъ тогда лапоть съ тресками также на порогъ, говоря: ,,Утинъ сяку, утинъ сяку, пригова-раваю: по костяхъ не ходи, костей не ломи, рабы божай не суши."

Вѣтка.

155, Вымѣраю статьцё вѣтраное, водзяное, огняное, изъ головы, изъ рукъ, изъ ногъ, изъ родимаго сэрца, изъ усихъ суставъ.

Измѣряя ниткой больную руку или ногу. Затѣмъ обрѣзать ногти на рукахъ и ногахъ, отрѣзать клокъ волосъ съ головы и отнести на воду или на ,,крыжовую" дорогу съ словами: ,,Нехай моё усё лихо идзець за водой! (или: за вѣтромъ). *Толпечицы.*

Узяць порбвни чистаго дзёхцю, шкапинару, оливы, шпириту, канхвары, змѣшаць у водно мѣсто, разбовтаць и нациряць. *Холбн. вол.*

Отъ зубной боли.

156, Мѣсяцъ на неби, мядзьвѣдзь у лѣси, рыба на мори... Якъ имъ укучу не сходзитца, за 'днымъ столомъ не садзитца, съ одныѐ чары вина ня пиць, съ одныѐ чаши стравы ня ѣсь,—такъ и Павлюковымъ зубамъ ня болѣць.

На водзѣ казаць, не подъ крышай; даць воды у ротъ глынуць разы три, на зубахъ подзержаць ды ўмытца,—яны й унимутца. А коли ймя ня знаешъ, дыкъ ня ўнимешъ. И за двери ня даваць.

С. Городецъ, быхов. у.

157, Помолимся Господу Богу, прачистой матотцы святой, святымъ усимъ апостоламъ и святымъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ. Стоиць на мори дубъ, а за морамъ камянь. Якъ тымъ двомъ укучу ня сходзитца, такъ у раба божаго зубамъ ня болѣць. Зубы зубищи, станьця на днищи; якъ камянь окамянѣвъ и онямѣвъ, такъ зубамъ окамянѣць и онямѣць, и боли ня чуць. Водзица царица, прасвятлица, Ульляна, по усимъ свѣту гуляла, сэрца ўзрадовала. Отыйдзи жилы, и огонь и жаръ уними. Баба Химися—усё лихо унимися.

На водзѣ казаць, трэйчи, и даць у ротъ. *М. Городецъ, рог. у.*

158, Первымъ разомъ, божимъ часомъ. Господу Богу помолюся и святой мати прачистой поклонюся и ўсимъ силамъ нябесньмъ, зарамъ за-раницамъ, божимъ помошницамъ. Мѣсяцъ Линяцъ, ти були мяртвыя у

госьтяхъ?—Були!—Ти болѣли зубы?—Нѣ!—Няхай у раба божаго зубы ня болять.

Тройчи, тогды „Вотча“ и Господи помилуй двананцать разъ.

С. Корма, гом. у.

159, Молодикъ, молодикъ, дѣ ты бывъ?—У Вадама!—Ти были люди у Вадама?—Были!—Що яны ядять?—Камянь!—Ти болять у ихъ зубы?—Не болять!—Нехай у раба божаго Гришки не болять.

С. Азаричи, гом. у. такой же и въ *орш. у.*

160, Зара заряница, божжа помошница, и прачистая мати, поможи помогати. На кіяни—мори стоить дубъ, подъ тымъ дубомъ камянь, на камяни жарства, на той жарствѣ стоить тесовый столъ, на столѣ пярчастая скатярть, на той скатярти стоить три кубки вина, перадъ тымъ виномъ сидить три царики: первый царикъ раковъ, другій вовчій, третій ясенъ мѣсяцъ. Якъ тымъ царикамъ трохъ кубковъ вина ня пивать, такъ у раба божаго косьтямъ—зубамъ ня болѣть. *Сл. Городня, гом. у.*

161, Первымъ разомъ добрымъ часомъ. Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся, и прошу я тябе, прачистая мати, матаръ божая святая, стань ты ко мнѣ на помочь. Припомяни ты Господи цара костяного во царстви своемъ, шобъ царь костяный у раба божаго у Кузьмы шобъ у щеляпахъ ня ходивъ, ня воявавъ и кости ня ломавъ, шобъ кости ня болѣли, а зубы сычасъ занямѣли. Припомяни Господи цара Костяного въ царстви своемъ.

Трэйчи, и за кажнымъ разомъ у щеляпы, у зябры, дмухни и налѣво плюнь: Богъ супоняя ломъ у зубахъ. *С. Марковичи.*

162, Господу Богу помолюся, матари божай приклонюся и ўсимъ святымъ угодникамъ и угодницамъ божимъ поклонюся и къ рабу божаму Тарасу приступлюся. Молодикъ молодый, ў тябе рогъ золотый,—ти бывъ ты на томъ свѣти, ти бачивъ ты мяртвыхъ, ти бачивъ ты свойго брата Адама, ти спрашувавъ ты ў яго—ти болять у мяртвыхъ зубы й губы? Ёнъ кажа: нѣ!—Дай жа Божа, щобъ у раба божаго Тараса ня болѣли ни зубы ни губы, ни щеляпи, ни полўщеляпи, ни солодкія можджи, ни румяное лицо. *С. Барщовка, гом. у.*

163, Молодикъ молодый, у тябѣ рогъ золотый, на мори купався, намъ показався, табѣ на темныя ночи, а намъ на свѣтлыя вочи, вамъ на стояньня, а намъ на здоровъя, вамъ на висоту, а намъ на красоту.

Первый царъ—ясенъ мѣсяцъ на неби, другій царъ—земянъ дубъ у поли, третьтій царъ—бѣлый камянь у мори. Скольки тымъ тромъ царомъ укучи ня сходитца, стольки рабу божаму зубамъ ня болѣть и кости не щамить и крыви ня псувать. Дай Богъ на помочь. *Гомель.*

164, Добрый дзень, мѣсячка (вечеромъ; а утромъ: Добрый вечаръ!) —Здоровъ!—Ци бывъ ты у Бога?—Бывъ!—Ци бачивъ мертвыхъ?—Бачивъ.—А ци боляць у ихъ зубы?—Нѣ!—Ну, кабъ давъ Богъ и ў раба божаго не болѣли. *М. Круглое.*

Тройчи, и палцомъ зачарцивъ у роци, идзѣ болиць. И сама сабѣ скажашъ коли.

165, Мололодзикъ молодый, у цябе рогъ золотый, идзѣ ты бувавъ, што ты видавъ? Ци бувъ на тымъ свѣци?—Бувавъ.—Ци видавъ старыхъ людзей?—Видавъ.—Ци боляць у ихъ зубы?—Нѣ, не боляць.—Ну, нехай и ў Михалки не боляць! Святыя святочки, годовыя празьнички, ходзиця ко мнѣ нà помочь. *Вендор. в.*

Соли ўсыпавъ трохи у воду, да на водзѣ й кажи тройчи.

166, Молодзикъ, молодзикъ, дзѣ ты ўчора бывъ?—На тымъ свѣци. —А што ты бачивъ?—Гробъ.—А ў гроби што?—Раба божаго цѣло мэртвое.—Ци боляць у того раба божаго зубы?—Нѣ, не боляць.—Кабъ жа и ў гэтаго раба божаго не болѣли. *Тамъ-же.*

167, Господи, якъ начинався свѣтъ, было на свѣци три царики: первый царикъ—зялёный дубъ у поли, другій царикъ—бѣлый камень на мори, третьцій царикъ—широкій мѣсяцъ на неби. Якъ крѣпокъ зялёный дубъ у поли, кабъ такъ были крѣпки зубы ў роци; якъ бѣлъ бѣлый камень на мори, кабъ такъ были бѣлы зубы у роци; якъ свѣцелъ широкій мѣсяцъ на неби, кабъ такъ были свѣтлы зубы ў роци. Не я зачерчаю, не я заговарую—зачерчая, заговаруя самъ Госпподзь Богъ Исусъ Христосъ и прасвятая мацъ Бугуродзица со ўсими святыми ангаламы и архангаламы; яна зачерчая и заговаруя и усихъ подъ зубами червяковъ у раба божія вымаривая. Якъ мертвому человѣку да страшнаго сўду отъ гроба ня ўстаць, кабъ такъ у раба божія скорби, зубной болѣзни до смерци яго ня бываць. *Тамъ-же.*

168, Святый Ягорій, вотча Микола и святыя зори, и святыя нябёсы христовы: якъ у мертвыхъ у дзядовъ, у бабъ, зубы не боляць, дай Господзи у гетаго человѣчка не болѣли. Ёсь у поли древо: ямў зъ мѣста

ня рытца, такъ зубомъ ни разу не болѣць. Ёсь у лѣси гнилая колода: колодзи гниць, а зубомъ ни разу не болѣць.

Три разы на гэтый зразъ: разъ на хлѣби, два на зарю; и припомни свою родзину, умэршихъ, и три разы плюнуць. А тогды трёми камушочками у хаци зачиркнѣшъ щаку; „Кабъ яны замлѣли, закамянѣли, и нiразу кабъ не болѣли." *Любин. в.*

169. Ёсь у поли лёнъ, у лѣси клёнъ, а въ водзѣ линъ. Якъ гэтымъ тромъ дзѣлцамъ укучку ня сходзитца, такъ зубы раба кабъ вѣкъ-вѣшный ня болѣли. *Польк. в.*

Коли верхнія зубы болящь, дакъ верхнiю скорынку, скибочку да съ сольлю поцерць; а коли споднія, дакъ споднiю скорынку. И заговаровацъ тройчи черазъ порогъ.

170, Якъ увидзишъ молодзичокъ першій разъ, дакъ треба сказаць: „Молодзикъ молодый, у цябе рогъ золотый: молодзику на стояньня, косьци на поляхченьня." Цѣлный мѣсяцъ зубы ня будуць болѣць. *Толпеч. вол.*

Также читается тропарь св. мчн. Антипѣ (11 апр.) при чемъ къ заключительнымъ словамъ: „да спасетъ души наши" прибавляется: „и зубы у раба божаго." На больномъ зубѣ слѣдуетъ въ это время держать мизинецъ. *Могилевъ.*

171, Господу Богу помолюся, прачистой поклонюся. Камянь у мори, мѣсяцъ и зори на неби, мяртвецъ у зямлѣ, зубы у роти. Якъ имъ у мѣсто ня сходитца, такъ и у раба божаго зубамъ ни щемѣть ни болѣть, янгаламъ на радость, прачистой на ўтѣху. Христосъ на поратунокъ, а я на помочь. *С. Телеши, гом. у.*

Отъ зубовъ на Макавея до сонца сорву цвѣта съ посконей и спрагу ў горэлцы; послѣ у трапычачку помочишъ, да на зубы покладе́шъ, дакъ и паращукня. *Тамъ же.*

Отъ зубища, темянника.

172, Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся,—ко мнѣ Богъ на помочь, прачистая матаръ на радость. Уговарую я зубищи боковыя, горловыя, стисковыя, потылошныя, грудковыя, батьковы, маткины завистныя, корыстныя, мовныя, приговорныя, дявоччія, парабоччія, хто и чувъ, хто и бачивъ. Якъ табѣ, дубя Данила, бяроза Катярина, якъ табѣ

на корни ня стоять, гольлямъ ня махать, корэньня ня пускать, такъ у раба божаго молоденца зубищу—темяньнику ня бывать, боковому, горловому. Уговаравaю, умовляю дубища у раба божаго молоденца. Не я говору—Господь Богъ Сусъ Христосъ, янгельлимъ словомъ, святымъ духомъ. Дубя, дубя, возьми своé зубы, боковыя й горловыя.

С. Громыки, гом. у.

173. Першимъ разомъ, божжимъ часомъ. Господу Богу помолюся, прачистой матцы праклонюся,—стань мaць прачистая на помочь. Дубищи, дубищи, бярицяя своé зубищи: цéмянныя, ѐмянныя, боковыя, горловыя, крикливыя, сярливыя, бацьковы, маткины, дзявоцкія, паробоцкія, подумныя, поглядныя, потѣшныя, посмѣшныя. Дай Богъ помочь.

Тройчи, дмухнѐшъ назадъ и плюнешъ. *С. Свѣтиловичи, рог. у.*

174, Першимъ разомъ добрымъ часомъ. Дубищи жъ вы, дубищи, зозьмитя жъ вы отъ раба божаго молоденца зубищи, и тéмянныя и ѐмянныя и потылошныя и боковыя и верховыя, и приговорныя, и набродныя, и жаноцкія и паробоцкія и хлопоцкія, батьковы, маткины, и радостныя и жалостныя. Коли жъ вы будетя мнѣ солодки, дакъ я васъ проглыну, а якъ горки—проплюю (плюнуть тройчи). И ссылаю васъ дубищи у гнилыя дуплищи,—тутъ вамъ ня стоять, косьти ня ломить, головочки ня палить, щираго сэрца ня знобиць. Святый аўторокъ, стань Господи на помочь рабу божаму молоденцу. Отъ Бога помочь, а мой духъ

С. Корма, гом. у.

175, Першимъ разомъ божимъ часомъ. Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся, усимъ силамъ нябеснымъ, кіявскимъ, пячерскимъ. Антонія, Хвядосія, стань Господи на помочь. И на мори и нá лукоморьи стоявъ дубъ на три кокоты и на томъ дубу сидять три дѣвицы; одна шила золотомъ, а другая сярабромъ, а третьтяя ничого ня зная, тольки тѐмянный зубъ замувляя, урошный, приговорный, наносный набродный, колючій и болючій, Тутъ табѣ ня стояти, косьти ня ломати, сэрца щираго ня знобити отъ Господа Бога помочь, а мой духъ тихій, мяхкій.

Тройчи, и дунуть. *С. Жгунь. гом. у.*

176, Зара заряница, божая помошница, прачистая мати, поможи помогати. Якъ попу подъ стовпомъ ня стояти, храстовъ ня поднимати, звоновъ ня бивати, харуимы ня ўспѣвати,—такъ у раба божаго зубищамъ ня бывати, ни тéмяньнику, ни висковымъ, ни груднымъ, ни подпятнымъ, ни подпашнымъ. И урошныя и приговорныя зубищи, идитя на старыя дубищи.

Тройчи и студить у ротъ. *С. Перерость, гом. у.*

177, Господу Богу помолюся, и матари божай поклонюся. Святая мати Хвядоричацкая, высылайтя пошлиныхъ и къ молоденцу на помочь. Зубищи, идитя вонъ у дубищи. Дубищи, возьмитя ў раба божаго зубищи, у верхъ вярховыя, а ў бокъ боковыя, а ў корань коранявыя, исъ темя исъ полутемя, изъ кутковъ исъ полукутковъ, изъ щаляпе́й исъ полущаляпе́й, исъ косьтей изъ ясныхъ вочей. *О. Кузьминичи, гом. у.*

178, Раба божая Ховра я ўсё знаю и зубища заговараваю темянныя, боковыя, пе́раковыя, (поперечныя), подумныя, приговорныя, радостныя, жалостныя, утѣшныя, посмѣшныя и ўрошныя. (Кускомъ дубоваго дерева гладить по темю). Скольки сухому дубу ня раскидатца, стольки у раба божаго зубищамъ ня трыгатца. Вамъ тутъ ня стояти, косьтей ня ломати, крыви ня псувати. Дай Богъ на помочь.

Три разы, поклавши руку на голову хворому. *Гомель.*

179, Святый четьвергъ, стань мнѣ на помочь зубищи уговаравать. На мори на лукоморъи стоять три дубенятки, на тыхъ дубеняткахъ сидять три голубенятки. Якъ етымъ дубеняткамъ не стоять, гольлёмъ не метать, такъ у раба божаго зубищу ня бывать

Три разы, и дуть у ротъ. *Тамг-же.*

180, Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся. Прачистая иде помогаци зубища лячици. Дубищи, дубищи, возьмиця свое́ зубищи, боковыя, цемовыя, придумныя, пригадныя, жаноцкія, паробоцкія хлопоцкія. Ня 'дбавляю ни пицѐньня ни ядзеньня,—одбавляю зубищи на ницыя лозы, на крутыя горы,—тамъ вамъ и пиць и гуляць и у молодзенца ня бываць. *Недойск. вол. рог. у.*

181, Сучища, сучища, возьми у раба божаго зубища, темянныя, потылошныя, боковыя, колючія, болючія, ломучія, жаноцкія, хлопоцкія, посмѣшныя, потѣшныя, подумныя, приговорныя, по косьцяхъ ня ходзиця, косьци ня ломиця, сэрца ня тошниця, крыви ня сущиця.

Трэйчи, плюнуць и дмухнуць. *Тамъ-же.*

182, Первымъ разомъ господнимъ часомъ. Попярадъ Господу Богу помолимся и усимъ святымъ поклонимся, усимъ святымъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ,—и станьтя мнѣ ўси у помочи. На Ярдани на рацѣ, на Сіяньской горѣ стоить дубъ на двананцать кокотовъ, на двананцать воротовъ, на томъ дуби сидять голубяняты. Голубяняты, голубяняты, выбирайтя зубяняты у раба божаго, боковыя, рековыя, горловыя, те́мянныя, ймян-

ныя, и урошныя, приговорныя изъ жилъ, исъ пажилъ, съ косьтей, зъ мощей, съ усихъ печаней, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочей, съ чорныхъ зъ бровъ, изъ лица румянаго. *О. Кошелево, рог. у.*

183, Господу Богу помолимся, прачистой мамцы поклонимся, усимъ святымъ апостоламъ, усимъ святымъ годовымъ празьничкамъ,—уси мнѣ станьтя на помочи. Зубища, зубища, идитя на дубища, боковыя, рековыя, горловыя, темянныя, ймянныя, нутраныя, вѣтраныя и приговорныя. А коли ня пойдетя, я къ вамъ приду съ косами, съ топорами, зъ добрыми молойцами, и я васъ покошу, порубаю и ў грудъ складу и спалю и попялъ разодму.

И дунешъ и плюнешъ на лѣвый бокъ. Три зари треба гомонить, по тройчи кажную. Богато дятёмъ ползитялно. Погомонишъ, яно духъ прилюбя—и ўсё; а то коло зубковъ шишачка бываа, а ногды и ў горли ёстяка. *Тамъ-же.*

Отъ темяньника треба потъ паху рукою, да поту вытягть палцомъ, да потиснуть тѐмяньникъ и ўсé. Ето бабы брешать, дуруть одна одну, бытто шепча,—а тутъ ниякихъ шептовъ ня треба.

С. Дятловичи, гом. у.

Отъ зубища, темяньника треба узять мéду, масла, да часноку, да ўмѣсти спрегти, да суставы помазать на рукахъ и на ногахъ, и темя и нéбо: смяртенный зубъ и отойдя. *С. Телеши, гом. у.*

184, Стоиць дубъ на поли; якъ мнѣ зъ естаго дуба не знимаць ни злата, ни срэбра, такъ у етаго младзенца раба божаго нехай ня будуць зубищи ни кутьнія, ни пяреднія, ни цемянныя, ни вѣтраныя.

С. Нѣжково.

185, Треба казаць на грудномъ молокѣ, подъ дубомъ, ци ўзявши дубовый коликъ у руки; палецъ обмакнуць съ сольлю у молоцѣ и на сукъ; молока даць выпиць, и помазаць пáлцамъ дзясны, а што останéтца, на цемячко выльць. Симптомы болѣзни: общее разслабленіе, поносъ и рвота.

186, Зубинки, зубинки, лѣзьтя на дубинки, урошныя, приговорныя, придумныя, пригадныя, жаноцкія, дявоцкія, рабяцкія, хлопяцкія.

Также подъ дубомъ. *Вѣтка.*

187, Якъ мой таточка зъ мамочкой (и наоборотъ) по свѣту ня ход-

зя, росицы ня топча, такъ цемяннымъ, потылишнымъ зубомъ ня болѣць, ня шумѣць, ня 'трыгатца, ня 'тъякатца. Я съ словомъ, Богъ съ помоччу.

Бѣлыницк. в.

188, Ранная зара отходжуя, а вячерняя находжуя,—такъ цемянная, потылишная зубища отходжуя.

Тройчи. *Тамъ же.*

189, И помолимся и поклонимся (и т. д. см. №). Вы жъ скоренько помогаеця, рабёнку цемяньникъ (или: зубища) замовляеця, и на мхи на болоты ссылаеця, и на жовтыя пяски, на крутыя беражки, на цемныя ляски,—ня 'тзывайся, ня 'трыгайся, ни вятхо́мъ, ни молодзикомъ, ни мѣсяцамъ марцамъ.

Надъ цемямъ на водзѣ; дыкъ треба цемя помочиць и ў ротъ улиць.

Церковищ. вол.

Матчинаго молока процыркнуць скрозь грабенчикъ, и съ часнокомъ змѣшаешъ и прикладзешъ къ вискамъ и къ цемцу. А якъ у самой глотанцы, дакъ тольки трохи поциснешъ палцамъ.

190, На мори камянь, на зе́мли дубъ, на неби мѣсяцъ. Якъ гэтымъ тромъ царко́мъ укучу ня сходзитца, такъ рабу божаму зубищамъ не болѣць: ни горловымъ, ни боковымъ, ни цемяннымъ.

И дунуць у роцикъ. *Вендор. вол.*

191, Прошу я Господа Бога и дуба земяного, и цемянника святого, и раньняго, и дзянного, и вячерняго. Дубъ, дубъ, возьми ты цемянный зубъ,—цемянный, бремянный, и боковый, и роковый (отъ *реку*).

Подъ дубомъ. *Полѣков. в.*

192, Вишшо̀ отсякаемъ, къ сырой зямлѝ покидаемъ, отъ косьци боль отхинаемъ, на мхи на болоты, на черныя воды отсылаемъ: вода збѣгаець, гэтую боль отцинаець. *Чернор. в.*

Подъ дубомъ, отрѣзывая сучья.

193, Выльлилося мора, а надъ морамъ бяроза, подъ бярозой ляжи̇ць баба няживая, якъ гэтой баби ня 'тживатца, такъ гетымъ зубищамъ ня 'трыгатца. *Толпечицы.*

Тройчи, и цыбулькой съ сольлю похукавъ у роцикъ яму̀.

194, На мори, на лукоморьи стоиць дубъ; а ў томъ дубу̀ два ко-

коты, а ў томъ кокотў два зубы—одзинъ цемянный, другій боковый. Дубъ-дубища, возьми своё зубища! Коли вӧзьмешъ, я цябе люблю, а ня вӧзьмешъ—я цябе зрублю. *Пугляв. в.*

195, Вотча... Богослови Господзи, мацерь божія Бугуродзица, царица нябесная. Заговарюю зубъ цемянный, вѣтряный, водзяный, уцѣшный, посмѣшный, изъ буйныя головы, съ товстыя косьци, зъ горючія крыви. Царь Аўхіёнъ; ци мѣешъ ты силу на етому древу? Якъ етому древу на пни не стояць, зялёному ня бувацъ, вѣтьційкомъ не махацъ, такъ у раба божаго зуба цѣмяннаго ня бувацъ, живота—серца ня ўзрывацъ. Хухъ, люби мой духъ! *Городец. в. чаусск. у.*

Тройчи, ли дубоваго колика. И хукнуць тройчи.

Помацать зубища, пӧтомъ сучокъ у стѣнцы палцомъ обвѐсьци и говориць:

196, Якъ етому древу на корани не стоять, золотымъ вѣцьцямъ не махацъ, птушачкамъ не сядзѣць, гняздечки ня виць, дзѣтокъ ня выводзиць—раба твоя божая—такъ етому зубищу у роци ня быць: ни боковэй, ни височовэй, ни нижній, ни висучій. *М. Микулино, орш. у.*

Отъ жабы.

Надо брать изъ стрѣхи солому три раза по пучку и рѣзать каждый пучокъ на три части; потомъ всѣ девять пучковъ связать вмѣстѣ, обмотавъ девять разъ ниткой и завязавъ девять узловъ. Тогда изъ четырехъ угловъ избы берется паутина, по три раза изъ каждаго угла, и кладется на концы соломеннаго пучка, который потомъ зажигается такъ, чтобы дымъ больнымъ глотался.

197, Уроцы, уроцы, скацицеся, звалицеся зъ буйнэй головы, зъ горючей крыви; такъ и ты жаба: палю цябе павучиной и огнёмъ. *Витеб. у.*

Также: Жабникъ—травицу оттапливацъ, да ў ропи полоскацъ. А найлѣпи жабку зловиць да ў трапицу, да й помазацъ.

Найти дерева, въ которомъ стволъ раздѣлился надвое и потомъ снова сросся, образовавъ щель. Чрезъ эту щель три раза пролить воду и давать пить по зарямъ.

Смѣшать медъ съ сольлю, намазать на тряпочку и ею вытирать языкъ.

198, Янгали—сохраницели ко мнѣ на помочь. Жаба жабища, родная сястрица, васъ двананцаць сясцёръ: Лисавета, Кацярина, Грипина, Маръя, Мархва, Прося, Юстына, Зяновъя, Хадора, Алéна, Прасковъя, Аўгиньня. Говору и выговарую васъ, здымаю духамы, лёхкамы вятрамы. Дай Божа на помочь.

Три зари: раннуюу, вячернуюу и зновъ раннуюу. Здзѣлаць на бярóсци хрестъ у кружку и подвязаць подъ бороду́: „подвязую божую рáбу твою жабу". И дунуць у ротъ. Коли засне, дакъ полѣпшая.

Толпечицы.

199, Вотча... Помяни Господзи царя Давыда... Выбираю и ўнимаю зъ раба божаго жабу зъ рота й зъ носа, зъ буйныя головы, съ хребетныя косьци, съ утробы яго, изъ жилъ, исъ крыви, и згоняю цябе на поганыя воды, и заклинаю Всемогущимъ Богомъ и чатырьми евангелистами: Иваномъ, Маркомъ, Лукой и Матвѣемъ. И табѣ, жаба, у раба божаго ни кореньнемъ корянитца, ни пяромъ ширитца во вѣки аминь.

Холбн. в. горец. у.

Треба вырисовацъ *жабу* на бярёсци и ету хорму приложицъ подъ бороду.

Отъ скулы, вереда, нарыва, золозы, рожи.

200. Водзица царица, красная дзявица, кацилася зъ рѣкъ, съ порѣкъ, съ ключей, съ подключъ, съ подъ крутыхъ горъ, съ подъ ясныхъ зоръ, съ подъ цемнаго булука́ (облака), съ подъ яснаго мѣсяца, съ подъ краснаго сонца. Скула бялуха, скула краснуха, скула чарнуха. скула жавтуха, скула зелянуха, скула вишнюха,—васъ двананцаць скулъ, васъ двананцаць красотъ. На чомъ скула схвацилася, на чомъ узьявилася,—ци на походзи, ци на рабоци, ци на пицяньй, ци на ѣдзяньй? Якъ мертвому чаловѣку по свѣту ня ходзици зь людзьми не бясѣдоваци, такъ у раба божаго уроцы ня биваци. *Витеб. у.*

201, Господу Богу помолюся, прачистой матари поклонюся, усимъ святымъ апостоламъ, христомоленцамъ,—пристаньтя на помочь. И уговаруя раба божая Варка скулу красную краснуху, синяю синюху, бѣлую бялуху, жовтую жавтуху; и уговоруя Варка по косьти ня ходить, сэрца ня крышить, горучія крыви ня томить. *С, Столбунъ, рог. у.*

202, Господу Богу помолюся и прачистой матцы поклонюся. Прошу

тябе скулухну—скула, скуловица, красна красновица, уговарую тябе и умовляю: тутъ табѣ ня быть, косьти ня ломить, живота ня тошнить.

С. Вылевъ, гом. у.

203, А скула жъ ты скуляница и синяя муравица, жовтая жавтовица и бѣлая бяловица и красная красавица и чорная чарнявица, и годовая и полугодная, и часовая и минутная и разовая. И усп жъ вы колючія и болючія и приговорныя и набродныя, и жаноцкія и паробоцкія и дявоцкія, батьковы и маткины, радостныя и жалостныя. Я жъ тябе упрошаю и выговарую съ косьтей, зъ можджей, съ полукосьтей, зъ буйной головы, зъ румянаго лица и съ усихъ жилъ и съ поджилочакъ. И тутъ табѣ ня стояти и косьти ня ломати и головы ня палить и щираго сэрца ня щамить. Я жъ тябе выговарую и упрáшую, и выйди жъ ты, скула скуляница, на гуляй-поля,—тамъ табѣ мяккія подушки и бѣлая постелька; тамъ табѣ столы застланы и кубки поналиваны,—тамъ табѣ, гуляньня тамъ табѣ буяньня, тамъ твоё красованьня; и тутъ табѣ ня стоять, и косьти ня ломить, и головочки ня палить и щираго сэрца ня знобить. И рассыпся тамъ на маково зерня. И святая пятинка христова, стань ты Господи на помочь. И отъ Господа Бога помочь, а мой духъ ляхкій.

Тройчи и дмухнуть. *С. Корма, гом. у.*

204, И ты скула, скуланица, синяя моровица, я жъ тябе скула упрошáю и выдымаю зъ буйной головы, зъ румянаго лица, зъ жовтыхъ жилъ, съ косьти, зъ мощи; и тутъ жа табѣ ня стояти, косьти ня ломати, щираго сэрца ня знобити. *Тамъ же.*

205, Скула скуловица, муровица, свярбучая, колючая, болючая, подуманая, погаданая, посмѣшная, потѣшная, дявоцкая, парабоцкая, мужская и женьская, я тябе выговарую, и я тябе вымовляю и я тябе высылаю, и я тябе выдымаю' исъ косьти изъ мощи, изъ буйныя головы, зъ горячія крыви, зъ жовтыя косьти, зъ румянаго лица, зъ ярыхъ вочей, зъ бѣлыхъ грудей. Тутъ табе не стояти, тутъ табѣ ня бушавати и гольля ня пускати, и косьти ня ломити, и сэрца ня знобити, крыви ня разжигати, лица ня марати. Я жъ тябе выдымаю, я жъ тябе выговарую, я жъ тябѣ высылаю и на мха, на болота и на ницыя лозы. Тамъ табѣ гуляти и бушавати и гольля пускати. Мой душокъ лягéнькій, тихéнькій,—стань Господи на помочь, прачистая матка на радость. Цуръ тябе хращонаго, народжонаго! Я зъ духомъ, а Богъ съ помочу.

Тамъ же.

206, Зара заранница, красняя дявица, рабу божаму помошница. Скула скуланица, синяя муравица, подуманная, погаданая, помовная, приговорная. Прачистая матаръ божжа приходила, помочи приносила, своимъ духомъ Господнимъ уздымала и помочи давала. *Д. Быстра гом. у.*

207, Зара заранница и вячерница, обыйди выкругъ свѣта, стань на помочь рабу божаму болячку выговаравать, духомъ святымъ иссылати. Прачистую матаръ божую призываю, и своимъ духомъ выдыхаю исъ косьтей изъ мощей, изъ буйныя головы, изъ щираго сэрца, изъ румянаго лица, изъ русыхъ косъ,—синюху, бялуху, краснуху, весялуху, жиловую, косьтявую, молошницу. Я выговараваю и ссылаю, дѣ и люди ня ходять, дѣ й вѣтры ня дуять, дѣ й пѣвни ня пяють,—тамъ уже столы Господни позастиланы, кубки поналиваны, и ихъ тамъ ждуть. Не я шапчу, а самъ Господь Богъ и прачистая мать. Дай Господи на помочь.

С. Поповка гом. у.

208, Господу Богу помолюся, прачистой матари поклонюся, табѣ вячерняя зорйца, божая помошнйца, прачистая мати, поможи помогати. Табѣ, скука скулянница, красная дявица, табѣ тутъ ня ходити, косьть ня ломити, живота—сэрца ня сушити. Скула скулянница, красная дявица, иди на зялены дубровы, на жовтыя краски,—тамъ столы застиланы и кубки наливаны. Якъ съ трохъ кубокъ вина ня пивати, такъ табѣ у раба божаго ня бывати, и урошной, приговорной, и подуманой и погаданой. Цуръ табѣ, хращонаго народжонаго. *С. Городня гом. у.*

209, Пшла мать прачистая Бугуродица проти службы, проти ютрани, и читала книгу вáнгалію, и вычитавала и выписавала. Ты скула скуловица, жовтая жавтовица и урошная и простудная, и золотушная,—я могу тябе выговаравать изъ косьтей изъ можжей, изъ буйной головы изъ ясныхъ вочей, изъ жилъ и съ суставъ. Прѐсвятая Бугуродица на помочь стань. Аминь. *Гомель.*

210, Скула, скуловица, жовта жавтовица, красна красновица, колка колковица, скула бѣлая и скула чорная,—потуль ты стояла, покуль не пришла я тябе выговаравати и духомъ подыхати и колющу и болющу и свярбущу, урошную пристрѣшную, присмѣшную, подуманую, погаданую, повѣтраную, злостную, радостную. Якъ на той корвати табѣ не стояти, рабѣ божай вѐхтямъ не махати. *С. Телеши, гом. у.*

211, Скула скулица, бѣлая бѣлявица, рыжая рыжавица, красная

красавица,—съ чаго ты узнялася: ти зъ воды, ти зъ зямли, ти съ подиву, ти съ погаду—съ того жъ ты унимайся и ўгасайся, ангаламъ на радость, прачистой па ўтѣху; Христосъ на поратунокъ, рабѣ божай на помочь.

С. Борщовка телеш. в.

212, Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся. Зара заранипа и божжа помошница, скула скуланица, жовтая жавтовица, синяя синявица, гноявáя гноявица, ня тутъ табѣ ходить, ня тутъ табѣ гулять, раба божаго сэрца ня гноить, горучiя крыви ня разливать. Идитка ты на мхи на болоты и на ницыя лозы,—тамъ твое гуляньня и буяньня, тамъ табѣ столы позастиланы,—кубки поналиваны,—отъ тамъ твоё гуляньня и прасованьня.

Тройчи; прычи ничого; першъ—на першъ треба ў раньни, нáща.

С. Кошелево.

213, Протя ютрани, протя службы ишла мать прачистая по золотомъ мосту, золотой тростиной попиралась. Сустракая яе Сусъ Христосъ: куды ты, мать прачистая, идéшъ?—А иду къ рабѣ божай скулу выговаравать. И выговарую и вымовляю скулу скуловицу, синюю муравицу, красную красновицу, колкую колковицу, чорную чарнавицу, бурую буровицу, бѣлую бяловицу, ковтунъ ковтуньницу, золотуху, шумуху, лопотуху, сходовую и молодиковую, злую, лихую, приговорную, урошную. Скачуйся, высыпайся по маковому зéрню; якъ съ крутыхъ береговъ, жовтыхъ пясковъ скачуваетца водица,—скатись у рабы божай усё лихо, колючая, болючая и горучая. Тяперъ иди на мхи на болоты, на гнилыя колоды, идѣ люди ня ходють, идѣ птахъ ня залятая, идѣ звѣръ не забягая,—тамъ табѣ качатца валятца, а на мяне рабу божую забыватца.

С. Кошелево, рог. у.

214, Ишла мамка прачистая по Сіяньской горѣ, святую воду носила, и раба божаго змывала и болячку выгоняла, свярбучую, колючую, болючую, обкладную, обложную; ё у поли дубъ, на неби звѣзды, на мори камянь—три браты родныхъ; якъ имъ у кучу ня сходитца, умѣсти не бясѣдовать, такъ етой болячцы ня бушавать. Потуля ты бушавала, покуля я тябе ня знала; а тяперь я стала тябе упрошáти и высылати съ косьтей, зъ мощей скулу норицу, скулу залознiцу, скулу працовнiцу, скулу мокрицу и скулу рожу. Я тябе посылаю зъ буйной головы, съ косьтей зъ мощей, на мхи на болоты, на быстрыя рѣки: тамъ ляжить бѣлый камянь,—ударся ты объ етый камянь и рассыпся на мелкiя часточки.

М. Носовичи, гом. у.

215, Рожа, рожа, раба твоя божа,—кабъ етой рожи у раба божа ня быць, аминъ.

Тройчи, и приложить къ болячкѣ тряпку съ высушенною лягушечьею икрою. *М. Микулино.*

116, Скула моя, скулица, прiўкрасная дзявица, выходзи съ косьци, зъ живота, съ Петрокова нутря. *Гладков. в.*

Я баба Миниха—минися жидовцы ўсё лихо. *Нѣжково.*

Жидамъ ня можно помогаць молитвáми, а то только свинькѣ да жиду будзешъ рады даваць, а наському ўже не поможешъ.

217, Помолюся и усклонюся Господу Богу и духу святому (и т. д. № 39) Вы скоренько помогаеця, чаловѣку вы двананцаць скулъ замовляеця, и на мхи на болоты ссылаеця. Ты скула, ты ница, ты зямная, ты чарвоная, ты ўрошная, ты подзивная, ты подумная, ты дожжевáя, ты вѣтровая, и подпечная, и подмежная,—чаго ты ў яго сядзишъ, чаго ты на яго глядзишъ? Идзи ты на мхи, идзи ты на болоты: на мхахъ на болотахъ стоиць дубъ, подъ тымъ дубомъ стоиць столъ, за тымъ столомъ сидзяць три паненки, яны пьюць и гуляюць, и цябе туды наджидаюць. Копешняжъ ты туды идзи! и скульля, и мульля, и ўроки, и подзивы,—усё за сабой няси. *Церковищ. в.*

На водзѣ тройча. Мыя и пъе. А которую угнявишъ гори; которая полюбя—лехчи.

218, На мори на кіяни стоиць столъ, на тымъ столѣ скацерци берчастыя, на тыхъ скарцерцяхъ стоиць три кубки малеваныя, малеваныя, наливаныя. За тыми столами сядзѣло три панны,—тамъ скўлу гукали, тамъ скулу бажали, отъ раба божаго выбавляли,—зь бѣлаго цѣла, зъ румянаго лица, и съ суставъ и съ косьцей, зъ волоса, зъ голоса, колючую, болючую, гноявую, крывавую, и на ницыя лозы, на мхи, на болоты ссылали. Якъ на христовъ-дзень, на вяликодня, яечка мы дожидаемъ, такъ яны отъ раба божаго отбавлялись. Добрымъ часомъ, лёхкамъ духомъ. *Вендор. в.*

219, На Восіяньской горѣ стоиць камора, у той камори стоиць тридзевяцъ столы дубовыхъ, на тыхъ тридзевяць столахъ дубовыхъ тамъ заслано тридзевяць скацерсци шавковыя, за тыми столами сидзяць тамъ тридзевяць панны, краснухи и чарнухи, бялухи и жавтухи, злыя унўтраныя золотухи, Якъ гетымъ тромъ-дзевяць скацерсцямъ вѣкъ зъ гэтыхъ

столовъ ня зниматца, якъ гэтымъ паннамъ вѣкъ зъ за гэтыхъ столовъ ня вылазиць, кабъ и такъ у раба божаго ня бываць у яго ни скульлянкамъ, ни гноялкамъ, ни крывавкамъ, ни краснухамъ, ни чарнухамъ, и ни жавтухамъ, и ни злымъ урэднымъ унутранымь золотухамъ. Ня бываць у раба божаго на щирымъ яго сэрцы, на черной печани, у буйной головѣ, у горучай крывѣ. Которое слово запомнивъ, тымъ аминъ.

Тамъ же.

220, Успираетца, узнимаетця, худый часъ бываець, вѣцеръ повѣваець, сонца угрѣваець. Святый Аўторокъ, вячерная заря, добрая пора. Скула, скулянница, родная сястрица, я цябе отбавляю, съ косьци боль вымаю,—цеплянную, водзяную, лѣсовую, земляную, жаноцкую, мужчиньскую, дзявоцкую, хлопяцкую, урошную, приговорную, подуманую, погадавую, и подзивную, свярбучую, болючую; и гэту боль откидаю, воду даваю. Божа, не гнявися, Сусъ Христосъ на помочь становися, и гэта боль разыйдзися.

Черноруч. вол.

Также: у лазьни скрозь сучокъ воду пролиць у лейку и даць напитца и змыць И платочкомъ намоченнымъ обвязаць и „Царица водзица", сказаць.

221, Скула синюха, краснюха, жавтуха, бялуха, выходзи зъ бѣлыя косьци, съ цемнаго волоса, вѣтраная, водзяная подумная,—идзи на мхи, на болоты, на ницыя лозы, на сухій лѣсъ. *Городищ. в. гор. у.*

222, Скула скулавица, синяя синявица, красная краснавица. Чаразъ синя мора ляжиць чоранъ воронъ. Возьми ты, чоранъ воронъ, скулу скулавицу, жовту жавтавицу, и няси яѣ за синяя мора, за кругыя бераги, за жовтыя пяски, идзѣ пастухи не пасуць и у трубы ня трубюць. Тамъ табѣ гуляць и буяць, сэрцу тучи не дадаваць. *Пугяев. в.*

223, Зара—заряница, скула—скуланица, рассыпся, раскатися, по жовтыхъ пяскахъ, по темныхъ лясохъ. *Рогач. у.*

224, Пацяръ... Ишовъ Богъ ракою, нёсъ три рожи рукою: одна бѣла, друга красна, третьця упала, и таа пропала. И ты, рожа, пропадзи.

Д. Полыковичи.

225, Вотча... Тутъ табѣ, Бушиха, ня бываци, ня гуляци. Тамъ табѣ бываци, тамъ табѣ гуляци, дзѣ казакъ на кони не разъѣжжаець,

красны дзѣвки пѣсни ня спиваюць, дзѣ собаки ня брешуць, дзѣ пятухъ не пяець,—тамъ табѣ гуляць, тамъ табѣ бываць.

Город. вол. чаус. у.

226, Святый оцецъ Микола, Антоній—Хвядосій, станьця мнѣ на помочь. Ишла Божія мацерь у поля гуляци, и стрѣла трёхъ дзявицъ: три дзявицы, што вы ўмѣеця рябиць? Одна говориць: я ўмѣю узоръ нашиваць; а другая: платокъ нашиваць; а третьція; отъ Башихи заговариваць. Отъ Башихи мужицкія, отъ Балашихи жаноцкія, дзявоцкія дзицяцкія, хлопецкія, вѣтряныя, водзяныя, урошныя. Тутъ табѣ не гуляць и не буяць, бѣлыя косьци не ломиць и чорныя крыви не сушиць. А тамъ табѣ гуляць и буяць, идзѣ казакъ конёмъ не играець, дзявица косой не маець,—тамъ табѣ гулять и буяць отныни и довѣку, О Господзи, аминъ.

Тамъ же.

Винную ягоду (фигу) и жавтокъ яешный прикладоваць къ скулѣ, дыкъ помогаець.

Отъ во́гнику.

227, Огнища, огнища, возьми свое во́гнища. Якъ етому огню згорѣть и потухнуць, ничого ня быць, такъ и етой боли у раба божа кабъ ня було,—обсохнуць и обсыпатца.

Казаць, обводзючи кружка вогника первымъ угарочкомъ зъ лучины.

М. Микулино.

228, Ѣхали паны чорныя жупаны, красныя кавняры̀, чорны кареты. Тутъ табѣ, вогнику, ня пребываць, мочиня пускаць, лица ня псуваць. Потуль ты тутъ бывъ, покуль я цябе заспѣвъ. Я цябе заспѣваю и выбиваю и высякаю, и отъ раба божаго выгоняю,—не самъ я собой, Господомъ Богомъ ймямъ своимъ Гавриломъ.

Отъ лишаевъ.

229, Иду я ў гумно и бяру полову и свиньнямъ мяшаю, а ты лишай рабу божаму не мяшай и выходи зь яго исъ косьтей изъ можджей, изъ ясныхъ вочей, изъ горачай крыви и съ усяго тѣлясп, исъ чистаго тѣла, и кореньня ня пускай. И здымала тябе матаръ божая духомъ своимъ и ссылала тябе на мха и на болота и на дикія люди,—тамъ яны гуляять и столы застилаять и усихъ лишаевъ дожидаять: и красныхъ и бѣлыхъ, и лу̀пляныхъ и ко̀ляныхъ, и подивныхъ и простудныхъ и посмѣшныхъ, и вѣтраны̀хъ и водяныхъ, и знающихъ и ня знающихъ. И цуръ тябе хращонаго народжонаго! *С. Круговецъ, гом, у.*

Отъ лишаевъ знахарь три зари подводитъ больного къ дверямъ, отыскиваетъ на ушакѣ сукъ, плюетъ на него три раза и размазывая мизняцемъ слюну, говоритъ:

Сучища, сучища, возьми мое кружища! и намазываетъ тою слюною лишай. *С. Ульяновичи, гом. у.*

Отъ волосня, волосника.

230, Господу Богу помолюся и матари божай поклонюся и ўсимъ святымъ угодникамъ божимъ угодницамъ,—приступитя и поможитя рабу божаму выговорить тридевъять волосовъ, тридевъять собаччихъ, т. д. котяччихъ, т. д. свиньняччихъ, т. д, коровъихъ, т. д. воловъихъ, т. д. коньскихъ, т. д. кобыльлихъ, т. д. овеччихъ, т. д. козиныхъ, т. д. мышиныхъ, т. д. павуковыхъ, т. д. жуковыхъ, т. д. мухиныхъ, т. д. вовчихъ, т. д. вовчиныхъ, т. д. урошныхъ, т. д. приговорныхъ, т. д. старськихъ, т. д. бабськихъ, т. д. подымныхъ, т. д. посмѣшныхъ, т. д. простудныхъ, т. д. обпояныхъ, т. д. вѣтраныхъ, т. д. водяныхъ, т. д. суховѣйныхъ, т. д, знающихъ и тридевъять незнающихъ,—выговарую изъ буйной головы, изъ жовтыя косьти, исъ палцовъ, суставцовъ, зъ жилокъ, зъ пажилокъ, изъ можджей, зъ ясныхъ вочей,—у ёмъ ня стоять, косьтей ня ломити, и сэрца ня крушити. Цуръ яго хращонаго, народжонаго. Помочь твоя Господи, сотворшаго небу и зямлю.

Тройчи. *С. Кр. Буда, гом. у.*

Отъ волосьнику дзевяць колосовъ житныхъ обвязаць кружка палца болнаго и лиць жаркую воду—проци ўсовъ,—такъ волосы на усахъ и останутца, и лихо минетца. *Микулино.*

231, Уроцы скацицеся, звалицеся, зъ буйнэй гыловы, зъ горючей крыви,—такъ ты волосьница, идзи на смолища, и тамъ табѣ жартовища.

Три раза, надъ смолою, взятою больнымъ въ руку, страдающую волосникомъ; смолу эту по заговорѣ прикладываютъ къ ранамъ. Болѣзнь волосникъ или волосень происходитъ де отъ того, что во время купанья волосатикъ (живый волосъ) забирается подъ кожу и ползаетъ тамъ, преимущественно на рукахъ.

232, Чорный волосень, красный волосень, бѣлый волосень, русый волосень, прошу я цябе, выходзи съ косьци, зъ живота, зъ раба божаго Ивана, изъ яго нутря. Ци придзивный, ци приговорный, ци присмѣшный ци придумный, ци водзяный, ци вѣтраный, покорись мойму приказу.

Гладков. вол. чаус. у.

233, И помолимся и поклонимся Господу Богу (и т, д. № 80) Ты жъ скоренько помогаешъ, волосень выливаешъ, и на мхи яго на болоты ссылаешъ. Волосе́нь, волосень, чаго ты сядзишъ у грѣшнаго чаловѣка: плыви ты на мо́ра, плыви ты на синяя, на синимъ мори стоицъ дубъ, потъ тымъ дубомъ стоицъ столъ, ёнъ жа и засланый, ёнъ жа и прибраный. За тымъ за столомъ сядзицъ панъ съ паняй, яны сѣдзючи медъ—вино пъюцъ, и къ сабѣ волосьня ждуцъ, и непрамѣнно ждуцъ,—и колючаго и болючаго, и приговорнаго и подзивнаго и прирошнаго. Ну й ня 'трыгайся ты, и ня тзывайся ты, ни вятхомъ, ни молодзикомъ, ни мѣсяцамъ марцамъ. *Церковищ. в.*

234, Ёсь на мори бѣлый камень, на томъ камни святая Бугуродзица сядзѣла, русую косу чесала, ницый волосъ выбирала на воду бросала и зъ раба божаго волосень злый, волосень лютый вынимала и на вѣцеръ пускала. Волосень, волосень, коли ўрошный, ци подумный, ци приговорный, хто ўрокъ ци приговоривъ—коли жанщина, то няси сабѣ подъ наметкой, коли мужчина—няси подъ шапкой, коли дзѣвка—няси подъ хустой, коли хлопяцъ—няси подъ шапочкой. Богъ яго, раба свойго, испаси отъ злаго нечасьциваго, отъ волосьня лихого. Скорби—болѣзни аминъ.

Выходзи злый, нечасьцивый волосъ на тридзевяцъ колосъ.

Вендорож. в.

235, Господу Богу помолимся, прячистой маци поклонимся; и упрашуемъ святыхъ угодничковъ, святыхъ празьничковъ, святыхъ можчей. Выговарюю и выливаю волосень зъ дзявицы вѣтрянэй и водзянэй, косьцянэй, сухей, съ чистаго лица, зъ буйныя головы, зъ жовтыя косьцй, съ палцавъ, изъ жилъ—съ пажилъ, съ чирвоныя крыви. *С. Радомль.*

Выливацъ съ трехъ-дзевяцъ колосовъ.

236, Якъ на неби мѣсяцъ, такъ у лѣси дубъ, на синимъ мори бѣлый камень, на бѣлымъ камяни пятухъ. Якъ тэй пятухъ не пяецъ, такъ табѣ, волосень, по косьци не ходзицъ, косьци не ломицъ. *С. Пугляи.*

237, Першимъ разомъ, божжимъ часомъ. Выливаю волосень и рысьсій и брысьсій, и коньскій и коровій, и овечій и чаловѣчій, исъ чаловѣка, исъ скота, изъ звѣра. *Тамъ-же.*

238, Упра́шаю и ума́ляю дванатцацъ царей, дванатцатъ королей, и царя Давыда и ўсю кротосцъ яго. Уговарую я волосьня вѣтряного, водзяного, подумнаго, погляднаго, поцѣшнаго, посмѣшнаго, стрѣшнаго, попя-

решнаго, и шѣро воко и бѣло воко, и чорный волосъ и бѣлый волосъ, изъ жилъ исъ пажилъ, и рациваго серца. Тутъ табѣ ня быць, раба божаго ня сушиць. Идзи ты на синя моря, на бѣлый камень, корень ня копаци, вѣцьцямъ шугаци, по синимъ морю гуляци. И идзи ты на мхи на болоты, на гнилыя колоды, дзѣ людзи ня ходзюць, вѣтры ня шугаюць, буйныя дожджи не замáчiюць. Станьця, ангалы, на радосць, святый вотча Миколай на помочь, и ўси празьнички, божiя угоднички, скорыя помошники, поможиця мнѣ у корысци, у радосьци, у добромъ здоровьи. Якъ сукъ нѣмъ, кабъ и волосень такъ занямѣвъ. *Дубровн. в.*

Отъ грызи.

239, Ты грызь, ты грызь, ты грызь, а я коза (3 раза), я цябѣ зьѣмъ (3 р.). Такъ ты сухъ яловникъ, якъ табѣ отрыги нѣту, такъ кабъ и табѣ отъ грызи отрыги ня будз.

Казаць, плюнувши на сукъ у сцѣни. *С. Селюты, вит. у.*

240, Грызь, грызь—ѣсь хочу: у сераду ня ѣла, пятницу заговѣла, раба твоя божа,—стой боли аминъ, съ жилъ съ пожилъ, съ суставъ съ суколѣкъ, съ храбе́тьней косьци, выходзи ета боль подъ шапкой (мальцова), подъ хустой (дявоцкая), подъ колпакомъ (мужчинская), подъ чапцомъ (жаноцкая). *М. Микулино, орш. у.*

241, Господу Богу помолюся, прячистой матцы поклонюся, и усимъ святымъ апостоламъ,—ангалы на помочь, ангалы на радось, и не самъ собой, прячистая мацъ со мной. Закусую грызь и заговарюю и зубу и губу, и рода, и племя, и губицу перегубицу. Якъ етому древу на корени не становитца, не коренитца, не кокоцитца, такъ у етаго раба божаго грызи ня быць. И высылаю и выдымаю на мха, на болота и на цёмныя лѣса, зъ румянаго лица, зъ ясныхъ вочъ, съ чорныхъ бровъ, съ широкiя косьци, по животу не ходзиць, косьци не ломиць, крыви не сушиць.

По сцѣнцы по сучку хрестъ провесци, у хаци.

Д. Журавы, черик. у.

242, Господу Богу помолюся, прячистой мамочцы поклонюся, стань Господзь Богъ и прячистая маци на помочь етому дзицяци. Господзь цябе народзивъ, Господзь и помочи дававъ. *Д. Ст. Буда, чер. у.*

243, Господу Богу помолюся и матари божай приклонюся и святымъ угодникамъ и угодницамъ божимъ, и святому Якову, Исаю и Са-

востею, —поможитя мнѣ рабу божаму выгрызти и выговарить грызь грызущую и колючую и болючую и працовную и простудную и подивную. Грызь грызища, выговарую тябе и ссылаю тябе на сукъ смоловый исъ косьтей, изъ мощей, изъ жилъ исъ полужилъ, изъ горачай крыви изъ щираго серца. Грызь грызища, грызи етый сукъ.

И плюнуть треба на сукъ сичасъ, и тройчи казать.

С. Кр. Буда, гом. у.

244, Вотча... Заговорюетца грызь нутреная, урошная, молошная, дзявоцкая, жаноцкая,—и съ усякаго болѣзя поможи Господзи.

245, Зачирчіетца животъ мезянымъ палцомъ правыя руки. И бярешъ у лазьни три комушочки, плюнуць на ихъ три разы и кинуць на заходъ, зачарцивши животъ. Загрызешъ три разы живота и три разы плюнешъ на сучокъ у притолцы. А то зачирчіюць зубамы мяртвыхъ и рыси.

Любиничи.

246, Грызь грызу, ѣсь хочу, вовчимъ зубомъ, зьмяинымъ жаломъ (зачарциць кругъ коло пупка и сучка:) якъ на етомъ древи суку ня 'тростаць, такъ на етомъ рабѣ божамъ на живоцѣ грызи ня бываць.

Ряснянск. вол. чаус. у.

247, Заговарюю, закусую, загрызую грызи болѣзи. Якъ етому дереву на коряни не стояць, кабъ рабу божаму боли етыя ни разу ня видаць. *Радомлъск. вол.*

248, Царь Давыдъ Авсѣевичъ, сокрушивъ воду и зямлю, сокруши ету боль болючую и грызь грызучую. Царь камень—непышороць, ляжишъ на мохахъ на болотахъ, на сцежкахъ па дорожкахъ, нихто цябя ня ѝмéць —ни гадъ повзучій, ни звѣрь бягучій, ни змѣй лятучій, ни злый чаловѣкъ,—кабъ не няла грызь раба божаго. Святого Михайлу призываешъ: огнянным мѐчемъ отсѣкаець, ангалскимъ крыломъ заметаець.

Тамъ же.

249, Помолимся Господу Богу Исусу Христу сыну божаму, святому воскрясэйнику. Заговарюю рабу божаму Ивану грызь вѣтряную, водзяную уцѣшную, посмѣшную, ўрядзимую. Ты грызь, а я вовкъ, а я цябе зъемъ (кусая животъ.) Якъ етому древу на пни не стояць, и зяленому не бываць,—у раба божаго грызи не бываць, и живота—сэрца ня ўзрываць. Господзи, люби духъ мой. *С. Городецъ.*

Отъ хинти, тетки, ворогуши, трасцы.

250, Шовъ святый Аврамъ съ своимъ сыномъ Сакомъ, нясли яны золотый шостъ, и стрѣли яны семдесятъ семъ жонъ, голыхъ и босыхъ и простоволосыхъ. Куды жъ вы жоны идѐтя?—А идомъ у христіяньскій міръ, знобить и трусить и колотить, косьть ломить, сэрца крушить. Святый Исакъ, возьми ты золотый шостъ, поби ихъ и позноби ихъ, потруси ихъ и поколоти ихъ, штобъ ихъ плѣнъ повывявсь.—Святый Исакъ, ня би насъ, ня знобп насъ, ня труси насъ, и ня колоти насъ! А хто ету молитву будя раньня и вечара говорить, того будемъ до вѣку вѣшнаго минать. *С. Корма, гом.*

251, Господу Богу помолюся, матари божай поклонюся; святая матаръ божая, святый Сакъ, Яковъ и Сакосгей и святый ангалъ хранипталь, авйня божій, поможи намъ. Здрастуйтя вамъ, тёточки, васъ семдесятъ семъ,—вамъ и плата усимъ.

Треба насчитать 77 пшанишныхъ зерняточакъ и положить у суровый холстъ, няношаный, и завязать у вузликъ суровой ниткой; къ зерняткамъ треба покласть крайчичакъ съ сольлю отъ цѣлыя бохонки. Тогды, якъ тольки хиньтя станя забирать, дакъ хвораго узять и вéсьти къ водѣ, къ ручайни, къ такой, щобъ можно було парашибнуть на другій берагъ,—ниякъ няльга, щобъ вузелчикъ упавъ у водў. Тогды тройчи паракажашъ молитву и за третьтимъ разомъ шибнуть вузелчикъ чаразъ рѣку. Ворочаючись домовъ, нялъга озиратца назадъ никому, у хату ўвыйди и ня зирайся, и двери запирай задомъ. *С. Кр. Буда, гом. у.*

252, Ишли святый Аврамій и святый Сакій, золотымъ мостомъ: сустрѣли яны 74 жонъ. Куды вы йдéтя, жоны?—Идомъ мы на христіяньскій міръ, тресьти, колотити.—Святый Аврамій, возьми ты золотый мечъ, позрубливай имъ усимъ головы съ плечъ!—Святый Аврамій, не бяри золотого меча, ня зрубавай намъ головы съ плечъ,—а хто ету молитву будя читать, ня будомъ яго вѣкъ чапать. *С Телеши, гом. у.*

253, Помолимся Господу Богу и духу святому (и т. д. № 39). Ты скоро чаловѣку помогаешъ и дванандаць трасцовъ замовляешъ, и на мхи, па болоты ссылаешъ. Васъ двананцать трасцъ, вы Иродовы дочки, чаго вы ў яго сядзицѐ, чаго вы на яго глядзицѐ? Якъ пойду я ў лѣсъ, якъ высяку я олѐховый дубецъ, якъ стану васъ бпць, якъ стану я васъ спецбаць,—будзя мнѣ святый Микола помогаць, кабъ вы по міру не ходзили, косьцей не ломили, хрисціяньскія крыви не смоктали.

Д. Приборъ, церков. в.

254, Вотча... Да воскреснетъ Богъ... Помяни Господзи царя Давыда... Стань Господзи на помочь, ангели на радось. На чорнымъ мори, на бѣлымъ камни, стоицъ каменный стовбъ, у томъ стовбѣ спасалися ўгодники божіи—святый Сусой и святый Саксеній. Увидзили яны ў чорномъ мори возмущённую водў; зъ возмущенныя воды вышло дванатцать женъ, босыя и простоволосыя, безпоясыя. Угодники божіи спросили ў ихъ: што вы за жены, якого роду, и куды йдзецё?—Мы ёсь роду брята царя Ирода, идзёмъ у міръ грѣшныхъ мучицъ! Угодники божіи возмолились ку Господу. Услышивъ Господзь молитвы угодниковъ, сославъ четырёхъ евангелистовъ—Ивана, Марка, Луку, Матвѣя, даше имъ по прюту жалѣзномъ,—даша имъ по тридзесяць ранъ. Узмолились яны ку Господу, злыи трясавицы: не давайця намъ ранъ, угодники божіи грозныи,—мы ня будземъ мучицъ раба божаго Ивана больного до хторого пришествія!—Даю хторую ка́зынь злымъ трясавицамъ: будуць угодники Божіи, святый Сусой и святый Саксеній жалѣзными гребнями дряць, и святыи ангели, архангели грозныи будуць громами биць и вогненными мечами голову рубиць!—Не дзярицця насъ, угодники божіи, гребнями жалѣзными! И святыи ангели, архангели грозныи, Михаилъ и Гавріилъ и Рахваилъ, ня биця насъ громами, не рубиця головы вогненнымъ мечамъ: мы ня будземъ мучиць раба божаго Ивана во вѣки аминь.

Д. Бѣль, Холбн. в. горец. у.

255, По вулицы широкой, по муравѣ зяленой шпло дванатцаць дочокъ царя Яшнецкаго. Стрѣвъ ихъ Михайла архайла и спросивъ у ихъ: куды йдзецё дочи царя Яшнецкаго?—Идземъ по горядахъ, по дзяревняхъ, народъ посушаци и кровъ высысаци!—Вярницеся, дочи царя Яшнецкаго, отъ раба божаго (больного), а то я васъ жажломъ и ко́піемъ грудзь вашу пробъю, и на́родъ вашъ прокляну, нятокмо самъ собою, ну й святыми кіявськими и пячерськими—Антоніямъ и Хвядосіямъ, и Аврамомъ и Исакомъ, аминъ. *Городец. в. чаус. у.*

Въ ходу и латинскія и иныя надписи на хлѣбѣ, на миндалѣ или на бумагѣ, при чемъ бумага или съѣдается больными, или сжигается, пепелъ ея бросяется въ бутылку съ водою и дается больнымъ по мѣрѣ надобности. Образцы надписей: Са́тор о́ректа тэнэт о́пера ро́тас. Другая: мі́ком ві́ком аперові́ком.

Лѣчатся и травами: багульникомъ, вѐрескомъ и мн. др.

256, Глаголю молитву святому Панхвилію. Ишло тридзевяць красныхъ дзявицъ изъ за синяго мора; на устрѣчу имъ святый Панхвилій.

Здрастуйця, тридзевяць красныя дзявицы, бёсовы дочари, откуда вы йдзецё? —Идзёмъ изъ за синяго мора.—Куды?—У міръ, людзей томиць, косьци ломиць и знобиць. Тогды святый Панхвилій говора: дамъ я вамъ кажной по сями крывавыхъ ранъ! Отвѣщали святому Панхвилію: ня давай ты намъ по сями ранъ,—а хто будя святую твою молитву знать, того чаловѣка будземъ во вѣки вякомъ заберагаць.

Трэйчи надъ водой и помочиць потылицу, грудзи, подъ—пахами, локци, колѣнки. *С. Недойка, рог. у.*

Отъ хиньти косъ наўхрастъ урыжу, да накуру тыми косамы,—ничимъ чого ня говору. Алебо табаки намучў, да дамъ выпить; сичасъ вырвя, и ня будя яе, на вѣкъ вѣшный ня будя.

С. Дятловичи, гом. у.

Отъ кольки.

157, Господу Богу помолюся и прачистой матцы поклонюся, святая мать плащаница, помогала добрымѣ людямъ,—поможи рабу божаму отъ колотьтя ношного, дянного полуношнаго; и прошу тябе и ўговарую, сыйди зъ бѣлаго лица, чорныхъ бровъ, сѣрыхъ вочей, зъ бѣлыхъ плячей: тутъ табѣ ня быть, косьтей ня ломить, и сэрца ня знобить.

С. Вылевъ, гом. у.

Отъ порушины въ глазу.

258, Господу Богу помолюся и матари божай поклонюся; святая мати Хведорицкая, прошу васъ, милосэрдная, высылайтя своихъ пошлиныхъ на помочь къ рабу божаму. Первыя вочи вычищая, а другая порушину вынимая, а третьтяя своимъ святымъ духомъ выдымая и вочи вычищая,—уси ўтрохъ помочи давали рабу божаму.

С. Кр. Буда, гом. у.

Отъ бѣльма.

259, Господу Богу помолюся и прачистой матцы поклонюся, и мѣсячку ясному и соньняйку правядному. И зара зараница, божая помощница, призываямъ тябе на помочь къ рабу божаму. Ѣхавъ святый Юрый на трохъ хортахъ; одинъ сѣрый, а другій бѣлый, а третьтій красный; красный кровъ злизая, сѣрый бяльмо згоняя, а бѣлый вочко ўставляя и боль сунимая. *С. Уть, гом. у.*

260, Господу Богу помолюся, святой матари прачистой поклонюся. Прачистая мати, ходи воко шаптати и бѣльма́ згоняти. Шовъ Сусъ Христосъ по калиновомъ мосточку, за имъ бѣгли три хорточки: первый рабый, другій красный, третьтій сѣрый; рабый наволоку стягая, красный кровъ зализая, а сѣрый вочи ўставляя.

Казать у сераду на молодику. *О. Поповка, гом. у.*

261, Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолюся, святой прачистой поклонюся. И прошу я твое́ вяликой милосьти, матка прачистая,—очисьти рабу божаму быстры вочки, шобъ яна въ вочахъ ня кололо, ня пороло, ня смолило, ня палило, ня шумѣло, ня гуло и головы ня ломило. Другимъ разомъ, добрымъ часомъ, попрошу я вяликаго Юръя. Ѣхавъ святый Юрый на сивымъ конѣ й въёвъ ёнъ за собою трохъ хортовъ,—первый хортъ бѣлый, другій хортъ чорный, третьтій хортъ рудый. И прошу я твое́ вяликія милосьти, святый Юрый, вяликій Ягоръя, завяли своемъ хорто́мъ отъ раба божаго бяльмо злизать и согнать, и руду, и луну, и туманъ, изъ яго быстрыхъ вочей. Первый рудый якъ лизнувъ,—руду злизавъ; другій чорный якъ лизнувъ—и луну и туманъ злизавъ; третьтій бѣлый якъ лизнувъ—бяльмо злизавъ, согнавъ и стёръ, зъ яго быстраго вочка, на нижняю вѣйку слязаю сыйшло и скацилося.

Девять разовъ шепчашъ: трэйчи у вечари, трэйчи у рани и трэйчи зновъ у вечари, и дмухне́шъ трэйчи на вочи и палцомъ кивне̇шъ,—няхай пользу дае людямъ, мовляло. *Д. Диколовка гом. у.*

Вообще, чтобы не болѣть глазами, надо просить молодикъ: Молодикъ, молодый, у тябѣ рогъ золотый, табѣ ня сіяньня, а мнѣ на здоровья; табѣ темныя ночи, а мнѣ свѣтлыя вочи. *Вѣтка.*

Отъ шалу.

262, Оцецъ нашъ Аврамъ усё поля узоравъ; жана яго Сара по полю ходзила, тьвяты еты садзила. А хто ихъ копавъ, тому Богъ помогавъ.

Три раза надъ молочаемъ, сокъ котораго дается потомъ больному.

С. Мишневичи, город. у. вит. губ.

263, Господу Богу помолюся, прячистой матари божай приклонюся, и ўсимъ святымъ апостоламъ, и ўсимъ святымъ преподобнымъ, кіявськимъ, пячерськимъ отцо́мъ преподобнымъ,—Господзи поможи, мацъ господня богослови. Звѣздами обгороджуся, мѣсячкомъ прикрыюся, прячистая матка напе́радзи. На Сіянь-горѣ стоицъ престолъ, за тымъ престоломъ сядзицъ

сивый дзѣдъ, старый бородатый. Дзѣдзька сивый, старый бородатый (3 раза),—прошу я цябе, молю я цябе господьними словами, господьними молитвáми: унимай свойго собаку кусаку (3 р.), и зубы и губы (3 р.), и зявы и зябры (3 р.), и вочи шарыя (3 р.), и слюну блюну (3 р.),—на тридзевяць волосовъ, на тридзевяць голосовъ, на тридзевяць поголовъ. Уговарюю и ўмовляю раба божаго (и усякую скоцину—рыжую, бѣлую, чорную, красную и усякія шарсьцины) шалъ зъ буйныя косьци, съ шумныя головы, зъ горючія крыви, зъ ряцивого сэрца, зъ ясныхъ вочъ, съ тошныхъ животовъ, съ чорныхъ печаневъ, зъ жилъ и съ пáжилъ и съ прáжилъ. Дзѣдзька сивобородый, дзѣдзька старобородый, крѣпосьцю укряпи, и мостомъ замосьци и дубовымъ кіямъ подопри. Не самъ я собой, съ прячистой святой. Стань Господзи на помочь, прячистая мацярь на помогу.

На зарѣ три разы, на хлѣби, чистомъ, аржаномъ; сольлю посыпаць и даць изьѣсьци. *Д. Горки, черик. у.*

264, Устану я рано раненько, умыюсь бѣло бяленько, узыйду на крутую гору, зирну подъ ясную зару,—тамъ стоиць дѣдька лябедька, старый, бородатый. Дѣдька лябедька, унимай свойго собаку кусаку, крутяку и вяртяку: укусивъ енъ раба божаго, вынимай шалъ изъ косьтей изъ мощей, изъ чорныхъ пячаней исъ синихъ жилъ, зъ горучія крыви и буйныя головы, штобъ у раба божаго косьти ня ломило, горучія крыви ня морило, ясныхъ вочей ня крутило. *С. Столбунъ рог. у.*

265, Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся,—стань мнѣ Господзи на помочь. Уговарую и умовляю у раба божаго шалъ. На Сіянской горѣ стоиць дзѣдзька, сивянькій бязбиродзенькій, стружку стругая, синій огоньчикъ красая, цяпелка, раскладая, собаку кусаку шалъ выняя,—по косьцяхъ ня ходзиць, косьцей ня ломиць, серца ня крушиць, жилъ ня томиць, мôзку ня мѣшаць. Охъ ты хухъ, люби мой духъ.

Хукнéмъ, отъ и пройдзя. Казаць три зари, на хлѣби, житномъ, нямѣшаномъ штобъ. *С. Свѣтиловичи рог. у.*

266, Заря зараница, божая помошница, поможи мнѣ, Господзи, шалъ заговараваць. (Прикласць хлѣбъ къ полѣнцу). Якъ етому древу на сёмъ свѣци ня шумѣци, ня мѣци зяленыя квѣцы, такъ чаловѣку (цихудобини) шалу ня мѣци. На Сіяньской горѣ стоиць хатка, у тей хатцы дзѣдзька лябедзька, по ймяньню Авдзѣйка, зялѣзной пугой сплистая, ярый зубъ замовляя, зъ буйныя головы зъ горачія крыви шалъ выбивая. Выговарую съ косьцей, зъ мощей, зъ жилъ зъ пажилъ, зъ горючія крыви, зъ жовтыя косьци, зъ ясныхъ вочъ. *С. Недойка и с. Кошелево рог. у.*

267, Першимъ разомъ, божжимъ часомъ. Напередъ Господу Богу помолюся, а прячистой матцы поклонюся: прячистая матка, стань ты мнѣ на помочь,—унимай ты свойго собаку кусаку, перякинь ты ключи терязъ Сыботу ряку, а прячистой матцы ў руку. Якъ у матки прячистыя ключовъ никому ня 'тбирать, такъ ету скотину, красну щатину ня ўрежать, по свѣту пускать, по етый часъ, по ету годину.

С. Полъсье, рогач. у.

Тройчи надъ хлѣбомъ, тогды той хлѣбъ на три часточки разрѣжашъ и три зари ѣсть. Годзитца только аржаный хлѣбъ.

Ёсь трава—шальникъ. Посушить, сорвавши ў маи мѣсяцы, потовчи, да у хлѣби и давать, усякій мѣсяцъ давать, дакъ уреду ня будя.

268, На мори на кіяни стоиць войструвъ, на тымъ войструви сядзиць сивый дзѣдъ, калину ломая, синій огонь пропущая, отъ шалу помочи давая. Мижъ горъ стоиць волъ; якъ тому волу зъ горъ ня выходзиць, такъ гэтому шалу вѣкъ ня бывадь. *Нъжков. вол.*

269, Помолимся Господу Богу, духу святому, пресвятой Бугуродзицы мацери божжай, и усимъ святымъ апостоламъ. Святый Зосимъ стань на помочь, святыя янгали на радось; святый Юрья—Ягорья стань на помочь, и т. д. святый Микола чудотворапъ.... святая лаврія кіявськая, пячерськая... святый Панталемоня исцалиталь стань на помочь, святыя ангали на радось. Аронъ и Яронъ, Мыхохъ и Онухъ, Брэйза и Брэзэйза. Ляцѣвъ змѣй чаразъ чисто поля, бѣгъ звѣръ чаразъ цёмный лѣсъ, гуляли, бруяли, одзинъ одному шкоды не робляли,—выниця вы гэто жигало зъ раба божжаго (ци: съ скоцины разныя шарсьцины).

С. Церковище.

Тройчи на волномъ воздухи, подъ зорки, на хлѣби.

270, На мори на лукоморъи стоиць сивянькій дзядокъ, калинку ломая, синій огонь пропуская, отъ шалу рады давая, выбирая шалъ съ косьцей, зъ мозчей съ красныя печани, съ жовтыя косьци, зъ барскаго цѣла, съ усихъ суставовъ, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочей, зъ румянаго лица. *Вендор. вол.*

271, На мори на кіяни, на вострови на Буяни сядзиць старенькій сивянькій дзядочакъ, калинку ломаець, синій огонь пропускаець, и шалъ и бѣшанство выгоняець, съ скоцины рыжія шарсьцины, съ щираго сэрца, зъ рациваго живота, съ чорныя печани, зъ двойного копыта. Мижда крутыхъ горъ стоиць тамъ бурый волъ; якъ гэтому бурому волу вѣкъ

зь естыхъ горъ ня выходзиць, кабъ такъ шалу—бѣшанству у гэтой скоцини ня бываць, аминъ. *Тамъ же.*

272, Травица—шальница, цябе Богъ на свѣтъ народжавъ, а мнѣ вялѣвъ ирваць, а людземъ помочи даваць, *Полыковичи.*

Траву треба ирваць у чецьвергъ на молодзику, ци на самый молодзикъ, ци сходомъ. Скоцини даваць съ хлѣбомъ, а людземъ на горѣлцы: прокруцивъ у порози дзюрку да замѣшавъ зъ настойкой и зъ напарсточакъ даць выпиць.

273, Свентый Антоній—Хвядосій, кіявськія, пячерськія, уси роды преподобныя, станьця намъ на помочь, ангали на радось, святая Прачистая на поратунокъ. Ратуй Господи отъ бѣшаныхъ, отъ бѣдъ несчасныхъ, отъ усякяго урага побѣдзиталя храстомъ частнымъ, животворащимъ. Змилуйся пане—Божа надъ нами.

Взять ночью изъ колодца воды, чтобы никто не видалъ, влить въ судно, всыпать ржавой муки, густо размѣшать и спечь „прѣснóкъ" предъ полынемъ, чрезъ кипящую воду. Все время ни съ кѣмъ не говорить. Заговоръ читается при несеніи воды и печеніи прѣснака. Затѣмъ читаются всѣ извѣстныя молитвы. Знахарка—семидесятилѣтняя старуха читала ихъ намъ съ искаженіемъ по польськи, за незнаніемъ славянскихъ. Послѣдняя молитвá: Хвала ойцу, сынови и духови свентэму, якъ было на почентку, тэразъ и завше. Дай пане—Боже и разумъ добрый, и справу добрую, вли духа въ душу мою, и натки духомъ твоимъ на слотьця имя твое. И выходзиць зь неба святая тройца, Богъ сынъ, Богъ духъ. Нехай будзя похвалёный пренасвѣншій сакраментъ правдзиваго твойго цѣла и кровъ пана нашаго Езуса Христуса. Божа будзь милосьцивъ, помилуй насъ Господзи на ўсякомъ мѣсьци. *Толпечицы.*

274, Помяни Божа першаго царя Давыда и сына Соломона и ўсю кротось яго. Съ исподьняго берна, зь яловаго сука, на пни не стояци, суччу ня бушуваць, вѣцьви ня шумѣць. Идзи ты на синяя мóря, на синимъ мори лотъ-камень, на лотъ-камни три слипнія панны,—тамъ вамъ стояць, суччу бушуваць, вѣцьви шумѣць˙ Ардóнъ Мирёнъ, Катарóнъ, Идіёнъ, Фидіёнъ, Діусъ, моусъ, ардэронъ, касія, Катаронъ, Брáса—устань три дзявицы, аминъ. *М. Романово, гор. у.*

Также: лучинку сосновую запалиць, заболоновую, и нагрѣваць на ёй дзѣвяць разовъ дóлото и къ цемю прикладаваць, якъ можно только

сцярпѣць. Ето чаловѣку. А скоцини пылокъ съ камня у прудзи хлѣбомъ подобрацъ и дацъ ѣсць. *Городищ. в., горец. у.*

Также: перуновы стрѣлы (орудія каменнаго вѣка) скребутъ и даютъ въ водѣ пить. „Але не помогаецъ“—говорятъ молодыя знахарки.

275, Кручу свёрдломъ сухое древо, выгоняю шалъ изъ души, изъ цѣла у щирый боръ и ў зяленый боръ. Якъ у сухому древу и ў щиромъ бору и ў зялёномъ бору отростку ня 'тростацъ, такъ у божжу уздыханьню шалу ня бывацъ и ня 'трыгатца.

На хлѣби. Черезъ воду нельзя несць яго. *Бѣлыничи.*

Траву *шалёнецъ* и хлѣбъ три разы празъ банное вокно перапяць, ци скрозь витки, коли на витцы три жардзины ляжицъ.

Отъ гадюки, вужаки, сливня.

276, Господзи помилуй, баслови Господзи. На мори на Кіяпи, на быстрымъ буяни стоицъ липовый кустъ; подъ тымъ кустомъ ляжицъ бѣлъ камянь, у бѣлымъ камни чорна руна, у чорной руни змѣя—шкурлупея, сястра Палагея, цётушка Авхимъя. А ты змѣя шкурлупея, сестра Палагея цётушка Авхимъя, змиряй своихъ змѣй, а то буду просицъ Михайла арханела,—ёнъ цябе громомъ забъёцъ, молоньнёю спалицъ, буйнымъ вѣтромъ попялъ разнясёцъ. Уними своихъ змѣй сипучихъ, лятучихъ, повзучихъ, земляныхъ, водзяныхъ, навозныхъ, дзерновыхъ, крышачныхъ, берновыхъ, подколодныхъ, корчавыхъ, подмежныхъ, запечныхъ, кочарежныхъ. Господзи помилуй, баслови Господзи.

Д. Гайдуково, вит. у.

277, Басловенъ Богъ, басловенъ Сусъ Христосъ, басловенна дзѣва Марея. Заговарюю я Арину, Марину, Катрину, Магдалену, Голубею, Авдокею, Шкурлупею, Настасею. Змѣя верецеица, уними свою войську, пухлину и яросцъ и жаросцъ. Ня унимешъ ты—я ўниму: у корáбъ цябе посаджу, на синнее мóря успущу. Якъ узыметца волна буря, разобъёцъ тэй корабель. Я корабель собяру, зялѣзнымъ гвоздзя̀мъ собъю, на васъ чарвей нашлю. Ты водзица цирица, обмывала крутыи беряжки и жовтыи пяски, обмый раба божъяго,—табѣ на синимъ мори слава.

Заговоръ полезенъ и самъ по себѣ, если укушенный живетъ въ деревнѣ, близъ которой нѣтъ „бѣгучей воды:“ стоитъ только оборотиться лицомъ въ сторону деревни, поклониться земнымъ поклономъ и произнести заговоръ три раза. Но если въ деревнѣ есть „бѣгучая вода“ или укушенный, идя къ знахарю, переправился черезъ такую воду, тогда за-

говаривать надо обязательно на водѣ, которую потомъ пьетъ укушенный. При этомъ еще необходимо отличать, поросная ли была змѣя или яловка. Во второмъ случаѣ опухоль проходитъ послѣ девятикратнаго произношенія заговора. Если же по третьемъ разѣ на поверхности заговариваемой воды появится „рубецъ"—волненіе, значитъ змѣя была поросная, и тогда надо говорить не только приведенный заговоръ, но и слѣдующій:

278. Змѣя жъ ты вереценница, змѣя первовая и друговая, трецiёвая, чецьвяртовая, пятовая и шастовая, сямовая и восьмовая, дзевятовая, дзесятовая—уними свою войськў, пухлину и яросць, и жаросць. Ня ўнимешъ жа ты, я ўниму: Господу Богу помолюся, Исусу Христу поклонюся, святого Михайлу-арханела зъ неба спрошу. Раскопаю я ваши пяски, горы и пящеры, вывяду я вашъ родъ и пляменьня. Ты водзица царица, обмый раба божаго,—табѣ на синимъ мори слава.

Перечисленіе змѣй: первовая, друговая . . . дзесятовая, основано на повѣрьѣ, будто, изъ множества рождаемыхъ змѣею дѣтенышей, въ живыхъ остается не болѣе десяти: остальныхъ она пожираетъ тотчасъ по рожденіи. *С. Мишневичи, городок. у. вит. губ.*

279. Змутная паня Кацярина, ляжишъ на пярини,—уйми свою Марью, Дарью, Марину, Кацярину, отъ яросьци, отъ вопохоли, аминъ.

С. Хвошно, городок. у. вит. губ.

280. У чистымъ поли на синимъ мори стоиць дубъ широколистъ, подъ тымъ дубомъ вовцы стары, пераяры, чорная вовна. На тэй вовни ляжиць змѣя змяиная. Змѣя-змянища, вынимай свое жало, высылай своихъ слугъ, потпечныхъ, подмежныхъ. Ня выняшъ свое жало, не пошлешъ своихъ слугъ,—пошлю на цябе три грозныя тучи: одну вогняную, а другую водзяную, третьцю камянную: огнемъ спякець, камнемъ забьець, водой польёць,—корень выкипиць. *Городок. у. вит. губ.*

281. Гадъ змяя паха, гадъ змяя верепаха, гадъ змяя шкурлупея, пожановитая, хлѣвная, водзяная, межавая, вересовая, залѣзовая, лятучая, повзучая, серановая,—идзи къ рабу божаму, вынь свою яросць, поганое жало—жигало; ня вынешъ ты у раба божаго, свою ярось, поганое жигало, перавяду вашъ родъ и поколѣніе, усю вашу хвамылію. Буду у Бога просиць святого Михайла арханела изъ грозой и съ пяруномъ и зъ дождямъ: ня будзець вамъ помѣсьця нигдзѣ: ни ў грудзи, ни у норы, ни на сухопутьци; у грудзи я цябе огнемъ спяку, у норы пяруномъ забью, на сухопутьци водой зальлю,—самъ я, рабъ божій Лукашъ.

М. Микулино, орш. у.

282, Спаха—рыпаха—картатынъ, грецкамн крупами, чорнымъ макомъ выпущай зъ раба божаго росу, а ня выпусцишъ—нашлецъ на цябе самъ Богъ Сусъ Христосъ, мацъ прячистая, Михайла арханелъ тучу: будзя цябе бицъ и палицъ и попялъ разносицъ.

С. Мхиничи, черик. у.

283, Господи Божа богослови, Господи Божа поможи. Господу Богу помолимся и прачистой матцы поклонимся. Прячистая мацъ приступая и отъ гадовъ помочи давая. Прошу васъ змѣи, прошу васъ гады и цябе вужъ, добрый мужъ, вужъ Сокодынъ и змяю саму Солому и змяю Савру и змяю Солопѣю и змяю Шкурапею. И слугъ своихъ подругъ сунимай и жалы замовляй, и у раба божаго вопуху ня пускай и жилъ ня трудзи, и крыви ня гной и сэрца ня тошни. И прошу жъ я васъ. Коли жъ вы мое прозьбы не послухаеця, нашлецъ на васъ Господзь громовую тучу, камяный бой,—енъ васъ нигдзѣ ня 'ставя: ни у ями, ни у пячарахъ, ни ў древи, ни подъ древомъ, ни у камяни, ни подъ камянямъ. Ёнъ васъ камянямъ побъёцъ на грецкія крупы, дробнѣй чорнаго маку.

Тройча; днемъ до заходу сонца, а ноччу до усходу. Етый и отъ вужа. А то отъ вужа особныя шопты ёсь. Отъ гадыни бачь пойдзя тошнота, и разодме, а отъ вужа пойдзя свярбота и водыри.

Д. Журавы, чериков. у.

284, Двѣ зари зарницы, родныя сяструицы, станьця на помочь святому Юрью Ягорью, святому ангалу Михайлу. У садзи—виноградзи увилёвое гнѣздо, у томъ гняздзѣ змѣя шкурупея, другая Данилея, третьцяя Сохвея,—собирай ты своихъ слугъ крапивныхъ, гноявыхъ, и подтынныхъ и сереновыхъ и подпечныхъ и подмежныхъ и лятучихъ и повзучихъ, и вынимай ты пчалиное жало, а проклятый ядъ, а ня вынишъ пчалинаго жала, проклятаго яду,—я пойду къ Михаилу архангалу, судьдзѣ нябесной, то вéзьмецъ ёнъ войстрый мечъ, то сяче васъ, зрубая, у осиновый грудъ поскладая, по чистому полю попялъ распылая, раба божаго очищая.

Коли самъ сабѣ гомонишъ, треба за поясъ заткнуцъ якое—якое зялѣзцо.

Д. Ст. Буда, черик. у.

285, На мори на кіяни, стоицъ дубъ, подъ тымъ дубомъ липовый кустъ, у томъ кусти ляжить змяя шкуропея. Ты змяя шкурапея, а я рабъ Явстратъ (знахарь): собирай свой народъ съ усихъ сторонъ, со мховъ зъ болотовъ, зъ нятлѣнныхъ гноёвъ, сь темныхъ лясовъ, съ щирыхъ боровъ, и съ крутыхъ межъ; и вынимай змяиный ядъ съ костей, съ мощей,

зъ русыхъ волосъ. Не послухаешъ того, нашле на тябе Господь тучу—громъ и молоньню. *С, Столбунъ, рог. у.*

286, На мори, лукоморьи стоить дубъ, на томъ дубу тридевять кокотовъ, на тыхъ кокотахъ тридевять гнѣздъ, у самомъ щити бѣлая палата, у тыхъ палатахъ змѣя скорупея. Ульляна, Ульляна, сунимай свой черъ, нашлю на тябе громовыя тучи, луковыя стрѣлы,—разобъють твое ўсё Ягипецкое гнядо. *С. Жгунъ, гом. у.*

287, Первымъ разомъ, божимъ часомъ. Господу Богу помолимся и матари божай поклонимся и сонцу й мѣсяцу и зарамъ зараницамъ, божимъ помошницамъ. У поли на якори на бѣломъ камяни сядить царь Артямонъ и царица Улита. Приходя къ имъ святый алистратій Михайла: „што жъ вы, царь Артямонъ имѣетя сабѣ дванацать братовъ, дванацать побратимыхъ, и ты царица Улита имѣешъ сабѣ дванацать сястéръ и дванацать полусястéръ,—што жъ вы ихъ ня сунимаетя, ня судержаетя, по бялу̀ свѣту разсылаетя. Коли жъ вы ихъ ня будетя сунимать, судяржать, и по бялу̀ свѣту разсылать, и поганый проклятый зубъ будетя усылать, то я буду ихъ войстрымъ копъёмъ къ бѣлому камню пригонять и войстрымъ мячомъ головы сымать. И святый Михайла архангалъ Господянь, будомъ жа мы ихъ сунимать, судяржать, и по бялу̀ свѣту ня будомъ пускать, и зъ раба божаго будомъ поганый проклятый зубъ вынимать. *С. Перероетъ.*

288, Господу Богу помолюся, святой прачистой поклонюся, усимъ отцамъ праподобникамъ, большимъ угодникамъ. Ишла змяя Шкурапея съ своими змяями; яна усихъ собирала, по имѣньню узывала. Змяя Шкурапея,—усихъ тяперъ, и жарыхъ и рабыхъ и ярыхъ, усихъ тяперъ я домовляю, выговароваю,—выбяръ зуби. Ня выбярешъ зуби,—пойду на огнянную печь, возьму гойструю мечъ, огнемъ припяку, мячомъ засяку, дёхтямъ замажу. *Сш. Юрковичи гом. у.*

289, Ни мори па вострови стоявъ кустъ, а ў томъ кустѣ золотое гняздó, а у томъ гняздѣ три старшихъ: одна Кулина, а другая Марина, а третьтяя Катярина. Собирайтя усихъ своихъ и болотяныхъ и гноявыхъ и моховыхъ и лясовыхъ, вынимайтя зь естаго чаловѣка съ косьтей зубъ свой; а коли ня вымятя, то нашле Богъ громъ и молоньню, и побъе и попаля. *Д. Барановка гом. у.*

290, На мори па лукоморьи стоить вярба̀, на той вярбѣ семсотъ гольля̀, а ў томъ гольли звито лопухóво гняздо, у тымъ гняздѣ ляжить

Ева царица. Ева царица, сунимай свою челядь, гноявую, стерновую, сирановую и жарую и чорную, половую и рудую, буланую, земляную и водяную, ня давай воли, вынимай своё жалы и яды изъ жовтыя кости, ясныхъ вочей, горачія крыви, зъ бѣлыхъ жилъ, съ усихъ суставовъ.

С. Азаричи, гом. у.

291, Господу Богу помолюсь, прачистой мати святой поклонюсь, прачистая мати, ходи гада замувляти. Шкуляпея, чарапея, подкопная, гноявая, водяная подпечная, подстрѣшная, сирановая, веретенная. Святый Пятро Павялъ, за што ты распустивъ раба божаго кусать? Святый Пятро Павялъ, собирай своихъ мелкихъ слугъ, да вынимай змяиное жало. На мори на кіяни стоицъ дубъ, на томъ дуби, три кокоты, на тыхъ кокотахъ три кошали: у первомъ кошали Ульляна, у другомъ Арина, у третьтямъ Солопея,—вынимайтя свое змяиное жало; ня вымитя вы змяинаго жала, то накажу васъ Христовымъ тѣломъ (3 р.) *С. Поповка.*

292, Шкуляпея, чарапея, ня кусай мойго грѣшнаго тила; бяжи за билый городъ, лизни билаго камяня, а тогды раба божаго.

Предупредительный, говорится при входѣ въ лѣсъ. Кромѣ того, когда увидишь змѣю, необходимо бросить въ нее палкой или камнемъ, говоря:

Не я тябѣ бъю, а бъе тябе святый понядѣлокъ! (называется день, въ который ее увидишъ). *С. Н. Юрковичи г. у.*

293, На мори на лукоморъи стоить дубъ, а подъ дубомъ камянь, а на камяни чорное руно, а у чорномъ руни три змяи: одна Сохвея, а другая Шурпея, а третьтяя дива Марéя. Дива Марея, унимай свой гадъ, а ня будешь унимать, дакъ пойду Господу Богу жалитца, дакъ васъ Гоподь Богъ громомъ побъé и молоньнёй попаля. *С. Кузьмичи гом. у.*

294, На мори, на лукоморъи, стоить кустъ ракитовый, у томъ кусти бараньняя руня, у томъ руни ляжить змяя Шкуропея. Ты змяя лютая, лятучая, збирай своихъ змѣй лятучихъ, бягучихъ, сироновыхъ, моховыхъ, колодныхъ, крапивныхъ, подтынныхъ, мяжéвныхъ,—вынимай свое жало и зубы отъ раба божаго; а то не я тябе побъю, побъé тябе самъ Сусъ Христосъ, выйдя у чистое поля, наложа калянную стралу, пробъé, тябе, лютую змяю, *С. Покать, рог. у.*

295, Ѣхавъ Господзь по шавковой травѣ, шукаючи, пытаючи отъ трохъ—дзевяцъ гадынь, отъ рабухъ, отъ бялухъ, отъ чарнухъ, подмежницъ, потгнойницъ, потколодницъ. Святыя святочки, годовыя празьнички,

ходзиця ко мнѣ на помочь. Я съ словамы, Богъ зъ духамы,—якъ стало, такъ перастало. *Вендор. в.*

296, На чистомъ поли стоиць груша, подъ той грушай стоиць ложа, на той ложи ляжиць пуховая пярина, на тэй пярини ляжиць Хо̀ма (гадыня; гадъ-Хо̀мецъ), собирая усихъ своихъ гадовъёвъ, приказуя: возьмиця ў раба жаркось, отдайця лёхкось, а ня 'тдасьцё лёхкосьци, ня во̀зьмеця жаркосьци—будзя ѣхаць Юрый—Ягорый на сивянькимъ конику, съ чарвоной протасэей, будзя васъ собирадь, усимъ чисто меччу го̀ловы сымаць. *Тамъ-же.*

На хлѣби ци такъ тройчи; а боли ничаге̇нячко.

297, На чистомъ поли стоиць груша, подъ той грушай стоиць ложа, на тэй ложи ляжиць пуховая пярина, на тэй пярини ляжиць Шавронъ. Ну-ка ты, Шавронъ: возьми свое цяжкое, отдаси наша лёхкое; ня во̀зьмешъ свойго цяжкаго, ня 'тдаси нашаго лёхкаго, будзя ѣхаць святый Юрый и Микола, будзя васъ собирацъ и меччу головы отсѣкаць. *Тамъ-же.*

298, Ишли три гадыни по широкой дорози, узыйшли на крыжовую дорогу: на крыжовой дорози стоиць дубъ, у тымъ дубу змяиный зубъ. Я твой ядъ отымаю, цябе проклинаю, и отсылаю къ дубу, къ змяинному зубу. *Тамъ-же.*

299, На мори, на кіяни, на вострови на Буяни стоиць старъ дубъ; подъ тымъ старъ дубомъ стоиць липовый кустъ; подъ тымъ липовымъ кустомъ ляжиць чорное руно; подъ чорнымъ руномъ ляжиць змѣя Сукропея, и змѣя Яркая и змѣя Пераяркая—три сорты. Я къ ёй приходжу и яе прошу: ты змѣя Ярая и змѣя Пераярая, вылетай и выповзай, и собирай усихъ змѣй Сукропей, Ярыхъ и Пераярыхъ, чорныхъ и рабыхъ, и жовтыхъ и жовто-брухихъ, собирай полявыхъ, собирай межавыхъ, лѣсовыхъ, болотныхъ, и потколодныхъ, и поттынныхъ, и подъовинныхъ, и подхатныхъ; и вынимай свое люто жало зъ рыжія шерсьци (ци зъ раба) и свой злый, лихій, окаянный ядъ, съ щираго серца, зъ рациваго живота, съ чорныя печани, зъ бѣлыхъ лёхкихъ и потроха, зъ голосныя гортани, зъ ясныхъ вочей, съ слуховыхъ вушей, зъ боявыхъ ноздрей, зъ буйныя головы; коли ня будзешъ вынимаць, то буду цябе заклинаць со ўсими святыми царквами, и со ўсими святыми кіявськими, пящерськими мощами. Которыя слова запомнивъ, тымъ аминъ. *Тамъ же.*

300, Охъ вы гады, охъ вы змѣи: одна Сохва, другая Вохва, треть-ця Гараська—сила уразьска,—дзѣ вы яѐ укусили, дзѣ вы яѐ поймали, —ци ты луговая, [1]) ци ты полявая, ци ты болотная, ци ты водзяная, ци ты подкорчевная, ци ты поткутная, ци ты потколодная, ци ты земляная, ци ты подъуголная, ци ты потплотная, ци ты потмежная, ци ты подкустная,—ну ты Бугима̀ [2]) огнистый, унимай свой ядъ; а то буду огнемъ печь и кнутомъ сѣчь. *Полыков. вол. мог. у.*

301, Даю отъ гадыни, отъ куцихи, отъ гноихи, отъ кусьцихи, отъ мяжихи, отъ рабухи, отъ чарнухи, отъ сипучія, отъ хрипучія, отъ повзучія, отъ лятучія, отъ полявыя; лѣсовая, своѐ сямъи не распускай и вопуху ня пускай.

На дванацаци галкахъ хлѣба. *Черноруч. вол.*

302, Святый аўторокъ, ранная зара, сонца усходзиць, играець, сырая земля усихъ насъ содзержаець, праславныхъ хрисціянъ и звяровъ и гадовъ, и лятучихъ и бягучихъ и повзучихъ. Я жъ гадыню замовляю кутовую, печавую, межавую, боровую, лозовую, хлѣвовую, садовую, водзяную, гноявую, бягучую, повзучую, лятучую,—ихъ дванатцаць сясцёръ— усихъ замовляю, усихъ забираю. Гадъ, гадъ, отдай свой ядъ, а якъ не 'тдаси, я цябе закляну и съ свѣту звяду. *Толп. в.*

303, Вотча... Гадъ-гадзикъ, гадъ-гадзикъ по межамъ ходзивъ и ўклюнувъ чаловѣка раба божжаго куринымъ носомъ, и не запусьцивъ куръяго носа и огняннаго джала. А ўклюнувши, ки мору пошовъ (3 раза); ки мору пришовъ, не пераплывъ дунай-мора, не замочивъ золотого черава, зялѣзнаго хвоста, куръяго носа. Куръ, куръ, куръ! *Тамъ-же.*

Тройчи на хлѣби ци на водзѣ. И хукнуць.

304, Повзе́ць гадъ, дзюбка курина, повзець у мо̀ря, хвоста ня ўмочивъ, шалупивый; шкаролюпина-царица, своихъ вужовъ и вужакъ содзержай, и джалы и яды ванимай. Ежли ты ня здзержишъ, не навучишъ, буду просиць святого Льлю и святого Ягорю и святого Михаила-хистрацига: поттопчуць и погубюць—ня будзець васъ ни 'дныѐ на свѣци, и жовтыхъ и лысыхъ, и водзяныхъ и земляныхъ, и поткорчавыхъ и болотныхъ, и лятучихъ и повзучихъ—усихъ дванатцаць, а йна тринатцатая, у синимъ мори потъ каменемъ сядзиць и никуды ня рыетца. Ежли ты ня

---

[1]) Вар: ци потъ купиной, ци подъ лозой, ци подъ ракитовымъ кустомъ.

[2]) Вар: мужъ магнистый.

здзержишъ, не навучишъ—буду просиць святого Льлю, Ягорю и Михайлу, яны васъ потопчуць и погубюць. *С. Любиничи.*

305, Змія-гадыня, старая скоролюпица, судзержай свой ядъ проклятый—подмежныхъ, водзяныхъ, полявыхъ, лѣсовыхъ, домовыхъ, усихъ дванатцаць. Не ўговаришъ цябе, уговориць цябе Кузьма Дземьянъ, будзець цябе сѣчь зялѣзнымъ кнутомъ. На синимъ мори ляжиць камень, на томъ камени ляжаць подушачки, на тыхъ подушачкахъ сядзиць маць Прячистая, сядзиць—высиджаець и шовкъ выпрядаець, и рабу божаму помочи даваець, и раны заживаець. *Рясн. вол. чаус. у.*

306, Ѣздзивъ Юрій по горахъ, по межахъ, на зялѣзныхъ струменахъ, побивавъ копъёмъ и гадовъ и гадынь, и сливневъ, подмежныхъ, подберѐжныхъ, потколодныхъ, гноявыхъ, водзяныхъ, и чорныхъ, и бѣлыхъ, и зяленыхъ, и вишневыхъ, и полосоватыхъ, и чмарыхъ, и рудыхъ. А ты, старая старица, свой скотъ судзержай, рабѣ божжай пухлины на распущай. *С. Нѣжково мог. у.*

307, Гадыни и вужаки, гадкія и брыдкія, собирайцеся уси скоро, ко мнѣ и вынимайця у скоцины, рыжія шарсцины, жигало; а коли ня будзеця скоро вынимаць, то буду васъ на дошки подымаць.

Три зари, на хлѣбѣ. *Толпечич. в.*

308, Исаакія святая и Руся, Полюся, Соломида Рососвѣтская, унимайця усякаго свойго скота, полявого, лѣсово́го (и т. д.) Ежли жъ ня во́йменця, побидзиць васъ Господзь Богъ пяцьма̀ тучами: першою камяно́ю, другою мечаво́ю, третьце́ю стралово́ю, чацьвёртою дожджово́ю, пятою огня̀ною. Ка́мянная выбъець, мечевая высячиць, страловая выстрялиць, грозовая вызнобиць, дожджавая вымочиць, огня̀нная выпячець.

Горецк. в.

309, На чистомъ поли, на богатомъ столи, стоиць игрушка, золотыя шпильки, колькія шпильки, На тэй игрушцы корвадь цесовая, подушки пуховыя, засьцилки цьвилёвыя. У тыхъ подушкахъ, у тыхъ засьцилкахъ Ховъ-Ховица, самъ царь, сама царица. Ховъ-Хава, унимай свое жало, домовое, полявое, лѣсовое, водзяное, моховое, боровое, лятучая, повзучая, подмежное, потколодное, болотное, бягучая, колючая, болючая, свярбучая, изъ скоцины, рыжія шарсьцины. Коли унимешъ, дакъ будзешъ жиць на свѣци, а ня унимешъ, буду просиць святого Махаила-архангала,—той цябе спячець и сожжець и зъ ружжа забъець,—и ня будзешъ жиць на свѣци. *Родом. в. чаус. у.*

310, Ёсць у свѣци синя мбря, на тымъ синимъ мори ляжиць камень, на тымъ камни стоиць дубъ, на тымъ дуби крываць, на той крываци пярина, на той пярини ляжиць змія Кацярина и вужъ Симіёнъ. Ахъ ты змія Кацярина и вужъ Симіёнъ, сббирайця своихъ слугъ и приказыйця своимъ слугамъ, кабъ яны унимали своё жгало, полявое, межавое, луговое, курчижное, гноявое, земляное,—унимайця и высылайця. А ня выниця своё жгало, пойдземъ къ Господу Богу, возьмомъ громъ и молоньню, будземъ и палиць и смолиць, ваша сѣмя выводзиць.

Радомльск. вол.

311, Гадзя, гадзя, сунимай свой ядзя, унимай своихъ людзей; а ня будзешъ унимаць, будземъ Михаила листрацига упрошаць и Господа Бога.

С. Пугляи.

312, Мяжища и Кусьцища и третьція Саўра, упрошаемъ жа мы васъ,—заклинайця свою заклятую черь. А ня будзеця заклинаць, то будземъ мы пиво вариць, сыту сыциць и капуны справляць, и зъ васъ жильля кореньня волочиць. *С. Сватошицы, гор. у.*

313, Помяни Господзи царя Давыда и ўсю кротось яго,—спѣнавбго и межавого и царя нябеснаго. Пуциха, подмяжиха, моховая, бировая, колодная змѣя, вынь свой зубъ зъ бѣлаго цѣла, зъ яснаго лица, зъ горючія крыви. *Холбн. в. гор. у.*

314, Помолимся, поклонимся Господу Богу и царю Давыду. У царя Давыда на мори синимъ ляжиць синій камень, на томъ синимъ камни стоиць корваць, на той корваци пуховыя подушки, увилёвыя засцилки. На тыхъ подушкахъ, на тыхъ засцилкахъ, ляжиць Хама-Хамица, усимъ змѣямъ царица. Ежали ты Хама-Хамица, усимъ змѣямъ царица ня вынимешъ съ раба божія свойго жала буду цябе проклинаць и ў празьнички поминаць. Ня ўцѣліемъ жа ты у лѣси, ня ўцѣліемъ подъ курчами, а ў поли подъ межами, а въ будынкахъ подъ вуглами; а коло лазенъ подъ мяльлемъ. Святый Спасъ, святый Пётра-Павялъ, помилуй насъ.

Тройчи. *Горедецк. вол.*

315, Ёсь у бѣломъ свѣци три вужаки: одна Лаха, другая Малаха, а третьція Чорная подмежная,—надъ усими яна старшáя, большáя. За што жъ человѣка ўкусили? Якъ укусили, штобъ такъ воду ня пусьцили. Самъ Господзь ѣздзиць подъ-на небясй на сивымъ кони, возиць розку ў хвосьцѣ. Будзець жа ёнъ васъ збираць, судзиць, наказываць. Якъ вы ўкусили, такъ штобъ воды ня пусьцили.

Тройчи на водзѣ. *Тамъ же.*

316, Свентый Антоній и Хвядосій, кіявськія, пячерськія, станьця намъ на помочь, ангали на радосць, святая Прачистая на поратунокъ. Ратуй яго Господзи отъ гада псвзучаго. Гадъ клюнувъ куринымъ носомъ, золотымъ хвостомъ; чаразъ мора плывъ, хвоста не помочивъ.

Толп. в. мог. у.

317, По чистому полю, по зяленымъ лугамъ кацилась, валилась гнилая колода, шепчець—репчець про гада Рада. (Далѣе перечисленіе гадовъ: лѣсовыхъ, полевыхъ, луговыхъ и т. д.) Коли святая Бугуродзица поможець, и я помогу. *Ляудеры, люц. у.*

318, Рябый гадъ, чорный гадъ, вызываець цябе опсовській языкъ, и я цябе вызываю: на што раба божаго Ивана укусила?

Тройчи. *С. Гладково, чаус. у.*

319, На мори, на кіяни стоиць дубъ на дванатцаць кокотовъ; на томъ дуби гнявдо, на томъ гняздзѣ ляжйць змѣя-Шкуропея. Змѣя-Шкуропея, вынимай (унимай) свой ядъ болотный, потколодный, и весь межавый, гноявый; а то будземъ жалитца святому Михайли, а ёнъ будець цябе сѣчь и рубаць; и посячець и порубаець, и ты, змѣя-Шкуропея, не ўляжишъ, и ядъ твой пропадзець, и ты ссохнешъ.

Тройчи. *Гладков. вол.*

320, На мори, на лукоморъи, тамъ ё зялёный лужокъ, а на томъ лужку стоить большій гурганъ; у томъ гургани ляжйть вужа Ева. Ты вужа Ева, собирай своихъ вужовъ, усихъ добрыхъ мужовъ, и винныхъ и нявинныхъ, и вынимай своё жало зъ раба божаго Григора. А то я на твой гурганъ нашлю громъ и молоньню; громомъ разобъю, и молоньнёй спалю, а вѣтромъ попялòмъ размяту, архайла—Михайла, судьдя правядная, своёй меччу голову яму (?) ссяку.

Тройчи. *С. Покать, рог. у.*

321, Просимъ цябе, сонца красное, мѣсячко ясный, святыхъ вясёлыхъ звѣздъ, и святого Ивана Ксциделя, который ксцивъ Исуса Христа, и зямлю и воду, и ўсихъ насъ грѣшныхъ,—просимъ васъ и кланяемся вамъ. Ёсь на мори камень, синій и бѣлый, и на камяни царъ Ёсипъ, царица Марья, помошница Ганна ихъ. Яны двянанцаць дочòкъ маюць, по ўсяму свѣту бываюць, усякія трòвы, и цвяты и зельзя—кореньня знаюць, рады—помочи даюць отъ гадыни лясовыя, отъ гадыни полявыя, отъ гадыни, межавыя, отъ гадыни болотныя, отъ гадыни колодныя, отъ

гадыни гноявыя... Просимъ васъ и кланяемся: дайця жъ рады й помочи рабу божаму. Ци: скоцини, рыжай шарсьцини.

Тройчи надъ водой, и вольлешъ у ротъ, да тое мѣсто, дзѣ ўкусила змыць и дмухнуць. *Круглян. вол. мог. у.*

322, По́ля по̀лёмъ, ѣдзя святый Ягорій сивымъ конёмъ, зъ золотымъ копъёмъ. Ёнъ ѣдзя, проѣжжая, усихъ гадовъ побивая: болотныхъ, потколодныхъ, моховыхъ, земляныхъ, дворовыхъ, гноявыхъ, подъугольныхъ, лѣсовыхъ, полявыхъ, водзяныхъ, межавыхъ, подкаме́нныхъ. Ёсь самая старша Пуцимѣя, Расхоцимѣя, старая Соломонида,—вынь гэто жигало зъ раба божжаго. *Церков. в.*

323, Ѣздзивъ конь по чистому полю, шукаючи и пытаючи отъ гада зеля, отъ лятучаго, отъ повзучаго; отъ межавого, отъ лясово́го, отъ полявого, отъ потпешнаго, отъ подмежнаго, поддорожнаго (и т. д.) Ты дзявица, свою жесь умовляй, и людзей ня кусай, и вопухи ня пускай. И Господзь Богъ съ помоччу, а я съ словомъ.

На хлѣби, ци на водзѣ—усё ровно. *Тамъ же.*

324, На синимъ мори три камяни синихъ, на тыхъ камяняхъ три паненки сидзяць, золотымъ кіемъ махаюць, ужо́мъ жало замовляюць. Ты вужъ, ня кусай и вопухи ня пускай, бо спалю и спяку и попялъ содму. Господзь Богъ съ помоччу. *Тамъ же.*

325, И момолимся и поклонимся Господу Богу и духу святому Тройцы святой ядыкой, и прачистой мацяри божжай, и святому воскрасенійку Христовому, чѐсному, милосэрному, и ўсимъ святочкамъ—годовымъ празьничкамъ, кіявськимъ, пячерськимъ, и римськимъ, и русалимськимъ, и и Исакову и Якову, и Антоняму и Хвядосяму, и святому Юру и Ягору, и святому вотчу Миколу. Вы божія угодники, вы скорыя помошники, вы вяликія молитве́ньники; вы жа скоранько помогаеця, гэтому вужу жало замовляеця, и на мхи на болоты ссылаеця. Вужъ мужъ, вужъ мужъ, рассыпся ты дробнѣй маку, а ўзыйдзи полявымъ цвято́мъ.

Якъ вужъ укуся, дакъ по ўсяму цѣлу водырі̀ по̀йдуць, отъ стараго бѣлыя, отъ молодого—красныя; и млосно, и дзярѐтца,—ажъ до крыви дзярѐтца. Отъ гадыни жъ пухлина по̀йдзя, а скоцини языкъ выпра. Заговоры употребляются иногда различныя для гадюки, для сливня-слѣпня, и ужа, но чаще одни и тѣ же. *Тамъ же.*

326, Вужъ вужила, твой царъ Данила, кусавъ ирвавъ раба божжаго цѣло. Я твой ядъ вымаю, цябе проклинаю. *Вендор. в. мог. у.*

327, На мори на кіяни, на вострови на буяни стоиць старъ дубъ, подъ тымъ дубомъ стоиць корвацъ, на той корваци ляжáць пярины мяккія, пуховыя, на тыхъ пяринахъ ляжйць вужъ изъ вужаницай, мужъ изъ мужаницай. Я къ имъ приходжу и ихъ прошу: вужъ изъ вужаницай и мужъ изъ мужаницай, вылетай, выползай, собирай своихъ вѣрныхъ подданныхъ вужей и вужаницъ; собирай подтынныхъ, собирай водзяныхъ и т. д. потплатныхъ, гребельныхъ, и потколодныхъ и подмостныхъ, и вынимай своё лютое жало и злый ядъ зъ раба божаго, съ щира серца, зъ рацива живота (съ круглаго копыта—у лошади, и—зъ двойного копыта—у коровы), кабъ и серца ня сушило, и живота ня крушило, и цѣла ня знобило, и косьцей ня ломило. Которыя слова запомнивъ—тымъ аминъ.

Тамъ же.

328, Сядзйць гадыня у пни, дзяржиць ключи сяребраныя, замыкаець усимъ гадамъ зубы и губы. Гадъ уними свой ядъ, гадъ, уними свой ядъ, —буду бицъ цябе кнутами, буду цябе сцебацъ прутами.

Тройча на водзѣ. *С. Полыковичи.*

329, На мори на лукоморъи сядзиць Хамъ и Хамá. Хамъ и Хамá, ня пускай свойго харковиньня, вынимай своё жаркое жало. А ня вынишъ, вялю собрацъ дванатцацъ ковалёвъ и дванатцацъ обцуговъ, и дванатцацъ молотовъ, вялю бицъ и кувацъ, и съ свѣту збивацъ, кабъ васъ ня було, а волно по свѣту ходзиць и шкоды не робиць. *Толпечицы.*

330, Гадзя, гадзя, уними свой ядзя, а ня ўнимешъ свого яда, то буду гада заклинаци, жаркимъ сонцамъ, дробрыми звѣздами и силными дожджами, и ўсимъ міромъ православнымъ, Михаиломъ архистрацилома чуднымъ. Упрошаю раннюю и вячернюю и полўнешную зару во вѣки вяковъ аминъ. *С. Городище гор. у.*

331, Вужъ-вужаница, вынимай своё ярое жало! А ня вынишъ свойго яраго жала, помолюся, поклонюся Господу Богу Исусу Христу. Сошлець Господзь Богъ святого Михайла архайла, дыкъ ёнь вóзьмець войструю мечъ, вамъ голóвы по'тсѣкаець и по'трубаець, и ярыя жигалы повымаець; не найдзеця вы мѣста ни ў поли, ни ў доми, ни на синямъ мори, ни подъ бѣлымъ камнемъ. *Святоцицк. в.*

332, Царь Павликъ, царь Жагликъ, царица Павлица, и царица Жаглица, царица Рупія и царица Протупея—упрошаемъ васъ: закланайця свою заклятую черъ! А ня будзеця заклипацъ, то будземъ мы живо

варицъ, сыту сыцицъ, кануны справляцъ, а зъ васъ жилья—кореньня выцягацъ. *Тамъ-же.*

333, Царь Сакадынъ, царь Грячей, царь Скорлупей, унимай свой нягодный скотъ, поганую силу, собирай ихъ хлѣвныхъ и дворявыхъ, гноявыхъ, подъуголныхъ, потпешныхъ, полявыхъ, и межавыхъ, и водзяныхъ, борявыхъ, смуродныхъ, бруснишныхъ и мядунишныхъ, моховыхъ и подколодныхъ, и болотныхъ, и ссылайця ихъ на мхи на болоты, и на гнилыя колоды; вынимайця ярось съ раба божаго (ци съ скоцины), и вынимайця ярось, Скорлупея, Горячéя, Сакадына,—вўжовъ и сликовъ, и воряпъя съ воряпеихой, и тую водзяную вераценницу. Вынимайця ярось зъ раба божаго, а то святый, Пётра-Павелъ, золотымъ копъёмъ прябъѣецъ, Илія славный пророча огненной, стрялой прябъéцъ, святый архангалъ Михаилъ óгненною мечью гóлову ототнéцъ и огнемъ сожжецъ, святымъ духомъ попелъ разодмѐцъ! Вынимаю ярось съ раба божаго до хторого пришествія *Холбнян. в.*

334, Помяни Господзи царя Давыда и сына Соломона и ўсю кротось яго. Царь отъ земли Курдодзінъ, король Бўйма, царица Стахвѐя, Палагéя, Кочагаръ, а большая царица Агапъя,—возьмиця сіе жало, а ня вóзьмиця, то я буду просицъ Господа Бога, святого Михаила, архангала Гавріила, выслацъ на васъ каменныя тучи и каменныя стрѣлы, аминь. *М. Романово.*

335. Ишовъ Августъ по широкой дорози, узыйшовъ на крыжавўю дорогу; на крыжавой дорози стоицъ дубъ, у тымъ дубу змяиный зубъ, —кусавъ и рвавъ рабу божаму цѣло. Я твой ядъ вымаю, конопляным и маковымъ зернямъ отсыпаю, цябе проклинаю, и отсылаю къ дубу, къ змяиному зубу. *Вендор. вол.*

Отъ сливня, слѣпня, слижа.

Въ *Толпечицкой в.* снимаютъ съ телеги колесо, пропускаютъ чрезъ трубку его три раза воду и этою водою моютъ укушенное сливнемъ мѣсто.

336, Куцища откуцись, пухлица отпухлись, пянйца отпянись, рябица отрябись, межа отмяжись, вода разольлись, а ты гадъ, вынимай свой ядъ изъ раба божаго, а то ѣдзецъ на цябе святый Михаилъ съ огнянным копіéмъ. О Господзи, ху!

Хукнуцъ на водзѣ и дацъ пицъ. *Городецк. в.*

337, На мори на лукоморъи стоить яворъ на девъять кораневъ на дванатцаць кокотовъ, на томъ явори гнѣздо, а у томъ гнѣздѣ гадиня; гадиня шкурапе́тина, сунимай своихъ дятей, крапивныхъ, подтыныхъ, хлявовыхъ, моховыхъ, болотныхъ, сераповыхъ, корчавыхъ и насыланыхъ, и лятучихъ и повзучихъ. А ня будяшъ сунимати, буду Господа Бога просити, святого Михайлу и съ тучаю и съ хмарою, съ огняянымъ ме́чомъ. Ёнъ тябе позгубя и дятей твоихъ побядить. Высылай свой зубъ зъ раба божаго зъ буйныя головы, зъ бѣлыя кости, исъ суставъ съ полусуставъ, изъ жилъ съ полужилъ, изъ горачай крыви, изъ костей, изъ можджей, изъ ясныхъ вочей. *С. Кр. Буда, гом. у.*

338, Ѣхавъ царъ на буланомъ конѣ, на сярэбраномъ сядлѣ, сярэбранымъ вясломъ ограбаетца, до царицы Зипы добираетца: ты царица Зипа, прикажи своимъ сястрамъ роднымъ,—якъ етому чаловѣку ня загибать, и къ зяле́ной плахти га́дынину голову̀ прикладать, сярэбранымъ палашо̀мъ голову отрубать до жовтыя кости, до рыжаго мъяса. Якъ на мори стоить яворъ, подъ тымъ яворомъ ляжить бѣлый камянь, на томъ камяни сядить святый Пятро, у книжку читая, ёнъ га́дыни сипучай кипучай зубъ замувляя. *Д. Маковье, гом. у.*

339, Ёсть на мори на лукоморъи кустъ, а ў томъ кусти чорное руно, а ў томъ руни чорная гадиня Адаренадиня. Вотъ я прошу тябе, Адаренудиню, вынь ты свой зубъ; а ня вынишъ свойго зуба, я тябе соломой обнясу и спалю, и попялокъ разодму. *Гомель.*

340, Ѣхала царица на комази, сустрѣвъ яе высокосъ—годъ: ты царица сипуха, а другая хрипуха, а третьтяя салопаха, сунимай своихъ слугъ старыхъ и малыхъ, близнихъ и дальнихъ, бягучихъ и повзучихъ, хлявныхъ и сероповыхъ, крапивныхъ и подтынныхъ земляныхъ и водяныхъ; коли зубъ, то выкинь, коли жало, то выпусть,—вамъ тутъ ня стоять, кости ня ломать, крыви ня псовать и сэрца ня сушить. И купъ и Икупина, сунимай свойго братія жало,—коло раба божаго слово. Дай Богъ на помочь.

Надъ хлѣбомъ или водою. *Д. Ларище, гом. у.*

341, На вялнкодьня до обѣда сошовъ самъ Сусъ Христосъ зъ неба, ѣздивъ по полю на буланомъ коню; яду шукая, зяленую траву прикладая, жовтымъ пяскомъ присыпая. На синямъ моры, акіяни, ляжить ла́таръ-камень на ла́тары-камни Хава Хавица, красная дявица, письма́ зная да имя̀ ня зная,—раба божая Агапа отъ гада помогая: зъ

жовтыя кости, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочей, зъ горучія крыви, съ солодкаго мозку, изъ жилъ и съ пажилокъ; и не комаръ укусивъ,— не свярбя й заживѐ. *С. Телеши, гом. у.*

342, Ходивъ Господь Богъ по синяму мору, сварився й грозився на гада и на гадину и на гйдовника. Коли гадъ укусивъ,—выкаться бобовымъ зѐрнямъ; а гадина укусила—выкаться маковымъ зѐрнямъ; а гйдовникъ укусивъ—выкаться вячерняй зарой, чужаземськой росой,—зъ рыжаго мяса, зъ бѣлой кости, зъ горучай крыви.

Ст. Буда, гом. у. и Недойка рогач. у.

343, Господу Богу помолюся, прачистой матцы поклонюся, матцы Христовой, усимъ святымъ апостоламъ. Станъ Богъ на помочь, ангали па радость, Христосъ на поратунокъ. У поли на моры стоить дубъ на чатыры кокоты, а на тымъ дуби гнядзо, а ў тымъ гняздѣ зубъ. Ягипина ляпа, и крапивнаа и подтыннаа, хлявнаа, сирановаа (што ня ховаетца) травянаа, межаваа, потплотнаа, потколоднаа,—возьми свой зубъ отъ раба божаго, а коли ня вѡзьмешъ, я на 'синовымъ лѡвжи тябе спалю и осиновымъ коломъ попялъ пробъю. *Д. Крывскъ, чебот. в.*

344, Пятница не ядритца, сыбота помоганьница, нядѣля подыманьница,—помогаетя усяму міру хращоному, поможи рабу божаму. Якъ на синямъ моры огонь потухаа, такъ у раба божаго ядрость (пухлина) облягаа.

Трэйчи, на водѣ й на хлѣби—за вочами. *С. Чеботовичи, гом. у.*

345, На синямъ моры стоить дубъ зяленый, на тымъ дуби трыдевять корапёвъ, на тыхъ трохъ девяти коранёвъ да трыдевять кокотовъ; на тыхъ трохъ девять кокотовъ да трыдевять гняздовъ; у тыхъ трохъ девяти гняздовъ да трыдевять гадюкъ; надъ тыми да трыдевять гадюками да тры старшихъ: одна Гася, другая Зося, третьтяя Явгиньня. Куцая, жарая, рабая, сирановая, хлявовая, гноявáя, крапивная, подтынная, и лѣсовая и боровая, и верасовáя, болотяная, моховая, земляная, водяная,—которая его гадюка упустила жало и запуская ядрость? Я жъ ёй кажу и грожу: вынимай своё жало! Ня вынешъ ты етаго жала, такого зельля табѣ дамъ—зъ живыя съ тябе порву жилы и пáжилы.

Плюну да дуну. *Рогач. у.*

346, Гадъ-гадовица, вужъ-вужаница, ящеръ-ящарица, сливянь-сливяница, которыя вы раба божаго кусали, свой ядъ распущали, ти до-

мовыя, ти кутовыя, ти подпешныя, ти гноявыя, ти межавыя, ти подплотныя, ти подтынвыя, ти разсадныя, ай тыя, што ў зялёной папороти? И вымайтя вы свой ярый зубъ, и ўнимайтя свою ядрость; а ня вынетя своихъ ярыхъ зубъ, ня сунимитя своей ядростьти, то я скажу цару Давыду,—ёнъ васъ погоня па 'гняиную ракў, на быструю водў, потопя васъ и попаля васъ и посмаля васъ,—ня 'дного васъ ня будя ў бѣлымъ свѣти.

С. Кошелево.

347, Дѣсь-ня-дѣсь, на моры, на лукоморъи, стоить яворъ, а на томъ яворы гнездо, а у томъ гнѣздѣ гола̀ (змѣя). Гола̀-голица, сунимай свой гадъ, повзучій и лятучій, и крапивный и подтынный, водяный и земляный, и сирановый и гноявый. Богъ на̀ няби, а зубъ на̀ зямлю коломъ.

Тройчи сказавъ, дмухнувъ,—отъ и ўсé. Якъ мой духъ лéгокъ, щобъ и табѣ тихéнько було да лягéнько, *С. Дятловичи.*

348, У поли на подоли стоить верба, на той верби коровать, на корвати ляжить красная дявица Василиса. Красная дявица Василиса, згўкавай своихъ слугъ,—которая свою волю учинила, ярый зубъ усадила: ти дворовая, ти хлявовая, ти крапивная, ти подтынная, ти лѣсовая, ти боровая, ти луговая. И ты вужъ, честный мужъ, выняй свой ярый зубъ, а ня будешъ зуба выняти, то Сусъ Христосъ будя табѣ усé тулово на мелкія части рубати и за камянную стяну закладати.

М. Носовичи, гом. у.

349, Уговарюю я старую портупéю, скулупéю, подкутную, подмежную, потпешную, хлявную, кустовую, имховую, боровую, курчавўю, припорожную, придорожную, водовую. Тутъ вамъ ня жиць и ня быць,—выньця своё жигало зъ раба божаго; а коли ня вынешъ, напрошу святого Михайлу—архайлу,—енъ васъ огнёмъ сожгець и спалиць и въ огняпное моря знясець. *М. Рудня, орш. у.*

350, Богослови Господи, поможи вужиныя жалы вымовлять и Господа Бога на помочь призывать. Боровый Сандомиръ, моховый Самостей, сунимайтя своихъ слугъ. На мори на кляни ляжить камянь кирбичъ, на камяни ляжить вужу. Вужу, честный мужу,—сунимай своихъ слугъ, и лятучихъ и повзучихъ, и подтынныхъ и крапивныхъ, и полявыхъ и боровыхъ, и гноявыхъ и земляныхъ,—вынимайтя своё жало зъ раба божаго. Якъ ня будетя вынимать, приѣдя къ вамъ Спасъ Спаситаль, съ копъёмъ, зъ ружжомъ, изъ мячомъ изъ головосѣчамъ,—то васъ и ссяче и зрубая, и па 'гни попаля, и дымъ разнясе, и попялъ размяте. Дай Господи на помочь, прасвятая мать Бугуродица. *С. Добрушъ гом. у.*

351, Первымъ разомъ, божжимъ часомъ. Господу Богу помолюсь, матцы прачистой поклонюсь, усимъ силамъ нябеськимъ, кіявськимъ, пячерськимъ; зоры зараницы, господни помошницы, станьтя вы, господи, на помочь. Вужу ты, вужу, честный мужу, на што ты етаго христянина раба божаго покусавъ, на што яго обидивъ? Пойдомъ къ Богу судитца, зъ ранныя зары до вячернія, а зъ вячернія до звѣздъ, отъ звѣздъ до мѣсяца, отъ мѣсяца до яснаго сонца, отъ яснаго сонца до Господа Бога. Вотъ тамъ будя вужу мука и тресканьня, лопаньня и вяликое выстянаньня.

Тройчи, гладячи по рани. *С. Корма гом. у.*

352, Сливянь, сливянистый, россучій, повзучій, колозовистый, полозовистый, сляпый, нявидущій, на што ты етаго христянина покусавъ, на што ты яго обидивъ? Пойдомъ къ Богу судитца и т. д. см. предыдущій №. *Тамъ-же.*

353, Господу Богу помолюся, прячистой маци поклонюся, и усимъ апостоламъ, кіявськимъ, пячерськимъ, почаявськимъ, русалимськимъ; не сама собой, Господзь Богъ со мной, прячистая маци передо мной. Поясъ синяенькій, сливянь бѣляянькій, вынимай свой ярый зубъ, пахучая жало, и ня вынишъ, будзя цябе Михаила биць зялѣзнымъ кнутомъ, нашлёнъ на цябе тучу камяную, тучу громовую; ёнъ цябе выбъя, огнемъ выпаля, твой народъ вывядзя.

Три разы; до заходу сонца, а то умрецъ. *Д. Бугаи чер. у.*

Отъ *зубной боли* надо только осколокъ дерева, разбитаго грозою, приложить къ зубамъ.

Эти же осколки полезно имѣть въ домѣ для сохраненія его отъ грозы.

Отъ *шалу* щадровый хлѣбъ даютъ скотини, коли крутитца. Чаразъ катокъ трэйчи паракинуть кусокъ хлѣба и дать.

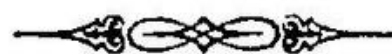
Отъ *волосьника* нижеперницы съ саломъ.

Тоже: сала съ сярэдины вырѣзать, да распекти, шобъ горачо було, отъ и пропаде. Калу свого, за позволеньнемъ.

А то травицу—волосьникъ съ саломъ стовчешъ и прикладешъ. Корэньня подтыньнику.

Отъ *зубища* собаччаго калу у вонучачку да къ темю; чеснокъ и горохъ на темя, на виски, пятки, ладони помазать. *Рог. у.*

Якъ рвешъ траву *волосьникъ*, треба казать: Раба божа Куземка траву рвэ, а свята прачиста матаръ божа хай помочъ дае.



ОТЪ БОЛѢЗНЕЙ ЖИВОТНЫХЪ.

Перелогъ, потница, чемеръ, вончакъ, вончасъ, селезень, подвѣй.

1, Помолимся Господу Богу, прачистой милосэрдной маточцы, святымъ усимъ апостоламъ и святымъ святочкамъ, годовымъ празьничкамъ,—станьця у помочь у святыхъ молитвахъ, помолиця Господа Бога за насъ грѣшныхъ, кіявськія, пячерськія, святочки праподобныя, отцы духовныя, Антоній, Хвядосій, Исакій, Іякій,—усихъ упрошаемъ, на помочь призываемъ. На Сіяньскомъ мори стоиць дубъ зялёный, на дванаццаць коранёвъ, на дванаццаць кокотовъ; на тымъ дубу зялёнымъ сядзиць чорный воронъ. Якъ чорному ворону крылами воды ня разбиваць, со дна пяску ня доставаць, такъ у етой сивой статчини облогамъ, пералогамъ, потницамъ, животницамъ и чемяру по вѣкъ вѣшный ня бываць. Отсылаю, збавляю, на мхи на болоты,—тамъ вамъ прабываць; тамъ вамъ кубки малюваныя и наливаныя,—тамъ вамъ погуляць.

Тройчи, на зарахъ; по животу гладзиць рукою.

М. Городецъ, рог. у.

2. Басловъ Божа (3 р)! Ёсь три цари: первый царъ—чорный ракъ у мори, другій царъ—бѣлый вовкъ у поли, третьцій царъ—вясёлъ мѣсяцъ у неби. Якъ стымъ царамъ умѣсто не сходзитца, за столикомъ не сядзѣць, хлѣба—соли не зьѣдаць, такъ ету скоцину чемерамъ не брацъ.

Три разы, и воду пераксциць. И людзёмъ помогаецъ отъ живота.

М. Микулино, орш. у.

3, Выговарюю, вымовляю тридзевяць потницъ, тридзевяць чемярицъ. т. д. ярицкыхъ, т. д. жарицкыхъ, т. д. парицкыхъ, т. д. вѣтряныхъ, т. д. нутряныхъ, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочей, съ чорныхъ бровъ, зъ рѣциваго сэрца, зъ волосу, зъ голосу, зъ довгаго хвоста, зъ быстраго копыта. И ты, соль, царица, травица, божая помошница, и не я цябе буду даваць, и будзецъ цябе даваць святый Адамъ и будзецъ казаць: етой скоцини, красной шарсцини, отъ чемяри помочи дамъ.

Тройчи на соли, а посьли соль у ротъ даси; а коли чаловѣкъ, няхай зьѣсь,—потому яна по косьцяхъ пойдзя, соль.

Д. Журавы, черик. у.

4, Было у цара лева дванатцать жонъ; было ў етаго коня вороного дванатцать пералогъ, тринатцатая потница: а зъ дванатцати на 'динатцать, съ одинатцать на десять, зъ десятёхъ на девять, зъ девятёхъ на

восямъ, зъ восьмёхъ на семъ, съ сямёхъ на шесть, съ шастёхъ на пять, съ пятёхъ на чатыри, съ чатырохъ на три, съ трохъ на два, зъ двохъ на 'дну, съ однаго на нягодную. Якъ жа еты жоны разъяжжаютца, такъ чемяръ, потницы рассыхаютца у воропомъ кони, и ў костяхъ и ў мощахъ и ў чорной шарсти. *С. Вылевъ, гом. у.*

5, Ишла пресвятая мать дѣва Бугуродица по золотомъ мосту, у золотыхъ рукавичкахъ, у золотыхъ чаравичкахъ, и золотымъ посоркомъ (посошкомъ) попиралася; и стрѣла яна трохъ вахмистовъ. Тыя вахмисты размахнулись,—колёсы раскатились. Такъ чемяръ и потницы разыйдитясь изъ ногъ да ў гриву, а зъ гривы да ў хвостъ, штобъ вороный коникъ бывъ простъ. И яму прбстому бывать, а мнѣ рабу божаму отмовлять, и Господа Бога призывать, и на помочь вороному коню давать. Стань Господи на помочь, прачистая матка на радость.

С. Демьянки, гом. у.

6, На мори кіяни ляжить три псы; одинъ чорный, одинъ рабый, третьтій бѣлый. Чорный выбрёхуя вячернюю зару, а рабый полуношную, а бѣлый раньняшнюю. Якъ тымъ псамъ на бѣломъ камяни не лежать, такъ на етой скотини паралогамъ ня бывать: идитя паралоги на сухія лозы, а ету скотину помилуй Господи. *Слоб. Городня, гом. у.*

7, Первымъ разомъ, божжимъ часомъ. Господу Богу помолимся, Господа попросимъ. Ишовъ Господь зъ нябёсъ, выломивъ лозинку, святую вярбинку, на рыжую скотинку. Сколотнитеся, страпянитеся (ударить по животу)! Умовляю и выговараваю потъ и паралоги съ сорока жилъ, съ сорока пажилъ: вамъ тутъ, поты и паралоги, ня стояти, буйныя головы ня ломити, щираго сэрца ня тошнити. Идитя вы, поты и паралоги, на мха, на болота, на ницыя лозы, на крутыя горы, на жовтое кореньня, на бѣлое каменьня, идѣ люди ня ходять, идѣ собаки ня брешать, дѣ пѣвни не пяють. *С. Перерость, гом. у.*

8, Первымъ разомъ, господнимъ часомъ. Господу Богу помолюся, прачистой матари поклонюся, усимъ святымъ пячерськимъ, и святому Русалиму и стянамъ яго. На моры камянь, на камяни дубъ, на дубу галуды, А галуды зъ дуба доловъ, а потницы и паралоги исъ коня идитя вопъ. Тутъ вамъ ня гулять, буйныхъ костей ня ломать,—идитя на моха, на болота, на ницыя лозы. *С. Корма, гом. у.*

9, Ишовъ Юрый-Ягорый, за Юръямъ Богъ, за Богомъ судьдя. Судьдя

нясе рукавицы, парасудьди наголицы. Узяли мойго коня паралоги болючія и горучія, посмѣшныя и потѣшныя, и здѣлали изъ сокола сову....

Вѣроятно неокончснъ, хотя употребляется въ такомъ видѣ. Дать соли въ ротъ, дунуть въ правое ухо и въ лѣвую ноздрю. *Тамъ-же.*

10, На мори на кіяни стоить дубъ, на томъ дуби сядить чоранъ воронъ: я жъ того чорнаго ворона бязъ ружжа убъю, бязъ ногтей обскубу, бязъ огня обсмолю, и бязъ зубъ зъѣмъ. *С. Поповка, гом. у.*

11, На мори на кіяни стоить дубъ, на томъ дуби сядить чартица; табѣ, чартицы, потницы, а мнѣ рукавицы. *Тамъ-же.*

12, Господу Богу помолимся и матары божай, святой прячистой, приклонимся, и ўсимъ святымъ угодничкамъ и угодницамъ божимъ, и святому Пятру и Павлу. Ишовъ святый Пятро-Павялъ, нашли рукавицы,—отпадитя у етаго коня чемеръ и потницы, отпадитя, и подъ бѣлый камянь идитя, а съ подъ бѣлаго камня да подъ осину: тамъ вы и днуйтя, тамъ и ночуйтя, и тамъ вамъ дновать, тамъ и ночавать, а ў етаго коня ня бывать, во вѣки вякомъ. *С. Кр. Буда, гом. у.*

13, Господу Богу помолюся, и святому Юръю-Ягоръю поклонюся, и святому Хролу и святому Лаврыю. И на моры, лукоморъи стоявъ дубъ на двананцать кокотовъ, на девъять корамёвъ; подъ тымъ дубомъ святый Хролъ и святый Ягорый и святый Лаврый дяржали сабѣ псовъ ли ўсякія няподобія. Святый Хролъ, и святый Ягорый, и святый Лаврый, высылайтя своихъ псовъ икъ етому коню угрызавать усё няподобное: рыжій—рыжая (ее), а гнѣдый-гнѣдое, а вороный-вороное, а мышастый-мышастое, а сѣрый-сѣрое, а сивый-сивое; а ты, бѣлый, выгрызуй зъ головы на грыву, а зъ грывы на хвостъ, а съ хвоста подъ сини копыты, на вѣки вякомъ. *С. Терюховка, гом. у.*

14, Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. Господу Богу помолюся, и прачистой мати поклонюся, и ўсимъ святымъ кіявскимъ, пячерскимъ, праподобникамъ божимъ. Зоры-зараницы, божи помошницы, вынимайтя изъ стой скотины, рыжай шарстины, паралоги й потницы. На синямъ моры ляжавъ бѣлый камянь, на томъ камяни сядить три дявицы, и ўси воны три сястрицы. Одна дявица шовкомъ вышивала, а другая златомъ побивала, а третьтяя паралоги и потницы вымовляла.

С. Черетянка, гом. у.

15, Господу Богу помолюся, святой прачистой поклонюся, кіявскимъ, пячерскимъ, Антонію, Хвядосію, Саку, Якову и Святому Пятру-Павлу. Святый вярховый апостолъ, возьми ты златы ключи, замкни урагу-супостату зуби, губи, лютое сэрца. На синямъ мори, на лукоморъи, стоить дубъ, на томъ дуби звивъ оролъ кубло бяздонное, и знёсъ яечко бязжовтное, и вывявъ дятёнка бязвочнаго и бязногаго и бяскрылаго. Якъ тому дятёнку по святу ня летати, свого роду ня видати, да по зямлѣ ня ходити,—такъ у етаго коня сиваго паралогамъ ня бывати, билыхъ костей ня ломати; на моха да на болота, па ницы лоза паралогамъ итп, а билыя кости ня ломати. Цуръ яго и помилуй. *Д. Будище, гом. у.*

16, Бывъ сабѣ Самсонъ, мѣвъ сабѣ семъ жонъ; вотъ ёнъ зь ними не качався, не валявся, хорошо обходився. Такъ и вы, пералоги, стыя скотины, гнѣдыя шарстины, не качайтя, не валяйтя, и выходьтя зъ буйныя головы, съ широкія кости, съ правяднаго сэрца, зъ яркихъ вочей.

Г. Гомель.

17, Шовъ Бугъ пиразъ лугъ, отгоняти паралугъ, зъ золотою трустиною, шавковою хустиною; трустиною трахнѐ, хустиною махне,—паралуги утпадуть, и урошныя, и стрѣшныя, подуманныя, погаданныя, подорожныя, водяныя, земляныя. *Д. Смычокъ, рог. у. и Кошелево; гом. у.*

18, На моры на кіяни стоявъ дубъ, на дубу корватка, а на той корватцы Пятро и Павялъ, третьцій дзяволъ. Пятру мольнічка, Павлу рукавички, а чаразъ коньскія ноги чорту паралоги. *С. Недойка.*

19, На мори на лукоморъи ляжить кэмянь, на томъ камяни сядить дявица; яна шія, чорнымъ шовкомъ вышивая; у тыя дявицы чорнаго шовку ня стало,—такъ у рыжія скотины чемеру ня стало.

Каждое слово по три раза говорится. Можно заговорить боль живота и у человѣка. *Рог. у.*

20, Были ў Ева девять жонъ, а зъ девяти восямъ, а зъ восьми семъ, а съ сями шесть, а съ шасти пять, а съ пятёхъ чатыры, съ чатырохъ тры, съ трохъ двѣ, зъ двёхъ одна, а съ одныѐ ниводныя. Якъ у Ева жоны парамѣняютца, такъ у рыжія конины паралоги парамѣняютца. *Тамъ же.*

21, Ишовъ Богъ съ апостолами по дорози, ляжить урагъ на дорози. —Вярни, урагъ, зъ дороги, звярни зъ вороного коня паралоги, а то конь скоча, п-ня, на тябе паралоги ўзверня. *Д. Кошелево.*

22, Помяни Господи цара и Давыда, и крота и кротость. Сунимавъ Богъ воду и зямлю, сунимп зъ вороного коня лихо—паралоги зъ живота.

Тамъ-же.

23, Ишовъ Богъ Сусъ Христосъ и Юрый-Ягорый. Стрѣли яны трохъ босыхъ, трохъ простоволосыхъ и трохъ голя-на́-голя. Пытаетца Юрый Ягорый у Господа Бога Суса Христа: што ето иде, босыя, простоволосыя, голя-на́-голя? Отвящаа Господь Богъ Сусъ Христосъ: одна чамярнйца, другая западница, третьтяя паралоги.—А куды яны идуть? —Икъ буйной косьтѣ, къ горачай крывѣ, къ вороному коню. Замовляю и уговарую, я, рабъ божій, чамярницу, западницу, паралоги, вѣтровы́я, стюдяныя, дянныя, полуде́нныя, вячерпія, посмѣшныя, потѣшныя, изъ жилъ, изъ пажилъ, изъ буйныя косьти, изъ горучія крыви, изъ вороного коня шарсьти̇.

Три разы, и соли ўсыпать у вуши, у ноздри, и придѐржить: коли отрахне́тца, спрысне́тца—живъ будя, а ня спрыснетца—помрѐ. *Рог. у.*

24, Дѣсь-ня-дѣсь, при шляху при дорози стоить пница и дурница, а ў томъ пници у дурници сядить чартища. Нутя думать и гадать, кому пэрэлоги отдать? Отдали пэрэлоги старшому (чорту) у ноги, нехай нясе за мхи, за болота̀, за ницыя лозы, за крутыя горы, дѣ пѣвни не пяють, дѣ й гуси ня кричать,—отъ тамъ имъ быть и жить, тамъ роскошавать, а ў оголчика (ти ў оголочки) ня бывать, и косьти ня ломать, и крыви ня сушить, и жилъ ня палить.

Отъ тогды соли у ротъ, пырскнувъ у ротъ да ў носъ, погонять яго, —сѣвъ, поѣздивъ на ёмъ. Тогды̀ давай смѣло,—будя ѣсть и пить.

С. Дятловичи.

25, Помолюся Господу Богу и усимъ святымъ. Возьмитя вы семдесятъ ножовъ, выражтя семдесятъ прутовъ, и выгоняйтя зъ мое́ скотины, рыжія шарстины, чемяръ, паралоги и паднипы, съ косьтей, зъ мождзей, зъ жилъ, съ пажилъ, съ сяре́дины, зъ довгаго виду. Посылаю тябе на мха, на болота, на гнянныя рѣки, на широкое поля. А тамъ стоить кельпя, а ў той кельни коровать тясовая, подушка и пярина пуховая,—тамъ табѣ, чемяръ, наспатца, належатца и ўсягды оставатца.

С. Прибытки, гом. у.

26, Церазъ мостъ, церазъ коньскую кось пошли пералоги у зямлю. Сядзѣвъ папъ на куцѣ, папя па порози, шили папу чаботы̀, папи чаровики, вынимали пералоги съ коньскія косьци у сырую зямлю. Святыя

святочки, годовыя празьнички, ходзиця ко мнѣ на помочь. Я съ словамы, Богъ зъ духамы,—якъ стало, такъ нерастало. *Вендор. вол.*

27, Уговарую вончакъ скоцини бѣлой шарсцини семъ семярей. Ишли нералоги по широкой дороги да коню ў ноги, а зъ ногъ у морду, а зъ морды у ноздры, а зъ ноздзёръ у вочи, а зъ вочей да въ вуши, а зъ вушей у голову, у мозки, и ў жилы, и ў суставы и ў кровъ; а съ крыви да ў косьци, а съ косьцей да ў скуру, а съ скуры да ў гриву, а зъ гривы да ў хвостъ, а съ хвоста доловъ. *Пуляи, гор. у.*

28, Ишла пресвятая Бугуродзица теразъ мо́ра и несла тридзевяць ключовъ у приполи, и замкнула супостатовъ у притвори. Якъ супостату ня выходзици, такъ у гэтой лошадзи ра́сой (сѣроватая) чемеру ня быци. Творецъ нябесный упрошаемъ и приступаемъ. Мы табѣ молимся, мы табѣ кланяемся; мы табѣ сограшили, и просци наши праграшенія, и заборони скоцинку гэту, кабъ яна пошла по росѣ здоровая, вяселая.

Тройчи, и со́ли у ноздри. И которая счихне—выздоровѣя. *Тетер. в.*

29, Стоиць на мори дубъ, на дуби воронъ, безъ косьцей, безъ нохцей. Якъ тому ворону не ўзлетаць, такъ гэтой скоцини не болѣць.
Церковищ. вол.

Треба кварту горѣлки разсолиць, и клею и соли горсць улиць, и скалываць иглой чулошной на храстцу, и туды горѣлки узливаць и расцираць. И развадживаць. Да скоро треба дзѣлаць, а то ў сутки помре отъ запору.

30, Идзе мора, стоиць лукоморъя; надъ тымъ лукоморъемъ стоиць дубъ; на тымъ дубѣ гнѣздо, а ў тымъ гнѣздзѣ чо́ранъ воронъ, мѣдзяная дзюбка, сярэбраныя кохци, золотое крыльля; къ коню прилята́я, чемяръ выбирая, дзюбкой раздзювбая, ко́хцями выдзирая, крыльлямъ разбивая по полю рассылая, идзѣ людзи ня ходзюць, идзѣ скоцина ня ходзя. Выходзи чемяръ зъ гривы у спинку, а съ спинки у хвостъ, кабъ бывъ конь простъ.

Надъ спиной тройчи нерашаптавъ, да за хвостъ поцягнешъ. *Венд. в.*

31, Ляцѣвъ сивый воронъ, золотая дзюбка, сярэбраны кипци, мѣдзяное крыльля. Ёнъ по полю лятая, коня разбивая, чемяръ выдзирая, по полю разношая, дзѣ пастушки́ ня загоняютца, дзѣ конюшки́ ня заводзеютца, дзѣ людзи ня ходзюць. *Тамъ же.*

32, Идзе мора, сяродъ мора стоицъ востровъ, на тымъ вострови стоицъ дубъ, на тымъ дуби сядзицъ воронъ, мѣдзяныя крыльля, сярэбраная дзюбка, золотыя кокци. Ёнъ къ скоцини прилятая, садзитца на гриву, чемяръ выбирая, зъ гривки у спинку, съ спинки у хвосцикъ, кабъ бывъ коникъ просцикъ. *Тамъ же.*

33, На мори на кіяни, на вострови на буяни стоицъ старъ дубъ, на томъ дубу дванатцацъ кокотовъ, на тыхъ кокотахъ вороново гнѣздо, у томъ гнѣздзѣ царъ воронъ сядзицъ, мѣдная дзюбка, сярэбраныя кокци, золотое крыльля. Гэтый царъ воронъ къ скоцини, къ гнѣдой шарсьцини прилятая, чемяръ, пералоги крыльлямъ выбивая, кокцями выдзирая, дзюбкой выклевая, съ щираго серца, зъ рациваго живота, съ чорныя печани (и т. д.) выгоняя: зъ головы у шію, съ шіи у спину, съ спины у хвостъ, кабъ бывъ мой конь простъ отъ чемяры, отъ пералоги. *Тамъ же.*

Также: Волосься отъ свое брудзи выражешъ и отъ коня за вухомъ, ды съ хлѣбомъ замѣшаешъ, ды даси. А *слова* нема.

34, Ёсь у свѣци Усіяньская гора; на тэй Усіяньской горѣ ляжыцъ дорожка, по тэй дорожцы бяжицъ конь (по масти больного), и сустрѣкаецъ святого Юрью. „О Господзи, святый Юрія! заберяжи и засцеряжи мяне отъ черяницы, отъ потницы и отъ животницы!“ Святый Юрья отправляецъ: бяжи „коникъ, дорогою, и сустрѣнешъ святого Миколушку,— тэй цябе засцеряжецъ и заберяжецъ отъ потницы, отъ черяницы, и отъ животницы!“ Сустрѣкаецъ святого Миколушку. Святый Миколушка отправляецъ: „бяжи, коникъ, дорогою, дорогою широкою, сустрѣнешъ святого Михайлу,—тэй цябе засцеряжецъ и заберяжецъ отъ потницы, отъ животницы и отъ черяницы, и зялѣзнымъ мечемъ рассячецъ.“ И давай Богъ помочи. Святый Цихонъ преподобный, уцишп гэту боль.

Радомлъск. в. чаусск. у.

35. На синимъ мори стоицъ дубъ на дватцацъ восемъ суковъ, на тымъ дуби сидзицъ орёлъ, на дватцацъ восемъ вочей, на дватцацъ восемъ вушей,—далёко видаецъ, далёко слыхаецъ, и рабъ божій отъ потницы и отъ чемярицы помочи даваецъ,—отъ стрѣшныя, подзивныя, приговорныя, мущиньскія, жаноцкія, дзявоцкія, хлопецкія, удовъ и ўдовинныхъ дзяцей, и съ крику и зъ глазу. Ня мы жъ приступаемъ—мацъ прячистую призываемъ и Яна хрясьцицеля Исуса Христа, и Пётру—Павлу. *Тамъ же.*

36, Чемяръ—чемярица унимись, вѣтранаа, водзянаа, и подумнаа,

выходзи зъ бѣлыя косьци, изъ русаго волоса, и идзи ты на мхи, на болоты, на ницыя лозы, дзѣ пявуны не пяюць и дзѣ людзи ня ходзюць. Тамъ вамъ курганьня—погуляньня, а надъ скоциной (по масти) нема споруганьня во вѣки вякомъ аминъ. *Городищ. в.*

37, Якъ нашаму умэрцу (брату или другому умершему родственнику) съ того свѣту не ўставаць, вина и мёду не ўспиваць, такъ табѣ, чемярь —чемярица, у горлака (у кобылы—у горлачихи (вѣкъ вѣшный не буваць. *Сватощицк. вол.*

38, Выходзиць рабъ божій Хведоръ (имя знахаря) у чистое поля на крутыя горы, призываю я чемерьнаго царя Василя, царицу Василису. Чемерьный царь Василь, царица Василиса, унимай свою чемерь у такія то скоцины,—полно табѣ скоцини мучиць нутрю, серца яго, и жилы и жовць яго, и печень пилою пилиць, и кровъ и цѣлеса мориць. А цебѣ йци на мхи на болоты, тамъ стоиць сухій дубъ, потъ тымъ дубомъ стоиць цесовая корваць, у тэй корваци пуховыя пярины и шавковыя просцири. У етой корваци цебѣ улягатца, а такой то скоциной не ўладаць. Якъ етому сухому дубу вѣтьцямъ не махаць, такъ цебѣ, чемерь, скоцину не мориць.

Соли въ ноздри всыпать, а остальную изъ заговоренной дать съѣсть съ хлѣбомъ. *Холбнян. вол.*

39, Ляцѣвъ орёлъ черязъ щирій боръ, черязъ мхи—болоты, шавковой ниткой зацягувавъ, сѣряму коню чемерь заговарювавъ, вўголемъ зачерчивавъ. Господзи поможи, Гоподзи богослови. *Городецк. вол.*

40, Морь—морица, чемерь—чемярица, красная дзявица. Заклинаю цябе Господнимъ словомъ: якъ чистъ бѣлъ камень на водзѣ, кабъ такъ стало чисто у скоцины на живоцѣ. Якъ мяртвецъ умираець и ня 'гживаѳтца, кабъ такъ и ты у лошадзи ня 'гживилась, аминъ.

Тамъ же.

41, На войстрови на Каяни бѣлъ камянь ляжиць, на томъ камяни кедрово древо стоиць. Соколъ прилятая, гнездо зьвивая, оролъ прилятая, гнездо збросая. Якъ на гэтомъ древи гнязду ня быци, на кедровомъ, такъ жа у гэтыя лошадзи, у рыжія, селязьню ня быци. Ранняю зару и вячерняю зару словомъ божжимъ Бога умоляю и селязьню умовляю. Пристань Богъ на помочь! (Хукнёшъ три разы и соли сыпнешъ у ноздри, яна чихнéць) Скачи на горў шажкомъ, подъ горў трушкомъ.

Отъ селезня; подзивпая хвороба. А шпылёкъ у гриву накидай, тогды ня зглазюць. *Тетерин. вол.*

42, Ёсь у мори коцёлъ; якъ у ёмъ дна ня вымацъ, такъ у гэтаго коня селязьня ня бывацъ. Улякайся, селязень, рассыпайся, селязень, на ўси чатыре стороны. *Черноруч. вол.*

Отъ селезня у коня—коляныя грибы будуць и пахвины твердыя.

43, Помяни Божа перваго царя Давыда и сына Соломона, и ўсю кротось яго, вѣтряного, межавого, сцѣнавого, земляного. Сизый селязенько, ляци на синее море и на лукоморье,—тамъ табѣ постогнаць и посъкиготаць, а мнѣ, доброму молойцу, на етомъ кони поѣздзиць и дзенегъ побраць. Ишла прячистая божія мацерь на сине море, на бѣлый камень съ хрястомъ жатворящимъ; и стала на бѣлъ камень и ударила хрястомъ, и стала—а чемерь пропала, аминъ.

Три разы, на водзѣ. *Романов. в.*

44, Помяни Господзи пѐрваго царя Давыда и сына Соломона и опяць царя нябеснаго. Сѣра-пера (3 р.). На синимъ мори, на бѣломъ камни пресвятая царица; яна на камни осіяла-восьвѣщала и чемерь выбирала. *Городецк. в.*

Отъ чемеру и конопель стовчешъ, посолишъ, да ў ротъ троху увольлешъ, заливаньня даёшъ.

Также: сохранъ-трава, зъ бѣлымъ цвѣтомъ, а якъ вызрѣець, дакъ будзець синя.

Отъ подвѣю (конскія суроцы) треба для *коня* у *мущины* отъ сором̀а волосовъ узяць, а для *кобылы*—отъ *бабскаго* сором̀а, и тогды моху съ угловъ, съ хаты, пакрыжъ, и жару ўзяць у черапъ, и голову накрывши, подкуривацъ, кабъ дымъ подъ морду йшовъ. И корань хвоста накрыжъ надрѣзаць и казаць: Якъ съ хвоста крыви йци, такъ гэтой лошадзи пойци. *Церков. в.*

От почечуя, выпадку.

45, Упрашую, умолюю дванатцаць царёвъ, дванатцаць королёвъ, дванатцаць монарховъ, и высылаю выпадка и почачуя па мхи, на болоты, на гнилыя колоды, дзѣ куры не ўспѣваюць и пташки не летаюць. Тамъ цябе будуць поважацъ и будуць почитаць, и добрыя мысьли мацъ; а тутъ ня будуць ни почитацъ, ни поважацъ, ни добрыя мысьли мацъ—

тутъ табѣ ня быць и ня жиць. Якъ етому суку ня 'тживаць, такъ у етаго коня выпадку и почачую ня биваць. *Городецк. в.*

Отъ крыжовника (переломъ хребетной кости).

46, На сіянь-мори стоиць дубъ, на томъ дуби дванатцаць суковъ, на тыхъ сукахъ по дванатцаць кокотовъ, на тыхъ кокотахъ по дванатцаць воронóвыхъ гняздовъ—кокци жалѣзныя, а дзюбы сяребряныя. Вороны злетайця, боль жалѣзнами кокцями выдзирайця, гóловы спинайця, сяребрянами дзюбами боль исъ скоцины вынимайця, аминъ.

Городецк. в.

Отъ вѣхи.

47, Сошлець Господзь зъ неба трёхъ ангаловъ изъ зялѣзными копачами, а чорнаго ворона съ кокцями. Ангалы копачами вычищаюць, а чорный воронъ кокцями вышкребая; ангалы шавкóвыми мятлами вымятаюць, и бурой скоцини отъ вяхи помочи даваюць.

Треба ў роти медомъ мазать, гонять, а найболи тресть, да гнесть, штобъ зь яе пошло. *С. Мхиничи чер. у.*

48, Прачистая мати приступись на помочь, а святый понядзѣлокъ на радось. Ёсь у поли три травы: первая воронéцъ, а другая вяховéцъ, а третьцяя повняхи. И сошлець Богъ зъ нябесъ трéхъ ангаловъ, трехъ апостоловъ, высылаць изь етыя скоцины изъ живоцины и обжиръ и объѣдзь. Первый ангалъ идзець, золотыя грабяльки нясéць, а другій идзець —зямчужны вѣнички нясець, а третьцій идзець—сяребреный копачикъ нясець,—и обжиръ и объѣдзь грабяльками выгребаюць, вѣничкомъ вymетаюць, копачикомъ вышкребаюць. Дай Богъ на помочь.

Д. Соболи, чер. у.

49, Святый Юръя—Ягоръя, поможитя вы мнѣ мою скотинку отратовать. Выгоняю я свою скотинку на Юръяву росинку, на шавкову травинку, теразъ синя мора, теразъ зялёно, теразъ жовто, теразъ чорно. Добрую, моя скотинка, траву зьядай, а поганую вяху подъ ноги подбивай, и на мяне ходяйку ня забывай.

Предохранительный; говорится при первомъ выгонѣ скота, на Юрьеву росу. *Кошелево.*

50, На синямъ моры, на зяленомъ, стоить дубъ на дванатцать кокотовъ, у тыхъ кокотахъ гнядо, у тымъ гнядѣ сядить чоранъ воронъ,

безъ косьтей, безъ можджей, бязъ жилъ, бязъ пáжилъ, бязъ усякихъ животовъ,—вяху съ коровы дюбкой выдàвбюя, киптямъ вышкрабуя, а крыльлямъ вымàтуя. *Тамъ-же.*

51, Теразъ синее мора, теразъ зеляное, теразъ жовтое, шовъ Сусъ Христосъ, золотой тростиной попирався, за горачая зялѣзо хапався. Якъ того горачаго зялѣза ня схапити, прошу Господа Бога, Юръя-Ягоръя, корови вяхой ня ўрадити.

Тройчи; дать воды, ти хлѣба. Сотни коровъ отратовала,—усякій вѣдая. *Тамъ-же.*

52, Господи, на поли стоить дубъ, на дуби дванатцать кокотовъ, на кокотахъ дванатцать янгалій. Прошу я васъ, птицы—янгали, повымятáть, повышкрабáть вяху зъ рыжаго вола, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочъ, зъ рыжаго мяса, съ широкія кости, зъ жилъ, съ пажилъ, съ киндюховъ, съ трабуховъ, на гразь побросать, киптями попорвать. Якъ гразь чорна, такъ штобъ и *ёнъ* счарнѣвъ, и схлявъ, и счахъ. *Рогач. у.*

Отъ вяхи гурокъ даютъ солóный зъ мéдомъ; мочи своè даютъ, а говорокъ няма нцякихъ отъ вяхи. *Дятловичи, гом. у.*

Надо на молодику языка кончикъ обрызать знизу и пошаптать: Святая прачиста матаръ божа, стань ты мнѣ на помочъ, подыми ету скотину, шобъ сычасъ спавъ зь яе стый вопухъ. *Тамъ-же.*

Отъ проносу треба дзевять-дзевяць каплявъ воды съ ожара спусьциць теразъ стогъ, и даси пиць. *Черик. у.*

Рабиново лисьця ци ягоды стовчи, да съ алеемъ ци съ сароквашай даваць. Лучалося кольки разъ,—лѣпшая.

Якъ сусимъ ногды корова хворѣя, дакъ бобовниковъ корань, пижму, чарнобыль, яирово кореньня, мурáшакъ топлю, да пиць даю. Дрожджей можно даць выпиць, якъ волносьци нема, боки распирая. *Церковищ. вол.*

Отъ вяхи сыроводку даюць, кислое молоко, и прокалўюць мижъ реберъ. Якъ проколешъ, духъ тэй выйдзя, и ўстаня. *Круглое.*

Отъ кровотеченія изъ сосокъ у коровы.

53, Прачистая моя мати, ходи хомовку доглядати. Зялѣзными тынами

обгороджуся, мѣдными замками замкнуся. Святая Покрова, мамка Христова, закрый своёй рызой золотой отъ поганыхъ рачей, отъ поганыхъ вочей, отъ усякаго гаду, отъ усякаго упадку, закрый, заступи.

С. Поповка, гом. у.

При потерѣ жвачки.

54, Господу Богу помолюся и ўсимъ матарамъ приклонюся; святая мати кіявская, почаявская, русалимская, троярушная, хвядоричацкая, ягоровская,—высылай своихъ пошлиныхъ икъ стой корови на помочъ, выговаравати, и духомъ своимъ выдымати изъ естыя съ коровы, павучйное й вяшиное, изъ горачія крыви, исъ щираго сэрца, исъ кишакъ, исъ трабухо̂въ, изъ ножакъ, изъ вушакъ, изъ золотой шерсти.

С. Кр. Буда, гом. у.

55, Святаа мати хвядоричацкаа, высылайтя своихъ пошлиныхъ къ чорной скотини на помочъ; перваа кости сустанавливаа, а другаа жваку укладаа, а трэтьтяа боль унимаа. Цуръ яму, скотину-животину отъ усякаго няподобнаго. *С. Круговецъ, гом. у.*

И покласти у ротъ хлѣбяцъ за щеляпи.

Смѣшать хлѣбъ, соль и вехоть и дать коровѣ. *Вендорож. в.*

Дать здоровой коровѣ хлѣба и когда она начнетъ жевать, взять часть изо рта и дать больной съ словами: Красная корова, просиць у цябе бѣлая (больная) товаришка жваки. *Толпеч. в.*

Отъ червей.

Треба выйти на линію (просѣку въ лѣсу), знайти камянь и подышовши къ бульнячини, пригнуть яé къ зямлѣ и покласть на макушку камянь, а тогды шаптать:

56, Бульнякъ-бульнячина, бѣлая на табѣ цвятина,—загну тябе, заломлю тябе, покуля у моёй скотины, чорной шарстины, черви повысыпаютца; а тогды разогну тябе, отломлю тябе. *С. Корма, гом. у.*

На лыко отъ ветчины навяжашъ треску зъ дзюркой отъ сучка да на шію и почепишъ. Это же средство и отъ слюнотеченія у ребенка.

57, Ишовъ самъ Господзь Богъ Исусъ Христосъ долиною солянóю, и зъ нимъ ишло два первовярховныя апостолы Пётра й Павялъ, нясьли

кусокъ мяса, у етымъ мяси дванатцаць червяковъ,—дванатцатый червякъ изъ раны выпадзь! *Вендор. в.*

И промыць соленой водой.

58, На мори на лукоморьи ляжиць бѣлый камень, а на томъ камяни чоренъ воронъ. „Чоренъ воронъ, ци много ў цябе чарвей?"—Дзевяць; а зъ дзевяци восемъ, а зъ восьми семъ, а съ сями шесь, а съ шасьци пяць, а съ пяци чатыре, а съ чатырёхъ три, а съ трёхъ два, а зъ двухъ одзинъ, а съ одного нигбднаго. *Пугляи, гор. у.*

Скрозь вороты процяпуць лыко черазъ сукъ три разы, дзѣ выпавъ сукъ зъ доски, и на томъ лыку три узельчики завязаць да й на шію повѣсиць: „Якъ етый сукъ выскочивъ, штобъ такъ и черви высыпались."

М. Дубровна.

59, Якъ па мори на лукоморьи тамъ ляжиць бѣлъ камень, потъ тымъ камнямъ ляжиць гнилая колода, па той колодзи чорный чарвякъ, съ чорною головою. Чорный чарвякъ, выгоняй своихъ чарвей зъ рябыя коровки, кабъ яны цѣла не точили, серца ня сушили и яѐ не нудзили, -не пущай ва́ду. Сошлю я на цябе грозную тучу, буду я цябе биць, драць и наказаваць полѣньнямъ и каменьнямъ.

На хлѣбѣ, и дать ѣсть. *С. Городецъ, чауск. у.*

60, На мори на лукоморьи бѣлъ камянь, потъ тымъ камнямъ гнилая колода, потъ той колодой червякъ бѣлый, черноголовый, надъ усими ёнъ червями бо́льшій, старшій. Червякъ бѣлый, унимай зъ етыя скоцины червей, кабъ яны скоцины косьци не ломили и серца не нудзили. А то я цябе буду судзиць и наказываць, нашлю на цябе тучу грозную, горячую воду, жаркое каменьня. *Д. Нов. Прибужье, чаус. у.*

При целеньи.

61, Упрашаю, умоляю Господа Бога Исуса Христа и Сына Божаго, и мацъ Божію тріярушницу, и ўсихъ святыхъ преподобничковъ кіявскихъ, пячерьскихъ, Антонія и Өядосія, и Цихона Господняго преподобничка, скораго помошничка,—поможиця коровцы габиноццы, опрястай яѐ Господзи, пусьци яѐ па етый свѣтъ, па будущій вѣкъ, на Юрьяву рясу̂, на сырую зямлю, па зялёну тряву. *Городецк. в.*

ДОПОЛНЕНІЕ.

(Матеріалы, собранные во время печатанія выпуска).

Отъ хлѣвника.

1, Упрошаю ходзяина домового, полявого, выгоннаго, межавого, и самаго стаͬршаго, старшо́го—Дзяменьція Дзяменьцевича и цябе, Кляменьцій Кляменьцевичъ, и цябе, Хвёдоръ Хвёдоровичъ, и цябе, Аграсимъ Аграсимовичъ! Прошу я васъ, не оставця насъ, любуйця раба божаго моихъ коній, и милуйця, и прилядайця, якъ сами знаеця. Прошу васъ, не оставця насъ.

У чатыре стороны по три разы поклонитца у хлѣви, до зямли. И за нуждой кабъ, хронь-Божа, нихто у хлѣвъ не ходзивъ, ни свой, ни чужій.

Любав. в. мст. у.

Отъ нечистой силы, нарядки и т. д.

2, Помяни Господзи царя Давыда и ўсю кротось яго и вяликую памяць яго. Судзержавъ царь Давыдъ воду и зямлю и наши грѣшныя души, судзержай жа нарядошную болѣзнь съ такого то раба божаго. Михайла архангелъ, богатырь нябесный, побивавъ ёнъ уражу силу зъ нябёсъ на сыру зямлю, кабъ такъ побивъ уражу силу съ такого то чаловѣка. Святый Ягорій-бѣдоносецъ и святый Миколушка-чудотворецъ, и Спасицель и божжая мацерь,—такъ, якъ вы преждзе помогали и нячистую силу выбивали, и пользу давали, та́къ кабъ изъ естаго чаловѣка нячистую силу побили. Помилуй мя, Божа, и т. д.

Три разы на водзѣ; тоды на лѣвый бокъ дунешъ и три разы плюнешъ. А ў воду наскрябешъ 12 хрястовъ ирданьскихъ, што во крейдой пишуць на Хрященьня.

Монаст. в.

3, Першимъ разомъ, добрымъ часомъ. Благослови Господзи, стаць Господзи на помочь, прячистая на радось. Пресвятое Стрѣчаньнійко Христовое, помилуй Господзи отъ'сякія нещастныя стрѣчи, отъ'сякаго поганаго языка, отъ ненавистнаго глаза, почутаго, повиджанаго, погаданаго, радостнаго, жалостнаго. И хто раба божаго человѣка осурочивъ, соль тому въ вочи, тряскучее полѣно у колѣно, штобъ трящѣло и болѣло. Якъ на мори Кіянскомъ, на горѣ на Сіяньской, ранняя заря, вячерняя заря, Абрамя, Хра́мя Ляксѣевичъ, и ты, Марья Хвёдоровна, упрошаю васъ, умоляю, не самъ собою—кровъю своёю, прошу васъ на хлѣбъ, на соль, изъ жаной, изъ дѣтками. Луче, Луче, (отъ гл. лучатца) отдай наши притчи, кабъ раба божаго етаго человѣка суроцы не брали, музькія,

женьскія, дзявоцкія, ребяцкія, подзивныя, приговорныя, подумныя, погаданныя, пошныя, дзянныя, вѣтряныя,—унимися, уцишися, уляшися. Якъ камню на корени не стояци, вѣтьцемъ не махаци, такъ у раба божаго етаго человѣка боли не болѣци, не ломици, не колоци, не пороци, по сей часъ, по сѣю годзину, по сею часину, покуль я не говоривъ. Не я жъ цябе родзивъ, я рабъ божіи етаго человѣка отъ суроцы, отъ притчи отходзивъ. Мой душокъ цихонекъ, лягонекъ.

Перяксцитца и плюнуць назадъ. Тройчи на водзѣ. На худый часъ лучитца—не поможець, а на добрый помогаець. *Соинск. в.*

4, Перяксцитца и свѣчку запалиць... Водзица царица, красная дзявица, нябесная пелясница, божая стошница и морська пожарница,—посылаетца и помогаетца рабу божаму, и порчь выгоняетца, изъ русаго волоса, изъ бумажнаго цѣла, рециваго серца, съ усихъ жилъ, съ усихъ пажилъ, со усихъ силъ. Стань Господзи на помочь, мацъ прячистая на пособу, ангалы на радось, уси святыя угодники божія на помочь. Святый Юрій-Ягорій и Микола-скорый помошникъ, и Михайла-нябесный войвода, соскочи зъ вышняго неба, сталянымъ мечамъ заколи вѣдзьму, роджаную и навучоную; которая ззадзи догоняець, тую заколи, и которая напередъ забѣгаець, тую заколи, и которая збоку заглидаець, тую заколи,—рабу божаму позволь жиць на бѣломъ свѣци и у корысьци, у радосьци, у добромъ здоровъи.—Тройчи. *Хотъслав. в.*

Кабъ за столомъ вѣдьмакъ не нарядзивъ:

5, Оружи мяне Господзи божимъ словомъ и святымъ духомъ (3 р.) Оружіе отъ Господа Бога на дзіявола шкреннаго (3 р.) Господзи, унясн мяне у сей домъ съ оружіемъ, зъ Господомъ Богомъ Исусомъ Христомъ и божай матарей (3 р.) *Тамъ же.*

6, Взять хлѣбный мякишъ и имъ выкатать больному голову, грудь, руки и ноги, говоря:

„Выкачую, выговарюю притчу урошную, приговорную, музькую, женьскую, стрѣшную и попярешную, завистную и радостную, зъ буйныя головы, зъ румянаго лица, съ косьцей, зъ можчей, съ печаней, зъ леганей, изъ рециваго серца, зъ бѣлыхъ рукъ, зъ борздыхъ ногъ, не сама собой, прячистыми словами."

Потомъ, въ полночь, когда не слышно ни одного звука, отнести этотъ хлѣбъ на ростаньки, стать тамъ, заложить руки на спину,—кабъ не перяксцитца—и по три раза на переднюю и боковыя дороги поклониться до

земли и сказать три раза: „Святъ Доброхотъ, хлѣбъ—соль прими, а раба божаго просьци!“

И на переднюю дорогу хлѣбъ положить въ чистой тряпочкѣ.

М. Монастырщина.

7, Господу Богу помолюся, маци прачистой поклонюся. Не самъ собою, Господзь со мною. Прачиста мамочка, стань намъ на помочь. Становлю раба божаго на сяребринымъ кругу, на золотомъ мосту, (обвести снуркомъ или ниткой кругъ). Мацъ прачистая шавковыя шнуры чипаецъ, шавковыми шнурами обводзицъ, напередзи жаркое сонца становицъ, золотымъ хрестомъ побиваецъ, нячистую силу отбиваецъ. И святый Михайля арханя, сталянымъ копъёмъ побиваешъ, нячистую силу отбиваешъ. Самъ Господзь Сусъ Христосъ святымъ духомъ дыхаецъ, нячистую силу згоняецъ.

Три разы. *Мошевск. в.*

8, Прошу я васъ, Адамя, съ отцами, зъ дзицями, кабъ вы ласковы былй, мою хлѣбъ—соль прининялй, и молитву приняли и рабу божаму етому помочи дали. Выговарюю я раба божаго при ясныхъ заряхъ, при цёмныхъ лѣсахъ, при быстрыхъ рѣкахъ, при торныхъ шляхахъ.

Надъ хлѣбомъ сольлю и водою. Сложа руки, „три разы по дзевяць переказацъ.“ Затѣмъ отнести Доброхоту, подобно № 6. *Тамъ же.*

9, Господзи Божа богослови, поможи Сусъ Христосъ, мацерь Божая, духъ святый, тройца святая. Дзень добрый, Хозяинъ частный, лясный и домовый, и водзяный, и ты, Косьцянъ и Кучйнъ, и Кучубà, и Лёна, и Ева. Я жъ васъ усихъ упрошаю, столы наставляю, скацерсцими засцилаю, хлѣбъ—соль покладаю, мёдъ и вино у кубки наливаю, кабъ отъ мяне, Петрока (имя знахаря), словасы принимали, свою яросцъ унимали съ такого то раба человѣка, зъ буйныя головы, изъ румянаго лица, съ чорныхъ бровей, зъ ясныхъ вочэй, изъ нутрей, исъ печаней, изъ жилъ, исъ пажилъ, съ суставъ, съ полусуставъ.

Ето къ живымъ къ *имъ*. А на ростаньки—дакъ къ святымъ къ *имъ*, къ мертвымъ, Дакъ тò страшно. *Самотейв. в.*

10, Освѣщаетца рабъ божій жаркимъ сонцамъ, ограждаетца яснымъ мѣсяцамъ, осыпаетца частыми звѣздами. И *Хозяинъ*, услышъ молитвы моé, ослобони такого то человѣка отъ усякія нужды, боли, печали. Святый Юрій, святый Микола чудотворецъ, уси апостолы Господнія, пособиця мнѣ и поможиця! *С. Братьковичи.*

11, Заря зарю занимаець, свѣту—сонца бажаець, пресвятая Бугуродзица ангаловъ ожидаецъ. Ангали моѐ хранацели, збавця раба божаго отъ нячистыя силы, отъ тридзевяць колдуновъ, отъ три дзевяць вѣдуновъ и вѣдуньневъ, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ уражескія силы, отъ нячистаго духа, отъ вѣдзьмы—чародѣйницы. Огородзи яго, Господзи, каменною сцяною и накрый яго, Господзи, горячую ско'родою, подмосьци яму Господзи, зялѣзную доскою. Тоды яго вѣдзьма—чародзѣйница имѐць, якъ каменную сцяну илбомъ пробъѐць, горячую ско'роду языкомъ пролижець, зялѣзную доску ногою проломиць. На горѣ Восіяньской стоиць царь—церкувъ, у тэй церкви престолы стояць, ютрени успѣваюць, службы совершаюць, проскомидыи вынимаюць, харуимъ воспѣваюць. Свято—Михайло на престоли стоиць, видзиць ёнъ насъ праведникувъ и ябедникувъ и нагоницелевъ, и вѣдзьмовъ—чародзѣйницувъ; и разбиваець вяликую громо́ю, пякучую молоньнёю, калянную скалою, богатырськимъ конёмъ, булатнымъ ножомъ. Освяци Господзи сію воду на ўсякимъ часи, на ўсякой годзини!

Дунуть на воду и плюнуть назадъ. *Тамъ же.*

12, Становлюся я раба божія и заговарююся и замовляюся отъ чаровника. Становлюся на мѣдзяныМЪ тазу, закрываюся золотымъ тазомъ, обгорадживаюся зялѣзнымъ тыномъ, замыкаюся тридзевяць замками, тридзевяць ключами, и заговарююся и замовляюся отъ чаровника и отъ чаровницы, и 'тъ разлучника и отъ разлучницы. Положу я тэя ключи у божжимъ храми на престоли;—нехай етыя моѐ ключи лежаць нярушимо на престоли у божжимъ храми. Ляжиць бѣлый камень на горѣ Сіяньской. Якъ того бѣлаго каменя злый урагъ ня ўгрызнѐць,—и раба божжаго злымъ помысломъ своимъ ни во вѣки вѣковъ ня ўвоймець, и на ето ўремя и на ўсякій часъ. Аминъ, аминъ, аминъ.

Преимущественно подвѣнечный. *С. Лобановка.*

13, На мори на сіяни, на рѣцѣ Ирдани, стояць три дзявицы Лукомирицы; яны стояць и Богу молютца, Бога просюць и молюць, и водзицу собираюць, и чаловѣку на помочь отдаваюць. И просимъ мы Хозяина лѣсового и полявого, и домового,—поможи рабу божаму отъ притки раннія и полўдзенныя, и вячернія и полунощныя, и зъ буйной головы, зъ ясныхъ вочъ, зъ румянаго лица, зъ горючей крыви, зъ буйной косьци, и 'тъ жилъ и 'тъ суставъ, отъ чорнаго печеня, отъ бѣлаго легаля.

Клим. у.

14, Господзи Божа богослови рабу божаму водзицу брацъ. На мори

на Сіяни, на горѣ Кіяни, стоиць цэрьква. Нихто у тэй цэркви не бываець, окрымѝ Михаила архангала—листрапія господняго. Посярёдъ яе стоиць престолъ, на томъ престоли по чатыре краи ляжиць чатыре хрясты; посярёдъ яго ляжиць пашанишная проскура, гориць ярая свѣча, ляжиць книга—вангалія. Михаила—архангалъ на 'бѣдню становитца, книгу вангалію читаець, вѣдзьмаковъ заклинаець: што вы задумали, загадали, то ваша дзѣло не придзетца: якъ вамъ на ўсимъ свѣци росы ня биць и травы не топтаць, и ўсяго свѣту не злетаць, и на ўсимъ свѣци хлѣба не пожираць, и ў мори воды не попиць, и ў мори глыбины не достаць, и 'тъ моря до неба вышины не сознаць, и на неби звѣздъ не переличиць, выше мѣсика не ходзиць, и жаркаго сонца не зняць, и господнія колясницы не повярнуць, и ў етой цэркви ня быць, кыло престола не ходзиць, и хрясцей не цулуваць, и пашанишной проскуры не зьѣдаць, и ярыя свячи не гасиць и книги—вангалія не читаць,—такъ жа вамъ вѣдзьмаки—чародзѣйники, и навучѐныя и народжоныя, и хромыя и сляпыя, и бяззубыя и сухорукія, и кривоногія,—такъ жа вамъ не звѣдзьмуваць, не счаруваць раба божаго. Якъ стоиць Господзь Богъ на духу и господнія колясница, такъ жа стань рабу божаму серца на стану̀. Святыя кіявськія Антопій—Хвядосій, прошу васъ на помочь къ сабѣ. Святыя ангалы, станьця на право пллчо и на лѣво, услышиця молитву мою и доняспця Господу Богу. *Тамъ же.*

15, Святый Господзи Божа богослови на ўси чатыре стороны. Добры̀—дзень, водзица царица, морськая ключавица! Выходзила вода съ крутого берега́, исъ синяго моря, исъ жовтаго каменьня и сырого кореньня, исъ—подъ лотры—каменя. Тый камень разгорѣвся, со дна и до неба волна подпилася. *Яны* уцекали, убѣгали, лицо яго ня возрили. И на горѣ на Сіяни, на мори на кіяни, стоиць прястолъ; за тымъ прястоломъ Яхимій, Пахомій и Цихонъ преподобный. Откуль узявся святый Юрій—Ягорій храбрый на бѣломъ кони, и съ золотымъ копъёмъ, войстрою мечью. Яны престолъ заберегали, напитки вапивали и волну сокрушали. И отговарюю я не самъ собою, раннею, вячернею зарею отъ притчи и отъ попритчи, отъ мужнихъ и отъ жѐннихъ, отъ жалосныхъ, отъ радосныхъ, дзянныя, полудзенныя, ношныя, полуношныя, ци само найдзено, ци вѣтромъ напущено. Святый Господзи Божа благослови на ўси на чатыре стороны! Три цари грозныя, а три браты родныя: одзинъ полявый, а другей домовый, а третьцій лѣсовый,—вокряпили зямлю, вокряпиця раба божаго, русаго волоса. Сусъ Христосъ, мацъ прячистая, станьця на помочь! *Хотовьжск. вол.*

16, На сіяни-мори и на лукоморьи стоиць дубъ, безъ кореня, и безъ кокота̀, и безъ вярхушки; и прилетаець къ тому дубу и къ рабу божаму Ивану (больному) воронъ-орламъ, зъ зялѣзною дзюбкой, дроцяное кокотьця, шерсцяное крыльля, дроцяный хвостъ. Эй ты, воронъ-орламъ, зялѣзная дзюбка, дроцяное кокотьця, шерсцяное крыльля и дроцяный хвостъ! Дзюбкую выбивай, ету боль кокцями выдзирай, крыльлями выцирай, хвостомъ забирай на своё рябое перья, зъ головы въ шію, съ шіи у спину, съ спины ў ноги, зъ ногъ у палцы, съ палцовъ у кокци. И няси ты ету боль на сине море; на синимъ мори бѣлый камень ляжиць, ёнъ травою не заростаець и росою не западаець, травки не зъядаець, росы не спиваець; разби ету боль на томъ камяни, кабъ ина не болѣла и не шумѣла и ня трыгалась. Воронъ-орламъ, не послухаешъ моé прозьбы и мойго приказу, ня вышлешъ етой боли, не разобъешъ на етомъ камяни, тоды будзець ѣхаць святый Михаилъ-архаилъ зъ вяликою грозою и съ своёю мячòю: будзець цябе сѣчь и рубиць, и по полю попелъ разодмець.

Лобанов. в.

17, Господзи Божа богослови, святая маць прячистая поможи. Выговарюю я ету болѣзню-нарядку, отъ усякаго злого прихватку. Будземъ отъ етыя болѣзни зоричками ограждатца, мѣсичкомъ освѣщатца. Ангали-хранипели, храниця ету душу и ў дни и ў ночи, и во ўсякомъ божимъ мѣсци. У чистыхъ поляхъ и ў зялёныхъ лугахъ тамъ столы засциланыя, кубы наливаныя, вотъ тамъ табѣ гуляць и буяць, а раба божаго не чепáць. Черезъ святую сыботу, маць-рѣкў, давала маци прячистая рукў, отъ усихъ злыхъ отъ чаровниковъ и чаровницъ. Ѐсь на сіяньскомъ мори, узлукоморьи, выспа, на той высни стоиць дубъ, на дванатцаць кокотовъ. На томъ дуби зви сабѣ, чорный воронъ, гняздо, и живи-проживай, и свой злый ядъ вынимай. А ня будзешъ свойго злого яду вынимаць, будзець цябе Господзь Богъ наказуваць вяликими грозами, вяликими хмарами и вяликими пярунами.

Тамъ-же.

18, Добры̀-дзень табѣ, водзица, прекрасная дзявица! Цячѐшъ ты, процекаешъ, мышъ, вымываешъ сырое кореньня, бѣлое каменьня,—вымый зъ раба божаго (больного) вутча, притча, зъ яго косьцей, полукосьцей, зъ жилъ и съ пажилъ, зъ нутряного живота, сэрца творящаго, цёплаго мяса, зъ горючай крыви, зъ жовтаго мозку, отъ вутча, отъ притча, отъ урошнаго, отъ наноснаго, отъ вѣтрявого, отъ годзиннаго, отъ подзивнаго. И ссалаю, збавляю, вутча-притча отъ раба божаго я не самъ собою—Господомъ Богомъ Исусомъ Христомъ, Михайломъ арханіемъ, страсскимъ вяликимъ судьдзёю праведнымъ, аминъ. *Д. Артюхи, клим. у.*

Родимецъ, падучая и т. д.

19. Треба у повночь, кабъ нихто ня чувъ, сходзиць у баню зъ двумя суднами: одно, бо́льшое, поставиць подъ печкою, а другимъ на печку лиць воду ды говориць:

Михайла архангалъ, богатырь нябесный! Якъ собивавъ уражжію силу сы нябёсъ на сыру зямлю, такъ поби уражжію силу зъ раба божжаго!

Три разы переговѐритца, и ўсё. А коли хто почуець, тоды рады ня будзець. *Монаст. в.*

20. Славная водзица царица, съ сто Ирдань! Идзешъ стоки на востоки, изъ моря̀ на мо̀ря, изъ луки на луку, исъ травы на траву; и перемываешъ ты жовтыя пяски и крутыя беряжки, и обмываешъ сырое кореньня, и обмый раба божаго молодзенцово похождэньня, отъ туровъ стрѣшныхъ и попярешныхъ, и зъ боку находзящихъ, и 'трыгачевнаго и 'тъ черадэвнаго, и отъ стараго, и отъ молодого, и 'тъ удовы молодзицы, и 'тъ красныя дзявицы. Во́ имя'тца—худое во́йметца. *Хотьслав. в.*

21. Господзи Божа богослови, святая маць прячиста поможи. Выговариваю я ету болѣзню и дванатцаць цырико̀въ, и придумныхъ и придзивныхъ, и приговорныхъ, жаноцкыхъ, дзявоцкыхъ, хлопецкыхъ и мурчиньскыхъ. Цырикѝ, цырычочки, господнія помошничочки,—выходзицця исъ косьцей, изъ можжей, изъ щирыхъ печаней, изъ ясныхъ вочей, съ чорныхъ бровъ. Цырики, цырычочки, господнія помошничочки, и ня тутъ вамъ гуляць, и ня тутъ вамъ буяць, и раба божаго не чепаць: ёсь у чистыхъ поляхъ и ў зялёныхъ лугахъ столы засциланыя и кубы наливаныя,—вотъ тамъ вамъ гуляць, и тамъ вамъ буяць, и раба божаго не чепаць. *Лобанов. в.*

Отъ чумы.

22. Чума-чумища, вѣдьма-вѣдьмища, сука-сукища, пойди ты на мхи, на болоты, на сухой лѣсъ, на чертову люльку, отъ раба божія (больного), отъ его желтой кости и красной крови. Хухъ, святый духъ!

Сообщ. г. Комаровскій, по старымъ спискамъ *с. Надѣйковичъ.*

Отъ залома.

23. Господзи Божа благослови, пособи мнѣ етый вяпокъ вырвацъ. (Скрутить заломъ и наступить па него). Иду я по Юрьевой росѣ, по

зямчужной травѣ, Юрьевою росою умываюся, молебную скацерсцю уцираюся, и пойду у цэрькву—соборъ. У томъ собори стоиць гробъ, у томъ гробу ляжиць мяртвецъ, у того мертвеца зынямѣли яго зубы и цѣло. Хто етый заломъ заломивъ, зынямѣй яго цѣло и кровъ на вѣки вякомъ, и аминъ яму!

Тоды яго, етый заломъ, во́зьмешъ и ўвы ржавиньня увопрешъ и ко́ломъ осиновымъ забъешъ, а тоды раськепишъ яго и раскинешъ на о̆би стороны. *Соинская в.*

Отъ вѣдьмы, когда молоко у коровы отнято.

24, Не сама я собой, зъ Господомъ Богомъ, съ сяньнишнимъ днёмъ, святымъ чецьвярьгомъ. Уговарюю, умовляю, у Господа Бога милосьци упрошаю, святого Михаила архангала на помочь призываю, етой скоцини, рыжай шарсьцини, помочи даваю отъ молошника и ’тъ молошницы. На горѣ Сіяньской, на водзѣ Арданьской стоиць золотый номастырь, на томъ номастыри тридзевяць угловъ, тридзевяць було́въ, т. д. воконъ, т. д. дзьвярей и т. д. шнуровъ; на тыхъ шнурахъ стоиць сивый коникъ, на томъ сивомъ конику сядзиць святый Михайла архангалъ, у святымъ мѣсьци, у золотымъ кресьли, книгу-вангилю читаець, хирунмы усьпѣваюць, у Господа Бога милосьци упрошаець, етой скоцини, рыжай шарсьцини, помочи даваець, молоко къ ёй присылаець, и на вѣки вяковъ яе ядро сустановляець, отъ молошника, отъ молошницы укрываець, своёю пелянёю, житворящую ризою на вѣки вяковъ. И сярёдъ того номастыря стоиць золотый престолъ, за тымъ престоломъ самъ Сусъ Христосъ, маци прячистая, сами съ собою размовляли, у Господа Бога милосьци упрошали, зъ золотого кубка у кубокъ вино переливали, и етой скоцини, р. ш., помочи давали, молоко къ ёй присылали, и яѐ ядро на вѣки вяковъ сустановляли, отъ молошника, отъ молошницы укрывали, отъ погибшаго вока, отъ нещастнаго языку, своёю пелянёю, житворящую ризою. Перядъ ими стоиць гора мясная, свѣча золотая, перядъ ими стоиць золотый ясенъ, усяму свѣту красенъ, бѣлая бярёза, усяму свѣту пригожа; съ-подъ тыѐ бярёзы процекала криница, у той криницы тридзевяць вугловъ, тридзевяць ключовъ. И ету водзицу царицу уси православныя хрисьцяне брали, у Господа Бога милосьци упрошали и ету скоцину, р. ш., вымя подмывали, и пиць ёй давали, и прымижъ рожакъ ёй мочили, и крыжамъ хрясьцили, и Господа Бога просили-упрошали, етой скоцини помочи давали, и молоко ёй присылали, и на вѣки вяковъ ёй ядро сустановляли. Пѐрунъ бъёць, молоньня палиць, молошника и молошницу отъ етой ско-

цины, р. ш., за дванатцаць сажневъ откидаець, и своимъ войстрымъ копъёмъ наскрозь ёй жилы—пажилы пробиваець, и на дванатцаць поколѣній молошника и молошницы кровъ заклинаець.

С. Лобановка, чер. у.

25, Господзи Сусъ Христосъ, сынъ божій, помилуй насъ грѣшныхъ. Царь Давыдъ, скряпивъ небо и зямлю, зори и ясный мѣсяцъ, скряпи, Господзи, мою прозьбу. Лягу я познѐнько, устану я раненько и умыюсь бяленько, помолюсь Богу вярненько, и выйду я на крутую гору̀, гляну я подъ жаркое сонца, на сине-мо́ря, на лукоморья, ажно идзець прячиста.мацъ по синимъ мори, идзець, у рукахъ кропи́лца нясець, у синеморя макаець и коровку подмываець, отъ усякія чародзѣйницы, которая молоки отбираець. Идзець ина по синю морю къ калиновому мосту̀—мостъ калиновый, а стовбы малиновыя. Ли калинова мо́сту стоиць кустъ ракитовый; у томъ ку̀сьци тая самая чародзѣйница, которая молоки отбираець. И ѣдзець по калиновомъ мосту святый Ягорій съ копъёмъ, войстрымъ мячомъ: выходзи ты, нячистая сила, зъ ракитова ку̀сту на калиновый мостъ,—войстрымъ ме́чамъ буду цябе сѣчь-рубаць, копъёмъ пробиваць, твою кровъ разливаць: отдавай молоко красной корови.

На водѣ три раза; помыть корову „подъ-шерсть“ и дать выпить.

С. Старое, мст. у.

Отъ уроку, глаза и т. д.

26, На синимъ мори бѣлый камень ляжиць, на бѣломъ камни двѣ бабки живуць, яны ни шъюць, ни вашаваюць, отъ суроцы помочи даваюць. Дай Божа на помочь! *М. Хотъславичи.*

27, Помяни Господзи царя Давыда и у̀сю кротось яго и вяликую памяць яго. Судзержавъ царь Давыдъ воду и зямлю и наши грѣшныя души, судзержай раба божаго уроцы. Здрастуй, водзица царица, красная дзявица, рѣка (такая-то). Кацилася водзица по днямъ, по ночамъ и вячернимъ зарямъ, змывала водзица бѣлое каменьня, сѣрое кореньня, змый жа, водзица, уроцы рабу Ивану, зъ жилъ, съ пажилокъ, съ косьцей, зъ мозжей, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочъ. На синимъ мори, на лукоморьи, на вострови, стоиць дубъ, безъ сучковъ, безъ рожковъ, безъ вярхушки, безъ макушки. На томъ дубу сядзиць ястребъ безъ кокцей, безъ нокцей и войстраго носа, и быйстраго крыльля. И якъ у етаго ястреба нема ни кокцей, ни нокцей, ни носа, ни крыльля, кабъ такъ у раба Ивана уроцы

не було [1]) А нехай уроцы хуваютца на мхи—на болоты и ў гнилэя колоды. Тамъ имъ гуляньня-буяньня, а раба Ивана не чепаць.

Три разы. *Монаст. в. мстисл. в.*

[1]) Вар. Якъ етому чорному ворону безъ нохцей, безъ кохцей, безъ ясныхъ вочъ, безъ крыльля по лугамъ не летаць, шавковыя травы не зьѣдаць, такъ у раба человѣка уроцы не бываць. *Любав. в.*

28, Господъ Богъ скрёсъ, ураги разойдутца, отъ лица отходзюць. Высылаю я васъ, вымовляю, уроцы подумныя, повумныя, женьскія, музькія, дзявоцкія, вуношныя, полуношныя, и ранныя и вячернія. Идзиця вы, уроцы, на синее мôря, на поганыя озёры, тамъ жа вы будзьця, тамъ вы пробывайця, свой вôнухъ пускайця, а раба не чепайця, будзець ёнъ васъ проклинаць, Господа Бога упрошаць, и святого Петра, и святого Покровà, и святого Рожствà. *Любав. в. мст. у.*

29, Господзи Божа богослови. Святая маць прячистая, якъ Суса Христа спорядзила, такъ раба (имя) богословила и отъ суроцъ боронила. Заря заряница, вяликая помошница, отъ усякихъ уроцъ раба борони. Выговариваю уроцы не самъ собою, Господнимъ богословенствомъ, живымъ Господомъ и исцинныимъ, во имя Тройцы и святого духа; и высылаю уроцы у сине-мôря, у жовты пяски, съ косьцей, зъ мосьцей, изъ жилъ, исъ пажилокъ, съ суставъ, съ полуставъ, аминъ.

Бохотск. в. мст. у.

30, Господзи Божа благослови, Господзи Божа поможи, и просьци мнѣ рабу божжаму грѣшному и услышъ моленіе моё, и пособи рабу божжаму (больному). Добрыдзень табѣ, водзица царица, прекрасная дзявица, морськая крыница! Ишла ты съ-подъ крутыхъ горъ, съ-подъ ясныхъ зорь, тонкими жилами, морськими силами, подмывала ты крутыя беряги, мыла ты жовтыя пяски, [умывала ты сырое коречьня, бѣлое каменьня, колоды валяныя, шôвкову траву,—ну прошу цябе, водзица царица, не самъ собою, прячистою святою, обмый жа ты у раба божаго усю зь яго болѣзь, и колющую и горющую, и ломущую, и родзимую, и подзивную, и попришную, и урошную, и горющую, и приговорную, и вѣтрявую, и минутную, и часинную, и заришную, и повдзённую, и вячернюю, и повношную: и ўмывай съ усихъ зь яго съ печаней, зъ лежаней, зъ ряцива серца, съ тонкихъ бѣлыхъ жилъ, и съ прижилокъ, и зъ буйныхъ суставовъ и съ полуставовъ, изъ буйныя головы и русаго волосу, громкаго голосу, изъ ясныхъ глазъ, изъ горючихъ слёзъ, изъ румянаго лица. Не

самъ жа собою просивъ, водзица царица, а прячистою святою. И стань, мацъ прячистая, на помочь! И ўсёй етой болѣзи у раба божжаго бывацъ по етый часъ, по етый разъ, и по мой приговоръ. И идзи зъ раба божжаго на мхи—на болоты, на гнилыя колоды, во вѣки вякомъ, аминъ.

Казим. Слобода, мст. у.

31, Господзи Божа благослови, прячиста матка поможи, свята суботычка—мамычка. Упрашую увесь міръ Господній, и упрашую хозяиновъ домовыхъ и полявыхъ. И наговорюю отъ суроцы, попритчи, отъ женськихъ, мущиньскихъ, молодзиччихъ, дзявиччихъ, малеччихъ, посмѣшныхъ и поцѣшныхъ, жалосныхъ и радосныхъ и наговорныхъ, подзивныхъ, вѣдзьминськихъ, чаровницкихъ, вѣтряныхъ, наносныхъ. И выговарюю зъ ногъ, зъ бѣлыхъ рукъ, зъ буйныя головы, зъ румянаго лица, зъ рециваго сэрца, съ крыви яго, исъ суставъ, изъ жилъ, исъ пажилъ. И прячистая маци нарядзила (я=о) и отходзила, и кіявськая и пящерьская, и почаевськая и смоленьская, и святэй духъ и святая тройца, и святэй тройчонокъ.

Соинск. в. мст. у.

32, Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. За синимъ моремъ, за щирымъ боромъ, стоицъ зялѣзный тынъ, подъ тымъ тыномъ рассыпанъ чорный макъ. Якъ того маку нихто не собярецъ, такъ раба божаго нихто не ўрячецъ, аминъ.

Родн. в.

33, Водзица царица, красная дзявица, божжа помошница, морськая пожарница,—вомываешъ зъ моря бѣлыя камушки, жовтыя пяски и крутыя беряжки, и палку и царубалку, и зялёную травку, увесь бѣлый свѣтъ обмываешъ. Обмый раба божжаго чаловѣка съ уроцы ребяччей, дзявоччей, и музькія и женськія, изъ руса волоса, изъ бумажнаго цѣла. Видчику—завидчику соль яму въ вочи, трескучее полѣно у колѣно, ножъ яму подъ бокъ, по сей часъ, по мой приговоръ, по ету секунду.

Хотъслав. в. мстислав. у.

34, Помяни Господзи царя Давыда и сына яго Соломона. И сокрушивъ зямлю и воду, и сокруши драбу божжію скоцину. Уговарюю уроцы и музькéя и женськія, и дзявоцкія и жаноцкія, и сѣровокія и бѣловокія, и стрѣшныя и попярешныя, и посмѣшныя, радосныя и зáвисныя, изъ буйной головы, зъ ясныхъ вочъ, изъ русыхъ косъ, изъ румянаго лица, исъ печаней, изъ легяней, изъ мозчей, исъ кровей, исъ хрябётной косьци, изъ жилъ, исъ пáжилъ, исъ косьцей, исъ пáкосьцевъ, изъ рециваго серца, изъ бѣлаго цѣла, зъ бѣлыхъ рукъ, зъ борздыхъ

ногъ. Не сама собой, прячистыми словами,—прячистый душочекъ цихонекъ —лягонекъ. Уси свеньци, уси пустэльни, уси правядники христовыя, нябесныя, станьця на́ помочь; уси ангали-храницели, уси божжія угодникчи, и мученики и мученицы, и страдники и страдницы. Царица водзица, красная дзявица, у мо́ря ўбиралась, у повночь улегалась, со мховъ, со болотовъ собиралась до драбы божжія помочи давацъ.

М. Монастырщина.

35, Спомяни Господзи царя Давыда и усю кротось яго, усихъ цариковъ польскихъ, лѣсовыхъ, земськихъ, водзяныхъ, домовыхъ, Трохимъя. Упрошаю я и умоляю, зъ раба божаго выговарюю съ уроцы, съ притчи, съ приговору. Выговарюю, высылаю на сухія лясы не самъ собою, отцовською молитвой совяршенею, сотворенею. И упрошаю я усихъ цариковъ: царь сонца на неби, царь мѣсикъ на дуби, царь камынь на мори; сине мо́ря царица, заря зарица, красная дзявица, по синимъ мори бѣга́ла и лицо своё умувала, и рабу божаму помочи давала. Дай Божа поляхченія ня ?тъ мене, отъ Господа Бога. Спомяни Господзи уси празьнички, апостолы,—Вяликодня, Ушесьця, Духъ—Тройца. Хухъ, прилюби мой духъ. *Люб. в.*

36, Су стоцкаго су восходзимаго сонца процекала рѣка быстрая, выходзила мацъ прячистая съ усими собранными, черпала воду святою рукою, златымъ кубкомъ, и промывала раба божаго (такого-то) народжо́наго, хрищонаго, изъ руцъ, изъ ногъ, два шершня зъ рециваго серца, съ косьцей, зъ можджей, зъ бѣлаго бумажнаго цѣла и т. д. Не сама собой, прячистой святой, божою думо́й. *Милослав. в. клим. у.*

37, По чистому полю маци Марея ходзила, сына будзила: сынку мой, сынку! ци ня можно табѣ ўстаци, етому дзицяци помычи даци?— Можно, маци моя благочасьливая, можно! Сусъ Христосъ уставъ, етуму дзицяци помычи давъ.

Тройчи; солечкой потре́шъ. *Тамъ же.*

38, Господзи Божа богослови, Господзи Божа поможи. Добрый—вечаръ, вода водзица, божжа помошница, цекла ты су току сонца, съ пыдъ ясныго мѣсяца, съ—подъ—съ алтыря каменя, и мыла—помывала жавты пяски и крутыя берижки, бѣло каменьня, сырое кореньня, и шавковую траву. И мый—нымывай раба божаго молодзенца. И вы, уроцы, стрѣшныя и попярешныя, подумныя и подзивныя, погадныя, жалосныя,

радосныя, и часу нехорошаго, —польно вамъ гуляць и буяць, пора вамъ на етаго молодзенца забывацъ.

Оба дѣтскіе. *С. Березки, клим. у.*

39, Выговарую я раба божаго етаго человѣка уроцъ, отъ косыхъ вочъ, урошныхъ, попярошныхъ, и стрѣшныхъ и смѣшныхъ, и радосныхъ и жалосныхъ, подзивныхъ, погадныхъ, поглядныхъ, подружныхъ, замужныхъ, ребяччихъ, собаччихъ, и того бл—наго сына, который два разы матку ссець. *Бѣлынков. в. клим. у.*

40, Господзи Божа благослови, поможи, Сусъ Христосъ, мацерь божая, духъ святый, Тройца святая. Водзица царица, красная дзявица, моревая, ключевая. Ишла ты зъ моря у Чарноѣдку (мѣстная рѣчка), съ Чарноѣдки у Чарнолутку, а съ Чарнолутки у Бесѣдзь, а зъ Бесѣдзи у Сожъ, а съ Сожа на Нѣпро, зь Нѣпра на моря, зъ моря ў Суломорья, а съ Суломорья у Ирдань ряку, пудмувала крутыя беряги и жовтыя пяски, и шавковыя травы и бѣлыя коряшки, дробныя камушки, бѣлое каменьня и чорное кременьня. И умывай сяго раба чаловѣка уроцы намовныя и наговорныя, зь яго буйныя головы, изъ румянаго лица, съ чорныхъ бровей, зь ясныхъ вочэй, изъ нутрей, исъ печаней, изъ жылъ и пажылъ, исъ суставъ, исъ полусуставъ. *Самотейв. в.*

Варьируется и такъ: Водзица царица, пресвятая красная дзявица, рѣчка—колодзесь,—цячешъ ты съ крутыхъ горъ, зъ жовтыхъ пясковъ, съ—подъ бѣлаго кореньня, служишъ ты ряцѣ Дзеряжнѣ (мѣстн. рѣчка), а Дзеряжня Бесѣдзи и т. д. а Няпро Дону, а Донъ морю.

С. Братьковичи, черик. у.

41, На мори на кіяни сядзиць старушка на камяни зъ вогнивцомъ, съ кремянцомъ: суроцы, уроцы отсѣкала, отбирала и на моря отсылала. Водзица—царица, якъ ты латырь—камень разбивала, ницыя лозы подмывала, такъ етому молодзенцу помочи давай, отъ уроцы музькея, женськія, ребяччія, дзявоччія и т. д. *Старос. в. мстислав. у.*

42, Прячистая дзѣва по чистымъ полю ходзиць, по Сіяньскимъ, Исуса Христа на рукахъ носиць, сцираець и змываець раба божаго отъ уроцовъ, отъ подумовъ и приговору, отъ подзиву, отъ раньняго, вячерняго, урошнаго, полуношнаго, отъ музького, бабськаго, съ усихъ жилъ, съ пажилъ, съ перековыя крыви, зъ живота, съ серца и съ усяго со'бщеньня, и ссылаець на мхи, на болоты, на гнилыя колоды, топкія

аржавиньня,—тамъ вамъ быць и гулядь. И не самъ я сцираю, не самъ я змываю —сцираець и змываець пресвятая дзѣва Бугуродзица. *М. Малятичи.*

43, Господзи Божа благослови, мадь прячистая поможи, дай жа намъ, Божа, добрый часъ. Рѣчка Чарнолутка! откуль ты цекла: съ усходу на заходъ, исъ—подлунныхъ зорь, съ—подъ жаркаго сонца и съ-подъ яснаго мѣсяка,—што ты вымывала крутыя беряги, жовтыя пяски, сырое кореньня, бѣлое каменьня, чорное кременьня. И вымывай жа ты зъ раба божія уроцы первоженскія, другоженскія и триженскія, и дзявоцкія и ребяцкія, и подзивныя и подумныя; вымывай жа ты зъ буйныя головы, изъ жовтаго мозку, зъ ряциваго серца, съ тридзевяць косьцей, съ тридзевяць пáкостокъ, съ тридзевяць жилъ и съ тридзевяць пáжилокъ, и зъ горючія крыви, съ цёплаго мяса, зъ бѣлаго живота, изъ руса волоса, изъ румяна лица. Вымывай жа ты на Чарнолутку ряку, а Чарнолутка ряка у Бесѣдзь-Аксюту, а Бесѣдзь-Аксюта у Сожъ-Максимъ (замѣчательное олицетвореніе), а Сожъ-Максимъ у Нѣпръ, а Нѣпръ у мóря, а моря у кіянъ-моря. На кіяни-мори тамъ жа вамъ, уроцы, коровадь цесовая и пярины пуховыя, и подушки цвилёвыя: и польно вамъ у рабѣ божіимъ красоватца,—тамъ вамъ красованьня, пребываньня, и тамъ вамъ Калина пива наварила и мёду насыцила, аминъ. *Самотейв. в.*

44, Заря 'Рина, заря Кацярина, ранняя, вячерняя! Вода водзица, красная дзявица, упрашую, уговарюю раба божаго Сидора отъ притчи отъ суроцы, скулы болючай, горючай, съ косьцей ломóты, зъ живота сухóты,—упрашую не самъ собой, Господними словесами,—стань ты, Господзи, на помочь, ангалы на пораду, а прячистая мацп помочи даваци. На синимъ мори латырь камень, на латри камни прячистая мадь сядзѣла, Исуса Христа дзержала, Ирданьскою водою змывала, сцирала раба божаго Сидора отъ притчи, отъ суроцы, отъ худого, отъ лихого.

Долгович. в. чер. у.

45, Говорю, выговариваю суроцы подзивныя, подумныя, стрѣшныя, попярошныя, дзянныя, полуношныя, поганаго вока, сѣровокаго, бѣловокаго, поганаго языка, музькаго полу, бабськаго полу, дзявоцкаго полу, и того выговариваю, который два разы жанився, и того выговариваю, который два разы матку ссавъ, и того выговариваю, который у хлѣби сноръ отбиравъ. И выговариваю зъ жилъ, съ пажилъ, и съ косьцей и съ полукосьцей, и не самъ собой, Господомъ Богомъ. Дай Богъ часъ добрый. *Климов. у.*

Отъ ношницъ, криксъ.

Узяць изъ гольня три пруты и подъ курбсаднемъ кажнымъ прутомъ три разы дзяцёнка сѣкануць и дзевяць разъ переказаць:

46, Вячерняя зарица, божія помошница, поможи етуму дзицяци криксы замувляци. Отсѣкаю криксы-плаксы дзянныя и полудзенныя, ношныя и полуношныя, часовыя и минутныя, посмѣшныя, пострѣшныя, подуманныя, погаданныя, зь естаго дзицяци, зъ буйныя головы, и т. д.

Милослав. в. кл. у.

Отъ испугу.

Сѣюць бабы золу, водой поливаюць и тоды галочками по животу качаюць:

47, Выговарію пярѐполохъ музькій, женьскій, дзявоччій и ребяччій, коньскій, коровській, свиньняччій, овеччій, кошеччій и собаччій, огнянный й водзяный, и звольный и повольный, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочь и т. д.

Тоды разламуюць галочки и глидзяць: коли ёсь волосься, дыкъ спужанъ, полѣпшіець, а коли нема—дыкъ такъ отчаго,—шукай другого зельля.

Братьков. в.

Приворотныя.

48, Устану я, добрый молодзецъ, не благословясь, пойду, не хресцясь, и выйду не дзярьми за новы ворота у чистое поля. У чистомъ поли стоящь три бѣса, два бѣса, одзинъ бѣсъ: бѣсъ Са́ва, бѣсъ Саву̀лъ, бѣсъ Колду̀нъ. Подойду я, добрый молодзецъ, поближе, поклонюсь пониже: и вы, тридзевяць бѣсовъ—бѣсъ Сава, бѣсъ Савулъ, бѣсъ Колдунъ, послужиця мнѣ, якъ служили Ироду царю. Идзиця по городахъ, по селахъ, по дзяревняхъ, и собяриця усю тоску и сухоту, со звярей, пцицъ, рыбъ и у̀сякаго рода людзей; и знясиця тую тоску и усякаго рода сухоту дзѣвицы Просиньни у ясныя вочи, у чорныя брови, у румяно лицо, рядивое серца, чорную печень, горячую кровъ, у тридзевяць жилъ и одну жилу, становую, потпятную; и штобъ ета дзѣвица не могла ни жиць, ни быць, ни днемъ по сонцу, ни ноччу по мѣсяцу, безъ мяне добраго молотца. У чистомъ поли стоиць сорочинскій дубъ исъ—подъ дуба выходзила баба—яга и поджигала тридзевиць костровъ дубовыхъ дровъ. Такъ жарко, такъ ясно кабъ разгорѣлись у дзѣвицы ясныя вочи, чорныя брови, ру-

мяное лицо, ряцивое серца, чорный печень, горячая кровъ, семьдзесятъ жилъ, семьдзесятъ одзинъ суставъ; кабъ тая дзѣвица не могла наслаждатца, ни у чистомъ поли нагулятца, ни ў парной бани паритца, ни прѣсным молокомъ нахлебатца, ни ў мяхкой посьцели отоспатца, безъ мяне, добраго молотца. И етымъ моимъ добрымъ словамъ ключъ и замокъ; замокъ замкну и ключъ знясу въ окіянъ—моря подъ латырь—камень, аминъ. *С. Пиряны, мст. у.* От Васьковскаго, кр. грам.

Надо подоицъ чорную свиньню, ды тое молоко улицъ у прѣсночокъ, ци ў баранокъ, пряникъ, - за госцинецъ дацъ. И надо три дни подъ лѣвой пахой проносицъ и черезъ пазуху съ подъ подола три разы вынуцъ. Дыкъ ина будзецъ чарнѣцъ по имъ, тошновацъ, ня мусицъ растрятца,— покуль сойдутца. Якъ сойдутца, добро живуцъ. А ня сойдутца, дыкъ ня ў пуцъ: ина по ёмъ будзецъ сохнуцъ, а ёнъ по ей. *Соин. вол.*

49, Устану я ранёнько, умыюся бяленько, выйду за новы ворота, за точеныя верей, гляну на синее моря: тамъ плывёцъ бочка—дубовка: на тэй бочцы горицъ дванатцацъ огнёвъ, а ў бочцы сядзицъ дванатцацъ чартовъ. Вы, друзьзя моё! отбиця рабу божію Кацьку отъ хлѣба, отъ соли, отъ кислыхъ щей, а привярниця яе къ рабу божаму Гришку. На мори на—кіяни стоицъ латомирь (?) а ў латомири ляжіцъ лёдзицъ—цьмёнъ (?) Заговарію рабѣ божай зубы, губы, руки, ноги, ряцивое серца, буйную голову, русый волосъ наўсягды, аминъ. На мори—кіяни стоицъ дубъ, на томъ дуби сядзицъ дванатцацъ чартовъ и дванатцацъ полўчертковъ; яны сидзяцъ, не гуляюцъ, рабу божію Кацьку змущаюцъ и къ доброму молойцу приглашаюцъ. *Малят. в.* Вѣроятно искаженъ.

При выгонѣ скота.

50, Господзи Божа благослови, прячистая пособи. Отдаёмъ мы святому Ягорью хваброму скоцину на зберяженьня, кабъ звѣрь не видавъ скоцины у яго рукахъ; отдаемъ яму на цѣлое лѣто и на вѣки вякомъ. *Соинская вол. мст. у.*

Надо положить косу внизъ жаломъ и замокъ, и надъ ними говорить.

51, Помолимся мы Господу Богу и святому Юрію, и святому Хролў и Лаврію, и Ўласію и Панасію объ роговомъ скоту, и Христовому Настасію и Мамонцію объ овецъ, и Василію Русалимскому объ свиней (ср. дух. стихъ),--примиця, Господзи, прошенія и молитвы наши объ скоцинцы двушерстныя. Отдаёмъ скоцинку на ваши руки, на божжія росы; по-

милуй яе Господзи подъ своими 'блàками и подъ своими лицами Господними; помилуй Божа подъ цёмными ночами, подъ грозными тучами, помилуй Божа отъ вовкà-яркà, отъ вовчицы-ярчицы, отъ вовченятъ-ярченятъ; отъ вовка Мосея, отъ вовчицы Калины. Якъ мѣсяцъ Господній нарождаетца, жаркимъ сонцамъ ограждаетца, оградзи яе Богъ отъ усякихъ злучіевъ худыхъ. Обырачàетца скоцинка у лѣси копиною и выскадьдзёю, и зялёнымъ кустомъ, а ў поли-горою, а ў лузи-кургяномъ, а ў лядзи-пенюхòмъ. Помилуй яé Божа на ўсякое уремечко, на ўсякій часочекъ, на ўсякій разочекъ, на ўсякую годзину, на ўсякую минуту, на ўсякимъ мѣсьци, на своёмъ пришестви. *Хотовѣжск. в. кл. у.*

Отъ волковъ.

52. Иванъ Лукъяновичъ, спаси мою скоцинку, рыжую, чорную и т. д. и ты, Доброхотъ, сохрани во весь круглый годъ. Я цябе помяну хлѣбомъ-сольлю и добрымъ здоровьемъ.

Три разы, у чистый чецьвергъ, пришовши зъ лазьни до сонца. *М. Монастырщина.*

53. На Ягорья, 23 апр., бярешъ хлѣба-соли у бѣлую тряпочку и нясешъ на курганòчекъ, по три разы у три бокѝ поклонисься, ня 'пираючись руками, заклавши ихъ назадъ, и помолисься:

Дземèньпевичъ-Клемèньцевичъ, нацяя вамъ хлѣбъ—соли, паси моихъ кòній! *Тамъ-же.*

54. Божжія мацъ Мàврія и святый Ягорій храбрый, выгоняй своихъ собакъ, лѣсовыхъ и полявыхъ, у сине мòря, кабъ яны на синимъ мори бѣлый камень достали, а мойго скота не чепàли.

Д. Корхи, мст. у. При первомъ выгонѣ.

55. Заря зарющая, соберегаешъ ты ясенъ мѣсяцъ, соберегай мою скоцину подъ цёмными лѣсами, подъ ясными зарями. Соберегай мою скоцину, рыжую шарсьцину. Когда заблудится. *Тамъ-же.*

56. Во имя 'тца й сына и святого духа (безъ *аминь*). Святый Аврамій (лѣсовикъ), позгонь ты вовковъ и мядзьвѣдзевъ, кабъ ета скоцина, чорная шарсьцина, была цѣла. А ежли ня будзецъ цѣла, то пойду къ Господу Богу на судъ, и къ Сусу Христу, икъ сыну божаму и къ святэй прячистый. Три раза, оборотясь къ западу. *Пирянск. в.*

57, Господзи Божа богослови, прячистая пособи. (Замкнуть замокъ и зарыть въ землю подъ воротами) Замыкаю и заговарюю замокъ. Якъ я замкнувъ замокъ, кабъ у звѣря замкнулися ротъ и санки; якъ ня видзиць нихто етаго замка, кабъ ёнъ ня видзивъ моѐ скоцины, чорной шарсьцины. *Соинск. в.*

58, Святый Ягорій, и святый Антоній, и святая Лисавета Хвёдоровна (лясунъ и лясуниха). Прошу я васъ, и кланіюсь я вамъ вяликими упросами и низкими уклонами: содзержайця своихъ хортовъ, замыкайця имъ губы и зубы, золотыми замками, сяребряными ключами. Св. Ягорій и св. Антоній. и св. Лисавета Хвёдоровна, прошу я васъ и кланіюсь я вамъ: ходзиць моихъ три скоцины—рыжая, гнѣдая и половая—проци ночи у чистомъ поли, на шавкòвой травѣ, на зямчужной росѣ,—загородзиця жъ вы ихъ жаркимъ сонцамъ, яснымъ мѣсяцамъ, дробными звѣздàми. Святый Ягорій и т. д. закрыйця вы ихъ своёю золотою пелянóю; здайся яны у поли пнёмъ, у лѣси колодую. На мори на лукоморьи стоиць камóра, у той камори сядзиць красная дзявица. Красное коханьня, закрый наша поданьня! Чуру, аминъ. *Хотимск. в.*

59, Святый—Юрій—Ягорій, Михайла архангалъ, запри, замкни моимъ урагомъ ярый зубъ, губы и зубы, до поры до ўремя, золотыми ключами, мѣдзяными, сяребряными замками.

И ножъ устыркнуць надъ пѣстуномъ. *Милослав. в.*

60, Закачу, завалю камяннóю сцяною, божія милосьци просючи, отъ вовка—царика, отъ вовчицы—царицы. Прошу Господа Бога: коли конь мой—скинься зялёнымъ яворомъ, а корова—зялёную ракитую, а свиньня—чорную мохныткую (головнею), а овечка—моховòю кóчкую.

Мошевск. в.

61, Вовкъ и вовчица и вовченяты, вашн ноги повыломàты, вашн зубы позамыкàты, золотыми замками, зялѣзными ключами. А ты, царикъ господній, Игнацій Доброхочій, спаси (отъ гл. пасти) мою скоцину, идзѣ моя скоцина ходзиць: у поли кýпиную, а ў лѣси кустомъ, а ў лузи колодую. *Лобанов. в.*

62, Господзи Божа благослови, святая мацъ прячистая поможи. Прошу я васъ Цихонъ Цихоновъ, Трихвонъ Трихвоновъ и Борисъ Климовъ, прошу я васъ и жонъ вашихъ, и дзяцей вашихъ, и слугъ вашихъ: замкницяураговъ—супостатовъ усѣ могущія жилы, и горючую кровъ,

ярыя зубы, ясныя глазы, чутыя вуши, сапыя ноздри, вострыя кокци. Замыкайця мою скоцину, чорну шарсьцину, отъ цёмныя ночи заберегайця.

Три разы, и поклонитца ў три боки по дзевяць поклоновъ, не хрясцёмши, на ўсходъ, на повдзёнъ и на заходъ. *Хотовъжск. в.*

Охотничьи.

63, Водзица царица, усяму свѣту помошница. Якъ ты змываешъ сырое кореньня, сѣрое и бѣлое каменьня, такъ змый и мою ружину-ружницу и булатъ—зялѣзо. Якъ стрѣляець зъ неба Михаилъ—архангалъ громомъ и молоньнёй, и вострой стрѣлой, и якъ нихто ня можець уняць ни грома, ни молоньни, ни вострыя стрѣлы;—такъ нихто ня можець уняць и мяне, раба божаго—стрѣлца, и мою ружину, ружницу и булатъ—зялѣзо. А надъ моёй ружиной—ружницой и булатъ—зялѣзомъ нѣту споруганьня во вѣки вяковъ.

На водѣ, которою потомъ промыть ружье „на куцѣ“ съ словами: би, мори! (3 р.) *Пирян. в.* Отъ грамотн.

64, Помяни Господзи царя Давыда и ўсю кротось яго и вяликую памяць яго. Судзержавъ царь Давыдъ воду и зямлю, судзержай жа раба Якимово ружжо. Якимово ружжо—Булатъ жалѣзо и штаба Марья. (И покласць у ручей на сходъ сонца). Здрастуй, водзица царица, красная дзявица, божа угодница, рѣка Милявка (мѣстная). Капилася водзица по днямъ, по ночамъ, по вячернимъ зарямъ, змывала, водзица, бѣло каменьня и сѣро кореньня,—змывай жа, водзица, раба Якима ружжо, Булатъ жалѣзо и штаба Марья. На синямъ мори да на лукоморьи сядзиць ястребъ безъ кокцей, безъ нохцей, безъ быстра крыльля, безъ востра носа. Якъ у етаго ястреба ни кокцей, ни нохцей, ни быстра крыльля и ни востраго носа, капъ такъ у Якимовомъ ружжѣ, у стволѣ у жалѣзи и ў штаби Марьи не було ниякихъ уроцъ. И нехай уроцы хуваютца бабамъ подъ наметки, а мальцамъ подъ кувпаки, а дзѣвкамъ подъ платки. Святый Михаилъ архангалъ, сильный могучій богатырь, убядзицяль нябесный,—убивавъ ёнъ уражу силу зъ нябесъ на сырую зямлю, капъ та́къ раба Якимово ружжо—Булатъ стволъ, штаба Марья, убивало усякую звярину бягучую, лятучую.

Три разы рукою змахнувъ и терезъ головў водў вылиць; тоды ква̀чемъ выцеръ у сярёдки съ пяскомъ, и каюкъ!

И кабъ ружжо суроцъ не боялося, треба идучи на хвоту лѣвую ногу терезъ порогъ переставиць, а правую у хаци, и три разы проняць помежъ ногъ, и штанами, мо̀тузомъ, вытрешъ. *Монастырщ. в.*

65, Господзи Божа богослови и царица пособи. На китаи-мори ляжиць камень; съ—подъ того камня выходзила красная дзявица зъ золотыми ключами, и отымкала ружжо, и позволяла биць не па живое, а на мёртвое, и на вѣки вякомъ, аминъ. *Соинск. в.*

66, Заря-заряница, Господня помощница; рѣчка (мѣстная или ближайшая), моешь ты крутые бережки, желтые пески, сырые коренья, черные кременья,—умывай ты раба божія (имя) и бурьянъ—желѣзо ружья его вси уроцы, переполоцы, мужскіе, женскіе, подивные, поглядные, помолвные, поговорные, дѣвичьяго сына и бабкинаго сына. Якъ на морѣ на Кіяни, на островѣ на Буянѣ лежить Латра—камень; на томъ камни сидитъ бабка. Бабка ты, бабка! принимала ты Іисуса Христа на свои персти, пріими ты и раба божія (имя) и бурьянъ желѣзо ружья его, и своею чорною ризою вси уроцы сотри.

Проговорить въ молодикову середу три раза утреннею и вечернею зарею. По старому списку изъ с. Надѣйковичъ сообщ. г. Комаровскій.

Предъ ловлею рыбы.

67, Царь Нептунъ, упрошаю цябе, умоляю цябе, посылай на мою уду-удзицу рыбу-рыбицу изъ глуби, изъ мели, зъ вировъ, съ корчавъя̀ и пенявъя̀. Моя уда кедрова, моя лѣска шавкова, воскомъ навощена, лоскомъ налощена. Будзи рабу божьему удача во вѣки вяковъ, аминъ. *М. Хотьславичи.* Отъ грамотн.

О пчелахъ.

68, Господзи, Господзи, стань Богъ на помочь. Якъ прячистая божія мацеръ Суса Христа спороджала и у пялёны увивала и святымъ духомъ осязала, кабъ такъ ета сила пчалиная осыпала и укрывала преукрасимое судзѐнца. Якъ ангали на небеси пѣли, радовалися, весялилися воскресенію Гоподню, кабъ такъ раба божія пчолы радовалися и веселися у етомъ преукрасимымъ судзенцы. Не я жъ васъ упрошаю, упрошаець васъ Господзь Богъ, царица нябесная—Радуйся нявѣста нявѣстная, и ўсихъ служицелей на помочь призываю: святого Ивана Благослова (при имъ свѣтъ начинався), Ивана Хрясьцицеля (при имъ Хрященьня було) архангала Гавріила (старшій, у Суса Христа съ праваго боку), архистрацика Михаила (якъ було пришествія Исуса Христа, дыкъ ёнъ судзивъ и праведныхъ и грѣшныхъ), Миколая, отча свяцицеля, скоропомошника. Припоможи намъ Господзи Божа, царица нябесная—Ра-

дуйся нявѣста нявѣстная. Не я васъ оса́джую, осаджiиць васъ Господзь Богъ и ўси служицели Господни. *Любав. в.*

При осадѣ роя.

69, Передъ плащаницаю (въ великую пятницу, ставши на колѣни предъ плащаницей) жаркую свячу палю и палиць буду, Господа хваливъ и хвалиць буду. Господа милосернаго прошу и молю усими нябесными силами: зародзи Господзи возможную, преукрасную дзявицу—пчалицу, возможи, возрадуй, возвесяли. Прошу Господа милосернаго не ли сябе, а ли Господнiя божжiя охвяры: во ўси храмы Господнiя буду жаркiя свѣчи палиць и тройськимъ поклоненiемъ поклонятца, отниви до конца вѣку. *Тамъ же.*

70, При крестномъ ходѣ изъ церкви въ пасхальную ночь,—якъ плащаницу схоронюць и во ўси звоны зазвонюць, тэй звонъ на неби чуць,—тоды поставиць свячу передъ Спасицелемъ, стаць на колѣнки, прочитаць: Да воскреснець Богъ... Тоды кланятца и говориць:

Слава табѣ Господзи, слава 'тцу и сыну, и святому духу, нини, присный, во вѣки вяковъ, аминъ. Господа милосернаго прошу и молю усими нябесными силами, и святую Морьскую-Горьскую ўладычицу Марью Магдалену,—зародзиця свою возможную преукрасную дзявицу пчалицу. За васъ Господа милосернаго будземъ хвалиць и молиць, тройчецкимъ поклономъ поклоняцися, отниви до конца вѣку. *Тамъ же.*

По объясненiю знахаря—пчеловода, Морськая—Горськая царица у скалѣ, у пящери жила, и оттуль якъ дзень якъ ночь пчолы идуць. И нехай на ўсёмъ свѣци пчолы перемруць, дыкъ етыми словами надо просиць: Господзь сошлець нявидзимо со скалы съ тэй. Ето ня ў нашай зямли.

Третiй день, въ который молитвы о пчелахъ особенно „прiемны" предъ Богомъ,—среда предъ Вознесенiемъ. Въ этотъ день надо возложить свѣчу на икону Богородицы и молиться. Но если кто молится не внимательно, и даже—сохронь Божа, рассмяётца, оттого Сусъ Христосъ дужа усéрдзитца, и дванатцаць дней не глядзиць на того. И другихъ няльга рассмяшаваць у храми Господнимъ.

71, Возносився Христосъ на небо со ўсими святыми своими ангалами, видзимыми и нявидзимыми. И якъ Сусъ Христосъ вѣрно воскресъ отъ гроба, вѣрно прошу Господа милосернаго усими нябесными силами, кабъ такъ Господзь возрадувавъ, возвесяливъ возможную пре-

ўкрасную дзявицу—пчалицу, якъ народъ съ усяго свѣту Вознясенію Христовому радуетца и весялитца. И прошу Господа Бога, усихъ служицелявъ на помочь призываю, и святого Ильлю пророка и святого Яноха, не ли сябе, ли Господней божжай охвяры. *Тамъ же.*

72, Господзи Божа богослови, Исусъ Христосъ, прячистая маци, сей садъ увыйцицъ и молитву сотворицъ и Господа Бога пупросици. Пчалиная маци Свировѐйка, Хваравòнка, и Златопѐрка, и Серебрянка, и Сохвея, и Прасковѐя, Марьяська и раська пташка! Пуможи намъ Господзи, святэй Зосимъ и прекрасный Восипъ, и 'Ванъ Бугуславъ, и Иванъ Хрясьцицель, и Михаилъ, и Архаилъ, и Гавріилъ, и сваццицелю вотча Христовъ Миколай, угодничакъ божій и скорый помошникъ на усякомъ мѣсьци, и пумогаецъ и пусобляецъ, и пуможи намъ и ў працы—мозоли, въ отцовой сили и ў матушкинымъ порождзеньни. *Тамъ же.*

При пожарѣ.

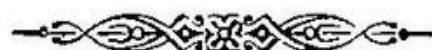
73, Святый Господзи богослови, и мнѣ грѣшному поможи. На горѣ—вострови стоицъ божій домъ, у томъ доми стояцъ три 'пòстолы: Василь и Марціяній и святый Антонія, и дзержуцъ у руцахъ по свячи изъ ярагэ воску, и упрашуюцъ старшаго царика Агѐна: унимайця вы своихъ одзинатцацъ братовъ, и сами дванатцатыя унимайцеся! На горѣ вострови стоицъ божій престолъ; составленъ тэй престолъ ни зъ воды, ни зъ зямли, а составленъ престолъ съ пламена вòгненна. Што занявъ, то потребляй, а лишняго не чепай во вѣки вякомъ. *Малятич. в.*

74, Святый Иванъ и Хвядосъ и Адамъ, святый Михайла арханій будзецъ васъ у чистое пòля згоняцъ, у зялѐныя луги: будзецъ вамъ ставицъ цесовыя столы, будзецъ на столахъ зялѐное вино, будзеця вы выпивацъ и хоромины раба божжаго не чепàцъ. Святый Михайла арханій будзецъ задзержацъ. *Братьков. в.*

75, Крестъ Іисуса Христа будь передо мною; крестъ Іисуса Христа будь моимъ заступникомъ противъ несчастныхъ случаевъ; крестъ Іисуса Христа будь моей обороной противъ непріятелей видимыхъ и невидимыхъ. Господи всемогущій, сбереги меня отъ несчастныхъ случаевъ, стыда и гоненія, ибо ты есть Творецъ и творитель мой, помоги мнѣ пресвятымъ твоимъ духомъ и укрой отъ непріятелей моихъ. Вѣрую во единаго . . Отче нашъ . (7 разъ). Будь прославленъ нашъ Господь Іисусъ Христосъ и пресвятая дѣва Марія, матерь его, во вѣки вѣковъ,

аминь. Дана сія молитва святымъ Венедиктомъ IX королю польскому, и выдана въ 1767 году. Кто сію молитву будетъ носить или читать, то возьметъ отпущеніе грѣховъ на сорокъ дней. Въ которомъ домѣ сія молитва будетъ, то *пожару* никогда не будетъ. Какой бы человѣкъ не былъ, который носитъ сію молитву, въ какой бы опасности не былъ,— на войнѣ не можетъ быть убитымъ, если въ болѣзни, то не умретъ безъ святыхъ таинъ, аминь.

По стар. списку изъ с. Надѣйковичъ сообщ. г. Комаровскій. Очевидно, переводъ съ польскаго, въ родѣ Листа ерусалим. знаменія и т. п.



ОТЪ БОЛѢЗНЕЙ ЧЕЛОВѢКА.

Роды, выкидышъ, золотникъ и т. д.

1, Господу помолимся, прячистой поклонимся, и ўси святэя у помочь: Пётра и Павелъ, и Кузьма-Дземьянъ. Жалѣзный тынъ затынися, вороты закўтайцеся, замки замкницеся: дозрѣвши, само отвалитца.

Пирян. в.

2, Святый Юрiй-Ягорiй, святый Михайла-архангелъ, закрый, замкни дванатцаци замками, золотыми ключами, золотыми, мѣдзяными и сяребряными, и съ поры до ўремя рабѣ бóжай. Не сама я собою—бóжаю думою; не сама собою—прячистою святою.

Къ вокну поставиць, мошкў зъ бревенъ съ сольлю на хрястцы покласць. Ина заснецъ, и лихо минетца. *Милосл. в.*

3, Золотничокъ, паничокъ, гнися, вися, на своёмъ мѣсьци становися. Ясёнъ мѣсикъ занимаетца, сполегаець, спотухаець, дробныя звѣзды на ночь занимаютца, на дзень сполегаютца, спотухаютца,—спотўхнець, споляжець рабѣ божай ета хўртувина. Говорить въ банѣ. *Тамъ-же.*

4, Якъ мацъ прячистая у етомъ сама бувала, и Суса Христа у городзи у Русалими на руки принимала, и царськiя вороты расчиняла и рабѣ божай прощи давала, расступицеся, разыйдзицеся, уси спежачки, дорожачки, царськiя вороты. Быстрыя косьци расступися, рабѣ божай Марьи разыйдзися. Не сама собою—прячистою святою, не сама собою—божаю думою. *Тамъ-же.* Дурно передан.

5, Господзи Божа благослови, мацъ прячистая поможи, дай жа Божа часъ добрый. У городзи у Русалими, у церковцы у соборi, стояла мацъ прячистая на господнимъ престоли. Ишла мацъ прячистая по церквяхъ, по номастыряхъ, до святого Вядзенiя. У святомъ Вядзенiи царьскiя вороты раскутала, рабѣ божай породзиси помочи давала. Крутыя горы укучу сыйдзися, у рабѣ божай бѣлыя косьци разыйдзися.

Вмѣстѣ съ предыдущимъ употребляется при трудныхъ родахъ.

Самотейв. в.

6, Господзи Божа благослови, прячистая маци поможи. Не самъ жа я собою—Господомъ Богомъ, Исусомъ Христомъ. Тридзевяць горы укучу сойдзицеся, тридзевяць рякй укучу сойдзицеся, тридзевяць городы укучу

сойдзицеся и косьци-мощи укучу сойдзицеся. Заговарюю и замовляю я ў рабы божай молодзенца до поры, до ўремя; а придзець часъ уремя послѣднее, тоды тридзевяць горы расступицеся, т. д. ряки разыйдзицеся, т. д. городы разыйдзицеся, косьци-мощи расступицеся, выходзи молодзенецъ зъ естыхъ косьцей, зъ мощей на сей бѣлый свѣтъ красуватца, аминъ.

Климов. у.

Отъ колтуна.

7, Господу Богу помолимся и т. д. А прошу я цябе, старшій Колтунъ, унимай своихъ слугъ, подзивныхъ, подумныхъ, намовныхъ, сурошныхъ, урошныхъ, водзяныхъ, нутряныхъ, дзяиныхъ, полудзённыхъ, ношныхъ, полупошныхъ, часовыхъ, поминутныхъ. Выговарію я цябе зъ ясныхъ вочей, зъ горючія крыви, зъ лёхкихъ печаней, зъ лёхка, съ пáлехка, зъ жилъ, съ пажилъ, кощей, мощей, пáкощевъ,—при ясныхъ заряхъ, при краснымъ сонцы, при раннихъ заряхъ, при вячернихъ, при вутреннихъ.

Мошевск. в.

Отъ крыви.

8, Ляжиць на синимъ мори синій камень, на томъ камяни сидзяць двѣ дзѣвицы, шовковыми нитками вышиваюць, у раба божаго кровъ замовляюць. Нитка порвȁлась, у раба божаго кровъ остановлȁлась. *Люб. в.*

9, На рацѣ на Ирдани тамъ калиновый мостъ; по тымъ по калиновымъ мосту ишовъ Сусъ Христосъ. Спасицель святый, вярницеся, замкниця кровъ у раба божаго. Ишла мацъ прячистая теразъ пóля чистое, несла ключи у правой рўцы. Мацъ прачистая, вярницеся, замкниця кровъ у раба божаго. Ляцѣвъ воронъ теразъ синее мȍря; воронъ не кракаець, ты жъ, кровъ, не капай. *М. Хотимскъ.*

10, На мори на кіяни ляжйць камень Латырь; на томъ на камни на Латри сядзиць пятухъ красный. Пятухъ стрепянися, и кровъ унимися. Не я занимаю, царь Давыдъ кротосьцю своёю.

Три разы; и прициснуць и завярцѣць. *Хотьслав. в.*

11, Ѣхавъ Данило на сивой кобыли и вёзъ жбанъ воды. Жбанъ оторвався, вода разлилася. Стоиць хатка на кўриной ножцы, а ў тэй хатцы старая бабка, хлѣбъ запекала и рабу божаму Гришку кровъ замувляла, молодзика, ветоха и потповно. *Мошевск. в.*

Присыпать рану цвѣтомъ посконнымъ, червоточиной или сажей.

12, Бѣгъ конь пу пужару, ступивъ на шкубару; шкубару не проломивъ, у етаго раба кровъ угоивъ. Мацъ прячистая по полю ходзила, шовкъ-траву рвала, у етаго раба человѣка кровъ умувляла.

С. Старинка, чер. у.

13, Ѣхала мацъ прячистая па сѣромъ кони терезъ калиновый мостъ, дзержала у правой руцѣ золотую тросць. Тросць зъ руки ўпала, кровъ перестала, горючая, болючая, зъ жилъ, съ пажилья, съ косьцей, съ па̀косьцей, зъ буйныя головы и горючаго серца. *Братьков. в.*

Отъ звиху и т. д.

14, Ѣхавъ звихъ по зялёномъ лугу, а тамъ дзѣвки краски рвали, звихъ поймали. Звихъ ты мой хорошій, звихъ ты мой пригожій,—дотуль ты горѣвъ, дотуль ты болѣвъ, покуль я цябе ня ўстрѣвъ; а цяперь ты и болѣць и горѣць перестань. Дай Божа на помочь. *Пирянск. в.*

15, Стань Господзи на помочь, стань прячистая на помочь. Не радуйся, змѣй-лиходзѣй, не радуйся, змѣй чародзѣй, не радуйся, змѣй полятучій. Ѣхавъ Господзь по Сіяньской горѣ на ворономъ конѣ, пріѣжжаецъ къ рабу божжію звихъ—ломоту унистожацъ, косьци—суставы установляцъ. Оттаецъ (яко таетъ) воскъ, а счезаецъ дымъ, погибнуцъ усѣ бясы-ўраги.

Дунуцъ на звихъ и плюнуцъ на боки. *Монаст. в.*

16, Помяни Божа царя Давыда, царя Косцянцина, и ўсю кротось яго и ласку святую, отца и мацерь яго. Суставъ, на мѣсто поставъ: якъ цябе мацъ народзила, уреду не бывало, такъ и я заговарюю, кабъ во вѣки вяковъ польза бывала. *С. Бохотъ, мст. у.*

17, Господзи, стань на́ помочь. Водзица востошница—помошница, стань на помочь, ангали на радось, со ўсими апостолами. Ѣдзецъ самъ Господзь по Сіяньской горѣ па ворономъ жерябѣ, заѣжжаецъ къ рабу божаму и помочь помогаецъ отъ притча, отъ лому, отъ сухолому, отъ звиху —вывиху. Не самъ я собою—Господомъ Богомъ, не своими рѣчами— Господними словами, духомъ святымъ. *Казимірово-слоб. в.*

18, Господзи Божа благослови, матка поможи, святая суботычка матычка, стань на помочь. Упрошаю увесь міръ Господній, и упрошаю Хозяинывъ домовыхъ и полявыхъ, и зыговариваю вихъ. Вихъ, вихъ, ня будзь ты лихъ, не ходзи ты пы косьцяхъ, не ломи косьцей. Якъ сухой

игруши на корени не стояць и вѣтьцемъ не махаць, такъ у рабы виху пы косьцяхъ не ходзиць, и косьцей не ломиць. Зыговарюю вихи женьскія и мущиньскія и т. д. и вѣдьмацкія и чаровницкія. *Сопнск. в.*

19, Ѣхавъ звихъ на сивой кобыли па крутую гору̀. Кобыла упала, рабу божаму отъ звиху перестало. Божія мацерь по горѣ ходзила, травицу нрвала, свойму сыну, рабу божаму, помочи давала. Хухъ, прими мой духъ. *Родн. в.*

20, Ишовъ звихъ дубровою зялёною, дорогою широкою, по бѣломъ каменьню, по чорномъ кременьню. Не ломи, звихъ, тридзевяць косьцей, т. д. па́косьцевъ, т. д. жилъ, т. д. пажилъ, т. д. суставъ, т. д. полусуставъ, т. д. крыви, т. д. пакрывъ, т. д. шарсьцей, т. д. па́шарсьцевъ. *Самотейв. в.*

21, Якъ сухой ели отростку не пущаць, такъ етому чаловѣку злому-звиху ня бываць, буйной косьци не ломиць, рациваго сэрца не знобиць. Етаго чаловѣка не ломиць, не крышиць, а ломиць, крышиць осинникъ, бярезьникъ, орѣшникъ, олешникъ. *С. Старинка.*

22, Звихова маци по полю ходзила, свойго сына звиху будзила: устань ты, мой сыньку, звиху, и поможи етому лиху. Ѣдзець самогурській (всемогущій?) Богъ изъ-за Чорнаго моря на сивомъ конику. Конь спотыкнувся, звихъ минувся: суставъ къ суставу прихинися и горючая кровъ разгорися, по сей дзень, по сей часъ, аминъ. *Самотейв. в.*

23, Устану я, рабъ божій, ранѐнько, умыюся бялѐнько, помолюсь Богу вярненько, выйду я на крутую гору̀, гляну я подъ ясную зарю: тамъ идзець вихова маци, виха побуджая: устань, устань, виху, поможи етому рабу божію отъ звиху!—Не могу я у̀стаци, 'тъ звиху помогаци,—будзя ѣхаць самъ Господзь Богъ сы вышняго неба, на буланомъ кони, изъ войстрымъ мѐчомъ, зъ золотою тросьциною. Конь спытыкаетца, мечъ угибаетца, тросьцина ломаетца, етому рабу божію звихъ унимаетца —зъ ясныхъ вочь, съ чорныхъ бровъ, зъ бѣлаго лица, съ щираго серца, зъ бѣлыхъ рукъ, зъ бодрыхъ ногъ; и ня трыгаетца ни молодзикомъ, ни сходомъ и ни кажнаго мѣсяца. *Тамъ же.*

24, Ѣхавъ царь Давыдъ по чистому полю, по сыромъ кореньню, по бѣломъ каменьню; конь спотыкнувсь и вихъ звихнувсь. Вихъ, вихъ, не будзь ты лихъ, не суши ты етаго чаловѣка, не круши ряциваго серца,

не ломи буйной головы, косьцей и похцей. Якъ станецъ попъ на Ирдани, такъ стануць уси суставы на мѣсьци, аминъ. *Климов. у.*

25, Ѣхавъ царикъ широкую дорогую, зялёную дубровую,—конь спотыкнувся, звихъ звихнувся. А ты, звихъ, ня будзь лихъ, не ломи косьци, выходзи на наружку исъ косьцей, изъ мощей, исъ суставовъ; кровъ разгоняй, вопухъ унимай. *Тамъ же.*

Отъ зубной боли.

26, Царь молодзикъ на небн, царь аракъ на мори, царь дубъ на земли. Якъ етыя три царики укучу ня сходзютца и не воюютца, кабъ такъ раба зубы вѣкъ не болѣли, косьци не ломили. Ляжиць мяртвецъ у гроби, ня чуецъ ни боли, ни ломоты, кабъ такъ у раба божаго на вѣкъ боль не болѣла и косць не ломила. *Соинск. в.*

27, Молодзикъ молодэй, ци бывъ ты на томъ свѣци?—Бывъ!—Ци бачивъ царя Давыда?—Бачивъ!—Ци боляць у яго зубы?—Нѣ!—Кабъ и раба чаловѣка зубы не болѣли, и ў головѣ не шумѣло, и косьцї не ломило, и молодзикомъ, и сходомъ. Заговарюю я зубы гнилэя, а становицеся зубы сталянэя. *Бѣлынков. в.*

Отъ зубища, темянника.

28, Прошу Господа Бога ли помочи, ли пользы, духа святого и тройцу нераздзѣльную, и Исуся воскресшаго и Спасцеля, и маменьку твою возлюбленную, прячистую, животворящую, хрисціяньскую помошницу и заступницу,—станьця у помочь и ў пользу, водзицаю промывайця и золотою скобкую сыскобляйця, шавковымъ платкомъ уцирайця. И сцалиця душу й цѣло, серца и животъ, и помилуйця отъ смерци-болѣзни до суднаго дня. Высылаютца зубивици на сухея дубовици, и зубъ цемянный изъ естаго молодзенца. Упрошаю царя Давыда: сядзѣвъ ёнъ за дубовыми столами, за бралыми скацерсьцями, ёнъ хлѣба-соли ня куштавъ и зуба цемяннаго высылавъ, и зубищи на сухея дубищи. Упрошаетца яго рожданый апостолъ и хрящоный апостолъ, и упрошаю яго создадзёнпаго вангела, который посланъ отъ Севышняго, отъ Суся воскресшаго, отъ прячистыя твое мацн возлюбленныя, ли сцалѣньня души, ли зберяженьня цѣла. *Соинск. в.*

29, Зубищи, зубищи, выходзиця на дубищи. Сухій дубища, возьми етыя зубища отъ етаго дзицяци, цеменныя, ѣменныя, боковэя, горловэя,

и колючія и болючія, и подуманыя и погаданыя, и поглядныя, и посмѣшныя, и пострѣшныя и попярешныя, и радостныя и жалосныя,—зъ буйныя головы, зъ русаго волоса, зъ румянаго лица, зъ ярыхъ глазъ, съ чорныхъ бровъ, зъ дванатцаци жилъ, съ сороку суставъ, и съ сороку полусуставцовъ. Выходзиця вы на мохи, на болоты, на топкія потопы,—тамъ вамъ цесовыя корваци, пуховыя пяринки, цвилёвыя подушки,—тамъ вамъ спаць и гуляць, крусуватца, а ня ў етымъ дзицяци, рабѣ божамъ Иваньку. *Милослав. в.*

30, На мори на лукоморьи стоиць дубъ. Дубъ, дубъ, возьми молодзенца цѐменный зубъ, а вы, сучищи, возьмиця зубищи,- -цéменныя, ѐменныя, боковыя, горловыя, урошныя, смяротныя, водзяныя, вѣтраныя' огняныя, полыняныя. А ня вóзьмешъ—зьѣсь ёнъ цябе зъ гольлёмъ и съ кореньнемъ. Выговарую зъ буйныя головы и т. д. *С. Старинка.*

31, Якъ Господзь народзивъ и на етый свѣтъ пусьцивъ, такъ и помочи молодзенцу давай. На мори на кіяни стоиць дубъ; на томъ дубу чорный воронъ, выговарюець зуба цéмяннаго, и горючаго и колючаго и болючаго, и злого и презлого, хорошаго и худого, и бацьковаго и маткинаго, братняго и сёстринаго. Самъ Господзь выговарюець, Сусъ Христосъ, и божія мацерь пресвятая Бугуродзица су свячою, и святый Микола, и святый Михаилъ архаилъ. И выговарюць съ косьцей, зъ мозжей и т. д. И зубъ Максимъ, и зубъ Василь, выходзи сусимъ! *Лобанов. в.*

Отъ жабы.

32, На мори па кіяни востровъ, на томъ вострови стоиць яблоня, на той яблони висиць кошель, у томъ кошалй ляжиць чорное рўно, у томъ чорномъ руни ляжиць жабица Шкуропѐя. Жабица ты Шкуропея, вынимай ты своѐ жалы болючія и зубы кусучія съ такого то раба человѣка, зъ буйныя головы и т. д. *Черик. у.*

33, Ёсь на мори—окіяни выспа, на той выспи ляжиць золотэй прáнникъ, подъ тымъ пранникомъ ляжиць золотое гназдо, у томъ золотомъ гняздзѣ ляжиць жаба. Жабица-царица, унимай своихъ жабъ-жабенятъ, и дзѣтъ-дзѣценятъ, молодзиковыхъ, ветоховыхъ, днёвыхъ, поўднёвыхъ, минутныхъ, часинныхъ. Не ўпрошу я цябе, упрошу святого Михаила-архангала. Святый Михаилъ-архангалъ будзець васъ усихъ собираць, Кузь-

мѣ-Дземьяну у кузьню передавацъ. Кузьма-Дземьянъ будзецъ своё жажло распекацъ и вамъ зубы—губы выпекацъ.

Траву „жабицу“ жвацъ и слюну глытацъ. *Соинск. в. мст. у.*

Отъ скулы, рожи и т. д.

34, Помяни Господзи царя Давида и т. д. Судзержавъ царь Давыдъ воду, зямлю и наши грѣшныя души, судзержай жа скулу шумуху и свярбуху и золотуху, урошную, непорошную. На синемъ мори, на вострови, тамъ три злишныя панны; тамъ ли цябе напитки варюць, напитки варюць и булки пякуць, и цябе, скула, туды у госьци зовуць. Тамъ табѣ гуляньня—буяньня, а такого человѣка не чепацъ, отъ яго отступацъ.

Три разы дунуць на воду и плюнуць на лѣвый бокъ.

Монаст. в.

35, Высылаю я, вымовляю я,—идзи ты, скулища, на синее мóря; на синимъ мори бѣлый камень ляжиць, на томъ камни два престолы стоиць, на тыхъ престолахъ два кубычки стоиць: уво дзинъ кубычекъ жовтый пясочекъ засыпаетца, у другій кубычекъ злото и сребро переливаетца. Тамъ жа ты будзь, тамъ жа ты пробывай, свой вопухъ пущай, а рабы Параски не чепай: будзецъ ина цябе проклинацъ, Господа Бога упрошацъ. *Любав. в.*

36, Першимъ разомъ, добрымъ часомъ. Прячистая мамочка, поможи и пособи выговаривацъ у рабы божжія зъ грудзи, съ цыцки, скулу бѣлую бѣлугу, красную краснюгу, синюю синюгу, жовтую жавтугу. Идзи ты на мóря, на лукоморья,—тамъ твое сёстры ни пьюць ни ядуць, ничого не работаюць,—дорогимъ каменьнямъ качаюць, цябе къ сабѣ гукаюць.

Казим. слобод. в.

37, Господзи Божа благослови, прячистая матка поможи; устань ты нá помочь, святая суботычка матычка. Выговарюю скулу у раба божжаго нищую, багровую, золотую, красную, бѣлую, чорную, кресьцяньскую, жидовськую, татарськую, латыгольскую, паньскую, цыганьскую, усьмѣшную и наговорную, и жалостную и радостную. И выговариваю зъ ногъ, зъ рукъ, зъ буйныя головы и т. д. И скула нищая, и багровая и золотая, идзи ты на возялёныя озёры: тамъ табѣ круваци цесовыя, пярины пуховыя,—кычайся, валяйся, и на маково зёрня рассыпайся, и по вѣкъ рабъ ня 'трыгайся. *Соинск. в.*

38, Благослови намъ Господзи, пресвятая Пяцинка Прасковея, мученица Христова, стань жа Господзи на помочь, прячистая мацъ на радось. Якъ на мори на лукоморьи стоиць зялёный яворъ, подъ тымъ яворомъ цесовая корвацъ, на той корвацп слишная панна, пиры пирувала, госьцей честувала, сахорнымъ яблочкомъ шибала, махала, гуляла, скулку упрошала: скулухна синява, скулухна краснава, скул. ницая, скул. урошная, подуманая, погаданая, радосная, жалосная, унимись, уцишись, уляшись у раба божаго етаго человѣка, зъ буйныя головы и т. д. Якъ каманю на корени не стояцп, вѣтьцемъ не махацп, лисьцемъ не шумѣцп, такъ у раба божаго у буйной головѣ боли не болѣцп, не шумѣцп, не ломицп, подзивной, приговорной и т. д. по сей часъ, по сею годзину. Не я жъ цябе родзивъ, я раба б. отъ скулы отходзивъ. Мой душокъ цихонекъ, лягонекъ.

Сонн. в.

39, Господу помолимся. Водзица царица, красная дзявица,—вомываешъ ты зъ моря бѣлыя камушки, и перемываешъ жовтыя пяски, обмый раба б. скулу-скулицу, красную дзявицу, и синюю синюгу и бѣлую бялугу, и жовтую жавтугу, изъ раба б. зъ русаго волоса, зъ бумажнаго цѣла, зъ румяной крыви. И скула-скулица, красная дзявица, выходзи, выступай, на зялёныя луги, и на широкія листы, и на щирыя боры, и на товстыя древы,—тамъ табѣ гуляньня, тамъ табѣ буяньня,—у раба б. нѣтъ ни гуляньня, ни буяньня. Ня будзешъ жа ты выходзицъ, скула -скулица, возьму дванатцацъ прутовъ и дванатцацъ иголъ, буду скулицу колоцъ и пороцъ, сѣчь и рубацъ, на зяленыя луги выгоняцъ и на щирыя боры, и на товстыя древы,—тамъ табѣ гуляньня и буяньня.

Хотьслав. в.

40, Водзица царица, господнія помошница, матушка Михайловна! Позволь цябе узяцъ, рабу божжаму помочи дацъ. Скула красная, ск. синяя, ск. багровая, ск. болючая, ск. колючая, урошная, приговорная и т. т. идзиця на синя моря, па жовты пяскй,—тамъ вамъ столы цесовыя, скацерки бялёвыя, корвацп цесовыя, подушки квильковыя,—тамъ вамъ будзецъ буяньня, гуляньня и красуваньня. *М. Монастырщина.*

41 Ходзивъ Богъ по ўсёмъ свѣцп, по чистому полю, цвѣтки рвавъ, и намъ на помочь отъ рожи дававъ; отъ рожи рожавицы, отъ красной красновицы, отъ синяй синявицы, отъ бѣлой бѣловицы, отъ сухотныя, отъ ломотныя, отъ ирвотныя, отъ косьцявыя, отъ жиловыя, отъ пажилныя, отъ дзянныя и полудзянныя, отъ вячернія, отъ ношныя, отъ по-

луношныя, отъ зарявыя, отъ раннія. Исусъ Христосъ народзився, рабѣ божай пригодзився. Разгони Божа горючую кровъ, по косьцяхъ, по мозчахъ, и поставъ по своихъ мѣстахъ. *Монастырщ. в.*

42, Скулухна-матухна, на синимъ мори, на лукоморьи, тамъ цябе чорный чарнецъ дожидаецъ, бѣлу посьцель засьцилаецъ и скулухну-матухну дожидаецъ и упрашаваецъ. Тамъ табѣ цесовыя корваци, пуховыя пярины, цвилёвыя подушки,—тамъ табѣ пиць и гуляць, крусуватца.

Милославск. в.

43, Добры-вечеръ, вода водзица, божжа помошница! Цекла ты су 'току сонца, съ подъ ясныго мѣсица, съ-подъ-съ алтыря каменя, и мыла-помывала жовтыя пяски, крутыя беряжки, бѣло каменьня, сырое кореньня, луги, болоньня, шавковую траву,—и мый-помывай раба божжаго молодэнца. Ой скула-скуловица, синя синявица, бугра бугравица, и золотуха, ницуха, и упрошаю васъ, и украшаю, не самъ собою—Господомъ Богомъ, прячистою святою,—и не гуляйця вы, не буяйця у етаго молодэнца ни ў бѣлымъ лицы, ни ў рацивымъ серцы, ни ў жилахъ, ни ў пожилкахъ. На мори на сіяни стоицъ вострувъ, на той вострувп стоицъ хатка; а ў той хатцы живецъ бабка, и ў тыѐ бабки стоицъ кырвацъ дубовыя, цясовыя; на той кырваци лежацъ подушки пуховыя. цьвилёвыя, —на тыхъ подушкахъ вамъ гуляць и буяць, а на етыго раба божжаго молодэнца пора забываць. Не самъ собою—прячистою святою: прячиста мацъ наряжала и помочи давала, и духомъ своимъ дунула и скулу отогнала. *С. Березки, клим. у.*

44, Добры-вечеръ, царица водзица, прекрасная дзѣвица! Кацилась ты терезъ господнюю коляснищу изъ горъ, изъ долинъ, и крутыхъ береговъ, вымывала ты крутыя беряги, и лозовыя кореньня и бѣлыя каменьня, такъ жа ты, царица водзица, вымывай и выскребай скулу изъ раба божаго, зъ буйной головы и т. д. Прошу я цябе, скула скулавица, синія синявица, жовтая красавица, не самъ собою, прячистою святою, и вячернею зарёю и дробными звѣздами, и яснымъ мѣсикомъ, и краснымъ сонцамъ. На мори на сіяни ляжицъ латырь-камень, на томъ латыри-камени цесовая крывацъ, пуховыя пярины; вотъ тамъ табѣ, скула скуловица, пугуляць, а етаго человѣка покидацъ. Якъ стоицъ Господзь Богъ на духу, такъ стань, рабъ божій, на стану. *Климов. у.*

45, Выговарюю я ету болѣзню скулу, и придумную, и придзивную, и приговорную, и жапоцкую и дзявоцкую, и хлопецкую, и мущиньскую,

и ўцѣшную и посмѣшную. Скула-скулица, прекрасная дзявіца, не тутъ табѣ гуляць и не тутъ табѣ буяць, и раба божаго не чепаць. Ёсь на сіяньскомъ мори, на злукоморьи, стоиць дубъ, подъ тымъ дубомъ цесовая коровäць, на тэй коровäци прекрасная дзѣвица: вотъ тамъ табѣ гуляць, вотъ тамъ табѣ буяць, и раба б. не чепаць. *Лобанов. в.*

Отъ волосня.

46, Ná мори на кіяни, у ракитывымъ кусьци, на бѣлымъ камни, на латыри—камни, тамъ волосьнёва маци жила—проживала. Нихто яé не знавъ, нихто ня 'твѣдàвъ, нихто до яé не дохаджувавъ,—тольки я рабъ Платонъ (знахарь) яè знавъ, яè отвѣдàвъ, до яе дохаджувавъ и рабу божаму помочь дававъ. *Любав. в.*

47, Разыйдзицеся вы, волосьни, по чорной зямлѣ, по цёмнымъ лясу, по щирымъ бору, по бѣлымъ камяню̀, у червону сосну: тамъ сабѣ будзьця, тамъ вы пробувайця, свой вопухъ пущайця, рабы б. не чепайця. *Тамъ же.*

Отъ грызи.

48, (Передъ клиномъ, вбитомъ въ стѣнную щель, или предъ сучкомъ въ стѣнѣ.) Якъ етому древу не 'тростаць, не зелянѣць, на кбрани не стояць, и кораня не пускаци, и вѣтьцямъ не махаци, такъ раба божаго животу не болѣць, косьци не ломиць, крыви не мяртвиць, яду не пусьциць. (Вынувъ клинъ:) якъ етому суку на корани не стояци, зялёнымъ вѣтьцямъ не махаци, и бѣлаго кореньня у землю не пускаци, и бѣлаго иверня (щепы) не ссѣкаци, такъ етому животу не болѣци, грызи не гуляць, не ходзиць, живота—серца не тошниць. (Закусывая пупокъ сквозь тряпочку:) уцекай, грызь,—у мяне зубы рысьсія, я цябе зьѣмъ! *Милослав. в.*

49, Ёсь у свѣци три царикі; першій царикъ Сусъ Христосъ, другей царикъ—духъ святэй, третьцій царикъ—мацъ прячистая; на кіяни—мори гуляли, на крутой горѣ жовтыя пяски брали, и грызины раны засыпали, и рабѣ божай помочи давали,—молодзика и ветоха горючей крыви не палиць, животу—серцу не болѣць. *Мошевск. в.*

50, На мори на кіяни два молойцы гуляюць, сабѣ грызи жалаюць, у етаго раба б. отбираюць и къ сабѣ принимаюць. Прошу я цябе, гры-

зица, красная дзявица,—выходзи ты на щирыя боры, на сухія лясы,—тамъ табѣ цесовая корвацъ, пуховыя пярины, цвилёвыя подушки: тамъ табѣ жиць и быць, и роскошуватца. сяго раба человѣка буйныя головы не ломиць, румянаго лица не сушиць, чорныхъ бровей и ясныхъ вочэй, и нутрей, и печаней, и легяней. Якъ жа нѣмъ сукъ у древи, онямѣй нямѣй етаго сука и ня вотрыгайся ни молодзика, ни сходу, ни повнаго мѣсяца.

Самотейв. в.

51, На синимъ мори стоиць сахорная яблонка, подъ той яблонкой цесовая коровацъ стоиць, на той короваци пуховыя подушки, цюлёвыя пярины. Грызь-грызуха, зъ раба б. выходзи на древо сухое, на синее море, на цесовую коровацъ, пуховыя подушки, цюлёвыя пярины: тамъ табѣ жиць, крусуватца, у раба б. вѣкъ ня 'трыгатца,—ни шумѣць, ни гудзѣць, ни ў буйной головѣ, ни ў ряцивомъ серцы, ни ў косьцяхъ, ни ў мощахъ, ни ў тридзевяць суставахъ, ни ў тридзевяць полусуставовъ, ни ў тридзесяць жилъ, ни ў тридзевяць прожильницъ. *Лобан. в.*

52, Першимъ разомъ, добрымъ часомъ. Умовляю у раба б. тридзевяць грызевъ, тридзевяць пагрызевъ, урошныхъ, наносныхъ, вѣтровыхъ, часовыхъ, годзинныхъ, подзивныхъ, который вокомъ заглидаець, не змовчиць—урекаець. Гамъ—гамъ—гамъ! И закушу тридзевяць грызевъ, тридзевяць пагрызевъ. И сукъ—суковина, возьми раба хрутовину урошную, наносную и т. д. съ косьцей, полукосьцей, зъ жилъ, пажилъ, нутрянного живота, аминъ. *Бѣлынков. в.*

Отъ лихорадки.

53, Стоиць дубъ на синемъ мори, а ў томъ дубу Ирода. Было ў яго дзевяць-семъ дочокъ. Ишли яны по синяму морю, и стрѣли яны святыя отцы Исакъ и Аковъ. А куды вы идзицё, Иродовы дочки?—Идзёмъ мы на Бѣлую Русь бѣлую косць крышиць, горячую кровъ лиць!—Идзиця вы лучче на сыръ боръ, сѣрое болото крышиця, корчавое пянёвъя, непотребное, и забудзьця дорогу на святую Русь! Иродовы дочки дорогу забудуць, а ў раба божаго по вѣкъ трясца ня будзець.

Пирянск. в. Отъ грам.

54, Каждый день послѣ утреннихъ и вечернихъ молитвъ надо говорить: „Помяни Господзи дзядзюшку Халилея и цётушку Хвилисту, и ўсихъ моихъ сродниковъ!" Тоды николи не забярець. *Монаст. в.*

55, Усихъ святыхъ на помочь попросимъ, и Михайлу и архійлу, судьдзю праведнаго. На поли, на кіяни стоиць дубъ Ракитаній; на томъ дуби дванатцаць кокотовъ, на тыхъ на дванатцаци кокотахъ дванатцаць Цяцюхъ (тетокъ, лихорадокъ); яны зжадалися, у раба б. собиралися. Вы, дванатцаць Цяцюхъ, выходзиця зъ раба божаго: вамъ у ёмъ ня быць, вамъ зъ яго вонъ выходзиць, зъ жилъ, съ пажилъ, зъ горючей крыви, зъ головы и зъ ногъ. И ходзиця на сіяньскія луги,—тамъ калиновыя кусты,—вы тамъ будзеця гуляць, и калиновыя кусты и зялёныя луги вытресаць, ну васъ оттудова нихто ня будзець высылаць.

Хотимск. в.

Отъ шалу.

56, Помяни Господзи царя Давыда и царя Косцянцина, Вѣру, Надзежду, животы вѣшныя. Судзержаешъ царей—королей, сильныхъ, могучихъ богатырей, зямлю и воду, удзѐржи ету ярную шалосць. Выговарюю ярную шалосць, разныхъ шарсьцей, изъ буйныхъ косьцей, изъ рециваго серца, зъ буйныя головы—вятхо̀мъ и молодзикомъ, и чеснымъ днёмъ суботою: оставайся, ярная шалосць, на неспособныхъ мѣстахъ, на сухихъ дзеревахъ, на дымовыхъ трубахъ. *Любав. в.*

57, Помяни Господзи першаго царя Давыда и ўсю кротось яго, ласку святую. Устану я ранѐнько, и ўмыюся бялѐнько, и помолюсь Богу вярненько, узыйду я на крутую гору и гляну подъ красную зарю,—тамъ стоиць мѣдный домъ и золотая ограда, и сяребряныя вороты. Усерядзи того дома ляжиць бѣлый камень, на томъ бѣлымъ камни сядзиць старый дзяду, шалный царь, синій огонь раскладаець, и коло яго силный огонь шибаець. Я къ етому къ царю зайду и прикажу: ахъ, ты дзяду, ты дзяду, ты шалный царь! занимай ты свой поганый шалъ и проклятый ядъ зъ раба божаго (ци съ скоцины); ня будзешъ занимаць, Сымогущаго Господа Бога буду на́ помочь призываць, и буду святыхъ апостоловъ Петра и Павла и Аноха упрошаць, и буду твою силу святыми апостолами проклинаць, кабъ ты занимавъ шалъ и ядъ проклятый зъ раба б. хрисьцянина. А ня будзешъ ты занимаць, сошлець Господзь Богъ на цябе святыхъ апостоловъ Петра и Павла и Аноха; и сошлець Господзь Сымогущій на твой ядъ поганый Михаилу архангала, вяликаго архистрациха зъ войстрымъ, вогняннымъ мѐчамъ: усю твою силу окаянную и поганую огнёмъ выпалиць и мечамъ вырубиць (прикладать ко лбу раскаленное желѣзо); сошлець твою силу и поганый ядъ на трёхъ-исподнію зямлю, и на стоючія воды, и на рязучія соки, идзѣ и сонца ня грѣець, и мѣсяцъ

ня свѣциць, и звѣзды не глядзяць. И по сей дзень, и по сей часъ, по сѳю минуту; и скорый поспѣхъ и на скорое ўремя.

Три разы на трехъ раннихъ заряхъ, наща,—на хлѣби отъ собаки, и на говядзини отъ звѣря. *Бохотск. в.*

58, Святая мацъ прячистая, якъ Суса Христа народзила. такъ раба божаго благословила. Сымаю, ломаю сходомъ и вятхомъ, даю хлѣбъ господнiй и благословенный, отъ шалу, отъ дуру, отъ усякiя непрiятносьци. Отгоняю дуръ и шалъ живымъ Богомъ, исцинньшъ Господомъ.

Тамъ-же.

59, Ишовъ Сусъ Христосъ съ ордою по калиновому мосту. Ты, орда, вярнися, Исусъ ко мнѣ обярнися, и шалъ унимися. *Каз. слоб. в.*

60, Господзи Божа благослови. Господзи Божа поможи! Першимъ разомъ, добрымъ часомъ. Якъ выйду я ў чисто поля, гляну я на ўсходъ сонца подъ зарю, на сiяньску гору,—на сiяньской горѣ стоиць Господзи Божа милосьцивый. Господзи Божа, молюсь я табѣ, рабъ твой грѣшный, —прими во славу свою молитву мою, и вынь собакинъ курцякинъ зубъ ярый, и суччiй курцякинъ зубъ ярый, зъ раба божаго, зъ русаго волоса, зъ громкаго голоса, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочъ, зъ горючихъ слёзъ, зъ рецивого серца и т. д. Стоиць рабъ божiй ни на зямли, ни на небесй,—на господнихъ воздухахъ. Навярни яго. Господзи, на исцинну пуць, на добрыя мысьли. И прими, Господзи, моѐ слова на хвалу свою. *Тамъ-же.*

61, Господзи Божа богослови, пресвятая мацъ Бугуродзица помочи дай! У чистомъ поли на Сiяньской горѣ стоиць дубъ; подъ тымъ дубомъ сядзиць старушка стáренькая, кладзець огонёкъ синенькiй и сильненькiй, пякець сало и пускаець духи на ўси сухiя цёмныя лясы. Унимай, бабка, своихъ ярыхъ шалёныхъ собакъ, отъ яраго зуба, отъ жаркаго огня, дай помочи рабѣ Ганни; не даси помочи, то я пойду къ Михайли-судьдзѣ праведному, то будзець цябе судзиць, зялѣзнымъ прутьцемъ мясо твоѐ рубиць. Ето жъ не я говорю, говориць самъ Господзь Богъ, Исусъ Христосъ, и пресвятая мацъ Бугуродзица, а я рабъ-человѣкъ ли помочи.

Надьйков. в.

Треба изъ муравьиной кучи яйцы жучиныя выбраць и ў бутылки поўкладаць. И выведутца зь ихъ жучки зяленаго цвѣта. Ихъ высушиць, поцерци, ды съ хлѣбомъ ци зъ водой ў глотку улиць. Дужа помочь вяликая.

Собрацъ зъ дзевяци хатъ дзевяць хлѣбовъ' и сольлю посолиць и ў воду хлѣбъ укласць и пиць кажанъ-дзень рано й вечарóмъ, покуль выйдзець увесь квасъ, што зъ воды станець. Главное дзѣло, кабъ у зеркало не глядзѣць и ў воду, ды ў баню не ходзиць.

62, Пумяни Господзи перваго царя Давыда, сына яго Соломона, уси кротосьци яго. Якъ царь Давыдъ мѣвъ силы, сокруцивъ небо, вóды и земли, царёвъ, королёвъ и прочыхъ сильныхъ—могущихъ богатырёвъ, сокруци, царь Давыдъ, ярый шалъ зъ раба божаго Ивана, съ усяго скота, съ усяго приклада, (коли ня вѣдаешъ, кого покусавъ, кого нѣ). И вуводзи, царь Давыдъ, ярый шалъ съ коний зъ гнядыхъ, зъ вороныхъ, сь сивахъ, съ пѣгыхъ, съ плясвивахъ. И вуводзи, царь Давыдъ, ярый шалъ съ коровъ и зъ буковъ, и съ цёлокъ, зъ рыжахъ, съ чорнахъ, зъ рябыхъ. И вуводзи, царь Давыдъ, ярый шалъ и съ овецъ и зъ барановъ, зъ бѣлахъ, сь сивахъ, съ чорнахъ, и зъ рыжахъ. И вуводзи, царь Давыдъ, ярый шалъ съ свинней и зъ вопрёвъ, и съ поросятъ, зъ бѣлахъ, съ чорнахъ, съ перепялёсыхъ. И вуводзи, царь Давыдъ, ярый шалъ исъ субакъ, и съ сучекъ, зъ буйныя гóловы, зъ ясныхъ вочъ, съ чорныхъ бровъ, зъ рецивого серца, жильля и пàжильля, исъ косьцей, исъ пакосьцей, съ печанёвъ, зъ леганёвъ, изъ-за купутовъ (копытовъ), изъ-за нохцей. И вуводзи, царь Давыдъ, ярый шалъ на мхи, на болоты, на гнилэя колоды. На мхахъ, на болотахъ, на гнилыхъ колодахъ стоиць дубовый пень; на дубовымъ пни яроє шалово гнѣздо; у тымъ ярымъ шаловымъ гнѣздзѣ золотэй ланцугъ; на тымъ ланцугѣ стоиць ярній шалъ: во тамъ табѣ, ярый шалъ, жиць-пробуваць, бясѣдуваць, а ня тутъ табѣ. Хухъ! плюхъ! господній на ихъ духъ! О Господзи Божа, мацерь божая, прячистая наша, смоленьская, пустыньская, любавская стань рабу божаму и скоцини на помычь, намъ на радысь. *Любавицк. в.*

63, На поли на кіяни, на мори на сіяни ляжиць камень-латырь, на камени на латыри сядзиць сивенькій старенькій дзѣдзька, ломаєць трусокъ калинувый, пускаець пашокъ (пахъ) малинувый. Ты старенькій дзѣдзька, унимай жа ты своихъ слугъ собакувъ-шалякувъ, кабъ яны пó свѣту не ходзили, скоту и народу не кусали. А то я буду самагó Господа Бога просиць, будзець цябе самъ Господзь Богъ громомъ биць, молоньнёю палиць. Заговарюю жъ я зубы-пàзубы, губы-пàгубы, лёхки-пàлехки, жилы-пàжилы, косьци-пàкощи. *Мошевск. в.*

64, Стану я рано, умыюся бѣло, помолюся Богу вѣрно, выйду я у чистое пóля, гляну подъ вутреную зарю, на каянь-мóря. Виджу-бачу на

каяни-мори стоиць старенькій старичокъ зъ золотымъ цапочкомъ. Дзень-добрый табѣ, дзѣдзичка-лябедзичка!—Здоровъ! Чаго ты, чаловѣкъ Пятрокъ (знахарь) ходзишъ?—Ходжу я къ табѣ,—порятуй мяне!—Чимъ цябе ретувацъ?—Порятуй мяне, Петрока: покусавъ моихъ шалёный собака и кусака коровъ и коній, овецъ и свиней, и собакъ и кошакъ!—Да, чаловѣча добрый: началною смерцю не пропадаць,—надо ретуваць. Я цябе не порятую, а я табѣ насовѣтую: выйдзи ты у чистое поля и глянь подъ вутренюю зарю на каянь-моря. На каяни-мори востровъ, на томъ вострови тожа стоиць старъ-старичокъ зъ золотымъ цапочкомъ,—тэй цябе порятуя и хлѣбъ табѣ наговоря отъ шалёныхъ собакъ и кусакъ!.. Выйду я у чистое поля, гляну на каянь-моря подъ вутреную зарю,—виджу-бачу—стоиць старенькій старичокъ зъ золотымъ цапочкомъ. Добры-дзень, дзѣдзичка-лябедзичка, порятуй ты мяне!—Здоровъ! чимъ цябе ретуваць?—Покусавъ шалёный собака и кусака моихъ коровъ и коній, овецъ и свиней, собакъ и кошакъ!—Я табѣ хлѣбъ наговорю 'тъ шалёнаго собаки и кусаки. И шалёныхъ собакъ згоню я за щирыя боры, за цёмныя лясы, за мхи, за болоты, за гнилыя колоды, и за лютыя воды, а дзѣ людзи ня ходзюць и зьвѣри ня бѣгаюць, и пцицы не летаюць; тамъ ня слышно ни коровськаго рыку, ни пятуховаго крику,—тамъ имъ пропадаць, шалёнымъ собакамъ и кусакамъ, и назадъ не ўзворочатца. А хлѣбъ табѣ наговоривъ: будзя помощай твоимъ коровамъ и конимъ, и 'вцамъ и свиньнямъ, и собакамъ и кошкамъ. Духъ святый помогай табѣ, аминъ. *Самотейв. в.*

65. Стану подъ яснымъ небомъ, подъ ясными зарями, передъ дробными звѣздами, передъ жаркимъ сонцамъ и яснымъ мѣсякомъ и вябесную колясницую. На мори кіяни, на горѣ Сіяньской, тамъ ходзиць старичокъ, старенькій, маленькій; ёнъ ходзиць, гуляець, трусочекъ зьбираець, калиновый и малиновый, жаркій огонь раскладаець, и ярый шалъ вынимаець, золотымъ хрястомъ вугрожаець, и раба божаго по имени ўзываець, Господа Бога упрошаець. На мори кіяни, на вострови Буяни, стоиць стовпъ мѣдный; коло того стовпа мѣднаго прикованы три цапы зялѣзныхъ; на тыхъ цапахъ прикованы три пса лютыхъ; коло тыхъ псовъ стоиць три 'собы: Кашўра и Мавшўра, Вахта и Бахта. Вы, три 'собы: прошў я васъ,—унимайця вы своихъ лютыхъ псовъ, и не пускайця яду по бѣлому свѣту, на русый волосъ, па буйную головў, икъ ряцивуму серцу! А не будзеця вы унимаць, то я пойду до самаго Господа Бога. Господзи мой, Господзи,—на востоцы жарко сонца, на заходзи царь Давыдъ, сынъ Косцянцинъ, матушка Алёна, и Михайла архангалъ, судьдзя верховный, съ апостолами,—судзержаюць небо и землю, и храмы господ-

ни,—судзержайця вы и ванимайця етый ядъ, и печатуйця воскову свячу, и Господнею рукою наўсягды, во вѣки вяковъ, аминъ.

Малятич. в.

66, Выйду я за новыя воро́ты, гляну я у чистое поля за синее мо̀ря, и за жовтое мо̀ря, и за чорное мо̀ря: тамъ на вострови старый дзядочекъ ломаець трусочекъ, раскладаець огонёчекъ, пускаець дымочекъ на ўвесь бѣлый свѣтъ, отъ дуру и шалу. И не самъ я собой—Господомъ Богомъ и т. д. *Самотейв. в.*

67, Царь Давыдъ, скряпивъ небо, зямлю̀, зори и ясный мѣсяцъ, скряпи мою прозьбу. Съ вусходу сонца на западъ сонца идзець старичокъ—самъ зъ ногоць, борода по поясъ, пуга семъ сажаней, пуговъё зъ локоць. Ето самый шалъ. Ванимай свою дурусць съ косцей, мощей, суставовъ, буйныя головы, ясныхъ вочъ, зъ горючія крыви, зъ раба Панаса. А ня будзешъ винимаць, будзець цябе святый Ягорій сѣчь и рубаць, копъёмъ пробиваць, твою кровъ разливаць. *Старосел. в. мст. у.*

68, Выйду у чистое по̀ля, гляну на Сіяньскую гору; на Сіяньской горѣ стоиць дзѣдзька—лябедзька. Дзѣдзька—лябедзька, прошу цябе покорнымъ словомъ, кланяюсь низкимъ поклономъ,—унимай свой зябъ шалящій и забывающій зъ дванатцаць суставъ, зъ дванатцаць полуставъ. Прячистая мацерь на помочь приступила, ранними и вячерними росами умувала, Суса Христа на помочь призывала. *Соинск. в.*

69. Якъ выйду я подъ жаркое сонца, и гляну на Сіяньскую гору, —на Сіяньской горѣ дзѣдзька-лябедзька, старенькій и сивенькій, устаець ранёшанько, умуваетца бялёхонько, идзець на Сіяньскую гору, подъ ясную зарю, подъ ясный мѣсикъ, подъ праведное сонца. И стрѣчаець самъ Господзи и святая маць прячистая: дзѣдзька лябедзька, старенькій и сивенькій, устаешъ ранёшанько и т. д. и собирай и васылай своё шалоство съ скоцины, рыжай шарсьцины, кабъ твоё шалоство живота не палило, и ў головѣ закрутносци ня мѣло; и васылай своё шалоство на Сіяньскую гору. На Сіяньской горѣ стоиць Ва̀хта и Ба̀хта, Мавшура и Бавхту̀ра, увесь шалъ принимаюць и унимаюць. *Хотовѣжск. в.*

70, Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. На мори, на кидани, на рѣцѣ на Ирдани, на круценькомъ беряжочку, на жовценькомъ пясочку, тамъ сядзиць дзѣдзька, бѣленькій, маленькій, невяличкій: ходзиць ёнъ по чистому полю, по синему морю, ломаець трусочекъ калиновый да ма-

линовый (вар. рябиновый); раскладаець синій гонёчекъ, пущаець ёнъ свой душочекъ на ўвесь бѣлый святочекъ, отъ того шеляки—отъ собаки, отъ яраго зуба, отъ суки. И ссылаю и збавляю раба божаго человѣка (ци скоцины, чорной шарсьцины) не самъ собою—Господомъ Богомъ, Исусомъ Христомъ. Михайлою арханіемъ, страстскимъ вяликимъ судьдзёю праведнымъ, вояводою. Ссылаю, збавляю шеляку, собаку, шумъ яго, дуръ, на мхи, на болоты, на ницыя лозы, а гдзѣ людзи ня ходзюць, птушки не летаюць, росы ня ўббиваюць, тамъ табѣ и быць, и гуляць, и дуръ свой пускаць, и ў раба божаго человѣка (ци скоцины) вѣкъ вѣшный ня бываць, огнёмъ не палиць, косьцей не ломиць, аминъ. *Бѣлынк. в.*

Отъ гадюки, ужаки, сливня.

71, Га́дзя, га́дзя, га́дзя! унимай свой ядзя, а ня ўнимишъ свойго яду, буду гадзю заклинаць ясьнымъ сонцамъ, дробными звѣздами и ўсимъ міромъ православнымъ, Михаиломъ архистрацигомъ, чуднымъ Ерёмою, утренней и вячерней зарёю. *Монаст. в.*

72, Помяни Господзи царя Давыда и ўсю кротось яго и вяликую памяць яго. Судзержавъ царь Давыдъ воду̀, зямлю̀ и наши грѣшныя души, судзержай жа змѣй скурлупей подпешныхъ, запешныхъ, защитныхъ, гноявыхъ и подмежныхъ, лѣсовыхъ. На синемъ мори, ды на во̀стровьи, бягиць рѣка Смородзина, черезъ тую ряку ляжиць дубъ гнилый, дупленястый, а ў томъ дуби сядзиць змяиный царь Сокатынъ. Унимай жа ты, царь Сокатынъ, своихъ змѣй скурлупей, унимай и жало вынимай, и вопухъ полегай, и пользу давай. А ня будзешъ унимаць, будзець Господзь грозу насылаць, каменьнемъ побиваць, градомъ засѣкаць. *Тамъ же.*

73, Ишовъ Сусъ Христосъ по сяребреному мосту, золотою тросьцю попирався. Стрѣла яго маць прячиста, спрашіець: куды Сусъ Христосъ идзешъ?—Къ самому Богу на̀ небо!—Почаму?—Объ змяи шкурлупеи: змѣя шкурлупея укусила раба божаго, (ци скоцинку рыжую, чорную, рябую, сивую шарсцинку). Укусила ци корчевая, ци межавая, гноевая, ци лятучая. Змѣя шкурлупея, унимай своихъ дзяцей, змѣй шкурлупей, и жало вынимай и вопухъ полегай. *Тамъ же.*

74, Господзи Божа благослови! Помяни Господзи царя Давыда и ўсю кротось яго. Сокручивъ Божа зямлю и воду, сокручи Божа и змѣю шкурлупѣю. На синемъ мори ляжиць камепь Ла́тырь: на томъ камни стоиць

яблынѣ, на той яблыни змяиное гнѣздо; у томъ гнѣздзѣ три шерсьци: шерсць чорная, шерсць бѣлая, и шерсць рыжая. У той шерсьци ляжиць змѣя шкурлупея. Змѣя шкурлупея! не ляжи, а пробяжи, своихъ чадовъ уними: Сохвéй и Палагéй и Марéй. А ня ўнимешъ своихъ чадовъ и ня вынешъ своихъ жалъ, то буду молиць Господа Бога и просиць пресвятую мацъ Богородзицу, Исуса Христа, Михайла архангала, Ильлю пророка, ангаловъ хранителевъ, и ўсихъ святыхъ Христовыхъ апостоловъ и и угодниковъ Божихъ, штобъ наславъ на цябе самъ Господзь Богъ три тучи, тучи грозныя,—одну камянỳю, другую водзянỳю, третьцію огняную. Камянáя забъѣць, водзяная затопиць, огняная спалиць; ня будзець табѣ мѣста ни ў мохахъ, ни ў болотахъ, ни ў гнилыхъ колодахъ, ни ў цёмныхъ лѣсахъ, ни ў зялёныхъ лугахъ, ни ў быстрыхъ рѣкахъ, ни ў крутыхъ берегахъ, ни ў жовтыхъ пескахъ, а ни за мяжою, а ни подъ мяжою, ни ў травѣ, ни ў крапиви, ни ў гной, ни ў защици. Первымъ разомъ и добрымъ часомъ плюю и дую на цябе, бязстудную. *Тамъ же.*

75, Ишовъ Господзь Исусъ Христосъ у зялёныя луги гуляць, усякихъ разныхъ травъ, цвятовъ сорывацъ и ўсякія разныя раны змяиныя прикладаць и усѣ яé раны зацирацъ. Фуфъ, на яѐ господній духъ! Ишовъ Господзь у зялёныя луги гуляць зъ глѝную, съ пячѝную и ўсякую разную кирпячѝную, и усякія разныя раны змяиныя прикладаць и усѣ яѐ раны зацирацъ. Фуфъ, господній на яе духъ! Мацъ, царица нябесная, божжія мацерь казаньская, устань рабу божжиму на помочь, а намъ съ хозяинымъ на радось. *Любав. в.*

76, Помяни Божа цáря Давыда и ўсю кротось яго. Змія Ева, змія Куртупея, змія Черепéя, змія Вадъ, вынимай свой ядъ зъ горючія крыви, съ тѐвстаго мяса. Которыя вы кусали,—ци большая, ци меньшая, ци дворовая, ци гноевая, ци подмежная, ци подгранѝцкая, ци подкамянѝцкая, ци лѣсовая, ци подколодная, вынимайця свой ядъ! Ня вынеця вы свойго яду зъ горючія крывѝ, съ тѐвстаго мяса, (ци шарсьцины),—ну стоиць дубъ на синемъ мори на двѣнатцыць кокотовъ; ну на томъ дубу стоиць гнѣздо. Нашлю я на тое гнѣздо громовую тучу, наведу я каменную стрялу: якъ ударицъ,—разобъѣць на дванатцыць грань. Тольки ето ня помочь,—пойду я къ самому Господу Богу, возьму я мечъ-самосѣчъ, посяку я, порубáю, по ўсёмъ чистому полю покидаю. Слово моё, духъ господній.
Тамъ же.

77, У чистомъ поли на сцянѣ стоиць игруша, на тэй игруши дзевяць, и дзевяць, и дзевяць суковъ; то ня сучча—усё родно братьця. Зьверхъ сучча

Хавино гняздо, у томъ гняздзѣ Хава съ Хавою и зьмѣй Сакатунъ. Хава съ Хавою и зьмѣй Сакатунъ, унимай, павучай своихъ дзяцей и ўнуковъ, праўнуковъ, пращуровъ, полявыхъ, лѣсовыхъ, домовыхъ и т. д. Коли ня ўнимешъ, не навучишъ, нашлець на цябе самъ Господзь Богъ жалѣзный градъ, сильный дожжъ; нашлець на цябе дванатцаць молойцовъ, по поясъ у золоци, по ноги у сéребри, изъ вострыми мечами: ссякуць цябе и зрубюць, и ў полонъ цябе забяруць.

Три разы, шесь, и дзевяць. *Бохот. в.*

78. Зьмія-Шкуропея, зьмія Прасковея, вынь ты свой ядъ, своё жало. А ня вынешъ ты свойго жала, пашлю на цябе страхъ божій, три тучи грозныя: одну тучу громовую, другую дожжавую, третьцію—войстрый мечъ. Нійдзѣ ты ня ўцѣлѣешъ отъ яе: ни ў кручи, ни ў мяжи, ни ў якей пожарини. *С. Бохотъ, мстисл. у.*

79, Тамъ на мори на Сіяни стоиць яблонка, на той яблонцы золотое гняздо; у томъ гняздзѣ змѣя Шкуропея. Змѣя Шкуропея, унимай своихъ змѣй; а ня будзешъ унимаць, буду просиць Кузьму-Дземьяна и Михайлу-архана. Возьмець ёнъ булатную мечь, булатный ножъ, посячець ваша мясо, поторкаець по тычинахъ. Ванимай жа ядъ зъ жилъ, съ прожилъ, зъ горючаго живота, зъ рящивого серца, зъ буйныя головы, съ крупишныя печани. *Старосел. в. мстисл. у.*

80, На мори на кіяни, на горѣ на Сіяни стоиць дубъ; на томъ дуби три кокоты; на тыхъ трёхъ кокотахъ три гнязды, а ў тыхъ трёхъ гнѣздахъ три змяи: первая змѣя Шкуропея, другая змѣя Сохвея, третьція змѣя Палагея. Змѣя Шкуропея, змѣя Сохвея, змѣя Палагея,—гукниця вы и собяриця своихъ слугъ вѣрныхъ, и лѣсовыхъ и моховыхъ, водзяныхъ, полявыхъ, домовыхъ, хатнихъ, кутнихъ,—гдзѣ бъ яны не́ были; и выньця вы своё ядо зъ раба божаго. Ну ня вынеця вы свойго яда зъ раба б. съ колѣнъ, съ суколѣнъ и съ суколѣночекъ, изъ жилъ, съ поджилочекъ, дыкъ я пойду къ святому Михаилу на жалобу. Святый Михаилъ нашлець на васъ три тучи грозныхъ: первую тучу огняную, другую тучу ка́мянную, третьцію--скаловую. Огнянною тучую будзець у лѣси палиць, камянною тучую будзець по полю биць, скаловою [1]) тучую будзець у водзи биць.

[1]) *Скалою* зовутся и кремень и кремневыя орудія каменнаго вѣка—„перуновы стрѣлы.“

Каз. Слоб. вол.

81, На мори на кіяни стоиць дубъ Мельлянъ, у ёмъ змяиный гробъ.

Поляха, Домаха, я васъ прошу и вялю уняць своихъ дзяцей и выниць своé жалы зъ раба божаго. *Тамъ же.*

82, У поли на мори стоиць кустъ; у тымъ кусьци три змяи, три сястры: одна змѣя Шкурлопея, другая Солохвея, третьція Сохвея. Змѣя Шкурлопея и Солохвея и Сохвея, вынимай змяиныя жалы и змяиныя зубы и съ скоцины, чорной шарсьцины, и ўнимай своихъ слугъ, домовыхъ, полявыхъ и т. д. Ежали жъ ты будзешъ мою молитву заѣдаць, то я буду просиць Господа Бога. Сошлець Господзь Богъ Михаилу архаилу зъ громами, зъ молоднями: будзець громомъ биць, молоднями палиць. Хухъ, здоровый духъ! *Тамъ же.*

83, Ёсць на мори на кіяни выспа, на той выспи стоиць дубъ кургановатый, бургановатый. У томъ дуби золотое гнездо; у тымъ гняздзѣ ляжиць змѣя, усимъ змѣямъ царица. Прошу жъ я цябе, змѣя—змяица, усихъ змѣй царица, унимай жа ты усихъ своихъ змѣй шкуропей, и змѣй змѣенятъ, и ящеръ—ящеренятъ, и болотныхъ, и подколодныхъ, и лѣсовыхъ и моховыхъ, и кустовыхъ, и полевыхъ и подмежныхъ, и подпешныхъ, и пунявыхъ, и гноявыхъ. Унимай жа ихъ, и къ етой бурой корови—бодзяцы пригоняй, и зъ два-шерстной шарсьцины жало вымай, и ядъ выняй, и раны етыя заживляй, и на помочь давай. Не ўпрошу жъ я цябе, ня будзешъ ты усихъ змѣй своихъ шкуропей унимаць, и змѣи—змѣенятъ къ етой корови пригоняць, и жало вынимаць и ядъ выгоняць, и раны зживляць, на помочь ёй даваць,—упрошу святого Михайлу—архангала. Святый Михайла сыйдзець зъ неба на землю, съ своёю золотою меччу и цябе, змѣя—змяица, своёю меччу посячець и порубиць, и Кузьмѣ—Дземьяну у золотую кузьню отдасць. Кузьма своё жезло распекаець, и табѣ зубы, губы и жало запекаець, и во вѣки вякомъ, аминъ.

Тамъ же.

84, У чистомъ поли на долини, на Сіяньской горѣ, на 'гняной ряцѣ, стоиць ракитовый кустъ: у тымъ кусьци три зьмяиныхъ гнязды; у тыхъ гняздахъ сядзяць три зьмяи: зьмѣя Поляха, зьмѣя Домаха, зьмѣя Шкуропея. Унимайця вы своихъ зьмяиныхъ дзяцей отъ яраго яду: ежали ня ўнимешъ своихъ дзяцей, то я пойду къ святому Кузьмѣ-Дземьяну, то ёнъ гнёзды твоè укинець уво 'синовый грудъ и спалиць, и попелъ лубкомъ разобъець и по полю вѣтромъ разнясёць. *Надъйков. в.*

85, Подъ каменемъ Барласомъ тамъ ёсь зьмѣи Шкуропеи: Ягина и Ульляна, Матреля и Сохвёя. Унимайця вы своихъ слугъ и жалы и

и яды; а то стану передъ святымъ Михаиломъ архистрáциломъ на колѣняхъ,—будзець Михаилъ архистрацилъ выѣжжацъ сы 'гняннымъ пламемъ, зъ золотою меччу, съ побойную стрялою, будзець сѣчь и рубаць, и огнянный градъ кидаць, и по кольлю мясо тóркаць. *Соинск. в.*

86, Упрошаю Господа Бога,—помилуй, Божа, отъ вужа—добраго мужа, отъ ясныя головы. Ляжйць вужъ, добрый мужъ, подъ барановую кóжаю, подъ камнемъ Барласомъ. Унимай ты своихъ слугъ и вужовъ, слижнёвъ, крутнёвъ, ящарей, и вынимай жалы и яды изъ ихъ. А ня будзешъ вынимаць, то будзець Михаила архистрацилъ выѣжжацъ сы 'гняннымъ пламемъ и т. д. А коли будзешъ унимаць, то будзець Господзи сыгряшенія зъ нами умѣсьци прощаць. *Тамъ же.*

87, На кыяньской горѣ, на трыяньской травѣ стоицъ яблыня; на той яблыни зылотое гняздо; у томъ гняздзѣ зьмѣя—царица Елéна. Царица Елена, унимай ты своихъ зьмѣй водзяныхъ и полявыхъ, и лѣсовыхъ, подмежныхъ, подстрѣшныхъ, подкутныхъ, и лятучихъ, и рябыхъ, и чорныхъ и перепелёсыхъ. А ня будзешъ ты унимаць, будземъ кожу твою чартвовáць (четвертовать). Синій огонь раскладзися, и рана залячися, и жало запякися. *Роднян. в. клим. у.*

88, На поли на кіяни стоицъ дубъ Ракитанъ, подъ тымъ дубумъ кустъ ракитувый, а ў томъ кусьци ракитовымъ камора, а ў той камóры кустъ явóру, а ў томъ у кусьци, у явори, гняздо, а ў томъ гняздзѣ яйцо, а ў томъ яйцы три зьмяи: одна Гея, другая Палагея, третьція Шкуропея. Унимайця свою черь, ярхувъ и перейрхувъ, и подмежныхъ, и подбярёзныхъ и подколодныхъ и т. д. Ня будзеця унимаць, будземъ Господа Бога упрошаць и Михаилу—судьдзю праведнаго. И Михаила навядзецъ зь небесá камянýю тучу, разобъéць ваши норы и пячоры своёю силую нябесную. Самъ Господзь изь Михайлую коло синяго моря ходзиць, золотою тросьцю опираетца: ци вынимали поганыя жалы зъ раба божаго, ци зализували крывавыя раны? *Хотимск. в.*

89, По дуброви, по щиру по бору ляжйць дорога; по той дуброви ѣздзивъ Михаила—архіила; ли тэй дороги стоицъ сосна звонкая, сосна громкая, сосна суховѐршавая; на той соснѣ сядзиць вужъ, честный мужъ, царь Микидыёнъ. Царь Микидыёнъ, на што ты мойго раба укусивъ?— Не я!—Ты!—Не я!—Нѣ, ты!—Нѣ, не я!—Ну, ня ты--дзѣци твое, ня дзѣци—унуки, ня ўнуки—праўнуки, не праўнуки—прáщуры. Унимай свою черь, не пущай свое поганыя рыдосьци, а то будземъ просиць Гос-

пода Бога и Михаилу—архiилу. Михаила будзець воронаго коня сѣдлаць, зялѣзный кнутъ кувацъ, на Сiяньское поля узгоняць. Тамъ ляжиць камень—латырь; будзець къ камню пригоняць, ваши головы отсѣкаць, за синее моря бросаць,—вашаго и трыгу ня будзець. Не самъ собою, Господзь со мною. *Тамъ же.*

90. На щировымъ бору, на жовтымъ пяску, тамъ ляжиць бѣлый камень, подъ тымъ камнемъ коровацъ цесовая, пярина пуховая: на тэй корвацп цесовой, пярини пуховой ляжиць секлитарь, вужу—честный мужу, Ива. Секлитарь, вужу—честный мужу, Ива, судзержай своѐ злэя яды зъ раба божаго, изъ буйныя головы и т. д. зъ могучаго живота, съ цягучихъ жилъ. Ня будзешъ судзержаць, ня будзешь унимаць своихъ злыхъ ядовъ, нашлѐмъ мы на васъ святого Михаилу. Возьмець Михаила мечъ, сотнець ёнъ вамъ голову съ плечъ. *Тамъ же.*

91, Дай Господзи святэй часъ и добрую годзину, хорошую пуцину, кабъ скоцина, такая то шарсьцина, цѣла была. На мори, на кiяни стоиць дубъ корьковъ, подъ корьковымъ дубомъ ляжиць ка ень латырь, па томъ на камни, на латыри, ляжиць змiя Шкуропея, старшая за ўсихъ. Змiя ты, змiя Шкуропея! унимай ты своихъ слугъ и подругъ, подколодныхъ, подболотныхъ, и полявыхъ и лѣсовыхъ, и заблудныхъ и курдупыхъ (якъ Михайла перасѣкъ). Ня будзешь ты унимаць, буду Господа Бога просиць и Суса Христа, и божую мацерь и Михайлу, нябеснаго вояводу. Будзець ици мацъ прячиста по поляхъ и по лугахъ съ хрястомъ, а Сусъ Христосъ съ копьѐмъ, а Михайла, нябесный воявода, съ тускомъ (съ грозою) и съ пяскомъ, и зъ нябесною грозою. Будзець васъ бицъ мацъ прячиста хрястомъ, а Сусъ Христосъ копьѐмъ, а Михайла, нябесный воявода, тускомъ-пяскомъ. Побъець, потрець, ня будзець вамъ збыту ни ў лўзи подъ травою, ни ў поли подъ мяжою, ни подъ кустóмъ, ни подъ листóмъ, ни ў доми подъ бярнóмъ и ни подъ гноемъ. И будзець бицъ, пробиваць и скрозь землю прогоняць. *Хотьсл. в.*

92, Сасъ мужъ, а царица Хавра, унимай своихъ слугъ и подругъ подколодныхъ, подболотныхъ и т. д. А ня будзешь унимаць, буду просиць святоя Юрья и Ягорья. Прiѣдзець святый Юрiй и Ягорiй на бѣломъ кони, возьмéць три пруты мѣдныхъ, три пруты зялѣзныхъ, и погониць васъ на зялѣзный токъ, и будзець биць, пробиваць и скрозь землю прогоняць. И ня будзець вамъ збыту и т. д. *Тамъ же.*

93, На чистомъ поли яблонь, подъ той яблонею съ чорнаго барана

руна гняздо; а ў тымъ гняздзѣ змѣя сѣровокая, бѣловокая, старша́я, больша́я. Унимай ты своихъ змѣй ломовыхъ, полявыхъ, гноявыхъ, межавыхъ, лѣсовыхъ, водзяныхъ, курдупыхъ, лятучихъ, повзучихъ, съ подъ ку́стовъ, съ подъ кручовъ, штобъ яны яросць вынима́ли и пухлѝну сыма́ли. А то я буду просиць самаго Господа Исуса Христа. Пошлець на васъ три тучи—громовую и дожджавую, огнянную. Громомъ побъець, дожджомъ польлець, огнёмъ попа́лиць. *Монаст. в.*

94, Выѣжжавъ Богъ на вороно́мъ коню, вызывавъ змію Шкуропію. Змія Шкуропія, выходзи, и своихъ слугъ выводзи, и лѣсовыхъ и гноявыхъ, сунишныхъ, бруснишныхъ, болотныхъ и подколодныхъ, подпешныхъ и запешныхъ, межныхъ и подмежныхъ, крапивныхъ и затынныхъ. А ня будзешь выходзиць и своихъ слугъ выводзиць, то осыплемъ васъ грецкою крупою, дробною чарствдю. И пошлець Богъ на васъ тучу камянную, и повыпалиць и повыкациць васъ съ етаго свѣта, аминъ.

Любав. в.

95, Первымъ разомъ, добрымъ часомъ, не самъ собою, прячистою святою. На рацѣ на Смуродзини стоиць калиновый мостъ; на калиновымъ мосту стоиць дубъ Мельяновъ, на двѣнатцаць кокотовъ; на тыхъ кокотахъ змяиный гробъ; у томъ гробу змѣя Шкуропея, надъ усими старша́я, больша́я, надъ усимъ гадымъ. Змѣя Шкуропея! унимай своихъ гадъ, вынимай свой ядъ (съ скоцины, съ человѣка), а ня ўнимешъ свой гадъ и ня вынешъ ядъ, то пойду къ святому Михаилу и возьню мечъ и золото копіѐ, вашу гадзинскую силу порублю и посяку, на ўсёмъ свѣци увесь корень перевяду, жаркимъ сонцомъ запяку, ясными зарями, яснымъ мѣсяцомъ и зямчужными росами. *Пирянск. в.*

96, Господзи Божа благослови, прячиста матка святая поможи; не самъ собою, прячистою святою. Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. У чистомъ поли стоиць яблонь кокоцистая и кудравистая. На той яблони змяиное гнѣздо; у томъ гняздзѣ ляжиць змѣя Шкуропея. Ты змѣя Шкуропея, ляжи, да не пролежай, да своихъ слугъ съ усяго свѣту собирай: подмежныхъ, подсцѣпныхъ, полявыхъ, лѣсовыхъ, водзяныхъ, подкорчевыхъ, подколодныхъ, болотныхъ, усякихъ; и спроси ты, которая па́ра божую скоцину, ци человѣка, укусила. А ня будзешъ ты слухаць и будзешъ ты пролежаць, будуць цябе на горючій камень ускладаць и золотою меччу рубаць; будуць цябе жаркимъ сонцомъ выпекаць, и будуць цябе сильнымъ буйнымъ вѣтромъ выдума́ць, и будуць зъ етой скоцины жало, ядъ вынимаць и етой скоцини помочи даваць. Хухъ, святэй духъ. *Березков. в.*

97, Господзи Божа богослови, маць пречистая поможи! Стоиць дубъ на мори Сіяни; на томъ дуби дванатцаць кокотовъ, на тыхъ дванатцаци кокотахъ шезьдзесятъ подушакъ пуховыхъ, шезьдзесятъ пяринъ цялёвыхъ. Якъ у тыхъ подушкахъ, якъ у тыхъ пяринахъ ляжиць змѣя Шкуропея, ягипецкая дочь. Ты змѣя Шкуропея, ягипецкая дочь, собирай своихъ слугъ, и чарётныхъ и болотныхъ, потколныхъ, намовныхъ, наговорныхъ и подмежныхъ, и подпешныхъ, и подстрѣшныхъ, земляныхъ и водзяныхъ. Ня будзешъ собирацъ, будзецъ Михайла архистрацпль, Христовъ помошникъ, будзецъ зялѣзнымъ кнутомъ драць. Отъ Господа Бога вѣцеръ будзецъ повѣвацъ, и на етой скоцини, рыжой шарсьцини, вопухъ полегаць, молодзика, ветоха и подъ-повно.

У семь верстъ помочи даць можно. *Мошев. в.*

98, Господу Богу помолимся и ма́тцы поклонимся. Якъ на мори на Сіяни и на Сіяньской горѣ стоиць игруша бѣлая, подъ тою игрушаю корваць цесовая, на той корваци пярины пуховы, на тыхъ пяринахъ подушки цьвилёвы, на тыхъ подушкахъ мацъ пречистая, и съ своимъ сыномъ, и съ святымъ духомъ. И Господзи, и мацъ пречистая, прошу къ сабѣ на помочь, и уклоняемся низенькимъ уклономъ мы вамъ. Мацъ кажецъ: мы ня пойдземъ, сына пошлёмъ! Сынъ говорицъ: мы ня пойдземъ, слугъ пошлёмъ! Мы пошлёмъ святого Ягорія зъ войстрымъ мечомъ, святого Миколая зъ жаркимъ огнёмъ, святого Михайла зъ довгимъ копьёмъ. Ёсь жа у свѣци три змяи: змѣя Рабѣя, змѣя Шкуропея и змѣя Ульля́на. Если жъ вы будзеця своихъ слугъ разсылаць и ядъ распущаць, то будзецъ васъ святэй Ягорій войстрымъ мечомъ рубаць, святэй Миколай жаркимъ огнёмъ будзецъ палицъ, будзецъ святэй Михайла довгимъ копьёмъ пробивацъ и съ стоку на застокъ закидацъ.—Вы, святэй Ягорій, войстрымъ мечомъ не рубиця, и святэй Миколай жаркимъ огнёмъ не палиця, и святэй Михайла довгимъ копьёмъ не пробивайця, и съ стоку на застокъ не закидайця: мы будземъ своихъ слугъ собирацъ и ядъ заўнимацъ и рябую рябўху, кўцую куцўху, и сокотуху. И васъ выговаруетца тридзевяцъ стай (для скоцины): выцираетца ѣдзь изъ буйной головы, изъ ясныхъ вочей, изъ чорныхъ бровей, изъ горючія крыви, изъ чорнаго пячёньня, изъ жилъ, исъ пажилокъ, изъ косьцей, исъ пакостокъ. *Тамъ же.*

99, Стану я рано, умыюся бѣло, помолюся Богу вѣрно, выйду я чистое поля, гляну на кіянъ-моря. Тамъ идзе божжая мацеръ, Исусъ Христосъ, сынъ божжій, и духъ святэй. Яны йшли и жавтыя пяски брали, и змяиныя раны присыпали, и вужиныя жалы, и такому рабу чаловѣку помочи давали. (Дунуть:) духъ святэй на пользу! *Самотейв. в.*

100, Выйду я чистое поля, гляну на кіянъ-моря, надъ кіяномъ морем стоиць ясенъ, на ўсё моря красенъ. Я цябе, ясенъ, ссяку и зрубаю и кореньня твоё пораськидаю!—За што ты мяне будзешъ сѣчь и рубаць, и кореньня моё раськидаць?—А за то, што подъ тобою ляжиць сливень-сливищовый и ящеръ-кащеръ. Сливень сливищовый и ящеръ-кащеръ, унимай своихъ слугъ и заговаривай жалы болючія и зубы кусучія. Ня будзешъ унимаць, то я буду просиць Ивана Пряцечаго, то ёнъ васъ побъёць и посячёць, и ня будзя васъ, ни сливня, ни ящера.

На хлѣби. Отъ сливня. *Тамъ же.*

101, На мори на кіяни ляжиць латырь-камень, на томъ камни ляжиць три сястры и три зьмяи: одна Шкуропея, другая Палагея, третьція Дзѣва-Маци. Дзѣва-Маци, унимай своихъ зьмѣй болотныхъ и т. д. щенныхъ и ярыхъ, и дзяцей ихъ. А ня будзешъ унимаць, пойду я до Господа Бога и до Суса Христа и до Михаила-архаила. Будзець святэй Михаилъ биць и палиць, и печáры ваши заливаць. А цябе, зьмяю, положуць на латри-камни, будуць сѣчь зялѣзнымъ кнутомъ. *С. Братьковичи.*

102, У мори, нá мори ляжиць камень латырь, на томъ на камени кровоць цесовая, подушки пуховыя. У тыхъ подушкахъ ляжиць три зьмяицы, три царицы: одна Мархва, другая Пархва, третьція Полюха. Вы зьмяицы, вы царицы, вынимайця увесь свой ядъ; а ня вынимеця, буду просиць Михайлу архангала и Суса Христа. Будзя ѣхаць Михайла архангалъ и Сусъ Христосъ, со б'латнымъ мячомъ, будзя васъ собираць усихъ вужовъ и сляпнёвъ и веряцéньниковъ, сѣчь и рубаць, по кольлю мясо растыкаць. *Палужск. в.*

103, Здунувъ Господзь мостъ; у концы того моста стоиць дубъ, на томъ дуби гнязло; у томъ гняздзѣ лежаць три вужи, три цари: первый Сахонъ, другій Аврамъ, третьцій Сарионъ. По томъ мосту ишла сестра Мархва, ишла, кричала—виннаго шукала. Знáйдзя ина виннаго, посячé, порубая, на 'тии спаля, зь естыя скоцины жало вынимая. Вы вужовъя, вы братовъя, вынимайця увесь свой ядъ, усихъ своихъ сляпнёвъ и веряценьниковъ; а ня ўнимеця—буду просиць Михайлу архангала и т. д. (см. предыд. №.) *Тамъ же.*

104, На мори на кіяни стоиць дубъ Прокуронъ, на томъ дуби тридзевяць кокотовъ, на тыхъ кокотахъ тридзевяць гнѣздовъ, къ тымъ гнѣздамъ прилетало, прибѣгало тридзевяць зьмѣй: кутовая, печавая, берновая, гноевая, подтынная, крапивная, горовáя, полевая, межавая, ку-

стовая, водзяная, луговая, березовая, осиновая, крушиновая, ляжéнька, бяжéнька, лятучая, ползучая, сереновáя, жовтая Шáвра, шкуропея Хáвра,—супимай своихъ слугъ, вынимай жало раньнія, повднёвыя, вячернія зари: будзецъ ѣхацъ святэй Михаилъ зъ золотою меччу,—ёнъ цябе посячецъ и порубицъ, пóпелъ по полю разодмѐцъ. (Снова сначала; затѣмъ:) Будзецъ ѣхацъ самъ Господзь исъ огнёмъ, исъ пѐруномъ, и посячецъ цябе, порубицъ, и попелъ твой по полю разнясéцъ. Вынимай, и корень твой вы̀ведзь. *Лобанов. в.*

105, На мори, на повморьи, на камни, на высии (вар. у поли на горѣ) стоицъ ива зеленáя (вар. яворъ). На той иви золотое гнѣздо, съ чорнаго руна, тамъ живецъ зьмѣя Шкуропея-Прасковея (вар. Настасься). [1]) Унимай своихъ сясцёръ одзинанцацъ, а ты двананцатая, подколодныхъ, лѣсовыхъ и т. д. Винимай своё жало зъ раба божжаго, зъ буйныя головы и т. д. А ня будзешъ вынимацъ—нашлю на цябе три тучи, одну громовую, другую дожжаву̀ю, а третьцій вострый мечъ: не зацѣлѣешъ ты ни ў курчй, ни ў мяжи, ни ў якéй пожарини. *Старое Село, м. у.*

[1]) *Вар.* Станóвитца Иванъ Никипоровичъ Богу на помочь отъ зьмяи Шкорлупеи, отъ зьмяи Палагеи. Стоицъ у поли за полемъ, у мори за моремъ липовый кустъ, а ў липовомъ кусьци чорное руно, а ў чорномъ руни зьмѣя Шкорлупея, зьмѣя Палагея.

106, У поли за пóлемъ стоицъ лúпа Матруна, у той липи Матруни бóлное гнѣздо, у томъ гнѣздзѣ зьмѣя Шкуропея, зьмѣя Палагея, зьмѣя Кацярина—дзяцей породзила, на сьвѣтъ пусьцила. Вотъ яны укусили тамъ раба божаго. Унимай-ка ты своихъ дзяцей лятучихъ, бягучихъ и т. д. забудныхъ и заблудныхъ. А ня вымешъ ты ихъ, будзецъ табѣ гроза, громъ, и молодня, вострый мечъ, огнянная печь. Затрубицъ архайла Михайла у своё трубы и будзецъ васъ згонянъ у ровы широкія, у пячуры глыбокія, —тамъ вамъ будзецъ аминъ. Ходзивъ Богъ по шавковой травѣ, по зямчужной росѣ, золотою тросьциною попирався. Золотая тросьцина переломилась, у зьмяи жало приломилось. *Тамъ же.*

107, Ѣхавъ Сусъ Христосъ по синему морю, на воронымъ конику; на синемъ мори ляжицъ латрій-камень, на латри-камни стоицъ ракитовый кустъ, у томъ кусьци лежацъ усякія руны—чорныя, бѣлыя и рыжія; мижъ тыхъ рунъ ляжицъ зьмѣя Улита, а Ягипа и Шкарухвея. Унимай ты своихъ усихъ змѣй, и жало вынимай зъ раба божаго, зъ буйныя головы и т. д. Не ўпрошу жъ я цябе, упрошу святого Михаила

листрапцига. Будзець ёнъ па воропымъ конику по полю поѣжжаць, будзець васъ усихъ зьмѣй у золотую трубу стребляць, золотымъ мѣчомъ головы сымаць, етою кровью вашаю раны поливаць. *Сощнск. в.*

108, Ёсь па мори па кіяни выспа, на той выспи стоиць короваць, на той коровацп ляжиць золотое гняздо, у томъ гнядзѣ ляжиць вужъ. Вужъ ты мой, вужъ, добрый ты мой мужъ. Самъ ты у сёребри, рожки твоѐ ў золоци—унимай, вужъ, вужнятъ, слимень слименятъ, и жало вынимай зъ жовтой косьци и т. д. А ня ўнимешъ, не ўпрошу я цябе, упрошу святого Михаила-архіила: будзець ёнъ васъ усихъ собираць, Кузьмѣ-Дземьяну у кузьню передаваць и т. д. *Тамъ же.*

109, Ѣхала маць прячистая по полю чистому, топтала трóвы разныя, оббивала росы зямчужныя, выбирала жалы зьмяппыя зъ раба божжаго, зъ бѣлаго цѣла и т. д. Пресвятая маць прячистая, стань ты па помочь съ усими святыми апостолами своими, храницелями святыми, аминъ. *Надпйков. в.*

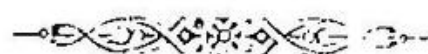
110, На мори, на лукоморьи, на широкомъ раздольи, ляжиць латырь-камень, па томъ латри-камени стоиць липовый (вар. ольховый) кустъ, у томъ липовомъ кусьци чорное руно, у чорнымъ руни ляжиць зьмѣя-богатырька. Зьмѣя-богатырька, вынимай свою яросць зъ раба б зъ буйныя головы и т. д. А ня будзешъ вынимаць, буду цябе проклинаць божими звѣздами, божими болоками, божимъ громомъ, яркимъ сонцамъ. Мой рабъ божій, не ўлякайсь: Богъ съ тобою. *Хотовпжск. в.*

111, На мори на кіяпи ляжиць камень... дубъ... гняздо... зьмѣя Шкуропея, унимай своихъ дзяцей дванатцаць сто: и часовыхъ, и минутныхъ, трёхъ-суточныхъ, шасьци-суточныхъ, колодпыхъ и т. д. А ня будзешъ упимаць и т. д. Михаилъ арханій будзець свѣчи палиць; вѣцеръ повѣваець, свѣчи потухаюць, вонухъ полегаець, ядъ выгоняець.

Скоцини соли зъ водой, а человѣку воды даць. *Климов. у.*

112, На Ягнпецкомъ поли стоиць три яблоны, на тыхъ яблопахъ тридзевяць коряпёвъ, тридзевяць кокотовъ, тридзевяць вярховъ; на тыхъ т. д. корепяхъ, па т. д. кокотахъ, и т. д. верхахъ тамъ зьмяппое гнядзо; у томъ зьмяпномъ гнядзѣ зьмѣя старшáя, большáя Галёна-Алёна. Што ты ляжипъ, пролежаешъ, свой гадъ по бѣлому свѣту распущаешъ? Устань, не ляжи, свой гадъ по бѣлому свѣту упими, подстрѣшпыхъ и т. д. А пя ўнимаешъ ты своихъ гадовъ, пя вынимаешъ отъ раба божаго

ядлу, вопуху по зашкурью ня выдымаешъ, дакъ пойду я до Господа Бога. Сошлець Господзь Богъ Михаила архані, и ўзойдзець ёнъ на Сіяньскую гору, затрубиць ёнъ у золотую трубу,—будзеця вы собиратца, вужи и зьмѣи-ящеры, будзеця вы становитца на праведномъ суду; а не станеця па праведномъ суду,—будзеця бязъ вѣтру выдыхаць, бязъ сонца высыхаць, корчитца. Рече Михаилъ архані рѣчи: вы вужи, зьмѣи, вынимайця вы свой гадъ-ядло, вопухъ по зашкурью выдымайця; а ня будзеця свойго гаду-ядлу вынимаць, вопуху по зашкурью выдымаць,—погоню я васъ за Сіяньскія горы, за поганыя мори,—буду васъ биць-побиваць, зялѣзнымъ прутьцемъ посѣкаць! Выдымаю я не самъ собою—Господомъ Богомъ, Сусомъ Христомъ, Михайлою-арханіемъ, страстскимъ вяликимъ судьдзёю правяднымъ, аминъ. *Бѣлынков. в.*



ОТЪ БОЛѢЗНЕЙ ЖИВОТНЫХЪ.

Отъ перелога, потницы, чемери, чельчака, почечуя, обжора, вончака, селезня, подвѣя.

1, Помяни Господзи царя Давыда и ўсю кротось яго и вяликую памяць яго. Судзержавъ царь Давыдъ воду, зямлю и наши грѣшныя души, судзержай жа чемерьную болѣзь у скоцины, рыжай шарсьцины, пользу давай и вонухъ полегай. На синемъ мори на вострови, стоиць дубъ безъ макушки, безъ вярхушки, безъ сучковъ, безъ рожковъ. На томъ дуби сядзиць воронъ, самъ чорный, а носъ у яго довгiи, ноги красныя, глазы ясныя. Выскребай жа ты, чорный воронъ, чемерную болѣзь съ скоцины, рыжай шарсьцины, изъ жилъ, съ пажилокъ, съ косьцей, зъ мощей, зъ буйныя головы, зъ ясныхъ вочь, выскребай и пользу давай, и вонухъ полегай. А ня будзешъ выскребаць, будзець на цябе Господзь Богъ грозу насылаць, каменьнемъ побиваць и градомъ засѣкаць.

Монаст. в.

2, Помяни Господзи царя Давыда, царя Косьцянина, усю кротось яго, ласку святую, отца—мацерь яго. Высылаю цябе, чемерь, зъ живота съ пупа, зъ жовтыхъ косьцей, зъ разныхъ шарсьцей. Ѣхавъ Сусъ Христосъ церезъ мостъ, бабка чхнула, Христа здрыгнула. „Ахци, бабка, чорная галка: я цябе съ свѣту збавляю!“ —Не збавляй мяне, Господзи,—я духовицу выгоняю и скоцину направляю! Хухъ, прилюби мой духъ!

Бохотск. в.

3, На мори на кіяни, подъ крутыми берегами, ляжіць доска, подъ тою доскою чемерная потница [1]). Я силу понимаю, доску ўзнимаю, чемерную потницу вынимаю зъ ясныхъ вочей, зъ быстрыхъ вушей, довгаго хвоста, широкаго копыта, рыжія шерсьци. *Каз. Слоб. в.*

[1]) *Вар.* На мори на сіяни стоиць дубъ, коло того дуба табунъ коней; я силу понимаю, табунъ коней разгоняю и т. д.

4, На мори на сіяни, тамъ ляжиць синій камень, на томъ синемъ камни стоиць чорный воронъ, зъ борздыми ногами, зъ вострыми кокцями —выскребаець, выдзираець дванатцаць чемярей, зь естыя скоцины, бѣлыя шарсьцины, на ўси стороны бросаець, на мхи, на болоты, на гнилэя колоды, на цямнэя лясы, на щирэя боры, на быстрыя рѣки, на синія моря, на крутэя беряги, на жавтэя пяски, на зелянэя луги. Не самъ я собою—прячистою святою, Господомъ Богомъ Исусомъ Христомъ, Ива-

номъ Золотовусомъ. Иванъ Золотовусъ, унимай своихъ дванатцаць чемярей, по ету годзину, по ету часину. *Пирян. в.*

5, У чистомъ поли на долини стоиць дубъ, бязъ сучча, бязъ вѣтьця; на тымъ дубу сядзіць воронъ бязъ ногъ, бязъ крылья. Якъ табѣ, дубя, вѣтьцемъ не махаць, и табѣ, воронъ, по свѣту не летаць, такъ у скоцины, чорной шарсьцины, чемери ня бываць. Не я говорю, говориць самъ Господзь Богъ, пресвятая маць Бугуродзица, а я, рабъ—чаловѣкъ, для помочи. *Надьйк. вол.*

6, Упрошаю Господа Бога, умоляю объ скоцинцы двушерстной. Просиць буду святого Іоргія, Хрола и Лаврія, коньскаго празьника. Святый Іоргій будзець ѣхаць на сивомъ кони, на золотомъ сѣдли, зъ золотою копьёю—станьця етой скоцинцы двушерстной ли помочи, ли пользы, помилуйця отъ потнишныхъ, чемяришныхъ, отъ животныхъ болѣзней. На мори Буяни тамъ ёсь кургонъ широкій, високій; на томъ кургони дубъ бурьянъ, подъ имъ кореньня золотое; у томъ кореньни сидзяць купцы торговцы. Польно вамъ, купцы—торговцы, шкуры развѣшаць, а пора ужо потнишныя и чемяришныя и путряныя болѣзни высылаць изъ скоцинки двушерстной. *Соинск. в.*

7, Ишовъ апостолъ Пётра, а зъ имъ ишовъ чортъ. Пётра нясець паляницу (лепёшку), а чортъ рукавицу. Чортъ, чортъ, кинь рукавицу, возьми чемерь и потницу.

8, На поли на кіяньскимъ, коло Сіяньскаго моря, стоиць дубъ Ракитàній, на томъ дуби дванатцаць кокотовъ, на тыхъ на кокотахъ дванатцаць потницъ; яны жжадались, у такой то скоцины собирались. Вамъ у ёмъ ня быць, вамъ зъ яго вонъ выходзиць. Выходзиця, дзянпыя, глазныя, водзяныя зъ буйнаго хребта, зъ рецяного хвоста, зъ рецивыхъ ногъ, съ косастыя гривы, съ слушныхъ вушей, зъ быстрыхъ вочей, съ пышныхъ ноздзёръ.—Идзиця вы на господскія дворы, на господскія домы, тамъ коній много,—кони сивыя, кони плеснивыя; тамъ жа ёсць кони-золотая шарсьцинка и сяребреная; будзеця вы тамъ гуляць, васъ скорымъ ўремямъ будуць высылаць на сіяньскія луги. На сіяньскихъ лугахъ лоза расцвѣтаець; тамъ цесовыя столы становились, на тыхъ на цесовыхъ столахъ берчастыя скацерсьци, на тыхъ на скацерсьцяхъ три кубки зеляного вина. Вы тамъ будзеця пиць и гуляць и тэя кубки выпиваць; васъ оттудова нихто ня будзець высылаць. Я не самъ собою, Господзь со мною, прячистая матка на помочь ко мнѣ, Михайла архійла усёю силую нябесную. *Хотов. в.*

9, Чемярица и потница выходзи съ косьцей, зъ мощей, зъ бумажнаго цѣла, зъ рыжія шарсцй, на мхи, на болòты, тамъ табѣ гуляньня, буяньня, на скоцини, рыжай шарсцини, нѣтъ ни гуляньня, ни буяньня. Ёсь на свѣци три царя: первый царь—ясѐнъ мѣсяцъ на́ неби, другей царь—чорный ракъ у мори, третьцій царь—сѣрый вовкъ за моремъ. Якъ тымъ царямъ у кучу не сходзитца, за дубовые столы не садзитца, чары вина не пиць, хлѣба-соли не кушаць, такъ етой боли не болѣць, не горѣць, у етого раба божаго скоцины.

На водѣ; выпить и въ ухо влить. *Хотъсл. в.*

10, На мори, на кіяни ляжиць бѣлъ камень латырь, на тымъ бѣлымъ камни латыри стоиць золотая кузьня. У той кузьни Кузьма-Дземьянъ, Купалный Иванъ; мѣецъ жа сабѣ Кузьма-Дземьянъ, Купалный Иванъ дванатцаць молойцовъ, дванатцаць молотовъ. Кузьма-Дземьянъ, Купалный Иванъ! бейця, побивайця лихую чемерь, выбивайця зъ раба божаго Гришки гнядо́го коня, выбивайця зъ буйныя головы, зь ясныхъ глазъ, съ чорныхъ бровъ, зъ рецива́го серца, зъ жильля, съ па́жильля, съ пяченьня, зь лягеньня, съ косьцей, съ па́косьцей, изъ-за купутовъ. Хухъ, Господній на ихъ духъ! и т. д. *Любав. в.*

11, Ишло дванатцаць цариковъ на Туру-гору и говорили про Ѳоньскую (вар. коньскую) голову—который большій братъ, старшій? Старшій, бо́льшій братъ Ильва,—лихую боль потницу, чемерь, выпимавъ и потницу-чемярицу на бѣлый свѣтъ выпущавъ, и рабу божаму скоцины по духу по Господнемъ помочи дававъ. *Тамъ же.*

12, Господзи Божа́ богослови, поможи; не самъ собою—Господомъ Богомъ и духомъ святымъ. Ой, потница-чемярица, третьція духовнйца, чецьвёртая заложнйца (зало̀за-желѣза́)—не гуляйця вы, не буяйця у етой скоцини, етой шарсьцини. Потуль ты гуляла у етой скоцини, потуль ты буяла, покуль я узнавъ; а цяперь табѣ не гуляць, не буяць. И высылаю жъ я цябе и выгоняю зь естой скоцины, зь естой шарсьцины, на мхи, на болоты, на гнилыя колоды,—тамъ вамъ гуляць и буяць, а на ету скоцину, ету шарсьцину, нора забываць. У чистомъ поли ходзиць та̀бунъ ко̀ній, а ў томъ табунѣ сивцы, бурцы, косатыя, и мышатыя, сйвыя, гнядэя; вотъ тамъ на котораго усядзеця, на тымъ и поѣдзеця... Вотъ тамъ вамъ и гуляць и буяць! *Березк. в.*

13, Первымъ разомъ, добрымъ часомъ. На синемъ мори, на чистомъ поли стоявъ дубъ безъ кореньня, безъ корчевъя, безъ макушки и безъ гольля. И на етомъ дуби сядзѣвъ орёлъ безъ головы, безъ кокцей, безъ

перья, безъ крыльля. Якъ етому орлу по свѣту не летаць, разныхъ пташекъ не побиваць, такъ у етой скоцины, чорной шарсьцины, чемери, потницы, еленицы, и перелогу не бываць. Якъ черезъ синее моря, черезъ чистое поля ишовъ, плывъ вовкъ,—зъ рота полымя, зъ ноздзёръ искрія, вочами мигавъ и вусами кивавъ, и зубами сцинавъ,—изъ естыя скоцины, чорной шарсьцины, разныя чемери, потницы, еленицы и перелогу отъѣдавъ. Якъ черезъ синее моря, черезъ чистое поля ишовъ Господзь и мацъ прячистая. О, Господзи и мацъ прячистая, прошу я васъ вярнутца!—Мы ня вѣрнемся!—О Господзи, оглянicеся!—Мы не глянемся,—пойдземъ у чистое поля и ў зялёныя луги разныхъ травъ шукаць, изъ естой скоцины, чорной шарсьцины, разныя чемери, потницы, еленицы и перелогу отгоняць.

Мошевск. в.

14. На поли на Кіяни, на мори на Сіяни, ляжиць камень латырь, на камени на латыри стоиць норица, у той норицы стоиць Потнйца. На тую норицу, на тую Потницу налетаець чорный воронъ; ёнъ Потницу самъ раздзювбаець, кокцями раздзиряець, крыльлямъ, перьямъ по чистому полю разношаець. Потникъ! Потникъ! лѣзь вонъ! лѣзь вонъ по доброй воли! А то стану просиць Михаилу архапія, ёнъ васъ накажець, накараець, на заходъ сонца позгоняець. Выговарію жъ цябе, раба божаго скоцины, рыжай шарсьцины, при ясныхъ заряхъ, при красномъ сонцы, при вутри, при вечери.

Тамъ же.

15. Ишло ихъ три дорогою: ишовъ войтъ, и чортъ, и мужикъ. Нашли яны рукавицу, и вязёнку, третьцій перялогъ. Войту рукавица, мужику вязёнка, а чорту чемерь и перялогъ, а сяму коню отъ чемери и перялогу помочи.

Братьков. в.

16. Сяньнишній дзянёчекъ, добрый часочекъ—аўторокъ. Упрошаю я божжую мацерь на помочь, божжую мацерь оявленную,—Мугулевськую, Почаевськую, Ворколабовськую. Упрошаю васъ не самъ собою, а божжію мацерью; а божжія мацерь упрашіець не сама собою, Спасицелемъ; Спасицель не самъ собою—упрашіець святого Яна; святый Янъ упрашіець вороновъ: приступиця, поможиця етой скоцини съ помоччу. На мори, на лукоморьи стоиць дубъ на дванатцаць кокотовъ, на тыхъ кокотахъ двѣнатцаць гнѣздовъ, у тыхъ гнѣздахъ дванатцаць вороновъ. Вороны, вороны! прилетайця къ етой скоцини съ помоччу, выдзирайця и выбивайця своимъ крыльлямъ и своими кокцями потницу и чемярицу, зъ ясныхъ вочъ, съ чорныхъ бровъ, зъ буйныя головы, зъ горючія крыви, зъ живота, съ печеня, зъ жилъ, съ прожилъ, съ косьцей, зъ мощей, съ пакостокъ, и

ўзносиця на синя мόря и пущайця по синему морю, сами ўсходзиця на латырь камень; на латыри—камени тамъ ваша гуляньня, тамъ ваша успиваньня, тамъ ваша зьѣданьня, а етой скоцини на помочь. *Лобан. в.*

17, Выйду я ў чистое поля, гляну подъ жаркое сонца, гляну на кіянъ моря—на кіяни мори ляжиць камень латырь, подъ каменемъ латыремъ стоиць дубъ бортнякъ; на томъ дуби дванатцаць суковъ; на дванатцаци сукахъ дванатцаць гняздовъ, у тыхъ дванатцаци гняздахъ дванатцаць вуцицъ. Дубъ бортнякъ, возьми зь естыя скоцины чемерь-чемярицу, особливённую, отдзѣлённую потницу съ тридзевяць шарсьцей, съ тридзевяць косьцей, съ тридзевяць суставовъ, съ тридзевяць полусуставовъ. Не самъ собою, прячистою святою. *Милослав. в.*

18, На мори на кіяни, ни вострови Буяни, стоиць дубъ Мильлянъ, безъ макушки, безъ голья; на томъ дуби сядзиць чорный воронъ, етый дубъ разбиваець безъ клиньня, безъ довбнѝ; етый дубъ разбиваець, чемерь и потницу вынимаець съ скоцины, красной шарсьцины, зъ гривы, съ хвоста, съ подгривы. У чистымъ поли на границы ляжиць бѣлый камень, на томъ камни сядзиць три красныя дзявицы, яны сидзяць, не гуляюць, а платочки вышиваюць и чемерь съ скоцины вынимаюць; чемерь вынимаюць, уси жилы оживляюць. *Малят. в.*

19, На тридзесятомъ царстви, на тридзесятой земли, тамъ кобыла сивая, рыжогривая, голова вяликая, ноздри широкія; ина сарпала и на ўвесь свѣтъ перялоги давала. Польно табѣ сарпаць, перялоги давяць, пора табѣ до сябе принимаць. На етой кобыли ѣхала мaць прячистая, и пріѣхала ина къ ростынямъ, къ стародорожью; тамъ жа стоиць дубовый пень; у томъ пни сядзиць сивый чортъ. Мaць прячистая, выгоняй ты пеперялоги зь естой скоцины, живоцины, съ такой то шарсьцины, зъ буйныя головы, жовтаго мозку, зъ ряциваго серца, съ тридзевяци косьцей, съ тридзевяци пакостокъ, съ тридзевяци жилъ, съ тридзевяци пàжилокъ, зъ горючія крыви, сь цёплаго мяса, зь бѣлаго живота. Ницыя лозы, выгоняйця вы съ праваго боку вярбинкою, зь лѣваго боку лозинкою, а перялоги чорту на рόги, ступай по дороги. Аминъ. *Самотейк. в.*

20, Царь Давыдъ скряпивъ небо и зямлю, зори, ясный мѣсяцъ,—скряпи Господзи мою просьбу. На мори, на полумори, на комори, на высьпи, стоиць дубъ; на тымъ дуби гнѣздо, у томъ гнѣздзѣ сядзиць ястрѣбъ глазы ясныя, кокоты вострыя, самъ рябый, хвостъ довгій; вынимай свою дуросъ зъ лошадзи, съ косьцей, мощей, **съ** усихъ суставъ. Будзець цябе

святый Ягорій сѣчь и рубаць, копьёмъ пробиваць, твою кровъ разливаць, коли ня будзешъ свойго дуру вынимаць зъ ясныхъ глазъ, горючія крыви.

Старос. в.

21, На мори на Кіяни стоиць грабъ-дубъ, подъ тымъ грабомъ-дубомъ ляжйць синій камень; на томъ синемъ камяни сядзйць пцица воронъ; разгребаець ёнъ лютую чемерь зъ гнѣдого коня (ци якой масьци) зъ буйныя головы, рецивого серца, зь мягкихъ животовъ, съ подживотьця, зь бѣлыя косьци, зъ разныя шарсьци. Идзи яго лютая чемерь на жовтыя пяски, на цёмныя лясы, аминъ. *Тамъ же.*

22, На мори на лукоморьи стоиць дубъ безъ кореня и безъ кокота, и безъ головы; на томъ дуби сядзйць соколъ безъ крыла, безъ носа, и ўсьпѣваець, на ўвесь свѣтъ голосъ пускаець, и чельчакъ вынимаець. Ухъ, лёгкій духъ!

23, Божухна-бацюхна, прячистая матухна, заря, зарица, божая помошница, праведное сонца! На мори, на каяни ляжиць камень Школатъ, на томъ камни Школаци сядзиць панъ чельчакъ. Панъ чельчакъ, упрошаю цябе и ўмоляю, не самъ собою, а Господомъ Богомъ: унимай своихъ слугъ и пóслугъ, и вынимай болѣзнь зъ раба божаго скопины, чорной шарсьцины, зъ нутрей и съ понутрей, зъ жилъ, исъ пажилъ, съ косьцей, съ пакосьцевъ, съ твёрдаго зуба, ясныхъ вочъ, съ чорнаго копытьця. *Хотовѣж. в.*

24, Заря Рина, заря カцерина, раньняя, вячерняя. Вода-водзица, красная дзявица! Упрошаю, уговариваю отъ чемери рыжаго коня, не самъ собою, Господними словесами: стань ты, Господзи, на помочь, ангелы на порадочь, а прячистая маци помочи даваци. На синемъ мори прячистая мацъ сядзѣла, Суса Христа дзержала, ярданьскою водою рыжаго коня змывала отъ чемери, отъ потницы, вѣтряныя, и наносныя, и приговорныя, и посмѣшныя, и горючія, и болючія. *Долговичск. в.*

25, За синими морями, за крутыми горами стоиць дубъ кокоцища, мизъ тыхъ кокоцищавъ гнязьдзища; у томъ гнязьдзищи царь лишища, царь грызища; ёнъ горѣлку гониць, вясельля играець, кубки вина наливаець, слугъ сабѣ призываець, дзянныхъ, полудзённыхъ, ношныхъ, полуношныхъ, часовыхъ, поминутныхъ, жалостныхъ, намовныхъ, наговорныхъ, сурошныхъ, урошныхъ. Идзиця, уходзиця по доброй воли, а то стану Николушку бацюшку просиць, скоропомошника,—станьця намъ на помочь!

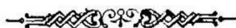
Выговарію жъ цябе при ясныхъ заряхъ, при красномъ сонцы; выговарію жъ цябе, ясный мѣсяцъ, па сходзи, а красное сонца на ўсходзи; красное сонца на сходзи, а ясный мѣсяцъ на ўсходзи. *Мошевск. в.*

26, Помолимъ мы, попросимъ Господа Бога на помочь, ангала на радощахъ, и мацъ прячистую и дзѣву чистую, Ивана Кьсьцицеля, Спасицеля и Михаилу архангала, и ўсихъ силъ нябесныхъ. Добры-вечаръ (утромъ. А вечеромъ: добры-дзень! 12 разъ безъ передышки), Чернолутка рѣка! откуль ты цекла?—Изъ усходу на заходъ, исъ подлунныхъ зорь, съ подъ жаркаго сонца и съ подъ яснаго мѣсяка.—И што ты умывала?—Крутэя берягі, жовтыя пяскі, сырое кореньня, бѣлое каменьня, чорное кряменьня.—Вымывай жа ты зь естыя скоцины—живоцины, съ такей то шарсьцины, зъ буйной головы, зъ жовтаго мозку, зъ ряциваго серца, и съ тридзевяцъ косьцей, съ тридзевяцъ па̀костокъ, съ тридзедзевяцъ жилъ, съ тридзевяцъ па̀жилокъ, зъ горючей крови и сь цёплаго мяса и зь бѣлаго живота,—вымывай ты и мокрый мокрецъ, и гнилэй гнилецъ, и сухе́й сухецъ. И мокрый мокрецъ на такую то ряку, сухе́й сухецъ на сухе́й лѣсъ, гнилэй гнилецъ на гнилую колоду.

27, На мори, на кіяни стоицъ дубъ, у етымъ дуби тридзевяцъ коренёвъ и тридзевяцъ кокотовъ. На тымъ дуби сядзѣла пцица Галица,— перья золотое, кокотьця̀ мѣдзяное, сяребреный носъ. Носомъ выдзювбала, кокотьцемъ выдзирала, ету скоци̇ну живоцину, такую то шарсьцину, на др-ню перегоняла. *Самотейв. в.*

Отъ червей.

28, Одна баба, одзинъ дзѣдъ, дзьвѣ бабы, два дзяды, три бабы— три дзяды, чатыри бабы—чатыри дзяды, пяць бабъ—пяць дзядовъ, шесь бабъ—шесь дзядовъ, семъ бабъ—семъ дзядовъ, восемъ бабъ—восемъ дзядовъ, дзевяць бабъ, дзевяць дзядовъ, дзесяць бабъ, дзесяць дзядовъ. Дзевяць бабъ, дзевяць и дзядовъ, восемъ бабъ, восемъ и дзядовъ, семъ бабъ, семъ и дзядовъ, шесь бабъ, шесь и дзядовъ, пяць бабъ, пяць и дзядовъ, чатыри бабы, чатыри и дзяды, три бабы, три и дзяды, дзьвѣ бабы, два и дзяды, одна баба, одзинъ и дзѣдъ. Нѣту бабы, нѣту дзѣда, нѣту раны, нѣту и чарвей. (И лыко, которое при каждомъ числѣ обертывается вокругъ указательнаго перста правой руки, завязать на шею заговариваемой скотины). *М. Монастырщина.*



Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь и заклинанія изъ уніатскаго Требника, изданнаго Кутеинскимъ, могилевской губ., монастыремъ въ началѣ XVII вѣка (въ 16 д. 752 стр.+8 огл.).

Изъ чина изгнанія бѣсовъ отъ человѣкъ.

1, Заклинаю тя нечистый душе, всякое нападеніе вражіе, всякъ призрак, всякій полче: въ Имя Гсда нашего Іса Ха, да искоренишися, и избѣгнеши от созданія сего божія. Сей ти повелѣваетъ, иже тя съ вышнихъ Нбсъ, въ нижнихъ земля потопити повелѣ. Сей ти повелѣваетъ, иже морю, вѣтромъ и волнамъ запрѣти. Слыши оубо и оубойся сатано, сутостате вѣры, враже рода члвческаго, смерти наводителю, жизни восхѣтителю, правды оудалителю, кореню злобы, грѣхов обрѣтателю, людей прелстителю, предателю народовъ, рвенія вино, начатку лихоимства, ненавѣсти подустителю, болѣзнемъ подателю: чесо стоиши, и противишися; вѣдя яко Хс Гсдь твоя разоритъ. Сего оубойся, иже въ Ісаацѣ жренъ есть, въ Іосифѣ проданъ, въ Агнцѣ оубѣенъ, въ члвцѣ Распятъ, послѣдиже Ада бысть побѣдитель. Оубо отступи.

2, Заклинаю тя змѣю ветхій, Судіею живыхъ и мертвыхъ, Творцемъ твоимъ, Творцемъ міра, симъ иже имать власть, воврещи тя въ геенну, да от сего раба Божія, иже къ Лону Цркве прибѣгаетъ, съ страхомъ и яростію Твоею, скоротечно отидеши. Заклинаю тя паки не моею худостію, но силою стаго Дха, да отидеши от сего раба Божія, Его же всемогущій Бгъ въ образъ свой сотвори; оубо оуступи, оуступи не мнѣ, но Служителеви Хву, его нудитъ тя власть, иже тя Крестомъ своимъ покори, его мышця оубойся, иже побѣжденным стенаніем Ада, дшя къ свѣту возведе. Буди, ти пострах тѣло члвка, буди ти трепет образъ Божій, не буди противенъ, ниже оумедлиши отступити от члвка сего, понеже подобаше Хрсту въ члвцѣ обѣтати, ни оуничиженія твориши, егда мя наипаче грѣшника знаеши. Повелѣваетъ ти Бгъ, повелѣваетъ ти Престолъ Ха, повелѣваетъ ти Бгъ Оцъ. повелѣваетъ ти Бгъ Снъ, повелѣваетъ ти Бгъ Дхъ стый, повелѣваетъ ти Тайна Креста, повелѣваетъ ти Вѣра стыхъ Апстолъ Петра и Павла, и прочіихъ стыхъ, повелѣваетъ ти Кровь Мучениковъ, повелѣваетъ ти воздержаніе Исповѣдниковъ, повелѣваетъ ти благоговѣнное всѣхъ стыхъ обою полу моленіе. Повелѣваетъ тебѣ сила Таинъ Христіанскія Вѣры. Изыйди, оубо преступниче изыйди, лестниче полный лести всякія и прелщенія, добродѣтели враже, неповинныхъ гонителю даждъ мѣсто сверѣпѣйшій: дажд мѣсто пренечистѣйшій, даждъ мѣсто Хрту, въ немже ничто обрѣлъ еси от дѣлъ твоихъ, иже тя обнажи, иже цртво

твое разори, иже тя побѣждена связа, и сосуды твоя расхѣти, иже тя воверже въ тмы кромѣшныя, идеже тебѣ съ служителми твоими оуготованна есть пагуба. Но что оубійственнѣ медлиши? чесо ради изыйти не хощеши? повиненъ еси всемогущему Бгу, егоже оуставленія преступилъ еси, повиненъ еси Гсду, нашему Ісу Хрсту Снови его, егоже искусити дерзнулъ еси, и распяти. Повиненъ еси роду члвѣческому, емуже совѣщанми твоими ядъ смерти подал еси. Заклинаю тя пренечистѣйшій змію от Имени нескверваго Агнца иже наступи на аспида и василиска, и попра Лва и змія: да отидеши от сего члвка, отиди от Цркве Божія Вострепетай и бѣжи, на призваніе Имене Влдки сего, егоже трепещутъ преисподняя, емуже силы Нбсныя, Власти, и Гдьствія повинуются, егоже Херувіми, и Серафіми славят непрестанными гласы, глюще: Стъ, Стъ, Стъ Гдь, Бгъ Саваоѳъ. Повелѣваетъ ти СЛОВО ПЛОТЬ бывшее, повелѣвает ти Рожден от Двы, повелѣваетъ ти Іс Назаранинъ иже тебѣ, (егда оуничижилъ еси Оучнков его) изриновенному изыйти от человѣка повелѣ, преднимже егда тя от члвка разлучи, ниже въ стадо свиное внійти дерзнулъ еси. Отступи оубо ннѣ от члвка, въ Имя сего иже его сотвори, жестоко есть тебѣ хотѣти бранитися, жестоко ти ест противу рожнꙋ прати, понеже не скорѣе неходяй, болшее имѣти будеши мученіе, яко не людей оуничижаеши, но сего, иже есть Властвитель, живыхъ и мертвыхъ, иже грядетъ судити живыхъ и мертвыхъ, и міръ огнемъ. Аминь.

3, Заклинаю тя, нечистѣйшій всякій душе, всякъ призрак, всякое нападеніе сатанино, въ Имя Іса Ха Назорея иже по Крещеніи Іорданстѣм веденъ есть въ пустыню, тебе на престолѣ побѣдити, да егоже онъ от персти земля къ хвалѣ славы своея созда, ты престани воевати, въ члвцѣ же худомъ, не худости члвческія, но образа Всемогущаго Бга оустрашишися. Оуступи оубо Бгу, тебе, и злобу твою, въ Фараонѣ и воинствѣ его, Моусеомъ рабомъ своимъ въ пропасти погрузившему. Оуступи Бгу, тебе вѣрнымъ рабомъ своимъ Двдомъ, от царя Саула пѣснми духовными низверженна прогнавшему. Оуступи Бгу, тебе въ Іудѣ Іскаріотстѣмъ предателю осудившему, понеже сей біеніемъ Бжіимъ тебѣ прикасается; пред его же лицемъ съ полки твоими трепетенъ возывалъ еси гля: Что намъ и тебѣ Ісе Сне Бга Вышняго? пришелъ еси прежде времене мучити насъ. Сей тя нудитъ вѣчными пламенми, иже на кончинѣ временъ нечестивымъ глати имать: Идѣте от мене проклятіи, въ огнь вѣчный, оуготованный діаволу и ангеломъ его. Тебѣ бо безчестный и ангеломъ твоимъ, червіе будутъ никогдаже оумѣрающіи, тебѣ, и ангеломъ твоимъ, огнь оуготовляется неугасимый, понеже ты еси князь проклятаго оубійства, ты начатокъ нечистоты, ты татбы стыхъ вещей глава, ты діяній нечестивыхъ

оучитель, ты равви Еретіковъ, ты всякаго зла изобрѣтатель. Изыйди оубо нечестиве изыйди, неправедниче изыйди съ всякимъ прелщеніемъ твоимъ, яко члвка Црковъ свою хощетъ быти Бгъ. Но что прочее медлиши зде? даждъ честь Бгу Оцу Всемогущему, емуже всяко колѣно преклоняется; даждъ мѣсто Гду Ісу Хрсту за члвка Кровь свою Престую излѣявшему, даждъ мѣсто Духови Стому Стымъ Аптлом Петромъ, тебе явѣ въ Симонѣ Волхвѣ изринувшему, лесть твою въ Ананіи и Сапфирѣ проклявшему, тебе въАродѣ Царѣ чести Бгу невоздавшем оубившему, тебе въ Волхвѣ Елѵмѣ, Апстлом Павломъ мракомъ слѣпоты погублшему, и тымже от Фѵтониссы изыйти словомъ повелѣвшему. Иди, оубо нвѣ, иди лестниче, тебѣ пустыня престол есть, тебѣ обитель змій ест, смѣрися и низложися, оуже нѣст часа продолжати, понеже се Гдьствуяй Гдь скоро приблѣжаеттся, и огнь возгорѣтся пред нимъ, и предидетъ, и сожжетъ окрестъ враги его; понеже аще члвка прелстиши: Бгу невозможеши насмѣятися. Сей тя изгонитъ, егоже очесемъ ничтоже тайно есть, сей тя изгонитъ, егоже силѣ вся повѣнуются, сей тя изгонитъ, иже тебѣ, и ангеломъ твоимъ оуготова вѣчную геенну, от егоже оуст, острый мечъ произыйдетъ, иже грядетъ судити живымъ и мертвымъ, и міръ огнемъ. Аминь.

Изъ чина надъ домомъ или мѣстомъ очарованнымъ и оплазняемымъ отъ злыхъ мечтовъ.

4, Заклинаю васъ вселукавіи злоначалници; проклятіи, мерзкіи бѣсове, иже аще кто есте, и елико васъ есть, иже обаваніями, чародѣйствыже, и злотворными дѣяніи, от давшаго себе вам *лукаго* человѣка приведени бывше, дом сей обуреваете, и злыми мечты, и оплазиствы своими, живущимъ в немъ оскорбляете и озлобляете, и о всесилномъ Имени, единаго Вседержителя Бга, въ Трци стой славимаго, Оца, и Сна, и стаго Дха, и в силѣ чтнаго иживотворящаго Креста, и всѣхъ спсителныхъ страстій, и животворныя смрти Гсда Бга и Спса нашего Іс Ха, еюже вся темная ваша власть, и лютое над члвѣки, и всѣми созданіями Бжіими мучителство испразднено и оуничижденно есть. Крѣпко повелѣваю, яко да от нвѣ съ всѣми волшебствы, обаваніями, и чародѣйствы вашими от дому сего скоро отбѣжѣте, и ктому никакоже, николиже воспять возвратѣтеся: ничтоже оубо медлѣте о проклятіи изверженници, но обратѣтеся воспять, и скоро оттуду съ всѣми злодѣяніи вашими далече отбѣжѣте, и дадѣте мѣсто Божіей силѣ, своимъ неисчетнымъ млсрдіемъ и благодатію, раздрушающей злодѣянія ваша. Да запрѣтит вам Перстъ Бжій, Фараоновыхъ волхвовъ обаянія и волшебная мечтанія бездѣлны сотворивый, и тѣхъ мучивый. Да

запрѣтитъ вам той, егоже сила запрѣщеніемъ Павла Апстла, немощную вашего лукавства силу въ Еллинѣ волхвѣ всякія лести и злобы исполненномъ, вразѣже всякія правды и діаволскомъ сынѣ, имже вы многихъ повреждаете, и пути Гсдня правыя развращати потщаетеся, обличи, посрами, и испразни. Да запрѣтитъ вамъ той, о егоже имени Павла Апстла запрѣщеніем духа пытливаго от отроковиця оныя изгна, яже волшебствомъ своим тяжаніе веліе даяше Господем своимъ. И якоже на стую Іустыну Креста знаменіемъ, и на немъ Распятаго Ха Бга нашего силою огражденну, обавлющу и васъ оубѣждающу Купріану ничтоже оуспѣсте, но страхомъ и трепетомъ одержими отбѣгосте: сице и нвѣ да нападетъ на васъ, и обыймет вы оужасъ, трепетъ, и страхъ Бга Вседержителя, Оца, и Сна, и стаго Дха, хотящаго васъ изринути въ огнь вѣчный, и безконечно в немъ мучити. Аминь.

5, Да отбѣгнутъ, и отступятъ от дому (или мѣста) сего, вся лукавая діаволская обаванія, чародѣянія, и волшебная дѣйства, окропленіемъ Воды сея сщенныя, и нивочтоже да обратятся и ищезнутъ.

Изъ благословенія хлѣба и вина больнымъ.

6, Заклинаю тя созданіе Вина, въ Имя Оца, и Сна, и стаго Дха, въ честь Преблгсвенныя Мрія, и всѣхъ стыхъ: да не будеши приобщенно всякому дўху нечистому, но врачество всѣмъ вѣрнымъ, пребывающее въ оутробахъ ихъ: о еже блгоговѣино вкушающим, или піющимъ тя, отгнатися от сихъ всякому духу нечистому, съ всѣми чародѣяніи своими. Блгословлю тя оубо созданіе Вина, о Имени Гсда нашего Іс Ха, и всѣхъ Стыхъ, да будеши очищеніе всѣхъ чародѣйствъ, и врачество всѣхъ недуговъ. Гсди Ісе Хе, въ показаніе силы Бжества твоего, въ Канѣ Галилейстѣй, воду въ Вино претворивый изволи такожде закляти, блгсвити и остити Вино сіе: да будетъ конечное врачество, противо всякія власти враговъ духовныхъ, и противо всякимъ злодѣяніемъ, оуже содѣланнымъ, и содѣлатися имѣющимъ: да ни какій духъ золъ, ни кая злоба его возможетъ обѣтати въ члвцѣ семъ, блгоговѣино сіе Вино вкушающимъ. Твоея ради стыя страсти и Креста, желчи ради и оцта, егоже вкушающе блгсвил еси; изволи: да отъ сего Вина блгсвеннаго піющіи, очистятся от духовъ нечистыхъ, и злодѣянія ихъ всяческаго, и вся сила діаволя от нихъ извержется: властже твоя силою словесъ твоихъ, в немъ преизобѣлуетъ. Азже Іерей твой, о Имени стѣмъ твоемъ, и о власти мнѣ данной, блгсвлю и осщаю сіе Вино, да лисы адскія, разорающія Вино-

градъ твой, вкупѣ съ дѣлы своимы злыми разоратся, сокрушатся и въ ничтоже вмѣнятся.

Изъ благословенія чертога.

7, Гсди стый Оче, иже бія насъ спасаеши, молюся Престолу твоему над симъ Одромъ, надъ симъ храмомъ, над всѣмъ симъ, еже есть в них, и надъ сею постелею, понеже вся благословлю, очищаю, заклинаю, и осщаю, о имени стаго твоего, Имркъ: егоже молю: да будетъ Хранителемъ нашимъ, и всѣхъ тварей. Изволи Влко блгсвити, и остити Ложе сіе, и храм съ всѣми сущими в немъ, и постелю сію: да всякъ; особноже сіе созданіе, Имркъ: возлежащее на ложи, и на постелѣ сей спящее; въ мирѣ почіетъ, и Бжія блгсвенія получитъ, всякъ духъ нечистъ, всякъ призракъ, всяко злодѣйствіе, или дѣяніе, связаніе, назнаменаніе, и всякое дѣло якоели есть діаволское, въ одрѣ, или въ постели, или въ дому семъ, да разорится, и въ ничто вмѣнится, разсыплется, прогонится, изжденется, и оудалится тако, яко оудалены суть нбса от земля, свѣтъ от тмы, ниже прочее возвратится. Азъже Іерей Бжій, разораю искореняю, и въ ничто вмѣняю: да не возвратится: духиже проклятыя, чертогъ, домъ и созданія твоя, разорити хотящя, погубляю и сотѣраю: прочееже Влдко, оумножи стая твоя блгсвенія, над одремъ, над постелею сею, над храмомъ, и надъ созданіемъ живущимъ в немъ.

Изъ благословенія супружеству чадъ неимущему.

8, Заклинаю вы, нечистыи дуси, рода члвческаго, и Бжія прозрѣнія врази, въ Имя Престыя Трця, Оца, и Сна, и стаго Дха, еяже провѣдѣніемъ, вся сохраняются въ своемъ чину, да еже противо сему Супружеству творите, къ возбраненію рожденія чадъ оуставленным от Творца обычаемъ, сіе понуждени Властію Бга нашего отимѣте. Запрѣщаю вы симъ, иже родитися от Двы имущій да своимъ Рождествомъ союзъ Супружества почтетъ, сію избра себѣ въ Мтръ, яже оуже бѣ обрученна мужу, о еже вамъ разсыпати злотворныя ваша оувѣщанія, и знаменія, и аще что сему Супружеству препоны сотворили есте, абіе отняти, и свободно от всякія вашея лести оставити. Заклинаю вы, тымже Гсдемъ нашимъ Іс Хрстомъ, пришедшимъ въ міръ сей, да раздрушитъ дѣла сатанина, и рукопѣсаніе суду, еже бѣ намъ противно, отиметъ от среди, пригвождая е къ Кресту, да еже что чарованіемъ, или связаніем, или всякимъ злодѣйствіем, по дѣломъ злочестивымъ бысть, имже Супружество сіе стыя Женитвы тайну воспріемшее возбраненно есть, свободно сіе творити, и

яже ему суть прилична, сіе все разсыпати, и оудалити, и никакого сихъ ради возбраненія отселѣ приносити, дерзнете. Призываем бо противу васъ страшное Имя Гсда нашего Іс Ха, да вся ваша завѣты расторгнути понудѣтеся, ниже чародѣемъ, яже вашею аки вѣрностію прелщаете, вѣру соблюсти, и еже оустановѣсте, скончати прочее изволите. Понуждает бо вас на се Крестъ Хвъ, понуждаетъ васъ Гсда нашего высокая Власть, еюже и самъ духи нечистыя словомъ изгоняше, и Оучнкомъ своимъ даде власт наступати на змею и скорпію, и на всю силу вражію. Въ сего оубо силѣ, повелѣваю вамъ, да оустановленный къ рода члвчскаго оумноженію, чинъ превратити престанѣте, да ваше рвеніе, имже и Бгу славу, и члвческому роду здравіе отняти хощете, суетным хотѣніем истаявающее вамъ токмо мучимымъ послужитъ, людейже рожденіемъ, по чстнѣмъ союзѣ и нескверномъ ложѣ поступающимъ, ликъ избранныхъ исполнится, помощію тогожде Гсда нашего Іс Ха, грядущаго судити живыхъ и мертвых, и міръ огнемъ. Аминь.

9, Гсдь нашъ Іс Хс, с вами буди, да сохранитъ вы: буди между вами да посѣтитъ вы; буди пред вами, да предидетъ вамъ: буди за вами, да соблюдетъ вы: буди над вами, да благословитъ вы десницею своею стою, всегда ннѣ, и въ вѣки вѣков. Аминь.

Изъ благословенія ограды скотовъ, сирѣчь стайни.

10, Заклинаю тя дѣмоне проклятый, нечистый, и всезлобный дше, иже всю ограду, и Скоты сія Бга живаго и истиннаго твары, дерзаеши, или дерзнеши смутити, и возмущати: заклинаю тя Бгомъ живымъ, Бгомъ истиннымъ, Богомъ стымъ, да изыйдеши, и отступиши, от сего мѣста, или ограды, и никогдаже возвратитися зде дерзнеши, ниже зде, или на иномъ мѣстѣ обѣтающимъ Скотомъ болѣзнь, или страхъ наведеши, или никое злодѣйствіе, въ пагубу житія, здравія, и оужитку ихъ принесеши, симъ, иже тя на древѣ Крестнѣм побѣди, оружіе в немже надежду имѣлъ еси сломи, и часу оустановленнаго прійдетъ судити живыхъ, и мертвыхъ, и міръ огнемъ. Аминь.

11, Паки заклинаю вы всезлобные дуси, Творцемъ Нбу и земли, Волвченіемъ Гсда нашего Іс Ха, Обрѣзаніемже, Крещеніемъ и Постомъ его, Крестомъ, Гвоздьми, Копіемъ, страстію, смртію, Погребеніемъ, Воскресеніемъ, Вознесеніемъ, и грядущимъ судомъ. Заклинаю вы Преславною Двою Мріею, моленмиже всѣхъ Стыхъ, да никогдаже отселѣ имѣете притеченіе къ сей

әрадъ, въ врежденіе людемъ, скотом, или инымъ вещемъ, от Бга роду члвческому въ напѣтаніе данымъ.

Изъ чина благословенія млека чародѣяннаго.

12, Заклинаю тя созданіе Млека, въ Имя Оца, Всемогущаго, и въ Имя Іса Ха Сна его, и силѣ стаго Дха, да будеши млеко запрѣщенное въ здравіе вѣрнымъ всѣмъ вкушающимъ тя, здравіе дши и тѣлеси, да избѣгнетъ и отидетъ от тебе всякая злоба и лесть діаволская, всякаяже ко врежденію власть, на тебе от служителей сатаниныхъ наведенная. Заклинаю тя симъ, иже стым Оцемъ Аврааму, Ісааку, и Іакову, обѣща землю медъ и млеко точащую, и наслѣдникомъ ихъ вѣрнѣ дарова, да не будеши тогожде Бга нашего и Влдки, вѣрнымъ рабомъ къ всякому злу виною.

13, Заклинаю тя созданіе Масла, Бгомъ живымъ, Бгомъ истинным, Бгомъ стым, Бгомъ исконѣ благостію своею, къ сохраненію житія сего тлѣннаго людемъ, масло от скотов давымъ, да никоего мѣста имать въ тебѣ противныя силы дѣло, ничтоже власти злоба сатанина, ничтоже дѣтелство проклятое коегождо оба полу людей, сатанѣ прилѣплшихся дружествомъ небоязненнымъ сотворитъ: да никако естество твое оумалится, или разорится, или на конецъ людем врежденіе нѣкое принесет.

14, Заклинаю тя, иже еси покоя человѣческаго разоритель, Оцем, и Сномъ, и стымъ Духомъ, да не вредиши храму сему, ниже смѣеши злотворити всѣмъ сущимъ в немъ, пшеницамъ, виномъ, елеомъ, млекомъ, масломъ, сыромъ, скотомъ, прочіимъ всѣмъ, яже суть имъ прилична. Сіе ти повелѣваетъ Гсдь ншъ Іс Хс, всѣми тайнами, житія, страсти, и славославленія своего, моленмиже всѣхъ святыхъ своихъ, имже храмъ сей, и всѣми живущими в немъ поручена сут, въ сохраненіе и соблюденіе, противу всѣмъ кознемъ твоимъ. Заклинаю тя нечистый душе, къ развращенію Хрістіанскаго покоя, и къ творенію бѣдства въ блгихъ мірскихъ, людемъ твоею лестію прелщеннымъ помощъ дающаго, Судіею живыхъ и мертвыхъ: да от сего храма, людей, и в немъ обрѣтающихся вещей отступиши, и ничтоже от нихъ отимеши, или имъ прикоснутися дерзнеши. Заклинаю тя вѣчнымъ Судомъ Бжіим, имже оустановлено есть, да воздастся коемуждо, еже его есть: да всякимъ обѣтомъ оустановленіемъ, дѣяніемъ, и знаменіем, имиже обязана тебе быти глеши съ лестію разсыпанымъ, вся яже обрѣтаются въ храмѣ семъ, оустрашенъ яростію гнѣва Бжія над тобою, здрава, и неткновенна оставиши. Отступи оубо от сего мѣста,

Закона Бжія преступниче, и людей разорителю, Аггломже стымъ, ихже храненію домъ сей повѣренъ есть, изгонящимъ тебе мѣсто сіе приврати, ниже с въ оупокоеніи своем, или блгихъ его прочее превратити дерзни: призваніемъ противу злобѣ твоей Имене Гсда нашего Іса Ха.

Изъ чина благословенія поля насѣяннаго.

15, Заклинаю вы воздушныя волны, Бгомъ живымъ, Бгомъ истиннымъ, Бгомъ стымъ: да не нанесете градовъ въ достоянія, и вертограды наша, понеже азъ Іерей Бжій, ащели недостоинъ, повелѣваю вамъ, и всякимъ дѣмономъ, такожде людем Злобным, въ Имя стѣйшия Трця: Оца, и Сна, и стаго Дха, да не вредѣте достояніемъ и полямъ нашимъ, но верзѣте грады, и волненія ваша, въ мѣста пуста, или потопѣте въ морѣ, без врежденія члвка, или скота, и сіе повелѣваю вамъ, страшным Судомъ Гсда нашего Іса Ха, грядущаго судити живым и мертвым, и міръ огнемъ.

Этотъ же чинъ и на „Градежъ духовный вертограда насажденнаго".

16, Заклинаю вы облаки и грады Бгом Оцем, Бгом Сном, Бгомъ Дхомъ стым, стымъ Вочлвченіемъ Гсда нашего Іса Ха, преславными дѣлы Преблгсвенныя Двы Мрія, высокими добродѣтелми стыхъ Апстловъ, страшными мученіи всѣхъ Мучениковъ, стѣйшимъ житіемъ всѣхъ Двцъ, высочайшим совершенством всѣхъ стыхъ. Такожде повелѣваю вамъ, повелѣтелнымъ словомъ, еже сотвори Хс вѣтромъ, да оумолкнутъ, стымъ осѣненіемъ, еже сотвори Дхъ стый въ Оутробѣ Двы Мрія, чудесным раздѣленіемъ, еже сотвори Божія власть въ чермнѣмъ морѣ, и силою Крста Хва, егоже знаменіе противу вамъ творю. Сими всѣми заклинаю васъ облаки, и демоны, да не послете градовъ, и буря, на́ поля, вертограды, и достоянія наша, яже азъ Іерей Бжій, блгсвлю, и знаменіемъ стаго Креста ограждаю въ Имя Оца, и Сна, и стаго Дха. Аминь. Благослови Гсди землю сію, да дасть плодъ блгъ въ время свое, ни кійже дхъ волненій вредити ю возможетъ над неюже призвано есть Имя твое стое, и благословеніе стѣйшия Трця, и всѣхъ стыхъ Бжіихъ. Аминь. И вертограду.

17, Заклинаю вы волны и вѣтры, Гвоздми и Копіемъ, яже Руцѣ и Нозѣ и Ребра Хва прободоша, и от сих стых Ранъ, многъ дождъ Крове и Воды источиша, да никакоже вредѣте симъ вертогрядомъ, древесемъ, мѣстомъ злачнымъ, полемъ, дубравамъ, и нѣкоимъ вещемъ, къ члвческому живопитанію блгопотребнымъ. Такожде заклинаю вы демоны, аз Іерей Бжій, аще и недостоинъ, и повелѣваю вамъ о Имени Гсда нашего Іса Ха, и о судѣ Страсти его, да не имѣете власти въ облацѣхъ Нсныхъ,

ниспослати грады, возбуждати молнія, или громы, ниже творити всякая зла, сами собою, или други вашими, или чародѣйми, и волхвами. Сіе повеленіе буди вамъ, под мукою геенны, и низрѣновенія въ езеро огня и жупели.

18, Заклинаю вы діаволы, азъ грѣшный и недостойный Іерей Ха, силою тогожде Гсда нашего Іс Ха, не въ своей власти надежду имѣяй: заклинаю васъ, и повелѣваю вамъ всезлобнымъ духовомъ, страшнымъ дне послѣдняго Судомъ, и силою стаго Крста, егож против вы творю, дѣлыже нескверныя Двы Мрія, ветхаго змѣя главу сотершия, и всѣми высочайшими добродѣтелми стыхъ преславнѣ васъ побѣдившихъ, да не смѣете всякихъ вредныхъ вѣтров, мглы, сухостій иссушающихъ неплодствія злая, въ сей цѣлой міра части возбуждати, ащели не послушаете, излѣваю на вы, всякая проклятія, и муки адскія, Бгу повелѣвающу, Михаилуже Агглу повелѣніе творящу: симъ иже грядетъ судити живымъ й мертвымъ, и міръ огнемъ. Аминь.

Этотъ же и на „Градежъ духовн. вертограда насажденнаго.“

Изъ чина благословенія сѣменъ противу птицамъ и червію.

19, Заклинаю вы губителныи червіе, мыши, птиця, прузіе, и всякія звѣры, Бгомъ Оцемъ Всемогущимъ, Гсдемъ нашимъ Іс Хрстомъ, Дхомъ стымъ от обою исходящимъ: да отступите абіе от сих поль, вертоградов, вод, ниже болма в них обѣтайте, но прейдѣте въ мѣста, въ нихже никоему возможете вредити, Именемъ Всемогущаго Бга, и всея Полаты Нбсныя, и именемъ Црква стыя Бжія, васъ проклинающія заклинаю: да будете прокляти, аможе идете, оумаляющеся кождого дне, тако, яко останкомъ вашимъ нигдеже обрѣстися, токмо блгопотребнымъ здравію члвческому: еже да подасть грядый судити живых и мертвых, и міръ огнем.

Изъ благословенія дому напротивъ огню.

20, Тебе Бга, Оца Всемогущаго оусердно молимъ, о храмѣ семъ, и *жиущихъ* в немъ, и о всякихъ вещехъ, да блгсвиши, остиши, и знаменіем стаго Крста сохраниши, от пламене огня, и біенія перуновъ свободиши, блгъже всяческихъ исполниши. Блгослови оубо Влдко и ости домъ сей якоже блгсвилъ еси домъ Авраамовъ, и Ісааковъ, и Іаковль, и вътстѣнах его, да обѣтаютъ Аггли свѣтлости твоея, обѣтающихже в немъ, от разженія, молнія, и злобы сатанины сохранят всегда. Гель, Геліоимъ, Сотыръ, Еммануилъ, Саваофъ, Агіосъ, Тетрограмматонъ, Гагіосъ, Офеосъ

Існиріосъ, Афанатосъ, Егова, Адонай, Садаи, Мессія. Не созданъ Оцъ, не созданъ Снъ, не созданъ Дхъ стый, Іс Хс Црь Славы, прійде въ мирѣ. СЛОВО Плот быст, Бгъ Вочлвчися. Хс побѣждаетъ, Хс црствуетъ, Хс повелѣваетъ, Хс от пламене огня, и от біенія перуновъ, сей храмъ да сохранитъ, и соблюдетъ, нн҃ѣ и присно, и въ вѣки вѣковъ. Аминь.

Ср. Опис. рукоп. Вил. публ. библ. Добрянскаго, стр 298.

Изъ чина благословенію въ насажденіе древесъ, въ врежденіе пружія и т. д.

21, Заклинаю васъ многовидныя звѣріе, червіе, гусеница, хрущи, и прузіе, мыши, щури, крѣтиця, и различныя роди мухъ, и мушицъ, молія, мравіе, овадиже и осы, и многоножныя, и многообразныя, роди и ползающыяся по земли животныя, и лѣтающыя птиця, вредъ и тщету Вертоградом и садом, наносящія, Бгомъ Оцемъ безначалным, и единосущным, и Дхом его Престымъ, от Оца и Сна исходящим, и животворящимъ. Заклинаю васъ Вочлвѣченіемъ единороднаго Сна Бжія, Бга нашего Іс Ха, и пожитіемъ его на земли съ члвки, Страстіюже его спителною, и животворною его Смертію, тридневнымъ его Воскресеніемъ, на Нбса Вознесеніемъ, и всѣмъ его спителнымъ и Бжственнымъ смотреніемъ. Заклинаю васъ стыми многоочитыми Херувіми шестокрилатыми Серафіми, лѣтающими окрестъ Престола, и вопіющими: стъ, стъ, стъ Гдь Саваофъ. Заклинаю васъ стыми Агглы, и всѣми Силами Нбсными, и тисящами тисящми, иже съ многимъ страхомъ предстоятъ Славѣ Гдней, да не обѣдите древесъ, ни зелій Вертограда сего, но отидите на дивыя горы, на неплодная древеса, на нихже даровалъ есть Бгъ повседневную вам пищу. Заклинаю васъ Чстным Тѣломъ и Кровію Гсда нашего Іс Ха, истиннаго Бга и Спса нашего, имже Искупленіе дадеся намъ, и спсеніе: от егоже Имени Мученици стіи оумроша; да не обѣдите Вертограда сего, ни всякаго древа плодовита и безплодна, ниже листъ зелій. Да не обѣдите от окруженія предѣла, мѣста и стяжанія его, но отидите скоро от мѣста сего, и ищезнѣте и погибнѣте, и оумалѣтеся, и часъ от часа безвѣстнѣ будите, исчезающе и погибающе от сего Вертограда мѣстъ и предѣлъ.

Изъ заклинанія вина или оцту.

22, Заклинаю тя созданіе віна, (или оцта), въ Имя Оца, и Сна, и стаго Дха: да не будеши общее, всякому духу нечистому, въ честь стыя Мрія, стаго Увалда, и стго Антонія Патавійскаго: да всяк блгоговѣннѣ от тебе піяй, или вкушаяй сіе получитъ: да от него отступитъ духъ нечистый, съ всѣми дѣлы своими. Заклинаю тя оубо и благословляю со-

зданіе віна, (или оцта), о Имени Іс Ха, стаго Увалда, и стаго Антонія Патавійскаго: да будеши очищеніе всяких злодѣйствій. Изволи, о стый Увалде! и стый Антоніе Патавійскій! сіе віно, (или оцет) блгсвити, и остити, къ свобожденію, и оуздравленію тварій Гсдних, от всѣхъ діаволствъ, и чародѣяній. Гсди, Ісе, Хе, якоже претворилъ еси въ Канѣ Галилѣйстѣ воду въ віно, тако блгсвити, закляти, и остити твоею блгстынею, изволи сіе віно, (или оцет), да будетъ искусная врачба, противу всякія власти супостатовъ нашихъ, такожде противу всяких дѣяній яже быша и будутъ, нѣякій же духъ всякаго рода возможетъ въ твоей твари обѣтати, яже вкуситъ сего віна (или оцта) блгсвеннаго. Млимтися Гсди въ стѣй твоей Страсти и Крестѣ: да піяй от сего віна (или оцта) блгвеннаго очищенъ будетъ нечистыхъ, от всякаго злодѣйствія, всякаяже сила діаволя да искоренится властже твоя Влдко, силою словесъ твоихъ да укрѣпится. О Влко! излѣй стое твое блгсвеніе на віно сіе, (или оцет сей), да свяжутся язвы сатанины: азъже блгсвляю сіе вино, (или сей оцетъ), и осщаю о Имени стѣмъ твоемъ, да лисы геенскіи, разрушающіи сей твой віноградъ, и низлагающіи его пуста купно съ дѣлы своими, дѣланіи, и злодѣйствіи, разрушатся, сокрушатся, и въ ничтоже вомѣнятся.

Изъ чина благословенію пчелника и т. д.

23, Заклинаетъ вы Бгъ Оцъ діаволи проклятіи: заклинает вы Бгъ Снъ, чародіе, діаволстіи содружници: заклинаетъ вы Бгъ Дхъ стый, злотворніи воздуховъ, гадовъ, птицъ, мухъ, и всяческаго роду животніи, и злохотніи дуси. Заклинаю вы и азъ недостойный Іерей злокозници, на сый пчелникъ и на всажденыя его пчелы, поврежденіе наводящіи, градимъ въ міръ, Бгомъ живымъ, Бгомъ истиннымъ, Бгомъ Вочлвѣчшимся, и грознымъ его на судъ пришествіем: прійдетъ бо, не оумедлитъ судити земли, и вашу злонравную силу, съ всѣми вашими злодѣйствы, потребити и всеконечно истнити: оубо изыйдѣте от сего пчелъ ограда, изыйдѣте абіе от сихъ пчелъ предѣла, и бѣжите и вселитеся в странно мѣсто исщезанія вашего; не обидяще зелія, древесъ, оулія, и пчелъ предѣла, ни снѣдающе древесных и злачныхъ цвѣтовъ, ни более сего ихъ сосѣдѣнія въ предѣлѣ поглащати, и на странѣ питаніе медное собирающихъ оуничижати не дерзните: но от бурныхъ воздуховъ прогнани исщезните. Сеже призываніемъ в вашу погибель, Спсителнаго Имене Гсда нашего Іс Ха, и предстателством Преблгословенныя Двы Мрія всемлсрдія Спсителя нашего Мтре повелѣваю вамъ отсюду без оукоснѣнія отити: оубо непобѣдимою властію отгонитъ васъ зломрачніи дуси от сего стя-

жанія пчелнаго, Нбсныхъ, безплотныхъ Силъ, Архістратигъ Міхаилъ, Гавріилъ, Рафаилъ; Рагуилъ, Оуріилъ, окрестъ предстоятеле Гсдни. Хс ними васъ побѣждаетъ, Крестъ Хвъ васъ бѣсов оуязвляетъ, Крестъ Хвъ, сего, Пчелъ ограда Защититель, Крстъ Хвъ, Медотворны Пчелъ оумноженію оускоритель, нн҃ѣ и всегда, въ здравое члвкъ общеніе. Аминь.

Изъ благословенія евангелію Іоанна Богослова.

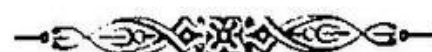
24, Бже Всемогій, и млстивый, оусердно тя оумоляемъ, еже на сіе стое Еѵгліе въ честь Имене стаго твоего возлюбленнымъ твоимъ Апстломъ Іоанномъ, по дѣйствію стаго Дха написанное, блгсвеніе и осщеніе твое низпослати: да вси оупотребляющіи и благочестно *на себѣ носящіи е*, исповѣданіемъ и достодолжным хваленіем Престаго Воплощенія твоего ходатайствомже тогожде Еѵглісты твоего, здравіе дши и тѣлу от тебе получити, и от видимыхъ и не видимыхъ врагъ нападенія скорому избавленію сподобятся.

Изъ благословенія кадила.

25, Заклинаю тя созданіе Кадила, Бгом живым, Бгом истинным, Бгомъ стым, Бгомъ иже всяческая из ничесогоже сотворивъ, и злобныя аггелы съ нбсе на сія нижняя изгна: да будеши на заступленіе наше, содѣйствіем кажденія, и созданіем блгсвенным, въ вѣчную казнь всякимъ злотворнымъ духомъ и въ разрѣшеніе ихъ союзовъ: о семъ, иже пріидетъ судити живыхъ и мертвыхъ, и міръ огнемъ. Аминь.

Изъ благословенія соли.

26, Заклинаю тя созданіе Соли, въ Имя Оца Вседержителя, блгодатію Гсда нашего, Іс Ха, и силою стаго Дха. Заклинаю тя Бгомъ живымъ, иже тя требованія ради члвческаго сотворилъ есть: да будеши всѣмъ вѣрнымъ вкушающим тя, въ здравіе дши и тѣлеси, и да избѣгнетъ и отидетъ от тебе всякая къ врежденію власть, на тебе от служителей сатаниныхъ наведенная. Сего ради молимтися Гсди, Бже нашъ, да сіе созданіе Соли, въ Имя стыя Трця сотворится, спсенія тайна, юже ты Гсди осщая ости, блгсвя благослови, да всѣмъ приемлющимъ ю, совершенное врачеваніе, пребывающи въ оутробѣ ихъ, будет. Въ Имя Гсда нашего Іс, Ха, иже пріидетъ судити живымъ, и мертвым, и міръ огнемъ. Аминь.



Списокъ знахарей и лицъ, записавшихъ заговоры для настоящаго выпуска.

Гомельскій уѣздъ.

Г. Гомель: кр. Степ. Картавенковъ и Агафья Картавенкова, зап. пис. Филимоновъ.

с. Головинцы: Марья Швардекелева, зап. тотъ же.

с. Дятловичи: Мар. Никитина 51 г.

с. Телеши: Агафья Пунанова, Марья Созонова, Агафья Луцманова, зап. пис. Ефремовъ.

д. Голѣевка: Христина Игнатова, тотъ же.

м. Вѣтка: запис. нар. уч-ца Головинская.

с. Вылевъ: Ѳекла Лобикова 65 л., запис. г. Буднецкій; Марья Лысенкова, Хавронья Шапорова— зап. помощ. вол. писаря.

с. Корма: Вѣра Терешкова, зап. ур. Заркевичъ; Агафья Пудова, тотъ же; Нопрей Аврамовъ, 60 л. Анна Володькина 73 г. Кононъ Буровъ 43 л. Варфолом. Баранковъ 74 г. зап. Будн. Настасья Григоренкина 65 л. тотъ же, Семенъ Товчонокъ, зап. Заркевичъ.

с. Городня: Елис. Кожемякова 70 л. Будн. Ирина Леонова 46 л. тотъ же; Агафья Петрусева 56 л. зап. пис. Чайковскій.

с. Жгунь: Мих. Шаболинъ, Чайк.

с. Перерость: Семен. Ермоленковъ, з. Заркев. Ларіонъ Мазучевъ 37 л. Будн. Демьянъ Исаченковъ 35 л. тотъ же; Дарья Буланова, 57 л. тотъ же.

с. Поповка: Аксинья Степанова 47 л. зап. Матарашевъ, нар. учит. Евфр. Васильева, тотъ же; Степанида Деркачева, тотъ же; Евдокія Шклярова, тотъ же; Кулина Васильева, тотъ же.

с. Азаричи: Григорій Коренковъ, з. Матарашевъ.

с. Круговецъ: Сила Андреевъ, тотъ же.

с. Ст. Юрковичи: Ѳедосья Шклярова, зап. ур. Шелютто; Ѳед. Кравцова, тотъ же.

с. Сѣровка: Вася Корнеева 53 л. —пом. пис., Иванъ Срочкинъ, з. Будн.

д. Быстра: Павелъ Голова 80 л., пом. пис.

с. Уть: Устинья Грищанова, 57 л. Будн.

с. Марковичи: Степанъ Собко, 70 л. Кузьма Павловъ 66 л. Яковъ Жуковъ 35 л. Будн. Прасковья Жукова 47 л. Будн. Настасья Горбачева 54 л. Будн.

д. Будище: Тарасъ Даниловъ 50 л. Будн.

с. Черетянка: Катер. Сотникова 62 л. Будн.

д. Диколовка: Дар. Бѣлѣева 68 л. Будн.

Чебот. в. д. Ст. Буда: Пав. Адамовъ, зап. уч. Ивановъ.

Рогачевскій уѣздъ.

с. Кошелево: Сол. Васильева, зап. пис. Ѳедоровъ, Зах. Никитинъ, тотъ же; Праск. Балбесова 43 л. зап. нар. учит. Горбачевъ; Ульяна Чучурненкова, тотъ же; Марья Аксененкова, тотъ же.

с. Недойка: Ѳед. Ѳедорова 65 л. запис. пис. Павловскій; Варв. Гаврилова 40 л. тотъ же; Палагея Трофимова 52 л. тотъ же; Степанида—тотъ же; Ѳедора Акулова 55 л. Степанъ Павловъ 46 л. Артемъ Жириковъ 63 л. Ховра Михайлова 51 г. Катерина Евфимова 40 л.

Городецк. в. д. Сѣминовка: Григорій Михайловъ.

с. Озераны: Антонъ 65 л. колд.

Кормян. в. д. Кураковщина.

с. Покать: Иванъ Даниловъ 50 л.

с. Столбунъ: Евстр. Точилкинъ, зап. пис. Громыко; Варв. Филипкова, тотъ же.

с. Свѣтиловичи: Катер. Швырева, зап. учит. Цыбулькинъ; Гонора Журавлева, тотъ же; Владим. Венедиктовъ, тотъ же.

Чаусскій уѣздъ.

с. Гладково: Сер. Васильевъ, зап. вол. пис. Деменковъ.

д. Приданки: Исакъ Степановъ, тотъ же.

м. Дрибинъ: Яковъ Леоновъ 45 л. старшина, зап. Буднецкій.

Ряснянская вол.: Терентій Аникеевъ.

м. Горы: Анна Андреева.

с. Радомль: Тимоф. Ивановъ 29 л. Софья Осипова 25 л.

д. Галузы: Григ. Ермолаевъ 60 л. зап. пис. Гологуто; Ефр. Демидовъ, тотъ же.

с. Городецъ: Парфенъ Петровъ 53 л. Будн.

д. Нов. Прибужье: Агаф. Емельянова 50 л., тотъ же; Григор. Леоновъ 72 л., тотъ же.

д. Рекотка: Титъ Ермолаевъ, зап. тотъ же.

Горецкій уѣздъ.

с. Любинничи: Евсей Павловъ 65 л. переселенецъ изъ приволжск. губерніи.

с. Городище: Фил. Степановъ 70 л. грам. кузнецъ и знахарь.

д. Литвиновичи: Никифоръ.

Пугл. в. д. Макаровка: Татьяна Иванова 77 л. зап. Будн.

м. Дубровна: Афан. Абрамовъ, Димитрій Захаровъ.

д. Хандоги: Степ. Сергѣевъ 82 г. зап. Будн.

Сватощ. в. д. Посудьево: Ѳедоръ Григорьевъ, 48 л. зап. Будн.

Холбн. в. д. Бѣль: Прокопъ Евфимовъ, 45 л. грам. зап. Будн.

м. Романово: Ульяна Андреева, Евфр. Алексѣева, Кузьма Корнѣевъ.

Баевск. вол: Аксенъ Ѳедоровъ.

Могилевскій уѣздъ.

Тетер. в. д. Затетерка: Игн. Антоновъ.

д. Храпка: Иванъ Даниловъ.

м. Круглое: Татьяна; Прокопъ Титовъ 44 л.

д. Казимірово: Петръ 80 л.

с. Нѣжково: Ганна Осипова 60 л.

д. Вишево: Ѳед. Трофимовъ 45 л.

м. Бѣлыничи: Агаф. Антонова 65 л.

с. Церковище: Пав. Андреевъ 57 л. грам. коновалъ; Михей Ермолаевъ и Аг. Демьянова.

д. Забавы: Матруна 25 л.

д. Приборъ: Марья Иванова 65 л. слыветъ вѣдьмой; женщ. бойкая, съ бурной молодостью; солдатка.

Вендорож. в. д. Синнино: Михаилъ Ивановъ 25 л. Степ. Михайловъ 52 л. Андрей Сергѣевъ. —Мовша Марузовъ 68 л. еврей.

д. Куты: Абакумъ Савковъ 80 л.

д. Михалево: Есипъ Петровъ 48 л.

д. Ямница: Петръ Кононовъ 46 л. Романъ Михайловъ 64 л. отст. солдатъ, пастухъ; знаетъ множ. заговоровъ, заученныхъ въ различн. губ. во время походовъ; Захаръ Ѳедосовъ 40 л. негр. бывш. лакей.

с. Полыковичи: Борисъ Захаровъ 66 л. Ѳедоръ Ивановъ, зап. Будн.

д. Бушляки: Степ. Степан. 74 г. Катерина Матвѣева 70 л.

д. Церковище: Моисей Евфимовъ 40 л.

м. Княжичи: Домна Самсонова 75 л.

с. Браково: Никита Автуховъ 65 л.

д. Толпечицы: Сам. Сафоновъ 50 л. Будн. Павл. Гришкова 60 л. Ульянъ Ефремовъ 75 л. Будн.

д. Крюково: Троф. Прохоровъ, зап. пис. Богдановъ.

д. Сметаничи: Мел. Иванова, 70 л. зап. тотъ же. Евдокія Маркіанова 73 л. тотъ же. Антонъ Листратовъ 70 л: Маркіанъ Захаровъ 65 л.

д. Б. Лозицы: Иванъ Кондр. 45 л., зап. Богдановъ; Леонъ Ивановъ 60 л. зап. тотъ же.

Черноруч. в. д. Толкачи: Нест. Дмитріевъ 75 л. Будн. Марина Карпова 50 л. Будн. Иванъ Моисеевъ 73 л. Макрина Ефремова; Кузьма Антон. Будн.

д. Жировецъ: Кулина Иванова 75 л.

д. Товчалево: Евсей Евфимовъ 54 л. Будн.

Шклов. в. д. Овчинники: Степ. Малаховъ 35 л.

Оршанскій уѣздъ.

м. Микулино: Петрунеля Викентьева.

Чериковскій уѣздъ.

Мхиничск. в. д. Ст. Буда: Захаръ Максимовъ 60 л.

д. Журавы: Ѳедосъ Ивановъ, Тихонъ Евфимовъ.

д. Марьина Буда: Марья Антонова.

д. Готовецъ: Праск. Климова.

д. Горки: Ѳедосъ Ивановъ.

д. Бугнаи: Пелагея Исакова.
д. Соболи: Татьяна Карпова.
д. Зеленковичи: Петръ Семеновъ, 50 л.
с. Братьковичи: Илья Михайл. Ан.
д. Бирюли: Ѳед. Игн. зап. Ан.
д. Шароевка: Иван. Матвѣевъ, 50 л. зап. Аникіевичъ.
с. Лобановка: Олимпіада Давыдова нищ. 30 л.
с. Малятичи: Макаръ Ѳедор. 56 л. зап. Аникіевичъ.
д. Золочева: Яковъ Захар. 57 л. Ан.
д. Ревнскъ: Евфимъ Ѳоминъ; зап. вол. пис. Мельниковъ.
с. Силичи: Самсонъ Демидовъ; зап. Мельниковъ.
д. Хотимскъ: Аксенъ Онуф. Мельн.
д. Еловка: Ѳед. Никеевъ; 60 л. зап. пом. вол. писаря. Ирина Герасимова, 62 л. Кузьма Андреевъ, 35 л.
д. Тыща: Ѳедоръ Малаховъ. зап. пом. вол. пис.
д. Блудимля: Степ. Тереховъ; 50 л. зап. вол. пис. Комаровскій.

Мстиславльскій уѣздъ.

с. Дудино: Моисей Ицковъ, евр.
м. Монастырщина: Тихонъ Демьяновъ, Яковъ Сергѣевъ, Агафья Прохорова.
д. Багрецы: Якимъ Семеновъ.
д. Корхи: Ѳедоръ Савельевъ; Аник.
д. Ольховка: Фил. Степановъ; Ан.
д. Малявица: Степ. Авдѣевъ.
д. Старишовка: Игнатъ Михайловъ, Семенъ Ѳедоровъ, 40 л.
д. Колбы: Платонъ Никитинъ, пчеловодъ, 30 л.
д. Платково: Якимъ Яковлевъ. Ан.
д. Кривели: Давыдъ Васил. Ѳедоръ Желудь.
с. Старокадино: Серг. Тимоф.
д. Мордолысово: Томашъ Ермолаевъ 70 л.
с. Колтово: Ник. Ивановъ.
д. Юшки: Иванъ Леоновъ.
д. Дѣдковичи: Яковъ Ефремовъ.
д. Ляховичи: Степанъ Ѳедоровъ; зап. Аникіевичъ.
д. Пнева: Троф. Григорьевъ.
д. Явкино: Григор. Ивановъ.
д. Голѣевка: Вас. Ѳедоровъ.
д. Старый Станъ: Филим. Максимовъ, зап. Аникіевичъ.
д. Чортова: Иванъ Ивановъ, колд.
с. Старое: Павелъ Сидоровъ; зап. вол. пис. Максимовъ.
д. Ржавецъ: Ѳед. Кондратьевъ; з. Максимовъ.
д. Соино: Нефедъ Лукьяновъ; зап. помощ. вол. писаря.

Климовичскій уѣздъ.

д. Бѣсовицы: Иванъ Ѳедор. 73 л. зап. Аник.
д. Катеринополье: Дем. Павловъ, 75 л. Ан.
Пирятин. вол: Алексан. Васьковскій, грамотн.
д. Воробьевка: Степанъ Маханёкъ 77 л.
д. Положково: Моис. Ригусъ.
д. Путимля: Наст. Николаева.
с. Березки: Ефимъ; Ульянъ Матвѣевъ, Ан.
д. Паньковская Буда: Григорій Дав.

д. Вороньки: Пав. Вас. з. Аник.

д. Ганновка: Денисъ Слободчук. 45 л. зап. пом. вол. пис.

д. Михеевичи: Кир. Евсеевъ; зап. тотъ же.

д. Нов. Дѣдино: Яковъ Моисеевъ; зап. тотъ же.

д. Артюхи: Николай Артемовъ; зап. пом. писаря Семеновъ.

д. Борейки: Никифоръ Ѳедоровъ; зап. тотъ же.

Витебской губ.

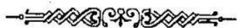
Люцин. у. с. Ляўдеры, зап. нар. уч. Кравченко.

Витеб. у. с. Королево, зап. въ стан. кварт.

Городок. у. с. Мишневичи, зап. нар. уч. Василевъ.

с. Хвошно, запис. нар. уч-ца Бѣлинская.

За исключеніемъ заговоровъ изъ вит. губ. всѣ остальные записаны *въ присутствіи собирателя* лицами, ему лично извѣстными. Отъ знахарей, при которыхъ не указаны имена записывателей, заговоры записаны собирателемъ.



ЗАГАДКИ ЦАРЯ ДАВЫДА.

Рукопись 17—18 в. въ 8 д. Уцѣлѣло 50 листковъ. Текстъ начинается съ 9 отгадки; въ срединѣ рукописи вырваны отгадки 35—37; въ концѣ помѣщено „Слово естъ отъ бражнику," но изъ него уцѣлѣлъ одинъ листокъ.

Рукопись намъ доставлена изъ м. Молостовки, чериковскаго уѣзда, покойнымъ протоіереемъ Ѳ. Н. Зубовскимъ, къ которому перешла преемственно отъ предковъ, кажется, дворянъ Минской губерніи. Языкъ рукописи несомнѣнно бѣлорусскій, но съ южною окраскою, выражающеюся главнымъ образомъ въ довольно частой замѣнѣ *ѣ* буквою *и*, замѣнѣ, встрѣчающейся, впрочемъ, въ духовныхъ стихахъ и нынѣ (см. напр. нашъ стихъ—Василія великая пьяница и др.)

Во всякомъ случаѣ, языкъ мы сохраняемъ вполнѣ; но начертаніе словъ вынуждены измѣнить, главнымъ образомъ, въ смыслѣ устраненія титлъ, каковы: гⷭдъ, бг҃ъ, і҃с, х҃с, чл҃вкъ, прⷪрокъ, с҃тый, цр҃ъ, блⷣгтъ, нбⷭныи, гⷭдній, еⷭⷮ, бж҃ій, цр҃тво, ап҃толъ, аг҃глъ, мч҃никъ, крⷭтъ, мл҃тва, чⷭтный, трⷪца, бц҃а, сн҃ъ, прⷭтол, еѵⷢліе, и нѣк. др., и надстрочныхъ знаковъ.

Впрочемъ, благодаря любезной предупредительности Г. А. Малкина, мы имѣемъ возможность приложить для образца точный снимокъ двухъ страничекъ.

Подобныя гадательныя книги, вѣроятно, были прообразами нынѣшнихъ оракуловъ и соломоновъ. Цифры, стоящія предъ каждою отгадкою —а ихъ 180—заставляютъ предполагать, что въ началѣ книжки находился гадательный кругъ, съ извѣстнымъ числомъ радіусовъ, промежутки между которыми были наполнены цифрами. На этотъ кругъ гадавшими металось, при произношеніи какихъ либо таинственныхъ словъ, пшеничное зерно—какъ это дѣлается нынѣ при гаданіи на соломонѣ и оракулѣ —и подъ цифрою, указанною зерномъ, отыскивался отвѣтъ на задуманный вопросъ.

„Загадки царя Давыда"

(къ стран. 212)

загадки црѧ.
и ты члче радъ и ве
селъ будешъ, мысли
своей, нашто еси се
бѣ задумалъ и загада
лъ, добро есть.
оз. Стый иѡсифъ приве
іса хрта до школы пис
ма учитися, и ѿдалъ
вруки учителю, и тотъ
учитель писмо вказу
ючи хрту, вдаривъ ха
поголовѣ, хс же ѡка
захъ учителю, даючо
го ты мене бьешъ
а самъ того неведаешъ
часу, же небудешь жи
въ, и заразъ падъ на
землю и умеръ, такъ
и ты члче непочинай
того замышляти и
загадова

давыда,
загодовати, недобро е.
Велелъ аггелъ гдень ои,
иѡсифу с пречтою
бцею и со ѿрочатомъ
из ити из виѳлеема
в египетъ, и рады бы
ли стый ангелскому
званию, такъ
и ты члче радъ и ве
селъ будешъ, совсими
домомъ своимъ, гдѣ
бгъ тебѣ напомощъ,
добро есть.
Прийшелъ иѡсифъ оѳ,
іса хрта к маистру
учити ся сукона
красити, и росказалъ
маистеръ ісу хрту
украсити сукна поро
зныхъ цвѣтахъ, а
самъ начасъ малый
ѿишолъ

Въ „Памятник. старин. русск. литерат.“ III, 161—166, помѣщена „Книга гадательная пророка и царя Давида—Рафли,“ заключающая 52 отгадки, изъ коихъ 12 сходны, отдаленно, съ нашими [1]). Счетъ отгадкамъ въ Рафляхъ ведется иной, заставляющій предполагать и другой способъ гаданія. Можетъ быть, круговъ было нѣсколько, но съ меньшимъ числомъ радіусовъ, можетъ быть, гадали и чрезъ простое открытіе книги послѣ троекратнаго круженія ея на головѣ,—какъ это дѣлается теперь съ псалтирью,—и по извѣстной цифрѣ отыскивали отвѣтъ.

Хотя роль подобныхъ произведеній въ развитіи понятій русскаго народа не вполнѣ выяснена, однако же съ большою достовѣрностію можно сказать, что они имѣли важное значеніе въ глазахъ нашихъ предковъ. Къ гаданіямъ по нимъ прибѣгали только въ особыхъ, серьозныхъ, случаяхъ жизни и тѣмъ съ большею вѣрою относились къ ихъ изреченіямъ. Такимъ именно образомъ относится народъ къ серьознымъ гаданіямъ и въ настоящее время, считая, напр., большимъ грѣхомъ гаданіе на псалтири изъ любопытства и слушая съ дѣтскою вѣрою изреченія ворожбитовъ и знахарей.

„Загадки царя Давыда“ вообще близко стоятъ къ заговорамъ, какъ по значенію своему, такъ и по содержанію.

ЗАГАДКИ ЦРЯ ДАВЫДА.

ѲI. Росказалъ гсдъ бгъ архангелу михайлу, изведи вонъ зраю адама и евву, адамъ же сидючи предраемъ плакалъ горко, й нарекалъ на себе, ахъ рай мой прекрасный воздиланный ..... для мене сотворенъ ... затворенъ еси .... не насытитися пищей райскою преступивъ еси ... такъ и ты человѣче не преступай заповѣди божія, не завидуй на чужое добро бо свое втратишъ, недобро естъ.

Т. Росказалъ гсдъ бгъ иону пророку поити въ ниневій градъ проповѣдати имя стое ... покаяли ся дел своихъ злыхъ .. со всимъ ... своимъ ... и тыя люди ... пророка, каили ся грѣховъ своихъ, и услышалъ гсдъ бгъ млтву ихъ и милосердъ бывъ над ними, и почалъ иона тужити, што неисполнилося пророчество его и взыде на гору высоку за мисто и заснувъ тамо, и росказалъ гсдъ бгъ вырасти въ головахъ тыкъви, и обачилъ иона в головахъ своихъ тыкъву, возрадовался велми, такъ и ты члвче покайся

[1]) 644 съ 21; 551 съ 24; 544 съ 30; 433 съ 34 и 119; 621 съ 49; 422 съ 56; 541 съ 78 и 102; 554 съ 111 и 179; 332 съ 113; 652 съ 142; 542 съ 143; 611 съ 152.

грѣховъ своихъ злыхъ и молися гсду бгу то исполнит желаніе твое с радостію великою на многія лѣта, добро ест.

аі. Обачилъ гсдъ бгъ колино израилское въ неволи тяжкой робяще в царя фараона и росказалъ гсдъ бгъ моисею пророку взяти и перевести черезъ моря и увести у землю обитованъную; и рады были израилтяне земли обитованой такъ и ты члвче возрадуешися дѣлу своему, на што еси задумалъ и загадалъ, добро ест.

ві. Обачилъ цар фараонъ побигшихъ жидовъ з египту и побѣгъ во слидъ ихъ, пришолъ к морю; а жиды перейшли черсз моря, упалъ цар фараонъ в море и затонувъ со всимъ войскомъ своимъ, такъ и ты члвче не починай дѣла сего дѣлати, што мыслишъ и загадуешъ, недобро естъ.

гі. Члвче маешъ лихихъ супостатовъ въ домѣ своемъ, в очи тебѣ добре говорятъ, а за очи лихо мыслятъ и ты члвче не твори орудія сего, барзо не добро естъ.

ді. Бѣжитъ кораблъ на мори, подобенъ вѣтру, а в немъ плывут стыи отци до ерусалима на поклоненія стому мистцу и гробу божію и там имъ уготовано ядение и питие, и рады были стыи отци блгдти нбснеи, такъ и ты человѣче возрадуешися дѣлу своему, на што себи задумалъ и загадалъ, гсдь бгъ теби на помощъ, добро естъ.

еі. Члвче якъ в ерусалими воскресъ спасъ от гроба и возрадовалися велми люди воскресенію гсдню, такъ и ты члвче возрадуешися дѣлу своему, на што еси задумалъ и загадалъ добро естъ.

ѕі. Неякая жена волфа окаянная, дѣла ее темная, в себи мает діявола, а діяволъ ее водит на желизномъ ланцузе, подъ ной стороне огон а по другой бездна великая, которая теби зло мыслит, а ты не твори зла, сего нетъ помочи в немъ, недобро естъ.

зі. Члвче якъ в пустыни в пиръ горы воскресъ спасъ от гроба, тогды явила ся звизда на востоци, и возрадовалися вси людіе воскресенію Хсву, такъ и ты члвче возрадуешися дѣлу своему, добро естъ.

иі. Неякая волфа окаянная, очи въ нее темныя, а бѣсъ водит на железном ланцузе, подной стороне бездна, а по другой пропаст велика, члвче маешъ по себе великаго ворога который теби зло мыслитъ, стережися его барзо, недобро естъ.

ѳі. Скоро летятъ два голубы на иншую землю и сели посерядъ моря на камени и гниздо себѣ звили и вывели дѣтей, рады были голубы деткомъ своим, такъ и ты члвче радъ и веселъ будешъ з жоною и з

детками своими о помыслу своем, добро естъ.

К҃. Росказалъ гсдъ бгъ Мойсею пророку извести жидовъ ззем ли обитованной, и невдячны жиды были ласки божой, жебы имъ добре и роскошне жити, извелъ ихъ мойсей издобра, так и ты члвче не горди ласъкою божжою и кайся грѣховъ своихъ, часто споведайся, до причасти ходи, то будешъ тое мѣти, на што еси задумалъ и загадалъ, а если не будешъ от въсей пилности старатися, то того мѣти не будешъ, чого жадаеш, недобро естъ.

К҃А. Вышолъ дворянинъ з ястребомъ в поля и поймалъ ястребъ веребъя, и дрался веребей з ястребывыхъ коктей и не выдрался, так и ты члвче будешъ дратися с чужихъ рукъ, да не выдересся, недобро ест.

К҃В. Возлетивъ соколъ вы̂соко и обачилъ на водѣ утку даліоко и прилетѣвъши порвалъ утку, и драласяутка с соколовыхъ коктей, и невыдралася, такъже члвче и на тебе важут люди и хочутъ тебе уловити, человѣче стережися сего, недобро естъ.

К҃Г. В никотором црстви седит цар на золотом кресли, піючи вино веселится з велможами своими, такъ и ты члвче радъ и веселъ будешъ о помыслу своемъ, на што еси задумалъ и загадал, добро естъ.

К҃Д. Неякая жена самарянинка пришла по воду до колодезя іякова патріярхи воды брати, и просил в нее іс хс воды пити, и рекла жена немашъ воды непочерпала, и колодез глыбокъ естъ, и мовил до нее іс хс аще бы ты ведала даръ бжій далъ бы теби воду живу, и возрадовалася жена словесемъ хрстовымъ, такъ и ты члвѣче возрадуешися дѣлу своему на што еси себѣ задумалъ и загадалъ, радъ и веселъ будешъ, со всимъ домомъ своим, добро естъ.

К҃Є. Стый апстолъ варъѳоломей мовитъ, хто хочет вѣренъ быти гсду бгу, тотъ розыщет чого жадаетъ от гсда бга, а если хто невѣрно гсду бгу молится, то гнѣвомъ божіимъ навіеженъ будет, так и ты члвче молися бгу абы не былъ навіежен от члвкъ, або лютых звирей пакост примешъ, члвче не твори орудія сего, недобро ест.

К҃Ѕ. Некоторый члвкъ сѣдит на мытници, именем закхей и мимоишолъ того дорогою іс хс со апстолами своими, тамъ закхей узривъ хрста на дереви сидячи, хс же видячи вѣру его в сердци и мовилъ до него, закъхее подщися, тогды закхей подражався слез с ветвій, подобает мнѣ въ дому твоем быти, и радъ бывъ закхей приходу хрству, такъ и ты члвче учини богомоліе в дому своемъ призови священника, сусѣдовъ подорожныхъ и убогихъ накорми и напой, то даст тебѣ гсдъ

бгъ корыстъ и радост великую со всею семею и статкомъ твоим, добро ест.

к҃з. Лютыи звири зголоду вьют, и не перестанут выти, ажъ покул стый гегорій роздавъ кождому звирю по части скоту, одному звирю не достало части и мовилъ стый гегорій, естъ на третемъ царстви вдова бѣдна и естъ в нее одна скотина, иди и тую з ежъ, такъ и у тебе человѣче статокъ не держится и все неспорно естъ, нетвори орудія сего, нѣстъ полги в немъ, барзо недобро естъ.

к҃и. Явилася звизда на востоци трем царем а они мѣли знаменіе такое по звиздахъ, коли явится таковая звизда тогды хс царь нбсный народился, слышавши тые три цри и пошли поклонитися ему и дати дары, ливан злато и смирну яко царю и бгу безсмертному и росказалъ гсдъ бгъ агглу своему, абы шли иншою дорогою в свою сторону и возрадовалися при видивше цря хрста нбснаго, так и ты члвче возрадуешися о своей мысли, добро ест.

к҃ѳ. Взялъ цар продъ вядомост от волфъ и от трехъ црей ижъ хс цръ нбсный народился, и пославъ жолнеровъ до виѳлеема побити всихъ детей, и тамъ побили чатарнанцат тысячъ дѣтей хрста ищучи, и былъ тамъ плачъ и рыданіе многое от матокъ для чадъ своихъ не хотячи утишитися такъ и ты члвче восплачесся в припадку своемъ, перестан мыслити, недобро естъ.

л҃. Народился хс в гради виѳлеемсти, тогда явилася звизда на востоци и возрадовалася вся вселенная рождеству хсву, такъ и ты человѣче возрадуешися дѣлу своему, гсдъ бгъ теби на помощ, добро ест.

л҃а. Воскресъ хс из мертъвыхъ, и воскресивъ с собою адама и еѵву и сотворилъ всих црей и царицъ, князей и княгин, и всихъ людей, и возрадовался адамъ и евва, што позбыли пекло, такъ и ты члвче естес утеперъ у великомъ фрасунку и утрапенню от злыхъ людей, и такъ до радости великой придешъ, и будешъ радовати ся з жоною и з дѣтками своими на мъногія лѣта, добро ест.

л҃в. Скоро летятъ два голубы на чужую землю и тамъ имъ уготовано гнездо и покармъ, и возрадовалися голубы гнезду и покарму своему, такъ и ты человѣче пойдешъ на чужую сторону и тамъ оженисся и добро мѣтися будешъ, радъ веселъ и здоровъ будешъ со всимъ домомъ своимъ, гсдъ бгъ тебѣ на помощ, добро ест.

л҃г. Члвче злую мысл маешъ на ближняго своего друга, и ты жъ не чини зла ближнему своему, не отдавай зла за зло, жебы тебе бгъ нескаралъ ліепей тебѣ хлѣба и соли не жаловати, нижели зло мыслити перестан члвче, бо недобро естъ.

лд҃. Бежит заецъ тропою и упавъ в ценіоты ногою, дрался заецъ с ценіотъ и выдралъся, возрадовался заецъ велми што вышолъ слобонъ, такъ и на тебе . . . .
. . . (листка недостаетъ) . . .

лз҃. . . . . загадалъ починай же ее дѣлати, добрый час маешъ, гсдъ бгъ тебѣ на помоцъ, а престая трца на радост, добро ест.

ли҃. Стый мчникъ димитрій солунскій мовил естъ на тебе члвче супостаты великія и непріятели, озми в руку оружія чстнаго крста хсва и падутъ вси непріятели твои под ногама твоима, а с тобою гсдъ бгъ, добро ест.

лѳ҃. Стый несторъ млтвами стаго димитрія порази великаго борца лия, з высокаго змаху зрутивъ (зрушивъ?) и скрушивъ его, и цря посрамивъ, и скочивъ цар для встыду з мѣста, и вси велможи его розбеглися розно, такъ и твои члвче вороги разбегутся розно, а с тобою гсдъ бгъ, добро естъ.

м҃. Плывет корабл на мори подобенъ вѣтру, а в немъ плывут стыи отци до ерусалима на поклоненіе гробу божію и стому мистцу, и рады были стыи отци воли божой, такъ и ты члвче радъ и веселъ будешъ со всимъ домомъ своимъ на многія лѣта, добро естъ.

ма҃. Якоже затягнут рыбы в потоци на жолтомъ пяску, и почнут рыбы кричати голосомъ великим, мовячи гсди, выдал еси насъ на покармъ орлемъ звиремъ и птаству, й услышалъ гсдъ бгъ ихъ крикъ, и росказалъ тучи пустити дождъ, и наполнити водою, и пошли рыбы в море, рады были рыбы воли божой, такъ и ты члвче естес в припадку великомъ, але не за долгій часъ придешъ до радости великой, добро естъ.

мв҃. Стый николай избавил трехъ кораблей от силнаго потопу, и от напрасной смерти, такъ и ты члвче избавленъ будешъ от печали и фрасунку прідешъ в радостъ, от смерти в животъ, добро естъ.

мг҃. Беззаконный юда пришолъ к морю рыбы ловити, и укинувъ удицу в моря, и невзялася ему рыба але взелася за удицу змия скоропица, члвче покин тую мысл, бо маеш на перешкоди великаго ворага, недобро ест.

мд҃. Члвче недалеко ворогъ твой живет от тебе, стережися его, бо тебѣ зло хочет учинити, бо у вочи с тобою добре говорит, а за очи лихо мыслит, воруйся члвче, бо барзо недобро естъ.

ме҃. Стый апстолъ петръ заперся хрста трижды поки куръ запѣвъ, и воспомянувъ словеса хсва запла-

калъ петръ горко, а гсдъ бгъ услышал млтву и слезъ петровыхъ, отпустилъ ему согрѣшенія его и возрадовался стый петръ гдсню отпущенію грѣховъ, такъ и ты члвче покайся грѣховъ своихъ с плачемъ пред гсдемъ бгомъ и учини покуту грѣховъ своихъ и примет тебе гсдъ бгъ, и будешъ завше весел и в радости жити со всимъ домомъ своим, добро естъ.

МЅ. Вѣтры утихаютъ на мори, слонце сияетъ на небеси, такъ же и мсцъ со звѣздами цвиты украшаетъ на земли, по полю красно, и всякую пашню родит, такъ и твое члвѣче орудіе будетъ красно и щасливо, на што еси задумалъ и загадалъ, добро естъ.

МЗ. Стый стефанъ пустынникъ в домъ свой примовалъ убогихъ, и обогревши ихъ кармилъ и милостинею падаривъ, так же и тебе члвче гсдь бгъ надаритъ корыстю и радостію в дому твоемъ, и добрымъ здоровемъ, добро естъ.

МИ. Стыи козма и демянъ некую жену избавили от прелести діяволскія, такъ и ты члвче избавленъ будешъ от печали и от смерти в животъ, добро естъ.

МѲ. Стоитъ градъ каменный, а в немъ двери железныя, и вериги мидяныя, и твердо замкнутыя, и дороги до нихъ немашъ, а ни жаднаго приходу, члвче той мысли на што еси теперъ замыслилъ и загадалъ дай покой, недобро ест.

Н. Стый спас седит на престоли своем, и благословилъ весъ миръ, и возрадовался весъ миръ благословенію хсву, такъ и ты члвѣче возрадуешися мысли своей, на што еси себи загадалъ, добро естъ.

НА. Великая земля плодовитая тихо прозябает и плодъ примает и родит великую и всякую пашню, также украшаетъ древо цвитами, тихим лѣтомъ, и яснымъ слонцемъ, так же и твое человѣче орудіе будетъ красно и щасливо на многія лѣта, добро естъ.

НВ. Стый иоанъ милостивый завше милостыню дававъ, мужъ побожный бывъ, скоро идетъ до церкви и несет к прстолу гсдню свѣчу и проскуру, и за тое закупивъ себи црство небесное, такъ и ты члвче давай милостиню, и оброкъ чини к прстой бци, принеси канунъ, свѣчу, и проскуру до церкви стой (святой) то даст теби гсдъ бгъ чого от него жадаешъ, добраго здоровъя, со всимъ домомъ своимъ, добро ест.

НГ. Мовила прстая бца человѣку, коли печал або фрасунокъ на тебе якій будет, то учини оброкъ к прстой бци, три залцы, и принеси на офиру до церкви ладунъ, свѣчу и проскуру, члвче избавитъ тя гсдъ бгъ от всякаго фрасунку и печали и до радости великой приведет, гсдъ

бгъ теби па помощъ, добро ест.

НД. Стоит одно дерево посередъ поля, велми зелено и красно, всякимъ пташкомъ на отпочинокъ, где колвекъ летавши, то мает тамъ отпочивати тыи пташки, такъ и ты члвче ходивши по розныхъ сторонахъ и мистахъ, тамъ и сямъ лучаешъ мыслями своими, еднакъ маешъ на одномъ стати, на своей ойчизни, гсдъ бгъ теби на помощъ, а михаилъ архангелъ на радост, добро естъ.

НЕ. Авраамъ цар в мисти едеси хорый лежалъ на ложи своемъ, и помолился гсду бгу со свѣчою и проскурою и возжалился гсду бгу и послалъ гсдъ бгъ до него двухъ апостоловъ луку и фарисея, и мовилъ имъ гсдъ бгъ, идите избавте мря от немощи его великой, такъ и ты члвче проси гсда бга своего, за грѣхи свои, и учини оброкъ ко стому николаю, и будешъ здоровъ со всимъ домом своимъ добро ест.

НЅ. Божая птица ластовица полетѣла за моря и села на крутом березе, и звила себи гнездо, и вывела дѣтей, и пришовши змія скоропица дѣти ее поела, такъ члвче и твои дѣти от злыхъ людей поедины будутъ, заволей теперъ дай покой, недобро естъ.

НЗ. Да воскреснет бгъ и разыдутся врази его, такъ члвче и твои ворози разыдутся розно, а с тобою гсдъ бгъ, добро ест.

НИ. Лежит змія под каменемъ, ховаючи голову свою лихую, члвче такъ и на тебе важит лихая змія ведма, хочет тебе зести, заволей не наступуй на нее, бо живъ не будешъ, недобро естъ.

НѲ. Прстая бца мовитъ, якъ жена беременная почне дитемъ ходити и будетъ тужити, мовячи бгъ стый ведает, если умру, або дитя порожу, и оживу, а коли дитя порожу возрадуюся барзо, и забуду болизн свою от радости великой, такъ и ты члвче возрадуесся о помыслу своемъ, на што еси себи загадалъ, добро ест.

Ѯ. Сидит слипецъ при пути, и мимо ишолъ іс хс дорогою тою, и возопивъ слипецъ голосомъ велімъ, ісе сне давыдовъ помилуй мя, и сотворивъ іс бренія от плюновенія своего, и помазавъ слипому очи, и прозривъ слипецъ и возрадовался радостію великою, такъ и ты члвче возрадуешися дѣлу своему, на што еси себи загадалъ, добро естъ.

ѮА. Стый никита мовит члвче не присегай на кривди своей у крста хсва виноватъ будучи, не потворяй жены и дѣтей своих, члвче не твори орудия сего, злый часъ маешъ, недобро естъ.

ѮВ. Стый апостолъ ѳома идет к прстолу гсдню со свичою проскурою и с кануном, и за тое уготовалъ се-

би црство нбсное, такъ и ты члвче мыслишъ в дорогу поити, справ же первей молебенъ к прстой бци, иди скоро где замыслилъ, гсдъ бгъ теби на помощъ, а стый архангелъ михаилъ станетъ теби на обороне, а ты человѣче не твори орудія сего, недобро естъ.

ѯг. Медведъ лезит задом на дерево да не вздерется, такъ члвче идетъ ворогъ твой збоку да не бойся его, и ты полецайся гсду бгу и престой матери его, и всимъ стымъ, и оборонитъ тебе от всякаго зла, а с тобою гсдъ бгъ, добро естъ.

ѯд. Блудили три мужи по пустыни подымаючи руки свои на небо, кричучи великим голосомъ, и услышалъ гсдъ бгъ ихъ молитву и вывелъ ихъ на дорогу, и рады были три тые мужи што вышли на дорогу, такъ и ты члвче блудилъ еси по многихъ сторонахъ мыслями своими, а теперъ пришолъ еси до радости великой, на многія лѣта, гсдъ бгъ теби на помощъ, добро ест.

ѯє. Стоит одно дерево велми зелено, плдъ его барзо хитрый, и пришолъ члвкъ нерозумный подсекъ тое дерево, красоту и плодъ его погубивъ, то естъ врагъ дияволъ, видячи члвка бодраго и разумнаго, што онъ верне гсду бгу молится, и такъ той члвкъ прелщенъ, от гсда отворочается и погубити ся старает, такъ и ты члвче стережися ворога своего, который теби зло хочет учинити, а на што еси себи задумалъ и загадалъ, недобро ест.

ѯѕ. Неякій члвкъ хитърый, добраго роду, и бгобоязный бывъ християнинъ, и запрадан в него был татарин на три лѣта, и минула ему три лѣта, спыталъ в него християнинъ, докул тебѣ в мене быти, оказалъ ся тежъ татаринъ, не маю по соби паруки дати, и мовилъ ему християнинъ, дамъ тебе на паруку стому николаю, тотъ тебе на паруку озмитъ, и мнѣ гроши за тебе отдастъ, и отпустилъ его от себе на роботу, а коли скарбъ грошей тотъ татаринъ собралъ, и не хотѣлъ отдат тому християнину, тогды стый николай вложивъ поганому в сердце его страхъ, и принесъ стому николаю гроши, я стый николай отдавъ тому християнину гроши, и радъ бывъ християнинъ тымъ грошемъ, такъ и ты члвче радъ и веселъ будешъ, и одыщешъ долгъ свой, добро естъ.

ѯз. Мовилъ гсдъ бгъ ученикомъ своимъ, вы по мнѣ идите а волю мою творите, и силою моею слипыя, хромыя исциляйте, а я самъ вамъ до помогу, члвче чого у гсда бга просиш то з радостію великою мѣти будешъ, добро ест.

ѯи. Члвкъ неякій богачъ збудовавъ себѣ домъ коштовный и собравъ великую мастност, с чужихъ слезъ, и прогневилъ на себе гсда бга и не воспомянувъ ласки его стой бозской, и мовилъ гсдъ бгъ,

всякое собраніе несправедливое прахомъ оборочается, и ты члвче дай покой загодце сей, бо недобра естъ.

ξѳ. Обачилъ гсдъ бгъ убогаго лазаря предворотами на гнои лежачаго мертваго, и послалъ гсдъ бгъ аггла взяти дшу его, и посадити в раи, на лони аврамови, и возрадовалъся лазар, же в раи душа на лони аврамови, такъ и ты члвче возрадуешися о дѣли своемъ, добро естъ.

о Члвкъ неякій богачъ бывъ, велми роскошне себи пивъ и евъ здругами своими, завше веселъ бывъ и накладалъ на себе шаты коштовныя и бга забывъ, такъ же и его бгъ забывъ, и пославъ гсдъ бгъ агтловъ взяти душу его, и воверзти во огон неугасимый, такъ же и ты члвче не забывай гда бга своего, и молися гсду бгу, а сей мысли не чини, недобро ест.

оа. Коли стый иоанъ крестилъ гсда в ерданстей рѣци, тогды возрадовалася вся вселенная крещенію гсню, такъ и ты члвче возрадуешися, на што еси себи замыслилъ и загадалъ, добро естъ.

ов. Стоитъ дерево на распути, а под него збираются звири выют и землю коктеми своими дерут, такъ и тебе члвче недоброе окрыетъ, смутокъ, печаль и рыданіе, дай покой загодце сей, бо барзо недобрая естъ.

ог. Соколъ птахъ барзо славный, и господаръ великій, также и ты члвче будешъ великій и славный межи людми добрыми, гсдъ бгъ тебѣ на помощъ, добро ест.

од. Птахъ жоровъ великій и высокій, ноги и шію мает долгою, высоко летает и далеко видит, такъ же и умъ твой члвче высоко ходит, и очи твои много видятъ, аліе не может на томъ стати, на чомъ хочешъ, толко ты гсду бгу вѣрно молися, то тебѣ гсдъ бгъ дастъ чого от гсда бга жадаешъ и просишъ добро ест.

ое. Пославъ гсдъ бгъ ангела гавріила в назарет к диви маріи блговистити зачатіе от дха стаго, и пришелъ къ маріи гля, радуйся обрадованная, гсдъ стобою, она тое слышавши завстыдилася, и низко голову схилила, и мовилъ до нее гавріил, дхъ стый найде на тя и сила вышняго осинит тя, и мовила къ нему марія, коли еси отъ бга пришолъ, нехай будет по глу твоему, и рожду безплотнаго, и то пало на доброе насѣніе на землю, и рада была марія блгословенію ангелскому; такъ и ты члвче, радъ и веселъ будешъ ведлугъ мысли своей, добро естъ.

оѕ. Пошолъ іс хс играти з дитми жидовскими на гору ягодищу, и ставши предними взялъ пяску, и поробивъ пташки, и сплеснувъ руками іс хс, и полетили пташки, и побегъши дѣти жидовскія поведили отцем своимъ, и радъ бывъ іс хс своему

дѣлу, такъ и ты члвче радъ и веселъ будешъ, мысли своей, па што оси себи задумалъ и загадалъ, добро естъ.

о҃з. Стый иосифъ привел іса хрста до школы писма учитися, и отдавъ в руки учителю, и тотъ учител писмо вказуючи хрсту, вдаривъ ха по голове, хс же отказавъ учителю, для чого ты мене бъешъ, а самъ того не ведаешъ часу, же не будешъ живъ, и заразъ падъ на землю и умеръ, такъ и ты члвче непочинай того замышляти и загодовати не добро ест.

о҃и. Велелъ агглъ гсдень иосифу с пречстою бцею и со отрочатомъ из ити из виѳлеема в египетъ, и рады были стыи ангелскому звиствованню такъ и ты члвче радъ и веселъ будешъ, со всим домомъ своимъ, гсдъ бгъ теби на помощъ, добро естъ.

о҃ѳ. Привелъ иосифъ іса хрста к майстру учити ся суконъ красити, и росказал майстеръ ісу хрсту украсити сукна по розныхъ цвитахъ, а самъ на часъ малый отишолъ здому, іс хс вклалъ во одну клад фарбу чорную, и пришолъ майстеръ ставъ тужити, и розгневался на йсуса хрста, а хс ставши пад кладію, мовилъ до майстра, якого цвиту хочешъ мити, майстеръ мовилъ до іса хрста дай мнѣ розныхъ цвитовъ, іс хс вымалъ с той клади и фарбы чорнои на вси розныя цвиты, радъ бывъ майстеръ божжому дилу, такъ и ты члвче радъ и веселъ будешъ, на што еси себи замыслилъ и загадалъ, добро естъ.

п҃. Обачилъ іс хс што жидове на него лихими словами клевещутъ и ледашто говорятъ на іса хрста, іс хс мовит до жидов, для чого вы на мене клевещете, и такъ ледво доворожився и своего дошолъ, и заразъ тей жидъ здох, такъ и ты члвче не дойдешъ того чого себѣ жадаешъ, дай покой, недобро естъ.

п҃а. Росказалъ гсдъ бгъ архистратигу михаилу собрати вся нбсныя силы, и собравъ михаил нбсныя силы, радуйтеся и веселитеся, гсдъ бгъ нашъ іс хс побидивъ враговъ всихъ, так и ты члвче побидишъ врага своего, а с тобою гсдъ бгъ, добро естъ.

п҃в. Стый пророкъ исаия мовитъ члвку, члвче страшенъ нашъ гсдъ іс хс придетъ всихъ судитъ живыхъ и мертвыхъ, члвче приготовися и приди предъ прстолъ славы его, иди радуяся во вся дни живота своего, а на што еси загадалъ, добро естъ.

п҃г. Стый савва пустелник мовит, члвче што ты мыслишъ, самъ не чини, и другому не кажи, бо с того клевета и сварка великая бывает, члвче не починай дѣла того, недобро естъ.

п҃д. Стый лука еѵглистъ мовитъ, члвче не лукавнуй мыслями своими

и умомъ своимъ, озми себѣ мысл добрую, то добре и тебѣ будет, толко ты ухвай на бга, а чого себи жадаешъ, то тебѣ гсдъ бгъ даст, добро естъ.

п҃є. Стый зосимъ мовит, члвче якъ пчела лѣтит на красный цвит, збираетъ солодкій медъ и воскъ, гсду бгу на свечи воскъ, а медъ людемъ на веселле, такъ и ты члвче возрадуесся о дѣли своемъ, на што еси себѣ задумалъ и загадалъ, добро естъ.

п҃ѕ. Явилася фалшъ на свѣти члвче што думаешъ злыи учинки, и злыя мысли твои, бѣсу а не бгу угодныи, чинишъ неправду, ведлугъ мысли и воли своей, недобро естъ.

п҃з. Што мыслишъ члвче в сердци своемъ, а што ты замыслилъ, проси якъ гсда бга щирымъ сердцемъ и мыслію и держися того, чого жадаешъ, дастъ теби гсдъ бгъ всего добраго, добро естъ.

п҃и. Якъ ворогъ в сило увязънет и невыдерется, такъ и ты члвче не помышляй на чужое, бо и ты в сило впадешъ, и не выдерессия, и тамъ згинешъ, бо недобро естъ.

п҃ѳ. Члвче якъ камен млыновый легко его на шіи члвку носити, также естъ и твои мысли легко знести, заволей покин мыслити и загодовати, недобро естъ.

ч҃. Члвче мысл твоя за моремъ, а смерт за плечима, ходит за тобою, не мысл члвче на тое, на што еси задумалъ и загадалъ себи, бо недобро естъ.

ч҃а. Пришолъ іс хс на синайскую гору, и споткали его ученици з великою радостію, такъ и ты человѣче возрадуесся на што еси себи задумалъ и загадалъ, добро естъ.

ч҃в. Члвче мыслишъ поити в дорогу далекую, але лепей поживи еще тутъ з нами на одномъ мѣсти, то тебѣ лепей будет, добра загадка твоя естъ.

ч҃г. Приде агглъ гсдн ко человѣку, и мовилъ человѣче востани от сна своего, иди к ерданстей рѣци, и возми воды неси в домъ свой на уздоровлення дши и тѣла своего, и радъ бывъ члвкъ благовиствованню и ознаменню ангелскому, такъ и ты члвче радъ и веселъ будешъ, на што еси себи загадалъ, добро естъ.

ч҃д. Члвче маешъ потаемнаго ворога стережися его, бо хочет тебе убити, не чини ему зла, заволей вдайся до гда бга, и збавит тебе от всякаго зла, гсдъ бгъ теби на помощъ добро естъ.

ч҃є. Спивает соловей в лузе, вспоминаючи грѣхи свои горкия часто, и прилетевъ до него орелъ и почалъ его бити, и возривъ соловей на житіе свое, такъ и ты члвче восплачесся в припадку своемъ, на што еси мыслишъ и загадуешъ, недобро ест.

ч҃ѕ. Што згубилъ еси человѣче, то и наидешъ, толко уповай на гсда бга, и молися ему, то и збавит тя от смутку и до радости великой приведет тебе, добро ест.

ч҃з. Члвче ласка божая и млстъ великая на тебе пришла, толко молися гсду бгу своему часто, а чого просишъ, то з ласки божой мѣти будеш, на што еси себѣ задумалъ и загадалъ, добро естъ.

ч҃и. Члвче чому гсда бга своего не боисся, и обетници своей не сполнишъ, што обецавъ оброкъ учинити, и за тое розгневался на тебе гсдъ бгъ велми и ты члвче отдай обецност свою гсду бгу, то будешъ тое мѣти, што мыслишъ, а если не отдаси обетници своей гсду бгу, то заразъ умърешъ, недобро естъ.

ч҃ѳ. Заразъ тое члвче мѣти будешъ, што мыслишъ, толко разумно починай, а никому не зверайся, то будешъ тое мѣти, што мыслишъ и о чомъ себѣ загадуешъ, добро естъ.

р҃. Моисей пррокъ принявъ от гсда бга законъ и заповиди гсдни заховалъ и за тое маетъ быти в црствіи нбсномъ, члвче заховайся ведлугъ заповѣдей гсднихъ, а на што еси себи замыслилъ и загадалъ, гсдъ бгъ теби на помощъ, добро естъ.

р҃а. Стый апстолъ ияковъ принявъ от гсда бга блгдтъ великую, и бывъ епскопомъ в ерусалими, такъ и ты человиче на што еси себи задумалъ и загадалъ то будешъ тое мѣти гсдъ бгъ тебѣ на помощъ добро естъ.

р҃в. Росказалъ агглъ гсден во сни иосифу из виѳлеема до египту ити с пречстою бцею и со отрочатемъ, мовячи ищет ирод хрста погубити, и рады были святыя жены агглу, же ознаймилъ, так и ты члвче с того мѣста перейдешъ на иншое, и будешъ добръ и здоровъ со всею семъею своею и со всимъ статкомъ, добро естъ.

р҃г. Не починай члвче ледачого мыслити, штобы тебѣ горшаго клопоту не было, оставъ тую мысл и на умѣ не держи себѣ, бо злый час маешъ, заволей покин теперъ, недобро есть.

р҃д. Правдивыи лекари были стыи мчники борис и глѣбъ, бо они освятилися кровію своею, так и ты члвче освятисся ласкою божою, и чого жадаешъ от гсда бга, то все мѣти будешъ, добро естъ.

р҃е. Мовила пречстая бца ко отрокомъ своимъ, не ходите к лютым звирем ни к лихимъ людемъ, жебы от нас (отъ нихъ?) шкоды не мели, такъ и ты члвче не ходи мысълею своею, бо ничого не справишъ, бо вже перейшли черезъ тебе злыя люди, барзо недобро естъ.

р҃ѕ. Стое еѵгліе свидчит, оставъ

мысли свои злыя и учинки, а покайся грѣховъ своих, то будешъ избавлен члвче тую мысл можешъ почати иншаго часу, а теперъ дай покой, недобро естъ.

р͞з. Ишли три мужи дорогою, и стрѣтила ихъ вѣст некоторая злая, такъ и ты члвче не думай мыслей розныхъ перестан дила того теперъ, бо злый часъ маешъ, недобро естъ.

р͞и. Летитъ голубъ с чужой земли с покарму ко дикимъ голубомъ в свою сторону и землю, такъ же члвче и твоя мысл идетъ скоро, на великую радостъ, члвче што наирыхлей мысл справуй, добро естъ.

р͞ѳ. Стый пррокъ исаія мовит, члвче паши ниву свою па селѣ с радостію, так же и ты члвче мысль свою справуй спѣшно, то будешъ мити, чого жадаешъ от гсда бга, добро естъ.

р͞і. Члвче приходит к тебѣ злая фортуна, покин тыя злыя мысли свои, штобы тебе не споткало що горшое, злый часъ маеш, недобро естъ.

ра͞і. О чом ся печалишъ и чого жадаешъ, того николи мѣти не будешъ, а што мыслишъ, то себѣ горшаго достанешъ, недобро естъ.

рв͞і. Члвче мысл твоя лихая а не пожитечная, а на што мыслишъ и стараессся, такъ лепей перестан того дѣлати, то лепей позыщешъ бо недобро естъ.

рг͞і. Стый пррокъ моисей пришолъ до моря, и ударивъ жезломъ по воде, и роступила ся вода надвое, такъ, и твои члвче ворози и непріятели разыдутся розно, а с тобою гсдъ бгъ, добро естъ.

рд͞і. Ясное слонце свититъ по всему свиту, тогды бываетъ великій урожай по всему свиту, и возрадовался весъ миръ ясному слонцу, и прирожоному урожаю, такъ и ты члвче возрадуесся загодце и мысли своей, добро естъ.

ре͞і. Члвче не можетъ такъ тое стати якъ мыслишъ, бо злыхъ людей на перешкоди маешъ, и ничого теперъ не справиш, заволей дай покой, барзо недобро естъ.

рѕ͞і. Мовилъ гдъ бгъ члвку, члвче фрасуесся и тужишъ барзо о житіи своемъ, члвче и ты помолися гсду бгу вѣрно, избавит тя гсдъ от печали и до радости великой приведет, добро ест.

рз͞і. Члвче щасте себи доброе маешъ, а неприятелей своихъ *не* переможешъ, а чого жадаешъ, то мѣти себи будешъ, гсдъ бгъ теби на помощъ, добро естъ.

ри͞і. Члвче злый часъ маеш умомъ своимъ, и для того ничого добраго не справишъ и не держи того на мысли, бо не можешъ того себи мити, не добро естъ.

р҃ѳ҃і. Бежит заецъ тропою, и увалився в сило ногою, и дрался заецъ з сила да не выдрался, такъ и ты члвче будешъ дратися с чужихъ рукъ да не выдерессяся, недобро естъ.

р҃к. Медведъ лезит задомъ на дерево да не вздерется, такъ и ты члвче мыслиш умомъ своимъ, бо не можетъ такъ быти, лепей теперъ покин загадовати, недобро естъ.

р҃ка. Мовилъ гсдъ бгъ до разбойника, днес со мною будеш в раи, и радъ бывъ разбойникъ слову хсву, такъ и ты члвче радъ и веселъ будешъ, о помыслу своемъ, гсдъ бгъ теби на помощъ, добро естъ.

р҃кв. Члвче щасте себѣ доброе машъ, а неприятелей своихъ перможешъ, а чого жадаеш то мѣти будешъ, гсдъ бгъ тебѣ на помощъ, добро естъ.

р҃кг. Теперъ тебе члвѣче споткает злая фортуна, которая тебе не может оминути и можес (можеш?) ту мысл теперъ покинути, а иншую замыслити, а тому дай покой, недобро естъ.

р҃кд. Члвче робишъ и працуешъ до поту и правдою на свити живеш и щиростію идешъ, гсдъ бгъ теби на помощъ, добро естъ.

р҃ке. Насытилъ гсдъ бгъ пят тысячъ народу, окром женъ и дитей, пятма хлѣбами и двима рыбами, и осталося крохъ дванацат кошовъ, рады были тые мужи гсдъню насыщенію, такъ и ты члвче будешъ насыщен ласкою божою на многія лѣта, добро естъ.

р҃кѕ. Стый мчникъ никита рече члвку, не бойся никого, а злого не мысл, то справуй и не откладай часу, теперъ часъ добрый естъ, гсдъ бгъ теби на помощъ, добро естъ.

р҃кз. Стый николай, теплый заступникъ, и скорый помошникъ, и великій оборонца, избавилъ трех мужей от напрасной смерти, такъ и ты члвче избавленъ будешъ от печали и от смутку и до радости великой тебе приведет, добро естъ.

р҃ки. Члвче мысл твоя великая а непожитечная, заволей перестан мыслит тое и загадоват, то лепей зыщешъ, недобро естъ.

р҃кѳ. Стая великомчница параскевія мовила, человѣче помолися гсду бгу млтвою, и стои параскевіи, со свичою и проскурою, и збавит тя от печали и до радости великой приведет тебе, добро естъ.

р҃л. Стый иоанъ прркъ мовит, члвче иди на село, и посей збожжа, а я теби блгословлю и в житницу свою зберешъ, с радостію великою, добро естъ.

р҃ла. Члвче перможешъ непрїятеля своего, который зло мыслитъ

завидуючи теби, члвче и ты молися гсду бгу, и оборонит тя от всякаго зла, добро естъ.

рлв. Члвче ты щиростію скождымъ обходисся, а ворози твои хитростію с тобою живутъ, ото правда, ахъ хитрост, хлѣбъ и сол вся от тебе, а с тобою гсдъ бгъ, добра загадка твоя ест.

рлг. Члвче што мыслишъ и чого жадаешъ, то сам видишъ, же в руки твои идет, и жаданіе твое наполнится, и будешъ добръ и здоровъ со всим домомъ своимъ, на многія лѣта, добро ест.

рлд. Рече стый евглистъ матѳей члвку, члвче кидаешъ свой умъ туды и сюды, и многими мыслями ворочаешъ, а не ведаешъ ни дня ни ночи, бо ден часу а часъ дня ждет, и достигнет тебе невидимая смерт человѣче, што еси задумалъ и загадалъ того часу, недобро ест.

рлє. Што мыслишъ члвче и чого жадаешъ, то в рукахъ все маешъ, и в дому твоемъ естъ, толко проси гсда бга, то даст теби гсдъ бгъ всего добраго, а на што замыслилъ и загадалъ еси, добро естъ.

рлѕ. Силная пташка орел надіючися на силу свою голодный седит, такъ и ты члвче у великомъ убозстви в томъ доми живешъ, и ты переселися на иншое мисто, тогды будешъ мѣти ся добре, и будешъ здоровъ со всею семъею и статкомъ своимъ, а в томъ доми щастя немашъ, недобро естъ.

рлз. Члвче гсду бгу не ленися, и в лѣности не ходи, грѣховъ своихъ часто споведайся и хсвы таины примуй, а ты члвче гсда бга не боисъся и в лѣности ходишъ грѣховъ своихъ до священника не приносиш, и хвсвыхъ таинъ не примуешъ и гневъ божій на себи носишъ, оброку жаднаго не справиш, члвче незадолго сподивайся припадку от гсда бга на себе, бо барзо недобрая загадка твоя естъ.

рли. Стый великомчникъ хсвъ никита седит в темници за хрста, муку принесъ силою божою, бѣса за чуприну взялъ, и нялъ его оковами, бивъ его сродзе, такъ же члвче и твой ворогъ будет под ногама твоима, а на што еси себи замыслилъ и загадалъ, добрый часъ маешъ, добро естъ.

рлѳ. Члвче што мыслишъ, то щирымъ сердцем робъ и працуй, въ славу божію, то тое будешъ мѣти, чого жадаешъ от гсда бга, добро естъ.

рм. Якъ послѣдует слонцу звизда и свититъ по всему свѣту, такъ и ты члвче себи мысл и чини с радостію великою, то будешъ тое мити о чом ся стараешъ, гсдъ бгъ теби на помощъ, а прстая бца на радость, добро естъ.

р҃м҃а. Ѳома апостолъ невѣръный вложивъ палецъ свой у хсвъ бокъ и прободе, и тогды увѣрив, такъ и в твоихъ мыслехъ невѣрност якая естъ, если *не* будешъ вѣрити гсду бгу вѣрно, якъ ѳома, то будешъ тое мѣти, чого жадаешъ от гсда бга. добро ест.

р҃м҃в. Избавилъ гсдъ бгъ петра от потопленія морскаго, и радъ бывъ стый петръ гсдню избавленію, же его избавилъ от потопа морскаго, такъ и ты члвче избавленъ будешъ от людей злыхъ, а с тобою гсдъ бгъ, добро естъ.

р҃м҃г. Стыи учници шли со хрстомъ на гору Ѳаорскую и преобрази ся предними и рады были ученици преображенію гсдню, такъ и ты члвче возрадуесся дѣлу своему, на што еси задумалъ и загадалъ, добро естъ.

р҃м҃д. Окаянныя бабы завше ворожут, и люди в ихъ ворожки вѣруютъ, и еще оны волово вылеваютъ. а николи в себи правды не мают, и всегда лгут, и людей до своихъ ворожакъ приводят, такъ и ты члвче от людей злыхъ великую перешкоду маешъ, лепей теперъ покин недобро естъ.

р҃м҃е. Весна приходит, людіе радуются, цвитъ зацъвитает, пташки спиваютъ, земля траву выпускаетъ, и радъ бывъ скотъ земли и трави, такъ и ты члвче радъ и веселъ будешъ, на што еси себи замыслилъ и заг(а)далъ, добро естъ.

р҃м҃ѕ. Осен приходит, и такъ мовит, бида моя не старост богатства многа маю, такъ и ты члвче упоръ маешъ, а своего добра никому не даешъ, и такъ барзо недобро естъ.

р҃м҃з. Лѣто мовит, я навару пива напъюся, и веселюся, поки приде старост моя, и тогды пріму невпокой, а теперъ ты члвче веселися и радуйся в молодыхъ лѣтахъ своихъ, добро естъ.

р҃м҃и. Зима приходит, смутно приносит, и великую тяготу члвку подымает не мысл члвче сего, а ни загадуй, бо баръзо недобро естъ.

р҃м҃ѳ. Трубный гукъ на войни и радный часъ до спотнання потребуетъ, и додает силы конем и смѣлост военнымъ людемъ, такъ и ты члвче идешъ на воину битися, а неприятеля своего звытягнути, а на што еси себи замыслилъ и загадалъ, гсдъ бгъ тебѣ па помощъ, добро естъ.

р҃н. Мовилъ стый еvглистъ иоанъ, толкущому отверзется и просящому даст ся, члвче чого от гсда бга жадаешъ, то з радостію мѣти будешъ, толко со всего сердца проси в гсда бга, то дастъ теби гсдъ бгъ всего добраго, добро естъ.

рнѧ. Члвче што еси замыслилъ, то тебѣ гсдъ бгъ даст с корыстю и з радостію великою, толко гсду бгу молися щпрым сердцемъ, то даст тебѣ гсдъ бгъ, вже несет божая ласка, и будешъ с того тешитися, аліе злыя люди естъ в тебе на перешкоди, а с тобою гсдъ бгъ, добро естъ.

рнк. Стый великомченикъ ѳеодоръ тыронъ пришедши змия побидивъ, и молитву свою сотворивъ, такъ и ты члвче выдеш с клопоту великаго, и будешъ здоровъ со всимъ домомъ своимъ, на многія лѣта, добро естъ.

рнг. Мовилъ гсдъ бгъ члвку, члвче я тебѣ пошлю аръхангела гавріила на помощъ, а ты не бойся ничого злого, а ни члвка лихого, и чини себи смѣло, гсдъ бгъ тебѣ на помощъ, добро естъ.

рнд. Якъ погибе содомъ и гоморъ, дафанъ и вавиронъ, и иныя околичныя мѣста, так и ты члвче не твори орудія сего, недобро естъ.

рне. Кого пытаешъ и чого прягнешъ себи, того мѣти николи не будешъ, бо злыхъ людей на перешкоди маешъ, и такъ члвче непомышляй дѣла того дѣлати, о чомъ думаешъ и загадуешъ, недобро ест.

рнѕ. По обидвахъ сторонахъ великія рѣки и поля естъ, и тамъ в поляхъ великихъ огон горит, а над огнемъ котелъ кипит, повенъ ведмавъ и чаровницъ лютых, около того котла стоятъ лютыя звири стерегут огня и того пекла, члвче дай покой загадце той, недобро ест.

рнз. Приде агглъ гсден къ члвку, мовячи ему, встан гсда бга проси, человѣче ци вѣдаешъ ты же тебѣ хочут злыя люди зло учинити, але еще бгъ тебе не выдает за твою правду, же ты бга боисся и бга не забываешъ и никому зла не чинишъ, еще члвче стой на правди и заступит тебе гсдъ бгъ отъ злыхъ людей, и стый архангелъ михаилъ теби на помочи станет, добро естъ.

рни. Стый великомчникъ Ѳеодоръ стратилатъ мовилъ, члвче если хочешъ справедливе на свѣти жити, и ты жъ никого не обижай, бо и самъ будешъ обиженъ, толко гсда бга не прогнивай грѣхами своими, але ходи до церкви, и часто грехи свои споведай, и принеси гсду бгу свичу на имя мое Ѳеодора в церковъ и милостыню подай убогимъ, а гсдъ бгъ теби допоможетъ во всемъ, а стый великомчникъ Ѳеодоръ станет теби на помочи, добро естъ.

рнѳ. Стый еуглистъ матъѳей мовитъ, члвѣче што творишъ сусѣду тое и твори, толко в правди мешкай, а злого не мѣй ни на кого, если онъ тебѣ мыслит добро, то и ему добро, а если зло, то и ему зло, толко молися гсду бгу вѣрно, то

дастъ тебѣ гсдъ бгъ всего добраго, добро естъ.

ρχζ. Члвче не збирай себи тысячу скарбовъ, але збирай одного вѣрнаго друга, который теби будет стоятъ за тысячу скарбовъ, другъ вѣрный нетлѣнныя скарбы, а дъруга невѣрнаго стережи ся якъ пса людей ядучаго, да и тебе лестію своею изгубитъ, бо барзо недобро естъ.

ρχζа. Стый иоанъ дамасъкинъ мовитъ, члвче въ свѣти семъ жити, ажъ до смерти живот свой коратати, и мовишъ покаю ся, и такъ в лѣности провадишъ гордостію, и величаніемъ, члвче покайся поки духъ естъ в тѣли, и откладаешъ, а не ведаешъ, якъ умрити маешъ, покайся грѣховъ своихъ, то дастъ теби гсдъ бгъ всего добраго, гсдъ бгъ теби на помощъ, добро естъ.

ρχζк. Стый андрей критъцкій мовит, члвче житіе время и слава суетная, и красота телесная и богатсътво земное, и друзи зостаются, и вси мы гробъ примемъ, черъвиемъ наслѣдіе, и ты члвче тое чуючи и глядячи не прелщайся на свѣтъ, такъ якъ ты хочешъ, бо много себи обецуешъ, а николи того мѣти не будешъ, недобро естъ.

ρχζг. Стое еvгліе мовитъ аще отпуститъ человѣкъ согрѣшеніе человѣку, и оцъ нбсный отпуститъ вамъ, аще не отпустите, и оцъ нбсный не отпустит согрѣшеніи ваши, человѣче и ты отпусти должному долгъ свой, добро естъ.

ρχζд. Одному члвку придалася нива велми добра, на кождый рокъ збожжа родила ему многа, онъ мовит самъ себи, побудую себи великія гумъны, бо маю добра многа, не маю где ховати его, розберу гумны мои и болшіи сожижду и мовлю души своей, маешъ добра многа, ежъ пи и весели ся, душа моя, на многія лѣта, а гсдъ бгъ заразъ к нему рекъ, члвче безумный, ты радуесся и веселисся, на многія житія своя, а того не ведаешъ в сю нощъ душу твою выму с тѣла твоего, такъ и ты члвче не дуфай на богатство свое, а не злуй на людей ліепіей покин сію мысл мыслити и загадавати, недобро естъ.

ρχζє. Воскресивъ гсдъ бгъ четверодневнаго лазаря, и самъ хс над ним плакалъ, потом обернувъ гсдъ бгъ сестръ лазаревыхъ плачъ ихъ на радостъ, и рады были сестри лазаревы о воскресеніи брата своего лазаря, такъ же и тебе члвче гсдъ бгъ твои замыслы оберпет на радост. гсдъ бгъ теби на помощъ, добро естъ.

ρχζѕ. Было веселле в кани галилейскомъ, и тамъ и гсдъ бгъ нашъ іс хс званъ бывъ на веселля со пречстою бцею и апосталами, и не стала вина, того часу росказалъ гсдъ бгъ апостоломъ, воды наносити,

и сосуды наполнити, и перевернул гсдъ бгъ воду во вйно, и рады были вси апостолы и люди на веселлю будучія напитку винному, такъ и ты члвче радъ и веселъ будешъ, во вся дни живота твоего, и наполнит ся всякаго добра многа домъ твой с корыстю и з радостію, и будеш здоровъ з жоною и з діетками и со всею семъею, а в томъ гсдъ бгъ теби на помощъ, добро ест.

рѯз. Члвче если будешъ смиренъ, тогды своею покорою придешъ къ тому чого жадаешъ от гсда бга, то все будешъ мити, а если не будешъ покомити (покоренъ?) то ничого не справишъ и (не) будешъ тое мѣти, на што думаешъ и загадуешъ, и такъ человѣче будешъ покорным и тихимъ, противъ кождаго, а до того помолися гсду бгу, абы тебѣ помагалъ и боронилъ в кождой потреби твоей, гсдъ бгъ тебѣ на помощъ, добро естъ.

рѯи. Якъ синици не бытъ журовомъ, такъ тебѣ члвче навежаючи карчмы часто не бытъ господаромъ, бо около людей пъешъ, а своего не ставишъ, и затымъ ничого добраго не маешъ, и такъ человѣче недобрая загадка твоя, бо немашъ щастя, недобро ест.

рѯѳ. Три святители Василій великій, Григорій бгословъ, Іоанъ златоустый, служили гсду бгу милостивому щире, такъ же и ты члвѣче послужи гсду бгу, и людемъ добърымъ, щире и справедливіе, то будешъ паномъ, и здоровъ, со всею семъею и зъ домомъ своимъ на многія лѣта, гсдъ бгъ теби на помощ, добро естъ.

ро. Стый григорій (георгій?) избавивъ царевну от лютаго смока, и коніемъ пробивъ его на смертъ, такъ и ты члвѣче маешъ на себе великаго ворога, который тебѣ хочет зло вчинити, аліе ты гсду бгу и стому гегоргію оучини [1]) оброкъ к нему, то избавит тя гсдъ бгъ от злога человѣка и будешъ здоровъ со всимъ домомъ своимъ, гсдъ бгъ тебѣ на помощъ, а стый гегор(г)ій на великую радост, добро естъ.

роа. Стый григорій богословъ мовитъ человѣку, члвѣче не тужи и не фрасуйся велми, бо видишъ ижъ небесный царъ вашъ питает ихъ, такъ же и тебе человѣче гсдъ бгъ милостивый напитаетъ и поздоровитъ ласкою своею святою и добрымъ здоровъемъ, гсдъ бгъ теби на помощъ, добро естъ.

ров. Ліетитъ соколъ через божій домъ и сіелъ себи на высокомъ дереви, и звилъ себи гниздо и вывелъ дити, и прилетивши змия поела

---

[1]) Единственный случай употребленія оу. Добавимъ къ сказанному выше (стр. 212), что ѡ употребляется въ рукописи правильно и послѣдовательно, за исключеніемъ нарѣчій, въ которыхъ пишется обыкновенное о. Буква я вездѣ пишется ꙗ.

его дитей, и почалъ соколъ тужити по діеткахъ своихъ и клопотати, так же и ты члвѣче маешъ дитки поедины от злыхъ людей, и такъ человѣче не зъмагайся, бо барзо недобро естъ.

рог. Мовитъ гсдъ бгъ в еvгліи наслѣдниче бисерю перед свѣтками, бо они *святителя* распяли, и при смерти не превозносится, и самъ такій ты члвѣче, маешъ пыху великую, але превозносисся, и такъ до піекла зыдешъ, недобро ест.

род. Стый апостолъ павелъ, коли бывъ възятъ до камедіи небесной, то естъ до треттяго неба, и видивъ тамъ не вымовную радост, которую уготовалъ гсдъ бгъ любящим его, такъ и ты человѣче чини волю божию, ведлугъ заповидей его ходи, а на што задумалъ еси, чини съ радостію великою, гсдъ бгъ теби на помощъ, добро естъ.

рое. Стая царица елена з сыномъ своимъ царемъ константинемъ была в ерусалими, и царствовали надъ христіяны, и росказала жидомъ стая царица, абы жидове знашли кpстъ чтный на гори голгоѳѣ, идите на гору голгоѳу и тамъ крстъ чтный знайдите, которыи жиды, единаго жида выдали, именемъ киріяка, мовячи, нжъ опъ мѣлъ знайти крстъ чтный гдеи на гори голгофи, который жидъ дякъ знашовши и три гвозды при крсти чтном хсвомъ знашли, которыи тыя три гвозъды единаго прибивали. и рада была црца елена крсту гсдъню и гвоздямъ, такъ и ты члвче помолися крсту гсдъню, што бы тебе избавилъ гсдъ бгъ от туги и печали, и до радости великой приведетъ тебе, гсдъ бгъ тебѣ на помощъ, добро естъ.

роѕ. Окаянный июда продавъ хрста за тридесятъ сребренниковъ, взялъ в жидовъ грошей, потомъ раскаявся што недобре учинивъ, покинувъ же сребреники жидомъ, потомъ пошолъ до пустыни и удавися, хс же все дерево уклонивъ на землю, а юда обвисився на осиніе, а хс тое дерево заклялъ, богдай ты осина трясласе в дни и в нощи без вѣтрў завсегды, такъ и тебе члвче приведет твоя мысл къ недоброму, не мысли сего, а ни гадай умомъ своим на што думаешъ, бо того николи мѣти не будешъ, бо барзо недобро естъ.

роз. Первородный адамъ согрѣшеніемъ своимъ не отпуща заказанный от гсда бга овоцъ, не послухавши и не задеръживши слова божія проступивъ, а послухавъ жены своея еvвы, и для того от рая отлученъ бывъ, такъ же и ты члвче не мысл сего а ни загадуй умомъ своимъ, на што еси задумавъ и загадавъ, не будешъ пожитку мѣти, бо барзо недобъро естъ.

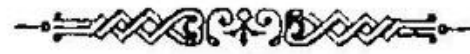
рои. Гсдъ нашъ іс хс вознесся на небеса, и срѣтили ученици его, потомъ же ихъ великою радостию

исполнивъ обитованіемъ стаго духа, во огненныхъ языцехъ принявши, так же и ты члвче возрадуеся о помыслу своемъ, на што еси задумал и загадалъ, гсдъ бгъ теби на помощъ, добро естъ.

р҃оі҃ѳ. О чомъ пытаешъ и чого жадаешъ, того николи мити не будешъ, на што думаешъ. бо на перешкоди барзо лихихъ людей маешъ, бо вже перейшли черезъ тебе барзо лихія руки и ты скоро погубиш што думаешъ, а на што еси загадалъ, барзо недобро естъ.

р҃п. Стый мчникъ хсвъ . . . арепагита за хрста пострадавъ и черезъ тое себи заслуживъ црство нбсное, такъ же и ты члвче . . . . . послужи щире и справедливе гсду бгу и через то будешъ избавленъ от печали и болезни великія, и в радост придешъ великую, гсдъ бгъ теби на помощъ, добро естъ.

(Послѣдній листокъ рукописи содержитъ начало „Слова о бражнику.")



О мѣсецахъ и числахъ.

На ползу каждому христіянину впредявилъ Богъ израильтянамъ соблюдать и от всякаго зла.

а, Въ каждомъ мѣсецѣ два дни.

Мѣсецы.

	дни.		дни.
1-й Генварь 31.	2. 26.	7-й іюль 31.	6. 28.
2-й февраль 28.	2. 24.	8-й августъ 31.	6. 18.
3-й мартъ 31.	4. 25.	9-й сентябрь 30.	2. 21.
4-й априль 30.	3. 12.	10-й октябрь 31.	8. 22.
5-й майй 31.	2. 21.	11-й ноябрь 30.	9. 28.
6-й іюнь 30.	1. 8.	12-й декабрь 31.	2. 21.

По рукописи 1827 года изъ г. Суража, вит. губ.

б, Выписка изъ библіи помѣщенныхъ, означенныхъ числъ на пользу всякому православному христіанину.

Преподана Богомъ, которую должно соблюдать, въ путь не отправлятся и ничего не начинатъ.

2-го сентебря.
21-го октября.
8-го и 22-го ноября.
19-го и 21-го декабря.
2-го и 21-го генваря.
2-го и 26-го февряля.
24-го марта.
3-го и 25-го априля.
3-го и 24-го маія.
2-го и 21-го іюня.
7-го и 8-го іюля.
6-го и 28-го августа.

Аще кто въ таковые мсцы въ означенные числа станетъ женится, тотъ человѣкъ не обрадуется; или кто заболѣетъ въ эти дни, тотъ здоровъ не будетъ: кто домъ построить или въ домъ въходитъ, то въ немъ жить не будетъ; кто въ путь пустится, тому случается незапная смерть; а кто что садитъ или сеитъ, тотъ пожитку не получитъ. И такъ подобаетъ всякому эти дни блюсти. Аминь.

По рукоп. 1848 г. изъ м. Вѣтки, гом. у., дост. М. Г. Головинскою.

Кому подобаетъ молится въ бѣдахъ.

1. Аще будешъ по водамъ плаватъ, призывай на помощь с: Николая чудотворца и ангела своего хранителя.
2. По утру въставъ помяни ангела Михаила, то весь день будешь веселъ.

3. Когда начнешъ ѣсть хлѣбъ, помяни ангела Рафаила.
4. Когда начинать будешъ пить воду, помяни ангела Осія.
5. Аще ложисся спать, помяни ангела Михаила, то есть сторожъ человѣкомъ.
6. Аще с кѣмъ будешъ тяжбу имѣть, воспомяни ангела Рафаила, великую помошницу Пятницу и Екатерину мученицу.
7. Аще кто громъ слышитъ, вспомяни ангела Авдѣля.
8. Аще въ путь пойдешъ, помяни ангела Михаила арханьела.
9. Аще въ заблужденіи будеш, помяни аньгела Рафаила.
10. Аще начнешъ строитъ домъ, помяни арханьела Михаила.

По рукоп. XVIII в. чериковск. у.

Сонъ Богородицы.

1, По рукописи XVIII в. въ 8 д. 10 листковъ.

Отъпочивала еси пресвятая богородица въ святомъ градѣ Вифліемѣ іудейскомъ и приде къ ней Господъ нашъ Иисусъ Христосъ сынъ божій возлюбленый единородный Спасителъ всему миру. И рече пресвятая богородица: сынъ мой возлюбленный единородный, спасителъ всему миру Іисусъ Христосъ. Видила я про тебя Іисуса Христа страшенъ сонъ въ марте мѣсеце; за семъ дней воскресенія твоего воскресивъ ты друга божія праведнаго лазаря, а за шестъ дней воскресенія твоего ехалъ ты на ослятѣ и жребяте со учениками своими, съ апостолами; дети еврейския сретоша тебя с ваими и с вѣтвіями и пояше: осана въ вышныхъ благословенъ гради во имя господне: а за четыре дни воскресенія твоего вливалъ ты Іисусъ Христосъ воду въ умывалницу и нача нози умывати учиникомъ и апостоломъ и отирати лентіемъ. И единъ изъ ученіковъ твоихъ именемъ иуда продалъ тебе іисуса христа сына божія на тридесяти сребренницахъ и она жидове совѣтъ совѣщаша и поведоша тебя Іисуса Хріста сина божійя на гору голгоѳу со оружыемъ издреколіемъ, аки на разбойника мужей пешихъ легеонъ, 300, турокъ 600, иудеи взяли тебе сына божия ведоша тебе, приковаша на лобное мѣсто и рызи твоя снявъ раздраша и по жребіемъ размѣташа а тебя сына божія облекоша въ багрануюризу: и терновъ венецъ возложиша на главу твою и тростію по главе твоей біяху и на святое лице твое плеваху и по лицу удариише тя Іисуса Христа сына божія именемъ воліянъ латынянъ . . . . . и паки жидове рекоша: радуйся царъ и удейскій! и повелевшу пылату вести тебе сына божія предъ себя на распятія на гору голгоѳу и распяша на кресте кі-

парісе и на певге и кедре, руце и нозе гвоздіемъ пригвоздиша ко кресту и поль (?) на западъ лицемъ зрѣти. И единъ отъ нихъ именемъ алаза-ломъ, рабъ логиновъ, родомъ алазиненъ: приступи къ тебе сину божію и в ребра твои копіемъ прободѣ и изъ ребъ твоихъ (п)речистыхъ изиде кровъ и вода на спасенія роду человеческому. И тако ты Іисусъ Христосъ испустилъ духъ твой святый. И тогда небо и земля потрасеся, солнце померкло и луна въ кровъ приложися и завеса це(р)ковная раздрася, каменіе распадеся и многія телеса усопшихъ святыхъ восташа. И такъ быстъ по всей земли отъ шестаго до девятого часа и они жидове рѣкоша не чаяли мы сына божія, а чаяли пророка. А сынъ божій исусъ хрістосъ сниде во адъ и там адову крепость разруши и вереи сотре, адамъ возвашся, клятва потребіся ева свободіся смерть умертвися и мы ожыхомъ, темъ изъ ада вонъ свободихомся святымъ твоимъ воскресеніемъ. И приде нощию къ понтійскому пылату иосифъ и нікодимъ моляся и кланяяся, телесе святаго просяще: даздъ намъ тело сына божія наго и непогребенно, уже вамъ не полза смертное тело! И преложися къ нему умилно: Увый намъ Іисусе! Снемше со креста пречистое тело твое и плащаніцею чистою обвилъ во гробѣ нове положися. И они жидове приставиша стражей 1000 іудей. И пріидоша на гробъ жены мироносіцы помазати тело твое святое миромъ; и узреша анъгела на камени седеща; ужасошася слышаху отъ него: что ищете живаго съ мертвами, что плачете нетленаго? идитѣ въ галелею градъ и тамо его узріте и проповѣдите ученікомъ его яко воста господъ яко естъ сынъ божій спасителъ спасти родъ человѣческій . . . . И одесную страну распялі разбойніка даздома. А крестъ делалъ тебе хрісту сіну божію сімонъ кірінейскій, а крестъ несъ ты самъ Іисусъ хрістосъ на раме своемъ до вратъ градъскихъ, отъ вратъ градъскихъ до горы голгоѳы несъ онеже кирінейскій. А по воскресеніи твоемъ ты синъ божій двери затворивый Ѳому уверивый верно въ твое пречістое тело, а въ четыре десятый денъ на небеся вознесеся предъ ученики своими и апостолы а въ пятыйдесятый денъ посла духъ свой святый на апостолы. И отъ того часа раздилишася язици странными глаголыми повеленними святыя троицы.

И рече Господъ нашъ Іисусъ Христосъ сынъ божій возлюбленый спаситель всему міру: Мати моя возлюбленая пресвятая богородица! воистину сонъ твой праведенъ естъ про меня Іисуса Хріста сына Божія, всегда нине, Аминъ.

2, *По той же рукописи.*

Сонъ пресвятыя Богородицы изъ богемскаго языка переведеный. Во

имя отца, аминъ. Когда пресвятая дева марія уснула на горѣ вифлиеме То пришолъ къ ней Іисусъ Христосъ истиный синъ божій рекъ ей: мати моя любезнейшяя, спишъ ли или слышиш? Отвествовала ему: спала доколе мя не разбудилъ еси, и весма грозный сонъ здался мне. Видила тебе вертоградп ятаго, связанаго канафе и пылату и оттуда ко ироду водимаго, поруганаго, біенаго; а светую твою главу терніемъ венчаною, ко кресту пригвоздена, а потомъ со креста снята и во гробъ положена. Мне же видя таковую страстъ твою едва отъ болезни не расторгаласъ утроба моя. Іисусъ Христосъ ей отвествовалъ: мати моя любезнейша, истиный сонъ твой ибо вся сія будетъ яве.

Однакъ кто сей сонъ паметоватъ и его при себе носитъ будитъ тотъ отъ всехъ злыхъ веще(й) сохраненъ будитъ, напрасною смертію безъ покоянія и причащенія святыхъ таинъ съ сего свѣта не изидетъ, а при кончинѣ его я и ты моя мати будешъ и душу его до царствія небеснаго доведешъ. Аминъ.

Ср. Пам. стар. рус. лит. III, 128, на польск. яз. изъ лѣтоп. Ерлича.

3, *По современному списку изъ г. Суража, витеб губ.*

Опочивала еси Пресвятая Богородица во святомъ градѣ Іерусалимскомъ Виѳліемѣ іудейскомъ въ мартѣ мѣсяцѣ и видѣла сонъ вельми страшенъ и чуденъ про сына своего Бога нашего Господа Ісуса Христа. Егда пріиде къ ней Господь нашъ Ісусъ Христосъ и рече къ ней: мати моя возлюбленная и пресвятая Богородица, спала еси и видѣла во снѣ, и повѣждь ми. Рече къ нему пресвятая: о сыне мой возлюбленный, сладкое мое чадо: спала еси во святомъ градѣ Виѳліемѣ и видѣла про тебя сына моего якобы за девять дней воскресенія твоего воскресилъ въ градѣ Іерусалимѣ друга четверодневнаго своего, праведнаго Лазаря, лежащаго уже во гробѣ. А за восемъ дней ѣхалъ во градъ Ерусалимъ на жребяти, и дѣти встрѣчаху тебе съ вѣтвями въ рукахъ и потстилаху ризы своя и кричаху осанна вышнихъ, благословенъ грядый во ймя Господне, царь израильскій, сынъ Давидовъ. Вошедше же во градъ Ерусалимъ пріидоша въ церковъ, созданную отъ премудраго Соломона, яже святая и святыхъ, выгнав всѣхъ торгующихъ, показавъ имъ письмо то же и глаголюще имъ: домъ мой дом молитвы, вы же его сотвористе вертепомъ разбонниковъ. И вси видиша архиреи и книжницы жидовсти вознегодоваше на тя, совѣтъ сотвориша, яко тя поймати и убити. Въ среду же предъ пасхою посланъ быстъ тобою, о сыне мой возлюбленный, во градъ Ерусалимъ для снѣдной купли одинъ изъ учениковъ твоихъ и апостоловъ именемъ Іудо, который ношаше съ собой ковчезецъ. Перейдя въ то время къ жидамъ, и сотворища

куплю о тебѣ сыне мой возлюбленный и поставя цѣну тридесять сребреников. Въ четвертокъ же предъ пасхой былъ ты, сынъ мой возлюбленный и Боже, въ Виѳапіи паки и учини тайную вечерю со всѣми учениками своими и апостолами своими, то Іюдо бысть при тебѣ, а ты по вечери желая ученикамъ своимъ и апостоламъ ноги умыть, и аще приступи къ Петру для умовенія ногъ, то возглаголя: не умыеши ногъ моихъ во вѣки. Ты же рече: аще не умыю ногъ твоихъ, не имаши *чести* быть со мною въ раю. Онъ же отвѣщавъ: не токмо нозѣ мои, но всего мя омый. Послѣ же сего бывъ ты, сынъ, преградѣ (вертоградѣ?), гдѣ взяша тебе жидове и ведоша вдвыхъ ко архирею, связа руцѣ и нозѣ, а на шею твою святую возложиша цѣпъ желѣзный, и начаша бити немилостиво мечами и писами и дреколіемъ, и иными всякими орудіями, кто что имѣя въ рукахъ своихъ: и влачаху тебе о сыне мой и Боже, по земли, быша. Бысть же во утрій день поведоша тебе, сладкое мое чадо, во градъ ко архирею Каіафѣ и связа руцы твои святыя: они же жидове обрѣтоша надвых Каіафу малы и велицы начаша тебе, о сыне мой возлюбленный, сладкое мое чадо, бити немилостиво и плеваху въ лице твое святое и во святыя уста твои, —и бысть горше перваго. И потомъ взяша они жидове тебе сына моего и Бога поведоша къ понтійскому Пилату, угрозиша его, да распнется. Тогда Пилатъ вопрося: откуда еси ты и за что тебе приведоша ко мнѣ на смерть?—Ты же не отвѣтствоваше ему ничего. Мнѣ ли ты не отвѣчаешь, знаешь что я имѣю власть тебе распять и отпустить? Ты же рече къ нему: не имаши власти надо мною ни едины. Пилатъ же не обрѣтаетъ вины и хотяше утолити гнѣвъ жидовскій и изыде къ нимъ, хотяше пустить; они же жидове проклятые издалеча кричаху ему: о господине Пилате, много медлиши,—распни, распни его! Пилатъ же, хотя ихъ укорити, рече къ нимъ: царя ли вашего распну? Они же рекоша: не имаши царя, токмо кесаря, или повелѣнію кесареву противишися, онъ же царемъ нашимъ зовется, но и сыномъ Божіимъ себе нарицаетъ, равняясь Богу. Тогда Пилатъ повелѣ тебе, о сыне мой возлюбленный за собою вести въ притворъ, вопрошаху тебе паки: кто еси ты? почто тя жидове приведоша? что ты за зло сотвори? Ты же молча и не отвѣтствоваше ему ничего. И паки Пилатъ вопроси тя трегицею: царь ли еси ты? Ты же отвѣща ему: царство мое не бы съ сего свѣта; если бы царство мое съ сего свѣта, то бы слуги подвизалися за мя съ беззаконными жидами. И паки Пилатъ вопрося тя: сынъ ли еси Божій? и оставя тя пойде къ жидамъ, рече имъ: воистину не обрѣтаю въ немъ вины, да отпущу его. Они же жидове возопиша, да распнетъ тя. Пилатъ же глаголя имъ: есть обычай вамъ, яко на всякъ день праздника вашего отъ связанныхъ отпущу. Они же жидове беззаконные возопиша къ Пилату, да не отпустит его,

но Варавву намъ отпусти. Тогда Пилатъ воста отъ судилища хотя изыти, іудеи возопиша и глаголаша Пилату, да распнетъ тя. Тогда Пилатъ умы руцы свои предъ всѣми людьми и глагола: азъ есьмъ чистъ отъ крови праведника сего и вы узрите. Они же беззаконные жидове возопиша гласомъ велiимъ: да будетъ кровъ его на насъ и на чадъ нашихъ во вѣки. Тогда Пилатъ повелѣ ему мучиться. Воини же жидовстіи снемша съ тебе, о сыне и Боже мой, одѣянія, одѣющи тя въ хламиду черменную и сплетоша терновый вѣнецъ вельми тѣсенъ взложиша на главу твою святую, прошедше даже до мозга. И тогда истече кровъ и вода изъ пречистыя главы твоея множество. И биша тя въ десную ланиту, глаголюще: радуйся царь іудейскій. Потомъ нападоша на тя воини жидовстіи съ яростью биша, зѣло немилостиво, и вси прежнія раны повредиша, а жидове стояше у вратъ пилатовыхъ, вопіяше: немедли, господине Пилате, властителю надъ Ерусалимомъ, распни его! Пилатъ же, хотя ихъ укорити, какая вамъ честь будетъ, яко царя вашего распну? Жидове возопиша: распни его. Жена Пилатова къ мужу своему сице глаголя: не сотвори праведному сему ничего, много бо пострадахъ его ради нощи сея. Пилатъ же повелѣ всадить въ темницу, дондеже крестъ изготовитъ, послѣ повелѣ къ столбу привязать посреди двора своего, и биша тя немилостиво желѣзомъ суковатымъ зѣло немилостиво, и преда тя воинамъ жидовстимъ, что восхотятъ да сотворятъ. Тогда они жидове изготовиша крестъ и взяша тя, о сыне мой возлюбленный; и отъ ранъ великихъ не могъ крестъ нести: проклятые жидове стрѣтоша на пути нѣкого киреянина, именемъ Симонъ, повелѣша ему крестъ нести; тебе сына моего величаху и доведши до мѣста возопиша: распни между двухъ разбойниковъ. И единъ воинъ напоише губу оцтомъ и желчью свинной подая тебѣ на крестъ; и единъ приступи, копіемъ прободе ребра, изъ коихъ изыде кровъ и вода, на исцѣленіе и на спасеніе душамъ и тѣлесамъ всего міра. Тогда же земля потресеся, сонце помрачеся, луна въ кровъ обратися, каменіе распадеся, и завѣса церковная раздирашеся, отъ верхнего края до нижнего; и бысть тьма по всей земли от шестаго часу до девятаго. И тогда они жидове ужасошася многіе же поклонишася, отъ того часу вѣроваша. Во утрій день пріиде во градъ Ерусалимъ Іосифъ спроси тѣло твое у Пилата на погребеніе, и по снятіи со креста Іосифъ съ Никодимомъ тѣло твое въ святую плащаницу чисту обвивъ, воньми помаза, во гробѣ новомъ положи. Пилатъ же повелѣ ко гробу твоему, спасову, приставить стражу и камень привалить зѣло великъ, и печать положиша. Ты же, сыне мой, въ полунощи изъ гроба восташе, сниде во адъ, врата мѣдныя сотри, двери желѣзныя сломи, діавола связа, рукописаніе адамово разодра,—Адамъ возвася, клятва потребися, Ева свободися, адъ изъ ада свободи.

Тогда рече къ ней Господь нашъ Іисусъ Христосъ: о мати моя возлюбленная, пресвятая Марія, воистину сонъ твой вельми страшенъ и дивенъ зѣло.

Аще который человѣкъ сей сонъ при себѣ держать будетъ съ вѣрой въ чистотѣ, къ тому человѣку не прикоснется никакая напасть. Аще который человѣкъ съ собой сонъ сей возьметъ, тому человѣку путь чистъ и корыстенъ будетъ, и избавлю и защищу отъ всякаго неправеднаго нападенія. Аще который человѣкъ въ домѣ своемъ листъ сей при себѣ держать будетъ, прочитаетъ или станетъ слушать, то къ тому дому не прикоснется ни огнь ни жупелъ, ни тать ни разбойники, никакая пакость (напасть?), и будетъ въ томъ доми опочивать духъ святый и благодать божія во вѣки. Тому же человѣку на водахъ будетъ тихое плаваніе, не повредятъ ему ни вѣтры буйные, ни волны морскія, и будетъ съ нимъ благодать божія, въ торгахъ прибытокъ, въ судахъ и приказахъ защищеніе и всякое правосудіе. Аще который человѣкъ сонъ сей при смерти воспомянетъ, или прочитаетъ, тотъ человѣкъ аще бы имѣлъ грѣховъ яко въ морѣ песку, въ водѣ рыбъ, или яко на небѣ звѣздъ, или на древѣ листьевъ, или на землѣ травъ,—вся ему отпускаются и царствіе небесное готовится; и избавленъ будетъ муки вѣчныя, огня неугасимаго и червей неусыпучихъ, тьмы кромѣчныя, ада преисподняго; возьмутъ душу его ангелы божіи, понесутъ прямо въ рай, ко святому Авраму, Ісаку, Іакову. Аще которая жена беременна будетъ, и сей листъ при себѣ держать будетъ,—легко родитъ, и дастъ ей Богъ здравіе и мирное житіе. Сей листъ который человѣкъ на войнѣ при себѣ держать будетъ, тотъ человѣкъ избавленъ будетъ меча и всякія смерти. Аще который человѣкъ сей листъ переписываетъ, изъ дому въ домъ передаетъ, тотъ человѣкъ получитъ грѣховъ отпущеніе. Сей листъ найденъ передъ образомъ архистратига Михайла у гроба господня, въ святомъ градѣ Ерусалимскомъ. Аще который человѣкъ сонъ сей пресвятой Богородицы почитаетъ и вѣруетъ, тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ всякихъ мукъ и будетъ съ нимъ благодать божія во вѣки вѣковъ, аминь.

4, По рукоп. 1827 г. изъ д. Дубровки, красно-будской вол., гом. у.

Спала еси пресвятая Богородица дѣва во святомъ градѣ Вифліемѣ иудейскомъ, и пріиде къ ней Господь нашъ и Исусъ Христосъ возлюбленный сынъ, всему миру спаситель. И рече пресвятая Богородица: о чадо мое сладкое Іисусъ Христосъ сынъ божій: спала я па семъ мѣстѣ и видѣла про тебе весьма сонъ страшенъ. За шесть дней до воскресенія твоего . . . . петра въ римѣ, а павла въ дамаскѣ, а тебе Іисуса Христа

въ самомъ же Іерусалимѣ жиды поймапнаго и связаннаго весьма поруганнаго ко іафѣ на дворъ отведенъ и набіенъ былъ, и на лице твое плеваху; а послѣ того началъ Пилатъ судить и осудилъ тебе на смерть. И велѣлъ пилатъ узять тебе жидовомъ на распятіе па гору гольгофу. И поведоша тебе Господа нашего Іисуса Христа на гору, на трехъ древахъ тебе распяша: на первомъ кипарисѣ, на второмъ кедрѣ, на третьемъ певкѣ, промежъ двумя разбойниками. На главу твою святую терновъ вѣнецъ возложиша и желчію напоиша и ребра твои пребодоша. А я, мати твоя, Христа, стояла со іоаномъ богословомъ, весьма плакала и рыдала горко. И рече жъ ты со креста: не плачь, мати моя, я снятъ буду со креста и во гробѣ новомъ положенъ буду и въ третій день воскресну, а первозданнаго Адама воскрешу и съ нимъ всѣхъ сущихъ пророковъ возведу, а самъ мати моя на небо вознесуся со грозными херувимами, а тебе мати моя прославлю.

И рече ей Господь нашъ Іисусъ Христосъ: мати моя возлюбленная, пресвятая Богородица, во истину твое паче меда устамъ моимъ слово.

Святое о святыхъ (слово сіе) отъ самаго Бога сосланное Господа нашего Іисуса Христа. И взялъ его и побѣжалъ Левъ и освятили его и пославъ къ брату королю противъ непріятеля. А тотъ листъ такую силу имѣетъ: кто хощетъ его читать или переписывать или со вниманіемъ слушать, то тому человѣку на сорокъ дней отпущеніе грѣховъ. А тотъ листъ написанъ былъ золотыми литерами. А каждая рѣчь не можетъ шкодить, аще въ которомъ доми тотъ листъ пребываетъ, къ тому дому ни огонь, ни вода, ни чародѣй не прідетъ или огнемъ не зажгнется. Аще въ которомъ домѣ будетъ жена беременная и тотъ листъ при себѣ имѣть будетъ, то дастъ ей Господь нашъ Іисусъ Христосъ скорое и легкое рожденіе. И молитву творить: остережи мене господи рабу божію отъ всякаго зла во дни и въ нощи и въ каждой годинѣ отъ діавола шкареднаго. Прошу тебе Господа моего Іисуса Христа чрезъ муку и кровъ твою святую которую претерпѣлъ еси за насъ грѣшныхъ. Святый іоанъ и предтеча божій и крестителю христовъ, которой крестилъ Господа во иорданѣ рѣцѣ, избавлюй и остереже мене грѣшную рабу божію отъ мора и огня, и меча и стрѣльбы, да мене никакая злая вещъ не могла шкодить.

1, Аще кто сей сонъ пресвятой Богородицы будетъ держатъ въ домѣ въ чистотѣ и хранить со всякимъ усердіемъ, и тотъ сохраненъ будетъ отъ злыхъ сопостатовъ и отъ нечистыхъ духовъ, и отъ пожару, и наполненъ будетъ хлѣбомъ и скотомъ, и всякимъ изобиліемъ плодовъ земли.

2, Аще рабъ божій пойдешъ въ путь, и въ ономъ избавленъ будешъ отъ претворныхъ бѣсовъ и отъ вѣтровъ полуденнаго и полунощнаго и

нощнаго, отъ семидесяти (лихорадокъ?) денныхъ и полуденныхъ, и отъ лихаго человѣка избавленъ будешъ.

3, Аще рабъ божій пойдешъ предъ царя или предъ судью, и онъ рабъ божій отъ царя будешъ пожалованъ и отъ бога помилованъ, а на судѣ неправедномъ осужденъ не будетъ.

4, Аще рабъ божій поидетъ по мору или по озерамъ, и онъ рабъ божій избавленъ будетъ отъ водяного потопленія и нечистаго духа избавленъ будетъ.

5, Аще рабъ божій въ бесѣду поидетъ и возьметъ съ собою сонъ пресвятыя Богородицы, и онъ рабъ божій въ бесѣдѣ почтенъ будеть и отъ женщинъ и жрицъ избавленъ будеть.

6, Аще рабъ божій въ лѣсъ поѣдешъ и возьмешъ съ собою сонъ пресвятой богородицы, то онъ рабъ божій въ лѣсу избавленъ будетъ отъ злаго древа и діявола и отъ звѣрей лютыхъ и отъ змѣей, и нечистаго духа избавленъ будешъ.

7, Аще рабъ божій имѣть будетъ сонъ пресвятой богородицы, то злою смертію не умретъ и душу его не возьмуть бѣсы, а возьмуть ангели божіи и поведуть въ свѣтло райскія избавленія, и тамъ онъ рабъ божій избавленъ будеть отъ вѣчныя муки.

8, А печатовали сей сонъ пресвятой богородицы ѻ҃ патріарховъ своими печатеми въ градѣ и Ерусалимѣ, въ церкви святая святыхъ апостоловъ и положили замокъ—крестъ животворащій всегды нинѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминъ.

9, Аще крестъ животворащій хранить—крестъ царей держава, крестъ ангеломъ слава, а демономъ язва на прогоняніе ихъ.

10, А држать сей сонъ пресвятой богородицы и самъ Господь нашъ Исусъ Христосъ молитовъ ради пречыстыя нашей богородицы честнаго и животворащего креста господня, архангела архистратига гавріила честнаго и славнаго пророка и предтечи крестителя господня Иоана богослова и всѣхъ святыхъ и всехвальныхъ апостоловъ и евангелистовъ Матѳея и марка Луку Иоана богослова, святыхъ апостоловъ, страстерцовъ (страстотерпцевъ) христовыхъ, мучениковъ, святыхъ чудотворцовъ безсребрениковъ Кузьмы и Демяна Кирилы иоана святыхъ мучениковъ, и праведныхъ богоотецъ и акима анны помилуйте мя грешнаго раба твоего и со чадми, да никто противъ меня въ суду стоятъ не можетъ.

11, Аще рабъ божій, у кого жена беременная предъ рожденіемъ будетъ мучиться, то кто возьметъ сонъ пресвятой богородицы и положить ей въ головахъ, то родить она сына или дочеръ и будеть она здрава.

12, Аще рабъ божій кто сонъ пресвятой богородицы при смерти воспомянетъ или кто прочитаетъ а самъ рабъ божій послушаетъ съ вѣ-

рою сердечною, или въ пути съ собою носить, будетъ его хранить со всякимъ усердіемъ и тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ вѣчныя муки и отъ огня неугасимаго и червія неусыпающаго всегда нинѣ и присно во вѣки вѣковъ аминъ.

13, Ащѐ рабъ божій пойдешъ на войну, то призывай на помощь великое имя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и святителя Христова Николая чудотворца скоропомощника и теплаго заступника и и молитвенника святаго Дмитрія Ерусалимскаго дабы тебе сохранили отъ стрѣльбы и отъ великаго посѣченія и пораженія непріятельскаго.

14, Аще рабъ божій попадешъ въ непріятельскія руки, то призывай на помощь святаго ангела Михайлу и святыхъ силъ небесныхъ, дабы вынули изъ рукъ непріятельскихъ.

15, Аще рабъ божій отъ потопленія водянаго призывай на помочь ангела своего хранителя, чтобъ тебе сохранивъ, отъ водянаго потопленія избавилъ.

16, Аще рабъ божій, когда громъ гримить, то призывай на помощь святыхъ евангелистовъ Матѳея и марку, дабы тебе сохранили отъ громнаго убіенія.

17, Аще рабъ божій, когда начинаешъ домъ строить или какое другое строеніе, то призывай святыхъ евангелистовъ Михайла (?) иоана, то будеть тебѣ житіе благополучіе въ правдѣ.

18, Аще рабъ божій идешъ на судъ, то призывай на помощь святаго архангела Гавріилу благовѣстника пресвятой богородицы, то не можеть судъ тебе осудить.

19, Аще рабъ божій, когда на путь пойдешъ, то призывай на помощь святаго (?) и святыхъ преблагословенныхъ отцевъ Зосима и савостіяна соловѣчниковъ (соловецкихъ) и чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ. Сія во всемъ нашему Богу слава и честь и поклоненіе отцу и сыну и святому духу и нинѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминъ. Ср. стр. 234.

5. *По рукописи XVIII в. изъ г. Суража, витеб. губ.*

Опочивала еси пресвятая Богородица во святомъ градѣ Іерусалимѣ въ мартѣ мѣсяцѣ и пріиде къ ней Господь нашъ Ісусъ Христосъ и рече ей: мати моя возлюбленная, пресвя(тая) Богородица, спиши или не спиши, и что в снѣ видѣла. И пробудилась отъ сна своего пресвятая Богородица и рече ему: о чадо мое возлюбленное Ісусъ Христосъ, видѣла сонъ про тебя велми страшенъ яко бы ты шедши въ Вифанію со учениками своими на жребяти и осляти (въ рукоп. вездѣ ѧ), дѣти еврейскія встретчаху тя с веселіемъ призываху и ризы подъ ноги тебѣ постилаху: въ вышнихъ

грядитъ царь израилевъ. И па вечери тайной одинъ изъ апостоловъ именемъ Іуда предалъ тебя Господа жидовьямъ за тритцать сребриниковъ. Тогда жидовѣ тебя Господа нашего на пути нощію поимаша яго сущи разбойники съ воинами. Іуда же цѣлованіемъ своимъ предаде воинамъ. Господь рече Іудѣ: дерзай и твори то зачѣмъ пришелъ еси. Тогда жидовѣ съ воинами тебя Господа къ пилату приведоша и много ранъ на тѣлѣ твоемъ святомъ наложиша, и терновъ вѣнецъ на главу твою святую наложиша, на лицо святое плеваша и тростью въ главу твою ударяша, и отъ разбоиника именемъ Мамая рукою по лицу твоему святому удареннаго и на трехъ древахъ—кедрѣ (певгѣ) и капарисѣ ряспяша и ко кресту руцѣ и нозѣ твои гвоздями пригвоздиша и во уста желчію напоиша и на крестѣ тѣло (?) написаша: Ісусъ назаряпинъ царь іудейскій. И единъ изъ воиновъ къ кресту приступиша и копіем ребра твои святыя прободоша, изъ тебя изыде кровь и вода на изцѣленіе православнымъ христіанамъ. Тогда солнце померкло и луна въ кровь превратилась, и бысть тма по всей землѣ отъ 6-го часа до 10. Тогда солнце померкло, а земля потряслася, каменье распадоша и мертвыя изъ гробовъ воскресли. Святый благообразный Іосиф с плачемъ проситъ у понтистаго Пилата тѣло твое святое снятъ съ креста, и плащеницею чистою обвивъ и во гробѣ новомъ положи и закрывъ. Святыя жены мироносицы пріидоша ко гробу твоему, тѣло твое святое помазать благоуханіемъ, и обрѣтоша ангела на камени сѣдяща. И рече къ нимъ: перестаньте отъ плача и возвѣстите ученикамъ его, яко воскресъ Христосъ изъ мертвыхъ и всему миру живот даровавъ. Тако Христосъ спасъ насъ изъ мертвыхъ воскресеніемъ своимъ. Христовымъ и всѣхъ съ собою воскресилъ. Сошелъ еси въ преисподнія земли и Адама изъ неволи освободилъ и вывелъ пророковъ изъ ада и даровалъ имъ животъ вѣчный и царствіе небесное.

И рече ей Господь нашъ Іисусъ Христосъ: мати моя возлюбленная, пресвятая Богородица, воистинну сонъ сей праведенъ есть и все сіе да збудется по твоему глаголу.

Который человѣкъ сей сонъ твой будет въ дому своемъ держать, то къ тому дому не прикоснется діаволъ, избавится человѣкъ молитвати пресвятыя Богородицы; тотъ домъ сохраненъ будетъ божіею милостію, не прикоснется къ нему діаволъ не злой человѣкъ, въ пути радость, въ торговлѣ прибытокъ, въ морѣ и рѣкѣ не утонешь и въ лѣсахъ не заблудишься и четвероногіе звѣри не растерзаютъ и не злые люди или иное что къ тебѣ не прикоснется. Аще хощетъ кто итти къ государю своему или къ другому нибудь, сей сонъ будетъ при себѣ носить, великую милость и счастіе отъ него получитъ, а также великое оправданіе себѣ приметъ. Аще который человѣкъ грамотѣ не умѣетъ, а сей сонъ твой дастъ кому прочитать, а самъ

будетъ слушат всѣмъ серцемъ своимъ, то при смерти своей узритъ пресвятую Богородицу, молящуюся за него сыну своему Іисусу Христу, проситъ отъпущеніе и прощеніе всѣхъ грѣховъ его. Аще который человѣкъ сей сонъ станетъ предъ образомъ молится по вся дни читать или слушать, то во время смерти его предстану и утѣшу его, муки вѣчной избавлю. Аще кто моего писанія послушаетъ въскресные дни работать не будетъ, среду и пятницу постится будетъ то избавленіе получитъ. Аще же кто моего писанія не послушаетъ, воскресные дни работать будетъ, среду и пятницу постится не будетъ, то будетъ проклятъ: не дастъ во время плода на землю дождя, тогда напущу на васъ голодъ и моръ; еще напущу звѣрей лютыхъ и поѣдятъ души ваши, и всѣ пойдутъ души ваши въ муку вѣчную. Еще глаголю вамъ, и вы люди мои творенія моего: азъ есть Господь Богъ вашъ пишу къ вамъ первое писаніе и приказываю вамъ, божества моего дабы день недѣльный почитали и никакихъ работъ не работали и обратит(е)ся къ божественному писанію. Вѣрь же, что сей сонъ привидѣлся матери моей пресвятой Богородицѣ. Сей листъ силою божественною и данъ намъ рабамъ 6-ть дней въ недѣлѣ дѣлать, а 7-й день недѣльный святить на добрыя дѣла господьни. Аще же не будете по закону моему дѣлать, то буду наказывать гладомъ и злымъ повѣтріемъ и воиною, и пошлю на васъ царь на царя и король на короля, отецъ на сына и сынъ на отца, и будетъ между вами кровопролитіе. Горе тому человѣку, которые въ праздники Господни въ церковъ не ходятъ и дѣтей своихъ не посылаютъ; горе тому будетъ человѣку, который не слушаетъ божественной службы.

А сей листъ найденъ во святомъ градѣ Іерусалимѣ и въ церквѣ архистратига Михаила, и проч.

6. Изъ устъ пѣвца, въ м. Молостовкѣ, черик. у. мог. губ.

Охъ, и сонъ Бугуродзицы явився,
Сонъ божай мацяри ёй снився.
Причудная дзива Бугуродзица,
Сы вячора дзива спочивала,
Да нямножко дзиви сапалося,
Большэй про то сонъ яна видала,
Што сабѣ чадо спородзила.
Спородзивши яна чадо сполелѣила,
Й а ў пеляни пелянила,
Й а ў шавковый поясъ сповивала,
Золотою ризой прикрывала,
На Ирданьской ряцѣ й охрисцила.
Якъ у славнымъ городзи Русалими,
На святой ряцѣ на Ирдани,
На крутой горѣ на вярцепи,
Выростало тамъ древо пресвятое,
Пресвятое тамъ древо, конпарусовое.
На святомъ па древи конпаруси
Причудзенъ матушцы хрестъ явився,
Причудзенъ матушцы сонъ ёй снився:
Жиды Христа распинали
На святомъ на древи конпаруси.

Слезно плакала мацп Марея:
„А сынку, мой сынку, царь нябесный,
Чадо мое возлюблённое!
Занявинно, мой сынку, помираешъ,
Ды нявинную муку принимаешъ,
И съ кимъ мяне дзиву покидаешъ,
Ды кому свой надзоръ заставляешъ?“
—Пресвятая дзива Бугуродзица,
Не рячи ты свойго сна никому,
И не плачь, не рыдай, мацп Марея,
Не слязи своихъ свѣтлыхъ вочъ,
Ды не скорби свойго бѣлаго лица:
Не ядыну я дзиву покидаю,
Не ядыну на дозоръ заставляю.
Покидаю дзиву съ святымъ духомъ,
Съ святымъ духомъ, съ святымъ Яномъ.
Нарицай, мати, святого Яна
Своимъ сыномъ, (2 р.) моимъ братомъ,
Ды покуль я муки отмучуся,
Ды покуль я гряхи отцярплюся.
Ды ня мѣвши, не принявши мнѣ муки,—
Ня быць никому святому;
Не разливши мнѣ крыви,—
Ня быць никому спасёному.
Праведнымъ дарую я царство нябесное,
А грѣшнымъ на вѣшную муку.
Тогды я самъ матушка на небо ўзыйду.
Съ частнѣйшими съ хорунвями.
И съ славнѣйшими съ сарахвинями.
Да й съ усими своими со святыми.
Да погребенъ я матушка за ўсихъ буду,
Погрябу мощи со святыми,
Самъ у новымъ гроби сположуся,
Плащаницею покрыюся.
Напишу твой божій ликъ я на ʼконы,
И поставлю кону ў божжу цэрькву,
У божію цэрькву, я ў сыбори,
Я ў сыбори, на престоли,
Перядъ царьскими увратами,
Перядъ чудными вобразами.
А тамъ вангали возликуюць,
Уся сила нябесная устряпечетца.
Будуць хрисціяни приходзици,
И свѣчи, каноны приносици,
Ды на божіимъ престоли становици,
А табѣ будуць, матушка, умоляцися,
А мяне Суса Христа прославляцися!..
Ды хто етый сонъ разгадаець,
Ды хто етый сцихъ расчитаець,—
Пріёменъ той будзя Господу Богу.
Ды хто жъ етый сонъ закупляець,
Да ў чіёмъ яго доми заўспиваюць,—
Да пріёменъ ёнъ будзець Господу Богу.
Ды хто жъ ётый сцихъ заслушаець,
А збавленъ будзець отъ вѣшныя муки!..
Ялилуя, ялилуя,
Слава табѣ, Хрисце Божа нашъ!

Ср. Варенц. стр. 48 и Безсон. 6, 175—199, Бѣлорус. печатн. вар. не знаемъ.

7. *Изъ устъ пѣвцовъ, въ рогач. и гом. уѣздахъ могил. губ.*

Ой сонъ Богородишный явився,
Ой свѣтъ мати Марея прасвятыя.
Штось си вечара мати мало спала,
Сы нямножка во снѣ сонъ видала,
Што воистину чадо спородила.
Спородивши сабѣ чадо, сполелѣяла,
Шавкòвымъ поясóмъ сповивала,
Золотою ризою прикрывала.
Якъ у славнымъ у гради Русалими,
На святой рацѣ на й Ярдани,
На Сіяньской горѣ на вяртепи,
Выростало жъ тамъ древо пресвятое,
Пресвятое тамъ древо-кипарисово.
Што на томъ жа древи кипарисови

Проявилося тамъ, матушка,—хрэстъ цудовный,
Цудовный хрэстъ, животворающій.
Ай хто жъ етый сонъ разгадая,
Ай хто жъ етый стихъ расчитая?
—Самъ я твой сонъ, мати, знаю,
Самъ я твой сонъ разсуждаю,—
Що бути менѣ, мати, на распяти,
Що бути менѣ, мати, скрывавлённому,
Копъёмъ рабро пригвождэнному,
Тярновый вянецъ на главу взлождэнъ!..
Якъ расплачетца мати Марея,
Разрыдаетца дива прасвятая:
«Ой сыня, мой сыня, пралюбезный,
Ой чадо ты мое спорождэнное!
За кого сюю муку принимаешъ,
Неповинную кровъ разливаешъ?
На кого жъ мяне диву спокидаешъ,
Кому мяне на дозоры оставляешъ?»
—Не плачь, не плачь, мати Марея,
Ня возрыдай, дива прасвятая:
Не ядыну тябе, мати, спокидаю,
Не ядыну на дозоры оставляю:
Спокидаю тябе, мати, на Ивана,
Оставляю на дозоры Благослова,
До хторыя до Христовыя пришести.
Нарицай, мати, Яна своимъ сыномъ,
Покудова я матушка воскрашуся,
Да й на набяса вознясуся,
У бязсмертному гроби сположуся,
Мати плащаницу запишуся.
Я по твою душу, мати, ангаловъ сошлю,
По можчи святыя я й самъ сойду;
Припокою твоё можчи со святыми,
Со ўсими святыми съ харуимами.
Припокоивши, къ можчамъ приклонюся,
Приклонившися, матушка, прощуся:
Прости, прости, мати Марея,
Прости, прости, дива прасвятая,—
Напишу я твоё лицо на викони,
Поставлю я ў цэркви, у суборы,
По правой руцѣ, на прыстоли,
Парадъ царськими уратáми,
Парадъ чудовными вобразáми.
Што туды будуть люди прихождати,
Службы-молебены нанимати,
Земляныя поклоны суклоняти.
А тябе жъ будуть, диву, звеличати,
Уво вѣкъ Суса Христа прославляти!..
Хто жъ етый сонъ парасудя,
Хто жъ етый сонъ парапиша,—
Достоинъ ёнъ будя царству нябесному,
Призвождэнъ ёнъ будя къ раю прасвѣтому,
Избавлянъ ёнъ будя отъ мукъ вѣчныхъ,
И рызы яму будуть няўзносимыя.
А мы пяёмъ стихи харуимськія,
А мы гласимъ гласы архангальськія,
Мы славимъ тябе, Христе Божа нашъ,
Зныня и дó вяку.

8. Городецк. вол. чаусскаго уѣзда.

„Охъ, мацъ моя, матушка Марея,
Дзѣ ты сёю ночку нучувала?“
—Нучувала сёю ночку ў городочку,
У прувуславненькомъ же Русалими.
Нямноженько я а ўвоснула,
Дзивлюсяпькій жа мнѣ сонъ соснився:
Што у моёмъ цреви Сусъ Христосъ сотворився,
И што быць табѣ, Христосъ, распятóму,
Быць табѣ, Христосъ, сколонóму,
А на томъ жа то древи, купороси,

А ў тэй цэрковцы и ў субори,
А на той жа горѣ на Сіяньскій,
А на той жа ряцѣ на Ирданьскій.
Тамъ цябе, Суса Христа, распинали,
Накрыжъ табѣ ручка-ножка гвоздземъ прибивали,
Усё горючую кровъ разливали;
На головку табѣ цярло́въ вяньчикъ клали,
Ай тыя жиды нихрящоныя,
А за тыхъ хрисьціянъ прувуславнахъ...
—„Охъ мацъ моя, матушка Марея:
Самъ жа я й на муку подаюся,
Самъ жа я ў гробницу сположуся,
Сѣренькамъ камушкамъ закачуся,
Жовценькамъ пясочкомъ засыплюся!“
Якъ заплакала матушка Марея,
Зарыдала пресвятая Бугуродзица:
„О сынку мой, сынку озлюбезный,
О сынку мой, сынку, ты ца́рю нябесный!
Самъ жа ты на небеса поступаешъ,
Съ кимъ жа ты мацъ Марею покидаешъ?“
—Покидаю мацъ Марею съ Пятромъ, съ Павломъ,
Съ третьцимъ воскрясѐнійкомъ христовомъ.
Запишу цябе ў гробницу и ў Миколи,
Поставлю цябе на престоли,
Будуць къ табѣ людзи приходзици,
Будуць яры сьвѣчи приносици,
Будуць низкія уклоны уклоняци,
Будуць въ ручки, ў ножки цаловаци,
Будуць мацъ Марею упрошаци.
А я ў чистый чѐцьверьгъ учищуся,
Въ вяликую пяцинку плащаницай обовъюся!...
Хто жъ ето божжа словечко усполюбиць,
Тэй сабѣ вѣшное царьство наслядуець
А хто жъ ето божжа словечко не сполюбиць,
Тэй сабѣ гнянное пекло наслядуець...;
А славимъ цябе, Хрисьце Божа нашъ!

9. Горецкій уѣздъ.

Тамъ, на горѣ на Сіяньской,
Выростало тамъ купарэсъ-дрово,
Купарэсъ-дрово пресвятое,
А пресвятое, хрестовое.
А тамъ ходзила маци Марея,
А тамъ ходзила пресвятая дзѣва Бугуродзица.
Ина ходзила, руки ломила, ходзючи воснула.
Приходзиць къ ёй самъ Сусъ Христосъ,
Самъ Сусъ Христосъ, царь нябесный:
„А ци спишъ ты, мацъ Марея, ци смуцисься?
Коли ты спишъ, дакъ Богъ съ тобою,
А ня спишъ, дакъ мовъ со мною!“ [1])
—Ахъ, ты сынко, царь нябесный!
Нямпожачко я увоснула,
А много я скрозь сонъ бачила.
Бытто цябе, Суса Христа, спородзила,
А спородзивши, перяксьцила,
Перяксьцивши, сповивала,
А сповивши, Суса Христа колыхала,
У люлячцы серебряной,
Цочдпочкой позлача́ной...
Сынко мой, царь нябесный!

[1]) Изъ волочебн. пѣсни.

Хто мнѣ етый сонъ разгадаець,
По 'днымъ слôвячку расчитаець,—
Отпишу тому царство нябесное!...
—„Ахъ, ты мацъ моя, матушка Марея,
Пресвятая дзѣва Бугуродзица:
Я самъ етый сонъ давно знаю,
По слôвячку яго расчитаю.
На святой ряцѣ на Ирданьской,
Быць мнѣ, мацъ Марея, запоймановому,
И запоймановому. и запродановому,
А тымъ жидôмъ (дат. пад.) нехрящонымъ,
А тымъ Юдомъ (твор. пад.) беззаконнымъ.
На святой горѣ на Сіяньской,
И на томъ жа древи купарэсовымъ,
Будуць мяне, маци, жиды мучици:
На̀ крыжъ ручки, ножки распинаци,
Зялѣзнымъ гвоздзёмъ прибиваци,
И шрубомъ [1]) сэрца шрубоваци,
И съ сэрца крыви̂ доставаци!..“
Якъ кинетца мацъ Марея объ сыру зямлю̀,
Объ сыру зямлю, объ бѣлый камянь:
„А чадо жъ ты моё дорогое,
Дорогое чадо, самъ Сусъ Христосъ!
А куды жъ ты отъ мяне отходжаешъ?
Кому мяне на дозоръ покидаешъ?
Хто мое̂ косьци-мощи прикопаець,
Хто мое косьци-мощи прихоиваець?“ [2])
—Не плачь, не плачь, мацъ Марея,
Пресвятая дзѣва Бугуродзица:
Не ядзиную цябе покидаю,
Не ядзиную цябе оставляю,—
Покидаю цябе съ святымъ Духомъ,
И съ святымъ Яномъ Благословомъ:
Уво 'дну пору мы зъ имъ родзилися,
Подъ однымъ хрястомъ хрясьцилися,
Ня 'дно тольки намъ Господзь ѝменіе давъ.
Мнѣ давъ Господзь ѝменіе Сусъ Христосъ,
А яму давъ Господзь—Иванъ Благословъ.
Нарекай жа яго, мацъ Марея,
Своимъ чадомъ, моимъ братомъ.
Не плачь, не плачь, мацъ Марея,
Не роняй ты горючихъ слёзъ,
Не сцирай лица румянôго:
Ёнъ твое̂ косьци-мощи прикопаець,
Ёнъ твое̂ косьци-мощи прихоиваець.
А я буду три дни ўмэршимъ,
А на чацьвёртый дзень зъ неба сыйду;
Я къ табѣ, мацъ Марея, оявлюся,
Оявившися, приклонюся,
Приклонившися и прощуся:
Просьци, просьци, матушка Марея,
Пресвятая дзѣва Бугуродзица!
Я жъ спишу твоё личко на бумази,
На бумази, на вубра́зи,
На вубрази на чудовнымъ.
Поставлю твоё личко ў святой цэркви,
Ў святой цэркви, у субори,
У субори, у илтари,
Передъ царськими воротами
Исъ чудовными вубразами.
Я й самъ, мацъ Марея, перестановлю̀ся,
На престоли сположуся,
И плащаницай накрыюся.
На дзевятый дзень, у сыботу,
Будуць къ намъ людзи прихождаци,
Низкія уклоны уклоняци,
И будуць ярыя свѣчи зажигаци.

---

[1]) Собств. винтъ; остріе, копье. По объясн. пѣвца—пила.
[2]) Изъ похороннаго причитанія матери по сынѣ и дочери.

И мяне, Суса Христа, прославляць будуць,
А цябе, мацъ Марею, ўзвеличаць будуць...
А славенъ нашъ Богъ, свѣтъ прославився.
Вяликая слава—самъ Господзь Богъ нашъ!

10, Могилевск. у.

Во славнымъ городзи у Русалими,
А ў преславнѣйшимъ во ўсёмъ Рыми,
Правочудное дзиво тамъ явилося:
Ой тамъ Сусъ Христосъ народзився,
Ой на той горѣ на Сіёньской,
На святой рапѣ на Ирданьской.
Тамъ маци Марея спочивала.
Да пришовъ до яе самъ Исусъ Христосъ,
А пришовъ до яé царъ нябесный:
„Ци спишъ, маци Марея, ци смуцисься,
Ци спишъ пресвятая, ци смуцисься?"
—Охъ, и чадо моё, царъ нябесный!
Нямного сягони мнѣ сыпóлося,
А много празъ сонъ видалося:
А видзѣла я сонъ правочудный,
А видзѣла я сонъ праявлéнный,
А видзѣла я сонъ прадзивлéнный:
Видзься—я цябе, сынку спородзила,
Кованымъ пояскомъ повязала,
У шавковы пялёнки сповивала;
Што я цябе, сынку, узросьцила,
Узросьцила, сынку, да й на муку подала.
Хто жъ мнѣ гэтый сонъ разгадая,
Хто мнѣ гэтый сонъ расчитая,
Тэй наслѣдникомъ божимъ ёнъ прабывая!..
—„Не плачь, мацъ Марея, не смуцися,
Не плачь, пресвятая, не журися:
Я й самъ гэтый сонъ разгадаю,
Я й самъ гэтый сонъ расчитаю,
Я й самъ гэтый сонъ давно знаю.
О быць мнѣ, маци Марея, о поймáну,
О поймàному бывши, запродàному,
Запроданому бывши, привождэнному,
А на мою главу, маци, вянку узложённому.
Придуць ко мнѣ жидове громадòю,
Возьмуць яны мяне псъ собою,
Будуць мяне на крыжъ расппнаци,
Горучую кровъ проливаци,
Шрубомъ моё сэрца шрубоваци,
А зялѣзнымъ гвоздзёмъ прибиваци,
На моё святое лицо плюваци!"...
Расплакалася маци Марея,
Разрыдалася маци пресвятая:
—Куды, моё чадо, отхождаешъ,
Съ кимъ ты мяне, мацъ Марею, покидаешъ?
—„Не плачь, мацъ Марея, не смуцися,
Не плачь, пресвятая, не журися,—
Не ядзиную цябе оставляю,
Не ядзиную цябе покидаю,—
Покидаю цябе изъ духомъ святымъ,
Со святымъ Иваномъ, зъ моимъ братомъ,
А съ твоимъ жа сыномъ, зъ моимъ братомъ.
Нарицай, мацъ Марея, Ивана за сына,
За сына свойго, за брата мойго!
Я й у пятницу разопнуся,
А ў сыботу я съ крыжа зпимуся,
Плащаницаю покрыюся,

А мёртвымъ у гроби сположуся,
На третьцій дзень воскреснуся,
Самъ на небеся узнясуся.
А я къ святымъ твоимъ мо̀щамъ приступлюся,
Приступившися къ мо̀щамъ, и змолюся,
А змолившися, къ мощамъ приложуся.
Напишу твоё лицо на вобра̀зи,
Поставлю у суборъ-цэркву ў Русалими.
А туды будуць людзи прихождаци,
А яровыя свѣ̀цы повышаци,
А горучія слёзы разливаци,
Низкія уклоны отбиваци,
А цябе, мaць Марея, ўзвяличаци,
А мяне, Суса Христа, прославляци!..“
А славенъ нашъ Богъ, ўсе̇ прославився,
А великое яго ймeня.
Святъ Господзь Богъ нашъ!

11, Тоже.

Сы вечоръ маци Марея спочивала,
Больше того скрозь сонъ звидзимѣлось *(sic)*:
Бытцамъ сабѣ чадо спородзила,
Й а ў пеленй яго спеленала,
Кабъ и шо̀вковымъ повясомъ сповивала,
На Ирдани рацѣ вохрисьцила.
А на той было горѣ на Сіяньской,
Кабъ и выросло древо купарэсово,
А на томъ на древи купарэси
Правочўдзенъ хрестъ оявився,
Правочудзенъ явився, животворащій.
А на томъ храсцѣ Христа распинали,
Руцы яго й нози пробивали.
На головку вѣнчикъ узлождали,
Скрозь ро̀беру копъёмъ пробождали,
Кровъ яго святую проливали...
А рачѐць мaць Марея святая:
А хто етый сонъ разознаець,
По ймяньню сонъ святый узываець,
Безъ грамоци сонъ святый прочитаець,
Дала бъ тому казну дорогую,
Дорогую казну, золотую,
Отписала бъ яму царствія нябесное!..
Во рачѐць жа Христосъ царъ нябесный:
„Пресвятая дзѣва, мaць Бугуродзица,
Не рачи свойго сна свята никому:
Я й самъ етый сонъ давно знаю,
По ймяньню сонъ святый узываю,
Безъ грамоци сонъ святый прочитаю:
Быць жа мнѣ, матушка, спойма̀ному,
Споймaному, запродaному,
И ўбитому быць и скрывавйтому,
Быць крови святой моёй пролитой.
Запродасць мяне Юда беззаконный
За тритцаць дзевяць златовъ сребранниковъ,
За тую за тайную за вячеру.
А будуць мяне, матушка, жиды му-
Тое жидовъё беззаконное, | чиць,
На хрестъ мое̇ руцы распинаци,
На головку мнѣ вѣнчикъ узлождаци,
Скрозь ро̀бровъ копъёмъ пробождаци,
Кровъ мою святую проливаци
А за ўсихъ православныхъ хрисціяневъ...“
Сы того мaць Марея улякнулась,
Яна жъ буйную го̀лову сыклонила,
Цижалюсенько матушка ўздыхнула,
А сильнёшанько матушка заплакала.
А расплакалася маци Марея,
А разрыдалася дзѣва пресвятая:

Правосладкій мой сыня, Исуся,
Понявинному, сыня, помираешъ,
А й смертную му̀ку принимаешъ.
Съ кимъ мяне, дѣву, спокидаешъ,
На кого дозоръ оставляешъ?...
—„Покидаю цябе, дзѣва, съ святымъ духомъ,
Съ святымъ духомъ, сь святымъ Яномъ Богословомъ,
Зъ моимъ Христовымъ рȯднымъ братомъ,
А покель я сеи муки отмучу̀ся,
А за ўмершаго во гроби сположуся,
Святою пеляною покрыю̀ся;
А два дни за ўмѐршаго буду,
А на третьцій дзень я воскрѐснусь.
А ў сороковый дзень воскрасенія,
Тогды, на святого вознясенія,
Я й на небеса вознясуся,
Съ часнѣйшими харуимами,
Съ славнѣйшими сарахвимами.
Тогды къ табѣ, матушка, явлюся,
При покои къ твоимъ мощамъ приклонюся,
Приклонёвшися къ мощамъ, попрощуся
И со ўсими святыми й апостолами,
И съ святымъ Яномъ Богословомъ.
Напишу я твой ликъ, мацъ, на икони,
Поставлю твой вобразъ ў святымъ мѣсьци,
У славнымъ городзи Русалими,
У святой божжай цэркви й ю собори,
Перадъ царськами уратами,
Перадъ чуднами вобразами,
Перадъ жарками, яснами свѣчами.
Туды будзець міръ, мацъ, приходзици,
Кануны-просъвиры приносици,
На божжамъ прастоли становици,
Зямныя поклоны й уклоняци,
Ясныя свѣчи зацепляци,
Господа Бога й умоляци.
Цябе будуць, матушка, й упрошаци,
А мяне, Суса Христа, прославляци!..“
А й сонъ божжай мацери ёй снився,
Коли Сусъ Христосъ Богъ народзився.
А хто жъ етый сонъ святый закупляець,—
На сорокъ дзёнъ Богъ граху̀ збавляець,
Тэй царствія нябеснаго заживаець.
А хто жъ етый сонъ святый радъ послышиць,—
Достоинъ тэй Господу Богу,
А пріѐменъ ки царству кы нябесному,
А збавлёнъ жа ёнъ будзець отъ мукъ вѣшныхъ,
Отъ граховъ своихъ сомяртвелныхъ...
Распѣваемъ жа мы сонъ святый: алилуя,
Алилуя, алилуя, алилуя!
Славимъ цябе, Хрисце Божа нашъ!

12. *Мстиславльскій уѣздъ.*

Уво славнымъ уво градзи у Волхоміп,
А ў святой жа церкви, у субори,
Со вячора прачудная дзива спочивала.
Нямножко дзива пріуснула,
Да больше того справъ сонъ увидала:
Да быць сабѣ чадо спородзила,
Да у бѣлы пялени спелянила,
Шавковымъ поясомъ увивала,
На Иордань на рякѣ [1]) охрисьцила.
Што на той на горѣ на Сіяньской,
Выростало тамъ древо пресвятое,
Выростало тамъ древо купаресовое.

[1]) Вар. Золотымъ жа хрястомъ охрясьцила.

На томъ жа на древи купаресовомъ,
Привочудзенъ тамъ хрестъ оявився,
Привочудзенъ оявився животворящій.
Быць на томъ жа хрясцѣ Суса Христа распинали,
Ручки—ножки гвоздзёмъ прибивали,
Подъ ребры копьёмъ пробождали,
Церловый вянецъ на головку ускладали,
По головки тросьцёю разбивали,
Кровь яго святую проливали...
А рячéць мацъ Марея прасвятая,
Правочудная дзива, маци Бугуродзица:
«А хто жъ етый сонъ святый увознаець,
А по йменьню сонъ святый разгадаець,
А по грамоци сонъ святый расчатаець—
А достоинъ ёнъ будзець Господу Богу,[1])
А збáвленъ ёнъ будзець отъ мукъ вѣшныхъ,
Отъ гряховъ своихъ сумярцельныхъ!“
А рячець жа маци Мареи сладкій Суся,
Сладкій Суся, царь нябесный:
«Ой маци моя, мацъ Марея,
Правочудная дзива прасвятая,
Правочудная мацъ Бугуродзица!
Не рячи жъ свойго сна, свѣтъ, никóму:
Я жъ етый сонъ твой давно я знаю,
По йменьню сонъ святый разгадаю,
А безъ грамоци сонъ святый расчитаю:
Што быць жа мнѣ, матушка, быци споймапому,
Быци споймапому, запроданому;
Быци мнѣ убитому, скровавитому,
На святомъ на древи быць распятому,
На святомъ на древи купаресу,
За ўсихъ православныхъ хрисціяневъ.
Запродасць жа мяне Юда беззаконный,
Ой тымъ жа жидамъ нехрящонымъ,
И тымъ явреямъ беззаконпымъ,
На той жа на тайной на вячери,
За тритцаць—дзесятъ[2]) сребрениковъ.
Возьмуць мяне, матушка, нявѣрное тое жидовьё,
Нявѣрное, поганое, няхрищоное:
Будуць мяне, матушка, жиды мучиць,
На хрестъ моè руцы крыжуваци,
Нози моè завиваци,
И зялѣзнымъ гвоздзёмъ прибиваци,
Головочку тросточкой разбиваци,[3])
Церловый вянецъ на головку ускладаци,
А подъ ребры копьёмъ пробождаци,[4])
Божаствѐнную кровъ мою[5]) проливаци!..»
Якъ расплачетца маци Марея,
Разрыдалась дзива прасвятая,
Правочудная дзива, маци Бугуродзица:
«Ахъ сынку жъ, сынку, сладкій Суся,
А сладкій жа Суся, царю нябесный!
Понявиньня ты, сыня, помираешъ,
Бязьвиння хрестную муку принимаешъ,
Понапрасну святу кровъ проливаешъ;
А сь кимъ, мяне, дзиву, спокидаешъ,
А кому на дозоръ отставляешъ?»
А рячець маци Мареи сладкій Суся:
«О мацерь моя, маци Марея,
Правочудная дзива прасвятая,
Правочудная дзива Бугуродзица!
Не принявши[6]) муки, ня быць святому,
Не проливши мнѣ крыви, ня быць разгрѣшану!
Ой не плачь, не рыдайся, маци Марея,
Не слязни[7]) своихъ свѣтлыхъ глазовъ,
Не воскорби[8]) лица свойго румяного,[9])

[1]) Отдала бъ яму казну дорогую, дорогую казну, золотую. [2]) За тритцать три злотыхъ сребряникувъ. [3]) По головочки тросточкой быць побитому, скрывавитому. [4]) Грудзь мою войстрымъ копьемъ пробиваци. [5]) Кровъ мою святую проливаци. [6]) Не отмучивши. [7]) Не услязуй. [8]) Не ускорби. [9]) Бялого.

Не ўзрывай свойго серца рецивого:
Не ядзину цябе, дзиву, покидаю,
Не ядзину на дозоръ отставляю,—
Покидаю я дзиву съ святымъ духомъ;
Съ святымъ духомъ, съ святымъ Яномъ.
Святого Яна Благуслава,
Нарицай, маци Яна своимъ сыномъ,
Своимъ сыномъ, а моимъ братомъ,
Покуль я хрестъ—муки отмучўся,
Бязъ смертныхъ гряховъ отцярплюся,
За умершаго во гроби сположуся,
Плащаницай святой покрыюся,
Ряснымъ ладуномъ накаджуся.
Два дни за ўмершаго я буду,
А на третьцій дзень воскресну,—
На третьцій дзень воскрясэніе,
Радзи ўсяго міру спасэнія,
Праведнымъ дарую на спасэньня,
Грѣшнымъ дарўю на вѣшную муку.
Частного прязьничку вознясэнія
Самъ на небеса узнясуся,
Съ часнѣйшами съ хверувимами
И съ страшнѣйшами сарахвимами,
И съ усими своими су святыми.
А тогды жъ я, матушка,
Къ табѣ съ небеса на землю оявлюся,
И самъ къ святымъ твоимъ мощамъ
пріявлюся;
Пріявлёмшися къ мощамъ, попрощуся:
Прощай, прощай, матушка Марея,
Просьцицья жъ мяне, мощи пресвятыя, [1])
И просьци жъ мяне, матушка Марея,
Правочудная дзива прасвятая,
Правочудная дзива, мацъ Бугуродзица!
Напишу я твоё лицо на святомъ икони,
На святомъ икони, на вобрази.
Поставлю образъ у славнымъ городзи
Русалими,
У святой церкви, у субори,
У субори на престоли, передъ царсками воротами,
Передъ чудовными образами,
Передъ хверувимськими столами,
И передъ восковыми свѣчами,—
Ой дзѣ ангалы ликъ ликуюць,
Ўся нябесская сила устряпещетца.
Туды будуць міряне приходзици,
Кануны, просьвири приносици,
А на божій престолъ становици,
Кахмисты и молебны закупляци,
Восковыя свѣци зацепляци,
Земныя поклоны откланяци,
Цябе, мацъ Марею, будуць умоляци,
Господа Бога звеличаци,
А мяне Суса Христа прославляци,
Сымогущимъ жа творцомъ нарицаци:
А славенъ нашъ Богъ, ёнъ прославився,
А вяликое яго именія на ўвесь свѣтъ
Господнее!...»
А хто жъ етый сонъ святый радъ
послушаць,
А хто жъ етый сонъ святый увознаець,
Хто жъ етый сонъ святый понимаець,
Хто жъ етый сонъ святый закупляець,—
Закупляець сабѣ царство нябесно,
Пріўготуець сабѣ раю правосвѣтлаго.
Достоинъ ёнъ будзець Господу Богу,
А збавленъ ёнъ будзець отъ мукъ
вѣшныхъ,
Отъ гряховъ своихъ сумярцелныхъ,
Да пріёменъ ки царству кы нябесному.
А ў чіимъ жа яго доми, сонъ, праўспѣваюць,
Тамъ Исусъ Христосъ прабуваець,
А святая мацъ Бугуродзица проживаець,

[1]) Прощай, прощай, маци прасвятая, правочудная дзива Богородзица,

И хлѣбомъ и сольлю надзѣляець,
Отъ усихъ ихъ бѣдъ а збавляець,
А своёй пеляной укрываець.
Достоинъ ёнъ будзець и т. д.
А хто жа сонъ святый васлушаець,
Тому па сорокъ дней гряховъ Богъ
збавляець.
Достоинъ ёнъ будзець и т. д.

А ўспѣваемъ сонъ святый—алилуя!
А славенъ нашъ Богъ, свѣтъ, прославився,
Ды вяликое яго имя, свѣтъ, Господнее!
Прасвятая Бугуродзица, спаси насъ,
Исуся, сыня Божій, помилуй насъ!
Гласъ на небеса, міръ па земли;
Выслухающимъ на доброе здоровья!...

Листъ Іисуса Христа.

По рукоп. XVIII в. Составляетъ, повидимому, переводъ „Lista Pana Jezusa, посланнаго съ неба папѣ Льву и найденнаго въ Британской землѣ на горѣ Елеонской.“ Лѣтоп. Ерлича. См. Пам. стар. рус. лит. 3, 128, III. Въ нашемъ распоряженіи было множество списковъ.

Во имя оца. Сей листъ у гроба Господня во иеруса(ли)ме отъ святыя славы па весъ светъ сосланъ от самаго Господа на(ше)го Іисуса Христа При лве папы рымскомъ. Папа же левъ осветивши его и послалъ Королю брату своему противъ непріятелей. А тот листъ кто его при себе и меетъ з береженіемъ и кто его хощетъ читатъ и слушатъ, таковый человекъ на 40-къ дней отпущения греховъ приимитъ и ни какую злую речъ вредитъ себе не можетъ.

И в которомъ дому, непрекоснется ни огнъ ни вода, ни чародеяния и ни какое зло вредитъ не мѣетъ. Аще въ которомъ дому беременная жена тотъ листъ при себе носитъ, то отроча легко родитъ и зъбережетъ я господь отъ всего зла во дни и в нощы и на каждый часъ о(т) диявола скареднаго. Прошу Господа моего чрезъ муку твою свѣтую и кровъ твою чесную, которою пролиялъ еси за насъ грешныхъ. Свѣтый іоане предътече креститель Господа въ іордане реце изъбави мене грѣшного от всякія скорби и болѣзни, отъ всякаго зла, от огня и меча.

А сей листъ найденъ земли британской на горе елионской [1]) предъ образомъ архистратига михаила [2]) и прочыхъ безплотныхъ сылъ. А хто читаетъ про себя или переписываетъ, тому благодатъ божія открывается. А сей листъ былъ писанъ золотыми словами. [3]) И рече Господъ нашъ Іисусъ Христосъ, синъ Бога живаго: приказываю вамъ и обявляю божества своего силу, дабы вы денъ неделный почитали и ни какихъ работъ не работали и кореня не копали и от радъ душамъ вашимъ отборонялись и молились бы Богу. Еже правдиво синъ божій имееть силу божества своего,

Вар. [1]) На горѣ Таборѣ; [2]) святителя Николая; [3]) литарами.

вамъ даю 6 дней въ недели работатъ, а въ денъ неделный святили его, Господъ дела и у ни ко отпочиванію воли своей. А ежели не будете по воли моей дѣлатъ и по закону моему жити, то буду васъ морити гладомъ и повѣтріемъ злымъ и воиною каратъ, и спущу цара на цара, короля на короля, и отца на сіна, а сына на отца, и будетъ промежъ другъ друга кровопролітія великое на земли; всѣхъ васъ оскорблю, пищу отъ васъ отберу и буду васъ наказывать громомь и молнію, дабы познали гневъ божій о гресехъ вашихъ.

Еще вамъ упоминаю, дабы воскресеніе хрістово не работали, по богу молились и въ церковъ божию ходили и злыхъ дѣлъ не помнили, но богу молились, а ежели не будите по воли моей и по закону моему исправлятъ, то напущу на васъ птици черныя, носи у нихъ аки зелезныя, которія летаючи будутъ кричатъ и кусать, отъ которыхъ злое повѣтріе будетъ восходитъ.

Еще вамъ приказываю, дабы въ суботу послѣ вечерней не работали, но Богу молились для пресвятыя и пречистыя моея матери. Ежели бы она не молилась за *насъ* грешныхъ и окаяныхъ, то бы *вы* давно погибли гладомъ и смертію померли.

А въ неделю паки приказываю, дабы каждое—старый или молодый—из женами и з детми своими до чер(к)ви божіей ходили и вспоминали о гресехъ своихъ, что согрешили во оную неделю.

Еще вамъ приказиваю чрезъ муку мою, неправдою не божплисъ, небою и землею не клялися; буды же вамъ клятва еже ей ей и еже ни ни, ибо я васъ сотворілъ по образу своему и по подобію славы моея. Людіе мои гнева моего не забывайте, другъ друга любите, свидетелства ложнаго не доносите, нищами и убогами не гребуйте, отца и матеръ чтите. Ежели будете здвухъ словесехъ моихъ чинитъ и сіе слово мое слушатъ то веку прибавлю и всемъ васъ удоволствую, и подамъ вамъ царствіе небесное и отпущеніе греховъ вашихъ и покой вѣчный и отъ прейсподней земли избавлю васъ.

Еще вамъ приказиваю въ послѣдній разъ, дабы вериli листу сему; аще кто веритъ не будетъ, той человекъ недостоинъ принятъ за грехи свои покояніе и помретъ наглою смертию и проклятъ будетъ отъ нынѣ и до вѣку. И который человекъ будетъ сему листу верить и при себе иметъ или ево даватъ кому читатъ или переписаватъ, и той человекъ избавленъ будитъ муки вечныя и огня неугасимого и хотя бы имѣлъ греховъ на себе яко песку морскаго и листу на древе и яко звездъ на небеси и яко травы на земли, то все ему отпущены будуть грехи и царствіе небеснаго получитъ. Аще который человекъ при смерти своей вспомянетъ или кого заставитъ прочитатъ, и той человекъ избавленъ будетъ

муки вѣчныя и огня неугасимаго и червия неусипающаго и тми кромечныя и тартара преисподняго, и ангели господни возмутъ душу его чесно и донесутъ до чарствия небеснаго и одадутъ въ раискія селенія въ недра авреамле, ему же честъ и слава и поклоненіе во веки аминъ.

И лежитъ сія молитва во іерусалиме градѣ у престола господня. Запечатали сію молитву четыри патриархи семю печатеми. Печати же:
1-я крестъ животворящей господа; 2-я крестъ хранителя всей силы;
3-я крестъ красота церковная; 4-я крестъ ангела славы;
5-я крестъ царямъ держава; 6-я крестъ вѣрнымъ утвержденіе;
7-я крестъ—бѣсовъ на прогнаніе. Вся во вѣки вѣковъ аминъ.

Святое письмо.

По рукописи 1827 г. изъ гомельск. уѣзда.

Святое письмо, посланное чудеснымъ образомъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ, и написано его собственною своею рукою, золотыми буквами, еврейскимъ языкомъ. Оно было найдено въ двенадцати верстахъ отъ Сенбарта въ Лангедокѣ со изображеніемъ креста. Письмо сіе было истолковано семилѣтнею сиротиною, которая до того времени ничего не говорила. Вотъ содержаніе онаго:

Я предписываю вамъ чтите святый день воскресенья, праздники почитайте и провождайте въ благо и честіи. Естьли же не будете исполнять етого моего писанія, то не избѣгните моего проклятія, ибо я вамъ далъ шесть дней въ недѣли для вашего занятія работъ, а седмый день, недѣлю, для вашего отдохновенія и для присудствія при службѣ божіей. Въ праздничные воскресные дни вспомоществованіемъ бѣдныхъ милуйте. Естьли вы ето правило будете наблюдать, то ваша поля и долины исполнены будутъ благословенія, а естьли же, навпротивъ того, вы не будете исполнять сего писанія, то будете прокляты мною, будете имѣть язву и голодъ, жестокое тѣлесное и душевное страданіе, ко ознаменованію моего гнѣва. Вы должны постить пятницы и читать Отче нашъ и Богородицу, и воспоминайте моихъ страданій, которыя претерпѣлъ на древѣ, на крестѣ распятъ бысть для вашего спасенія. Вы будете носить сіе письмо себѣ въ честь мою и давать переписывать всякому человѣку, кто у васъ его просить (будетъ). Который же усумнится или будетъ отвергать истину сего письма святаго, написаннаго моими устами, будутъ прокляты мною въ день судный. Навпротивъ того, естьли они будутъ объявлять о немъ и давать съ него копію всѣмъ ближнимъ и дальнимъ отъ дому до дому, то будутъ благословенные всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминъ.

Свитокъ ерусалимскаго знаменія.

По рукописямъ современнымъ, изъ различныхъ уѣздовъ могилев. и витеб. г

Свитокъ ерусалимскаго знаменія Господа Бога нашего Іисуса Христа.

Въ царствованіе благочестиваго царя Устинія великаго правителя нашего, при Іакимѣ патріархѣ ерусалимскомъ, во святомъ градѣ Ерусалимѣ бысть явленіе предивное въ церкви, называемой святая святыхъ, яже создана отъ царя Соломона, сына Давидова. Въ третьемъ [1]) часу дни бысть гласъ невидимо съ небеси къ людямъ и спаде камень малъ и студенъ, а тяготы его никто не могъ исповѣдать. Патріархъ же ерусалимскій со всѣмъ священнымъ соборомъ начнуть надъ тѣмъ камнемъ пѣти молебное пѣніе и правляше три дни и три нощи. А въ четвертый же день той камень распадеся по повелѣнію божію надвое и обрѣтеся въ немъ свитокъ [2]), самимъ Богомъ написанъ. И въ немъ тако глаголетъ Господь Богъ вашъ и вседержитель:

Послушайте людіе мои человѣколюбія моего и наказанія моего и разумѣйте словесъ моихъ. Азъ есмъ Господь Богъ вашъ и вы людіе мои, пишу къ вамъ первое и второе посланіе, дабы знали и вѣровали, а не творите и не соблюдаете наказанія, и словесъ моихъ. Небо и земля и вода мимо идутъ, а словеса Господни не пройдутъ мимо, понеже васъ ради многія знаменія съ небесъ бываютъ. Уже вамъ окаяннымъ человѣкамъ многія времена и лѣта далъ, уже дни ваши скончаваются, судъ готовится, и престолъ вамъ господень на земли поставляется, и книги разгибаются, и всѣ ваши тайныя дѣла предъ вами обличаются. Азъ есмь Господь Богъ вашъ, Ісусъ Христосъ, хочу судити живыхъ и мертвыхъ, и воздамъ комуждо по дѣломъ ихъ: праведнымъ царствіе небесное, а грѣшнымъ муку вѣчную и тьму кромѣчную. О безумныи человѣцы, поживите въ любви между собою и во всемъ правду имѣйте: воскресеніе Христово чтите также и праздники Господніе, честью и духовно, а не тѣлесно, не объяденіемъ, не піянствомъ; среду и пятницу постите, понеже въ среду азъ преданъ жидамъ за ваше согрѣшеніе, а въ пятниц- сотворилъ Богъ перваго человѣка Адама на земли; въ той же пятокъ азъ распятъ бысть на крестѣ: руцѣ и нозѣ гвоздіемъ ко кресту пригвоздиша и во уста желчію напоиша и въ ребро копіемъ прободоша за ваше беззаконіе, за неподобающую брату вражду. Азъ въ день недѣльный воскресъ изъ мертвыхъ и всѣхъ умершихъ воскресилъ съ собою, отверзъ всѣмъ царствіе небесное, въ рай двери отворивъ и умершихъ съ собою отъ ада воздвигнувъ и всѣмъ радость всемірную

[1]) Вар. въ первомъ. [2]) Квитокъ.

содѣлавъ во вѣки. Тако 'сіе воскресеніе Христово подобаетъ всякому христіанину почитати. Аще кто въ воскресеніе Христово трудъ имѣетъ въ работѣ, и тотъ хощетъ прибытокъ чинить, то тотъ человѣкъ погубитъ всѣ шесть дней и что прежде работалъ, и соберетъ на главу свою огонь. А воскресеніе христово далъ Господь рабамъ и рабынямъ къ почиванію, а праздники господнія праздновать съ любовію духовною и честно не объяденіемъ и не піянствомъ исправляйте. Сиротъ и вдовицъ не милуете, за то и сами не помилованы будете; нищимъ и убогимъ милостины не давали, странныхъ въ домъ не пущали, мертвыхъ тѣлъ не погребали, которыхъ мертвыхъ звѣри изъѣдали. Безумныи человѣцы, невѣрные языки они же милостину творятъ и богу молятъ. А вамъ данъ бысть законъ мой, крещеніе, и вѣрить по заповѣдямъ моимъ не хощете. Азъ есмь Господь Богъ вашъ и творецъ небесный и земли долготерпѣливъ и многомилостивъ, да не до конца прогнѣвался на васъ, ниже во вѣкъ враждую. И жду вашего обращенія, отъ злыхъ дѣлъ вашихъ покаянія. И дамъ вамъ царствіе небесное и животъ вѣчный, и насыщу васъ; и дамъ вамъ дождь на землю и теплоты солнечныя во время плодовъ земныхъ и всякаго изобилія много дамъ, больше прежнихъ лѣтъ. Послалъ бы давно погубити васъ до конца, да еще молится за васъ мати моя пресвятая Богородица и ангелы ваши хранители. Аще бы они не молились за васъ окаянныхъ, то бы давно погибли голодною смертію. За молитву ихъ умп(ло)сердися до васъ окаянныхъ. Аще не станете наказанія моего слушать, среду и пятокъ не постить, не почитать и неправду творити, азъ напущу на васъ многія языцы невѣрные, и прольютъ кровъ вашу за неправду и за беззаконіе ваше, и погубятъ крещеніе ваше. А ще спущу на васъ мразъ лютый, градъ, трусъ и огнь палящій и моръ на человѣки и на скоты. Аще безумныи человѣцы, видяще таковый мой гнѣвъ, не покаетеся, не дамъ вамъ воды на землю и спущу рѣки и источники водные, и не дамъ вамъ дождя и теплоты солнечныя во время плодовъ земныхъ за дѣла ваша неправедныя. И аще не воспокаетеся человѣцы, азъ спущу съ небесъ на васъ камни горащія и воду кипящую, то не можете укрыться отъ крѣпкія руки моея, отъ всевидящаго ока моего не збѣгите. Еще спущу на васъ звѣри лютые, двуглавные, ядовитые, имуще въ себѣ гласы львовые, крылья орловые, а власы женскіе,—и истощатъ сердце ваше и поядутъ плоть вашу за беззаконіе ваше и неправду. И еще опущу на васъ тму великую, и вы окаянные человѣцы поколеблетесь другъ на друга, аки звѣры, уготовленные есть дияволу, и притыкающе къ земли, начнете раскапывать робы умершихъ, и речете отцемъ и матеремъ, братіямъ и сестрамъ: примите и насъ окаянныхъ къ себѣ! Уже мы отъ гнѣва Божія не можемъ такое жестокое писаніе и наказаніе терпѣть. Тогда отвращу лице свое

отъ васъ, не послушаю гласа вашего и рыданія, одебелѣ бо сердце мое о душѣ избывшей лукавое. Научились симъ злымъ дѣламъ отъ діавола Верзавула. Братъ брату и другъ другу злыя напасти содѣлываете и воруете. О прелюбодѣйцы немилостивые! Яко оставили свѣтъ и возлюбили тьму. Како васъ окаянныхъ не пожретъ земля живыхъ за ваше беззаконіе, грабители чужаго имѣнія и своего тьма тысящъ. О безумныи человѣцы, какой отвѣтъ можете дати въ день страшнаго суда, предъ праведнымъ судомъ, егда пріиду судити живыхъ и мертвыхъ и комуждо воздати по дѣломъ вашимъ. А вы человѣцы пріидите на покаяніе, за неправду вашу пріимете клятву за умноженіе грѣховъ вашихъ. Аще кто сему писанію не вѣритъ, или кто глаголетъ: есть сей свитокъ ложь,— и тотъ человѣкъ проклятъ будетъ и смерть ему будетъ горька, и наслѣдуетъ муку вѣчную, а не животъ вѣчный. Неудобно есть верблюду сквозь угольное ухо пройти, тако и богатому человѣку въ царство небесное внити, аще кто не хочетъ моего писанія слушать.

О горе тому человѣку въ день судный, иже по правдѣ глаголетъ, а не по правдѣ дѣлаетъ.

О горе тому человѣку, который попа укоритъ и не простится. Аще кто священника укоряетъ, то онъ укоряетъ церковъ божію а церковъ есть небо и земля.

О горе клеветникамъ и разбойникамъ и грабителямъ и лихоимцамъ.

О горе блудъ творащимъ мужья съ чужими женами и отроки со дѣвицами.

О горе дѣлающимъ вкупѣ ризы своя и сребро свое дающимъ въ лихву.

О горе плясавцамъ и скоморохамъ, и кто ихъ даритъ, и кто скверпословитъ.

О горе тому человѣку, татю и разбойнику, и ждетъ васъ мука вѣчная и тьма кромѣчная.

О горе тому человѣку, который свитка сего писанія божественнаго предъ народомъ несчитаетъ господнимъ, то того человѣка загорится домъ его. Или свитка сего имѣть не будетъ, то проклятъ будетъ. И который священникъ или его діяконъ благословитъ, или кто умѣетъ свитокъ сей прочитывать въ церкви или въ домѣ, или по дорогамъ или предъ народомъ, или кто умѣетъ списывать ближнимъ и дальнымъ и страннымъ, и кто слушаетъ съ вѣрой и правдою, какъ начнутъ читать,—и отпущу грѣхи, рече Господь.

О горе тому священнику, иже не учитъ дѣтей своихъ духовныхъ страху божію.

О горе тѣмъ людямъ, которые отца духовнаго ругаютъ и не слушаютъ.

О горе тому человѣку, который въ воскресеніе Христово къ церкви божіей не ходитъ и дѣтей своихъ не посылаетъ. Какъ домъ его загорится со всѣхъ четырехъ сторонъ, то не можетъ того огня утушити.

О горе тому человѣку будетъ въ день судный, что не учитъ дѣтей своихъ страху божію и закону.

О горе піяницамъ: христіяне называются и всякъ день піянствомъ упиваются, и обращаются аки псы на свою блевотину.

О горе тѣмъ людямъ, кто въ церкви божіей говорятъ и шепчутъ во время божественнаго пѣнія! Како ихъ не пожретъ огнь съ небеси. Аще кто нехощетъ творить по божественному писанію и отъ злыхъ дѣлъ своихъ не уклонится, —и азъ не дамъ вамъ дождя и теплоты солнечныя во время плодовъ земныхъ. И что хощете людіе мои божественному писанію и наказанію слушайте и давайте нищимъ и убогимъ милостину по своей силѣ, десятую часть отъ прибытковъ своихъ, и сотворите любовъ и Богу молитесь съ тихостію, и праздники Господни не забывайте, и причетъ церковный почитайте, и съ сестрами и матерами не бранитесь, другъ съ другомъ духовно приходите и грѣхи свои очищайте.

О горе тому человѣку, который звонъ слышитъ или пѣніе церковное, а въ церковъ не ходитъ.

О горе тому человѣку, который до литургіи божіей напивается и по улицамъ валяется.

О горе тому человѣку пьяницу, который во всѣ праздничные дни напивается. Сего ради ждетъ ихъ огнь неугасимый и червъ неусыпающій. Послушайте людіе мои, ко отцамъ духовнымъ на покаяніе ходите, и въ грѣхахъ покаяніе приносите, сквернословіемъ не бранитеся; не гордитеся: гордый человѣкъ уподобляется діаволу, гордымъ Богъ противникъ, а смиреннымъ даетъ благодать. Окаянные человѣцы воспокайтеся, дни ваши послѣднія приходятъ, и страшный судъ готовится. Другъ другу прощеніе сотворите, и долги должникамъ по нуждѣ прощайте, тако и отецъ вашъ небесный проститъ вамъ всѣ грѣхи во вѣкъ будущій. День и нощь мимо идутъ, а словеса мои не могутъ пройти. Вѣруйте во святую Троицу— во имя отца, и сына и святаго духа всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминъ.

О двѣнадцати мукахъ.

По рукописямъ XVIII в. могилевской и витебской губ.

1, И рече пресвятая Богородица арханьелу [1]) Михаилу: покажи

[1]) Вар. архистратигу.

мнѣ где мнози народи мучутся и где червъ неусыпающій и тьма кромѣчная и мука вѣчная. И приведе ее арханьелъ Михаилъ к древу железному и на немъ вѣтвы огненыя, и тутъ народы многія мучутся. И рече пресвятая Богородица Михаилу Арханьелу: сіи люди о коихъ дѣлѣхъ мучутся? И рече ей арханьелъ Михаилъ: кто дворъ со дворомъ, и сусѣдъ съ сусѣдомъ и другъ со другомъ смущаетъ [1]), того ради мучится.

2 мука. И рече пресвятая Богородица Михаилу арханьелу: поведи мене ко иной [2]) мукѣ. И приведе ее арханьелъ Михаилъ къ тромъ кругамъ огненнымъ, кои наполнены народомъ. И рече пресвятая Богородица арханьелу Михаилу: сіи люди о коихъ дѣлѣхъ мучутся? И рече арханьелъ Михаилъ: подъ воскресеніемъ Христовымъ блудъ творили, того ради діяволы ихъ мучутъ великимъ поругательствомъ.

3 мука. И рече пресвятая Богородица арханьелу Михаилу: поведи мене ко иной мукѣ. И приведе ее арханьелъ Михаилъ къ палатѣ желѣзной, въ ней мнози народы мучутся, метаются во огнѣ неугасимомъ, и кричатъ разными голосами, и немилостивые мучители непрестанно огонь подмѣшиваютъ. И рече пресвятая Богородица арханьелу Михаилу: сіи люди о коихъ дѣлѣхъ мучутся? И рече арханьелъ Михаилъ: сіи суть судіи неправедные и кровопивцы: праваго винятъ, а виноватымъ дѣютъ оправданіе. О горе вамъ, судъ судящимъ не праведно.

4 мука. И рече арханьелъ Михаилъ: пресвятая Богородица, пойди ко иной мукѣ и узришъ больше сихъ! И приведе ее арханьелъ Михаилъ къ рѣцѣ огненной, течетъ рѣка отъ востока и до запада, и тутъ мнози народы мучутся. И рече пресвятая Богородица арханьелу Михаилу: сіи люди о коихъ дѣлѣхъ мучутся? И рече арханьелъ Михаилъ: посредѣ огня по колѣна стоятъ, которыя дѣвицы со отроками блудъ творили; и мужья съ чужими женами, а жоны съ чужими мужьями,—и тѣ стоятъ по поясъ во 'гнѣ; что отцы дѣтей своихъ малыхъ учили матерно ругаться, они стоятъ по уста въ огнѣ: имъ смѣхъ, а 'даму плачъ неутѣшимый и мука вѣчная; и что отцовъ своихъ духовныхъ ругали, и тѣ такою же мукою мучатся.

5 мука. И рече арханьелъ Михалъ: пресвятая Богородица поиди ко иной мукѣ и узришь больше сихъ. И приведе ее арханьелъ Михаилъ къ рѣцѣ темной, и въ ней вискъ великой. И рече пресвятая Богородица: сіи люди о коихъ дѣлихъ мучутся? И рече арханьелъ Михаилъ: о горе жидовамъ, что не по правдѣ Христа распинали. Аще жидовинъ обратится въ христіянскую вѣру, тому будетъ царствіе небесное во вѣки вѣковъ, а иные того ради мучутся.

6 мука. И рече пресвятая Богородица: поведи мене ко иной мукѣ.

1) Смущали браниться и драться. 2) Ко второй.

И приведе ее къ огню великому, и въ немъ мнози народы мучутся. И рече пресвятая Богородица арханьелу Михаилу: сіи люди о коихъ дѣлѣхъ мучутся? И рече арханьелъ Михаилъ: тѣ были христіане и пошли во иную вѣру. О горе похульникомъ и отмѣнникомъ иновѣрцамъ, и не молятся Богу, а проклинаютъ,—того ради мучутся.

7 мука. И рече арханьелъ Михаилъ: пресвятая Богородица, пойди ко иной мукѣ и узриш болѣе сихъ. И приведе ее арханьелъ Михаилъ къ червю неусыпающему [1]). И рече пресвятая Богородица: сіи людіи о коихъ дѣлѣхъ мучутся? И рече арханьелъ Михаилъ: то патріархи, митрополиты, архіепископы и архимандриты, и игумены и попы и діяконы и весь причетъ церковный: видѣли свѣтъ книгъ божего писанія и возлюбили тьму, заповѣдей Господнихъ не сотваривали, дѣтей своихъ духовныхъ страху божію не учили, и книгъ предъ нимъ не прочитывали и тѣмъ царствіе небесное затворили: сами погибли и міръ погубили, оставили свѣтъ, а идутъ во тьму. О горе умѣющимъ грамотеемъ: видятъ книги и чтутъ, а не сотвариваютъ по божественному писанію, а лукавое мыслютъ,—того ради мучутся [2]).

8 мука. И рече пресвятая Богородица арханьелу Михаилу: поведи мене ко иной мукѣ. И приведе ее Михаилъ арханьелъ къ звѣремъ лютымъ: скрижуть тѣло человѣческое. И рече пресвятая Богородица арханьелу: сіи люди о коихъ дѣлѣхъ мучутся? И рече арханьелъ Михаилъ: милостиню убогимъ не давали и странныхъ [3]) въ домъ не пускали и мертвыхъ тѣлъ не погребали, которыхъ мертвыхъ птицы главы раздавбывали и звѣри изъѣдали,—того иные ради мучутся.

9 мука. И рече пресвятая Богородица арханьелу Михаилу: поведи мене ко иной мукѣ. И приведе ее арханьелъ Михаилъ къ змѣемъ лютымъ —лицо человѣческое, гласы львовые, крылья орловыя, а сердце ссутъ. И рече пресвятая Богородица: сіи людіи о коихъ дѣлѣхъ мучутся? И рече арханьелъ Михаилъ: о горе царамъ и царицамъ, князямъ и княгинямъ, бояромъ и бояринемъ, что судъ свой не по правдѣ судили, слугъ мучили. не кланялись во храмѣ божіимъ икономъ, и кто говоритъ и смѣется, а міръ его слушаетъ, того ради мучутся.

10 мука. И рече пресвятая Богородица арханьелу Михаилу: поведи мене ко иной мукѣ. И приведе ее арханьелъ Михаилъ, где діяволы терзаютъ [4]) тѣло человѣческое. И рече пресвятая Богородица арханьелу Михаилу: сіи люди о коихъ дѣлахъ мучутся? И рече арханьелъ Михаилъ:

1) Вар. надъ рѣкою огненною висятъ и шатаются въ бѣлыхъ ризахъ
2) Вар. то попы,—не постили среду и пятницу, того ради червемъ неусыпаючимъ мучутся. 3) Вдовицъ не принимали. 4) Вар. скребутъ; или: держутъ на рукахъ.

о горе народомъ чародѣямъ и разлучникомъ [1]), кто отъ отца и матери дѣтей разлучаютъ или мужа со женою, и кто людей портили, зло учинилъ,—того ради мучутся.

11 мука. И рече пресвятая Богородица арханьелу Михаилу: поведи мене ко иной мукѣ. И приведе ее архангелъ къ мукѣ, где діяловы разжигаютъ рожны желѣзные и проштырхаютъ [2]) сквозь тѣло человѣческое. И прослезилася пресвятая Богородица и рече арханьелу Михаилу: сіи люди о коихъ дѣлѣхъ мучутся? И рече арханьелъ Михаилъ: о горе тому человѣку, которой сотворитъ въ церкви смѣхъ во время божественной литургіи, а пѣнія и чтенія книгъ не слушаетъ,—того ради во вѣки мучутся.

12 мука. И рече пресвятая Богородица: поведи мене ко иной мукѣ. И приведе ее арханьелъ Михаилъ, где смола кипущая, и въ ней мнози народы мучутся. И рече пресвятая Богородица арханьелу Михаилу: сіи люди о коихъ дѣлѣхъ мучутся? И рече арханьелъ Михаилъ: о горе татьемъ, разбойникамъ и душагубцамъ, ябедникомъ, клеветникомъ, скоморохамъ, или кто ихъ даритъ, или кто ихъ срамныя слова принимаетъ, за то и самъ плачъ приметъ неутѣшный и муку вѣчную, и смолу кипущую. И прослезилася пресвятая Богородица, видя погибель роду человѣческаго. Слава святѣй троицѣ во вѣки вѣковъ аминъ.

Въ нашемъ распоряженіи было также нѣсколько списковъ «Слова о похожденіи пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи по мукамъ, где и какія есть муки вѣчныя.»

О двѣнадцати пятницахъ.

По рукописямъ XVIII в. могилевской и витебской губ.

Поученіе отъ древнихъ отцевъ и иныхъ святыхъ. Папа Климентъ поучаетъ насъ, братіе, имѣть двѣнадцать пятницъ въ году и постить ихъ всякому христіанину.

1 пятница.

Подобаетъ постить на первой недѣли великаго поста. Кто сію пятницу спостить, тотъ человѣкъ наглою смертію не умрет.

2 пятница.

Подобаетъ постить предъ Благовѣщеніемъ пресвятыя Богородицы. Кто сію пятницу спостить тотъ человѣкъ избавленъ будетъ отъ напраснаго убивства. [3])

---

[1]) Вар. срѣтникамъ. [2]) Промыкаютъ. [3]) Отъ меча.

3 пятница.

Подобаетъ постить на страстной недѣли [1]) святаго великаго поста. Кто сію пятницу спостить, тотъ человѣкъ отъ непріятеля [2]) сохраненъ будетъ.

4 пятница.

Предъ вознесеніемъ Господнимъ. Кто сію пятницу спостить, тотъ человѣкъ отъ водянаго потопленія [3]) сохраненъ будетъ.

5 пятница.

Предъ сошествіемъ святаго Духа. Кто сію пятницу спостить, тотъ человѣкъ отъ остраго меча [4]) сохраненъ будетъ.

6 пятница.

Предъ рождествомъ честнаго пророка Иоана предтечи. Кто сію пятницу постить будетъ, тотъ человѣкъ отъ великаго недостатка и скудности [5]) сохраненъ будетъ.

7 пятница.

Предъ святымъ пророкомъ Иліею. Кто сію пятницу постить будетъ, тотъ человѣкъ отъ громнаго убіенія сохраненъ будетъ.

8 пятница.

Предъ успеніемъ пресвятыя Богородицы [6]). Кто сію пятницу спостить, тотъ человѣкъ отъ великаго смертнаго грѣха сохраненъ будетъ [7]).

9 пятница.

Предъ Кузмою Демьяномъ [8]). Кто сію пятницу постить будетъ, тотъ человѣкъ отъ нужды и печали [9]) сохраненъ будетъ.

10 пятница.

Предъ Воздвиженіемъ [10]) честнаго креста. Кто сію пятницу поститься будетъ, тотъ человѣкъ въ пути и въ дому отъ мечтанія [11]) діяволя сохраненъ будетъ.

11 пятница.

Предъ Рождествомъ Христовымъ [12]). Кто сію пятницу постить будетъ, тотъ человѣкъ при смерти своей узритъ пресвятую Богородицу, чрезъ одинъ часъ явится къ нему [13]).

1) Предъ вербнымъ воскресеньемъ. 2) Отъ нечистаго духа. 3) Отъ недуговъ. 4) Отъ смертнаго грѣха. 5) Отъ потопа. 6) Вар. предъ пречистой. 7) Отъ хинти сохраненъ будетъ. Или: Отъ сушенія и трясовицы сохраненъ будетъ. Или: Отъ припадку сохр. будетъ. 8) Предъ Петромъ и Павломъ. 9) Отъ всякой гадины сохр. будетъ. 10) Предъ введеніемъ во храмъ. Предъ архистратигомъ Михаиломъ. Предъ святымъ апостоломъ Матѳеемъ. 11) Увидитъ имя свое написанное у пресв. Богородицы на престолѣ. 12) Предъ св. Николаемъ чудотворцемъ. 13) Св. Николай избавитъ отъ рукъ непріятельскихъ.

12 пятница.

Предъ Богоявленіемъ Господнимъ. Кто сію пятницу поститься будетъ, тотъ человѣкъ у самаго Господа Іисуса Христа написанъ будетъ въ животныхъ книгахъ.

Аще кто въ сіи святыя дни съ женою сотворитъ блудъ и зачнется у нихъ дѣтище, и тое дѣтище будетъ или слѣпъ, или нѣмъ, или глухъ, или хромъ, или воръ и разбойникъ, или блудникъ или чародѣй и чернокнижникъ, или прелюбодѣй, или ябедникъ или клеветникъ и всякому злу начальникъ. И въ тѣхъ дняхъ должно храниться каждему христіянину. И аще кто сіи пятницы почитать будетъ, и тотъ человѣкъ отъ всякаго зла сохраненъ будетъ и муки вѣчныя избавится. Сіи слова создалъ самъ Господь и заповѣдалъ всѣмъ вѣрующимъ во имя отца и сына и святаго духа аминь.

Тоже, изъ устъ пѣвцовъ гом. и рогач. уу.

А ў томъ гради, гради Русалими,
А ў того попа, попа рымськаго
Што жъ то за письмо написано?
Написано письмо, начитаное,—
А ў году дванатцать пятницъ постовать.
Первая у году вяликая пятянка,
А ўрамяннàя, возбрàнная,—
На Зборовой, на Хвéдоровой [1]).
Хто жъ тую у году вяликую пятянку.
Постовать будя
А съ постамы и зъ молитвамы,
А той чаловѣча отъ граховъ будя збавлёный, [2])
Сохранить яго Господь Богъ,—
Жить будя—да й помилуя.
Другая у году вяликая пятянка,
А ўрамянная, возбранная,
Сỳпротя святого Благовѣщаньня
Христа Бога нашаго.
Хто жъ тую у году вяликую пятянку
Постовать будя,
А съ постамы, и зъ молитвамы,—
Отъ скорбости, отъ болѣзности [3])
Сохранёнъ ёнъ будя,—
Сынъ Божій сохранить яго и простить яго,—
Жить будя—да й помиловая.
А третьтяя ў году вяликая пятянка,
А ўрамянная, возбранная—
Супротя Христоваго вотридневнаго воcподыманія,
Христа Бога нашаго.
Хто жъ тую ў году вяликую пятянку
Постовать будя,
А съ постамы, зъ молитвамы,—
Той чаловѣча отъ мукъ вѣшныхъ [4])
Сохраненъ ёнъ будя,—
Богъ яго святый сохранить яго,—
Жить будя,—да й помиловая.

1) Первая недѣля в. поста. 2) Вар. Отъ суждэньня, отъ нарицэньня сохр. будя. 3) Вар. Отъ скверности, отъ болѣзности. Или: А ў здравъи яго—штобъ здоровъ ёнъ бывъ—сохранёнъ ёнъ будя. 4) Вар. Отъ посьтели.

А чатьвертая ў году вяликая пятянка
А ўрамянная, возбранная,—
Супротя святого Христоваго вознощенія,
У Христа Бога нашаго.
Хто жъ тую вяликую пятянку, возбранную,
Постовать бўдя,
И съ постамы и зъ молитвамы,
Той чаловѣча отъ воды-потопы [1])
Сохраненъ ёнъ будя:
Богъ яго святый сохранить яго,—
Жить будя,—да й помиловая.
А пятая ў году вяликая пятянка,
А ўрамянная, возбранная,—
Супротя Духа, Тройцы отначалныя, [2])
У Христа Бога нашаго.
Хто жъ тую у году вяликую пятянку
Постовать будя,
Съ постамы и зъ молитвамы,—
Той чаловѣча отъ хинёвы, отъ хворобы
Сохранёнъ ёнъ будя:
Сынъ Богъ сохранить яго,—
Жить будя,—да й помиловая.
Шóстая у году вяликая пятянка,
А ўрамянная, возбранная,—
Супротя Ильли—пророка надѣляющаго. [3])
Хто жъ тую у году вяликую пятянку
Постовать будя,
Исъ постамы, зъ молитвамы,
Той чаловѣча отъ граду, отъ грому [4])
Сохранёнъ ёнъ будя,—
Сынъ Богъ сохранить яго—
Жить будя—да й помиловая.

Сёмая у году вяликая пятянка,
А ўрамянная, возбранная,
Супротя прячистыя, дивы чистыя [5]),
Мать прасвятыя Бугуродицы.
Хтожъ тую ў году вяликую пятянку
Постовать будя,
Съ постамы, изъ молитвамы,
А зъ землянымы низкымы уклонамы,
Той чаловѣкъ отъ граховъ ёнъ отъ смяртенныхъ [6])
Сохраненъ ёнъ будя,
Богъ яго святый сохранить яго,—
Жить будя—да й помиловая.
Восьмая ў году вяликая пятянка,
А ўрамянная, возбранная,
Супротя Ивана Храстителя,
Супрадтечи—отсячённыя главы. [7])
Хто жъ тую у году вяликую пятянку
Постовать будя,
И съ постамы и зъ молитвамы,
Отъ той чаловѣча отъ мячу̀, отъ посѣчу, [8])
Сохранёнъ ёнъ будя.
Сынъ Божій сохранить яго,—
Жить будя—да й помилуя.
Дявятая ў году вяликая пятянка,
А ўрамянная, возбранная,
Супротя Кузьмы—Дямяна,—
Злато—срэбраньника. [9])
Хто жъ тую у году вяликую пятянку
Постовать будя,
И съ постамы и зъ молитвамы,—
Той чаловѣча отъ лютыхъ отъ морозовъ змярзенія

1) Вар. Отъ граховъ сумяртвенныхъ. 2) Вар.....Тройцы, животъ началнаго дня. 3) Вар. Наказующаго. 4) Вар. Отъ огню, отъ пожару. 5) Супроти Успенія пресвятыя мацъ Бугуродицы. 6) Вар. Отъ лихорадки, отъ трасовицы и отъ красовицы. Также: той человѣкъ зъ женьскаго полу съ цижолаго положенія сохраненъ будзець. 7) Супроти Постнаго Ивана, главы честныя сӯклоняющія. 8) Отъ посѣки. 9) Сына бязсрэбраньника. Или: Силно сребраньника.

Сохранёнъ ёнъ будя.
Сынъ Божій сохранить его,—
Жить будя—да й помиловая.
А дясятая у году вяликая пятянка
А ўрамянная, возбранная, надялящая,
Супротя Михайлы архангала,
Судьди правяднаго.
А хто жъ тую ў году вяликую пятянку
Постовать будя,
Съ постамы, изъ молитвамы,—
Отъ той чаловѣча отъ пожару
Сохранёнъ ёнъ будя.
Сынъ Божій сохранить яго—
Жить будя—да й помиловая.
Одинанцатая ў году вяликая пятянка,
А ўрамянная, возбранная,—
Супротя Роздвà, Христова нарождэнія.
Хто жъ тую у году вяликую пятянку
Постовать будя,
Съ постамы, зъ молитвамы,
Отъ той чаловѣкъ отъ лютыхъ отъ звяровъ [1])
Сохранёнъ будя.
Сынъ Божій сохранить яго—
Жить будя—да й помиловая.
А дванaнцатая у году вяликая пятянка,
Урамянная, возбранная,—
Супротя Хращенія Христа Бога нашаго [2]).
Хто жъ тую у году вяликую пятянку
Постовать будя,
И съ постамы и зъ молитвамы,
Отъ той чаловѣча отъ злыхъураговъ [3])
Сохранёнъ ёнъ будя,
И спасёнъ ёнъ будя.

Придя къ тому чаловѣку святый ангалъ храниталь,
Возьмя яго душў съ тѣломъ,
Повяде яго къ Сусу Христу.
Завѣдуя тыя души самъ Сусъ Христосъ,
Завѣдуя тыя души матъ прачистая Бугуродица.
Самъ Сусъ Христосъ што пятянки
Сповядàть ихъ будя,
Што сыботы причащать ихъ будя,
И уменьша тымъ душамъ сограшенія.
А самъ Сусъ Христосъ повялять будя:
«А къ чаму ета душа примянёна будя?
Къ раю свѣтлому, царству нябесному!
А вядитя яго къ раю свѣтлому,
Къ раю свѣтлому, царству нябесному!»
Отвядуть тую душў къ раю свѣтлому,
Къ раю свѣтлому, царству нябесному.
Привядуть тую душу къ раю свѣтлому,
Къ раю свѣтлому, къ царству нябесному,
Посàдять яè за столамы застиланымы,
—А столы застиланыя, кубки наливаныя . . .
А хто мижъ етыхъ пятняцъ *поймется*,
А ти мужъ зъ жаною, а ти братъ [4]) съ сястрою,—
Народитца ў ихъ чадо нарождёное,
Узрастеть жа чадо узращоное,—
Альбо катъ, альбо воръ, альбо разбойникъ [5]),
Альбо мижъ насъ христіянь злый нахалникъ,

1) Вар. отъ худобы исцаленъ будя. 2) Супроти Хращенія Ивана Храстителя. 3) Вар. Отъ той чаловѣкъ награжонъ енъ будя и спасенъ енъ будя. 4) А ти мужъ зъ жаною ни у совѣтности живуть ни у любовности, и т. д. 5) И хучь воръ будя, хучь разбойникъ, хучь пъяница.

А *тымъ* душамъ ёнъ будя началникъ [1]).
Станьтятка вы, мірани, послухайтя:
Ня давайтя милосьлины нищай братіи
Обсуждо́ныя, обговдо́раныя;
Создавайтя милосьлину ня'бсуждоную, ня 'бговдо́раную.
Обсуждо́ная ваша мілосьлин*и*, обговораная,
Яна вамъ душѣ ня ў полгу йде [2]).
А ня 'бсуждоная, ня 'бговораная ваша милосьлини
Душѣ ў полгу идѐ.
Съ той милосьлиной и на той свѣтъ ити
У правосвѣтлый рай.
Славянъ нашъ Богъ да й прославився,
Вялико яго именіе. Святъ Господь надъ нами.

Тоже, мстиславльскаго уѣзда.

А станьця вы, брація міряне, правуславныя хрисціяне, ўси послышайця!
Услышиця писанія ўсё и Господняго, што у нашаго Клима, ў Кляменьція,
У па́перя римськаго, написано, нарицано?
А написано у Клима, у Кляменьція, у паперя римськаго,
Штобъ двѣнатцыць у году пятницъ спосьціць.
Первая врямённая, богувозбранная, привублаженная ў году й пяцинка—
Посьли сырныя нядзѣли, ўсё на Хвёдоровой [3]).
Хто жъ ету пяцинку поймѐць спостовацъ, съ святыми постамы, зъ молитвамы,—
Тэй чаловѣкъ отъ напасьци и 'тъ напрасницы цижалыя [4])
И 'тъ трудно́го порождэнія сохранёнъ ёнъ будзець:
Богъ яму святэй просьциць, Спасъ помиловаець.
А другая врямённая и т. д.—супроци Благовѣщаньня пресвятэя дзѣвы Бугуродзицы [5]).
Хто жъ ету пяцинку и т. д.—тэй чаловѣча отъ трудно́го, отъ болѣжносьци,
Отъ земныя и 'тъ посьцели [6]) сохранёнъ ёнъ будзець и т. д.
А третьція . . . . . супроци Вяликодня, утриднёвнаго воскрясэнія.
Хто жъ ету пяцинку . . . . . тэй чаловѣча отъ гряховъ сумяртэлныхъ [7]) сохранёнъ ёнъ будзець и т. д.
А чацьвёртая . . . . . супроци Узнясенія Суса Христа Бога нашаго.
Хто жъ ету пяцинку . . . . . тэй чаловѣча отъ шкудносьци, отъ бѣдносьци [8]) сохранёнъ ёнъ будзець и т. д.

---

1) По объясн. пѣвца: чаровникъ. 2) Вар. Яна вамъ у меть, ня у пользу йдеть. 3) См. стихъ о Өедорѣ Тиронѣ. 4) Отъ скверносьци, отъ болѣзносьци (ли женскаго полу) 5) Супроци Гавріилы, благовясьциցеля Бога нашего. 6) Отъ цяжкихъ гряховъ. 7) Отъ наглыя, несподзѣваныя, скоропосцижныя смерци. 8) Отъ чародзѣя, отъ лиходзѣя и отъ злыхъ людзей.

А пятая . . . . . супроци Духа-Тройцы, живоначальнаго дня.
Хто ету пяцинку . . . . . тэй чаловѣча отъ заливанія, отъ водзяныя потопы [1]) сохранёнъ ёнъ будзецъ и т. д.
А шостая . . . . . супроци Ивана Прядцечи [2])—сукланѐнныя главы.
Хто ету пяцинку . . . . . тэй чаловѣча отъ мечу, отъ посѣку, кровавізносьци сохранёнъ ёнъ будзецъ и т. д.
Сёмая . . . . . супроци Ильи-пророка [3]), надзѣляющаго.
Хто ету пяцинку . . . . . тэй чаловѣкъ отъ грому убиція, отъ огняннаго пожару [4]) сохранёнъ будзецъ...
Восьмая . . . . . супроци Усьпенія [5]) пресвятэя Бугуродзицы.
Хто ету пяцинку . . . . . отъ сухоты, отъ трясовицы [6]) сохранёнъ ёнъ будзецъ....
Дзевятая . . . . . супроци Кузьмы-Дземьяна злато-сребренника.
Хто ету пяцинку . . . . . отъ холоду, отъ морозу, отъ зяблыя смерци сохранёнъ ёнъ будзецъ....
Дзесятая . . . . . супроци Михайлы архангала, судьдзи праведнаго.
Хто ету пяцинку . . . . . со ўсимъ скотомъ отъ звѣря и отъ змѣя соядзенія,
Отъ нагалныя ёнъ смерци, несподзѣваныя, сохранёнъ будзецъ;
Будзецъ яго имя уписано у книгу животную [7]).
Одзинáтцатая . . . . . супроци Рождэнія Христа Бога нашаго.
Хто ету пяцинку . . . . . сповѣдаецъ тую душу̀ самъ Исусъ Христосъ и т. д.
А двѣнатцатая врямённая, богувозбранная, привублаженная ў году й пяцинка,—
Супроци Хрященія Яна хрясьцицеля, Христоваго Богуявленія.
Хто жъ ету пяцинку поймéцъ спостовацъ, съ святымъ постомъ и зъ молитвами,—
Причащаецъ тую душу̀ пресвятая дзѣва Бугуродзица [8]),
А подасъ тую душу̀ ў правосвѣтлый свой рай,
А къ святому Аврамію, отцу правядному.
Богъ яму святый просьцицъ, Спасъ помиловаецъ!
Станьця, вы, брація міряне, правуславныя хрисціяне, ўси послышайця:
Мижъ двѣнатцаци да дзьвѣ пятницы, мижъ хрященьскія, рожаствѐньскія,
Якъ пойметца мужъ зъ жаною [9])—не ў любови, не ў совѣтносьци жиць,

1) Отъ холоду, отъ морозу. 2) Супроци Ильли пророка. 3) Супроци Успенія. 4) Отъ тучи, отъ граду, отъ нябеськаго пожару. 5) Супроци Ивана. 6) Отъ заливу, отъ потопы. 7) На тымъ свѣци во страшномъ судзи помошникомъ будзецъ. 8) Самъ Господзь Богъ причащацъ будзецъ, ды й возьмецъ тую душу ды й на руцы свое и подасць тую душу и т. д. 9) По народнымъ воззрѣніямъ, это не допускается съ 25 декабря по 6 января, въ великій постъ, подъ среды, пятницы, воскресные и праздничные дни, и въ теченіи шести недѣль послѣ родовъ.

Третьціе дзѣло—не ў послушносьци:
А народзитца мижъ ихъ чадо ўсё ня прѓостое:
Либо тацъ, либо воръ, ли разбойникъ будзець, [1])
Ли надъ нами, правуславнами хрисціянями, ўсё начальникъ [2]) будзець.
Станьця вы, брація міряне, правуславныя хрисціяне, ўси послышайця!
Создавайця жъ вы милосьцину нябсуждоную, небговоренную,
Третьцее жъ дзѣло—не проклятую.
Хто создаепь милосьцину обсуждоную, обговоренную,
Третьцее дзѣло—ўсё й проклятую,—
Не достойно яго подаяніе Господу Богу за яго душў.
А пойдзець тое подаяніе за яго обсуждзенія!...
А славенъ нашъ Богъ, ёнъ прославився!
А вяликое яго именія на ўвесь свѣтъ, Господнее!..

Сравн. Безсон. 6, 120—152. Печ. бѣл. вар. не знаемъ.

Варіанты запис. въ могил. черик. бых. горецк. климов. и чausск. уу. Стихъ вообще распространенный. Поется въ перечисленныя въ стихѣ пятницы, и въ особенности въ «десятуху»—десятую пятницу послѣ пасхи. „Штобъ постить, дакъ треба ничого до вечара ня ѣсть, ня пить, и нiякія работы не заводить. А коли хто постить да работая, дакъ ня будя спасёнъ...“

Бесѣда трехъ святителей,

Василья великаго, Григорія Богослова, Іоана златоустаго о вопросахъ и отвѣтахъ:

1 вопросъ. Что суть у Спасителя нашего на вѣнцахъ учениковъ его?
Отвѣтъ. 1-я престолъ, 2-я святость, 3-я начало, 4-я власть, 5-я слава, 6-я херувимъ, 7-я серафимъ, 8-я архангелы, 9-я ангелы.
2 воп. Что у спасителя нашего Бога на вѣнцѣ подписаніе словами?
Отвѣтъ. То есть: отъ небесъ придетъ во своя и свои его не пріяша и его распяша.
3 воп. Что суть десятаго чина нѣтъ?
Отвѣтъ. То есть: выйде cатаніилъ отъ небесъ.
4 воп. Чѣмъ во адѣ мѣсто наполнено?
Отвѣтъ. Сего вѣка неправедными думами.

1) Вар. Либо воръ, ли разбойникъ, ли пьяница будзець. 2) По объясненію пѣвицы—„катъ“, палачъ, который отца и мать „катовать“ будетъ.

5 воп. Что суть у Богаматери нашея написано словами?
Отвѣтъ. То есть: Марія дѣва роди Фарисеева учителя.
6 воп. Что суть у Богаматери нашей на главѣ три звѣзды?
Отвѣтъ. 1-я прежде рождества христова дѣва, 2-я с рожества дѣва, 3-я по рожествѣ паки дѣва.
7 воп. Что суть высота небесная, широта земная, глубина морская?
Отвѣтъ. Высота небесная—отецъ, широта земная—сынъ, глубина морская—духъ святый.
8 воп. Что суть четыре ризы на земли?
Отвѣтъ. Четыре евангелиста.
9 воп. Что суть четыре орлы одно яйцо снесли?
Отвѣтъ. Четыре евангелиста святое евангеліе написаша, и съ святымъ евангеліемъ въ царствіе пріидоша и спрашиваша во Христа Бога нашего.
10 воп. Кого Богъ нарекъ перваго человѣка на земли?
Отвѣтъ. Тотъ есть . . . . . совершенну за грубость свою за четыре дни до созданія.
11 воп. Что есть: премудрость созда себѣ домъ?
Отвѣтъ. То есть: премудрость—Христосъ сынъ божій, храмъ—пресвятая
12 воп. Что суть утвержденіе столповъ седмь? [богородица, матерь его.
Отвѣтъ. То есть седмь святыхъ отецъ соборовъ.

По рукописи XVIII в. чериков. у. могил. губ.

ЦАРЪ МАКСИМІАНЪ.

Вертепнаго дѣйства въ предѣлахъ Могилевской губерніи мы не встрѣтили. Какъ остатокъ отъ него, въ народной памяти сохранились двѣ пьесы: „Царь Максиміанъ“ и „Иродъ“. Первую мы здѣсь приводимъ со словъ актеровъ, разыгрывающихъ ее и въ настоящее время въ рождественскіе праздники. Вторая пьеса, сюжетомъ которой служитъ смерть Ирода, пока не записана нами въ полномъ видѣ [1]). Обѣ вмѣстѣ онѣ составляютъ „мушкаратъ“.

Царъ Максиміянъ.

Дѣйствіе первое.

Скороходъ-маршалъ (выходитъ на средину комнаты и, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ):

Здрастуйтя, всепочтеннѣйшіе господа!

Жидъ (прерывая его, съ сильнымъ акцентомъ):

Здрастуйтя, паноцки! вуй якъ за я змёрзъ! (Бѣжитъ къ столу и пьетъ водку): За васа здоровье, паноцки!

Скороходъ (продолжаетъ):

Низвинитя мене ў томъ,
Што я ў платьти худомъ.
Я иногда ў худомъ, иногда ў хорошомъ.
Но ў мене есть паратный мундиръ,—
У ёмъ семдесятъ семъ диръ,
И тритцать двѣ латки,—
Дакъ зъ мене узятки гладки!
(Ставитъ два стула посреди комнаты)
Прощайтя, господа,—
Сичасъ къ вамъ будя царъ суда!
(Уходитъ).

Жидъ (садится на одинъ стулъ, а на другой кладетъ ноги):

Уй, паноцки,—сицасъ мой дровосѣкъ суды придя; ёнъ такій страсный,—исъ пікимъ.

Царь (входитъ въ блестящей одеждѣ, съ громаднымъ мечомъ).

Жидъ.

Во й мой дровосѣкъ!

Царь.

Здрастуйтя, почтеннѣйшіе господа!
Низвинитя мене ў томъ,
Што я прибывъ въ етый домъ.
Я есть самоглавный [2]) монархъ:
Власть моя по ўсему свѣту существуя,
Я никому не отдаю отчета,
И никому не вѣрую, кромѣ—
Кумирческимъ богамъ.
Но есть здѣсь въ Виѳліемѣ у мене
Непокорный, непослушный сынъ
Адольфъ,

1) Желающіе могутъ отчасти ознакомиться съ нею по опис. г. Дембовецкаго, т. I, 625, хотя въ дѣйствительности пьеса обширнѣе. 2) Вар. самовластный.

Который отвергъ нашего кумирческаго бога!
Для кого сей тронъ сооружонъ,
Когда не дли мене, грознаго цара Максиміяна?

Жидъ (перебивая):
Ето дли мене, ето дли мене!

Царь, (не слушая):
Сяду на семъ трони,
И буду судить непослушнаго и непокорнаго
Сына своего Адольфа.
(Прогоняетъ жида со стульевъ мечомъ и садится)

Жидъ (уходя):
Уй, якій страсный!

Царь.
Скороходъ-маршалъ,
Явись предъ трономъ своего монарха!

Жидъ, (перебивая):
Сковородникъ зъ масломъ,
Иди къ монаху!

Скороходъ.
Фу, грозный царъ Максиміянъ!
Почто скорохода призываешъ,
Ти какія дѣла, указы повелѣваешъ?

Царь, (отдавая оружіе):
Знять зъ мене принадлежности,
Надѣть на мене предостоинства!

Скороходъ.
Слушаю приказъ, исполняю тойчасъ!

Жидъ (пробуетъ садиться на свободный стулъ, но царь его прогоняетъ).
Вуй, царъ, швыня! Учдра ў мене дрòвы рубавъ, а сягодьни царъ ставъ!

Рыцаря (три входятъ, неся корону, и поютъ 1)):
Мы къ цару идёмъ,
Златъ вѣнецъ несёмъ!
Мы главу цару накроемъ,
На високій тронъ взведёмъ.
Урà, ура, ура!

Жидъ, (передразнивая):
Скулà, скула, скула!

Царь (надѣваетъ корону, беретъ скипетръ и державу, и встаетъ):
Сей ски*пертъ* и держава
По всему царству честь и слава;
На головѣ корона сіяя,
Враговъ собою устрашая 2).
(Ходитъ).

Хоръ.
Слався, слався, Русь святая,
Ты непобѣдима!
Орденами грудь покрыта
Бѣлорусскаго цара!

Царь.
Скороходъ-маршалъ!

Жидъ, (передразнивая):
Сковорòдникъ зъ масломъ!

Царь, (не слушая):
Явись предъ трономъ своего монарха!

Жидъ.
Ми тутъ, ишли!

Скороходъ.
Фу, грозный царъ Максиміянъ!
Почто скорохода призываешъ,
Ти какія дѣла, ўказы повелѣваешъ?

Жидъ.
Иди, еще молоцка принеси!

Царь.
Позвать мнѣ непокорнаго сына моего Адольфа!

Жидъ.
Уй, луццы я позову свойго Вольфу!

Скороходъ.
Слушаю приказъ, исполняю тойчасъ!

Адольфъ.
О дражающій родитель!

1) Позднѣе рыцари составляютъ хоръ. 2) Вар. По всему царству украшая.

Почто Адольфа призываешъ,
Или какія дѣла, указы повелѣваешъ?

Царь.

Принеси жертву богамъ!

Жидъ.

На, положи моя бриль къ ногамъ!

Адольфъ.

Не могу!

Жидъ

Положи хуть на одну ногу!

Царь.

Вѣруешъ ли нашимъ кумирческимъ богамъ?

Адольфъ.

Нѣтъ. Я вѣрую въ Исуса Христа,
И цалую его уста.
Ваши жъ кумирческіе бога,
Дерзаю подъ нога!

Царь.

Прочь дерзкій, прочь непокорный!

Адольфъ (уходитъ).

Жидъ.

Процъ Адольфу, а позвать Вольфу!

Царь.

Скороходъ-маршалъ!

Скороходъ.

Фу, грозный царь Максиміанъ!
Почто скорохода призываешъ,
Или какія дѣла, указы повелѣваешъ?

Царь.

Позвать мнѣ сына моего Адольфа!

Скороходъ.

Вашъ приказъ исполнится сичасъ!

Адольфъ.

Почто, родитель, призываешъ,
Или што дѣлать повелѣваешъ?

Царь.

Кому ты вѣруешъ?

Адольфъ.

Господу моему Іисусу Христу!

Царь.

Прочь дерзкій, прочь непокорный!

Адольфъ (уходитъ).

Царь.

Скороходъ-маршалъ!

Жидъ.

Сковородникъ зъ масломъ!

Царь (не слушая):

Явись къ трону своего монарха!

Скороходъ.

Фу, грозный царъ Максиміянъ!
Почто скорохода призываешъ,
Или што дѣлать повелѣваешъ?

Царь.

Позвать мнѣ сына моего Адольфа!

Скороходъ.

Слушаю приказъ, исполню тойчасъ!

Адольфъ.

Почто, родитель, призываешъ,
Или што дѣлать повелѣваешъ?

Царь.

Вѣруешъ ли кумирческимъ богамъ?

Адольфъ.

Нѣтъ. Я вѣрую въ Исуса Христа;
А ваши кумирческіе бога
Дерзаю подъ нога.

Царь (скороходу):

Позвать Максима кузнеца!

Кузнецъ.

Фу, грозный царъ Максиміянъ!
Почто кузнеца призываешъ,
Или какія дѣла, указы повелѣваешъ?

Царь.

Возьми етаго ўзвѣра [1]),
Закуй у тяжкія зелѣзы,
И отведи ў темницу,—
Нехай одумаетца!

---

1) Бѣлоруссы смѣшиваютъ слова: *изверіъ* и *изувѣръ*.

Жидъ (передразнивая):
Дай ему грецкую паляницу,
Нехай давитца.

Адольфа (уводятъ).

Царь (ходитъ въ задумчивости).
Скороходъ-маршалъ!

Жидъ.
Сковородникъ зъ масломъ!

Царь (не слушая):
Явись предъ трономъ своего монарха!

Скороходъ.
Фу, грозный царъ Максиміянъ!
Почто скорохода призываешъ,
Или какія дѣла, указы повелѣваешъ?

Царь.
Позвать мнѣ изъ темницы
Моего непокорнаго сына Адольфа!

Скороходъ.
Слушаю приказъ, исполню тойчасъ!

Адольфъ.
О дражающій родитель,
Почто Адольфа призываешъ,
Или какія дѣла, указы повелѣваешъ?

Царь.
Одумался ли ты?

Адольфъ.
У мене одна дума...

Царь.
Прочь дерзкій, прочь непокорный!
Скороходъ—маршалъ,
Явись предъ трономъ своего монарха!

Скороходъ.
Фу, грозный царъ Максиміянъ!
Почто скорохода призываешъ,
Ти какія дѣла, ўказы повелѣваешъ?

Царь.
Позвать мнѣ Брембаўлу палача!

Скороходъ.
Слушаю приказъ, исполню сичасъ!

Палачъ.
Фу, грозный повелитель,
Усихъ странъ покоритель!
Почто Брембаулу палача призываешъ,
Или какія дѣла, ўказы повелѣваешъ?
Или я въ чомъ предъ тобою провинився,
Или войстрый мечъ мой притупився?

Царь.
Ты предо мной ни въ чомъ не провинився,
И войстрый мечъ твой не притупився,—
А возьми етаго извѣра,
Изведи его на лобное мѣсто,
И предай его злой смерти!

Палачъ (къ Адольфу):
Спёмъ, Адольфъ, пѣсню!
(Ходятъ и поютъ пѣсню Мерзлякова:
Среди долины ровныя и т. д. до конца).

Палачъ.
Эхъ, Адольфъ, Адольфъ!
Какъ ты мнѣ былъ любимъ,
Такъ и теперъ люблю тебе!
Но по приказу родителя долженъ казнить.
Пойду, пойду, попрошу родителя,
Не проститъ ли онъ тебѣ?
(Къ царю):
Прости, прости, грозный царъ,
Молодому непокорному юношу!

Царь.
Нѣтъ прощенія!
Рази, рази его немедленно!

Палачъ (къ Адольфу):
Прощайсь, Адольфъ, съ народомъ!

Адольфъ (поетъ):
О дражающій родитель,
Не казни, отецъ родной...
Шабля войстрая гремить,
Кровъ во мнѣ вочень кипить:

Часъ смертельный паступая—
Разставатца мнѣ зъ душой.
(Скороговоркой).
Прощай родъ! прощай народъ!
Прощай священная обитель,
И ты отецъ-душагубецъ!

Царь, (къ палачу):
Рази, рази его!

Палачъ, (къ Адольфу):
Эхъ, Адольфъ, Адольфъ!
Какъ ты мнѣ былъ любимъ,
Такъ и теперъ люблю тебе!
Грудь терзаю и кровъ проливаю,
И самъ ложусь съ тобой въ одинъ гробъ!
(Рубитъ его саблею, которою потомъ прокалываетъ и себя. Оба падаютъ).

Царь.
Скороходъ-маршалъ,
Явись предъ трономъ своего монарха!

Скороходъ.
Фу, грозный царъ Максиміянъ!
Почто скорохода призываешъ,
Ти какія дѣла, ўказы повелѣваешъ?

Царь.
Позвать дѣдушку-гробокопателя!

Дѣдъ (входитъ, кашляя):
А-бгу! а-бгу! а-бгу!
Къ цару Максиміяну иду,
На двѣнатцать каменёвъ табаку тру,
На двѣнатцать столовъ каваръ пью.
Чего, грозный царъ Максиміянъ,
Дѣда-гробокопателя призываешъ,
Ти якія дѣла, ўказы повелѣваешъ?

Царь.
Прибери его тѣло,
Штобъ оно зверху земли не тлѣло,
Штобъ собаки не ѣли,
И птицы не клювали!

Дѣдъ (начинаетъ работать лопатою).

Жидъ (подбѣгаетъ къ нему, шлепая пантоплями):
Сто ето, косырь? [1])

Дѣдъ.
Копырь.

Жидъ.
Якъ продаесъ: на пуды, ай па хунты?

Дѣдъ.
На шпунты. [2])

Жидъ.
На затовчку? [3])

Дѣдъ.
На затычку!

Жидъ.
На гросы!

Дѣдъ (протягиваетъ руку).

Жидъ (плюетъ ему на руку и убѣгаетъ).

Дѣдъ (гопится за нимъ. Тѣла убираютъ) [4]).

Дѣйствіе второе.

Царь (сидитъ на тронѣ—стулѣ).
(Входитъ **дѣвица**, одѣтая «по модному,»—чаще всего ряженый парень; съ боку сабля).

1) Коширное мясо. 2) Шпунтъ-затычка, пробка въ боченкѣ. 3) Затолока въ кушаньѣ 4) Эта сцена въ г. Гомелѣ варьируется такъ: **Дѣдъ** начинаетъ убирать тѣла. **Жидъ**, подбѣгая къ нему: Ой дѣдъ, голубцыкъ! Гриска! **Дѣдъ**. А, ето ты, Берка? **Жидъ**. Я, дѣдъ голубокъ. Давай потягнемъ цадлу удвохъ! (Хватаетъ дѣда и начинаетъ танцовать съ нимъ комаринскаго).

Дѣвица (къ зрителямъ):
Здрастуйтя, всепочтеннѣйшіе господа!
Низвинитя мене ў томъ,
Што я прибыла суда.
За какую вы мене почитаете:
За рускую или за французкую?
Я есть ни русская, ни французская,—
Я есть прегордая, прехвабрая богиня...
Скольки лѣтъ, скольки зимъ я ѣзжу, страждаю,
Странствую по чистому полю,
По широкому раздольлю,
Ищу себѣ стрѣшника, поперешника,
Съ кимъ ба я могла битца-рубитца
На збрую свою ратную,
На копъё булатвое,
И на мечъ—кладенецъ,—
Ну не могла найти!
Но есть царъ Максиміянъ.
Когда бъ я его попала,
То бъ збила, зрубила,
И трупъ его въ огнѣ спалила...

Царь (вскакивая съ мѣста и обнажая саблю):
Фу, прегордая, прехвабрая богиня!
Разви ты не знаешъ,
Што я есть у царахъ царъ
У князяхъ князь?
(Здѣсь очевидно, пропускъ.)

Дѣвица (падая на одно колѣно:)
Думала, подумала...

Царь.
Нѐ объ чемъ тебѣ думать,
Нѐ объ чемъ тебѣ гадать:
Живи своимъ умомъ и розумомъ.

Дѣвица.
Ахъ, не могу васъ ничимъ утѣшить!

Царь.
Ничимъ ты мене не утѣшишъ,
Кромѣ моихъ бѣлыхъ каменныхъ палатъ.
Увыйди у моё бѣлы каменны палаты,
Садись на моемъ трони!
(Указываетъ саблею на стулъ).

Дѣвица (садится).

Жидъ.
Свадьба будя, грай музыка!
(И танцуетъ, роняя туфли).

Змѣй-Уланъ (входитъ и поетъ:)
Какъ прошли наши красные денёчки,
Когда я въ лужкахъ гулялъ;
Тамъ всѣ птички и звѣрочки
Веселились межъ собой.
Тамъ, гдѣ рѣчка протекаеть,
На зелененькомъ лужку,
Тамъ, я вижу, отдыхаеть
Старичокъ на бережку!
(Къ царю, падая на одно колѣно):
Жаромъ пылаю,
Къ вашай милости на ноги упадаю:
Дай мнѣ подобнаго великана,
Съ кимъ ба я могъ битца—рубитца
На збрую мою ратную,
На копъё булатное, мечъ—кладенецъ!
А не вышлешъ—горка гибель твоя,
А красавица на вѣкъ моя.
Я твоё царство стреблю, спалю,
Красавицу съ собой увезу!
(Отходитъ и опирается на саблю).

Царь.
Скороходъ-маршалъ,
Явись предъ трономъ своего монарха!

Скороходъ.
Фу, грозный царъ Максиміянъ!
Почто скорохода призываешъ,
Или какія дѣла, указы повелѣваешъ?

Царь.
Позвать Анику—воина!

Скороходъ.

Вашъ приказъ исполнится сичасъ!

Аника.

Фу, грозный царъ Максиміянъ!
Почто Анику—воина призываешъ,
Или какія дѣла, указы повелѣваешъ?

Царь.

Защитить градъ Антонъ!

Аника (бьетъ копьемъ по полу три раза):

Трахъ, трахъ, трахъ!
Усёй хвабрости моёй врагъ!
Сколькп лѣтъ, скольки зимъ я ѣзжу, страждаю,
Ищу себѣ стрѣшника—поперешника,
Съ кимъ ба я могъ битца—рубитца
На збрую свою ратную,
На копъё булатное
И на мечъ—кладенецъ,
И не могъ найти!
А теперъ—фу-фу! што я вижу?
Фу-фу! што я слышу?
Подступивъ подъ нашъ градъ
Распроклятый Змѣй-Уланъ,
И хоча наша царства збить, спалить,
Красавицу съ собой увезть.
Ну нѣтъ, нѣтъ—етаго не будя!
(Къ Змѣй-Улану):
А ты што жъ, распроклятый Змѣй-Уланъ,
Спишъ ли ты или дремлешъ?
Зачимъ прибывъ суда̀,
Скверпымъ своимъ дыханіемъ отравлять нашу страну?

Змѣй-Уланъ.

Я не сплю, да брежу,—
Выхвачу войстрый мечъ,
Тойчасъ тебѣ голову̀ зрѣжу.

Аника.

Я когда въ вашай странѣ бывавъ,
По три такихъ збивавъ.

Змѣй.

Когда бъ ты ў нашай странѣ бывавъ,
Твой ба духъ давно не существовавъ!
Полно по комнати ходя фонабе́ритца,
Пора ў чистомъ поли мечами помѣратца!

Аника.

Если жъ такъ—сражаюсь!

Змѣй.

Защищаюсь!

Аника.

Сражаюсь!

Змѣй.

Защищаюсь! (Побѣжденный, падаетъ на одно колѣно):
Ахъ, братъ ты мой роднóй,
Ты поѣдешъ домой,
Накажи жанѣ моёй молодой,
Што я жанився на другой!
И та жана моя молода
И угрума и страшна,
Въ чистомъ поли подъ кусточкомъ
Постель бѣлу пріубрала!
Скажи, што на такого рыцара я налучивъ,
Отъ котораго себѣ злую смерть получивъ!
(Къ Аникѣ):
Бей въ третьтій разъ,
Предавай злой смерти!
(Аника бьетъ, Змѣй падаетъ мертвый).

Аника.

Спи, спи герой, на землѣ сырой,
Прахъ подложишъ подъ хваброю твоёй главой!
(Къ царю):
Вотъ тебѣ, царъ, услуга!

Царь.

Воздать ему хвалу̀!

Хоръ.

Хвала, хвала, хвала!

Жидъ (передразнивая):

Скула, скула, скула!

Хоръ.

Хвала герою,
Што градъ—Антонъ спасёнъ тобою!
Вѣнцы лавровы въютца
Надъ хваброю твоёй главой!
Ура, ура, ура!

Жидъ (передразнивая):

Скула, скула, скула!

(Царь призываетъ чрезъ скорохода дѣда-гробокопателя и велитъ ему убрать тѣло. Жидъ предлагаетъ дѣду помочь въ уборкѣ, и якобы помогая, сбиваетъ дѣда съ ногъ, падаетъ самъ на него, и кричитъ: гвалтъ!)

Дѣйствіе третье.

Посылокъ (гонецъ—входитъ и подаетъ письмо царю, сидящему на тронѣ).

Ты не знаешъ того, што я присланъ отъ кого,—
Што свѣтъ трепещетъ его!
Отъ короля Мамая цару Максиміяну:
На́-ка почитай, да головою покачай!

Царь, (прочитавъ письмо):

Ахъ, Боже мой, Боже мой,
Што я вижу предъ собой?
Имѣвъ я одного любимаго сына,
И того злой смерти предавъ.
А теперъ царъ Мамай требуя отъ мене драгоцѣнныхъ подарковъ.

(Гонцу):

Королю Мамаю отъ цара Максиміяна:
Умѣсто драгоцѣнныхъ подарковъ, златъ,—
Стрѣлъ, копій, грапатъ ему подъ бока.
Изволь выходить у чистое поля,
На широкое раздольля,
Гдѣ между нами будя большое кровопролитія:
Земля потрасётца, камни распадутца!

Мамай (входитъ).

Гонецъ (къ Мамаю):

Отъ цара Максиміяна королю Мамаю:
Умѣсто драгоцѣнныхъ подарковъ, златъ,—
Стрѣлъ, копій, грапатъ ему подъ бока!
Изволь выходить у чистое поля,
На широкое раздольля,
Гдѣ между вами будя сильное кровопролитія!

Мамай.

Трахъ, трахъ, трахъ!
Усёй хвабрости моёй врагъ!
Скольки я ѣзжу, страждаю,
По чистому полю, по широкому раздольлю разъѣзжаю,
Искавъ себѣ стрѣшника-поперешника,
Съ кимъ ба я могъ битца-рубитца
На збрую свою ратную,
На копъё булатное и на мечъ кладенецъ!
Изъѣздивъ я усѣ свѣтные края,
Но не найшла душа противника моя!
Но есть царъ Максиміянъ:
Когда бъ я его попавъ—
Збивъ ба, зрубивъ, и трупъ его въ огнѣ спаливъ!

Царь.

Не хвались, коли ѣдешъ у поля,
А тогды похвалiся, коли съ поля уберéсься!

Мамай.

А ты што за невѣжа на семъ трони разсѣвся?
Не ты есть верховный владѣтель,
Я самъ есть самоглавный монархъ.

Царь (къ зрителямъ):

Смотрите, господа:
Залетѣла ворона у чужія хоромы
Да й крача.

Мамай.

Если такъ,—сражаюсь!

Царь.

Защищаюсь!

Мамай (нападая):

Сражаюсь!

Царь.

Защищаюсь!
(Сражаются, Мамай падаетъ мертвый).
Спи, герой, на землѣ сырой,
Прахъ подложишъ подъ хваброю своёй главой!

Гонецъ.

Кўли, горы разсыпались..
Посмотритя, господа,—настала гроза,
Земля потраслась, камни распались.
Божа мой, Божа мой,
Што я вижу предъ собой?
Вижу я, вижу мертвое тѣло короля Мамая...
Ты же, братъ, душа мой,
На той свѣтъ пойдёмъ съ тобой,
Тамъ соединимся съ тобой!
Тамъ будутъ намъ райскія двери отворȏны,
И зъ Магометомъ будемъ избавлёны!
Атри, а́три, а́три, а́три—Аллà!
(Убиваетъ себя).

(Далѣе слѣдуетъ уборка тѣлъ, съ повтореніемъ рѣчей и дѣйствій, приведенныхъ выше).

Дѣйствіе четвертое.

Арапъ (парень, вымазанный сажею, —входитъ и брызгаетъ на свѣчу скипидаромъ или керосиномъ изо рта, отчего компата наполняется пламенемъ).
Жаромъ пылаю,
Глаза на небо возсылаю!
Страшусъ, устрашаюсь, отъ злыхъ враговъ отбиваюсь.
Какъ мнѣ не жалко, какъ мнѣ не обидно:
Сколько лѣтъ я ѣзжу, страждаю
По чистому полю по широкому раздолью разъѣзжаю,
Ищу себѣ прегордой, прехваброй богини,
А теперъ я вижу,—старикъ сѣдой,
Съ сѣдою бородой,
Сидитъ съ красоткой молодой!
А мене бѣднаго арапскаго королевскаго сына
У шію товхають!

Жидъ.

За то тебе у сыю товхають,
Сто ты пъяница, сукинъ сынъ!

Царь.

Прогнать, прогнать,
Непокорнаго, непослушнаго
Арапскаго королевскаго сына!

Арапъ.

Ты мене прогоняешъ?
Я съ тобой иду на поединокъ:
Или самъ выходи, или мнѣ подобна высылай,

Съ кимъ ба я мой сразитца!
Иначе градъ твой сожгу,
Тебе живого ў плѣнъ возьму,
И красавицу съ собой увезу!

Царь.

Скороходъ-маршалъ!
Явись предъ трономъ своего монарха!

Скороходъ.

Фу, грозный царъ Максиміянъ!
Почто скорохода призываешъ,
Или какія дѣла, указы повелѣваешъ?

Царь.

Позвать Анику-воина!

Скороходъ.

Слушаю приказъ, исполню тойчасъ!

Аника (входитъ).

Жидъ.

Индыкъ воинъ, удыръ етаго цорнаго,
Кабъ ёнъ здохъ, сукинъ сынъ!

Аника.

Фу, грозный царъ Максиміянъ!
Почто Анику-воина призываешъ,
Или какія дѣла—указы повелѣваешъ?
Или моё копъё предъ тобой приту-
пилось,
Или буйная голова моя предъ тобой
провинилась?

Царь.

Защитить градъ—Антовъ!

Аника.

Радъ старатца за цара и отечество!

Жидъ.

Брешешъ: одинъ, безъ жида, не по-
долѣешъ!

Аника.

Трахъ, трахъ, трахъ!
Усёй хвабрости моей врагъ!
Фу-фу, што я вижу?
Фу-фу, што я слышу?
Подступивъ подъ нашъ градъ
Распроклятый чорный Рапъ,
И хоча наша царство збить-зрубить,
И насъ живыхъ у полонъ забрать.
Но нѣтъ, нѣтъ, етаго не будя!

(Къ Арапу):

А ты, распроклятый, чорный Рапъ,
Зачимъ суды забрався?
Я когда въ вашай чорной Рапіи бы-
вавъ,
Такихъ молотцовъ по дватцать подъ
ноги топтавъ!

Арапъ.

Когда бъ у нашай чорной Рапіи ты
бывавъ,
То бъ твой прахъ не существовавъ!

Аника.

Чимъ на языкахъ бовтатца,
Не лучче ли намъ у чистомъ поли
мечами повоеватца!

Арапъ.

Если жъ такъ,—сражаюсь!

Аника.

Защищаюсь!

Жидъ (хлопаетъ арапа сзади пан-
топлей).

Арапъ.

Сражаюсь!

Аника.

Защищаюсь!
(Сражаются. Арапъ падаетъ мертвый).

Аника.

Спи герой, на землѣ сырой,
Прахъ подложишъ подъ хваброю сво-
ёй главой!
(Къ царю): Вотъ тебѣ, царъ, услуга!

Царь.

Воздать ему хвалў.

Жидъ

А скулў? Его я цорнаго съ цанцурой
убивъ!

Хоръ (воздаетъ Аникѣ хвалу. Царь съ дѣвицей встаютъ и удаляются. Музыка играетъ похоронный маршъ, пока дѣдъ гробокопатель убираетъ тѣло. Жидъ проситъ у зрителей „на баню", невыразимо почесываясь и таская изъ пейсъ насѣкомыхъ. На сценѣ остается Аника).

Аника.

Здрастуйтя, почтеннѣйшіе господа!
Я въ тіятры не бываю даромъ,
Бъю нѣскольки тысячъ ударомъ.
Моя не дерзкая рука,
Бросая копія въ облака.
Нѣтъ въ свѣти мнѣ равнаго,
Съ кимъ ба я могъ битца-рубитца
На збрую свою ратную,
На копъё булатное
И на мечъ кладенецъ!

Рыцарь (входитъ).

Послушай, богатырь,—
Я съ тобой могу побитца!

Аника.

Фу-фу, што я вижу.
Фу-фу, што я слышу?
Пойдёмъ-ка у чистое поля на копьи сражатца,
Тогды будешъ ли етыми рѣчами выхвалятца?

Рыцарь.

Не торжествуй, злодѣй: твой прахъ
Уже ў моихъ рукахъ!

Аника.

Умрошъ, умрошъ, злодѣй!

Хоръ.

Вѣтры выють, гробы трасутца,
Аника зъ рыцаромъ дерутца.
(Рыцарь падаетъ мертвый. Аника веселится, танцуетъ).

Смерть (входитъ):

Ну, полно уже гулять,
Пора умирать!

Аника.

Ухъ, ты баба рабрастая,
Чудовище проклятое!
Какъ дамъ тебѣ въ високъ,
Дакъ разсыплесься въ песокъ!
(Вдругъ падаетъ мертвый).

Записалъ П. Р. Романовъ въ зашт. гор. Бѣлицѣ, могил. губ., гдѣ этотъ „мушкаратъ преставляется" и въ настоящее время. Вар. зап. мною въ Гомелѣ. См. Журн. М. Н. П. 1888 г. іюль.—Очерки изъ истор. рус. драмы.

Звѣзда.

Кромѣ помянутыхъ двухъ пьесъ, отъ вертепнаго дѣйства въ могилевской губ. уцѣлѣла сопутствовавшая нѣкогда вертепу звѣзда. Но и она сдѣлалась достояніемъ дѣтей, прежде городскихъ, а теперь, съ распространеніемъ грамотности, и сельскихъ. Устройство звѣзды чрезвычайно простое. Сначала дѣлаютъ лубочный цилиндръ, открытый съ обѣихъ сторонъ и составляющій центръ звѣзды; въ боковую поверхность цилиндра —вставляются «роги», т. е. лучи звѣзды, состоящіе изъ четырехъ лучинокъ

каждый, связанныхъ свободными концами такимъ образомъ, что рогъ имѣетъ форму четырехгранной пирамиды. Число роговъ бываетъ отъ 6 до 18; чѣмъ больше ихъ, тѣмъ звѣзда считается красивѣйшею и нѣкоторымъ образомъ почетнѣйшею. Въ такомъ видѣ звѣзда насаживается на «крючекъ», т. е. на деревянную ручку, 1½—2 ар. длин., вверху съ изогнутымъ желѣзнымъ наконечникомъ, на которомъ прикрѣпленъ подсвѣчникъ. Наконечникъ продѣваются чрезъ узкую втулку въ задней сторонѣ лубка такимъ образомъ, чтобы подсвѣчникъ находился внутри звѣзды, и чтобы звѣзда имѣла возможность вращаться на неподвижномъ крючкѣ. Бока цилиндра при этомъ по возможности вырѣзываются. Затѣмъ разрисовываются херувимы для роговъ и «лицо» для центра звѣзды. Изображеніе херувимовъ состоитъ изъ головы и двухъ крыльевъ, и раскрашивается въ различные цвѣта; на «лицѣ» рисуется рождество Христово, примѣнительно къ рисунку иконному. Обыкновенно на «лицѣ» видны ясли, коричневаго или черного цвѣта; поверхъ ихъ зеленое сѣно, а на сѣнѣ сповитый младенецъ; подлѣ стоятъ на колѣняхъ двѣ фигуры: одна съ покрытою головою—Марія, другая съ непокрытою—Іосифъ. Выборъ красокъ зависитъ отъ рисовальщика, ученика ближайшей школы. Вверху лица изображается желтая звѣзда. Городскіе «звѣздари» рисуютъ кромѣ того, ангеловъ, пастырей, а также коровъ и ягнятъ. Разрисованною такимъ образомъ бумагою оклеиваютъ всѣ рога и отверстія въ лубкѣ, стараясь сохранить нѣкоторую симметрію въ расположеніи херувимовъ на рогахъ, и приклеивая лицо на сторонѣ лубка, противоположной ручкѣ. Наконецъ, бумага пропитывается постнымъ масломъ,—отъ чего вся звѣзда дѣлается прозрачною,—и къ концамъ роговъ привязываются пушистыя бумажныя кисти.

Въ первый вечеръ колядъ (25 дек.) звѣздари зажигаютъ внутри звѣзды огарокъ свѣчи и начинаютъ «ходить со звѣздою.» Впуская звѣздарей, хозяева зажигаютъ свѣчу или лампадку предъ образами, предъ коими поются вирши. Хожденіе со звѣздою прекращается съ окончаніемъ «святыхъ вечеровъ»—6 января.

Виршей сохранилось немного и въ весьма искаженномъ видѣ. Прежде всего поются тропарь и кондакъ праздника; затѣмъ первая строфа изъ пѣсни 11-й Богогласника: Цвѣтъ мысленный днесь родися . Затѣмъ пятая строфа, третья, четвертая: потомъ стихъ изъ вертепнаго дѣйства:

Шедше тріе цари
Ко Христу зъ дарами.
Иродъ ихъ пригласивъ,
Куды идуть, испросивъ.

Отвѣщаша ему:
Идемъ къ рожденному!
—Къ рожденному идитя,
И мнѣ возвѣститя.

Шедши, поклонися,
Предъ царомъ смируся,
Воздамъ честь обычну,
Яко цару приличну!
Ангелъ имъ явився,
Где Христосъ родився.
Ангелъ имъ вѣщаетъ,
На путь наставляетъ.
Инымъ путёмъ идити,
Ко Ироду не ходити!
Пришли въ страну свою,
Христа славословють.
Дай и мнѣ здѣсь жити,
Тамъ на вѣки служити!

Далѣе стихъ:
Звѣзда иде чудна
Зъ востокъ на полудень,
Надъ вертепомъ сіяя,
Христа цара являя.

Волсви возвратиша,
У Ирода не быша,
Вспять возвратишася,
А не отрудишася.

Затѣмъ поется строфа четвертая стиха 10-го Богогласника, пятая и шестая, и уже послѣ нихъ—первая и вторая. Наконецъ, поется стихъ 6 Богогласника, только первая строфа: Скинія всезлатая и проч.

По окончаніи пѣнія говорится «казень» двумя «другами», слѣдующаго содержанія:

Первый другъ. Нонѣшній высокоторжественный день велитъ намъ посѣщать ближній ближняго. Ближній же есть нихто другой, какъ всякъ человѣкъ, имѣющій въ себѣ понятіе о томъ торжествѣ, въ которомъ торжествують православные христіяне. И мы чувствуемъ въ сертцахъ нашихъ несказанную радость и осмѣливши прити къ вамъ. Вы же позвольтя намъ простерть изъясняющій гласъ величія Сына Божія.

Второй другъ. Можете.

1. Другъ мой милый, а ты почто здѣсь такъ уныло стоишъ,
Мнѣ о новорожденномъ Христѣ ничего не говоришъ?
Развѣ ты етому не извѣстився,
Што Исусъ Христосъ въ Виѳлеемѣ іудейстѣмъ народився?

2. Да я давно етому извѣстився,
Што Исусъ Христосъ въ Виѳлеемѣ іудейскомъ народився;
Да што ето царъ Иродъ помышлявъ,
Когда убить его искавъ?

1. Ёнъ его убить искавъ,—
Свойго земного царства не попускавъ.

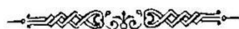
2. Но што бъ ёнъ ему сотворивъ,
Когда бъ ёнъ его въ своё руки зловивъ?

1. Ёнъ хотѣвъ его съ свѣту стребить,
Штобъ ему свое царство не попустить.

2. Напрасно ёнъ сіе помышлявъ,
Ибо Христосъ земного царства не искавъ;
Но искавъ небесныхъ благъ,
Штобъ ему не могъ противитца врагъ.
1. Но ёнъ и воиновъ посылавъ;
Коло Виѳліема четырнатцать тысячъ младенцевъ избивъ,
Но всё онаго не сыскавъ,
А тольки матеръ виѳліемскую запечаливъ.
Матери отъ печали горки слёзы проливали,
О камни главы пробивали,
По вулицамъ виѳліемскимъ свою кровъ проливали,
А царъ Иродъ отъ ярости сертца самъ себе истребивъ.
2. Другъ мой, я хочу ещё о семъ знать?
1. Изволь мнѣ тойчасъ сказать.
2. Для чего Богъ сходивъ зъ неба?
1. Для того Богъ сходивъ зъ неба,
Штобъ привесть родъ человѣчецкій къ христіянству
И избавить его отъ первороднаго грѣха.
2. Другъ мой, я хочу ещё о семъ знать?
1. Изволь мнѣ тойчасъ сказать.
2. Какая причина побудила Адама и Еву
Войти въ такое плачевное и горестное положеніе?
1. Такая причина побудила Адама и Еву
Войти въ такое плачевное и горестное положеніе, што Ева.
Бывши въ раю, вкусила плода отъ запрещеннаго древа.
Но на то прельстивъ её змѣй,
Который бывъ изъ усихъ змѣй лютѣй.
Но тогды и Ева сама себе проклинала,
Якъ путь до раю потерала.
Сказано въ древніе годы.
За такіе плоды и за цвѣтъ
И мы вамъ желаемъ много лѣтъ!

Запис. въ гор. Бѣлицѣ.

Наконецъ, остатки вертепнаго дѣйства мною встрѣчены въ видѣ—особнякомъ употреблявщихся— юмористическаго діалога: Ванька малой и т. д. и духовнаго стиха: Человѣче бѣдный, вспомни часъ послѣдній и т. д.



ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

1. Голубиная книга.

Якъ на сёй на горѣ на Сіяньской,
Тамко чудо прочудзилося,
Проявушка проявилася:
Выпадала книга голубиная,
Голубиная, лебядзиная,
Лебядзиная, сорочиная.
Не малая книга, не вялнкая:
Сорока локонъ книга долинёй,
Дватцаци локонъ книга ширинёй,
Увокругъ жа книга шезьдзесятъ локонъ.
На престоли книгу класць—
Книга не ўляжиць,
На рукахъ дзержаць—
Книгу не здержаць,
По письму яе ходзици—не сходзици.
Собиралися и соѣжжалися
Сорокъ царёвъ со царёвичамъ,
Сорокъ королёвъ со королёвичамъ,
Сорокъ князёвъ съ князёвичамъ,
Сорокъ поповъ со поповичамъ,
Сорокъ жа дзяковъ со дзяковичамъ.
Выискався бо тамко хи̇трэй-му̇дрэй царь,
Хитрэй-мудрэй царь—Володзимеръ царь,
Володзимеръ—царь, Витовце́евичъ.
„Ты хорошъ, Володзимеръ—царь,
Володзимеръ царь, Витовцеевичъ,
Ты на басенки ўсё на добрыи,
На отгадычки ўсё на мудрыи:
Прочитай намъ книгу голубиную,
Голубиную, лебядзиную,
И скажи ты намъ правду вѣрную,
И скажи ты намъ правду пѣвную:
Отъ чаго у насъ ды ёсь ютрія зори?
Отъ чаго у насъ ёсь ды бялы̇й дзень?
Отъ чаго жъ ды ў насъ ёсь красное слонца?
Отъ чаго жъ ды у насъ ёсь буйныи вятры̀?
Отъ чаго жъ у насъ ёсь дробныи дожжи?
Отъ чаго у насъ ды ёсь цёмная ночь?
Отъ чаго у насъ ды ёсь златъ ясёнъ мѣсяцъ?...
И скажи ты намъ правду вѣрную,
И скажи ты намъ правду пѣвную!“
—Скажу я, братцы, не по грамоци,
Не по грамоци, а по памяци,
Усё по памяци, якъ по грамоци,
Якъ по грамоци, якъ по ро̀зуму,
Якъ по ро̀зуму, якъ *по прежнему*:
Ютрія зо̀ри отъ ризы божай—
Самого̀ Христа, царя небеснаго.
Бялы̇й дзень—похождзень Божій—
Самого Христа, царя небеснаго.
Красное сло̀нца отъ лица Божа—

Самого Христа, царя небеснаго.
Буйныи вятры со устовъ Божихъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Дробныи дожжи зъ вобляковъ Божихъ,
Самого Христа, царя небеснаго.
Цемная ночь отъ посцели Божай—
Самого Христа, царя небеснаго.
Златъ ясёнъ мѣсяцъ отъ грудзей Божихъ—
Самого Христа, царя небеснаго...
—„Хитрэй-мудрэй царь, Володзимеръ царь,
Володзимеръ царь, Витовцеевичъ!
Ты хорошъ на басенки на добрыи,
На отгадочки па мудрыи:
И скажи ты намъ правду вѣрную,
И скажи ты намъ правду пѣвную:
Который царь усимъ царямъ оцецъ?
Который городъ усимъ городамъ оцецъ?
Которая цэрьква ўсимъ цэрьквамъ оцецъ?
Который попъ усимъ попамъ оцецъ?
Которое море ўсимъ морямъ оцецъ?
Которая рѣка усимъ рѣкамъ оцецъ?
Которая гора усимъ горамъ оцецъ?
Который камень усимъ камнямъ оцецъ?
Который жа звѣрь усимъ звѣрямъ оцецъ?
Которая пцица усимъ пцицамъ оцецъ?
Которая рыба усимъ рыбамъ оцецъ?
Которое древо усимъ древамъ оцецъ?
Которая трава усимъ травамъ оцецъ?
И скажи ты намъ, хитрэй-мудрэй царь,
Володзимеръ, царь Витовцеевичъ,
И скажи ты намъ правду вѣрную,
И скажи ты намъ правду пѣвчую!..“
—Скажу я, братцы, не по грамоци,
Не по грамоци, а по памяци,
Я по памяци, якъ по грамоци,
Якъ по грамоци, якъ по розуму,
Якъ по розуму, якъ по прежнему:
Бялый жа царь усимъ царямъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Почаму жъ бѣлый царь
Усимъ царямъ оцецъ?
—А вотъ, братцы, почаму бѣлый царь
Усимъ царямъ оцецъ:
Што яго вѣрушка хрящоная,
Хрящоная, богомольная—
Самого Христа, царя небеснаго.
Русалимъ городъ ўсимъ городамъ оцецъ—
Самого Христа царя небеснаго.
Почаму жа Русалимъ городъ
Усимъ городамъ оцецъ?
—А вотъ почаму Русалимъ городъ
Усимъ городамъ оцецъ:—
Стоиць жа ёнъ серёдъ свѣту, серёдъ [бѣлаго,
Потому Русалимъ городъ
Усимъ городамъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Итуманьска цэрьква
Усимъ цэрьквамъ оцецъ,
Самого Христа, царя небеснаго.
Почаму жъ Итуманьска цэрква
Усимъ цэрьквамъ оцецъ?
—А вотъ почаму Итуманьска цэрьква
Усимъ цэрьквамъ оцецъ:
Выходзила цэрьква Божа
Съ Итуманьска моря,
И у тэй цэрькви стоявъ Рымъ-папа
Обѣдзенку суновную,
Суновную, богомольную—
Самого Христа, царя небеснаго.
Состоявши обѣдзенку суповную,
Цэрьква Божа ко дну пошла—
Самого Христа, царя небеснаго.
Вотъ почаму цэрьква Итуманьска
Усимъ цэрьквамъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.

Рымъ-папа усимъ попамъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Почаму жа Рымъ-папа
Усимъ попамъ оцецъ?
—Стоявъ ёнъ обѣдзенку суповную,
Суповную, богомольную—
Самого Христа, царя небеснаго,
И во тымъ ли Божамъ храми,
На Итуманьскимъ ли мори—
Самого Христа, царя небеснаго,
Со семидзесяци семю янгелами,
Со семидзесяци семю апостолами—
Самого Христа, царя небеснаго.
Вотъ почаму ёнъ усимъ попамъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Къ ямў писемцы идуць отъ самого
Царя небеснаго. [Христа,
И ёнъ ихъ получаець,
По бялу свѣту разсылаець—
Самого Христа, царя небеснаго.
Итумань-моря ўсимъ морямъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Почаму жа Итумань-моря
Ўсимъ морямъ оцецъ?
—По етому ли морю у корабли
Ишовъ Сусъ Христосъ—
Самого Христа, царя небеснаго,
Со семидзесяци семю янгелами,
Со семидзесяци семю апостолами—
Самого Христа, царя небеснаго.
Ирдань рѣка ўсимъ рѣкамъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Почаму жа Ирдань рѣка
Усимъ рѣкамъ оцецъ?
—На Ирдани на ряцѣ
Хрясцився самъ Исусъ Христосъ,
Со семидзесяци семю янгелами,
Со семидзесяци семю апостолами,—
Потому Ирдань рѣка
Ўсимъ рѣкамъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Сіянъ-гора ўсимъ горамъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Почаму жъ Сіянъ-гора
Усимъ горамъ оцецъ?
—Потому, што на Сіяни на горѣ
Родзився самъ Исусъ Христосъ,
Со семидзесяци семю янгелами,
Со семидзесяци семю апостолами—
Самого Христа, цяря небеснаго.
Екитань-камень усимъ камнямъ оцецъ
—Самого Христа, царя небеснаго.
Почаму жъ екитань-камень
Усимъ камнямъ оцецъ?
—На екитани-камни
Самъ Сусъ Христосъ обѣдъ имѣвъ,
Со семидзесяци семю янгелами,
Со семидзесяци семю апостолами—
Самого Христа, царя небеснаго.
Вотъ почаму екитань-камень
Усимъ камнямъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго
Андругъ-звѣрь ўсимъ звѣрямъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Почаму жа андругъ-звѣрь
Усимъ звѣрямъ оцецъ?
—А вотъ почаму андругъ-звѣрь
Ўсимъ звѣрямъ оцецъ:
Было тое сухомлѣційко,
Ўсяму міру православному заморенійко:
Не было воды на бялымъ святў—
Самого Христа, царя небеснаго.
Возбѣгавъ андругъ-звѣрь на крутыи го-
И раскидывавъ жовтыи пяски, [ры
Пропускавъ ёнъ рѣки быстрыи,
Рѣки быстрыи, беряжистыи,
Понапойвъ души грѣшныи—
Потому андругъ-звѣрь усимъ звѣрямъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.

Драгунъ-пцица усимъ пцицамъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Почаму жа драгунъ-пцица
Ўсимъ пцицамъ оцецъ?
—Потому ина, ета пцица,
По поднебесью летала,
Ключи живыи выпускала,
Рѣчки быстрыи наповняла,
И пользу ўсяму міру творила,
Усяму міру хрящоному,—
Потому драгунъ пцица усимъ пцицамъ оцецъ,—
Самого Христа, царя небеснаго.
Китъ рыба усимъ рыбамъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Почаму жа китъ рыба
Усимъ рыбамъ оцецъ?
—Потому што на трёхъ китахъ
Увесь бялый свѣтъ стоицъ,
Сыру мать-зямлю дзяржицъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Купарёсъ-древо усимъ древамъ оцецъ
—Самого Христа, царя небеснаго.
Почаму жа купаресъ-древо
Усимъ древамъ оцецъ?
—Вотъ почаму купаресъ-древо
Усимъ древамъ оцецъ—
Што на купареси древи
Колыска висѣла,
Самъ Исусъ Христосъ
У етой колысцы колыхався,
Пресвятая дзѣва Марея колыхала
Самого Христа, царя небеснаго.
Плакунъ-трава усимъ травамъ оцецъ—
Самого Христа, царя небеснаго.
Почаму жа плакунъ-трава
Усимъ травамъ оцецъ?
—А вотъ почаму плакунъ-трава
Усимъ травамъ оцецъ:
Што якъ жиды Христа мучили,
Пресвятая дзѣва Марея слезно плакала,
Слезно плакала по сыну свойму,—
Слязу ўронила,
И плакунъ-трава уродзила,—
Самого Христа, царя небеснаго.
Выбѣгъ заiка со чистыхъ полёвъ
Выбѣгъ жа заинька бѣленькій,
Сы цямныхъ лясовъ шѣренькій.
То й не заинька, то й ня бѣленькій,
То й ня бѣленькій, то й ня шѣренькій,—
То со чистыхъ полёвъ выбѣгла правда вѣрная,
Правда вѣрная, правда пѣвная;
Сы цямныхъ лясовъ
То выбѣгла кривда шѣрая.
Собѣгавшися, погрызалися,
Погрызавшися, поспиралися.
Правду ўзявъ Господзь Сусъ Христосъ на небёса,
А кривду пославъ по бялу святу,
По сырой матки-зямлѣ,
По души грѣшныи...
Вотъ зачимъ у насъ на сёмъ свѣци
Нѣтуци правды вѣрныя, правды пѣвныя;
А ёсь тольки кривда вяликая,
Кривда вяликая, а правда маленькая,
Правда маленькая, невяличенькая.
Яны якъ 'грызалися, якъ спиралися,
Кривда вяликая ня 'долѣла правду маленькую,
Правду маленькую, невяличенькую...

Запис. въ д. Болотовкахъ, город. у. вит. губ. отъ кр. Василія Денисенка, нищаго, 57 л., неграмотнаго, народный учит. г. Василевъ, по моимъ указаніямъ.

Ср. Вар. 11, 16, 17, 19, 229. Кир. въ Чт. Общ. Ист. 49 г. № IX, 187. Безс. 2, 269—341. Изъ нихъ бѣлорусскіе: Вар. 229, Безсон. 338.

6, Якъ сы той стороны съ цыдвосточныя,
Уставала туца тёмногрозная,
Темногрозная, непроносная.
Съ тые туцы, съ тые тёмныя
Выпадала книга голубиная,
И ны славныю ны Хамуръ гору̀,
Ко цудну̀ хрясту жывтворящему,
Кы тому кы камню—къ бѣлъ ала́тырю,
Къ цастно̀й гыловы̀ ко Едамовый.
Собиралися, соѣжжалися
А и мног' царей, мног' царевицэй,
А и мног' князей, премног' князевицэй.
А было пять царей са̀мы бо̀льшіи:
Бывъ Асай первы́й царь, 'торой Кыстянтинъ,
Бывъ Василій царь Синекурьевицъ,
Волоту̀мырь царь Волотумыревицъ,
Бывъ пряўмудрый царь Давыдъ Авсеевицъ.
Гывори̇̀въ Волотумырь царь Волотумыревицъ:
«Гусудари вы, братцы—сорокъ царей!
Ай и хто жъ ба зъ насъ, братцы, ай пу памяти
Рысказавъ бы намъ, братцы, пропо вѣдувавъ
А про ету книгу голубиную:
Отъ цаго ль ныцався а ў насъ бѣлый свѣтъ?
Отъ цаго ль у насъ мать сыра земля?
Отъ цаго ль у насъ сонца красное?
Отъ цаго ль у насъ мыла̀дъ святёнъ мѣсяцъ?
Й отъ цаго ль у насъ зори свѣтлыи?
Отъ цаго ль у насъ звѣзды цастыи?»
Яму̀ 'твѣтъ державъ нашъ пряўмудрый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Авсеевицъ:
«Гусудари вы, братцы—сорокъ царей!
Рыскажу вамъ, братцы, пропове̇̀дыю
Я про ету книгу голубиную.
Не вызнать во книги што й написыно,
Въ голубиный книги напецатывано:
Намъ умомъ узять—не ўвозме́тетя,
У воцахъ ўсей книги не ўобо́зретя,
На рукахъ держать—не соде̇̀ржить будеть.
Вялика́я книга голубиная,
Дылинёй ёсь книга сорокъ лако́въ,
Пупярёкъ ёсь книга тритцыть лако́въ,
Вышинёй ёсь книга десять лаковъ.
Писавъ ету книгу свѣтъ Асай пророкъ,
Цытавъ ету книгу Иванъ Быгословъ,
Ёнъ цытавъ іѐ ровно три года̀,
Процытавъ во книгѝ только три листа̀.
Рыскажу вамъ, братцы, пропове̇̀дыю
Я про ету книгу голубиную:
Ў насъ нацався свѣтъ отъ свята̀ Духа́,
Само́го Суса Христа, царя небёснаго;
Мать сырая земля отъ думы божей,
Сонца красное отъ лица божаго,
Мыла̀дъ святёнъ мѣсяцъ отъ грудей божихъ,
Зори свѣтлыи отъ воцей божихъ,
Звѣзды цастыи отъ ризы божей!..»
Яму ўси цари пыклонилися:
«И спасёть Господь, свѣтъ пряўмудрый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Авсеевицъ!
Хорошо скызавъ, суда̀рь, пу памяти
Ай про ету книгу голубиную!

А ещѐ ты, сударь, намъ про то скажи,
Отъ цаго у насъ цари зацадѝлися,
Й отъ цаго князьё сы боярами,
Й отъ цаго крестіянство праву-
славное?»
Яму̀ 'твѣтъ державъ на то пряўмуд-
рый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Ав-
сеевицъ:
«Гусудари вы, братцы — сорокъ царей!
Рыскажу вамъ, братцы, проповѣдыю
Я про ету книгу голубиную.
Ў насъ цари сы царицымъ зацадѝлися
Отъ цастной гыловы отъ Едамывой.
Ў насъ пошло князьё сы боярами
Ўсё й отъ тыхъ отъ мощей отъ Еда-
мывыхъ.
Ў насъ пошло крестіянство праву-
славное
Отъ того колѣна отъ Едамыва!..»
Яму ўси цари пыклонилися:
«И спасёть Господь, свѣтъ пряўмуд-
рый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Ав-
сеевицъ!
Хорошо скызавъ, сударь, пу памяти,
Ўсё про ету книгу голубиную.
И еще намъ, сударь, ты про то скажи:
Который (ў) насъ гѐрыдъ гырыдáмъ
отецъ?
Который 'насъ царь ўсимъ царямъ
и царь?»
Имъ отвѣтъ державъ на то пряўмуд-
рый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Ав-
сеевицъ:
«Государи вы, братцы, — сорокъ царей!
Рыскажу вамъ, братцы, проповѣдыю
Я про ету книгу голубиную.

Ў насъ Русалимъ горыдъ гырыдàмъ
отецъ.
Пыцаму Русалимъ гырыдамъ отецъ:
Якъ стоить Русалимъ пысрядѝ зямлѝ,
Пыдъ собой дяржить одинъ пупъ
зямный, —
Пытому Русалимъ гырыдамъ отецъ.
А ў ныцальнымъ гради и ў Русáлими
Тамъ сотворена цэрьква соборная.
Якъ у той и во цэрькви и ў соборныя
Тамъ содержитца гробница господьнія,
И на вóздусяхъ и на возносяхъ;
Тамъ тимъяный лáдунъ рядомъ ку-
ритца,
Свѣцà тѐпитца неўгасимая, —
Пытому тая цэрьква 'симъ цэрьквамъ
отецъ.
И ў насъ бѣлый царь 'симъ царямъ
и царь.
Пыцаму бѣлый царь 'симъ царямъ и
Якъ у нашаго цàря бѣлыго [царь:
Въ яго чарстви вѣра блугувѣрная,
Блугувѣрная, блугущасьлѝвая;
Высока яго рука царская
Пы во 'сёй зямлѣ, по бѣлой Русѣ, —
Пытому бѣло-руській царь 'симъ ца-
рямъ и царь!..»
Яму ўси цари пыклонилися:
«И спасёть Господь, свѣтъ пряўмуд-
рый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Ав-
сеевицъ!
Хорошо скызавъ, сударь, пу памяти
И про ету книгу голубиную!
И ещé ты, сударь, на про то скажи:
Которая зѐмля ўсимъ землямъ отецъ?
Которая гѐра ўсимъ горамъ оцецъ?
Которое древо ўсимъ древáмъ отецъ?»
Имъ отвѣтъ державъ на то пряўмуд-
рый царь,

Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Авсеевицъ:
«Гусудари вы, братцы—сорокъ царей!
Рыскажу вамъ, братцы, проповѣдыю
Я про ету книгу голубиную.
Ў насъ бѣла́ Русь земля ‘симъ землямъ отецъ.
Пыцаму бѣла̀ Русь земля ‘симъ землямъ отецъ:
Сукра́шена зе́мля ой божжими цэрьквами,
По ёй строютца цэрькви соборныи,
Пы во ‘сёй зямлѣ, пу свято́й Русѣ,—
Пытому бѣла Русь земля ‘симъ землямъ отецъ.
А Хамуръ гора ўсимъ горамъ отецъ.
Пыцаму Хамуръ ўсимъ горамъ отецъ,—
Пріўбразився тамъ самъ Исусъ Христосъ
Со двумъ—на̀десямъ свѣтъ апостыламъ,
Сы двинатцыти со вучителямъ,
Распущали книгу голубиную,
А ўтвержали вѣру крестіянскую,—
Пытому Хамуръ ўсимъ горамъ отецъ.
А купаризъ-древо ўсимъ древа̀мъ отецъ.
Пыцаму купаризъ ўсимъ древамъ отецъ:
Якъ на томъ на древи на купаризи
Тамъ вырѣзанъ бывъ ой пряцудный хрёстъ;
Якъ на томъ на хрясту жыв’творящаму
А распятъ бывъ самъ Исусъ Христосъ,
Со двумъ-на́десямъ свѣтъ апостыламъ,
Сы двинатцыти со вучителямъ,—
Пытому купаризъ ’симъ древа́мъ отецъ!..»

Ну, и ўси цари пыклонилися:
«И спасеть Господь, свѣтъ пряўмудрый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Авсеевицъ!
Хорошо скызавъ, сударь, пу памяти
Намъ про ету книгу голубиную.
И ящо́ ты, сударь, намъ про то скажи:
Которое море ’симъ морямъ отецъ?
Которое возеро ’симъ зера́мъ отецъ?
Которая рѣка ўсимъ рѣкамъ отецъ?»
Имъ отвѣтъ державъ на то пряўмудрый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Авсеевицъ:
«Гусудари вы, братцы—сорокъ царей!
Рыскажу вамъ, братцы, проповѣдыю
Я про ету книгу голубиную.
Ў насъ кіянь-море ’симъ морямъ отецъ.
Пыцаму кіянь ’симъ морямъ отецъ:
Обойшовъ кіянь ой вокругъ зямли;
Якъ съ того со моря сы кіяньскаго
Устають туцы тёмногрозныи;
Якъ съ потъ той туцы темногрозныи
Якъ прольлють дожжи цасты дробныи
Пы во ’сёй зямлѣ по бѣлой Русѣ,—
Пытому кіянь ўсимъ морямъ отецъ.
А Ильмѐнь жа возеро ’симъ зерамъ отецъ.
Пычаму Ильмень ’симъ зерамъ отецъ,—
А й ня той Ильмень, што ў Большой Орды,
А й ня той Ильмень, што пыдъ Новымъ-Городо́мъ,—
А ёсь той Ильмень у турецкей зямлѣ.
Якъ съ того сы Ильменя а сы возера
Протекла рѣка, мать Ердань рѣка,—
Пытому Ильмень ’симъ зерамъ отецъ.
А Ердань рѣка ’симъ рѣкамъ отецъ.

Пыцаму Ердань рѣка ўсимъ рѣкамъ
отецъ:
Христився Христосъ а ў Ердань рякѣ,
Со двумъ-на́десямъ свѣтъ апостыламъ
Сы двинатцыти со вучителямъ,
Распущали книгу голубиную,
А ўтвержали вѣру крестіянскую,—
Пытому Ердань рѣка 'симъ рѣкамъ
отецъ!..»
Ну и ўси цари пыклонилися:
«И спасеть Господь, свѣтъ пряўмудрый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Авсеевицъ.
Хорошо скызавъ, суда̀рь, пу памяти
Намъ про ету книгу голубиную.
И ящо̀ ты, суда́рь, намъ про то скажи:
Которая рыба ўсимъ рыба̀мъ отецъ?
Которая птица ўсимъ птица́мъ отецъ?
Который 'насъ звѣрь 'симъ звѣрямъ
и звѣрь?»
Яму̀ 'твѣтъ державъ на то пряўмудрый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Авсеевицъ:
«Гусудари вы, братцы,—сорокъ царей!
Рыскажу вамъ, братцы, проповѣдыю
Я про ету книгу голубиную.
Ў насъ жа китъ рыба 'симъ рыба́мъ
отецъ.
Пыцаму китъ рыба 'симъ рыбамъ отецъ:
Якъ на трёхъ рыбина́хъ, на китёнышахъ,
Тамъ основана мать сыра земля,
А содержитца на нёй 'ся 'селенная,—
Пытому китъ рыба 'симъ рыбамъ
отецъ.
А Стряпёлъ жа птица 'симъ птица̀мъ
отецъ.
Пыцаму Стряпёлъ ўсимъ птица́мъ отецъ:
Якъ живеть Стряпёлъ на кіянь-мори,
Ина плодъ плодйть а ў синё море,
А полётъ дяржйть по подъ небеса̀.
Посли повноцы̀ а ў фтором ъ цасу̀,
Якъ Стряпёлъ птица устряпёхветца,—
Зыпяють куры̀ а ў насъ пы землй;
Вотъ тоды' селенная просвѣщаетца,—
Пытому Стряпёлъ ўсимъ птица́мъ
отецъ.
А Единдрь звѣрь 'симъ звѣрямъ и
звѣрь.
Пыцаму Единорь ўсимъ звѣрямъ и
звѣрь:
Якъ живеть Единорь а ў святой горы,
А проходить звѣрь по подземелью.
Единорь жа звѣрь пуворо́титца—
Прочищаеть руцци ўси востошныи,
А ўскипять клюцы пыдзямельныи,—
Пытому Единорь ўсимъ звѣрямъ и
звѣрь!..»
Ну и ўси цари пыклонилися:
«И спасёть Господь, свѣтъ пряўмудрый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Авсеевицъ!
Хорошо скызавъ, суда́рь, пу памяти
И про ету книгу голубиную.
И ящо̀ ты, суда́рь, намъ про то скажи:
Который ў насъ камень каменья̀мъ
отецъ?
Котора трава ўсимъ травамъ отецъ?
Которымъ грѣхамъ покаяньня ёсь?
Которымъ грѣхамъ покаяньня нѣтъ?»
Имъ отвѣтъ державъ на то пряўмудрый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Авсеевицъ:
«Гусудари вы, братцы,—сорокъ царей!
Рыскажу вамъ, братцы, проповѣдыю
Я про ету книгу голубиную.

'Насъ бѣлъ ла́тырь камень каменья́мъ отецъ.
Пыцаму бѣлъ ла́тырь камень каменьнямъ отецъ:
Тамъ бесѣдывавъ самъ Исусъ Христосъ,
Со двумъ-на́десямъ свѣтъ апостыламъ,
Сы двинатцыти со вучителямъ,
Распущали книгу голубиную,
И ўтвержали вѣру крестіянскую,—
Пытому бѣлъ латырь камень каменья́мъ отецъ.
А плакунъ-трава ўсимъ травамъ отецъ.
Пыцаму плакунъ-трава ўсимъ травамъ отецъ:
А пшла сама дѣва Бўгуродица
Кы свойму кы сыну кы распя́тому,
Кы Сусу кы Христу, царю нябёсныму;
Пна плакыла, слёзы ра́нила
Ой на матушку на сыру зямлю;
Якъ со тыхъ слёзышикъ сы прячистыихъ
Зыродилась на зямли пла́кунъ-трава,—
Пытому плакунъ ўсимъ травамъ отецъ.
Ну и ўсимъ грѣхамъ покаяньня ёсь,
Тольки тымъ грѣхамъ покаяньня нѣтъ,
Который бранить ой святого Духа,
Который во 'троби плодъ запорчиваеть,
Который бранить вотца съ матерью,
Который гряшить кумъ съ кумой, хрястовыи,—
Вотъ етымъ грѣхамъ покаяньня нѣтъ!..»
«И спасётъ Господь, свѣтъ пряўмудрый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Авсеевицъ!
Хорошо скызавъ, сударь, пу памяти
Намъ про ету книгу голубиную!
Говоривъ Волотумырь царь Волотумыревицъ:
«Гусудари вы, братцы,—сорокъ царей!
Якъ у моёмъ поли случа́лося,—
Бы два зайчики сыбѣгалися:
Одинъ бѣленькій, другей шѣренькій.
А й сыше́тчися ды й подралися!..»
Яму 'твѣтъ державъ нашъ пряўмудрый царь,
Нашъ пряўмудрый царь, Давыдъ Авсеевицъ:
«Гусудари вы, братцы,—сорокъ царей!
Рыскажу вамъ, братцы, проповѣдыю
Я про ету книгу голубиную.
Ну ето были ой не зайчики,—
Суходились правда ай су кривдою.
А й сышетчися ды й подралися,—
Кривда правду пріўобидила.
Якъ пошла правда ай ны небеса,
Къ самому Христу царю нябёсному,
Оставалась кривда а ў насъ на зямли.
Якъ пошла кривда по ўсяму міру,
По усяму міру правуславныму,
По тому народу крестіянскому,
Якъ и пала кривда ў ретиво́ сертца́.
Зато ныни ў мірѣ правды нѣтути,
А великое прегрѣшеніе, и тяжолое беззаконіе.
Яму ўсѝ цари пыклонилися:

С. Дубокрай, город. у. вит. губ.

в, О съ-подъ лѣсу, лѣсу, лѣсу цёмнаго,
А съ-подъ гаю, гаю, съ-подъ зялёнаго,
Выходзила хмара, хмара цёмная,
Выходзила туча, туча грозная.
Ой исъ тыѐ хмары, хмары цёмныя,

Ой исъ тые тучи, тучи грозныя,
Якъ выпала книга голубиная,
Голубиная, пралюбимая,
А сорокъ локотъ [1]) довжинёю,
Пятьдзесятъ локотъ [2]) ширинёю, [3])
Шесьдзесятъ вяршковъ глубинёю.
Собиралися цари, дванатцаць князей [4])
Нихто тыя книги не прочитая [5]),
Нихто божія мысьли не распозная [6])
Ай обобрався прамудрый царъ,
Прамудрый царъ—Давыдъ Явсеевичъ,
Ёнъ жа тую книгу расчитая,
Ёнъ божія мысьли распозная, [7])
Ўсё й по розуму, ўсё й по памяци,
По своёй по чистой бѣлой грамоци.
А книга жъ моя голубиная,
Голубиная, пралюбимая,
А прамудрый царъ Давыдъ Явсеевичъ,
Раскажи жъ ты намъ, а просьци
жъ ты намъ,
А по своихъ мысьляхъ, по розуми,
А по розуми, а по памяци,
А по своёй чистой бѣлой грамоци,—
А съ чаго бѣлый свѣтъ зачинався?
—А зачався бѣлый свѣтъ отъ самаго Бога,
Отъ самаго Бога, отъ Самовохва. [8])
А книга моя голубиная,
Голубиная, пралюбимая,
А прамудрый царъ Д. Я.
Раскажи ты намъ, усё и просьци ты
намъ и т. д.
А съ чаго ясныя звѣзды [9]) зачиналися?
—А зачалися звѣзды отъ самаго Бога,
Отъ Суса Христа, сы вочей яго. [10]).
А книга моя голубиная и т. д.
А прамудрый царъ Д. Я.
Раскажи ты намъ, а просьци ты
намъ и т. д.
Съ чаго жаркое сонца [11]) начиналося?
—А зачалося сонца отъ самаго Бога,
Отъ самого Бога, Исуса Христа,
Исуса Христа, изъ лица яго [12]).
А книга моя голубиная и т. д.
А прамудрый царъ Д. Я.
Раскажи ты намъ, а просьци ты
намъ и т. д.
А съ чаго ясенъ мѣсяцъ зачинався?
—А зачався мѣсяцъ отъ самаго Бога,
Отъ самаго Бога, Исуса Христа,
Исуса Христа, со лоба яго. [13])
А книга моя голубиная и т. д.
Почаму лютыя морозы зачиналися?
—Зачалися лютыя морозы отъ самаго Бога и т. д.
Исуса Христа, со носа яго [14])
А книга моя голубиная и т. д.
Почаму буйныя вѣтры зачиналися?
—Зачалися буйныя вѣтры и т. д.
Отъ Суса Христа, изъ вусовъ яго.
А книга моя голубиная и т. д.
Почаму бѣлыя сняги вопадаюць?
—Вопадаюць бѣлыя сняги и т. д.

1) Вар. 50 локотъ; 40 саженей. 2) 60 локотъ; 30 саженей. 3) шпрочинею. 4) ... цари, князи, и попы, ксяндзы, патріярхи. 5) не расчитаець. 6) не разгадаець. 7) Охъ, я жъ ету книгу расчитаю, охъ, я жъ ету книгу разгадаю. 8) А зачався бѣлый свѣтъ отъ Суса Христа, а зъ яго вуста. Или: съ самаго яго. Или: съ крыви яго. Или: сы думовъ яго. 9) Вар.: жаркія зорки. Или: дробныя звѣзды. 10) сы ноздёръ яго. Или: съ яго волоса. 11) мѣсяцъ-сонца зачинався? 12) зъ яго ярыхъ глазъ. Или: исъ серца яго. Или: изъ духу яго. Или: сы рабра яго. 13) изъ рабра яго. Или: сы вочей яго; сы глаза яго. 14) отъ серца яго.

Исуса Христа, сы слюны яго.
А книга моя голубиная и т. д.
Почаму дробныя дождживачиналися?
—Зачались дробныя дожджи и т. д.
Отъ Суса Христа, зъ волосовъ яго.
«А книга моя голубиная и т. д.
А прамудрый царъ Д. Я.
Раскажи ты намъ и просьци ты намъ,
Ўсё й по розуми, а по памяци,
А й по своёй чистой бѣлой грамоци:
А якая цэрква ўсимъ царквамъ маци?
А якій царъ усимъ царамъ маци?
А якій градъ усимъ градамъ маци?
А якая гора усимъ горамъ маци?
А якая рѣка ўсимъ рѣкáмъ маци?
А якій звѣръ усимъ звѣрáмъ маци?
А якая пцица усимъ пцицамъ маци?
А якая рыба усимъ рыбамъ маци?
А якое древо усимъ древамъ маци?
А якая трава ўсимъ травáмъ маци?
А якій камень усимъ камнямъ маци?»
—Асіёнъ-цэрква [1]) усимъ царквамъ маци,
А нашъ бѣлый царъ усимъ царамъ маци,
Ерусалимъ-градъ усимъ градамъ маци,
А Ирдань-раќа ўсимъ ракáмъ маци,
Восіянъ-гора [2]) ўсимъ горамъ маци,
Левъ-звѣръ усимъ звѣрамъ маци,
Грипонъ-пцица [3]) ўсимъ пцицамъ маци,
Китай-рыба [4]) усимъ рыбамъ маци,
Купарэсъ-древо усимъ древамъ маци,
Кавѝръ-трава [5]) ўсимъ травамъ маци,
Лацѝръ-камень [6]) усимъ камнямъ маци.
«А книга моя голубиная и т. д.
А прамудрый царъ Д. Я.
Раскажи жъ ты намъ, а просьци жъ ты намъ,
А по своихъ мысляхъ, по розуми,
А по розуми, а по памяци,
По своёй по чистой бѣлой грамоци:
Почаму Асіёнъ-цэрква ўсимъ царквамъ маци?»
—А потому Асіёнъ-цэрква усимъ царквамъ маци,
Што въ Асіёнъ-цэркви свѣчи палаюць,
Тамо ўсягды ангали успѣваюць—
Потому Асіёнъ-цэрква усимъ царквамъ маци.
«А книга моя голубиная и т. д.
Почаму нашъ бѣлый царъ усимъ царамъ маци?»
—А дзѣржиць нашъ царъ вѣру кресціяньскую,
Кресціяньскую, православную,
Потому ёнъ усимъ царамъ маци.
«А книга моя голубиная и т. д.
Почаму жъ Русалимъ-градъ усимъ градамъ маци?
—У Русалими-градзи Сусъ Христосъ народзився,
И плащаницаю усповився, [7])
Потому Русалимъ-градъ усимъ градамъ маци.
«А книга моя голубиная и т. д.
Почаму жъ Ирдань-раќа ўсимъ ракáмъ маци?
—А потомъ Ирдань-раќа ўсимъ ракáмъ маци:
У Ирдани-рацѣ Сусъ Христосъ хрисьцився,

1) Суборъ-цэрква. 2) Ахвонъ-гора; Сямёнъ-гора. 3) Хваравонъ-пцица; или: голубъ-пцица. 4) Китъ-рыба; или: китра-рыба 5) Плакунъ-трава; или: осопъ-трава. 6) Латырь-камень. 7) У Русалими-городзи три капли капля, по усей Росеи идуць. Или: у Русалими градзи суборъ-цэрква, а ў суборъ-цэркви семдзесятъ семъ престолъ, на престоли Христовъ гробъ стоиць.

У вѣру кресціяньскую приводзився,
А хрисьцивъ яго Ива́нъ храсьцицель.
«А книга моя голубиная и т. д.
Почаму Восіянъ-гора ўсимъ горамъ мацн?»
—А потому Восіянъ-гора усимъ горамъ мацн:
На Восіянъ-горѣ [1]) Христосъ народзився.
«А книга моя голубиная и т. д.
Отчаго грипонъ пцица [2]) усимъ пцицамъ царъ?»
—Грипонъ пцица сяродъ мора живе,
Никóму шкоды ня дзѣлая, [3])
Потому грипонъ пцица усимъ пцицамъ мацн.
«А книга моя голубиная и т. д.
Почаму китай-рыба усимъ рыбамъ мацн?
—А потомъ китай-рыба усимъ рыбамъ мацн,—
На китай-рыби бѣлый свѣтъ стоицъ:
Коли китай-рыба острапянéтца,
Тоды бѣлый свѣтъ весь затрасéтца.
«А книга моя голубиная и т. д.
Почаму купарэсъ-древо усимъ древамъ мацн?»
—А потымъ купарэсъ-древо усимъ древамъ мацн,
На купарэсъ-древи хрестъ явився, [4])
Коли Исусъ Христосъ народзився.
«А книга моя голубиная и т. д.
Почаму кавиръ-трава усимъ травамъ мацн?»
—На кавиръ-траву Христова кровъ цекла,
Оттого кавиръ-трава ўсимъ травамъ мацн.
«А книга моя голубиная и т. д.
Почаму лациръ-камень усимъ камнямъ мацн?»
—Потому лациръ-камень усимъ камнямъ мацн,
Што зъ яго у Русалими-градзи храмъ явився;
Туды ўси людзи прихождаюць,
А Господа ўзвеличаюць,
А Суса Христа и мацъ Марею прославляюць.
А славенъ нашъ Богъ, ўсё и прославився,
О вялнкое яго имéнія,
Вялико имя святъ-Господнее!...

Павлов. в. могил. у. Вар. изъ могилев. и горецк. уу.

г, Якъ съ подъ лѣсу, лѣсу,
Лѣсу цёмнаго,
Якъ съ подъ бору, бору,
Съ подъ зялёнаго,

1) На Сяменъ-горѣ божая древо стоицъ, купарэса.—На Ахвони-горѣ самъ Сусъ Христосъ муку принявъ: тамъ яго жидове распинали, шрубомъ яго сэрца шрубовали, на главу тэрпій вянецъ воздзѣвали, копъёмъ яго рабро пробивали и зялѣзнымъ гвоздзёмъ пригвоздали, и горучую кровъ проливали. 2) Левъ звѣрь пѣвцомъ опущенъ 3) Потому хваравонъ пцица усимъ пцицамъ мацн: коло возморья яна пролетая, усимъ кресціянамъ слово божая прозвѣщая. Или: оттого голубъ-пцица усимъ пцицамъ мацн: а Суса Христа распинающа, а голубъ-пцица прилетающа, хурувимськія пѣсьни усьпѣвающа. 4) Потому купарэсъ древо усимъ древамъ мацн, што якъ жиды Суса Христа поймали, на купарэсъ древи распяли, золотымъ гвоздземъ накрыжъ руки прибивали. Или: Ну купарэсовымъ древи Христосъ распятъ бывъ.

Якъ съ подъ Кіява, съ подъ Чар-
нигова,
Находзила туча, туча цёмная,
Находзила хмара, хмара грозная [1]).
Съ тыѐ тучи, тучи цёмныя,
Съ тыѐ хмары, хмары грозныя,
Вападала книга голубиная.
Шезьдзесятъ сажонъ книга довжины,
Тритцаци пяци книга шарины [2])
Нихто таѐ книги не прочатаець
Нихто таѐ книги не подамаець,
И на руцы бъ узявъ—не подамаетца,
И на столъ ба пуклавъ—не судзер-
жаетца.
Собиралося туды шезьдзесять царей,
Шезьдзесятъ [3]) царей и царевичувъ,
Нихто тае книги не прочатаець,
Нихто таѐ книги не подамаець,
И на руцы бъ узявъ и т. д.
Шезьдзесятъ князей и князевичувъ
и т. д.
Шезьдзесятъ поповъ и поповичувъ
и т. д.
Шезьдзесятъ дзяковъ и дзяковичувъ,
и т. д.
Обобрався тамъ царь Давыдъ,
Сынъ Авсеявичъ:
А ёнъ тую книгу ёнъ прочатаець;
Ёнъ на руцы узявъ—подамаетца,
Ёнъ на столъ жа ой пуклавъ—
Столъ судзержаетца.
Ёнъ начавъ тую книгу а й ёнъ чатаци,
Правуславныхъ хрисціяневъ навучаци,
А правуславныя хрисцяне
Стали спрашавацъ:
«Прямудрый царь Давыдъ,
Сынъ Авсеявичъ,
А скажи жъ ты намъ,
Спродвясьци жъ ты намъ,
Не по розуму, не пу памици,
Спродвясьци ты намъ по ўсёй гра-
мыци:
Сь чаго бѣлый свѣтъ зачанаетца?»
—И скажу жъ я вамъ, спродвящу
я вамъ,
Не по розуму, не пу памици,
Продвящу я вамъ по ўсёй святой
грамыци:
Зачанався бѣлый свѣтъ съ самаго Бога [4])
Исуса Христа, сы думовъ яго,
Сы думовъ яго, святъ—господніихъ!
«Прямудрый царь Давыдъ,
Сынъ Авсеявичъ,
А скажи ты намъ, спродвясьци ты
намъ и т. д.
На чомъ бѣлый свѣтъ судзержаетца?»
—И скажу я вамъ, спродвящу я
вамъ и т. д.
—Судзержався бѣлый свѣтъ на трёхъ
рыбинахъ,
На трехъ рыбинахъ, на китрѣ-рыби!
«Прямудрый царь Давыдъ,
Сынъ Авсеявичъ и т. д.—
Почомъ цёмная ночь обнимаець насъ?»
—А скажу жъ я вамъ и т. д.:
Самъ Сусъ Христосъ спаць положився,
Пеляной накрывся,—
Съ того цёмная ночь начаналася! [5])
«Прямудрый царь Давыдъ,
Сынъ Авсеявичъ и т. д.—
Съ чаго бѣлый дзень зачанаетца?»
А скажу жъ я вамъ и т. д.

1) Вар. Подамались вѣтры, вѣтры буйныя, дожджи дробныя. 2) А ни малая, ни вяликая: сороку сажень довжинёй книга, дватцаци пяци шароку книга. 3) Семдзесятъ. 4) Съ самаго Бога, сы Сывавохта. 5) А што цёмная ночь изъ божихъ висковъ,-потому цёмная ночь обнимаець насъ.

—Сусъ Христосъ съ посьцели ўстававъ,
Пеляну открывавъ, водой умувався —
Потому бѣлый дзень зачанався!
«Прямудрый царь и т. д.
Почаму жаркое сонца вочань грѣецъ насъ?» [1])
—А скажу жъ я вамъ и т. д.—
А што жаркое сонца, то зъ божихъ грудзей, [2])—
Потому жаркое сонца вочань грѣецъ насъ!
«А прямудрый царь и т. д.
Почаму ясёнъ мѣсицъ вочань свѣцицъ намъ? [3])»
—А скажу я вамъ и т. д.—
А што ясёнъ мѣсицъ, то й божій поисъ, [4])—
Потому ясёнъ мѣсицъ вочань свѣцицъ намъ!
«Прямудрый царь и т. д.—
Почаму й дробныя звѣзды вочань [сіяюцъ?»
А скажу я вамъ и т. д.
А што дробныя звѣзды, то зъ божей ризы, [5]),
Потому дробныя звѣзды вочань сіяюцъ[6])
«Прямудрый царь и т. д.
А сь чаго жъ ба ў насъ а земля стала?»
—А скажу я вамъ и т. д.—
'Тъ самаго Бога, отъ Суса Христа.
А самъ Сусъ Христосъ зямлю сотворивъ,
Усяму свѣту на пропитаньня!
«Прямудрый царь и т. д.—
А сь чаго жъ ба ў насъ а вода стала?»
—А скажу я вамъ и т. д.—
'Тъ самаго Бога, отъ Суса Христа:
Самъ Сусъ Христосъ по зямли ходзивъ,
Воду сотворивъ,
Усимъ людзёмъ на умуваньня,
Душамъ нашамъ па очищаньня!
«Прямудрый царь и т. д.—
Якая рѣка ўсимъ рѣкамъ мацерь?»
А скажу я вамъ и т. д.—
А Ирдань рѣка ўсимъ рѣкамъ мацерь!
Почаму Ирдань рѣка
Ўсимъ рѣкамъ маци?
—Што на тэй жа на ряцѣ
Христосъ хрисьцився;
Мацъ Марея Христа хрисьцила,
И на бѣлыя руцы принимала,
И ў бѣлыя пялёнки сповивала,—
Потому Ирдань рѣка
Ўсимъ рѣкамъ маци! и т. д.
... «Якое древо ўсимъ древамъ маци!» и т. д.
Купаресъ древо ўсимъ древамъ маци!...
Што на купаресъ-древи Сусъ Христосъ распятъ—[7])
Потому яно ўсимъ древамъ маци!
... «Якая гора ўсимъ горамъ маци?» и т. д.
А Сіянь-гора ўсимъ горамъ маци...
Што ў Сіяни-горѣ божій гробъ стоицъ, [8])
Потому а Сіянь гора ўсимъ горамъ маци.
... «Якая трава ўсимъ травамъ мацерь?»

Вар. 1) А съ чаго, съ чаго жарко совнушка, а съ чаго яно зачаналося? 2) Сы лица яго, свѣтъ-Господнигo. 3) Почаму вясёлъ мѣсикъ ставъ? 4) Сы лоба яго, свѣтъ-господнигo. 5) Зъ волосэй яго 6) Божія жъ ризы-хоры свягэя. 7) И съ того древа крыжи дзѣлали, Христа распинали. 8) Што у Сіяни-горѣ маци Марея спочивала, Исуса Хирста спороджала.

—А плакунъ-трава ўсимъ травамъ
По той по травѣ [маци:
Божія мацерь ходзила, сына шукала,
Сына шукала, плакала, рыдала,
Слёзы роняла,—
Потому плакунъ трава усимъ травамъ мацерь.
... «Якей жа звѣрь усимъ звѣрьямъ маци?» и т. д.
—А Норій-звѣрь усимъ звѣрьямъ маци.
А што тыя звяри по подземельлю ходзюць,
Норовыя [1]) замки замакаючи,
Водзяныя ключи отомкаючи,
И на ўвесь бѣлый свѣтъ воду̀ пускаючи;—
Когда Норій звѣрь по подземельлю
Моровыя замки отмакаець,
А водзяныя ключи замакаець,
Во ўсёмъ бѣломъ свѣци воды ня будзець,
Тольки будзець вода на кіянь-мори,—
Вотъ потому Норій-звѣрь
И ўсимъ звѣрьямъ маци.
... «Якая пцица ўсимъ пцицамъ маци?» и т. д.
—А Жаръ-пцица усимъ пцицамъ маци...
Што когда тая Жаръ-пцица
Крылышкумъ махнѣць,
Дыкъ увесь свѣтъ позатопитца,—
Вотъ почаму Жаръ-пцица
Усимъ пцицамъ маци!
... «Якая рыба усимъ рыбамъ маци?» и т. д.
—А Китай-рыба ўсимъ рыбамъ маци...
На Китай-рыби увесь свѣтъ судзержаетца,
Потому Китай-рыби усимъ рыбамъ маци.
... «Якая церьква ўсимъ церьквамъ маци?» и т. д.—
А Суборъ-церьква ўсимъ церьквамъ маци.
Почаму жъ Суборъ-церьква
Усимъ церьквамъ маци—
Што у тую жъ Суборъ-церьку собиралися
Шезьдзесятъ царей и царевичувъ,
Шезьдзесятъ князей и князевичувъ,
Шезьдзесятъ поповъ и поповичувъ,
Шезьдзесятъ дзяковъ и дзяковичувъ,
Нарицали яны мацери мужа,
Мацери прячистый,—
Нарицали мужа привуврасната Во-
Потому Суборъ-церьква [сипа—
Усимъ церьквамъ маци.

Соинск. вол. мстисл. у. Вар. изъ климов. и черяков. уу.

Въ стихѣ, записанномъ въ с. Городцѣ, чаусск. уѣзда, находятся слѣдующіе варіанты:

Съ подъ тые хмары, хмары цёмныя
Выходзила книга голубиная,
Не малэя книга, не вялжкая—
Сорокъ сороковъ довжинёю,
Пятьдзесятъ сажонъ шыринёю.
Собиралися туды и попы и дзяки,
И попы и дзяки, и цари и князи—
Нихто жъ тыя книги не прочитаець—
Ни по разуму, ни по памяци,
Ни по ўсёй своёй чистой грамоци.

Вар. 1) Моровыя, и - Морлвыя.

Предлагается, между прочимъ, вопросъ:
Почаму ета книга голубиная?
Давыдъ отвѣчаетъ:
Ета книга усимъ книгамъ мацп,
—Потому ета книга—голубиная.
Затѣмъ:
Зачавсь бѣлый'свѣтъ онъ самагò Бога,
Отъ Суса Христа, отъ лица яго....
Зачилася мацњ земля сы крови яго,
Сы крови яго, сы Господнія....
Зачилася жаркая сонца сы глазовъ яго,
Сы глазовъ яго, сы Господніихъ...
Зачинався ясе*л*ъ мѣсяцъ зъ рецивà серцà и т. д.
Зачинались яс*л*ы зори сы ризы яго и т. д...
У Русалими городзи Суса Христа распинали
Горючую кровъ разливали...
На Сіяни горѣ самъ Сусъ Христосъ на распяци...
По плакўни-травѣ прячистая Мацъ ходзила,
Суса Христа народзила,
Горючую кровъ разливала,
Потому плакунъ-трава а ўсимъ травамъ маци...
А Скигиръ-звѣрь ўсимъ звѣрямъ маци...
Ёнъ съ пущи не выходжáецъ,
Своихъ звѣрявъ рассылаецъ...
А которая пчела ўсимъ пчеламъ маци?...
А Скугòль-пчела ўсимъ пчеламъ маци...
Ина зъ вульлёвъ не вылетала,
Своихъ ярыхъ пчолокъ рассылала...
Бисарь-камень усимъ камнямъ маци...
Коло Господняго гробу ёнъ бываецъ,
Усяму свѣту свѣтлось показываецъ.

5, Ягоръя—Христовъ мучаникъ.

У шастымъ [1]) году восьмой тысячи,
При цару было при Онопрію,
При большому князю да при Хвéдору,
Жила была царица благовѣрная,
Али Сохвéя правомудрая.
Спородила царица три дочари,
Три дочари, три любимыя,
Чатьвѐртаго сына—святъ Ягорія,
Святъ Ягорія, святу хвабраго,
По заперстны [2]) руцы ў красномъ золоти,
По колѣны нози у чистомъ серабры,
Тѣлеса младэнца [3]) ўсё бумажное,
А глава яго ўсё зямчужная,
Волосы на имъ—якъ ковылъ трава.
А съ тыé страны зъ бесюрмѐнскія
Наѣжжавъ царевища Демъянища. [4])
Ёнъ старый народъ, ёнъ подъ мечъ кладѐ,
Молодый пародъ у полонъ бярé.
Забравъ у полонъ ўсё Демъянища
Трохъ дявицовъ, родныхъ сястрицовъ,
Чатьвёртаго брата—свѧтъ Ягорія,
Свѣтъ Ягорія, свѣту хвабраго.
Загонявъ за грады за рубежныя,
Приставлявъ ко стаду кп звяриному,

1) Вар: Въ первомъ году; у восьмомъ. 2) А по локоть руцы у серабри, по колѣны нози яго ў золоци. 3) А лпцо младэнца. 4) Царъ Дземонища. Въ вар. гор. у. самъ Ягоря пошовъ по вярху зямли, по ўсей Рясеи, зайшовъ Ягоря ў чужу сторяну, ко нявѣрнымъ царямъ, ко Ягипськимъ пяскамъ. Тамъ же: на застави синь огонь горицъ, сторожа стоицъ, хочецъ Ягорю и у полонъ забрацъ.

Ки звяриному, ки змяиному.
Ёнъ приставивши, ставъ распрашавать,
И распрашававъ, разговаривавъ:
«Хвабрый Ягоръя, якого ты роду:
Ти ты царськаго, ти боярськаго
Ти того ро̀да княжавйцкаго?»
Хвабрый Ягоръя спрозглаголюя:
Злый жа ты царевища Демъянища:
Я не царськаго роду, не боярськаго,
Ни того ро̀да княжавицкаго,—
Того жъ я рода крестіяньскаго!
«И сказуй, Ягорій, кому вѣруешъ?
Повѣруй, Ягорій, царевищу Демъянищу,
Демъянищу бесюрменскому!»
Святый Ягорій спроглаголюя:
Ня вѣру я табѣ, цару дьяволу, [1])
Повѣру Богу, самому Христу,
Тройцы ядыной, нераздялимой!..
Завялѣвъ тутъ царевища Демъянища
Завялѣвъ Ягоръю дванатцать мукъ дать, [2])
Да ўсё разныя, размовитыя.
Злый царевища Демъянища
Повялѣвъ Ягоръя топоромъ рубати.
Ў топоро̀хъ лязьзё поломалося,
Ма́йстерскія руцы опускалися,
Ясныя глазы у ихъ прибросалися,—
Ничо̀го Ягоръю не ўредилося,
Ничого святому не прималося..
Злый жа царища Демъянища
Повялѣвъ Ягоръя у пилахъ пилити.
А ў пилахъ зубъё пригиналося,
Майстерскія руцы опускалися,
Ясныя глазы прибросалися,—
Ничого Ягоръю не ўредилося,
Ничого святому не прималося...
Злый жа царища Демъянища
Повялѣвъ Ягоръя по доскахъ водити,
По доскахъ водити, по войстрыхъ гвоздяхъ.
А гвоздё къ доскамъ пригиналося,
Майстерскія руцы опускалися,
Ясныя глазы у ихъ прибросалися—
Ничого Ягоръю не ўредилося,
Ничого святому не прималося..
Злый жа царевища Демъянища
Повялѣвъ Ягоръя у мори топити,
У мори топить зъ бѣлымъ ка́мянямъ.
А мо̀ра стоитъ, якъ камянь ляжить,
И камянь ляжить, и вода бяжить,—
Повярху Ягоръя мора плавая,
Ёнъ пяе́ стихи хуруимськія,
А гла́сы гласи́ть усё по ангальску,—
Ничаго́ Ягоръю не сподѣялось...
Злый жа царевища Демъянища
Повялѣвъ Ягоръя у смолѣ варити [3]).
А смола кипить, якъ ба громъ грымить,
Повярху Ягоръя смолы плавая,
Ёнъ пяе́ стихи хуруимськія,
А гла́сы гласи́ть усё по ангальску,—
Ничо́го Ягоръю не ўредилося,
Ничого Ягоръю не прималося...
Злый же царевища Демъянища
Повялѣвъ Ягоръю ў по́ля выводи́ть,
Пограбы̀ копать ўсё широкія,
Ўсё широкія, ўсё глыбокія:
Сорокъ сажанёвъ ўдоль довжино́ю,
Дватцати пяти широчиною.
Ёнъ ставлявъ шваи ўсё дубовыя,

1) Злодзій царища Басурманища, ня вѣру я вѣру басурманскую 2, царъ-Дземонскую, вѣру я вѣру самому Богу, цару нябесному, пресвятой дзѣви Бугуродзицы. 2) Енъ на Ягорія семъ заставъ наклавъ. 3) Первая застава цижала была, грознолишная, ина страшливая: на застави у яго синь огонь горицъ, сторожа стоицъ, хощуцъ Ягоръя и у полонъ забрацъ, у котлахъ варицъ.

Ёнъ мостивъ мосты ўсё чугунныя,
Забивавъ гвоздями полужо́выми,
Засыпавъ пяскомъ рудымъ-жовтыимъ,
Чорнымъ сапогомъ ёнъ притаптовавъ,
И притаптовавъ, приговаривавъ:
«Ня выйти Ягоръю на святую Русь,
Ня видѣть Ягоръю свѣта бѣлаго,
Ня видѣть Ягоръю сонца жаркаго,
Сонца жаркаго, мѣсяца яснаго;
Ня слышать Ягоръю гласу божаго,
Гласу божаго, колокольнаго!»
Сядѣвъ жа Ягоръя тритцаць три годы,
А яму̀ здалося ўсяго три часы̀!
Што съ подъ того мора, мора синяго,
Што съ подъ Кiева, съ подъ Чарнигова
Узнималася туча грозная, [1])
Туча грозная, хмара тёмная,
Хмара тёмная, ўсё грамучая,
Поразнашавала пяски жовтыя,
Поўздирала мосты ўсё чугунныя,
Поразламовала шваи ўсё дубовыя,—
Выходивъ Ягоръя на святую Русь,
Увидѣвъ Ягоръя свѣту бѣлаго,
Увидѣвъ Ягоръя сонца жаркое,
Сонца жаркое, мѣсяца яснаго;
Услышавъ Ягоръя гласы божiя,
Гласы Божiя, колокольныя...
Якъ пошовъ Ягоръя у Чарниговъ градъ,
Ажъ Чарниговъ градъ разоро́нъ стоить:
Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго,
Тольки 'сталася цэрква божая,
Ўсё соборная, богомольная.
А ў той цэркви яго матушка,
Али Сохве́я благовѣрная,
На колѣнцахъ стоить—Богу молитца
Объ свойму сыну, объ Ягорiю.
Якъ войшовъ Ягоръя у тую цэркву,
Ўсё соборную, богомольную:
«Здрастви, матушка ты родзимая,
Али Сохвея правомудрая!»
—Здрастви, Ягоръя—Христовъ мучаникъ!
А дѣ бывъ-побывавъ, а дѣ Богъ носивъ?
—«Сядѣвъ я ў зямли тритцаць три годы,
Ну мнѣ здалося, ўсяго три часы!
Дай жа мнѣ, матушка, дозволенiе,
Вяликое слово—благословенiе:
Пойдутка я къ ца̀ру, къ ца̀ру Демъяну,
Цару Демъяну бесюрменскому.
Отплачу яму̀ дружбу прежняю,
Зниму яму главу сы могущихъ плечъ,
Проломлю яму два лѣвыхъ рабра̀,
Разольлю яго кровъ горучую,
Рѣшу яго вѣру бесюрменскую,
Утвяржу свою вѣру крестiяньскую!»
—Богъ тябе, сынку, благословляя!
А йди жъ ты, Ягоръя, а ў чисто̀ по̀ля,
Возьми сабѣ лошадь богатырськую, [2])
Возьми сабѣ збрую усю военную!..
Якъ пошовъ Ягоръя ў чистое по̀ля,
Узявъ сабѣ лошадь богатырськую,
Узявъ сабѣ збрую ўсю военную.
Святый Ягоръя пояжжаючи,
У книгу вангалiю ёнъ читаючи, [3])

1) Находзили тучи вельми грозныя, вѣтры цихiя, дождж́и дробныя, цугунныя доски поразбивало, жовтыя пяски поразмывало. Или: находзила хмаря цёмная, повѣвали вѣтры буйныя, проходзили дожжи силныя. 2) Идзи, Ягоръя, да у зялёный лугъ, возьми коня нябъѣжжанаго, несѣдланнаго, войстрое копъё сыряжо́ное, возьми книгу нячитаную, ѣдзь, Ягоръя, во увесь бѣлый свѣтъ. 3) Вангальскую книгу Ўсё читаючи, сябе копъёмъ ограждаючи.

Пріяжжавъ Ягоръя кы первой застави,
Кы первой застави, кы тёмнымъ лясамъ:
Лясы зъ лясами сыходилися,
Кореньня съ корéньнямъ сыввалися,
Голючка зъ голючкой сыплеталися,—
Не пройти Ягоръю, не проѣхати,
А ни конному, а ни пѣшому.
Хвабрый Ягоръя спрозглаголюя:
«Ёсть жа вы лясы, лясы тёмныя!
Разыйдитеся, разступитеся,
Станьтя вы, лясы, ўсё по старому,
Вы по старому, вы й по прежняму:
Буду васъ, лясы, рубить-полонить,
Буду зъ васъ, лясы, цэрквы строити,
Ўсё соборныя, богомолныя!»
Ягорью застава миновалася [1])...
Хвабрый Ягоръя прояжжаючи,
Книгу-вангаля ёнъ читаючи,
Славную вѣру утвержаючи,
Своимъ войстрымъ копъёмъ прегражаючи,—[2])
Пріяжжавъ Ягоръя икъ другой застави,
Икъ другой застави, икъ крутымъ горамъ:
Горы зъ горами сыходилися,
Пяски съ песками сыметалися,
Каменьня съ каменьнемъ сыкаталося —
Не пройти Ягоръю, не проѣхати:
А ни пѣшому, а ни конному.
Хвабрый Ягоръя спрозглаголюя:
«Ёсть жа вы горы, горы крутыя,
Разыйдитеся, разступитеся,
Станьтя вы, горы, усё по старому,
Вы по старому, вы й по прежняму:
Буду васъ, горы, я раскапавать,
Буду на васъ, горы, цэркви строити,
Ўсё соборныя, богомолныя!» [3])
Ямў тая застава миновалася...
Хвабрый Ягоръя прояжжаючи,
Книгу—вангаля ўсё читаючи,
Вѣру славную утвержаючи,
Своимъ войстрымъ копъёмъ прегражаючи,—
Пріяжжавъ Ягоръя къ третьтяй застави,
Къ третьтяй застави, икъ лютымъ звѣрамъ, [4])
Ки тому стаду ки звяриному.
Зацвилили звѣри позвяриному,
И сипять-рипять позмяиному,—
Хочуть Ягоръя испотребовать,—
Не пройти Ягоръю, не проѣхати,
А ни конному, а ни пѣшому.
Хвабрый Ягоръя спрозглаголюя:
«Ёсть жа вы звярй, звяри лютыя!
Разыйдитеся, разступитеся,
Вы по старому да попрежняму,
По два, да по три, по ядыному,—
Будетя вы, звѣри, безъ мене сыты!»
Ягоръю застава миновалася...
Хвабрый Ягоръя прояжжаючи,
Книгу вангалію ўсё читаючи,
Вѣру славную утвержаючи,
Своимъ войстрымъ копъёмъ прегражаючи—
Пріяжжавъ Ягоръя къ чатьвёртой застави,

1) Яму цемныя лясы приклонялися, хваброму Ягоръю покоралися, становалося, миновалося. 2) Мож. быть [и—пригрожаючи. 3) Поставлю на васъ усё суборъ-цэркву хвабру Ягорію, будуць на васъ людзи прихождаци, зямныя уклоны уклоняци, цёплыя молитвы узношаци, святого Ягорію прославляци. 4) Въ вар. гор. у. третья застава—чистыя поля, четвертая—зялены луга, пятая—рѣки быстрыя, беряжистыя.

Къ чатьвéртой застави—къ тромъ дявицамъ,
Къ тромъ дявицамъ—къ роднымъ сяетрицамъ.
На ихъ жа кожа—якъ дубова кора,
На ихъ волоса—якъ полынъ трава,
На ихъ тѣлеса ўсё дубовое.
Зацвилили яны позвяриному,
Сипять-рипять позмяиному,—
Хочуть яго испотребовать,—
Не пройти Ягоръю, не проѣхати,
А ни конному, а ни пѣшому.
Хвабрый Ягоръя спразглаголюя:
«Вы дѣвки-дявицы, рóдныя сястрицы!
Идитя, дявицы, на Ирдань-раку,
Вы обмыйтеся, обкупайтеся:
Спаде на васъ кожа-дубова кора,
Будя на васъ кожа ўсё бумажная,
Спадуть волоса, якъ полынъ трава,
Стануть волоса, якъ ковыль-трава.
Кидайтя вы вѣру бесюрменскую,
Ня вѣртя вы, дѣвки, цару дьяволу,
Повѣртя вы Богу, самому Христу,
Тройцы ядыной, нераздялимой!»
Яму̂ тая застава миновалася....
Хвабрый Ягоръя прояжжаючи,
Книгу вангаля ёнъ читаючи,
Вѣру славную утвержаючи,
Своимъ войстрымъ копъёмъ прегражаючи,
Пріяжжавъ Ягоръя икъ пятой застави,
Икъ пятой застави, нкъ лютой змяѣ [1]).
Зацвилила змяя позвяриному,
Сипить-рипить позмяиному,
Хоча Ягоръя испотребовать,—
Не пройти Ягоръю, не проѣхати,
А ни пѣшому, а ни конному.
Хвабрый Ягоръя спразглаголюя:
«Ёсть жа ты змяя, змяя лютая, [2])
Подымись, змяя, а ўгóру висóко,
А ўдарся, змяя, объ сыру зямлю,
Объ сыру зямлю, объ бѣлый камянь,
Разсыпся, змяя, на мелкія части,
Пройди, змяя, скрозь матяръ-зямли!»
Яму̂ тая застава миновалася...
Хвабрый Ягоръя прояжжаючи,
Книгу вангаля ёнъ читаючи,
Вѣру славную утвержаючи,
Своимъ войстрымъ копъёмъ прегражаючи,
Пріяжжавъ Ягоръя икъ шóстой застави,
Къ шостой застави—къ яго ворòтамъ. [3])
На врáтахъ сядить ўсё Страхтиръ-птица,
Спустила кокóтьтя зъ горы до зямли,
Во вихтяхъ дѐржа ўсё Китру-рыбу,
Сипить-рипить позмяиному,—
Хоча Ягоръя испотребовать,—
Не пройти Ягоръю, не проѣхати,
А ни конному, а ни пѣшому.
Хвабрый Ягоръя спрозглаголюя:
«Ёсть жа ты птица, ўсё Страхтиръ-птица,
Ляти ты, птица, на синя мóра,
Кидай ты рыбу у сйня мóра,
А сама ляти ў тёмныя лясы,—

1) Икъ лютымъ змѣямъ, дзѣ змѣи зъ змѣями солеталися. 2) Разлецицесь вы змѣи усе по старинѣ, будзьця вы довольны усе бязъ естаго, слухайця вы тое, што я вамъ скажу: ляцiця змѣи на синя мóра, умывайцеся Прданьской водой, будуць у васъ глазы человѣчецкія, будуць у васъ волосы да жаноцкія. 3) Пріѣхавъ Ягоръя, дзѣ кить-рыба стоиць, увесь свѣтъ дзяржиць, хочець Ягоръя испотребоваць.

Будешъ жа ты, птица, безъ мене сыта,
Безъ Ягорія, ўсё безъ хвабраго:
Будя табѣ пища няўсыпущая;
Будя табѣ 'дежа, 'дежа свѣтлая!»
Ягоръю застава миновалася...
Хвабрый Ягоръя прояжжаючи,
Книгу вангалію ўсё читаючи,
Славную вѣру утвержаючи,
Своимъ войстрымъ копъёмъ прегражаючи,
Пріяжжавъ Ягоръя къ царевищу Демъянищу,
Къ Демъянищу бесюрменскому.
Приходивъ Ягоръя ў яго комлату,
Ў яго комлату, къ цару къ Демъяну.
«Здрастви, царевища Демъянища!»
—Здрастви, Ягоръя—Христовъ мучаникъ!
Чаго жъ ты прибывъ:
Ти пить, ти гулять, ти бясѣдовать?
Хвабрый Ягоръя спрозглаголюя:
«Злый ты царевища Демъянища!
Я жъ къ табѣ ѣхавъ
Я не пить, гулять, не бясѣдовать [1])
Отплачу табѣ дружбу прежняю,
Зниму табѣ главу сы могущихъ плечъ,
Проломлю табѣ два лѣвыхъ рабрá,
Разольлю твою кровъ горучую,
Разобъю твою камянь-палату,
Рѣшу твою вѣру бесюрменскую,
Утвяржу свою вѣру крестіяньскую!»
Злый жа царевища спрозглаголюя,
«Святый Ягоръя, Христовъ мучаникъ,
Дай жа ты мнѣ строку хоть на три годы̀!»
Святый Ягоръя спрозглаголюя:
«Злый жа царевища Демъянища,
Не дамъ табѣ строку ни на три часы̀!»
Злый жа царевища спрозглаголюя:
«Святый Ягоръя Христовъ мучаникъ,
Дай жа ты мнѣ строку хотъ на три часы!»
Святый Ягоръя спрозглаголюя:
«Злый жа царевища Демъянища.
Не дамъ табѣ строку ни на минуту!» [2])
Вынимавъ палицу ўсю военную,
Да ударивъ Демъяна подъ лѣво рабро. [3])
Закричавъ царевища позвяриному,
Запищавъ царевища позмяиному...
Отплативъ яму дружбу прежняю,
Разбивъ яму камянь—палату,
Знявъ ему голову̀ сы могущихъ плечъ,
Проломивъ яму два лѣвыхъ рабра,
Разоливъ яму кровъ горучую,
Рѣшивъ яго вѣру бесюрменскую,
Утвярдивъ свою вѣру крестіяньскую...
Святый Ягоръя пояжжаючи,
Книгу вангалію ёнъ читаючи,
Вѣру бесюрменскую проклинаючи,
Вѣру крестіяньскую прославляючи,
Пріѣхавъ Ягоръя у Чарниговъ-градъ [4])

1) Я къ табѣ пріѣхавъ ня пиръ пировацъ—хлѣбъ соль отдавацъ. 2) Пусьци мяне Ягорій нѣскульки пожицъ, хуцъ жа три годы, хуцъ три мѣсяцы, хуцъ три нядзѣли, хуцъ жа три дни, хуцъ жа три часы 3) Да ударивъ войстрой меччу по буйной гóлови. Ёнъ хоцѣвъ Ягорія ропой затопицъ. Якъ ставъ жа Ягорій Богу молитца, зямлю упрошацъ: мацъ сырая земля, черноземная, хлѣбородная, да пожри, пожри да ты гэту кровъ царъ Дземонскую, басурманскую! Якъ засипицъ Дземонъ позмяиному, защабечецъ Дземонъ посорочному. Якъ забрешецъ Дземонъ пособаччаму, якъ завыецъ Дземонъ поволчиному. Якъ повевъ Ягорія цара Дземона по усяму свѣту. 4) Пріѣхавъ Ягорія въ свою сторону, городъ Русалимъ, соборъ-цэрковку. А у той цэрковцы право нѣтъ никого, да й ни старого, ўсё й ни малаго, тольки Ягорова маци Сохвея на колѣночки й упадаючи, книги нечита-

Съ Чарнигова-града да й у Кіевъ градъ;
У Кіеви-гради нераставився....
Слава яму и дяржава и зныня и до вѣку.

Въ гом. и рогач. уу. Одно изъ замѣч. древн. произведеній, наиболѣе сохранившееся. Нѣкоторые эпизоды въ стихѣ опущены пѣвцомъ, но эпическій складъ замѣчательно свѣжъ. Ср. Варенц. стр. 95, 100; Безсон. 2, 393-503; изъ нихъ бѣл. 499. Для сравненія предлагается варіантъ записанный въ *велижск. у. витеб. губ.*

б, Ой Сохвеюшка перямудрыя,
Перямудрыя, перяхитрыя!
Пыродила ина трёхъ дóцырій,
Цатьвёртаго сына, свѣтъ Ягорьюшку,
—Пы колѣныцки ў цыстымъ золыти,
Пы локотыцки ў цыстымъ сéребри.
Ой Ягорьюшка пубидоносечъ,
Ёнъ ссихи пяéть хуруимськіи,
Молитву творить свѣтъ пыянгыльску.
Ой сытанишша-бусурманишша,
Ёнъ выходивъ, ёнъ и спрашивывъ:
«Ой Ягорій, ты Ягорій, свѣтъ хыраблиный,
Ой кому будешъ вѣру вѣрывыть?»
—Ой я вѣру, ой я вѣрую
Сымому Христу вы святэй Тройцы,
Вы святэй Тройцы, божей матери!...
Ныславъ ны Ягорьюшку ой ёнъ злыхъ людей,
Ой ёнъ злыхъ людей зъ войстрыми пиламъ:
«Идитя вы Ягорья ссякитя, зрубитя,
Штопъ святэй Ягорій пу бялóмъ святў,
Пу бялóмъ свѣту ой ёнъ не ходивъ,
Бѣлыго свѣту штопъ ёнъ не видавъ,
Молитву господнію штопъ не сыпывнявъ!»
У вострыхъ пилахъ зубья путлумалися,
У мужукахъ руки потымалися—
Ницого Ягорьюшку не подѣялыся,
Одно яго лицыко путусьмянило.
Ой выйшовъ Ягорьюшка во цыстó поле,
Ёнъ запѣвъ ссихи хуруимськіи,
Молитву творить свѣтъ пыянгыльску.
Ой сытанишша-бусурманишша,
Ой ёнъ ны Ягорьюшку ой ёнъ ныходивъ,
Ой ёнъ ныходивъ, ёнъ и спрашивывъ:
«Ой Ягорій, ты Ягорій, свѣтъ хырабпиный,
Ты й кому будешъ вѣру вѣрывыть?»
—Ой я вѣру вѣрую сымому Христу,
Сымому Христу вы святэй Тройцы,
Вы святэй Тройцы, божей матери!...
Ныславъ ны Ягорьюшку ой ёнъ злыхъ людей,
Ой ёнъ злыхъ людей зъ войстрымъ тыпырáмъ:
«Ой идитя вы зрубитя святого Ягорья,
Штопъ святэй Ягорья пу бялóмъ свѣту,
Пу бяломъ свѣту ой ёнъ не ходивъ,
Свѣту бѣлыго штопъ ёнъ не видавъ,
Вѣры праведной штопъ ёнъ не ўтвержавъ,
Молитвы господніи ёнъ не сыпывнявъ!»

ния разбираючи, передъ чудовыми образами, передъ яровыми а свѣчами, Богу молитца, Христу клонитца, свойго сына Ягору успоминающа—у якой сторонѣ пребывающа, якія жъ муки принимающа. Моя матушка, маци Сохвея, не плачь, не рыдай,—при табѣ стоиць свѣтъ Ягорія. Яго й матушка узрадовалася.

У злыхъ мужукахъ глазы пытымалися,
А въ вострыхъ тыпырахъ лезьзя̀ путлумалися,
Ницого Ягорьюшку не подѣялыся,
Одно яго лицыко путусьмя̀нило.
Ой выйшовъ Ягорьюшка во цысто поле,
Ёнъ запѣвъ ссихи хурулимськіи,
Молитву творить свѣтъ пыянгыльску.
Ой сытанишша, ой бусурманишша,
Ой ёнъ ны Ягорьюшку, ой ёнъ пыходивъ,
Ой ёнъ выходивъ, ёнъ и спрашивывъ:
«Ой Ягорій, ты Ягорій, свѣтъ хырабпльный,
Ты й кому будешъ вѣру вѣрывыть?»
—Ой я вѣру вѣрыю сымому Христу,
Сымому Христу вы святэй Тройцы,
Вы святэй Тройцы, божей матери!
Ой згрёбъ жа Ягорьюшку у востры̀ кокти,
Понёсъ жа Ягорьюшку у глыбоки пыгрябы,
Ой збивъ жа Ягорьюшку цугуннымъ доска̀мъ,
Уставивъ Ягорьюшку у глыбоки пыгрябы,
Зыкыпавъ Ягорьюшку ёнъ жовтымъ пескомъ,
Ой ёнъ зыкыпавъ, ой ёнъ притыптавъ;—
Ёнъ притаптывывъ, приговаривывъ:
«Штопъ святому Ягорью бѣлыго свѣту,
Бѣлыго свѣту яму̀ не видать,
Вѣры праведной яму не ўтвержать,
Молитву господнію не сыпывнять!»
Ой святый Ягорьюшка, ёнъ ссихи пяеть,
Ёнъ ссихи пяеть хурулимськіи,
Молитву творить, свѣтъ, пыянгыльску:
«Узнимитеська вы, буйныи вѣтры,
Буйныи вѣтры зъ за синя̀ моря,
Рыскытайте-тка вы жовты пяскѝ!
Узыйдите-тка вы, грозныи туцы,
Ой разбійте шъ вы цугунны доскѝ,
Рыскыпайте шъ вы жовтыи пяскѝ!»
Ой узнялися буйныи вятры зъ за синя̀ моря,
Узыйшли цорны туцы съ цорна воблыка,
Ой разбили шъ яны цугунны доскѝ,
Ой рыскыпали шъ яны жовтыи пяски,—
Ой вышовъ Ягорій ёнъ на бѣлый свѣтъ,
Енъ запѣвъ ссихи хурулимськіи,
Молитву творить свѣтъ пыянгыльску.
Ой пошовъ жа Ягорьюшка къ своёй матушки,
Къ своёй матушки у крутыи горы,
Къ своёй матушки ёнъ Сохвеюшки.
«Ой моя матушка, ой Сохвеюшка,
Перямудрыя, перяхитрыя!
Дай же ты мнѣ коника неѣжжалыго,
Неѣжжалыго, несѣдланыго!
Блыгыслови мене, маменька,
Пу бяло̀мъ свѣту пройти, проѣхати,
Вѣру праведныю утвярдити,
Молитву господню сыповнити!»
—Ой поѣдешъ, Ягорьюшка, ты по синёмъ морю,—
Ны синёмъ морю твоихъ три сястричи,
Твоихъ три сястричи скотинку пасуть:
Вѣра, Надежда и Любовь!
Ой поѣхывъ Ягорьюшка пы синю морю,
Ой пріѣхывъ жа Ягорьюшка кы своимъ сястричамъ,
Ой ставъ жа Ягорьюшка ёнъ имъ гыворить.
Ой сытанишша, ой бусурманишша,

Ыыславъ ны Ягорьюшку ёнъ змію Скурлапейницу,
Ой змію Скурлапейницу сы тямныхъ лясовъ,
Ой зъ іе шъ вушикъ жаръ сыплитца,
Ой зъ іе шъ ирта полымя пышить,
Ой хоцыть Ягорьюшку изъѣсь, изло̂пыть.
А Ягорьюшка, ой свѣтъ хыраблиный,
Ой ёнъ жа ниско кланіетца, упрашиваеть:
«Ой змія, змія Скурлапейница,
Ты ляти, змія, у тямны̀ лѣса̀,
Ты ляжи, змія, пытъ колодыю,
Ой ты ѣшъ, змія, пувялѣнное,
Пувялѣнное, пусужджонное!
Дай жа мнѣ Ягорьюшку пу бяло̂мъ свѣту,
Пу бѣломъ свѣту ой проѣхыти,
Вѣру праведную ой утвердити,
Молитву господню ой сыповнити!»
Выѣхавъ Ягорьюшка во цысто̂ поле,
Запѣвъ жа Ягорьюшка ссихи хурулимськіи,
Молитву творить свѣтъ пыянгыльску.
А царишша ой бусурманишша
Ой ны Ягорьюшку ой ныходивъ,
Ой ёнъ ныходивъ, ой ёнъ спрашивывъ:
Ой Ягорій, ты Ягорій, свѣтъ хыраблиный,
Ты кому будешъ вѣру вѣрывать?»
—Ой я вѣру вѣрыю сымому Христу,
Сымому Христу вы святэй Тройцы,
Вы святэй Тройцы, божей матери!...
Выслывъ ны Ягорьюшку ёнъ злыхъ жа звярёвъ:
Не дають Ягорьюшку пройтить, проѣхыть.
Ой святэй Ягорьюшка блиско подъѣжжаеть,
Блиско подъѣжжаеть, ниско кланіетца:
«Ой вовки вы, вовки, вовки шѣрыи!
Ой ня ѣштя шъ вы мяне, свѣтъ Ягорьюшку,
Ой ѣштя шъ, вовки, пувялѣнное, пусужджонное,
Рызыйдитесь жа по 'боимъ бокамъ,
По боимъ бокамъ, пы ядиныму.
Идитя вы, вовки, у тямны лясы,
Дайтя мнѣ, Ягорьюшку, пройтить, проѣхыть,
Пройтить, проѣхыть пу бяло̂мъ святу̂!»
Выѣхавъ Ягорьюшка во цысто поле,
Ёнъ запѣвъ ссихи хурулимськіи,
Молитву творить свѣтъ пыянгыльску.
А сытаннишша бусурманишша,
Зыставивъ Ягорьюшку, яму̂ доро̂гу,
Ныславъ ны Ягоръюшку ёнъ Левъ-птичу,—
Ой хоцыць Ягорьюшку изъѣсь, излопыть.
А святэй Ягорьюшка ниско кланився,
Ниско кланився, ой ёнъ упрашивывъ:
«Ой ня ѣшъ ты мене, ой Левъ-птича,
Ой ѣшъ жа ты, Левъ-птича, пувялѣнное,
Пувялѣнное, пусужджонное,
Дай мнѣ, Ягорьюшку, пройтить, проѣхыть,
Пройтить, проѣхыть пу бяло̂мъ свѣту,
Вѣру праведную ой утвердить,
Молитву Господнію ой сыповнить!»
Поѣхывъ Ягорьюшка кы яго двору,
Кы яго двору, кы яго вокну.
А сатаншша бусурманишша
Ой ставъ жа Ягорьюшку ёнъ просити:
Ой Ягорій, ты Ягорій, свѣтъ хыраблиный,
Дай жа мнѣ, Ягорьюшка, ой волю,
Ой дай жа мнѣ волю, ой на три годы̀!

Ой скызавъ яму̂ свѣтъ Ягорьюшка,
Ой Ягорьюшка, свѣтъ хыраблиный:
«Ой сытанишша бусурманишша,
Не дамъ жа табѣ воли ой на три цасы!
—Ой Ягорьюшка, свѣтъ хыраблиный,
Дай жа ты мнѣ волю хоть на два цасы!
—«Ой сатанишша бусурманишша,
Не дамъ табѣ воли ой на одинъ жа цасъ!»

Енъ пытъ своё вокошка ой пытходивъ,
Ой пытходивъ, зъ Ягорьюшкой ой гыворивъ.
Подъѣхывъ Ягорьюшка пыдъ яго вокно,
Ой отсѣкъ жа Ягорьюшка яго гылову̂,
Яго гылову по самыи плецы,
Пыкатилась гылыва, якъ сѣнная кыпна...

в, У восьмомъ було году первой тысячи,
При Хве́дору царю, при Хвилатору,
При прамудрой царицы при Сохвіи.
Народзила Сохвія трёхъ дочарей,
Чацьвёртаго чада-хвабра Ягорья.
Ня про́стый Ягорья народзвися:
По колѣно ноги у̂ яснымъ золоци,
По локоць руцы у̂ чистымъ серабри,
Волоса́ у̂ яго, якъ ковынъ-трава,
Цѣлеса у̂ яго, якъ бумажное,
А у̂во лбѣ звѣзда якъ жарко сонца.
Полонуець Ягорья чужая земля,
Чужая земля, Дземіяньская,
Дземіяньская, басурманьская.
Якъ заслышивъ Дземіянища,
Дземіянища, басурманища,
Полонивъ Ягорья а у свою зямлю,
Дземіяньскую, басурманьскую.
Ставъ ёнъ Ягорья и распрашавацъ:
Хвабрый Ягорья, Христовъ мучаникъ,—
Которую вѣру вѣрно вѣраешъ:
Ци Дземяньскую, басурманьскую?
Хвабрый Ягорья проглаголивавъ:
«А нявѣрный царища Дземіянища,
Дземіянища—басурманища:
Я ня вѣрую вѣру Дземіяньскую,
Вѣрую вѣру хрисціяньскую,
Самому Христу, а Спасицелю,
Тройцы святой нераздзялимой!»

А нявѣрный царища Дземіянища
Раскладавъ Ягорья на дванатцаць мукъ,
На дванатцаць мукъ, разнолишныя
Разнолишныя, пріу̂страшливыя.
Первая мука—у̂ топоры рубиць,
Другая мука—а у̂ пилы пилиць,
Третьція мука—й а у̂ котлѣ вариць,
Чацьвёртая мука—по гвоздзямъ водзиць,
Пятая мука—на водзѣ топиць,
Шостая мука—у цямницу весць.
А вядуць жа Ягорья у̂ топоры рубиць,
Хвабрый Ягорья проглаголивавъ:
Нявѣрный царища Дземіянища,
Я ня вѣрую вѣру Дземіяньскую,
Вѣрую вѣру хрисціяньскую и т. д.
А у̂зяли Ягорья у̂ топоры рубиць—
Топоры по 'бухи̂ поломалися,
У майстровъ руцы—нози потымалися,
И ясныя глазы позбросалися,
Ничаго жъ то Ягорью не у̂рядзилося,
Ничаго святому не сподзѣялось:
Ёнъ пяе́ць сцихи хуруимськія,
Гласы гласиць повангéльскому.
Наказавъ ёнъ Ягорью а у̂ пилахъ пилиць—
А у̂ пилахъ зубцы покрышилися.
А у̂ пилахъ полоты пополопались,

У майстровъ руцы—нози и т. д.
Ничого Ягорью не ўрядзилося и т. д.
Наказавъ Ягорья а ў котлѣ варицъ,
А ў котлѣ варицъ, дзѣ огонь горицъ,
Дзѣ огонь горицъ, дзѣ смола кипицъ,
А смола кипицъ—ровно громъ гремицъ,—
Не на дно Ягорья потонаецъ,
По вярху Ягорья поплуваецъ.
Волоса у Ягорья якъ ковынъ-трава—
Цѣлеса Ягорья не засмядзѣло,
Ничаго Ягорью не ўрядзилося и т. д.
Наказавъ Ягорью по гвоздзямъ водзицъ—
Усё жъ ба тое гвоздзё пріувогнулося
Ничого Ягорью не урядзилося и т. д.
Наказавъ Ягорья на водзѣ топицъ,
На водзѣ топицъ зъ бѣлымъ каменемъ—
А вода стоицъ, якъ камень ляжицъ,
Не на дно Ягорья потонаецъ,
По вярьху Ягорья походжаецъ,—
Ничаго Ягорью не ўрядзилося.
Наказавъ жа Ягорья у цямницу весцъ:
Глубиной погребъ сороку сажонъ,
Шараку погребъ дватцаци пяци;
Становивъ стовбы масинджовыя,
Задвигавъ досками ўсё чигунными,
Прибивавъ гвоздзями ўсё спижовыми,
Присыпавъ песками круто-жовтыми.
Самъ жа ёнъ, ёнъ воръ, ёнъ разбойничакъ
Чорнымъ сапогомъ ёнъ притоптовавъ,
Громкимъ голосомъ приговаривавъ:
«Што ня быцъ Ягорью повярьху зямли,
Повярьху зямли, святой Росси;
Не топтацъ Ягорью шавковы травы,
Ня 'ббивацъ Ягорью зямчужны росы,
Не слыхацъ Ягорью пѣвъ царьковныхъ,
Не видацъ Ягорью свѣта бѣлаго,
Свѣта бѣлаго, сонца жаркаго!»
Хвабрый Ягорья, Христовъ мучаникъ,
А ў зямли сѣдзящи, Богу молючи,
Къ самому Христу пріўклоняющи,
Судзержавъ цямницу тритцацъ три годы.
А съ подъ города съ подъ Русалима
Находзила туча святогрозная,
Подымались вѣтры, вѣтры буйныя,
Пораздули пяски круто-жовтыя,
Поўзорвали гвоздзи ўсё спижовыя,
Пораскрыли доски ўсё чигунныя,
Поломали стовбы масинджовыя—
Ставъ жа Ягорій повярьху зямли,
Повярьху зямли, святой Росеи.
Якъ глянувъ Ягорья во ўси стороны,
Во ўси стороны, во ўси чатыре—
Ажъ Чарниговъ градъ весь развоеванъ:
Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго,
Одна стоицъ церьква а суборная,
А суборная, богомольная.
А ўходзицъ Ягорій у суборъ-церькву,
Ажно яго маци Богу молитца,—
На воздухахъ стоицъ, Богу молитца,
Къ самому Христу пріўклоняетца.
«Здрастуйця, матушка ли Сохвія,
Тая жа бо царица благовѣрная:
За кого вы сто Богу молицесь,
Къ самому Христу пріўклоняецесь?»
—За цябе, сынку, я Богу молюсь,
Къ самому Христу пріўклоняюся:
Дзѣ сто бувъ, дзѣ ты пребувавъ,
Дзѣ ты пребувавъ, дзѣ муку примавъ?
«Матушка Сохвія, царица благовѣрная!
Бывъ я у Дземьянищи у басурманищи,
Принимавъ я муки разнолишныя,
Разнолишныя, пріўстрашивыя,
Судзержавъ цямницу тритцацъ три годы.

Матушка Сохвія прямудрая,
Тая жъ бо царица благовѣрная,--
Позволь жа мнѣ, маци, воювацися,
Отплацидь яму ўсю дружбу яго,
Ўсё постарому и попрежнему!»
—Чадо жъ моё, хвабрый Ягорій!
Не отплацидь табѣ усю дружбу яго,
Ўсё постарому и попрежнему:
А ў яго заставы не малэя,
А ў яго заставы ўсё большэя,—
Ёнъ за крўтами за горами,
Ёнъ за цёмнами за лѣсами,
Ёнъ за сѣрами за звѣрьями,
Ёнъ за лютами за зміями,
За стремéньскамя воротами!...
—«Маци жъ моя, ли Сохвія,
Прямудрая царица, благовѣрница:
Позволь жа мнѣ, маци, воювацися,
Отплацидь яму ўсю дружбу яго,
Ўсё постарому и попрежнему!»
—Чадо жъ моё, храбрый Ягорій:
Пойдзи-тка жъ у пбля Шарачиньское,
Возьми сабѣ лошадзь богатырськую,
Возьми жъ ты паліцу ўсю военную,
Возьми погоньніцу-шезьдзесятъ пудовъ,
Книгу-вангалію нячитàную,
Востро копьё немаханое!
Хвабрый Ягорій, Христовъ мучаникъ,
Пошовъ ёнъ у пбля ў Шарачиньское,
Узявъ сабѣ лошадзь богатырськую,
Узявъ жа палицу ўсю военную,
Узявъ погоньницу-шезьдзесятъ пудовъ,
Книгу вангалію нячитаную,
Востро копьё немаханое,
Поѣхавъ Ягорья по Руси-зямли,
Книгу вангалію ёнъ чатаючи,
Хурумськія глáсы усьпѣваючи,
Вострымъ копьёмъ вограждаючи,
Ёнъ руськую землю очащаючи,—
Наѣжжавъ Ягорья къ первой застави,
Икъ первой застави—икъ крутымъ горамъ,—
Дзѣ жъ горы зъ горами сытолкнулися,
Дзѣ жъ горы зъ горами сыкацилися,—
Не пройцидь Ягорью, не проѣхаци.
Тамъ хвабрый Ягорья проглаголювавъ:
«Горы жъ вы, горы, горы крутыя!
Раскацицеся, разступицеся,—
Буду жъ я, горы, васъ и рыць и копаць,
И рыць и копаць—церьквы будуваць,
А суборныя, богомольныя!»
Уся жъ тая застава минувалася,
Ничого Ягорью не ўрядзилося,
Ёнъ пяéць сцихи хуруимськія,
А гласы гласидь повангѐльскому.
Хвабрый Ягорій по Руси-зямли проѣжжаючи,
Книгу вангалію ёнъ чатаючи,
Хуруимськія гласы усьпѣваючи,
Вострымъ копьёмъ вограждаючи,
Ёнъ руськую землю очащаючи,—
Наѣжжавъ Ягорій къ 'торой застави,
Къ 'торой застави, ки цямнымъ лѣсамъ,—
Дзѣ жъ лясы зъ лѣсами сукланялися,
По сырой зямли расьцилалися,—
Не пройцидь Ягорью, не проѣхаць.
Тамъ хвабрый Ягорій проглаголювавъ:
«Лясы жъ вы, лясы, лясы цёмныя!
Разступицеся, расклоницеся;
Станьця жъ вы, лясы, ўсё постарому,
Ўсё постарому, ўсё попрежнему:
Будуць васъ, лясы, и сѣчь и рубаць,
И сѣчь и рубаць—церьквы будуваць,
А суборныя, богомольныя!»
Уся жъ тая застава минувалася,
Ничого Ягорью не ўрядзилося, и т. д.
Хвабрый Ягорій по Руси-зямли проѣжжаючи и т. д.

Наѣжжаець Ягорій къ третьцей застави,
Къ третьцей застави—кы сѣрымъ звѣрямъ:
Звѣри зъ звѣрями сыбѣгалися—
Не пройци Ягорью, не проѣхаци,—
Хочуць Ягорья и съ конёмъ сожраць.
Тамъ хвабрый Ягорій проглаголювавъ:
«Звѣри вы, звѣри, звѣри сѣрыя,
Разбяжицеся, разыйдзицеся,
По два, по три, по ядыному,
Пиця жъ вы, ѣжця позволёное,
Што хвабрый Ягорія вамъ позволиць,—
Будзеця звѣри, у Бога годны,
Безъ мяне, Ягорія, вы довольны!»
Уся жъ тая застава минувалася и т. д.
Хвабрый Ягорій, Христовъ мучаникъ,
По Руси-зямли проѣжжаетца, и т. д.
Наѣжжавъ Ягорій къ чацьвёртой застави,
Къ чацьвёртой застави, ки лютымъ зміямъ:
Змѣи зъ зміями соповзалися,
И лятучія солеталися,—
Со ушей у ихъ а дымъ сўець,
Со рота у ихъ огонь пышець,
Со ноздзёръ у ихъ искры сыпюць,—
Не пройциць Ягорью, не проѣхаць,—
Хочуць Ягорья и съ конёмъ сожраць.
Тамъ хвабрый Ягорья проглаголювавъ:
«Змѣи жъ вы, змѣи, змѣи лютыя!
Ляциця жъ вы, змѣи, на Кіянь ряку,
Обмывайця вы ўсю руду свою,—
Будзець на васъ цѣло чаловѣчанское,
Будзець на васъ волосъ чаловѣчанскій,
Дасць жа вамъ Богъ рѣчь нямецкую!»[1])
Уся жъ тая застава минувалася и т. д.
Хвабрый Ягорій по Руси-зямли проѣжжаючи и т. д.
Наѣжжавъ Ягорій къ пятой застави,
Къ пятой застави, ки къ стремéнь-вордтамъ.
Тамъ сядзіць пцица Коропцѝлища,
Кокота у яѐ ўсё зялѣзныя,
Ядзивая гўба на зéмли ляжиць,
А другая гўба на 'блака̀ смотрѝць:
Хочець Ягорья и съ конёмъ сожраць!
Ў кокотахъ дзяржиць китру-рыбину.
«Пцица жъ ты, пцица, Коропцилища!
Расчапи жъ ты, пцица, кокотá своé,
Пусьци ты китру-рыбу на Кіянь-мóра,
Сама ляци, пцица, на Ирдань-ряку,
Обмывай ты, пцица, ўсю руду свою,—
Будзешъ ты, пцица, у Бога годна,
Безъ мяне, Ягорья, ўсё довольна!»
Уся жъ тая застава минувалася,
Ничого Ягорью не ўрядзилося:
Ёнъ пяець спихи хуруимськія,
А гласы гласиць повангельскому.
Хвабрыи Ягорій, Христовъ мучаникъ,
По Руси-зямли проѣжжаючи,
Книгу-вангалію ёнъ чатаючи,
Хуруимськія гласы усьпѣваючи,
Вострымъ копьёмъ вograждаючи,
Ёнъ руськую землю очащаючи,—
Наѣжжавъ Ягорья на Дземьяньскій дворъ.
Выхо̀дзиць Дземьяница съ хлѣбомъ-сольлю:
«Хвабрый Ягорья, Христовъ мучаникъ:
Ци ў пиръ ко мнѣ ѣдзешъ пируваци,
Ци у бясѣдушку сядзѣци?»
Тамъ хвабрый Ягорій проглаголювавъ:
Нявѣрный царища Дземіянища,
Дземіянища, басурманища!
Ня у пиръ къ табѣ ѣду пируваци,
Не ў бясѣдушку къ табѣ сядзѣци,—
Пріѣхавъ къ табѣ я воювацися,
Отплациць табѣ ўсю дружбу свою,

1) Пѣвецъ объяснилъ, что *нѣмцы* происходятъ именно отъ этихъ змѣй.

Усё й постарому, усё й попрежнему!...
Тамъ Дземьянища проглаголювавъ:
«Хвабрый Ягорій, Христовъ мучаникъ, —
Дайця мнѣ сроку хуць на три годы,
Хуць на три годы, хуць на три часы,
Хуць на три часы, хуць на 'дну минуту!»
Хвабрый Ягорій проглаголювавъ:
Не дамъ табѣ сроку ни на три годы,
Ни на три годы, ни на три часы;
Ни на три часы, ни на 'дну минуту!
Якъ завыецъ жа ёнъ пузвяриному,
Засипицъ жа ёнъ пузмяиному,
Забрешацъ жа ёнъ пусобаччуму,
Засвйщиць жа ёнъ пуптушиному!
Вамаецъ жа Ягорій свой вострый мечъ:
Разбивъ, разрушивъ ёнъ Дземьянищу,
Дземьянищу-басурманищу:
По колѣни лошадзь у труну стоиць,
По поисъ Ягорій у крыві сядзйць!
Тамъ хвабрый Ягорій проглаголювавъ:
«Земля ты, земля, хлѣбородная!
Пожри жъ ты ету кровь Дземіяньскую,
Очисьци мой духъ хрисціяньскій!»...
Храбрый Ягорій, свѣтлый мучаникъ,
Прецярпѣвъ ёнъ муку разнолишную,
Разнолишную, прiўстрашливую!..
А славимъ цябе, Хрисьце Божа нашъ!

Каз. Слободск. в. мстисл. у.

Въ Велижск. у. записанъ варіантъ стиха, помѣщ. во II вып. стр. 369—370, распространеннаго въ *гом.* и *рогач.* уу. могил. губ.

г, Якъ жили такъ были нявѣрныи люди.
Ай ня вѣрили яны ядыныму Богу,
Только й вѣрили яны нявѣрныму смоку,
Отдывали яны у день пы дятёнку.
Дыстàлося отдавать сымомў кыролю.
А ў того кыроля одна доцыръ была.
«Уставайка ты, доцыръ, заўтра ранéнько,
Умывайська ты, доцыръ, бѣло-былéнько,
Надѣвайка ты, доцыръ, смярётное платьтя,
Ты идитка, доцка, у цыстое поле,
У цыстое поле, къ синиму морю,
Ты къ синиму морю, къ нявѣрныму смоку!»
Пна поле сышла—слезно плакыла,
На другое ўзыйшла—стала Бога знать,
А на третьтія ўзыйшла—стала Бога молить:
«Ой Божа мой, Божа, дай мнѣ зыборону,
Дай мнѣ зыборону сы вышняго неба!»
Ой услышивъ Господь ой молитву іе,
Ой ставъ жа Господь 'сихъ святыхъ сыбирать,
Ўсихъ святыхъ сыбирать, 'симъ святымъ гыворйть:
«Ой кому шъ ба, кому на тэй свѣтъ ѣхыть,
На тэй свѣтъ ѣхыть, кыролевну быронить?
Ой ѣхыть на тэй свѣтъ святому Ягорью,
Святому Ягорью кыролевну быронить!»

Ой святэй Ягорій ны коня садився,
Ны коня садився, зъ неба сыѣжжаеть;
Зъ неба сыѣжжаеть, къ морю пріѣжжаеть.
Ой святэй Ягорья зöлытъ хрéстъ покызавъ,
Ой нявѣрный жа смокъ ёнъ ныэатъ пубѣжавъ.
Ой святэй Ягорья удогонь за имъ.
Ой Ягорьинъ конь, ёнъ погой приступивъ,
Ой святэй Ягорья, ёнъ копъёмъ пробивъ.
«Ты идитка, дѣвка, на Сіяньску гору̀,
Пыкажи шъ ты, дѣвка, свою правую руку̀,
Ой спишу шъ я табѣ ўсю Христову му̀ку.
Штопъ ны твою руку люди зыглидали,
Яны ядыныму Богу, яны нывѣряли,
Нявѣрныго смока яны прыклинали...»

д, Ой колись то да нявѣрнички были,
Да ня вѣрили Господу Богу,
Да вѣрили поганому цмоку,
А што зъѣдавъ у дзень по чаловѣку.
Ой якъ пришлося ой самому̀ цару,—
Хоць самъ царъ идзи, хоць дочку̀ ишли.
Ой самъ не пошовъ, ёнъ дочку по-
Дочка жъ яго ня ўвѣрала, [славъ.
Ня ўвѣрала поганому цмоку,
Да ўвѣрала Господу Богу.
Яна ишла, усё плакала,
Земляныя ўклоны отбивала.
Господа Бога й упрошала.
Якъ выслухавъ самъ Господь Богъ
Яе молитвы справядливыя,
Сосылая святого Ягору:
«Ѣдзь, Ягора, зъ неба на зямлю,
Бяри коня насилнѣйшаго,
Бяри й копъё навойстрѣйшая!»
Ой якъ поѣхавъ святый Ягора,
Ваплывая ой поганый цмокъ,
Съ синяго мора да на бѣлый камень,
Во зъ поздзёръ яго усё дымъ идзець,
А зъ роту ў яго й огонь шибая.
Ягоръ гэто якъ завидзѣвъ, уляквувся:
Уляквувся, назадъ вярнувся:
«Ой, Господзи, я й боюся!»
—Святый Ягора, ѣдзь, ня бойся,—
Бяри коня насилнѣйшаго,
Бяри копъё навойстрѣйшая:
Ва конь копытòмъ, ва ты копъёмъ!..
Якъ поѣхавъ святый Ягора
Да къ синяму, синяму мору,
Икъ бѣлому къ тому ка́мяню,—
Ваплывая поганый цмокъ.
Якъ хвасцився да й сивый конь!
Во, конь жа копытòмъ бъе,
А Ягора да й войстрымъ копъёмъ,—
Ой убили поганаго цмока!
Закладали да дванатцаць паръ воловъ
Подъ гэтаго поганаго цмока,—
Ну волы яго ня кра́нули.
Заложивъ жа ой святый Ягора
Свойго коня ўсё й силнаго,—
Повязли яго по бѣлому свѣту,
Кабъ вѣрали людзи Господу Богу,
Да ня вѣрали поганому цмоку.

Толпечиц. вол. мог. у.

10. Хвёдоръ Церинъ.

А у той було у сторыни у востошный,
Якъ живъ-проживавъ
Косьцянцинъ ды царь Самуйлывичъ.
А ходзивъ ёнъ по ‘бѣдниxъ, ўсё по ютренихъ,
Служивъ ёнъ молебныя ўсё й не маленькія,
Не малыя ўсё, и вяликія. [1])
Находзила туча силно гремучая,
Выпадала кыленая стрѣла, вогненныя,
Становилися на ноженьку й на правенькыю,
Подъ ряцивое яго ўсё и сердзечко.
Прописано прописанія а ўсё й грозное:
«Хто пойдзѣць проци царя ўсё а Ўдзейськыго,
Побьѣць силу ўсю нявѣрныю,
Жадовськыю, ўсё смярдовськыю?»
Цихо—мовченько ўсё й пристоилыся:
А за старымъ не видаць а ўсё малыго,
А за малымъ не видаць а ўсё старыго—
Ўсѣ мовчошанько ўсѣ и поўстоилися.
Откель узявся младъ Хвёдоръ Церинъ,
Младъ Хвёдоръ Церинъ, а двѣнатцыци лѣтъ:
«Бацюшка Косьцянцинъ,
Царь Самуйлывичъ!
А дайця мнѣ своё благословенія,
Орудію ўсю военныю!
Дайця мнѣ добрыю лошадзь,
Ўсё и няѣжджыныю!
Дайця мнѣ книгу—вангалію,
Ўсё й нячитаныю,
Вострое копьё немаханыя, [2])
Булатный мечъ нездзержаный,—
Поѣду жъ я проци царя, ўсё й Юдзейскаго,
Побью силу ўсю й нявѣрныю,
Жадовськыю, ўсё й смярдовськыю!..»
—Ды чадо жъ моё возлюблѐнныя,
Младъ юнышъ Хвёдоръ Церинъ,
Ўсё й двѣнатцыци лѣтъ!
Ты по силнахъ воинствахъ и ня ѣзжававъ,
И большого крововитьця [3]) ня видзивъ никогда,
И болѣзныхъ жа рановъ ты ня церпливывъ;
Ты жъ якъ увидзишъ воинство, дыкъ спугаесься,
Зъ добрый лошыдзи зваляесься!..
«Ня бойся жъ, мой бацюшка родзименькій,
Ня бойсь, Косьцянцинъ, царь Самуйлывичъ:
Якъ увиджу я воинство, не спужаюся,
А зъ добрыя лошыдзи не зваляюся!»
Якъ поѣхывъ младъ Хвёдоръ Церинъ,
Ёнъ на воинство,
А бився ёнъ три дни и три ноченьки,
Не ўпиваючи ёнъ, не ўѣдаючи,
И цёмный ночи ня ўсыпаючи,
Зъ добрыя лошыдзи не ссѣдаючи,
Съ стремяньнёвъ ножанекъ ня вымаючи. [4])
Побивъ, порубивъ силу ўсю нявѣрныю,
Жадовськыю (а=и), ўсю смярдовськыю:
По колѣни лошыдзь у крыви стоиць,
По стрѐмены лошыдзь у трупѣ стоиць,

1) Вар. Служивъ ёнъ молебны ўсё й вяликія, ой вяликія, усё й немаленькія.
2) Не угрождзенное. 3) Кроволитьця. 4) Бѣлыхъ ножекъ съ стремя не вымаючи.

А по шовкывый поисъ
Младъ Хвёдоръ Церинъ у крыви сядзіць.
Якъ поѣхывъ младъ Хведоръ Церинъ
Ёнъ сы воинства,
Построивъ ёнъ домъ
Пресвятой дзѣви Бугуродзицы.
Пріѣзжаець младъ Хвёдоръ Церинъ
Ки свойму двору,
Ки свойму двору, ки новому ли крыльцу,
Привязавъ ёнъ добрыю лошыдзь
Ки сяребрыному столбу,
Ки сяребрыному столбу,
Ки буланьскому [1]) кольцу.
Якъ пошовъ младъ Хвёдоръ Церинъ
Ў своё ў бѣлыя [2]) палаты,
Яго родный бацюшка сустрѣчаючи,
Яго добрыю лошыдзь принимаючи,
Садзивъ за столами за цесовами,
За скацерсцями, за избраными,
А за кушиньними за сахорными,
Зы напиткыми а ўсё разнами.
Яго родныя матушка жалѣючи,
Добрыю лошыдзь ўсё любуючи, [3])
Повела йна добрыю лошыдзь
На Хвалынь [4])-моря,
Кормиць, поиць, руду-печень, кровъ обмыць.
Откеля ўзявся змѣй, змѣй Горынища [5])
Объ двѣнатцыць головъ,
Объ двѣнатцыць хыбоцей, —
Узявъ яго мацерь усё й родзименькыю,
Узявъ Хвядору, ўсё и Микицишныю,
Якъ понёсъ ёнъ яё за ў Хвалынь-моря,
А за тэя за топкія болоцьвины,
А у тую глубокыю у пящеру у свою,
Пусадзивъ ёнъ яе ўсё й ны камушку,
Обсасыець ёнъ бѣлу грудзь яё,
Проливаець кровъ ўсё й горючію.
Откеля ўзилася пцица-ластывица,
А сѣла йна, пала къ имъ ны вокошычко:
«Младъ юнышъ, Хвёдоръ Церинъ,
А двѣнатцыци лѣтъ!
Пъёшъ ты, яси, прохлаждаесься,
Свойму отцу добрами рячми вахваляесься,
Надъ собою бяды ты ня чуствуешъ! [6])
Якъ надъ вами бѣда сылучилыся:
Цябе родная матушка жалѣючи,
Добрыю лошыдзь ўсё й любуючи,
Повела йна добрыю лошыдзь
На Хвалынь-моря,
Кормиць, поиць,
Руду-печень, кровъ обмыць.
Откеля ўзявся змѣй, змѣй Горынища,
Объ двѣнатцыць головъ,
Объ двѣнатцыць хобоцей,
Узявъ твою матушку родзименькыю,
Узявъ Хвядору, ўсё й Микицишныю.
Якъ понёсъ ёнъ яё за ў Хвалынь моря,
А за тэя за топкія болоцьвины,
А у тую глубокыю у пящеру у свою,
Пусадзивъ ёнъ яё усё й ны камени,
Бѣлу грудзь яё ёнъ обсасыючи,
Кровъ горючію ўсё проливаючи!..»
—Бацюшка Косьцянцинъ, царь Самуйлывичъ!
Дайця жъ мнѣ своё благословенія,
Орудзію усю военныю!
Дайця мнѣ добрыю лошыдзь,
Ўсё й няѣжджыныю!
Дайця мнѣ книгу—вангалію,

---

2) Ки булатъ-кольцу. 2) У тыя новыя. 3) Принимаючи. 4) Хмалынь-моря. 5) Горылища; Голелища; Горэнища. 6) Ня чуеця надъ собою бяды грозныя.

Ўсё й нячитыныю,
Булатный мечъ нездзержа́ный,
Вострое копьё немаханое—
Выручу свою матушку и родзимую,
Выручу Хвядору, ўсё Микицишныю!
—«Чадо жъ моё возлюблённыя,
Младъ юнышъ Хвёдоръ Церинъ,
А двѣнатцыци лѣтъ!
Ня видзивъ ты змѣя ўсё Горынища:
Змѣй жа престрашный объ двѣнатцыць головъ,
Объ двѣнатцыць головъ,
Объ двѣнатцыць хыбоцей!
Ты жъ якъ увидзишъ, дыкъ спугаесься,
Зъ добрыя лошыдзи а зваляесься!»
—Ня бойся жъ, мой бацюшка родзименькій,
Ня бойсь, Косьцянцинъ, царь Самуйлывичъ:
А увиджу я змѣя—не спугаюся,
А зъ добрыя лошыдзи не зваляюся!
А младый жа Хвёдоръ Церинъ
А дванатцыци лѣтъ,
Якъ построивъ домъ
Ўсё пресвятой Бугуродзицы,
Якъ поѣхывъ младъ Хвёдоръ Церинъ
Ки ў Хвалынь морю,—
За слезами писанія ёнъ ня вызриваець,
За рыданіемъ читанія ёнъ ня вычи-
За рыданіемъ читанія [тыець,
Ёнъ ня высказыець.
По Божиму пувялѣнію,
А по младаго вотрыка умоленію яго,
Откеля ўзилась китрая-рыба
Ўпопярёкъ моря.
Якъ поѣхывъ младъ Хвёдоръ Церинъ
Якъ ба й по́ мысту,
За тэя за топкія за болоцьвины,
А ў тую ў глубокыю ў пящеру у яго.
Завидзила яго матушка родзименькыя,
А завидзила жъ то Хвядора, ўсё и Микицишныя,
Плачучи 'на, рыдаючи:
«Чадо жъ моё возлюблённое,
Чадо жъ моё нарождэнное,
Младый Хвёдоръ Церинъ,
Ўсё двѣнатцыци лѣтъ!
Запропали мы съ тобою тута, запогинули!
Положимъ жа мы съ тобою буйны головыньки!» 1)
—Ня бойсь, моя матушка родзименькыя,
Ня бойсь, Хвядора ўсё Микицишныя:
Не запропали 2) мы съ тобою, не погинули тутъ,
Не положимъ свое́ тутъ буйны головыньки!..
Змѣй жа ты престрашный, ўсё 3), Горынища!
Отдай мою матушку родзименькыю,
Отдай жа Хвядору ўсё й Микицишныю—
Бязъ шуму, безъ драки,
Безъ большого кроволиція!
—Младъ Хвёдоръ Це́ринъ,
Ўсё двѣнатцыци лѣтъ!
Да не 'тдамъ твоѐ матушки родзименькія,
Не 'тдамъ ўсё Хвядоры Микицишныя
—Бязъ шуму, безъ драки,
Безъ большого кровопролиція!..
По Божиму пувялѣнію,
По младого вотрыка по ўмоленію,
Младъ Хвёдоръ Церинъ,
Ўсё двѣнатцыци лѣтъ,

1) Свою головучку. 2) Не запропадзёмъ. 3) Змѣй.

Якъ выпусьцивъ кылянўю стрялу,
вогненныю,
Якъ ударицъ ёнъ объ сыру мацерь
зямлю:
Што подъ ими земля здрыганулыся,
А надъ ими небо сколыхнулыся:
Отбивъ ёнъ ямў [1]) ўси 12 головъ,
Ўси 12 головъ, уси 12 хибоцей.
А ў добрыя лошыдзи по колѣно у
крывй,
А ў добрыя лошыдзи по струмены у
трупу.
А ўзвявъ свою маменьку родзименькыю,
А ўзвявъ жа Хвядору ўсё и Мики-
цишныю,
Посадзивъ ёнъ яе́ ўсё й на цемичко
сабѣ,
Дзяржйцъ жа подъ пӑшуньку подъ
правую.
Зарыдала яго матушка родзименькыя,
А Хвядора Микицишна ўсё й гово̆-
рючи:
«Чадо жъ моё нарождзе́нныя,
Чадо жъ моё возлюблѐнныя,
Младъ Хвёдоръ Церинъ
Ўсё 12-ци лѣтъ:
А ня дорого моё крывавое порож-
дженія,
А дороже твоё святое похождэнія!» [2])
—Матушка моя, свѣтъ-родзименькыя!
А й неправдычку мнѣ
Вы ўсё сказыецця:
А ня дорого моё похождэнія,—
Доро̆го твоё трудно́е порождэнія!
Кровъ ты свою проливала надо мной,
Серца свое сознибѐла обо мнѣ,
Цёмныя ночи ня ўсыпала надо мной,
А бѣлыхъ вы ножикъ
Ня вынимали съ колы̆шикъ обо мнѣ!
Пріѣжжаецъ младъ Хвёдоръ Церинъ
Ки ў Хвалынь-морю,
За слезами писанія ёнъ ня вы̆зріецъ,
За рыданіемъ читанія ёнъ ня вы-
читыецъ,
За рыданіемъ читанія ёнъ ня вы-
сказыецъ.
По Божиму пувялѣнію,
По младого вотрыка умоленію,
Откеля ўзилась китрая-рыба
Ўпопярёкъ моря,—
Якъ поѣхывъ [3]) младъ Хвёдоръ
Якъ ба й по̆ мысту. [Церинъ
Завидзивъ жа яго бацюшка родзи-
менькій,
Завидзивъ Косьцянцинъ, царь Самўй-
лывичъ:
«Знацъ жа моё чадо возворопилыся,
Выручивъ свою матушку,
Ўсё й родзименькыю,
Выручивъ Хвядору, ўсё й Микицш-
ныю!»
Сустрѣкаецъ яго бацюшка ўсё ро-
дзименькій,
Сустрѣкаецъ Косьцянцинъ, царь Са-
мўйлывичъ.
«Госьци жъ мое́ ўсѣ пріѣжжія,
Госьци жъ мое́ усѣ лю̆быя!
Помницця жъ вы етый дзень—
Святую пяцинку,
Посли сырныя нядзѣли,
Вяликаго поста ўсё й на Хвёдырывой!»
Алилуя, алилуя,
А славимъ мы цябе, Христе Божа
нашъ!

Мстислав. у. Ср. Безсон. 3, 525—558.

---

1) И зрубивъ. 2) Трудовое потруждэнія. 3) Пошовъ.

11. Змитрій.

Съ сяго свѣту, со началу,
Якъ живъ-проживъ святый Зьмицеръ,
Ёнъ а ў городзи Русалими.
Зачувъ тое да царь Мамаръ.
Хочець забраць Русалимъ—городъ,
—Собравъ силу бясчислéнную.
Зачувъ, прочувъ святый Зьмитрій,
Ёнъ по городу поѣжжаець,
Яго силу побиваець:
Побивъ, посѣкъ, порубавъ
И ногами потоптавъ.
Выходзили дзьвѣ дзявицы,
Дзьвѣ руськыя полонянки,
У вишнёвый садъ прогулятца,
Того дзива дзивоватца.
Завидзивъ то да царь Мамаръ,
Ёнъ забравъ тыхъ дзьвюхъ дзявицавъ,
Засадзивъ ихъ у цёмную цямницу,
У цёмную цямницу,
У тошную тошницу.
Ой ставъ Мамаръ у ихъ распрашавацъ,
И распрашавацъ и распытавацъ:
Ой хто у васъ у городзи проживаець,
Мою силу побиваець?
Отвѣщаюць дзьвѣ дзявицы,
Ўсё руськыя полонянки:
«Прабуваець у насъ въ градзи
Святый Зьмитрій чудотворецъ;
Ёнъ твою силу побиваець:
Ёнъ побивъ, посѣкъ, порубавъ
И ногами потоптавъ!»
—Охъ, вы дзѣвки, вы дзявицы,
Усё руськыя полонянки,—
Вы нашійця мнѣ на коврѣ яго,—
Буду зь яго соругатца:
Буду на ёмъ поѣжжаци
И ногами ўсё топтаци!

Бѣлс…

Отвѣщаюць дзьвѣ дзявицы,
Усё руськыя полонянки:
«Кабъ ты не дождавъ, а ни продыхавъ,
Кабъ мы подали святого Зьмитра на зруганьня!»
Рассцéрвився царь Мамаръ на дьзвюхъ дзявицавъ,
А ўсё руськыхъ полонянокъ,
Засадзивъ ихъ у цямницу,
Ўсё и ў тошную тошницу.
Стали дзѣвки думаць—гадаць,
Стали дзѣвки силно плакаць.
Стали яны ковёръ нашиваць,
А другій жа набираци,
А третьцій жа вашиваци,
Святого Зьмитра на зруганьня подаци,—
Яны на третьцемъ увоснули.
Усхапились вѣтры буйныя,
Раскидали ўсю цямницу,
Усю тошную тошницу.
Се й янгелы являлися,
Ўзяли дзѣвокъ споношали,
У Русалимъ городъ приносили,
Яны ў храми положили.
Сама суборъ отчинилася,
Сами свѣчи засіялись,
Сами й звоны зазвонились,
Сами й книги зачитались.
Зачувъ-почувъ той пономарь,
До священьника ёнъ прибѣжаець,
До священьника ёнъ прибѣжаець,
Да священьника ёнъ пробужаець:
«Ўстань, священный, пробудзися:
Што ў насъ въ градзи явилося?
Сама суборъ отчинилася,
Сами свѣчи засіялись.

Сами й звоны зазвонились,
Сами и книги зачитались!»
Священный зъ ложи уставаець,
На лицо воду узливаець,
Ёнъ до церквы прибѣжаець,
Ёнъ кадзильницу хапаець,
Ёнъ кадзильницай мотаець,
И за престолъ позираець,
На руськыхъ жа полонянокъ.
Ёнъ кадзильницай мотаець,
Ёнъ у дзѣвокъ распатаець:
«Ци сами жъ вы сюда зайшли,
Ци янгелы васъ принясьли?»
—Не сами жъ мы сюда зайшли,
Насъ янгелы принясьли,
Што мы святого Зьмитрія на зругань-
ня не дали...
А славенъ нашъ Господзь вб вѣки
вякомъ, аминъ.
С. Гладково, чаусск. у.

12. Тоже.

По городу по Кіяву
Поѣжжаець царь нявѣрный,
Царь нявѣрный Маркобрунъ,
Поисковаець святого Зьмитрія.
Не знашовъ святого Зьмитрія,
Тольки знашовъ двѣ дзявіцы
Двѣ дзявицы, красавіцы
И бѣлыя полонянки.
«Вы, дзявицы, красавіцы,
Двѣ бѣлыя полонянки,
Ци ня видзѣли вы святого Зьмитрія?»
Яны яму отвѣщаюць:
«Царь нявѣрный,
Ня видзѣли мы святого Зьмитрія!»
—Двѣ дзявицы—красавицы,
И бѣлыя полонянки,
Вышайця мнѣ святого Зьмитрія
На бѣленькомъ на платочку,
На бѣленькомъ на платочку,
На тоненькомъ на коврочку,—
Моимъ конимъ на стоптаньня,
Моимъ силамъ на зруганьня!
Яны яму отвѣщаюць:
А царь нашъ, царь нявѣрный!
Ня можемъ мы етыкъ здзѣлаць,—
Вышиць табѣ святого Зьмитрія
На бѣленькомъ на платочку,
На тоненькомъ на коврочку.
Твоимъ конимъ на стоптаньня,
Твоей силн на зруганьня!..
Разгнѣвався царь нявѣрный,
Забравъ дзѣвокъ у няволю,
У цёмную у цямницу,
У тошную у тошніцу.
Сярёдъ ночи у повночи
Устала силная буря,
Приляцѣли два ангалы,
Ўзяли дзѣвокъ подъ ручаньки,
Понясьли ихъ у суборъ—цэрькву,
Посадзили за престоломъ.
Сами звоны зазвонилисъ,
Сами свѣчи зажагались,
Сами книги раскладались.
Якъ завидзѣвъ пономарщикъ,
Ёнъ ранёнько уставаець,
Сапожики надзѣваець,
Бѣло личко умываець,
И къ бацюшку прибѣгаець,
И бацюшку узгукаець:
«А бацюшка, оцецъ духовный,
А пастырю ўсё царьковный,
Хрисціяньскій навученикъ:
Што у насъ за проява проявилася
Сами звоны зазвонились,

Сами свѣчи зажагались,
Сами книги раскладались!»
А бацюшка ўставаець,
Сапожики надзѣваець,
Бѣло личко умываець,
Въ суборъ—цэрькву уступаець,
Чорну ризу надзѣваець,
И къ дзѣвушкамъ подступаець:
«Ахъ вы, дзѣвки—дзявицы,
Вы бѣлыя полонянки!
Ци сами вы сюда зайшли,
Ци ангалы васъ занясьли?»
Яны яму отвѣщаюць:
«Бацюшка, оцецъ духовный,
А пастырю ўсё царьковный,
Хрисціяньскій навучѐникъ:
Насъ ангалы занясьли,
За святого за Зьмитрія!»
Бацюшка отъ ихъ отступаець,
И молитву сотвораець,
Святого Зьмитрія прославляець...
Славимъ цябе, Хрисце Божа нашъ,
вяликое ймеіе!
Святъ Господзь Самавохъ!

Святощиц. в. д. Синищево.

13. Тоже.

А сы перваго вѣку, сы началу,
Якъ було жъ насланія Господнія
А на ўсю нашу на Руськыю землю,
А на ўсю нашу свѣтлыю Росѐю,—
Наѣжджавъ князь Мамай [1]) ёнъ пявѣрный,
И нявѣрный, бязбожный,
И ненàвисный ёнъ хрисціяневъ.
А ёнъ икъ граду къ Салиму приступався,
А тогды князь Мамай выхвалявся,
А тогды князь Мамай надражався:
«А Салимъ, славный городъ, разобью, [2])
И Салимськыя церькви разорю,
Свята Зьмитрія Салимськаго у полопъ возьму!»
Якъ заслышавъ святъ Онохрій,
Уладыка ўмолящій,
Перядъ Богомъ святъ Онохрій пріўклонящи,
Ёнъ на воздухахъ ёнъ стоящи,
Ёнъ вѣрно Богу молючись:
«Можно Богу Салимъ городъ воскрясици,
Свята Зьмитрія Салимськаго на небо ўзяци!»
А зглаголець Сусъ Христосъ, царь нябесный
Святу Зьмитрію, Салимському чыдотворцу:
«Святый Зьмитрій, Салимській чыдотворецъ!
Возьми добрыю лошыдзь неѣжджалыю,
Книгу-вангалію нечатàныю,
Вострое копьё вуграждзѐнные,
А по городу Салиму проѣжджайся,
Вострымъ копьёмъ вуграждаючи,
Книгу-вангалію ўсё чатаючи,
И горючія слёзы проливаючи!»
Святый Зьмитрій, Салимській чыдотворецъ,
Ёнъ по городу по Салиму проѣжджаючи,
Сы два ангалами, сы архангалами

1) Вар. Мамарій. 2) Разорю.

Сы Христовыми хоробруючи,
Цересъ каменныю сцѣну пролетаючи,
За Салимъ, славный городъ, заѣджа-
ючи,
Ёнъ нявѣрную силу сустрѣчающи.
Яны бiлися-рубились весьма много,—
А три дня и три ночи—троя судокъ.
Ёнъ побивъ-порубивъ, святый Зьмитрiй,
Яго силы, яго силы весьма много:
Дьзвѣ во цьмы ну ще й три тысячи,
Етой жа силы и змѣту [1]) нѣту!
А тогды князь Мамай догадався,
На границу, на ряку, отступався.
На границы дзьвюхъ дзявицавъ за-
бираець,
Святорусьскихъ забранахъ полонянык.
И зглаголець князь Мамай дзьвюмъ
дзявицамъ:
«Вы яси дзьвѣ дзявицы святорусьскiя,
Святорусьскiя забраныя полонянки:
А скажиця жъ вы мнѣ ўсею правду,
ня тойця:
Хто у вашамъ градзи пребуваець,
Хто по городу по вашаму проѣж-
джаець,
Мою силу нявѣрныю пубиваець?»
А зглаголюць яму дзьвѣ дзявицы:
«Ахъ, ты князь и Мамай, и нявѣрный,
И нявѣрный, бязбожный,
А ненависный на хрисцiяневъ:
Мы не скажамъ табѣ ўсяю правду,
Хто по городу нашамъ проѣжджаець,
Твою силу нявѣрныю пубиваець!»
А тогды князь Мамай рассярдзився,
Вельми на дзѣвицъ ёнъ серцамъ рас-
паливсея,
Ванимаець свою мерзавецкую шаблю,
Хочець ёнъ посѣчь-пурубаци,
Буйны головы имъ пусумаци
А по силныя, ну могучiя плечи.
А тогды дзьвѣ дзявицы испугались,
улякнулись,
Передъ княземъ яны стоя, прослязи-
лися:
«Ахъ, ты князь и Мамай, и нявѣрный,
И нявѣрный, бязбожный,
А ненависный на хрисцiяневъ!
Не сячи, не рубай наши буйныя го-
ловы
А по силныя, ну могучiя плечи:
А мы скажамъ табѣ ўсюю правду,
Хто у городзи нашамъ пребуваець,
Хто по городу нашамъ проѣжджаець,
Твою силу нявѣрныю пубиваець:
Звѣсенъ объ етымъ святъ Онохрiй,
Святъ Онохрiй, ладыка—ўмолящiй,
Передъ Богомъ святъ Онохрiй прiў-
клонящiй,
Ёнъ на воздухахъ ёнъ стоючи,
А ёнъ вѣрно Богу молючи.
Ящо звѣсенъ святый Зьмитрiй
Салимськiй чыдотворецъ:
Ёнъ по городу нашаму проѣжджаець,
Книгу вангалiю ёнъ чатаець,
Сы два ангалами хоробруець,
Цересъ каменную сцѣну пролетаець,
За Салимъ славный градъ заѣжджаець.
Твою силу нявѣрныю пубиваець;
Ёнъ побивъ, порубивъ дзьвѣ во цьмы
ну ще й три тысячи,
Етой жа сили змѣту нѣту!..»
А зглаголивъ дзьвюмъ дзявицамъ
Князь Мамай и нявѣрный:
«Вы яси дзьвѣ дзявицы святорусьскiя,
Святорусьскiя забраныя полонянки!
А вы вышайця ковёръ на возлаци,
Отмалюйця лицо свята Зьмитрiя,
Салимськаго чыдотворца;

1) Вар. свѣту.

Запродайця мнѣ лицо на споруганія!»
А зглаголюць яму дзьвѣ дзявицы святоруськія,
Святоруськія забраныя полонянки:
«Ахъ ты, князь и Мамай, и нявѣрный,
И нявѣрный, бязбожный,
А нѐнависный на хрисціяневъ!
Мы жъ ня вышаемъ ковра на возлаци,
Ня 'тмалюемъ лица свята Зьмитрія,
Не продадзимъ мы лица на споруганія!»
А тогды князь Мамай рассярдзився,
Вельми на дзѣвицъ ёнъ серцамъ распалився.
Ванимаець свою мерзавѐцкую шаблю,
Хочець ёнъ ихъ посѣчь, порубаци,
Буйны головы имъ посумаци,
А по силныя, могучія плечи.
А тогды дзьвѣ дзявицы испугались и ўлякнулися,
Передъ княземъ яны стоя, прослязили:
«Ахъ, ты князь и Мамай, и нявѣрный,
И нявѐрный, бязбожный,
А нѐнависный на хрисціяневъ!
Не сячи, не рубай наши буйныя головы
А цо силныя, могучія плечи:
А мы вышаемъ ковёръ на возлаци,
И 'тмалюемъ лицо свята Зьмитрія,
Салимськаго чыдотворца,
Запродадзимъ мы лицо на споруганьня!»
А тогды князь Мамай догадався:
Дзьвюхъ дзявицавъ забираець,
Ёнъ у камянну цямницу замакаець,
И круто-жовтыми песками присапаець.
А сы вечара ковёръ вашавали,
Сы повночи ковёръ малювали,
Къ бѣлу свѣту на коврѣ пріўвоснули.
Поднималися буйныя вѣтры,
Буйныя вѣтры со вихрями,
Буйныя вѣтры, силныя дождж̀й,—
Ўсюю камянну цямницу пулумали
И круто-жовтыя пяски разметали.
А три ангела съ неба солетали,
Забираюць ковёръ и дзьвюхъ дзѣвицъ,
Поднимаюць ковёръ подъ пябёса,
А ў Салимъ, славный городъ, заносили.
А ў субори у церькви положили,
Положили ковёръ за видо̀хомъ. (?)
Сами колоко̀лы зазвонились,
И книги и псалтыри зачаталися,
И воско́выя свѣчи засіялись,
И царьковныя дзьвери растверзались.
А й бывъ тамъ царьковный жа сторожъ:
Ёнъ спугався и ўлякнувся,
И 'тъ страсьци 'тъ субору отступився.
До священнаго сторожъ пубѣжаець,
Ёнъ священнаго ото̀ сну пробуджаець:
Вы яси и попъ и священникъ,
Усимъ намъ оцецъ есць духовный
Навучицелю нашъ есць царьковный,
Книгу вангалію вы чатаеця,
Правуславныхъ хрисціянъ вы навучаеця!
Вы й устаньця, 'то сну пробудзицеся,
Отъ большого вы сна вы й ошницеся:
Што у нашамъ у градзи проявилося?
Либо святъ человѣкъ народзився,
А можець ли святэй перставився:
Сами колоколы зазвонились,
И книги, псалтыри зачатались,
И восковыя свѣчи засіялись,
И царьковныя дзьвери растверзались!
А священный ото сну пробуджався,
Отъ большого ёнъ сна ошинався:
Боздрыя нозы обуваець
И бѣлое лицо [1]) умуваець,

1) Вар. бѣлыя руцы.

И ризу шавковую надзѣваець,
И кресть ёнъ у руцы принимаець,
Книгу вангалію ёнъ чатаець,
И горючія слёзы проливаець,
И икъ страсьци, икъ субору присту-
паець.
За видохомъ ляжиць ковёръ на воз-
лáци,
А на томъ на коврѣ дзьвѣ дзявицы,
Святоруськія забраныя полонянки,
спочаваюць.
А священный дзьвюхъ дзявицавъ про-
буджаець:
«Вы яси дзьвѣ дзявицы святоруськія,
Святоруськія, забраныя полонянки!
Вы й устаньця ото сну, пробудзи-
цеся,
Отъ большого сна вы й ошнноцесь!»
Дзьвѣ дзявицы отъ сну пробудзилися,
Отъ большого сна яны ошнулись;
И священника дзявицы не ўвознали.
Яны княземъ Мамаемъ узували:
«А ты князь и Мамай, и нявѣрный,
И нявѣрный, бязбожный,
А нѐнависный на хрисціяневъ!
Не сячи, не руби наши буйныя го-
ловы,
А по силныя, могучія плечи:
А мы жъ вышали ковёръ на возлаци,
Отмалювали лицо свята Зьмитрія,
Салимськаго чыдотворца,—
Продадзимъ мы лицо на споруганія!..»
А зглаголець священникъ дзьвюмъ
дзявицамъ:
«Вы яси дзьвѣ дзявицы святоруськія,
Святоруськія, забраныя полонянки!
Вы ня бойцесь, не улякайцеся:
Я жъ не князь, не Мамай, не ня-
вѣрный,
Не нявѣрный, бязбожный,
Не ненàвисный на хрисціяневъ,—
А ёсць я попъ, и священный,
Усимъ я вамъ оцецъ духовный,
Навучицель вашъ ёсць царьковный.
Книгу вангалію я чатаю,
Правуславныхъ хрисціяневъ наву-
чаю!..»
А тогды дзьвѣ дзявицы ўзрадувàлися.
А ў томъ яны часў переставились.
А ў водномъ яны гроби положились,
И одной пеляною покрылись.
И со славою мощы схоронились,
И со святыми ихъ мощы положились.
Ну й лилуя, лилуя,
Славимъ цябе, Хрисце Божа нашъ!..
Мстисл. у.

14. Тоже.

Якъ исъ перваго вѣку, сы началу,
Якъ и живъ и проживавъ царь ня-
вѣрный,
Царь нявѣрный Мамарь, а безбожный.
Пріѣжжаець жа ёнъ къ граду къ Ру-
салиму,
Хоцѣць градъ Русалимъ разорици,
И царьковныя дзьвери пупалици.
Въ етымъ жа градзи Русалими
Святый Зьмитрій, Русалимській чудо-
творець,
Сы два вангалами со Христовыми
хворобруець,
Черазъ камянную сцяну пролетаець,
Ёнъ яго силу нявѣрную пубиваець:
Ёнъ побивъ, порубивъ дзьвѣ а сьмы
и три тысячи,
Етой жа сили й *свѣту* нѣту.

Етый царь и Мамарь,
И нявѣрный, бязбожный,
И ўловивъ дзьвѣ дзявицы,
Свѣтъ-рускія полонянки.
«Ахъ, вы дзѣвки-дзявицы,
Свѣтъ-рускія полонянки,
Вы скажиця жъ и мнѣ ўсѣю праўду:
Хто ў етымъ градзи ў Русалими пребуваець,
Хто жъ мою силу нявѣрныю пубиваець,—
Ёнъ побивъ, порубивъ дзьвѣ а сьмы и три тысячи,
Етой жа сили й свѣту нѣту?»
—Охъ ты, царь и Мамарь,
И нявѣрный, и бязбожный!
Мы не скажамъ табѣ ўсѣю праўду,
Хто ў етымъ градзи ў Русалими пребуваець,
Хто жъ твою силу нявѣрныю пубиваець,
Ёнъ побивъ, порубивъ дзьвѣ а сьмы и три тысячи!
Етой жа сили и свѣту нѣту!..
Рассярдзйвся, распалився
Царь нявѣрный и бязбожный,
Ванимаець ёнъ шаблю малажетскую,
Хочець имъ буйныя головы позьняци
Пу могучія плечи.
Етыя дзѣвки-дзявицы,
Свѣтъ-рускія полонянки,
Перядъ имъ стоючи, пріўлякнулися
Больше того пріўслязилися:
Ахъ ты, царь и Мамарь,
Ты нявѣрный, бязбожный!
Не сячи буйны головы пу могучія плечи,—
Ахъ, мы скажамъ табѣ ўсѣю праўду,
Хто ў етымъ въ Русалими проживаець,
Хто твою силу нявѣрныю пубиваець,—
Ёнъ побивъ, порубивъ дзьвѣ а сьмы и три тысячи,
Етой жа сили и свѣту нѣту!
Въ етымъ жа градзи ў Русалими
Святый Зьмитрій Русалимській проживаець,
Сы два вангалами со Христовыми хворобруець,
Черазъ камянную сцяну пролетаець,
Ёнъ твою силу нявѣрную пубиваець,
и т. д.
—«Ахъ вы дзѣвки-дзявицы,
Свѣтъ-рускія полонянки!
Ахъ, вы вышійця ковёръ на возлоци,
Отмалюйця на коврѣ
Свята Зьмитра, Русалимськаго чудотворца,
Запродайця яго лицо мнѣ на спорyганьня!»
—Охъ, ты царь и Мамарь,
И нявѣрный, бязбожный!
Мы ня вышіемъ ковра на возлоци,
Не 'тмалюемъ на коврѣ
Свята Зьмитра, Русалимська чудотворца,
Не запродадзимъ табѣ яго лица на споруганія!..
Рассярдзився, распалився
Царь нявѣрный, бязбожный,—
Ванимаець ёнъ шаблю малажетску,
Хочець имъ буйны головы позьняци
Пу могучія плечи.
Етыя жъ дзѣвки-дзявицы,
Свѣтъ-рускія полонянки,
Перядъ имъ стоючи, пріўлякнулися,
Больше того пріўслязились:
«Ахъ ты, царь и Мамарь,
И нявѣрный, бязбожный!
Не сячи, не рубай буйныя головы
Пу могучія плечи:
Ахъ, мы вышіемъ ковёръ на возлоци
Отмалюемъ на коврѣ

Свята Зьмитра, Русалимськаго чудо-
творца,
Запродадзимъ яго лицо на споруганія!»
Сы вячора дзьвѣ дзявицы,
Свѣтъ-рускія полонянки,
Сы вячора ковёръ вашавали,
Су повночи свята Зьмитра чудотворца
На коврѣ мулювали,
Къ бялў свѣту дзѣвки-дзявицы,
Свѣтъ-рускія полонянки,
На коврѣ привоснули.
Ахъ, узнималися вѣтры со вихрами,—
Поднимався ковёръ на воздухахъ,
Пристановився ковёръ къ суборъ
Ишовъ дзякъ-поломарь [цэркви.
На завутреню звоници.
Къ етому ковру подступаючи,
Больше того прiўлякнувшиси,
Ёнъ отъ суборъ цэркви отступаець.
Пошовъ дзякъ-поломарь попа побу-
дзици:
«Ахъ ты, попъ и священникъ,
Навучицелю нашъ и царьковный!
Ты отъ крѣпкаго сна ты ошнися,
Отъ вяликаго сна пробудзися!
У нашамъ жа градзи Русалими прояв-
Сами звоны зазвонилися, [ленія:
И царьковныя дзьвери отверзалися,
Книги-псалцири зачаталися,
Восковыя свѣчи зацеплялися.
Ахъ, и вышатый ковёръ на возлоци,
Отмалюва́нъ на коврѣ
Святый Зьмитрій,
Русалимській чудотворецъ!
Охъ ты, попъ и священникъ,
Навучицелю нашъ и царьковный,
Отъ вяликаго сна ёнъ ошнувся,
Отъ крѣпкаго сна пробудзився,
И ставъ ёнъ своѐ боздрыя ноги обу-
И бѣлыя й руцы умуваци, [ваци.
И золотъ жа хрестъ у руцы браци.
Ёнъ икъ церькви, къ субору присту-
ступающи,
И завидзивъ етый ковёръ на возлоци,
И тмалюванъ на коврѣ
Святый Зьмитрій, Русалимській чу-
дотворецъ,
И на стомъ коврѣ дзьвѣ дзявицы,
Свѣтъ-рускія полонянки, привоснувши.
«Ахъ вы дзѣвки-дзявицы,
Свѣтъ-рускія полонянки!
Вы й отъ крѣпкаго сна вы ошни-
цеся,
Отъ вяликаго сна пробудзицеся!»
Еты дзѣвки-дзявицы,
Свѣтъ-рускія полонянки,
Отъ вяликаго сна пробудзилися,
Отъ крѣпкаго сна прiўвошнулися,
Перядъ имъ стоючи, прiўлякнулися,
Больше того прiўслязилися:
«Ахъ ты царь и Мамарь,
И нявѣрный, бязбожный!
Не сячи бўйныя головы пу могучія
плечи:
Охъ, мы вышили ковёръ на возлоци,
Отмалювали на коврѣ
Свята Зьмитрія, Русалимськаго чудо-
творца,
И запродаемъ яго лицо табѣ на спо-
руганія!»
Етый жа попъ и священникъ,
Навучицель нашъ и царьковный,
Ёнъ жа а имъ отвѣщаець:
«Я й не царь, не Мамарь,
Не нявѣрный, бязбожный,—
Ёсць я попъ и священникъ,
Навучицель я царьковный!»...
Алилуя, алилуя,
Славимъ цябе, Хрисце Божа нашъ.

Старос. в. мст. у.

Въ Городецкой вол. чаусск. у. стихъ поется съ слѣдующими варіантами:

«Во славномъ городзи у Русалими,
Якъ заслышали людзи правуславныя:
Наступаець воинство вяликое,
Наступаець туды и ўсё Литва;
Хочуць яны бици, рубоваци,
Хочуць Русалимъ отбираци.
Стали купцы Русалимцы обозъ нанимаци,
Товаръ укладаци.
Туды жъ ба то святый Зьмицеръ проѣжжающа,
Войстрымъ жа ёнъ мечомъ (или: копъёмъ) помахающа:
«Стойця, купцы Русалимцы!
Вы й обозу не нанимайця,
Вы свойго товару не ўкладайця;
Ёсь жа ў городзи святый Зьмитрій,—
Вы святого Зьмитрія упрошайця!..»
...«Обобрали жъ то (Литва) трёхъ полонянокъ,
Ихъ жа ў турьму засаджали.
А нявѣрныя жъ то заставляли,
Кабъ святого Зьмитра лицо показали,
А святому Зьмитру кабъ лицо вышивали.
А першій яны кругъ зашивали,
Першія пѣвни запѣвали;
Другій яны кругъ зашивали—
Другія пѣвни запѣвали.
За другимъ пѣвнямъ турьма расходзилась,
Святый Зьмицеръ полонянокъ выпущаша...»

Ср. Безсон. 3, 586—597, бѣл. 595.

15. Микита—Христовъ мученикъ.

Ёсь жа ў нашемъ градзи Русалими, у царя Синивона, народзився сынъ Микита.
И отъ роду было ямў дзевяць лѣтъ, то й Микита заснувъ своимъ сномъ.
То Микита привидзивъ уво снѣ: ёсь жа ў Русалими блугучесьливая жена Ульляна,
То ена знаець знаменію христову и распяцію божію—показала бъ и мнѣ.
То й Микита проснувся своимъ сномъ, пошовъ назаўтряго по новымъ градзи Русалими,
То ёнъ стрѣвъ блугучесьливую жену Ульляну и рече:
«Здрастуй, блугучесьливая жена Ульляна! Знаешъ ты знаменію христову и распяцію божію?...»
—Знаю!—«Показала бъ ты мнѣ!»
—Я бъ цебѣ показала знаменію христову и распяцію божію,—да боюся твойго отца!
Ёнъ рече: ну, не бойсь ты мойго отца, ибо буду я втайни молитца и вѣровацъ распятому!..
То Ульляна показала ему знаменію Христову и распяцію божію.
Ставъ ёнъ, Микита, втайни молитца и вѣровацъ распятому,—
Своё богй икономичецкіе [1]) порвавъ, пощепавъ и побросавъ.
Ну, увидали два вотроки и докладаюць царю Синивону:

[1]) Ср. „Царь Максиміанъ:“ кумирческіе.

«Што Микита, сынъ твой, нехорошо дзѣлаець: ставъ втайни Богу молитца;
Наши боги икономичецкіе порвавъ и пощепавъ, и побросавъ!»
То царь етому дзиву не здзивитца,—пошовъ и посмотрѣвъ.
Такъ и ёсь, Микита втайни Богу молитца,
А икономичецкіе боги порвавъ, пощепавъ и побросавъ!
То ёнъ яму̂ речéць: «ахъ ты, Микита: на што жъ ты двумъ богамъ вѣ-
Вѣруй нашему богу̂ одному,—икономичецкому!» [руешъ?
То ёнъ яму̂ речéць: «ахъ ты дзіяволъ, мой бацюшка,—не дзіяволъ цябе
соблажняець?
Хто вашимъ богамъ вѣруець? А силенъ Богъ хрисціяньскій!»
То царь Синивонъ оскорбився на свойго сына Микиту.
Приказавъ жа двумъ вотрокамъ вывесць Микиту ў чистое поле,
И ўбиць четыре кола дубовыхъ, и разопнуць яго на ўсѣ четыре стороны,
И биць яго воловьими жилами крѣпко, нá смерць.
Вывели вотроки Микиту ў чистое поле, убили четыре кола дубовыхъ,
Разопнули яго на ўсѣ четыре стороны и били воловьими жилами крѣпко,
Ну, ёнъ восплачетца, возглаголетца: [на смерць.
«Виджу, што моё цѣло погибаець, ~~да~~ не знаю, што моей души будзець?»
Речець Микиту ангалъ: «ахъ ты, Микита, христовъ ты мученикъ!
Глянь на востока на небеса̀: што̀ на небесахъ увидзишъ, то̀ твоей души
будзець.»
Глянувъ Микита на востока на небеса, то увидзивъ Михаила архангала.
И Михаилъ архангалъ дзяржи̂ць златъ вѣнецъ надъ имъ.
То Микици ничаво не дзѣйствуець: знаець знаменію божію, распяцію христову.
Пойдзице, миромъ Господу Богу помолимся!...
Царь Синивонъ не знаець, якъ яго отъ Христа отвороцицъ.
То приказавъ двумъ вотрокамъ навѣшаць котлы, да налицъ воды,
И ўсадзиць Микиту ў коцёлъ, кабы яго зварицъ.
Ну огонь не горицъ и вода не кипицъ,—сядзицъ Микита, ничимъ невврядзимъ,—
Знаець знаменію христову и распяцію божію...
Пойдзице, миромъ Господу Богу помолимся!...
То царь Синивонъ не знаець, свойго сына Микиту якъ яго отъ Христа
отвороцицъ.
Приказавъ двумъ вотрокамъ запречь триста 'дзёровъ колёсъ,
Вссадзиць яго на триста 'дзёровъ колёсъ и спускаць съ крутыхъ горъ,
кабы яго убицъ.
Ну одзёры поломались и катки поскепались, и сядзицъ Микита, ничимъ
неврядзимъ,—
Знаець знаменію божію, распяцію христову...
Пойдзице, миромъ Господу Богу помолимся!...

То два вотроки речаць Микици: «Силенъ вашъ Богъ хрисціяньскій! И мы вашему Богу поклоняемся!»
То царь Синивонъ не знаецъ, свойго сына Микиту якъ яго отъ Христа отвороциць.
То приказавъ двумъ вотрокамъ здзѣлаць серядзи чистаго поля сій стовпъ каменный,
И вывесць Микиту у чистое поле, посадзиць на стовпъ каменный,
И вывесць прекрасную дзѣвицу Тальляну и открыць ёй усё нищество,
Штобъ Микита смотрѣвъ, глазъ не спускавъ, и на ёй смусцився.
Повели два вотроки, посадзили на стовпъ каменный Микиту,
И вывели прекрасную дзѣвицу Тальляну и открыли усё яе нищество.
Ну ёнъ речéцъ: «Господзи, якъ бы мнѣ отъ етаго дзѣла удалитца?»
То речéцъ Микиту святый ангалъ: «укуси ты свойго святого языка,
Плюнь ты, харкни на ету прекрасную дзѣвицу,
То ена станецъ слѣпая, дурная, и нельзя будзецъ на яè посмотрѣць!»
То ёнъ, значиць, укусивъ свойго святого языка, плюнувъ и харкнувъ,—
То ена стала дурная, слѣпая, и нельзя на яè посмотрѣць.
Знаецъ Микита знаменію божію, распяцію христову...
Пойдзице, миромъ Господу Богу помолимся!
А царь Синивонъ не знаецъ, свойго сына Микиту якъ яго отъ Христа отвороциць.
Приказавъ двумъ вотрокамъ выкопаць сорока саженей погребъ,
И набиць на Микиту оковы зелѣзныя,
И ўкинуць яго ў погребъ, кабы ёнъ тамъ и ўмёръ.
Ну, выкопали два вотрока погребъ сорока саженей,
Набили на Микиту оковы зелѣзныя,
И ўкинули яго ў погребъ, кабы ёнъ тамъ и ўмёръ.
То царю Синивону свойго сына стало жаль.
То бывъ у яго братъ Дзерзавулъ; то царь Синивонъ речé:
«Ахъ, брацецъ: одзѣнься ты у вангальскую одзёжу, идзи яго исмусци!»
Ёнъ одзѣвся у вангальскую одзёжу, приходзиць къ Микици:
«Здрастуй, Микита, христовъ ты мученикъ!»
Ну ёнъ речецъ: «Хто ето ко мнѣ пришовъ, и зачимъ, и чаго, и хто цябе прислав?»
—Я присланъ цябе исмусциць, штобъ ты не вѣрувавъ двумъ богамъ,
А вѣровавъ одному богу икономичецкому!
Ну, восплачетца Микита, возглаголетца: «знаменіе христово, распяціе божіе:
Виджу, што мое цѣло погибаецъ, да не знаю, што моёй души будзецъ?»
То речецъ Микици ангалъ: «глянь ты на востока на небеса!»

Глянувъ Микита на востока на небеса,—то поюць пцицы сцихи хурупмськіе...
Ничаво Микици не дзѣйствуецъ,—знаець ёнъ знаменію Христову, рас-
Пріидзице, миромъ Господу Богу помолимся!... [пяцію божію.
То глянувъ Микита на востокъ на небеса, то рече Микици ангалъ:
«Возьми ты етаго пришельца за бороду и наступи яму ногою на горло,
И зними съ сябе оковы залѣзныя, би яго крѣпко, на смерць!»
То ёнъ знявъ съ сябе оковы зелѣзныя, узявъ яго за бороду,
И наступивъ яму на горло и бьецъ яго крѣпко, на смерць.
То ёнъ яму речець: «ахъ ты, Микита, христовъ ты мученикъ!
Ослобони мою душу хоць нямножко, то я цебѣ скажу, зачимъ и чаго, и
хто мяне прислявъ!»
То ёнъ яму ослобонивъ. Ну, ёнъ рече: «я ёсь твой дзядзюшка!
И прислявъ мяне твой оцецъ цябе исмусциць,
Штобъ ты не вѣровавъ двумъ богамъ, а вѣровавъ одному богу иконо-
Ну ёнъ яму отвѣцивъ: «Ступай жа ты, идзѣ бывъ!..» [мичецкому!»
Тогда царю Синивону стало свойго сына якъ и жаль.
Присылаецъ двухъ вотроковъ: «Коли живъ Микита, вядзиця у палаци ко мнѣ,
А ня живъ, то косьци изъ погреба вонъ повыкиньця!»
То два вотроки пришли, смотрюць—живъ Микита. Вядуць яго у палаци.
То привяли два вотроки къ яму у палаци, то ёнъ речець:
«Ахъ ты, Микита, на што ты муку принимаешъ, двумъ богамъ вѣруешъ?
Вѣруй одному богу нашему, икономичецкому!»
То ёнъ яму речець: «ахъ дзіяволъ, мой бацюшка! не дзіяволъ цябе со-
блажняецъ?
Ваши боги гнусые и сляпые: ёсь вуши—ня слышуць, ёсь вочи—ня видзюць,—
А силенъ нашъ Богъ хрисціяньскій, и вы нашему богу приклоняйцесь!»
Тогда ёнъ речець: «Ёсь у мяне серядзи чистаго двора сей стовпъ каменный:
Подъ тымъ стовпомъ каменнымъ ёсь души мертвыя;
Если сей стовпъ каменный панецъ пыломъ и дымомъ,
И устануць души мертвыя, и усфалюць Господа Бога,—
Тогда я вашему Господу Богу приклонюсь!»
Ну, ёнъ вышовъ вонъ, восплачетца, возглаголетца:
«А знаменіе христово, распяціе божіе, якъ бы мнѣ ето дзѣло издзѣлаць?»
То речець Микици ангалъ: «ахъ, Микита, христовъ мученикъ!
Охрясци своёю дзесною рукою сей стовпъ каменный и дуни своимъ свя-
тымъ духомъ!»
То Микита охрясцивъ стовпъ своёю дзесною рукою, и дунувъ своимъ свя-
Етый сей стовпъ каменный павъ пыломъ и дымомъ, [тымъ духомъ,—
И устаюць души мертвыя, къ яму приклоняютца,
По ймяню яго узываюць: здрастуй, Микита, христовъ мученикъ!
То ёнъ имъ рече: «почему вы мяне знаеце, по имяню узываеце?»

—Якъ жа намъ цябе не знацъ: якъ ставъ ты муку принимацъ,
Такъ мы ў раи стали спочиваць,—якъ намъ цябе не знацъ?
Ну, ёнъ речець: «ну, дзіяволъ бацюшка! видзишъ—тое дзѣло здзѣлалось!»
Тогда царь Синивонъ рече: «да, говорицъ, издзѣлалось, виджу, виджу:
Силенъ вашъ Богъ христіяньскій!
Ахъ, говорицъ: нашъ сильный богъ икономичецкій,—
Не хочў я вашему Богу приклонятца!»
То ёнъ яму отвѣцівъ: «не дзіяволъ цябе, бацюшка, соблажняецъ?
Хто вашимъ богамъ вѣруецъ?
Провалися ты, царь Синивонъ, скрозь тартарары̀,
У цьму 'ромѣшнію, самому Сатанили на колѣни!»
То царь Синивонъ провалився скрозь тартарары̀, самому Сатанили на колѣни...

Ну, Микита черезъ три дни переставився; на гробницы сей свой сонъ написавъ.
Хто етый сонъ прочитаецъ—на сорокъ дней грѣховъ Богъ отпущаецъ;
И хто съ прилежносцю послушаецъ,—и тому тоже.

С. Надьйковичи, клим. у. мог. губ. Отъ кр. Кондратія Змитрова, 65 л. негр. Говорится речитативомъ, съ протяженіемъ послѣдняго слова въ стихѣ. Произведеніе, очевидно, заносное, такъ какъ пѣвецъ - сынъ военнаго поселенца 1813 г., родившагося въ калужской губ.

16. Василія—вяликая пьяница.

Якъ живъ-бывъ Василія—
Вяликая зарожденная пьяница.
Бывъ яму гласъ отъ честной иконы
Пресвятыя мацъ-Богородзицы:
«Хочешъ, Василія, ки царству прибыци,
Перестань хмельнаго пици, воспиваци,
Перестань за вуста заносици:
Не подобаецъ хмельнаго пици, воспиваци,
Женьскому полу и музькому;
Подобаецъ хмельное пици, воспивали,
Священникамъ духовнымъ литуріи божай.
Поломарь стоицъ на притвори, со жезломъ,
Молитву творицъ, како громъ гремицъ.
Пьяница идзецъ коло церькви—не заходзицъ;
Пьяница молитвы не сотворицъ;
Пьяница хрѣстъ на лобъ не возложицъ;
Пьяница садзитца за столъ,
Молитвы не сотворицъ;
А пьяница нямытыми руками хлѣба спожираецъ;
А пьяницу и рвецъ и доргаецъ.
Ня стоіцъ тэй часъ передъ пьяницую
Лютуму псу стояци.
А хто хочецъ пьяницу на добрая дзѣла̀ навучици,
Больше того што раздражнишъ:
А пьяница ли древомъ убъѐцъ,
Ли ножомъ зарѣжецъ.
Хто ли пьяницы сьмяетца,
Больше того согрѣшаецъ,
На свю душу грѣха поринимаецъ.

Пьяница завутреню у посьцели пролежаваець,
А 'бѣдьню у кабакѣ прогуливаець.
А дзѣ буваець шумъ, драка—
Пьяница постояннымъ [1]) свидзиталямъ буваець.

[1]) Вар. посторонним.

Не подобаець мацярщинскимъ словомъ ругатца,
Ни женьскому полу, ни музькому.
Женщина-пьяница мацернымъ словомъ сдзерзаѐтца,
То вуста кровью запякѐтца,
И сырая маць-земля здрыганетца.
Мущина-пьяница мацернымъ словомъ сдзерзаѐтца.—
Божія мацерь за престоломъ и слезами и 'больетца!..»
Пивъ пьяница дватцаць лѣтъ и чатыри,
Ставъ пьяница ёнъ спасатца:
Объ кременьня, объ полѣньня
Руки-ноги расшабаець,
Свою буйную голову до крыви проломляець.
Спасався тое пьяница тритцаць лѣтъ и чатыри—
У пьяницы хмельное кореньня зъ головы ня выходзиць.
Ставъ пьяница до божія церьквы ходзици
Съ пахучими ладунами, изъ воскóвыми свѣчами:
Просьци жъ ты мяне,
Пресвятая Богородзица, и помилый!
А не просьцишъ ты мяне,
Пресвятая Богородзица, и не помилываешъ,
То я самъ къ смерци пріўдаюся:
Надъ морськóю глубиною
На тонкей бумази къ смерци предъявлюся!»
Бывъ гласъ отъ честной иконы
Пресвятыя мацъ Богородзицы:
«Достоинъ у Господа Бога
Вяликая пьяница Василія,
У Господа Бога богомолецъ!»
Сотвóрено ў Господа Бога три ўпокои,
А ў Давыдовомъ доми:
Первый покой сотвóренъ у Господа Бога,
А ў Давыдовомъ доми—
Висяць черви людоѐды
Радзи грѣшнаго чаловѣка,
Радзи хмѣльныя души чаловѣчацкія.
Хторой упокой сотворенъ у Господа Бога,
А ў Давыдовомъ доми—
Тамъ смола кипиць неўтолимая,
Горяць огни неўгасимыя,
Радзи грѣшнаго чаловѣка,
Радзи хмельныя души чаловѣчацкія.
Третьцій упокой сотвóренъ у Господа Бога,
А ў Давидовомъ доми—рай растворёный.
Туды Василёва душа ўготóвила,
Къ Господу Богу приступила.
Славимъ цябе, Хрисце Божа нашъ!

М. Забѣлышинъ.

17. Тоже.

Слава вяликому Кусаримському чудотворцу!
Ходзиць Василій до божей до церквы.
Молитца Господу Богу отъ желаннаго серца,
Сы цёплами, сы горючими слезами,

Молитвы творйць, якъ и громъ гремиць:
«Просьци жъ мяне, пресвятая Дзива Богородзица,
Вяликаго Кусаримськаго чудотворца!
Когда жъ ты мяне не просьцишъ и не помиловаешъ—
Самъ сябе ў скорую смерць предаваю,
Объ бѣлый камень руцы—нози расшибаю,
И буйную голову до крыви проломаю,
И самъ саджуся у морськія то судны!»
Було тое частнóе то слово отъ мацери,
Пресвятыя Дзивы Богородзицы,
И 'тъ успхъ вотъ иконывъ:
«Покинь, покинь, Василія, хмельнаго пици—усьпиваци,
Будзець цябе пресвятая Дзива Богородзица
На ўсякій часъ сохраняци,
Вяликаго Кусаримськаго чудотворца.
Не сподобаець хмельнаго пици-усьпиваци,
Женьскому полу и музькому.
Женщина-пьяница мацернымъ словомъ узругнéтца,
Сырая мацъ-земля спотрясетца,
Бѣлый камень за престоломъ потрянѐтца.
И у божія мацери вусто кровъемъ обольéтца!
Покинь, покинь, Василія, хмельнаго пици-усьпиваци!
Не сподобаець хмельнаго пици-усьпиваци
Попóмъ и священникамъ и патріярхамъ,
Тольки сподобаець попомъ, священникамъ и патріархамъ
У литурзіи совершаци. [стояци,
И пономарю жъ жежломъ на папери
И пьяницу у божу церкву не пускаци.
Пьяница у божу церкву идзець,
Обплевавши й обхаркавши:
Хто на пьяницу узирнѐтца-рассмяетца,
Больше яны пьяницы сугрѣшаюць.
Пьяница поповъ, священниковъ осуждаець,
Пьяница нямытыми руками да хлѣба пожираець,
Пьяница самъ сабѣ молитвы не сотвориць,
Пьяница самъ сабѣ хреста на лобъ не возложиць,
Пьяница вячерню на вулицы прогуляець,
Пьяница ютрени у посьцели просапаець,
Пьяница обѣдни у раньдзи жъ то прогуляець,
Пьяница посторонним свидзиталемъ бываець,
Пьяницу довжно напрасно хрясцитца и божитца.
Ня довжно съ пьяницаю на сустрѣчу сустрючатца,
Ня довжно пьяницу на добрыя рѣчи навучаци:
Пьяницу на добрыя рѣчи не навучишъ,
Пьяницу больше того ты рассер-
Пьяница злой убивецъ, [дзишъ,—
Пьяница злой запродавецъ,—
Пьяница либо древомъ убъéць,
Али ножомъ ёнъ зарѣжецъ!..
Тритцаць пяць лѣтъ хмельнаго
Ў яго ў роци ня бувало,
Тольки злое кореньня зъ головы не выходжувало,
А ўсё пьяницай узувáли.
И съ тритцати пяци лѣтъ
Пошовъ ёнъ у литурзію къ божай церкви;

А пшовъ Василій, Кусаримській чудотворецъ, ўсё и обходами.
И уходзиць у божію церкву,
И молитвы творйць, якъ и громъ гремиць:
Молитца [ёнъ Господу Богу сы желаннымъ серцамъ,
Сы цёплыми, сы горючими слезами,
Поклоны бьець—голову дό крыви ломаець:
«Просьци мяне, пресвятая Дзива Богородзица,
Вяликаго Кусаримськаго Василяго чудотворца!
Когда жъ ты мяне не прόсьцишъ и не помиловаешъ,—
Самъ сябе ў скорую смерць предаваю:
Объ бѣлый камень руцы-нози расшибаю,
И буйную голову дό крыви проломаю,
Самъ саджуся у морськія судны!..»
Було тое слово частвőе
Отъ мацери пресвятыя Дзивы Богородзицы
И 'тъ усихъ святыхъ отъ иконывъ:
«Василія, вяликій Кусаримській чудотворецъ,
Што достойна твоя молитва
До Господа Бога и Духа Святого,
До мацери пресвятыя Дзивы Богородзицы!..»
Було у Господа Бога, и ў Давыдовомъ доми,
Було три покои:
Первый сотворенъ покой у Господа Бога,
И ў Давыдовомъ доми:
Цячёць рѣка, рѣка огненная,—
То радзи, радзи души, радзи хмельнаго чаловѣка.
Другéй покой сотворенъ и ў Господа Бога,
И ў Давыдовомъ доми:
Висяць черви, черви людоѣды,—
То радзи, радзи души, радзи хмельнаго чаловѣка.
А третьцій покой сотворенъ у Господа Бога,
И ў Давыдовомъ доми,—
Стоиць рай правукрасный, рай растворéный,—
Которая душа Господа Бога й а умолила,
До мацери пресвятой Дзивы Богородзицы доступила,
Тому рай, правукрасный рай, растворенный.
И слава вяликому Кусаримському чудотворцу,
И нини, и присно, и во вѣки вяковъ, аминъ.

М. Хотовѣжъ.

Ср. Безсон. 6, 97—119; бѣлор. не знаемъ.

18. Дорота.

А Дорота, Дорота,
Крашши перла и злота.
Якъ забачивъ кроль-цыгáнъ,
Дакъ Дороту сподобавъ.
«А Дорота, Дорота,
До моихъ вочъ подобна...»
—А што мовишъ, кроль-цыганъ?
Луччи буду свѣтъ свяциць,
Чимся съ тобой маю жыць!
—«А Дорота, Дорота,
Треба табѣ даць кары:
Вялю дробно шкла набиць
И Дороту босу водзиць!»
Дзѣ Дорота свента йшла,
Тамъ ручаёмъ кровъ цяклá,—
Някнѣй стала, якъ была!

«Ай Дорота, Дорота!
Не помогуць твоѐ чары,—
Треба табѣ дац̀ь кары:
Вялю коцёлъ завѣсиць
И алѐю налеиць,
На жаркимъ огни палиць
И Дороту усадзиць!»
Якъ Дорота ступила,
Пякнѣй стала, якъ была!
«Ай Дорота, Дорота!
Не помогуць твоѐ чары,—
Треба табѣ дацъ кары:
Вялю воды налеиць,
На морози морозиць!»
Якъ Дорота ступила,
Лѣтню воду̀ чинила,—
Пякнѣй стала, якъ была.
«Ай Дорота, Дорота!
Не помогуць твоѐ чары,—
Треба табѣ дацъ кары:
Вялю у турму̀ ўсадзиць,
И на семъ годъ посадзиць,—
Не дацъ Дороци ни ѣсь, ни пиць.
Самъ на во̀йну поѣду,
И на семъ годъ поѣду,
А на восьмый прiѣду!»...
—«А служенты, служенты,
Отчиниця ворота,
Полядзиця Дороты,
А ци жива Дорота?»
—А што маешъ, кроль-цыганъ:
Хоць ня ѣла, ня пила,—
Пякнѣй стала, якъ была!..
—«А служенты, служенты,
Нявѣрно вы служили:
Чимъ Дороту живили?»
—А што маешъ, кроль-цыганъ?
Ня мы яѐ живили,—
Жививъ яѐ Господзь Богъ
Исъ своимы ангал'мы...

С. Чигиринка, быховск. у.

Стихъ поется въ холерную эпидемію, по ночамъ, хоромъ дѣтей, подъ окнами Деньги, собираемыя пѣвцами, идутъ „на свѣчу". Мотивъ стиха потрясающъ.

19. Борисъ и Глѣбъ.

Якъ у славнымъ городзи у Кіяви
Якъ и живъ сабѣ, бывъ Уладзимiръ князь.
Имѣвъ ёнъ сабѣ дванатцаць сыновъ;
Мижъ дванатцаци ёнъ трохъ возлюбивъ:
Святого Бориса и Лѣба—сыновъ,
А третьцяго Святого-по̀лка.
А Святого-полка̀, того ёнъ мѣвъ за большаго сына.
Возлюбивши, да ёнъ грады дзяливъ:
Што Кіявъ-градъ—святому Борису,
На ўладзѣньня, на ўзбераженьня;
А Чарниговъ-градъ—то святому Глѣбу,
На ўладзѣньня, на узбераженьня;
Подвы̀шань-градъ—Святому-ополку,
То бо̀льшаму сыну на ўладзѣньня,
То большаму сыну на ўзбераженьня!..
Раздзяливши, рассѣявши,
А Ўладзимiръ князь перастависся.
А большiй братъ, Сватый-полотъ князь,
Ёнъ садзився на добраго коня;
Ёнъ на коня усадзяще, да ў чистое по̀ля выяжжаще,
А ў поли палаты напинаще.
А большiй братъ Святый-полотъ
Ёнъ пиша листы пошляные [цамъ,
Своимъ двомъ любезнымъ ёнъ брат-

Святому Борису и Лѣбу:
Ни ў пиръ гуляць, ни ў бясѣду—
Отца свойго рǒднаго хороници.
Борисъ и Лѣбъ у листы смотрáць,
Отца й мацяръ споминаюць.
Спомянувши отца-мацяръ,
Садзились на добрыя кони.
Подъ Подвышань градъ подъяжжавши,
И ў поли палатки распинавши,
И бǒльшаго свойго брата ожидавши.
А большій братъ Святый-полотъ,
Садився ёнъ на добраго коня,
Подъ имъ земля здрыганулася,
И ў царстви вода сколыхнулася,
И ў яго словеса спомѣшалося.
Исъ Подвышаня града выяжжавши,
Двохъ своихъ братцовъ сустракавши,
Грубными словами отвѣщавши.
Борисъ и Лѣбъ промышляще,
На колѣни упадяще,
Братца своего упрошаще:
«Ой братецъ, братецъ, Святый-Полканъ!
Не губи чери молодыя,
Не разливай крыви горучія!..»
А большій братъ, Святый-Полканъ,
Ёнъ на прошенія не смотраще,
Да своихъ двохъ братцовъ загубляще,
Бориса жъ ёнъ копъёмъ пробивъ,
А Лѣба мячомъ заколяще.
А ихъ мощи у болото заволочаще.
Ой лежать тыя мощи тритцать три годы,—
Ни 'тчаго мощи не зворушатца:
А ни отъ дожжу, ни отъ вѣтру,
Ни отъ того жаркаго сонца,
Ни отъ того лютаго морозу.
Завѣдуя мощами самъ Сусъ Христосъ,
И мать пресвятая Бугуродзица.
Ой сойшли стовпы нябесныя
Зъ небеса да до земли,
И надъ тыми мощами стали.
И состроили, совоздвигнули надъ мощами
Православщенную соборъ-цэркву,
Со прастоломъ звеличающимъ,
По святому Борису и Лѣбу,
И имъ слава и дзержава
И ныня, и присно, и во вѣки вякомъ..

М. Городецъ рогач. у. Также гом. уѣздъ.

Ср. Демб. № 9; Безсон. 3, 625—652, великор.

20. Тоже.

Якъ у славномъ городзи и Кіяви,
Живъ сабѣ бывъ. Уладзиміръ князь,
Ёнъ у своимъ доми благочесномъ,
У своихъ бѣлыхъ камянныхъ палатахъ.
Якъ имѣвъ ёнъ сабѣ дзевяць сыновъ,
А ўсяго любивъ кабъ и трёхъ чадовъ:
Перваго сына Свѣта-Полка,
Двухъ князевичавъ—Бориса, Хлѣба.
Узросцивши ёнъ, узлелѣявши,
Ёнъ взлелѣявши, воскукобивши,
Дзяливъ ёнъ городы на три часьци:
Кому Кіявъ-градъ и Чарниговъ-градъ,
А Подвышань градъ бǒльшаму сыну,
Бǒльшаму сыну, Свѣту-Полоку;
Кіявъ, Чарниговъ двумъ князевичамъ,
Двумъ князевичамъ—Борису, Хлѣбу,
Борису, Хлѣбу на ўладзѣніе,
А Свѣту-Полоку на ўберяженіе.
Раздзяливши ёнъ, расписавшися.

А Ўладзиміръ-князь переставився,
Ёнъ у своимъ доми благочесномъ,
У своихъ бѣлыхъ камянныхъ палатахъ.
А Свѣтъ-Полка листы пишець,
Листы пишець усё грамотныя,
До свойго брація Бориса, Хлѣба:
«Брація мои вы роднйя,
Прошу я васъ къ сабѣ уво домъ свой,
Штобъ у моимъ доми побывали,
У пиру, ў бясѣдзи посядзѣли,
Мёду и вина попивали,
Отца свойго, мацерь помянули,
Которыя насъ узросцили,
Узросцивши, узлелѣяли,
Узлелѣявши, ускукобили,
Одною перстою (персію) насъ кормили!»
Борисъ и Хлѣбъ у листы смотряша,
На добрыя кони уссѣдаша,
А съ князями, а зъ боярами,
И съ своими вѣрными слугами.
Ѣдуць яны пбля и другое,
У Подвышань градъ подъѣжжающи,
Ихъ цёмная ночь обнимала.
Яны зъ добрыя кони а ссѣдаша,
Бѣлыя шатры распинаша,
Калиновы огни раскладаша.
А на ўстрѣчу къ имъ бдльшій братъ ѣхавъ.
Ня ўстрѣвъ ихъ ёнъ съ хлѣбомъ— съ сольлю,
А ўстрѣвъ ихъ ёнъ со ўсёю злосьцю,
Устрѣвъ ихъ ёнъ зъ войстрымъ мечомъ, съ протупеяю [1])—
Хочець загубиць обоихъ братовъ.
А Борисъ и Хлѣбъ увидавши, [2])
Къ бдльшаму брату приступаша,
На колѣночки упадаша,
Большаго брата упрошаша:
«А брацie нашъ, ю Свѣтъ-Полка,
А ўзриця вы ўзрѣніемъ,
Жалай своей души спасэнія,
Ня губи ты люду молодого,
Якъ тую ягбду недозрѣлую.
Бяри насъ къ сабѣ у няволю,
Штобъ мы у няволи посядзѣли,
Отца свойго, мацерь помянули!»
Ёнъ, уражій сынъ, ня слухавъ того:
Отступицеся, откосницеся,—
Ня ёсь вы ў мяне брація моё—
Я васъ считаю, што вы ёсь дзябли!
А што змовили, што зглаголили,
Што зглаголили два князевичи,
Два князевичи—Борисъ и Хлѣбъ:
Ня ёсь ты ў насъ братъ нашъ рбдный,—
А ёсь ты ў насъ урагъ ненависный!
Ёнъ зъ добраго коня ссѣдаша,
Бориса мечомъ засѣкаша,
А Хлѣба ножомъ заколяша,
И святыя мощи у болото зволокаша;
Надъ святыми мощами споругающа,
Самъ на добраго коня воссѣдаша.
Со сея корысьци и зъ радбсьци,
Со ўсими князьями, сы боярами,
Зъ благовѣрными со слугами,
У Подвышань градъ подъѣжжаша.
Подъ имъ добрый конь скопыцѝвся,
Сарая земля здрагануласяя,
А Подвышань градъ сколыхнувся,
А ў пуци-дороги помѣшаніе—
Свѣтъ-Полка скрозь землю пройшовъ...
А лежаць тамъ мощи тритцаць три лѣты,—
Ничаго мощи не боялися:
Отъ жаркаго сонца не затмѣли,
Отъ гўстаго вѣтру не поблякли,

1) Вар. съ проторью (остріемъ, пикой). 2) Зазривъ тое Борисъ и Хлѣбъ.

От дробнаго дожжу не замякли,
От лютыхъ морозовъ не зазябли,
От сырыя зямли не затлѣли.
Преповѣдавъ ихъ самъ Господзь Богъ;
Сосалаець Господзь къ имъ трёхъ ангаловъ.
Ангалы къ мощамъ пріявляюща,
Стали святы мощи прибирацися,
Становили стовбы ўсё мѣдзяныя,
А съ сырыя зямли да до небеса.
Якъ состроивъ Господзь, содвигнувъ Господзь
Мурованую церкву, камянную,
На ўсю Росею благочесную,
А на святымъ жа Борису-Хлѣбу.
Тамъ у той церкви престолъ ихъ стоиць.
Престолъ жа ихъ звеличающи,
Заўспѣваемъ: алилуя (3 р.)

Пугляев. вол. гор. у.

21. Тоже.

Востошное судзержаніе...
Кабъ у славнымъ було градзи у Кіяви,
Якъ живъ, проживавъ Уладзиміръ-князь,
Ёнъ у своёмъ доми благочесномъ,
Ёнъ у своихъ каменныхъ палатыхъ.
Ёнъ мѣвъ сабѣ три-дзевяць сыновъ,
Возлюбивъ жа ёнъ только трёхъ чадовъ,
Трёхъ надзежныхъ:
Перваго сына Свято-Полху, а другого сына Бориса,
А третьциго сына ёнъ Хлѣба.
Возлюбёмши, ўзрасьцёмши,
А дзяливъ ёнъ имъ грады на три часьци:
Каба Кіявъ-градъ, а Чарниговъ-градъ,
То святому Хлѣбу-Борису;
Прадвишань-градь, то Свѣту-Полхію,
Помязёному сыну, на ўладзѣніе.
Росписавши, расчитавши,
Уладзиміръ-князь переставився,
Ёнъ у своёмъ доми благочесномъ,
Ёнъ у своихъ каменныхъ палатыхъ.
Пишець письмы Святый-Полхвій,
Ёнъ до Хлѣба—брата Бориса:
«Брація моё возлюбленное!
А прошу жъ я васъ къ сабѣ ў госьци,
У свой жа домъ у благочесный,
У своѐ у камянны палаты:
Будземъ, будземъ пиры пируваци,
Отца свойго, мацерь, споминаци!»
А Хлѣбъ-Борисъ письмо принимаюць,
Яны тое письмо разсмотрѧюць,
Ды вѣрныхъ слугъ заставляюць,
И ворóныхъ кóній закладаюць,
И ў чистое пóля выѣжжаюць.
Ѣдуць пóля, и другое,
На трéтьцію пóля узьѣжжаюць—
Ворóныхъ кóній отверзаюць,
И калиновый огонь раскладаюць,
И чырвонныя ковры расьцилаюць,
У поли палатку распинаюць.
На сустрѣчу Свято-Полхвія
Ёнъ до Хлѣба, брата Бориса,
Сы думными сы боярыми,
Ёнъ съ своими зъ вѣрнами съ слугами,
Ёнъ съ своими зъ вострами зъ мечами,
Ёнъ съ своими зъ лютами хортами.
Хочець, хочець ёнъ двохъ брáтовъ,
А хочець ёнъ ихъ погубици,
Хочець ёнъ имъ головы посьняци,
По могучія ўсё по плечи.
Во Хлѣбъ-Борисъ проглаголивавъ:

«Ахъ, братецъ нашъ, брацецъ Свято-Полхій!
Ня зъ добрыми жъ ты мыслими,
Сярёдъ чистаго поля сустрѣкаешъ,
Сы думнами сы боярыми,
Ты съ своими зь вѣрнами слугами,
Ты съ своими зъ вострами мечами,
Ты съ своими зь лютами хортами!
Прими жъ ты 'тъ насъ письмо грамотнде,
Послышай жа слезнаго рыданья,
Ня зри, ня зри съ превозрѣніемъ,
Не губи насъ—люду молодого,
Не проливай крыви горючія!
Бяри жъ ты насъ подъ няволею
У свой жа ў домъ благочесный,
У своѐ камянныя палаты:
Будземъ, будземъ пиръ пирувацн,
Отца свойго, мацерь, споминаци!..»
Нягодный сынъ, ненависный:
Ёнъ божаго гласу ня слыхаець,
Ангальскаго письма ня чатаець,
Слязного рыданія не принимаець,—
Бориса жъ ёнъ копьёмъ пробивъ,
А Хлѣба ножомъ ёнъ зарѣзывъ.
Да ў топки ў болоты зволочающи,
Да ў во ржавиньня затопляющи,
Надъ святыми мощами споругаючи,
—Сы корысьцю, сы радосьцю
Самъ садзився на добрую лошадзь,—
Подъ имъ земля здрыганулася
И надъ имъ небо сколыхнулося,—
И ў пуци, ў дорози спомѣшалося,
Съ празъ святого Хлѣба-Бориса.
Лежаць мощы уво 'ржавиньни
Каба тритцаць лѣтъ и три лѣты,—
Ничимъ мощи не узразующи,—
Не боялися мощи ничого:
Ни вотъ того буйнаго вѣтру,
Ни вотъ того силнаго дожджу,
Ни вотъ того жаркаго сонца,
Ни вотъ того лютаго морозу.
Нихто мощей не спровѣдаець,
А ня 'цецъ, а ни маци.
Явилося проявленія
Съ празъ святого Хлѣба-Бориса:
Становилися стовбы небяснэя
Сы вышняго неба на землю.
Спровѣдавъ мощи самъ Сусъ Христосъ,
Ёнъ зь неба трёхъ ангаловъ ссалаець.
Ангалы къ мощамъ преявляющи,
Да святыя мощи забираючи,
Да подъ Кіявъ-градъ подношающи,
А ў субори-церькви покладаючи,
А ў святомъ субори на престоли.
А сами звоны зазвонилися,
Сами книги зачаталися,
Сами хверувимы заўсьпѣвалися,—
Съ празъ святого Хлѣба-Бориса.
Престолъ же ихъ звеличающе,
Имъ алилуя усьпѣвающе.
Алилуя, алилуя,
А славимъ цябе, Хрисце Божа нашъ!..

Надъйков. в. клим. у.

22. Лазарь.

Якъ живъ сабѣ чаловѣкъ богатый,
Который зъ роскоши пивавъ и гулявъ.
Прадъ божаю милостю ничого не мавъ:
На божія цэркви ёнъ не накладавъ,
Цудовныхъ вобра́зовъ ёнъ не сукрашавъ,
И божихъ молитовъ ёнъ не выслушавъ,
И нищихъ, убогихъ въ свой домъ не примавъ,

И брата Лазара за брата не мавъ.
Якъ живъ сабѣ Лазаръ, чаловѣкъ убогій,
Ёнъ лѣзный-болѣзный, силно уродливый.
Якъ пошовъ жа Лазаръ къ брату богачу,
Къ брату богачу, подъ вокно яго,
Подъ вокно яго, за милостиной.
Ёнъ крикнувъ, возгу̂кнувъ громкимъ голосо̂мъ:
«Ой братя, мой братя, пышный богатыръ:
Создай жа мнѣ, братя, хоть милостину!
Не прошу я брата ни злата-сребра,
А прошу я брата а хлѣба-соли,
А хлѣба-соли, милостины христовы.
Не я табѣ отдата—Христосъ заплата,
Со вышняго неба той нагородить,
Што твоей души и тѣлу получь потреба!»...
А скоро богатый вокно отчинивъ,
Глянувъ на Лазара, да й зновъ зачинивъ [1]):
«Ня ёсть ты мой братецъ, а ёсть лютый пёсъ,—
Ты смярдишъ, воняешъ, якъ мой лютый пёсъ,
А ще ко мнѣ икъ богачу самъ равняесься,
Роднымъ моимъ брато̂мъ узываесься.
Ёсть у мяне братія, не таки, якъ ты,
Ёсть у мяне братія, таки, якъ ба самъ,
Таки, якъ ба самъ—ёсть прапышный панъ:
Имѣю казну, што щоту нема,
Дробныя монеты—самъ ня звѣдаю;
Мѣю сабѣ челяди пышную роту.
Слуги мое́, слуги, слуги вѣрныя,
Вы бярития Лазара подъ бѣлы плечи,
А звядитя Лазара а зъ двора доловъ,
А звёвши зъ двора, псами травитя,
А злыми, лихими, неу̂радливыми!
Не дойшовъ жа Лазаръ до свойго двора,
Повалився перадъ богачовымъ, посяродъ гноя.
Пройшовъ богатыръ до воротъ своихъ,
Ёнъ харкнувъ да й плюнувъ, да й назадъ пошовъ,
Вялѣвъ за собою вороты замкнуть,
Штобъ хвораго Лазара и гласу ня чуть.
Лежавъ въ гнои Лазаръ 33 годы̀
Перадъ богачовыми яго воротми.
Ня було у̂ томъ доми набожной души,
Болѣзному Лазару хлѣба-соли дать,
Своей души царствія унаслѣдовать.
Только были у̂ тымъ дворѣ два лютыя псы:
Яны по подстольлю зау̂жды ходили.
И мелкія крошки созбирували,
Болѣзному Лазару у гной носили,
И тымъ яго душу̂-тѣло зау̂жды живили;
Болѣзныя раны зализавали,
Полёхкости души—тѣлу создавали.
Якъ счувъ жа то Лазаръ болѣзну свою,
Якъ ставъ жа то Лазаръ Богу молитца,
Ёнъ Богу молитца, молитвы творить:
«Ой, Господи Божа, Спасъ милосьливый,

1) Вар. Сядить богачъ на кутѣ, выхваляетца; стоитъ Лазаръ у порози слязми обливаетца.

И мать пресвятая Бугўродица!
Выслухай, Господи, молитвы мое́,
Прими мою душў-тѣло до хвалы свое́!
А ўже жъ моя душа-тѣло насквярнѣлася,
И холоду и голоду натярпѣлася;
А ўже жъ мойго черви тѣла наточилися,
А уже жъ мое́ мухи крыви напивалися!»
Якъ выслухавъ Господь Богъ молитву яго:
«Справядливо, Лазаръ, Богу молисься!»
Ссылая Господь Богъ да трохъ ангаловъ:
«А лятитя, ангалы, зъ раю на зямлю,
А зъ раю на зѐмлю, на зѐмлю—подолъ,
А бяритя Лазара и съ тѣломъ, зъ душой.
Приступитясь къ Лазару съ праваго бокà,
А бяритя Лазара подъ бѣлы плечà;
А бяритя Лазара потихусяньку,
А няситя Лазара помалюсяньку,
А ня ўразьтя Лазару болѣзныя раны.
Посадитя Лазара ў пресвѣтлымъ раѐ,
А ў Господа Бога у чесьти, ў хвалѣ,
А ў святого Врама на правомъ лонѐ.
Нехай жа тутъ Лазаръ роскошўетца,
И брата тутъ Лазаръ дожидаетца!..»
Малное ўремъя—часъ погодивши,
Якъ ставъ жа богатый пить и гулять,
Ёнъ пить и гулять, банькеты справлять,—
Кумо̀въявъ, любо̀въявъ въ свой домъ зазыватъ.
Ўси князи-бояры соѣжжалися,
Ўся рота-пяхота, прапышная челядь, сама сходилась.
Выхвалявсь богатый богатьтямъ своимъ:
«Отъ тяперъ я, богатыръ, Бога не боюсь,
Отъ наглыя смерти грошами 'ткуплюсь,
А къ царству нябесному самъ приближусь;
Отъ злого чаловѣка зъ ружжа отобъюся,
Отъ лютаго звѣра псами оттравлюся,
Отъ брата Лазара прэчъ отракнўся?»
Выяжжавъ богатыръ на прогуляньня,
Ёнъ на прогуляньня, на полюваньня;
За имъ выяжжали князи-бояры,
За имъ выходила пышная челядь,
Пышная челядь—рота, пяхота;
За имъ выбѣгали ўси лютыя псы.
Ѣдя богачъ поля, ѣдя другое,—
Якъ сустрѣла богача злая хвороба,
А злая хвороба—тяжкая немочь.
Да тронула богача зъ вороного коня,
Уздёрнула богача стромко, високо,
Да ўдырила богача объ сыру зямлю̀,
Объ сыру зямлю, объ жовтый пясокъ,
Объ жовтый пясокъ, объ бѣлый камянь.
Счарнѣвъ жа богатый чарнѣй за зямли.
Ай уси жъ князи-бояры разбѣжалися,
Уся силная рота расходилася,—
Застався богатый у поли одинъ.
Ляжить богачъ годину, ляжить другую,
На третьтяй година ямў отпустило.
Якъ завидивъ богатыръ слугу вѣрную:
«Ой слуга, ты слуга, мой навярнѣйшій!»
—Чаго зволишъ, паня мой, ты намилѣйшій?
—«Ой гради ты, слўга мой, до двора мойго,

Ой возьми ты, слуга мой, хлеба и соли,
Заняси ты, слуга мой, брату Лазару!
Верно мяне за тое Господь Богъ покаравъ,
Што я брату Лазару гордо отказавъ,
И хлеба и соли я яму не давъ!..»
А што возглаголя слуга верная:
«Ой паня мой, паня, пышный богатыръ!
А ўже жъ твоё добро ўсё прахомъ пошло,
И злото и сребро раскатилося,
Сладкія напитки скрозь зямли пошли,
И брата ўже Лазара на гнои нема.
А проси жъ ты, паня мой, Господа Бога...»
Якъ ставъ жа богатый Бога просити:
«Ой, Господи Божа мой, Спасъ милосьливый,
И мать пресвятая Бугуродица!
Выслухай, самъ Господи, молитвы моè,
Прими мою душу-тело до хвалы своè:
А ўже жъ моя душа тело ўпила и ўела,
Дорогого содеяньня наносилася,
Разныхъ напитковъ—наедковъ накушалася,
Разныхъ игровъ наслухалася,
На вороныхъ коняхъ наездилася,
И злата и сребра нащиталася,
Съ православныхъ хрестьянъ назругалася!..»
Якъ выслухавъ Господь Богъ молитву яго:
«Не по правди, богатыръ, Богу молисься!»
Сосылая Господь Богъ трохъ пякельниковъ:
«Ай идитя, демоны, съ пекла на зямлю,
А зъ довгими вилами, зъ зялезнымъ круччомъ;
Заходитя, демоны, зъ леваго бока,
Загадайтя богачу горшую муку:
Изъ леваго боку рабро ломайтя,
А съ праваго боку круччамъ чапайтя,
Няситя богача пошморгаваючи,
Подымитя богача стромко—високо,
Да укиньтя богача ў пекло глыбоко!»
—О тутъ жа, богачъ, роскошуйся у насъ:
Отъ наглыя смерти грошми откуповайся,
А къ царству нябесному самъ приближуйся,
Отъ злого чаловека зъ ружжа отобися,
Отъ лютаго звера псами оттравися,
Отъ брата отъ Лазара прэчъ отракнися!
Злата и сребра ты ў насъ нащитайся,
Сладкихъ напитковъ ты ў насъ накушайся,
Нашихъ тутъ игровъ ты послухай.
О тутъ твоя пышная рота, силная пяхота;
О тутъ твоè князи и бояры, и два лютыхъ псы.
Отъ, сяди, богатый, ў пекли глыбоко,
Плавай, богатый, ў пекли широко,
Зазирай, богатый, угору високо!...
Небогато богачъ у пекли полежавъ,
Такъ скоро богачъ угору зазривъ,
Такъ убогому Лазару да речь прорачивъ.
Отъ тогды богатыръ и брата не знавъ,
А тяперъ богатыръ и брата познавъ,
И брата познавъ, и братомъ назвавъ:
Ой братя, мой братя, святый Лазару!
Одна насъ съ тобою мать спородила,
Не ядыной долей Господь надяливъ:

Табѣ Господь даровавъ сильно ўбожаство,
А мнѣ Господь даровавъ пышно богатьтя.
Крашай твоё бо́жаство за богатьтя мойго:
Ты за своё ўбожаство ў прасвѣтлымъ раѣ̀,
У Господа Бога у чести, ў хвалѣ,
У святого Врамія на правымъ лонѣ̀, —
Я за своё богатьтя ў пякелнымъ огни,
А ў стараго дъявола у руцахъ яго.
Ти ня можашъ, братецъ, вызволить мяне?
Отъ, гради ты, братецъ, къ синяму мору,
Помочи ты, братецъ, свой ме́зяный пёрстъ,
Прохолоди, братецъ, ты вустны моѐ, —
Не дай жа мнѣ, братецъ, усяму згорѣть!...»
А што возглаголя святый Лазару:
«Ой братецъ, мой братецъ, пышный богатырь!
Тутъ не моя воля—самого Бога;
А проси ты, братецъ, Господа Бога!»
Якъ ставъ жа богатый Бога просити:
Ой Господи Божа, Спасъ милосьливый,
И мать пресвятая Бугуродица!
Пусти мяне съ сяго свѣту къ живымъ пророкомъ,
Къ живымъ пророкомъ, ўсё на волный свѣтъ!
Ставъ ба я на симъ свѣти ўже пророковать,
На святыя цэрквы ставъ ба накладать,
Цудовныя вобразы ставъ ба сукрашать,
Божія молитвы ставъ ба выслухать,
Нищихъ и убогихъ ў свой домъ зазывать,
И брата Лазара повѣкъ поминать!»..
А што возглаголя святый Аврамя:
«Ня ўремямъ богатырь да покаявся, —
Было ўремя, да минулося!
Не потреба пророковъ исъ сяго свѣту:
Ёсть на волнымъ свѣти ўсё пророчаство,
Ўсё пророчаство, святое письмо.
Нехай попы у царквя̀хъ читають,
Православныхъ христіянъ да навучають.
Хто святого письма будя понима́тца,
Божаго закону судержатца, —
Дакъ будя тамъ, дѣ святый Лазаръ.
А хто святого письма ня будя пониматца,
Божаго закону судержатца, —
Дакъ той тамъ будя, идѣ пышный богачъ!»..
У неби ангали ликъ ликують,
А святому Лазару славу пяють...
Аминъ, аминъ, такъ имъ Господь давъ.
Пошла вѣра христіяньская ў правосвѣтлый рай...

Гом у. мог. губ.

23. Тоже.

Якъ на сёмъ всё на свѣци ды на вольнымъ, 1)
Ой живъ сабѣ, бывъ славенъ богатырь, 2)

1) Вар. Якъ на семъ на свѣци, на вольной зямли. 2) Ой живъ сабѣ славенъ богатъ человѣкъ.

Который зъ роскоши пивавъ ёнъ, ѣдавъ,
На Господа Бога богачъ не ўповавъ,
На святыи цэрьквы ёнъ не накладавъ,
Хрясты позлацистыи ёнъ не позлачавъ,
Нищую брацію въ свой домъ не примавъ,
Свойго брата Лазаря за брата не мавъ.
И бывъ въ яго брацецъ—ўбогій человѣкъ,
И лежавъ ў богатаго передъ воротамъ.
А ўсходивъ убогій къ богачу на дворъ,
Становивсь убогій поближе къ крыльцу,
Воскрикнувъ убогій громкимъ голосо̀мъ,
По именьню Лазарь братца узывавъ,
По о̀цеству братца Лазарь взвеличавъ:
«Охъ брацецъ, мой брацецъ, славенъ богатырь!
Ядына насъ матушка съ тобой породзила,
Не ядыной долюшкой Господзь надзяливъ:
Мяне Господзь надзяливъ скверносьцю,
Больносьцю, вяликою бѣдносьцю,
Цябе Господзь надзяливъ пышносьцю,
Гордосьцю, вяликимъ богацествомъ:
Про милось про божію напой, накорми,
Хуць Христа—радзи душу̀ напитай!
Не я жъ табѣ отдацель—
Господзь Богъ заплацицъ, [1])
Со вышняго неба блако̀мъ нанясецъ!»
Богатый на тое богачъ не ўповавъ,
Свойму брату Лазарю строго отказавъ:
«Гноючій ты Лазарь, ляжишъ ты ў гной,
А смярдзишъ ты, пахнешъ, якъ мой лютый пёсъ.
Што ты моимъ братомъ узываесься,
Што ты моимъ роднымъ урекаесься: [2])
У мяне брата въ роду не было,
Егкаго сквэрнаго слыхомъ не слыхаць.[3])
Мѣю сабѣ брацію получьчи сябе,
Мѣю сабѣ брацію князей, боярей,
У которыхъ много злата—серебра,
Больши жъ за того чиста женьчуга.
Да я небоюся жадныхъ клопото̀въ:
Отъ Господа Бога самъ я отмолюсь,
Отъ своёй я смерци грошамъ откуплюсь,
Отъ навѣрной силы ротой отобъюсь,
Отъ цябе отъ сквэрнаго самъ прэчь отойду.
Ёсь у моёмъ доми ды два лютыхъ псы,
Ото жъ твое́ брація, усё родныи!..»
Самъ плюнувъ ды харкнувъ, назадъ отступивъ,
Вялѣвъ за собою вороты заперць,
Передъ своимъ передъ братомъ, передъ Лазаремъ.
Ды было жъ у томъ доми народу премного,
Не было у томъ доми спасёной души: [4])
Ня ўзмиловались надъ яго душой, надъ Лазаревой,
Не накормили его, не напоили,
И за Христа-радзи не напитали. [5])
И было ў томъ доми два лютыи псы,
По подстолійку узаўжды ходзили,
И мелкіи крошички собирова̀ли,

1) Не я жъ табѣ отдацелемъ—Господзь заплацицель. 2) Вар. Со моимъ братомъ ты равняесься. 3) Я гедакей сквэрносьци слыхомъ не слыхавъ. 4) Не было во тымъ доми милосьливыхъ. 5) Милосьцинкп яму не сотворили.

За вороты Лазарю выношивали, [1])
И тымъ яго душеньку пропитували.
Кровавыи раночки зализывали,
И цѣлу лекарство гоже чинили.
Становився Лазарь на своихъ ногахъ.
Ой ставъ жа Лазарь Богу молитца,
У Господа Бога милосьци просици.
Ёнъ молитву творивъ зъ горючимъ слезамъ:
«О Господзи Божа, Спасъ милосэрный,
Прими жъ мою душеньку до хвалы своё!
А ўжо жъ моя душенька на вольнымъ свѣци намучилася,
И голоду й холоду нацярпѣлася,
И зла сотвореньня навидзилася,
И скверносьци, подлосьци напиталася,
Отъ роднаго брата безславья принила!»
Заслышивъ [2]) Господзь Богъ молитву яго,
Ўсё молитву яго, усё праведную:
«Праведну молитву Лазарь говорыць:
Не хвалитца Лазарь богацествомъ своимъ,
А хвалитца Лазарь мукою [3]) своёй!»
Высылаець Господзь Богъ зъ вышняго неба ды трёхъ ангеловъ,
Ды трёхъ ангеловъ, ды милосьливыхъ,
Зъ бѣлой пеляной, по душу яго, по Лазареву.
Брали яго душеньку честно-радостно,
Честно-радостно, сахарнымъ вустнамъ.
Посадзили душу ў злаци пелянѣ,
Ды подняли душеньку ды на небеса,
Понясли душеньку ў чарство небесное.
Посадзили душеньку ў пресвѣтлымъ [рай
У Господа Бога у чесьци-хвалѣ,
У святого Абрамія на ўлоньни яго.
«Ой сидзи жъ ты, Лазарь, дзѣ ты посаджонъ, [4])
И ўживай ты тое, што Богъ табѣ давъ,
За твое за муки, ўсё немалыи,
За твоѐ за труды, ўсё вяликіи!»
Якъ было то ўремя—часъ погодзя, [5])
Захоцѣвъ богатый на поля гулянь
Со своёй ротой привукрашенной.
Самъ жа богатый на конѝ сядзиць,
Подъ богатымъ коничекъ, якъ орелъ ляциць,
На богатымъ сапожки козловыи,
На богатымъ сукенки атласовыи,
На богатымъ поясы сѐтковыи,
На богатымъ ўсё косынка, якъ жаръ горицъ,
На богатымъ шапочка, якъ макъ цвицицъ.
Зладзився богатый на поля гулянь,
Выходзицъ богатаго силная рота,
Выходзицъ богатаго два лютыи псы,
Выходзицъ богатаго жена со дзяцёмъ,
Выходзицъ богатаго вѣрная слуга,
Выносицъ богатому 'тласы—бархаты,
Выносицъ богатому злато—сéребро,
На блюдахъ подносюць и мёдъ и вино.
Ото жъ то богатаго поцѣха яго!..
Ня зъѣхавъ богатый и поля [6]) свойго,—
Злая хвороба на зямлю сышла,
Злая, лихая, пріўрадливая,—

1) Уво гной носили. 2) Возслышавъ. 3) Нуждою. 4) Во тутъ табѣ, Лазарь, вѣкъ вѣковацъ. 5) Вар. Се нямножко было часу—уремя проводзя, садзився богачій на добра коня, соѣжжавъ богачій со свойго двора, у чистое поле на прогуляньня, усё красованьня ў поле полювацъ. Спереду богачаго пышная рота, побаполъ богачаго пышна пяхота, надозоръ богачаго два лютыи псы, позаду богачаго жена сы дзяцьми. Подносюцъ богачему меду и вина, больше за того—чиста земчуга. 6) Двора.

Збила, сколоцила со добра коня,
Ўдарила богатаго объ сыру зямлю,
Объ сыро коренья, объ бѣло каменья.
Счарнѣвъ жа богатый чарнѣй за зямли,
Збялѣвъ жа богатый бялѣй камяни.
Ня помниць богатый ничимъ ничагò,
Ня помниць богатый никимъ никогò,
Не знаець богатый а двора свойго.
Силная рота прэчь отступила,
Два лютыи псы до лясу пошли,
Жена со дзяцёмъ на побликъ [1] пошла,
Добрò, богаціе вихромъ разнесло,
Дорогое одзѣяньня ўсё тлѣнъ попоѣвъ,
Золото, сéребро земля приняла...
Дойшовъ жа богатый ды памяци своè,
Ставъ жа богатый на своихъ ногахъ,
Воскрикнувъ богатый звонкимъ голосомъ,
Ко Господу Богу зъ горючимъ слезамъ:
«О Господзи Божа, Спасъ милосэрный,
Прими мою душеньку до хвалы своè:
А ўжо жъ моя душенька ўпила и ўѣла,
Ў дорогимъ 'дзѣяньни красно сходзила,
У золоци, ў серебри наўцишалася,
Неправедныхъ судовъ насудзилася,
Вяликія процэнты набиралася...»
Заслышивъ Господзь Богъ молитву яго,
И молитву яго ўсё неправедную:
«Неправедну молитву богачъ говорiць:
Не хвалитца богатый мукою своёй,
А хвалитца богатый богатьцемъ своимъ!»
Ссылаець Господзь Богъ со вышняго неба ды трёхъ авраговъ,
Ды трёхъ авраговъ, немилосьливыхъ,
Стромкихъ и грозныхъ, по яго душỳ,
По яго душỳ, по богатаго.
Брали яго душеньку скрозь лѣво рябро,
Брали яго душеньку желѣзнымъ крюкáмъ,
Выцягнули языкъ скрозь цемя яго,
Усторнули душеньку на войстро копъё,
И понясли душеньку, круця да верця,
Подняли душỳ ўгору високо,
Ды ўкинули душеньку ў пекло глыбоко:
«Выплывай, богатый, [2] по'гняннэй ряцѣ,
Зазривай, богатый, а брата свойго!»
Нямножко проплывъ ёнъ,
Ёнъ глазáмъ зазривъ, ёнъ братомъ назвавъ:
«Ой брацецъ, мой брацецъ, Лазарь пресвятый!
Ядына насъ матушка съ тобою родзила,
Не ядыной долюшкой Господзь надзяливъ:
Цябе надзяливъ сквэрносьцю, больносьцю,
А мяне надзяливъ пышносьцю, гордосьцю,
Вяликимъ богачествомъ.
Твоя сквэрнось, больнось у прясвѣтлымъ раи,
У Господа Бога у чесьци, хвалѣ,
У святого Абрамія на лони яго,—
А моё богачество въ огнянной ряцѣ.
Сходзивъ ба ты, брацецъ, къ синему морю,
Помочивъ ба, брацецъ, хоць мезинъ пярстокъ,
Хоць мезинъ пярстокъ ў сцидзёну водỳ,
Прiуцѣрь ба брату вустны смяглыи,
Притушивъ ба брату огонь-полымю, [3]

1) По міру. 2) Вар. И поплывъ богатый... и зазривъ. 3) Помазавъ бы брату хоць по вусенькахъ, и не давъ ба брату вуснамъ засмягнуць.

Не давъ ба ты брату усяму згорѣць,
Не давъ ба ты рдному повѣкъ мучитца!»...
—Охъ брацецъ, мой брацецъ, славный богатырь!
Ци звярнувся, брацецъ, на исцинный пуць?
О, тоды жъ ты брата зъ роду вырекавъ,
Казавъ: ў мяне брата ў роду ня было,
И на мяне, брата, плювавъ и кархавъ,
Самъ прэчъ отходзивъ,—
Цяперь жа ты, брацецъ, брата знаходзишъ!
Ну я бъ на то, брацецъ, на то не ўповавъ,
Сходзивъ ба, брацецъ, къ синёму морю,
Помакнувъ ба брату по локоць рукў,
По локоць рукў ў сцидзёну водў,
Пріуцёръ ба брату вустны смяглыи,
Притушивъ ба брату огонь-полыню, [1])
Не давъ ба я брату усяму згорѣць,
Не давъ ба родному по вѣкъ мучитца,—
Брацецъ мой, брацецъ, славенъ богатырь,
Не моя тутъ воля—самого Бога,
Я ў святого Абрамія самъ на ўлоніи.
А проси жъ ты, брацецъ, святого Абрамія,
Што табѣ, брацецъ, Абрамъ проўречецъ!...
Прозгласивъ богачій святому Абрамію:
«Охъ, Абрамій, Абрамій, Абрамъ пресвятый,
Спусци жъ ты, Абрамій, до живыхъ пророкомъ,
Проречи пророчество на тэй свѣтъ сходзиць:
Буду жъ я, Абрамія, цэрьквы становиць,
Хрясты позлацистыи буду позлачаць,
На Господа Бога я буду ўповаць,
И нищую брацію ў свой домъ принимаць,
Кормивши, поивши, зъ двора проводжаць,
И пуци-дороженьки буду ўказываць,
Свойго брата Лазаря за брата читаць,
Гноючаго, сквэрнаго ў свой домъ принимаць;
Кормивши, поивши, крѣпко зберегаць!..»
А святый Абрамія строго отказавъ:
«Охъ ты славенъ, славенъ богатырь,
Было жъ табѣ тоды на ето ўповаць,
Было табѣ тоды ето гутуваць.
Нѣту ў насъ пророчества на той свѣтъ ходзиць [2])
Ёсь у насъ пророчество—святое письмо.
Попы письмы читаюць—навуку даюць,
Къ Господу Богу яны гласъ подаюць,
Дзѣ святыи ангелы пѣсеньки пяюць,
А святыи хуруимы къ Богу гласъ подаюць!»
Аминъ, аминъ, зныня и до вѣку табѣ тутъ и быць...

Город. у. витеб. губ. Ср. Варенц. стр. 212.

24. Тоже.

Спородзила маци сабѣ двухъ сыновъ.
Сабѣ двухъ сыновъ на зачацiя:
Меньшій жа брацця-Авраамія,
А большій жа брацця-Лазарь.

1) Огнянну рѣку. 2) У мяне на тымъ свѣци живыхъ пророкъ нѣтъ; ёсь на

Не одну жъ имъ Господзь долю давъ:
Меньшому брату силное богатьця,
Большому брату худую худдбу.
Меньшій браця силно пануець,
А большій браця по міру страдуець.
Якъ задумавъ жа Лазарь на брата свойго,
Подышовъ жа Лазарь подъ вышне вокно:
«Браця мой, браця, браця Аврамя!
Не прошу цябе, браця, ни злата, ни сребра,
Тольки прошу ў цябе, браця, хлѣба ды соли.»
Высунувся жъ Аврамя по плечи [1]) въ вокно:
Што тутъ мнѣ за браця называетца? [2])
Ёнъ жа слугъ ня выславъ, [3]) самъ къ яму пошовъ,
Узявъ жа Лазаря за право плячо,
Вывевъ Лазаря ёнъ за ворота,
Затравивъ Лазаря лютыми псами:
Подорвали Лазарю уси борзды ноги,
Повырвали Лазарю ўси икры яго.
Ляжйць жа Лазарь ёнъ ни дзень ни два,—
Вылежавъ Лазарь усю нядзѣлю.
Стало богачу самому скверно.
«Слуги жъ моѐ, слуги навярнѣйшія!
Возьмиця Лазаря ў гной закопайця,
Закопайця подъ коньски ясьли!»
Не було жъ у томъ доми никого вѣрнаго,
Никого вѣрнаго, ни спасёнаго,
Тольки було ў доми ды два [4]) лютыхъ псы.
Яны по потстольлю похаджавали,
Сахорныя крошки яны зьбиравали,
Лазарю ў гной яны носили,
Болѣзныя раны зализавали.
А ляжйць жа Лазарь ёнъ ни годъ ни два,
А вылеживъ Лазарь тритцаць три годы.
Якъ стали Лазаря черви точици,
Якъ стали Лазаря черви точици,—
Якъ ставъ жъ той Лазарь Богу молитца,
Богу молитца, молитвы творйць:
«О Божа жъ мой, Божа, Спасъ милосэрный!
Прими жъ мою душу до хвалы свое:
Ужо жъ на етомъ свѣць я настрадувався,
Я й холоду й голоду я й нацерпився,
Черви мойго цѣла понаѣлися,
Болѣзныхъ рановъ я й натримався!»
Якъ выслухавъ Господзь уси прозьбы яго,—
«А праведны Лазарь молитвы творйць,—
Не хвалитца жъ Лазарь казнами а ўжитками,
А хвалитца жъ Лазарь худой худобой.
А ссалаець Господзь Богъ а двухъ [5]) ангаловъ:
«А вы а ангалы, а йдзиця вы зъ неба,
Зъ неба па зямлю, на земный подолъ,
Возьмиця и Лазаря вы гноющаго,
А нясиця яго прямо й до раю,
А нясиця яго потихосяньку,
Потихосяньку, помалёсяньку,

вольнымъ свѣци цэрьква святая, ёсь во святой цэрькви божіе письмо: было табѣ часто къ цэрькви приходзиць, и было письмо прочитываци и на гето жъ чарство усё заживаци. А цяпер ты сидзи, идзѣ посаджонъ, а уживай ты тое, што самъ уготовавъ. 1) Вар. по пахи. 2) Якій тамъ дзяболъ отзываетца. 3) И наоборотъ: заставивъ богачъ своихъ вѣрныхъ слугъ: вывядзиця Лазаря доловъ со двора. 4) Одинъ. 5) Трехъ.

А посодьця жъ Лазаря у прасвѣтлымъ рай: [1])
А нехай жа Лазарь тамъ пробуваець,
А ёнъ жъ свою душу а ёнъ жъ кохаець!»
А ў нядѣльку рано на вутрў звеняць,
То прапышный богачъ выбираетца,
А выбираетца й поля полювацъ.
А подъ имъ жа коникъ, якъ орёлъ ляциць,
А на ёмъ жа шляпа, якъ огонь горицъ,
А на ёмъ жа платьця, якъ и макъ цвѣцець. [2])
Дли праваго боку жана со дзяцьми,
Дли лѣваго боку а два лютыхъ псы,
А позадзѣ ў яго силная рота.
Подношаюць богачу и злата й сребра,
А ёнъ вабираетца, вахваляетца,
Самому и Богу наругаетца:
«Господа Бога я й не боюся, [3])
Отъ чорной хворобы я й отлячуся,
Отъ лютаго звѣря псами 'ттравлюся,
'Тъ нагалныя смерци грошми отсыплюся!»
Якъ стрѣла богача чорная хвороба, [4])
А ўхапила жъ богача вельмо високо,
А ўкинула ў землю вельмо глыбоко, [5])—
Дакъ силную конницу пораспудзила,
А лютыхъ псовъ поразогнала,
А жана зъ дзяцьми вороцилася.
А лята и дзёнь ни два,
А лята и богачъ ўсю нядзѣлюхну. [6])
А якъ стали жъ богача рабакй точицъ,—
Отъ тогды богатый и Бога спознавъ,
И Бога спознавъ, и Богомъ назвавъ:
«Охъ, Божа мой, Божа, Спасъ милосэрный,
Услышъ жа ты, Господзи, молитвы моé,
Услышъ жа ты, Господзи, ўсю просьбу мою!
Я жъ на етомъ свѣци а я нажився,
А я сладкихъ напитковъ я й напивався,
А разное кушаньня я й накушався,
Дорогія одзежи я й наносився!..»
Услышивъ жа Господзи ўсю просьбу яго,
А ссылаець Господзи трёхъ пякелниковъ:
«Сойдзиця, пякелники, съ хоровъ на зямлю,
Побяриця, пякелники, зялѣзно крючьчо,
Потчапиця, пякелники, подъ лѣво рябро,
А нясиця, пякелники, подаргуючи,
А нясиця, пякелники, посмаргуючи.
Узнясиця жъ, пякелники, вельмо високо,
А укиньця, пякелники, ў пекло глыбоко.
А нехай жа богачъ тамъ пробуваець,
А брата ёнъ Лазаря ёнъ зазираець!..»
Якъ завидзѣвъ жа богачъ брата Лазаря:
«Ахъ, брацця, мой брацця, брацця Лазарю,
Брацця Лазарю, нищій, убогій!
Пумочи жъ ты, брацця, хуць мязёнъ пальчикъ,
Пумажъ жа ты, брацця, хуць вуслы моé,—

1) У Врама наўлоньняхъ. 2) Далѣе: потперезавъ богачъ кованый повясъ. 3) Кромя Вышняго Бога не боюсь никого. 4) Якъ узнялася хвиля да буря. Или: зла хуртовина. 5) Якъ кинула богача зъ добраго коня, ударила богача объ сыру зямлю, объ жовтый пясокъ, объ бѣлый камень, якъ вымаець богачу разомъ три рабры. 6) А лята и богачъ тамъ дзень и два и три, удалося богачу, што уже три годы.

А ўже жъ моé вуслы позасмагувались.
Одна насъ маци съ тобой породзила,
Не одну намъ съ тобою Господзь долю давъ:
Табѣ Господзь давъ худую худобу,
А мнѣ Господзь давъ силно богатьця.
А твоя худоба въ прасвѣтломъ рай,
А моё богатьця у пекли на днѣ!»
—А браця, мой браця, силный богаця!
Радъ бы я, браця, усёю рукою,
Ды не моя воля—й самого Бога!..
Якъ ставъ жа тутъ богачъ Богу молитца,
Богу молитца, молитвы творицъ:
«Пусьци жъ мяне, Господзи, на покáянья,
На покáянья, съ пекла на зямлю̀!
Буду пиво варицъ и ўбогихъ дарицъ,
Буду удовъ-сиротъ, буду при'дзѣвацъ,
Буду грѣшно цѣло съ свячми провождацъ!»
А ўзрячéць Господзь самому богачу:
«А ў мяне после смерци покàянья нѣтъ.
Нема ў мяне пророчества съ пекла до зямли
Ёсь у мяне пророчество--святое письмо!»

Пугл. вол. горецк. у.

25. Тоже.

А Лазарь мой, Лазарь, славный богатырь,
Пивъ и ѣвъ ёнъ смашно, ходзивъ хорошо;
На нищую брацію ёнъ не упсвавъ,
И нищаго ўбогаго на ночь не пущавъ.
Пришовъ къ яму нищій, нищій-убогій,
Нищій убогій—братъ яго родный.
«А браце, мой браце, славный богатырь!
Пусцитка ты, брацетка, ночку нучувацъ!»
—Ў мяне такей брацiи зъ роду ня было,
У мяне ўсё брацiя—князи, бояры,
Князи, бояры, славны господа.
Слуги моé, слуги, слуги вѣрныи,
Возьмицяя вы старца нища, убога,
Вывядзиця старца ды за ворота,
Наўцюкайця старца ды двумъ лютымъ псамъ!..
Ой, слуги яго не послухалися,
Два лютыи псы не вузнялися.
Ўзяли яго слуги цихо-цихонькò,
Вынясли його слуги лёхко—легонькò,
Положили яго слуги за воротамъ.
Ляжицъ тамъ нищій, старецъ убогій,
Братъ яго родный, ды трои сутокъ,
И молитца Господу Богу усё щиренько:
«А Божа, мой Божа, Спасъ милосьливый,
Услышъ-ка ты, Господзи, молитву мою.
Возьми мою душеньку до хвалы своé!
Моя жъ то душенька нацярпѣлася,
Холоду-голоду навидзплася,
На коляныхъ посцелькахъ насыпалася,
Лишныхъ кусанковъ наѣдалася!..»
Услышивъ Господзь Богъ молитву яго,
Сославъ жа Господзь Богъ двухъ во янгеловъ:
«Идзиця, два янгеля, на сыру зямлю̀,
Возьмиця убогаго, нищаго душу̀.
Ой нясиця жъ тую душу̀ цихо-цихонькó,
Ой нясиця тую душу̀ лёхко-легонькò
Ой усодзьця тую душу у пресвѣтлый рай,

У пресвѣтлый рай, ў чарство небесное!»
Ў тую пору—ўремячко выѣжжавъ богатый ў поле полеваць,
Ў поле полевацъ, ў чистое гуляць.
Якъ узнялися шуры да буры,
Ну, якъ узнялися дробныи дожжи,
Ну, якъ схапилися буйныи вятры,—
Схвацили богатаго со добра́ коня.
Ўдарили богатаго объ сыру зямлю,
Разбили богатому двѣ пышныи роты,
Прогнали богатому два лютыи псы:
Двѣ пышныи роты разступилися,
Два лютыи псы у полѣшню пошли,
Жана зъ дзяцёмъ вороцилася...
Ляжиць тамъ богатый ой трои сутокъ,
Молитца Богу ды якъ щиренько:
«А Божа мой, Божа, Спасъ милосэрдный,
Услышъ ка ты, Господзи, молитву мою,
Возьми мою душаньку до хва̀лы своѐ!
Моя жъ то душанька не нацерпилася,
Холоду, голоду не навидзилася,
На коля̀ныхъ посцелькахъ не насыпалася,
Сахо́рныхъ кусаниковъ наѣдалася!..»
Услышивъ Господзь Богъ молитву яго,
Сославъ жа Господзь Богъ двухъ анчихристовъ:
«Идзиця, анчихристы, на сыру зямлю,
Возьмиця, анчихристы, ды тую душу,
Выцяньця душу̀ съ-подъ лѣва ребра,
Усторниця тую душу на штыхи, на крюки,
Нясиця тую душу̀, круця̀ да верця̀,
Ды укиньця тую душу̀ въ огонь-полыня̀!»
Кипи тамъ, богатый, зныня до́ вѣку,
Николи богатому отпуску ня будзець.
Увидзивъ богатый ой брата свойго,
Брата нищаго, старца ўбогаго:
Нищій старецъ по саду гуляець.
Ставъ богатый нищаго просиць:
«Ой браце мой, браце, нищій-убогій,
Помокни-тка, брацетка, ў холодну воду хоць мезиный пёрстъ,
Притуши-тка, брацетка, огонь-полыня̀,
Утри-тка, брацетка, крывавую смагу мою!..
Отвѣщаець нищій, старецъ убогій,
Богатому брату, свойму родному:
«Ой браце мой, брацетка, славный богатырь!—
Притушивъ ба я, брацетка, огонь-полыня̀,
Уцёръ ба я, брацетка, крывавую смагу,
Ды не моя воля тутъ—самого Бога..»

С. Хвошно, город. у. вит. губ.

26. Тоже.

Ой и жили-были ой и два браты̀,
Ой и два браты, ой и ро̀дныи.
Ой одинъ жа братя Абрамеюшка,
Ой другей жа братя Лызареюшка.
Ой и стали бра́ты, браты̀ дялитца:
Отсталыся брату Абрамеюшки
Усё добро, ўси нажитыцки;
Отсталыся Лазырю, ой убогыму,
Осталыся Лазырю нездоровыму,
Ой отсталыся Лазырю костыль ды сума.
Ой пошовъ жа Лазырь выдоль пы сялу,
Выдоль пы сялу милысьси просить.

Ай зайшовъ жа Лазырь кы свойму брату,
Кы свойму брату, кы быгатыму.
Ой ставъ жа Лазырь на́ пыцъ просйтца:
«Ой братя мой, братя, Абрамеюшка,
Ой братя мой, братя, славный быгатырь,
Укрый мяне, братя, отъ тёмный ноцы̀,
Не я табѣ буду платникъ,—
Самъ Господь зыплатить зъ высыка́ неба!»
Ой вышовъ быгатый ны красно крыльчо,
Ой глянывъ быгатый ёнъ ны Лазыря,
Ой скызавъ быгатый ёнъ ны Лазыря:
«Яке́й ты мнѣ братъ, якей ты роднэй:
У мяне такого брата ў роду не было.
Ёсь у мяне братія, якей я и самъ,—
Купцы ды бояры—ўсё поцестны люди.
Ой ты ой братъ моимъ лютымъ псамъ,
Моимъ лютымъ псамъ, бѣлымъ кыбелямъ.
Ой вы слуги моѐ, слуги вѣрныи,
Вы возьмитя Лазыря ой убогыго,
Ой звядитя, слуги, яго сы двора,
Ой запритя, слуги, новы̀ вырота́,
Ой штопъ нишшій Лазырь на дворъ пе ўзыйшовъ!..»
Ой узяли шъ слуги яго сы двора,
Ой запёрли слуги новы вырота.
Ой пошовъ жа Лазырь, ёнъ зыплакывши,
Ой и лёгъ жа Лазырь ли яго воротъ.
Ой ставъ жа быгатый ёнъ и пить-гулять,
И пить и гулять—пиры пирувать.
Ай лютыи псы, бѣлы кыбяли,
По подстольлю ходя, крошыцки собирывали,
Лазыреву душеньку напитывали,
И бо̀льныи раныцки зализывали...
Ой вышовъ жа Лазырь во цысто поле,
Крикнывъ, свиснывъ громкимъ го̀лысомъ:
«Ой Божа мой, Божа, Спасъ милысьливый,
Услышинька, Госпыди, молитву мою,
Молитву мою, неправедную,—
Ой возьми шъ ты, Госпыди, мою душеньку,
Ой идѣ шъ ты хошъ, тамъ мяне подѣнь:
А ўжо моя душенька на бѣлымъ свѣти нытярпѣлыся.
И холыду и голыду ина ныбралыся,
И ў больны̀хъ жа раныцкахъ ынлежалыся!»
Услышивъ жа Госпыди молитву яго,
Молитву яго, ой праведную,
Сыславъ яму̀ Госпыди а двыхъ янгелывъ,
А двыхъ янгелывъ зъ высыка́ неба,
Зъ высыка̀ неба зъ бѣлымъ пеленáмъ:
«Ой лятитя, янгелы, по тую душу̀,
По тую душу̀, по Лазыреву,
Ой возьмытя душеньку вы Лазыреву,
Ой возьмитя душеньку тихо̀, хырошо,
Тихо, хырошо, скрось вустны яго.
Ой посодьтя душеньку вы Лазыреву,
Ой уссодьтя душеньку на бѣлу ой пеляну,
Ой няситя вы душу̀ вяльмо̀ хырошо,
Вяльмо хырошо, ой пыдъ небеса,
Ой пыдъ небеса, ды раю свѣтла́.
Ой отдайтя душеньку ой Лазыреву
Вы Враму святому, наўлонья яго.
Пусь жа ета душенька вы раю свѣтлымъ,

Вы раю свѣтлымъ на вѣкъ вѣкушшій!»
Ой ставъ жа быгатый пиры пирувать,
Пиры пирувать, и пить и гулять,
Ой ёнъ со своимъ друзьямъ, съ купцамъ, бынрамъ.
Ой ёнъ жа быгатый, ой ёнъ хвалився:
«Ой я шъ на свѣти нико̀хъ (никого) не боюсь:
Ой я отъ цыря а я откуплюся,
Ой я отъ смерьти а я отобьюся;
Ёсь у мяне, быгатыго, нязмѣтна кызна,
Ёсь у мяне, быгатыго, сильныя рота́,
Ёсь у мяне, быгатыго, два лютыхъ хырта́!..»
Выѣхавъ быгатый во цысто̀ поле,
Поле пулювать, войну выевать.
Ой узнилася ой хвилюза, грозныя туца,
Скинула быгатыго зъ во̀рына кыня,—
Ўдарився быгатый объ сыру зямлю̀...
Сильныя рота выпярёдъ пышла,
Жена зъ дятёмъ узатъ выротилась,
Два лютыхъ хорты до лѣсу пошли,
Нязмѣтну казну земля принила.
Ой ўставъ жа быгатый ёнъ съ сырэй зямли,
Ой ставъ жа быгатый ёнъ Бога просить:
«Ой Божа мой, Божа, Спасъ милысьливый,
Услышинька, Боженька, молитву мою,
Молитву мою, ой праведную!
Сошли шъ мнѣ, Госпыди, ой двыхъ янгелывъ,
Ой двыхъ янгелывъ зъ высыка̀ неба,
Возьми шъ ты, Госпыди, ой мою душеньку,
Ой мою душеньку ды раю свѣтлыго:
А ўжо шъ моя душенька на бѣлымъ святу̀ и ўпила и ўѣла,
И ўпила и ўѣла, хырошо ўходила!»
Услышивъ жа Госпыди молитву яго,
Молитву яго неправедную,
Сыславъ яму Госпыди лихихъ янгелывъ,
Лихихъ янгелывъ зъ высыка̀ неба:
«Ой лятитя вы, янгелы, по тую душу,
По тую душу по быгатую:
Ой возьмитя душу̀ вы быгатую,
Ой возьмитя душу̀ скрось рябро яго,
Скрось рябро яго зелѣзнымъ крюка̀мъ;
Ой уссодьтя вы душеньку на войстро̀ копъё,
Ой няситя душеньку, крутя̀ ды вертя,
Крутя ды вертя, въ огнянну ряку̀,
Вы й укиньтя душеньку ў кипущу смолу!..»
Увидивъ быгатый ёнъ брата свойго,
Ёнъ брата свойго, Лызареюшку.
Ой ставъ жа быгатый ёнъ яго просить:
«Ой братя, мой братя, Лызареюшка,
Ой братя, мой братя, нишшій, убогій,
Ой братя, мой братя, братецъ мой родной!
Не ўповай жа, братя, ой ты ны мяне,
Што я тябе, братя, ой я не ўважавъ,
Ой брата за брата ой я не шшитавъ.
Помоцы ты, братя, хоть мизиникъ пёрстъ,
Притуши ты, братя, огонь полыня̀!..»
—Ой братя, мой братя, Абрамеюшка,
Ой братя, мой братя, славный быгатырь!
Ой на тое бъ, братя, да я не ўповавъ,
Што ты мяне, братя, братомъ не ўважавъ.
Ой сходивъ бы, братя, на синя моря,
Помоцывъ бы, братя, по ло́кыть руку̀,
Притушивъ бы, братя, огнянну ряку̀,—
Прымижъ нась жа, братя, пропась вялика̀,

Не моя шъ тутъ воля, воля Божія!..
«Ой братя шъ, мой братя, Лызаре-
юшка,
Ой братя, мой братя, нишшій, убогій!
Одна насъ, насъ матушка, ой пыро-
дила,
Не одной насъ долюшкой ой ныдя-
лила:
Мяне ныдялила златымъ—серябромъ,
Тябе ныдялила вяликый скорбнысьсю.
Злато—серябро ў смолѣ кипить,—
Вяликыя скорбнысь у раю сядить...»

С. Будница, велижск. у., витеб губ.

Ср. Варенц. 66; Безсон. 1, 43—67; бѣлор. 61.

Въ нашемъ распоряженіи было множество списковъ изъ различныхъ уѣздовъ могил. и витеб. губ. Вообще, «Лазарь убогій» широко распространенъ въ Бѣлоруссіи; его поютъ не только старцы ex-officio, но и всѣ угнетенные и оскорбленные; кажется, бѣлоруссъ не прочь въ убогомъ Лазарѣ видѣть самого себя. Ср. напр. проценты великіе, суды неправедные въ стихѣ *б*, и зруганье съ православныхъ хрестьянъ въ стихѣ *а*. Изъ историческихъ и бытовыхъ чертъ въ спискахъ, непомѣщенныхъ здѣсь, интересны слѣдующія: богачей надѣется злого человѣка стрѣлой устрѣлить; ровня богачея за столомъ сидятъ, злато и серебро у рукахъ держатъ; слуги выводятъ Лазаря за ворота, взявши за лѣвую руку; Лазарь пролежалъ за воротами 33 года, такъ что «скрозь его робрушки трава проросла, скрозь его ушеньки (и устыньки) змѣя проповзла»; слуги богачея «укладали ноги его ў злату стремену»; на полеваньѣ «впереди идетъ сильная рота, по бокамъ идутъ хорты, соколы, позади ѣдетъ жена изъ дѣтьми;» упавши съ коня, богачей сталъ «бѣлѣй за камня, желтѣй за песку, чернѣй за земли»; «враги» несутъ богачея «подяргивая да посмаргивая», зацѣпивъ крюкомъ за лѣво ребро. Когда Лазарь хочетъ идти омочить богачу уста, Богъ говоритъ Лазарю: «Сиди ты, Лазарь, агдѣ посаженъ; у него брата Лазаря въ роду не было: онъ брата Лазаря не почиталъ; нищихъ и убогихъ онъ не надѣлялъ, отъ темныя ночи онъ не укрывалъ, голое ихъ тѣло онъ не прикрывалъ, босыя ноги онъ не обувалъ; до церквы до матки онъ не доступалъ, церковныя книги онъ не справлялъ, ярыя свѣчи не надсучивалъ, церковныя книги не прочитывалъ...» Въ одномъ стихѣ богачъ встрѣтилъ Лазаря на улицѣ. И завидѣлъ Лазарь брата богача и спѣлъ святой Лазарь херувимскій стихъ... Лазарь проситъ Бога взять его въ пекло, а богачъ—въ рай... На полеваньѣ «встрѣлась съ богатымъ злая хвороба, неупримѣрная, стала богатаго тресть-колотить, съ мѣста на мѣсто перекидывать, отбила богатому и умъ и память... Богачъ изъ пекла проситъ Лазаря сходить въ Волынско море, обмочить тамъ мезины перста, такъ какъ «жжетъ и палитъ пекельный огонь и вокругъ тѣла смола облипаетъ...»

27. Алексѣй—челевѣкъ божій.

Да якъ у славнымъ градзи уво Врэмъи,
При блаженнымъ князю при Оноприю,
Якъ живъ сабѣ бывъ Ахміёнъ князь,
И съ своею княгиняю обручённою,
И съ своёю княгиняю возлюблённою.
Ня было мижъ ихъ чади ни ядыныя—
При младосьци лѣтъ на ўцяшеніе,
При старосьци лѣтъ на ўзбераженіе,
При концы живота на споминъ душѣ.
Яны къ божжай цэркви прихождали,
Ай у Господа милосьци просили,
Штобъ и давъ имъ Богъ чаду хоць ядыную.
А скоро княгиня завовремѣла,
Празъ духа святого зачалася:
И носила княгиня сорокъ нядзѣль,
Ай сорокъ нядзѣль, якъ одзинъ дзень.
Породзила княгиня сабѣ чаду,
Ай свѣтъ божжаго чаловѣка.
Якъ узрадовався князь вяликій,
Ёнъ по граду по Врэмъю прояжжая,
Царэй-королей закликая,
Поповъ и дзяковъ зазывая,
И три большія патріярхи,
У тыя у камянныя палаты,
Молодзенцу имéньня нарицаци.
Нараклй яму имéньня свѣтъ Ляксѣямъ.
Не росцець Ляксѣй ёнъ годами,
Да росцець Ляксѣй ёнъ часами,
А ўсё часами—минутами,
А ўсё дробными годзинами.
А ўже жъ ба Ляксѣй на вызросьци,
А ўже жъ ба Ляксѣй на ўсхождэньни,
А ўже жъ ба Ляксѣю сями лѣтъ ёсць;
Отдаéць яго бацюшка у навуку,
Али матушка ў божжу школу,—
Большія грамоци обучатца.
Ня стольки Ляксѣй повучився,
Побольше Ляксѣй того зная:
Старое письмо прочитая,
Новое письмо самъ напиша.
А ўже жъ ба Ляксѣю дванатцаць лѣтъ,—
Выходзивъ Ляксѣй изъ навуки,
Али зъ матушкины школы божжай.
Хоча яго бацюшка ожаници,
Али матушка одружици,
Да поняци княгиню обручённую,
Да поняци княгиню возлюблённую.
Ляксѣй жанитца ёнъ ня хоча,
И отцу-матушцы ня супречня.
Повяли жъ то Ляксѣя къ божжай цэркви,
Къ божжай цэркви, икъ субору.
Становили Ляксѣя ў святымъ мѣсьци,
Перадъ царськими воротами,
Перадъ цудовными вобразами.
На зямельку ковёръ разсцилали,
На ковёръ Аляксѣя становили,
Золотыми вянцами обвянчали,
Золотыя пярсьцёны поміняли,
У цудовный хрестъ знайменовали,
Заядыно Богу присягали.
Повяли жъ то Аляксѣя зъ божжай цэрквы,
Да й у тыя камянныя палаты.
Садзили Ляксѣя за столами,
За шавковыми скацерками,
Кормили-поили хлѣбомъ-сольлю
И свѣтъ божжу благодацьцю.
Ляксѣй хлѣба-соли ня кушàя,
Тольки цяжанько уздыхая.
Повяли жъ то Ляксѣя до ложницы,—
Ляксѣй на ложницу не ложитца,
А скидая съ сябе шавковый поясъ,
И съ правыя руки золотъ персьцянь:

«Княгиня моя обрученная,
Княгиня моя возлюбленная!
Прими жъ ты отъ мяне шавковъ поясъ,
И съ правыя руки золотъ персьцянь.
Пойду-тка жъ я Богу помолюся,
При младосьци лѣтъ потруджуся,
За свойго бацюшку Ахміёна,
За свою матушку порождэнную,
И за цябе, княгиню возлюблённую!»
Княгиня яму̀ сымовчала,
Отвѣту-привѣту не сказала.
Якъ пошовъ Ляксѣй у турецкую зѐмлю,
У турецкую зямлю̀—Русалимъ градъ.
Да молився Ляксѣй, ёнъ трудзився,
Сы нѝзяиькими уклонами,
Сы горучими сы слезами,
Ды ўсё по пущахъ, ўсё по кельняхъ,
Ўсё по нищецкихъ богодзѣльняхъ.
Приходзивъ Ляксѣй къ большо́му граду,
Къ большому граду—Кимирозу.
Становився Ляксѣй къ божжай цэркви,
Икъ божжай цэркви, икъ субору,
На правой руцѣ, на крылѐчку.
Провѣдала Ляксѣя мацерь божжа,
Мацеръ божжая, Бугуродзица:
«Приступись, Ляксѣй, къ мойму прастолу:
Достоинъ Ляксѣй прастолу божжаму:
Достоинъ Ляксѣй царству нябесному!
А йдзитка жъ ты, Ляксѣй, у свою сторону̀,
У свою сторону, у свой Рымъ градъ,—
Цябе оцецъ—мутушка ня ўзнаа,
И твоя княгиня возлюблѐнная!..»
Якъ пошовъ Ляксѣй у свою сторону̀,
У свою сторону, у свой Рымъ градъ,
Становився Ляксѣй къ божжай цэркви,
Икъ божжай цэркви, икъ субору,
На лѣвой руцѣ, на крылечку,
Дзѣ нищая брація становітца.
Ёнъ у томъ раду̀ становився,
Со слязами Богу ёнъ молився,
Сы низянькими уклона́ми,
Сы горючими сы слезами.
Ахміёнъ, князь правяликій,
Службы и обѣдьни ёнъ наймая,
Свойго сына Ляксѣя поминая.
Ахміёнъ изъ обѣдьни выступая,
Ды нищую брацію надара̀я.
Ляксѣй милосьцину принимая,
Ды ў корысць сабѣ не получая,
Ды на нищую брацію раздзѣляя.
Ахміёнъ у нищихъ ёнъ пытая:
«Ой ра́бы, рабы̀, ра́бы ўбогія!
По чужихъ жа вы сторонахъ хо̀дзиця,
Чужія стороны вы вѐдаеця,—
Ци ня чули-прочули мойго сына,
Празъ мойго сына, празъ Ляксѣя:
У якой жа ёнъ сто̀рони бывая,
Якую ѐнъ ну̀жу принимая?
Аляксѣй 'Хміёну продвѣщая:
«Я твойго сына я й самъ знаю,
У якой жа ёнъ сторони бывая,
Якую ёнъ нужу принимая!»
Ляксѣй Ахміёну уклонився,
Якъ уклонився—зъ лица змянився.
«А спасибо, спасибо, рабъ божій убогій,
Што вясёленькимъ словцомъ продвѣщаешъ!
Почаму жъ ты мойго сына знаешъ?»
—Потому я твойго сына знаю,—
У ядыной школи мы зь имъ училися,
У ядыную грама̀дку (азбуку) зь имъ читали.
И ядынымъ пе́рушкомъ зь имъ писали,
И зъ ядыныя блюды зь имъ кушали...
Ляксѣй Ахміёну продвѣщая:
«Постройка ты мнѣ, убогому, кельню,

Не радзи свойго сына Ляксѣя,
Да радзи своѐ души спасэньня!»
Ахміёнъ Ляксѣю продвѣщая:
«А градзи-тка, убогій, ўслѣдъ за мною,
Покажу табѣ кельню дзѣ построиць:
Ниже своихъ камянныхъ палатовъ,
На лѣвой руцѣ, на крылечку,
Дзѣ слуги—рабы прохождаюць,
Посуду мыюць, выливаюць,
Плюю̀ць, харкàюць, ускидаюць!..»
Аляксѣй на тоя не ўгнявився,
Со слезами Богу ёнъ молився,
Сы низяныкими уклонáми,
Сы горучими сы слезами;
Кажныя пяцинки сповядався,
Кажныя сыботы причащався,
У нядзѣлю скушáвъ по проскỳрцы...
Якъ исчувъ Ляксѣй животъ кончéнный,
Ёнъ пиша Ляксѣй рукописаньня,
Ёнъ пиша Ляксѣй многостраданьня,
Ёнъ пиша Ляксѣй богомолéньня,
Пиша жъ Ляксѣй многія лѣты;
Якъ тольки списавъ—и перăставився,
Тимъяномъ—ладуномъ накадзився,
По ўсяму граду по Врэмію
Гласныя звоны зазвонили,
Славныя цэрквы расчинились,
Ясныя свѣчи зажигались,
Книги—вангелія зачитались.
А што уздумався князь вяликій?
Начавъ своихъ слуговъ разсылаци,
Штобъ идзѣ святого разыскаци.
Разыскали святого ў святымъ мѣсьци,
Нижай яго камянныхъ палатовъ,
На лѣвой руцѣ, на крылечку,
Дзѣ слуги-рабы прохождаюць.
Собиралися цары и князи,
И три большія патріярхи.
Никому письмо не подаéтца,—
Подалося письмо князю вяликому.
Ахміёнъ, князь правяликій,
Къ пящерську гробу припадая,
Гробницу руками обнимая,
Гробницу слязами обливая:
«Чадо жъ моё, чадо порождэнное,
Чадо моё, чадо возлюблéнное!
Чаму жъ ты мнѣ ў свѣци не оявився,
Хоць гордымъ словцомъ не сказався?
Я бъ построивъ табѣ кельню не такую,
Я бъ построивъ табѣ кельню золотую,
Вышай своихъ камянныхъ палатовъ,
На правой руцѣ, на крылечку,
Дзѣ самъ я заўжды прохождаю,
Своими глазами посмотраю!
А моли жъ ба ты Бога объ мяне грѣшнаго,
Штобъ у однымъ гроби сположитца,
И ядынымъ покрываломъ покрытца!..»
Якъ зачула—почула порождэнная,—
Ну къ пящерську гробу припадая,
Гробницу руками обнимая,
Гробницу слязами обливая:
«Ой чадо моё, чадо порождэнное,
Чадо моё, чадо возлюблѐнное!
Чаму жъ ты мнѣ ў свѣци не оявився,
Хоць гордымъ словцомъ не сказався?
Не носивъ ба ты ў насъ такія ризы,
А носивъ ба ризу золотую;
Кормили бъ, поили хлѣбомъ-сольлю,
А свѣтъ божжою благодацьцю!
Моли жъ ба ты Бога обо мнѣ грѣшную,
Штобъ у однымъ гроби сположитца,
И ядынымъ покрываломъ покрытца!..»
Якъ зачула-почула обручéнная,
Якъ зачула-почула возлюбленная,—
Ну къ пящерську гробу припадая,
Руками гробницу обнимая,
Слязами гробницу обливая:
«Жанихъ мой, жанихъ обручéнный,

Жанихъ мой, жанихъ возлюблённый!
Чаму жъ ты мнѣ ў свѣци не оявився,
Хоць гордымъ словцомъ не сказався?
Я жъ ба къ табѣ тайно приходзила,
Чистую одзѐжу приносила,
И вшою, брудою не травила.
Ня було бъ помижъ насъ злыхъ покӯсовъ,
Ня було бъ помижъ насъ злыхъ помы̀словъ,
Пробывавъ ба мижъ насъ самъ Исусъ Христосъ
И мацъ прасвятая Бугуродзица!
А моли жъ ба ты Бога объ мяне грѣшную,
Штобъ у воднымъ гроби сположитца,
И ядынымъ покрываломъ покрытца!..»
Якъ жа сказала—перастаиплась!
У ядыныя гробницы сположилися,
Ядынымъ покры̀валомъ покрылися,
И ядынымъ проводомъ проводзилися...
А нясьли мощи троя нощи, троя сутокъ:
За міромъ мощей не пронесьци,
За міромъ мощей не провезьци.
А што ўздумавъ князь вяликій?
Начавъ свою казну расчисляци,
На сырую мацъ зямлю ёнъ бросаци,—
Ци не погарнéтца міръ за казною.
Міръ за казною не гàрнетца,
Да къ святымъ мощамъ преклоняетца.
А што съ тыхъ мощей давъ Богъ прощи:
Сляпымъ жа давъ Богъ провозрѣнія,
Глухимъ жа давъ Богъ на ўслышѐнія,
Нямымъ жа Богъ давъ проговоренія,
Бязрукимъ Богъ давъ на ўладзѐнія,
Бязногимъ Богъ давъ на ўсхождэнія,
Бязумнымъ Богъ давъ пуць и розумъ,
Бяздолнымъ Богъ давъ щасьця-долю,
А ўсяму міру на спалéнія...
А славимъ цябе, Хрисьце Божа нашъ!

М. Городецъ, рогач. у. Ср. Дембов. № 10

28. Тоже.

Якъ у славнымъ гради и во Врыми,
Ну якъ живъ сабѣ славенъ Явхиміёнъ князь,
Изъ своёю княгиняю обручѐнной.
Якъ жили яны ў свѣти тритцать три годы,
Да ня мѣли сабѣ чада ни ядынаго,—
При младости лѣтъ на ўтяшенія,
При старости лѣтъ на узбераженія,
При восмертномъ концѣ на ўспоминъ душѣ.
Вяликій же Явхиміёнъ князь
До цэркви божія часто ходя,
Ёнъ службы—молебны нанимая,
Земляныя поклоны скулоняя (и отбивая),
И Господа Бога упрошая,
И мать прасвятую Бугуродицу:
И Божа мой, Божа, Спасъ милосьливый,
И прасвятая мать Бугуродица!
Создай жа мнѣ чадо хочь ядыное,
А при младости лѣтъ на ўтяшенія,
При старости лѣтъ на узбераженія,
При восмертномъ концѣ на ўспоминъ душѣ!..»
А вотъ узрачéтъ мать Бугуродица:
«Вяликій жа Явхиміёнъ князь,
А гради ў своé камяныя палаты,
А уже жъ твоя княгиня забяремѣла,
Отъ святого духа зачиналося!»
Лёхкое княгини ўспоношенія,
Скорое яé ўспорождэнія,—

Спородила княгиня сабѣ сына,
Свѣтъ божжаго чаловѣка.
Велій жа Явхимiёнъ князь
У своёмъ доми ўзрадовався,
Ёнъ по Врыму граду прохождая,
Да поповъ у домъ свой зазывая,
Поповъ, усихъ патріярховъ,
Правосвященныхъ владыковъ.
Попы, патріярхи ў доми пробывали,
Хлѣба-соли скушали,
Умѣстныя книги подымали,
Молоденцу имéньня нарыцали.
И здалося именьня Аляксѣя,
А свѣтъ божжаго чаловѣка.
Якъ ставъ Ляксѣй на ўзрощéньня,
Выходило Ляксѣю якъ ба семъ лѣтъ,
Задумавъ яго батюшка ў навуку,
Сударыня матушка у школу,—
Ядыной грамàдки учитца.
Небогато Ляксѣй грамоти учився,
Побольше Ляксѣй грамоти зная,
Ёнъ большихъ школьниковъ навучая,
Ёнъ старое письмо прочитая,
Новое письмо самъ напиша.
Бяре яго батюшка изъ школы,
Сударыня матушка изъ навуки,
У тыя ў своѐ камянны палаты.
Ставъ жа Ляксѣй на возрости,
Выходило Ляксѣю ажъ 17 лѣтъ,—
Задумавъ яго батюшка жанити,
Сударыня матушка дружити,
Исъ тою княгиняй подумлённою.
Не хотѣлось Ляксѣю ще жанитца,
Да хотѣлось при младости потрудитца,
За отца свойго, за матушку помолитца,
За своѐ душевное ради спасэнія.
Не хотѣвъ Ляксѣй свойго батюшки гнявити,
Сударыни матушки слязити,—
Ожанивъ яго батюшка неохотою,
Сударыня матушка няволею.
Повяли Ляксѣя ў божжую цэркву,
Становили Ляксѣя ў божжай цэркви,
Перадъ царскими воротами,
Прадъ чудовными вобразами,
Золотыми вяпцами обвянчали,
Золотыми перстнями обручали,
Заядыно Господу присягали,
И ядынъ чудянъ хрестъ цаловали.
Повяли Ляксѣя зъ божжай цэрквы
Да и ў тыя у отцовскія палаты.
Вяликій жа Явхимiёнъ князь
Съ хлѣбомъ-сольлю Ляксѣя сустракая,
За бѣлыя руки яго примая,
За тясовыя столы ихъ саджая,
За избранныя скатерками,
Да ўсё сахарными кушаньнями,
Да перапольными [1]) ўсё чарами.
Сулили Ляксѣю хлѣба-соли,
Сулили Ляксѣю вина чару,—
Ляксѣй хлѣба-соли не скушая,
Перапольныя чары не спивая,
Ёнъ жа свою душỳ судержая,
Господа Бога упрошая:
«О Божа мой, Божа, Спасъ милосьливый,
И мать прасвятая Бугуродица!
Што не дай жа мнѣ, Господи, сограшеньня,
При младости лѣтъ спокушеньня!»
У шастомъ часу дѣлалось ночи,
Поднимали Ляксѣя изъ застольля,
Повялй Ляксѣя спочивати,
Да у тыя особяпныя палаты,
На тыя пзбранныя ложницы,
Клали Аляксѣя на ложницы.
Аляксѣй зъ ложницы уставая,
Шовковъ поясъ исъ сябе скидая,

1) Перепойными.

Золотъ перстянь зъ руки знимая,
До княгини своѐ промовляя:
«Княгиня моя обручѐнная,
Княгиня моя возлюблѐнная,
Прими отъ мяне шовковъ поясъ,
Съ правыя руки золотъ перстянь,
Да пусти мяне ў страдъ потрудитца,
При младости лѣтъ Богу помолитца,
За отца свойго, матушку родную,
За тябе, княгиню обрученную,
За своѐ душевное ради спасэнія!..»
Княгиня яму сымовчала,
Отвѣту-привѣту не сказала.
Узяла ў яго шавкóвъ поясъ,
И съ правыя руки золотъ перстянь,—
Пошовъ Ляксѣй у страдъ божжій.
Якъ пошовъ Ляксѣй къ синяму мору,
Становився Ляксѣй на корáбель.
Морская погода поднималася,
Зносила корабъ у славное царство,
Да й у тую пящерскую зѐмлю,
Да й у тую пящеру святую.
Трудився ёнъ тамъ, молився,
Трудився, молився 18 лѣтъ,
Кожныя пятницы сповядався,
Кожныя сыботы причащався,
И скушàвъ на нядѣли по просвиры.
Вотъ тымъ душа яго была сыта,
И грѣшное тѣло принакрыто.
Узрила яго прасвятая Бугуродица,
Во снѣ мать божжая къ яму явилась:
«Рабъ ты божжій, калѣка,
Зачимъ ты мнѣ часто докучаешъ?»
—Прасвятая мать Бугуродица,
Хочу я ў твой домъ поступити,
Хочу твоимъ мозчамъ поклонитца!
—«Рабъ ты божжій, калѣка,
Гради ты до свойго дому,
Уже нихто тябе ня ўгадая,—
Ни отецъ, ни матушка родная,
Ни княгиня твоя обручѐнная!..»
Якъ пошовъ Ляксѣй къ синяму мору,
Пошовъ пò мору, якъ ба й пó мосту.
Уступавъ Аляксѣй во Врымъ градъ
Уже божжай службы на 'тхожденія.
Приходивъ Ляксѣй къ божжай цэркви,
Становивсь Ляксѣй перадъ божжимъ храмомъ,
Помиждy своѐй нищай братіи.
Божжія службы отыходять,
Весь міръ съ храму выступаять;
Идуть съ цэркви князи—бояры,
Уси православныя христіяни,
Яны нищихъ, убогихъ надараять,
И Ляксѣя святого ня минаять.
Ляксѣй милостину принимая,
На нищую братію раздяляя,
Сабѣ на пожитокъ не оставляя.
Чаразъ малное ўремя—годину
Вяликій князь Явхимiёнъ выступая,
Ёнъ и нищую братію надарая,
Аляксѣя, свойго сына, ня миная.
Аляксѣй милостину принимая,
Ёнъ принявши, отцу уклонився,
Сы бѣлаго лица до сырой зямли:
«Вяликій, славянъ Явхимiёнъ князь,
Создай ты мнѣ милостину вялику,
Построй ты мнѣ, убогому, кельню,
Да по правой руцѣ параходу,
Ты не ради мяне, ради старца,—
Свойго ради душевнаго спасэнія,
Да ради свойго сына Аляксѣя!..»
Вяликій жа Явхимiёнъ князь,
Ёнъ стòячи тамъ, прослязився,
И горучими слязами облився,
И тяжкими словцами обяслився:
«Спаси Богъ тябе, старча!
Радостныя вѣсти ты мнѣ правозно-сишъ
Про мойго любезнаго сына Ляксѣя.

Почомъ ты яси яго, старча, знаяшъ,
По йменьню яго узываяшъ?»
—Ой якъ я яго, свята, не знаю,
Ой якъ яго, свята, не разумѣю,—
Во ядыной мы школи грамоти учились,
Ядыную грама́дку читали,
Ядынымъ пяромъ зь имъ писали,
Сы ядынаго блюда зь имъ кушали,
На ядыной ложнипы зь имъ почивали!..
—«Гради яси, старча, ўслѣдъ за мною:
Ёсть у мяне кельня готовая,
По лѣвой руцѣ параходу,
Дѣ слуги-рабы прабывали,
На кельню помыи выливали,
На кельню харка́ли и плювали.»
Ляксѣй жа тому не ўгнявився,
Сы радощу Господу молився,
Увыйшовши у кельню, благословився.
Трудився Ляксѣй, молився,
За свойго отца 'Химіёна,
И за матушку родимую,
За свою княгиню обручѐнную.
Молився Ляксѣй, трудився,
Тритцать три годы ў малпой кельни,
Кожныя пятницы сповяда́вся,
Кожныя сыботы причащався,
И скушавъ на нядѣли по просвиры,
—Вотъ тымъ душа яго была сыта,
И грѣшное тѣло принакрыто.
Якъ познавъ Ляксѣй судъ—кончснія,
Бяре Ляксѣй листъ бумаги,
Списавъ Ляксѣй своё спорождэнія,
Списавъ Ляксѣй ўсё своё труждэнія.
Списавши, Ляксѣй параставився.
Ангалы зъ нябесъ излята́ли,
'Химіёну князю вѣсти совѣщали.
Явхиміёнъ отъ сна пробудився,
Ёнъ бодрыя ноги собувая,
И бѣлое лицо промывая,
Ёнъ поповъ-патріярховъ пробуджая.
Уси патріярхи пробудилися,
Бяруть яны книги—ва́нгалія,
Да идуть святыхъ мощей шукати.
Шукали мозчей день до вечара,
Нигдѣ святыхъ мозчей ня вобыскали.
Пошли яны у малную кельню,
Ажъ тамъ святыя мозчи параставились;
У правой руцѣ держа рукописанія,
У лѣвой руцѣ держа ясную свѣчу.
Уси къ сьятымъ мозчамъ приклонились:
«О вы, мозчи святыя,
Вы создайтя на́мъ своё рукописанія,
По чаму мы васъ будемъ хоронити!»
Што никому рукописанія не здалося,
Здалося рукописанія 'Химіёну князю,
Явхиміёнъ письмо принимая,
Ёнъ принявши, письмо прочитая.
Дочитався Химіёнъ князь до свойго сына,
До Ляксѣя божжаго чаловѣка,—
За слезами словъ ёнъ ня видя,
За рыданіемъ не проговора:
«Ой сыня, мой сыня, Аляксѣю!
Чаму жъ ты мнѣ давнѣй не сказався,
Чаму ради славы не оявився,—
Построивъ ба кельню не такую,
Построивъ ба кельню золотую.
Што ня ў етымъ мѣсти—на крылечку,
По правой руцѣ параходу,
Вышай своихъ камянныхъ палатовъ!..»
Якъ зачула матушка родимая,
Граде кы святому, слезно плача,
Гробницу руками обнимая,
Гробницу слезами обливая:
«Ой сыня мой возлюблѐнный,
Чаму жъ ты мнѣ давнѣй не сказався,
Чаму ради славы не явився,—
Носивъ ба ты ў насъ ризу не такую,
Носивъ ба ў насъ ризу золотую;
Кормила бъ, поила бъ своимъ коштомъ,

Доглядала бъ тябе своимъ вокомъ!..»
Якъ зачула яго светъ княгиня,
Граде кы святому, слезно плача,
Гробницу руками обнимая,
Гробницу слезами обливая:
«Ой князю, мой князю, Аляксѣю,
Што чаму ты мнѣ давнѣй не сказався,
Што чаму ради славы не явився,—
Частѣй ба я до кельни приходила,
Парамѣнную одѣжу приносила,
Ушою и брудьдю [1]) не страмила.
Ня жили бъ мы съ тобой якъ мужъ изъ жаной,
Жили бъ мы съ тобой якъ братъ исъ сястрой;
Ня было бъ у насъ съ тобой сограшенія,
При младости лѣтъ спокушенія!
Ой князю, мой князю, Аляксѣю,
Помолися жъ ты Богу обо мнѣ грѣшной,
Штобъ мнѣ Богъ дававъ судъ кончения,
Умѣсти съ тобой парастановленія,
Штобъ въ ядыной гробницы сположитца,
И ядынымъ покрываломъ накрытца!..»
Тольки тое княгиня зговорила,
Зговоривши, княгиня параставилась.
Во ядынымъ у гроби сположилися,
Ядынымъ покрываломъ зь имъ накрылися...
Вяликій жа Явхиміёнъ князь
Завялѣвъ святыя мозчи хоронити,
Подъ тымъ подъ спалённымъ суборомъ.
Нясли тыя мозчи день до вечара—
За міромъ мозчей не пронести.
Вяликій жа Явхиміёнъ князь
Якъ ставъ свою казну расточати,
По ўсихъ дорогахъ разсыпати,
Штобъ міръ за казною погарнувся,—
Ажъ міръ за казною ня горнетца,
Да грабѐтца, бярѐтца къ святымъ мозчамъ.
Отъ святыхъ мозчей було спаленія:
Сляпымъ Богъ дававъ провозрѣнія,
Глухимъ Богъ дававъ услышѐнія,
Нямымъ Богъ дававъ глаголенія,
Бязрукимъ Богъ дававъ уладѣнія,
Бязумнымъ Богъ дававъ умный розумъ.
Бяздолнымъ Богъ дававъ щастядолю,—
Хворымъ—болнымъ на спаленія.
Тогды сами звоны зазвонилися.
Сами тыя мозчи схоронилися,
Подъ тымъ подъ спаленнымъ суборомъ...
А мы славимъ тябе, Христе Божа нашъ!..

Гомельск. у.

29. Тоже.

Якъ съ перваго свѣту, сы началу,
Во славнымъ городзи во Врыми,
Да при первымъ царю при Упалію, [2])
Да при славнымъ князи Архимьяни,
Живавъ сабѣ, бывавъ славенъ Архимьянъ-князь,
Со своею съ обрученною княгиней, съ Авхавьидой.
И отъ роду ў нихъ дзяцища ня бывало.
И моливсия ёнъ Господу Богу,
И трудзився со вяликими, светъ, со трудами,

---

1) Вар. и брудьдю своею не страмила. Брудь имѣетъ два значенія: грязь, нечисть, и—половые органы. 2) Вар. при Онорію.

Со горючими, свѣтъ, со слезами.
По граду по Врыму поступаець,
Вяликую грамоту читаець,
На Спаса вобраза позираець:
«О Господзи Божа, Спасъ милосьливый,
И ты, мацъ Пресвятая Бугуродзица!
Создай мнѣ, Господзи, отрождзенца,
За младыи лѣты на ўсцѣшенія,
При старосьци лѣтъ ли призрѣнія,
При концы житьця на споминъ души!»
Рячéць яму̀ мацъ божа Марея,
Рячецъ яму̀ дзѣва пресвятая:
«Чаго ты, Архимьянъ князь, отъ Бога жалаешъ:
Ци злата, ци сребра, ци одзѣяньня?»
—Не жалаю я отъ Господа Бога
Ни злата, ни сребра, ни одзѣяньня,—
Жалаю отъ Господа Бога отрождзенца,
За младыи лѣты на ўсцѣшенія,
При старосьци лѣтъ ли призрѣнія,
При концы житьця на души споминъ!..
—«Охъ, идзи жъ ты, Архимьянъ князь,
У своѐ бѣлы каменны палаты,
Тамъ сустрѣнешъ обрученную въ воротахъ,
Обрученную княгиню Авхавьиду.
Прими жъ ты отъ княгини сустрѣканьня.
Съ того дась вамъ Господзь Богъ спорождзенца,
За младыи лѣты на ўсцѣшенія,
При старосьци лѣтъ ли призрѣнія,
При концы житьця на души споминъ!..»
Якъ пошовъ жа свѣтъ Архимьянъ князь
У своѐ бѣлы каменны палаты,
И стрѣвъ ёнъ обручéнную княгиню у воротахъ,
Обрученную княгиню Авхавьиду,
Принявъ отъ яѐ сустрѣканьня.
Съ того часу, съ того ўрéменьня
Обрученная княгиня забеременѣла:
Сорокъ нядзѣлекъ чадо поносила,
У пятницу чадо породзила,
Въ воскрясенійко чадо вокрясцили.
Отъ етаго чада князь возрадовáвся:
По Врыму по граду разъѣжжаець,
Поповъ ёнъ, священничковъ собираець,
Большихъ князей ёнъ лицы подымаець,
Ёнъ царю Упалію вѣсьци возвѣщаець.
Священнички къ князю приходзили,
Молитву княгини прочитали,
И младзенцу имѐньня нарекали.
Нарякли яму имéньня святое,
Имéньня—Ляксѣйка, божій человѣчекъ.
Росцéць свѣтъ Ляксѣй якъ дзянёчекъ,
Росцéць свѣтъ Ляксѣй якъ ба нядзѣльку,
Росцéць Ляксѣй свѣтъ якъ ба мѣсяцъ,
Бу̀дзець Ляксѣйку якъ ба семъ лѣтъ,—
Отдаéць яго бацюшка уво школу,—
Сударыня матушка у навуку,
Штобъ Ляксѣй грамоци наўчився,
Рукописанія наложився.
Пробывъ Ляксѣюшка у школи три годочки,
Выўчився ёнъ грамоци—скорописаньня,
На чацьвёртый éнъ къ бацюшку бываець.
Словесно яго оцецъ бацюшка пытаець:
«Што ты. Ляксѣюшка, грамоци ци наўчився,
Рукописанія ци наложився?»
—Слава Богу, бацюшка,—наўчився,
Слава Богу, матушка,—наложився!
Не навучники мяне тамъ наўчали,—
Больше мнѣ грамота сама прiўдалàся,
И рукописаньня само показалось!..

Бярéць яго бацюшка со во школы,
Сударыня матушка со навуки.
Становився Ляксѣй—свѣтъ на возрóсьци,—
Будзець Ляксѣю лѣтъ семнатцаць—
Изволивъ князь яго, свѣта, жаницн,
Принимавъ къ яму княгиню молодую
Зь естакаго града Михлёва,
А естакаго князя Дземiёна,
Со той ли со черкасьской со зямельки,
Зъ за того ли зъ за синяго моря.
У цвятное платьцiйко ихъ соряжаюць.
Ну Ляксѣюшка, божiй человѣчекъ, сорыдаець:
«Не жани мяне, бацюшка, зъ жаною,
Жани мяне бацюшка, съ чорной ризой!»
Жѐниць яго бацюшка зъ няволи,
Сударыня матушка зъ ня'хоты.
У божiю цэркву приводзили,
На ядынымъ платочку становили.
Подъ золотымъ вѣнцàмъ простояли,
Золотымъ персьнямъ обручались,
Перяпойную чару испивали,
Судъ-законъ весь божiй принимали.
Ядыному Господу Богу присягали,
Штобъ вѣкъ-вѣкомъ дружку ня кидали.
Пошовъ Ляксѣй свѣтъ со цэрквы,
Съ обрученною княгиняй Кацяриной,
У своé бѣлы каменны палаты.
Садзився Ляксѣй свѣтъ за трапезу,
Съ обрученною княгиняй Кацяриной хлѣба-соли скушаци.
Сладкаго ѣства имъ подносили,
Разнымъ напиткамъ ихъ поили,
Золотомъ и сéребромъ надзѣляли.
Ну Ляксѣюшка, божiй человѣчекъ,
Ни сладкаго ѣства ни скушáець,
Ни разныхъ напитковъ ни спиваець,
Ни злата, ни серебра ни примаець,
Тольки слезно плачець и рыдаець,
На Спаса вобраза воззираець.
Словесно ў яго оцець-бацюшка пытаець:
«Што ты, Ляксѣюшка, божiй человѣчекъ,
Ни сладкаго ѣства не скушáешь,
Отъ разныхъ напитковъ не спиваешъ,
Ни злата, ни сребра не примаешъ,
Тольки плачешъ и рыдаешъ,
На Спаса вобраза воззираешъ:
Ци табѣ обрученная не по 'быччу,
Ци табѣ княгиня не по любови?»
—Слава Богу, бацюшка: мнѣ по'быччу
Слава Богу, матушка: по любови!
Не хоцѣлося бъ мнѣ, молойцу, жанитца,
Хоцѣлося бъ мнѣ, мóлойцу, Богу помолитца,
За младыи лѣты потрудзицися,
При старосьци лѣты поспасцiцися...
Было у хторымъ часу дзѣлу ў ночи,—
Отпочивваць яго, свѣта, положили,
У тайныхъ палатахъ на ложницы,
Съ обрученною княгиняй Кацяриной.
Было ў шастымъ часу дзѣлу ў ночи,—
Устававъ Ляксѣй свѣтъ со посцели,
Отъ обрученной княгини Кацярины,
По имéнью яè называець,
По оцеству яè величаець:
«Обрученная княгиня Кацярина!
Отъ Господа Бога ты мнѣ присуждзёна,
Отъ отца отъ мацяри благословлёна!
Отпоясывай отъ мяне шовковый поясъ,
И здзѣнь зъ мяне цвѣтное платьця,
Со правой руки здзѣнь золотъ персьцень!»
Не слыхавъ ёнъ ни отвѣту, ни привѣту
Отъ обрученной княгини Кацярины.
Большъ Ляксѣюшка самъ зразумився:
Отпоясавъ отъ сябе шовковый поясъ'

Здзѣвъ съ сябе цвѣтное платьця,
Со правой руки знявъ золотъ персьцень,
Положивъ ёнъ княгини на бѣлы грудзи:
«Вотъ табѣ, обрученная княгиня, Кацярина,
Вотъ табѣ моё похождэнія,
Вотъ табѣ моё ўсё труждэнія!
И молись ты Господу Богу,
И трудзись за мяне Аляксѣя, божаго человѣка!»
Надзѣвъ свѣтъ Ляксѣй чорную ризу,
И ўзявъ Ляксѣй свѣтъ бѣлую книгу,
Запаливъ сабѣ Ляксѣй свѣтъ ярую свѣчу,
И самъ пошовъ ёнъ Богу молитца,
За младыи лѣты потрудзитца во имныи [1]) земли.
Приходзиць ко городу ко Едзесу,
Да ко той ли ко божіей цэркви,
Становився ў цэркви на паперки, [2])
По правой руки зли притвору.
Ёнъ молитца Богу со трудами,
Со горючими, свѣтъ, со слезами.
Схвацився Архимьянъ князь свойго сына,
Аляксѣя—божія человѣка.
Ёнъ царю Упалію вѣсьци возвѣщаець
Про свойго любезнаго про Ляксѣя:
«Во хторымъ часу отпочиваць положили,
У шастымъ часу не знаходзили!..»
Пославниковъ и вѣрныхъ слугъ царь Упалій
И князь Архимьянъ разсылаюць,
Штобъ уси имныи земли просходзили,
И Ляксѣя, божія человѣка, знаходзили.
Ўси имныи земли вѣрныи слуги просходзили,
Нидзѣ Ляксѣя не видали.
Приходзюць ко городу ко Едзесу,
Ко той ли ко божай ко цэркви,
Становилися у цэркви на паперки,
По правой руки зли притвору,—
И тамъ Аляксѣя свѣта не ўвознали,
Милосьцину яму издзѣлали.
Ёнъ милосьцину отъ ихъ, свѣтъ, примаець,
По нищей брацiи по меньшай раздзѣляець.
Слуги ко князю приходзили,
Царю Упалію вѣсьци возвѣщали:
«Уси имныи земли мы просходзили,
Нидзѣ Ляксѣя свѣта не видали,
Нидзѣ слухомъ мы не слыхали!..»
Молився Ляксѣй свѣтъ у етой божай цэркви,
Со вяликими, свѣтъ, со трудами,
Со горючими, свѣтъ, со слезами,
Двадцаць лѣтъ и чатыри.
Кажину суботу сповидався,
У шастое воскрясеньня причащався,
Кушавъ на нядзѣлю полукрохи,
Спивавъ на надзѣлю получару.
Стала къ яму̀ маць Марея являтца,
Стала яму̀ рѣчи говорици:
«Польно, Ляксѣй, тутъ Богу молитца,
Повѣкъ табѣ тутъ не спасцися.
Идзи ты у свой городъ у Врымськiй,
Къ свойму бацюшку Архимьяну,
Къ своёй матушцы Авхавьидзи,
Къ обрученной княгини Кацярини.
Ни оцецъ цябе зъ мацерью не ўзнаюць,
Ни 'брученная княгиня Кацярина,
Тольки вьявъ имъ ты не явися,
И имённо имъ не скажися!»
Пошовъ Ляксѣюшка свѣтъ,

1) Иныя. 2) к=т.

Ёнъ во свой городъ во Врымській,
Къ свойму бацюшку къ Архимьяну,
Къ своёй матушцы Авхавьидзи,
Къ обрученной своёй княгини Кацярини.
Пришовъ ёнъ ко божай ко цэркви,
Становився у цэркви на паперки,
По правой руки зли притвору.
Моливсн ёнъ Господу Богу, трудзився,
Со вяликими, свѣтъ, со трудами,
Со горючими, свѣтъ, со слезами.
На то ўремя, у тую годзину
Выходзиць со божай со цэрквы Архимьянъ князь,—
Золотую кöзну расточаець,
Нищую брацію одзѣляець,
Свойго любезнаго сына поминаець,—
Даéць яму̀ милосьцину святую.
Ёнъ милосьцину, свѣтъ, ня примаець:
«Не хочу я отъ цябе, Архимьянъ князь,
Твоёй милосьцины святыя,—
Хочу я отъ цябе кельни, богодзѣльни—
Построй ты мнѣ, ўбогому рабу, кельню,
Не на милыхъ своихъ поглядахъ,
Не на частыхъ своихъ перяходахъ,
А дзѣ вѣрныи слуги помыи выливаюць.
А не радзи ты мяне построишъ,—
Радзи Бога и свойго любезнаго сына Ляксѣя!
И тамъ Архимьянъ князь прослязився,
Горячимъ слезамъ заливався:
«Спасèць цябе Господзь, человѣча,
Што ты радосную вѣсь мнѣ звѣщаешъ,
Про мойго любезнаго сына,
Про Ляксѣя, божаго человѣка!
Почаму жъ ты яго знаешъ,
По имѣнью пазываешъ, по оцѣству величаешъ?»
—Стойця вы, Архимьянъ князь, низвиниця,
Дайця мнѣ рѣчи зговорици:
Я самъ про яго, свѣта, не знаю,
У которой сторонѣ ёнъ пробываець,
И дзѣ свою душеньку сохраняець;
А вотъ почаму я яго знаю,
По имѣнью яго называю,
По оцѣству яго ўзвеличаю:
У ядыной школушки мы бывали,
Ядыной мы грамоци зь имъ учились,—
Ядынымъ мы пéрушкомъ зь имъ писали,—
Ядыну мы трапезу искушали,—
Потому яго, свѣта, знаю,
По имéнью узываю, по оцеству ўзвеличаю!..
—«Идзи жъ ты, убогій рабъ, за мною,
Вялю цябе накормиць, напоиць своимъ кусомъ,
Построю табѣ кельню—богодзѣльню,
Зли своихъ бѣлыхъ камянныхъ палатовъ!..»
И пробывъ ёнъ у доми дванатцаць дзянёчковъ,—
Ни оцецъ, ни маци не ўвознали,
Ни 'брученная княгиня Кацярина.
Построивъ ёнъ кельню—богодзѣльню,
И молився ёнъ Господу Богу ў етой кельни,
Со вяликими, свѣтъ, со трудами,
Со горючими, свѣтъ, со слезами,
Тритцаць лѣтъ и чатыри.
Кажину суботу сповидався,
У шастое воскрясенья причащався,
Кушавъ на нядзѣлю полукрохи,
Спивавъ на нядзѣлю получару.
И спровѣдавъ ёнъ свою кончину,
И бярéць чарнило й листъ бумаги,

И списавъ ёнъ своё похождэнія,
И списавъ ёнъ своё ўсё труждэнія.
И списавъ усё поколѣнія.
И списавши, свѣтъ, у шастымъ часу ночи переставився,
И святымъ угодникомъ прославився.
И бывъ отъ Ляксѣя святый духъ—дзимьянъ ладунъ,—
По граду по Врыму ладуномъ пахнецъ,
Самы звоны зазвенѣли,
Восковыя свѣчи запалали,
Самы дзяки запіяли.
И. заслышавъ Архимьянъ ето дзиво—дзѣло ў ночи—
Посланниковъ князь разсылаець:
«Слуги вы моё, слуги, слуги вѣрныи,
Вы по Врыму граду походзиця,
Проявленнаго чуда поищиця!»
Вѣрныи слуги увесь Рымъ градъ просходзили,
Проявле́ннаго чуда нидзѣ не знаходзили.
Приходзюць къ кельни—богодзѣльни,
Къ нищему, убогому калѣцы.
Видзюць: кельня—богодзѣльня расчинившись,
Три восковыхъ свѣчи тамъ палаюць.
Ублизъ яны подступаюць:
Сама кельня-богодзѣльня зачинялась,
На три замки зялѣзныи замыкалась.
Ко князю вѣрныи слуги приходзили,
Етыи вѣсьци князю приносили.
Царю Упалію вѣсьци возвѣщали,
Свѣту божаму патріярху:
«Нищій, убогій калѣка переставився,
Святымъ угодникомъ прославився!»
Свѣтъ божій патріярхъ поднимався,
А съ усимъ священнымъ ёнъ суборомъ.
Къ етой кельни—богодзѣльни подступаюць,
До святыхъ мощей доступаюць.
Становились коло кельни на колѣнки,
И молилися Господу Богу,
Со вяликими трудами, со горючими слезами:
«О вы мощи, вы мощи пресвятыи!
Покажиця вы, мощи, поколѣньня,
Покажиця вы, мощи, отрождэньня!»
Зялѣзныи замки размыкалися,
Цесовыи двери расчинялися.
Не здалось жа рукописаньня Архимьяну,
Не здалось жа рукописаньня Упалію,
А здалось рукописаньня свѣту божаму патріярху.
Ставъ патріярхъ рукописанія читаци,
Дочитався до Архимьяна князя,
До любезнаго яго сына Аляксѣя,
Аляксѣя, свѣтъ-божаго человѣка,—
Архимьянъ князь прослязився,
Горючимъ слезамъ заливався:
«Сынка мой, сынка возлюбле́нный,
Ляксѣюшка, божій человѣчекъ!
Отчаго жъ ты, живъ бывъ, не сказався:
Построивъ ба я табѣ кельню не такую,
Выстроивъ ба я табѣ кельню камянну̀ю,
И яще не ў етакимъ мѣсьци—у садочку,
Подъ зялёнымъ, подъ лышнимъ подъ дубочкомъ,
На милыхъ своихъ на погля̀дахъ,
На частыхъ своихъ пяряходахъ;
Вывевъ ба я трубы золотыи
Подъ самое вышнее небо!»
И заслышала матушка родная,
Идзець ко святому, слёзно плачець,
Ко гробу святому припадаець,
Руками гробницу обнимаець,
Слезами мощи заливаець:

«Сынка мой, сынка возлюблённый,
Сэрцу мойму ты болѣзный,
Ляксѣюшка, божій человѣчекъ!
Отчаго жъ ты живъ бывъ, не сказався:
Я бъ къ табѣ часто приходзила,
Сахарное бъ ѣство приносила,
Золотомъ ба, сéребромъ цябе надзялила!..»
И заслышала 'брученная княгиня Кацярина,
Идзéць ко святому, слéзно плачець,
Ко гробу святому припадаець,
Гробницу руками обнимаець,
Слезами мощи заливаець:
«Мужъ ты мой, мужъ возлюблённый,
Ляксѣюшка, божій человѣчекъ!
Отчаго жъ ты, живъ бывъ, мнѣ не сказався:
Я бы къ табѣ часто приходзила,
Самоцвѣтное платьційко табѣ приносила,
И бывъ ба промижъ насъ святый духъ—дзимьянъ ладунъ,
И молилися бъ мы Господу Богу,
Со трудами, со вяликими слезами!..»
И 'другъ—другая гробница оявилася,
—Обрученная княгиня переставилася,
И святой угодницай прославилася.
Стали жъ еты мощи погребаци,
Погребали еты мощи три дни и три нощи,—
За народомъ Архимьяна князя не пущаюць.
Ставъ Архимьянъ князь золоту кðзну расточаци,
По сырой матки зямли разсыпаци,—
И то міръ на козну не качнувся,
Къ святымъ мощамъ подступався,
Къ святымъ мощамъ прикладався.
Отъ мощей было много исцаленьня:
Сляпымъ дававъ Господзи провозрѣнія,
Нямымъ дававъ Господзи промовленіе,
Глухимъ дававъ Господзи прослушеніе,
Бязрукимъ дававъ Господзи руки,
Бязногимъ дававъ Господзи ноги,—
И ўсякой скорби й болѣзни было исцаленьня
Отъ Ляксѣя, свѣтъ божія человѣка...
И златъ вянецъ Аляксѣю—божіяму человѣку!
А хто слухавъ—на доброе здоровье

Козьянская вол. гор. у. вит. губ.

Ср. Варенц. 219; Безсон. 1, 97—154, 97—154, бѣлорусск. 118.

У насъ было много списковъ. По нѣкоторымъ, жену Алексѣю брали изъ Ерусалима; послѣ вѣнчанія сажали Алексѣя за трапезы, за тые столы дубовые, за тыя пастилки дорогія. Въ ложницѣ Алексѣй просится у жены въ лѣсъ простудиться, на три часа ночи Богу помолиться. Но на ея вопросъ, когда онъ возвратится, святой отвѣчаетъ: Я тогды къ табѣ прибуду, коли шовковый поясъ расплятетца, и золотъ персьцень разольлетца! По кончинѣ Алексѣя, сами звоны зазвонились, сами книги—псалтыри зачитались, и свѣчи поставныя запылались. Вслѣдствіе этого, князь, по внушенію патріарха, ищетъ, кто въ городѣ святой преставился, или кто святой народился...

30. Алисахвій царевичъ.

(Іоасафъ).

Расплачатца младый юнушъ
Алисахвій царевичъ,
Ёнъ у пущи стоячи,
На пустыльню глѣдячи:
«Любимая мати пустыльня,
Привукрасная дива Марея!
Прими мяне молодого
Къ сабѣ, заблудшаго сына,
Якъ матяръ свойго чада,
И на бѣлыя руки!»
Отвящая мать пустыльня
Й а пракрасная Марея:
«Младый, младый юнушъ,
Алисахвій царевичъ!
Ти ня жаль табѣ будя
Своихъ крашшихъ хоромовъ?
Ти ня жаль табѣ будя
Свойго твѣтнаго платьтя?
Ти ня жаль табѣ будя
Свойго бѣлаго [1]) хлѣба?
Ти ня жаль табѣ будя
Своихъ сладкихъ напитковъ?
Ти ня жаль табѣ будя
Своихъ друзей, побратимовъ? [2])
Ти ня жаль табѣ будя
Своихъ разныхъ утѣховъ?...»
Отвящая младый юнушъ,
Алисахвій царевичъ:
«Любимая мати пустыльня,
Привукрасная дива Марея!
Спокидаю, оставляю
Своѐ крашшія хоромы;
Спокидаю, оставляю
Своѐ твѣтное платьтя;
Спокидаю, оставляю
Своѐ бѣлыя хлѣбы;
Спокидаю, оставляю
Своѐ сладкія напитки;
Спокидаю, оставляю
Своѐ друзи, побратимы;
Спокидаю, оставляю
Своѐ разныя утѣхи!..»
Отвящая мать пустыльня,
Привукрасная дива Марея:
«Младый жа, младый юнушъ,
Алисахвій царевичъ!
Нѣту ў мяне, у пустыльни,
Табѣ проживать крашшихъ хоромовъ;
Нѣту ў мяне, у пустыльни,
Табѣ твѣтнаго платьтя;
Нѣту ў мяне, у пустыльни,
Табѣ бѣлаго хлѣба;
Нѣту ў мяне, у пустыльни,
Табѣ сладкихъ напитковъ;
Нѣту ў мяне, у пустыльни,
Табѣ друзей, побратимовъ;
Ай у мяне, у пустыльни,
Табѣ нѣту разныхъ утѣховъ,—
Тольки ў мяне, у пустыльни,
Ўсё зялёна дуброва;
Тольки ў мяне, у пустыльни,
Усё шовкова трава;
Тольки ў мяне, у пустыльни,
Ўсё гнилая колода;
Тольки ў мяне, у пустыльни,
Ўсё болотная вода;
Тольки ў мяне, у пустыльни,
Усё дикія звѣры;
Тольки ў мяне, у пустыльни,
Усё мелкія птаси!..»

---

1) Вар. чистаго. 2) друзей побратимыхъ.

Отвящая младый юнушъ,
Алисахвій царевичъ:
«Любимая мать пустыльня,
Привукрасная дива Марея!
Твоя зялёная дуброва
Крашшай моихъ царскихъ хоромовъ;
Твоя шовкова трава
Па̀чай мойго твятно́го платьтя;
Твоя гнилая колода
Пачай мойго бѣлаго хлѣба;
Твоя болотная вода
Пачай моихъ сладкихъ напитковъ;
Твое̇ дикія звѣры
Пачай моихъ друзей, побратимовъ;
Твое̇ разныя пта́си
Крашшай моихъ разныхъ утѣховъ!..»
Отвящая мать пустыльня,
Привукрасная дива Марея:
«Ай у мяне, у пустыльни,
Ўсё нема воли гуляти;
Тольки ў мяне, у пустыльни,
Сы трудами потрудитца;
Тольки ў мяне, у пустыльни,
Со слязами Богу помолитца!»
Отвящая младый юнушъ,
Алисахвій царевичъ:
«Любимая мать пустыльня,
Привукрасная дива Марея!
Разнясу тоску-кручину
По твоёй зялёной дуброви;
Со мной будуть говорити
Харуимы, сарахвимы,
Харуимы, сарахвимы —
Ўси нябесныя силы!..»
Алилуя, алилуя,
Славимъ тябе, Христе Божа нашъ!

С. Марковичи, гом. у. Поется и другой стихъ „Про старца Орлована и Лисахвія“, книжнаго происхожденія: Изъ пустыни старацъ у царскій домъ приходя... См. Мусатова, XXI. Безсон. 1, 219—234, бѣлор. 232.

31. Тоже.

А просився младый юношъ,
О Исахвій царевичъ,
Ёнъ просився у пустыльни,
У пракрасны, весялы̀я:
«Охъ, мацн моя, пустыльня,
Правокрасна, весяла̀я!
Прими мяне, маци пустыльня,
Прими къ сабѣ жици,
Якъ маци дзицяци,
Ўсё й на бѣлыя руцы,
Ўсё й на бѣлыя руцы,
Ки ряцивому сердцу:
Хочу̀ Богу помолитца,
Зъ младо́сьци лѣтъ потрудзитца,
Ўсё и вяликими трудами,
Ўсё й горючими слезами!»
Отвѣщаець мацъ пустыльня,
Ўсё й вархангальскимъ гласомъ:
«Охъ ты, младой, младой юношъ,
О Исахвій царевичъ!
Ахъ у мяне, у пустыльни,
Дли васъ негдзи погуляци;
Ахъ у мяне, у пустыльни,
Некому васъ звеселяци;
Ахъ у мяне, у пустыльни,
Не съ кимъ будзець говорици!»
Отвѣщаець младой юношъ,
А Исахвій царевичъ:
«Погуляемъ жа мы
Ўсё по цёмному лѣсу;
Будуць мяне ўзвеселяци
А ўсё райськія пташки;

Будзець со мной говорици
Зелянáя дуброва!»
Отвѣщаець маць пустыльня
Ўсё вархангальскимъ гласомъ:
«Охъ ты, младой, младой юношъ,
О Исахвій царевичъ!
Ци не жаль табѣ будзець
Свойго царства покинуць?
Ци не жаль табѣ будзець
Золотэя короны?
Ци не жаль табѣ будзець
Каменнэя палацы?»
Отвѣщаець младой юношъ,
А Исахвій царевичъ:
«Охъ, не жаль жа мнѣ будзець
Свойго царства покинуць;
Охъ, не жаль жа мнѣ будзець
Золотэя короны;
Охъ, не жаль жа мнѣ будзець
Камяннэя палацы.
А будзець мнѣ усё царство
Ўсё по цёмному лѣсу;
Золотая корона—
А ўсё частыя звѣзды;
А будуць жа мнѣ палацы—
А ў святыхъ горахъ пящеры!»
Отвѣщаець маць пустыльня,
Ўсё вархангальскимъ гласомъ:
«Молодэй жа ты юношъ,
Ўсё Исахвій царевичъ!
Ци не жаль табѣ будзець
Свойго злата и срéбра?
Ци не жаль табѣ будзець
Разноцвѣтнаго платьця?»
Отвѣщаець младой юношъ,
А Исахвій царевичъ:
«Любимая маць пустыльня,
Правокрасна, весялáя!
Охъ, не жаль жа мнѣ будзець
Свойго злата и сребра;
Охъ, не жаль жа мнѣ будзець
Разноцвѣтнаго платьця.
А будзець мнѣ усё злато—
Няўсыпящія черви;
Разноцвѣтное платьця
У пустыльни застанéтца!»
Отвѣщаець маць пустыльня,
Ўсё й вархангальскимъ гласомъ:
«Молодэй жа ты юношъ,
А Исахвій царевичъ:
Ци не жаль табѣ будзець
Пуховэя пярины?
Ци не жаль табѣ будзець
Свойго бѣлаго хлѣба?
Ци не жаль табѣ будзець
Своихъ слад*ковъ* напитковъ?»
Отвѣщаець младой юношъ,
А Исахвій царевичъ:
«Любимая маць пустыльня,
Правокрасна, весялáя:
Ахъ, не жаль жа мнѣ будзець
Пуховэя пярины;
Ахъ, не жаль жа мнѣ будзець
Свойго бѣлаго хлѣба;
Охъ, не жаль жа мнѣ будзець
Своихъ сладкихъ напитковъ:
Мнѣ сырая зямелька—
Мякчѣй пуховэя пярины.
Мнѣ гнилая колода—
Лучче бѣлаго хлѣба;
Мнѣ болотныя вóда—
Сладче сладкихъ напитковъ!»
Отвѣщаець маць пустыльня,
Ўсё вархангальскимъ гласомъ:
«Молодэй жа ты юношъ,
А Исахвій царевичъ:
Ци не жаль табѣ будзець
Ўсё й ворóныя кони?
Ци не жаль табѣ будзець
Своѐ дрўзи-побрацимы?»

Отвѣщаець младъ юношъ,
А Исахвій царевичъ:
«Любимая маць пустыльня
Правокрасна, весялая:
Охъ, не жаль жа мнѣ будзець
Ўсё воропыя кони;
Охъ, не жаль жа мнѣ будзець
Своѐ друзи-побрацимы,—
Мнѣ й воро́ныя кони,
Ў цёмнымъ лѣси дзикія звѣри,
У цёмнымъ лѣси дзикія звѣри—
И львы и мядзьвѣдзи,
И львы и мядзьвѣдзи—
То й воро́ныя кони.
А будуць мнѣ побрацимы
Ўсё й нябесныя силы!»
Отвѣщаець мацъ пустыльня,
Ўсё й вархангальскимъ гласомъ:
«Молодэй жа ты юношъ,
А Исахвій царевичъ:
Ци не жаль табѣ будзець
Отца—мацери роднэя?
Ци не жаль табѣ будзець
Отца—мацери роднэя?
Ци не жаль табѣ будзець
Отца—мацери роднэя?»
Отвѣщаець младой юношъ,
А Исахвій царевичъ:
«Любимая мацъ пустыльня,
Правокрасна, весялая:
Охъ и жаль жа мнѣ будзець
Отца—мацери роднэя;
Охъ и жаль жа мнѣ будзець
Отца—мацери роднэя,
Охъ и жаль жа мнѣ будзець
Отца—мацери роднэя!
А жалчѣй жа мнѣ будзець
Васъ, пустэльни весялэя! (3 р.)
Оцецъ, маци родная—
Ўсё пустыльня весяла́я! (3 р.)
И ў васъ, пустэльня, прабуваець
Ой Иванъ, усё Спрадтэча;
Иванъ Спрадтэча прабуваець,
Ўсё й нябесныя силы;
Ўсё й нябесныя силы,
Пяюць, пяюць харуимы;
Пяюць, пяюць харуимы
И страшныя сарахвимы...»
Алилуя, алилуя,
Славимъ цябе, Хрисце Божа!... (2 р.)

С. Сватошица, гор. у.

32. Тоже.

Расплакався младый юнушъ,
Алисахвій, сынъ царевичъ,
Сярёдъ пущи и стоючи,
Перадъ матушкой пустэльня:
«Любимая мацъ пустэльня,
Пріукрасная Марѐя!
А прими жъ мяне къ сабѣ,
А заблудшаго сына,
Якъ и мацерь свойго чада,
Ўсё й на бѣлыя руцы,
Ки ряцивому серцу,
Ки плодливому (и плотливому) живо-
[тў!»
Отвѣщаець мацъ пустэльня,
Пріукрасная Марѐя:
Ахъ жа ты, младъ, младый юнушъ,
Алисахвій, сынъ царевичъ:
Ци не жаль жа табѣ будзець
Свойго бѣлаго царства?
Ци не жаль жа табѣ будзець
Своихъ красныхъ хоромовъ? (*вар.* каменныхъ палатовъ)
Ци не жаль табѣ будзець

Отца й мацери своея?
Ци не жаль табѣ будзець
Своѐ тьвѣтныя одзѐжды?
Ци не жаль табѣ будзець
Свойго злата и сребра?
Ци не жаль табѣ будзець
Своѐ й мяхкія посьцели?
Ци не жаль табѣ будзець
Свойго ситнаго (и—бѣлаго) хлѣба?
Ци не жаль табѣ будзець
Своихъ разныхъ (и—сладкихъ) напитковъ?
Ци не жаль табѣ будзець
Свойго друзья—побрацимья?
Ци не жаль табѣ будзець
Своѐ кони ворóныхъ?»
Отвѣщаець младый юнушъ,
Алисахвій, сынъ царевичъ:
«Любимая й мацъ пустэльня,
Пріукрасная Марéя!
А прими жъ мяне къ сабѣ,
А заблудшаго сына:
Оставляю я й спокидаю
Своѐ й бѣлое царство!
Оставляю я й спокидаю
Своѐ красныя хоромы!
Оставляю я й спокидаю
Отца своéго и мацерь!
Оставляю я й спокидаю
Свою тьвѣтную одзѐжу!
Оставляю я й спокидаю
Своѐ злато и сребро!
Оставляю я й спокидаю
Свою й мяккую посьцелю!
Оставляю я й спокидаю
Своѐ й чистыя хлѣбы!
Оставляю я й спокидаю
Своѐ й разныя напитки!
Оставляю я й спокидаю
Своѐ дрўзья—побрацимья!
Оставляю я й спокидаю
Своѐ кони ворóныхъ!..»
Отвѣщаець мацъ пустэльня,
Пріукрасная Марея:
«Ахъ ты младый, младый юнушъ,
Алисахвій, сынъ царевичъ!
Нѣту ў мяне, у пустэльни,
Табѣ бѣлаго царства!
Нѣту ў мяне, у пустэльни,
Табѣ красныхъ хоромовъ!
Нѣту ў мяне, у пустэльни,
Табѣ тьвѣтнаго платьця!
Нѣту ў мяне, у пустэльни,
Табѣ мяккія посьцели!
Нѣту ў мяне, у пустэльни,
Табѣ ситнаго хлѣба!
Нѣту ў мяне, у пустэльни,
Табѣ разныхъ напитковъ!
Нѣту ў мяне, у пустэльни,
Табѣ дрўзья—побрацимья!
Нѣту ў мяне, у пустэльни,
Табѣ кóній ворóныхъ!
Ай у мяне жъ, у пустэльни,
Да ўсё й чорная риза!
Ай у мяне жъ, у пустэльни,
Ўсё й зялёная дуброва!
Ой у мяне, у пустэльни,
Ўсё шавкóвыя травы!
Ай у мяне, у пустэльни,
Ўсё бялёсенькій камень!
Ай у мяне, у пустэльни,
Ўсё гнилая колода!
Ай у мяне, у пустэльни,
Ўсё болотныя воды!
Ай у мяне, у пустэльни,
Поднябёсныя пташки!
Ай у мяне, у пустэльни,
Да ўсё й дзикія звѣри!..»
Отвѣщаець младый юнушъ,
Алисахвій, сынъ царевичъ:

«Любимая мацъ пустэльня,
Пріукрасная Марéя:
Не стращай мяне страсьцями,
Ўсё й вяликами й своими;
А прими жъ мяне къ сабѣ,
А заблудшаго чада:
А што чорная риза
Лучче бѣлаго царства;
Што зялёная дуброва
Лучче красныхъ хоромовъ;
Што шавковыя травы
Лучче тьвѣтнаго платьця;
А бялёсенькій камень
Мякче мяккія посьцели;
А гнилая колода
Ўкуснѣй (и—лучче) чистаго хлѣба;
А болотныя воды
Сладче сладкихъ напитковъ;
Поднябёсныя пташки
Лучче друзья—побрацимья;
А што дзикія звѣри
Лучче кóній ворóныхъ!..»
Отвѣщаецъ мацъ пустэльня,
Пріукрасная Марéя:
«А у мяне, у пустэльни,
Нѣту й воли гуляци;
А у мяне, у пустэльни,
Усё молицися Богу,
Сы вяликими сы трудами,
Сы горючими сы слезами:
Сы трудами трудзитца,
Сы слезами молитца!»
Отвѣщаецъ младый юнушъ,
Алисахвій, сынъ царевичъ:
«Любимая мацъ пустэльня,
Пріукрасная Марéя:
Не ўстращай мяне страсьцями,
Ўсё й вяликами своими!
Прими жъ мяне къ сабѣ,
А заблудшаго сына,
А якъ мацы свойго чаду,
Ўсё й на бѣлыя руцы,
Ки рящивому серцу,
Ки плодливому животу:
Разнясу тоску (и—печаль)—кручину
По зялёной дуброви;
Мяне будуць взвеселяци
Поднябёсныя пташки;
Со мной будуць говорици
Херуимы й сырахвимы,
Херуимы, сырахвимы,
Ўси нябесныя силы;
Мяне будзецъ прославляци
Ўсё и народъ хрисціяньскій!..»
Алилуя, алилуя,
Славимъ цябе, Хрисце й Божа нашъ!

Мстисл. у.

Въ вар. *могил. у.* спрашиваетъ мать пустыня *льсовая*:

Ци не жалко табѣ будзя
Свойго царства оставляци,
Отца-матаръ забываци,
Злато-сребро оставляци?
Нѣту ў мяне, у пустэльни,
Каменныхъ палатовъ,
Цесовыхъ коровацей,
Пуховыхъ перанатовъ,
Цвыльховыхъ подушакъ,
Шавковыхъ одзѣяловъ,
Вѣрныхъ слуговъ:
Нѣту бѣлаго хлѣба,
Нѣту сладкаго меду.

Отвѣчаетъ младый юношъ, да Хисахвій царевичъ:

Будзя ў мяне царство—
Ўсё нябесная похвáла;
Будуць ў мяне оцецъ-матаръ
Ўсё нябесныя пцицы;

Злато и сребро—жовтыя пяски,
Камянныя палаты—сосны̀ да бярозы,
А цесовы короваци—
Мацъ сырая зямелька;
А пуховы перанаты—
Зялёна дуброва;
А цвыльховыя подушки—
Ўсё гнилая колода;
А шавково одзѣяло –
Небо со звѣздами;
Ахъ, и вѣрныя слуги—
И львы да мядзьвѣдзи;
Охъ, и бѣлыя хлѣбы—
Ўсё мохъ у болоци;
А сладкія мёды—
Ўсё й болотныя воды.
А я царство оставляю,
Я ў пустыню жиць жала̀ю.
Затворуся я вяртэпомъ,
Буду плакаць и рыдаци,
Буду Бога уславляци.

33. Іосифа Пріукраснаго.

У вотца то было да у Якова
Двѣнадцать сыновъ, всё возлюблен-
Са̀мой ме́ньшой сынъ [ныхъ; 2
Былъ любимѣй усѣхъ. 2.
Ево братья взненавидѣли:
Били ево, волочили, 2
Да въ ровъ ево, у ровъ верзили,
За волоса его съ рову вытащили. 2.
Запродали его во чужую землю,
Во чужую землю, во египетскую, 2
Кы тому царю кы невѣрному,
Кы той царицы кы немилосьтивой. 2
Случило́ся имъ тамъ ѣхати,
Гдѣ погре́бена Рахиль, мати ево: 2
«Подымитеся, вѣтры буйные,
Раздуйте шъ вы пяски жолтые! 2
Ты ускройся, ускройся, гробовая доска,
Развярнися шъ ты, золотая парча! 2
Тыустань, устань, Рахиль—мати моя! 2
Привузнай сына любимаво,
Івосихва прівукраснаво! 2
Твоѐ сыны—моя братія—
Запродали мене во чужую зѐмлю, 2
Во чужую землю, во египетскую!...»
Кому повѣмъ печаль мою?
Ково призову ко рыданію?
Токмо тебе, владыко мой,—
Извѣстна тебѣ печаль моя!
Кто бы ми далъ голубицу,
Вѣщающую бесѣдами?
Послалъ бы я къ отцу Йякову:
«Вотче, вотче, Іякове!
Пролей слёзы ко Господу:
Твоѐ сыны—моя братія—
Запродали мене во чужую землю,
Во чужую емлю, во египетскую,
Кы тому цазрю кы невѣрному,
Кы той царицы кы немилосьтивой...»

Вѣтка, гом. у. Стихъ старообрядч. Поется въ посты.

Ср. Безсон. 1. 187, 204. Варенц. стр. 136 и Мусатов. 45. Этотъ послѣдній мы, слово въ слово, услышали отъ нищаго въ с. Сѣровкѣ, гом. у. Стихъ Варенцова, записанный въ Саратовѣ, мы слышали дословно отъ нищаго д. Шепелевичи, павлов. вол. могилев. у. Только заключительныя слова: „Твои дѣти, моя братія, продали меня во иную землю злымъ купцомъ агарянамъ, агарянамъ поганымъ“ измѣнены такъ: „А сыны твоѐ, брація моѐ, продали мене во чужу зѐмлю, у чужу землю въ Ягипецку, а къ тому цару нязвѣсному, нязвѣсному и нявѣрному...“

34. Восипъ.

Страдавъ Восипъ тритцать три лѣція,
Пожалавъ Восипъ пойци въ свою сторону,
Къ мацери своей Рахиліи, къ Яхимовни.
Приходзя Восипъ въ свою сторону,
Ажъ мацъ Рахилія помярши.
Зайшовъ Восипъ на покладзища,
Прилёгъ Восипъ ки могили ки мацери,
Ки Рахиліи, къ Яхимовны.
Проливъ Восипъ горки слёзы,
Горки слёзы на могили,
На могили на мацери Рахиліи:
«Ахъ, мацъ моя, Рахилія Яхимовна,
Ци звѣсна табѣ печаль моя?
Повѣмъ маци печаль мою,
Кого позову къ страданію?
Прими, маци, мяне къ сабѣ,
Будзецъ мѣсто менѣ й табѣ!»
Отгукнулася Рахилія, ў гроби лежа:
«А сынку мой, чадо моё любимое,
Заблюдное [1]) чадо, страдацель мой:
Не моя воля—самого Бога,
Создацеля, Сповѣдацеля!»
Якъ ставъ Восипъ Бога просиць,
Бога просиць, молитвы творпць:
«Ахъ, Божа жъ мой, Создацель мой,
Создацель мой, Сповѣдацель мой!
Ци ўзвѣсна табѣ печаль моя?
Повѣмъ Господу печаль мою,
Кого призову къ страданію?
Прими, Господзи, душу мою до хвалы
До хвалы своё, до нябесныя!» [своё,
Ўслышавъ Господзи молитвы яго,
Молитвы яго, а прозьбы яго,
Сосылаецъ Господзь а трохъ ангаловъ:
«Ахъ, вы ангалы—архангалы,
Вы идзиця зъ неба, зъ неба на зямлю,
Вы возьмиця Восипа на кладбищи,
На кладбищи, на могили,
Узнясиця Восипа на набеса,
Посадзиця Восипа у свѣтлымъ раи,
Йдзѣ мацеръ яго, Рахилія,
Рахилія Яхимовна!»
Удругъ Восипъ пераставився,
На кладбищи, на могили.
Укругъ яго свѣчи зъяюцъ,
Свѣчи зъяюцъ, ангалы пяюцъ.
Узяли ангалы Восипа,
Узнясли яго на набеса,
Посадзили яго у свѣтлымъ раи,
У свѣтлымъ раи, ли мацери,
Ли мацери ли Рахиліи,
Ли Рахиліи Яхимовны.
Маци сынку опознала,
Опознала, блазовала: [2])
«А сынку мой, чадо моё любимое,
Любимое, заблюдное,—страдацель мой!...»

М. Шкловъ. Отъ кр. Васи Ѳедоровой, 80 л. Стихъ, по ея заявленію, *старинный.* На сколько помнимъ, онъ нигдѣ не напечатанъ.

35. Плачъ Адама.

Привукрасное сонца
Зъ раю выходзило,
Увесь рай освяцило.
И Ева согряшила,
Законъ преступила,
Яблочко скусила

1) И: заблудное. 2) Вѣроятно—облобызала.

И Адама змусьцила.
«Ты Адамя, Адамя,
Честный господарю;
Не вялёвъ намъ Господзь
У рай прабувацъ,
И законъ преступацъ
И яблочко скушацъ!..»
И што жъ рячецъ Господзь Богъ,
Што глаголя царь нябесный:
«Й ахъ ты, Пётра-Павелъ,
Царьковный апостолъ!
Бяриця златы ключи,
Отомкниця ў рай вороты,
Выпущайця Адама изъ раю!
Нехай Адамъ идзе́цъ
На сырую мацъ-зе́млю,
Нехай ёнъ зямлю̀ копаецъ,
И свою душу̀ питаецъ,
И цѣло грѣшное прiукрываецъ!..»
Якъ пошовъ Адамъ
До Господа Бога,—
Адамъ со слязами,
Ева со свячами;
Якъ расплачетца Адамъ
Перядъ Господомъ Богомъ:
«Ой Божа жъ мой, Божа,
Спасъ милосьливый!
Ужо жъ мы не бачимъ
Привосвѣтлаго раю,
Ужо жъ мы ня слышимъ
Ваѐгальскаго гласу!
Вочи наши—ямы,
Руцы наши—грабы:
Што вочи забачуцъ,
То руцы заграбюцъ.
Намъ, што мѣетца, то мало;
Ажно ўсяго много
И ў Господа Бога!..»
Ну што жъ рячѐцъ Господзь Богъ,
Што глаголя царь нябесный:
«Охъ ты, Пётра-Павелъ,
Царьковный апостолъ!
Пущайця вы Даму,
Адаму дорогу:
Нехай Адамъ идзѐцъ
Ой до свойго гробу!..»
Ты гробя, мой гробя,
Прадвѣшный мой домъ!
Прими моё цѣло,
Якъ мацъ своё чадо,
На бѣлыя руцы,
Къ щирому животу,
Къ рецивому серцу!..
И пошло жъ наша цѣло
Зямли на ўладзѣнiе,
Червямъ на зьядзенiе;
Пошла жъ наша душа
До Господа Бога,
До Врамiя святого!
Спяёмъ жа мы славу
Святому Пётру-Павлу,
На чесь, на хвалу!

М. Молостовка, черик. у. Тоже и въ рогач. у. Жалобный.

36. Тоже.

Привукрасное сонца
Съ подъ раю сходзило,
Весь свѣтъ окрасило.
У тогды жъ тое Ева
Богу сыгряшила,
И Адама змусьцила.
Якъ пошовъ жа й Адамя
До Господа Бога:
«Ой Божа жъ мой, Божа,
Спасъ мой милосьцивый!

Ой прими жъ моё цѣло,
Якъ мацъ своё чадо,
А на бѣлыя руцы,
Ки ряцивому серцу,
Ки плаксливому цѣлу!»
Якъ пошовъ жа Адамя
Къ гробу сы свѣчами:
«Ой гробя мой, гробя,
Спрадвѣшный мой домя!
Ой идзёць моё цѣло
Зямлю спопеляци,
Будзецъ моя й душа
За грѣхъ отвѣщаци!»
Исуся мой любезный,
Помилуй насъ, аминъ.

Город. в. чаус. у.

37. Тоже.

Ой рысплакывся Адамъ
Передъ раемъ свѣтлымъ:
«Ай рая, мой рая,
Рая пресвѣтлѣйшій!
Не вялить Господь Богъ
Намъ при ў раю жити,
Намъ при ў раю жити,
Намъ при ў раю быти:
Ева сыгряшила,
Законъ преступила!
Ой сыславъ насъ Господь
На трудныю землю,
Зямельку пыхать,
Зямельку пыхать,
И трудъ принимать
И хлѣба зъѣдать,
И хлѣба зъѣдати
И соли скушати!
Намъ Богъ даётъ много,—
Намъ здаётца мало.
Глазы наши ямы,
Руки наши грабли:
Што гласки зыглянуть,
То руцки зыгрябуть.
Ой прідеть жа намъ
Послѣдній дянёцыкъ
И судный цасоцыкъ:
Пригорнемъ мы руцки
Къ ретивому серчу,
Прибяруть жа тѣло
Ў бѣлую одзёжу;
Положуть жа тѣло
На бѣлую ложу;
Сыбярутца люди
Кы бѣлому тѣлу.
Ой, вотъ же намъ тоды
Не надо ницòго:
Ни злата, ни сребра;
Ни драга 'дѣяньня,—
Ой тольки жъ намъ надо
Сыжанёкъ зямельки
И цатыри доски.
Пòйдеть наша тѣло
У сырыю землю,
Пòйдеть наша душа
Ку Госпыду Богу,
Ку Господу Богу
На вѣцныя житіе...

С. Будница, вел. у. вит. г.

Ср. Кир. XIII, 193. Варен. 40, 44. Безс. 6, 236—309, бѣл. 307.

38. Тоже.

Создавъ Богъ Адама,
Сотворивъ руцама,
Прославивъ яго ў рай жити.
Давъ яму̀ жану, на ймя̀ Евою,

Изъ лѣваго боку, изъ рабра́.
Повялѣвъ жа имъ у раи жити,
У роскошахъ зъ Евой проживати.
Не повялѣвъ имъ райскаго древа, заказа́наго,
Сладости скуштова̀ти.
Урагъ злочливый, ёнъ прознусьливый,
Такъ Еву прознущая: 1)
«Возьмитка, Ева,
Зъ райскаго древа, зъ заказа̀наго,
Сладости скуштовати!»
Узяла Ева ў правую руку̀,
Скусила штуку̀,
И Адаму подаяху.
Адамъ примая,
Ярко 2) кусая,
Наготу спознавая.
А Ева спознала,
Што нага стала,
Сама сябе постыдновала 3).
И сшивали 4) листы̀,
Шукали Христа,
Самого Бога, Тво̀рца.
Тво̀рацъ приходя,
Адаму глаголя:
«Што есть вы сотворили?
Райскаго древа, заказа́наго,
Сладости скуштовали?»
Адамъ рыдая,
Творца благая,
На Еву вину узлагая.
Тво̀рацъ отходя,
Ангалъ приходя,
Адама зъ раю вонъ гоня:
«Пречъ сойди зъ раю
Къ зѐмному краю,—
Тамъ будяшъ проживати;
Землю копати,
Душу̀ питати,
И тѣло содѣвати!..»
Дмухомъ дмухая,
Ме́чомъ махая,—
Адамъ со страху умирая...

Д. Жеребно, гом. у. Также рогач. у.

39. Вознесенію.

Расплачетца мать сырая земля,
Яко дѣвица прачистая,
Страховница непорочная,
Перадъ Сусомъ, перадъ Господомъ:
«Не могу я тярпѣть, Господи,—
Много-много на мнѣ скверности,
Больше того—беззаконія!»
Христосъ на небо возно̀ситца,
Ёнъ рачѐть мати сырой зямлѣ:
«Потярпи, мати сырая зямля:
Можа 5) рабы ўси спокаютца.
Коли 6) жъ рабы не спокаютца,
Ня минують суда страшнаго,
Да за своё сограшенія,
За вялико беззаконія!..»
Славимо тябе, Христе Божа нашъ.
Аминъ.

Гом. у. И рог. Стихъ Вознесенію и Преображенію. Во второмъ случаѣ, слова: „перадъ Сусомъ, перадъ Господомъ,“ замѣняются словами: „перадъ Спасомъ, перадъ Господомъ“.

1) Ставъ Еву прознущати. 2) Сладко. 3) стыдковала. 4) И читали листы, ожидали Христа. 5) Покуль. 6) Хотя.

40. Вознесенію.

Кануну чёснаго, проци празьничка
Узнясенія Христова,
Вознясётца Христосъ на небеса,
Исъ часьнѣйшами харуимами,
Исъ славнѣйшами сарахвимами,—
Якъ расплачутца тыя нищія, убогія,
Разрыдаютца ўсѣ калѣки:
«Охъ, Божа жъ нашъ, Божа, Царю нябесный!
Далѐко ты отъ насъ узнясёсься,—
Сь кимъ нищую брацію спокидаешъ,
Кому на дозоръ оставляетъ?
Хто жъ наши души пропитаецъ,
Отъ цёмныя ночи привукрыецъ,
Наготу, босоту приводзѣнецъ?...»
А што зрячецъ Царю нябесный,
Што й промовицъ яго милось:
«Не плачьця вы, нищія, не рыдайця:
Не ядзинахъ я васъ спокидаю,
Не ядзинахъ я васъ оставляю,—
А дарую жъ я вамъ гору̀ золотую.
Промижда собой гору̀ раздзялицця--
Будуць ваши души пропитаныя,
Отъ цёмныя ночки привокрытыя,
И нагота приводзѣта,
И босота привобутая,
И грѣшное цѣло привокрытое!..»
Охъ, што зрячецъ Яня Бугусловя,
Што промовицъ яго милось:
«Охъ, Божа нашъ, Божа, Царю нябесный,
А збавицелю нашъ христо-нябесный!
Не даруй нищимъ горы̀ золотыя:
Не ўладзѣць имъ горою золотою.
Понародзютца князи-уладыки,
Понародзютца цари-патріярхи, —
Отбяруць у нищихъ гору золотую,
А погубюць ихъ души, ўсё й положуць
А на тую мацъ—сырую зямельку:
Не ўладзѣць имъ горою золотою!
Даруй ты имъ своё имѐнія,
Даруй ты имъ первую жижню,
У правую руку̀ создаяніе,
А ў лѣвую руку̀ войстро жежло:
Нехай яны по міру Страждаюць,
За міръ яны Бога ўмоляюць;
Будуць ихъ души пропитаныя,
Отъ цёмныя ночки привокрытыя!»
—Охъ, Яня мой, Яня Бугусловя,
А дарую табѣ, Яня, златы вуслы,
Што хорошія звѣсьци ты звѣщаешъ,
Што мою нищую брацію ня 'ставляешъ!
Хто жъ мою нищую брацію не забуваецъ,
А ў своѐ домы ёнъ принимаецъ,
И хлѣба и соли поставляецъ—
А збавёнъ жа ёнъ будзецъ отъ мукъ вѣшнахъ;
Избавлёнъ ёнъ будзецъ
Отъ гряховъ самартэлныхъ;
Гутувавъ ёнъ сабѣ *мњсто* 2 свѣтлое,
Мѣсто свѣтлое, спраўкрашѐнное.
Хто жъ мою нищую брацію забуваецъ,
Ёнъ зарани вороты запираецъ,
А ў чужія ёнъ домы отсалаецъ—
Гутувавъ ёнъ сабѣ мѣсто цёмное,
Мѣсто цёмное, заключоное!...
А славенъ нашъ Богъ,
Ёнъ прославився,
Вяликое имѐнія свѣтъ-Господьнее!...

Городецк. в. чаус. у.

41. Тоже.

И кануномъ було празьничка частнóго,
Кабъ у сѣряду передъ Вознясеніямъ,
Якъ Исусъ Христосъ на небеса узно-
Съ частнѣйшими хуруимами, [сився
Съ славнѣйшими сарахвимами,
Со ўсими со збранными со святыми.
Якъ спровѣдали жъ то нищая брація,
Якъ спровѣдали жъ то ўси калѣки,—
Ўси расплачутца, ўси растужутца,
Ўси растужутца, разрыдаютца.
Стали плакаць и рыдаци,
Христа на небеси узвеселяци:
«Охъ Исусъ Христосъ, царю нябесный!
И куды жъ, Исусъ Христосъ, отхож-
даешъ?
Самъ на небеса узношаесься
Съ частнѣйшими хуруимами,
Съ славнѣйшими сарахвимами,
Со ўсими со збранными со святыми,—
Сь кимъ ты насъ, нищую брацію, по-
кидаешъ,
Кому на дозоръ свой отставляешъ?
Хто жъ насъ кормиць-поиць цяперь
будзець,
И грѣшное цѣло наша придзѣваци,
И 'тъ цёмныя ночи привукраваци,
И хлѣба-соли постановляци?»
А рячець жа Сусъ Христосъ, царь
нябесный,
Проглаголивъ самъ Сусъ Христосъ,
Ёнъ царю нябесный:
«Ай нищія, убогія, моё брація,
Ай нищія, убогія, рабъ—калѣки!
Вы ня тужиця, не плачьця, не ры-
дайця,
Вы горючихъ вы слёзъ не проливайця:
Не ядзиныхъ я васъ спокидаю,
Не ядзиныхъ на дозоръ отставляю:
Покидаю я васъ съ святымъ духомъ,
Съ святымъ духомъ, съ святымъ Яномъ,
Съ святымъ Яномъ Благославомъ.
А дарўю [1]) вамъ горў золотую,
А дарую вамъ казну даровую,—
Вы промижъ сябе подзѣльця:
Тò й вашимъ душамъ на пропитаньня,
И грѣшному цѣлу на придзѣваньня,
И 'тъ цёмныя ночи на привукраваньня!...»
Якъ заслышавъ Яня Благослава,
Што зрячець самъ Сусъ Христосъ,
Што спрозглаголець царь нябесный,—
Проглаголивавъ святый Яня,
Святый Яня Благослава:
«А Сусъ Христосъ, царь нябесный!
А неправедны суды сўдзиця:
Не даруй жа имъ горы̀ золотыя,
Не даруй жа имъ казны дорогія:
Имъ тою горою не ўладзѣци,
Промижда собою не раздзѣляци!
Да й на тую горў золотую,
Да й на тую казну дорогую,
Понародзютца князи, ўсё и бояры,
Понародзютца попы-патріархвы;
Яны тую гору отбяруци,—
Да будуць жа ихъ души погублёныя,
И много крыви попролитыя;
Будуць 'ны голодныя й холодны,
Будуць яны корявыя и дзирявыя!
А даруй жа Господзь Богъ благосло-
вленьня имъ,
Благословленьня имъ, наставленьня
имъ:
А ў лѣвую руцу дай имъ жезло,
А ў правую руцу золотый хрестъ,

1) Вар. Опишу вамъ гору золотую.

А пускай по народу православному, [2])
А пускай по пароду хрисціяньскому:
А нярушъ яны у міръ божій ходзюць,
А нехай яны за міръ Бога молюць:
Да будуць жа ихъ души пропитаныя,
И грѣшное цѣло приводзѣтое,
Ды й отъ цёмныя ночи привокрытое!
Хто твою брацію будзець зберегаци,
Ды ў свой жа ихъ домъ принимаци,
Ды й грѣшное цѣло придзѣваци,
Ды й отъ цёмныя ночи прiўкрываци,
И хлѣба и соли пристановляци,
И ў пуци и ў дорози имъ покажець,—
Ды даруй жа имъ царства нябеснаго,
Даруй имъ раю правосвѣтлаго.
Хто жъ твою брацію будзець гордуваци,
И плюваць на ихъ и харкаци,
Да й своѐ жъ то вороци запираци,
Да ў чужія домы на ночь отсалаци,—
Да даруй жа тому пекло неўгасимое, [3])
Да даруй жа тому смолу неўтолимую!» [4])
Проглаголивавъ самъ Сусъ Христосъ,
Проглаголивавъ царь нябесный,
На святого Йвана Благослава:
«Ай Яня, Яня Благослава!
Да дарую табѣ вусты золотыя,
За твоé суды правядныя,
Што умѣешъ суды разсуждаци;
За твою за добрую за пораду,
Што ты мнѣ ураивъ добрую раду,
Якъ съ своёю брацiей суладзѣци,
Престолъ жа твой освящающи,
А цябе, Яна Благослава Златовуста умоляющи,
А мяне, Суса Христа прославляющи!..»
И славимъ цябе, Хрисце Божа нашъ.

Мстисл. у.

Ср. Безсон. 1, 1-7, вел. Вар. 59—66. Демб. 11.

42. Грѣшница.

Якъ изъ рая ды ўсё у рай
Ўсё Ирдань рѣка цякéць;
Якъ по той ды по рѣкѣ
Ширъ корабель плывець.
А ў тымъ корабли святыи анелы,
Святыи апостолы.
На сустрѣчу имъ
Самъ Исусъ Христосъ:
«Святыи анелы моé,
Святыи апостолы:
Дзѣ вы гуляли, погуливали,
Што вы видали, што слыхали,
Што прослышивали?»
—О Исусъ Христосъ, царь нябесный!
Мы ничóго ня видзили, ня слышили;
Тольки видзили и слышили,
Што душа зъ бѣлымъ цѣломъ разставалася.
Разстававшися душа, не просьцилася,
Отыйшовши душа, спохвацилася:
«Просьци, просьци, тѣло бѣлое моё,
Просьци, просьци, тѣло грѣшное моё!
Табѣ жъ, цѣлу, йци ў сырую зямлю,
У жовтовыи пяски, ў гробовыи дошкѝ;
А мнѣ жъ, души, йци
Къ самомý Христу на спокаяньня.
Буду каитца, да ня 'ткаюся,
Буду мучитца, да ня 'тмучуся.
Охъ и мнѣ судзьдзя самъ Исусъ Христосъ—
Царь нябесный нашъ.

---

1) Отпиши жъ ты имъ міръ православный. 2) Огонь вѣшный. 3) Смолу злокипущую.

А я жъ, душа, Богу сőгрѣшила:
Ни сярёды, ни пяцинки я ня 'тпащивала,
До цэркви божей я не хадживала,
Стойновъ за грахи я ня 'тстаивала,
Низкихъ поклоновъ я ня 'тклапивала,—
Я и ў тыхъ грѣхахъ я не каилася,
Я и ў тыхъ грѣхахъ не сповѣдывалась!..
Еще жъ я, душа, Богу сőгрѣшила:
Во чревѣ дзѣцей я замаривала,—
У етыхъ грѣхахъ я не каилася,
У етыхъ грѣхахъ не сповѣдалася.
Еще жъ я, душа, Богу сőгрѣшила:
Рендаркой, душа, я ўсё бывывала,
У водку водзицу ўсё подливывала;
На игры я, душа, часто хадживала;
Скачки я, пляски, не оставливала;
Законы господни разлучивала,—
У етыхъ грѣхахъ я не каилася,
У етыхъ грѣхахъ не сповѣдывалась.
Еще жъ я, душа, Богу сőгрѣшила:
Отъ трёхсотъ до семдзесятъ душъ я замаривала,
Свячу господню я угашивала,
Пчалиныи толоки я игрывала,
Прочай пчалы мёдъ я отбирывала,—
У етыхъ грѣхахъ я не каилася,
У етыхъ грѣхахъ я не сповѣдалася.
Еще жъ я, душа, Богу сőгрѣшила:
Заломы во хлѣби я заламывала,
Спорину съ хлѣба я выбирывала,
Міръ православный я обиджвала,—
Я у тыхъ грѣхахъ не каилася,
Я у тыхъ грѣхахъ не сповѣдалася.
Еще жъ я, душа, Богу, сőгрѣшила:
Мéжи у нивахъ я суворовала,
На покоси прочіе покосы я закашивала;
Колушакъ за колушакъ затаркивала,
И коровушакъ бурёнушакъ заманивала,
Сладкое молочко я отбирывала,
Подъ горькую осину подливывала,
И міръ православный обиджвала,—
И ў тыхъ я грѣхахъ не каилася,
И ў тыхъ я грѣхахъ не сповѣдывалась.
Охъ, и мнѣ судьдзя самъ Исусъ Христосъ,
Еще мнѣ судьдзя свѣтъ Илья-пророкъ,
Еще жъ мнѣ судьдзя Михайла-арханелъ.
«Не судзиця жъ вы суды поправедному,
А судзиця суды покриведному:
Возьмиця ў мяне злато-серебро,
Возьмиця ў мяне чисты женьчуги!..»
Охъ, гласомъ гласиць самъ Исусъ Христосъ,
Еще гласиць свѣтъ Илья-пророкъ,
Ещѐ жъ гласиць Михайла-арханелъ:
«А мы судьдзи, судьдзи праведныи,
А мы судьдзи неподкупныи:
Не надо намъ твоѐ злато-серебро,
Не надо намъ чистаго женьчуга,
А надо намъ правды вѣрной, правды пѣвной!
Пройдзѣшъ ты, душа, скрозь три тарары,
Скрозь приисподню зямлю,
И будзь ты душа, зныня проклята
И на вѣки вякőмъ, аминъ!»

Козьянск. вол. город. у. вит. губ. Ср. Шейна № 721, Варенц. стр. 144 и 236, Кир. 24, 47.

43. Грѣшникъ.

А ўзышовъ Михаилъ
На Сіянскую гору.
А забачывъ молодзецъ
Чаразъ вòгнянну ракỳ,
Чаразъ вогнянну раку,
Скрозь кипучаю смолу: [1])
«Михайла-архайла,
Судьдзя правядныя,
Перавядзи ты мяне
Чаразъ вогнянну ракỳ,
Чаразъ вòгнянну ракỳ,
А кипучаю смолу!» [2])
—Охъ ты, добрый молодзецъ,
Мало на свѣци пожывъ, (2)
Много Богу награшивъ:
Проповѣдувай грахи [3])
Уси тайныя своѐ!
—«Михайла-архайла,
Судьдзя правядныя,—
Я не знаю ничаго,
Не сповѣдую [4]) граховъ,
Своихъ тайныхъ усихъ!
Перавядзи жъ ты мяне
Чаразъ вогнянну раку» и т. д.
—Охъ ты, добрый молодзецъ,
Мало на свѣци пожывъ, (2)
Много Богу награшивъ:
Ты не знаешъ ничагó—
Ходзѝ ўслѣдъ за мной:
Переваду я цябе
Чаразъ вòгнянну ракỳ,
Чаразъ вогнянну ракỳ,
Скрозь кипучаю смолу!
Молодзецъ разъ уступивъ—
По заборсни [5]) ускочывъ,
По заборсни у водỳ,
А ў кипучаю смолу...
«Михайла-архайла,
Судьдзя правядныя,
Перавядзи жъ ты мяне
Чаразъ вогнянну ракỳ,
Чаразъ вогнянну ракỳ,
А кипучаю смолу!»
—А ты, добрый молодзецъ,
Мало на свѣци пожывъ, (2)
Много Богу награшивъ:
Проповѣдувай грахи
Уси тайныя своѐ!
—«Михайла-архайла,
Судьдзя правядныя,—
Я не знаю ничагó,
Не сповѣдую граховъ,
Не сповѣдую граховъ,
Своихъ тайныхъ усихъ!»
—Ахъ ты, добрый молодзецъ,
Мало на свѣци пожывъ, (2)
Много Богу награшивъ:
Ты не знаешъ ничаго—
Ходзи ўслѣдъ за мной:
Перавяду я цябе
Скрозь огнянàю раку, (2)
Скрозь кипучаю смолу!
Ёнъ другій разъ уступивъ—
По колѣны ускочывъ,
По колѣны у водỳ,
А ў кипỳчаю смолу...
«Михайла-архайла,
Судьдзя правядныя,

1) Вар. Ахъ, и живъ человѣкъ усё на вольномъ свѣцп. Пришло уремя умирацъ, перадъ Богомъ души стацъ. Нужно Богу отвѣтъ дацъ. 2) Пламянь—вогнянну ряку, за кипучую смолу. 3) Ци спокаесься грѣхомъ своимъ тайнымъ усимъ. 4) Не спокаюся грѣхомъ и т. д. 5) По косточки.

Перавядзи жъ ты мяне
Скрозь огняннаю ракў, (2)
Скрозь кипучаю смолу!»
—А ты, добрый молодзецъ,
Мало на свѣци поживъ, (2)
Много Богу награшивъ:
Проповѣдувай грахи
Уси тайныя своѐ!
—«Михайла-архайла,
Судьдзя правядный—
Я не знаю ничаго,
Не сповѣдую граховъ, (2)
Своихъ тайныхъ усихъ!»
—Ахъ ты, добрый молодзецъ,
Мало на свѣци поживъ, (2)
Много Богу награшивъ:
Ты не знаешъ ничаго—
Ходзи ўслѣдъ за мной:
Перавяду я цябе
Скрозь вогняннаю раку, (2)
Скрозь кипучаю смолу!
Ёнъ третьцій разъ уступивъ—
А по повясъ ускочывъ,
А по повясъ у водў,
А ў кипучаю смолу...
«Михайла-архайла,
Судьдзя правядныя,
Перавядзи жъ ты мяне» и т. д.
—А ты, добрый молодзецъ, и т. д.
Проповѣдувай грахи
Свое тайныя уси!
«Михайла-архайла,
Судьдзя правядныя,—
Я не знаю ничаго» и т. д.
—Ахъ ты, добрый молодзецъ, и т. д.
Ты не знаешъ ничаго—
Ходзи ўслѣдъ за мной:
Перавяду я цябе и т. д.

Чацьвёртый разъ уступивъ—
Ёнъ по пахи ускочывъ и т. д.
«Михайла-архайла, и т. д.
Перавядзи жъ ты мяне» и т. д.
—А ты, добрый молодзецъ, и т. д.
Проповѣдувай грахи
Твоѐ тайныя уси!
—«Михайла-архайла,
Судьдзя правядныя,
Я не знаю ничаго» и т. д.
—Ахъ ты, добрый молодзецъ, и т. д.
Ты не знаешъ ничаго—
Ходзи ўслѣдъ за мной!
Ёнъ пятый разъ уступивъ,
А по шію ускочывъ,
А по шію у водў,
У кипучаю смолу.
«Михайла-архайла, и т. д.
Перавядзи жъ ты мяне» и т. д.
—А ты, добрый молодзецъ, и т. д.
Проповѣдувай грахи
Своѐ тайныя уси!
—«Михайла-архайла,
Судьдзя правядный,
Я не знаю ничагò» и т. д.
—Ахъ ты, добрый молодзецъ, и т. д.
Ты не знаешъ ничаго—
Идзи ўслѣдъ за мной!
Ёнъ шастый разъ уступивъ—
И съ шапочкой ускочывъ, [1])
И съ шапочкой у водў,
У кипучаю смолу.
«Михайла-архайла,
Судьдзя правядный,
Перавядзи жъ ты мяне» и т. д.
—А ты, добрый молодзецъ,
Мало на свѣци поживъ, (2)
Много Богу награшивъ:

1) Вар. дыкъ и шляпа пуплыла доль по вогнянн. рацѣ, по кипучай по смолѣ.

Проповѣдувай грахи
Своѣ тайныя уси!
—«Михайла-архайла,
Судьдзя правядныiі,—
А сповѣдую грахи
Своѣ тайныя уси!
Я жъ нямного ў свѣци живъ,
Много Богу сыграшивъ,—
Ўси законы приступивъ:
Охъ, и первый жа грѣхъ—
Отца й маци [1]) ослязивъ.»
—Охъ ты, добрый молодзецъ,
Мало на свѣци поживъ (2)
Много Богу сограшивъ!
«А другій жа грѣхъ—
Я вянецъ разрушивъ,
Жану зъ мужамъ разлучывъ! [2])»
—Охъ ты, добрый молодзецъ, и т. д.
«А третьцій жа грѣхъ—
Я съ кумою ўкучи живъ!» [3])
—Охъ ты, добрый молодзецъ, и т. д.
«А чацьвёртый грѣхъ—
Брата, сястру оббранивъ!» [4])
—Охъ ты, добрый молодзецъ, и т. д.
—«А пятый жа грѣхъ—
Старыхъ людзей раздражнвъ!» [5])
—Охъ ты, добрый молодзецъ, и т. д.
—«А шостый грѣхъ:
Я по полю ходзивъ, (2)
Заломы заломавъ, (2)
Съ хлѣба споръ вынимавъ!»
—Охъ ты, добрый молодзецъ, и т. д.
«А сёмый грѣхъ—
А я пчолъ выдзиравъ!» [6])
—Охъ ты, добрый молодзецъ, и т. д.
«А восьмый грѣхъ—
Ў коровъ молоки отбиравъ,
Молоко водой разбавлявъ!» [7])
—Охъ ты, добрый молодзецъ, и т. д.
«А дзевятый грѣхъ—
Я й дзицятка загубивъ, (2) [8])
Я й у воду убросивъ!»
—Охъ ты, добрый молодзецъ,
Мало на свѣци поживъ, (2)
Много Богу награшивъ, (2)
Ходзи ўслѣдъ за мной:
Перавяду я цябе
Скрозь вогнянпаю ракў, (2)
Скрозь кипучаю смолу!..
Ёнъ сёмый разъ уступивъ—
Зъ головою ускочывъ, (2)
И шапочка поплыла.
Ёнъ три разы узнырнувъ,
Уси грахи объяснивъ.
—А быць табѣ, молодзецъ,
Тутъ и вѣкъ вѣковаць,
У вогнянной рацѣ,
У кипучай смолѣ!.. [9])

С. Нѣжково, мог. у.

44. Коли жъ ба я знавъ, коли жъ ба я вѣдавъ свой послѣднiй судный день,
То бъ я своё грѣшное тѣло а постами бъ припостивъ,

Вар. 1) Побранивъ. 2) Брата съ сястрой разслязивъ. 3) Отъ роду—племени отрекся, чаровствомъ занимавсь. 4) Много людзей погубивъ. 5) Спорину у хлѣби 'тбиравъ. 6) Я молоки й отбиравъ. 7) Вогнёмъ людзей зажигавъ. 8) Мужа зъ жаной разлучивъ. А дзесятый грѣхъ—я й вянецъ разлучивъ! 9) Ахъ ты ,грѣшная душа, беззаконная душа, було у свѣцн больше жиць, меньше Богу сыгряшиць! Покаятца було усё на волномъ свѣцп, сповѣдатца було на духовномъ суду, призпаватца було усё священникамъ!.. Алилуя, алилуя, славимъ цябе, Хрисце Божа нашъ!

Мстисл. у.

То бъ я свою грѣшную душу̀ молитвами примоливъ.
Узыйшовъ ба я на Сыяньскую гору̀, и завидѣвъ ба я, и забачивъ ба я
Проти сонца на востокъ, гдѣ Христовъ прастолъ стоить.
А стоить прастолъ Христовъ на свѣтъ божжихъ воблака̀хъ;
А стоить Господь Богъ, а стоить Сусъ Христосъ, на свѣтъ божжихъ воздуха̀хъ.
И што жъ речеть Господь Богъ, што глаголя царъ нябесный, на янгаловъ на святыхъ:
«Вы янгалы—архангалы, узыйдитя на Сыяньскую гору̀,
И вострубитя ў сямигласную трубу, побудитя усихъ мяртвыхъ отъ гробовъ!»
«Уставайтя вы, мэршія души, правядныя, грѣшныя, уставайтя отъ гробовъ!
Становитеся, правядныя души, вы по правой по руцѣ,
А ўсё грѣшныя, недостойныя, усё по лѣвой сторонѣ;
Сойдя самъ Господь, самъ Исусъ Христосъ, зъ янгалами судъ судить!»
Заро̀били правядныя души привукрасный сабѣ, привосвѣтлый рай,
А грѣшныя души, недостойныя, ўсё пякелный вѣшный вадъ.
Закатилося ясное сонца за Сыяньскую гору̀,
Провалилася глыбокая яма подъ Сыяньскую гору̀,
И я тую глыбокую яму горой яѐ закачу̀,
Ўсё травою муравою кругомъ яѐ обкладу.
Славенъ жа Господь Богъ нашъ, свѣтъ, прославився,
И вяликое яго имѐнія, свѣтъ господнее!
Славимъ тябе, Христе Божа нашъ!

С. Кошелево, рогач. у. Также гом. у. и чериковскій. Ср. Безсон. 5, 167.

45. Плачамся мы, узрыдаямся,
На свою смерць усё спомышляемся...
Коли прідзець уремья послѣднее,
Тоды земля спотрясѐтца,
Тоды Михайла архангалъ
На Сыяньскую гору̀ узо̀йдзець,
У сямигласную трубу затрубиць,
И ўсихъ мэршихъ су гробовъ повозбудзиць.
Уси мэршія повостануць,
На страшный судъ уси пойдуць,
Къ самому̀ Богу, Сусу Христу.
И што жъ рячѐць Господзь Богъ,
Што глаголя царь нябесный,
На правядныя души:
«Што вы, моѐ ду̀ши, Христа любимыя,
Вы жъ мою волю сотворили,
Вы жъ за хрестъ, молитвы стояли,
И молилися Богу со трудами,
Со горючими со слезами,
Сабѣ царство нябесное уготова̀ли!»
Што жъ рячѐць Господзь Богъ,
Што глаголя царь нябесный,
На прегрѣшнія души:
«Пречь пойдзиця, прегряшнэя!
Отступиця, проклятэя!
И вы моѐ воли не творили,
И за хрестъ, молитвы не стояли,
Сабѣ царствія нябеснаго ня ўготовали.
Уготовляно вамъ ёсь пекло неўгасимое,
И ўсё вамъ, души прегряшнэя.
Усё вамъ, души проклятэя,

Усё тэя пропасьци землянэя!
Я й самъ за васъ муку принимавъ,
И зъ рукъ и зъ ногъ кровъ проливавъ,
—Усё вашай души радзи спасэнія...»

М. Молостовка, черик. у. Ср. Безсон. 5, 65—102.

46. Якъ прійдзець послѣдній часъ,
Вода, земля потрясѐтца, [уремя,
Бѣло каменьня распадзѐтца,
Алтары—прястолы разрушо́тца,
Сонца и мѣсяцъ примѐркнець,
Мелки звѣзды на землю спадуць,
И небо у трубы повьѐтца;
Тоды насъ нико́го ня будзець.
Процячѐць тамъ рѣка огненная,
И пожрѐць усю тварь земляную.
Тоды анелы-арханелы зъ неба сойдуць,
Алтары-прястолы споставляюць;
Михайла-арханелъ у трубу затрубиць,
Живыхъ и мѐртвыхъ пробудзиць,
На страшный судъ поставиць:
Правядныхъ поставиць по правицы,
Грѣшниковъ поставиць по лявицы.
Ой пройшовъ самъ Христосъ сярёдкой,
Узглянувъ Христосъ на правицу,
О свѣтъ Христосъ взвесялився:
«Идзиця вы, моѐ христолюбимцы!
Вы мою волю творили,
За хрестъ, за молитву стояли,
Наслѣдничковъ моихъ вы любили,
И у домъ свой принимали,
Отъ цёмной ночи ухраняли!
Дли васъ рай прасвѣтлый расчинёный,
Огонь-пекло позамкнёны!»
Ой ўзглянувъ Христосъ на лявицу,—
О свѣтъ Христосъ сосмуцився,
Безъ малаго слезамъ не залився:
«Вы прочь пошли, проклятыи,
У тыи пящеры огняныи,—
Вы моёй воли не творили,
За хрестъ, за молитву не стояли,
Наслѣдничковъ моихъ не любили,
У свой домъ не принимали,
Отъ цёмной ночи не ўхраняли,
И милосьцину имъ не создали,
И дорожки имъ не ўказали.
Дли васъ огни горяць неўгасимыи,
Черви сипяць неўсыпучіи.
И зныня и до вѣку
Вамъ тамъ и быць...»

Городокскій у. вит. губ. Ср. Дембов. № 4. Мною встрѣченъ и въ рогачевскомъ у. могил. губ.

47. Ой плачемъ, плачемъ, узрыдаемъ,
На бязсмертный часъ спомышляемъ.
Ой якъ придзець часъ и ўремъя,
Тогда мацъ-земля потрясѐтца,
Бѣлое каменья распадзѐтца,
Царьковныя двери растворя́тца,
Престолы-завѣсы разруша́тца,
И дробныя звѣзды поскацятца,
Сонца, мѣсяцъ примяркнѐтца,
Михайля-архайля ў сямигласныя трубы затрубиць,
А ўсихъ мэршихъ гласомъ позбудзиць:
Станьця вы, устаньця, моѐ христолюбенцы,—
Готово вамъ царство нябесное!
А ты, грѣшники, отъ раю отступицесь,
Да ў пропасьци йдзиця земляныя:
Будуць вамъ морозы ўсё й лютыя,
Горяць вамъ огни неўгасимыя,

Кипиць вамъ смола неўтолимая!
Якъ расплачутца грѣшныя со слезами,
Падуць къ Христу Богу предъ ногами:
«Охъ, Божа нашъ, Божа, царь нябесный!
За што насъ отъ раю отсылаешъ?»
—За то васъ отъ раю отсылаю,
Што бацекъ-матокъ ня слушàли.
За хрестъ-молитву не стояли,
Зéмныхъ поклоновъ ня ўклоняли,
Ярыя свѣчи не ставляли,
Нищу брацію не ўдаряли,
Отъ цёмныя ночки ня ўкрывали,
Голаго-нáгаго ня приʼдзѣвали,
Бязумному пуци не указали,—
Процячець вамъ рѣчка огнянáя,
Пожрець ўсюю тварь землянуюǃ..
Якъ пóйдуць грѣшныя души
Коло ʻгнянып ряки,
Яны слезня-горько плачучи,
Слезня-горько рыдаючи,
Своихъ бацекъ-матокъ проклинаючи:
«Богдай нашимъ бацькамъ-маткамъ
Етко пекло, якъ намъ,
Што яны насъ маленькахъ не навучáли,
До божія церькви ня посылали,
Божія молитвы не навучали!»
Якъ пойдуць праведныя коло царьства,
Алилую ўсьпѣваючи,
И бацекъ и матокъ усхваляючи:
«Богдай нашимъ бацькамъ-маткамъ
Етко царьство, якъ намъ,
Што яны насъ маленькахъ наўчали,
До божія церьквы посылали,
Божіихъ молитовъ навучали!»
Славимъ цябе Маци, Хрисце Божа нашъ!

Город. вол. чаусск. у. Жалобный. Ср. Безсон. 5, 65—102.

48. Якъ прійдзець намъ урема опослѣдняя,
Небо й земля потрасéтца,
Бѣлый камень распадзетца,
Частыя звѣзды зъ неба спадуць.
Прóйдзець промежду насъ рака̀ огнянная,
Тогда Господзь снидзець судзьёю,
Будзець насъ усихъ судзиць.
Тогда Господзь возглаголець по дзѣламъ нашимъ.
Правядникамъ Господзь провозглаголець:
«Идзиця вы, моѐ христолюбимыя,—
Достойно вамъ царство нябесное!»
Грѣшникамъ Господзь возглаголець:
«Идзиця вы прочь, проклятэя,
И будзець вамъ мука огнянная,
И пропась земляная!»
Якъ расплачутца грѣшныя со слезами, силно плачуць:
«Христосъ, царь нябесный,
За што насъ, рабы, прочь отгоняешъ?»
Отвѣщаець Господзь, царь нябесный,
Грѣшнымъ душамъ, беззаконнымъ рабамъ:
«Во за то, рабы, васъ прочь отгоняю—
Вы постовъ, молитвовъ ня здзержали,
Отцовъ и мáцеровъ не поважали,
И ўсеношныя, завутрани просыпали,
Къ церквамъ божимъ не ходзили,
Ярыхъ свячей не привоносили,
Низкихъ поклоновъ не ўклоняли,
За крестъ, за молитву ня ʻбстояли,
Къ сповядзи вы божай не ходзили,
Тайнами своими грахами ня каялись,
Славныя вячерни у карты пройграли,

Позныя обѣдни у кабакѣ прогуляли;
Во за то васъ, рабы, прочь отгоняю....,
Идзиця вы прочь, проклятэя,
Да опяць вамъ пропасьци землянэя!
Уготовлена для васъ огнь няўгасимая
И смола няўтолимая...»
Восплачутца грѣшныя со слезами:
«Што ня будзець милосьци возъ нами!..»
Славимъ, цябе Хрисце Божа, и Тройцу славимую!

М. Дубровна, гор. у.

49. Якъ придзя ўремя намъ припослѣднее,
Будзя грѣшнымъ нашимъ душамъ разсуждэніе,
А праведнымъ душамъ воскресэніе,
Спрадвѣщая самъ Сусъ Христосъ многогрѣшнымъ душамъ:
«А грѣшныя, беззаконныя рабы!
Якъ живали вы, бывали, ўсё на волномъ свѣци,
Пили й ѣли, сами уцѣшавались,
А й цѣлища своё узрочивали,
На свою душу гряховъ много вы наключивали,
Ки божимъ царквамъ вы не хаджували,
Со жаланіемъ Христу Богу не маливались.
И Богу просвиръ не признашивали;
Земляныхъ поклоновъ не укланивались,
Своихъ тайныхъ граховъ не довались,
Ядыпа прачиста Христова тѣла ня принимали.
Ничого вы предъ собою а ня звѣдовали:
Ня мѣли вы предъ собою ни серады, ни пятницы,
Ни того свѣтлаго Христова воскресэнія,
Ни честныхъ годовыхъ праздниковъ не шановали...»
А хто жъ ба насъ, братьця,
Соплоцивъ насъ ко Христу?
Соплоцивъ насъ ко Христу свѣтъ Михайла,
Свѣтъ арханелъ, судьдзя праведный.
А хто жъ бы насъ, братьця,
Сослышавъ страху Христа?
Сослышавъ насъ страху Христа
Свѣтъ Ильля пророкъ:
Усходзивъ ба ёнъ на Сіяньску гору,
Ёнъ тую пору. усходзивъ—превобразився ко Христу;
Показавъ ба ёнъ, свѣтъ, съ чаго мука и рай.
Што тацёмъ, што вордмъ, ўсё разбойничкамъ,
Кривятницамъ, вѣрятницамъ, душагубникамъ,
А пъяницамъ, яко блудницамъ,—
А ўготовлено мѣсто ўсё различено.
А сойдзёць свѣтъ Михайла,
Свѣтъ арханелъ, на Сіяньску гору,
Затрубиць у триогласную трубу,
Поўзбудзиць и живыхъ и мяртвыхъ.
И зъ гробовъ уси мяртвыя повостануць.
Тоды праведныя души стануць по правой руцѣ,
А грѣшныя души по лѣвой р
А ще будзя по нябеському по яго:
Процячець вогнянна рѣка,
А зъ востоку сонца до западу,
Плёменъ пыша зъ зямли до небеса.

«Светъ Михайла, светъ архангелъ,
Судьдзя праведный,
Перевядзи жъ ты насъ
Терезъ огняину ряку къ привукрасному раю!»
Светъ Михайла, светъ архангелъ,
Судьдзя праведный отказуя:
«Идзиця вы, праведныя души,
Терезъ вогняину ряку къ праведному раю!»
А ще праведны идуць терезъ вогнянну ряку,
Идуць яны якъ ба й по суху,
Якъ ба й по суху,якъ ба й по мосту:
Ня 'гонь ихъ, ни полымъ,
Ни жаромъ не поднимаваець.
Идучи сабе пяюць ўсё по книжаньски,
Пяюць яны ўсё по янгельскому,
Гласы гласяць по архангельскому,
И пяюць сцихи хуруимськія.
А глeдзючи на мeсто, ўсё на рай божій,
Надзeютца на Спаса, на прячистую,
На матарь божію, Бугуродзицу.
Райськія вороты расчиняютца,
Пякелныя зачиняютца,
Бяруць ихъ за ручачки за правыя
И ўводзюць у царство у нябесное.
А грeшныя беззаконныя рабы
Засталися за рякою ўсё за вогнянной,
Сидзяць яны на бережку круценькомъ,
Надъ вогнянной рякой,
Якъ цёмный лeсъ, якъ хморюшка, захмурёвшись,
И якъ матарь земля занямёвшися.
Гласы своими узываюць,
Волосы своѐ въ огняину ряку кида-
Якъ завидзюць жа грeшныя [юць.
Светъ Михайла-судьдзю,
Скричаць, звопяць своимъ громкимъ гласо̀мъ:
«Ай гой яси, светъ Михайла-судьдзя,
А гой яси, светъ нябесный судьдзя:
Бяри ты у насъ ўсё злато, ўсё сребро,
Дорогое наша содзеянія,
Бяри ўсё житьцё наша и ўсё богачество,—
Перевядзи ты насъ терезъ вогнянну ряку,
Пускай насъ кы царству нябесному!»
А што зрячёць светъ Михайла судьдзя,
Што зрячёць светъ нябесный судьдзя:
«Тутъ не рады ни злату вашаму, ни сребру,
Ни дорогому вашаму содзеянью,
Ни житьцю вашаму, ни бытьцю,
Ни именью, ни богачеству,
А тутъ рады—чимъ душу̀ спасциць,
А тутъ рады—чимъ у рай увойциць:
Душу спасциць сы постами—зъ молитвами,
А ў рай войциць святой милосьциной.
А и тутъ суды ненакупленныя,
А и тутъ суды ненасуленныя,—
Тутъ суды Бога праведнаго.
А што ў васъ, грeшныя, беззаконныя рабы,
Были суды ўсё неправедныя,
Судзили суды не по праведному:
Праведнаго человeка звинова̀чивали,
А неправеднаго становили за праваго.
Брали казну ўсё нясчисленную,
Брали казну ўсё нязмѐчаную,
И клали казну у сырую мацъ зямлю,
Кладучи казну, ожидали суду страшнаго:
Казна, казна, ўсё нясчисленная,
Казна, казна, ўсё нязмeчаная.

Ци будзешъ ты, казна, на хторымъ
страшномъ судзѣ?
А грѣшнику человѣку стрѣча первая—
А ўсё черви няўсыпущія,
А и тымъ судьдзямъ ўсё неправед-
нымъ!
А грѣшныя, беззаконныя рабы,—
Сами вы мижъ сбе тутъ не разсу-
дзицесь,—
Грядзиця, грѣшныя, а ўнизъ вогнян-
ной ряки,
И шукайця сабѣ броду мелкаго
Броду мелкаго, пеpяходу частаго,
И майця сабѣ перебрадживаньня!..»
Якъ расплачутца, разрыдаютца грѣш-
ныя,
Перядъ вогнянной рякой стоючи:
Обрываючи на сабѣ цѣло грѣшное,
Обрываючи на сабѣ власы цёмныя,
И бросаючи объ сыру мацъ зямлю,
Отца свойго, мацеру, споминаючи;
Не такъ яны споминаючи,
Большѣй того проклинаючи:
«Богдай яны етыя муки не проми-
нували,
На што насъ малыхъ понара́джували,
Чаму насъ малёшанькихъ не навуча-
вали,
Часцёшанько розочкой ня сцёбавали,
Ки божимъ царквамъ не прозва́джу-
вали,
Божихъ молитовъ не выслышавали,
Земляныхъ поклоновъ не уклада-
вали?...
Хоця жъ ба мы не нарадживались;
Хоця жъ ба мы народзились—
Чаму мы маленькія ня вымерли?
Ня мѣли бъ мы передъ собою грозы
божія,
Не царпѣли бъ предъ собою муки
горькія!..»
Старымъ людзёмъ на споминъ даёмъ,
А молодымъ людзёмъ на памяць кла-
дзёмъ. Алилуя.

С. Мхиничи, чер. у. Поется и въ м. Руднѣ, орш. у. почти дословно. Ср. Безсон. 5, 232.

50. Якъ живъ сабѣ, проживавъ чаловѣкъ уво свѣци,
Ня мѣвъ ёнъ сабѣ чимъ душу спасциць свою.
А спасцици душу сы постами, сы зъ молитвами,
А ў рай пойци съ третьція милосьцины.
Святый Михайла-судьдзя праведная,
Показавъ ёнъ свой ликъ, показавъ чудный,
Показавъ муку вѣшную чаровникамъ и блудницамъ, душагубникамъ,
Которыя на симъ свѣци ў тьвяту жито заламливали,
Которыя на симъ свѣци чаловѣка ў лицѣ змѣнивали,
Которыя на симъ свѣци у коровъ молоко отбиравали,
Которыя на симъ свѣци у чреви младзенца проклинували,
Которыя на симъ свѣци ў божай церкви золотыя вянцы разлучивали.
Становивъ Господзь правядниковъ усё й по правой руцѣ,
А грѣшниковъ становивъ усё й по лѣвой руцѣ.

Возгласивъ Господзь усё правяднымъ душамъ:
«Идзиця вы, правядныя души, ўдоль по 'гнянной рацѣ!
Якъ ишли и пройшли правядныя души ўдоль по 'гнянной рацѣ,
Ўдоль по 'гнянной рацѣ, якъ бы пб мосту.
Пѣли яны спихи харуимськія, узгласили яны гласы по евангальскому,
А ўходзили ў божая царство со ўсёю радосцью.
А грѣшныя души позастались, беззаконныя рабы позаплакались.
Якъ гукнуць, кликнуць святъ Михайлу судьдзю:
Святъ Михайла архангелъ, судьдзя праведная!
Отбяри ты отъ насъ злато й серабро, альбо слишное содзѣяніе,
Перавядзи насъ скрозь раку, раку огняную,
Предъ суботу, предъ суботушку.
Возгласивъ Господзь усё грѣшникамъ:
Идзиця вы, грѣшныя души, ўсё сами собой:
Якъ вы жили, проживали ўсё й на вольнымъ свѣци,
А судзили вы суды не по правядному,
А брали жъ вы злато-серабро не по 'мѣранному,
А клали злато-серабро—ў сыру мацъ зямлю (2), хлѣбородливую,
Становили грѣшника ўсё й за праведника,
А праведнаго становили ўсё за грѣшнаго.
Идзиця, беззаконныя рабы сами собою,
Ищиця вы сабѣ броду мелкаго,
Альбо броду мелкаго, перaступу узкаго!
Якъ пошли яны, грѣшныя души,
Не нашли яны сабѣ броду мелкаго,
А ни броду мелкаго, ни перaступу узкаго.
Якъ пошли яны ўдоль по 'гнянной рацѣ,
Удоль по 'гнянной рацѣ, предъ суботушки,—
А яны своё грѣшное цѣло обрываюць,
А ў вогнянную раку ўсё й бросаючи,
Отцѐвъ своихъ и мацерь проклинаючи:
Богдай наши отцы й мацери
Гэтаго пекла ня проминули,
Кабъ ихъ за нами ўслѣдъ поўкидавали,
Чаму яны насъ малыхъ дзяцей ня навучали,
До божжихъ царквей ня посылали,
Божжія молитвы ня навучали!..
А славенъ нашъ Богъ да й прославився,
А вялико яго имене!..

Пугляевск. в. гор. у.

51. Коли придя урэмъя послѣдняя,
Грѣшнымъ душамъ разсуждэнія,
Правяднымъ душамъ рай-спасэнія,—
Отъ востокъ сонца-мѣсяца до захода,
Протяче тамъ ракà вогнянная.
За той за ракою за вогняною,
По той сторонѣ, по правой руцѣ,
Тамъ стоить архистрáтиль Михаилъ,
Тамя сядить судьдя правядный,
Исъ своими дванатцатями апостолами,
Параводя тыя души чаразъ раку вогнянную,
Поближай къ свойму нябесному царствію.
«Приступитеся ви, христолюбимія моѐ,
Икъ мойму нябесному царствію:
Приготовляно вамъ царствіе нябесное
И ризы няўзносимія.
А ви пошли прэчъ, многогрѣшная рабà,
Отъ мойго отъ нябеснаго царствія:
Горать вамъ огни няўгасимыя,
Кипить вамъ смола няўтолимая!»
Якъ расплачатца грѣшныя души,
Разрыдаятца многогрѣшная рабá:
«Увидь, увидь, архистратиль Михаилъ,
Услышъ, услышъ, судьдя правядный:
Почаму насъ прэчъ отсылаяши
Отъ свойго нябеснаго царствія,
Хиба жъ ми были у Бога души няхристіяньскія?»
А што возраче вяликій архистратиль Михаилъ,
А што возглаголя судьдя правядный имъ:
«Хотя жъ ба ви ў Бога христіянями были,
Ви жъ божжія воли не творили,
И за хрестъ, за молитву не стояли,
До божжія церкви ви не ходили,
Господнихъ молитовъ ви не слыхали,
Земляныхъ поклоновъ не сукланяли,
Ня мѣли ви ў сябѐ у году ни сярады, ни пятницы,
И ни трэтьтяго дня воскрасэнія,
У ютрани у постели ви пролежавали,
У службы за стольлямъ просѣдживали,
Вячернаю зару на вулушцы простóявали;
Судили ви суды ня законныя и не по правилному:
Ви виннаго правилно наставливали,
Правилныхъ ви извиновачували,
Брали ви изъ ихъ казну нясчислёную,
Топили ви тую казну ў мать сырую зямлю.
За тую вамъ казну черви няўсипляющія,
И вамъ грѣшнымъ душамъ ўсимъ по дяламъ будя!»
Якъ возгўкнять грѣшныя души:
«Увидь, увидь, архистратиль Михаилъ,
Услышъ, услышъ, судьдя правядный!
Почаму ради прэчъ насъ отсылаяши?
Бяри ты зъ насъ злата, али срéбра,
Али бòльшай дорогого зѝмчугу,
Да паравяди чаразъ рѣчку вòгнянную,
И поближай къ свойму нябесному царствію!»
А што имъ возраче святый Михаилъ архистрáтиль,
А што возглаголя судьдя правядная:
А тутъ судьдя незакўпная живе и незапрòшаная,
А тутъ судьдя ў Бога правядная,
И не радуетца вашаму ни злату, ни срѐбру,
Ни бòльшай дорогому зѝмчугу —

Тутъ ба я радъ, якъ ба свою душу спастить,
Тутъ ба я радъ, якъ ба ў рай увойти.
А душу спастить
И съ постами, су молитвами,
А ў рай увойти зъ милостиною!»
Што возраче имъ архистра́тилъ Михаилъ,
Што возглаголя судьдя правядный:
«А вамъ, грѣшныя души, по дяламъ усимъ будя!»
Якъ расплачатца многогрѣшныя души,
Разрыдаятца многогрѣшная раба́:
«И вотъ гора многогрѣшнымъ душамъ будя,
И вотъ гора беззаконнымъ душамъ будя!
На що ми на сёй свѣтъ народилися,
Чаму ми маленькія ня поўмярлн?
Ня бачили бъ ми суду страшнаго,
Не тярпѣли бъ ми муки вѣшныя,
Ня горѣли бъ у вогнѣ няўзгасимому
Ня кипѣли бъ у смолѣ злой няўтолимой!..»
И ми славимъ тябе, Христе Божа нашъ,
На вѣки вякòмъ!

Д. Ивановка, староюрк. в. гом. у.

52. Мы живали, бували рабы грѣшильныи,
Мы пивали, мы ѣдали, сами цѣшилися;
Мы и сѐряды и пятницы ня посьничали,
Воскресенія Христова не почитывали;
Мы не знали, рабы, чимъ намъ душеньку спасци,
Чимъ ба ў рай увойци?
А намъ душеньку спасци постъ-молитвою,
Намъ ба ў рай увойци святой милысциной.
Свѣтъ-Илья, божій пророкъ, у плоцй ёнъ живавъ,
У плоци ёнъ живавъ, пріўбразився кы Христу.
Пыказавъ яму̀ Христосъ, дзѣ быць праведникамъ,
Дзѣ быць праведникамъ, дзѣ быць грѣшильникамъ:
И шишамъ, и ворамъ, ўсё й разбойникамъ,
Сувятнйцамъ, клевятнйцамъ, душагубникамъ.
Восходзивъ жа Михайла на сіяньскую гору̀,
Затрубивъ жа Михайла ў сямигласную трубу:
«Уставайця, рабы, рабы праведныи,
Ступовицеся, рабы, ўсё й пу правой стороны!
Уставайця, рабы, рабы грѣшильныи,
Ступовицеся, рабы, ўсё й по лѣвой стороны!»
Процякѐць тамъ рѣка усё вогненная,
Ой узнимутца плами, плами вогненныи.
А пойдуць, пубрядуць души правядныи,
А сцихи запоюць хурувимськіи,
А гласы зыгласяць усё ангыльскіи.
Якъ и самъ жа Христосъ узрадуѐтца,
Ёнъ бярѐць ихъ за рученьки за правыи,
Пяряводзиць ёнъ ихъ черязъ вогненну ряку,
Черязъ вогненну ряку ай ды раю ды до свѣтлыго.
Якъ и тыи жъ души просвятились вы раю.
Ай и грѣшныи души зворoцились кы Христу,

Яны ўвидзили Михайлу, справядливаго судьдзя̀.
Ёнъ стоиць жа на бережку на круценькомъ,
На пясочку на жовтымъ, на сыпучими.
«Ты возьмитка, Михаила, злата-се́ребра,
А побольши того цыста жемцугу,—
Переправъ-ка ты насъ черязъ вогненну ряку̀,
Ай ды 'тправъ-ка ты насъ ды раю до свѣтла,
Ай яще жъ ды до царства нябёсна!»
А воскликнувъ Михайла громкимъ голосомъ,
А за вогненной рякой, за сіяньской горой:
«А вы, грѣшныи души, окаянныи рабы:
Кабы бравъ ба Михаила злато-се́ребро,
Наметавъ ба гору̀ отъ усходу да й до заходу.
А мы жъ зъ Богомъ справядливая судьдзя,
Справядливая судьдзя, неподкупленная;
Мы бярёмъ жа душевное спасэнія!»
И воскликнувъ Михайла громкимъ голосомъ,
И за вогненной рякой, за сіяньскои горой:
«А вы, грѣшныи души, окаянныи рабы!
Вы живали, бували вы на вольнымъ на святу̀,
Вы судзили суды ўсё й неправедныи:
А вы грѣшныи души вы вуправливали,
А нягрѣшныи души взвиновачивали.
А вы брали казну ўсё и неизмѣчильную.
Вопущали казну ў сыру мацерю зямлю,
Ў сыру мацерю зямлю, не знапоминвали,
Сабѣ пекла-смолы приготовливали!..»
Якъ узниму гца пла́ми, плами вогненныи,
А пойдуць, пубрядуць души грѣшильныи
Выдоль по вогненной рякѣ, ўнисъ по пламеньню.
Якъ и ставъ жа о̀гнюшка попыхываци,
Якъ и ставъ жа огнюшка пожи̇̀гываци,—
Восплачутца грѣшныи, возрыдаютца,
Цѣлеса своягo обрываючи,
А въ вогонь, а во пламеньня бросаючи,
Ай отцовъ своихъ зъ мацерямъ звеличаючи:
«Ай, оцецъ нашъ, ро́дная матушка,
Вы на што ба насъ маленькихъ пора̀живали,
На худыи дзѣла насъ поваживали,
Вы до божжаго храму насъ не важивали;
А мы раньніи завутреньки просыпывали,
А мы позныи обѣденки прогуливали,
Сы желаніемъ мы Богу не маливались,
Што й писали, што й читали, мы ня слышивали.
Што й написано вы Христа, найпечатовано,
Кабы намъ бы маленькимъ вы показывали,—
А мы большенькіи много помнивали,—
А злой ба муки̇̀ мы ня терпливали.
Якъ пришовъ жа намъ судъ ай нявольный жа,
Отъ самаго́ Христа, царя ай нябёснаго,
'Тъ пресвятой мацери Бугуродзицы!..»

Дубокрайск. вол. город. у. вит. губ.

Ср. Безсон. 5, 194—230.

53. Вылетала душа съ цѣла,
На зялёной чуци сѣла.
Прилетая къ души янгель:
«Чаго, душа, смутно сядзишъ,
Чаго до раю ты не ляцишъ,
Али рай и пекло замкнуто?»
Вядуць душу суликаци,
У яе граховъ пытаци:
Чимъ ты, душа, сограшила?
—А тымъ я Богу сограшила,
Што съ отцомъ зъ мацяру сварилась.
Прiяжжая Пётра-Павялъ,
Бяре ключи някелныя,
Отомкнувъ пекло неўгасимое,
Сцеля души мяхку ложу,
Мяхку ложу—востру ножу;
Вара души сластный обѣдъ,
Сластный обѣдъ—сыру смолу.
М. Пропойскъ, бых. у.

54. Отъ Господа Бога повялѣньня,
Отъ Суса Христа приказаньня.
Господи помилуй, Господи помилуй,
Господи помилуй!
Собиралися дванатцать вангаловъ
У святую лавру, ў цэркву соборную,
Богу помолитца, Христу поклонитца.
Обнимала ихъ тёмная страсськая ночь.
Пошли вангали до раю свѣтлаго,
А Сусу Христу стало думу думатца,
Якъ на муку йтить.
Вышовъ ядыный Господь Сусъ Христосъ,
Духъ святый, на свѣтъ бѣлый,
Глянувъ високо, глаголявъ Богу Спасу:
«Святый Спасъ, прими насъ!»
—Ня могу васъ принять:
На храстѣ муки примитя,
Кровъ свою святую пролитя,
Ангаловъ призовитя и радъ обрадитя,
И судъ обсудитя, и Бога Спаса повеселитя!..
Пошовъ Господь градуща, на ангаловъ глаголюща:
«Уставайтя ранѐнько, умывайтеся бялѐнько,
И молитеся Богу вярнѐнько,
У суборъ ступайтя, къ прастолу приступайтя,
Вангальскiя книги поднимайтя!»..
И святыя вангали уставали ранѐнько
Умывалися бялѐнько и собиралися у суборъ.
У соборную лавру-цэркву прихождали,
И къ прастолу приступали,
Вангальскую книгу поднимали,
И гласы прозводили, молитвы творили,
«Святый Спасъ, помилуй насъ!»
Господи помилуй, Господи помилуй,
Господи помилуй!
Тогды святый Спасъ помилувавъ насъ,
И богословивъ божу рожу на питаньня
А пшаницу на проскуру.
Ставъ Иванъ Праттеча говорить усякiя рѣчи: [душу,
«Братъ, братъ, кабъ намъ хлѣба-соли скусить,
Кабъ у солоницу не помочить,
Кабъ намъ Сына божiя ня ўдати!..»
Жиды-хилаты ето сознали,
Суса Христа за руцы ўзяли, за буйну голову,
И повяли яго на распятъ.
Во Микола заномошникъ,
Божiй молитвѐньникъ,
Выбѣгавъ со свѣчами, зъ молитвами:
«Жиды-хилаты, сходитя у Русалимъ-
На Сiяньское мора, [градъ,

Да помыйтя свое́ вуста,
Бо напрасно узяли нябеснаго Христа!»
На праву руцу Михайла-арханялъ—
Судьдя правядный,
Сѣвъ сабѣ на хвабраго коня,
И ўзявъ весялў трубу и быстрый мечъ,
И пра́вну рўлю,—шахнўвъ, махнўвъ,
Кликнувъ, гукнувъ: «што вы, жиды-хилаты!
Сходитя вы у Русалимъ градъ, на чудныя земли,
На Сіяньску гору,—тамъ ету рѣчу созна́етя!»
Жиды-хилаты три купоросы зрубили,
И три стовпы становили.
И Суса Христа распяли,
И на головку тярновъ вянецъ наклали,
На храстѣ прибили, жо́втю-во́цадомъ поили,
Рэбяльки зломали, на буйный вѣтяръ уздымали...
Тогды Сусъ Христосъ на мўку подався,
Три дни во гроби лежавъ.
На третьтій день, во третьтій часъ, крянъ [1]) разрушивъ,
Небо, землю сосвятивъ, хрестъ утвярдивъ.
Пошовъ по небесахъ, по земляхъ,
И по ўсяму бѣлому свѣту.
Устракая свою мать Марею узлюблѐну.
«Мать Марея, мать узлюблѐнна,
Ти спалось табѣ, Марея,
Што ўво снѣ снилось?»
—Мой сынку возлюблѐнный:
Мнѣ не спалось, не вялось,
И во снѣ мнѣ не снилось:
Я ў святой соборной цэркви,
У святого прастола,
На златомъ камушку, на колѣнкахъ стояла,
Горучія слёзки ронила,
Бѣлы ручки къ сэрцу приложила,
Зъ горучихъ слёзокъ синя мо́ра выходило,
А ў томъ мори плакунъ-трава обрачилася,
Обрачилася, богословилася.
Перадо мною уси святыя прастолы укрылися.
Тяперъ я, сынку, увознала, угадала,
Што ты, мой сынку, узлюбленный—Богъ.
Перадо мною уси прастолы укрылися,
Ясныя свѣчи затяплилися,
Гласныя звоны зазвонилися,
Уси службы отслужилися;
Вангали книжки зачитали,
Гласы прозводили, молитвы творили;
Птахи зацвилили, зязюли закуковали,
—Увесь міръ православный ставъ, Богу молитца...»
Прасвятая матаръ Божая узрадовалася,
Чашу забирала и та́йносьть намъ даровала,
Отъ усякія скверносьти и отъ нужды, отъ печали,
Отъ тяжкаго уздыханьня, отъ слёзнаго проливаньня,
И смутныя посьтели, и отъ нячистыя силы.
Сама обрачилася, плащаницай ложилася.
Тяперъ святый царъ Давыдъ на помочь,
И Пантолимъ,
И Антонъ и Самсонъ, и Аврамъ и Исакъ,—
Уси божія праподобники намъ.

С. Нисимковичи, рогач. у.

[1]) Негасимое пекло.

55. А ў горыди Русалими
Стоить костёлъ мурованый,
А ў костёли стоить пристолъ,
На пристоли ляжить Христосъ.
Пиридъ Христомъ Марья сядить,
Марья сядить, слезно плацыть.
Пришовъ жа къ ёй Пётра съ Павлымъ:
«Цаго, Марья, слезно плацышъ?»
—Вы, святыи, не знаетя,
Што вы ў мяне пытаетя?
Жиды Христа замуцыли,
Руцки, ножки рыспинали,
Святую кровъ рызливали,
Копъёмъ серча прыбивали!...
А ў горыди Русалими
Стоить костёлъ мурованый,
А ў костёли стоить пристолъ,
На пристоли ляжить Христосъ.
Пиридъ Христотъ Марья сядить,
Марья сядить—всьмихнулыся.
Пришовъ жа къ ёй Пётра съ Павлымъ:
«Цаго, Марья, усьмихнулась?»
—Вы, святыи, не знаетя,
Што вы ў мяне пытаетя?
Христосъ воскресъ, зъ мертвыхъ уставъ,
Зъ мертвыхъ уставъ, святыхъ сыбравъ.
Возьми, Пётра, златы ключы,
Оттвори, Пётра, огнянный рай (вм. пекло),
Выпусьти душъ бязгрѣшныхъ!
Цытырёхъ душикъ не выпускай:
Што братъ съ сястрой бранилися,
Бранилися, побилися,
Побилися, обкрывилися.
Доцка зъ маткый бранилися,
Бранилися, побилися,
Побилися, ўкрывилися.
Вой тымъ душамъ отпуску нѣтъ,
Вой тымъ грихамъ разгрѣху нѣтъ....

Велижск. у. вит. губ. Ср. Безсон. 4, 251.

56. А ў нядзѣльку ранёшанько восходзило совнёшанько.
Ишла прячиста по чистому полю, по синему морю,
А на синимъ мори ляжйць бѣлый камень.
На бѣломъ камни стоиць косьцёлъ,
А у косьцёли золотый престолъ.
На престоли ляжиць Езусъ,—распятъ, раскрыжованъ,—
Самъ своё цѣло пилуець, святую кровъ разльваець.
Пришовъ къ яму святый Яне:
«О Езу, мой Езу,
На што ты своё цѣло пилуешъ,
Святую кровъ разливаешъ?»
—Коли жъ ты мойго цѣла милуешъ
И крови жалуешъ,—
Идзи по бѣлому свѣту, вучи воскресную молитву.
Хто ету молитву будзець знаци,
Тому будзець рай растворённый, пекло замкнёно.

Витебск. у. Запис. отъ католика.

57. Ны купариснымъ древи
Жиды тыи проклятыи
Суса Христа рыспинали,
Суса Христа рыспинали,
Святую кровъ прыливали,
Руки-ноги гвоздями прикывали.
А ўвидила матушка Марея,
А ўвидила дѣва присвитая;
Ина стала дужа слезно плакыть:
«Ой сыня, мой сыня, Христе праведный!

На што жъ ты етымъ жидамъ прыклятымъ,
На што жъ ты етымъ жидамъ нявѣрнымъ,
Ой на муку жъ ты здався?»
Не плацъ, моя мамынька Марея,
Не плацъ, дѣва присвитая:
Здався жъ я етымъ жидамъ нявѣрнымъ,
Здався жъ я етымъ жидамъ прыклятымъ,
За кровъ свою христіяньскую (2),
За вѣру свою прывославную (2),
За ўси душиньки бязгрѣшны.
Не плацъ, моя мамынька и Марея,
Не плацъ, дѣва присвитая:
Возьми жъ ты райскіи клюцы,
Иди жъ ты, моя мамынька Марея,
Иди жъ ты кы раю кы свѣтлу,
Иди жъ ты кы чарству нябесну,
Рысцыни жъ ты, моя мамынька Марея,
Рысцыни жъ ты рай прясвѣтлый,
Рыствори ты чарство нябесно (2),
Выпушшай, моя мамынька Марея,
Выпушшай уси душиньки бязгрѣшны;
Упушшай ужу вы рай ой прясвѣтлый,
Вы рай прясвѣтлый и ву чарство нябесно,
Уси душиньки бязгрѣшныи!
Ой три жъ души сыгряшили,
Дужа жъ яны сыгряшили,
Дужа жъ яны беззаконны,—
Ня будить имъ рая свѣтла,
Ня будить имъ чарства нябесна!
Першая душа сыгряшила:
Заломы у хлѣбахъ зыламывала,
(Вар: Спорню съ хлѣба-соли вынимала.)
А другая душа сыгряшила:
Золытъ вячецъ рызводила.
А третьтія душа сыгряшила:
Мылоденча у цреви прыклинала [1]).
Дужа жъ яны сыгряшили,
Дужа жъ яны беззаконны—
Ня будить имъ рая свѣтла,
Ня будить имъ чарства нябесна....

Велижскій у. вит. губ.

58. Знавъ бы я да вѣдавъ, чeловѣча,
Про своё житьцё вѣковѣшное,
Ня мѣвъ бы большого богадія,
Раздавъ бы я ўсё имѣнія по нищай брадіи, по меньшай,
По царьквамъ раздаъъ бы по суборамъ,
По цёмнымъ цямницамъ, по нявольнымъ;
Черезъ часъ сей, минуту,
Готовивъ бы мѣсто вѣковѣшное,
Дзѣ райськіи пицы распѣваюць,
Дзѣ самъ Господзь Богъ пребываець.
И мы славимъ цябе, Хрисце Божа нашъ!

Мишневич. вол. гор. у. вит. губ.

59. Ой ядыный лукавый бывъ Іюда,
Запродавъ Христа жидамъ на распяція,
На святымъ ли на древи купарѐсовымъ.
И расплачетца мацъ божія Марѐя,
Возрыдаець дзѣва пресвятая:
«Охъ, ты моё чадо, царь нябесный!

1) Вар. Цатьвертая душа сыгряшила: у цужихъ коровахъ молоко отбирала, у цыстое поле уносила, подъ бѣлу бярезу становила.

Понапрасную муку принимаешъ,
Бязвинную кровъ божію проливаешъ!.»
—Не плачь, мацъ божія Марéя,
Ня рыдай, моя дзѣва пресвятая:
Принимаю я муку злую
И бязвинную божію кровъ проливаю,—
Да я вѣрнымъ дарую спасэньня,
Да я грѣшнымъ дарую на злую муку!..
И славимъ цябе, Хрисце Божа нашъ!

Тамъ-же. Ср. Безсон. 4, 209.

60. На славнымъ мѣсьци, на базари,
А Исусъ Назаримській.
Били Христа, штрахували,
За народъ хрисціяньскій;
Били яны, штрахували,
Кровъ изъ рéбра пусьцили;
Съ цѐренъ вянецъ Сусу Христу
На главу узложили;
Узяли Христа Спасицеля
Ды й на хрестъ устащили.
Дзѣва мацерь прячистая
Потъ хрястомъ стояла,
Сына свойго Спасицеля
На хряспѣ спознала:
«Ай сынку мой, Спасицелю,
Вяликую муку мáешъ,—
Цѣло своё божаствѐнное
На муку создàешъ!»
Зняли Христа, съ плащаницай
Во гробъ положили,—
Ўси святыя ўзрадовàлись
И славу чинили:
Слава Богу, слава Сусу Христу,
А на вѣки вякомъ, аминъ.

Мстисл. у.

Тоже.

61. У славнымъ городзи, у Русалими,
Тамъ Сусъ Назариньскій.
У славнымъ мѣсьци, винтоградзи,
Спасицеля ўзяли.
Ай узявши Спасицеля,
И руцы звязали;
Ай звязавши Спасицеля,
Повяли ў цямницу;
Посадзили Спасицеля,
Яго а ў цямницу;
Напоили Спасицеля
Усё цодымъ—жóвцю;
Надзѣвали Спасицелю
Буграную дзѣжду,
Ваводзили Спасицеля,
Яго а сь цямницы;
Повяли жъ то Спасицеля
На гору Головську;
Къ пицерьскому (sic) ки Пилату
Яго приводзили,
Безъ вины а Спасицеля,
Яго осудзили.
Осудзёмши Спасицеля,
Повяли къ распяціи;
Расьпинали Спасицеля
Мижъ двухъ разбойничкывъ.
Разопнувши Спасицеля,
Отъ хреста отходзили;
Головами на Спасицеля
А яны закивали;
А слюнюю Спасицеля,
А яго заплювали;
По головки Спасицелю
Тросьцёй разьбивали;

На головку Спасицелю
Вянецъ ускладали;
А скрозь ребры Спасицелю
Копьёмъ пробивали.
«Коли жъ ты ёсць нашъ Спасицель,
Знями насъ съ собою!»
А знимали Спасицеля
Яны а зъ распяціи;
Спокладали Спасицеля
А ў цёмномъ жа гроби;
Крѣпко-крѣпко дзьвери ў гроби
А яны заключали;
Й а большій жа камень на гробъ
А яны ускладали;
Й а й большую стражу къ гробу
А яны становили.
Два дни нашъ бывъ Спасицель,
А ёнъ бывъ за ўмершихъ;
На третьцій дзень нашъ Спасицель
Отъ гроба воскреснувъ.
Ўся нябесная сила
Тогды воскричала:
Слава Богу, слава Богу,
Слава Сусу Христу,
Отнини й до вѣку!..

М. Хотовпжъ.

62. Съ потъ пятницы до сыботы
Жиды Христа распинали,
Кровъ святую проливали.
Якъ расплачатца матаръ Марэя,
Разрыдалася дива прасвятая.
«Ты ня плачъ, ня рыдай, матаръ Марэя,
Возьми ты золотыя ключи,
Отомкни у вадъ вороты,
Поюпускай грэшныя души.
Тольки трохъ душей ня випускай,—
Тыя души велми грэшны:
Первая душа велми грэшна:
Изъ хлиба споръ изнимала;
Другая душа велми грэшна:
Младыхъ младэнцавъ погубила;
Третьтяя душа велми грэшна:
Золотъ вянецъ разлучила.
Алилуя, алилуя,—
Славимъ тябе, Христе Божа нашъ!

С. Юрковичи, гом. у. Ср. Безсон. 4, 194.

63. Посяродъ поля стоить школа,
У той школи жидовъ много,
Тудой ишла Прачистая,
Да й сустрѣла трохъ жидовей.
«Вы жиды, жиды, вы нявѣрныя!
Ти ня бачили мойго сына,
Мойго сына, Суса Христа?»
Одинъ кажа: я ня бачивъ!
Другій кажа: я чуть ня чувъ!
Третьтій кажа: я самъ тамъ бывъ.
Я самъ тамъ бывъ, яго кровъ пролив!
Ну сама цэрква зрубилася,
Сами звоны почапалися,
Сами свѣчи зажигалися,
Сами книжки зачиталися...
Сами звоны паращукли,
Сами свѣчи ўси потухли,
Сами книжки зложилися...

Г. Бѣлица, мог. г.

64. Ишло-прошло три царпушицки,
Три царпушицки, три сяструшицки.
Одна ишла—попу ризу нисла;
Другая ишла—цорну книгу нисла,
Третьтія ишла—золытъ хрёстъ нисла.
Сустрѣли яны трёхъ янгелывъ,

Трёхъ янгелывъ, трёхъ апостылывъ.
«А вы янгелы, вы апостылы,
А гдѣ были, гдѣ прибували?»
—У горыди Русалими тѣло хыронили!
Душа съ тѣломъ рызстывалыся,
Рызстывалыся ды спиралыся:
«А ты, тѣло, чаму рано ѣло?»
—А ты, душа, чаму не терпѣла?
«Табѣ, тѣло, ў зямлй згнити,
А мнѣ, души, подъ небеса йдити,
Перятъ Богымъ стати,
Гряхи рысказати!»
И куды Богъ пошлить, туды душа пойдить,
А Богъ ня пошлить, и душа ня пойдить.

Велиж. у. вит. у.

Ср. Шейна № 720, зап. въ Бых. у. могил. губ. Чубин. I, вып. 1, стр. 149.

65. б, Ай дорогой, ай широкою,
Ишло пройшло три чарнушаньки,
Три полонянки.
Первая идзéць, золотъ хрестъ нясéць,
Другая идзець—книжачку нясéць,
Третьція идзѐць—кадзилу нясѐць.
Сустракавъ ихъ самъ Господзь Богъ:
«Идзѣ вы были, три чарнушаньки,
Три полонянки?»
—Ай были, были мы, у городзи,
У городзи Русалими,
Дзѣ душа съ цѣломъ растриваетца.
—Ляжиць цѣло, якъ паперъ бѣло.
Душа на цѣло нарекала:
«Цѣло, цѣло, на што рано ѣло?»
—На што рано ѣло?—ѣсь хоцѣло!
А ёсь на хоцѣньняёсь и поцярплѣньня:
У пятницу одзинъ разъ ѣсьци,
А ў сыботу ня ѣсь до свѣту,
А ў нядзѣлю ня ѣсь до обѣдьни...

М. Пропойскъ, бых. у.

66. У нядзѣльку рано ранéнько
Свента матка Марея по косьцёлу ходзила,
Свойго сыночка за ручку водзила.
Тамъ стоиць водзица спюдзёненькая,
Спюдзёненькая, посвяцоненькая,—
Яна свойго сыночка покупала,
Покупавши, повяла на синя мóра.
На сини мори бѣлый камянь,
На тымъ камни косьцёлъ стоиць,
А ў косьцёли прастолъ стоиць,
За прастоломъ самъ Богъ сядзиць,
Самъ Богъ сядзиць, у книжку читаець,
Горачу кровъ разливаець.
Пришовъ туды Пётра-Павла.
«Ой, скажи жъ ты, Пётра-Павла,
И старому, и малому, и ўсякому равному:
Хто гэту молитву будзець молитца
И раньня и вечара,
Тому отъ раю вороты расчинёны,
Отъ пекла замкнёны.

Г. Сѣнно, могил. губ.

67. Да востужитца тѣло и расплачатца душа,
Що нищо табѣ, душа, ня спожа,
Ня спожа табѣ, душа, ни злато, ни сребро,
Тольки табѣ, душа, воспожа

Святыя посты и молитвы, покаянныя слезы.
Да труждэльникъ у пустыни ёнъ трудився,
Ня ўладѣвъ ёнъ руками, ни ногами.
Уво снѣ яму Пятница явилась:
«Що устань, раба божа, потрудися,
По бѣлому свѣту проходися,
Да наказуй, раба божа, по ўсёму міру,
Щобъ у сераду платьтя ня золили,
А ў пятницу пилу ня пилили, [1])
У воскресный день до цэркви ходили,
И дятей своихъ маленькихъ водили,
Да молитовъ царковныхъ наўчали,
Да жидами-ўрагами ня ўзывали,
Бо жиды-ўраги Христа распинали,
Кровъ яго святую проливали!..»
Да ми славимъ тябе, Христе Божа нашъ!

Краснобудск. вол. гом. у. Въ Витебскомъ у. запис. слѣд. варіантъ:

68. Во пустыни труженикъ трудзився,
Не ўладавъ ни руками, ни ногами.
Уво снѣ яму Пяцинка приснилась:
«Пойдзи, чаловѣча, по ўсяму свѣту,
И прославъ, чаловѣча, ўсяму міру:
О вы, кресьяни православныи,
Поймиця у нядзѣлю ўсяго три дни:
По середамъ золы ня золиця,
По пятницамъ пыли ня пылиця,
Въ воскресный дзень Богу помолицесь.
Вы другъ друга почитайця,
Вы братъ брата возлюбляйця,
Оцецъ зъ мацярью дзяцей
Жидами не называйця:
Жиды во Христа проклятыи:
Святую яму кровъ проливали
И святое яго цѣло распинали.
Расплачетца мацъ пресвятая.
«Не плачь, не плачь, мацъ Марея,
Оттворяй, оттворяй царськіи двери,
Пущай, пущай душъ бязгрѣшныхъ!
Ну три души согряшило:
Первая душа согряшила—
Вонъ съ хлѣба споръ вынимала;
Другая душа согряшила—
Младзенца во чреви проклинала;
Третьція душа согряшила—
Золотъ вянецъ разлучила.
Горяць огни няўгасаемыи,
Кипиць смола, раскипаець.
Висяць черви, разсыпаютца.
Ня будзець трёмъ душамъ прощенія,
Ни вѣшнаго имъ покаянія...»

69. Ходила, гуляла Дѣва пресвитая,
Искала, искала ина Суса Христа.
Не знашла, не знашла ина Суса Христа,
—На ўстрѣцу (2) идуть три жида.
«Вы, жиды (2), жиды проклятыи,
Вы Христа (3) распяли?»
—То й не мы (2), то наши дяды,
То дяды (2), то и прадяды!
На рѣкѣ на быстрой три древы стоять,
Три древы (2), купарисныи.
Съ тыхъ древъ (2) кряжи рўблены,
Сы кряжовъ (2) доски пілены,
Съ тыхъ досокъ (2) черьква строена.
А ў черькви новой три гроба стоять,

---

1) Пылу не пылили, т. е. въ данномъ случаѣ—не трепали льна, не мыкали мычекъ, не пряли.

Три гроба (2) куприсныи.
А ў тыхъ жа во гробахъ три собы лежать:
Во первомъ во гроби да самъ Сусъ Христосъ,
Во другомъ во гроби Дѣва свитая,
Во третьтемъ во гроби Иванъ Хрястититель.
Надъ Сусомъ Христомъ хирулимъ поють,
Надъ Дѣвой свитой ладуномъ кадять,
Надъ Иваномъ Хрястителемъ свѣчи теплютца.
Передъ Дѣвой жа свитой рожа расцвѣла,
Вылетѣвъ со рожи бѣле́нькій птахъ,
То не бѣлый птахъ, то самъ Сусъ Христосъ,
Передъ имъ жа небо растворилося,—
Увесь міръ пріўклонився.

С. Будница, велижск. у. Ср. Безсон. 4, 239.

70. Труждався труждэникъ со вяликими со трудами,
Со горючими со слезами;
Не ходзивъ труждэникъ ни ногами,
Не ўладзѣвъ труждэникъ ни руками,
Не свяцивъ труждэникъ ни глазами.
Приходзила къ труждэнику а Пяцинка со свячою,
Говорила яму Пяцинка ўсе́ й рячою:
Уставай (2), труждэнику божій,
Идзи ты, труждэникъ, а ногами,
Свяци ты, труждэникъ, а глазами.
Ходзи ты, труждэникъ, по ўсёмъ свѣту,
Говори ты, труждэникъ, ўсяму міру,—
А нехай увесь міръ ўсё й покаетца,
Свѣтъ-Господу Богу ўсё й помолитца,
За грахи за свое́ ўсе́ й потрудзютца;
Проглашай, труждэникъ, честнымъ жонамъ,
Штобъ по се́редахъ пылу ня пылили,
А по пятницахъ золы не золили.
У воскресный дзень пораньше ўставали,
Бѣлое лицо умывали,
У храмъ у Господній уступали,
Ярыя свѣчи зажигали,
Низкія уклоны уклоняли,
Вѣрно Богу молилися,
Другъ ко другу приклонились,
Братъ за брата початали,
Сястра сястру узлюбляли,
Отца своёго и мацери ня ўзневажали[1]),
Отцы и мацери своихъ чадовъ жидами ня называли.
А жиды во Христа ёсць проклятэя,
Яны Суса Христа крѣпко мўчали,
На хрестъ руки, ноги распинали,
Копъёмъ серца ванимали,
Кровъ яго святую разливали,
Цѣрловый вянецъ на главу ускладали!
Расплакалась мацъ Марея,
Ина къ гробницы приступаючи,
Рупами гробницу обнимаючи,
Слезами гробницу обливаючи:
«Сынку мой возлюбе́зный,
Съ кимъ мяне, сынку, покидаешъ,
Бязвинную муку принимаешъ,
Кровъ свою святую разливаешъ?»
Ай рячецъ, рячецъ царь нябесный:
«Мацъ моя, матушка Марея,
Возьми ключи золотэя,
Отомкни у рай вороты,
Отчини царськія (вм. райськія) двери,
Упусьци душъ бязгрѣшныхъ.
Тольки три души сыгряшило:

Первая душа сыгряшила—
У хлѣби спорыну̑ выбирала,
У цвяту заломы заломляла.
Другая душа сыгряшила—
У коровъ—молоки отбирала,
У чреви младзѐнцавъ заклинала.
Третьція душа сыгряшила—
Божай цэрьквы вянецъ золотэй разлучила.
Нѣту тымъ душамъ прощенія,
Ни жаднаго покоѐнія!»..
Славимъ цябе, Хрисце Божа нашъ,
Вяликое ѝменіе!

Сват. в. гор. у.

1) Вар. могил. у.

А нехай отца-мацеръ сповышаюць,
Большаго брата-сястру почитаюць,
А другъ за друга заступаюць,
А сусѣдъ сусѣда ня 'бсуждаюць.
А хто отца-мацеръ сповышая.
У томъ доми самъ Господзь Богъ прабывая;
А хто большаго брата-сястру почитая—
У томъ доми ангалы прабываюць.
А хто другъ за друга заступаюць,
У̑ томъ у доми Прачистая прабывая;
А хто сусѣдъ сусѣда ня 'бсуждая,
У̑ томъ у доми Богъ побольше добра прибавляя...

Тоже.

71. Во трудзився тружданьничакъ со трудами,
Со вяликими трудами, со слезами.
Не говбрицъ тружданьничакъ ёнъ рѣчами,
А ня ходзиць тружданьничакъ ёнъ ногами,
Не у̑ладзѣець жа тружданьничакъ ёнъ руцами,
Не глядзиць жа тружданьничакъ ёнъ глазами.
Празъ сонъ яму̑ Пяцинка соснилась;
Со святыми къ яму Пяцинка приходзила,
И рѣчами яму Пяцинка говорила:
«Устань ты, тружданьничакъ, правосния!
А идзи-ка, тружданьничакъ, по бѣлому свѣту,
А идзи-ка, тружданьничакъ, потруждайся,
У̑сяму міру, тружданьничакъ, признавайся,
Штобъ міръ Христовый спокаявся, [1])
Штобъ отца свойго, мацерь почитали,
Братьця, сясцёръ пуважали,
А другъ за друга постояли,
А сусѣдъ объ сусѣда ня 'бсуждали.
Хто отца свойго, мацерь почитаець,
У томъ доми Господзь Богъ проживаець;
А хто братьця, сясцёръ пуважаець,
У томъ доми Прячистая прабуваець;
А хто другъ за друга ды постояець,
У томъ доми ангалы усьпѣваюць,
Харуимы, сарахвимы,
Усп нябесныя силы.
Хто ня будзець сусѣдъ объ сусѣда обсуждаци,
У томъ доми Господзь Богъ добро, прибувляець; [2])
Хто свойго отца, мацерь зневажаець,

1) Н—спокорявся. 2) Того Господзь будзець па усякомъ мѣсьци сохраняць.

И братьця, сясцёръ не початаець,
И другъ за друга не постоёець,
И сусѣдъ объ сусѣда обсуждаець,—
Дыкъ Господзь не просьціць того
грѣху,
Отпишу жъ тому пекло ай на вѣки:
Ня будзець ня ўзныку имъ, ня ўзрыку,
Отнини яму и до вѣку!..
А молицеся Богу хрисціяне,
А вѣруйця вѣры правуславныи,
Кайцеся перядъ Господомъ Богомъ.
А прорёкъ жа Господзь Богъ три дни
ў нядзѣли:
Молицеся Господу Богу
И празднуйця перядъ Господомъ Богомъ,
И беряжицеся Господа Бога,
Наказу святого,
Штобъ а ў пяцинку не золили,
А ў серяду й ня пылили,
А ў нядзѣлю рано до 'бѣдни ня ѣли,
А къ божай вы церкви ходзили,
Своихъ малыхъ дзяцей Богу молили,
Къ божаму закону приглашали,
А рячець вамъ Господзь царство нябесное!
А трёмъ душамъ Богъ не даѐць прощеньня:
Што спорницы-молошницы, да блудницы,
Ды той души беззаконнной,
Которая у вутроби младзенца поѣдала, [1])
Своимъ злымъ помысломъ души тыя
погубила,—
Пекло имъ Господзь растворяець,
А ня будзець имъ ня ўзныку, ня
ўзрыку,
Отнини имъ и до вѣку!..»
А славенъ нашъ Богъ, ёнъ прославився,
Вяликое яго имѐнія!..

С. Лобановка, черик. у.

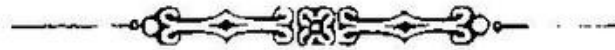
Ср. Безсон. 6, 160—174, великор.

72. Довго есь, чаловѣча, довго живѐшъ, мучисься,
Поря жъ було, чаловѣча, гряхомъ своимъ ўсимъ спокаитца,
А надзѣць було, чаловѣча, ризу чорную,
А прилечь було, чаловѣча, у сыру зямлю, якъ бы къ матушцы,
А пролиць було, чаловѣча, слёзы горючія,
А просиць було, чаловѣча, прощенія объ усихъ своихъ грѣхахъ:
Ци не згряшивъ, чаловѣча, во сёмъ свѣци живучи,
Ци не 'слязивъ, чаловѣча, отца й мацерь свою,
Ци не ўкрививъ, чаловѣча, роду—племяни свойго?
Довго живешъ, чаловѣча, довго мучисься,
А пишуць жа письмы правы книжныя:
Бывши утру, бывши утру, быць и вечярю,—
Ўсё, якъ живши, младу чаловѣку быць и старяму.
Быць и старяму, и ўмирацъ треба,
А и силное богачесво покидаць намъ треба:
Не побярёмъ за собою ни житьцё, ни бытьцё,

1) Вар. Проклинала.

Ни ўзлишнаго, дорогого содзѣянія свойго.
Призвацъ було, чаловѣча, у свой домъ оцецкій отца духовнаго,
Сознавацъ було, чаловѣча, грѣхи своѐ ўсё й потòяныя,
Принимацъ було, чаловѣча, дары-тайны ўсё й на етымъ свѣци.
А ссылаецъ самъ Господзь Богъ трёхъ ангеловъ а по грѣшную душу̀.
А бярюцъ тую душу̀ ў свѣтъ, не ў радосъ яѐ,
А бярюцъ тую душу ў свѣтъ не каюшу,
А нясуцъ тую душу ў мѣсто цьмя̀ное.
А душа жъ, моя душа, многогрѣшная,
А што жъ ты, душа, а ўготовила себѣ?
А ўготовила, душа, мѣсто цьмяное.
Не спомòжецъ жа души нашай ни оцецъ ни мацъ,
А споможецъ жа души нашай—дзѣлы добрыя.
Посты, молитвы, третьція милосьцина.

С. Любижъ, горецк. у.



МОЛИТВЫ.

1. Поклоняюся святому молодзенцу-парождзенцу, и Васильлику—Новому Годочку, и Хращѐньнійку, и Стрѣчаньнійку, и Авдокѐи и Ляксѣю, и Сорокȁмъ, божимъ молитвѐньникамъ-мучаникамъ, и святой Пяцинцы—плащаницы, вяликой, воскресной,—штобъ наши душачки отъ усякія скверносьци, отъ нужды, отъ печали, отъ цяжкаго уздыханьня, отъ слезнаго ўзрыдованьня, отъ нещастной годзины, отъ некаянныя силы,—штобъ насъ Богъ закрывавъ и помиловавъ, Исусъ Христосъ храстомъ и прачистая мати *Русіи*.

Поклоняюсь и святому Юръю—Ягоръю, молитвѐньнику, и святому Миколаю—запомошнику, молитвѐньнику, святителю; и святому Михайли-архани; и святому цару Костянтину, за свойго благодѣтельнаго цара государа Александру Александровича на довгая лѣта. И святому Дзевятнику и Дзесятуси-Пяцинцы, и святому Пятрў-Павлу, и Ильлю надзѣлящему, и царику Хролу.

Поклоняюся святому Борису и Ганьни—преподобникамъ; поклоняюся мацъ-святой Макавеи; святый Спасъ, милуй насъ и питай насъ, божай благодатьцю напитай насъ; пшаницу на проскуру, а божу рожу на питаньня душў. Прачистая маци, радуй насъ и помилуй насъ.

Поклоняюся святому Ивану Кспицялю и храницялю, и святому Здвиженію и Ўвядзенію, и Кузьму-Дземяну—срэбраньнику, и Варвары—божай преподобницы, мучаницы.

Божія преподобницы, молиця Бога за насъ!

Д. Заборье, кормянск. в. рогач. у. Молитва сообщена мнѣ старикомъ подъ секретомъ, какъ *запрещенная*.

2. Воскрёсъ Господзь Богъ, еще собяжиць самъ Сусъ Христосъ. Якъ воскъ отъ огня, такъ сатана отъ Христа: откоснись, отсатанись отъ мойго дому, отъ моѐ хаци! У моёмъ доми ни доли, ни воли,—прястолъ на прястоли; на тымъ прястоли латрый-камень, на тымъ камни Микита мученикъ; а перядъ имъ стоиць самъ Сусъ Христосъ, а перядъ имъ стоиць мацъ пресвятая Бугуродзица: сцеряжѐць, беряжѐць,—у дзень на работки,

у ночки на посцѣльки, потъ краснымъ сонцамъ, подъ ясным мѣсяцамъ, подъ луннымъ лунамъ, потъ частымъ звѣздамъ. Аминъ.

С. Мишневичи, город. у. вит. губ.

3. Шархни, Божа, по душѣ, по цѣлу, по ўсимъ дробнымъ косьцямъ, по жонцы, по дзѣткахъ, по ўсяму статку!

М. Лукомль, сънн. у. Говорится въ церкви при открытіи завѣсы.

4. Божи приказаньни—дзесяцёры.

Ямъ ёсь папъ Богъ твой, который вывявъ цябе изъ дому няволи, зямлй Ягипецкія.

Першое. Ня мѣй чужихъ боговъ перядъ собой, опрочь Господа нашаго навышняго. *Другое.* Ня будзешъ дарма божитца, проклинаць, присягаць. *Третьцее.* Помни обяздзѣльну нядзѣлю, святы свяцй, до службы божай ходзи. *Чацьвёртое.* Шануй отца зъ маткой, коли хочешъ довго жиць на свѣци. *Пятое.* Не забивай. *Шостое.* Не чужаложъ. *Сёмое.* Не крадзь. *Восьмое.* Ня свѣтчи, ня мовъ опрочь ближняго свойго. *Дзевятое.* Не хоци жаны ближняго свойго. *Дзесятое.* Не хоци а ни вола, а ни осла, а ни слуги, а ни служабнйцы, ни роли, ни жадны рѣчи.

Люби Бога, хвали Бога съ усихъ силъ, съ усихъ жилъ, со ўсёй души, со ўсихъ смысловъ, отъ щираго серца.

Три особы—одзинъ Богъ. Сотворивъ Богъ небо, зямлю и насъ грѣшныхъ; откупивъ Сынъ Божій цѣломъ, кровъю своёй святой, отъ грѣха, отъ пекла, отъ муки вѣшныя; посвяцивъ Духъ святый до вѣры хрисціяньской. Во ймя ʻтца, сына и святого духа, аминъ.

Охвярўю табѣ, Господзи, етый пацеръ на чесь, на хвалу твою святую, а намъ дай, Господзи, щасьце, долю, розумъ, памяць, навуку, сукруху добрую. Закрый жа насъ, Господзи, отъ бяды—кручины, смутку—печали, отъ усякаго злого; хувай жа насъ, Паня насвеншая, наша матка,—доняси наши молитвы свойму сыну, Богу нашаму. Да Спасыталь прибѣжища Христосъ, укрыватяль Духъ святый, Тройца святая. Божа милосьцивый, Божа, очисьци гряхи наши!

Бясъ числа табѣ, Господзи, сограшили передъ тобой. Просьци намъ, Господзи, во ўсякихъ грѣхахъ, у вядомыхъ и невядомыхъ. Благодарю цябе, Господзи, за святый дзяпёкъ (или: за святую ночку)! Судзи, Господзи, щасьливо ночку (или: дзяпёкъ) проводзиць, у корысьци, ў радосьци и ў добромъ здоровъи, и прими молитву нашу до ласки своёи святой.

Витебск. уѣздъ. Образчикъ ежедневныхъ молитвъ бѣлорусса.

5. Тоже.

Й а ви, люди христіяни,
Послухайтя приказаньня,
Да що намъ Господь заказуя,
Да дѣлать добро приказуя:
А первое, щобъ ня мѣли,
Другимъ богамъ ня вѣрили:
Чаровнико̂мъ ня дать вѣры,
А лукавымъ ня чинить воли.
Клястися Богомъ, то другое
Приказуя намъ Богъ тое:
Вѣшныя кары ня миная,
Хто напрасно присягая.
А третьтяя, щобъ ми знали,
День ндѣльный святковали,
Да Бога хвалити и моліітца
У цэркву ходити не лянитца.
Чатьвѐртое, шану̂й отца
И почитай матаръ свою:
Хто отца и матаръ свою шану̂я,
Тому Богъ вѣку даруя.
А пятое: ня забивай,
Людськой крыви̂ ня разливай;
Бо кровъ до помства до Бога
Клича ликомъ личникомъ.
А шо̂стое: бяражися,
Съ чужимъ мужамъ ня любися:
А вядуть у пекло чаловѣка,
Й а оттуль ня выйдешъ до вѣку.
Сёмое: ня крадь ничо̂го
И ня подмовляй нико̂го;
Ня чини жа̂дной крадѐжи,
А живи на Бога у̂ надежи.
Восьмое: ня свѣтчь хвалчиво,
Живи зъ людьми справядливо,
Да ня полягай ни на ко̂го,
Й а покинь злость ты, бойся Бога.
Дявъятое: ня пожалу̂й,
Съ чужой жаной ня засяда̂й,
Пустыхъ рачей ня размовляй,
Ни до просчей, ни до грѣху,
Покинь чартовськую утѣху.
Дясятое: той ли дому,
Ня чини кривду нико̂му,
Жадныя бяды̂ ня дѣлай,
Да ня замути водой бѣлой.
Люби Бога со всея души,
Ближняго свойго бяражи.
Люби Бога, якъ самъ сябе,
И дѣлай добро̂—дасть Богъ табѣ.
А ви, люди охвотьники,
Жидовськія работники,
Да Богу молитца ня у̂мѣли,
А у̂ жидовъ служить разумѣли.
Попы, дяки, щобъ ви знали,
И у̂ жидовъ служить запращали,
Покайтяся у̂си грэшныя люди,—
Послѣдняя у̂рэмъя будя,
Да будомъ слёзы проливати,
А сами сябе проклинати,
Що ми Бога ня волали,
Тольки жидамъ у̂служували,
Ня молилися Богу вѣрно,
Служили у̂ жидовъ нявѣрныхъ.

С. Кр. Буда, гом. у.

Отъ кр. Луки Бѣляева записалъ въ моемъ присутствіи вол. пис. Лебедевъ.

6. Вечерняя молитва.

У нядзѣлю ранепько
Красно солнушко усходзило.
Пресвятая мацъ Бугуродзица
По церкви ходзила,

Свойго сыночка за ручку водзила,
Отъ косьцёла до косьцёла,
Отъ нешпора до нешпора,
Отъ нешпора у рай свѣтлый.
А ў раи свѣтломъ
Сядзйць самъ Богъ
Ісусъ Христосъ,
Пишець письмы до старо́го, до мало́го.
Хто тыи па́церы перенимаець,
Тому Богъ свѣтлый рай раскрываець.
Три хресты̀, три листы̀,
Три апостолы, три янгалы;
Одзинъ хрестъ у го̀ловы,
Другимъ накрытца,
Третьцимъ обгородзйтца.

Владим. в. город. у.

7. Тоже.

Ходзила Марія
Коля синяго моря,
А на тымъ жа мори
Латыръ—камень,
А на тымъ жа камни
Золотый престолъ,
А на тымъ престоли
Святый Янъ Христовъ.
Узлѣзъ къ яму̀
Пётра—Павелъ:
Што жъ ты, Янъ Христовъ,
Своё цѣло пилуешъ,
Горячу кровъ разливу̀ешъ?
Идзи ты по бѣлому свѣту,
Скажи жъ ты мало̀му, старо̀му:
Хто ету па́церу зговорицъ,
Тому рай растворёный,
Пекло замкнёно,
Отъ обѣдни до вячерни,
Отъ вячерни до нешпора.
А ў мяне три хресты, три листы,
Три апостолы, три ангелы,
Три храницели, три судзяржицели.
Со ўсихъ силъ,
Со ўсихъ жилъ,
Отъ щираго серца,
Отъ тощей души,
Отъ ясныхъ вочъ
Хвалу табѣ отсылаю,
Творцу Усѣдзяржицелю.
Ослави, остави должникомъ нашимъ,
мы оставляемъ отцу, сыну и святому
духу, аминъ.

Тамъ же. Записаны г-жей Русаковой.

8. Починальная молитва нищихъ.

Господъ Богъ, Сусъ Христосъ, сынъ божій! А людзи вы божія, праведныя, православныя! Просимъ повмилосьцины убогимъ: житца, ячменю, крупъ, конопель, породу зѐмнаго, уроджаю святого, нябеснаго.

С. Свитощица.

9. Прошеніе полотна.

Альбо, мацъ наша, обѣщайся
Даци намъ рубашачку,
Усё й па цѣло наша грѣшное пріўкрываньня,

На калѣствія ўсё нищецкое,
Полоценца намъ пару локциковъ,
Вò Христа-радзи, вò Спасицеля,
На споминъ души, на спасэнія.
Вы подавши свойго, маменька, рукодзѣльлійка,
Помяницця своихъ сродниковъ умэршихъ,
Вы отцовъ, альбо мáцеревъ,
И своихъ брацієвъ.
Помянувши вы тогды, маменька,
Приклонницеся ки словамъ божіимъ,
Ко сцихамъ яго божаствéннымъ жа,
За грѣхъ за свой поминаючи.
Тымъ жа, о маменька, убытны ня будзецця,
Дома оцецкаго не ўсубóжицця,
Друга изь дзѣтками не обнаголицця,
Вы одзéжды не ўкороцицця,
Сами ў страдъ божій ня пòйдзецця,
Сабѣ царствія закỳпицця,
Раю свѣтлаго наслядỳецця;
Угòтовицця сабѣ царствія
Ў самого Христа, у Спасицеля,
У пресвятыя дзѣвы мацери Богородзицы.
Нерубашка васъ, маменька, породзила,
Не полоценца жъ васъ а ўзросьцило,—
Породзили васъ отцы-мацери,
Ускукòбили жъ васъ, узлялѣпли;
Гудувàли васъ, уцѣшалися,
При младосьци лѣтъ на ўцяшенія,
При старосьци лѣтъ на ўзберяженія,
При смерци-концы на споминъ души,
На споминъ души, на спасэнія.

Чаусск. у.

10. За здоровье.

О мы, нищая брація,
О мы, ўбогіи людзи,
Довжны мы Богу молитца,
Христа милосьци просици,
Не сами, братьци, мы собою,—
Своёй, братьци, нищетою.
Мы при именю Господнимъ,
Мы при именю Христови,
За (имя) здоровъя,
За отцовую молитву,
За матушкино порождэнія,
За гряховъ ихъ отпущенія.
Бугуродзица, мацерь Божа,
Воскрясенія Христово,
Рожаство Божа святое,
Нарождэнія Христово,
Святый Спасъ, Привображеньня,
Спаси Божа и помилуй!
Стань вамъ Господзи на помочь,
Святыи ангали на радось,
Цѣлесамъ вашимъ во здравъя!
Свѣтъ Василій Кесариньскій,
Александра а ёнъ Шведскій,
Свѣтъ Кирила Бялозерській,
Свѣтъ Абрамій Новогродскій,
Худовськіи чудотворцы,
Новогродскіи свяцицель,
Хрисціяньскій къ Богу заступникъ,
Застуци рабовъ, помилуй,
Прадъ усякій часъ-уремя,
Прадъ усякую годзину,
При заютреняхъ, при обѣдзенкахъ,
При молебенахъ господніихъ,
Што за гласными звонами,
Што за ясными свѣчами,
Што за божими службàми!
Ды й пощасьци жъ ихъ Господзь Богъ,

Ўсё со вышняго неба,
Кабъ и долей и щасьцемъ,
Кабъ и добрымъ здоровъемъ!
Святое Кщеньня-Хрященьня,
Громницы святыи,
Боговѣщенія Господня,
Вялйкодьня Христово,
Святый Юрій-Ягорій,
Іонъ, можанскій свяцицель,
Хрисціяньскій къ Богу заступникъ,—
Заступи, Божа, помилуй!
Свѣтъ Борисъ—христоцерпецъ,
Русалимській чудотворецъ,
Свѣтъ Миколушка ўмоляющій,
Ёнъ скорый, свѣтъ, помошникъ,
Хрисціяньскій къ Богу заступникъ,
Заступи рабовъ, помилуй,
Отъ огнянпаго пожару,
Отъ водзянаго потопу,
Ще жъ отъ наглыя отъ смерци,
Отъ гряховъ отъ сомярце́льныхъ!
Пяцинка, свѣтъ Прасковея,
У третьцій дзень воскрясеньня,
А святая Настасе́я,
Мацъ прямудрая Сохвея,
Новогродская святая,
Вознясенія Христово,
Святый Духъ, святая Тройца,
А святый Пётра и Павялъ,
А Кузьма-князь со Дземъяномъ,
Свѣтъ Ильля пророкъ дзень,
Огнянная колясница,
Свѣтъ Покровъ укрывающій,
Укрывай жа васъ Христосъ Богъ
Ўсё со вышняго неба!
Много хлѣба, много соли,
Животами на подворьи,
Всякой божай благодаци,
Про цялесное здоровъя,
Души вѣшное спасэньня,
Што жъ ты думаешъ, гадаешъ,
Христа милосьци ўпрошаешъ,
Дзесяцину завитаешъ,
Нищу братьцю надзѣляешъ.
Надзяли жъ цябе Господзь Богъ,
Надзяли цябе Царь нябесный,
И долей и щасьцемъ,
И добрымъ здоровъемъ!
Свѣтъ Миха́ила—арханелъ,
Царь, нябесный воявода,
Святъ Дзимитрій Солыньскій,
Русалимській чудотворецъ,
Святый Мина преподобный,
Столове́цкій чудотворецъ,
Хрисціяньскій къ Богу заступникъ,
Заступи рабовъ, помилуй:
Ручекъ, ножекъ отъ ломо́ты,
Животъ-серца отъ тошно́ты,
Буйну голову отъ боли,
Свѣтлы глазы отъ цямно́ты,
Отъ туги васъ, отъ печали,
Отъ вялікія кручины,
Отъ бесчастныя годзины,
Ўсё на многіи лѣты,
Ўсё на довгіи вѣки!..

С. Мишневичи, гор. у. вит. губ.

Ср. Вар. 207 и Дембов. № 8, нѣск. строкъ; Безсон. 1, 34—37 вел.

11. Тоже.

А мы, нишшія братія,
Мы довжны Бога молити,
Христа милысьси просити
Зы Иваныво здоровъя,

Зы яго долю, зы шшасься,
За Грахвенино здоровъя,
Зы яé долю, зы шшасься (и т. д. поминаются всѣ члены семьи)
Спаси, Госпыди, помилуй!
Самъ Господь Богъ, чарь пябесный,
Мать пряцыстыя, чарича,
Бугуродича, мать божжа,
Воскресенія Христово,
Вознесенія святоя,
Жив'нацальная Тройча,
И со Духымъ сы святымъ:
Наряцэльныя Пятнича,
Христотерпнича Христова,
Святый Милъ пріўподобный,
Стылобéнскій чудотворечъ,
Христіяньскій заступникъ,
Сыхраняй рабовъ, помилуй!
А святый Пётра и Павелъ,
Свѣтъ Кузьма сы Дымъянымъ,
Свѣтъ Гаврила херунмы,
Свѣтъ Илья, божжи пророки,
Святый Спасъ Привображéнный,
Святый день Рыжассвéнный,
Святый Покровъ покровéнный,
Покрывай рабовъ, помилуй,
Своей ризый, пеляною,
Неўгасимыю свяцою,
Своимъ цудным хрястомъ!
Спаси, Госпыди, помилуй,
При вотчовскою молитвый,
Матушкинымъ порождэньнимъ,
Батюшкинымъ быслoвеньнимъ,
Ўсё й родительской молитвый,
Зы Иваныво здоровъя,
Зы яго долю, зы шшасься (и т. д.)
Спаси, Госпыди, помилуй,
И съ сямъёю, живытами,
Зъ малымъ дѣткамъ порождонным,
Со ўсимъ домомъ благодарнымъ!
Спаси, Госпыди, помилуй,
Ў цыстымъ поли, ны работи,
Ў тёмнымъ лѣси, при ў походи,
Ў тёмный ноцы ны спокои,
Васъ отъ скорби, отъ болѣзни,
Отъ лихо́го цыловѣка,
Отъ нявѣрныго язы́ка,
Отъ ныпрасныго слова,
Непріятеля злóго;
Руки-ноги отъ ломóты,
Животъ-серча отъ тошнóты,
Буйны гóлывы отъ боли,
Свѣтлы воцы отъ тямнóты,
Бѣло тѣло отъ скорбóты;
Отъ мýки васъ, отъ пецали,
Отъ вяликія круцыны,
Отъ уложныя постели,
Отъ слёзныго рыданьня,
Отъ тяжолыго уздыханьня!
Стань вамъ Госпыди на помыцъ,
Святы ангылы на радысь!
Тѣлесамъ вашимъ здоровъя,
Душамъ вѣшныя спасэньня,
Усимъ грихамъ ны збавленьня,
Вамъ на многія лѣты!..

Велижск. у. вит. губ.

12. Тоже.

А мы, нищыя брація,
Мы довжны Богу молитца.
Мы да помолимся Богу,
Мы святыхъ оцецъ попросимъ,
А мы за друзи, мы за чады.
За ўвесь домъ вашъ блугусловенный,
Про ўвесь родъ вашъ, поколѣньня, —
Сохраняй васъ, Божа, й помилуй,

Васъ отъ туги, отъ печали,
Отъ вяликіи бѣдъ-кручины,
Отъ бещасныя васъ годзины,
Отъ злого ўрага васъ, чаловѣка,
Отъ напраснаго слова,
Отъ слязного проливаньня,
Отъ цяжкого уздыханьня.
Мапи прячистая, царица,
Воскрясэнія Христовъя,
А живоначалная Тройца,
Святая Пяцинка-Прасковея,
Наряченная Христова,
Святый Миколушка умоляющій,
А святый Илья надзѣляющій,—
А здзѣляй у доми хлѣбомъ-сольлю,
А ўсякею божай благодатьцю,
Во ўсёмъ доми и ў подворьи,
Во ўсёмъ жицялстви спрадвѣшнымъ.
А святый Ивана Спрадытэча,
Той Хрясцицель ёнъ Господній;
А Казаньскыя божія мацерь,
Скорбящія заступница;
Заступи васъ Спасъ, помилуй
Отъ усякія скорьби, отъ болѣзи,
Отъ улежныя васъ посьцели,
Отъ нагалныя смерци.
Стань вамъ Господзь Богъ на помочь,
А святыя ангалы вамъ на радось,
Бугуродзица й на милось.
Да й создай вамъ царь нябесный
Ўсимъ цялесное здоровъя,
А душамъ вѣшное спасэньня,
И зъ души гряховъ збавленьня,
Ўсё й отпини вамъ до вѣку,
Вамъ на многая лѣта.

Святощица.

Присоединяется и нѣск. молитвъ изъ заутрени

13. Тоже.

Во за вѣрное ваша подаяніе помолимся пресвятой дзѣви Богородзицы, святому дню божаствѐнному, наряченному, сонцу правядному. Якъ у спили чудный, придзивный арханалъ Михаилъ, такъ избави, Господзи, рабовъ божіихъ итъ скорби, итъ боли, отъ вѣшныя муки; такъ покрый, помилуй на много лѣтъ!

Ахъ мы, нищая брація,
Мы довжны Богу молитца,
И ў Христа я й милосьци просици,
Про сямъю вашу, про чаду,
Про ўсё доброе здоровья,
Про ўсё жицялство вяшное,
Про весь домъ вашъ благочестный.
Самъ Христосъ, а царь нябесный,
Мацъ прячистая, царица,
Хрисціяньская помошница,
Воскрясэнія жъ Христово,
Живоначальная Духъ-Тройца,
Во й святая Пяцинка-Прасковѣя,
Наряченная Христова,
Хрисціяньская помошница,
Кіявськая, пячерськая Божія мацерь,
Много отъ бѣдъ заступала,
Своёй пеляною прикравала!
Пріукравай жа васъ Богъ, помилуй,
Васъ отъ скорби и отъ боли,
Отъ вялики злы кручины,
Отъ нещастныя злыя годзины,
Отъ лихого злого чаловѣка!
Сохрани васъ Богъ, помилуй,
Што вы думали, гадали,
Ў Христа милосьци прошали!

Стань жа вамъ Господзь Богъ на [помочь,
А святыя ангалы на радось,
Бугуродзица на милось,
Хуруимы, сарахвимы,
Ўся нябесная сила,
А Смоленьская Божія мацерь,
А Пустыньская ўладычица,
Анциславськая заступница,
Святъ Миколушка ўмолящій,
Святый Илья надзѣлящій,—
Надзѣляй васъ Богъ здоровьямъ,
Усякой божай благодатьцю!
Заступи васъ Богъ, помилуй,
При вотцовськой и молитви,
А ў матушкинымъ порождэніи!
Сохрани васъ Богъ, помилуй,
Про цялесное здоровья,
А душамъ на вѣшное спасэнія,
А гряховъ вашихъ на отпущенія!
Сохрани васъ Богъ, помилуй,
Васъ отнини и до вѣку,
Васъ на многая лѣта!..

Избави васъ Господзи отъ усякія скорби, нужды и печали, нужды и печали!..

Мстисл. у.

14. Многолѣтіе.

Многая вамъ лѣта,
Ой создай жа вамъ Господзи
Ўсимъ на многая лѣта,
Создай жа вамъ царь нябесный
На цѣло ваша вó здоровъя,
Сотворяй жа вамъ самъ Сусъ Христосъ,
Мацъ прячистая, святая вó царица,
Воскрясенія Христово,
Живоначалный святый Духъ,
Святая Тройца,
Сохраняй васъ Богъ да й помилуй,
Отъ туги, васъ отъ пячали,
Отъ вяликія злы кручины!
Што вы думаеця, вы гадаеця,
Христа милосьци вы прошаеця,
Станецъ жа Господзь вамъ на помочь,
Святыя вангали вамъ на радось,
Бугуродзица вамъ на милось,
Святъ Миколушка умоляющій,
Святый Илья надзѣляющій,
Святый Спасъ совершающій,
И ў пуци вамъ, во здоровъи,
Ай отъ вѣку вамъ до вѣку,
Вамъ на многая лѣта.

С. Мхиничи, черик. у. могил. губ.

15. Якъ подоруць (многолѣтіе).

Дай жа Божа, ваши дары на престоли стояли, отъ мукъ вѣшныхъ укрывали, отъ гряховъ смяртэлныхъ, отъ побидъ земныхъ,—Божа васъ поздоровъ!

Святощица.

16. За военнаго человѣка (солдата—члена семьи).

Богъ вамъ создай цялеснаго здравія, душевныя спасэнія, у трудахъ вашихъ благое поспяшенія, на ўраги на ваши побядзи отдаленія, нашаго

анпиратора, у Христа любимое воинство и воина (имя солдата) сохрани Господзи на многія лѣта. (Многолѣтіе). Ящо Господа Бога просимъ за ўсё у Христа любимое воинство, у міри страждающи, кровъ свою горючую за православныхъ крестьянъ проливающи. Пощась (посчасти) яму, Господзи, поможи, у працы, ў мозолй, у вѣрной силы, у оцецкой молитви. Стань яму Господзи на помочь, Тройца на молитвахъ, пресвятая Бугуродзица. Спаси Господзи! (3 р.).

А мы, нищія а ўсѣ брація,
А мы довжны Богу молитца,
Христа́ милосьци просици
Пры служащаго чаловѣка,
Мы пры царськую службу,
Пры Христа любимое воинство.
Пры Прокопово здоровъя,
Пры яго долю, пры щасьця,
Пры войцовськыю й молитву,
Пры государськыю вѣрныю службу.
Сохраняй яго Божа, помилуй,
Раба божыго Прокопа,
Государськыгө й чаловѣка,
Христа́ любимаго а воина,
На чужой дальней сторонки,
При пуци яго, при дорози,
При вяликому у й походу,
При цяжолой вѣрной службы,
При государськый мунпцы,
При солдацкеи колдни,
При войцовськый жа молитви,
При ўсёмъ добромъ ой здоровъи.
Сохраняй яго Богъ, помилуй,
Усё й при цёмныхъ жа нөчихъ,
Усё й при строгихъ калавўрыхъ:
А на первымъ жа приступи.
На турецкый ны границы,
Отъ нявѣрныя силы,
Отъ пўшашнаго побою,
Отъ ружейнаго пострѣлу,
Яго 'тъ буйныя отъ пули,
Яго 'тъ вөйстраго меча,
Отъ большого крыволитьця,
Раба божыго Прокопа,
Государськыго чаловѣка,
Христолюбимаго воина,
Ўсё на мо́рихъ, на кора́блихъ.
Отъ водзяныя й потопы,
Отъ огняныя й пожоги,
Отъ злого ўрага чаловѣка,
Отъ слязнөго проливаньня,
Отъ цяжкаго уздыханьня.
Мацъ прячистая, царица,
Воскрясэнія Христовъя,
А живоначалвая Тройца,
Святая Пяцинка-Прасьовея,
Наряченныя Христовъя,
А святый Миколушка ўмоляющій,—
Той солдацкій помошникъ,
Кресціяньскій заступникъ,
Заступи яго, спаси-помилуй.
А святый Илья вадзѣляющій,
А здзѣляй яго хлѣбомъ-сольлю,
А ўсякею божыю благодатьцю,
На чужой дальней сторонки.
А святый усё й Иваня,
Той крясьцицель ёнъ Господьній,
А Кызаньскыя божыя мацерь,
Скорбящія молебница,
Кресцьяньскыя заступница,
Заступи яго, спаси-помилуй,
Яго 'тъ скорьби, отъ болѣзи,
Отъ уложныя посьцели.
Стань яму Господзь Богъ на помочь,
А святыя ангалы на радось,
Бугуродзица й на милось.

Да й создай яму, царь нябесный,
Цѣлесамъ яго здоровъя,
А души вѣшныя спасэньня,
И зъ души гряховъ збавленьня.
Вознясэнія святое,
Возняси яго Господзь Богъ
На родзимыю сторонку,
А ў войцовськыя подворья,
Въ матушкино спорождэньня,
У войцовськыя блугусловеньня,
Раба божыго Прокопа,
Государськыго чаловѣка,
Христолюбимыго ўсё й воина.

А святый жа Иванъ Воинъ,
Той солдацкій ёнъ помошникъ,
Поможи яму самъ Господзь Богъ
Царськыю службу отслужици,
Въ свою сторону звороцитца,
Съ ойцомъ й зъ мацерью повидатца,
И зъ другáми и съ чадами,
И зъ брáтыми и съ сестрàми,
Со ўсъмъ зъ родомъ—съ поколѣньнемъ,
Со ўсимъ зъ домомъ блугусловеннымъ,
А ўсё й вотнини ўсё й до вѣку,
Вамъ на многая а лѣта.

Тамъ же.

17. Тоже.

О здравіи, о спасэніи за глазы свѣтлыя, за руки рабочія, за труда правядныя, за вотпущенія гряховъ, за ўрожай пашни, за статки сцалэнныя и за домъ благусловенный, Бога нябеснаго просимъ и божжи молитвы творимъ! Царю няб есный и т. д. Богъ Господзь явися намъ и т. д. Разрушивъ яси хрястомъ твоимъ смерць и т. д. Помолимся Спасу исцинному и воскрясэнію о здравіи рабовъ божіихъ (перечисляются имена хозяевъ):

А мы, нищая брація,
Мы довжны Богу молитца,
Ў Христа милосьци просици
Про солдацкое здоровья,
Про служащаго чаловѣка,
Мы про долю и про щасьця,
Ўсё про доброе здоровья,
Про ўсё вѣшное спасэньня,
Про ўсё жицялство вяшнóе!
Поможи жъ яму самъ Господзь Богъ,
Дзѣ ёнъ ходзиць, дзѣ ёнъ бродзиць,
Што ёнъ думаець, гадаець,
Ў Христа милосьци ўпрошаець,
При пуци яго, при дорози,
При ўсимъ яго добромъ здоровьи,
При чужой дальней сторонки,
При государськей жа служби,
Во при царськой коруни.[1])
При ўсёмъ воинству любимымъ.
Сохраняй яго Богъ, помилуй,
Отъ огнянныя пожоги,
Отъ водзяныя потопы,
Буйны головы (род. пад.) отъ ломоты,
Ясныхъ вочакъ отъ цямнóты,
Живота-серца отъ тошноты,
Ручакъ, ножакъ отъ ломоты!
Сохрани яго Богъ, помилуй,
Ўсё при крѣпкихъ калавурахъ,
На военномъ на приступи,
Войстраго мéча отъ посѣку,
Отъ ружейнаго пострѣлу.
Сохраняй яго Богъ, помилуй

1) Вар. при военной коруни (хоругви?).

От пушашныя больныя смерци,
От злодзѣя командзѣра,
Сохрани яго Богъ, помилуй!
Стань яму Христосъ Богъ на помочь,
А святыя ангалы на радось,
Бугуродзица й на милось,
Херуими-сурахвины,
Усё и нябесская сила,
Мацъ прячистая, царица,
Воскрясэнія Христово,
Поможи яму Господзь Богъ
При вотцовськой ой молитви,
Матушкиномъ порождэніи.
Й а животначальный Духъ и Тройца,
Святая Пяцишка а ёсць Прасковѣя,
Парячѐнная Христовая,
Много отъ бѣдъ заступаець,
Пелянѡю пріукраваець.
Пріувокрый яго Богъ, помилуй,
Яго тъ скорби, яго тъ боли,
Й отъ вяликія бѣды—кручины,
Й отъ нещастныя злэя годзины.
Сохраняй яго Господзь Богъ
Отъ смутны цяжки тружной посьцели,
Яго отъ цяжкаго уздаханьня,
Многослезнаго раданьня.
Святый Миколушка умолящій,—
То солдацкій помошникъ;
Пощасьци жъ яму Богъ, поможи,
При пуци яго, при у дорози,
При чужой гальней сторонки,
Гдѣ жъ ёнъ а спробуваець,
Христа милосьци упрошаець,
Богу молитвы отсалаець,
У добромъ здоровьи отслужитца,
А на свою сторону звороцитца,
Зъ родомъ—съ племенемъ повидатца,
Съ отцомъ—съ мацерью попрощатца.
Святый Ильля у Бога надзѣляющій,
Спасъ а Миколушка умоляющій,
Надзѣляй яго хлѣбомъ—сольлю,
Усякой божжай благодатьцю,
Благодатьцю а Христовой.
О создай жа яму Господзь Богъ
На бѣло цѣло здоровья.
А душамъ на вѣшное а спасэнія,
Усимъ грахомъ душй збавленія,
Вѣку яго продовженьня
Яму на многія лѣта!..

Климов. у.

Въ *чаусск. у.* стихъ поется съ слѣдующими варіаціями:

Ой мы, нищая брація,
Мы довжны Богу молитца,
Про служащаго чаловѣка,
Про солдацкое здоровья,
Сохрани яго Богъ, помилуй
При пуци яго, дорози,
При государськей яго службі,
При военныхъ при палатахъ.
Сохрани яго Богъ, помилуй
На приступи побываци,
Ружьёмъ яму воеваци.
Сохрани яго Богъ, помилуй
Отъ пушейнаго побоя,
Отъ ружейнаго заряда,
Войстрыя мечи отъ посѣки и т. д.

18. За умершихъ.

Макарыву душу раю свѣтла, чарства нябесна,
Варварину душу раю свѣтла, чарства нябесна,

(и т. д. поминаются имена умерших)
Усихъ зродцывъ вашихъ, родителявъ,
Дядовъ вашихъ, бабыкъ,
Вотчовъ вашихъ, матыкъ,
И батюшикъ хрёсно,
И матушикъ хрёсно,
Дядюшикъ и тётушикъ,
Братчывъ и сястрицыкъ,
Мылодыи мылоденчи,
Кщоныихъ, рожоныихъ,
Ангылывъ хрящоныихъ,
Ў пеляны ўрацоныихъ,
Ды пымянётъ Госыпыди,
Ўсяго роду, пыколѣнія,
Родъ вашу, пляменія,
Кажныго по йменію,
Сиротыкъ, удовыихъ,
Безпріютныи головушикъ,
Пи́сынныхъ, ня писынныхъ,
Цы́тынныхъ, ня цытынныхъ,
Вѣдымныхъ, ня вѣдымныхъ,
Памятныхъ, ня памятныхъ,—
Про ихъ Господь знаитъ,
Имя прыцытаитъ.
Ды й пымянётъ Госыпыди
Ны войны посяцонныи,
Ны мыряхъ пытоплённыи,
У лисахъ зыблужонныи,
У звиряхъ пыядённыи,
Ны огню пыгорённыи,
У цужи земли зывядённыи,
Заклюцонныи, пылонённыи,
Бязвѣстныи головушикъ!
Дывяди ихъ, Госпыди,
До горыда до Русалима,
Ды чаря Давыда,
До пресвѣтлыго чарства.
Дѣ Сакывъ и Якывъ,
И ‘Нтоній, Хвядосій,
Кіявськіи, пецальскіи,
Святы мошши спыцываютъ,
Преставшіи души принимаютъ,
А грѣшныи разрішаютъ.
А ўпиши ихъ, Госпыди,
Во книги духовнаи,
Ў грамыты чарковнаи,
За прястолымъ за Господнімъ,
За гласными звына́ми,
За ярыми свицами,
За божжію службый,
За божжій молитвыи!
Дывяди ихъ, Госыпыди,
Ды чарства нябёсна,
Ды раю до свѣтла;
Сытвори жъ имъ, Госыпыди,
Вѣцную память!

Велижск. у. вит. губ.

19. Тоже.

Помяни Господзи вѣру, надзежду, рабовъ божихъ, напе́редъ царя Давыда и кротосьци яго, славныя памяци, и прэчихъ переставшихъ, упокоющихъ, и ўсихъ рабовъ переставленныхъ—Божа ихъ спомяни! у царстви нябесномъ, у житьцю вѣшномъ, ў раи прасвѣтлымъ. Божа ихъ спомяни! до славныя памяци, рабовъ божихъ (имена умершихъ).

Помяни Господзи усихъ душъ переставле́нныхъ, рабовъ и рабынь, протчихъ усихъ и за ўсихъ, роді́талявъ вашихъ поме́ршихъ, покрэвныхъ оцепъ и брація, крэвныя пріяцели, сродники и сродницы, собра́нныя,

пламе́нныя, по имени узовующихъ,—Божа ихъ спомяни!—Старыхъ и малыхъ, и перядъ Богомъ собра́нныхъ, которыхъ Господзь собравъ, на вострашный судъ пославъ, на будущія вѣки, на хторое божецкое приводшествія.

Божа ихъ спомяни, вѣдомыхъ и ня вѣдомыхъ, читаныхъ и ня читаныхъ, писаныхъ и ня писаныхъ, казаныхъ и не казаныхъ, па́мятощныхъ и не памятощныхъ, по суду̂ стоящихъ, во гроби спочивающихъ,—самъ, Господзи Владыка, уси души созна́ешъ и по имену узываешъ. Упиши ихъ Господзи у книгу суботнію, царьковную, свѣтъ—грамотную! Дошли Христосъ ихъ души до граду Русалиму, до предку Адама и до прасвѣтлаго царства, идзѣ жъ уси святыя православныя, довѣрныя спочиваюць, Аврамій, Исакъ и Яковъ ученикамъ ликуюць.

Божа ихъ спомяни, при церьквяхъ божихъ и при номастыряхъ, и при бѣдняхъ, при вангеляхъ, при кахмистахъ, при молебнахъ, при у̂синошныхъ, при заутреняхъ Господнихъ! Божа ихъ спомяни, за виннами чарами и за гласнами звонами, за ря́снами ладунами, и за мякками проскурами, за яснами свѣчами и за сладками канунами.

Божа ихъ спомяни, у мѣсьци златномъ, мѣсьци прикладномъ, мѣсьци свѣтломъ, мѣсьци почившимъ, оттвори Господзи праведнымъ отъ земли пророкъ вопіящимъ, земля смотрющая, и косьци погрябущія! Видзиць Богъ мощи, блаженнымъ есць царь ли нищимъ, и грѣшныхъ, и со праведны Хрисце души рабовъ божихъ до дзевятаго поколѣнія, до дзесятаго читанія, до двѣнатцатаго престолу, троицкахъ, яко яны согряшили, збавъ отъ вѣшныя муки, огня гіемськаго!.. Достойно есть... Со святыми упокой... Вѣчная память...

М. Бѣлынковичи, климов. у. Стихъ приведенъ дословно. Ср. Безсон. 1, 41.

20. Тоже.

О Господзи, за у̂покой ду̂ши переставшія, за родзицелявъ умэршихъ, за воставленія гряховъ, Вотча нашъ.... И прапомяни, Господзи, и у̂ дзесятомъ писаніи, у дванатцатомъ поколѣніи, и при завутреняхъ, при бѣдняхъ, и при церьквяхъ, при номастыряхъ, и при косьцёлахъ, и при соборахъ, и за гласнами звонами, и за ярами свѣчами, и за солодками кануна́ми, и за мякками просвира́ми, и за ряснами ладанами!

И припомяни ихъ Господзи у̂сихъ сродниковъ, хрѐсныхъ и родныхъ, и вѣстныхъ и нявѣстныхъ, и писаныхъ и няписаныхъ, которыя на гни погорали, и на водзѣ потопали, и на лясу̂ заблуджали, и звярьё поѣдали, и сукраменту ня принимали.

И прапомяни ихъ Господзи, рабовъ божихъ, которыя па приступи стояли, и нявидную муку принимали, горючую кровъ разливали, и за хрисціяньскую вѣру стояли, и ратунку ня мѣли,—и самъ жа ихъ Господзи знаешъ, славу васалаешъ.

И доняси ихъ Господзи до града Русалима, до предковъ Адама, до прасвѣтлаго царства! И прапомяни ихъ Господзи, рабовъ божихъ, у царстви своёмъ, и дай имъ души наслаждэнія и вѣшный покой, и вѣшную памяць. Якъ ёсць у царстви сила и слава, и нини и присно и во вѣки вякомъ, аминъ. *Каз. Слободск. в.*

21. Тоже

Помяни, Господзи Божа нашъ, рабовъ божихъ и рабынявъ, усихъ протчихъ сродникывъ и сродницывъ, родзицели ваши умэршія, души представшія, у гроби лежащія, отъ вѣку спочивающія (обладаеши нами живыми и мертвыми). Помяни Господзи дзяды ваши и бабки, вотцы й мамки, браты и сéстры, дзядзьки и цётки, дзявицы, младзенцы, правокрасныя панны, дзѣтки малéнькія, кщоныя и роджоныя, ангалы чистыя плотныя,—Господзи спомяни.

Помяни Господзи удовъ и сиротъ до дзевятаго поколѣнія, до дзесятаго почитанія, бабку восприéмную, которая бабка съ сырэя зямли принимала и брудзь цѣла очищала, мацери на руки создавала. Господзи спомяни вотца хрéснаго, матку хресную, котора матка потъ хрестъ подносила, у кресціяньскыю вѣру уводзила,—Господзи спомяни.

Помяни Господзи усихъ старыхъ и малыхъ, усихъ сообранныхъ, которыхъ Христосъ собравъ су волнаго свѣту на будущій вѣкъ, на вострашный судъ. Помяни Господзи при чудовныхъ хрестахъ, при номастыряхъ, при обѣднихъ, при ўсѝнышныхъ, при завутренихъ, при кáхмистыхъ, при вангыляхъ, при службахъ божихъ, при молитвахъ господнихъ, за тридзевяць поминаніемъ. Помяни Господзи, Исакъ и Яковъ, Антоній и Хвядосій—кіявськія, пящерськія, мощи русалимськія,—которыя мощи у руськія во грады прибываюць, до раю свѣтлаго души принимаюць, ежа со вучениками и со пророками, со ўсими святыми апостолами. Господзи спомяни отцовъ вашихъ, мацеровъ, брацієвъ, усихъ сродственниковъ, усихъ честныхъ родзицелей. Усихъ нини равно приснономинаемъ по плоци, усихъ православныхъ кресціянь. Помани Господзи у мѣсьци свяцѐмъ, мѣсьци злáчнемъ, мѣсьци упокойномъ, у мѣсьци прикладнымъ, и сотвори имъ Господзи вѣшную памяць.

Святощица. Зап-нъ отъ Гер. Моисеева, 37 л.

22. Тоже.

За ўпокой вѣшный, за душачки православленныя молимъ. Помяни Господзи достойныхъ, правядныхъ у царствьи нябесномъ, душачки правоставленныя, и помяни жъ Господзи усихъ усопшихъ и рабовъ божихъ, и пріяцелевъ покрѣвныхъ, и душачакъ правоставленныхъ; и помянецъ ихъ самъ Господзь Богъ, которы на мори потопали и на ʻгни погоряли, у лѣси заблуджали, звярьми заѣдано и листомъ припадано, тыхъ некому поминаци, помянѐцъ ихъ самъ Господзь Богъ. И помянецъ самъ Господзь Богъ, которы Богу, царю присягали, и на приступи стояли, подъ мечъ головку поткладали, и за насъ православныхъ кресцянъ муку приняли и горючую кровъ проливали. И помянецъ самъ Господзь Богъ бабку пріёмницу, которая отъ сырей зямли подымала, первый хрёстъ накладала и отъ мукъ ретовала, гряховъ забороняла. Помянецъ Господзь Богъ у царствьи нябесномъ бацьку хрящонаго и матку хрящоную, которыя ангальскую душачку подъ хрёстъ подносили, у кресціяньскую вѣру душачку вводзили. Помянецъ самъ Господзь Богъ усихъ усопшихъ рабовъ божихъ у вашемъ роду плямѐнію, каждую душачку по именію, при ў суду лежащаго, при вѣку представшаго. Помяни жъ, Господзи, отцовскій родъ и матчинъ родъ, отцовъ вашихъ и матокъ, дзядовъ и бабокъ, цётокъ и дзядзекъ, и братцовъ и сястрицовъ, усихъ вѣдомыхъ и нявѣдомыхъ. Помяни Господзи старыхъ и малыхъ, перядъ Господомъ Богомъ усихъ собраныхъ, пáмятавшихъ и непамятавшихъ, и дальныхъ и ближнихъ, пріяцелевъ покревныхъ, душъ правостáвленныхъ, которыхъ мы не знаемъ, по имѐнію почитаемъ; мы призабыли, самъ Господзь Богъ познаецъ, прачистая божжа матарь усихъ по именію прочитаецъ. И помянецъ ихъ самъ Господзь Богъ при царквáхъ, при номастыряхъ, при кáхмистряхъ, при тайной вячерни, при ютреняхъ, при панахидахъ, при службахъ Господнихъ. И помянецъ ихъ самъ Господзь Богъ у мѣсьци свѣтломъ, у мѣсьци гласномъ, у мѣсьци препокойномъ, и ў царствьи нябесномъ. И ўпиши жъ ихъ, Господзи, душачки православленныя, созданной рукой, у книги суботнія, пасалтыри царковныя, у граматы хурупмськія. И донясецъ ихъ самъ Господзь Богъ ихъ до города Русалима, до прежняго Адама, до нябеснаго царства, дзѣ самъ Христосъ на воздуси Господнемъ, дзѣ у царя Давыда у крѣпосьци отцы преподобные препочиваюцъ, ни смутки ни печали не маюцъ, ни цяжкаго уздыханьня; дзѣ Сусъ Христосъ грѣшныхъ душачакъ очищаецъ, достойныхъ, праведныхъ, до раю принимаецъ. И прими жъ Господзи у вашимъ рòду—плямѐнію, и кожпаю душачку по ймѐнію, при ў суду ихъ лежащаго и при вѣку ихъ православленнаго. И дай жа имъ Господзи рай свѣтлый, царство нябесное, вѣшный покой.

Полъяков. в. мог. у.

23. За статокъ, за скотину.

Во̀ святый Хролъ а Лаврія,
Сопаси Божа лошадъ вашахъ!
Святый Уласій а Панасій,
Сопаси Божа красуль вашахъ!
Святый Настасій [1]) Пріукрасный,
Сопаси Божа овецъ вашахъ!
Щедрый Василій Косаревській,
Сопаси Божа свинокъ вашахъ!
Святый Ягорій хорабрый,
Пресвяцицелю ёнъ Христовый,
Святый Ягорій хорабрый,
Помилуй жавота вашаго, статку,
Усякаго вѣшнаго злого упадку,
Ихъ па раннахъ па вуго̀нахъ,
На вячернихъ на сыборахъ,
А йдзѣ травы сыѣдаюць,
Идзѣ зямчужныя ро̀сы сыпиваюць,
Дзѣ й починочки пріўнимаюць,
Христа на̀ помочь призаваюць.
Стань жа вамъ Христосъ Богъ на помочь,
Святыя ангалы вамъ на радось,
Бугуродзица й на милось,
Харувины, сарухвины,
Ўся й нябесная сила,
Сохрани жъ вамъ ихъ, помилуй,
Ихъ подъ цёмными ночами,
Ихъ подъ ясными зарями,
Ихъ подъ сонцамъ, подъ мѣсичкомъ,
Ихъ отъ звѣря и отъ змѣя,
Усякаго ўрага—супостата,
Отъ уразькыя силы,
Отъ пещастныя злыя годзины,
Отъ лихого злого чаловѣка,
Отъ ненавистнаго глаза,
Отъ проклятаго языка,
Отъ напраснаго слова,
Отъ забидзящаго чаловѣка!
Сохраняй ихъ вамъ, помилуй,
Ихъ на многія лѣта,
Во ўсёмъ доми и подворьи,
При пуци вашамъ, здоровьи!
Святый Илья надзѣляющій,
Спасъ Миколушка молящій,
Надзѣляй домъ хлѣбомъ—сольлю,
Ўсякой божай благодатьцю,
Самимъ доброе здоровья,
До конца вамъ жижни—вѣку,
Ўсимъ вамъ многая лѣта.

Господзи многомилосьливый, Тво̀рца, пощасьци и поможи у домо̀вцы, и ў пашенцы, и ў сямейцы, и ў коникахъ, у статку, у господарстьви милосць божу, ласку святую, нябесную, прожици молитва̀ми божими, святыми, нябесными. И Господзь сохраниць, помилыець на многія лѣты, вамъ отнини и до вѣку.

Мстисл. у.

24. Тоже.

Спали, Господзи, соблюдзи, святый Хролъ и Лаврій, Ягорій храбрый прастàтальничакъ божіи, живота вашаго статку, лошадокъ пахаревъ, красуль вашихъ, и Наста свинокъ вашихъ, святый Мамонтій 'вечакъ вашихъ, па травахъ, на водахъ, на ўсякихъ божихъ ўраменахъ, на зялёныхъ лугахъ, на шавковыхъ травахъ, на топкихъ болотахъ, на зямчужныхъ росахъ. Спали вашаго статку отъ усякаго упадку, отъ урага

1) Вар. Мамонтій.

супостата, отъ пакупника, отъ нависьника, отъ побидной злой годзины. Переняси Господзи ихъ чаразъ лютыя воды па зямчужныя росы, на прiўкрасныя травы. Святый Ягорiй храбрый, прастáтальничакъ Христовый, святый Ласiй—Яфанасiй, сыпаси Божа, помилуй, живота вашаго, статку, ихъ на раннахъ на вугóрахъ (сто значитца—хвонскихъ горахъ), на вячернихъ на субóрахъ и т. д. (см. предыд. №. Затѣмъ:)

За статки ваши сцаленныя, за уроджай земный, за кониковъ пахаревъ, за хлѣборабочихъ, за сямейку—чаду, за сей домъ благочестный! Господзи, подай зъ грунту уроджай земли, благодаць божую, изъ неба споможенiя. Господзь васъ сохрани, помилуй на многiя лѣта!..

М. Бѣлынковичи.

25. Тоже.

Святый Хрола и Лаврiя,
Сопасай Господзь лошадокъ;
Святый Авласiй-Панасiй,
Сопасай Господзь коровокъ;
Святое Настасься,
Сопасай Господзь овечакъ;
Святое Василiя привоблаженное,
Соблюдай Господзь свинокъ;
Святое Ягорiя, вотча Микола,
Соблюдай Господзь, помилый,
Усяго вашаго скоту,
Дзѣли ўсякаго приплоду,
Ўсё й на ранныхъ на выгóнахъ,
На вячерныхъ на субóрахъ,
Дзѣ травицу соѣдаюць,
Дзѣ росицу собираюць,
Успочинку принимаюць.
Закрывай Господзь, помилый,
Ихъ отъ звѣра, ўсё й отъ змѣя,
Ихъ отъ гада-супостата,
Непрiяцелскихъ языковъ,
Отъ урошнаго глаза,
Нещасьливыя годзины.
Спаси Господзь, умножь Господзь,
Совершай Господзь, приплодай Господзь,
Плоды зéмныя, урожаи святыя нябесныя—
На многая лѣта.

Свят. вол. д. Сотищево. Отъ богодѣльн. мастерицы Евд. Ивановой, 35 л.

26. Тоже.

Помолимся за вашу скоцину: Богъ яé выбавляй зъ лютыя зимы на цихiя лѣты, а па микольскiя трóвы и на юрьяву росу. Богъ жа яé соблюдзи отъ звѣря лѣсового, отъ непрiяцеля злого, отъ непрiяцелскихъ рукъ, отъ озрихъ вочей, и щитомъ яé не побядзи (?) вашую скоцинку, и хрястомъ своимъ чесным и животворящимъ, и усими силами узнябесными. Богъ жа яе исцаляй и ўкрывай мiрськую скоцину, якъ долину травою, а рыбу лускою, а воду волною, такъ вашу скоцинку святый Юръ-Ягорiй и святый Миколаю, скорый запомошникъ, отъ бѣдъ заступникъ, Богъ жа спаси и расплоджай ихъ, по полю здоровыхъ, на цѣли сытыхъ,

а вокомъ прасвѣтлыхъ, у дзень потъ слонцамъ, а ў почи подъ мѣсяцамъ. Якъ у божжія матки цѣла корупы не счернала (такъ пяетца), такъ у вашаму статку крыви не разливала и Матцы найсвеньшай создавала на вашія вѣшныя ужитки, а на нашія божжія молитвы. *С. Нѣжково, мог. у.*

27. Тоже.

Ахъ, Юрьева матка
Усю ночку не спала,
У Петра ключи брала,
Зямлицу отмыкала,
Росицу выпускала.
А вы, людзи—хрисціяни,
Раненько уставайця,
И скоцинку свою выгоняйця,
На Юрьявы росы,
На Микольскія трóвы.
Кабъ ваша скоцинка
Здоровенька была,
Роску спожила,
И до дому господняго
Здоровая пришла.

Тетерин. в. Иванъ Даниловъ.

28. Тоже.

За статки съ воланіемъ взываемъ къ милосердному, милыхъ животовъ, при подворіи, широкимъ стадамъ и вяликимъ плунàми, укрывай Христосъ милосерный, на цихіи лѣты, на вясёлыи годзины. Укрывай Христосъ милосерный вашаго статку отъ усякаго упадку, отъ нявѣдомаго убытку, отъ звѣря бягучаго, отъ гада ползучаго, отъ нявѣрна язы̀ка, отъ лукава человѣка, отъ зазриваго глаза, ризой—пеляпой своёй крѣпкою, крястомъ честнымъ животворящимъ, молитвами святыми, нябесными. Дай жа Господзи, ваши статки пили и ѣли, и весело ходзили, во дворъ пожитки приносили, съ молодыми приплодками, старымъ на веселеніе, вашимъ душамъ на вѣшное спасеніе. *Городок. у. вит. губ.*

29. Тоже.

Ящо молимся за восцаленныя ваши статки, за коники—пахотники, за коровки—мамки, за ўсѣ дробныя статки; сцаляй Божа и спасай усякаго вашаго статку. Святый Христовъ страстотерпча, побѣдоносца Ягорія, сцаляй, Божа, и спасай. Святый священноначальнича, вотча Миколая, чудотворецъ, скорый помошникъ, цёплый заступникъ, сцаляй, Божа, и спасай. Святый славный, блаженный, вяликій вотча Василій, святыя Уласій и Панасій, вярховныя апостолы Петрà и Пáвля, и щé болѣзи—трудà ваши, имыже трудилися ящо благовѣсьцію Христовому; святое славное Успенія, васъ не воставляющее; святыя Хролы и Лаврія—животныя а пастыри; святыя Кузьма—Дземьянъ бязсрэбранники; святый Михаилъ со ўсими ня-

бесными силами бясплотными,—исцаляй, Божа, и спасай усяго вашаго статку, на ранныхъ зарахъ, дзень на походзи, ночь на положи, дзень подъ сонцымъ, ночь подъ мѣсяцымъ; така закрый, заступи усяго вашаго статку отъ злого отъ вяликаго упадку, отъ лятучаго змѣя, отъ бягучаго звѣра, отъ злого урага—супостата, отъ злого чаловѣка, отъ непріяцелскихъ языковъ, заступи, Господзь, помилуй. *Святощ. вол.*

30. За нивку.

Дариця насъ нови святыя,
Ильлинскаго надзѣлку,
А Спасовськаго совяршенія,
Прячисьценськаго засѣвку,—
Господзи, совершай и надзѣляй.
Господзи, сохраняй вашу пашаньку,
Дару божаю,
Отъ грозныхъ тучъ,
Отъ буйныхъ вѣтровъ.
Подай, Господзи, споръ—умолотъ,
Лѣты добрыя,
Росы цёплыя,
Зъ грунту уроженія,
Зь неба поможенія,
И споръ—умолоту!...
Городецк. в. гор. у.

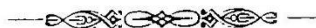
Поется въ гумнѣ, при первой молотьбѣ.

31. За урожай; за нивку.

Ой мы, нищая брація, мы довжны Богу молитца, ой за конпиковъ пахаревъ, за ўроджай земный, за хлѣбоработниковъ! Просимъ васъ, отцы нябесныя, породу зёмнаго, уроджаю нябеснаго,—дзѣ вы сошку закладаеця, ручкой засѣваеця, Христа на помочь призываеця! Стань вамъ Христосъ Богъ на помочь, святыя ангали на радось, Бугуродзица на милось! Зародзёмши Господзи, сохрани Господзи отъ тучи и 'тъ граду, отъ буйныхъ вѣтровъ, отъ огняныя пожоги, отъ водзяныя потопы! Подай, Господзи, зъ грунту уроджай, зь неба поможенія, зь зямли благодаць, на цѣло ваша здоровья! Стань вамъ Христосъ Богъ на помочь и т. д. Вамъ на многія лѣта!.. *Старосельск. в.*

32. Объ урожаѣ.

Ящо молимся за вашу пашню святую, идзѣ вы сошкой закладаеця, бѣлой ручкой засѣваеця, Христа па помочь къ сабѣ упрошаеця. Закрый Господзи вашу пашню святую и отъ тучавъ и отъ градовъ, и отъ буйныхъ вѣтровъ, отъ строгихъ морозовъ, отъ водзяныя потопы, отъ огняныя пожоги. И спаси васъ Господзи, умножи вамъ Господзи, совяршай вамъ Господзи, приспоряй вамъ Господзи, приплоджай вамъ Господзи плоды зёмныя, уроджаю святого нябеснаго—на многая лѣта. *Святощица.*



НОВѢЙШІЕ СТИХИ.

1. Сиротинка.

Нещастная ў свѣти година настала,
Бѣдная сиротка отъ матки засталась.
Хоть другъ застаѐтца, ёнъ дружину найдя,
А бѣдная сиротка матушки не найдя.
Бо̀льшій останѐтца, ёнъ въ заслугу по̀йдя,
Которыя маленькія—пропали на вѣки.
Якъ пошла сиротка по свѣту блукати,
По свѣту блукати, матушки шукати.
Сустрѣвъ яѐ Господь Богъ: «куды йдѐшъ, сиротка?»
—Мамочки шукати!
—«Вярнися, сиротка, бо дале́ко за̀йдешъ,
А ты своѐ матари довѣку не зна̀йдешъ:
Уже твоя мати на високой горѣ,
На високой горѣ, у тёмномъ гробѣ!»
Якъ пошла сиротка надъ гробомъ рыдати,
Обозвалась яе ро̀дная мати:
—«Ой, хто ето плача надъ моимъ гробомъ?»
—Ето я, матушка: возьми мяне къ сабѣ!
—«Якъ жа мнѣ тябе къ сабѣ ўзяти?
Якъ тяжко-важко камянь узнимати,
Ще тяжчѣй-важчѣй тябе къ сабѣ ўзяти!
Могла бъ ты, сиротка, мачиху просити,
Штобъ табѣ головку помыти!»
—Празлая мачиха головки ня мыла,
Худыми словами здоровъя ўмяньшила.
—«Могла бъ ты, сиротка, мачиху просити,
Штобъ табѣ сорочку пошила!»
—Празлая мачиха сорочки ня шія,
Бѣдную сиротку на смерть сурочила!
Ссылая Господь да трохъ ангаловъ, зъ раю до зямли,
По тую душу̀, бѣдную сироту;
Ссылая Господь да трохъ пякелниковъ, съ пекла до зямли,
По тую душу̀, злую мачиху:
«Возьмитя вы мачиху стромко-висо́ко,
Да й укиньтя мачиху у пекло глыбо̀ко!
Ой плавай, мачиха, ще будешъ плавати,
Ня ўмѣла по правди сиротъ доглядати;
Отъ, табѣ, мачиха, у смолѣ кипѣти,
Што ня ўмѣла за сиротами глядѣти;
Отъ, табѣ, мачиха, за тое кара,
Што не по правди сиротъ доглядала!
Спочивай, сирота, ў неби со святыми,
А празлая мачиха ў пекли съ проклятыми...»

Гомель.

Поется нищими, какъ *обличеніе*, мачихамъ.

2. Горкій пъяница.

Якъ бывъ сабѣ чаловѣкъ убогій, горкій пъяница—горкій пъяница!
Ёнъ сядіть у вяликимъ доми, думы думая—думы думая.
Ёнъ думая, да ёнъ и гадая, што заўтра пропить—што заўтра пропить.
Якъ пришли къ яму отецъ-мати, стали павучать—стали навучать.
Яны стали яго павучати, што жаль дитяти—што жаль дитяти.
А ёнъ на ихъ узглядая, да якъ лютый змѣй—да якъ лютый змѣй:
«Отступітя, злыя, проклятыя—ня слухаю й васъ—ня слухаю й васъ!
Ёсть у мяне моѐ побратимы, ще й луччай за васъ—ще й луччай за васъ!»
Ой якъ пришли тыя побратимы, ўзяли за рабро—ўзяли за рабро;
Якъ узяли за бѣлое рабро, понясли й у вадъ—понясли й у вадъ.
Ёнъ у вади плача и рыдая, самъ сябе проклиная—самъ сябе проклиная:
«Бодай моѐ й косьти й мощи черви поѣли—черви поѣли,
Якъ я свойму й отцу й мати гордо й отказавъ—гордо й отказавъ,
Якъ я чаразъ свойго отца й мати у пекло попавъ—у пекло попавъ!»

Г. Бѣлица, могил. губ. Употребленіе такое же—для пьяницъ.

3. б, А што ў міри являетца усё беспотэшно,
Грашивъ чаловѣкъ на свѣти усё бесконешно,
Ни стараго, ни малаго нико' ня ўважавъ,
Ни старому, ни малому добрыдень не давъ,
Ни старому, ни малому шапочки не знявъ.
Ёнъ грѣшучи мысливъ сабѣ, што я яще младъ,
Покаюся прежда смерти, ня пойду я въ адъ.
Пришовъ къ яму̀ отецъ—мати, стали то наўчать,
А ёнъ отца не послухавъ, якъ звѣръ побяжавъ.
Забѣгъ жа ёнъ у корчму̀, [1]) хмѣлю закупивъ,—
Вумъ погубивъ, грашить мусивъ,—на сваръ, на блудъ, на разбойство лю-[дей пройзводивъ.
Сядіть нагій, бесъ поваги, щаты щатуя, [2])
А тутъ кажуть скоро ўмерти, да у пекли сѣсти.
Ёнъ у пекло скоро бяжить, хапивши смутку,
Кричить, вопить ёнъ у пекли, прdся ратунку:
«Ратуй, ратуй, отецъ—мати, свойго дитяти!»
Отвѣчають отецъ—мати свойму дитяти:
«Нехай тябе той ратуя, кого ты слухавъ!» [3])
Ёнъ ставъ свойго отца-мати больно проклинати: [4])

---

1) Вар. У корчемный домъ. 2) и у кулакъ трубя. 3) Оцецъ-мацп руцы трясуць, отрекаютца: провалися, пягидный сынъ, а у пекли на днѣ: А на то жъ ты, нягидный сынъ, на то не уповавъ, Ни стараго, ни малаго, никого не зважавъ. 4) Якъ ставъ жа той нягидный сынъ той часъ проклинаць: провалися часъ-годзина, якъ мацъ родзила.

Чаму мяне зъ маленькихъ лѣтъ не навучали!
Луччай было бъ косьти—мощи чарвямъ поѣсьти,
Нéчимся мнѣ при младыхъ лѣтъ да ў пекли сѣсьти;
У пекли сѣсьти—не разнесьти, во вѣки вяковъ.

С. Романовичи, гом. у.

4. Пъяница.

Устаньця вы, брація, послухайця, а што ў городзи у Ўрыми,
У Клименьція, попа рымськаго, написано — — — про пъяницу! (припѣвъ)
Устаньця вы, брація, послухайця — — — про пъяницу!
Пъяница пустодомникъ — — — пъяница!
Свойму двору не ходзяинъ — — — пъяница!
Жанѣ ня мужъ, дзѣцямъ не бацька, не кормициль — — — пъяница!
Коло церквы йдзéць — — — пъяница!
Шапки не снимаець — — — пъяница!
Хреста на сябе не накладаець — — — пъяница!
Про кого людзи судзюць и говорюць — — — про пъяницу!
А славенъ нашъ Богъ и т. д.

С. Святощица, гор. у.

5. Што я кому виноватъ,
За што загибаю,
Што й отъ злого чаловѣка
Спокою ня маю?
Не спросици, не ўмолици,
А не явне жици,—
Явне гонюць, явне бъюць,
Поткидаюць кици.
А Божа жъ мой милосэрный,
Печаль моя, ўцѣха,
Вызволь мяне, сироту,
Съ усякаго лиха.
Нехай лихо а не намъ,—
Нехай ўрагóмъ нашимъ.
Судзи, Божа, ўрагомъ нашимъ,
Нехай будуць знаци,
Што я живу потъ патрономъ (вѣр.
Божай благодаци. [покровомъ)

Тетер. в. мог. у.

6. Лаврія.

Прощай, мать святая лаврія,
Ще й Успенскій номастыръ,
Що йшовъ я къ табѣ изъ міру,
Думавъ я ў табѣ прожить.
И съ смиреніемъ глыбокимъ
Думавъ я ў табѣ служить.
Якъ ты, мать, мяне ўласкала,
И спокой во ўсёмъ дала,
Тогды серца моё спало
И душа во мнѣ твила.
Николй я не прадвидивъ,
Щобъ мнѣ Бога прогнявить:
Найшли ўраги ненавистны,—
Ня даюць спокою жить,

Злыя ўраги, гонитяли—
Ўси прогнали, и мяне
Моѣ ближнія, родныя
Зненавидили мяне;
Ой ишовъ съ святыхъ обитяль,
Самъ ня знаю я куды.
Прощай, мать святая лаврія,
Не достоинъ ў табѣ жить!
Праподобный вотча 'Нтоній,
Гдѣ молитвы обо мнѣ?
Ой я грѣшанъ, я й бязчѐсянъ—
Примитя мяне къ сабѣ,
Ваши божія молитвы
Поўсягды помогуть мнѣ.

Марковичск. вол. гом. у. Стихъ распространенный, хотя, очевидно, составляетъ позднѣйшее искаженное произведеніе какого-либо монастырскаго грамотѣя.

7. У храмъ иди, стромко стой,
На зямлю давай поклонъ:
Господи помилуй, Господи помилуй!
Ня ўнывай (2), душа моя,
Уповай, душа, на Господа!
Видишъ, Господи, печаль мою:
Супустатъ мяне убивая,
Да на зло мяне наставляя!
Кого, Господи, на помочь шлешъ,
Владыка нашъ:
Да ти ангала хранитяля,
Али, Господи, да самъ сойдѐшъ.—
Бы жъ я й овца заблудная,
Свойго стада оставшая!

Г. Бѣлица, мог. губ.

8. Приближаетца конецъ вѣку.
Придя часъ моёй смерти,
А дѣ мнѣ тамъ подѣтца?
Якъ я маю отвѣта дати,
Якъ придя часъ изъ мертвыхъ ўстати?
А хто жъ тогды заготуя,
Душу̀ мою поратуя?
Ня будя тамъ поратунку,
Кромя плачу, чи працунку (фрасунку).
И мы Богу сограшили
И покуты не здяржѝли.
Пойду ўпаду прадъ ногами
Къ Богу отцу со слязами:
Ўзмилуйся, Божа, надо мною,
Сограшивъ, вотча, прадъ тобою!
Ня ўпознаешъ, дѣ царъ, дѣ воинъ,—
Ровны ста̀номъ, якъ одинъ.
Народъ будя, яко вовцы,
На двѣ части раздѣлитца.
Тогды грѣшныя ў муку пойдуть,
А правядныя радость примуть.
Го̀ра страшно день той,
Якъ выходя съ тѣла духъ мой.
Тогды дрыжить тѣло моё,
А душа тратя добро своё.
Имъ жа слава и дяржава,
Отъ насъ будя честь и хвала!

Кр. Будская вол. гом. у.

9. Нема цяпериця во усёмъ свѣци правды,
Нема во ўсёмъ міру рады:
Оцецъ сына набранивъ,
А сынъ отца зневаживъ
—Празъ свою злосць.
Сусѣдъ съ сусѣдомъ не ў лагодзи живуць,
Одзинъ другому непріятъ готуюць.
Братъ на брата воюя, на здоровъя щатуя,
Кабѣ жа зрадзинь

Штобъ и яго уловиць и ў нещасьця
спровадзиць.
Зачимъ, чаловѣча, кàяты не маешъ,
На смерць на свою ня ўспомянтáешъ?
Якъ возьмуць на мáры, понясуць до
Гдзѣ твой привѣтъ? [ямы,—
А якъ придзя души мучйцися,
Молитвами тамъ ня 'тмолицися,
Не поможа тамъ оцецъ и ни маци
Ще й не братъ. [дзицяци,
А хто ў неби хоча чарствоваци,
Отца было поважаци,
А матаръ было шановаци
До вѣку.

М. Пропойскъ, могил. губ.

10. Ахъ ты смерць, моя смерць!
Ты по вулицы ходзила,
И къ воротамъ приходзила,
Ў вороцики постукала...
Ахъ смерць, моя смерць,
Не пора жъ мнѣ умерць:
Моé лѣты молодыя,
Моé дзѣтушки дробныя.
А смерць на то ня ўповая,
Да ще ближе подступая.
Смерць у сѣнцы уходзила,
И къ дверямъ приходзила.
Ахъ смерць, моя смерць
Не пора жъ мнѣ умерць и т. д.
А смерць на то ня уповая,
Да ще ближе подступая.
Смерць у хату уходзила,
Да и къ полу приходзила,
Ў бодры ноги подступила,
Бодры ноги подломила.
Ахъ смерць, моя смерць,
Не пора жъ мнѣ умерць и т. д.
У головку уступила,
Да головку поциская,
Ясны вочки зацямняя,
Ясны вочки зацямняя,
Бѣлы ручки сощапляя...
Ахъ смерць, моя смерць,
Ўжо жъ пора мнѣ умерць:
Моé лѣты минуютца,
Дробны дзѣци застáнутца...

Тамъ же. Нагробный.

11. Прошли многія лѣты,
Якъ вѣтяръ кругомъ свѣту,
Нибы мнѣ во снѣ здалося,
Якъ на свѣти прожилося.
А смерть моя за мною,
Страшнàя сама собою.
Тольки гнѣвомъ наповнéна,
Якъ ильвица раздражена.
О што жъ то за дорога,
Няприбрана, няготова?
Велять ступать души до Бога.
Ой што по той жа дорози,
Няльга пройтить душѝ нябози:
Оттуль страшуть,
Отсюль гонють,
И ўси наши дѣлы смотруть.
О смерть моя кохаиая,
Ты отъ Бога прислáная,
Сожди ты мнѣ часъ-годѝну,
Покуль збяру ўсю родѝну!
Смерть годину сождала,
Ўсю родину собрала,
Прощатися не дала.
Охъ, ты смерть моя дивная,
Што нямилосьливая:
Чаму ты мнѣ не звястила,
Якъ до мяне приходила?
—А я тябе извящала,

Час урэмя ожидала;
А ты ў гульни удавався,
А на смерть не сподявався;
И ў гульни и ў напитки,
А на смерть нѣту думки.
Часу было довольно,
Было ў свѣти жить спокойно!
Ахъ, смерть мяне обманула,
Да й косою сяканўла.
Я й старости ня дождався,
И на той свѣтъ ня прибрався!
Плача грѣшный чаловѣкъ,
Што короткій яго вѣкъ,
Горко плача и рыдая,
Што зъ грахами помирая:
Ой Божа жъ нашъ, Божа нашъ,
Возьми ты грахи отъ насъ!
Съ чимъ я къ Богу приявлюся,
Чимъ я Богу признадоблюся:
Ни кадиломъ, ни святиломъ—
Чимъ я Богу прислужуся?
Вы, ангали святыя,
Возьмитя грахи отъ мяне:
Няхай тѣло спочивая,
Душа ў неби радость мáя.
О Тройца праблагая,
Даруй лѣта многая.
Ўсяму міру ў свѣти жити,
Бога ў Тройцы восхвалити!...

С. Кошелево, рог. у. Г. Бѣлица. Сѣнненскій у. Гор. у. Надгробная.

12. Правда.

Правда, правда, ў свѣци
Правды ня ўзыскаци, правда ёсь,
Неправда—роднѣйшая маци.
Пошла у пустэльню, яко многострадна,
Ходзила ў рубилищи, яко вы одзежи.
Ци ўмерла ты, правда, ци ты заключона,
Часо радзи, правда, отъ насъ отдалёна?
Мы жъ были твое дзѣци, а цяперь сироцы,
Ня можамъ помощи ни ў жадной забоци.
Якъ жа вамъ, дзѣци, безъ мацяри жици,—
А ўсягды мы плачемъ, ня можамъ забыци.
Мѣли бы мы правду очими глядзѣци,
Орловыми крылами край-свѣта сыляцѣци.
Ко тому то свѣту конецъ приблизитца,
Современнымъ часомъ родна брата свойго беряжися.
На судахъ станупь, а правды ня мѣюць,
Хвальчивыми словами, якъ перлами сѣюць,
Бы судзюць суды за злато, за сребро,
А творяць слободы ли свое выгоды.
О дажъ намъ, царю, того намъ дождаци,
Заўсягды Бога любиць,
Смирно жиць, и правду
Ў свѣци судзержаци.

Пугляевск. в. гор. у.

13. б, Нема цяперъ правды во ўсёмъ свѣци,
Правда-неправда роднѣйшая маци.
Ой гдзѣ жъ ба намъ цяперъ да правду ўзыскаци:
Ци ты, правда, ўмёрла, ци ты заключона'

Што ты отъ насъ, правда, цяперъ отдалёна?
Якъ пошла правда милая ў рубищи,
Милая ў рубищи ў цёмную пустыню.
О кобъ жа я вѣдавъ, агдзѣ правда проживая,
Могъ ба я до яé орломъ крыльлямъ ляцѣци.
Якъ трудно дзѣткамъ безъ матки прожици,
Заўсегда усплачуць, ня могуць забыци,
Такъ трудно міру бесъ правды прожици,
У подобнымъ концы къ свѣту приближитца.
О, роднаго брата цяперъ сцеражися,
О, братъ брата цяперъ за няправду згубя,
Перадъ судомъ станя, няправду зговора.
А хто жъ тама станя правду говорици,
Заразъ тому скажуць отъ суда 'тступици.
А найбольшай того а на злото да смотруць,
А злотомъ да сребромъ вочи заслѣпляюць.
А не дай намъ Божа а того дождатца,
А судзи намъ Божа правду ў сэрцы судержаци.

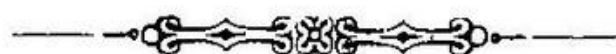
Павловск. в. мог. у.

Повидимому, оба варіанта—искаженіе одного и того же произведенія, которое, по заявленію пѣвца, теперь вышло изъ употребленія, но „старинные убогіе пѣли яго у нашей губэрни“.

14. Богачъ.

Ну, чаловѣча ты богатый,
Ну, ты думаешъ про богатство
И оставляешъ своё царство.
«Ну, я смерци не боюся,
Златомъ-сребромъ откуплюся,
За дубовый столъ саджуся,
Я госьцями й обсаджуся,
Чаю-кохвію напъюся!..»
А приходзиць смерць до хаты:
Ци тутъ живéць сей богатый?
Ну, ты живешъ у хороми,
А смерць стоиць у порози.
«Ну, ты смерци—моя маци,
Дай уремъя на годзину,
Покуль я збяру родзйну!»
Ну ще зъ родомъ ня видався,—
Душа съ цѣломъ расстрилася ..

Городец. в. гор. у.



СТАРООБРЯДЧЕСКІЕ.

1. Охъ, пріукрасная весна,
Сколь пріятна намъ была,—
Теперь тебе уже нѣтъ!
Всѣ цвяты твое повяли
И весёлости пропали—
Покрылся мракомъ свѣтъ!
Перестали пташки пѣть,
Въ садахъ древа зеленѣть,—
Зима холодна жмётъ.
Златая наша страна
Подѣвалася куда,
Што не извинишныхъ (?) вратъ.
Охъ ты, вѣтреной хвортунъ,
Сколько насъ жалко обманулъ,—
Теперь ужъ насъ тѣснятъ!
Мы не чаяли во вѣкъ,
Штопъ хто намъ щастія отсѣкъ,—
А вотъ теперь сякутъ.
Слышимъ вѣсточки плачевны,
Всѣмъ народамъ объявлённы,
И ко слезамъ влекутъ!
Нагло съ родомъ разлучаютъ,
Плакать сильно заставляютъ,
И ко слезамъ влекутъ!
Отцы съ матерьми родныя,
Сёстры зъ братьями 'тродные,
Престаньтя плакать вы!
И безъ васъ серце болитъ,
Знать судьба намъ такъ вялитъ,
Не можно премѣнитъ!
Мы идёмъ въ дальніи страны,
Гдѣ живётъ народъ поганый,—
Васъ будемъ защищать!
Наши жоны вслѣдъ идутъ,
Горько плачутъ, вопіютъ,
Съ любезными зъ дятьми!
Дѣтки наши маленькія,
Весьма онѣ глупенькія,—
Пришлось ихъ забывать...

Вѣтка.

2. Боже, пріидоша времена до насъ,
О нихъ пророкоша еще прежде насъ!
Пустыня была всѣмъ убѣжище,
Нынѣ уже тамо нѣсть прибѣжища:
Разлучаютъ насъ, разоряютъ насъ,—
Мы ради разлуки идёмъ за Кавкасъ,
Не противимся божіей воль,
Идёмъ во своя мы по неволи,
Оставляемъ храмъ пречудно созданъ,
Златомъ и сребромъ богато убранъ.
Мы Богу молитца и въ поли будемъ,
Про житьё своё ввѣкъ не забудемъ.
Пущай владѣютъ чужимъ насильно,
Скоро Судія воздастъ обильно,—
Ровенъ у няво и воинъ и царь,
Богату и нищу Судія единъ.
Иргизскія воды въ море утякли,
Яво жителей вонъ вытѣснили,
Поселили ихъ близъ Туретчины,
Имъ свобода тамъ уполнѣ дана.
Араратъ гора и Араксъ рѣка,
Въ сосѣдстви у ихъ послѣдни вѣка;

Касписко море ихъ омываить,
Песчаная степъ ихъ засыпаить,
Снѣговыя горы покрывають ихъ,
И рѣка Ефратъ недалеча ихъ.
Дождалися мы жестокой зимы,—
Выслали насъ всѣхъ безъ всякой вины.
И мы божьей власти повинуемся,
За обидящихъ Богу молимся.
Построимъ мы кущи вмѣсто свѣтлыхъ кельлій,
Мы будемъ въ молчаньи, вмѣсто громкихъ пѣній,
Поминать мы будемъ про житьё своё.
Жили мы въ лузѣ, при рѣкѣ Узѣ,
Но время быстрѣй сей нашей рѣки— оно унесло.
Цвѣла наша обитель болѣе ста лѣтъ,
Нынѣ опустѣла—уже ея нѣтъ.
У насъ звенѣлъ звонъ, аки гремѣлъ громъ,
Соборъ разныхъ птицъ сладко пѣсни пѣлъ,—
Теперь все замолкло и нѣтъ ничево:
Погибло, потлѣло, травой заросло;
Перестали пѣть весёлыя птицы.
«Улетайтя, птицы, зá море отъ насъ,
Скажитя за моремъ, што насъ здѣся нѣту,
Къ намъ не прилетайтя будущую весну,
Пущай воспѣваить здѣсь одна сова,
Летучія мыши, веребъёвъ стада.
Прохожій не можить безъ слёзъ проити,
Разсматривая разны предметы:
Никово не видать, нихто не стрѣчаить.
Онъ всё озираить, главою качаить.
Гдѣ праведный судъ? Яво не стало!
Какъ превратно время нынѣ настало!
Когда братія прощалась,
Тогда земля слезами наполнялась;
Другъ со другомъ обнимались
И о землю порывались;
На обитель умильно взирали,
Горькія слёзы проливали.
Пустыня цвѣла, всѣмъ весела,
Послѣди стала слезъ исполнена.
Когда братія разошлися,
Тогда всѣ птицы собралися;
Всѣ запѣли заунывно,
Когда братіи стало невидно.
Горе намъ! Увы намъ!
Боже нашъ, помилуй насъ!

Бѣлица. Гомель. Вѣтка.

На закрытіе Лаврентьевскаго монастыря, бывшаго на р. Узѣ. въ гом. у.

3. Уже пророчество совершися пророка Исаіи,
Пророкшаго о послѣднихъ лѣтахъ.
Востануть бо, рече, лѣта послѣднія,
И будуть человѣцы страхомъ божіимъ [гоними;
Востануть глади частіи,
Истина погибе, а лжа покрыетъ землю;
Знаменіе въ лунѣ и сонцѣ и во всей твари небеснѣй
Преобразуеть кончину человѣческому роду.
Тогда не почіеть духъ божій въ человѣцѣхъ,
Разумъ же въ нихъ не обрящется,
Видяще ўже конечное житіе.
О горе тогда будетъ всѣмъ человѣкамъ на земли:
Возмятутся и восколеблются, яко піяніи;
И востануть междоусобныя брани,
Проливающе крови неповинныя.
Бѣгати начнуть отъ поганыхъ,
И не имѣють гдѣ главы подклонити.
Видяще своé разореніе,

Потщимся убо вкупѣ и станемъ противу поганыхъ;
Горьцѣ возопіемъ кó Господу о своемъ разореніи:
Дай же намъ, Господи одолѣніѐ на [враги,
И помилуй насъ!

Вятка.

4. Боже Отче всемогущій,
Боже Сыне присносущный,
Боже Душе параклите,
Многозарный міру свѣте,
Въ тріехъ лицѣхъ пребывая,
Существо тожде зная!
Къ тебѣ грѣшной прибѣгаю,
Многи слезы проливаю,
Безмятежно въ тебѣ жити,
Богу живу послужити.
Сладкія чаши оставляю,
Только твоихъ водъ жалаю.
Я возмогу отъ тѣхъ пити,
Источники слезъ точити.
Благовóли мя пріяти,
Еже тебѣ работати.
Ты же, дебре и пустыня,
Пріими мя во густыню.
Донелѣже даси жити,
Хощу твой рабъ выну быти,
Богу живу помолитца,
Святымъ явó поклонитца. Аминь.

Тамъ же.

5. Къ водамъ Іорданскимъ
Господу пришедшу,
И Духу Святому
На него нашедшу,
Свыше гласъ глаголетъ:
Сей день изъявлéнный,—
Креститися хощетъ
Сынъ мой возлюблѐнный,
Крещеніемъ хощетъ
Землю просвѣтити!
Рече ему Іоанъ:
Не смѣю, Владыка,
Понеже тя знаю
Бога превялика.
Ты еси содѣлалъ
Знаменія многа,
Тебе вся трепещутъ,
Небеса и земля,
Весь родъ человѣческій
Отъ рода Адама.
Въ ней же и крестися
Богъ отъ Іоана.

Тамъ же. Поется 6 янв. Ср. Безсон. 4, **142**.

6. Здравъ буди,
О прекрасной сыне мой,
Сусе пресладкой!
Ты мой рай,
Рай, раю,
О любезной сыне!
Иже отъ небесъ пришедый,
И во моей утробѣ пребываяй.
Ты мой рай и т. д.

Salve, fili pulcherrime.
Salve, Jesu dulcissime,
Lili, lili, lili, lili,
O dilecte fili!

Qui de coelo descendisti,
In ventre meo mansisti,
Lili etc.

Адамли внуцы, ступайтя,
И младенца колыхайтя!
Ты мой рай,....
Съ небесъ аньгели грядитя,
Сонъ младенцу приняситя!
Ты мой рай.....
Спи, Сусе, благопріятно—
Ты мой рай,
Рай, раю,
О любезной сыне!
Небо—царской престолъ твой,
Обаче ты токмо сынъ мой!
Ты мой рай.....
Тя, хвалимаго звѣздами,
Своими кормихъ сосцами!
Ты мой рай,
Рай, раю,
О любезной сыне!

Adam nati, occurrite,
Omnes puello dicite:
Lili etc.

Vos, o angeli de coelo,
Somnum vocate puello!
Lili etc.

In coelis regnas, Deus,
Nunc factus es natus meus,
Lili etc.

Quem alta laudant sydera,
Te lactant mea ubera,
Lili, lili, lili, lili,
O dilecte fili!

Тамъ-же. Колыбельная пѣсня Пресвятой Богородицы. Поется матерями въ постъ, при убаюкиваніи ребенка. Мотивъ колыбельныхъ пѣсенъ. И при всемъ томъ, по утвержденію г. Безсонова, стихъ представляетъ, будто бы, переводъ съ латинскаго (Кал. перех. IV, стр. 95, 98). Предлагаемъ нѣсколько латинскихъ строфъ.

7. Се нынѣ радость, духовная сладость,
Веселятца небеса и радуетца земля,
Вкупѣ съ человѣки, со безплотныхъ лики.
Взыграй днесь, Адаме, и радуйся, Еве,
Со пророки ликовствуйтя,
Со святыми торжествуйтя,
Восходитя въ радость.
Днесь Христосъ отъ гроба, яко отъ чертога,
Воскрешаетъ въ радость вѣрныхъ,
Въ посрамленіе невѣрныхъ,
Намъ же празднолюбцамъ
Даётъ животъ лутчій.
Мы же восклицаемъ, славу возсылаемъ
Изъ гроба́ воскрешшему,
Насъ изъ тьмы изведшему
Въ радость непрестанну, во свѣтѣ изрядну.
Днесь всемірная радость, источникъ сладость,
Собираетъ вся языки, цари, князи и владыки,
Старцы со младенцы, и всякъ возрастъ вкупѣ;
Дѣвы и вдовицы со отроковицы,
Со свѣщами приступитя, яко цвѣтъ, дѣвство держитя,
Христу поклонитеся, красно веселитеся,
Радость возвѣститя, апостоламъ рцытя:
Днесть учитель нашъ воскресъ,
Насъ изъ тлѣнія вознесъ

Въ радость непрестанну, во свѣтъ невечерній.
Днесть на гробѣ аньгелъ женамъ возвѣщаеть:
Не печальтесь сей часъ, но тецытя днесь той часъ!
Видитя изъ гроба мертвеца воставша:
Бряцайтя въ кинвалы, играйтя въ тинпаны,
Во духовныя цавницы, съ Маріамъ вкупѣ дѣвицы;
Давидъ біётъ въ гусли съ веселымъ тріонфомъ.
Воскре́шшему Богу́ дадимъ славу многу,
Всемірному Богу. Аминь.

Тамъ же. Пасхальный. Ср. Безсон. 5, 11.

8. Во кинвалѣхъ во Давыдскихъ
Хвалу тебѣ воздающе,
Архангельску пѣснь поюще,
Воспѣваемъ, согласуемъ
Христово днесь Слово.
Со аньгелы днесь прославимъ,
Человѣчески восхвалимъ
Явленіе, рожденіе
Со неба, намъ треба,
Творца вышнихъ, дальнихъ процвѣтетъ
Крины польныхъ.
Въ Виѳліемѣ, знаемѣ,
Радуйся, красуйся,
Давыдъ, пророкъ богогласный,
Возсія тебѣ день ясный.
Вси взыграйтя, воспѣвайтя—
Приспѣло весе́ло.
Торжествуйтя, человѣцы,
Тякуть вамъ златыя вѐнцы.
Очевидно, незавидно,
Ликуйтя, пируйтя.
Для наставшей благодати,
Воздержатися играти,
Торжестве́нно и трезве́нно.
Обрѣте на свѣтѣ
Отецъ сына заблуждѐнна.
Печаль ему загражде́на,
Нынѣ, присно, независно
Симъ часомъ, симъ гласомъ,
Сладки музы вострубнитя,
Славу цареви дадитя!

Небо зритца, веселитца,
Буря море раздуваить,
Вѣтеръ волны подымаить,
Сверху небо почернѣло,
Кругомъ море потемнѣло;
Волны нынѣ бьють тревогу,
Нельзясмотрѣть другъ на дружку,
Настала перемѣна,
Вездѣ море, кругомъ бездна.
Грозить небо, шумить море
Пришла бездна, увы, горе—
Ужасный громъ устрашаить, страшаить.
Страшно молнія блистаить,
Несказанный свѣтъ пущаить,
Смерётная чаша вд день ходить,
Вси начальнички въ заботи,
А матросы вси въ работи:
Иной лѣзить снизу кверьху,
Другой лѣзить сверьху книзу,
Сверьху верьви поткрѣпляють.
Никому нѣтъ въ вѣтрѣ спуску,
А сухарикъ на закуску,
Вси полабы вѐды полны,
Не знать земли ниоткуда.
Тольки видна бездна Шпонтомъ,

Гдѣ сышлася съ призонтомъ.
Спѣшать небо и серца.
Вся надежда безполезна.

Въ рѣкахъ рыбы, въ моряхъ киты,
Въ лѣсахъ звѣри, а въ келіяхъ
дѣвы.

Тамъ же. Страннымъ образомъ духовный стихъ соединенъ съ матросской пѣсней. Поется въ Рождество и въ постъ, и можетъ быть представляетъ стихъ сектантовъ—кружальниковъ, пляшущихъ подъ его плясовой мотивъ, который мы назвали бы бѣшенымъ. У Безсон. (4, 61) вторая часть опущена и отнесена къ „душеполезнымъ стихамъ", но конецъ распространенъ. Стихи въ Вѣткѣ записаны нами отъ уставщика моленной Ѳомы Марковича Зеленкова. Тамъ же записаны и №№ 10, 20 и 21 сб. Мусатова.

Кромѣ стиховъ, помѣщенныхъ въ этомъ выпускѣ, въ Бѣлоруссіи имѣютъ распространеніе искуственные вирши религіознаго характера, по всей вѣроятности сохранившіеся отъ временъ уніи, также переложенія псалмовъ, духовныя стихотворенія св. Димитрія Ростовскаго и стихи, переведенные съ польскаго. Въ могилевской и части витебской губ. мнѣ удалось собрать ихъ болѣе 50 №№. Будучи чужды народу по языку—крайне тяжелому и испещренному славянизмами и полонизмами,—по складу и по содержанію, произведенія эти подверглись весьма значительнымъ искаженіямъ, часто лишающимъ ихъ смысла.

Помѣщеніе ихъ, въ такомъ искаженномъ видѣ, въ Сборникѣ, было бы, по моему крайнему разумѣнію, безцѣльно и составляло бы ненужный балластъ, котораго я всячески стараюсь избѣгать,—тѣмъ болѣе, что они въ такомъ видѣ напечатаны у Варенцова стр. 203—207, Шейна № 105, 729—752; Демб. 1—3, 7, 13; Безсонова, IV: 13, 20, 21—26, 51, 74, 108—110, 157—158, 164, 176; V: 42, 43, 66—73. Первообразы же ихъ желающіе могутъ найти въ „Богогласникѣ" К. 1885, стр. 11, 21, 22, 26, 29, 39, 62, 65, 67, 77, 87, 89, 103, 104, 106, 109, 114, и др.; въ „Духовн. Псальм." Мусатова, К, 1882, стр. 1, 7, 12, 20, 45, 56 и др.; въ „Пѣснопѣніяхъ христіанина," К. 1882, стр. 40, и т. п. изданіяхъ. Впрочемъ, при удобномъ случаѣ, я можетъ быть проведу параллель между виршами XVIII в., по имѣющимся у меня рукописнымъ сборникамъ ихъ, и распѣваемыми въ настоящее время.

Списокъ лучшихъ старцовъ и лицъ, записавшихъ отъ нихъ духовные стихи для настоящаго выпуска.

Могилевская губернія.

Гомельскій уѣздъ.

Д. Улуковье: Евфимъ Марковъ, запис. въ моемъ присут. вол. пис. Савельевъ.

м. Вѣтка: Ѳома Зеленковъ, л. 60, уставщикъ старообр. моленной.

с. Романовичи: Миронъ Миколайченокъ, 47 л. запис. въ м. присут. пис. Филимоновъ.

г. Бѣлица: мѣщ. Сороколѣтова, 70 л. зап. П. Романовъ.

с. Черетянка: Лука Бѣляевъ, 59 л. зап. пис. Ѳедорцовъ.

д. Поповка: Никиф. Соловьевъ, зап. уч. Матарашевъ.

д. Веселовка, Вас. Степановъ, 40 л.

д. Жеробное: мѣстная «плетенка».

Ст. Юрковичи: Улита Васильева, 24 л., зап. Буднецкій.

д. Ивановка: Матв. Гончаровъ, 27 л. запис. Будн.

Рогачевскій уѣздъ.

М. Городецъ: Адамъ Ѳедоровъ, см. вып. III, 441.

д. Заборье кормян. вол.

с. Кошелево: Игн. Емельяновъ.

с. Нисимковичи: Домна Бракарова, 65 л.

Быховскій уѣздъ.

Пропойск. вол. запис. вол. пис. Альбицкій.

с. Чигиринка: Ѳедоръ Леоновъ.

Чериковскій уѣздъ.

С. Мхиничи: Степанъ Сусоевъ, 27 л.

д. Боглаи: Кирей Семеновъ, 70 л.

с. Лобановка: Олимпіада Давыдова, 30 л. (и знахарка.)

Могилевскій уѣздъ.

М. Шкловъ: Вася Федорова, 80 л. запис. Будн. Степанъ Наливай 42 л.

Полыков. вол.: Анна Дорофеева, 83 л.

с. Нѣжково:

Княжиц. вол. д. Заборье: Иванъ Агеевъ, 51 г.

д. Прокшиничи: Андрей Ильинъ, зап. Будн.

д. Лубнище: Юлька Васильева.

Павловичск. в. Корней Осиповъ.

Тетерин. в. д. Бовсевичи: Ил. Афан.

д. Храпки: Иванъ Даниловъ.

Чаусскій уѣздъ.

С. Гладково: Конст. Васил. зап. Будн.

Городецк. вол: мѣстная богадѣльня.

д. Чернорѣчка, рясн. вол: Сам. Лавреновъ. Зап. Аникіевичъ.

Горецкій уѣздъ.

С. Святощица: Герас. Моисеевъ 37 л.

Пугл. в. д. Гарды: Ив. Филип. 60 л. зап. Будн.

с. Любиничи.

м. Дубровна: Евфимъ Мининъ, 40 л.

Городищ. в. д. Караси: Тим. Евфимовъ, 43 л. зап. Будн.

с. Любижъ: Синклита Васильева, 24 л.

Сѣнненскій уѣздъ.

С. Лисичино.

д. Бутримово, остр. в. зап. Колотовкинъ.

с. Гили.

Оршанскій уѣздъ.

С. Рудня.

Мстиславльскій уѣздъ.

С. Старое: Гаврила Игнатовъ, 60 л.

д. Щемяничи, каз. сл. в.: Дем. Григор. 60 л.

д. Порадино: Прасков. Евфимова, 45 л.

д. Пересидѣнье, осл. в: Лука Никиф. 50 л.

д. Пнево, соинск. в: Марфа Царфенова, 65 л. мастерица.

Климовицкій уѣздъ.

С. Надѣйковичи: Кондр. Дмитріевъ, 65 л.

с. Хотовѣжъ: Род. Хрисанфовъ, 48 л. мастеръ.

м. Забѣлышинъ: Ант. Васильевъ, 35 л.

Бѣлынков. в.: Автон. Ивановъ, 40 л.

д. Ганновка, березк. в: Астапъ Даниловъ, 60 лѣтъ.

Витебская губернія.

Г. Витебскъ: свящ. о. Николай Заблоцкій, запис. вирши XVII—XVIII в.

с. Королево: тѣ же вирши и нар. молитвы запис. въ стан. квартирѣ. Крест. Иванъ Кочеринъ.

г. Суражъ: пѣснoп. изъ верт. доставила О. Сивицкая.

Городокскаго уѣзда.

Козьянск. в. дер. Волотовки: Василій Денисенокъ, 57 л. прекр. запис. по моимъ указ. нар. учит. П. Василёвъ.

Мишневичская вол.

Дубокр. в. д. Пахлово: Хаврон. Григорьева, 47 л. запис. нар. учит. Филипповъ.

Велижскій уѣздъ.

с. Будница: Настасья Логова, прекр. запис. Филипповъ и свящ. о. Михаилъ Пясковскій.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ не указаны имена записывателей, записи сдѣланы собирателемъ. Всѣ же вообще записи сдѣланы въ Могилевск. губ. *въ присутствіи собирателя*, и въ Витебской, по его указаніямъ, лицами ему извѣстными.

Кругъ пѣнія старцами духовныхъ стиховъ.

Недѣля о блудномъ сынѣ: * О горе мнѣ грѣшнику сущу, Богогл. 114.
Сонце закатилось счастья моего—рукоп. Кр. Буда.
Недѣля о страшномъ судѣ: Коли жъ ба я знавъ свой послѣдній день, стр. 388.
(Онъ же и жалобный—надпокойпичный +).
Плачемся, узрыдаемся (+ и 8 ноября) 389.
* Приде часъ, гды Господь (+) Шейнъ № 738. Безсон. V, 108.
* Плачи душе и рыдай горѣ (+).
Якъ придя послѣдній часъ уремя (+и 8 ноября) 390.
Якъ придзя уремя намъ припослѣднее, 391, 392, 396.
Пробудись отъ сна невѣста—Мусат. 7.
Мы живали-бували рабы грѣшильныи. 397.
Великопостные: Θедору Церину, 317.
Цару Христе Боже милый, Богогл. 39.
Ісусе мой прелюбезный—Б. Сб. II.
Ісусе мой, пренаслодшій—рукоп. Дубровна.
Отъ Господа Бога повялѣньня (+) 399.
Посяродъ поля стоиць школа. 404.
На крестнымъ древи ёнъ распятый. Богогл. 67.
Родъ еврейскій затвороный, Демб. 7.
Вспомни, грѣшникъ, ты внемли (+и въ филип. постъ) Рук. Гом.
А ў городи Русалими стоить костелъ мурованый (+) 401.
На купарисnымъ древи Суса Христа распинали (+) 401.
Якъ изъ рая да ўсё ў рай ўсё Ирдань рѣка цячець (+) 384.
Знавъ ба я да вѣдавъ человѣча про свое житье (+и въ друг. посты) 402.
Ходила, гуляла Дѣва пресвятая, 406.
Ой ядыный лукавый бывъ Іюда, 402.
Плачъ Іосифа (обѣ наши версіи) 377—378.
У нядзѣлю рано-раненько, 405.
А у нядзѣльку ранешанько, 401.
Съ подъ пятницы до суботы жиды Христа распинали, 404.
На славнымъ мѣсьци, на базари, 403.
Мартъ 17: Алексѣю человѣку божію, 357—364.
25: * Днесь придетъ всему міру радость, Безс. 4, 13.

* Стихи, означенные звѣздочкою *, находятся въ имѣющемся у собирателя рукописномъ сборникѣ ихъ XVIII в.

Лазарева суббота: О богатомъ и Лазарѣ (по созвучію) 341—353. И въ
Апрѣль. Вяликоднію: * Весело кликнимо, воскресшаго хвалимо. [фил п.
23. Ягорію: Днесь придитя уселен. концы, рук. Городецъ р. Безс. 3, 744.
и три мисическіе, стр. 302—316. Вып. II.
Май. 2. Борису и Глѣбу, 337.
9. Николаю: Православный чудодзѣя. Рук. Городецъ р. у.
* А хто, хто Миколая любиць. Богогл. 104.
* Дивный въ дѣлѣхъ святитель великій. Богол. 106.
Большаго нѣту на землѣ трону. Рук. Дубровна.
Хто хочець мѣць сабѣ за патрона. Ш. 745.
Вознесенію: Расплачетца мать сырая земля, 381.
Также и Преображенію.
Кануну было Вознясенія, 382—383.
Троицѣ: Источникъ духовный, Бог. 62.
Духу: * Вси тя хоры, ангелъ дворы.
Іюнь. 12. Онопрей: * Иже преподобный и преблаженный, Безсоп. 3, 779.
Десятой пятницѣ, дзесятуси: Двѣнадцать пятницъ, 266—269.
29. Петру и Павлу. У нядзѣльку рано-раненько, 405.
Также: Привукр. сонца зъ раю выходило, 378, и
Создавъ Богъ Адама, сотворивъ руцама, 380.
Іюль. 8. Казанской ик. Б. М. Дѣва мати пресвятая, Рук. Городецъ, р. у.
* Честь твоей иконѣ отдаймо въ поклонѣ.
Августъ. 2. * Степану: Страданія муч. Стефана прославляймо. И 27 дек.
15. Успенію: * Пречистая Дѣва, мати русскаго краю.
А взойшла вячерняя заря надъ Почаев. стала. Рук. Гор. у. Безс. 3, 680.
Сентябрь. 8. Прачистая Дѣва, мати зъ райскаго краю. Рук. Городецъ, р. у.
15. Микиту, 329.
26. Али Яна Богослова. Чуб. 1, 178. И 20 іюля, Ильѣ.
Октябрь. 1. Склоницеся вѣки и ўси человѣки. Чуб. 164.
Богомъ избранная Дѣво мати, Рук. Кр. Буда, гом. у.
Матеръ Божія святая ня мѣй на насъ гнѣву. Рук. Молостовка, чер. у.
26. Димитрію 321—326.
Ноябрь. 8. Михаилу. * Молимцися згодне.
А ще сонца не заходя Вар. 248.
Якъ живъ сабѣ, проживавъ человѣкъ у свѣти, 394.
Коли придя уремъя послѣднее, 396.
Узыйшовъ Михаилъ на Сіянскую гору (+) 386.
Также: Плачемся мы, узрыдаемся, 389, и Якъ придя посл. часъ.
13. Ивану Златовусу * Златокованную трубу восхвалимъ, Безс. 3, 772.
19. Іосафу—царевичу, 371—374.

Также: А царъ царство спокидая, Демб. 6.

А съ пустыни старецъ въ царскій домъ приходя Мус. 56.

Декабрь. 4. Варварѣ. Ижа ў благодаци мучаницамъ маци, Чуб. 1, 181.

25. Предвѣчный Богъ рождествомъ родився. рук. Городецъ р. у.

* Даръ днесь пребогатый.

* Видѣ Богъ, видѣ Творецъ, Безсон. 4, 106.

Январь 1. Василію * Изліяся благодать во устахъ твоихъ, Безсон. 3, 874.

Февраль. 6 Дорота (и въ холерныя эпидеміи) 336.

По средамъ и пятницамъ всего года: Труждэникъ, 406—408.

Жалобные—надпокойничные: Привукрасное сонца зъ раю выходило, 378.

(также въ петр. и филип. посты)

Привукрасное сонца съ подъ раю сходзило, 379.

Довго живешъ чаловѣча, 409.

Создавъ Богъ Адама, сотворивъ руцама. 380.

Ой расплакався Адамъ, 380.

Ишло прошло три царнушацки, 404.

Ай дорогой ай широкою, 405.

* Человѣче бѣдный, спомни часъ послѣдній (изъ вертепа).

Ахъ самъ жа я не знаю, якъ на свѣци жиць, Вар. 206.

Да востужитца цѣло, 405.

Ахъ смерць моя, 435.

Ночь надъ другомъ я сидѣвъ, Мус. 20.

Дни плачевны провождай. Рук. Перерость.

Вылетала душа съ цѣла, 399.

Безъ опредѣленныхъ сроковъ: Голубиная книга. 287—298.

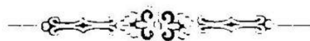
Сонъ Богородицы 245—255 (базарные).

Важнѣйшія опечатки.

Стран.	Строка свер.	Строка спиз.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
VII	12	—	усаживавъ	усаживалъ
3	—	6	прачистистой	Прачистой
—	—	12	прасоваго	красоваго
5	12	—	ходятъ	ходять
9	2	—	которыхъ	которымъ
—	—	6	уродимца	уродимца
11	17	—	пучовъ	пучокъ
—	—	5	Заговоръ (№ 3)	Заговоръ
13	—	3	спрозьщельный	скрозьщельный
—	—	—	спрозьплотный	скрозьплотный
16	—	9	у мѣсячки	у мѣсячка
17	—	11	и ириговорныя	и приговорныя
18	1	—	сабе	сябе
—	—	6	бога	Бога
19	6	—	запрый	закрый
—	10	—	лукоморъ и	лукоморъи
—	14	—	бугуродица	Бугуродица
20	—	11	шаночкой	шапочкой
—	—	3	Исусъ Хри-	Исусъ
21	11	—	на момочь	на помочь
22	—	12	завидутя	завидуя
23	—	4	пригоду	пригаду
24	4	—	момочь	помочь
—	16	—	Боду	Богу
27	2	—	момочь	помочь
—	—	6	на восливу	на вослику
31	10	—	У кіями	У кіяни
—	—	6	дзявецкія	дзявоцкія
32	—	1	сокотерики	сокотушки
33	—	11	кадунъ	кадукъ
34	2	—	на‘зпраючись	ня‘зираючись
—	18	—	высылая	высылаю
—	—	6	сцяница	сцяница
—	—	5	есуши	ссуши
—	—	1	овсѣщается	освѣщаетца
35	—	4	момочь	помочь
37	8	—	момоччу	помоччу
—	—	14	Ганы	Гапы
—	—	12	свиначчая	свинячая
—	—	7	воговарую	выговарую
39	3	—	выбырайця	выбирайця
—	7	—	вѣдомо	вѣдома
—	—	13	гортами	гортани
40	—	5	общищаешъ	обчищаешъ
41	7	—	ня йдзица	ня йдзиця
42	—	10	усякоя	усякія
42	—	8	обгороджуюсь	обгораджуюсь
43	15	—	Панцецелимоне	Панцелимоне
—	—	2	тынама	тынами
44	9	—	кямянемъ	камянемъ
—	10	—	здѣздами	звѣздами
—	—	1	обогрююся	обогрѣюся
45	6	—	сулимать	сунимать
46	—	16	шасти крылятаго	шастикрылатаго
—	—	6	годовымй	годовымъ
47	12	—	мяпы	ляпы
—	—	18	Миколо	Микола
47	—	16	зямныхъ	зялёныхъ
—	—	6	запасця	запасуя
—	—	3	буралешнаго	бураломнаго
—	—	2	съ ключикъ	и ключикъ
48	3	—	рабь	рабъ
—	11	—	породзило	породзила
—	14	—	торки	жарки
51	13	—	найпресвятлѣйшаго	найпресвятлѣйшаю
53	18	—	Серáда	Серадà
54	3	—	молоденяць	молоденяцъ
—	17	—	поравести	паравести
—	—	10	парою	порою
—	—	6	ляжи	ляжа
55	17	—	трогается	трогаетца
56	14	—	до поможи	допоможи
—	—	12	хтролà	стралà
57	—	6	богъ	Богъ
58	16	—	настану	на стану
59	10	—	аблочкомъ	яблочкомъ
60	—	1	гом. у.	мог. у
62	4	—	отвадзила	отводзйла
—	11	—	задуваць	задаваць
—	16	—	довала	давала
—	18	—	подвязашъ	подвяжашъ
63	—	2	никукъ	ни пукъ
64	11	—	гэтымъ	гэтыхъ
—	17	—	Тріярушица	Тріярушница
75	12	—	суцъ	сукъ
78	9	—	копыть	копытъ
81	—	17	царь	царъ
82	1	—	земянъ	зéлянъ
—	—	6	дастрашнаго	до страшнаго
84	14	—	зозьмитя	возьмитя
—	14	16	необходимо снять ударенія	
87	7	—	см. №	см. № 39
—	—	13	земяного	зеляно́го

90	—	8	табе	табѣ
—	—	5	тябѣ	тябе
91	—	9	Прѐсвятая	Пресвятая
92	11	—	прасованьня	красованьня
93	5	—	116	216
—	8	—	свинькѣ	свиньнѣ
—	12	—	зямная	зяленая
—	—	13	скарцерцяхъ	скацерцяхъ
—	—	5	тридзевяцъ	тридзевяць
94	8	—	узнимаетця	узнимаетца
—	9	—	заря	зара
—	—	8	тучи не дадовацъ	туги не додавацъ
95	7	—	а третьція;	а третьція:
—	8	—	Балашихи	Башихи
—	—	14	мочиня	мочи ня
96	—	11	волосница	волосница
97	1	—	№ 80)	№ 80, стран. 25)
—	—	10	Валивацъ	Выливацъ
98	11	—	цябѣ	цябе
—	16	—	стой	етой
—	17	—	суколѣкъ	суколѣнъ
99	—	—	па дорожкахъ	на дорожкахъ
—	—	—	цябяняймѐцъ	цябеняймѐць
—	—	9	призываешъ	призываемъ
—	—	4	зъемъ	зъѣмъ
100	12	—	Сакостей	Савостей
—	—	13	74	77
101	7	—	йдзецё	йдвецё
—	—	15	Яшпецкаго	Ягипецкаго
—	—	14-13	Яшнецкаго	Ягипецкаго
—	—	8	цадписи	надписи
—	—	6	бросяется	бросается
102	—	11	Первыя	Первая
103	9	—	яна	яно
104	4	—	шырыя	шѣрыя
—	—	14	бязбиродзенькій	бязбородзенькій
—	—	13	цяпелка,	цяпелца
—	—	10	хукнемъ	хукнешъ
—	—	8	Заря	Зара
—	—	6	цихудобини	ци худобини
—	—	5	у тей	у тэй
—	—	2	зъ горючія	зъ горучія
106	12	—	усякяго	усякаго
—	16	—	полынемъ	полымемъ
—	—	14	натки	натни
—	—	1	дзѣвяцъ	дзевяцъ
107	—	7	цирица	царица
109	2	—	нашлецъ	нашлець
—	—	15	увилёвое	цвилёвое
—	—	10	вѐзьмецъ	вóзьмецъ
110	—	8	Ни мори	На мори
111	11	—	стоицъ	стоить
—	17	—	тябѣ	тябе
—	—	10	На морн	На мори
112	17	—	гадыпи	гадыни
114	5	—	Не уговаришъ	Не ўговорюшъ
—	—	3	Махаила	Михаила
115	18	—	бировая	боровая
—	—	15	увилёвыя	цвилёвая
—	—	11	Ня ўцѣліемъ	На ўцѣліешъ
116	—	3	зельзя	зельля
117	12	—	зеля	зельля
—	—	16	И момолимся	И помолимся
118	5	—	выползай	выповзай
—	—	13	драбрыми	дробными
—	—	2	закланайця	заклинайця
119	11	—	прябъѣецъ	прабъѣць
120	—	16	Адаренудиню	Адаренадин
—	—	9	И купъ	Икупъ

Кромѣ того, въ первыхъ листахъ, печатавшихся въ мое отсутствіе, по недосмотру, имена Мати Божія, Пречистая и т. п. напечатаны кое-гдѣ съ строчной буквы.



БѢЛОРУССКІЙ СБОРНИКЪ,

издаваемый Е. Р. Романовымъ.

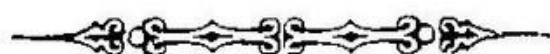
Вып. 1 и 2. *Пѣсни* (1210 №№), *пословицы* (757) и *загадки* (451), цѣна 2 р.

« 3. *Сказки*: жив. эпоса (27), миѳич. (95), бытовыя (29). Росказни и т. п. мелочи (41), ц. 2 р.

« 4. *Сказки* космогоническія и культурныя (170), ц. 1 р.

« 5. *Заговоры* (824 №№), *апокрифы*, *духовные стихи* и *молитвы*, цѣна 2 руб.

Продаются у издателя, **въ Витебскѣ**; у Стасюлевича, Глазунова, Суворина, Панафидина—**въ Петербургѣ**; у Тихомировой, Глазунова, Суворина, Думнова и Вольфа—**въ Москвѣ**; у Оглоблина и Розова—**въ Кіевѣ**.



Дозволено цензурою 22 Марта 1891 г. Вильна.

YALE UNIVERSITY LIBRARY
3 9002 10279 6654